

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929333 6

Allen

13E7

*QCA

Call

13E

Callan

13E7

*QCA

De la...

INDEXED

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τὸ ἀσχυρὸν, τοὺς γέροντας μὴ δύνασθαι παρὰ
ἀποῦ τῶν ἀρετῶν μὴτε γυμνᾶν μὴτε ποιῆσαι; Ὁμοί-
ω δ' ἔγωγε καὶ τῶν δόξων τῶν προσηγορικῶν ἀποφασίζω
ἐν τοῖς ἐπιγυμνοῦσιν οὐχ ὁρατῶν καὶ ἀποφασίζω καὶ
τὰ ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

81

ТОМЪ ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЕ.

1847.

334551

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по означеніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое число экземпляровъ. Санктпетербурга, 4 марта, 1847.

Ценсоръ А. Никитенко.
Ценсоръ Н. Ивановскій.

ОПЛАВЛЕНІЕ

ОСЕМДЕСЯТЬ-ПЕРВАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Потопъ. <i>Д. Минаева</i>	5.
Я вновь полна чудесныхъ звуковъ. <i>Ю. Жадоской</i>	33.
Сила звуковъ. <i>Ее же</i>	—
Облака. <i>Ее же</i>	34.
Прощай. <i>Ее же</i>	—
Грусть дѣвцы. <i>Д. Ястребова</i>	35.
Вдохновеніе. <i>Его же</i>	—

ПРОЗА.

Счастье лучше богатства. Рукѣписъ найденная и изданная <i>Ф. В. Булгаринимъ и Н. А. Полевимъ</i>	1.
Москва и Москвичи. <i>М. Заоскина</i>	37.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

оръ Фіорамоска или Барлеттскій поединокъ. Романъ Машимо д'Азеліо. Часть третья	4.
рія бѣдныхъ родственниковъ. Романъ де-Бальзака.	
Часть вторая	—
Часть третья.	—

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

описанія о Кавказѣ 1837 года. Статья вторая и послѣдняя. Н. М.	4.
иская вѣра. Н. Шукина	23. (+
ика. Историческій очеркъ отношеній ея къ Сѣверной-Америкѣ и къ Европѣ. Статья Фелкса Клавѣ . . .	41.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ковенной промышленности въ Россіи. Г. Н—на	4.
говлѣ лѣснымъ товаромъ. Его же	33.

V.

КРИТИКА.

о собраніе сочиненій И. Крылова	Digitized by Google 4.
---	------------------------

Самодѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. Владимира Иславина	21.
---	-----

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Февраль, 1847. Новые книги	1.
— — Разныя извѣстія	23.
Мартъ, 1847. Новые книги	25.
— — Новые брошюры	44.

VII.

СМѢСЬ.

ФЕВРАЛЬ.

Чарльзъ Диккенсъ. Статья Ипполита Кастилья	1.
Арабскій праздникъ. Анссауа. Статья Ноэля Парфё	9.
Увръръ въ тюрьмѣ неоплатныхъ должниковъ. Статья Мерля	20.
Школьникъ у Талмы	26.
Французскій театръ въ Парижѣ	37.
Музыкальныя новости.	38.
Новыя французскія книги	53.
Новыя музыкальныя сочиненія	56.
Моды	60.

МАРТЪ.

Логическій выводъ	61.
Московскія гостиницы	64.
Андрей Евстаѣевичъ Дыбковъ	65.
Москва-Рѣка	72.
Бабій-Городокъ	75.
Два слова о нашей древней и современной одеждѣ	76.
Авангардъ Христофора Колумба. Статья Мишеля Шевалье	80.
Сицилійскія вечера	89.
Рудольфъ Тѣнферъ. Статья Альберта Оббра	94.
Виченца. Разсказъ Гектора Берлюза	105.
Парижанка. Разсказъ Александра Вейля	108.
Разводъ надъ облаками. Разсказъ господина Мері	112.
Французскій театръ въ Парижѣ	129.

Музыкальныя новости	134.
Новыя французскія книги	158.
Новыя музыкальныя сочиненія	160.
Моды	163.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Милитона. Романъ Теодора Готіе	1.
Мартинъ-Найденышъ или Записки камердинера. Романъ Ев- генія Сю. Часть четвертая	57.
— Тоже часть пятая.	85.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОТОМЪ.

(ПОСВЯЩЕНО ЕЛИЗАВЕТЪ ПЕТРОВЪ ИЩЕРИНОВОЙ.)

Земля улыбкой расцвѣтала
Еще казалась садомъ рай,
И день прекрасный сохранилъ
Тотъ блескъ, который онъ впервые
Осыпалъ своды голубые,
И долъ земной раззолотилъ.

Еще природу сохранилъ
Творца правительная сила,

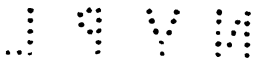
Предначертанія узоръ
 Подъ тѣми жъ формами чертился;
 Хребеть у свѣковавшихъ горъ
 Еще нигдѣ не раздробился;
 Всё такъ же круты и чисты
 Выходили къ небу высоты.

Султаны пальмъ, листы банановъ,
 Густые зонтики нештофовъ
 Съ плодами сладкими какъ мёдъ,
 Привѣтливъ въ гротъ къ себѣ маньян,
 И тѣни трепетной намётъ
 Въ луга цвѣтистые клонили.

И рѣкъ широкое русло,
 Еще не скрытое въ пороги,
 Катило мирно и свѣтло
 Свои бѣгучія дороги;
 Тогда бы путникъ не съискалъ
 Въ вѣтвяхъ гардели душистой:
 Съ эмалью радужно-лучистой
 Изъ моря вырванный кораллъ.

И подъ дворцомъ своимъ хрустальнымъ,
 На ложѣ чисто-идеальномъ,
 У океана въ тайникахъ,
 Родился жемчугъ на пескахъ,
 У перламутра въ колыбелѣ,
 И росъ, какъ скрытый думы цвѣтъ.

Тогда грозы земля не смѣла
 Четырехъ-гранный элементъ
 Сбивать рукою своевольной
 И храмъ земли первопрестольной
 Хранилъ Предвѣчнаго завѣтъ.

Тогда весь міръ былъ такъ безгрѣшенъ,
 Какъ раннихъ отпрысковъ побѣгъ:
 Одинъ лишь въ злобѣ не угрѣшенъ,
 Ронталъ ужасный человекъ!

* * *

Давно всѣ нація созрѣли,
 И развращалась племена
 Въ волиѣ пороковъ постарѣли:
 Они ужъ знали писмена
 Той иррачной гибельной науки,
 Гдѣ нанечатанъ ядъ грѣховъ;
 И для людей, людскія жъ руки
 Бездушныхъ дѣлали боговъ.

Тогда на тровахъ безъ желаній
 Сидѣли иррачные цари,
 И рабъ, вставая до зари,
 Не зналъ ужъ свѣтлыхъ упованій.

Ужъ тридцать религій имѣли пророковъ,
 Страдальцы имѣли свои алтари,
 И громы сраженій и мирты побѣды,
 И стоишь пораженій народъ испыталъ;
 Надъ нимъ ужъ прочтались невѣдѣнья годы,
 И вѣкъ позлащенный забвенья минулъ!
 Здѣсь каждая каста, кружась въ предрасудахъ,
 Безрадостно мѣла минувшую жизнь:

Слѣды своихъ славныхъ событій!

Въ народную душу смерть жалонъ вилась,
 И... страшно смотрѣлась сквозь мертвыя очи:
 Ступилъ за природу свою человекъ,
 И былъ онъ ужасенъ за этой чертою!

Другіе искали забвенья воды;
 И въ нектарѣ пили всё слезы-бѣды!

И часто плодъ кровосмѣшенья

Подъ грѣшнымъ сердцемъ трепетая,
 И... видѣлъ свѣтъ Божій возмущеннй:
 Кто звуковъ Своихъ рождалъ.

Порокъ ужъ не скрывали ячи:
 Онъ явно росъ до облаковъ
 И оскорбленный Саваоѣ
 Отвелъ отъ міра свои очи:
 Проклятье пало надъ Землей!

Къ святымъ вершинамъ Арарата,
 На неприступныя мѣста,
 Знакомой тропкой вдоль раската,
 Выходила юная чета:
 Пастухъ съ дѣвницей молодою —
 Питомцы бархатныхъ луговъ,
 Они, вдали отъ городовъ,
 Не межъ развратною толпою
 Взросли подъ тѣнью шалашей;
 Языкъ ихъ сердцу былъ понятенъ,
 И мысль чиста, и какъ дѣтей
 Былъ видъ застѣчивый пріятенъ;
 Ихъ руки дружбой сплетены,
 Какъ въ благодатный день объѣта,
 Не зная ни людей, ни свѣта,
 Они, казалось, къ высотамъ
 За тѣмъ и шли, чтобъ тамъ съ порога
 Взлетѣть къ роднымъ небесамъ!

Черты срисовывали съ Бога!
 Богъ челоѣчку заклиналъ,
 И этотъ чудный идеалъ
 Горѣлъ на пастыракъ прекрасныхъ
 Той величавой и простой
 Первоначальной красотой!

Но, вотъ когда они ступили
 На темъ бурной высоты;

Вкругъ ихъ подножья пустоты,
 Черныя — гору обступили.
 Тогда была часъ, когда зарей
 Сбѣнился черный трауръ ночи
 На пурпуръ ризы парчевой.
 Созвѣздій меркнувшія очи,
 Свершая свой обычный путь,
 Текли къ пылавшему востоку,
 Чтобъ въ новомъ свѣтѣ утонуть,
 Текли, но будто бы въ печали,
 Что чьи-то взоры на Землѣ
 Свою судьбу не дочитали
 На ихъ таинственною чашѣ.

Щитомъ огромнымъ надъ лѣсами
 Вставало солнце, какъ пожаръ,
 И будто мѣдными струями
 Земля широкой волнами
 Едва звуча, заволоклась,
 И не приять, а грустный стонъ
 Послалъ въ разсвѣтныя небосклоны.

Стада багровыхъ туть толпились
 Надъ темемъ неподвижныхъ скалъ,
 Они, какъ въ бой съ Землей рядились
 Готова громовъ арсеналъ.
 Ихъ косы, черными змѣями,
 Отъ юга къ сѣверу вросли,
 И молній яркими огнями
 То тамъ, то здѣсь они цвѣли.

Пернатыхъ вѣстниковъ станицы,
 Истиннокъ спугнутые съ тѣвѣдъ,
 Подъ небеса взлетѣли птицы,
 Казались призраками звѣздъ!
 И, какъ изгнанники отчизны
 Съ выси роняли укоризны
 На тѣхъ, кто вызвалъ ужасъ быдъ,

И... надъ Землей небесный свѣтъ
 Своєю тучой заслонили.
 А между птицъ, съ крутой горы,
 Долинъ видѣлися ковры,
 Гдѣ пастыря смиренно жили!
 Кровавый свѣтъ вездѣ блисталъ.
 Но если бъ у подножья скалъ
 Внизу тамъ люди проходили
 Ихъ, развѣ соколъ бы одинъ
 Увидѣлъ въ снѣгахъ равнинъ,
 Гдѣ все окружныя селенья,
 Какъ сновъ туманныя видѣнья
 Дрожали въ точкахъ серебра:
 Такъ высока была гора.

Рѣкъ дальнихъ блѣдныя узоры,
 Едва ловить могли лишь взоры;
 Какъ-будто ихъ, дѣтя перстомъ
 Играя завилъ надъ нескомъ.

*
*
*

А на скалѣ, въ стреминнахъ тѣсныхъ,
 Переливаясь и звуча,
 Какъ два нагорные ключа,
 Какъ шелестъ ангеловъ небесныхъ,
 Два робкихъ голоса друзей
 Безмолвье прервали камней.

*
*
*

— Взгляни на свѣтъ, какъ чистъ онъ, ясенъ,
 Какъ необъятенъ кругъ Земли;
 Ты видишь, гдѣ она вдаль
 Сбѣжалась съ небомъ?— Да! прекрасенъ.

Нарядъ подсолнечныхъ долинъ,
 О!... пусть бы день еще одинъ,
 Земнымъ алоэ надышался,

И сладкій аромат цвѣтовъ
 Къ намъ на вершину бы дончалея
 Въ струѣ отраднѣхъ вѣтерковъ!
 Кто не сказалъ тогда бы съ нами:
 Что вся Земля, какъ Божій храмъ,
 Блестя росистыми полями,
 Съ полей возноситъ ошміамъ,
 Чтобы коснуться, если можно,
 До края ризъ, и чистый вздохъ
 Разлитъ у грознаго Престола;
 Чтобы разгнѣванный намъ Богъ
 Еще смягчился!... Но, тревожно,

Чернѣй всё вьются облака:
 Казалось въ области воздушной
 Вокругъ невидимая рука,
 Огонь готова для погрому,
 Съ небесъ ведетъ святую рать;
 Съ щитами—туть, съ мечами—грому
 Вселенной гибель предсказать.

— « Звѣзда души! Моя подруга!
 « О, не страшись ты этихъ бурь,
 « Закрой очей своихъ лазурь,
 « И, въ этотъ длинный часъ испуга
 « Лягъ на грудь моей.... дреми:
 « Такъ птичка, въ вихрѣ принимаетъ
 « Подъ зыбкій листъ, и вся въ пыли
 « Она покойно засыпаетъ.
 « Когда жъ гроза небесъ пройдетъ
 « И иракъ развѣется ужасный,
 « Тогда скажу я: другъ прекрасный,
 « Взгляни на чистый небосводъ!
 « А между-тѣмъ подъ этой мглою,
 « Я буду говорить съ тобою.»

Пастушка къ пастырю на грудь
 Головку свѣтлую склонила:

Вдвоемъ намъ легче и водохитуть;
 Вдвоемъ отраднѣй и котила,
 И не тяжелъ далекий путь.

И шумъ глухой, какъ моря воды,
 Подземнымъ гуломъ всталъ вдаль;
 Но, тишь вокругъ, лишь неба свѣды
 Багровою молніею цвѣли.
 И пастырь думу развивая,
 Одинъ надъ нилою говоритъ,
 И рѣчь торжественно грѣмитъ:

«Громадный свѣтъ, земля родная,
 Деревьевъ тѣнь, ущелья горъ,
 Зеленый плющъ, цвѣты востока,
 Моихъ оазисовъ краса,
 Скалы и вѣчные лѣса....
 И шумъ знакомаго потока,
 Васъ не увидитъ больше взоръ!
 Конецъ!... съ шита Земли сотрется
 Все, что на томъ шитѣ живетъ,
 И, время на косу падеть,
 И миръ волною захлебнется;
 А надъ затопленной Землей,
 Крылатый, радужный владѣнецъ,
 Небесъ прекрасный поселенецъ,
 Летая ангелъ надъ водою,
 И робко вкругъ бросая взоры
 Огъ не найдетъ уже опоры,
 Гдѣ бы можно стать было ногой.
 Надъ вѣчно смолкнувшей вселенной
 Пойдутъ въ молчаньи ночь за днемъ,
 Лишь неба терени невзвѣнной,
 Да солнце съ пламенными лицомъ
 На логъ водъ вторымъ шатромъ,
 Внизъ опрокинутся челомъ.

«Зачѣмъ узналъ я все, что знаю;

Зачѣмъ раскрыть такъ рано свѣта?
Я по лучамъ ночныхъ планетъ,
Законы вѣчные читаю!

«Наука тайная стедей!
Вотъ нашихъ пастырей предаля,
Плоды угрюмыхъ дикарей.
Такъ въ эту ночь, въ часы гаданья,
Я обтекалъ очами сводъ,
Смотрѣлъ на звѣздныхъ снрижиди,
Къ которымъ вьютъ въ рукахъ лертали
.....и егидетоній народа!»

«Между небесными огнями,
Съ вершины горъ, умомъ вдали
Искалъ я участи земли....
Мой жезлъ, какъ путникъ за звѣздами
(Краса и гордость, чистуховъ)
Давно расчелъ планетъ телецъ,
И ихъ закатъ и восходъ дяди.
Отмѣтилъ вѣрно средъ десковъ.
И на лугахъ моихъ, камнями
Онъ приковалъ летучій слѣдъ
Въ выси несущихся пометъ.
Вдругъ мнѣ подъ зловещимъ тьмонъ
Является ангелъ въ безсонную ночь!»

«Но я на вершину взошелъ Арарата
«(Должна гдѣ свершится земная судьба)
Съ прекрасной пастушкой! — «Ты вмѣсто мнѣ брата,
Задумчиво Сара сказала ему:
«Давно наши души сроднились съ тобою!
«Вчера мнѣ, мой милый, ужъ поздней порою,
«Сказалъ одинъ: — «Ты, Сара, приди
«Одна на Галвую! меня Іа-етонъ
«Зовуть! отца зовуть Ноемъ! ты будь мнѣ женой?
«А завтра... надъ свѣтомъ
«Водой разольется небесный Творецъ!»

«И мой лишь съ семействомъ спасется отецъ...»

«— Не подыала я покрывала ;
 «Мой умъ весь занятъ былъ тобой ,
 «Я ласета не слыхала ;
 «И торопилась, чтобъ у скалъ ,
 «Меня ты долго не прождалъ .
 «А ты!... о, другъ, скажи мнѣ, кто же,
 «Тебѣ сестры своей дороже?»

И пастырь дѣвухну обнялъ :

«— О, принесемъ Творцу моленье!
 «Его надъ всѣмъ благословенье :
 «Онъ наказуетъ не губя,
 «И, наказавъ, соединяетъ!»

* * *

Ударилъ громъ.... прошелъ дробя,
 Вершины скалъ перекатился,
 Стуча окликнувъ твердь небось,
 И длинной бурей разразился,
 Ломая вокругъ нагорный лѣсъ.

А наверху, въ сѣдой ятлелн,
 Еще два пролея теньглы,
 И дважды отражонъ отъ скалъ,
 Послѣднй звукъ ихъ возникалъ :

«Суди насъ, Богъ! суди насъ, Богъ!»

* * *

Вотъ ураганъ широкимъ ходомъ
 Потрясъ подножье тяжкихъ горъ ;
 И рѣкъ обычный ихъ напоръ
 Оставовмса подъ вѣтрами ,
 И супротивными волнами
 Навстрѣчу волнъ своихъ пошелъ.

* * *

Вотъ, на степи необозримы

Весь горизонтъ неизмѣримый
 Вкругъ обнимая какъ туманъ,
 Рева грозани, необъятный,
 Свершитель мести благодатный
 Явился мощный Океанъ!

Вотъ онъ! влокоцущій, надвѣившій,
 Неудержимый и безмѣрный,
 Несущій строй густыхъ лѣсовъ
 Какъ вѣростъ чахлаю луговъ.
 Небесной воли исполнитель,
 Надъ захлебнувшейся Землей
 Въ степи глубокой и пустой
 Ложится грозный побѣдитель!
 И какъ троеки средь валовъ,
 Какъ царствъ похищенные стага,
 Людья невиданные флаги —
 Неслась обломки городовъ!
 Но, вотъ какъ-будто на мгновенье,
 Онъ бурный вздохъ свой удержалъ,
 Чтобъ рассмотреть, какъ онъ смѣшалъ,
 Вѣковъ и климатовъ творенье;
 И будто Океанъ считалъ,
 Гдѣ онъ отъ труна мирового
 Живые члены оборвалъ!

Такъ казнь благословилъ Егова,
 Тоня заблудшихся дѣтей,
 И свѣтъ невиданныхъ гостей,
 На четырехъ крылахъ вселенной,
 Вдругъ неожиданно нашель!
 Въ ивнѣ обширнаго базара:
 Стволъ исполнискаго чинара
 Гиганта съсуду расколелъ!

Питомецъ Норда неизмѣнный,
 Ища полуденную смерть
 На льдинахъ зыбляса медвѣдь,

И волнъ погибельная сила
Его влекла своимъ путемъ,
И близъ исчезнушаго Нила,
Онъ прямо сгрязнулся съ слономъ,
Гдѣ мамонтъ трепетный, клыками,
Едва поднятый надъ землею,
Сражался съ грозной быстриной.
Быль изумленъ, что надъ водою
Тигръ плыль съ газелью подерой.

Но зыбью сблизъ великана:
Реветь громадная волна
И заглушаетъ ревъ слона!
Напрасно онъ вокругъ курчана
Змивистымъ хоботомъ крутя
Съ корнями пальмы вырываетъ;
Но вокругъ шипучая струя
Его насильно увлекаетъ!

Жилецъ платановыхъ лѣсовъ
Жалветъ прежнія уголья:
И шумъ высокихъ тростниковъ,
Горючій жаръ своихъ песковъ,
Страны привольной плодородье,
Свой лѣсъ, и съ яркимъ рисомъ лугъ,
Постелю съ гибкими вѣтвями,
Гдѣ онъ склонился на бамбукъ!
И вѣтровъ пламенный недугъ
Въ жаръ насылаемый степями
Казалось, быль готовъ вдохнуть
Въ себя широкими ноздрями!
Кругомъ къ спасенью залитъ путь!
Ударъ могучій разрушенья
Такъ неожиданно упалъ,
И подъ пятой опредѣленья
И барсъ и кроликъ трепеталъ.

Весь звѣрь застигнуть быль въ пустынь:
Олень въ лѣсу, удавъ въ вѣтвяхъ;

Все водной отдаюсь святинѣ,
Все гибло на своихъ мѣстахъ!

Но съ кѣмъ борьба, гдѣ жъ мѣръ спасенья?
Небесный ливень билъ въ скалы,
И вверхъ взлетавшіе орлы,
Холоднымъ сбитые потокомъ,
Камнями падали въ потокъ;
Лишь человекъ одинъ не молкъ,
Лишь человекъ сражался съ рокомъ!

Клянясь подъ бурей корабли,
Гремя цѣпными якорями,
Рубились за клочокъ земли,
Дрались съ вчерашними друзьями,
Покаместъ новой бури валъ
Надежды мысь не затоплялъ!

Но врагъ ужаснѣй водной силы
Останки міра поразилъ:
Изъ-подъ зыбей святой могилы
Кровавый голодъ выходилъ!
Онъ страшно заглянулъ всѣмъ въ очи,
Предвѣстникъ неразсвѣтной ночи,
Къ сердцамъ приникъ какъ тѣнина,
И страсти выпилъ въ нихъ до дна!
И въ пустотѣ сердце народныхъ
Возникла зависть къ ихъ отцамъ,
Не знавшимъ ужасовъ голодныхъ,
И въ мѣръ отданныхъ гробамъ!

Такъ, здѣсь, подъ карой разрушенья,
Дитя и прихотей и кѣгъ,
Верховно-родное творенье,
Былъ зѣве звѣря человекъ!

На яхтѣ, тамъ, подъ парусами,
Носясь надъ слетыми морями
Разевирѣнный царь земли,
У ближнихъ вымѣряя силы,

Т. LXXXI. — Отд. I.

(Онъ у своей хотѣлъ могилы,
Гдѣ вокругъ лишь ужасы росли)
Чтобы разсчитанной рукою
Не за обиду, не за месть
У брата горло перебѣсть.

* *
*

Въ лицѣ съ могильной синевой,
Съ очами впалыми на смерть,
Темно-багровыя какъ мѣдъ
Тутъ были женщины нагія!
Позора стыдъ давно погасъ:
Его не видѣлъ жадный глазъ,
Ихъ крики дикіе, глухіе,
Какъ ревъ гісны въ тѣмѣ ночной
Вкругъ рвали воздухъ! Не пощады
Онъ просили въ даръ отрады:
Къ себѣ ихъ плодъ манилъ другой,

Пловецъ усталый, молодой,
Въ немъ жизнь едва-едва горѣла,
И.... это даровое тѣло
Хотѣли женщины пожрать!
Разврату страшно умирать!
Здѣсь атенствъ холодный, ясный,
Какъ равнодушный гастрономъ,
Еще трепещущій, прозрачный
Младенца трупъ разѣлъ ножомъ,
И кровь изъ жилъ его устали
Онъ пилъ, онъ черпалъ жизни газъ,
Чтобъ межъ живыми мертвецами
Еще прожить ужасный часъ!

Такихъ отверженцевъ кончина.
Была всѣхъ ужасовъ страшнѣй,
Одна любовь въ груди своей
Была чиста, земли судьбина
Прекрасныхъ жертвъ не ризета!
Одна любовь пережила,
(Пороковъ гибельныхъ свидѣтель,)

Изгнанницю землі своєї,
 Небесь голубку — добродѣтель!
 Одна любовь, не знала зла,
 Идя подь ненавистью свѣта,
 Чиста, покойна и свѣтла,
 Обнявшись съ другомъ безъ завѣта,
 Чтобъ позабыть свои бѣды
 Съ улыбкой гасла средь воды!

Стоя по поясъ межъ морями,
 Еще высокъ былъ Арабатъ,
 Еще тамъ..... ждалъ хранитель стадъ,
 Когда шумящими крылами,
 Разрѣзавъ хмуру, прилетитъ
 На затопляемый грантъ
 Прекрасный Ангелъ за дѣтми!
 И часто бѣлогривый валъ,
 Тамъ далеко подь небесами
 Онъ за посланника встрѣчалъ!
 Но онъ не шелъ, грозы ихъ билъ,
 И къ нимъ лишь тучи наносилъ.

Закрывъ верхи другихъ высотъ,
 Волна всё въ уровнѣ ложилась
 Надъ глубиной огромныхъ водъ:
 Почти ничто ужъ не свѣтилось!
 Міръ какъ могла опустѣлъ
 Лишь кровлей золотой сверкая,
 Порой надъ бездною возникая —
 Всплывалъ дворецъ, и спицы стрѣлъ
 Съ главами башенъ выходили
 Какъ купы чудныхъ острововъ,
 Чтобъ рассказать, гдѣ люди жили,
 Подь сѣнью стройныхъ городовъ.

Еще на нѣсколько мгновеній
 Святый молниеносный гоній,
 Небесный мститель Михаилъ,
 Еще двухъ смертныхъ не сразилъ:
 Одиъ народный повелитель,

.....
 Другой, погибшихъ алтарей
 Постыдный, пагубный блюститель!
 Царю подножьеть былъ дворець,

.....
 Надъ капищемъ возносился жрецъ,
 Схватясь холодными руками
 За древо, прежде гдѣ стоялъ
 Кумира гордый пьедесталъ,
 Теперь разрушенный громами!

И изувѣръ и эгоистъ,
 Другъ друга громко упрекали;
 Но имъ внималъ лишь вѣтру свистъ,
 Да волны мимо ихъ скакали.

И вотъ тиара и вѣнецъ,
 Остатки прежняго величья,
 Главы могучаго приличья,
 Гдѣ находили свой конецъ!

Тамъ, подъ другими небесами,
 Надменный царь обширныхъ странъ
 Смотрѣлъ на тотъ же океанъ;
 Подъ нимъ, какъ туча надъ водами,
 Чернѣла плитная рака:
 Героевъ вѣчная гробница,
 Земли громовая страница,
 Которую въ пыли вѣка
 Вѣкамъ потомственнымъ сломали,
 И вмѣстѣ съ царствомъ опочили
 Подъ набѣжавшей глубиной!

Но вторглись океана воды
 Подъ пирамиду въ погреба,
 И вынесли на верхъ — свободы
 Боговъ мечтательныхъ гроба,
 Бальзамированное племя
 И сфинкса прежнихъ алтарей

Сразило не сѣдое время,
Но преступленіе людей!

Въ цвѣту надеждъ, такъ рано скошенъ
Могучій царь! Онъ былъ силенъ!
Теперь одинъ судьбою брошенъ
Межъ мумій и кипучихъ волнъ.

Кругомъ усопшихъ предковъ лики
Безсмертьемъ вспрыснуты боговъ,
Съ печатью смерти, среди валовъ
Какъ листья сжатой павлики,
Какъ щепки срубленныхъ лѣсовъ,
Неслись безъ славы, безъ обряда,
Еще сшибаясь межъ собой,
Еще покровомъ ихъ наряда
Играли вѣтры, и съ волной
Ронтали мрачныя постели;
Царь умиралъ межъ ихъ толпой —
И думалъ: Отъ высококой цѣли
Куда ихъ бросилъ мутный валъ?
Ихъ не сберѣгъ дворецъ державный,
И выдалъ потайной подвалъ
На власть стихій своенравной;
Царей великихъ имена,
Въяки умолкнувшимъ побѣдамъ,
Когда-то грозныя сосѣдамъ,
Цари! Васъ топчутъ глубина....
И брызжетъ въ лица вамъ волна!

* * *

Между небесъ и между свѣта,
Какъ призракъ чуждаго дворца,
Какъ мысль Предвѣчнаго Творца,
Прошелъ ковчегъ, залогъ завѣта.

* * *

На пирамидѣ, передъ нимъ,

Обуреваемый волнами,
 Какъ памятникъ между гробами
 Былъ царь ужасенъ — недвижимъ!
 Одинъ изъ Носова семейства.
 Еще цвѣтя дарами дѣтства,
 Такъ глубоко объ нещъ въдохнуть,
 И, только руку протянувъ;
 Какъ былъ испуганъ отрицаньемъ,
 Какъ былъ онъ бранью пораженъ:
 И этотъ передсмертный стонъ
 Казался мрачнымъ прорицаньемъ:
 «Прочь, пилгримъ съдыхъ пучинъ!
 «Земля ль обширный властелинъ,
 «Попросить милости народной?
 «Иди ты строишь города,
 «Гдѣ бросила тебя вода
 «Какой-нибудь хребетъ безплодной;
 «Живи, какъ устрица на немъ!
 «Народъ мой сгибъ подъ оксаномъ,
 «И я умру не подъ курганомъ,
 «А буду тамъ его царемъ!
 «Твои ничтожные потомки,
 «Когда-нибудь сюда зайдутъ;
 «И отъ потопа не обломки
 «Въ стенахъ умолкнувшихъ найдутъ!»

 «Благоговѣнно, на колѣни
 «Они падутъ у этой сѣни
 «И ероглифовъ смолкшій громъ
 «Не отщепетя ихъ умою.
 «Легли, какъ ранніе туманы,
 «Взошли вершины пирамидъ,
 «И этотъ недоступный видъ
 «Мои имъ дали великаны.
 «Такъ, поразитъ когда-нибудь
 «Твое измельченное племя,
 «Когда заботливое время
 «Разроя горь стальную грудь,
 «И владомъ остовъ допотопный
 «Въ ряду отысканныхъ чудесъ

«Найдеть соперника небесъ —
 «Гиганта остовъ благородный...»
 Вдругъ яркой молніи змѣя .
 Мелькнула, брызнулъ дымъ съ гранита,
 Ударъ упалъ, въ ухахъ звеня
 Еще гудѣлъ, и въ прахъ разбита
 Безъ шума сыпалася плита,
 И.... пирамиды высота
 Уже царемъ не пощиралась.

Но ангелъ къ дѣтямъ не слеталъ
 Гора всё выше затоплялась!
 Смыльнѣ сѣдолосий валъ
 На крутизны ея взбѣгалъ;
 Въ свои обхватывалъ объятъ,
 Всей толщей водъ въ нея разилъ
 И дальній шумъ, какъ вопль проклятъ,
 Къ ея утесамъ приносилъ.

Вотъ наконецъ народовъ зданья,
 Стоя подъ медленнымъ битомъ,
 Закрылись; встало наказанье
 Поверхъ грѣховъ; и всё кругомъ
 Скрывались горы за горами,
 Какъ-будто внизъ сходя къ землѣ,
 Чтобы въ подводномъ хрусталѣ
 Креститься божьими водами.

Волкашъ гася свой страшный горнъ,
 Еще хотѣлъ огнемъ гремучимъ
 Отбросить зыбь докучныхъ волнъ;
 Но укрошенъ дождемъ падучимъ
 Холодной силъ уступилъ;
 Внутри зарядный ящикъ заперъ,
 И въ воспалительный свой кратеръ
 Стихію чуждую впустилъ;
 А самъ изъ жилъ земли холодной,
 Подъ небо дымомъ убѣжалъ.

И міръ раздавленный упалъ
 Замокъ и стонъ его голодной

Ни гдѣ ни точки, ни пятна,
 Лишь только катится волна;
 И тучъ багровыхъ покрывало
 Съ горъ море буйное сорвало,
 И ихъ запятанный узоръ
 Въ водахъ великихъ полоскало.
 Рѣдѣла игла, и солнца взоръ
 Слетѣлъ на новую планету;
 И окристаленному свѣту
 Онъ свѣтъ небесный подарилъ,
 И хмуру водъ раззолотилъ!

Все стало тихо, такъ прекрасно;
 Покойно, искристо, атласно;
 Какъ люлька зыблилась вода,
 И вѣтеръ не найдя заставы
 Уснулъ, казалось, навсегда,
 И колыхался величаво
 Въ живомъ бѣгучемъ серебрѣ.
 Какъ на священномъ алтарѣ
 Все стало чисто, благодатно;
 Безъ эха громъ въ выси встаралъ,

И безъ порывовъ, не раскатно
 Подъ небесами замиралъ.
 Гроза издохла, пали бури,
 И небо полное лазури
 Надъ океаномъ чистыхъ водъ
 Свой отразило ясный сводъ!

Одно лишь знамя Арарата
 Съ земли чернѣлось, и на немъ
 Сестра виднѣлась возлѣ брата,
 Сквозь изсѣченныя дождемъ,
 Ихъ тѣнники водой размыты,
 И съ плечъ изорваны, разбиты,
 Своимъ гранитнымъ кораблемъ.
 Собою Сара не владѣя,
 И обезпачативъ, блѣднѣя,
 На грудь упала сироты!

Они, какъ будто двѣ мечты,
 Изъ плоти мраморной надъ міромъ
 Вznосились двойственными муміямъ!
 Когда жъ невинный Сары лизъ
 Сквозь тучи солнце ослѣпало,
 Она глаза свои открыла.
 Такъ лилія, въ подобный мигъ,
 Цѣлуясь съ солнцемъ надъ грозомъ
 Свои распустила лепестки,
 И плачетъ сладкою росю
 Клоня усталые листки.

— «Мой Эммануэль, ты ли это?....
 «Взгляни!.... Опять надъ міромъ дѣло!
 «Что, сжался ль надъ нами Богъ?
 «Вонъ.... посмотри.... что это вѣстелъ?
 «Ахъ! голубь съ вѣткою несется!
 «Не пощадилъ ли здѣсь насъ Богъ?
 «Но голубь мимо!! Эммануэль,
 «Взгляни, ужъ море у колѣнъ
 «Быть-можетъ Богъ пошлетъ взамѣнъ
 «Житія земнаго — міръ небесный,
 «И я, и ты, мой другъ чудесный,
 «Тамъ будемъ жить, да.... жить всегда;
 «Но видншь, какъ идетъ вода!
 «Не сонъ ли это, Эммануэль?
 «Ужъ не сурабъ ли подо мной?
 «И чаша неба голубаго
 «Совсѣмъ надъ нашей головой!
 «Но.... всё нейдетъ родитель твой!
 «Такъ мы погибнемъ! но, два слова:
 «Вѣдь мы по смерти будемъ жить
 «Всё вмѣстѣ, вмѣстѣ.... и любить?....
 — «Приди, небесный мой хранитель!
 «Когда ужъ надо умереть,
 «Такъ дай ей крылья улетѣть
 «Туда — гдѣ вѣчный Вседержитель!

И это былъ послѣдній стонъ
 Послѣдняго изъ павшихъ братій!
 Въ борьбѣ неровной долго онъ,

Т. LXXXI. — Отд. I.

Не разводя своихъ объятій,
Всё выше, вверхъ надъ головою
Взнеслъ онъ Сару надъ волной!
Когда жъ они исчезли оба
Подъ сводомъ царственнаго гроба,
Сталъ воздухъ рѣдокъ какъ эфиръ;
И освященный Божій мiръ
Былъ положъ: моремъ, небесами;
Блеснула радуга, и вотъ,
Горя отрадными огнями,
Свѣтъ.... какъ экваторъ, обвила!
Свершилось! И опять скала
Приподнималась надъ водою,
И коричъ, бѣгъ своихъ палатъ,
Направилъ въ пристань Араратъ.

Д. МИНАЕВЪ.

СЧАСТЬЕ ЛУЧШЕ БОГАТЫРСТВА.

РУКОПИСЬ НАИДЕЯННАЯ И ИЗДАННАЯ

Ф. В. ВУЛГАРЦЫНЫМЪ И Н. А. ПОЛЕВЫМЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

КОГО У НАСЪ НАЗЫВАЮТЪ АДВОКАТОМЪ. ИГРА КОШКИ СЪ МЫШКОЮ ИЛИ ВСЕГДА СЪ ХОДЯЩЕМЪ ПО ДЪЛАНЪ. — СОСТРАДАНІЕ. — ОПЕННОВЪ ВЪ ТЮРЬМЪ. — ВЛИЯТЕ ВАШИИ НА ХАРАКТЕРЪ ЧЕЛОВѢКА. — ТЮРЕННАЯ КАМЕРА. — ОБЗОРЪ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ ЗА ДОБИТІЕМЪ УТВѢДИТЕЛЬ. — ВЪЖНОСТЬ ЧУВСТВОВАНІЙ ДОБРАГО ВЪДЕРМАНА. — ИСТОРИИ ПРО ЖИЗНИ. — СТАРИННАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. — КЛАСЫ. — КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИТАЛИИ, ФРАНЦІИ И АНГЛІИ, ЗА ПОЛѢТКА ПИКАР-ОНИИ. — ВЪДЕРМАНЪ ЖУРНАЛИСТЪ. — БЕЗМОСОВѢДНЫЙ СОСУДНИКЪ.

Съ каждымъ днемъ кредиторы мои становились докучливѣе и страдали жалобой въ полицію. Наконецъ явился ко мнѣ и такъ называемый адвокатъ, съ моимъ заемнымъ письмомъ на имя Ван-перова.

Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ введено открытое судопроизводство и публичныя пренія тяжущихся сторонъ, существуетъ особая

сословіе адвокатовъ, признанное правительствомъ, подъ надзоромъ особаго совѣта и старшинъ, избираемыхъ адвокатами изъ своего же сословія. Чтобъ быть принятымъ въ сословіе адвокатовъ, надобно сперва учиться законовѣдѣнію въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сдать экзаменъ, получить ученую степень, доказать свои способности предъ судомъ, и представить свидѣтельства и поручительства въ безукоризненномъ поведеніи и нравственности. Обязанность адвоката * высокая и почтенная. Онъ долженъ защищать предъ судомъ богатаго и бѣднаго, знатнаго и сираго и, вооружась закономъ, быть стражемъ слабого, противъ сильнаго.

Адвокаты вообще имѣютъ сильное вліяніе на своихъ согражданъ, и въ представительныхъ правленіяхъ, гдѣ познанія и краснорѣчіе прокладываютъ дорогу къ счастью, адвокаты достигаютъ до высшихъ мѣстъ въ государствѣ. Есть между адвокатами и дурные, корыстолюбивые люди — но вообще сословіе адвокатовъ, особенно во Франціи и въ Англии, въ столицѣ и большихъ городахъ, состоитъ изъ людей почтенныхъ. Въ каждомъ званіи, даже между врачами, есть невѣжды, корыстолюбцы и шарлатаны, и общее мнѣніе всегда неблагоприятно каждому сословію, которому должно платить наличныя деньги за слова или за писаную бумагу, хотя бы эти слова и бумага заключали въ себѣ средства къ сбереженію здоровья, имущества и чести гражданина. Обыкновенно дурные врачи и дурные адвокаты гнѣзятся по холустьямъ, въ тѣни, въ тяжелой атмосферѣ невѣжества и предразсудковъ, а свѣдущіе и честные ищутъ мѣстъ видныхъ, озаренныхъ лучами просвѣщенія и образованности. Въ государствахъ, гдѣ нѣтъ открытаго судопроизводства, слѣдовательно, нѣтъ и сословія адвокатовъ, есть особое.... какъ бы это назвать ... не сословіе, а нѣчто въ родѣ партизановъ или застрѣльщиковъ, которыхъ мы называемъ подьячими, крючками, ходатаями, и которые называютъ себя адвокатами. Они то, по большой части заводятъ тяжбы и разыгрываютъ ихъ всегда въ свою пользу, хотя бы со вредомъ своихъ вѣрителей. Вмѣсто экзамена въ познаніяхъ и свидѣтельства о нравственности, требуемыхъ отъ адвоката, при вступленіи въ его званіе и вмѣсто краснорѣчія и ума, которые доставляютъ истинному адвокату клиентовъ, для псевдоадвоката

* Замѣтить, что самое происхожденіе слова доказываетъ важность званія. Ad vocatus, значить защитникъ по призванію. У древнихъ образованныхъ народовъ, Грековъ и Римлянъ, были всегда публичные защитники. Цицеронъ былъ адвокатомъ.

или ходатай довольно ловкости, хитрости, искусства церетолковать по-своему законы и запутывать дѣла. Ходатаи раздѣляются на два разряда; одни занимаются тяжбыными дѣлами, а другіе только изысканіемъ по векселямъ и заемнымъ письмамъ. Первые, должны, по крайней мѣрѣ, уметь написать бумагу и знать хотя поверхностно, законы, то есть, обладать искусствомъ прінскванія ихъ на всякій случай и имѣть столько разума и понятія, чтобъ постигнуть смыслъ дѣла и видѣть слабыя и сильныя его стороны — а отъ втораго вычего не требуется, кромѣ настойчивости, жестокосердія и неутомимости въ преслѣдованіи кредитора. Какъ по вексельнымъ дѣламъ не нужно много переписки и сочиненія бумагъ, то ремесломъ ходатай по этого роду дѣламъ занимаются въ Петербургѣ, болѣею частью, такъ-называемые русскіе-Нѣмцы — изъ разныхъ званій, потому что въ этомъ ремеслѣ не требуется ни чина, ни породы, ни заслуги...

Въ одно прекрасное утро явился ко мнѣ человекъ лѣтъ сорока, черноволосый, съ просѣдью, съ прищуренными глазами, въ которыхъ выражалось кошечье лукавство, съ стереотипною улыбкою, которая не сходила съ устъ его, какъ съ истукана. Онъ весьма вѣжливо мнѣ поклонился.

— Я имѣю честь говорить съ Александромъ Сергѣевичемъ Опенковымъ, отставнымъ поручикомъ?... спросилъ онъ, улыбаясь, и глядя на меня, какъ кошка глядитъ на мышь, которую хочетъ задавить.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ я, придвигая стулъ: милости прошу присѣсть.

— Вы должны деньги господину Вампирову по заемному письму и по роспискамъ, сказалъ онъ, садясь на стулъ и улыбаясь.

— По заемному письму — такъ; а по роспискамъ — нѣтъ.

— Ваши росписки у меня въ карманѣ и вы, какъ честный человекъ, не отопретесь отъ своей руки...

— Покажите!

Онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько бумажекъ и показалъ мнѣ. Это были мои росписки въ полученіи денегъ отъ Вампирова за мои литературныя работы.

— Помните! воскликнулъ я: да вѣдь это заплачено моими трудами!...

— Въ роспискахъ объ этомъ нѣтъ ни слова, — возразилъ ходатай. Извольте прочесть хоть одну: получилъ отъ господина Вампирова двѣсти рублей — а вотъ другая: получилъ отъ господина

Вампирова четыреста рублей — и такъ дагѣе. За что́ получилъ — не сказано, а кто получилъ, тотъ долженъ возратить — потому что если бѣ вы уплатили по роспискамъ своими трудами, то должны были бы взять обратно росписки...

— Какъ вы можете сомнѣваться!... вскричалъ я, вскочивъ съ мѣста.

— Я ни въ чемъ не сомнѣваюсь, примолвилъ ходатай, съ тою же холодною улыбкою: — и не подозреваю васъ ни въ чемъ дурномъ. Но основываясь на порядкѣ, который долженъ быть во всѣхъ расчетахъ, я вишѣсть съ заемнымъ письмомъ приобрѣлъ и эти росписки, за наличныя, кровныя мои деньги — и если вы не заплатите мнѣ двухъ тысячъ осьмисотъ рублей — государственными ассигнаціями, то долженъ буду искать судебнымъ порядкомъ!...

Ходатай кончилъ рѣчь свою двойною улыбкою и какимъ-то адскимъ взглядомъ.

— Извергъ, Вампировъ! сказалъ я. Не довольно того, что онъ употребляетъ во зло мое имя, представлялъ злымъ и несправедливымъ предъ публикою, онъ еще лишаетъ меня заслуженнаго честнымъ трудомъ и передаетъ... я хотѣлъ сказать — въ руки разбойника, но удержался...

— Это вовсе не мое дѣло, сказалъ адвокатъ. Хорошій или дурной человѣкъ господинъ Вампировъ, это совершенно равно. Здѣсь идетъ рѣчь о *дѣлѣ* а не о *человѣкѣ*. Когда прикажете мнѣ явиться за деньгами?

Тутъ ходатай такъ улыбнулся, что мнѣ стало страшно. Если бѣ какой-нибудь живописецъ, изображая въ картинѣ чорта, далъ ему эту улыбку, то — навѣки бы прославился!

— Денегъ у меня нѣтъ и я нахожусь въ величайшей крайности, сказалъ я рѣшительно. Я дошелъ до бѣдности не дурнымъ поведеніемъ и не мотовствомъ, но несчастными обстоятельствами. Я занимаюсь теперь довольно большимъ сочиненіемъ, которое, надѣюсь, будетъ у меня куплено, и если вы, по *человѣчеству*, захотите войти въ мое положеніе и разложите долгъ на сроки, то я, хотя и не признаю себя должнымъ Вампирову по роспискамъ, но изъ презрѣнія къ Вампирову, уплачу вамъ все и съ процентами. Теперь же, хотя бы подвезли пушки и стали меня штурмовать въ моей квартирѣ — мнѣ нечѣмъ удовлетворить васъ!...

— Помните-сь, затѣмъ тутъ пушки! сказалъ улыбаясь хо-

датель: для взятыхъ денегъ есть у насъ миролюбивыя, законныя средства... законы наши чисты и ясны...

— Но всё же они вамъ не заплатятъ за меня денегъ.

— Это мы увидимъ съ! возразилъ онъ, вставая съ мѣста и раскланиваясь мнѣ; съ прежнею улыбкою. Прощайте, до пріятнаго свиданія!

Онъ ушелъ на словѣ пріятнаго... чтобъ силаѣе поразить меня.

Когда ходатай ушелъ, я сталъ раздумывать о моемъ положеніи. Оно было отчаянное. Не написать ли мнѣ къ Вамширову, требуя крайней-мѣрѣ уничтоженія несправедливаго долга! Что поможетъ! Человекъ, который рѣшился взыскивать съ меня по роспискамъ, мною уплаченнымъ, которыя я по неосторожности, не предполагая въ человекѣ столько подлости, оставилъ у него въ рукахъ, думая, что онъ ихъ взорветъ — этотъ человекъ будетъ торжествовать, получивъ отъ меня письмо. Средства къ спасенію я не предвидѣлъ. Я трудился надъ романомъ, съ философическою цѣлью, но нужда, безпокойство и безвадежность въ будущемъ мѣшали мнѣ работать. Я уже сказалъ однажды: хорошо разсуждать сытому о средствахъ противъ голода, но когда бѣда гнететъ, то и мозгъ плющится и мысль не лѣзетъ изъ головы по призванію пера.

Черезъ недѣлю послѣ посѣщенія ходатая, явился ко мнѣ квартальный и объявилъ, что я долженъ явиться немедленно въ Часть. Я догадывался, что это по жалобѣ ходатая, и не хотѣлъ спросить квартальнаго за чѣмъ меня требуютъ. Мы поѣхали на извозчикѣ, нанятомъ квартальнымъ.

На груди частнаго пристава былъ владимірскій крестъ съ бантомъ, знакъ, что онъ служилъ въ военной службѣ и отличился. Невольно вздохнулъ я о прошломъ! На лицѣ частнаго пристава было замѣтно смущеніе; онъ вертелъ бумагу въ рукахъ, поглядывалъ на меня съ состраданіемъ и не имѣлъ духу заговорить со мною. Надлежало однако жъ начать.

— Духовно сожалею, что не могу вамъ помочь, сказалъ онъ: и что заслуженному и раненому офицеру долженъ объявить непріятное извѣстіе! По изысканію мѣщанина Гелленкатера (Höllenkater), * который скупилъ всѣ ваши долги, простраившіяся суммѣ трехъ тысячъ рублей ассигнаціями, рѣшено посадить васъ... въ тюрьму!...

* По-русски это значитъ: адскій котъ.

Я отступилъ на три шага и не могъ промолвить слова.

— Въ долговую тюрьму, продолжалъ частный приставъ, гдѣ есть честные и беззачинные люди. Богъ милостивъ! Случается, что богачи, движимые человеколюбіемъ, выкупаютъ честныхъ должниковъ.... Я въ хорошемъ отношеніи съ смотрителемъ тюрьмы и переговорю съ нимъ. При первомъ случаѣ онъ представитъ васъ къ выкупу.... А между-тѣмъ, я поручу васъ его попеченію.

Онъ написалъ записку и отдалъ квартальному.

Я былъ такъ пораженъ, что не могъ даже поблагодарить доброго человѣка за его участіе ко мнѣ. Онъ вовсе не зналъ меня и сострадалъ потому только, что я былъ военнымъ.

— Пользайтесь на моихъ саняхъ съ надзирателемъ, на квартиру, сказалъ частный приставъ: возьмите необходимыя вещи, бумаги — и потомъ отправьтесь — куда велитъ судьба, съ мужествомъ и хладнокровіемъ, по смыслу нашей военной присяги, составленной Петромъ Великимъ: *какъ храброму и неторопливому солдату надлежитъ.*

Тутъ я пришелъ въ себя — крѣпко пожалъ руку частнаго пристава — и отправился съ квартальнымъ на мою квартиру.

Очевидно, что противъ меня былъ составленъ заговоръ. Хозяинка благодарила меня за уплату денегъ, лавочникъ возвратилъ довѣренность на получение пенсіона, сказавъ, что какой-то господинъ заплатилъ ему за меня долгъ. Вѣроятно и всѣ мои должники были удовлетворены, и, какъ мнѣ казалось, съ лпхвою. Чья это была штука? Разузнается Вампирова, который хотѣлъ кабанить меня и принудить работать для него. Но и другіе участвовали въ этомъ заговорѣ — какъ послѣ увидимъ.

Забравъ всѣ вещи, я уложилъ ихъ на извозчичьи сани и съ квартальнымъ отправился въ тюрьму, въ саняхъ частнаго пристава. Времена переходчивы. Все измѣняется, и у насъ, благодаря Бога, все идетъ къ лучшему. Когда меня посадили за деньги въ тюрьму, тогда еще не было ни тюремныхъ комитетовъ, ни такого попеченія о заключенныхъ, какъ теперь. Между начальниками были добрые люди, но не было ни нынѣшнихъ новатій о тюрьмахъ, ни средствъ къ быстрому ихъ усовершенствованію. Можетъ-быть, они потому именно и хороши, что при усовершенствіи ихъ не торопились.

Квартальный повелъ меня въ тюремную канцелярію, чтобъ, какъ онъ говорилъ, сдать меня съ рукъ на руки и получить росписку. Трудно себѣ представить, что я чувствовалъ въ эту минуту униженія, когда меня *сдавали*, какъ лошадей на конюшню

или завтра въ кѣтку! Въ канцеляріи засталъ мы главнаго смотрителя, который прочитавъ записку частнаго пристава, сказалъ мнѣ:

— Постараемся, какъ возможно, облегчить вашу участь.

Онъ хотѣлъ казаться ласковымъ, но въ лицѣ его, въ движеніяхъ, въ голосѣ выражались какая-то сухость, хладнокровіе и непріятная рѣзкость.

Мѣсто, занимаемое человѣкомъ въ свѣтѣ, если не вовсе образуетъ характеръ, то по-крайней-мѣрѣ имѣетъ сильное вліяніе на его образованіе. Ежедневныя занятія и непрерывное сообщеніе съ людьми впечатлѣваютъ въ сердца и умы ощущенія, возбуждаемыя дѣлами, которыя всегда видишь и людьми, съ которыми имѣешь дѣло, а обязанности званія подчиняютъ себя природныя побужденія. Иногда, самый мягкій отъ природы человѣкъ дѣлается строгимъ, откровенный—скрытымъ, довѣрчивый—недовѣрчивымъ, свободно мыслящій—не терпящимъ никакого произвольнаго помысла. Если не все, то по-крайней-мѣрѣ весьма много на свѣтѣ зависитъ отъ обстоятельствъ, и люди высшаго разряда, рѣшающіеся бороться съ обстоятельствами и своимъ положеніемъ такъ рѣдки, что составляютъ исключеніе изъ общаго правила.

Главный смотритель велѣлъ одному изъ надзирателей отвезти меня въ камеру, гдѣ было вакантное мѣсто.

Это была довольно просторная комната, въ которой стояли четыре кровати, а при нихъ небольшіе столки, выкрашенные зеленою краскою и такіе же табуреты. Полъ былъ некрашенный и довольно грязный, стѣны и потолокъ порядочно закопчены; два окна украшены были желѣзною рѣшеткою. Три мои товарища, полу-одѣтые, играли въ засаденныя карты и курили такой зловонный табачище, что ѣдкій дымъ его, при первомъ вступленіи моемъ въ комнату, заставилъ меня поперхнуться. Я попросилъ надзирателя позволить мнѣ внести мои вещи. Онъ взялъ у меня деньги, чтобъ уплатить извозчику — приелалъ вещи съ сторожемъ, и я расположился на новой моей квартирѣ.

Не стану описывать тюремной жизни, потому что она уже описана во многихъ романахъ, въ повѣстяхъ и въ правдивыхъ мемуарахъ или запискахъ. Результатъ всѣхъ этихъ описаній всегда одинъ и тотъ же. Порокъ сообщителенъ, какъ зараза. Случается, что въ тюрьму попадаютъ и безвинные, точно такъ же, какъ сочныя и здоровыя зерна пшеницы перепадаютъ въ мякину. Въ долговой тюрьмѣ есть, безъ всякаго сомнѣнія, неосторожные, легкомысленные, неразсчетливые, есть несчастныя жертвы

обмана и коварства и запальчивые проектисты или спекуляторы — и все эти люди могут иметь хорошую нравственность, доброе сердце и даже образованность, но в долговой тюрьме могут быть и злодѣи, потому что злостнаго банкрота и безнравственнаго мота, которые лишали вѣрившихъ имъ людей собственности, я ставлю на одну доску съ верами и разбойниками. Пропить, проиграть въ карты, истратить въ роскоши и развратѣ чужое достояніе или утаить его, оставя въ нищетѣ бѣдную вдову и несчастныхъ спроть — то же ворѣвство и тотъ же разбой. Я даже чувствую болѣе состраданія къ вору и разбойнику, которые могли быть увлечены въ преступленіе невѣжествомъ, недостаткомъ религіозныхъ понятій, грубостью характера и свирѣпостью инстинкта, чѣмъ къ просвѣщеннымъ и образованнымъ мотамъ и злостнымъ банкротамъ. Отъ вора и разбойника можно остеречься или оборониться, а отъ мотовъ и злостныхъ банкротовъ, которые, какъ ядовитыя змѣи пресмыкаются въ обществѣ — трудно ускользнуть, если они устремятся на чью-либо пагубу.

Не дружась ни съ кѣмъ и не входя въ тѣсныя связи, я познакомился со многими изъ заключенныхъ за долги въ тюрьму, не изъ одного любопытства, но для науки, въ моемъ званіи писателя, чтобъ изслѣдовать сердце человѣческое и представляю вкратцѣ послѣдствія моихъ наблюденій.

Первое. *Купцы* — разоряются отъ трехъ причинъ, отъ *тщеславія*, отъ *слабости характера* и отъ *разгульной жизни*. Чѣмъ болѣшіе обороты производитъ купецъ, тѣмъ болѣшимъ уваженіемъ пользуется онъ въ своемъ сословіи. Хорошо производитъ большіе обороты на собственные деньги, имѣя притомъ запасный капиталъ. Если при этомъ есть умъ и дѣятельность, то купецъ обогащается, даетъ своими оборотами средство и другимъ дѣятельнымъ людямъ наживать деньги. Но если при ограниченномъ умѣ, купецъ имѣетъ болѣе тщеславія нежели денегъ, то онъ начинаетъ свои обороты кредитомъ, беретъ въ одномъ мѣстѣ товаръ, а въ другомъ деньги, платитъ большіе проценты, подписываетъ легкомысленно векселя и, пока счастье служить, обращивается, уплачиваетъ на право, взявъ съ гѣва; продастъ товаръ въ нуждѣ за половину той цѣны, которой онъ ему стоить и при двухъ-трехъ неудачахъ лопаеъ какъ метеоръ, блеснувъ кратковременно.... *Разгульная жизнь* — въ торговлѣ то же, что чохотка въ тѣлѣ. Въ первой степени чохотки можно еще спасти человека церембною климата и дѣты, точно такъ же, какъ можно

спасти гуляку въ началѣ разгульной жизни, измѣненіемъ поведенія. Но когда разгульная жизнь войдетъ въ привычку—нѣтъ спасенія! Милліоны растаютъ—невидимо и неосвязаемо. Купецъ погибаетъ не отъ растраты денегъ на разгульную жизнь, но отъ растраты времени употребляемаго на гульбу и отнимаемаго у дѣла. Вотъ гдѣ смерть! Купецъ гуляетъ, а его обкрадываютъ и обманываютъ приказчики и повѣренныя. Купецъ гуляетъ и тѣ же самые люди, которые гуляютъ вмѣстѣ съ нимъ, подрываютъ его кредитъ, разсказавъ о его нерадѣніи къ дѣлу, какъ-будто хваля его щедрость и любезность. Купецъ гуляетъ, а на погибель его уже разсчитываютъ! Онъ играетъ въ карты въ самую малую игру — и даже выигрываетъ деньги — проигрывая огромную сумму времени. Онъ не пьяница и даже пьетъ шампанское неохотно, пьетъ единственно въ угоду пріятелей — и отягчаетъ голову, которая должна быть всегда свѣжа у дѣловаго человѣка. Онъ не проматывается на красавицъ, но проводитъ съ ними время, которое должно быть посвящено дѣлу. У него отличныя приказчики, люди умныя и дѣловыя — тѣмъ хуже! Они прежде поймутъ, что ихъ хозяинъ не любитъ дѣла и захотятъ сами быть хозяевами. Иногда хозяинъ вовсе не гуляка, а только добрый человѣкъ, съ слабымъ характеромъ — тѣмъ хуже: онъ довѣрчивъ и не взыскателенъ. Не говорю о записныхъ гулякахъ — пьяницахъ, развратникахъ, мотахъ и картежникахъ по страсти. Они гибнутъ, какъ комары на свѣчѣхъ — и не заслуживаютъ лучшей участи. Но добрыхъ людей, которые гуляютъ только для компаніи — жалъ сердечно!

Второе. Ремесленники—гибнутъ отъ роскоши и чванства. Мастеръ или хозяинъ ремесленнаго заведенія хочетъ жить, какъ купецъ, одѣвать жену и дѣтей въ шелкъ и бархатъ, украшать ихъ алмазами, жить лѣтомъ на дачѣ, проводить вечера въ клубѣ, праздновать именины и дни рожденія, воспитывать сына въ университетѣ — и все идетъ своимъ чередомъ, пока есть заказы, пока есть кредитъ. И вдругъ колесо фортуны перевернулось! Другой мастеръ дѣлаетъ лучше и дешевле, должники не платятъ, заказчики требуютъ платежа, хорошихъ подмастерьевъ и работниковъ сманили другіе мастера, которые лучше платятъ и не затягиваютъ жалованья — и сооруженное трудомъ и прилежаніемъ безбѣдное существованіе распадается и превращается въ нищету. Конецъ: конкурсъ и тюрьма! Жена пошла въ кухарки, дочери въ швейныя.... провалилась въ бездну; сынъ, естъ

выучился, слава Богу, а не доучился—идеть въ писаря.... а иногда въ лояъ-лакея.... все пропало, все исчезло!...

Третіе. *Отставные чиновники и безпомѣстные дворяне* — попадаютъ въ тюрьму или по казеннымъ взысканіямъ или отъ привычки, весьма легко приобретаемой, ѣсть, пить, играть въ карты, одѣваться и обуваться и нанимать квартиру ничего не имѣя и ничего не зарабатывая. Иной и радъ бы заработать, да негдѣ или нечѣмъ: другой шцетъ случаевъ заработать, да потребности его больше, нежели можно на нихъ выработать. Живетъ кое-какъ, годъ, другой, иногда и третій, потомъ праздность и житье на чужой счетъ входятъ въ привычку, а часто на-бѣду, привязывается страсть заливать горе спиртомъ, чтобъ оно не щемило за сердце и не припоминало о будущемъ и, наконецъ, люди выходятъ изъ терпѣнья и запраютъ въ кѣтку вѣрона, чтобъ не клевалъ чужаго поѣва...

Вотъ съ какими людьми, по большей части, надлежало мнѣ жить въ тюрьмѣ. Замодавцы должны были въ то время, платить по двѣнадцати рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ, на содержаніе каждаго должника—и, разумѣется, что при всей экономіи, этихъ денегъ едва доставало на хлѣбъ, на щи и на кашу. Въ тюрьмѣ было вѣчто въ родѣ харчевни, въ которой можно было получать за свои деньги обыкновенную харчевенную пищу, а притомъ пиво и водку. Жены, дѣти и братья и сестры снабжали нѣкоторыхъ изъ заключенныхъ деньгами или съѣстнымъ. Нѣсколько злостныхъ банкротовъ, прикидываясь нищими—жили даже роскошно, судя по мѣсту—но у меня не было ни родныхъ, ни друзей и на мой пенсіонъ наложено было запрещеніе. У меня не осталось ни гроша, и я питался тюремною пищею.

Въ несчастіи, между глубокою горестью и полнымъ отчаяніемъ есть середина—ожесточеніе. Сердце каменѣетъ, умъ затмѣвается и всѣ чувства сливаются въ одно, въ ненависть, смѣшанную съ презрѣніемъ къ людямъ. Я уже вошелъ по колѣна въ это гнилое море и, вѣрно погрузился бы въ бездну и погибъ въ ней, если бъ Господь Богъ, въ благости своей, не спасъ меня....

На третій мѣсяцъ моего заключенія, въ первые весенніе дни, надзиратель вошелъ въ нашу комнату и сказалъ, что кто-то меня спрашиваетъ. Я накинулъ на себя мою изношенную шинель и сошелъ въ приемную.... Тамъ стоялъ Карлъ Карловичъ Бидерманъ!.... Увидѣвъ меня, онъ распростеръ объятія, и я бросился ему на шею и... зарыдалъ!....

Увидавшая жизнь воскресла въ душѣ моей, человеческое чувство пробудилось: я могъ плакать, и плакалъ какъ дитя, какъ женщина, и не удерживалъ слезъ моихъ и рыданій. Бидерманъ плакалъ вѣсть со мною. Надзиратель оберъ свои слезы, и какъ-бы стыдясь ихъ, вышелъ изъ комнаты. Мы остались одни.

Какъ человѣкъ, ослабшій уже въ зрѣломъ возрастѣ, съ горестью мечтаешь о солнечномъ свѣтѣ, и по человеческой натурѣ, до гробовой доски *надъется* на исцѣленіе, такъ я, въ несчастномъ моемъ положеніи мечталъ о Мишѣ. Мысль объ ней составляла единственную мою отраду. Иногда, по цѣлымъ днямъ лежалъ я на кровати, закрывъ голову—и мечталъ, когда товарищи мои думали, что я сплю, удивляясь такой удивительной сонливости. Съ-тѣхъ-поръ какъ я оставилъ службу въ департаментѣ, я только однажды навѣстилъ Бидермана, и стыдясь признаться ему въ моей бѣдности и отказаться отъ уроковъ, сказалъ ему что ѣду, по дѣламъ, въ Сибирь. Съ-тѣхъ-поръ мы не видались; но, признаюсь въ слабости, я частенько заходилъ къ дворнику того дома, въ которомъ жилъ Бидерманъ и отдавалъ иногда послѣдній гривенникъ, чтобъ узнать отъ него не прѣехала ли *нѣмецкая барышня*, къ старнику Нѣмцу.

Внезапное появленіе Бидермана и его живое участіе въ судьбѣ моей, тронуло меня до глубины души и растрясило всѣ раны моего сердца. Я почиталъ его холоднымъ, а онъ, отецъ Миши, съ теплымъ чувствомъ раздѣлялъ мое горе.... Я не могъ вымолвить слова. Долго мы молчали, наконецъ Бидерманъ сказалъ:

— Вы ввели меня въ заблужденіе, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, сказавъ, что уѣзжаете въ Сибирь.... Весьма сожалею, что я не заслужилъ вашу довѣренность. Только случайно, не далѣе какъ вчера, узналъ я о вашемъ несчастіи. Я былъ приглашенъ къ одному чиновнику, на точно такой же вечеръ, на какомъ мы познакомились съ вами, чтобъ поиграть на фортепиано. Тамъ былъ, между разнокалибернымъ народомъ, шѣкто Гелленкатеръ, котораго величали адвокатомъ. За ужинномъ гости стали посмѣиваться и подшучивать надъ однимъ молодымъ чиновникомъ, занимающимся литературою, которая, какъ вамъ извѣстно, между дѣльцами почитается гаерствомъ или бездѣльемъ. Въ это время Гелленкатеръ, съ адскою веселостью разсказалъ, какъ онъ посадилъ въ тюрьму одного литератора, и когда молодой чиновникъ просилъ назвать этого несчастнаго — онъ произнесъ вашу фамилію.... Не стану вамъ описывать, что я почувствовалъ въ эту минуту.... Я немедленно оставилъ общество и воз-

вратился домой... Сегодня утром, когда я рассказывал жене моей о вашем несчастии, бедная моя Луиза расплакалась... Мы все любили вас... даже дети мои плачут... Бидерманъ обтеръ свои глаза слезы.

— Я виноватъ, что скрылъ передъ вами мое положеніе, но вы неправы, Карлъ Карловичъ! Вы мнѣ казались всегда холоднымъ, недоброжелательнымъ къ людямъ и чуждался всякаго обихода.

— Я холодею съ счастливыми, недоброжелательнъ по опытности и чуждаюсь людей, потому что не хочу никому быть въ тягость — но я не человеконенавистникъ, напротивъ, презираю эгоистовъ и гадаюсь человеконенавистниками. Я имѣлъ случай убедиться, что вы добрый человекъ, а что въ долги можетъ войти самый честный человекъ — это не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію... По несчастію, я такъ беденъ, что не могу васъ выкупить — но могу раздѣлять ваше горе, сочувствовать вамъ... И этого не находилъ я часто въ моей горестной жизни!...

Въ это отвѣта я обнялъ добраго Бидермана.

Между тѣмъ, замѣтилъ я, что онъ тѣмъ-то затрудняется. Онъ безпрестанно то вынималъ руку изъ кармана, то снова опускалъ въ карманъ, хотѣлъ что-то сказать — и заикался, и наконецъ, преодолевъ себя, дрожащею рукою схватилъ меня за руку, пожалъ ее и всунулъ... бумажку!... Я взглянулъ — это была десятирублевая ассигнація... посмотрѣлъ на Бидермана — онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и былъ красенъ, какъ говорится, до ушей.

— Благодарю васъ, добрый, благородный Карлъ Карловичъ, сказалъ я: но мнѣ здѣсь не нужны деньги... Угощаетъ меня здѣсь любезный Гелленкатеръ, прибавилъ я, съ горькою улыбкой: квартира у меня казенная, и мнѣ, благодаря Бога, не голодно и не холодно... а у васъ, добрый Карлъ Карловичъ, семья...

— Не обижайте насъ, Александръ Сергѣевичъ, и возьмите хоть у насъ въ займы! сказалъ Бидерманъ: эти деньги не мои, а жены моей: Она заработала ихъ ввязаньемъ...

— Тѣмъ священнѣе для меня это пожертвованіе и я чувствую его въ полной силѣ — но денегъ не возьму!

— Въ займы!... сказалъ Бидерманъ.

— Я не имѣю средствъ возвратитъ ихъ, потому что мой пенсионъ идетъ въ уплату долга и я долженъ до полной уплаты отдавать семьдесятъ въ торгъ...

— Семьдесятъ изъ жизни добраго, умнаго и трудолюбиваго че-

любя! послышавъ Бидерманъ, всталъ руки: Господи, услышь мою молитву!

Мнѣнне благороднаго человека обо мнѣ доставало мнѣ болѣе наслажденія, нежели я могъ ожидать въ моемъ положеніи. Я почти доволенъ былъ, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, заключенію моему въ тюрьмѣ.

— Не обижайте жены моей и возьмите деньги въ займы, повторилъ Бидерманъ просительнымъ голосомъ.

— Если вы непремѣнно требуете, то возьму, но сохраню на сердцѣ, какъ талисманъ, для улаженія души.

Мы обидались и Бидерманъ вышелъ, обѣщавъ навѣщать меня. Я не смѣлъ спросить его о пріездѣ Мины, но если бъ она возвратилась, то старикъ не утерпѣлъ бы, чтобъ не навѣстить меня.

Бидерманъ каждый день навѣщалъ меня. Онъ перенесъ ко мнѣ почти всю свою библіотку, то есть, всѣхъ любимыхъ своихъ классиковъ, оставивъ себѣ только Старый и Новый Заветъ, которые онъ читалъ ежедневно, для укрѣпленія души, какъ онъ говорилъ. Въ каждое посѣщеніе онъ приносилъ мнѣ что-нибудь для лакомства, или варенаго кофе, въ фляжкѣ, и нѣсколько кусковъ сахара, или чаю въ бумажкѣ, или булку съ кускомъ копченой колбасы, словомъ, онъ дѣлился со мною послѣдними крохами, и былъ счастливъ тѣмъ, что я не отказывался отъ его гостинцевъ. Однажды, въ праздничный день, Бидерманъ былъ какъ-то особенно расположенъ къ откровенности.

— Знаю, что нравъ мой многимъ не нравится и не понравился вамъ — хотя вы и умѣли оцѣнить мое сердце, сказалъ Бидерманъ. Вы много страдали и страдаете, и въ утѣшеніе ваше я вамъ расскажу вкратцѣ мою исторію, которая объяснитъ вамъ причины, заставившія меня чуждаться людей и недовѣрять имъ. Въ первый разъ въ жизни я рассказываю мои приключенія. Въ нихъ нѣтъ романтическаго интереса, нѣтъ внезапностей и чудесъ, но это хладнокровная анатомія сердца человѣческаго, которая можетъ быть для васъ весьма поучительна. Слушайте.

— Отецъ мой былъ пасторомъ въ небольшомъ городишкѣ курфиршества Гессенъ-Кассельскаго. Вы знаете, что въ Германіи, гдѣ среднее сословіе, Bürgerstand, съ происходящимъ отъ него ученыхъ и духовныхъ званіями, составляетъ основаніе и поддержку гражданскаго общества. Пасторы пользуются уваженіемъ и принадлежатъ, къ такъ называемой мѣщанской аристократіи (Bürgerliche Aristocrate). Получилъ я обыкновенное нѣмец-

кое воспитаніе, то есть, началъ съ приходской школы и кончить университетомъ. Музыкѣ обучила меня мать моя, отличнѣйшая музыкантша. Насъ было всего двое дѣтей у родителей, я и сестра моя, моложе меня двумя годами. Отецъ мой, по родству съ однимъ изъ гёттингенскихъ профессоровъ, послалъ меня въ гёттингенскій университетъ.

Не многіе въ Россіи имѣютъ настоящее понятіе о нынѣшнемъ состояніи нѣмецкихъ университетовъ; а положеніе университетовъ до первой французской революціи перешло въ преданіе. Университеты составляли тогда, какъ-бы независимыя республики внутри самодержавныхъ государствъ, пользуясь множествомъ правъ и привилегій, и сохраняя въ своемъ кругѣ обычай среднихъ вѣковъ. Прежде чѣмъ подчиниться игу общихъ современныхъ обычаевъ и уставамъ гражданскимъ, каждый Немецъ почиталъ обязанностью сыграть рыцарскую роль въ университетѣ и пройти сквозь всѣ степени наслажденій среднихъ вѣковъ, въ которыхъ первыя мѣста занимали полныя чаши, пѣсни и дуэли. Университетская жизнь основывалась на равенствѣ всѣхъ студентовъ и дѣти владѣтельныхъ князей въ студентской іерархіи должны были подчиняться дѣтямъ сапожниковъ или простыхъ земледѣльцевъ. Время, проведенное въ университетѣ, составляетъ самую счастливую эпоху въ нѣмецкой жизни, скучной, однообразной и, можно сказать, тягостной для людей, получившихъ высшее образованіе и осужденныхъ на вѣчное прозябаніе и на мелочную дѣятельность, и потому-то каждый Немецъ, вспоминаетъ объ университетѣ, какъ праотецъ нашъ Адамъ напоминалъ о раѣ.

Я учился прилежно, избравъ для себя филологію и историческія науки, но не чуждался товарищей, хотя избѣгалъ по-возможности буйныхъ ихъ забавъ. Случайно подружился я съ сыномъ одного изъ первыхъ вельможъ и первыхъ богачей моего отечества, княземъ Кальтгерцомъ, также студентомъ, казавшимся мнѣ скромнымъ и любознательнымъ. При немъ былъ французскій гувернёръ, бесѣдою котораго я пользовался, для усовершенствованія себя въ произношеніи французскомъ и въ тонкостяхъ языка, я за это помогалъ молодому князю въ его учебныхъ работахъ. Съ-молоду любилъ я умѣренность и потому малое пособіе, которое давалъ мнѣ отецъ, и деньги приобретаемыя мною за уроки музыки въ городѣ, достаточны были не только для моего содержанія, но даже и на нѣкоторыя прихоти. Въ вакантное время я ѣздилъ къ родителямъ—и, возвращаясь въ университетъ,

принимался снова за работу и былъ совершенно счастливъ. — Кончивъ курсъ, я возвратился въ родительскій домъ, съ патентомъ магистра, и былъ принятъ съ торжествомъ. — Рѣшено было, чтобъ я отправился путешествовать по Европѣ, а по возвращеніи занялъ мѣсто учителя въ гимназін, которое обѣщаль доставить мнѣ родственникъ отца моего, профессоръ, и потомъ приготовляться къ экзамену на степень доктора философіи, для полученія профессорскаго званія, если бъ гдѣ открылся конкурсъ. Это обыкновенная карріера людей того званія, къ которому я принадлежалъ. Германія, какъ Индія, раздѣлена была на касты — и мнѣ предстояли для выбора только два мѣста въ свѣтѣ, или настора или профессора. Выше я не могъ ничего ожидать и надѣяться.

Отъ рожденія моего родители мои ежегодно откладывали на сторону небольшую сумму на мое воспитаніе и на путешествіе, которое тогда входило въ составъ воспитанія, какъ бы въичая его. Кромѣ того, я скопилъ уроками нѣсколько денегъ — и такимъ образомъ составилось до четырехъ сотъ талеровъ. Простившись съ родителями, я отправился въ путь пѣшкомъ, съ котомкой за плечами и съ странническимъ посохомъ въ рукахъ.

Черезъ Швейцарію пошелъ я въ Италію, въ *вѣчный городъ*, нѣкогда столицу міра, теперь столицу западнаго христіанства, чтобъ посмотрѣть на развалины, бывшія свидѣтелями жизни народа, давшаго человечеству примѣры величайшихъ добродѣтелей и величайшаго униженія. Не буду вамъ разсказывать о моемъ путешествіи — это дѣлю постороннее, скажу только, что живя съ народомъ, посѣщая ученыхъ и художниковъ, я пожалѣлъ о тѣхъ путешественникахъ, которые переѣзжая изъ трактира въ трактиръ, и судя о народѣ по нѣкоторымъ гостинымъ — оклеветали бѣдную Италію, увѣряя своихъ соотечественниковъ, что Италія — страна бандитовъ, фанатическихъ монаховъ, лазарони, пѣвцовъ и тунядцевъ, гнѣздо лѣни и разврата. Все это точно есть въ Итали — какъ есть ядовитые гады, болѣзни и всякое земное зло. Но Италианцы имѣютъ всѣ качества, чтобъ быть великимъ народомъ: умъ воспримчивый и удобовоспламеняемый, глубокое чувство всего высокаго и изящнаго, сердце нѣжное въ любви и дружбѣ и желѣзное въ ненависти и мщеніи за оскорбленія. Всѣ эти добрыя начала въ народѣ подавлены тяжестью обстоятельствъ и невидимы — а зло видно, какъ пламя и дымъ Везувія. Я еще не отчаяваюсь за Италію. Смысла величія и добра, то есть,

цдѣя тамъ есть; а они безсмертны, и хотя поздно, но созреють и принесутъ свои плоды.

Въ это самое время показалось во Франціи первое зарево революціи, которое почти всѣ высокіе умы, и между ними Клопштокъ, Гёте и Шиллеръ приняли за зорю будущаго блаженства и жестоко обманулись, какъ обманулся и я. Сочувствіе къ чело-вѣчеству повлекло меня въ Парижъ, въ то самое время, когда пожаръ революціи уже разгорался. Осмотрѣвшись, я удостовѣрился, что главные дѣятели хлопчуть о себѣ, а не о чело-вѣчествѣ, и что вся цѣль ихъ дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобъ со-гнавъ сильныхъ и богатыхъ съ ихъ высокихъ мѣстъ, занять са-мими эти мѣста. Но и эти дѣятели ошиблись въ расчетѣ. Звѣрь, спущенный ими съ цѣпи (то есть, чернь), пожралъ все и ихъ предметниковъ и ихъ самихъ и поглотивъ все, богатство, по-роду, разумъ и порядокъ, этотъ звѣрь остался такъ же тощъ, какъ былъ прежде и умеръ бы съ-голоду, если бъ не поднялась власти, обуздавшей его по-прежнему. Были и искренніе люди въ это ужасное время, именно, возмужалые школьники, какихъ мы нерѣдко встрѣчаемъ между недоучеными, переучеными и вовсе неучеными мечтателями, которые не постигаютъ, что міръ бумажный и міръ существенный, то есть, теорія и практика двѣ совершенно различныя вещи. Таковъ былъ землякъ мой, то есть, Пѣмецъ изъ рейнскихъ провинцій, баронъ Клотцъ, про-званный Авахарисомъ. Познакомившись съ нимъ въ Парижѣ, я убѣдился, что онъ помѣшанъ въ умѣ на одномъ предметѣ, а именно на равенствѣ. Копчилось тѣмъ, что равные ему безумцы повели его на гильотину и отрубили ему голову, во имя равенства.

Что я видѣлъ — не дай Богъ того никому видѣть! Во всѣхъ городахъ Франціи кровь ежедневно лилась по эшафотамъ, а въ Парижѣ иногда казнили по триста чело-вѣкъ въ одинъ день. То-пили женщинъ, дѣвицъ, дѣтей за привязанность къ роднымъ и благодѣтелямъ, подозрѣваемымъ въ приверженности къ старому порядку вещей; терзали на части священниковъ, за вѣрность дан-ной клятвы, за вѣрность Богу!... Если бъ вооружить бѣшеныхъ людей и выпустить изъ дома сумасшедшихъ, то и они были бы чело-вѣколюбивѣе и разборчивѣе. Но если виновна глупая чернь, то гораздо виновнѣе тѣ, которые привели ей это бѣшенство, виновны особенно злоупотребители власти, посѣявшіе въ сердцахъ благоразумныхъ людей равнодушіе, которое удержало ихъ въ на-чалѣ революціи отъ общаго порыва къ окованію лютаго звѣря—

черни. Наконецъ и на меня оглянулись! Смирение мое показалося подозрительнымъ и я съ трудомъ бѣжалъ въ Англію.

Казна моя истощалась и здѣсь я получилъ ужасное извѣстіе, что во время заразительной болѣзни, господствовавшей въ нашемъ городѣ и въ окрестностяхъ, отецъ мой, посѣщая бѣдныхъ, по обязанности своего долга, а болѣе по влеченію сердца, самъ заразился злокачественною горячкою и заразилъ ухаживавшихъ за нимъ мать мою и сестру. Всѣ они умерли.... я остался круглымъ сиротою....

Не постигаю, какъ я переживъ этотъ ударъ! Вѣра въ Провидѣніе спасла меня. Я поселился въ Оксфордѣ, сталъ посѣщать лекціи университета и жилъ уроками, нѣмецкаго языка и музыки.

Англичане удивительный народъ во всѣхъ отношеніяхъ. Каждый Англичанинъ, отдѣльно взятый, эгоистъ въ высшей степени и сребролюбецъ, но нѣтъ нигдѣ столько человѣколюбія, щедрости и великодушія, какъ во всѣхъ Англичанахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ Англіи все идетъ въ расчетъ, даже благодѣяніе, и все повинуется дееноту Англіи, общественному духу, все исполняется по его волѣ. Для каждаго дѣла есть общество или товарищество и каждое общество имѣетъ свой капиталъ, собранный по подпискѣ. Отъ подписки никто не можетъ отказаться, но каждому предоставляется выборъ, гдѣ и для чего подписываться. Народъ въ Англіи — капиталъ, люди, отдѣльно взятые или индивидуумы — банковые билеты, различной цѣнности. Цѣль жизни — барыши, средства — трудъ. Если бъ нынѣшняя Англія существовала во времена языческія, она изобрѣла бы для себя особое божество: торговлю, которая бы превосходила древняго Меркурія своими качествами. Въ составъ англійской торговли входятъ и физическое и нравственное существованіе челоуѣка: политика, наука, литература, искусства, художества, администрація и даже домашняя жизнь, семейное счастье. Все что не полезно для торговли, почитается вреднымъ. Англія начала войну съ революціонною Франціей не за нарушеніе правъ европейскаго семейства, но для приобрѣтенія ея колоній и распространенія своей торговли, и для того старались лишить власти Наполеона, что опасались, чтобы онъ не лишилъ ея завоеваній и не повредилъ ея торговлѣ. Англичане почитаютъ себя первымъ народомъ въ мірѣ, потому что оцѣняютъ людей по ихъ капиталу. Замѣьте, что въ Англіи нѣтъ министерства просвѣщенія, а есть только ученые общества или корпораціи, имѣющія свои привилегіи и дѣйствующія по своимъ собственнымъ законамъ или привилегіямъ. Просвѣщеніе

распространяется въ томъ убѣжденіи, что оно необходимо для всемірной торговли и пріобрѣтается съ той же цѣлью. Что нужно для торговли, какъ напримѣръ медицина, о томъ не заботятся; въ Англіи каждый аптекаръ имѣетъ право лечить и молодые люди, желающіе быть физикомъ (physician, такъ по-англійски называются медики) поступаютъ въ науку къ извѣстному практику, какъ ремесленники къ мастеру и слушаютъ за свои деньги лекціи, преподаваемыя или на дому или въ коллегіумѣ другими физиками, предпочитающими преподаваніе уроковъ практикѣ. Спросите у моряковъ всѣхъ націй, много ли ученыхъ мореплавателей въ Англіи. Менѣе, нежели во всѣхъ другихъ странахъ, но зато во сто разъ болѣе практиковъ. Главнѣйшую науку англійскаго моряка, составляетъ умѣнье понимать nautical-almanac, издаваемый ежегодно, гдѣ помѣщены всѣ математическія и астрономическія вычисленія, на каждый градусъ земнаго шара. Но нигдѣ нѣтъ столько удобства въ жизни или комфорта, какъ въ Англіи, потому что комфортъ есть сынъ богатства и роскоши, и что вся жизнь Англичанина есть практика. Зато нѣтъ нигдѣ такой скуки, какъ въ расчетливой Англіи.... Пробывъ три года въ этой огромной биржѣ, я возвратился на родину и, думая быть полезнымъ моимъ согражданамъ моею опытностью и нѣкоторыми познаніями, вознамѣрился издавать журналъ....

— Какъ, вы были журналистомъ, Карлъ Карловичъ! вскрикнулъ я въ удивленіи.

— На-бѣду мою, продолжалъ Бидерманъ: послѣ родителей моихъ осталось небольшое наслѣдство, которое приберегъ мой двоюродный дядя, также пасторъ, честный и умный человекъ. Онъ испугался, когда я объявилъ ему, что хочу употребить мое наслѣдство на основаніе журнала и совѣтовалъ мнѣ, если я не имѣю охоты къ духовному или ученому званію, заняться лучше торговлей. Но въ душѣ моей пылало пламя, которому непременно надобно было дать пищу. Мнѣ хотѣлось высказать нѣкоторыя истины и указать на раны общества, предлагая въ то же время лекарство. По моему мнѣнію, легче всего исполнить было это посредствомъ журнала. Я пошелъ въ церковь, помолился усердно Богу, призывая Его благословеніе и далъ клятву передъ алтаремъ, говорить правду, несмотря на лица, чуждаясь всякой личности, говорить по внутреннему моему убѣжденію и по крайнему разумѣнію. Послѣ этого я принялся за изданіе журнала, одинъ, безъ сотрудниковъ, не желая многихъ подвергать отвѣтственности

за мой образъ мыслей, рѣшившись, чтобъ журналъ мой былъ безпристрастенъ въ высшей степени.

Послѣ нѣсколькихъ номеровъ, журналъ мой имѣлъ успѣхъ превыше моихъ надеждъ и ожиданій. Я ввелъ въ журналъ критику современныхъ нравовъ, по примѣру Аддиссонова Спектатора, и постоянно слѣдилъ за ходомъ наукъ, литературы и художествъ, представляя свободное и независимое сужденіе о каждомъ новомъ явленіи и оцѣняя трезніе труды въ области наукъ и изящнаго, обратившіе на себя вниманіе современниковъ.

По прошествіи года, журналъ мой приобрѣлъ довѣренность читателей и склонилъ въ свою пользу общее мнѣніе, не столько дарованіями моими, сколько благонамѣренностью направленія, искренностью и безпристрастіемъ, которыя только масса публики умѣетъ справедливо оцѣнить. Но тутъ кончилось и мое спокойствіе!... Изображая рѣзкими чертами взяточниковъ, злоупотребителей власти, пользующихся своимъ значеніемъ для собственнаго обогащенія, сутягъ, отъявленныхъ картежниковъ, мотовъ, лицемеровъ, я вооружилъ противъ себя цѣлые легіоны, хотя никогда не употреблялъ личностей и бралъ общія черты для моихъ изображеній, какъ говорится «съ міра по ниткѣ.» Но каждый, отстраняя отъ себя личность, невольно принималъ на свой счетъ намекъ, чувствуя себя виновнымъ и, разумѣется, питалъ ко мнѣ непримиримую вражду, хотя нѣкоторые изъ отъявленныхъ взяточниковъ и злоупотребителей нарочно ласкали меня, чтобы удобнѣе вредить. Литература всегда вездѣ раздѣлена на партіи, и чуждаясь всѣхъ партій и всякаго кумовства, я возбудилъ вражду противу себя во всѣхъ партіяхъ. Я велъ себя тихо и избѣгалъ обществъ, писалъ только то, что позволялось писать закономъ, слѣдовательно нельзя было ко мнѣ явно привязаться и погубить, но люди, еще въ глубокой древности выдумали средство на пагубу ненавистныхъ имъ порицателей ихъ глупостей и пороковъ, средство дѣйствительнѣе яда и кнжжала, а именно *клеветы*. Отъ яда, есть противоядіе, противъ кнжжала есть кнжжалъ, а отъ клеветы нѣтъ лекарства и отъ нее нельзя защититься ни пидыремъ, ни мужественнымъ сопротивленіемъ. Клевета дѣйствуетъ тайно, въ потьмахъ, исходитъ изъ незвѣтнаго источника и отравляетъ жизнь вашу нечувствительно.... Противъ меня начали дѣйствовать клеветою.

Издавая журналъ, я въ то же время сочинялъ повѣсти и романы, въ такомъ же духѣ и занимался исторіей и другими науками. Публика благосклонно принимала мои сочиненія, по во всѣхъ

нѣмецкихъ журналахъ сочиненія мои смѣшиваемы были съ грязью, и враждебныя мнѣ сужденія перенесены были въ чужія страны. Это меня нисколько не сокрушало и даже не вредило мнѣ въ общемъ мнѣнш, потому что каждый благоразумный человекъ, съ перваго взгляду догадывался о причинѣ этихъ ожесточенныхъ критикъ, но клевета брала свое. Даже у честныхъ людей есть болячка на сердцѣ, называемая *самолюбиемъ*, и оно порождаетъ въ каждомъ человекѣ убѣжденіе въ его превосходствѣ передъ другими, а чѣмъ человекъ умнѣе, тѣмъ это убѣжденіе сильнѣе и тѣмъ своевравнѣе самолюбіе. Возрастающая моя извѣстность колола глаза многихъ добрыхъ людей, которые почитали себя выше меня умомъ и способностями и они, хотя сами не вредили мнѣ, но слушали охотно клеветы противъ меня, и съ *притворнымъ сожалѣніемъ* повторяли ихъ передъ другими. Надо мною носилась туча изъ лжи, злобы и зависти и грѣмѣла, готовясь разразиться!...

Однажды, мой университетскій товарищъ, сынъ вельможи, о которомъ я упоминалъ, Кальтгерцъ павѣсталъ меня. Хотя мы жили въ одномъ городѣ, но не видались, потому что богатые и знатные студенты, вступивъ въ свѣтъ, обыкновенно чуждаются своихъ бѣдныхъ товарищей. Кальтгерцъ жилъ въ высшемъ кругу общества, занималъ почетное мѣсто въ гражданской службѣ и пользовался репутаціей умнаго человека.

— Вы вѣрно удивляетесь, старшій товарищъ; что я такъ давно не посѣщалъ васъ, сказалъ мнѣ Кальтгерцъ: это прозвонью не отъ аристократической гордости, но отъ гордости студентовой. Я опасался, что вы, оставшись при ученыхъ запятіяхъ всегдашнимъ бурнешъ, не захотите знаться со мною, какъ съ *фиджестеромъ*. Но я страстно люблю науки и литературу, занимаюсь ими всегда, только тайно, потому что это скомпрометировало бы меня въ свѣтъ, тѣмъ болѣе, что у меня страсть къ тому самому роду, въ которомъ вы такъ прекрасно пишете. Возобновимъ старую дружбу, сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку. Я вашъ безвозмездный сотрудникъ, съ однимъ условіемъ, чтобъ это оставалось въ тайнѣ, между нами. Разумѣется, что я не такъ силенъ въ языкѣ и вообще въ ремеслѣ писателя, какъ вы, и потому я даю вамъ право исправлять слогъ, но что касается до сущности сочиненій, то мнѣ кажется, что если они и хуже вашихъ, то все же лучше многихъ другихъ. Я вамъ оставляю нѣсколько статей, пересмотрите и скажите мнѣ, съ старинною студенческою откровенностью, вамѣ мнѣніе. Хорошо — въ печать, дурно — въ

каминь! Даю вамъ честное и благородное слово, что не буду въ претензіи, если вы скажете мнѣ, что сочиненія мои никуда не годятся, и клянусь, что если не могу помогать вамъ перомъ, то стану поддерживать васъ значеніемъ моего отца — и моимъ голосомъ.

Не слишкомъ довѣрялъ я и предложенію дружбы и дарованію Кальтгерца, однако жъ взялъ его тетради и просилъ захватить ко мнѣ черезъ недѣлю.

Въ первую свободную минуту я занялся чтеніемъ этихъ сочиненій и удивился необыкновенному дарованію моего стараго товарища, въ которомъ я никогда не подозрѣвалъ такихъ способностей. Это были сатирическіе очерки нравовъ высшаго общества, очерки художника, начертанные ядовитою стрѣлою на льду. Ни одной искры душевнаго пламени не было въ этихъ сочиненіяхъ, ни одной утѣшительной идеи! Но я не могъ отвергнуть этихъ художническихъ картинъ и когда Кальтгерцъ захватилъ ко мнѣ, сказалъ ему, что съ удовольствіемъ напечатаю его сочиненія. Онъ былъ доволенъ и мною и собою, и взялъ съ меня честное слово никому не говорить, что это его сочиненія.

Избѣгая, какъ я уже сказалъ, всѣхъ обществъ, и проводя время въ грудахъ, я все наслажденіе и развлеченіе находилъ въ уединенныхъ загородныхъ прогулкахъ, и потому рѣдко слышалъ мнѣнія о моихъ статьяхъ, избѣгалъ даже этого.

Недѣлю черезъ двѣ послѣ напечатанія статей Кальтгерца, въ праздникъ, пошелъ я за-городъ, чтобъ провести весь день въ полѣ, на чистомъ воздухѣ и потомъ зашелъ въ сельскій трактиръ пообѣдать. Здѣсь встрѣтилъ я одного изъ старыхъ университетскихъ товарищей, который былъ между нами героемъ, то есть первымъ ремонистомъ и фехтмейстеромъ и первымъ питокомъ. Дети богатыхъ и знатныхъ родителей почитали за счастье водиться съ нимъ и пользоваться его благосклонностью, а по выходѣ изъ университета не пускали его къ себѣ на лѣтницу, и онъ, впрочемъ не выучившись, радъ былъ, что досталъ мѣсто помощника писаря-на заставѣ (Thorschreiber). Хотя мнѣ непріятна была эта встрѣча, но зная, что старый товарищъ въ нуждѣ, я пригласилъ его пообѣдать со мною....»

Въ это время надзиратель нашего корридора вошелъ въ приемную комнату и сказалъ мнѣ, что я долженъ идти въ мою камеру, потому что пріѣхалъ губернский прокуроръ для осмотра тюрьмы.

Мы простились съ Бидерманомъ и онъ объядалъ мнѣ на другой день кончить свой разсказъ.

ГЛАВА II.

НѢТЬ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА. — ЧЕСТНОЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО БЛАГОРАЗУМНЫХЪ ЛЮДЕЙ. — СЧАСТЛИВАЯ ЭПОХА ВЪ ЖИЗНИ БИДЕРМАНА. — ЖЕСТОКАЯ ПЕРЕМЕНА. — ТУЧА РАЗРАЖАЕТСЯ. — ЗЕМНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ И ПОЭТЪ. — ЖЕНИТБѢ БИДЕРМАНА. — ОТЪѢЗДЪ ВЪ РОССИЮ. — ЗВАНІЕ ВОСПИТАТЕЛЯ. — ОБМАНУТЫЯ НАДЕЖДЫ. — ПОСВѢЩЕНІЕ ТЮРЬМЫ ВАМПИРОВЫМЪ И ГЛАФИРОЮ АЛЕКСѢЕВНОЮ. — ПРИѢЗДЪ МИНЫ И СЧАСТІЕ БИДЕРМАНА.

На другой день Бидрманъ продолжалъ свой разсказъ.

«Старый мой университетскій товарищъ, прозванный нами барономъ Швансомъ, послѣ первыхъ привѣтствій изъявлялъ мнѣ свое удивленіе, что видитъ меня свободнымъ, потому что въ городѣ разнеслись слухи, будто я взятъ подъ стражу за напечатаніе пасквиля противъ нѣсколькихъ важныхъ лицъ высшаго общества, которыя такъ мастерски списаны съ природы, что весь городъ узналъ ихъ. Онъ сказалъ мнѣ, что слышалъ это отъ караульныхъ офицеровъ и отъ приходящихъ къ нимъ гостей, на той гаубвахтѣ, при которой служатъ въ званіи помощника заставнаго писаря.

— Это, вѣрно, ошибка или какое-нибудь недоумѣніе, сказалъ я, но старый мой товарищъ назвалъ мнѣ статьи Кальтгерца и указалъ на лица, объяснивъ то, что мнѣ было вовсе неизвѣстно.

Сомнѣніе мое превратилось въ увѣренность, когда я вспомнилъ, что Кальтгерцъ взялъ съ меня честное слово не открывать ни въ какомъ случаѣ имени автора статей — и по напечатаніи ихъ не являлся болѣе ко мнѣ. Но будучи чистъ совѣстью — я остался спокоенъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, директоръ полиціи нашего курюршества призвалъ меня къ себѣ. Это былъ благороднѣйшій человекъ, какого только я зналъ въ жизни, ласковый и добродушный. Правитель его канцеляріи былъ человекъ высокаго ума и истинно добродѣтельный, припавшій на себя это званіе единственно изъ любви къ человечеству, понимающій всю важность своихъ обязанностей. Счастіе народа и слава правителя зависятъ, по большой части, отъ деликатности и человеколюбія людей, облеченныхъ исполнительною властью. Люди, которые могли бы погубить меня своею опрометчивостью, если бь слѣдовали чужимъ внушеніямъ, напротивъ, защитили меня и взяли

ведь свое покровительство. Я сознаю откровенно, что не знаю людей, принявших на свой счет статьи, не могъ видѣть въ нихъ личностей — что открыть имени автора я не могу, потому что честное слово связываетъ меня и что я готовъ подвергнуться всякому наказанію, но не нарушу данного слова, и въ этомъ случаѣ принимая всю отвѣтственность на себя, могу только обѣщать быть впередъ осторожнѣе. Директоръ и правитель его канцеляріи оставили мнѣ всю свободу дѣйствій, но видя мое незнаніе свѣта и всѣхъ тайныхъ его пружинъ, совѣтовали мнѣ совѣщаться съ ними въ сомнительныхъ обстоятельствахъ.

Сперва я сблизился съ ними по дѣлу, а потомъ прильнулъ къ нимъ сердцемъ, видя безпрерывно ихъ стремленіе къ добру. Они также полюбили меня и почтили своею довѣренностью. Это счастливая эпоха моей публичной жизни.

Директоръ и правитель его канцеляріи вскаки добра и правоты, сострадали къ слабостямъ человечества и на пороки человѣческіе смотрѣли какъ на недуги, которые надлежало исцѣлять. Сколько добра носили они между людьми! И я, пользуясь довѣренностью этихъ благородныхъ мужей, нигдѣ случая дѣлать добро, указывая на несчастныхъ, оправдывая оклеветанныхъ, выводя ушныхъ и даровитыхъ людей на поприще заслугъ, представляя планы къ усовершенствованію нѣкоторыхъ учреждений и къ истребленію злоупотребленій. Для себя я никогда ничего не просилъ и не желалъ. Жизнь я велъ уединенную, людей видѣлъ только въ редакціи моего журнала и навѣщалъ одно только семейство моего корректора, отставнаго учителя, который былъ ученикъ четырехъ Академій вмѣстѣ взятыхъ и черствый кусокъ хлѣба зарабатывалъ корректурами чужихъ сочиненій. Жена моя, Луиза, дочь этого благороднаго человѣка. Никогда я не думалъ, что я живу съ нею. Бывая каждый день въ ихъ домѣ, я обходилъ съ нею какъ съ сестрою, на досугѣ преподавалъ ей уроки, ходилъ съ нею прогуливаться — и мы, въ нашей взаимной привязанности, оба не предполагали, что любимъ другъ друга земною любовью. Случай открылъ это.

Я не хочу распространяться въ моемъ разсказѣ — и выводить на сцену лица, вамъ неизвѣстныхъ и событія отдаленныя. Скажу только, что положеніе мое внезапно перемѣнилось. Не стало моихъ покровителей, и всѣ тѣ, которые въ сатирическихъ моихъ сочиненіяхъ предполагали личность противъ себя (хотя я не выдавалъ ихъ и даже не слышалъ объ нихъ!), всѣ критикованные мною писатели, всѣ журналисты, и толпы завистниковъ почтующихъ

каждую каплю разума въ другомъ человѣкѣ и каждую честно нажитую копейку отыскать у нихъ добромъ — бросились на меня, какъ на дикаго звѣря. Все что покровители мои почитали во мнѣ хорошимъ и полезнымъ, названо было злымъ, гнуснымъ, вреднымъ. Мое правдолюбіе представляемо было дерзостью, критическая оцѣнка чужихъ сочиненій — корыстолюбіемъ и завистью. Клевета изображала меня какимъ-то злымъ духомъ, въ двухъ различныхъ видахъ, передъ правительствомъ кровожаднымъ якобинцемъ, а передъ публикою хитрымъ шпиономъ. Въ первомъ клевета основывалась на пребываніи моемъ во Франціи, въ самое ужасное время революціи, а во второмъ на покровительствѣ, которымъ поттили меня нѣкоторые значительные и благородные мужи. Предлогъ былъ къ подозрѣнію, а для клеветы болѣе не надобно, какъ предлогъ. Ложь и злоба доолиняютъ естественное.

Меня начали явно гнать и перетолковывать въ дурную сторону каждое мое слово, страшали, оскорбляли грубостями и подозрѣніями — наконецъ довели до того, что честное и благородное мое занятіе литературою сдѣлалось мнѣ несноснымъ. Гордость, свойственная человѣку, увѣренному въ правотѣ своихъ поступковъ, пренебрегала мнѣ отказатся отъ журнала — но наконецъ злоба моихъ враговъ преодолѣла мою твердость и я бросилъ журналъ. Можетъ быть и были люди, которые сострадали обо мнѣ и признавали пользу отъ моей литературной дѣятельности; можетъ быть нѣкоторые изъ тѣхъ, которымъ я имѣлъ случай сдѣлать добро или оказать услугу и сожалѣли обо мнѣ но они были или безсильны или осторожны — и ни одинъ голосъ не возвысился на мою защиту.... злоба и ненависть, подобно пламени, обжигали со всѣхъ сторонъ созданное мною широкое положеніе въ свѣтѣ и я бѣжалъ, чтобъ не быть раздавленнымъ подъ развалинами....»

— А Вампировы торжествуютъ! воскликнулъ я неволью.

— «Для нихъ создана земная грязь, называемая золотомъ, и дана способность развивать изъ ума паутину, называемую свѣтскими связями и изъ чужихъ заслугъ выковырывать якорь, на которомъ они твердо держатся въ морѣ свѣтской жизни, во время бури, приливовъ и отливовъ. Для малаго числа избранныхъ, земля есть только станція, на пути изъ ничтожества въ вѣчность, а для Вампировыхъ земля есть — небо! Припоминаю разговоръ мой съ однимъ изъ жесточайшихъ моихъ гонителей.... Бидерманъ при этихъ словахъ улыбулся....»

Гонитель мой сказалъ: — Хотите способствія — не принимайте, откажитесь отъ авторства, примните какое-нибудь мѣсто — и служите.

— Не могу отказаться отъ авторства, потому что я пишу по внутреннему влеченію, по убѣжденію, что если современники не признаютъ моихъ заслугъ и побужденій — потомство отдастъ мнѣ справедливость....

Гонитель мой громко захохоталъ: — Вы думаете о потомствѣ! сказалъ онъ, держа за бока.

— Да, я вѣрю, что только въ потомствѣ истинная награда правосудному вельможѣ, покровителю чести, добра и таланта, что только потомство справедливо оценитъ подвиги на пользу отечества и человѣчества....

Гонитель мой не далъ мнѣ кончить:

— Перестаньте молоть вздоръ, сказалъ онъ: — Потомство — ничто!.. какая мнѣ нужда, что скажутъ обо мнѣ, когда я буду лежать въ землѣ..... Онъ снова захохоталъ.

— Но имя ваше, которое вы передаете дѣтямъ? возразилъ я.

— Вздоръ, вздоръ! воскликнулъ онъ. Имя не дастъ дѣтямъ хлѣба, а золото дастъ и блескъ и вѣсь имени....

— Читали ли вы «Вельможа» Державина? спросилъ я у Бадермана.

— Знаю наизусть, отвѣчалъ почтенный старикъ: и видѣлъ такихъ вельможъ въ натурѣ:

«Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ,
Прямыхъ красоть не ошущаетъ:

Се образъ ложныя молвы.
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благодати душевной;
Не всё ль, вельможи, таковы?»

Державинъ великій мужъ — и кто не признаетъ въ немъ великихъ заслугъ на пользу человѣчества, тотъ или золъ или негодяй. Я бѣжалъ отъ глыбы грязи позлащенной и на другой день рѣшился оставить навсегда мое отечество.

Вечеромъ я зашелъ проститься къ моему корректору. Онъ и семейство его уже знали о моемъ намѣреніи и я засталъ всѣхъ въ слезахъ.

Увидѣвъ Луизу и подумавъ, что я долженъ на вѣки расстать-

ся съ нею, я почувствовалъ — что это будетъ истинномъ вѣчной моей горести.

«— О чемъ ты плачешь, добрая Луиза? спросилъ я.

Она не отвѣчала и заливалась слезами.

«— Черезъ нѣсколько, черезъ годъ, ты забудешь, что у тебя былъ другъ, Бидерманъ!....

«— Никогда! воскликнула Луиза.

Я обратился къ родителямъ и сказалъ :

— «Если вы вѣрите моей совѣсти — отдайте мнѣ Луизу, если она согласна выйти за меня замужъ.... Я ничего не прошу, кромѣ того что у меня въ сердцѣ и въ головѣ: omnia mea mecum porto — но и этого довольно для счастья добродѣтельной женщины....

Луиза не дала мнѣ кончить и бросилась мнѣ на шею. Рѣшено было, что семейство моего корректора проводить меня за границу и что въ первомъ городѣ мы съ Луизой обѣдимся. Вотъ какъ составлялись счастливые браки въ мое время, въ патриархальной Германіи, въ нѣмецкомъ сословіи....

Все мое имущество состояло изъ нѣсколькихъ сотъ талеровъ, изъ которыхъ я удалялъ часть бѣдному моему тестю и принявъ его благословеніе, отправился искать счастья въ странѣ, которую намъ описывали всегда какъ Эльдorado, въ которой многіе изъ нашихъ земляковъ составили себѣ счастье, приобрѣли богатство и почести — я отправился въ Россію, взявъ паспортъ на имя моего тестя, Бидермана....»

— И такъ ваша фамилія не Бидерманъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Это прозваніе моего тестя. Вамъ покажется непонятнымъ, какъ можно переимѣнить имя, взять паспортъ на чужое имя — но въ чужихъ краяхъ это весьма легко. Опасаясь преслѣдованія моихъ гонителей и отрекаясь навсегда отъ авторства, я скрылъ мое имя, бывшее тогда извѣстнымъ вездѣ, гдѣ читали по-нѣмецки.... Современемъ вы узнаете настоящее мое имя.... Я былъ уже не одинокій и долженъ былъ скрываться отъ людской злобы, чтобъ укрыть отъ нея мою Луизу.

Чего искалъ я въ Россіи?.... Куска хлѣба и спокойствія. Я нашелъ и то и другое, хотя кусокъ хлѣба приходится иногда тяжело, какъ вы знаете. Спокойствіе — это неизвѣстность — и на нѣмецкаго учителя никто не обращаетъ вниманія. Меня не преслѣдуютъ и этого довольно.

Я прибылъ въ Россію въ цвѣтъ лѣтъ, въ эпоху созрѣванія

умственныхъ способностей и потому питалъ себя различными блудательными надеждами. Не зная никого и не желая ни предъ кѣмъ открыться, я назвался преподавателемъ словесныхъ и историческихъ наукъ, и посѣтилъ нѣсколькихъ ученыхъ Нишцевъ, прося ихъ доставить занятія. Къ чести ихъ скажу, что они, не видя во мнѣ соперника, искавшаго штатнаго ученаго мѣста, охотно взяли помочь мнѣ и я вскорѣ получилъ мѣсто воспитателя въ одномъ знатномъ домѣ. Жалованье мое было порядочное и притомъ квартира, столъ, прислуга, словомъ, все способы къ матеріальному счастью. Но нравственная сторона моего положенія была самая грустная.

Я долженъ былъ завѣдывать воспитаніемъ и давать уроки нѣмецкаго языка, исторіи и географіи. Для французскаго языка и для провозженія времени съ дѣтьми былъ въ домѣ Французъ, гувернёръ. Для другихъ наукъ приходили учителя. Всего было четыре мальчика, трое сыновей и племянникъ хозяйки дома. Хозяйскіе дѣти были забалованы въ высшей степени и въ дѣтскомъ возрастѣ только и думали о наслажденіяхъ, ожидающихъ ихъ въ свѣтѣ, но окончаніи воспитанія. Не слыша никогда въ домѣ разговора о наукахъ, дѣти не понимали пользы наукъ, почитали ихъ вовсе излишними и учились не охотно. Племянникъ хозяйки былъ мальчикъ скромный и прилежный, и онъ утѣшалъ меня за другихъ, доказывая собою, что труды мои могли бы быть полезны и для сыновей хозяйки. Родители ни объ чемъ не спрашивали дѣтей, какъ только о французскомъ языкѣ, и дѣти, такъ сказать, машинально изучали его, говоря всегда между собою и думая по-французски. Гувернёръ, молодой сансаронъ, пользовался большою милостью хозяйки дома и ненавидѣлъ меня зато, что я, по обязанности моей, поправлялъ грамматическія ошибки въ его тетрадахъ. Онъ платилъ мнѣ за это насмѣшками и умѣлъ представить меня въ смѣшномъ видѣ и хозяевамъ дома и дѣтямъ и даже слугамъ. Учителя также возненавидѣли меня, зато, что я требовалъ отъ нихъ точности и былъ недоволенъ ихъ поверхностнымъ ученіемъ, самъ составилъ программы для каждаго предмета, чтѣ ихъ затрудняло, а нѣмыхъ вовсе поставило въ тупикъ. Къ довершенію всехъ неприятностей, самъ почтенный родитель моихъ воспитанниковъ вздумалъ приволакиваться за моею Лузою, которая сперва смѣялась надъ этою глупостью, а наконецъ оскорбилась, когда посѣдѣлый Франтъ дерзнулъ прислать ей богатый подарокъ.... Я долженъ былъ оставить домъ....

Ученые мои земляки доставили мнѣ еще нѣсколько мѣстъ въ

богатыхъ домѣхъ, въ званіи воспитателя — но я не могъ нигдѣ найти того чего искалъ, а именно, уваженія къ наукамъ и къ знанію ученаго и, слѣдовательно, не могъ дѣйствовать по собѣсти для образованія ума и сердца дѣтей. Надо мною свѣдѣлись, когда я требовалъ, чтобъ дѣти не были свидѣтелями карточной игры, вольныхъ развлеченій, свѣтскихъ спектаклей, чтобъ не посѣщали театра, во время представленія містъ, вольническихъ грязныхъ двусмысленностями и гнусными интригами и когда хотѣлъ, чтобъ дѣти, вмѣсто-того чтобъ заучивать наизусть глупые французскіе стихи, заучивали, для изощренія памяти, высшую христіанскую нравственность Священнаго Писанія и афоризмы великихъ мужей древности. Надо мною насмѣлялись, какъ надъ окупнымъ негодяемъ и обходился со мной, какъ съ насмѣшникомъ. Кончилилось тѣмъ, что я навсегда отказался отъ званія воспитателя и рѣшился снискивать пропитаніе уроками, между людьми небогатыми и малоначашными, которые хотя мало платятъ, но уважаютъ учителя дѣтей своихъ, какъ роднаго, и не почитаютъ его насмѣшникомъ и лжецемъ. Избѣгая всякихъ близкихъ сношеній съ людьми, не требуя отъ нихъ никакихъ услугъ, не ища никакого мѣста, которое могло бы возбудить какое-либо вниманіе или зависть, не спора ни съ кѣмъ, никому не противорѣча, не объявляя моего мнѣнія... даже о погодѣ, я нашелъ спокойствіе между людьми и себю подтвердилъ задачу, что кто хочетъ избѣгнуть людской вражды, тотъ долженъ умереть. Я уже давно умеръ для свѣта и живу сердцемъ и душою только въ семьѣ моей; желаю людямъ добра, то есть, чтобъ они были добры, но не могу содѣйствовать къ распространенію его, не какъ эгоиста, но потому что не смѣю подвергнуть бѣдную жену мою и дѣтей всѣмъ опасностямъ, угрожающимъ человѣку, дѣйствующему на пользу человечества. Если бы я былъ холостъ... иное дѣло!

Я стою уже на краю могилы и оставляю семью свою въ бѣдности, и безъ всякаго провинительства. Утѣшаюсь мыслью, что я не сдѣлалъ умышленно зла ни одному человѣку, никого не омрачалъ, не присвоилъ ни на грошъ чужой собственности — писалъ, говорилъ и дѣйствовалъ всегда по убѣжденію, и надѣюсь только на Бога, Который печется и о бѣдномъ пасивномъ, созданномъ высокою его мудростью, для цѣли непостижимой нашимъ умомъ. Богъ не оставитъ и опретъ моихъ. Таковъ законъ нравственнаго міра, что провозглашающій истину, долженъ страдать отъ людей, а самъ Спаситель міра подалъ великій примѣръ, запечатлѣвъ божественныя истины мученіемъ и смертію. Сокра-

та люди отравили за правду, Ардетида выгнали из Ассирии.... Как же послѣ этого роптать мнѣ, бѣдному писакѣ!...»

Бидерманъ умолкъ и я не могъ промолвить слова и съ душевнымъ увлеченіемъ смотрѣлъ на добродѣтельнаго старца, убитаго людскою злобою и неблагодарностью. Онъ или не сознавался или не чувствовалъ, что сердце его поражено тяжкимъ и неизлечимымъ недугомъ—недоувѣрчивостью въ человечеству.... Воспоминаніе претерпѣнныхъ гоненій, разстроило старца. Онъ былъ бившою и сплѣлъ опустить голову на грудь.

Наконецъ онъ всталъ и указывая на себя, произнесъ уныло: «Слава Богу, что есть смерть.... точка и конецъ глупой, страшной или шутовской сказки....»

Бидерманъ пожалъ мнѣ руку и поспѣшно оставилъ меня. Онъ рѣшился разсказать мнѣ перечесть жизни своей съ тѣмъ, чтобъ утѣшать меня въ моемъ несчастномъ положеніи и произвелъ разсказомъ своимъ противоположное дѣйствіе. Будущеемъ казалъ мнѣ мрачно и авторство, которому я преданъ по страсти, представлялось моему воображенію въ видѣ какой-то бездомной пропасти. Я вознамѣрился заглушить разсудкомъ влеченіе къ авторству.

Въ тириѣ содержался за долги одинъ Нѣмецъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, человекъ довольно образованный, сдержанный и набожный. Онъ разорился отъ излишней доувѣрчивости, и заключенъ былъ въ тирию по преданіямъ некоторыхъ своихъ совѣтниковъ, опасавшихся его искусства. Одинъ изъ нихъ предлагалъ выкупить его, если онъ согласится работать для него; но онъ отказался, рѣшившись лучше умереть, чѣмъ унизиться. Съ этимъ Нѣмцемъ я иногда разговаривалъ, прохаживаясь по двору или по корридору.

На другой день послѣ того, какъ Бидерманъ разсказалъ мнѣ о своей жизни, бывшій золотыхъ дѣлъ мастеръ спросилъ меня, да въ ли я знаю этого почтеннаго старика, а когда я объяснилъ ему какимъ образомъ мы познакомились, мастеръ сказалъ:

— Я около пяти лѣтъ знаю съ виду этого старика. Однажды прогуливаясь лѣтомъ за городомъ, съ прибывшимъ изъ Германіи купцомъ, торговавшимъ драгоценными камнями, мы встрѣтили этого старика съ его семействомъ. Купецъ, указывая мнѣ на него, сказалъ: «Этого человека, если не ошибаюсь видывалъ я въ Германіи, когда на него обращено было общее вниманіе, когда зналъ его и умные люди дорожили его мнѣніемъ и искали его дружбы, когда онъ былъ въ славѣ и чести....» Сказать это, ку-

пецъ подошелъ къ старику и привѣтствовалъ его — я остался всторонѣ.

Я замѣтилъ, что старикъ смѣшался, когда мой знакомецъ привѣтствовалъ его. Они отошли встороню и стали разговаривать между собою вполголоса и потому дружески распространились. Возвратясь ко мнѣ купецъ сказалъ:

— Этотъ человекъ просилъ меня убѣдительно и взялъ съ меня честное слово не открывать никому подлиннаго его имени и прежняго положенія.... Онъ, какъ говорится, претерпѣлъ кораблекрушеніе въ свѣтѣ и живетъ здѣсь подъ чужимъ именемъ. Видно и на разумъ, какъ на деньги, бываетъ банкротство, примолвилъ смѣясь мой знакомецъ.

Изъ этихъ словъ я удостовѣрился, что Бидерманъ скрылъ отъ меня многое, рассказывая мнѣ жизнь свою, именно умолчалъ о блистательной ея эпохѣ, вѣроятно для того, чтобъ не показаться хвастуномъ.

Нѣсколько дней сряду Бидерманъ не навѣщалъ меня, и я подозревалъ, что воспоминаніе прошлаго до того растрогало его, что онъ заболѣлъ.

Въ воскресный день, когда мы возвратились отъ обѣдни въ наши камеры и ждали обѣда, надзиратель вбѣжалъ поспѣшно въ корридоръ и закричалъ:

— Господа, по своимъ мѣстамъ! пріѣхали какіе-то господа и хотятъ осматривать *заведеніе*.... вѣрно выкупятъ кого-нибудь изъ вѣсь....

Я сѣлъ во мнѣ моего столика, не думая вовсе объ этомъ происшествіи. Надзиратель съ шумомъ отворилъ обѣ половинки дверей въ нашу камеру вошли.... Вампировъ съ Глафирой Алексѣевной! Не знаю, что со мной сдѣлалось въ эту минуту. Меня бросило въ жаръ и въ дрожь. Благодарю Бога, что Онъ лишилъ меня силъ въ эту минуту, а нето я бы бросился на Вампирова и растерзалъ его.... Но я сидѣлъ какъ прикованный и смотрѣлъ неподвижно на изверга, какъ несчастная жертва, очарованная взглядомъ змѣи-удава. Вампировъ поклонился мнѣ съ улыбкою, а Глафира Алексѣевна спросила о моемъ здоровьѣ. Я не отвѣчалъ ни слова и отвернулся.

— Александръ Сергѣевичъ, кажется, нерасположенъ бесѣдовать съ людьми, принимающими въ немъ участіе, сказалъ Вампировъ.

— Прошу оставить меня въ покоѣ, или я не выдержу, отвѣчалъ я, вскочивъ съ мѣста....

— Вы здѣсь полный хозяинъ и можете отказывать гостямъ, отвѣчалъ Вампировъ, подавъ руку Глафирѣ Алексѣевнѣ и вышелъ поспѣшно изъ нашей камеры.

Черезъ часъ главный смотритель позвалъ меня къ себѣ.

— Вы неблагоразумно поступили, принявъ грубо господина Вампирова и бывшую съ нимъ даму, сказалъ онъ. Кажется мнѣ, что они имѣли намѣреніе выкупить васъ изъ тюрьмы, потому что спрашивали меня за какую сумму вы содержитесь, какъ ведете себя и тому подобное. Надобно покорствовать судьбѣ и забыть о прошломъ ...

— Это мое дѣло, отвѣчалъ я. Я не хочу быть обязаннымъ свободою ни Вампирову, ни бывшей съ нимъ дамѣ, хотя противъ дамы я ничего не имѣю на сердцѣ. Но если бѣ жизнь моя зависѣла отъ одного слова Вампирова, то я бы умеръ, но не обратился бы къ нему за словомъ....

— Какъ вамъ угодно! сказалъ смотритель.

Я возвратился въ камеру.

Къ вечеру навѣстилъ меня Бидерманъ. На лицѣ его написана была радость. Онъ улыбался, а глаза его наполнены были слезами. Въ рукахъ у него былъ большой узелъ.

— Извините меня, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что я такъ долго не былъ у васъ; но въ счастьи люди забывчивы.... а я такъ счастливъ.... Моя Миша прѣехала! она похорошѣла, здороваѣла, кажется стала еще добрѣе, если это возможно.... Три дня пробыла она съ нами и три дня мы были въ раю.... Но чтѣ съ вами сдѣлалось.... вы поблѣдѣли.... вамъ дурно!

Мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ было дурно. Голова моя кружилась, кровь наливалась къ сердцу, и я долженъ былъ присѣсть. Бидерманъ побѣждалъ за водою, и, возвратясь, заставилъ меня пить ея и дѣлать на голову. Я боялся взглянуть на Бидермана. Чтѣ онъ подумаетъ обо мнѣ, когда узнаетъ, что я знакомъ съ Миной, что я даже пнеалъ къ ней—и утаилъ это передъ нимъ. Эти мысли обуревали меня и я тогда только пришелъ въ себя, когда убѣдился, что Бидерманъ ничего не знаетъ о моемъ знакомствѣ съ Миной. Онъ мнѣ разсказалъ, что княгиня остановилась на дачѣ, въ Петергофѣ, у своей родственницы, что Миша чрезвычайно довольна княгиней, которая обходится съ нею, какъ съ дочерью, что князь, мужъ княгини, умеръ; словомъ Бидерманъ разсказалъ мнѣ множество подробностей о Мишѣ, о княгинѣ, о ихъ путешествіи и не вспомнилъ о томъ, что я зналъ Мишу въ Нанси. Миша забыла о моемъ существованіи, думалъ я. Какъ ни тяжело мнѣ было это

но въ эту минуту я почти былъ радъ этому, страхась, чтобы скрытность моя насчетъ знаменства моего съ Миной, не оскорбила Бидермана.

— Моя Луиза прислала вамъ гостинцевъ, сказала Бидерманъ, отдавая мнѣ узелъ. Теперь мы богаты, примолвилъ онъ съ улыбкою. Мое доброе дитя привезло вамъ подарковъ — я не смѣлъ отказать ей... Я прощаюсь съ вами на цѣлую недѣлю, любезный Александръ Сергѣевичъ! Книгиня пригласила всѣхъ насъ къ себѣ на дачу, на цѣлую недѣлю. Мы проживемъ все вѣкъ, проживемъ съ Миной цѣлую недѣлю!... Ахъ, какъ я счастливъ, Александръ Сергѣевичъ!

Бидерманъ обвѣялъ меня и примолвилъ :

— И какъ досадно, что когда я наслаждаюсь райскимъ блаженствомъ — вы несчастны! Видно, что въ жизни нѣтъ ничего безъ горечи....

— Добрый Карлъ Карловичъ! Вѣрьте мнѣ, что я счастливъ — вашимъ счастьемъ — и что съ меня и этого довольно!

Я не смѣлъ отказать отъ гостинцевъ Бидермана — и взялъ узелъ. Мы престались.

Въ узлѣ были чай, кофе, сахаръ, булки, крендели и пятидесяти-рублевая ассигнація.... Это были большія деньги для Бидермана и для меня, въ эту пору, и я твердо рѣшился заставить его, при первомъ свиданіи, взять ихъ обратно. Меня радовало то, что Бидерманъ былъ не въ нуждѣ, когда могъ удѣлить мнѣ такую сумму....

Многимъ изъ тѣхъ, которымъ попадется въ руки моя рукопись, найдутъ скучнымъ и лишнимъ эти подробности и назовутъ ихъ мелочами, привыкнувъ къ судорожнымъ выписаннымъ романамъ, въ которыхъ кровь и грязь бьютъ фонтанами, гдѣ злодійство составляетъ завязку, а торжество его развязку и гдѣ вѣсто природы, театральныя декораціи. Чистая, свѣтлая любовь, безкорыстная дружба, обыкновенный, житейскій ходъ прошептливой — у модныхъ писателей называется пошлостями. Но вѣдь я писалъ не для печати, не для моднаго свѣта, а для себя и для тѣхъ, которые, въ жизни человѣческой, какъ въ наукѣ, ищутъ истины, а въ истинѣ чувства. Бидерманъ для меня выше Цесаря и Наполеона, его гостинцы — дороже завоеванныхъ имъ царствъ; сердце Бидермана выше ихъ славы — а Мина... она выше всѣхъ сравненій! Въ самомъ тяжкомъ бѣдствіи утѣшительно думать, что на землѣ есть Бидерманы, есть Мины.... Въ сравненіи съ Вампировымъ — это то же, что противодіе.

1.

Я вновь полна чудесныхъ звуковъ
И сладкихъ пѣсень старины,
Какъ прежде, душу мнѣ объемлютъ
Надеждъ, любви святыя сны.

Что жъ? сердце ихъ принять готово,
Готово въ прошломъ погостить,
И въ области мечты волшебной
Все горе жизни позабыть.

=

2.

СИЛА ЗВУКОВЪ.

Изъ ума у меня не выходитъ
Всё та пѣсня, что пѣла вчера,
Всё мнѣ грустныя думы наводитъ,
Всё звучитъ мнѣ страданьемъ она.

Я сегодня работать хотѣла,
Но лишь только иголку взяла,

Какъ въ глазахъ у меня потемнѣло,
И склонилась на грудь голова :

Какъ недугомъ лихвѣмъ, охватило
Тѣми звуками душу мою,
И болѣзненно сердце заныло
И шепчу всё: люблю я, люблю!

=

3.

ОБЛАКА.

Смотрю на облака, безъ мысли и безъ цѣли ;
Опять вы, легкія, съ весною прилетѣли !
Опять вы, вольные, по выси голубой,
Воздушно-свѣтлою гуляете грядой ;
Опять гляжу на васъ печальными очами,
И какъ желала бы помчаться вслѣдъ за вами !....

=

ПРОЩАЙ.

Прощай! не нужно мнѣ участья,
Не жалуясь, не плачу я....
Тебѣ вся прелесть бытія,
Тебѣ весь блескъ земнаго счастья.

Тебѣ любовь, тебѣ цвѣты,
Тебѣ всё жизни наслажденья ;
Мнѣ — сердца тайныя мученья,
Да безотрадныя мечты.

Прощай! пришла пора разлуки,
Иду въ печальный, долгій путь....
Богъ вѣсть, придется-ль отдохнуть
Отъ горя, холода и скуки!

Ю. ЖАДОВСКАЯ.

=

ГРУСТЬ ДѢВУЦЫ.

Кудрявой головкой склонившись на руку,
 Печально дѣвица сидеть подь окномъ
 И горько рыдаетъ; но тяжкую муку
 Уймешь ли слезами она въ ретивомъ?

О комъ же тоскуетъ душа молодая?
 Зачѣмъ же слезами блистаютъ глаза?
 Иль милаго друга изъ дальняго края
 Ты всё ожидаешь, дѣвица-краса?

Не скоро вернется! Отъ нужды и горя
 Могилою темной давно онъ сокрытъ;
 Подъ пальмой тѣнистой, у Чернаго Моря
 Не кровной рукою страдалецъ зарытъ....

Ни вѣрные други, ни мать родная
 Надъ нимъ не рыдали въ таинственный часъ,
 По немъ не тужила сестра молодая
 И слезъ не ронила изъ огненныхъ глазъ!

Лишь яркое солнце на небѣ свѣтило,
 Да пальма шумѣла вершиной густой,
 Да въ морѣ съ волною волна говорила,
 Когда совершался обрядъ роковой!....

Зачѣмъ же головкой склонившись на руку,
 Печально дѣвица сидишь подь окномъ
 И горько рыдаешь? вѣдь тяжкую муку
 Не скоро слезами уймешь въ ретивомъ!

ВДОХНОВЕНІЕ.

Есть блаженное мгновеніе:
 Полуночною порой
 Неба свѣтлое видѣнье
 Собесѣдуетъ со мной!
 Грудь вольно! Я внимаю

Складкой музыкѣ рѣчей,
Наслаждаюсь и витаю
Въ морѣ свѣта и лучей.
Но, когда мое видѣнье
Улыбаясь улетитъ,
Ключъ святаго вдохновенья
Заиграетъ, закипитъ....
Будто бурною волною
Хлынутъ звуки подъ перо,
Околдуютъ красотою,
Загремятъ какъ серебро!
И на звуки отзовется
Сердце юноши тоской,
И завоетъ, всколыхнется,
Грудь дѣвицы молодой.

Д. ЯСТРЕБОВЪ

МОСКВА и МОСКВИЧИ.

=

ЗАПИСКИ

БОГДАНА ИЛЬИЧА БЪЛЬСКАГО.

=

I.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НАШИХЪ ПРОВИНЦІАЛАХЪ.

Ну, что за общество! То харя, то уродъ!

Здѣсь вся кувстванера.....

.....

Какая вѣжливость, какія обращенія!

Всѣ эти чучелы похожи ль на людей!..

Безъ вкуса, безъ ума, совсѣмъ безъ просвѣщенія.

Князь Шаховской.

Давно ужъ я не бесѣдовалъ съ вами, любезные читатели, не потому чтобъ я боялся надоесть вамъ моею болтовнею, мнѣ это и въ голову не приходило: вѣдь дѣти и старики (что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, одно и то же) никогда объ этомъ не заботятся: имъ бы только болтать. Вы также ошибетесь, если подумаете, что я такъ долго молчалъ потому, что мнѣ нечего было вамъ рассказывать — помните!.... Ужъ я вамъ докладывалъ, что Москва не городъ, не столица, а дѣльнѣй

русскій міръ; что въ ней собраны вмѣстѣ всѣ обрашки главныхъ началъ, составляющихъ это огромное тѣло, которому Петербургъ служитъ головою, а Москва—сердцемъ. Такъ неужели я могъ въ двухъ небольшихъ книжкахъ высказать вамъ все то, что можно сказать о нашей матушкѣ-Москвѣ православной?... О, вѣтъ!... Была бы только охота, а поговорить есть о чемъ; и я вѣрно бы продолжалъ забавлять, или усыплять васъ моими разсказами, если бъ не былъ занятъ другимъ. Вотъ ужъ около года мой домикъ на Прѣсенскихъ-Прудахъ стоитъ какъ сиротинка съ запертыми воротами и затворенными ставнями, мой широкій дворъ заросъ крапивою, мои акаціи, бузина и сирени заглохли травою, моя дерновая скамья, съ которой я такъ часто любовался изгибистымъ бѣгомъ Москвы-рѣки, развалилась и стала похожа на небрежно засыпанную могилу. Послѣ этого, вамъ не трудно будетъ отгадать, что меня не было въ Москвѣ. Я ѣздилъ по домашнимъ дѣламъ верстъ за тысячу; прожилъ долго въ калужской губерніи, потрудился, поработалъ, нагулялся до-сыта, по этимъ, вѣкогда дремучимъ Брынскимъ Лѣсамъ; погостилъ вѣскольکو дней въ селѣ Толетошениѣ, въ которомъ, говорятъ, жилъ встарину какой-то бояринъ, въ великолѣпныхъ хоромахъ, съ вышками и теремами. Теперь на мѣстѣ этихъ хоромъ, выстроенъ обширный желѣзный заводъ. Видно, вездѣ промышленность и общепользныя заведенія вытѣсняють по-немногу русскихъ бояръ изъ ихъ наслѣдственныхъ, дѣдовскихъ палатъ. Вотъ, посмотришь у насъ въ Москвѣ — въ этомъ старинномъ боярскомъ домѣ, фабрика — въ томъ училищѣ, въ одномъ больница, въ другомъ трактиръ — да такъ и быть должно. У насъ не было ни маіоратовъ, ни наслѣдственной аристократіи, такъ диво ли, что дѣдушка давалъ роскошные пиры и жилъ въ огромныхъ палатахъ, а внукъ сзываетъ гостей на чашку чаю и живетъ скромнѣхонько въ деревянномъ домикѣ. «Оно, дескать, и пріютнѣе и комфортабельнѣе, и опрятнѣе, да и печей-то по-меньше надобно топить».

Вы ужъ знаете, любезные читатели, что я, какъ истый Москвитинъ, немножечко лѣнивъ, тяжель на подъемъ и безъ крайней надобности ни за что бы не рѣшился уѣхать на долго изъ Москвы. Обыкновенно всѣ мои поѣздки ограничивались посѣщеніемъ вѣкоторыхъ подмосковныхъ, рѣдкими прогулками въ Новый-Іерусалимъ, и довольно частыми путешествіями въ Троицкую Лавру — то есть: втеченіи тридцати лѣтъ я ни одного разу не былъ за границею московской губерніи. Разныя домаш-

нихъ обстоятельствъ, о которыхъ разсказывать я полагаю излишнимъ, вынудили меня разстаться на цѣлый годъ съ моимъ уютнымъ домикомъ, съ старинными друзьями, со всѣми удобствами столичной жизни и ѣхать, добро бы еще за границу, а то, страшно вымолвить — въ самую глубь Россіи!.... Не подумайте, любезные читатели, что это пропія или шутка — нѣтъ! Я струсилъ, не шутя, отправляясь въ дорогу; и, правду сказать, было отъ чего призадуматься!.... Тому кто живетъ постоянно въ столицѣ, трудно слѣдить за измѣненіемъ нравовъ и обычаевъ нашихъ провинціальныхъ жителей; бывая по своимъ дѣламъ въ Москвѣ, они не всегда появляются въ обществѣ, а сверхъ-того, человѣкъ заѣзжій обыкновенно старается принаровиться къ обычаямъ и принятымъ условіямъ города или общества, въ которое онъ попалъ случайнымъ образомъ. Чтобы изучить нравы, узнать обычай и получить понятіе о степени просвѣщенія, не только цѣлаго общества, но одного человѣка, надобно застать его, такъ-сказать, въ-расплохъ, подсмотрѣть его домашній бытъ, пожить съ нимъ вмѣстѣ. Въ противномъ случаѣ понятія ваши объ этомъ человѣкѣ, будутъ всегда поверхностны и не вѣрны. Строго придерживаясь этого правила, я не позволялъ себѣ никакого собственнаго сужденія о нашихъ провинціалахъ; но зато слѣпо вѣрилъ, что они съ необычайной точностью и глубокимъ познаніемъ дѣла, описаны, изображены и выведены на сцену въ нѣкоторыхъ современныхъ повѣстяхъ, романахъ и комедіяхъ. — «Не можетъ-быть, думалъ я — чтобы эти господа сочинители писали на-обумъ — а жаль!.... Истинно жаль!.... Ну, не грустно ли подумать, что всѣ наши провинціи заселены помѣщиками, которые вполне оправдываютъ обидное названіе *сѣверныхъ варваровъ*; названіе, данное намъ Французами, вѣроятно потому, что мы за пожаръ Москвы не отмстили разореніемъ Парижа. — Волосы становятся дыбомъ, когда видишь въ какой-нибудь комедіи, или читаешь въ какомъ-нибудь романѣ, что за народъ эти русскіе провинціалы!.... Всѣ, отъ перваго до послѣдняго такіе уроды, что не дай Господи, не только съ ними жить, да и на улицѣ-то повстрѣчаться. И всѣ какъ-будто бы въ одну форму вылиты. Только и есть между ними разницы, одинъ невѣжда-глупецъ, другой невѣжда-мошеникъ; тотъ пошлый дуракъ и, разумѣется, невѣжда, а этотъ естественный плутъ — а всё-таки невѣжда!.. ну, истинно нѣ на комъ душѣ отдохнуть!.... Инымъ это очень нравится: — «смѣшно!....» А я такъ, бывало, чуть не плачу.... «Ахъ, матушка наша, Святая Русь!.... Да что жъ это съ тобою дѣлается?.... Въ столицѣ

цахъ народъ становится просвѣщеннѣе — конечно и мы идемъ нога за погу, а всё-таки подвигаемся впередъ; такъ отчего же провинціалы-то наши всё пятятся назадъ? Вотъ ужъ шестьдесятъ четыре года, какъ фонъ-Визинъ вывелъ на сцену русскихъ провинціаловъ: Скотинина, Простаковыхъ, Митрофанушку — да зато рядомъ съ ними поставилъ милую и любезную дѣвицу, благороднаго и добросовѣстнаго чиновника, исполненнаго чести, умнаго старика и скромнаго, образовавшаго молодого человѣка. А теперь заѣзжай въ какой-нибудь губерпскій городъ — варварство, невѣжество!... Ни одного человѣческаго чувства, ни одной благородной мысли — ну, хуже всякой Лапландіи!... а туда жъ ѣздить на лошадяхъ и въ каретахъ, словно европейцы какіе!... И съ этими-то людьми я долженъ буду жить не мѣсяць, не два, а можетъ-быть, слишкомъ годъ! Говорять, что всё невѣжды, по какому-то врожденному инстинкту, ненавидятъ человѣка просвѣщеннаго и если онъ хочетъ жить съ ними въ-ладу, то долженъ непремѣнно придерживаться русской пословицы: «Съ волками жить, по волчьи выть,» то есть, гулять вмѣстѣ съ ними, да похваливать ихъ домашнюю палочку и *попынковое* вино, ѣсть медовое варенье, играть по пятаку въ преферансъ, соглашаться съ ними, что просвѣщеніе-чума, а книги — сущій ядъ; что тотъ помѣщикъ, который болѣе думаетъ о благосостояніи своихъ крестьянъ чѣмъ о своихъ доходахъ — пустой и даже опасный человѣкъ, потому, дескать, что онъ этимъ примѣромъ развращаетъ и чужихъ крестьянъ; что всякая ученость и философія не стоятъ одной русской пословицы: «Сухая ложка ротъ деретъ» и что судья, который служилъ въ тепломъ мѣстечкѣ и не умѣлъ порядкомъ руки нагрѣть — простофиля и дуракъ; что умъ данъ человѣку не на то, чтобъ тратить его на бесполезное ученье, да на разныя финты-фанты, нѣмецкіе куранты, а на то, чтобъ домикъ нажить, дорого продать, дешево купить, съ умнымъ человѣкомъ держать ухо остро, глупаго на бобахъ провести, однимъ словомъ, чтобъ не быть въ глазахъ провинціаловъ какимъ нибудь, выскочкой, гордецомъ и даже вольподумцемъ, должно непремѣнно скрывать свое презрѣніе къ этому варварскому образу мыслей; слушая какое-нибудь нелѣпое сужденіе, кивать въ знакъ согласія головою, одобрительно улыбаться и, хотя изрѣдка, проклипать вмѣстѣ съ ними это демонское наважденіе, которое называютъ образованностью, просвѣщеніемъ и наукою. Теперь вы видите, любезные читатели, что мнѣ было отъ чего сокрушаться сердцемъ и горевать, разставаясь на цѣлый годъ съ Москвою. — Боже мой! ду-

наль я: ну если эта отвратительная картина общаго невѣжества и нравственнаго разврата, дотога подѣйствуетъ на мою душу, что я стану меньше прежняго любить свое отечество?... А вѣдь это дѣло возможное. Хотя, по мнѣсти нѣкоторыхъ писателей, я давно уже имѣлъ весьма невыгодное понятіе о нашихъ провинціалахъ; но вѣдь большая разница, читать о чемъ-нибудь, или видѣть то же самое собственными глазами. Вы прочтете безъ особеннаго отвращенія полный курсъ анатоміи; но не угодно ли вамъ пожаловать туда, гдѣ эта наука преподается практически; посмотрите какъ рѣжутъ и вскрываютъ полу-сгнившій трупъ человѣка, въ которомъ нѣтъ уже ничего человѣческаго, полюбуйте его растерзанными членами, подышите этимъ заразительнымъ воздухомъ и тогда вы поймете, что между описаніемъ какого-нибудь предмета и самимъ предметомъ бывасть иногда неизъяснимая разница.

Выѣхавъ съ этими грустными мыслями изъ Москвы, я не слишкомъ торопился доѣхать до перваго губернскаго города, въ которомъ мнѣ надобно было пожить нѣсколько времени. Вотъ наконецъ я пріѣхалъ — и, представьте себѣ мое удивленіе!... глжу, прислушиваюсь — люди какъ люди. Есть помѣщики дурные, да много также и добрыхъ. Есть невѣжды, но только большая часть изъ нихъ вовсе не щеголяютъ своимъ невѣжествомъ; напротивъ, они прикидываются людьми начитанными, выписываютъ журналы, толкуютъ о политикѣ и врутъ точно такъ же, какъ невѣжды московскіе, петербургскіе, французскіе и даже нѣмецкіе. Впрочемъ, я встрѣчалъ нерѣдко и мужчинъ и замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, которые любили побесѣдовать со мною о словесности, наукахъ, объ изящныхъ искусствахъ — и что всего лучше, имѣли полное право разсуждать объ этихъ предметахъ. Мнѣ попадались и добросовѣстные судьи, и честные благородные чиновники, которыхъ однако жъ никто не называлъ глупцами, потому, дескать, «что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ». Конечно и мнѣ также случалось имѣть дѣло съ дураками, не слишкомъ честными людьми, не очень грамотными дворянами; да гдѣ же вы съ ними не встрѣтитесь?... Это неизбежная участь всего человѣчества, это смѣшеніе благородства и подлости, добра и зла, свѣта и тьмы — вездѣ одинаково, разумеется, съ нѣкоторыми измѣненіями; въ одномъ народѣ, невѣжество, подлость и плутовство, прикрыты какими-то формами, какой-то блестящей позолотой, въ другомъ онѣ являютя безъ всякаго покровя — и только тамъ, гдѣ истинное, то есть, осно-

важное на религиозныхъ началахъ, просвѣщеніе, достигло высокой степени, эта темная сторона нравственной жизни общества становится немного по-свѣтлѣе, но и тамъ не ищите безусловнаго добра — и тамъ также, хотя не такъ часто, а всё-таки будутъ встрѣчаться съ вами и глупцы и невѣжды и негодяи: отъ нихъ вы нкуда не уйдете. Я долженъ однако жъ вамъ сказать, что въ Москвѣ очепь рѣдко со мною встрѣчались такіе совершенно уже закоренѣлые невѣжды, какіе попадались мнѣ довольно часто въ провинціальныхъ обществахъ; но на это есть весьма естественная причина: въ огромномъ городѣ, грубый необтесанный невѣжда исчезаетъ въ толпѣ; онъ живетъ въ своемъ маленькомъ кружкѣ, незнается съ порядочными людьми и вы почти никогда не увидите его въ хорошемъ обществѣ — не потому, чтобъ въ этомъ хорошемъ обществѣ не было ни глупцовъ, ни невѣждъ; но эти глупцы и невѣжды совсѣмъ другого роду: они вымыты, выглажены, покрыты политурою, и по наружности точно такъ же опрятны и красивы, какъ искусно сдѣланная подъ красное дерево мебель, которую непременно надобно поскоблить, чтобъ увидѣть, что она сосновая. Въ небольшомъ губернскомъ городѣ совсѣмъ другое дѣло. Тамъ необразованному глупцу и безграмотному невѣждѣ спрятаться некуда: тамъ всё на виду, всё на перечотѣ, всё знаютъ другъ друга; — и тотъ, съ кѣмъ бы вы никогда не встрѣтились въ Москвѣ или въ Петербургѣ, непременно познакомятся съ вами въ губернскомъ городѣ.

Я не стану васъ увѣрять, что всё провинціальныя барыни походятъ на столичныхъ. Въ нашемъ высшемъ обществѣ много есть дамъ, которыя владѣя свободно двумя, а часто и тремя иноземными языками, не стыдятся говорить и говорить прекрасно, на четвертомъ, то есть, на своемъ собственномъ. А въ провинціи найдутся такія барыни, которыя въ присутствіи столичнаго жителя скорѣе рѣшатся говорить по-чухонски, чѣмъ вымолвить два слова на своемъ природномъ языкѣ. Впрочемъ, это происходитъ отъ той же самой причины, по которой наши провинціальныя барыни, а особливо въ отдаленныхъ губерніяхъ, носятъ платья и матеріи, вышедшія изъ моды. До нихъ еще не дошло, что въ нашихъ столицахъ давно уже перестали щеголять незнаемъ русскаго языка. Вообще отличительная черта въ характерѣ провинціаловъ, есть какое-то, почти дѣтское легковѣріе, относительно ко всему печатному, и въ-особенности къ журналамъ. Разумѣется, что каждый изъ нихъ слѣпо вѣритъ только тому

журналу, который выписывается: въ противномъ случаѣ не зналъ бы чему и вѣрить; но зато избранный имъ журналъ становится для него совершеннымъ оракуломъ. Одна очень любезная женщина говорила со мною всегда по-русски, безъ всякаго смѣшенія «французскаго языка съ нижегородскимъ.» Вдругъ она начала отпущать, ни къ селу ни къ городу, цѣлыя фразы на французскомъ языкѣ.

Я удивился.

— Чтò жъ тутъ страннаго? сказала она: посмотрите, чтò напечатано въ *моемъ* журналѣ! въ немъ доказываютъ, что намъ говорить иначе невозможно и даже называютъ *мычаниями* тѣхъ, которые желаютъ, чтобы мы изъяснялись по-русски, не примѣшивая къ нашему разговору французскихъ фразъ.

Мужъ этой госпожи, баринъ очень добрый, также на основаніи какого-то журнала, вообразилъ себѣ, что человѣкъ просвѣщенный долженъ говорить такимъ страннымъ языкомъ, чтобы его не понимали ни иностранцы, ни Русскіе. Я принялся было доказывать женѣ, что ниѣмъ одного журналиста не можетъ быть закономъ для всѣхъ; что если въ цѣломъ мірѣ, каждый народъ говоритъ своимъ роднымъ нарѣчіемъ безъ примѣси французскихъ фразъ, то вѣроятно и мы можемъ обойтись безъ этого. Барыня не стала меня и слушать. Я обратился къ мужу и началъ ему доказывать, что иностранныя слова съ русскимъ окончаніемъ можно употреблять только въ такомъ случаѣ, когда въ нашемъ языкѣ не найдется равносильнаго слова, которое выражало бы ту же самую мысль.

— Вотъ, говорилъ я ему: Французы взяли у насъ слово *степь*, да это потому, что ихъ *prairie* и *désert* вовсе не даютъ вѣрнаго понятія о томъ безлѣсномъ, но не песчаномъ, а поросшемъ травою, огромномъ пространствѣ земли, которое мы называемъ степью. И мы также должны усвоивать нашему языку, только тѣ слова, безъ которыхъ рѣшительно не можемъ обойтись. Кчему напримѣръ вы называете гостиную — *салономъ*; говорите вмѣсто всеобщаго—*универсальный*, вмѣсто преувеличенія—*экзальбрація*, вмѣсто понятія—*концепція*, вмѣсто обезпеченія—*гарантія*, вмѣсто раздраженія—*ирритація*, вмѣсто посвященія—*иниціація*, вмѣсто принадлежности—*атрибутъ*, вмѣсто отвлеченный—*абстрактный*, вмѣсто поразительно — *франонтно!!!* и прочее. Это личтожный педантизмъ: — Повѣрьте мнѣ, продолжалъ я, что употребляя безъ всякой нужды сотни подобныхъ словъ, вы вовсе не доказываете атимъ вашего просвѣщенія; напротивъ,

вмѣсто того, чтобъ идти впередъ, вы двигаетесь назадъ. Встарину, то есть, во времена Петра Великаго и вскорѣ послѣ него, по-лучше вашего умѣли коверкать русскій языкъ. Теперь, благодаря успѣхамъ просвѣщенія и развитію нашей словесности, всѣ эти чужеземныя слова, за исключеніемъ немногихъ, исчезли изъ русскаго языка; нынче никто не скажетъ, что онъ ходилъ стрѣлять изъ *фузеи*, или что мы подъ Малымъ-Ярославцемъ одержали надъ Французами, знаменитую *викторію*. Кто нынче будетъ увѣрять кого-нибудь въ своемъ *респектъ* и *вене-раціи*. Кому придетъ въ голову *естимовать* отличный *мерить* своего друга, хвастаться своимъ *рангомъ*, или сдѣлать *презентъ* своей *амантъ*? Кто въ наше время назоветъ заставу — *баріеромъ*, штыкъ — *байонетомъ* и предвѣщанье — *прогно-стикомъ*? А все это однако жъ было, и, слава Богу, прошло. Такъ изъ чего же вы бѣтаетесь?...

Мой ученый барниъ разгнѣвался и назвалъ меня *ограни-ченнымъ* пуристомъ. Вѣроятно, онъ занялъ это вѣжливое вы-раженіе изъ того же самаго журнала, изъ котораго почерпалъ всю свою премудрость. Я было сначала и самъ разсердился, да тотчасъ присмирѣлъ, потому что вспомнилъ о собственномъ своемъ грѣхѣ. Вѣдь и я также имѣлъ глупость слѣпо вѣрить печатнымъ рассказамъ, и я также думалъ, что наши провинціалы только-что не ходятъ на четырехъ ногахъ. Тутъ вся моя досада обрушилась на этихъ рассказчиковъ, которые описываютъ то, чего не видали, и говорятъ о томъ, чего не знаютъ. Защитники этихъ господъ оправдываютъ ихъ тѣмъ, что они описывали одну только сторону нашихъ провинціаль-ныхъ правовъ—сирѣчь—дурную. Эхъ, господа, господа! Да вѣдь односторонность никуда не годится, а особливо когда мы говоримъ о нравственномъ достоинствѣ цѣлаго народа! Ужъ тутъ всегда эта односторонность превращается или въ нелѣпое похвальное слово или, не прогляньвайтесь, въ совершенную клевету. — «Позвольте, скажутъ мнѣ: да развѣ Гогартъ былъ человѣкъ не геніальный, а вѣдь въ его карикатурахъ вы найдете не много утѣшительнаго.»—Гогартъ! Да это совсѣмъ другое дѣло: карикатура вовсе не имѣетъ притязанія на истину: она представляетъ дѣйствительную жизнь всегда въ преувеличенно-искаженномъ и даже иногда совершенно искаженномъ видѣ. Само названіе «кар-икатура», предохраняетъ уже васъ отъ всякаго обмана. Назови-те ваши очерки, вашъ романъ или комедію карикатурою и напи-шете что вамъ угодно. Будьте только остроумны и забавны, всякой

скажетъ вамъ — «спасибо», и тотъ кто станетъ кричать, что описанія ваши невѣрны, что вы клеветаете, того, пожалуй, и я назову *ограниченнымъ пуристомъ*. Да и кому придетъ въ голову, требовать отъ васъ правды, когда вы предлагаете ему карикатуру!

Теперь, любезные читатели, сообщивъ вамъ сдѣланное мною открытіе, что русскіе провинціалы точно такъ же, какъ и всѣ люди, созданы по образу и подобию Божию, я снова поведу съ вами рѣчь о нашей матушкѣ-Москвѣ. Прошу васъ выслушать во-время благосклонно мою стариковскую болтовню, а пуще всего, не думать, что я мѣчу на кого-нибудь *одного*, когда пишу *обо всѣхъ*. Я желалъ бы очень походить на хорошаго живописца; но только не портретнаго. И всякому, кто читая мои записки скажетъ: «Э! Да я знаю на кого мѣтитъ сочинитель. Это вотъ такой-то!» я напомию, разумѣется, со всей должной вѣжливостью, слѣдующіе три стиха покойнаго Крылова:

«Что Климычъ на руку нечпсть — всѣ это знаютъ:
Про взятки Климычу читають,
А днѣ украдкою киваетъ на Петра!

II.

ЧЕТЫРЕ ВИЗИТА.

.....
Да, матушка, ты точно права:

Въ Москвѣ визиты не забава;

Вотъ я на Шабовкѣ живу — а ты-то гдѣ?

Ну, страшно вымолвить!... въ Нѣмецкой-Слободѣ!

Вѣдь это десять верстъ!...

Изъ рукописной комедіи.

Изъ предыдущей главы вы можете заключить, любезные читатели, что я, живя въ провинціи, не всегда умираю отъ скуки и даже нерѣдко проводилъ время довольно пріятнымъ образомъ; но несмотря на это, къ концу года я началъ призадумываться и грустить по Москвѣ. Нѣтъ! что ни говори: въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Вотъ грусть моя превратилась наконецъ въ эту «тоску по родицѣ», ужасную болѣзнь, отъ которой, говорятъ, горные Швейцарцы, какъ мухи умираютъ. А какъ мнѣ умирать во-

все не хотѣлось, такъ я поторопился привести въ порядокъ свои дѣла, взявъ почтовыхъ, посулилъ на водку, и вихремъ помчался

«По дорогѣ столбовой,
Въ нашу, матушку-Москву,
Бѣлокаменную.»

Съ какою радостью возвратился я опять на свое старое пепелище! Когда я въѣхалъ въ Калужскую Заставу, Москва показалась мнѣ обѣтованною страной, земнымъ раемъ и самымъ прекраснѣйшимъ городомъ въ мѣрѣ. — «Прекраснѣйшимъ! поворотъ какой-нибудь прїѣзжій, ну, положимъ, изъ Одессы. — Да чтѣ жъ въ немъ прекраснаго? А особенно если вы ѣдете отъ Калужской Заставы къ Прѣсеневскимъ - Прудамъ. Сначала безконечная Калужская Улица, то есть, длинное песчаное поле, по одной сторонѣ котораго разбросаны огромныя каменные здавія, а по другой тянется длинный рядъ плохихъ, деревянныхъ домовъ; потомъ неопрятный рынокъ съ запачканными лавками, а тамъ Крымскій Бродъ съ своими грязными огородами и безобразнымъ деревяннымъ мостомъ. Дальше, Зубовской Бульваръ съ тощими липками; рядомъ съ каменными палатами, домики, конечно, довольно красивые, но всё-таки деревянные. Вездѣ какое-то странное смѣшеніе городской роскоши съ сельскою простотою. Вездѣ сады, огороды, овраги, горы, цѣлыя поля....» — Да это-то мнѣ и по душѣ! Это-то именно и дѣлаетъ Москву вѣрною представительницей всей Россіи, которая точно такъ же не походитъ на всѣ западныя государства, какъ Москва не походитъ на всѣ европейскіе города. Русскій человѣкъ задохнется въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городѣ. Тамъ вездѣ тѣснота, люди давятъ другъ друга, а онъ любитъ свое родное привольное житье, свое русское раздолье и просторъ. Въ Россіи шестьдесятъ милліоновъ жителей, а вѣдь грѣшно сказать, чтобъ имъ было тѣсно. И въ Москвѣ то же самое; въ ней слишкомъ триста тысячъ обывателей, а посмотрите, какъ они живутъ просторно. У много не домъ, а избышка, да на дворѣ-то можно построить двадцать нѣмецкихъ домовъ, а если захотите, такъ найдется мѣсто и для площади, разумѣется, также германской. Эти огромныя пустыри и разбросанныя по всей Москвѣ поля не представляютъ ли вамъ, въ уменьшенномъ видѣ, безпредѣльныя степи нашихъ восточныхъ и южныхъ губерній? Эти непрерывныя сады, не напоминаютъ ли вамъ о дремучихъ лѣсахъ нашей родины? Эти многочисленныя церкви, эти древнія обители иноковъ не возвѣщаютъ ли всякому

святую, православную Русь? Не говорят ли онѣ вамъ о благочестивомъ обычаѣ нашихъ предковъ, которые не оставили намъ, ни развалинъ феодальныхъ замковъ, ни древнихъ дворцовъ, ни другихъ общественныхъ зданій; но зато всегда въ память великихъ событій, воздвигали храмы Божіе, строили монастыри и если многіе говорятъ, что у насъ нѣтъ вовсе историческихъ памятниковъ, такъ это потому, что они ищутъ ихъ вовсе не тамъ, гдѣ ихъ должно искать.

У меня есть старинный пріятель, котораго я очень люблю. Онъ человѣкъ честный, благородный, необычайнаго ума, съ обширными познаніями; но къ сожалѣнію или, лучше сказать, прискорбію его пріятелей, величайшій въ мірѣ *непогодъ*. Онъ безпрестанно говоритъ о своемъ желаніи найти гдѣ-нибудь постоянное для себя жилище, завестись домою, а между-тѣмъ вся жизнь его проходитъ въ непрерывной ѣздѣ и перевозкѣ его домашней утвари и библиотекки изъ одного конца Россіи въ другой. Ну, право, кажется, иногда, что про него-то именно и сложена русская пѣсня:

«Мнѣ моркотно молодецкъ,
Нигдѣ мѣста не найду.»

Этотъ пріятель, котораго, надѣюсь, не навсегда еще оставилъ Москву, прожилъ въ ней хотя не долго, однако жъ очень вѣрно изобразилъ ее въ одномъ изъ своихъ писемъ. Онъ говоритъ, между прочимъ, что Москва не городъ, а собранье городовъ; что вся ея середина, то есть Кремль, Китай и Бѣлый-Городъ, заслуживаютъ вполне названіе столицы; потомъ весь обширный Земляной-Городъ, какъ-будто бы составленъ изъ нѣсколькихъ губернскихъ городовъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ эту древнюю столицу царства русскаго и, наконецъ, все то, что называлось старину *Скородолю*, то есть, части города, лежація за валомъ, походятъ на великое множество уѣздныхъ городковъ, которые въ свою очередь, обхватываютъ весь Земляной-Городъ, этой огромной цѣпью, прежде бывшихъ слободъ, посадовъ и селъ. Я прибавлю къ этому, что самый образъ жизни, домашній бытъ и даже степенъ просвѣщенія различныхъ обывателей московскихъ, вполне отвѣчаютъ этому топографическому подраздѣленію Москвы на столицу, губернскіе города и мелкіе уѣздные городишки. Вы все найдете въ Москвѣ, и столицу съ европейскимъ просвѣщеніемъ, и губернскіе города, съ ихъ русскою фizioноміей и французскими замашками, и уѣзд-

ные городки съ ихъ радушнымъ хлѣбосољствомъ и дѣдовскими обычаями. Да что я говорю—города! Вы найдете въ Москвѣ самыя вѣрныя образки нашего прѣстаго сельскаго быта, вы отыщете въ ней цѣлыя усадьбы деревенскихъ помѣщиковъ, съ выгонами для скота, фруктовыми садами, огородами и другими принадлежностями сельскаго хозяйства. Одинъ изъ моихъ пріятелей П. Н. Ф...въ нанималъ по контракту въ Басманной Улицѣ домъ господина К.....го. Я самъ читалъ этотъ контрактъ. Въ немъ, между прочимъ, сказано, что постоялецъ имѣеть въ полномъ своемъ распоряженіи весь садъ, принадлежащій къ дому, за исключеніемъ, однако жъ, *спьнокоса и рыбной ловли*. Живя въ иномъ городѣ, разумѣется, за границею, вы можете совершенно забыть, что есть на свѣтѣ деревни; въ Москвѣ съ вами этого никогда не случится. Положимъ, что вы теперь на Кузнецкомъ Мосту—ужь тутъ, конечно, ничто не напомнитъ вамъ о деревнѣ; но сверните немного всторону, ступайте по широкой улицѣ, которая называется *Трубою* и вы тотчасъ перенесетесь въ другой міръ. Позади, шагахъ въ пятидесяти отъ васъ, кипитъ столичная жизнь въ полномъ своемъ разгулѣ; одна карета скачетъ за другою, толпы пѣшеходцовъ тѣснятся на *асфальтовыхъ* тротуарахъ, всѣ дома увязаны великолѣпными французскими вывѣсками; шумъ, гамъ, толкотня—а впереди и кругомъ васъ все тихо и спокойно. Изрѣдка проѣдетъ извозчикъ, проташится мушкетеръ съ возомъ, остановятся поболтать межъ собою двѣ соѣдки, въ допотопныхъ коцевейкахъ. Пройдите еще нѣсколько шаговъ и вотъ работницы въ простыхъ сарафанахъ и шушунахъ идуть съ ведрами за водой. Вотъ расхаживаютъ по улицѣ куры съ цыплятами, индѣйки, гуси, а иногда вамъ случится увидѣть и жирную свинку, которая прогуливается съ своими поросятами. Я по-крайней-мѣрѣ не разъ встрѣчался съ этимъ интереснымъ животнымъ, не только на Трубѣ, но даже и на Рождественскомъ Бульварѣ. Вѣроятно во всѣхъ столицахъ, послѣ проливнаго дождя, бывають лужи по улицамъ,—но врядъ-ли въ какой-нибудь столицѣ плавають утки по этимъ лужамъ—а мнѣ случалось часто любоваться въ Москвѣ этой сельской картиной. Впрочемъ, надобно сказать правду, послѣ нѣкотораго приключенія, я сталъ гораздо менѣе любить эту простоту нравовъ, эту патриархальную жизнь *на-распашку*, которая мнѣ прежде очень нравилась. Я расскажу вамъ всѣ подробности этого истиннаго, хотя и не слишкомъ правдоподобнаго приключенія, по милости котораго я,

вмѣсто десяти предполагаемыхъ визитовъ, успѣлъ только сдѣлать четыре.

Мнѣ помнится, я ужъ говорилъ гдѣ-то, какъ затруднительно московскимъ жителямъ выполнять эту общественную обязанность, названіе которой не переведено еще на русскій языкъ. Посѣщать и дѣлать визиты вовсе не одно и то же. Посѣщаютъ обыкновенно своихъ родныхъ, друзей и пріятелей, а визиты дѣлаютъ всѣмъ знакомымъ; въ первомъ случаѣ намъ всегда пріятно заставить хозяина дома, во второмъ мы желаемъ совершенно противнаго. Мы посѣщаемъ людей, которыхъ любимъ, дѣлаемъ чтобъ съ ними повидаться и дѣлаемъ иногда визиты такимъ знакомымъ, съ которыми не желали бы часто встрѣчаться и на улицѣ. Въ Москвѣ дѣлать сряду всѣ визиты, нельзя иначе, какъ на перемѣнныхъ лошадяхъ, разумѣется, если ваши знакомые живутъ въ разныхъ частяхъ города. Напримѣръ, вашъ домъ въ Садовой у Триумфальныхъ Воротъ: не угодно ли вамъ съѣздить подъ Донской и завернуть оттуда въ Лафетовскую Часть—всего два визита, а врядъ-ли вы успѣете ихъ сдѣлать въ одно утро и на однихъ лошадяхъ. Когда я собираюсь ѣздить съ визитами, то составляю заранѣе подробный маршрутъ. Сначала пошатаюсь день-другой по своей Прѣсвѣ, Грузинамъ, по Садовой, по всѣмъ переулкамъ, которые соединяютъ межъ собою Никитскую, Арбатъ и Поварскую, а тамъ расдахъ; дамъ лошадямъ вздохнуть, да примусь объѣзжать Замоскворѣчье и ближайшія къ нему улицы; потомъ опять отдохну и отправлюсь наконецъ странствовать по всѣмъ окрестностямъ Нѣмецкой Слободы, побываю въ Ольховцахъ, на Покровкѣ; на Мясницкой, заверну на Чистые Пруды, къ Меньшиковой-Башнѣ, на Встрѣтенку, за Сухареву-Башню, мимоѣздомъ на Петровку, Дмитровку, Тверскую—и, такимъ образомъ, не уморивъ ни одной лошади, кончу дней въ шесть всѣ мои визиты.

Возвратясь въ Москву, я долженъ былъ, какъ водится, развести визитныя карточки по всѣмъ знакомымъ. И вотъ на прошлой недѣлѣ, завернувъ сначала къ ближайшимъ моимъ сосѣдямъ, я располагался въ одно утро объѣздить Хамовники, Пречистенку, Остоженку и побывать за Москвой-рѣкой. Я началъ съ Хамовниковъ. Это одна изъ тѣхъ частей Москвы, которыя пріятель мой сравниваетъ съ уѣздными городками, окружающими со всѣхъ сторонъ Земляной-Городъ. Въ двухъ шагахъ отъ нее начинается красивая Пречистенская-Улица, въ которой нѣсколько огромныхъ каменныхъ домовъ не испортили бы и Дворцовой-На-

бережной Петербурга; но несмотря на это аристократическое сосѣдство, Хамовники, во всѣхъ отношеніяхъ, походятъ на самый дюжинный уѣздный городишко. Мѣстами только вымощенныя узенькія улицы, низенькіе деревянные дома, пустыри, огороды, пять-шесть небольшихъ каменныхъ домовъ, столько же дворянскихъ хоромъ съ обширными садами, сальный заводъ стеариновыхъ свѣчей, съ вѣчной своей вонью, непроходимая грязь весной и осенью, и одна только церковь, впрочемъ довольно замѣчательная по своей древней архитектурѣ, вотъ все, что составляетъ эту прежде бывшую слободу, прозванную Хамовниками, вѣроятно потому, что въ ней жили нѣкогда крѣпостные дворовые люди, которыхъ и теперь еще величаютъ въ простонародьи *хаммами* и *хамовымъ отродьемъ*.

Въ одномъ изъ хамовническихъ переулковъ, гордо возвышается, окруженный со всѣхъ сторонъ пустырями и заборами, деревянный домикъ съ высокимъ теремомъ, то есть, по нынѣшнему, *мезоницомъ*, домикъ весьма порядочный, яркаго желто-канареечнаго цвѣту съ зелеными ставнями, красною кровлею и присадникомъ, у котораго рѣшетка выкрашена также зеленою, а всѣ столбики, той же самой краскою канареечнаго цвѣту. Впрочемъ, вѣроятно, не самъ хозяинъ придумалъ раскрасить такимъ великолепнымъ образомъ свой домъ, а эта мысль родилась въ головѣ его, при видѣ алебастровыхъ росписныхъ понугаевъ, которыхъ лѣтъ пять тому назадъ, оборванные Итальянцы носили на лоткахъ по всѣмъ улицамъ. Что жъ дѣлать! Мы, Русскіе, сами ничего не выдумываемъ; но зато какъ разъ перейдемъ у иностранцевъ все хорошее. Въ этомъ домикѣ живетъ Степанъ Савельичъ Бобриковъ, съ своей женою Марьей Никитишной, двумя малолѣтними сыновьями и дочерью, которая почти уже невѣста. Миѣ долго было бы рассказывать, по какому случаю я познакомился съ Степаномъ Савельичемъ Бобриковымъ, и потому скажу вамъ только одно, что я знаюмъ съ нимъ болѣе двадцати лѣтъ и даже былъ его посаженнымъ отцомъ, несмотря на то, что, по русскому обычаю, холостые люди весьма рѣдко бываютъ посаженными отцами.

Подъѣхавъ къ запертымъ воротамъ этого цвѣтстаго домика, я выгнѣзъ изъ коляски, отворилъ калитку и лишь только вошелъ на дворъ, какъ-вдругъ двѣ злыя шапки кинулись на меня, какъ на дикаго звѣря. Прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, эти проклятыя дворянши прокусили у меня въ двухъ мѣстахъ шинель и дотога испугали своимъ нечаяннымъ нападеніемъ, что я не-

превѣнно выскочилъ бы опять на улицу и закричалъ караулъ, если бъ не явилась ко мнѣ на выручку, съ мочалкою въ рукѣ, запачканная и растрепанная баба, которая, вѣроятно, въ эту минуту занималась мытьемъ барской посуды. Не помню, кто изъ моихъ знакомыхъ, говоря о какомъ-то зломъ и недобросовѣстномъ критикѣ, сказалъ: «Если ты хочешь имѣть понятіе объ этомъ журнальномъ пачкунѣ, такъ представь себѣ спущенную съ цѣпи бѣшеную шафуку, косматую и запачканную въ грязь. Эта шафука кидается на всѣхъ людей, порядочно одѣтыхъ, и лижетъ ноги только у тѣхъ, которые точно такъ же растрепаны и такъ же запачканы, какъ она». Я невольно вспомнилъ объ этомъ, увидѣвъ, что злыя собаки, которыя напали на меня съ такимъ ожесточеніемъ, присмирѣли и кинулись лизать сальные руки этой грязной и косматой бабы.

— Пожалуйте, сударь! сказала моя избавительница: пожалуйте! Баринъ дома! Пошли вы, проклятыя! продолжала она, замахиваясь своею мочалкою: я васъ!... Пожалуйте, батюшка, вотъ сюда на крылечко.

Я вошелъ вслѣдъ за бабою, въ темныя стѣны, по которымъ надобно было идти ощупью.

— Нѣтъ, батюшка! не сюда—это чуланъ, вотъ здѣсь! заговорила опять моя провожатая, растворяя обитую войлокомъ дверь. Терентій! примолвила она вполголоса, просунувъ голову въ щель: вставай! гость!

Терентій, пожилой слуга, небритый, нечесанный, въ поношенномъ сюртукѣ съ протертыми локтями, вскочилъ съ конника, снялъ съ меня шинель и растворилъ обѣ половины дверей въ столовую. Въ этой комнатѣ все напоминало о томъ времени, когда у насъ на Руси была еще въ ходу пословица: «не красна изба углами, а красна пирогами». Въ ней пахло какимъ-то здобнымъ кушаньемъ, а по угламъ табулась мушкетерская и мотались клочки изодраныхъ обоевъ. Вдоль стѣнъ стояло нѣсколько тростниковыхъ стульевъ, по окнамъ горшки съ еранью, резедою и бальзамникомъ; у самыхъ дверей висѣли деревянные часы съ узорчатыхъ циферблатомъ; въ одномъ простѣнкѣ помѣщался ломберный столъ съ покоробленной верхней доскою, въ другомъ расписанный подъ красное дерево высочій шкалъ, на которомъ между двумя гипсовыми зайчиками съ красными ушами, стояла модель хозяйскаго дома, то есть, алебастровый вонугай съ красною головою, желтымъ зобомъ и зелеными крыльями.

Хозяинъ, человекъ лѣтъ сорока-пяти, съ добрыхъ, престодуш-

нымъ лицомъ, вышелъ ко мнѣ на встрѣчу изъ гостиной. Несмотря на то, что на дворѣ было градусовъ семнадцать тепла, на немъ былъ казмыцкій тулупъ, правда на распахку, и сверхъ платья, или лучше сказать, одежды чрезвычайно легкой.

— Богданъ Ильичъ! вскричалъ онъ, запахивая свой тулупъ. Извините!... какъ вы изволили меня застать!... не прогнѣвайтесь, батюшка... по домашнему!... Да позвольте, я сейчасъ...

— И, полноте! сказалъ я: чтѣ мнѣ до вашего паряда. Я радъ, что засталъ васъ дома.

— Такъ, почтениѣйшій, такъ!... Да всё-таки...

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь!

— Нѣтъ, воля ваша!... Позвольте мнѣ...

— Послушайте, Степанъ Савельичъ, прервалъ я: если вы станете церемониться, такъ въ первый разъ, какъ вы ко мнѣ пожалуете, я приму васъ въ мундирѣ.

— Ну, какъ вамъ угодно!... Только, право, мнѣ совѣстно!... Прошу покорно!... Марья Никитишна! продолжалъ Бобриковъ, входя вмѣстѣ со мною въ гостиную—свѣтлую комнату о трехъ окнахъ, убранную нѣсколько по-щеголеватѣе столовой. Марья Никитишна!... Дорогой гость!

— Господи, Боже мой! воскликнула хозяйка, женщина довольно еще свѣжая, дородная, краснощекая, въ холстинковой блузѣ и поношенномъ тюлевомъ чепцѣ. Васъ ли я вижу?... Батюшка, Богданъ Ильичъ!... Сколько лѣтъ, сколько зимъ!... Прошу покорно садиться.... Когда изволили пріѣхать?

— На этихъ дняхъ.

— А мы было совсѣмъ ужъ отчаялись; думаешь: видно Богданъ Ильичъ разлюбилъ Москву.... Легко сказать — слишкомъ годъ! А сколько безъ васъ дѣлъ-то понадѣлалось!... Матрена Степановна выдала свою дочь замужъ — превыгодная партія! Полковникъ, триста душъ — и человѣкъ не старій, лѣтъ, этакъ, за пятьдесятъ.... Андрей Михайловичъ скончался.... Ѳедосья Дмитриевна разъѣхалась съ мужемъ.... Сердечная!... терпѣла, терпѣла—да нѣтъ, видно, ужъ силъ не стало... человѣкъ пьяный, развратный, картежникъ.... ну, да Богъ съ нимъ!... А вотъ я васъ удивлю: знаете ли чтѣ? вѣдь Ѳедоръ Григорьевичъ — какъ это вамъ покажется?... женился на второй женѣ! Ну, кто бы подумалъ!... въ его лѣта, съ его здоровьемъ....

— Да о комъ вы говорите?

— Объ Ѳедорѣ Григорьевичѣ Фурсиковѣ.

— Я его не знаю.

— Право?... Скажите, пожалуйста!... Да нѣтъ, вы вѣрно его знаете!... Человѣкъ свѣтскій, известный — членъ Англійскаго Клуба.... Чтѣ вы!... не можете быть, чтобъ вы его не знали!... такой маленькой, шедушкой старичокъ.... въ зеленыхъ очкахъ.... Фодоръ Григорьевичъ — его всѣ здѣсь знаютъ.... Э! да чтѣ жъ а?... Дѣвка, дѣвка!... ступай, скажи Танчикъ: «пріѣхалъ, дескать, крестный вашъ батюшка — пожалуйста скорѣе!...» Ну, Богданъ Ильичъ, какъ выросла ваша крестница, почти съ меня ростомъ! Алѣша и Николинъка также подроели.... они теперь учатся русскому языку и ариметикѣ.... готовимъ, батюшка, въ гимназію.... вѣдь ужъ старшему-то десять лѣтъ.... Да не угодно ли вамъ, Богданъ Ильичъ, позавтракать?... мы сейчасъ или пирога съ курицею.... Не прикажете ли?

— Нѣтъ, Марья Никитишна, я ужъ завтракалъ.

— Такъ чашечку кофею?

— Но безпокойтесь: я ѣсть не хочу.

— И, Богданъ Ильичъ! да развѣ кофею ѣда?... Сдѣлайте милость!

— А не хотите кофею, прервалъ хозяйнѣ, такъ не прикажете ли вина? У меня есть донское — да какое еще, батюшка, монастырское, цѣльное!... Эй, человѣкъ!

— Нѣтъ, Степанъ Савельичъ, напрасно раскупорите бутылку! Я пью вино только за обѣдомъ.

— Такъ чтѣмъ же васъ подчивать?

— Да ничѣмъ.

— Какъ ничѣмъ? Чтѣ вы, Богданъ Ильичъ, подхватила хозяйка: ужъ коли вамъ не угодно ни пирога, ни кофею, ни вина, такъ воля ваша! Извольте отвѣдать моихъ трудовъ.... Эй, дѣвка! клубничнаго варенья.... Да нѣтъ, я лучше сама.... примолвила Марья Никитишна, выходя изъ комнаты.

— Ну, чтѣ, Степанъ Савельичъ, сказалъ я, оставшись одинъ съ хозяйномъ: чтѣ вы подѣлываете, какъ идетъ ваше хозяйство?

— Слава Богу, батюшка! слава Богу! На этихъ дняхъ продалъ яску; да привезъ мнѣ изъ моей рязанской деревнишки, что хлѣба очень хороши — изъ годовъ вошь!... Сбираюсь туда ѣхать; нельзя, батюшка: хозяйскій глазъ всего важнѣе.

— А здѣсь-то, въ Москвѣ, какъ вы поживаете?

— Да такъ-себѣ! Живемъ, по милости Божіей, не хуже людей. Въ театрѣ иногда бываемъ, на гуляньяхъ — въ Петровскомъ, въ Сокольникахъ — туда сюда.... Конечно, знакомства у меня боль-

шаго нѣтъ. Да вѣдь два-три добрыхъ пріятеля, лучше цѣлой сотни шаночныхъ знакомыхъ. Прошлаго года меня очень подбивали записаться въ Нѣмецкій Клубъ, «туда, дескать, собираются всё люди порядочные. Это, дескать, не трактиръ какой, тамъ и балы даютъ и все такъ чинно и строго! Танцуй и веселись сколько хочешь, а рукамъ воли не давай! чуть кто полѣзеть на драку, такъ сохрани Господи! какъ-разъ выведутъ вонъ, да еще подь музыку!... А ужъ есть чѣмъ позабавиться: читать захотѣлъ — милости просимъ — все есть: и Пчела и Московскія Вѣдомости. Охота пришла поиграть — играй-себѣ сколько душѣ угодно: и карты, и лото и биллиардъ.... истинно весело!...» Весело! да мнѣ и дома не скучно: человекъ я семейный, жена, взрослая дочь, два мальчика; нечего сказать, шалуны, а ребятишки добрые!... Есть чѣмъ заняться: одного похлещешь, другаго приласкаешь.... Къ сосѣду зайдешь, или онъ къ тебѣ завернеть, сидемъ по копѣчки въ преферансъ, да такъ-то распотѣшимся, что и сонъ на умъ нейдетъ! Ужъ бьемся, бьемся.... иногда до первыхъ пѣтуховъ! Вотъ также недавно, пріятель мой Иванъ Ивановичъ Щелочкинъ, уговаривалъ меня вступить въ Дворянскій Клубъ. — «Ужъ это, говорить, не нѣмецкому чета! общество прекрасное, все люди чиновные....» — Нѣтъ, молъ, куманѣкъ, спасибо! Я до большаго свѣту не охотникъ. — «А столъ-то у насъ какой отличный. Лучшій поваръ въ Москвѣ, Влась!» — Отличный столъ — такъ чтѣ жъ! Я, слава Богу, и дома не голоденъ; стану я по пустякамъ деньги тратить! — «Какія деньги! вѣдь у насъ обѣдъ-то барской, а платимъ мы за него бездѣлицу». — Можетъ-статься; да на чтѣ мнѣ всё эти деликатесы?... Еще, пожалуй, избалуешься.... Какъ больно сладко поѣшь раза два въ недѣлю, такъ, чего добраго, домашній-то обѣдъ вовсе тебѣ опротивить. Я теперь, и то по праздникамъ, выпью бокальчикъ другой домскаго, а въ вашемъ-то клубѣ, говорятъ, шампанское такъ и льется. Нѣтъ, Богъ съ вами!... да и за чтѣ я буду одинъ кушать какъ большой баринъ, а жена и дѣти станутъ ѣсть то, чтѣ Богъ послалъ? Нѣтъ, любезный! по-мнѣ, коли нельзя сладкаго куска съ женой и дѣтьми раздѣлить, такъ мнѣ его и даромъ не надобно!

— Чтѣ жъ вамъ отвѣчалъ на это Иванъ Ивановичъ?

— Да чтѣ, батюшка; началъ смѣяться, трунить надо мною. Ты, дескать, братецъ, старовѣръ, женинъ прихвостникъ, не смѣешь безъ нея воли изъ дому отлучиться....

— А кто этотъ Иванъ Ивановичъ?

— Лекарь, батюшка; человекъ съ большими познаніями. У не-

го много было мѣсть и въ казенныхъ заведеніяхъ и разной практики было довольно — да все растерялъ. Ему надо вѣхать въ больницу, а онъ нарываетъ въ клубъ. Ну, известное дѣло, коли не станешь являться къ должности, такъ за это по головкѣ не поглядятъ; смолчать разъ, другой, третій, а тамъ и скажутъ: «Ужъ вы, батюшка, не извольте беспокоиться: на ваше мѣсто поступилъ другой!» Говорятъ, у него прежде и денешки важивались, да видно всё проигралъ въ лотó. Вчера его жена приходила занять у моей Марьи Никитишны цѣлковый — вѣсть нечего!

Нашъ разговоръ былъ прерванъ возвращеніемъ хозяйки; она вошла въ гостиную, держа въ одной рукѣ блюдечко съ вареньемъ и ведя другою молодую дѣвушку, лѣтъ пятнадцати, съ кудрявой головкою, бѣлымъ, румянымъ лицомъ и свѣтлыми, голубыми глазами.

— Честь имѣю представить, Богданъ Ильичъ, сказала Марья Никитишна. Ну, что жъ ты, Танечка, цѣлуй ручку у крестнаго!

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ просто поцѣловать ее, прервалъ я.

— Какъ вамъ угодно, Богданъ Ильичъ; вѣдь она ваша дочка. На-ка, Танечка, продолжала Марья Никитишна, передавая дочери блюдечко: поподчивай своего крестнаго.

Я вовсе не охотникъ до варенья, а особенно когда мнѣ надобно имъ лакомиться до обѣда — но дѣлать было нечего. Я чуть не подавился, однако жъ съѣлъ цѣлую ложку, потомъ, по усиливой просьбѣ хозяевъ, еще другую — и никакъ не могъ отдѣлаться отъ третьей, о которой, по приказанію отца и матери, неотступно просила меня Танечка.

— Ну, Богданъ Ильичъ, сказала хозяйка, когда я проглотилъ послѣдній приѣмъ варенья: не правду ли я говорила, что крестница ваша выросла?

— И выросла, и похорошѣла!

— Благодарн, мой другъ.

Танечка очень мило присѣла и поцѣловала меня въ плечо.

— Вы еще не знаете, почтеннѣйшій, примолвилъ Стетанъ Савельичъ: вѣдь въ дочкѣ-то вашей открылся талантъ: ова музыканша.

— Право!

— Да, батюшка! Намъ послалъ Богъ одного сосѣда, старичка Нѣмца; говорятъ, отлично прежде игралъ на фортопьянахъ, концерты давалъ. Теперъ ужъ онъ самъ не играетъ; въ обѣихъ ру-

какъ хирагра, такъ пальчики-то плохо шевелятся, а учить мастерь! Онъ по сосѣдству не сталъ дорожиться, мы его взяли и Танечка въ одинъ годъ сдѣлала такіе успѣхи, что самъ Фома Фомичъ, первый, батюшка, гобойстъ въ Императорскомъ театрѣ, не можетъ надивиться ея таланту. И вѣдь мы играемъ не то, чтобъ маленькія какія штучки, вальсикки, да польки. Нѣтъ, батюшка, Богданъ Ильичъ, какъ примемся — такъ всего Плевелия, отъ доски до доски, только-что слушай!...

— Да вотъ, всего лучше, подхватила хозяйка: Танечка, садись-ка за фортопьяны, да потѣшь крѣстнаго.

— Извините! сказалъ я вставая: теперь мнѣ, право, некогда, а если позволите, такъ я къ вамъ парочно для этого прѣйду.

— Милости просимъ! Да чтѣ жъ вы такъ изволите торопиться? Поспидите, сдѣлайте милость!

— Нельзя; мнѣ надобно много дѣлать визитовъ.

— Хотя еще съ полчаса! примолвилъ хозяинъ: вѣдь рано — успѣете вездѣ побывать. Танечка, проси!

Несмотря на всѣ просьбы этихъ добрыхъ людей, я не могъ пробыть у нихъ долѣе. Мнѣ непремѣнно хотѣлось въ это утро сдѣлать, по крайней-мѣрѣ десять визитовъ; а сверхъ-того, они очень напугали меня своимъ *Плевелемъ*, сирѣчь, *Плейелемъ*, къ которому я питаю личную вражду и теперь вспомнить не могу безъ ужасу о томъ, чтѣ мнѣ доставалось во-время-дно, за этого господина Плейеля, котораго безконечные концерты я долженъ былъ вытверживать наизусть.

Выѣхавъ изъ Хамовниковъ на Девичье-Поле, я хотѣлъ-было сначала объѣздить всѣхъ знакомыхъ, живущихъ на Пречистенкѣ, а потомъ отправиться за Москву-рѣку; но когда посмотрѣлъ на часы, то увидѣлъ, что я рѣшительно не успѣю побывать у Луцкихъ. Надобно вамъ сказать, что эти Луцкіе вовсе не принадлежатъ къ числу тѣхъ знакомыхъ, которымъ я дѣлаю только визиты. Хотя у нихъ есть уже замужнія дочери, но Луцкой и жена его, люди еще не старые. Ихъ образъ мыслей, ласковое, привѣтливое обращеніе, неизмѣнное постоянство въ дружбѣ и этотъ, рѣдкій въ наше время, патриархальный, семейный бытъ, дотога пришли мнѣ пд-сердцу, что я съ перваго дня нашего знакомства полюбилъ ихъ, какъ близкихъ родныхъ. Луцкіе очень богаты, и дай Богъ, чтобъ у насъ было по-больше такихъ богатыхъ дворянъ. Ихъ роскошное и въ то же время радушное гостепрѣимство не имѣетъ ничего общаго съ этимъ хвастливымъ мотовствомъ и чванствомъ, которыя побуждаютъ людей жить вы-

ше своего состоянія и разорваться даятого только, чтобъ про нихъ сказали, что они живутъ по-барски. Нѣтъ! Луцкіе любятъ принимать и угощать своихъ многочисленныхъ знакомыхъ безъ всякой обдуманной цѣли, а просто, по какой-то врожденной любви къ этой завѣтной русской добродѣтели, которую мы называемъ «хлѣбосольствомъ». Кто разъ познакомился съ Луцкими и узналъ по-ближе все это любезное семейство, для того, конечно, будетъ величайшимъ лишеніемъ ихъ отсутствіе изъ Москвы. Я испыталъ это на себѣ, потому что они каждое лѣто уѣзжаютъ въ свои рязанскія помѣстья. Луцкіе путешествовали по Европѣ и очень долго жили въ Парижѣ. Разумѣется, тому кто получаетъ нѣсколько сотъ тысячъ въ годъ доходу, можно очень весело провести время вездѣ, а особенно въ Парижѣ — въ этомъ средоточіи всѣхъ земныхъ наслажденій, въ этомъ — не прогибвайтесь — обширномъ омутѣ всѣхъ грѣховныхъ житейскихъ утѣхъ, облекаемыхъ въ плѣнительныя формы изящнаго вкуса, всѣхъ неистовыхъ страстей, буйной гордости и своеволія, всѣхъ ложныхъ проповѣдниковъ свободы и равенства, которые стараются возмущать легковѣрный народъ даятого только, чтобъ, по-русской пословицѣ, «въ мутной водѣ рыбу ловить». Въ Парижѣ деньги — божество, которому всѣ поклоняются — не жалѣйте ихъ и вы будете видѣть все въ розовомъ цвѣтѣ. Все прекрасное явится къ вашимъ услугамъ, и все глупое и отвратительное усыплютъ для васъ цвѣтами. Надобно сказать правду, этотъ оптический обманъ даятого соблазнительнѣе, что многіе изъ русскихъ путешественниковъ совершенно превратились.... Вы думаете, въ Французовъ? О, нѣтъ! Это бы еще не бѣда; тогда они были бы чѣмъ-нибудь, а то они, бѣдные, превратились ровно въ ничто; то есть, несмотря на всѣ свои старанія, не сдѣлались Французами, а перестали только быть Русскими. Луцкіе жили въ Парижѣ на барскую погу, не жалѣли денегъ, слѣдовательно, видѣли одну только хорошую сторону великолѣпнаго города, въ которомъ процвѣтають науки, художества, всѣ изящныя искусства и въ полномъ смыслѣ царствуетъ это глубокое умѣнье — не жить, а убивать время, которое, однако жъ, всегда насъ переживаетъ. Несмотря на это обольщеніе, Луцкіе возвратились въ свое отечество, точно такими же Русскими, какими изъ него выѣхали. Они съ удовольствіемъ вспоминають о Франціи и о всемъ, что видѣли въ ней прекраснаго; но не захлѣбываются отъ восторгу, говоря о грязныхъ парижскихъ улицахъ; не дѣлають обидныхъ сравненій одного народа съ другимъ,

и не плачутъ о томъ, что городъ, въ которомъ они живутъ, теперь называется Москвою, а не Парижемъ.

— Пошелъ на Вздвигенку, къ Луцкимъ! сказалъ я кучеру.

И вотъ минутъ черезъ десять я въѣхалъ на дворъ и остановился у подъезда каменнаго дому.

— Чтò, баринъ у себя? спросилъ я швейцара.

— Никакъ-нѣтъ, сударь! отвѣчалъ онъ съ вѣжливымъ поклономъ.

— А барыня?

— Также изволила уѣхать.

«Ну, такъ и есть! подумалъ я: со мною это вѣчно бываетъ; кого хочешь застать, того не застанешь, а вотъ теперь поѣду къ этимъ Лыковымъ — и ужъ вѣрно меня примутъ!... Дѣлать нечего!»

— Ступай къ Пречистенскимъ-Воротамъ.

Выѣхавъ на Арбатскую-Площадь, я повернулъ направо, низменною стороною Пречистенскаго Бульвара и взглянулъ мимоѣздомъ на скромный, деревянный домикъ, въ которомъ живетъ одинъ изъ этихъ могучихъ русскихъ витязей, которые въ Дѣнадцатомъ Году стояли грудью за нашу святую родину. Онъ ужъ въ преклонныхъ лѣтахъ; но всё-еще смотритъ богатыремъ и во все не походитъ на старика; впрочемъ, можетъ-быть потому, что его сѣдые волосы не видны изъ-подъ лавровъ, которыми украшено его задумчивое и величавое чело.

Не доѣзжая Пречистенскихъ-Воротъ, я повернулъ въ переулокъ и остановился у большаго деревяннаго дома. Предчувствіе меня не обмануло: высокій лакей въ штіблетахъ и модной ливреѣ съ огромными пуговицами, объявилъ мнѣ, что его господа принимаютъ. Въ столовой, мальчикъ, одѣтый жокеемъ, спросилъ мое имя и войдя въ гостиную, громко прокричалъ: — Богданъ Ильичъ Бѣльскій! — «Ого! Да это точь-въ-точь какъ въ Парижѣ», подумалъ я, входя въ гостиную. Въ ней не было ни кого, кромѣ хозяина и хозяйки.

— Ah! Monsieur Belsky! закричалъ хозяинъ, идя ко мнѣ навстрѣчу. Хозяйка привѣтала и отвѣчала на мой поклонъ, слѣдующей казенной французской фразою: «Charmée de vous voir, monsieur! Voulez-vous bien prendre la peine de vous asseoir!»

— Васъ долго не было въ Москвѣ, сказалъ хозяинъ.

— Да; я слишкомъ годъ прожилъ въ провинціи.

— Слишкомъ годъ!.... *Mais c'est une éternité!*.... и вы не умерли съ тоски?

— А вотъ, какъ видите.

— Слишкомъ годъ! повторила хозяйка: я воображаю какъ вамъ было весело.... А мы только-что возвратились изъ чужихъ краевъ.

— Право?.... Куда же вы изволили ѣздить?

— Сначала на воды.... а тамъ въ Парижъ; мы прожили въ немъ мѣсяца три.

— Только?

— Ахъ, не говорите!.... Вѣдь у насъ все дѣлается Богъ знаетъ какъ!.... Мы взяли съ собою только двадцать тысячъ, и признали нашему управляющему, когда онъ продастъ хлѣбъ и соберетъ оброкъ, выслать всѣ деньги въ Парижъ. Чтò жъ вы думаете?.... Этотъ негодяй не прислалъ намъ ни одной копѣйки!

— Да, да! перерывалъ хозяинъ. Мошенникъ управитель полагалъ, что мы проживемъ года три за границею, хотѣлъ этииъ воспользоваться и ограбилъ насъ самымъ безстыднымъ образомъ.

— Скажите, пожалуйста! Да какъ это вамъ попался такой разбойникъ управитель?... Чтò онъ, Русской, чтò-ли?

— Вотъ то-то и дѣло, что нѣтъ! вскричалъ хозяинъ, — представьте себѣ — Нѣмецъ!

— Чтò вы говорите!

— Увѣряю васъ. Я подалъ просьбу, да Богъ знаетъ когда все это кончится, а между-тѣмъ вамъ пора ѣхать опять за границу. Да ужъ на этотъ разъ мы будемъ по-умиѣе. Я нанялъ новаго управляющаго. Этотъ будетъ надежнѣе — Французъ. А чтобъ совершенно себя обезпечить, заложилъ пять сотъ душъ въ опекунскій совѣтъ и мы теперь повеземъ съ собою чистыми деньгами слишкомъ сто тысячъ.

— Конечно! Это гораздо будетъ вѣрнѣе. А скоро вы отправляетесь?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; меня давитъ здѣшній воздухъ.

— Да, кто привыкъ жить въ тепломъ климатѣ....

— И, *monsieur Velsky!*.... Помилуйте, одинъ ли климатъ!.... Признаюсь, для меня удивительно, какъ можете вы, человекъ просвѣщенный и свободный — жить въ этомъ мертвомъ, неспособномъ городѣ.

Вы знаете, любезные читатели, мою слабость къ Москвѣ, слѣ-

довательно можете понять, до какой степени этот вопрос покажется мнѣ обиднымъ.

— Вы, вѣроятно, не были никогда за границею? продолжалъ хозяинъ.

— Извините! отвѣчалъ я, съ трудомъ скрывая свою досаду: Я въ молодости моей пошатался довольно по Европѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?... Такъ что жъ мнѣ вамъ и говорить? Когда подумаешь, что «мы» передъ этимъ Западомъ!.... А вѣдь туда же гнѣваемся, когда Французы называютъ насъ Татарами!

— Нѣтъ, ужъ не гнѣваемся, перервалъ я — и не смѣемся. Одна и та же глупость, повторенная тысячу разъ, не можетъ ни забавлять, ни сердить.

— А! да вы патриотъ! сказала хозяйка, точно такимъ же голосомъ, какимъ, вѣроятно бы заговорилъ индѣйскій браминъ, узнавъ въ своемъ собесѣдникѣ какого-нибудь презрѣннаго паря.

— И, что ты, ма сѣге! подхватилъ хозяинъ. Богданъ Ильичъ, человекъ умный и образованный—онъ путешествовалъ и вѣрно согласился со мною, что въ смыслѣ просвѣщенія — мы почти еще Татары. Кто ничего не видѣлъ, ничего не знаетъ, тому простиительно думать, что мы европейская нація. Но, тотъ, кто былъ въ Парижѣ — этой столицѣ роскоши и просвѣщенія, тотъ ужъ, конечно, этого не скажетъ. Когда подумаешь, что такое эта парижская жизнь! Какая цивилизація!.... Какой утонченный вкусъ!.... Какое разнообразіе забавъ! Не успѣваешь наслаждаться.... Ну, точно ходишь въ чадѣ—очнуться некогда!.... Вотъ, напримѣръ, въ Парижѣ, я гулялъ каждый день по бульварамъ—а здѣсь куда я пойду?....

— Куда вамъ угодно. Мало ли у насъ гуляньевъ? Не говоря объ окрестностяхъ, въ самой Москвѣ: бульвары, Кремлевскіе Сады, Прѣсненскіе-Пруды, Нескучное....

— И вы это называете гуляньями?

— А какихъ же вамъ еще надобно? Всѣ эти бульвары и сады содержатся въ отличномъ порядкѣ....

— Боже мой!... Да кто вамъ говоритъ о порядкѣ? Вы мнѣ скажите, кого я встрѣчу на этихъ гуляньяхъ?

— Вѣроятно, всѣхъ тѣхъ, которые любятъ гулять.

— То есть, двухъ-трехъ порядочныхъ людей и цѣлую толпу оборванныхъ мужиковъ, запачканныхъ прачекъ....

— Такъ что жъ? Я думаю эти особы встрѣчались съ вами и на парижскихъ бульварахъ?

— Да развѣ парижская *blanchisseuse*—прачка, то же что наша

москвовская прачка? Развѣ французской крестьянницѣ нибѣтъ что-нибудь общаго съ русскимъ мужикомъ? Русской мужикъ!... Ну, выходитъ ли на человека этаго медвѣдь, въ своей дурацкой шапкѣ, въ своемъ отвратительномъ, ошачьномъ тулупѣ?...

— Да, это правда! перерываю я, вспомнилъ стихи одного изъ искреннихъ моихъ пріятелей:

«Вѣдь русской мужичокъ, конечно, тѣмъ и глупъ,
 Что носить шапку, и тулупъ,
 Ему бы надобно, какъ умному Французу,
 Въ холстинную одѣться блузу
 И выйти этакъ на морозъ....»

— Какое ослѣпленіе! воскликнулъ хозяинъ. Да вы, пожалуй, станете сравнивать нашихъ горничныхъ дѣвокъ съ парижскими гризетками, этими плѣнительными, милыми созданіями....

Тутъ я замѣтилъ, что хозяйка поморщилась — казалось, какъ будто бы слово: «гризетка» напомнило ей о чемъ-то очень непріятномъ; но господинъ Лыковъ, не обращая вниманія на пасмурное чело своей супруги, продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ: — О, эти парижскія гризетки, прелесть! Какая ловкость, какая острога, сколько ума въ этихъ бойкихъ, рѣзкихъ отвѣтахъ, за которыми онѣ ужъ никогда въ карманъ не пойдутъ.... А какія тали!... какія ножки!... Да что гризетки! Я вамъ скажу, monsieur Belsky, что мнѣ случалось иногда, перемѣняя лошадей, слушать по цѣлымъ часамъ, и слушать съ наслажденіемъ, разговоры французскихъ почтарей — то есть, простыхъ ямщиковъ!

Представьте себѣ положеніе человека, при которомъ говорить такія неаѣности и который не можетъ ни смѣяться въ глаза тому, кто имъ говоритъ, ни заставить его молчать, ни даже напомнить ему извѣстный стихъ Грибоѣдова:

«Послушай: ври, да знай же мѣру!»

Я васъ спрашиваю, что прикажете дѣлать этому несчастному человеку?... Уйти скорѣе прочь, скажете вы. Это-то именно я и сдѣлалъ. Всталъ, раскланялся и ушелъ. Не подумайте, однако жъ, любезные читатели, что я для вашей потѣхи рассказываю вамъ небылицы—честью васъ увѣряю, что все это правда! Если мои записки имѣютъ какое-нибудь достоинство, такъ это потому, что я ничего не сочиняю, а рассказываю только то, что

слышалъ самъ и видѣлъ собственными глазами. Впрочемъ, то, что я скажу въ заключеніе, некажется вамъ еще новобрѣтѣе. Этотъ господинъ, который слушаетъ съ наслажденіемъ разговоры французскихъ ямщиковъ—слыветъ въ своемъ кругу, преумнымъ человѣкомъ.

«Куда же я теперь поѣду?» подумалъ я, садясь въ мои пролетки.... Да чего же лучше?... Чтобъ отдохнуть душою, послѣ такой непріятной бесѣды, поѣду къ тому, кого давно уже привыкла звать *своимъ* православная Москва, кто остался теперь, едва-ли не однимъ, изъ числа этихъ гостепріимныхъ бояръ, которыми нѣкогда была красна и славилась наша Бѣлокаменная. Всегдашній житель Москвы, онъ такъ сроднился съ нею, что кажется совершенно невозможнымъ, ни ему покинуть Москву, ни Москвѣ остаться безъ него. Вельможа, въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ въ то же время самый привѣтливый хозяинъ. Его приемъ всегда одинаковъ; онъ съ равной лаской встрѣчаетъ въ великолѣпныхъ своихъ палатахъ и не чиновнаго человѣка и первостепеннаго сановника царскаго. Въ этомъ отношеніи, какъ истинный русскій бояринъ, онъ не знаетъ никакихъ различій—и всякой гость, имъ приглашенный, становится для него *дорогимъ гостемъ*. Если я прибавлю къ этому, что ни одинъ бѣдный не отходитъ отъ него безъ подаенія, и, конечно, не было еще ни одного несчастливца, которому онъ отказалъ бы въ своемъ покровительствѣ и пособіи—то ужъ вѣрно вы, любезные читатели, догадаетесь о комъ я говорю и назовете по имени того, кого я здѣсь назвать не смѣю.

— Ступай къ Пречистенскимъ-Воротамъ! сказалъ я кучеру.

— Къ Пречистенскимъ-Воротамъ? — повторилъ мой Петръ. Ужь не къ его ли сіятельству?....

— Ну, да!....

— А зачѣмъ мы къ нему поѣдемъ, батюшка? Вѣдь онъ дѣломъ всегда изволитъ жить въ своей Подмосковной.

— Въ самомъ дѣлѣ!.... Совсѣмъ изъ ума вонъ! — Такъ ступай на Каменный Мостъ за Москву-рѣку.

— Да не прикажете ли, Богданъ Ильичъ, заѣхать прежде къ Буркину?.... Онъ живетъ близѣховько отсюда, изъ Замоскворѣчья намъ будетъ не по дорогѣ: вѣдь намъ придется ѣхать на Крымскій-Бродъ.

— И то дѣло! Поѣдемъ къ Буркину.

Матвій Юрьевичъ Буркинъ, давнишній мой знакомый, мы вѣстѣ съ намъ служили въ Дѣвѣнадцатомъ Году. Онъ старый

холостякъ, богатый, умный и честный, но нѣсколько странный; впрочемъ эти странности не мѣшаютъ ему быть очень любезнымъ человѣкомъ. Матвѣй Юрьевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ Москвичей, которые, живя въ столицѣ, любятъ въ то же время пользоваться всѣми удобствами и просторомъ деревенскаго быта. Его деревянный, обшитый тесомъ домъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ службами и всякаго реду надворнымъ строеніемъ. Тутъ все есть: и баня, и сушильня, и амбары и голубятня и застольная изба, въ которой каждый день по колокольчику собираются обѣдать человѣкъ тридцать дворовыхъ людей. Разумѣется, позади дома разведенъ садъ съ тепличкою, парниками, грунтовыми сараями и затѣйливой бесѣдкою, которая немного пошатнулась на бокъ, но всё еще красива и очень походитъ издали на развалины греческаго храма. Поросшія густой травой, обширный дворъ Буркина служитъ довольно сытнымъ пастбищемъ для разныхъ домашнихъ животныхъ, изъ числа которыхъ—какъ вы сейчасъ увидите — одна презадорная скотина обошлась со мною самымъ невѣжливнымъ образомъ.

Когда я въѣхалъ на дворъ къ Буркину, и сошелъ съ дрожекъ, мой Петръ отправился съ ними на другой конецъ двора и остановился подлѣ конюшни — то есть, по-крайней-мѣрѣ, шаговъ сто отъ дому. Я вошелъ въ сѣни — гляжу: у самыхъ дверей передней комнаты, лежитъ въ растяжку преогромный козелъ. Надобно вамъ сказать, что для меня нѣтъ ничего отвратительнѣе этого безобразнаго и зловоннаго животнаго, которое по какому-то старому предрасудку, держать иногда вмѣстѣ съ лошадьми на конюшнѣ. Но мнѣ и въ голову не приходило, что съ нимъ можно повстрѣчаться въ домѣ.—«Вотъ нашли швейцара», сказалъ я. «Эй! ты, Васюка!... Пошелъ прочь!» Козелъ, не трогаясь съ мѣста, приподнялъ голову, мотнулъ рогами, и взглянулъ на меня такимъ равнодушнымъ и нахальнымъ образомъ, что мнѣ стало почти обидно.—«Ахъ ты, скверная скотина, закричалъ я: Ты не хочешь встать? Такъ постой же, продолжалъ я, толкнувъ его ногою: вотъ я тебя потревожу! Пошелъ, пошелъ!»

Козелъ вскочилъ, отошелъ отъ дверей, а я протянулъ руку, и только-что хотѣлъ позвонить въ колокольчикъ, какъ-вдругъ отъ сильного удара въ правый бокъ повернулся назадъ и увидѣлъ передъ собою проклятаго козла, который, нагнувъ голову, готовился повторить свое нападеніе. Чтобы предупредить этотъ злой умыселъ, я схватилъ задорнаго Васюку за рога, — но вѣдь этимъ не

могло все кончиться: мнѣ нельзя было позвонить, не вынустивъ изъ рукъ моего злодѣя — а онъ того только и дождался. Этотъ забѣйка стоялъ очень смирно, не порывался, помахивалъ только бородакою; но я безъ труда могъ прочесть въ его лукавыя глаза преступное намѣреніе, воспользоаваться первой моею оплошностью и забодать меня до полу-смерти. Не видя ни какой возможности избавиться безъ посторонней помощи, отъ угрожающей мнѣ опасности, я рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, то есть, вытащить козла на дворъ и довести его какъ-нибудь до моего кучера; но для этого мнѣ надо было пятиться задомъ и тащить за рога этого дюжого козла, который, какъ-будто бы отгадывая мое намѣреніе, началъ упрямиться, мотать головою — и порываться во всѣ стороны. Пока я съ нимъ возился на дворѣ, у отворенныхъ воротъ собралась цѣлая толпа мужиковъ, ребятишекъ и всякаго роду прохожихъ; весь этотъ народъ, глядя на мою борьбу съ козломъ, помиралъ со смѣху.

— Смотри-ка, смотри! кричалъ одинъ мужикъ, какъ Васька-то порывается!... Экой чортъ здоровенный!... Вѣдь баринъ-то не сдержитъ — право-слово, не сдержитъ.

— Погоди, погоди... перервалъ какой-то оборванный мѣшанинъ, козелъ-то себѣ на умѣ!... Вотъ какъ вырвется, такъ онъ его милость потѣшитъ!... Ай-да, Васька!... Молодецъ!... Смотри, братъ, хорошенько барина-то!... Не поддавайся!...

Разумѣется, всѣ эти остроты возбуждали общій смѣхъ, да это еще ничего, и я бы на ихъ мѣстѣ посмѣялся надъ пожилымъ человѣкомъ, который вздумалъ играть съ козломъ и таскать его за рога по двору. Но вотъ что было для меня досадно: всѣ эти уличныя зѣванья явнымъ образомъ были на сторонѣ козла и по-видимому очень желали посмотреть, какъ онъ станетъ меня бить рогами. И вѣроятно, они бы насладились этимъ потѣшнымъ зрѣлищемъ, если бъ мой Петръ не бросилъ лошадей и не прибѣжалъ ко мнѣ на выручку. Въ то же время выскочилъ изъ передней слуга, а вслѣдъ за нимъ высыпали изъ застойной, кухни и людскихъ, человѣкъ двадцать всякаго народу. Разумѣется, козла схватили, поколотили и увели на конюшню.

— Помилуй, братецъ, сказалъ я слугѣ, который объявилъ мнѣ, что барина нѣтъ дома. Какъ это можно пускать по волѣ такого злого козла?

— Помилуйте, сударь, отвѣчалъ слуга, да нашъ Васька такой смиренникъ!...

— Хорошъ смиренникъ!... Совсѣмъ-было меня изувѣчалъ,

— Скажите, пожалуйста! Ахъ-онъ, проклятый!... Да что это съ нимъ сдѣлалось?... Ужъ не вы ли сами изволили его ударить или ногой толкнуть?... Ну, этого онъ не любить!... А всё мальчишки набаловали.

— Куда прикажете ѣхать? спросилъ Петръ.

— Куда?... Разумѣется, домой — мнѣ такъ заложило бокъ, что я вдохнуть не могу.

Въ самомъ дѣлѣ, бокъ у меня такъ разболѣлся, что я, пріѣхавъ домой, послалъ за докторомъ и цѣлую недѣлю просидѣлъ дома.

Теперь вы знаете, любезные читатели, почему я вмѣсто десяти предполагаемыхъ визитовъ, сдѣлалъ только четыре, и отъ чего сталъ менѣе любить эту простоту нравовъ и сельскій бытъ многихъ Москвичей, которые живутъ въ Москвѣ точно такъ же привычно и на распахку, какъ привыкли жить у себя въ деревняхъ.

III.

ПЕРВОЕ МАЯ.

«Соколыники! — Хоть васъ поэты не поютъ,
Не хвалятъ васъ и вашу жизнь простую —
Но я люблю и тихій вашъ пріютъ,
И вашихъ сосенъ тѣнь густую.»

— Отвори окно, Никифоръ!... сказалъ я: кажется дождикъ пересталъ.

— Нѣтъ еще, сударь — мороситъ немножко, словно ситомъ сѣсть; да скоро пройдетъ; позади все прочистилось.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Ни одной тучки, сударь; знатный будетъ день.

— И подлинно, какой пріятный, благорастворенный воздухъ, сказалъ я, садясь подлѣ окна. Я думаю, будетъ градусовъ шестнадцать тепла?

— Нѣтъ, сударь, въ столовой на градусникѣ, дошло до осемнадцати.

— Въ шестомъ часу послѣ обѣда!... Да это почти лѣтній день. Что это на улицѣ такъ пусто? продолжалъ я, помолчавъ нѣсколько времени. Хоть по нашему переулку ни ходьбы ни ѣзды большой нѣтъ, однако жъ всё-таки взрѣдка и пройдетъ кто-ни-

будь — а вотъ ужъ съ полчаса, какъ живой души не видно на улицѣ.

— Да кому и быть, сударь — вся Москва въ Сокольникахъ.

— Въ Сокольникахъ? Да развѣ сегодня Первое Мая?...

— А какъ же, сударь!

— Скажи пожауйста! Чуть было не пропустилъ любимого гулянья!... Ступай, вели скорѣй закладывать дрожки!... Да я бы собѣ никогда этого не простилъ.... Ну, что жъ ты стоишь?

— Батюшка, Богданъ Ильичъ!... сказалъ Никифору, почесывая въ головѣ. Прикажете заложить коляску, да и меня возьмите на заняткахъ съ собою: хочется взглянуть на гулянье.

— Ну, хорошо! Да только вели закладывать проворнѣй!

— Разомъ будетъ готово, сударь.

Не побывать Перваго Мая въ Сокольникахъ, а особливо въ такую прекрасную погоду, не полюбоваться этимъ первымъ весеннимъ праздникомъ — да это бы значило лишить себя одного изъ величайшихъ наслажденій въ жизни! Забыть, что сегодня первое число мая!... Что за странная вещь наша память! Я помню все что читалъ, тому лѣтъ тридцать и болѣе назадъ; помню малѣйшія подробности моей дѣтской жизни; помню даже нѣмые сны, которые видѣлъ въ ребячествѣ — но имена и числа, какъ заколдованный кладъ, мнѣ не даются. Изъ всѣхъ наукъ одна хронологія была для меня рѣшительно недоступной наукой; я никогда не помню ни чѣхъ именинъ, и очень часто забываю имена моихъ пріятелей. Хорошо еще, что у насъ на Руси такъ много сіятельныхъ, которыхъ, вмѣсто-того чтобъ называть по именамъ, можно величать графами и князьями. Безъ этого счастливаго обстоятельства, я былъ бы иногда человѣкомъ совершенно погибшимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ ко мнѣ Никифоръ и доложилъ, что коляска готова. Мѣшкать было нечего: отъ Прѣсенскихъ-Прудовъ до Сокольниковъ будетъ верстъ осемь, если не болѣе; я отправился и проѣхалъ, не встрѣтивъ почти никого, до самой Сухаревой-Башни. Тутъ стали показываться экипажи — пѣшеходовъ было мало: они обыкновенно отправляются на гулянье, какъ и вездѣ, гораздо ранѣе. Повернувъ мимо Спасскихъ Казармъ, я выѣхалъ къ Красному-Пруду, изъ котораго вытекаетъ рѣчка Чечора.

Я думаю, большая часть московскихъ жителей и не подозреваетъ существованія этого ручья, выпадающаго въ Яузу — которая столь же мало имѣетъ права называться рѣкою, какъ этотъ

протоки — рѣчку. Впрочемъ, это общая привычка русскаго народа: онъ любитъ называть рѣчками не только едва замѣтные ручьи, но даже стоячіе, грязные пруды — и крестьянка, отправляясь мыть бѣлье, на свою запруженную лужу — всегда скажетъ: «Я иду на рѣчку». Когда я миновалъ Красный-Прудъ, сцена совершенно перемѣнилась. Передо мною открылось большое плоское пространство, устланное экипажами и безчисленными толпами запоздалыхъ пѣшеходовъ. Кареты, коляски, дрожки и щеголеватыя купеческія тележки, неслись шибкой рысью, въ-разсыпную, по обширному Сокольничьему-Полю; большая часть изъ нихъ съѣзжалась на деревянномъ мосту, перекинутомъ черезъ другой ручей, который, также не знаю почему, называютъ рѣчкой Рыбенкою. Вотъ вдали, на темно-зеленомъ полѣ сосновой рощи, окаймленной красивыми дачами, обрисовались бѣлые столбы Сокольничьей Заставы. Вотъ живо замелькали разноцвѣтныя кровли Краснаго Села — села, въ которомъ нѣтъ ни приходской церкви, и ни одной крестьянской избы. Это собраніе, не дачь, а загородныхъ домиковъ, составляющихъ нѣсколько улицъ и переулковъ — походить на красивый уѣздный городокъ, въ которомъ не построены еще соборный храмъ, гостинный дворъ и не устроена базарная площадь съ присутственными мѣстами. На лѣвой рукѣ, въ близкомъ разстояніи отъ заставы, была, нѣкогда знаменитая, дача графа Растинчина. Теперь остались одніе развалины дома и запустѣлый садъ, но дорожкамъ котораго растетъ трава, и ѣздить иногда, для сокращенія пути, мужички въ своихъ телегахъ. Тутъ же проходитъ и водопроводный каналъ «мытищинской воды», подымаемый посредствомъ паровой машины въ резервуаръ Сухаревой-Башни. Отъ самой заставы начинается сосновая роща или, лучше сказать, боръ, который примыкаетъ къ огромной лѣсной дачѣ, извѣстной подъ названіемъ *Лосиннаго-Острова*. До заставы я ѣхалъ свободно и попалъ въ веревку или рядъ экипажей, тогда только, когда въѣхалъ въ широкую прѣсѣку, ведущую къ обширному лугу. По обѣимъ сторонамъ этой прѣсѣки толпился народъ, а посреди двухъ рядовъ экипажей разъѣзжали разныхъ родовъ кавалеристы — въ мундирахъ, фракахъ, сюртукахъ и венгеркахъ. Они галопировали, вертѣлись около экипажей, разговаривали съ дачами, лавировали съ большою ловкостью между каретныхъ колесъ и вѣроятно, ради удалства, гарцовали и рисовались въ самыхъ тѣсныхъ мѣстахъ, заставляя прыгать своихъ борзыхъ коней, покрытыхъ пѣною. Другіе вели себя гораздо степеннѣе, ѣздили шагкомъ, не вдаваясь ни въ какія опасности и не тира-

или своих лошадей; они, конечно, не обращали на себя внимание публики, но зато и не были сивыми, как иные из этих лихих наездниковъ, изъ которыхъ одинъ, при каждомъ прыжкѣ своей лошади, блѣднѣлъ какъ смерть, и почти вслухъ творилъ молитву; а другой, вслѣдствіе неудачной лансады, перекувырнулся на воздухъ и упалъ—къ счастью, не подъ колесо, а подлѣ колеса проѣзжающей кареты. Я послѣ встрѣтилъ его въ рощѣ, и слышалъ, какъ онъ рассказывалъ какой-то дамѣ, что лошадь его опрокинулась, и хотя упала съ нимъ вмѣстѣ, однако жъ онъ какъ не могла выбить его изъ сѣдла. Больше всѣхъ забавлялъ меня одинъ щеголь, настоящая карикатура англійскаго денди. Длинный, худой, съ маленькой бородкою въ короткомъ сюртукѣ и цвѣтномъ галстукѣ, онъ сидѣлъ на какомъ-то лошадиномъ привидѣніи и ростомъ и статуей похожемъ на чалаго верблюда; эта скаковая, кровная кляча, съ отрубленнымъ хвостомъ удивительно жеманилась, то пятилась бокомъ, то припрыгивала, то скребла ногою землю, шла задними ногами въ галопъ, а передними рысью и при каждомъ ударѣ хлыста лягала и перебрасывала своего ѣздока съ сѣдла къ себѣ на шею. Онъ, впрочемъ, не терялъ никакъ отъ этого своей увѣренности, сидѣлъ подбоченясь и сквозь стекло своей лорнетки, воткнутой въ правый глазъ, глядѣлъ на всѣхъ съ такимъ величіемъ и гордостью, что невозможно было отъ смѣху удержаться.

— Экой уродина! шепталъ позади меня Никифоровъ: да гдѣ это онъ досталъ такого аргамака? Чай такихъ и на живодёрнѣ мало. Вотъ подошелъ къ нему такой же долгоязыый мусью, въ бумажномъ балахонѣ....

— То есть, въ пальто, сказалъ я. Да почему же ты называешь его мусью?

— Да долженъ быть какой-нибудь иностранецъ, батюшка. Посмотрите-ка: засунулъ обѣ руки въ карманы.

— Такъ чтѣ жъ?

— Какъ чтѣ, Богданъ Ильичъ? У русскаго человека руки всегда на свободѣ — неровенъ часъ: поди ихъ вытаскивай изъ кармановъ!

— Чтѣ это у тебя, Никифоровъ, всегда драка на умѣ!

— Какая драка, помилуйте! А всё-таки, сударь, знаете ли такъ, на сторожѣ не мѣшаетъ быть. «Бду не свищу, а паѣду не спущу!»

— Ну, полно, полно, заврался!

— Слушаю, сударь!

Я не добжалъ еще и до середины гулянья, а началъ ужъ скучать и поспрашивать съ завистью на свободныхъ пѣшеходовъ, которые шли куда хотѣли, и дѣлали все, что имъ было угодно. Кто ѣздитъ на гулянье, не верхомъ, а въ какомъ-нибудь экипажѣ, тотъ долженъ отказаться на нѣсколько часовъ отъ величайшаго изъ благъ земныхъ, отъ своей нравственной свободы. Онъ уже не *лицо*, а *вещь*, онъ не гуляетъ, а его возятъ, подъ арестомъ въ каретѣ или коляскѣ. Онъ желалъ бы ѣхать и стоять, не двигаясь, на одномъ мѣстѣ; хотѣлъ бы остановиться, а его везутъ впередъ. Задумаетъ ѣхать домой, а ему—ради соблюденія порядка, говорятъ: «Не угодно ли вамъ еще прокатиться», то есть, проѣхать версты четыре шагомъ. Конечно тотъ, кто является на гулянье въ шегольскомъ экипажѣ, имѣетъ еще кой-какія вознагражденія за потерю своей свободы: для него гулянье то же, что выставка для фабриканта, сцена для актера и концертная зала для музыканта. Развалился въ своей откидной каретѣ или коляскѣ, онъ смотритъ съ наслажденіемъ и гордостью на толпу, которая повторяетъ его имя и ахаетъ отъ удивленія, смотря на десяти-тысячную четверню. Мои весьма обыкновенныя лошади не могли доставить мнѣ этого «высокаго» наслажденія и какъ бы я ни разваливался въ моей старой коляскѣ, никто не обратилъ бы на нее вниманія, и потому я рѣшился, при первомъ удобномъ случаѣ, свернуть въ рошу и отправиться гулять пѣшкомъ. Благодаря искусству моего кучера, Петра, это желаніе черезъ минуту исполнилось и я снова вступилъ въ права человѣка, то есть, ногъ, какъ существо разумное и одаренное свободной волею, располагать своими дѣйствіями. Время было истинно прекрасное. Теплый, влажный воздухъ, напитанный ароматическимъ испареніемъ сосенъ, весеннія голубыя небеса, кой-гдѣ подернутыя прозрачными облачками—эта жизнь и всеобщее движеніе—эти, то близкіе, то отдаленные звуки полковыхъ оркестровъ, разставленныхъ во лѣсу, этотъ безконечный рядъ экипажей, посреди которыхъ безпрестанно мелькали бѣлые султаны и кивера лихихъ кавалеристовъ; эти балаганы биткомъ набитые людьми всякаго званія и аристократическія палатки, наполненныя прекрасными женщинами; эти веселыя лица и веселый говоръ безчисленной толпы народа, все это вмѣстѣ составляло такую великолѣпную картину, такой роскошный *пиръ весны*, что, глядя на него, сердце невольно радовалось и забывало всякое горе. Я прошелъ во всю длину гулянья, до обширной поляны, окруженной съ трехъ

сторонѣ густымъ боромъ; на ней, вокругъ шатровъ, увѣчанныхъ ёлкою и досчатого балагана, въ которомъ показывали свое искусство канатные балансёры, толпился простой народъ. Въ числѣ разносчиковъ, предлагавшихъ свой клюквенный квасъ, каленые орѣхи, пряники, сайки и калачи, двое подчивали мужичковъ мороженымъ и нѣсколько мальчиковъ занималось продажей сигаръ. Кто бы могъ подумать, что заморская выдумка—мороженое и это табачное зелье, которое еще такъ недавно русскій народъ называлъ *чортовой травой*, найдутъ покупателей у самыхъ дверей питейнаго дома? Однако жъ я видѣлъ своими глазами, какъ одинъ мужичокъ съ бородою курилъ сигару, а другой изволилъ кушать сливочное мороженое; во, къ сожалѣнію, это европейское наслажденіе просвѣщенныхъ народовъ, не помѣшало имъ, спустя нѣсколько минутъ, отправиться подъ ёлку. Возвращаясь къ моему коляскѣ, я присѣлъ отдохнуть на скамьѣ, подлѣ одной палатки, которая, судя по выставленному у ея дверей самовару, величينو съ порядочную бочку, была однимъ изъ временныхъ тракторовъ, разбросанныхъ по всему гуляню. Я сталъ смотрѣть на проѣзжающіе экипажи. Изъ числа ихъ одна откидная карета, которая отличалась богатою англійскою упряжью, двѣ щеголеватыя кабриолетки и красивый шуль-вагенъ, запряженный парю англезированныхъ лошадей обратили на себя мое вниманіе. Какъ страстный охотникъ до всёхъ противоположностей, я полюбовался также патриархальною наружностью нѣкоторыхъ каретъ, и долго смотрѣлъ на одинъ дормёзъ, весьма пожилыхъ лѣтъ, на козлахъ котораго, рядомъ съ кучеромъ, сидѣла лягавая собака. Вдругъ кто-то звучнымъ, тоненькимъ голоскомъ произнесъ мое имя... я обернулся: мимо меня проѣзжало цѣлое дамское общество въ огромной линейкѣ. Этотъ простой экипажъ показался мнѣ красивѣе всёхъ другихъ; и подлинно, въ ясный лѣтній день, что можетъ быть прекраснѣе линейки, разумѣется, если она, такъ же какъ въ этотъ разъ, служить для прогулки десяти или двѣнадцати красавицъ, на которыхъ вы можете любоваться, не подымая сверху головы и не заглядывая въ узкія окна кареты. Въ то самое время, какъ этотъ подвижной цвѣтникъ проѣзжалъ мимо, кто-то взялъ меня за руку; я оглянулся и увидѣлъ подлѣ себя моего бальнаго знакомца, камергера, который сказалъ мнѣ съ улыбкою:

— Здравствуйте, любезный двойникъ! Вотъ мы опять съ вами встрѣтились; только сегодня это вовсе не случай; я искалъ васъ по всему гуляню. Подвиньтесь-ка немного, я присяду подлѣ

мась и отдохну. Вотъ, продолжалъ онъ, помѣстясь рядомъ со мною на скамью: вотъ это можно назвать гуляньемъ! И просторно и тепло; народу бездна; вокругъ зелень, пыли нѣтъ....

— Такъ вы довольны сегодняшнимъ гуляньемъ?

— Очень! мнѣ такъ весело, что я даже безъ досады смотрю на эти уродливыя шляпы, которыя въ нынѣшнее лѣто надѣли на себя всѣ Москвичи.

— Да! модныя шляпы не красивы! аршинная тулья, сплюснутыя крылья.

— Знаете ли что? прервалъ камергеръ: мнѣ, право, кажется, что Парижане придумали носить на своихъ головахъ эти глупыя башни, ддятого только, чтобъ испытать, до какой степени простирается наше рабское, безотчетное подражаніе всѣмъ ихъ дурчествамъ. Я помню исковерканныя шляпы à la Cendrillon, помню мягкія шляпы, которыя походили на измятые колпаки и остроконечныя шляпы съ едва замѣтными крыльями, напояннвыя своей формою цвѣточныя горшки; всѣ эти моды были очень безобразны; но ихъ безобразіе можно назвать красотой, вравненіи съ этимъ вавилонскимъ столпотвореніемъ, которое мы должны носить вмѣсто шляпъ, потому что такъ угодно Парижу. И добро бы еще дурачились одни молодые люди, а то посмотрите: вонъ идетъ старикъ, онъ едва передвигаетъ ноги, а на головѣ у него не шляпа, а каланча! Боже мой! Да что жъ это такое? Да будетъ ли когда-нибудь конецъ этому непонятному ослѣпленію? Перестанемъ ли мы когда-нибудь одѣваться не только —

«Разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ,»

но даже вопреки вкусу и красотѣ, изъ угожденія къ прихоти чуждаго намъ по всему народу. Придетъ ли когда-нибудь время, что одни только молодые—очень молодые люди и женщины, которыя никогда не старѣются, станутъ повиноваться законамъ моды, не размышляя о томъ, прилична ли эта мода нашему климату, обычаямъ, и служить ли эта мода, если не къ удобству и спокойствію, то, по-крайней-мѣрѣ, къ украшенію нашей наружности.

Этотъ длинный монологъ моего сосѣда, былъ прерванъ какими-то невнятнымъ шопотомъ: одинъ щеголеватый экипажъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Прекраснѣйшая коляска, четверня великолѣпныхъ лошадей, богатая упряжь, все въ этомъ экипажѣ должно было возбуждать удивленіе и похвалу, а вмѣсто

этого, я слышалъ вокругъ себя какой-то насмѣшливый хохотъ и восклицанія, изъ которыхъ нѣкоторыя были даже не очень вѣжливы.

— Что жъ это значитъ? спросилъ я: чему смѣются эти господа? Да это самый лучший экипажъ изъ всего гулянья. Лакей и кучеръ одѣты прекрасно и въ коляскѣ сидятъ человекъ вовсе не смѣшной наружности.... Мнѣ кажется.... Да! такъ точно! Онъ долженъ быть иностранецъ?

— Вы не ошиблись! отвѣчалъ камергеръ.

— Вѣрно какой-нибудь чиновникъ посольства?

— Не отгадалъ.

— Такъ, вѣроятно, знаменитый путешественникъ?

Камергеръ покачалъ отрицательно головою.

— А! понимаю! Мотоватый сыночекъ богатаго банкира?

— Совсѣмъ не то.

— Да кто жъ онъ такой?

— Артистъ и даже не первоклассный.

— Нѣтъ, шутите?

— Право не шучу. Эта четверня представляетъ сборъ двухъ концертовъ, а коляска, вѣроятно, куплена цѣною нѣсколькихъ музыкальныхъ вечеровъ.

— Такъ онъ музыкантъ? Бѣдняжка! Ну, если онъ какъ-нибудь вывихнетъ палецъ?

— Да, это будетъ грустно; вѣдь вовсе не весело при свѣтѣ и хохотѣ толпы, пересаживаться изъ этой великолѣпной коляски на какіе-нибудь оборванные дрожки плохаго извозчика. Ну, теперь понимаете ли чему смѣются?

— Да! это и смѣшно и жалко.

— Нѣтъ, покажѣте только смѣшно. Вы знаете басню о лягушкѣ, которая хотѣла сравняться съ быкомъ. О ней можно было пожалѣть, когда она лопнула; но пока она хвасталась и надулась — такъ вѣроятно всѣ, глядя на нее, смѣялись, а не плакали.

— Вотъ лошади! вскричалъ я невольно, взглянувъ на красивыя прометки, заложеныя парой вороныхъ коней необычайной красоты.

— И вѣрно принались очень дешево хозяину, прервалъ камергеръ.

— А кто онъ такой?

— Также артистъ; но только совсѣмъ другаго роду.

— Что жъ онъ такое? Скульпторъ, живописецъ?...

— Нѣтъ, механикъ. Да еще какой! Передъ нимъ и знаменитый Бюско ничего не значитъ.

— А! такъ онъ фокусникъ?

— Превидительный! Если бъ вы знали какія чудеса онъ дѣлаетъ картами! Попробуйте сто разъ сряду, изъ цѣлой колоды картъ поставитъ какую вамъ угодно *са банкъ*—всегда ляжетъ на право. Необычайное искусство!

— Вотъ что! И вѣрно онъ называетъ это искусство удачею и случаемъ?

— Разумѣется, истинный талантъ всегда скромнѣе.

— Однако жъ, посмотрите, сколько у него знакомыхъ! Онъ безпрестанно раскланывается направо и налево; неужели это все такіе же, какъ и онъ, артисты?

— Избави Господи! Да, тогда бы надобно было бѣжать вонъ изъ Москвы.

— Такъ поэтому не всѣмъ знакомымъ его извѣстно....

— Чѣмъ онъ промышляетъ? Да это знаютъ даже и тѣ, которые съ нимъ вовсе не знакомы.

— И несмотря на это....

— Да! несмотря на это, съ нимъ кланяются, ему жмутъ руку, и люди очень честные не стыдятся водить съ нимъ хлѣбъ и соль.

— Скажите, пожалуйста!... Чтò же значитъ послѣ этого общее мнѣніе?

— Да ровно ничего! Оно страшно только для бѣдняковъ, а тотъ, кто можетъ сыпать деньгами—смѣется надъ этимъ «общимъ мнѣніемъ». Всѣ стануть ругать какого-нибудь милліонщика-негодяя, и всѣ къ нему поѣдутъ обѣдать, лишь только бы у него была уха изъ аршинныхъ стерлядей, да шампанскаго вдоволь. Прочтите «Судъ Звѣрей», вотъ вамъ «общее мнѣніе». Кто слабъ, того оно задумитъ, кто силенъ, тому оно повалится въ ноги.

— Да, конечно, Грпбоѣдовъ правъ:

«Кому въ Москвѣ не зажимаютъ рты—
Обѣды, ужины и танцы!»

Но кто же въ этомъ виноватъ? Всѣ-таки не общее мнѣніе; оно дѣлаетъ свое дѣло, да мы-то своего не дѣлаемъ. Оно клеймитъ безъ пощады пороки; прославляетъ добродѣтель, уважаетъ умъ, смѣется надъ глупостью....

— И, конечно, скажете, всегда бываетъ справедливо? прервалъ

съ живостью каймергеръ. Вотъ то-то и бѣда, что мѣтъ! Сколько разъ на моей памяти это «общее мнѣніе» поддерживало ничѣмъ не заслуженную славу бездарнаго писателя, губило возникающій талантъ и помогало распространяться гнусной клеветѣ; сколько глупцовъ по милости того же «общаго мнѣнія» слывуть во всю жизнь свою людьми умными и сколько истинно-умныхъ людей разжаловано имъ, если не въ глупцы, то по-крайней-мѣрѣ въ совершенно пустые и ни на что не способные люди. Общее мнѣніе!... Да ужъ не говорите мнѣ объ этомъ общемъ мнѣніи!...

— Однако жъ не даромъ же есть пословица: «Гласъ народа, гласъ Божій».

— Да! Если бъ этотъ гласъ народа былъ всегда справедливъ, или по-крайней-мѣрѣ выражалъ общее мнѣніе, а то ступайте! Покатайтесь по Москвѣ, послушайте! Вотъ какая-нибудь сіятельная или превосходительная дама, которая въ своемъ углу разныгрываетъ большую барыню, примется все осуждать, всѣхъ казнить, позорить—и тотъ дурень и этотъ не хорошъ. «Помилуйте, батюшка! На что это походить? Кого намъ дали?... Что это за человѣкъ?... Его «Москва» не любитъ!»... То есть, я, Матрена Власьева, его терпѣть не могу. А тамъ, глядишь, другой баринъ начнетъ вамъ рассказывать такія нелѣпыя новости, что у васъ волосы дыбомъ стануть; вы посомнитесь и онъ тотчасъ вамъ скажетъ:—Да, сударь, да! Это вѣрно! Москва говоритъ:—«А кто эта Москва?» какой-нибудь отставной бригадиръ Панкратій Ильичъ съ своею супругою, да кумушка изъ сосѣдняго прихода. Да что объ этомъ говорить, продолжалъ мой собесѣдникъ, вставая: вы вѣрно пріѣхали сюда не философствовать, а подышать веселымъ воздухомъ, погулять, позвать на толпу, такъ пойдите лучше въ лѣсъ, да посмотримъ, какъ веселятся тѣ, которые пріѣхали сюда не въ щегольскихъ экипажахъ, а въ плохихъ коляскахъ, телѣжкахъ, на извозчикахъ — и какъ обыкновенно выражаются господа пѣшеходы на «парѣ воронихъ», то есть, просто пѣшкомъ.

Оставивъ всторонѣ большую дорогу, по которой тянулись длинные ряды нарядныхъ экипажей, мы повернули въ лѣсъ и не успѣли сдѣлать двадцати шаговъ, какъ стена совершенно перемѣнилась. Въмѣсто роскошнаго столичнаго гулянья, мы увидѣли передъ собой сельскій праздникъ во всей незатѣйливой простотѣ его, но въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, что вовсе не трудно было догадаться, изъ какой деревеньки пришелъ весь этотъ православный народъ потѣшиться, погулять и напиться

чайку, подъ тѣнюю зеленѣющихъ сосенъ, которыя недѣли четы-ре тому назадъ, занесенныя снѣгомъ и покрытыя инеемъ, стояли какъ мертвецы въ своихъ бѣлыхъ саванахъ. Все пространство, какое только можно окинуть взоромъ, усеяно было пестрыми толпами горожанъ, которые сидѣли на землѣ отдѣльными кружками. Въ одномъ мѣстѣ курили молча трубки и сигары, въ другомъ разговаривали, въ третьемъ слушали заливныя пѣсни цыгашокъ, въ четвертомъ потѣшались честную компанію уда-лой дѣтина, играя на берестовомъ рожкѣ. Вездѣ забавлялись и вездѣ пили чай. Эта необходимая потребность нашего купечества, эта единственная роскошь нашихъ небогатыхъ мѣщанъ, это праздничное, высочайшее наслажденіе всѣхъ трезвыхъ разночи-новъ, фабричныхъ мастеровыхъ и даже мужичковъ,—нашъ рус-скій, кипучій самоваръ, дымяся на каждомъ шагу. Мы подошли къ одному изъ этихъ самоваровъ, вокругъ котораго сидѣло на травѣ, человекъ пять рабочихъ людей изъ крестьянъ, и двѣ мо-лодицы въ нарядныхъ тѣлогрѣяхъ. Всѣ они сидѣли чинно, попи-вали чаекъ и не стаканами, а изъ фарфоровыхъ чашекъ.

— Ну, вотъ это хорошо, ребята, сказалъ мой собесѣдникъ: вы, — мѣсто вина, пьете чай. Оно дешевле и здоровѣе...

— Да и батюшка не заказываетъ, сказалъ одинъ молодой па-рень, кладя въ ротъ кусочекъ леденцу, который служилъ имъ мѣсто сахару.

— Знаете ли, продолжалъ камергеръ, обращаясь ко мнѣ: вѣдь это уже не въ первый разъ, что я встрѣчаю простыхъ крестьянъ, которые, желая повеселиться, пьютъ чай, а не вино, этотъ меденный ядъ, который хуже всякаго другаго, потому что онъ въ одно время убиваетъ и тѣло и душу.

— Почему же ядъ? сказалъ я: въ нашемъ климатѣ умѣренное употребленіе вина, не только не вредно, но даже полезно.

— Умѣренное, да вотъ то-то и бѣда, что умѣренность рѣдко бываетъ добродѣтелью русскаго человека. Въ нуждѣ нашъ мужичокъ будетъ сытъ кускомъ черстваго хлѣба; но если онъ расположится погулять, то есть, попить и поѣсть сколько угод-но, то ужъ конечно съѣсть за троихъ Нѣмцевъ, а выпьетъ за пятерыхъ. Нѣмцу чтò надобно? Бутылка пива, много двѣ—а ви-дали ли вы, какъ наши мужички пьютъ брагу? Иной столько напьется въ себя этого хмѣльнаго питья, что весь растечетъ и сдѣлается почти прозрачнымъ. Нѣмецъ выпьетъ съ разстанов-кою небольшую рюмочку шнапсу, да и довольно, а русскій чело-вѣкъ, коли ужъ выпилъ одинъ стаканчикъ «казеннаго», такъ и по-

давай ему цѣлый штофъ! Нѣтъ; конечно, можно будетъ порадоваться, если у насъ, такъ же какъ и въ Соединенныхъ-Штатахъ, простой народъ станетъ по-немногу привыкать пить, вмѣсто вина, чай....

— Да почему же не сбитень? прервалъ я.

— Сбитень? повторилъ камергеръ: конечно, зимой русскому мужичку, когда онъ продрогнетъ на морозѣ, хорошо выпить стаканъ сбитню съ перцомъ или нибиремъ — да это наслаждение совсѣмъ другаго рода. Притомъ же съ этимъ сбитнемъ много хлопотъ, его надо варить умѣючи, и для этого есть даже особенные мастера, и обойдется-то онъ гораздо дороже чаю.

— Неужели дороже?

— Разумѣется. Попробуйте-ка напоть сбитнемъ русскаго мужичка, да напоть, какъ говорится, до отвалу, такъ онъ у васъ на полтину выпьетъ. А чай, чтѣ такое? Былъ бы только самоваръ, вода непокупная, чаю на двадцать копѣекъ, на пять леденцу и вотъ нашъ мужичокъ примется пить, не торопясь, съ прохладю, выпьетъ чашекъ десять горячей воды, которая нахлѣтъ немного чаемъ, и протѣшится часа два за мѣдную гривну. Оно и дешево и безвредно, а между-тѣмъ есть тѣмъ и нехвастаться. «Были, дескать, въ Сокольникахъ, на баръ посмотрѣли, чаю пили вдоволь!.... Неча сказать—потѣшились, погуляли дѣсыта!» Однако жъ, примолвилъ мой собесѣдникъ: вотъ моя прележка, пора домой!

— И мнѣ также пора, сказалъ я: теперь еще ѣхать можно свободно, а какъ всѣ разомъ хлынуть съ гулянья, такъ и на Сокольничьемъ Полѣ будетъ тѣсно. Здѣсь же всѣ ѣздить шагомъ, а тамъ начнется такая скачка, что унаси Господи! Всѣ кучера съ ума сойдутъ, кинутся во всѣ стороны, начнутъ перергонять другъ друга, благо жандармовъ нѣтъ—воля!.... Гони-себя и въ хвостъ и въ голову!... Бѣда, да и только!

— И это также, сказалъ камергеръ, садясь на свои пролетки: характеристическая черта русскаго народа. Заставили его поѣздить часика четыре, тихо, чинно, по-нѣмецки, а тамъ, какъ дали волю русской удали, такъ ужъ только держись!

Я простился съ камергеромъ, отыскалъ свою коляску и отправился домой. Когда я сталъ подъѣзжать къ Красному-Пруду, то оглянулся назадъ—все Сокольничье Поле было усыпано экипажами: нѣмецкое гулянье кончилось и началась русская скачка.

IV.

ПОЪЗДКА ЗА ГРАНИЦУ.

«Княгиня Дымова уѣхала съ сестрицей,
 Степанъ Степановичъ отправился съ женой,
 Всѣ ѣдутъ на воды: зачѣмъ же мнѣ одной
 Нельзя пожить, хоть годикъ за границей,
 Чѣмъ хуже я другихъ?.....»

Изъ рукописной комедіи.

1. СБОРЫ.

Дѣйствіе происходитъ за Москвой-рѣкой на Ордынкѣ, въ домѣ Андрея Тихоновича Оборкина. Гостиная, выкрашенная малиновомъ краскою, мебель орѣховаго дерева, обитая желтымъ полушубкомъ съ голубыми разводами. На стѣнѣ противъ оконъ большая семейная картина, представляющая все семейство Оборкиныхъ, то есть, Андрея Тихоновича въ лѣтнемъ сюртукѣ, сурругу его Марью Алексѣевну въ бѣлой кисейной блузѣ, племянника Андрюшу въ синей курточкѣ и толстаго мопса Шери въ розовомъ атласномъ ошейникѣ — все это прекрасно сгруппировано. Кругомъ деревья, зелень, цвѣты, *прозрачный* ручеекъ. Андрюша ловитъ бабочку, Марья Алексѣевна сидитъ на дерновой скамьѣ, мопсъ Шери лежитъ у ней на колѣняхъ, Андрей Тихоновичъ стоитъ позади. У мопса глаза до половины закрыты; онъ дремлетъ. Мужъ смотритъ съ умиленной улыбкой на жену, она глядитъ задумчиво на ручей и держитъ въ рукѣ раскрытую книгу, въ которой написано крупными буквами: «Такъ мирно и спокойно течетъ жизнь наша!» Подъ этой картиною стоитъ диванъ, передъ диваномъ круглый столъ, на которомъ разбросаны французскіе альманахи, нѣсколько томовъ «Странствующаго Жюда», первый томъ «Леліа» Жоржъ Занда, подробная карта Европы и толстый Guide des Voyageurs. На диванѣ сидитъ Марья Алексѣевна и читаетъ Московскія Вѣдомости. Сбоку, за тѣмъ же столомъ, Андрей Тихоновичъ вылаживаетъ что-то на столѣхъ, передъ нимъ лежитъ кша бумагъ. Марья Алексѣевна женщина лѣтъ двадцати-пяти; ее нельзя назвать идеаломъ женской красоты, которая, по мнѣнію знатоковъ, должна заключать въ себѣ что-то воздушное, неземное. Въ Марьѣ Алексѣевнѣ, нѣтъ

ничего воздушнаго: ея бѣлыя широкія плечи, полное румяное лицо, сѣрые свѣтлые глаза, въ которыхъ незамѣтно ни малѣйшей томности, все изобличаетъ въ ней самое пошрое, прозаическое здоровье, и эту грубую тѣлесную силу, которая вовсе не къ лицу какой-нибудь *дѣва неземной*. Андрей Тихоновичъ мужчина лѣтъ пятидесяти, довольно пріятной наружности: его спокойное и кроткое лицо выражаетъ совершенную доброту и простосердечіе. Въ своемъ кругу онъ слыветъ за человека *недальняго*, иные называютъ его даже просто дуракомъ; но это несправедливо: въ немъ есть и здравый смыслъ и логика, которая никогда не дается дуракамъ, даже самымъ ученымъ. Андрею Тихоновичу недостаетъ только твердой воли и этой силы характера, безъ которыхъ и умъ и логика рѣшительно ни къ чему не служатъ. Андрей Тихоновичъ, по болѣе части, разсуждаетъ весьма умно, а поступаетъ очень глупо, потому что всегда дѣлаетъ не то, что хочетъ, а то, чего желаютъ другіе. Въ числѣ этихъ другіихъ, разумѣется, первое мѣсто занимаетъ его молодая жена, а второе всѣ тѣ, которые держатъ ея сторону. Изъ этого вы можете заключить, что Андрей Тихоновичъ *мужъ какихъ мало*. Нѣтъ, любезныя читательницы, не прогнѣвайтесь! Гораздо вѣрнѣе будетъ сказать, что Андрей Тихоновичъ *мужъ какихъ много*.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ (*продолжая выкладывать на счетахъ*).

Съ кулябкинскихъ оброчныхъ, три тысячи семь-сотъ тридцать рублей ассигнаціями.... Съ вхляевскихъ пять тысячъ триста двадцать рублей..... Да съ мельницы пятьсотъ..... Въ Воропановкѣ прошлогодичной ржи намолочено двѣ тысячи триста четвертей, полагая среднимъ числомъ по шести рублей за четверть — тринадцать тысячъ осемьсотъ рублей.... Овса, гречи, ячменю запродало на три тысячи рублей, итого ассигнаціями двадцать шесть тысячъ пятьдесятъ рублей.... На серебро....

МАРЬЯ АЛЕКСѢЕВНА (*перелистывая газеты*).

А вотъ наконецъ!.... «Отъѣзжащіе за границу». Какое множество!.... И это еще только изъ Москвы, что жъ должно быть изъ Петербурга!.... (*Читаетъ*.) «Въ Германію, Италію, Францію, Бельгію, Голландію и Англію, титулярный совѣтникъ князь Павелъ Николаевичъ Насѣдкинъ, съ супругою княгинею Еленой Дмитриевною, съ малолѣтною дочерью Екатериною, съ выходя-

«шимися при нихъ , австрійскимъ подданнымъ Готлибомъ Вурманомъ , московской мѣщанкою Аксиньей Ивановою Подкипичной и дворовой дѣвушкою Матреной Филиповой Сыромятниковою..... Въ Италію, надворный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Росомахинъ... Во Францію, полковница Ѳедосья Антоновна Скалозубова съ двумя дочерьми.....» Боже мой!.... Чтò это?.... Андрей Тихоновичъ.... Посмотри!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Чтò такое, матушка?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Нѣтъ!... ужъ это, право, досадно.... Послушай!... «Въ Карлсбадъ, коллежскій ассессоръ Артемій Никитичъ Сусликовъ , съ женою «Авдотьей Никифоровною и двумя малолѣтними дочерьми, Софьей «и Надеждою».

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Такъ чтò жъ, мой другъ?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Какъ чтò?... Всего заложенныхъ триста душъ — въ Москвѣ жить нечѣмъ, а ѣдутъ за границу....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

И, матушка! какое намъ до этого дѣло. У всякаго свой умъ въ головѣ.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Нѣтъ, ужъ это ни на чтò не походитъ!... Горины уѣхали за границу, Шестуновы другой годъ въ Италіи, Запѣваловы отправились въ Парижъ — и даже Сусликовы, которымъ перекусить нечего — и тѣ ѣдутъ въ Карлсбадъ, а мы живемъ-себѣ, да живемъ въ Москвѣ.... У насъ состояніе прекрасное, осемьсотъ душъ — дѣтей нѣтъ....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Да есть племянникъ, мой другъ. Надобно также и о немъ подумать. Онъ круглый сирота и вся будущность его зависить отъ насъ.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Ахъ, Боже мой! да развѣ мы о немъ не печемся? Кажется, мы ничего не жалѣемъ для его воспитанія. Прежде онъ былъ

на нашихъ рукахъ, а теперь мы его пристроили; онъ учится въ дворянскомъ институтѣ....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Не о томъ рѣчь, матушка! Воспитанье-то мы ему дадимъ, да вѣдь надобно же и кусокъ хлѣба оставитъ.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Ахъ, Андрей Тихоновичъ, какъ вы странно!... Да неужели нельзя побывать за границею, не разстроивъ своего состоянія?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Конечно, можно; да вѣдь затѣи-то у тебя больно велики!... Дѣло другое съѣздить за границу на нѣсколько мѣсяцовъ, а ты всё наровнишь прожить тамъ года два, или три....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Другіе живутъ и дольше. Ну, что за радость отправиться въ чужіе края на нѣсколько мѣсяцевъ! Не успѣемъ пріѣхать и ступай назадъ. Да по-мѣму, лучше вовсе не ѣздить....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

А вотъ, послушай, Марья Алексѣвна! Я считалъ сейчасъ всё наши доходы. Въ нынѣшнемъ году у насъ будетъ всего-на-все, съ небольшимъ двадцать шесть тысячъ ассигнаціями; изъ нихъ должно внести въ опекунскій совѣтъ шесть тысячъ рублей, слѣдовательно, чистаго дохода останется у насъ только двадцать тысячъ ассигнаціями, да и то если намъ заплатятъ сполна весь оборокъ и мы продадимъ рожь не дешевле шести рублей за четверть.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

По шести рублей! Помилуй, Андрей Тихоновичъ! Ужъ на что было хуже прошлаго году, но знали куда съ хлѣбомъ дѣваться и всё-таки продали по пяти рублей четверть. А теперь слухи хорошіе: говорятъ, что во всѣхъ степныхъ губерніяхъ неурожай.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Нѣтъ, Марья Алексѣвна, въ тамбовской только всходы были плохіе — да и то Богъ милостивъ — поправятся.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Ну, очень хорошо. Положите, что у насъ будетъ всего двад-

цать тысячъ въ годъ доходу — такъ что жъ?... Развѣ этимъ нельзя прожить цѣлый годъ за границею?... Вѣдь тамъ все гораздо дешевле здѣшняго.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Дешевле не дешевле, матушка, а говорятъ, что тамъ живутъ-то по-смирнѣе нашего. Да это еще ничего, первый годъ мы проживемъ кое-какъ, а второй-то?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Второй будемъ жить новыми доходами.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Новыми! А если новыхъ-то не будетъ?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Это почему?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Эхъ, Марья Алексѣвна! да развѣ ты не знаешь, что заглазное дѣло — бѣда! Коли помѣщикъ самъ не станетъ заниматься хозяйствомъ и не будетъ за всѣмъ присматривать, такъ его какъ липку облупятъ. Приказчикъ и старосты начнутъ воровать, уборка хлѣба будетъ плохая, умолотъ бѣдный, продажа дешевая. Оброчные также станутъ утягивать, не доплачивать: «до барина, дескать, далеко, онъ за-моремъ!» А баринъ-то и сиди-себѣ на чужой сторонѣ, да въ кулакъ посвистывай!

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Все это, мой другъ, одни предположенія; а я увѣрена, что хозяйство и безъ насъ пойдетъ прекрасно. Нашъ приказчикъ Терентій, человекъ усердный, честный; — мы, конечно, во всеѣ можемъ на него положиться.... Душенька, Андрюша!... Да полно, мой другъ! перестань упрямяться—пойдемъ!... Неужели ты меньше любишь свою жену, чѣмъ этотъ Сусликовъ? И добро бы у него жена-то была добрая, а то вѣтреница, капризная, а онъ всё-таки везетъ ее за границу!... и ужъ подлинно съ грѣхомъ по-поламъ; чай, душъ сто продали? Ну, подумай, Андрей Тихоновичъ, за что жъ ты хочешь, чтобъ я, добрая, вѣрная жена твоя красива даже передъ этой кокеткой Сусликовой?... Ты знаешь, я съ ума схожу на чужихъ краяхъ.... Эта мысль преслѣдуетъ меня и днемъ и ночью. Другъ мой! жизнѣночекъ! душенька!... Ну,

докажи передъ цѣлымъ свѣтомъ, что ты меня любишь!... Поѣдемъ!...

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Что будешь съ тобою дѣлать!... Я вижу, тебя ничѣмъ не урезонишь.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Такъ мы ѣдемъ! *(Бросается на шею къ мужу.)* Андрюшенька, голубчикъ мой! Ахъ, какъ я рада!... Ну, что жъ, мой другъ, ужъ если ты рѣшился и мы ѣдемъ за границу, такъ затѣмъ откладывать. Сегодня же можно послать и въ газеты.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Успѣемъ, матушка!

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Нѣтъ, мой другъ, чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше. Я до тѣхъ поръ не буду спокойна, пока не прочту сама въ газетахъ, что мы ѣдемъ за границу.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Ну, пожалуй! Вотъ я напишу сейчасъ; только надобно также написать, кого мы съ собою беремъ.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Чего жъ лучше Артёмки, онъ малый проворный, а я возьму Матрену и Шарлотту Карловну.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Твою прежнюю нянюшку.... Такъ она ужъ не живетъ у Вельскихъ?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Нѣтъ, живетъ; да тамъ ей даютъ всего четыреста рублей, а мы дадимъ шестьсотъ и она охотно съ нами поѣдетъ. Я ужъ къ ней посылала.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Да на что она тебѣ?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Какъ на что?... Я говорю по-нѣмецки плохо, ты вовсе не говоришь.... такъ Шарлотта Карловна очень пригодится.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Да, конечно.... Только, воля твоя, надоѣстъ намъ эта Нѣмка. Она съ такими причудами.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Что ты, мой другъ! Шарлотта Карловна предобрая!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Добра-то добра, да только больно не укладиста. Посадишь въ карету напередъ, такъ ей дурно дѣлается; ямщикъ затянетъ пѣсню — у нея тоска; трубку закуришь — ей тошно; остановишься въ трактирѣ — народу много; въ крестьянской избѣ — тараканы съѣли. Помнишь, матушка, какъ мы съ ней маялись, когда ѣздили въ Воронежъ?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

И, мой другъ! да вѣдь теперь мы не въ Воронежъ ѣдемъ. За границую совсѣмъ не то — тамъ всѣ удобства; тамъ и Шарлоттѣ Карловнѣ нѣ на что будетъ жаловаться. А какъ мы поѣдемъ, Андрей Тихоновичъ, водою или сухимъ путемъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, не водою! Я до морскихъ путешествій не охотникъ, матушка.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Да чего жъ ты боишься? Мы поѣдемъ изъ Петербурга на пароскафѣ.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Сврѣчь, на пароходѣ — покорнѣйше благодарю! Не утонешь, такъ тебя на воздухъ взорветъ. Нѣтъ, мой другъ, поѣдемъ сухимъ путемъ!

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

То есть, на Петербургъ, а тамъ на Ригу.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Да, матушка.

МАРЬЯ АЛЕКСЪЕВНА.

Въ чемъ же мы поѣдемъ? Въ нашей дорожной четверо-мѣстной каретѣ?

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

Разумѣется, она легка и помѣстительна.

МАРЬЯ АЛЕКСЪЕВНА.

Только, сдѣлай ѹмилость, Андрюша, не бери ничего съ собою. Лишь бы доѣхать до границы; а тамъ у насъ все будетъ.

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

Нельзя же, матушка, не взять шкатулку, погребецъ, платье, бѣлье....

МАРЬЯ АЛЕКСЪЕВНА.

Ну, пожалуй-себѣ, бери! А я все здѣсь брошу.

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

Да вѣдь это, мой другъ, лишній расходъ.

МАРЬЯ АЛЕКСЪЕВНА.

Ужъ какъ ты хочешь, а я нашего русскаго тряпья и дряни за границу не повезу.

СЛУГА (*входя въ гостиную*).

- Авдотья Никифоровна Сусликова.

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

Я думаю отказать, мой другъ?

МАРЬЯ АЛЕКСЪЕВНА.

Нѣтъ, нѣтъ!... проси!... (*Слуга уходитъ.*) Знаешь ли, зачѣмъ пожаловала къ намъ Сусликова?

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

Съ визитомъ, матушка.

МАРЬЯ АЛЕКСЪЕВНА.

Нѣтъ! Она ѣдетъ за границу, такъ хотеть почваниться надо мною, подразнить меня!

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

И, что ты, Марья Алексѣевна.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Увѣрю тебя! Она теперь начнетъ разъѣзжать по всей Москвѣ, станетъ всѣмъ колоть глаза своимъ Карсбадомъ. Да вотъ, погоди! я спѣсь-то ея поубавлю.

(Входитъ Сусликова, молодая женщина, довольно пріятной наружности. На лицѣ ея выражается эта торжественность, это внутреннее сознание своего достоинства, которыми вообще отличаются и православные Мусульмане, отправляющіеся на поклоненіе въ Мекку и большая часть Русскихъ, отъѣзжающихъ за границу.)

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА *(идя навстрѣчу къ Сусликовой).*

Авдотья Никифоровна!...

СУСЛИКОВА.

Здравствуйте, Марья Алексѣвна! *(Цѣлуются.)* Андрей Тихоновичъ! какъ ваше здоровье?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Слава Богу, матушка.... Слава Богу!.... Прошу покорно садиться! *(Сусликова и хозяйка садятся на диванъ.)*

СУСЛИКОВА.

А я пріѣхала съ вами проститься, Марья Алексѣвна.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Проститься?... Куда жъ вы ѣдете? Вѣрно въ вашу тамбовскую деревню?

СУСЛИКОВА.

Нѣтъ, Марья Алексѣвна — за границу!

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА *(очень холодно).*

Право?... А куда жъ вы ѣдете за границу?

СУСЛИКОВА.

Въ Карсбадъ.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Что жъ, это хорошо. Вы будете пить воды.

Т. LXXXI. — Отд. I.

СУСЛИКОВА.

Да! Можеть-быть, одинъ курсъ.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

А потомъ?

СУСЛИКОВА.

Потомъ заѣдемъ на нѣсколько дней въ Дрезденъ; если успѣемъ, посмотримъ Саксонскую Швейцарію, а тамъ назадъ въ Москву.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Такъ вы пробудете за границею....

СУСЛИКОВА.

Мѣсяца три или четыре.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Только-то!.... Конечно, даятого чтобъ побывать въ Карлсбадѣ, да проѣздомъ взглянуть на Дрезденъ больше времени и не надобно.... Знаете ли что, Авдотья Никифоровна?.... Вѣдь мы можемъ съ вами повстрѣтаться за границею.

СУСЛИКОВА.

Какъ!.... Такъ и вы ѣдете въ Карлсбадъ?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Нѣтъ. Въ Карлсбадѣ мы будемъ только проѣздомъ. Да если правду сказать, что тамъ и дѣлать?.... Эти карлсбадскія воды сдѣлались такъ мошны! Ну, право, по-мнѣ всё-равно, что намъ Липецкъ, что этотъ Карлсбадъ; и если бѣ мнѣ нужно было лечиться водами, такъ ужъ, конечно, я охотнѣе поѣхала бы на Кавказъ.

СУСЛИКОВА.

Ахъ, что вы, Марья Алексѣвна — помилуйте!

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Право!.... Тамъ, по-крайней-мѣрѣ, другая природа, другой міръ — а что такое Карлсбадъ? Ну, скажите сами: кто не былъ въ этомъ Карлсбадѣ?.... Да знаете ли, что въ Петербургѣ поѣздка въ Карлсбадъ не считается даже путешествіемъ за границу.

СУСЛИКОВА (съ примытной досадою).

Ну, вѣтъ, Марья Алексѣевна — извините! Вѣдь съѣздить въ Карлсбадъ не то, что съѣздить въ Воронежъ или Пензу:

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Почти то же.

СУСЛИКОВА (вспыхнувъ).

Да позвольте спросить: вы-то куда изволите ѣхать?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Разумѣется, сначала въ Германію, на берега Рейна; тамъ въ Швейцарію, оттуда въ Верхнюю Италію — на Лаго-Маджоре — въ Венецію.... О! тамъ мы непременно будемъ! Потомъ на зиму въ Римъ — а будущей весною....

СУСЛИКОВА.

Назадъ въ Россію?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

О вѣтъ!... Стоить ли того, чтобъ ѣхать на одинъ годъ за границу. Изъ Италіи мы пройдемъ въ Парижъ....

СУСЛИКОВА (у которой начинается истерика).

Вотъ что!... И долго тамъ проживете?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

До самой зимы.

СУСЛИКОВА.

А потомъ?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Опять въ Италію; сначала въ Неаполь, а тамъ, можетъ-быть, пройдемъ, въ Палермо.... Представьте себѣ, Авдотья Никифоровна, въ то время, какъ вы будете здѣсь жить по-уши въ сѣбѣ — мы станемъ прогуливаться подъ тѣнью померанцовыхъ деревьевъ.... Ахъ, ma chere amie!... Ужъ то-то я вамъ поразкажу, когда мы воротимся....

СУСЛИКОВА (съ злобной улыбкой).

Покорнѣйше васъ благодарю!... А мы послушаемъ, если дождемъ до этого.

МАРЬЯ АЛЕКСЬЕВНА.

И полноте — что вы?... Мы года через три непременно вернемся.

СУСЛИКОВА.

Через три года!.... Ну, помогай вамъ Богъ, Марья Алексѣевна!.... Прожить три года за границею — не бездѣлица!

МАРЬЯ АЛЕКСЬЕВНА.

Да, конечно! Инымъ нельзя и году прожить за границею; — но съ такимъ состояніемъ, какъ наше....

СУСЛИКОВА.

Разумѣется.... Вамъ бросить пятьдесятъ и даже сто тысячъ — ничего не значить.

МАРЬЯ АЛЕКСЬЕВНА.

Ну, этого сказать нельзя.... Впрочемъ, конечно, пятьдесятъ и даже сто тысячъ насъ не разорять.

Минутное молчаніе. И хозяйка и гостя не говорятъ ни слова; но въ ихъ глазахъ можно легко прочесть, что онѣ думаютъ слѣдующее:

СУСЛИКОВА.

Какъ эта дура чванится!.... Хвастунья этакая!

МАРЬЯ АЛЕКСЬЕВНА.

Что, голубушка?... Много взяла съ своимъ Карлсбадомъ?....

СУСЛИКОВА (*вставая*).

Прощайте, Марья Алексѣевна!

МАРЬЯ АЛЕКСЬЕВНА (*также вставая*).

Что это вы, Авдотья Никифоровна — куда такъ торопитесь?

СУСЛИКОВА.

Извините!.... Мнѣ много еще надобно ѣздить. — Хоть мы отправляемся и не въ Италію и не на три года, а нельзя же не проститься со всѣми знакомыми.... Да не безпокойтесь, сдѣлайте милость!

МАРЬЯ АЛЕКСЬЕВНА (*проводящая*).

Sans adieu, madame!.... Мы увидимся съ вами въ Карлсбадѣ.

СУСЛИКОВА.

Почему знать — можетъ-быть, вы тамъ и дня не пробудете..

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Всё-равно — ужъ я васъ отъйшу!

СУСЛИКОВА.

Comme vous êtes bonne, madame!.... Прощайте! (*Уходитъ.*)

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Ну, матушка, Марья Алексѣвна — какъ ты свою гостью-то отдыала!

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

А ты замѣтилъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Какъ же?... Ее начинало ужъ подергивать.... Я того и глядѣлъ, что съ ней дурно сдѣлается.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Пускай-себѣ!.... Видишь, шиканёрка какая!... Прискакала объявить, что вѣдетъ за границу!.... Думала, что я такъ и ахну!.... что у меня желчь разольется!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

И, вѣтъ, матушка! Чай хотѣлось просто — такъ, похвастаться....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Да, просто!.... Ты ее не знаешь, мой другъ; повѣрь мнѣ, она отпраляясь къ намъ, думала: «Ужъ какъ же я этимъ разогорчу Марью Алексѣвну!.... Она начнетъ приставать къ мужу, чтобъ онъ везъ ее также въ чужіе края — онъ не согласится — они поссорятся....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Да что жъ ей отъ этого за радость?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Такой ужъ скверный характеръ!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

А что, Марья Алексѣвна, скажи правду: вѣдь ты, въ самомъ дѣлѣ поссорилась бы со мною, если бъ я сталъ упираться.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Ахъ, Андрюша!.... И тебѣ не стыдно говорить такіа слова?.... Да развѣ есть что-нибудь въ мірѣ, за что бы я могла съ тобой поссориться?.... Развѣ я не дѣлаю всегда, что тебѣ угодно?....
(*Входитъ слуга.*)

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Что ты?

СЛУГА.

Письмо съ почты.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Подай!.... Изъ Воропановки, отъ приказчика.... А повѣстки нѣтъ?

СЛУГА.

Нѣтъ, сударь! (*Уходитъ.*)АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ (*распечатывая письмо*).

Что жъ это значить?.... (*Читаетъ письмо.*) Что это?.... Господи!....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Что такое, мой другъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Гибъ Божій, матушка!.... Несчастье.... Вся Воропановка выгорѣла — десяти дворовъ не осталось!

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Что ты говоришь!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Посмотри-ка, что Терентій пишетъ.... Все до тла сгорѣло; весь хлѣбъ и нашъ и крестьянскій.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

А развѣ нашъ хлѣбъ не былъ еще проданъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Видно, что нѣтъ.... Вотъ тебѣ и поѣздка за границу!

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Какъ, мой другъ, такъ мы не поѣдемъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Послушай, Марья Алексѣевна, намъ теперь нѣтъ уѣхать? Я завтра же поскачу въ Ворошиловку.... Надобно взглянуть самому, пособить мужичкамъ, обстроить ихъ....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Да это все можетъ сдѣлать безъ тебя Терентій. Послушай, мой другъ, ужъ безъ этого мы теперь не обойдемся.... Надобно занять въ опекуновскомъ совѣтѣ. Да вотъ всего лучше: ты соби-
рался купить подмосковную и взялъ свидѣтельство на Вихляевку; въ ней безъ малаго триста душъ, такъ намъ выдадутъ изъ Опекунскаго Совѣта слишкомъ шестьдесятъ тысячъ; ты пойдешь ты-
сячъ пять Терентью, а еъ остальными нѣмъ, кажется, можно бу-
детъ ѣхать за границу.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Экъ, Марья Алексѣевна, занять легко, а прожить и того легче; да платить-то чѣмъ мы станемъ?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Какъ чѣмъ?.... Если мы будемъ жить за границею, занятыми деньгами, такъ всѣ здѣшніе доходы пойдутъ на уплату долга.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

А если безъ насъ доходы-то будутъ плохіе или ихъ вовсе не будетъ — тогда что? Чѣмъ, мой другъ, что Богъ дастъ впередъ, а въ нынѣшнемъ году намъ никакъ нельзя ѣхать за границу.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Нельзя?.... Ну, дѣлать нечего, Андрей Тихоновичъ!.... Я до-
сихъ-поръ скрывала отъ тебя — не хотѣла тебя огорчить; но
теперь должна сказать всю правду. Неужели ты думаешь, что я
когда-нибудь прожить за границею три года, для одной только забавы?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

А для чего же, матушка?....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Для моего здоровья, Андрей Тихоновичъ!.... Оно совершенно
разстроено.....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Разстроено?.... Твое здоровье разстроено?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Ужасно!.... Я совѣтовалась съ медиками, и они полагаютъ, что моя можетъ спасти одинъ толстый клинчатъ.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ (остолбенѣвъ отъ удивленія).

Спасти!... Какъ спасти?....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Да, мой другъ!.... И что для этого мнѣ непременно надобно провести двѣ, или три зимы въ Неаполѣ, Римѣ или, по-крайней-мѣрѣ, въ Парижѣ.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Да что у тебя за болѣзнь такая, мой другъ? Понять не могу!.... Ты, благодаря Бога, кушаешь хорошо, почиваешь спокойно, румянецъ во всю щеку....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Румянецъ во всю щеку!... Да развѣ ты не знаешь, Андрей Тихоновичъ, что у чахоточныхъ людей всегда румянецъ....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Что ты, что ты!.... Христосъ съ тобою!.... Ну, походишь ли ты на чахоточную?....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Вы всё судите по наружности; а если бъ вы знали, какъ я страдаю!.... Какія у меня боли въ груди.... Да вамъ какое до этого дѣло.... Я худѣю, чихну....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Худѣешь? Эхъ, матушка, Марья Алексѣвна, охота тебѣ гнѣвить Бога! Да съ-тѣхъ-поръ какъ я на тебѣ женился, ты такъ подобрѣла, что и сказать нельзя! Попробуй-ка, мой другъ, надѣнь теперь свое подвѣчное платье....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Я буду въ немъ, какъ въ мѣшкѣ, сударь. Да что объ этомъ говорить! Если вамъ легче видѣть меня въ гробу, чѣмъ ѣхать за границу, такъ дѣлать нечего. Мы, бѣдныя женщины, рождены для того, чтобъ быть невольницами, и если мужъ—то есть,

господишь, скажешь своей женѣ: «Я хочу! Я приказываю!» такъ она должна повиноваться и умереть.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Марья Алексѣевна! Ну, тебѣ ли это говорить?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА (*не слушая*).

Боже мой! Да когда же наступитъ часъ нашего освобожденія?... Неужели это рабское состояніе женщины будетъ продолжаться вѣчно!...

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Марья Алексѣевна!...

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Неужели мы должны всё, отъ рожденія нашего до самой смерти носить эти позорные кандалы?...

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Марья Алексѣевна! Побойся Бога!

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Когда подумаешь: что такое жизнь бѣдной женщины?... Никакія жертвы, никакое самоотверженіе, не избавляютъ ее отъ этого унижительнаго рабства! Ей только и твердятъ: «терпи! ты на это рождена!...» О, лучше бы намъ вовсе не родиться! (*Закрываетъ глаза платкомъ.*)

(*Входитъ двоюродная сестра Марьи Алексѣевны, Анна Михайловна Хопрова, женщина лѣтъ подъ сорокъ. Замѣтно, что она была недурна собою. Черные, быстрые глаза ея всё-еще прекрасны. Хопрова была два раза замужемъ и, впрямую, не отказалась бы отъ третьяго мужа, если бы онъ рѣшился идти по стопамъ обоихъ покойниковъ, то есть: любить свою жену со страхомъ, и повиноваться ей съ трепетомъ. Она слыветъ въ своемъ кругу женщиной отличнаго ума—впрочемъ, можетъ-быть, потому, что мужа ея были люди очень простые—а, вѣдь, известное дѣло—если мужъ глупъ, а жена не пошлая дура, такъ она ужь, вѣрно, прослыветъ умницей.*)

ХОПРОВА.

Вон жюж, cousin!.... Что это?... ты плачешь! Что съ тобой, мой другъ?

МАРЬЯ АЛЕКСЪЕВНА.

Ахъ, Анета!.... Я самая несчастная женщина!....

ХОПРОВА.

И это ты говоришь!

МАРЬЯ АЛЕКСЪЕВНА.

Ахъ!....

ХОПРОВА.

Да что такое у васъ сдѣялось, Андрей Тихоновичъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Анна Михайловна! Вы женщина умная — ну, разсудите насъ, Бога ради! Вотъ изволите видѣть....

МАРЬЯ АЛЕКСЪЕВНА (*перерывая*).

Ты знаешь, мой другъ, какъ я нездорова?....

ХОПРОВА.

Да, да, Marie! Ты, такъ же какъ я, очень страдаешь нервами.

МАРЬЯ АЛЕКСЪЕВНА.

Что нервы!.... Объ этомъ я не стала бы и думать! А грудь, мой другъ, грудь!....

ХОПРОВА (*съ невольнымъ удивленіемъ*).

Грудь!....

МАРЬЯ АЛЕКСЪЕВНА.

Теперь скрывать ужъ нечего; ты знаешь....

ХОПРОВА.

Что у тебя разстроена грудь?.... Какъ же, какъ же — знаю!.... Ты давно уже на нее жалуешься.

МАРЬЯ АЛЕКСЪЕВНА.

Слышите, судары!.... Ты знаешь также, что я до-сихоньку отъ мужа совѣтовалась съ медиками....

ХОПРОВА.

Знаю, знаю!

МАРЬЯ АЛЕКСЕВНА.

Слышите, судари!.... Не правда ли: я говорила тебе, что все доктора советуют мне ехать за границу?....

ХОПРОВА.

Говорила, мой другъ, говорила!

МАРЬЯ АЛЕКСЕВНА.

Слышите, судари!.... И что мне непременно должно прожить года два или три въ тепломъ климатѣ — что это одно можетъ спасти меня отъ смерти....

ХОПРОВА.

Да, да, Марья! Ты мне это говорила.

МАРЬЯ АЛЕКСЕВНА.

И что жъ ты думаешь, мой другъ? Андрей Тихоновичъ не хочетъ везти меня за границу — ему жаль денегъ....

ХОПРОВА.

Андрей Тихоновичъ — вы ли это?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Матушка!.... Выслушайте меня....

ХОПРОВА.

Помилуйте!.... У вашей жены смертельная болѣзнь — вы можете спасти ее, и жалѣете денегъ!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Позвольте вамъ только сказать....

ХОПРОВА.

Что вы, что вы!.... Да это неслыханное дѣло!.... Это ни на что не походить!....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Дайте же мнѣ вымолвить слово: гдѣ я за пять минутъ до вашего приѣзда былъ согласенъ ехать на два года за границу....

ХОПРОВА.

Такъ отъ чего жъ теперь?....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Вотъ прочтите письмо отъ приказчика! Лучшее наше имѣніе выгорѣло до тла, сгорѣлъ весь хлѣбъ, доходовъ никакихъ не будетъ, и чтобы ѣхать за границу, намъ придется заложить послѣднее имѣніе въ Опекунской Совѣтъ.... Ну, рассудите сами....

ХОПРОВА.

Фи!.... Миѣ стыдно за васъ, Андрей Тихоновичъ! Ну, что такое, заложить имѣніе?.... Всякій порядочный мужъ себя заложитъ, когда дѣло идетъ о здоровьи его жены....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Такъ, матушка, такъ!.... Да вѣдь, воля ваша, я не думаю, чтобы она была такъ опасно больна.... Право, можно повременить!.... Зимой въ большіе холода мы не станемъ выѣзжать, а Богъ дастъ будущею весною....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Ну!.... Слышишь, кузина?.... Вотъ моя участь!....

ХОПРОВА.

Признаюсь!.... Нѣтъ, Андрей Тихоновичъ!.... Этого я отъ васъ не ожидала!....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

А я то развѣ ожидала, мой другъ?.... Глупая, неопытная дѣвочка, я думала: Выйду замужъ за человѣка, который вдвое меня старѣе; ужъ если всѣ мужья тираны, такъ, по-крайней-мѣрѣ, этотъ, хотя изъ благодарности, станетъ меня баловать, любить, какъ дочь родную. И что жъ? Этотъ мужъ, чтобы сберечь нѣсколько тысячъ рублей, говоритъ своей умирающей женѣ: «Нѣтъ, матушка! Зачѣмъ тебѣ ѣхать въ теплый климатъ,—ты можешь сидѣть дома: въ натопленной комнатѣ такъ же тепло, какъ и въ Италіи. Да и чаютка-то у тебя только начинается. К чему торопиться: можетъ-быть и такъ пройдетъ».

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Эхъ, Марья Алексѣвна! Боишься ли ты Бога? За что ты меня обижаетъ?.... Ну, если ты ужъ непремѣнно хочешь, такъ поѣдемъ за границу—только не на два года.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

А на сколько же, сударь?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Да этакъ мѣсяца на три.... Ну, пожалуй!.... Такъ и быть!... На четыре.

ХОПРОВА (*тихо Марья Алексѣвна*).

А! торгуется!.... Не уступай!

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Нѣтъ, Андрей Тихоновичъ! Зачѣмъ; вѣдь это не сдѣлаетъ мнѣ ни какой пользы—а только больше меня разстроитъ.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ (*собравшись съ духомъ*).

Такъ ты не хочешь вѣхать....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА (*рѣшительно*).

На четыре мѣсяца?.... Не хочу!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Ну, какъ хочешь, матушка.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Что жъ дѣлать! видно ужъ Богу угодно, чтобъ я умерла въ молодости.

ХОПРОВА.

Это ужасно!.... Андрей Тихоновичъ!....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

И, полноте, матушка!.... Что въ самомъ дѣлѣ, дуракъ, что ли я васъ достался! Все была здорова — а тутъ вдругъ....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Такъ вы думаете, что я васъ обманывала?.... Что я здорова?....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Я думаю, матушка, что болѣзнь твоя вовсе не такъ опасна, какъ тебѣ кажется. И что я очень глупо сдѣлаю, если совершенно разорюсь и останусь, можетъ-быть, безъ куска хлѣба, потому только....

МАРЬЯ АЛЕКСЬЕВНА.

Ну, сударь, договаривайте!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Потому только, что тебѣ вообразилось, что у тебя чахотка.

МАРЬЯ АЛЕКСЬЕВНА (*Хопровой*).

Слышишь, мой другъ! Ну, не правду ли я говорила?

ХОПРОВА.

Нѣтъ! Это выходитъ изъ всѣхъ границъ: вы, сударь, не человекъ, а чудовище!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Покорнѣйше благодарю!

ХОПРОВА.

Въ васъ нѣтъ ни сердца, ни души!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Знаю, сударыня! знаю! Не по вашему дѣлаютъ, такъ и души нѣтъ! Да вѣдь съ вами не переговоришь! (*Обращаясь къ женѣ.*) Хочешь, Марья Алексѣевна, вѣхать на четыре мѣсяца за границу?

МАРЬЯ АЛЕКСЬЕВНА.

Нѣтъ, сударь, не хочу!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Рѣшительно?

МАРЬЯ АЛЕКСЬЕВНА.

Рѣшительно.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Такъ мы послѣ завтра поѣдемъ въ Воронановку. Прощай! (*Уходитъ.*)

ХОПРОВА.

О, да какъ ты избаловала своего мужа!.... Онъ приказываетъ, повелеваетъ!.... *Seigneur et maitre!*

МАРЬЯ АЛЕКСЬЕВНА.

Ахъ, кузина!.... Я въ самомъ ужасномъ положеніи!.... Вообрази,

мой другъ: въ то самое время, какъ Андрей Тихоновичъ согласился ѣхать на два года за границу, пожаловала къ намъ Сусликова — и, знаешь ли зачѣмъ? Чтобъ сказать мнѣ, что она ѣдетъ въ Карлсбадъ. Сусликовой хотѣлось почваниться передо мной, увидѣть меня — разумѣется, ей не удалось; я совершенно ее уничтожила, когда сказала, что ѣду за границу, не на четыре мѣсяца, а на нѣсколько лѣтъ, и не въ этотъ пошлый Карлсбадъ, а на берега Рейна, въ Римъ, Неаполь и Парижъ. Представь же себѣ, какое будетъ торжество для этой Сусликовой, — она поѣдетъ за границу, а я въ Воропашивку!....

ХОПРОВА.

Да, это досадно!

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Досадно!.. Нѣтъ не досадно — а убійственно, мой другъ!.... Когда я подумаю, какую роль станеть играть въ Москвѣ эта Сусликова!.... Да мнѣ просто отъ нее житья не будетъ!.... Она начнетъ при мнѣ рассказывать о чужихъ краяхъ — какъ тамъ все прекрасно, удивительно, неподобно!.... А я, слушай, да молчи!.... Еще, пожалуй!.... Да, кузина, отъ нее станется — она привезетъ мнѣ гостинецъ изъ Карлсбада: О, я всего ожидаю отъ этой негодной женщины!

ХОПРОВА.

Что жъ ты нагѣрена дѣлать?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Да что, мой другъ. Ужъ не поѣхать ли также въ Карлсбадъ мѣсяца на четыре?

ХОПРОВА.

Что ты, что ты!... Ты могла это сдѣлать прежде; но теперь, когда мужъ твой «осмѣлился» предписывать тебѣ законы!... О, вѣтъ, Marie! — Il faut montrer du caractère.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

А если Андрей Тихоновичъ!....

ХОПРОВА.

И, полно, мой другъ!... Что Андрей Тихоновичъ! Андрей Тихоновичъ мужъ какъ и всѣ другіе. Онъ не вѣрить, что ты больна...

посмотримъ, какъ онъ не повѣритъ, если услышитъ то же самое отъ доктора.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Да, можетъ-быть, онъ и доктору не повѣритъ....

ХОПРОВА.

Такъ мы сдѣлаемъ консилиумъ.... Да я надѣюсь, что до этого не дойдетъ. Кто вашъ докторъ?

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Теперь у насъ никого нѣтъ.

ХОПРОВА.

Такъ я привезу къ тебѣ моего доктора; Тома Томиць Дупельшненъ — прекрасный человѣкъ: всѣхъ отправляетъ за границу.

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

А если онъ, такъ же какъ мужъ, станетъ судить по наружности и найдетъ, что я....

ХОПРОВА.

Что ты здорова? Сохрани Господи!... Не такой человѣкъ, мой другъ!... Какъ бы ты ни казалась здоровою, а ужъ онъ непременно отыщетъ въ тебѣ зародышъ какой-нибудь болѣзни — отличный докторъ!

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Но всё я думаю лучше, если ты скажешь ему....

ХОПРОВА.

Не безпокойся!... Да что жъ мы сидимъ здѣсь въ проходной комнатѣ? Пойдемъ лучше въ твой кабинетъ: мнѣ еще надобно о многомъ поговорить съ тобою....

МАРЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Allons, ma cousine!

(Уходитъ.)

2. ОТЪВЗДЪ.

(Спуска три недѣли.)

(Село Всесвятское. У самаго выѣзда, на большой петербургской дорогѣ стоитъ запряженная шестерикомъ четверомѣстная карета. Извозчикъ перекладываетъ одну изъ отлетныхъ лошадей въ корень; ему помогаетъ слуга въ дорожной курткѣ. На козлахъ сидитъ Андрей Тихоновичъ Оборкинъ въ сѣромъ пальто и кожаномъ картузѣ. Онъ куритъ трубку. Въ каретѣ, разумѣется на первомъ мѣстѣ, Марья Алексѣевна, въ шляпкѣ съ зеленымъ вуалемъ, рядомъ съ ней старая Нѣмка Шарлотта Карловна въ кисейномъ чепцѣ; впереди сидитъ повязанная краснымъ платкомъ горничная двѣушка. На встрѣчу къ каретѣ, съ петербургской стороны, шибкой рысью несется открытая коляска. Въ ней сидитъ человекъ лѣтъ сорока, въ плащѣ и бѣлой шляпѣ, съ широкими полями.)

ПРОѢЗЖІЙ ВЪ БѢЛОЙ ШЛЯПѢ.

Что это?... Да это, никакъ?... Ну, такъ и есть!... Стой! *(Коляска, порывавшись съ каретой, останавливается.)* Андрей Тихоновичъ!...

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Что я вижу?... Сурской!

СУРСКОЙ *(выходя изъ коляски).*

Я, мой другъ, я!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ *(спускаясь съ козелъ).*

Какая встрѣча!... Здравствуй, дружище! *(Обнимаются.)* Откуда Богъ несетъ?

СУРСКОЙ.

Изъ Питера.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Куда?

СУРСКОЙ.

Въ Москву.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Прѣздомъ?

Т. LXXXI. — Отд. I.

СУРСКОЙ.

Нѣтъ, на жвьѣ.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Что ты говоришь?... Ахъ, Господи! Вотъ досада-то, подумаешь. Какъ нарочно: ты въ Москву, а я изъ Москвы!

СУРСКОЙ.

Да ты куда ѣдешь? Въ Петербургъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Охъ, нѣтъ, мой другъ!... За границу.

СУРСКОЙ.

Вотъ что!... Да что это, братецъ, нль тебѣ въ каретѣ-то мѣста нѣтъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Какъ не быть.

СУРСКОЙ.

Такъ зачѣмъ же ты на козлахъ сидѣль?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Да вотъ, какъ видишь, трубочку покуриваю.

СУРСКОЙ.

А видно въ каретѣ-то....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Н-не любить.

СУРСКОЙ.

А-га, любезный. Вотъ то-то!... Жениться захотѣль.

МАРЬЯ АЛЕКСѢЕВНА (*выглянувъ въ окно*).

Эй, голубчикъ!... Ямщикъ!... Да скоро ли ты кончишь?

ЯМЩИКЪ.

Мигомъ, матушка, мигомъ!

СУРСКОЙ (*вполголоса*).

Андрей Тихоновичъ, это твоя барыня?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Д-да, мой другъ!

СУРСКОЙ.

Ну, братъ, поздравляю!... Ты человекъ съ вкусомъ!... Да жена-то у тебя красавица!... Любо посмотреть!... Вотъ ужъ подлинно кровь съ молокомъ!... Такъ ты ѣдешь въ чужіе края, чтобъ погѣшить молодую жену?...

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Охъ, братъ!... Чего мнѣ будетъ стоять эта потѣшка!... Вѣдь мы ѣдемъ на два года.

СУРСКОЙ.

На два года? Да, любезный, это станетъ тебѣ въ копѣйку.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Ктому жъ и дѣла-то мои не больно хороши: лучшая деревня — сгорѣла.

СУРСКОЙ.

Такъ что жъ тебѣ за охота?...

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

А что будешь дѣлать!... Моя Марья Алексѣевна...

СУРСКОЙ (*перерывая*).

Отдала приказъ, такъ ты ослушаться не смѣешь?... Э-ге, любезный!... Да ты, я вижу, вовсе подъ каблучкомъ у твоей законной половины!...

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ (*обидясь*).

Нѣтъ, Степанъ Ивановичъ! Ошибаешься, любезный! Я не такой мужъ, чтобъ сталъ передъ моей женой по стрункѣ ходить. Я на ней женился, а не въ крѣпость пошелъ.

СУРСКОЙ.

Однако жъ всё-таки въ угоду молодой жены ѣдешь за границу.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Въ какую угоду!... Поѣдешь, братъ, и за тридевять земель, когда дѣло идетъ о здоровьѣ.

СУРСКОЙ.

О здоровьѣ? Ну, это другая рѣчь.... Да чѣмъ же ты боленъ, Андрей Тихоновичъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Не я.

СУРСКОЙ.

А кто же? Вѣдь, кажется, у тебя дѣтей нѣтъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Жена больна, мой другъ.

СУРСКОЙ.

Жена?... Вотъ эта дородная барыня, которую я сейчасъ видѣлъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Да.

СУРСКОЙ.

Ахъ, батюшки! Ну кто бы могъ подумать?...

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Послушай, мой другъ: ты теперь ѣдешь на житье въ Москву,—сдѣлай милость!... Я напишу изъ Петербурга къ моему приказчику, чтобъ онъ во всемъ къ тебѣ относился.... Я было-просилъ объ этомъ кой-кого изъ моихъ московскихъ пріятелей — да все люди не надежные.

СУРСКОЙ.

Очень радъ, мой другъ!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Я и прежде былъ долженъ въ опекунской совѣтъ, а теперь еще заложилъ деревню — такъ ужъ, сдѣлай милость — потрудишься изъ моихъ доходовъ вносить проценты — и если будущей зимой встрѣтится что-нибудь неожиданное, напиши ко мнѣ въ Римъ на имя банкира.... Эхъ, забыть!... Ну, да всё-равно! адресуй просто въ Римъ, съ удержаніемъ на почтѣ.

СУРСКОЙ (*заглядывая въ карету*).

Хорошо, мой другъ, хорошо!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Ты гдѣ будешь жить въ Москвѣ?

СУРСКОЙ.

Въ домъ моей тѣтки. На Никитской.

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

А знаю, знаю!

СУРСКОЙ.

Такъ твоя жена больна?

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

И очень не хорошо, мой другъ. Ее можетъ только спасти теплый климатъ.

СУРСКОЙ.

Да чѣмъ же она нездорова?

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

Мнѣ докторъ объявилъ рѣшительно, что у нее начинается чахотка.

СУРСКОЙ.

Что ты, Андрей Тихоновичъ?... Перекрестись!

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

И я также, братецъ, этому не вѣрилъ, да Осма Осмиць мнѣ доказалъ, какъ дважды два четыре, что у ней всѣ признаки этой ужасной болѣзни — только она еще не развила и для нашей братии, темныхъ людей, вовсе не замѣтна; но что внутренній организмъ рѣшительно пораженъ.

МАРЬЯ АЛЕКСЬЕВНА (*выглянувъ въ окно кареты*).

Андрей Тихоновичъ! Ну, что жъ ты не саднись? Тебя дождутся.

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

Прощай, Степанъ Ивановичъ! Теперь у меня на душѣ будетъ во-легче: есть кому позаботиться о моихъ дѣлахъ. До свиданія, мой другъ.

СУРСКОЙ (*который во все это время смотритъ внимательно на Марью Алексѣевну*).

Постой, постой!... Одно только слово. Какъ зовутъ вашего доктора?

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

Оома Оомичъ Дупельшнепъ. А на что тебѣ?

СУРСКОЙ.

Какъ на что, любезный — я теперь московскій житель и могу попасть къ нему на руки....

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

Такъ что жъ?

СУРСКОЙ.

А вотъ что, мой другъ; если онъ мнѣ скажетъ, что у меня чахотка, такъ я вмѣсто козлинаго молока, буду пить шампанское.

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ.

Ты всё, братъ, такой же балагуръ, какъ и прежде....

МАРЬЯ АЛЕСЬЕВНА.

Андрей Тихоновичъ! Да что жъ вы не садитесь?

АНДРЕЙ ТИХОЛОВИЧЪ (*вльзая на козлы*).

Сейчасъ, сейчасъ!

ЯМЩИКЪ (*расправивъ возжи*).

Эй, вы, соколики!

СУРСКОЙ (*сидясь въ коляску*).

Прощай. Андрей Тихоновичъ!... Пошолъ!

3. ВОЗВРАЩЕНІЕ.

(*Спустя два года*.)

(Тверская Застава. Шагахъ въ двухъ-стахъ отъ нее, по одному изъ бульваровъ, между которыхъ проложено петербургское шоссе, идутъ двое мужчинъ; одинъ изъ нихъ Степанъ Ивановичъ Сурской, другой—пріятель его, Федоръ Никитичъ Климовъ. По шоссе ѣдутъ шагомъ коляска и парныя пролетки.)

СУРСКОЙ (*продолжая разговоръ*).

Да, Федоръ Никитичъ! Какъ я ни хлопоталъ, а успѣху никакого не было. Я сдѣлалъ все что отъ меня зависѣло; вчера былъ на

последней переторжкѣ; самъ я надавать не могъ, — ты знаешь, а человекъ не богатый, — но уговорилъ Сундукова идти до двухъ-сотъ рублей серебромъ за душу.

КЛИМОВЪ.

Ну, что жъ? Это цѣна не дурная.

СУРСКОЙ.

Ишь-то богатое! Не продавайся оно съ публичнаго торгу, такъ охотно бы триста цѣлковыхъ за душу дали. Одна деревня въ двухъ верстахъ отъ Рыбинска, другая на Окѣ; строевой лѣсъ, поемные луга.... Эхъ, жаль мнѣ бѣднаго Андрея Тихоновича!... Если бъ онъ былъ самъ на-лицо, такъ авось бы какъ-нибудь извернулся.... Лѣсу могъ бы продать тысячу на сто — охотники были; а безъ него что будешь дѣлать?

КЛИМОВЪ.

Да гдѣ онъ теперь?

СУРСКОЙ.

Богъ знаетъ! Жена безпрестанно таскаетъ его изъ одного мѣста въ другое. Въ концѣ прошлой зимы я написалъ къ нему въ Римъ, что его дѣла въ весьма худомъ положеніи. Въ одной деревнѣ, крестьяне, у которыхъ все сгорѣло, вовсе обнищали, не пахутъ ни своей ни барской земли, шатаются по большимъ дорогамъ, да милостыню просятъ; въ другой, оброчные совѣмъ отъ рукъ отбились, не платятъ, да и только! Въ третьей хлѣбъ не уродился; доходовъ никакихъ нѣтъ, а между тѣмъ надобно вносить проценты въ Опекунскій Совѣтъ. На это письмо отвѣту не было, да и быть не могло; потому что я черезъ недѣлю получилъ отъ него письмо изъ Парижа. Спустия нѣсколько мѣсяцевъ я отправилъ къ нему письмо въ Парижъ и совѣтовалъ, какъ-можно скорѣе воротиться въ Россію, потому что черезъ шесть мѣсяцевъ обѣ его оброчныя деревни, за просрочку въ Опекунскій Совѣтъ, будутъ продаваться съ публичнаго торгу и что онъ можетъ остаться при одной орловской деревнѣ, которая послѣ пожара, гроша не стоитъ. Жду-пожду, брякъ отъ него письмо изъ Венеціи, жалуется, что я къ нему не пишу, что Венеція городъ прескучный; земли вовсе нѣтъ, каменные пустые дома; вмѣсто улицъ каналы съ вонючей водой, а вмѣсто экипажей черпья люди, которые, дескать, называются здѣсь гондолами. Я написалъ къ нему въ Венецію, послалъ на почту, а мнѣ несутъ съ почты,

отъ него письмо изъ Неаполя. Вотъ и третье мое письмо въ воду кануло. «Мы съ женою, пишетъ онъ, другой мѣсяцъ живемъ на берегу моря, въ загородномъ домѣ, которые называютъ здѣсь виллами. Жара смѣртная... денегъ выходитъ пропасть... «Впрочемъ, благодаря Бога, женѣ лучше, грудью перестала жаловаться и очень раздобрѣла; только одно меня беспокоитъ: у ней сдѣлалась одышка; я думалъ сначала, что это просто отъ толстоты, но Марья Алексѣевна говоритъ, что здѣшніе доктора приписываютъ это слабости легкиихъ, и что ей должно еще не премѣнно около года прожить въ тепломъ климатѣ.» Потомъ Андрей Тихоновичъ рассказываетъ мнѣ, какъ жена таскала его на Везувій; что ее несли въ носилкахъ, а онъ сначала ѣхалъ на ослѣ, а тамъ шелъ пѣшкомъ и такъ умаялся, что вріѣхавши домой, слегъ въ постелю, да три недѣли былъ боленъ. Онъ оканчиваетъ свое письмо тѣмъ, что проситъ переслать къ нему въ Неаполь, все что получено съ его деревень втеченіи осьмнадцати мѣсяцовъ. Разумѣется, я отвѣчалъ ему, то есть, повторилъ все то, что писалъ въ письмѣ моемъ, адресованномъ въ Венецію. Не знаю, получилъ ли его Андрей Тихоновичъ, только съ тѣхъ поръ я не имѣю о немъ никакого извѣстія.

КЛИМОВЪ.

Бѣдный старикъ! И что это пошло на нашихъ московскихъ барынь, словно повѣтріе какое! Всѣ такъ и рвутся за границу. Вотъ у меня есть родственникъ, Сергій Александровичъ Сусликовъ, человѣкъ небогатый, всего тысячь десять въ годъ доходу, однако жъ жилъ кое-какъ въ Москвѣ. Жена уговорила его съѣздить за границу, съѣздили, да вотъ теперь третій годъ и живутъ въ своей калужской деревнѣ: справиться не могутъ. Видно, что надъ нами сбывается русская пословица: «куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней.» Люди богатые, образованные, стали ѣздить за границу, вотъ и всѣ наши полу-грамотные, мелкопомѣстные дворянчики туда же поднялись!... Говорятъ, что извѣстная русская путешественница, госпожа Курдюкова, совершенно невѣроподобное созданіе, карикатура!... Неправда! Я на свою долю знаю одну, и даже двухъ Курдюковыхъ, которыя ѣздили *а латранжѣ*, срамилась, убили послѣднее свое имѣньишко, и, что всего хуже, назывались за границею русскими барынями.

СУРСКОЙ.

Что жъ дѣлать, Федоръ Никитичъ, какъ бы человѣкъ ни былъ

плохъ, а всё вѣдь онъ не запрещенный товаръ: нельзя не пропустить за границу.

КЛИМОВЪ.

Да пусть бы себѣ пропускали, только не подь русскимъ клеймомъ.

(Впродолженіи этого разговора они подходятъ къ заставѣ и остаются подлѣ двухъ мужиковъ, которые смотрятъ на триумфальныя ворота; рядомъ съ мужиками стоитъ ямщикъ, держа въ поводу тройку почтовыхъ лошадей.)

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ.

Андрюха!... Что это, братъ, за ворота такія?

ВТОРОЙ МУЖИКЪ.

Застава.

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ.

Застава-то — вотъ!... Я-те говорю про ворота.

ВТОРОЙ МУЖИКЪ.

Да это всё едино.

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ.

Нѣтъ не едино! Я застава-то видывалъ; и Рогожскую и Серпуховскую и Калужскую, а это ворота, такъ они, какъ ни на есть да прозываются, вотъ примѣромъ Спасскія Ворота, Иверскія Ворота, Красныя Ворота....

ЯМЩИКЪ.

А это, братъ, трухмальные ворота.

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ.

Трухмальные?... Вишь какія!... Да что это наверху-то за баба съ крыльями ѣдетъ шестерникомъ?

ЯМЩИКЪ.

Шестерникомъ?... И впрямь шестерникомъ! Какъ же такъ!... Вѣдь шестерникомъ-то въ рядъ ѣздить заказано.

ВТОРОЙ МУЖИКЪ.

Да эти, братъ, лошади смирныя; не разобьютъ.

(Мужики смеются.)

КЛИМОВЪ.

А вотъ кажется ѣдетъ дилижансъ изъ Петербурга.... Ну, такъ и есть!

(Дилижансъ останавливается у шлагбаума. Кондукторъ слъзаетъ съ козелъ и идетъ въ караульню.)

СУРСКОЙ.

Биткомъ набить! Вонъ позади и въ кабриолетъ трое сидятъ.

Однѣ изъ провзжихъ, въ кабриолетъ.

Охъ, какъ у меня ноги-то затекли!... Проклятая ѣзда!... Вотъ пытка-то, подумаешь!... Чтò это? Степанъ Ивановичъ!

СУРСКОЙ.

Андрей Тихоновичъ!...

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ (выльзая изъ кабриолета).

Ну, слава Богу!... Хоть первая-то встрѣча хороша! Здравствуй, мой другъ сердечный!

(Обнимаются.)

СУРСКИЙ.

Скажи, пожалуйста! Опять мы встрѣтились съ тобой на большой дорогѣ! И оба раза ты такимъ молодцомъ!... Тогда ѣхалъ на козлахъ, теперь въ кабриолетъ!...

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Эхъ, братъ! И то Божья милость, что какъ-нибудь, да доѣхалъ до Москвы!... Ну, чтò, Степанъ Ивановичъ?... Я послѣднее твое письмо получилъ.... Чтò, братъ, и спрашивать нечего.... Кулябкино и Вихляевка....

СУРСКОЙ.

Да, мой другъ! Вчера была послѣдняя переторжка....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Такъ проданы?... И чай за бездѣлицу?...

СУРСКОЙ.

Нѣтъ, порядочно. По двѣсти цѣлковыхъ за душу.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ *(перекрестясь)*.

Слава Богу!... Такъ я еще не совсѣмъ нищій!

СУРСКОЙ.

Нѣтъ, мой другъ! Тебѣ причтается много денегъ получить изъ Опекунскаго Совѣта.

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Охъ, братъ!... Да чай и много ихъ понадобится, чтобъ поправить Воропановку; ты пишешь, что она вся по-миру ходитъ....

СУРСКОЙ.

Да, Андрей Тихоновичъ.... Ну, дорого тебѣ стѣитъ эта прогулка за границу!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Что жъ дѣлать!... Понатерпѣлся я горя, а особливо послѣднее время. Денегъ оставалось только-что на проѣздъ до Петербурга, и то водою; думаю, какъ занемогу—бѣда!... Придется умереть на чужой сторонѣ, да еще какъ? Безъ покаянiя!... Повѣришь ли, и теперь, какъ подумую объ этомъ, такъ волосы дыбомъ становятся.

СУРСКОЙ.

По-крайней-мѣрѣ, здоровье твоей жены....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

По-мнѣ бы, кажется, слава Богу!... она и прежде была женщина дородная, а теперь вдвое стала толще.

СУРСКОЙ.

Такъ въ другой разъ за границу ѣхать не зачѣмъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

А Богъ знаетъ!

СУРСКОЙ.

Какъ-такъ?....

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Да вотъ, изволишь видѣть: прежнiе припадки всѣ миновались, а на мѣсто ихъ появились другiе. Жена говоритъ, что она чувствуетъ себя хуже прежняго и, по совѣту докторовъ, должна непременно ѣхать на пирмонтскiя воды....

СУРСКОЙ.

Лечиться отъ чахотки?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Нѣтъ, Степанъ Ивановичъ, странно вымолвить, отъ водяной.
(Впродолженіи этого разговора, кондукторъ вышелъ изъ караульни и спѣлъ на козлы.)

КАРАУЛЬНЫЙ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ.

Подвысь!... *(Часовой подымаетъ шлагбаумъ. Дилижансъ ѣдетъ.)*

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Постой, постой!...

СУРСКОЙ.

Оставь ихъ, братецъ! Я доведу тебя въ моей коляскѣ. Садись!

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Въ самомъ дѣлѣ! Довези, 'любезный. Да только ужъ, пожалуйста, по-скорѣе; вѣдь моя барыня-то одна-одиноконька.

СУРСКОЙ.

Какъ-такъ?

АНДРЕЙ ТИХОНОВИЧЪ.

Да, любезный! Нѣмка Шарлотта Карловна осталась въ Пруссіи. Артемка убѣжалъ отъ насъ въ Италию, а Матрешку сманили въ Парижъ.

(Садятся въ коляску и ѣдутъ.)

КЛИМОВЪ *(глядя вслѣдъ за ними)*.

Бѣдняжка!... Чай поѣхалъ баринномъ въ своей каретѣ, съ людьми.... А назадъ-то какъ вернулся!... И то сказать, конечно, онъ и самъ разорился, и крестьянъ пустилъ по-міру, да зато жемъ есть чѣмъ похвастаться: «была за границею».

V.

ПИСЬМО ИЗЪ АРЗАМАСА.

-Воскреснемъ ли когда отъ чужезастья моль?...
 Чтобъ умный, добрый нашъ народъ

Хотя по языку насъ не считалъ за Нѣмцевъ....»

ГРИВОЗДОВЪ.

Мнѣ случилось однажды быть въ обществѣ, гдѣ чрезвычайно много толковали о разныхъ европейскихъ вопросахъ, о требова-

нiяхъ вѣка и въ-особенности о народномъ просвѣщенiи или, по-нынѣшнему, *цивилизации*. Болѣе всѣхъ разглагольствовалъ одинъ баринъ съ рыжей бородкой и длинными волосами «а ла мужикъ». Онъ съ удивительнымъ жаромъ доказывалъ необходимость заведенiя повсемѣстныхъ школъ въ Россiи; называлъ эти школы *нормальными*, говорилъ такъ краснорѣчиво и такимъ непонятно ученымъ языкомъ, что всѣ слушали его въ почтительномъ молчанiи. Въ числѣ этихъ слушателей нашелся, однако жъ, такой безсовѣстный человекъ, который, вмѣсто-того чтобъ скрывать свое невѣжество, не постыдился спросить у этого барина — что такое *нормальная* школа. Вы не можете себя представить, до какой степени этотъ неожиданный вопросъ смутилъ моего краснорѣчиваго мудреца: онъ вспыхнулъ, замялся, пробормоталъ что-то сквозь зубы и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ — однимъ словомъ, нельзя было не замѣтить, что онъ и самъ не знаетъ порядкомъ, что такое *нормальная* школа, и говоря вообще о первоначальныхъ учебныхъ заведенiяхъ — называлъ ихъ *нормальными* ради того только, чтобъ придать болѣе важности своимъ рѣчамъ. Впрочемъ, подобныя случаи бываютъ у насъ нерѣдко и вы можете встрѣтить на каждомъ шагу людей, которые, какъ ученые попугаи, повторяютъ натокованныя имъ слова, не понимая сами настоящаго ихъ смысла.

Нѣтъ! — Вовсе не таковъ старинный мой прiятель Андрей Яковлевичъ Мионовъ. Прослуживъ съ честью лѣтъ сорокъ, онъ живетъ теперь на покой въ уѣздномъ городѣ Арзамасѣ. Андрей Яковлевичъ не можетъ похвастаться ученостью; не знаетъ иностранныхъ языковъ, не имѣетъ никакого понятiя о нѣмецкой философи; однако жъ старикъ не глухой, большой охотникъ до чтенiя и, въ нѣкоторомъ отношенiи, человекъ очень любознательный. Напримѣръ, если онъ встрѣтитъ въ книгѣ какое-нибудь новое для него слово, то не успокоится до тѣхъ поръ, пока не доберется до настоящаго смысла этого слова. Онъ пересмотритъ всѣ словари, переговоритъ со всѣми учителями уѣзднаго училища, и если найдетъ ихъ толкованiя неудовлетворительными, то, при первомъ случаѣ, поѣдетъ въ губернский городъ и отнесется прямо къ господину директору гимназiи; но, видно, и это послѣднее средство не всегда удастся моему прiятелю, потому что я, надѣясь, получилъ отъ него преогромное письмо, которое почти все составлено изъ однихъ вопросовъ. — «Я, батюшка, человекъ не многоязычный — говоритъ онъ въ началѣ письма — я знаю

«только свой родной языкъ, и, кажется, знаю его порядочно; а «вотъ съ нѣкотораго времени стали мнѣ попадаться, особенно въ «одномъ журналѣ, такія странныя слова, какихъ я въ жизнь свою «не слыхивалъ. Конечно, Богданъ Ильичъ, въ ученоемъ свѣтѣ часто «создаются новыя науки и дѣлаются важныя открытія, которыми «надобно же давать какія-нибудь названія — да неужели ихъ «нельзя найти въ нашемъ собственномъ языкѣ..... Вотъ напримѣръ: «искусство, посредствомъ солнечнаго свѣта дѣлать вѣрные сним- «ки, съ лицъ человѣческихъ и съ разныхъ другихъ предметовъ,— «Французы называютъ Дагерротипомъ (Фу, батюшки!.... наслу вы- «говорилъ!) А вѣдь мы умѣли же это новое изобрѣтеніе назвать «по-русски — и, воля ваша! Слово «свѣтописъ» понятнѣе и вѣр- «нѣе французскаго слова «Дагерротипъ», которое, какъ я слышалъ, «ровно ничего не значить. Да что объ этомъ толковать! Я «человѣкъ простой, гдѣ мнѣ состязаться съ людьми учеными: «мнѣ бы только понимать то, что они пишутъ; и вотъ почему, «Богданъ Ильичъ, я покорнѣйше прошу васъ истолковать мнѣ, «хотя приблизительно, значеніе нижеслѣдующихъ словъ.»

Тутъ начинался длинный списокъ словамъ, изъ которыхъ многія, дѣйствительно, могли бы сбить съ толку, не только чело- «вѣка неученаго, но даже знаменитаго кардинала Меццофанти, ко- «торый говорить и пишетъ свободно на семидесяти двухъ различ- «ныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Я рѣшился отвѣчать Андрею Яко- «влевичу, не письменно, а печатно — во-первыхъ, потому что мо- «жетъ быть въ этомъ отвѣтѣ и читатели моихъ записокъ, най- «дутъ что-нибудь дѣльное, а во-вторыхъ, для того, что это не- «большое разсужденіе о словесномъ нашествіи иноплемennыхъ, бу- «детъ, кажется, совершенно у мѣста, въ запискахъ стараго моск- «вича, который любить свой родной языкъ, не потому только, «что этотъ языкъ называется русскимъ, а потому что онъ истинно «прекрасенъ, потому что въ его могучихъ и роскошныхъ звукахъ «отражается вся юношеская сила и вся мочь народа русскаго — «потому что этотъ языкъ такъ же самобытенъ, такъ же неистребимъ, «такъ же великъ, какъ наша родина святая, которую не могли со- «крушить ни татарскіе погромы, ни завоеванія Поляковъ, ни на- «шествіе Франгузовъ, ни даже собственные смуты и междуусобія. «Теперь объ этихъ народныхъ смутахъ и рѣчи нѣтъ, но въ сло- «весности нашей онѣ еще водятся. Одинъ хотятъ передѣлать нашъ «языкъ на французскій образецъ, нарядить этого русскаго вели- «кана въ какой-то пестрый шутовскій нарядъ; другимъ это вовсе

не по-сердцу. Одни увѣряютъ, что по-русски нельзя и простаго письма написать порядочно, а другіе убѣждены, что Русскій, который не напишетъ порядочнаго письма по-русски, не напишетъ ни на какомъ языкѣ. Одни ругаются именами Ломоносова, Державина и Карамзина, другіе гордятся этими великими именами. Одни увѣряютъ, что «Исторія русскаго народа», всё то же, что исторія груднаго ребенка, а другіе говорятъ, что Русь и при Владиміръ Святославичѣ не походила уже на малое дитя. Теперь вы видите, что въ нашей словесности дѣйствительно есть смуты и *усобица*, не льется только кровь христіанская, не гибнетъ народъ православный, но зато чернила льются рѣкою и писчая бумага гибнетъ цѣлыми стопами.

Отвѣтное письмо Андрею Яковлевичу Миронову.

«Любезнѣйшій Андрей Яковлевичъ!

« Я получилъ ваше дружеское письмо и, надобно сказать правду: оно заставило меня призадуматься. Ну, задали вы мнѣ порядочную задачу! Я ужаснулся, когда окнулъ взглядомъ безконечный списокъ этихъ исковерканныхъ и перекроенныхъ на русскій ладъ, иностранныхъ словъ; они, конечно, были для меня не новостью; но прежде эти изувѣченные, пришлепцы встрѣчались со мною по одиночкѣ, а теперь, когда я увидѣлъ передъ собою это безобразное полчище *тенденцій, консеквенцій, субстанцій, абстракцій, эксплуатацій*, то, признаюсь, волосы стали у меня дыбомъ. Господи, Боже мой!... Да это второе нашествіе Галловъ и съ ними двадцати языкъ! И добро бы еще всѣ эти уродливыя слова были для меня необходимы; но когда подумаешь, что почти каждое изъ нихъ можно перевести буквально на русскій языкъ или, по-крайней-мѣрѣ, замѣнить русскимъ словомъ, заключающимъ въ себѣ тотъ же самый смыслъ, то поневолѣ скажешь: «Ну, господа преобразователи! много надобно имѣть вамъ гордости, упрямства и ненависти ко всему отечественному, чтобъ рѣшиться на такое нелѣпое искаженіе своего роднаго языка». Какъ бы порадовался знаменитый профессоръ *элоквенци*, Тредьяковскій, если бы могъ провидѣть, какіе у него будутъ достойные послѣдователи! Вѣдь и онъ также, не тѣмъ будь помянуть, любилъ употреблять безъ всякой нужды исковерканныя иностранныя слова, и онъ также называлъ достоинство *меритомъ* и говорилъ вмѣсто принадлежности—*атри-*

« *буть*, а вмѣсто послѣдовательности—*консеквенція*. Бѣдный Тре-
« дьяковскій! Жаль, что ты не дожилъ до нашего времени!

« Несмотря на все мое желаніе угодить вамъ, почтеннѣйшій
« Андрей Яковлевичъ, я никакъ не могу отвѣчать на все ваши
« вопросы: для этого мнѣ пришлось бы составить цѣлый поясни-
« тельный словарь. Позвольте мнѣ, на первый случай, истолко-
« вать вамъ значеніе только тѣхъ словъ, которыя, какъ вы сами
« говорите, болѣе другихъ тревожатъ вашъ любознательный и
« пытливый умъ. Вотъ эти слова: « *Тенденція, субстанція, цивилизація, гуманность, юмористика, меркантильная индустрія, ирритация и беллетристика*.

« *Тенденція* (tendance). По-русски *наклонность*, а въ нѣкото-
« рыхъ случаяхъ *направленіе*. Преемники Тредьяковского, вѣро-
« ятно написали бы: «Тенденція умовъ совершенно гармониро-
« вала съ дѣйствіями правительства» или «Жители Океаніи имѣ-
« ютъ прононсированную тенденцію къ воровству». А русскій
« человекъ скажетъ: «*Направленіе умовъ совершенно согласо-
« вано съ дѣйствіями правительства. Жители Океаніи имѣютъ*
« *явную наклонность къ воровству*». Лѣтъ около ста тому на-
« задъ, когда несчастный русскій языкъ напоминалъ Вавилонское
« Столпотвореніе, слово *тенденція* было неизвѣстно, но вмѣсто
« его часто употреблялось слово: *пропензія* (prorention), которое
« значитъ почти то же самое.

« *Субстанція* (Substance). Слово-отъ-слова по-русски: *сущ-*
« *ность*. Даже въ обѣихъ грамматикахъ, русской и французской,
« часть рѣчи, называемая по-русски имя *существительное*, а по-
« французски le nom substantif, происходятъ отъ одного и того
« же корня. Теперь я спрашиваю: чтѣ за необходимость, изъ
« этихъ двухъ совершенно тождественныхъ словъ, употреблять не-
« премѣнно французское слово, понятное только для тѣхъ, кото-
« рые знаютъ этотъ языкъ? Вѣроятно, господа возстановители
« школы Тредьяковского скажутъ мнѣ:—«Да какой же порядоч-
« ный человекъ не знаетъ по-французски?» А я такъ думаю, что
« въ Англіи, Германіи и въ разныхъ другихъ государствахъ, мно-
« го есть порядочныхъ людей, которые не знаютъ французскаго
« языка, и чтѣ за странный выводъ такой? Чтѣ за *курьозная*
« *консеквенція*? «Если хочешь новинать русскій языкъ, учи
« французскому.»

« *Цивилизація* (civilisation). Производное рѣченіе отъ слова
« *civil*», то есть, «вѣжливый, общежительный», слѣдовательно *civi-*

« Civilization или цивилизація значить одно и то же, что наша *образованность*, а въ смыслѣ болѣе обширнѣйшемъ *просвѣщеніе*. Спросите у любого грамотнаго Француза, что онъ понимаетъ подъ словомъ *civilization* и вы увидите, что онъ разумѣетъ подъ нимъ именно то же, что мы разумѣемъ подъ словами *просвѣщеніе* и *образованность*, то есть — общежительность, въжливость, науки, художества, изящныя искусства и образъ мыслей, сходный съ понятіями нашего вѣка; слѣдовательно, мы могли бы прожить и безъ этого новепькаго слова, которое не обогатило ни на волосъ, ни нашъ языкъ, ни наши понятія. У Французовъ есть еще слово «*les lumières*», которое въ смыслѣ нашего «просвѣщенія» замѣняетъ иногда слово *civilisation*. Ужъ намъ бы взять и его; ну, чѣмъ слово «люміеры» хуже цивилизаціи?» Оно такъ же непонятно для русскаго человѣка и точно такъ же придаетъ какой-то ученый видъ разговору, а вѣдь мы изъ этого только и бьемся.

« Просвѣщеніе!... Подумаешь, какое это чудное слово!... Мы всѣ нимъ очарованы, всѣ плѣняемся—а, между-тѣмъ, никто еще не взялъ на себя труда опредѣлить настоящій смыслъ этого слова. Каждый толкуетъ его по-своему; для одного просвѣщеніе—даръ Божій, для другаго—наказаніе небесное, и какъ послушаешь, такъ они оба правы, а кажется, истина должна быть одна? Ужъ не оттого ли это, что въ здѣшнемъ мірѣ все имѣетъ свою дурную и хорошую сторону? Вѣдь самое благодѣтельное цѣлебное лекарство, можетъ превратиться въ ядъ, если мы станемъ употреблять его не такъ, какъ должно.

« Вообще наши понятія о просвѣщеніи бываютъ дотого различны, что одни часто находятъ его въ полномъ развитіи тамъ, гдѣ другіе не замѣчаютъ и малѣйшихъ его признаковъ. Одни говорятъ, что просвѣщеніе начинаетъ уже проникать во всѣ слои нашего общества, другіе, и въ-особенности усердные поклонники Запада, увѣряютъ, что оно не дѣлаетъ почти никакихъ успѣховъ въ нашемъ отечествѣ, что мы стоимъ всё на одномъ мѣстѣ, и отличаемся отъ своихъ предковъ только платьемъ и обритой бородою. Однимъ словомъ, что мы точно такіе же неучи, какими были лѣтъ за сто назадъ. Я желалъ бы спросить этихъ страстныхъ обожателей Запада: «Да что жъ такое, господи, по вашему—просвѣщеніе?... Если вы разумѣете подъ этимъ распространеніе полезныхъ знаній, художествъ и наукъ, смягченіе нравовъ, повсемѣстное учрежденіе учебныхъ заведе-

«ний, умноженіе всёхъ житейскихъ удобствъ, улучшеніе мануфактурныхъ издѣлій, усовершенствованіе — ремесленной промышленности и устроеніе удобныхъ путей сообщенія, дающихъ новую жизнь внутренней торговлѣ государства, — такъ это все у насъ дѣлается, быть-можетъ по-вашему, слишкомъ медленно, да вѣдь вы знаете, господа, что въ дѣлѣ просвѣщенія поспѣшность и скачки никуда не годятся. Ну, что бы вы сами сказали о человѣкѣ, который не сдѣлавъ еще потолкавъ и не сведя кровли надъ своимъ домомъ, началъ бы штукатурить и расписывать въ немъ стѣны, потому только, что сосѣди его, у которыхъ давно уже дома построены, принялись за эту окончательную работу. Вѣроятно, и вы назвали бы этотъ поступокъ небудуманнымъ — такъ чего же вы хотите?... Ужъ полно то ли вы разумѣете, господа, подѣ вашу цивилизацію и прогрессию? Не полагаете ли вы, что Русскіе тогда только сдѣлаются просвѣщеннымъ народомъ, когда совершенно превратятся во Французовъ, Нѣмцовъ или Англичанъ? То есть, станутъ жить, какъ они, переймутъ всё ихъ обычаи, будутъ смотрѣть ихъ глазами, мыслить ихъ головой, закидаютъ грязью все родное и заговорятъ всё вашимъ исковерканнымъ, полу-русскимъ языкомъ? Да развѣ это просвѣщеніе? О, конечно, нѣтъ! Это не просвѣщеніе, а самое жалкое и презрительное обезьянство. Если образованные Нѣмцы, Англичане, Голландцы, Шведы и даже Италианцы, вовсе не походя на Французовъ, имѣютъ право называться просвѣщенными людьми, такъ почему же Русскій не можетъ заслужить этого названія, не утративъ своей народной самобытности. Нѣтъ, господа! Въ наше время безусловное подражаніе всему иноземному, есть чистый анахронизмъ. Оди только дѣти подражаютъ всему, не разсуждая, а намъ ужъ пора выйти изъ пеленокъ.

«Гуманность. Я думаю, что въ этомъ словѣ не всякій Французъ узнаетъ свое *humanité*, тѣмъ болѣе, что при передѣлкѣ «на русскіе нравы» оно получило смыслъ гораздо обширнѣйшій. Гуманность, можно перевести русскимъ словомъ *человѣчность*, то есть, способность сочувствовать всему, что составляетъ истинное достоинство человѣка, или вообще любовь ко всему чело-вѣчеству и, разумѣется, въ самомъ высокомъ значенія этого слова. Гуманность замѣнила у насъ другое выраженіе, которое уже нѣсколько понижилось, а именно *космополитизмъ*. Вѣроятно, господа космополиты, сирѣчь, *граждане вселенной*, оправдываютъ это странное гражданство своей любовью ко всему чело-

«вѣчеству; слѣдовательно, *гуманный* человѣкъ и космополитъ почти одно и то же; надобно только сказать, что есть два рода космополитизма или *гуманности*; одинъ выражается не словами, а дѣломъ; другой, по большей части, ограничивается однимъ краснорѣчивымъ пустословіемъ; первый имѣетъ своимъ основаниемъ Законъ Божій, второй опирается на просвѣщеніе и философію, а самый опытъ не разъ намъ доказывалъ, какъ хрупки и ненадежны эти опоры. Любовь ко всему человѣчеству — такое прекрасное, высокое чувство! Въ духовномъ смыслѣ это едва-ли не первая христіанская добродѣтель; но посмотримъ, то ли оно будетъ въ своемъ приложеніи къ нашему мірскому, грѣховному быту. Космополитъ, сирѣчь, человѣкъ гуманный, не хочетъ знать никакой исключительной любви; онъ любитъ всѣхъ одинакимъ образомъ и заботится не о частномъ благѣ одного поколѣнія или одного народа, но о всемірномъ, общемъ благѣ всего роду человѣческаго; для него мало быть хорошимъ отцомъ семейства, полезнымъ членомъ общества, вѣрнымъ сыномъ своей родины — онъ выше всего этого: онъ гражданинъ вселенной. Все это прекрасно, звучно и великолѣпно на бумагѣ; а въ самомъ-то дѣлѣ, почти всегда служитъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы не думать ни о чемъ благѣ, кромѣ своего собственнаго. Другъ человѣчества, гражданинъ вселенной!... Какіе очаровательныя слова и въ то же время, какой вѣрный расчетъ! Эта многолюдная семья, которую мы называемъ отечествомъ, требуетъ отъ насъ иногда большаго самоотверженія, великихъ жертвъ, а что можетъ требовать отъ одного человѣка вся вселенная! Будетъ и того, что онъ ее любитъ.

«Здѣсь кстати упомянуть о *филантропіи*, близкой родственницѣ этой модной *гуманности* и заштатнаго *космополитизма*. Филантропія, греческое составное слово, которое, Богъ знаетъ почему, попало въ нашъ языкъ. Французы начинали употреблять его, потому что въ ихъ языкѣ нѣтъ рѣшительно выраженія, которое заключало бы въ себѣ точный и полный смыслъ этого слова; а мы зачѣмъ взяли его у Французовъ? У насъ есть звучное, прекрасное слово: «человѣколюбіе», которое и по смыслу и по составу своему совершенно одно съ греческимъ словомъ, — филантропія, составленнымъ такъ же какъ русское изъ двухъ словъ: «любовь и человѣкъ». И есть же люди, которые пазываютъ это обогащеніемъ языка! Я согласенъ, что языкъ обогащается, когда мы переносимъ въ него слова, заключающія въ себѣ новую мысль или понятіе, для которыхъ въ нашемъ языкѣ нѣтъ вѣр-

«наго и приличнаго выраженія; но если мы свое коренное слово замѣняемъ, безъ всякой нужды, совершенно тождественнымъ иностраннымъ словомъ, то, конечно, вовсе не обогащаемъ, а развѣ истощаемъ и портимъ свой собственный языкъ».

«Юмористика. Производное рѣченіе отъ англійскаго слова *юморъ*, которое въ свою очередь происходитъ отъ французскаго: *humour*. Слово «юморъ» даетъ понятіе о какой-то особеннаго рода веселости, свойственной Англичанамъ или, вѣрнѣе сказать, нѣкоторымъ англійскимъ писателямъ, въ головѣ которыхъ стоитъ нѣкакое извѣстнаго юмориста Стерна, написавшаго романъ «Жизнь и мѣнія Тристрама Шанди». Если вы спросите меня, можно ли слово «юмористика» перевести, хотя приблизительно, на русскій языкъ, то можетъ-быть я отвѣчалъ бы вамъ утвердительно, если бъ не боялся, что меня закидаютъ камнями. Мнѣ, кажется, лучше будетъ, когда я предоставлю вамъ самимъ разрѣшеніе этого вопроса. Вотъ что понимаютъ Англичане подъ словомъ «юморъ», разумѣется въ томъ значеніи, о которомъ идетъ у насъ рѣчь. Англійскій словарь *Royal Dictionary English and French*, опредѣляетъ смыслъ этого слова слѣдующимъ образомъ: «Юморъ, свойство воображенія, дающее всему оборотъ забавный, оригинальный и фантастическій; особенная способность ума, показывать все въ *потышномъ*, *смѣшномъ* и *шутовскомъ* видѣ (*grotesque*)». Ну, теперь я спрошу васъ, какъ назовете вы русскаго человѣка, обладающаго этой способностью?... Я вижу отсюда, что вы боитесь только вымолвить, а названіе этого человѣка вертится у васъ на языкѣ. Не правда ли, что этихъ людей зовутъ у насъ *балагурами*?... Да не пугайтесь! Во всякомъ случаѣ камнями станутъ бросать не въ васъ, а въ меня, потому что я скажу не запынаясь, что англійскій юморъ и русское балагурство или веселость, въ существѣ своемъ одно и то же, и если они выражаются различнымъ образомъ, такъ это оттого, что каждый народъ имѣетъ свою собственную веселость, точно такъ же какъ свою собственную народную фязіономію. Англійская веселость, которую мы называемъ «юморомъ», рѣзка, карикатурна и въ то же время не чужда какого-то простодушія, глубокаго чувства и даже грусти. Французская веселость жива, остра, легка и насмѣшлива. Нѣмецкая тяжела, натянута и почти всегда походитъ на какую-то заказную веселость, которая не просто выливается изъ души, а преподается съ кафедры по всѣмъ правиламъ науки. Этотъ нѣмецкій юморъ, менѣе всѣхъ другихъ походитъ на разгульную и удалую веселость нашего народа, на

«это затѣйливое балагурство, исполненное насмѣшки и иронии. Русскій челоуѣкъ почти всегда назоветъ какого-нибудь урода, — красавцемъ; недоростка — великаномъ, дурачка — умницей, и если вы услышите на улицѣ, что народъ хохочетъ и кричитъ: «Держи, держи!... Батюшки, разбила!...» то будьте увѣрены, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь лошадиномъ остовѣ, который едва передвигаетъ ноги. — «Да подумайте, скажутъ мнѣ, что общаго между благороднымъ англійскимъ юморомъ и нашимъ площаднымъ балагурствомъ?» Площаднымъ?... А развѣ вы думаете, что англійскій юморъ никогда не бываетъ площаднымъ? Все зависитъ отъ того, кто обладаетъ этой врожденной способностью. Онъ можетъ быть и челоуѣкомъ образованнымъ и какимъ-нибудь трактирнымъ балаганикомъ. Въдъ и русскіе балагуры бываютъ разныхъ родовъ. Вы можете повстрѣчаться въ гостиницѣ нашего лучшаго общества съ какимъ-нибудь милымъ, любезнымъ и весьма остроумнымъ балагуромъ. Вы найдете балагура также и въ кабакѣ, только въ этомъ случаѣ его любезность и остроуміе будутъ совершенно другаго рода. Посмотрите какъ шутитъ Грибоѣдовъ, какъ потѣшается Пушкинъ, какъ балагуритъ иногда Гоголь и взгляните потомъ на нную статью журнальнаго балагура, который воображаетъ, что его пошлыя, отвратительныя шуточки, площадная брань и литературное кощунство, исполнены самоцѣлѣншаго юморизма.

«Впрочемъ, я вовсе не предлагаю замѣнить русскимъ словомъ «балагурство», англійское слово «юморъ». Пусть оно останется въ нашемъ языкѣ для названія веселости, собственно принадлежащей Англичанамъ. Я замѣчу только, что производное отъ него слово «юмористика», составлено весьма неудачно. Юморъ есть нечто иное, какъ отдѣльное достоинство всякаго сочиненія, принадлежащаго къ изящной словесности, какого бы содержанія и роду оно ни было. Говоря о книгѣ, написанной съ умомъ и веселостію, вы скажете, что въ ней много юмору. Но развѣ вы не говорите также, что въ такомъ-то сочиненіи много занимательности, ясности, живости, силы, однако жъ никому еще не приходило въ голову составлять изъ этихъ частныхъ достоинствъ всякаго хорошаго сочиненія, какія-нибудь особенныя отрасли словесности. Мнѣ возразятъ, можетъ-быть, что ясность, занимательность, живость и сила, не имѣютъ въ себѣ ничего исключительнаго и принадлежать равно всемъ, а «юморъ» есть особеннаго рода веселость, по преимуществу принадлежащая Англичанамъ. Согласенъ!... позвольте только спросить васъ, чѣмъ отличаются

«вообще наши волжскія пѣсни?... Не этимъ ли русскимъ удали-
«ствою, по преимуществу свойственнымъ нашему народу? Слѣ-
«довательно, если бь кто написалъ что-нибудь въ духѣ этихъ раз-
«гульныхъ пѣсень, то могъ бы назвать свое сочиненіе *удалисти-*
«*кой*? Разумѣется, это было бы смѣшно и даже нелѣпо, а между-
«тѣмъ онъ имѣлъ бы на это полное право. Если изъ юмора, этой
«народной веселости англійскихъ писателей, можно было соста-
«вить юмористку; такъ почему же изъ русской ўдали, этой от-
«личительной черты нашихъ народныхъ пѣсень, нельзя сдѣлать
«удалистики?»

«*Ирритация*. По-русски слово-отъ-слова: раздраженіе.

«*Меркантильная индустрія*. Также слово-отъ-слова: мелочная
«промышленность.

«*Беллетристика*. Вы спрашиваете меня, Андрей Яковлевичъ,
«что это за наука такая и для чего ей дали такое неблагозвучное
«названіе? Что грѣхъ таить. Увидѣвъ въ первый разъ слово *бел-*
«*летристика*, я и самъ подумалъ, что это какая-нибудь новая нау-
«ка и очень жалѣлъ, что для этой науки — можетъ-быть весьма
«полезной — придумали названіе, которое такъ странно и такъ не-
«пріятно звучитъ для русскаго уха. Разумѣется, я не могъ дол-
«го ошибаться и поразсмотрѣвъ внимательно эту незванную гостью,
«тотчасъ узналъ въ ней нашу старую знакомую, которую до-сихъ-
«поръ звали «изящной словесностью». Неужели, спросите вы, эта
«безстыдница, мадамъ беллетристика, то же самое, что наша чин-
«ная барыня, изящная словесность? Жаль, Андрей Яковлевичъ,
«что вы не знаете иностранныхъ языковъ, а то бы я попросилъ
«васъ заглянуть въ французскій академическій словарь и вы уви-
«дѣли бы тогда, что слово *belles lettres*, изъ котораго состря-
«пали беллетристику, значитъ все то же, что наше слово «изящная
«словесность». Преобразователи русскаго языка не ограничились
«однако жь этой передѣлкою, они сочинили еще слово *беллетристъ*,
«которое не можетъ даже похвастаться и своимъ иноземнымъ про-
«исхожденіемъ, потому что у Французовъ нѣтъ слова *un homme*
«*de belles lettres*, а есть только *un homme de lettres* — по-
«русски *словесникъ*, да еще слово *un homme lettré*, то есть, че-
«ловѣкъ ученый.

«Вотъ вамъ, любезный Андрей Яковлевичъ, довольно подроб-
«ное истолкованіе этимъ моднымъ словамъ, которыя я выбралъ
«изъ вашего огромнаго списка. Не правда ли, что эти иностран-
«ныя слова съ русскимъ окончаніемъ походятъ на какихъ-то одѣ-
«стыхъ въ шитые кафтаны Французовъ, которые воображаютъ, что

«мы ихъ примемъ какъ нашихъ кровныхъ и родныхъ, потому что они надѣли на свои пудренные головы русскія шапки съ за-ломомъ. Нѣтъ, почтенные иностранцы! этотъ сватовшый, шутовской нарядъ не обманетъ никого. Надѣвайте-ка опять ваши треугольные шляпы съ плюмажемъ; вѣдь наша русская шапка вамъ вовсе не къ лицу.

«Теперь вы спросите меня, Андрей Яковлевичъ, изъ чего хлюпочуть эти господа преобразователи, и что имъ за радость увѣчить безъ всякой нужды свой родной языкъ? Что за радость? Да развѣ вы не знаете, что они давно уже объявили войну нашему богатому, роскошному, звучному языку, которымъ мы вправѣ гордиться передъ всѣми, потому что изъ новѣйшихъ языковъ онъ одинъ заключаетъ въ себѣ почти всѣ достоинства древняго греческаго языка, едва-ли не перваго изъ всѣхъ языковъ человѣческихъ. Записные враги русскаго языка называютъ его грубымъ, бѣднымъ, неуклюжимъ и чтобъ доказать это на самомъ дѣлѣ, пишутъ такимъ уродливымъ языкомъ, который равно непонятенъ и для безграмотнаго мужика и для просвѣщеннаго чловека. Но это бы еще ничего; пусть себѣ какой-нибудь удалой скоморохъ коверкается и корчитъ рожи, чтобъ потѣшить толпу зѣвакъ; но что вы скажете, если этотъ гаеръ потребуетъ, чтобъ и всѣ такъ же ломались и искажали свое человѣческое обличье? Что скажете вы, если онъ будетъ ругать невѣждами, ограниченными *пуристами* и старовѣрами всѣхъ тѣхъ, которые не желаютъ ему подражать? Что скажете вы, если онъ начнетъ кричать: Чему вы смѣетесь, неучи? Ужъ не думаете ли, что я какой-нибудь площадной шутъ и кривляюсь ради вашей потѣхи? Да знаешь ли ты, неспособная ни къ какому процессу мышления, невѣжественная толпа, что это все гумористика и беллетристика! Я хотѣлъ-было нисинировать тебя во всѣ тайнства гуманности, эксплуатировать твой грубый интеллектъ, приготовить тебя къ цивилизации. Но я вижу, что въ тебѣ нѣтъ ни малѣйшей тенденціи къ прогрессу, потому что ты, ступидная толпа, составлена вся изъ дѣтей съ отсталымъ понятіемъ и ребяческими взглядами». Разумѣется, вы скажете ему: — «Нѣтъ, господинъ паяцъ! Дѣти, можетъ-быть, и станутъ тебя передразнивать; они по легкомыслию, свойственному ихъ лѣтамъ, любятъ и сами покувыркаться, попрыгать на одной ногѣ, подразниться языкомъ; а мы, люди взрослые, мы можемъ забавляться твоимъ гаерствомъ, и даже платятъ за это деньги; но ужъ, вѣрно, сами не пойдемъ къ тебѣ въ ученики». Конечно, это не уйметъ скомороха; напротивъ, онъ

свѣдѣть кричать и дразниться языкомъ лучше прежняго, наде-
 «сть воишь порядочнымъ людямъ — они разойдутся, а всё-таки
 «святъ отчаянный «нглърь не останется безъ публички. Чтѣ жъ
 «дѣлать; вѣдь у насъ, такъ же какъ и вездѣ, много есть просто-
 «душныхъ и не слишкомъ грамотныхъ людей, которые до-смерти
 «любятъ площадныхъ шарлатановъ и вѣрятъ имъ во всемъ на
 «счастное слово.

«Можетъ-быть вы мнѣ сдѣлаете еще вопросъ: почему же есть
 «люди умные, даровитые, владѣющіе прекрасно русскимъ язы-
 «скомъ, которые однако жъ замѣняютъ иногда безъ всякой нужды
 «русское слово иностраннымъ. Почему?... Да такъ! По какому-
 «то необдуманному подражанію, по любви къ новостямъ, а чаще все-
 «го по лѣни. Зачѣмъ переводить иностранное слово, если добрые
 «люди успѣли къ нему придѣлать русское окончаніе и употребля-
 «ютъ его безъ малѣйшихъ оговорокъ, какъ-будто оно давно уже
 «своено нашему языку. Иногда не вдругъ придетъ на память
 «русское слово, выражающее ту же самую мысль, а это передѣ-
 «ланное словцо — ужъ совсѣмъ готово — подъ руками! Конечно, не
 «всѣ грѣшатъ противъ русскаго языка по этой причинѣ. Есть лю-
 «ди, которые коверкаютъ его потому только, чтобъ подражать
 «во всемъ какому-нибудь знаменитымъ *беллетристамъ*, къ кото-
 «рымъ они питаютъ безпредѣльное уваженіе. «Да за чтѣ жъ они
 «такъ уважаютъ этихъ отъявленныхъ враговъ русскаго языка?»
 «спросите вы. Ну, ужъ на это я вамъ отвѣчать не стану; а ес-
 «ли бъ вы знали французскій языкъ, такъ я бы вамъ посовѣто-
 «валъ прочесть до конца первую пѣсню изъ поэмы Боало: «L'art
 «poétique»; вы нашли бы въ ней самое удовлетворительное раз-
 «рѣшеніе этому вопросу.

«Прощайте, любезнѣйшій Андрей Яковлевичъ! Будьте здоровы
 «и любите по-прежнему вашего искренняго пріятеля
 «Богдана Бѣльскаго».

VI.

ПРОГУЛКА ВЪ СИМОНОВЪ-МОНАСТЫРЬ.

..... Всего пріятнѣе для меня то мѣ-
 сто, на которомъ возвышаются мрач-
 нныя, готическія башни Симонова-Мо-
 настыря.

КАРАМЗИНЪ.

Кто изъ проезжающихъ въ Москву, особенно лѣтомъ, не по-
 бывалъ на Воробьевыхъ-Горахъ и у Симонова-Монастыря, чтобъ

взглянуть съ двухъ тороуъ на нашу златоглавую красавицу-Москву. Я не говорю уже о постоянныхъ жителяхъ московскихъ; конечно, многіе изъ нихъ очень рѣдко быв ютъ на Воробьевыхъ-Горахъ; но зато почти всѣ ѣздятъ лѣтомъ въ Симоновъ Монастырь: одни, чтобъ помолиться Богу и послушатъ благолѣпное пѣніе монастырскихъ иноковъ, умиляющее душу въ незъяснимо-благозвучнымъ согласіемъ; другіе для того, что полюбоваться колоссальной панорамой одного изъ самыхъ живописныхъ городовъ въ мірѣ. Разумѣется, зимою-бываютъ въ Симоновомъ-Монастырѣ одни богомольцы. Изрѣдка только посѣтитъ его или иностраннй путешественникъ, которому не удалось побывать у насъ лѣтомъ, или какой-нибудь любитель зимнихъ прогулокъ. Я однажды ѣздилъ нарочно въ Симоновъ-Монастырь, чтобъ посмотреть оттуда, какова наша матушка бѣлокаменная въ своемъ зимнемъ нарядѣ. День былъ свѣтлый, вдали всѣ кровли безчисленныхъ домовъ сливались въ одну спѣжную, волнистую равнину, надъ которой подымались главы церквей и пирамидальныя вершины колоколенъ. Все это горѣло и сверкало въ солнечныхъ лучахъ, которые разстигались по свѣгу золотомъ и самоцвѣтными камешьями. Да! хороша Москва и подъ этимъ пушистымъ бѣлымъ покрываломъ; но она во сто разъ лучше въ своей лѣтней, зеленой мантии, сотканной изъ тысячи садовъ.

Не знаю, помните ли вы, любезные читатели, пріятеля моего, Николая Степановича Солнцамскаго, большаго знатока и страстнаго любителя русской старины. Въ первомъ выходѣ моихъ записокъ я познакомилъ васъ съ этимъ чудакомъ, который проститъ вамъ отъ души всякую личную обиду, и возненавидитъ какъ врага, если вы посомнитесь въ «Несторовой Лѣтописи» или —отъ чего да сохранить васъ Боже,—скажете при немъ, что мы, Русскіе, происходимъ не отъ Славянъ. На прошлой недѣлѣ онъ явился ко мнѣ, часовъ въ шесть послѣ обѣда, въ ту самую минуту, когда я садился въ коляску, чтобъ ѣхать за-городъ.

— Куда ты отправляешься? спросилъ онъ.

— Да такъ, отвѣчалъ я: куда глаза глядятъ. Въ такую хорошую погоду грѣшно сидѣть дома. Не хочешь ли со мной?

— Пельзя, мой другъ! Я ѣду пить чай въ рошѣ Симонова-Монастыря.

— Одинъ?

— Нѣтъ, съ княгиней Зориной, дочерью ея княжной Ольгою, племянникомъ Александромъ Васильевичемъ Прилуцкимъ и Богданомъ Ильичомъ Бѣльскимъ.

— Сирѣчь со мной? Пожалуй, для меня всё-равно, куда ни ѣхать.

— Такъ поѣдемъ же! Княгиня тебя только и дожидается.

Солжаканской сѣлъ ко мнѣ въ коляску и мы отправились. Вы знаете, любезные читатели, что я, начиная какой-нибудь рассказъ, нѣтъ привычку всегда знакомить съ вами тѣ новыя лица, о которыхъ я не упоминалъ еще въ моихъ «Запискахъ». Чтобъ не отступить отъ этого правила, я скажу вамъ нѣсколько словъ о княгинѣ Зоринѣ, ея дочери, княжнѣ Ольгѣ и родномъ племянникѣ Александрѣ Васильевичѣ Прилуцкомъ.

Княгиня Зорина родилась и воспитывалась въ Москвѣ; на двадцатомъ году она вышла замужъ, уѣхала въ Петербургъ и проживъ тамъ почти сорокъ лѣтъ, рѣшилась, послѣ смерти своего мужа, возвратиться на старое свое пепелище, то есть, въ Москву, на Покровскій-Бульваръ, въ каменный огромный домъ о двухъ жидяхъ, построенный ея дѣдушкою, заслуженнымъ бригадиромъ Андреемъ Никитичемъ Прилуцкимъ. Я былъ знакомъ съ нею, когда она была еще дѣвцею и занимала первое мѣсто въ числѣ московскихъ красавицъ. Съ-тѣхъ-поръ до самаго возвращенія ея въ Москву, мнѣ не удалось ни разу съ нею повстрѣчаться, слѣдовательно ничто не могло изгладить прежнихъ моихъ впечатлѣній, и когда я вспомнилъ о княгинѣ Софѣ Николаевнѣ Зоринѣ, урожденной Прилуцкой, то передо мною являлась всегда дивная красавица, съ томными голубыми глазами, черными рѣсницами, прелестнымъ станомъ и обворожительною улыбкой. Разумѣется, первое наше свиданіе могло показаться очень забавнымъ для другихъ; но ужъ, конечно, не для насъ. Мы ахнули, ужаснулись, и принялись-было, какъ слѣдуетъ, лгать безъ всякаго стыда и зазрѣнія совѣсти; но видно мы съ княгинею плохіе артисты; я говорилъ заикаясь, что узналъ ее съ перваго взгляду, она увѣрляла меня сквозь слезы, что я почти совсѣмъ не перемѣнился—однимъ словомъ, мы очень дурно разыграли эту трудную сцену перваго свиданія, къ-счастью, что все это происходило съ глазу на глазъ и надъ нами нѣкому было посмѣяться. Княгиня Зорина была нѣкогда самой усердной поклонницей одного русскаго молодого поэта. Этотъ сочинитель гладенькихъ стихловъ, чувствительныхъ повѣстей и небольшихъ журнальныхъ статей, сдѣлался впоследствии однимъ изъ тѣхъ великихъ писателей, которые составляютъ эпохи въ словесности каждаго народа; но княгиня не хотѣла и знать объ этомъ; для нея онъ остался по-

прежнему очаровательнымъ поэтомъ, цѣвцомъ любви и всѣхъ ея страданій, милымъ рассказчикомъ и любимымъ сыномъ русскихъ Аонидъ. Ей и въ голову не приходило прочесть его «Исторію Государства Россійскаго»; но зато она знала наизусть: «Бѣдную Лизу», «Наталью Боларскую дочь», «Островъ Борнигольмъ» и горюла съ душевнымъ убѣжденіемъ :

— Нѣтъ! ужъ теперь не умѣютъ писать такихъ стиховъ, какими написаны посланія «Къ невѣрной», «къ Филидѣ», «къ женщинамъ». Нѣтъ ужъ нынче никто не скажетъ :

« Возьмите лавръ, а мнѣ въ награду... поцѣлуй!»

Дочь ея, княжна Ольга Дмитріевна принадлежитъ къ числу этихъ умныхъ, просвѣщенныхъ русскихъ барышень, которыя, благодаря Бога, начинаютъ нерѣдко появляться въ нашихъ обществахъ. Она получила самое блестящее воспитаніе, отличная музыкантша, изъясняется прекрасно по-французски, говоритъ свободно по-англійски и читаетъ въ подлинникъ Шиллера; но все это не мѣшаетъ ей знать свой собственный языкъ, если не лучше, такъ, по-крайней-мѣрѣ, не хуже всѣхъ этихъ иностранныхъ языковъ. Она любитъ русскую словесность, радуется успѣхамъ нашихъ художниковъ, и увѣрена, что мы, Русскіе, вовсе не лишены способности итти впередъ, просвѣщаться и сохранять въ то же время нашу народную самобытность. Княжна не менѣе своей матери уважаетъ ея милаго поэта—она съ любовью и благоговѣніемъ произноситъ имя этого знаменитаго историка и безсмертнаго преобразователя русскаго слога; но рѣшительно предпочитаетъ его стихамъ, стихи Жуковскаго, Пушкина и даже другихъ второстепенныхъ нашихъ поэтовъ. Когда ей случается говорить объ этомъ, княжна обыкновенно пожимаетъ съ презрѣніемъ плечами, и вмѣсто отвѣта, шепчетъ про себя :

«Ручей два древа раздѣляетъ,
Но вѣтви ихъ сплетая растутъ;
Судьба два сердца разлучаетъ,
Но вмѣстѣ чувства ихъ живутъ!»

Племянникъ Зоринъ, Александръ Васильевичъ Прилуцкій, красивый мужчина лѣтъ тридцати-пяти, по рожденію Москвичъ, по воспитанію западный Европеецъ, по образу жизни Англичанинъ, по своимъ поверхностнымъ познаніямъ, свѣтской любезности и легкомыслію Французъ, по любви къ праздности, по лѣни, безопасности, мотовству, хлѣбосолюству, благородному образу

мыслей и врожденной чести, настоящий русский столбовой дворянин; по душѣ добрый-малый, по уму человекъ очень дюжинный; на словахъ любитель всего изящнаго, на самомъ дѣлѣ, любитель хорошихъ обѣдовъ, цѣльнаго шампанскаго и скаковыхъ лошадей. Княгиня давно хочетъ женить своего племянника, и онъ бы не прочь отъ этого, да боится, что жена домигается ему ѣздить каждый день въ англійскій клубъ, — конечно, ему тамъ скучно — въ этомъ Прилуцкій самъ сознается, да ужъ онъ сдѣлалъ привычку, а для русскаго человека, какъ бы онъ ни прикидывался иностранцемъ, привычка всегда будетъ второй натурой. Разумѣется, Александръ Васильевичъ, какъ человекъ богатый и свободный, объѣздитъ почти всю Европу, задалжалъ, поразстроилъ свое имѣніе и воротился назадъ, чтобъ заняться хозяйствомъ и накопить денегъ пли, какъ онъ самъ выражается: «Пожить въ деревнѣ годика два на подножномъ корму». Теперь Прилуцкій собирается опять за границу, только еще не рѣшился куда ѣхать, потому что онъ одинаковымъ образомъ любить и англійскій комфортъ и парижскую увлчную жизнь и италіанское *far niente*. Я думаю, однако жъ, что Прилуцкій отправится въ Лондонъ, потому что съ нѣкотораго времени онъ очень пристрастился къ англійскимъ пуддингамъ и началъ ихъ запивать вмѣсто шампанскаго, портеромъ. Александръ Васильевичъ отъявленный поклонникъ Запада; онъ очень забавно насмѣхается надъ варварствомъ и невѣжествомъ своихъ соотечественниковъ и поговариваетъ иногда весьма испочтительно про нашу матушку святую Русь. А между-тѣмъ за границую, два раза стрѣлялся съ людьми, которые, не будучи Русскими, говорили о Россіи точно то же, что онъ говорить о ней, живши въ Москвѣ. Впрочемъ въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго; мы, Русскіе, вообще любимъ побранить самихъ себя, да это тогда только, когда мы дома, а на чужой сторонѣ, нашихъ не тронь! «Свой своему поневоля братъ!» говоритъ русская пословица. Конечно, бывали Русскіе, которые и дома и въ гостяхъ, злословили свою родину, да вѣдь это случаи необыкновенные. Нравственные уроды точно то же, что уроды физическіе; онѣ такъ же рѣдки и такъ же ничего не доказываютъ; разница только въ томъ, что однихъ показываютъ за деньги, а другихъ можно видѣть даромъ, вѣроятно потому, что они уже слишкомъ отвратительны.

Отъ Прѣспенскихъ-Прудовъ до Покровскаго-Бульвара, съ небольшимъ четыре версты, разумѣется, самой ближайшей дорожкой,

то есть, по Большой-Никитской въ Кремль, потомъ Спасскими-Воротами на Ильинку, а тамъ, выѣхавъ изъ Китай-Города прямо Покровкою на бульваръ. Проѣзжая Спасскими-Воротами, я и Соликамской, по древнему обычаю всѣхъ Москвичей, сняли наши шляпы.

— А знаешь ли ты, любезный другъ, спросилъ меня Соликамской: почему, проѣзжая этими воротами, мы сняли шляпы?

— Да если вѣрить преданію, отвѣчалъ я, такъ это въ память того, что въ тысяча шестьсотъ двѣнадцатомъ году, князь Пожарскій, побѣдивъ Поляковъ, вошелъ съ православнымъ русскимъ войскомъ этими воротами въ освобожденный Кремль.

Соликамской улыбнулся.

— Охъ вы, романисты! сказалъ онъ: такъ по-вашему до тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго года, проходя этими воротами русскій человѣкъ и шапки не ломалъ. Нѣтъ, любезный, лѣтъ за сто еще до Пожарскаго, всѣ православные проходили сквозь эти ворота съ непокрытыми головами и вѣроятно потому, что, по ихъ понятію, ворота были святыя.

— Да почему же они считали ихъ святыми? прервалъ я.

— А вотъ почему, Богданъ Ильичъ: въ Спасскихъ-Воротахъ благовѣрные цари русскіе, святители московскіе и бояре торжественно встрѣчали слѣдующія святыя иконы: Владимірскую Божію Матерь изъ Владиміра, Всемилостиваго Спаса и Спаса Вседержителя изъ Новгорода, Благовѣщенье Пресвятой Богородицы изъ Устюга, Спаса Нерукотвореннаго изъ Хлынова и Святаго Николая Великорѣцкаго изъ Вятки; а сверхъ-того, старину изъ двѣнадцати ежегодныхъ крестныхъ ходовъ, девять проходили Спасскими-Воротами. Теперь понимаешь ли, почему всѣ Москвичи и до-сихъ-поръ еще снимаютъ шляпы, проѣзжая и проходя этими воротами?

— Понимаю, любезный, но признаюсь, что это поэтическое преданіе, о которомъ я тебѣ говорилъ....

— Больше тебѣ нравится, чѣмъ простая истина?... Вотъ то-то и есть, вы, господа поэты, только-что сказочки рассказываете: вамъ жить легко, а мы, труженники, изъ одной любви къ истинѣ разбираемъ рукописи, копаемся въ старыхъ архивахъ, перечтываемъ столбцы.

— И все это для того, прервалъ я, чтобъ доказать, что Адамъ былъ Славянинъ и говорилъ сербскимъ нарѣчіемъ?

— Шутя-себѣ, шутя! прошепталъ Соликамской, взглянувъ на

меня почти съ презрѣніемъ: -я за это не разсержусь. Вѣдь безграмотные всегда смѣются надъ тѣми, которымъ грамота да-лась!

Соликамской замолчалъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы выѣхали на Покровскій-Бульваръ и остановились у подъезда большаго каменнаго дома, не очень затѣйливой, однако жъ вовсе не безобразной архитектуры. Соликамской сказалъ правду: княгиня Зорина меня только и дожидалась. Мы помѣстились всѣ, то есть, хозяйка съ дочерью, Прилуцкій, Соликамской и я, въ большой ливнейкѣ, заложеной шестерикомъ. Красивыя заводскія лошади тронулись съ мѣста крупной рысью и мы, переѣхавъ Язу, стали подниматься въ гору. Полюбовавшись мимоѣздомъ на великолѣпный домъ Шепелева, мы повернули мимо Таганскаго рынка, оставили въ правой рукѣ Ново-Спасскій-Монастырь и доѣхали наконецъ до Крутицъ. — «Постой!» закричалъ Соликамской, въ ту минуту, какъ кучеръ повернулъ налѣво, чтобъ выѣхать къ городскому валу. Мы остановились.

— Не угодно ли вамъ, княгиня, продолжалъ Соликамской: взглянуть на этотъ клочокъ стѣны и ворота, принадлежавшія нѣкогда знаменитому Крутицкому-Монастырю, которымъ управляли епархіальные епископы крутицкіе и можайскіе. Эта уничтоженная епархія была учреждена княземъ Александромъ Ярославичемъ Невскимъ и называлась при немъ Сарскою и Подонскою. Разсмотрите хорошенько эти ворота, не правда ли, что они прекрасны?

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала княгиня: это что-то очень не дурно. *C'est tout à fait* gososo.

— Ахъ, какъ они хороши! вскричала княжна: вотъ истинно русская архитектура!... Ее нельзя никакъ назвать ни готической, ни византійской. Нѣтъ!... Въ ней есть свой собственный особый характеръ.... Какъ хороши эти окна.... А эти покрытые рѣзбою столбики: какъ они легки и красивы!... Посмотрите, Богданъ Ильичъ, на эти карнизы и простѣнки, выложенные изразцами; можетъ-быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ древней архитектурѣ Мавровъ — есть что-то похожее на этотъ изразцовый мозаикъ?

— Да! Вы точно правы, сказалъ я: такъ вамъ нравятся эти ворота?

— Очень! Все это вмѣстѣ и странно и пестро, а прелесть какъ хорошо. Да что жъ ты, Александръ, не смотришь, продол-

жала княжна, обращаясь къ своему двоюродному брату: поспотри!

Прилуцкій вынулъ изъ жилетнаго кармана лорнетку, воткнулъ ее въ правый глазъ, взглянулъ на ворота и сказалъ съ улыбкою:

— Подлинно прелесть! Тяжело, уродливо и безвкусно! Ты правду говоришь, кузина: это истинно русская архитектура!

— Уродливо! повторилъ Соликамской.

— Знаете ли, продолжалъ Александръ Васильевичъ: что мнѣ напоминаетъ этотъ закопченный домишка съ воротами, изразцовыми стѣнами и столбиками? Не правда ли, та tante, что онъ очень походитъ на эти безобразныя кафельныя печи, которыя казались такъ красивы нашимъ почтеннымъ предкамъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! вскричала княгиня: я помню за Москвой-рѣкою, въ одномъ барскомъ домѣ, гдѣ мы такъ часто съ вами встрѣчались, Богданъ Ильичъ, во многихъ комнатахъ были огромныя печи и съ такими же столбиками.... Что этотъ домъ, существуетъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, онъ давно уже сломанъ, отвѣчалъ я.

— И слава Богу! сказалъ Прилуцкій. Я всегда радуюсь, когда истребляютъ эти памятники варварства и невѣжества нашихъ предковъ.

— Есть чему радоваться! подхватилъ Соликамской: ахъ, вы господа русскіе чужестранцы!.... Да если не изъ любви къ своему родному, такъ по-крайней-мѣрѣ изъ подражанія вашему Западу, передъ которымъ вы стоите на колѣняхъ—не разрушайте древнихъ памятниковъ, а берегите ихъ такъ же какъ ихъ берегутъ и поддерживаютъ Нѣмцы, Французы, Англичане, Италіяны....

— Да это совсѣмъ другое дѣло, прервалъ Прилуцкій: имъ какъ не беречь своихъ памятниковъ; у нихъ есть развалины римскихъ владѣній, феодальныя замки, старинныя аббатства....

— Да чѣмъ же наши церкви и монастыри, уступаютъ вашимъ западнымъ аббатствамъ? вскричалъ Соликамской, задыхаясь отъ негодованія.

— И, полноте спорить! сказала княгиня: мы этакъ вѣкъ не дождемъ до Симонова-Монастыря. Ступай, Никифоръ!

Проѣхавъ версты полторы вдоль городского вала, потомъ много пороховыхъ магазинововъ, мы подъѣхали наконецъ къ Симонову-Монастырю, оставили за оградю нашу линейку и вошли главными воротами въ монастырь. Сначала мы осмотрѣли собор-

ную церковь, а потомъ огромную колокольню, построенную по плану архитектора Тона. Эта монастырская звонница, не говоря уже о ея прекрасной архитектурѣ, замѣчательна тѣмъ, что она выше всѣхъ московскихъ колоколенъ. Въ ней, не полагая въ счетъ основаніе или фундаментъ, слишкомъ сорокъ семь сажень, егдѣдовательно она гораздо выше Ивана-Великаго, въ которомъ съ небольшимъ тридцать осемь сажень вышины. Разумѣется, мы зашли также посмотрѣть палату, въ которой жила по постамъ царь Феодоръ Алексѣевичъ, особенно любившій Симоновъ-Монастырь. Эта палата обращена теперь въ братскую зимнюю трапезу. Надъ папертью, или сѣнями этой трапезы, возвышается красивая четверугольная башня съ открытой площадкою, или террасою. Послушникъ, который показывалъ намъ монастырскія зданія, предложилъ княгинѣ взойти на башню, чтобъ взглянуть оттуда на окрестности монастыря.

— Не ходите, ma tante! шепнулъ Прилуцкій.

— Отчего же мнѣ пойти? спросила княгиня: я хочу сверху полюбоваться на Москву.

— Ну, смотрите, чтобъ у васъ голова не закружилась!

— Въ самомъ дѣлѣ, примолвила княгиня, остановясь на первой ступени: какая крутая лѣстница.

— Лѣстница! И это называютъ у васъ лѣстницей!

— А что, прервалъ Соликамской: чай въ вашихъ-то западныхъ аббатствахъ всё лѣстницы парадныя, мраморныя...

— По-крайней-мѣрѣ такія, возразилъ Прилуцкій, по которымъ можно ходить и молодымъ и старымъ людямъ, а по этой стремянкѣ...

— Такимъ старухамъ, какъ я ходить не можно? подхватила княгиня: а вотъ я тебѣ докажу, Александръ, что я вовсе не такъ стара, какъ ты думаешь!

Княгиня начала довольно бодро подниматься по узенькой лѣстницѣ, а вслѣдъ за нею и мы всѣ, исключая Прилуцкаго; онъ остался внизу. Взойдя на площадку башни, мы долго не могли налюбоваться разнообразіемъ и красотою монастырскихъ окрестностей. Прямо къ рѣкѣ отъ самой подошвы Симоновской-Горы начинается обширный зеленый лугъ съ небольшими прудами; посреди его, въ песчаныхъ берегахъ, извивается Москва-рѣчка; за нею тянется вплоть до Данилова-Монастыря, серпуховская часть Замоскворѣчья съ своими садами и огромными фабриками. Направо поднимается амфитеатромъ вся Залузская Сторона Москвы съ своими каменными палатами и великолѣпными церквами.

Вы обернетесь назад и вотъ передъ вами, вмѣсто высокихъ холмовъ, усыпанныхъ домами, широкіе луга, темный сосновый лѣсъ, засѣянные поля, живописные передѣлки, рощи, нѣсколько деревень, Перервинскій-Монастырь и вдали, на самомъ краю небосклона знаменитое село Коломенское.

Сойдя съ башни, мы не нашли въ сѣняхъ Прилуцкаго: онъ дождался насъ за оградою въ монастырской рощѣ подлѣ самовара, около котораго хлопотала Аксинья Ѳеодоровна, ближняя барская-барыня княгини Зоринной. Мы сѣли все на разостланномъ коврѣ; княгиня пачала разливать чай, Прилуцкій закурилъ сигару, а княжна обратилась къ Соликамскому съ вопросомъ: не знаетъ ли онъ, когда и кѣмъ основанъ Симоновъ-Монастырь.

— Какъ не знать, сказала Соликамской: Симоновъ-Монастырь принадлежитъ къ числу историческихъ монастырей нашей родины. Его основалъ, при князѣ Димитріѣ Иоанновичѣ Донскомъ внокъ Ѳеодоръ, племянникъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, но только не здѣсь, а шагахъ въ двухъ-стахъ отсюда. Воиъ видите, близѣхонько отъ заставы на правой рукѣ нѣсколько избъ и домиковъ.

— Кругомъ небольшой каменной церкви?

— Да. Эта слободка и до-сихъ-поръ называется Старымъ-Симоновымъ.

— Такъ вотъ гдѣ былъ сначала Симоновъ-Монастырь!... А почему онъ называется Симоновымъ?

— Потому что это урочище принадлежало нѣкогда одному именитому человѣку изъ роду Головиныхъ, по имени Симону. Когда перенесли монастырь на теперешнее его мѣсто, Святый Ѳеодоръ заложилъ во имя Успенія Божіей Матери соборную церковь, ту самую, которую мы съ вами осматривали.

— Такъ она должна быть очень стара?

— Да. Она строилась двадцать шесть лѣтъ и освящена въ тысячу четыреста пятномъ году, слѣдовательно отъ основанія ея прошло четыреста шестьдесятъ семь лѣтъ.

— То есть, безъ малаго пять вѣковъ. Ну, это древняя церковь.

— Древняя! прервалъ Прилуцкій: конечно, для насъ Русскихъ очень древняя—ребенку и тридцатилѣтній человѣкъ кажется старикомъ. Большая древность пятьсотъ лѣтъ! На Западѣ объ этомъ и говорить бы не стали.

— Какъ же! подхватилъ Соликамской: вѣдь тамъ есть зданія, построенныя тотчасъ послѣ потопа.

— Не слушайте его, Николай Степановичъ! шепнула княжна: онъ и мнѣ надоѣлъ до смерти своимъ Западомъ. Скажите лучше, что эта церковь въ Старомъ-Симоновѣ также древняя?

— Да, она давно уже построена. Ей почти триста шестьдесятъ пять лѣтъ. Впрочемъ, это уже вторая; первая была десятью годами старѣе симоновскаго собора. А знаете ли, княжна, чѣмъ особенно замѣчательна эта церковь. Вы русскую исторію читали, такъ вѣроятно помните, что въ Куликовскую битву, которую простой народъ называетъ «Мамаевымъ побоищемъ», сражались съ Татарами и положили свои головы за Святую Русь, два чернеца изъ обители Святаго-Сергія.

— Какъ же, помню! Одинъ изъ нихъ назывался Пересвѣтъ, а другой... странное имя...

— Ослябя. Эти сподвижники Дмитрія Донскаго, эти иноки-богатыри, погребены...

— Неужели въ этой церкви? прѣрвала княжна.

— Да, въ ней.

— О, такъ намъ должно сходить поклониться ихъ могиламъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, сказала княгиня, вставая: пойдите въ эту церковь.

Все наше общество поднялось. Прилуцкій также всталъ; но, казалось, онъ вовсе неохотно покидалъ мягкій коверъ, на которомъ ему было такъ спокойно лежать и курить сигарку.

— Я долженъ васъ предупредить, сказалъ Соликамской, идя подлѣ княгини: что гробницы Пересвѣта и Осляби, вовсе не древнія, онѣ поставлены на могилахъ этихъ иноковъ, по приказанію Екатерины-Второй.

— Да это всё-равно! отвѣчала княгиня: главное, что они тутъ похоронены. Признаюсь, я очень люблю эти грустные перелинажи! Для души чувствительной, для сердца нѣжнаго, всѣ эти меланхолическія воспоминанія чрезвычайно пріятны!... Знаете ли что, Николай Степановичъ, теперь вы насъ ведете на могилы этихъ монаховъ, а послѣ я васъ поведу взглянуть на прудъ, въ которомъ утопилась бѣдная Лиза.

— Какая Лиза? спросилъ Прилуцкій.

— Какая Лиза? Ну, та самая, которую погубилъ злодѣй Эрастъ. Да неужели ты не знаешь, кто была бѣдная Лиза?

— Нѣтъ, тетушка. Я много знавалъ и бѣдныхъ и богатыхъ

Лизъ, только изъ моихъ знакомыхъ ни одна не утопилась.

— Такъ ты не читалъ этой прелестной повѣсти?

— Повѣсти?... Пойдите!... А! точно.... теперь вспомнилъ.... Я читалъ ее, когда еще былъ мальчикомъ лѣтъ десяти, тогда эта повѣсть мнѣ очень нравилась.

— А теперь?

— И, ma tante! Вѣдь я ужъ не ребенокъ.

— Кажется, и я не дитя, Александръ, возразила съ примѣтною досадою княгиня: однако жъ я и теперь восхищаюсь этимъ образцовымъ произведеніемъ.... Можетъ-быть отъ того, что не похожу на этихъ бездушныхъ людей....

— Которые не смѣютъ голоса на дворянскихъ выборахъ, подхватилъ Прилуцкій: кузина! каковъ каламбуръ?

— Я каламбуровъ не люблю, а особливо, когда ихъ не понимаю, сказала очень сухо княжна.

— Такъ ты не знаешь, продолжалъ Прилуцкій, что на дворянскихъ выборахъ всѣ помѣщики, у которыхъ нѣтъ ста душъ, не имѣютъ голосовъ, и называются, смотря по ихъ состоянію, малодушными или даже вовсе бездушными?

— А я, сказала княгиня, называю бездушными тѣхъ, которые надъ всѣми смѣются, всѣми пренебрегаютъ, ничего не любятъ, для которыхъ хорошій страбургскій пирогъ пріятнѣе всякаго сердечнаго наслажденія....

— Ну, нѣтъ, ma tante! перервалъ Прилуцкій: вотъ если бъ вы сказали *сытнѣе*, такъ я не сталъ бы съ вами спорить.

— Да что съ тобою говорятъ, Александръ, Мы другъ друга никогда не поймемъ.

Прилуцкій улыбнулся и не отвѣчалъ ни слова. Впродолженіи этого разговора мы дошли до Старога-Симонова. Услужливый пономарь отперъ намъ церковь, показалъ надгробные камни Пересѣта и Ослаби, нѣсколько древнихъ иконъ и остался очень доволенъ двугривеннымъ, который далъ ему за труды Николай Степановичъ Соллхамской.

— Ну! сказала княгиня, когда мы сошли съ церковнаго погоста, теперь моя очередь быть вашимъ чичероне.

— Видите ли вы, вонъ тамъ, за городскимъ валомъ, эту семью унылыхъ березъ, онѣ растутъ на берегу пруда, въ которомъ утопуда бѣдная Лиза.

— Я вижу два дуба, сказалъ Прилуцкій, изъ которыхъ одинъ высохъ, да нѣсколько березъ, если не унылыхъ, такъ по-крайней-мѣрѣ, очень жалкихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, прервала княгиня, куда дѣвались эти огромныя, развѣсистыя березы, которыя склонялись такъ живописно надъ водою. Я помню, онѣ были все покрыты надписями.

— Да можетъ-быть мы и теперь найдемъ какія-нибудь надписи, сказалъ я.

— Но ужъ вѣрно не такія, подхватила княгиня, какія? сочили старину московскіе поэты. О! сколько въ этихъ стихахъ было истиннаго чувства. Нѣтъ! нынче не умѣютъ такъ писать! Я помню, одинъ изъ московскихъ поэтовъ, князь Платочкинъ, написалъ при мнѣ карандашомъ на березѣ четыре стиха; я ихъ не забыла:

Я здѣсь люблю мечтать
Подъ тѣнью березы,
О бѣдной Лизѣ вспоминать
И лить сердечны слезы.

— Не правда ли, Олинька, что эти стихи очень милы?

— Можетъ-быть, маменька; только мнѣ кажется, что и я бы могла написать такіе стихи.

— Тѣ-то и есть, что кажется, а попробуй, такъ и не напишешь. Нѣтъ, мой другъ, князь Платочкинъ былъ въ свое время известнымъ поэтомъ. Я помню, какъ мы все гонялись за нимъ въ Слободскомъ Саду, а онъ этого какъ-будто и не замѣчаетъ, идетъ-себѣ задумавшись, остановится, выветъ карандашъ, попишетъ у себя въ книжкѣ и пойдетъ опять. Конечно, Платочкинъ далеко не былъ такимъ поэтомъ, какъ авторъ бѣдной Лизы, но какіе онъ писалъ мадригалы, триолеты, такъ я тебѣ скажу, прелесть!... Ну вотъ мы и пришли!

Я помогъ княгинѣ взойти на земляную насыпь, которая окружаетъ со всѣхъ сторонъ небольшой прудикъ, болѣе похожій на дождевую лужу, чѣмъ на прудъ.

— Посмотрите, тетушка, сказалъ Прилуцкій, указывая одну березу: не при васъ ли были писаны эти стихи?

— Гдѣ, мой другъ? Гдѣ?

— А вотъ здѣсь! Видите? карандашомъ.

— Да, точно! Только я никакъ не могу разобрать. У тебя, Александръ, глаза по-моложе моихъ, прочти-на, мой другъ!

Прилуцкій не вдругъ разобралъ надпись, однако жъ прочелъ наконецъ, какъ-какъ, слѣдующіе стихи:

«Созданье легкое мимутнаго каприза,
Пустая выдумка и дичь.

Ну, что за Сафо эта Лиза?

И что за Ловеласъ, какой-нибудь Москвичъ.»

— Ахъ, Боже мой! Да это кажется эпиграмма?

— Да, тетушка! И мнѣ кажется, что это не мадригалъ.

— Хороши же ваши теперешніе стихотворцы!... Бездушники!
Да что и говорить; для нихъ нѣтъ ничего святаго!...

— Пойдите, тетушка! Вотъ еще другіе стихи — можетъ-быть эти лучше.

— Не вѣрю; если они писаны недавно, такъ вѣрно какая-нибудь гадость, однако жъ такъ и быть, прочти!

Прилуцкій прочелъ довольно бѣгло слѣдующее двустишіе:

«Ну можно ль поступить безумнѣе и хуже:

Влюбитъся въ сорванца и утопится въ лужѣ.»

— Фи, какая глупость! вскричала княгиня. Да ужъ не ты ли самъ все это сочиняешь, Александръ?

— Я, ma tante? Что вы! Да я и прозой-то по-русски плохо пишу.

— Ну, не правду ли я говорила, что въ наше время поэты были не то, что теперь: тогда умѣли чувствовать и выражали это въ прекрасныхъ стихахъ.... А нынѣшніе писатели что такое?... грязная проза, дурные стихи.... Неправда ли, Богданъ Ильичъ?

— Извините, княгиня, отвѣчалъ я: стихи нынче пишутъ вообще гораздо лучше прежняго, въ нихъ больше мыслей, но зато въ нихъ часто выражаются какія-то неистовыя, буйныя страсти. Эта модная поэзія, которую Французы называютъ *растрепанной* (*echevelée*) въ-отношеніи къ прежней нашей поэзіи, скромной, опрятной, но нѣсколько безцвѣтной, то же самое, что исполненная огня и силы безумная цыганская пляска сравненіи съ чиннымъ, благопристойнымъ; но почти безжизненнымъ менуэтомъ. Что жъ дѣлать, вѣкъ на вѣкъ не приходится. Въ наше время поэты ворковали какъ голубки, а теперь они режутъ, подъ-часъ, какъ дикіе звѣри. Бывало нѣжная мать, убаюкивая свое дитя, поетъ:

«Спи, мой ангелъ, уснокойся!

Баюшки-баю.»

А теперь въ какой-нибудь колыбельной пѣснѣ, тоже маленька поетъ:

«Спи, пострѣжь, пока невинный!

Баюшки-баю!

— Ахъ, что вы, что вы! вскричала княгиня. Да неужели въ самомъ дѣлѣ пишутъ такіе ужасы?

— И пишутъ, княгиня, и печатаютъ!

— А что жъ по-вашему, сказалъ Прилуцкій: лучше что ли это прежнее голубиное воркованье?

— Нѣтъ, Александръ Васильевичъ. По мнѣ и то и другое не хорошо. Можно и не ворковать и не бѣсноваться. А что можно, такъ это намъ доказывали и теперь доказываютъ писатели съ истиннымъ дарованіемъ, которые никогда не гонятся за минутнымъ успѣхомъ.

— Пойдемъ, Олинъка, перервала княгиня. Я не хочу здѣсь дольше оставаться. Богданъ Ильичъ, дайте мнѣ вашу руку. Ну, скажите мнѣ, продолжала она, идя со мною къ монастырю: не правда ли, что встарину все было лучше нынѣшняго? Не правда ли, что наше новое поколѣніе, наши молодые люди....

— Гораздо насъ по-моложе, княгиня? Да, правда. И, признаюсь, я за это на нихъ очень золъ.

— Вы всё шутите, а я васъ спрашиваю не шутя. Ну, скажите, на что они похожи?

— Я думаю, что они очень походятъ на то, чѣмъ мы были съ вами, лѣтъ тридцать нятъ тому назадъ. А если многое, что казалося намъ прекраснымъ, кажется имъ смѣшнымъ, такъ это весьма естественно. Вспомните, какъ мы смѣлялись надъ пудренными парпками и робронами нашихъ дѣдовъ и бабушекъ, а вѣдь они были увѣрены, что лучше наряда придумать не можно. Что жъ дѣлать, я ужъ вамъ сказалъ, что вѣкъ на вѣкъ не приходитъ; одни только страсти наши остаются неизмѣнными, а нравы, обычаи, понятія и общественныя условія не могутъ не измѣняться; чтобъ оградить ихъ отъ этого измѣненія, мы должны бы были, какъ наши сосѣди Китайцы, никого къ себѣ не пускать и сами ни куда не ѣздить. Всегда ли эти измѣненія бывають къ лучшему, это другой вопросъ; но что онѣ сдѣлались для насъ неизбѣжными, объ этомъ кажется и говорить нечего.

— Неизбѣжными! повторилъ Соликамской, который шелъ позади насъ вмѣстѣ съ Прилуцкимъ. Неизбѣжнымъ!... Да этакъ, пожалуй, кончится тѣмъ, что мы сдѣлаемся Французами или Нѣмцами.

— О, нѣтъ, любезный, сказалъ я: это совѣмъ другое дѣло. Намъ точно такъ же нельзя сдѣлаться Французами, какъ Французамъ Русскими. Всѣ эти измѣненія въ нравахъ и обычаяхъ, какъ необходимыя слѣдствія просвѣщенія, опыта и частныхъ сноше-

ній съ сосѣдними народами могутъ современемъ сблизить всѣ поколѣнія; но эти, такъ-сказать, кровныя, родовыя свойства каждаго народа, его недостатки и достоинства, хорошія и дурныя склонности, быть-можетъ, облекутся въ лучшія формы, получатъ другія названія, но въ существѣ своемъ останутся всё тѣ же. Напримѣръ, какое найдете вы сходство, у нынѣшнихъ Парижанъ съ тѣми, которые жили въ Парижѣ когда еще онъ назывался *Лютецією*? А несмотря на это совершенное измѣненіе въ понятіяхъ и образѣ жизни, Французы остались всё тѣми же Французами. Они, конечно, очень много переняли у своихъ завоевателей, однако жъ не сдѣлались Римлянами и даже вовсе не походятъ на Италіянцевъ, которые ведутъ свой родъ прямехонько отъ Римлянъ.

— Точно такъ же, какъ и мы, не сдѣлались Татарами, примолвила княжна.

— Да, Ольга Дмитріевна! Самобытность—эта жизнь народная, имѣетъ большое сходство съ отдѣльнымъ существованіемъ каждаго человѣка. Всякій изъ насъ былъ нѣкогда ребенкомъ, перенималъ все у тѣхъ, которые его по-старше, учился, потомъ выросъ, возмужалъ и сдѣлался совершенно не похожимъ на то, чѣмъ былъ прежде, а между-тѣмъ всё-таки не сталъ другимъ человѣкомъ, потому что для этого надобно переродиться.

Мы подошли опять къ монастырскимъ воротамъ.

— Александръ, сказала княжна: ты не хотѣлъ взойти съ нами на башню, такъ погляди хоть отсюда на Москву.

— И, кузина! отвѣчалъ Прилуцкій, какъ тебѣ не надобно восхищаться всё однимъ и тѣмъ же; ну, право, я начинаю думать, что ты приходишь въ восторгъ ддятого только, что это тебѣ къ лицу.

— А почему ты это думаешь? спросила княжна съ примѣтвой досадою.

— Да, да! Я увѣренъ, это все комедія, и надобно тебѣ отдать справедливость, ты мастерски разыгрываешь свою ролю.

— Знаешь ли, Александръ, что это становится несноснымъ! Такъ по-твѣду, нельзя любоваться этимъ прелестнымъ видомъ?

— Да чѣмъ тутъ любоваться, а особливо мнѣ? Я былъ въ Римѣ, въ Неаполѣ, смотрѣлъ съ колокольни Notre-Dame на Парижъ, все это мнѣ прискучило, надобно, *que voulez vous, ma chère?* — *Je suis blasé sur tout!*

— *Blasé!*... повторила княжна: это любимое словечко людей безъ всякой поэзіи, безъ чувства, безъ воображенія... Вѣдь имъ

надобно же оправдать чѣмъ-нибудь свое равнодушіе ко всему прекрасному.

Прилуцкій вспыхнулъ; но не отвѣчалъ ни слова. Мы ушлись по-прежнему въ линейку и поѣхали. Наша прогулка началась довольно весело, а кончилась очень скучно. Во всю дорогу никто не вымолвилъ ни слова. Прилуцкій дулся на свою кузину, княгиня гнѣвалась на стихотворцевъ, которые насмѣхались надъ бѣдною Лизою; Соликамской досадовалъ на Прилуцкого за его неуваженіе къ русской старинѣ. Одинъ я ни на кого не сердился, но отъ этого мнѣ легче не было. Вѣдь вовсе не весело ѣхать цѣлый часъ, бокомъ въ тряской линейкѣ, съ людьми, которые молчатъ и дуются другъ на друга. Когда мы доѣхали до Яузы, я сказалъ, что мнѣ нужно завернуть въ Воспитательный Домъ, простился съ княгинею, пересѣлъ въ коляску и отправился на свои Прѣсенскіе-Пруды.

М. ЗАГОСКИНЪ.

==

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ГЕКТОРЪ ФІЕРАМОСКА

ИЛИ

БАРЛЕТТСКІЙ ПОЕДИНОКЪ.

=

РОМАНЪ МАССИМО Д'АЗЕЛИО.

=

Отъ начала міра и до нашихъ дней птицъ ловятъ почти одною и тою же приманкою, и люди вѣчно попадаютъ въ одни и тѣ же сѣти. Едва-ли не самыя опасныя тѣ, гдѣ пускаютъ въ ходъ наше самолюбіе. Это было извѣстно дону-Микеле и, узнавъ слабость правителя города, онъ, какъ мы видѣли, разомъ прибралъ его къ рукамъ. Когда тотъ вышелъ изъ приемной Гонзалва, чтобъ отыскать городского служителя, онъ мечталъ, бросаясь въ тысячи различныхъ мыслей и не чувствовалъ подъ собою ногъ отъ радости, что нашелъ такого человѣка, который обещалъ ему подобныя чудеса. Правда, что иногда у него рождалось подозрѣніе, не обманщикъ-ли этотъ человѣкъ; поимѣя высокое понятіе о

Т. LXXXI. — Отд. II.

собственной предусмотрительности, онъ говорилъ какъ всѣ тѣ, которыхъ во всю жизнь проводить: «Меня ужъ не проведеть».

Въ назначенный часъ онъ былъ уже въ трактирѣ Солица. Но тутъ онъ ничего еще не могъ сказать до-ну-Микеле, потому что слуга, который, по его понятію былъ удивительнымъ смышленикомъ, общалъ много, сдѣлалъ мало и не открылъ ничего.

Вечеромъ за ужиномъ жена и служанка замѣтили, что вѣчто важное вертѣлось у него въ головѣ и не давали ему съѣсть сладкаго кусочка: дотога мучили его своими вопросами. Непостижимо было, какъ онъ не открылъ всего, потому что сохранить тайну, особенно если казалось ему, что она доставитъ ему извѣстность, для него было гораздо труднѣе, нежели удержать кашель тому, кто сильно кашляетъ. У него высказывали уже полу-намекъ. «Э, это я знаю!... если бы вы знали!... если только мнѣ удастся дѣльцо!...» Потомъ онъ съминуту подумалъ, испугался опасности, всталъ изъ-за стола, и, взявъ съ досады свѣчу, ушелъ спать.

Эта ночь показалась ему цѣлымъ столѣтіемъ. Наконецъ наступило утро, онъ одѣлся на-скоро, сошелъ на площадь и пои-стился у одного цирюльника, гдѣ до-ну-Микеле общалъ съ нимъ встрѣтиться. Онъ сѣлъ на скамейку въ лавкѣ, куда всякое утро приходили нотариусъ, врачъ, аптекаръ и двое или трое другихъ изъ главнѣйшихъ лицъ въ Барлеттѣ. Положивъ одну ногу на другую, онъ покачивалъ тою, которая была на воздухѣ. Левый локоть его прилегалъ къ тѣлу, а рука въ ладони держала локоть другой руки; пальцами этой онъ барабанилъ по подбородку, по-сматривая то въ ту, то въ другую сторону, не появится ли его новый пріятель, потомъ смотрѣлъ въ воздухъ, потому что тотъ не появлялся. Аптекаръ, нотариусъ и другіе говорили уже ему нѣсколько разъ:—«Доброе утро, синьоръ правитель»; но видя, что это не имѣетъ никакого успѣху и что онъ не удостоиваетъ ихъ отвѣту, они отодвинулись на почтительное отдаленіе, говоря между собою шопотомъ:

— Чтѣ за дьявольщина, чтѣ будетъ новаго нынче утромъ?

До-ну-Литтеріа оставалъ ихъ въ покоѣ и молчалъ, потому что въ его расположеніи были два рода взглядовъ: одинъ униженно-радушный для тѣхъ, которые были значительнѣе его; другой черствый и угловатый для тѣхъ, которые были ниже, и это, какъ всякій знаетъ, есть благой даръ, ниспосланный отъ небесъ всѣмъ глупцамъ.

Проведя такъ около получаса, онъ услышалъ за плечами го-лосъ:

— Ваше превосходительство, сеньоръ правитель.... не погнушайтесь.... право, собраны на росѣ.

Онъ обернулся и увидѣлъ садовника монастыря Святой Орсолы, Дженнаро Розамилло; который подпосылъ ему десятину, въ видѣ корзины съ вишнями, которыя онъ всякій день продавалъ на площади вмѣстѣ съ другими фруктами и зналъ по опыту, что, благодаря этой пошлнѣ, онъ могъ потомъ продавать, не имѣя никакого дѣла съ рыночными досмотрщиками.

— Да, вотъ я только и думалъ, что о твоихъ вишняхъ! отвѣчалъ донъ-Литтеріа. Однако жъ, посмотрѣвъ на корзинку, надулъ щеки и потомъ мало-по-малу выпустивъ сжатый во рту воздухъ, онъ взялъ съ особаго роду благороднымъ презрѣніемъ три или четыре виноградные листа, расположилъ ихъ на камнѣ въ видѣ блюда, насыпалъ на нихъ порядочную груду вишенъ, и привался ѣсть.

— А чтѣ, скажите правду, вѣдь хороши! Я вчера вечеромъ отнесъ ихъ одной госпожѣ и она мнѣ сказала, что никогда не видала лучше этихъ.

— А кто же эта госпожа?

— Госпожа Джиневра, та, чтѣ живетъ въ страннопріимномъ домѣ; говорятъ, что это важная госпожа изъ Неаполя; у нея есть, не знаю, мужъ ли, братъ ли, въ службѣ у сеньора Просперо и почти всякій день ѣздитъ навѣщать ее....

Садовникъ проговорилъ бы еще долго, потому что лаконизмъ никакъ не былъ его господствующимъ качествомъ; но между тѣмъ подошелъ донъ-Микеле, и, остановившись сзади за правителемъ, такъ что тотъ его не замѣтилъ, сказалъ, ударяя его по плечу:

— Это мы, сеньоръ правитель: мнѣ чтѣ-то сдается, что этотъ человѣкъ можетъ вывести насъ на путь истинный.... Позвольте... тутъ я самъ распоряжусь...

И онъ пустился разспрашивать Дженнаро, и скоро изъ отвѣтовъ его узналъ, что это точно была Джиневра, которую онъ искалъ. Нить была пайдена, остальное для него уже ничего не значило....

Оставалось пробраться въ монастырь, имѣть возможность рассмотреть мѣсто и распорядиться необходимыми средствами, чтобы захватить Джиневру въ свои руки; онъ видѣлъ, что правитель города можетъ принести ему, въ этомъ случаѣ, большую пользу. Слѣдовало вдохнуть въ него такую довѣренность, чтобы у него изъ головы вышло всякое подозрѣніе насчетъ прямоты его

щелей. Поэтому онъ отвелъ дона-Литтеріа всторону, и сказалъ ему :

— Надобно будетъ мнѣ объ ней поразспросить. Подождите меня въ трактирѣ Солнца; между-тѣмъ я посмотрю, не можетъ ли этотъ человѣкъ указать мнѣ того молодца, который такъ часто поѣщаетъ Джиневру.

Донъ-Литтеріа отправился къ трактиру, а донъ-Микеле, отвелъ садовника, туда, гдѣ тогда сѣбялась стража, и было множество солдатовъ и начальниковъ, спросилъ его :

— Ну что? Здѣсь онъ?

Дженваро посмотрѣлъ немного, увидѣлъ Фіерамоску, и сказалъ :

— Вотъ онъ....

А отъ одного изъ солдатовъ донъ-Микеле узналъ наконецъ, что нашелъ того, кого искалъ.

Спустя послѣ того пять минутъ, онъ съ правителемъ былъ въ трактирѣ, который въ такое время всегда былъ совершенно пустъ. Они сѣли одинъ противъ другаго по бокамъ стола, гдѣ стояли два стакана и одна кружка греческаго вина.

Донъ-Микеле началъ съ самымъ скромнымъ выраженіемъ лица :

— Открытіе сдѣлано. Но прежде чѣмъ я могу что-нибудь сдѣлать дальше, мнѣ надобно вамъ сказать два слова. Донъ-Литтеріа, я не мало побродилъ по свѣту и научился распознавать добрыхъ людей съ перваго взгляду. Хотя мы недавно знакомы съ вами, но по вашимъ разговорамъ я вижу, что въ мірѣ нѣтъ умалучше вашего.

Правитель видомъ изобразилъ отвѣтъ на льстивыя слова.

— Нѣтъ, нѣтъ, это ни къ чему не служить.... я говорю то, что я думаю. Вы меня не знаете. Если бы я думалъ противное, я бы просто-за-просто сказалъ вамъ : простите меня, господинъ правитель, но вы человѣкъ безмозглый. Поэтому, если бы я былъ обманщикъ, я бы поискалъ кого-нибудь другаго. Но я человѣкъ честибѣйшій, какого только можно отыскать, и пусть придетъ кто захочетъ, я не побоюсь имѣть дѣло съ такимъ, который смотритъ въ оба. Теперь я хочу вамъ разсказать все и вамъ не будетъ надобности вѣрить однимъ словамъ: увидите дѣла, и тогда можете узнать, съ благороднымъ ли человѣкомъ имѣете дѣло.

Тутъ онъ началъ свои расказы: что онъ былъ великимъ грѣ-

шикомъ, и для испрошенія помилуванія пошелъ къ Святому Гробу; что наконецъ его разрѣшилъ одинъ пустынникъ горы Анванской, заложивъ на него эпитимю, чтобъ онъ семь лѣтъ ходилъ по свѣту, и гдѣ бы ни нашелъ сдѣлать какое-либо доброе дѣло, какого бы роду оно ни было, долженъ былъ дѣлать даже съ опасностью своей жизни, довольствуясь бѣдною и низкою долею; что онъ, дѣйствуя такимъ образомъ, употреблялъ на благо людей силы и званія, приобретенныя въ долгихъ путешествіяхъ по Персіи, Сиріи и Египту.

— Теперь, продолжалъ онъ: вы поймете, почему мнѣ такъ хочется освободить вашего друга отъ его любви, и отъ тѣхъ опасностей, которыя могли бы довести его душу до вѣчнаго осужденія. Его любезная, безъ-сомнѣнія, та спябора Джиневра, что живетъ въ монастырѣ Святой Орсолы. Теперь вамъ остается только свести меля съ нею. Но вы можете подумать, не обманщикъ ли я? И потому можетъ-быть не захотите ввести въ это святое жилище, человѣка, котораго вы не знаете: никакъ не скрою, вы имѣете тысячу правъ на такое опасеніе.

Донъ-Литтеріа изгибался въ три-погибели.

— Я не возражаю вамъ, вы имѣете тысячу правъ; ни у кого на лбу не написано, что онъ честный человѣкъ. И между-тѣмъ сколько есть на свѣтѣ бездѣльниковъ! Но когда бы я показалъ вамъ, что, съ помощію Божіею, довольно одного моего взгляду, для того чтобъ извлечь сокровище изъ земной утробы, остановить бѣшенство ружейной пули, и совершить многое другое, еще труднѣйшее.... вы все это увидите, я сдѣлаю при васъ, и все доставшееся будетъ вашимъ, не прошу ни зерна; довольствуясь тѣмъ не многимъ, тѣмъ могу поддержать бѣдную жизнь мою.... тогда вы должны будете сказать: Этотъ человѣкъ могъ бы сдѣлаться богатымъ и жить въ достаткѣ, а вмѣсто-того онъ бѣденъ и живетъ своими трудами; такъ видно, что онъ говоритъ правду, и его никакъ нельзя считать плутомъ. Еще два слова и я кончу. Многіе пользовались тѣмъ, что я былъ у нихъ, вы тоже можете этимъ воспользоваться. Подумайте и рѣшайтесь скорѣе. Эпитимія, которую я долженъ выполнить, обязываетъ меня ходить по свѣту, не останавливаясь ни въ какомъ мѣстѣ больше недѣли.

Эта рѣчь, которую правитель города слушалъ открывъ ротъ и не переводя дыханія, сдѣлала то, что онъ устыдился самъ себя, что могъ подумать худо объ этомъ человѣкѣ. Во всякомъ слу-

чая, чтобъ показаться предусмотрительнымъ, онъ отвѣчалъ, что если бы только онъ увидѣлъ какое-нибудь изъ этихъ доказательствъ, тогда остальному повѣрилъ бы очень охотно.

Согласившись на этомъ, они разстались съ тѣмъ, чтобъ донъ-Микеле какъ-можно скорѣе показалъ свои таинственныя знанія, и между-тѣмъ употребилъ бы свое искусство на то, чтобъ узнать, не сокрыто ли гдѣ въ окрестности какое-нибудь сокровище.

Настроивъ такимъ образомъ правителя города и вида, что обманъ шелъ удачно, донъ-Микеле мало-по-малу началъ изготавлять ловушку. Онъ отыскалъ Боскерино и сказалъ ему, что для службы герцога ему нужно его пособіе; трепеща, какъ основной листъ, при одномъ имени герцога, тотъ отвѣчалъ, не зная даже о чемъ шло дѣло:

— Я готовъ на все.

Донъ-Микеле, не открывая ему пока ничего, сказалъ только:

— Подожди меня за воротами, что въ той сторонѣ, гдѣ островъ и которые ведутъ къ монастырю Святой Орсопы.

Перемирие между войсками, принятое французскимъ военачальникомъ, позволяло осажденнымъ выходить за-городъ. Боскерино явился на мѣсто и вскорѣ за нимъ донъ Микеле, неся подъ-мышкою какой-то свертокъ.

Кто хотѣлъ бы слѣдовать за ними, увидѣлъ бы, что они пошли вдоль берега, почти съ милою за мостъ, соединявшій островъ съ твердою землею; тутъ повернувъ влѣво, они скрылись между кустарниками одной пустой долины и вошли въ дровяную, небольшую запущенную церковь, которая много уже лѣтъ служила кладбищемъ. Но чтобъ не повторять два раза, мы подождемъ темной ночи, тогда сдѣлаемъ это путешествіе и надѣемся, что читатель будетъ благодарить насъ за такое сбереженіе времени.

Скажемъ только, что около двадцати-двухъ часовъ появился на площади одинъ донъ-Микеле, подошелъ къ правителю города, который сидѣлъ у лавки цирюльника, и сказалъ ему на-ухо:

— Мѣсто найдено. Сегодня вечеромъ въ три часа ночи я буду у вашихъ воротъ. Не заставляйте себя дожидаться.

Въ самомъ дѣлѣ въ три часа донъ-Микеле былъ на назначенномъ мѣстѣ. Правитель города вышелъ; заперъ двери, тщательно, безъ шума, и тихо, молча пройдя улицы и темные переулки (потому что тогда не было фонарей), они скоро очутились за городомъ.

Вотъ они, идутъ, идутъ долго. Слышать, что четыре часа уда- рило въ зѣмки, но звуки были глухи и такъ ясно доходили до нихъ, какъ-будто бы они были заглушены вѣтромъ; въ это вре- мя они прошли мимо монастыря Святой Орсомы и, пробираясь всё по берегу, приближались къ опустѣлой церкви. То была пустынная, дикая долина, усѣянная мелкими кустами. Тропинка, по которой шли донъ-Микеле и донъ Литтеріа, потерялась въ песокъ, въ которомъ они влизи чуть не по колѣно. По мѣстамъ встрѣчались русла высохшихъ ручьевъ, наполненныхъ ва- лунами и большими камнями, принесенными водою; путники преодолевали эти препятствія, хотя расположеніе духа у того и другого было совершенно различное.

Донъ-Микеле, привыкшій больше ходить ночью, чѣмъ днемъ, шелъ впередъ твердымъ шагомъ. Другой, которому во всю жизнь не удавалось, можетъ-быть и двухъ разъ быть за-городомъ по- слѣ Ave-Maria, шелъ съ усильнымъ движеніемъ; безпрестанно смотрѣлъ вокругъ себя и въ сердцѣ проклиналъ минуту, когда вышелъ изъ дому; и точно, не добрый былъ для него выходъ. Ему было какъ-то неловко при мысли, что онъ ночью, далеко отъ обиталища, съ человѣкомъ, о которомъ не зналъ ничего, ни кто онъ такой, ни откуда.

Однако жъ, по временамъ онъ старался приободриться и ино- гда вполголоса напѣвалъ три или четыре ноты, на пятую у него не доставало уже дыханія; потомъ вдругъ ему послышится шумъ между кустами, и при слабомъ блескѣ луны, задернутой облаками, покажется, будто онъ видитъ изъ-дали, то прячущагося челоуѣка, то какой-нибудь странный образъ, привидѣніе, и тутъ онъ по-тихоньку начиналъ читать *requiem* или *de profundis*. Въ такомъ расположеніи вышли они въ просѣкъ лѣсу, гдѣ по среднѣ вѣ возвышалась церковь.

На дверяхъ ея были нарисованы разные скелоты, прямые, вы- тянутые, съ митрами, тройными вѣицами и простыми коронами на головѣ и держали въ рукахъ развѣвающіеся свитки, на кото- рымъ были написаны латинскіе стихи: *Beati mortui qui in Do- mino morientur. Miseregi mei* и прочее, и хотя при свѣтѣ луны весьма трудно было прочесть надписи, но изображенія мер- твыхъ сами по себѣ уже производили сильное дѣйствіе. Донъ- Микеле отъкрылъ фонарь и началъ отворять ворота. Правитель города остановился на нѣсколько шаговъ назадъ и понявъ намѣ- реніе товарища, испустилъ самое жалобное *адъсь!* дотога испол-

ненное страху, что вызвалъ невольную улыбку на сибиритян, тонкія губы донъ-Микеле.

— Теперь соберитесь съ духомъ, сказалъ донъ-Микеле: потому что въ такихъ мѣстахъ съ трусостью не много сдѣлать, а подчасъ могутъ случиться и несчастія. Тотъ, кто съ вами, все дѣлаетъ во имя Божіе, и чтобъ показать вамъ, что я однимъ этимъ пнемемъ заклинаю души усопшихъ, начнемъ молитвою.

Тутъ онъ сталъ на колѣни и началъ бормотать шисегеге и другія молитвы, на которыя донъ-Литтеріа отвѣчалъ, какъ-только могъ лучше, произнося въ душѣ обѣтъ, если онъ только выйдетъ живъ, всякую субботу ставить свѣчку Святой Фоскѣ и поститься наканунѣ дня поминовенія всѣхъ усопшихъ. Кончивъ молитву, они двинулись впередъ. Полусгнившая дверь, которая едва держалась на заржавленныхъ скобкахъ, распахнулась и чуть-чуть не повалилась, когда донъ-Микеле толкнулъ ее ногою. Они вошли, раздирая чулки о терновникъ, которымъ заросъ давно оставленный входъ въ церковь.

На полу были набросаны кости мертвыхъ. Въ углу одръ, стѣданный червями, и разсыпавшійся въ прахъ, нѣсколько лонатъ, которыя Богъ знаетъ когда служили могильщикамъ; это было единственнымъ украшеніемъ оставленнаго храма. Нѣсколько сотъ летучихъ мышей, при видѣ двухъ посѣтителей съ фонаремъ, поднялись въ безпорядкѣ, испуская жалобные крики, ударяя крыльями по стѣпамъ и лица убѣжища вверху готической колокольни, которой основаніе было подлѣ большаго алтаря.

Мѣсто, уединеніе, поздній часъ, все это было таково, что если и не навело бы страху, то непременно расположило бы всякаго къ мыслямъ о мертвыхъ и смерти, а бѣдный донъ-Литтеріа, который, когда солнце было высоко надъ горизонтомъ, думалъ объ этой минутѣ преспокойно, теперь, находясь на самомъ мѣстѣ, понялъ какъ велика была разница между словами и дѣломъ.

Онъ смотрѣлъ на кости, разбросанныя подъ его ногами, на позеленѣвшія отъ сырости стѣвы, по мѣстамъ еще покрытыя древнею живописью и стоя прямо, посрединѣ церкви, схвативъ одну руку другою, ожидалъ конца этого испытанія.

Донъ-Микеле положилъ на землю узелъ, который принесъ съ собою, вытащилъ оттуда книгу заклинаний, надѣлъ на себя черную одежду съ кабалистическими знаками, и началъ палочкою обводить кругъ съ тысячею обрядовъ; потомъ, оставивъ мѣсто для входа въ этотъ заколдованный кругъ, сказалъ правителю го-

рода, чтобъ онъ вступилъ туда сверху лѣвою ногою и дать ему въ руки магическій жезлъ, началъ бормотать слова латинскія, греческія и еврейскія, то называя по именамъ сотни демоновъ и призывая ихъ во имя предвѣчнаго Творца, то повышая, или понижая голосъ и по временамъ дѣлалъ остановки, впродолженіи которыхъ звуки его голосу раздавались подъ сводами. Нѣсколько летучихъ мышей, пользуясь минутами тишины, пролетали навѣвая вѣтеръ на лицо правителя городу, между-тѣмъ какъ онъ, сжавшись и трепеща воѣмъ тѣломъ, казался совершенно охладѣвшимъ. Ежеминутно боялся онъ, чтобъ не увидать, какъ изъ этихъ нпшей выходятъ настоящіе скелеты, изображенія которыхъ были нарисованы на воротахъ церкви и просилъ Бога, чтобъ по безконечному Своему милосердію, Онъ уничтожилъ бы заклинанія страшнаго его товарища.

Между-тѣмъ какъ онъ, стоя на колѣнахъ, молился такимъ образомъ, кто-то ударилъ его по плечу; донъ-Литтеріа поднялъ глаза и съ ужасомъ увидѣлъ, что уголь подъ колокольнею полонъ блѣднаго синеватаго свѣту и что изъ одной могилы тихо, едва-едва двигаясь, встаетъ челоѣчскій образъ, покрытый длиннымъ покрываломъ, въ какое обыкновенно завертываютъ трупы умершихъ.

Привидѣніе оставалось неподвижно и мы уже не будемъ говорить, что стало съ правителемъ города. Донъ-Микеле наклонился ему на-ухо и сказалъ:

— Ну же, бодрѣе, теперь-то и нужно показать твердость духа; скорѣе, ну, что ли, спрашивайте чего хотите.

Все было безмолвно, правитель города не хотѣлъ ни двигаться, ни отвѣчать, даже не въ-сплахъ былъ отказаться отъ предложенія.

Не могли добиться ничего, донъ-Микеле сказалъ привидѣнію нѣсколько словъ на неизвѣстномъ языкѣ, и оно вмѣсто отвѣта медленно подняло руку, показывая на могилу, съ которой камень былъ уже сдвинуть.

— Поняли ли вы?... оно говоритъ, что, разрывъ эту гробницу, мы найдемъ столько флориновъ, что будемъ довольны.

Но, казалось, что товарищъ его не слышалъ ничего. Видя, что вѣтъ надежды заставить его двинуться, донъ-Микеле отправился къ гробницѣ одинъ и легко вошелъ туда. Немного спустя онъ принесъ оттуда желѣзный сундукъ, полу-покрытый землею и рассыпалъ передъ дономъ-Литтеріа множество золотыхъ монетъ, или

по-крайней-мѣрѣ монета, которая называлась золотымъ. Онъ поклялся по землѣ; но даже и видъ этого сокровища не возвратилъ дыхания въ тѣло того, кто пустился на такіа нехотѣнія, единственно только для того, чтобъ найти богатства и овладѣть ими.

Еще послѣдняя монета не успѣла упасть на плечу другихъ, какъ-вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась, и въ щель вошли пятнадцать или двадцать человѣкъ съ разбойничьими лицами; они были вооружены копьями и ножами; въ одну секунду они схватили двухъ молодцовъ, приставили имъ оружіе къ горлу и къ груди.

Донъ-Мигеле едва имѣлъ время ухватиться за мечъ, но почувствовавъ, что три или четыре ножа распарываютъ его плащъ и что нѣкоторые изъ нихъ даже немалого его уже и покалываютъ, онъ увидѣлъ, что лучше ему оставаться безъ движенія, и что иначе онъ не будетъ живъ.

Прявитель города, прежде уже былъ детого испуганъ, что это новое происшествіе, не могло произвести на него никакого видимаго дѣйствія. Онъ остался, какъ былъ, съ выпученными глазами, голова ушла въ плеча, руки невольнымъ движеніемъ сложились вѣстѣ; сухіе и костлявые пальцы сжались съ такою силою, что почти вошли въ кожу и онъ проговорилъ глухимъ голосомъ :

— Не убивайте меня, я нахожусь въ смертномъ грѣхѣ *.

Фонарь перевернулся въ этой суматохѣ и освѣтилъ эту страшную шайку сипзу. Разбойники, видя, что два схваченные не могутъ и не хотятъ защищаться, стояли неподвижно. Шайка, казалось, была составлена изъ того недобраго народа, который въ тѣ времена назывался вольницею. Теперь называютъ ихъ разбойниками, убійцами и тогда они были то же самое, но подъ именемъ вольницы, состоявшей болѣею частию изъ солдатовъ, оставшихся знамена и соединившихся подъ начальствомъ какого-нибудь предводителя, чтобъ грабить въ деревняхъ и дѣлать всё возможныя насилія.

Нѣкоторые изъ этой шайки были въ одномъ нагрудникѣ, или

* Эта причина, чтобъ сохранить жизнь и по-нынѣ еще имѣетъ сильную власть на людей, которые въ окрестности Рима называются разбойниками. Написавшій эти странницы знаетъ человѣка, который такимъ образомъ избавился отъ смерти, безъ этого можетъ-быть неважною.

въ шпильдъ, другіе въ одномъ желѣзномъ шлемѣ; кто съ мечомъ, кто съ кинжаломъ, кто съ посохомъ, многіе въ остроконечныхъ шляпахъ, на которыхъ разбивались перья и ленты, и почти все, или на груди, или на головѣ носили изображеніе какой-либо Богородицы. Многіе вмѣсто сапоговъ носили саждали, въ которыхъ имъ было лучше держаться и карабкаться по горамъ.

О лицахъ нечего и говорить. Съ длинными бородами и еще длиннѣйшими усами, пещасные и растрепанные, они казались сорвавшимися съ цѣпи демонами.

Одинъ изъ нихъ бросивъ на землю арканъ, которымъ держалъ за горло правителя города, вырвалъ у него и у его товарища ихъ оружія и разорвалъ на нихъ одежду, чтобъ посмотреть, не было ли у нихъ скрытано какого-нибудь другаго опаснаго.

Во время этой суматохи, привидѣніе, сбросивъ съ себя саванъ, сдѣлалось человѣкомъ этого свѣта, и пошло на колокольню; сѣло тамъ на перекладню, и ухватившись за камень, выставившійся изъ стѣны, ожидало удобнаго случая, чтобъ убѣжать, оставаясь въ темнотѣ такъ, что его не было видно, оно могло превосходно наблюдать за всѣмъ, что происходило въ церкви.

Между-тѣмъ начальникъ бездѣльниковъ, юшоша, которому едва ли было больше семнадцати лѣтъ, но страшный и сильный съ виду, съ рубцомъ, проходившимъ по всей длинѣ лба и прибавлявшимъ лбу на палецъ высоты, ударилъ кулакомъ подъ бокъ правителя города. Нельзя было найти средства дѣйствительнѣе этого, чтобъ испугать отъ безпамятства почтеннаго донъ Литтеріа. Онъ вскопчалъ, не ожидая вторичнаго побужденія. Разбойники отвели его и дона-Микеле въ уголъ, связали и приставили къ нимъ караулъ; между-тѣмъ нѣкоторые изъ шайки считали золото при свѣтѣ фонаря. Они сложили деньги въ мѣшокъ, висѣвшій у атамана на поясѣ и вышли все вмѣстѣ, взявши съ собою плѣнниковъ, которымъ съ учтливостью, какую всегда употребляетъ народъ такого разряда, велѣли идти скорѣе, если только имъ не угодно попробовать ихъ копій.

Пройдя съ пол-мили по травѣ, гдѣ не было и слѣда тропинокъ, они остановились и завязали обонмъ глаза.

Страхъ отыскалъ голосъ у правителя города; онъ началъ упрашивать, плача, какъ ребенокъ; разбойники позабавились надъ его слезами и предоставили ему дѣлать, что ему было угодно, нисколько впрочемъ не облегчивъ его участи.

Но донъ-Микеле, который въ этотъ промежутокъ времени

успѣлъ обдумать, что будетъ хуже, хотѣлъ-было попытаться, войти въ переговоры, чтобъ выбраться изъ ихъ руки, но при первомъ словѣ ему зажали ротъ нулкомъ, такъ неосторожно, что у него два зуба проскочили въ гортань. Не могли ни видѣть, ни говорить, онъ наострилъ уши. Онъ слышалъ, какъ воры разсуждали между собою, о дѣлежѣ денегъ и вѣшничковъ; услышалъ, какъ они говорили о выкупѣ и дѣлали предположенія кто бы изъ двухъ могъ заплатить больше. Между различными головами, говорившими на разныхъ нарѣчiachъ, всѣ однако жъ на италіанскомъ языкѣ, онъ разслушалъ одинъ, произносившій слова иностраннаго и какъ-будто бы вѣмецкiя, но въ самую лучшую минуту своихъ слуховыхъ наблюденій онъ почувствовалъ, что его схватили нѣсколько рукъ и взбросили на плеча двухъ человѣкъ, которые начали удаляться отъ собранія такъ, что онъ не могъ угадать какое пришили они направленіе.

Путешествіе продолжалось больше часу съ промежутками, продолженіемъ которыхъ донъ-Микеле былъ, не совсѣмъ осторожно, складываемъ на землю и косильщики отдыхали.

Наконецъ они остановились. Послышался шумъ отворяющихся огромныхъ воротъ. Они вошли, ворота снова заперлись и заму-мѣли позади ихъ. Здѣсь развязали донъ-Микеле, и потомъ, отвѣдя на нѣсколько шаговъ впередъ, ему развязали тоже и глаза, и онъ очутился въ комнатѣ, куда черезъ щель входилъ немного свѣтъ луны. Въ одной стѣнѣ были маленькая и низенькая дверца, вся окованная задвижками; она была отворена и какой-то голосъ сказалъ ему: — «Ступай туда». Донъ Микеле наклонился, чтобы войти и пока пробовалъ ногою не было ли тутъ приступковъ, толчокъ подъ бокъ, давший тупымъ концомъ копья, заставилъ его долетѣть скорѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, до конца лѣстницы, и такимъ образомъ, что ему никакъ невозможно было сосчитать на сколько ступенекъ онъ опустился внизъ. Задвижка, которая со скрипомъ взшла въ свое мѣсто, показала дону-Микеле, что уже не было надежды выйти въ дверь.

Мѣсто это было чрезвычайно темно. Онъ началъ трогать зубы, которые сильно болѣли отъ полученнаго удара, и почувствовалъ, что руки его были мокры, а поэтому понялъ, что изъ рта шла кровь и смекнулъ, что ему уже не слѣдовало разсчитывать на тридцать два зуба, а только всего на тридцать.

— Если бы чортъ тебя задушилъ, да и отца твоего, какъ и слѣдовало бы, тогда зубы мои не были бы разбросаны по ку-

старинку, сказалъ онъ, обращаясь мысленно къ тому, кто посылалъ его на это похождение.

Однако жъ онъ всѣми силами старался пріободриться и размахивая руками, пробовалъ узнать, гдѣ находится. Тутъ онъ замѣтилъ, что изъ одной щели сверху пробивался слабый свѣтъ, и ему послышалось, что снаружи ударяетъ объ стѣну морская волна. Ощупывая кругомъ ногами, онъ нашелъ въ одномъ углу небольшую связку соломы; видя, что дѣлать было нечего, онъ растянулся на ней и сталъ ждать, что пошлетъ ему судьба.

Безъ-сомнѣнія читатель угадалъ, что привидѣніемъ былъ не кто иной, какъ Боскериво.

Ему-остается узнать, какимъ образомъ шайка вольницы нашлась въ готовности, чтобъ возмутить напередъ заготовленную плутню донъ-Микеле. У донъ-Литтеріа была служанка, красивая и свѣжая, по случаю которой можно было бы даже вознѣмить подозрѣніе насчетъ твердости его супружеской вѣрности. Эта дѣвушка, уступая вѣжности пятидесяти-лѣтняго господина, не была впрочемъ нечувствительна и ко вздохамъ конюшеннаго прислужника, бывшаго въ его домѣ. Цѣпью этой любви тайна правителя города, вѣсть о томъ, что онъ долженъ въ эту ночь итти отыскивать сокровища, дошла до конюшеннаго прислужника. Тотъ былъ въ дружбѣ съ нѣкоторыми изъ шайки Піетраччіо, такъ звали молодого атамана, и устроилъ дѣло такъ, чтобъ въ случаѣ, если бы нашли сокровище, хотя небольшая часть дошла бы и къ нему, вмѣсто-того чтобъ всей цѣлкою пойти въ кошелекъ его господина.

Теперь, прежде чѣмъ мы воротимся къ донъ-Микеле, необходимо, чтобы читатель познакомился съ мѣстомъ, гдѣ происходили происшествія, которыя намъ слѣдуетъ разсказать.

Въ концѣ моста, ведущаго на островокъ Святой Орсолы, была четвероугольная башня, тяжелая, почти такая же, какалъ стоитъ на мосту Лапентавскомъ, по дорогѣ изъ Рима въ Сабину. Дорога была преграждена толстыми воротами, опускаемою рѣшеткою и подъемнымъ мостомъ. По второй лѣстницѣ входили въ два верхіе яруса, гдѣ помѣщались начальникъ и солдаты; на самомъ же верху была площадка, окруженная зубцамп; между ними видѣлись два фальконета.

Игуменья монастыря, облеченная правомъ полною владѣтельница, держала тамъ на стражѣ отрядъ изъ осьмидесяти пѣшихъ, копьеносцевъ и пищальниковъ, предводимыхъ однимъ Нѣмцемъ,

Мартыномъ Шварценбахомъ, воемнымъ солдатомъ, который приходилъ для себя гораздо удобнѣе, оставаться въ этой башнѣ, гдѣ ему хорошо платили и еще лучше кормили, нежели мучить жизнь въ полѣ и на войнѣ, гдѣ за преступленія, угнетеніе и грабительство народа часто платили пинжалною пулею или остриемъ вояль. У него были три господствующія страсти: быть вдали отъ непріятностей, грабить и вить вина столько, сколько могъ вмѣщать его желудокъ, который въ этомъ случаѣ врядъ-ли уступалъ бочкѣ.

Эти три склонности можно было читать у него на лицѣ: двѣ первыя въ глазахъ, исполненныхъ въ одинаковой степени жадности и трусости; послѣднюю въ чрезвычайной краснотѣ, которая все сосредоточивалась на щекахъ и на носу, отчего остальные части лица казались блѣдыми, хотя вовсе не были такими. Борода рѣдкая, цвѣту козлиной бороды, губы фиолетовыя, и тѣло, которое было бы способно противостоятъ трудностямъ войны, если бы повойки не сдѣлали его въ сорокъ лѣтъ валимъ и изможденнымъ, какъ-будто бы ему было семьдесятъ.

Должность его состояла въ томъ, чтобъ заперать по вечерамъ ворота. Войска, дѣйствовавшія въ окрестностяхъ, не имѣли непріязненныхъ намѣреній противъ монастыря, и потому опасаться было нечего. Шайки вольницы, грабившія села, не осмѣлились бы осадить осемьдесятъ человекъ, запертыхъ въ крѣпкой башнѣ, вооруженной двумя фальконетами. Но тутъ была еще другая причина, позволявшая Мартыну Шварценбаху спать спокойно, хотя онъ и былъ окруженъ этими людьми. Онъ условился съ игуменьею охранять монастырь, но поэтому онъ не считалъ себя обязаннымъ быть охранителемъ и защитникомъ червонцевъ, флоринцовъ и имущества обитателей тамошнихъ окрестностей, ни того, кто проходилъ по нимъ. Такъ какъ, впрочемъ, онъ не могъ самъ, собственными руками, шарять въ кошелькахъ, то и имѣлъ участіе въ торговыхъ дѣлахъ Пістраччіо и служилъ ему защитою, помогая ему своими воинами, когда того требовала необходимость, скрывалъ деньги, платье, а также и людей, когда попадались такіе, за которыхъ можно было ждать большаго выкуна.

Эти продѣлки производимы были, съ такою осторожностью, что оскорбленные готовы были бы обвинить всякаго, но никакъ не Мартына, за которыхъ только всего и было, что онъ слылъ первымъ пьянцемъ во всемъ околоткѣ.

Въ эти-то руки и пошелъ донъ-Микеле, который провелъ всю ночь въ раздумьѣ, угадывая, гдѣ онъ находился. На зарѣ услышалъ онъ три шумные выстрѣла, которые обыкновенно каждый день дѣлали съ барлеттской крѣпости. Онъ кое-какъ добрался до длинной щели, сквозь которую проходилъ свѣтъ, но отверстіе дотого заросло плющомъ, что въ него ничего не было видно, кромѣ небольшой частицы моря. Пока онъ присматривался, прѣехала лодка, наполненная овощами и въ томъ, кто ею управлялъ, онъ узналъ садовника монастыря Святой Орсолы; тутъ онъ догадался, что находится въ подвалѣ башни, защищавшей входъ въ монастырь.

Едва онъ сошелъ съ мѣста, откуда наблюдалъ, какъ дверь тюрьмы открылась и два сильныхъ человѣка вытащили его отсюда и велѣли ему идти по лѣстницѣ въ комнату капитана.

Этотъ господинъ только-что всталъ съ постели и сидѣлъ на краю кровати, передъ столомъ, покрытымъ разбросанными остатками вчерашней попойки. Вѣшалка, обходявшая вокругъ всей комнаты по стѣнѣ, была вся увѣшана кошельми, пижалами съ вилами, желѣзными нагрудниками и другими оружіями. Онъ взглянулъ на вшедшаго донъ-Микеле, глазами, которымъ казалось было тяжело поднять раскраснѣвшіяся и капущія вѣка и постукивая набукомъ сапога по полу, сказалъ ему:

— Ты долженъ знать, что кто проводитъ ночь въ моемъ трактирѣ, тотъ платитъ сто флоринновъ, въ десять лиръ флорентинскаго монетнаго двора, или, если тебѣ угодно, монетнаго двора Святаго Марка. А иначе веревка, камень на шею, да морская купальня спасутъ тебя отъ платы за грѣхи твои. Ну, что для тебя лучше?

— Чтѣ будетъ лучше для меня, то не будетъ лучше для тебя! сказалъ донъ-Микеле спокойно. Вчера вечеромъ ты схватилъ двоухъ, но мы были не одни въ той церкви. Тамъ былъ еще кто-то, кого вы не видали; онъ видѣлъ тебя, знаетъ тебя и теперь въ Барлеттѣ уже извѣстны ваши разбойничества и тебѣ скорѣе придется попробовать морской купальни чѣмъ маѣ, если только ты не найдешь средства попрепятствовать тремъ или четыремъ сотнямъ Каталонцевъ и Страдѣоттовъ, разбить въ дребезги твои ворота; или если будешь въ состояніи упресить ихъ повѣсить тебя на одномъ изъ башенныхъ зубцовъ, вмѣсто того чтобъ заставить тебя помириться съ водою, которая, потому что я вижу, осадила бы тебя съ перваго разу.

Эта мысль пришла ему при видѣ полу-бочки, которую Пѣвецъ держалъ въ головахъ у кровати.

Возраженіе, сдѣланное такъ съ-высока, заставило комманданта вытануться и онъ, насунувши колпакъ на глаза, сказалъ:

— Что? ты думаешь, что вѣдомъ дѣло съ какимъ-нибудь мальчишкой и что испугаешь меня твоими выходками? Во-первыхъ, предупреждаю, что я тебѣ не вѣрю, а потомъ, если бы и пришли твои Албанцы, или какого тамъ дьявола ты наговорилъ, я не боюсь ни ихъ, ни моря, ни башеннаго зубца, — и я не знаю, отчего я еще не велѣлъ вадернуть тебя на веревкѣ. Но мнѣ нравится больше звукъ твоихъ «форинновъ», чѣмъ карканье вороновъ, которые прицѣпили бы клевать глаза твои. И такъ обратися же къ дѣлу; тутъ надобно писать; распорядися, чтобъ тебѣ прислали денегъ, а потомъ ступай съ своимъ горемъ куда тебѣ угодно.

Донъ-Микеле, не тороясь отвѣчать, смотрѣлъ на него съ улыбкою человѣка, который, не боясь нисколько за себя, стоитъ въ нерѣшимости, принимать ли ему все въ шутку или за дѣльное. Гнѣвъ начальника готовъ былъ выказаться и даже можетъ быть болѣе нежели какъ одними словами, но его предупредилъ отвѣтъ донъ-Микеле:

— Коммандантъ, тебѣ нравятся «форинны», впрямъ тебѣ не противно; ты долженъ быть славный товарищъ. Таковъ и долженъ быть настоящій солдатъ: плутъ, обжора и не сильно набоженъ. Скажи же, какой чортъ учить тебя злости? Слушай, я хочу чтобъ мы были съ тобою друзьями. Правда, что мнѣ слѣдовало бы заплатить за ночь, которую ты заставилъ меня провести здѣсь и если бы не было.... но, я тебя прощаю и вмѣсто-того хочу тебѣ же доставить барышъ....

Тутъ онъ оборотился, смотря на тѣхъ двухъ, которые приехали его и еще держали за руки.

— Скажите, молодцы, что, вамъ развѣ нечего дѣлать, что вы стоите тутъ на пустякахъ? Ступай, красавчикъ, сказалъ онъ, оторвавшись отъ одного и шутя ударяя его по лицу; потомъ, высвободившись такимъ же образомъ отъ другаго, онъ продолжалъ: — Ступай, ступай и ты тоже; мнѣ васъ не нужно; я держусь на ногахъ и безъ васъ. Ступайте и смотрите въ оба, не покажется ли кто на барлеттской дорогѣ. Что касается до насъ, я хочу сказать два слова капитану. Ну, что вы выпучили глаза? вы видите, что у меня нѣтъ оружія и что мнѣ не съѣсть его на то-

щакъ. Чортъ возьми! на это надобно бы желудокъ не хуже ва-шего.

Солдаты, которые, такъ же какъ и Мартинъ, были поражены такою развязностью, въ недоумѣнн смотрѣли на своего начальни-ка. Тотъ головою сдѣлалъ знакъ согласія и они вышли. Но остав-шись одинъ съ донъ-Микеле, онъ почелъ благоразумнымъ встать на ноги и быть недалеко отъ своего меча.

— Комедантъ! ты просилъ съ меня сто гульденовъ выкупу; я никакъ не думалъ, что стою такъ мало и чтобъ научить тебя дороже цѣнить такихъ людей какъ я, дамъ тебѣ двѣсти!

Нѣмецъ выткнулъ глаза, и у него, какъ говорится, потекли слюнки.

— Да, двѣсти, продолжалъ донъ-Микеле: и это бы еще ниче-го не значило.... Если бы ты захотѣлъ мнѣ служить искусно и вѣрно.... я бы тебѣ могъ сдѣлать то, что просто ошеломило бы тебя, — да что? все это бесполезно. Для этого надобно было бы быть развязну, умѣть говорить, умѣть помолчать въ-время; ну, однимъ словомъ, не имѣть этого вида рѣпы и этихъ заспанныхъ глазъ, которые похожи на похлѣбку съ постнымъ масломъ.

Мартинъ, пораженный такою беззаботностью, думалъ, что онъ ви-дитъ все это во снѣ и въ головѣ его зарождались тысячи мыслей, что можетъ быть въ его власти какой-нибудь владѣтельный князь или какая-нибудь переодѣтая важная особа; но не могли ни на чемъ остановиться и не могли терпѣть, чтобы въ его владѣнн съ нимъ обходился такъ неуважительно, онъ отвѣчалъ:

— Но во имя Бога, или дьявола, кто васъ носитъ по бѣлому свѣту, кто вы таковы? чего вы хотите? Говорите, потому что мнѣ это надобно и я не хочу быть ни чѣмъ шутомъ.

— По-тише, по-тише и по-вѣжливей, потому что если мнѣ взду-мается, то я не скажу вамъ ничего больше и для васъ же бу-детъ хуже. И такъ знайте же....

Вшедшнй солдатъ прервалъ донъ-Микеле, сказавъ:

— Комедантъ! на дорогѣ къ Барлеттѣ видна пыль; кажется, конница; по-крайней-мѣрѣ такъ говоритъ Сандро, который ви-дитъ лучше всѣхъ.

Нѣмецъ вздрогнулъ, и взглянулъ на своего плѣнника, который съ злобною улыбкою сказалъ ему:

— Я вѣдь говорилъ, но не бойтесь. Поразсудите. и все хоро-шо кончится. Ступай, сказалъ онъ потомъ оборотясь къ солда-

ту: и если тамъ нѣтъ ничего новаго, ты насъ уведомишь. Такъ вы должны знать, что здѣсь въ монастырѣ есть одна особа; ее тутъ держать люди, о которыхъ нѣтъ надобности упоминать; она хотѣла бы возвратиться въ свѣтъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ все обдѣлать хорошенько. Если случится, что не въ одну, то въ другую ночь подѣдетъ сюда барка съ пятью или шестью молодцами, чтобъ увезти ее, и если коммандантъ услышитъ, что какая-нибудь собака залаетъ, или какой-нибудь толенькій голосокъ закричитъ о помилованіи (вы вѣдь знаете, что женщины кричатъ за два часа прежде, нежели ихъ тронуть), то пусть господинъ коммандантъ не беспокоится, подумаетъ, что это было во снѣ, перевернется на другой бокъ и продолжаетъ храпѣть, и эта-то пустая услуга принесетъ ему пятьсотъ червонцевъ новыхъ, пріѣхонько съ монетнаго двора Святаго Марка, а если хочетъ, то можетъ даже надбаться имѣть мѣсто, по-лучше теперешняго.

Бѣдный Мартинъ, который при множествѣ пороковъ, имѣлъ однако жъ одно доброе качество, быть вѣрнымъ тому кто ему платитъ, при подобномъ предложеніи чувствовалъ, что ему не мудро отказаться и отъ послѣдней своей добродѣтели; но такъ какъ въ мірѣ не должно быть ничего ни совершенно добраго, ни безусловно дурнаго, то онъ спасся отъ рѣшительнаго крушенія и отвѣчалъ съ намѣреніемъ показаться оскорбленнымъ:

— Мартинъ Шварценбахъ служилъ Милану, Венеціи и императору во время войнъ и никогда не измѣнялъ никому. Игуменя монастыря Святой Орсопы, заплатила ему за все сполна, за весь декабрь 1503 года. Если вы... какой-нибудь синьоръ... или изъ прислуги какого-нибудь италіянскаго князя, и хотите по-доброму толковать со мною, потолкуемъ. Я вамъ покажу весь отрядъ. Пятьдесятъ копій и тридцать ружей, всѣ отъ двадцати до сорока лѣтъ, а что касается до вооруженія, сами увидите, что нѣтъ изъяну ни въ одной пуговкѣ. Когда мы сойдемся, то перваго января 1504 года, если вамъ вздумается осадить монастырь, мы, пожалуй, вынесемъ все, даже до кухарки. Но прежде этого времени, пока у меня останется хоть одинъ пороховой зарядъ и одинъ кинжалный клинокъ, никто не тронетъ ни волоса, ни у монахинь, ни у послѣдней послушницы.

— И вы думаете, что не знаютъ въ чемъ состоитъ обязанность такого человѣка какъ вы? Вы думаете, что у меня достанетъ духу предложить подобное бездѣльничество? Не знаете же вы меня. Особа, о которой идетъ дѣло, не монахиня и не по-

слушница и столько же имѣть дѣло до монастыря, какъ и вотъ этотъ боченокъ, которымъ вы такъ дорожите. Богъ да благословитъ васъ! Видно; что вы честный человекъ и знаете, что когда можно идти потихоньку, то глупецъ тотъ кто бѣжить бѣгомъ; когда можно спать подъ крышею съ полу-стаканомъ добраго греческаго вина, тогда дуракъ только спать на травѣ, съ холоднымъ желудкомъ; и кто можетъ добыть пятьсотъ флориновъ безъ всякаго труда, со всею честью и съ милостью Божіею, тотъ долженъ думать, что такое счастье не падаетъ въ ротъ каждый день, какъ фиговый цвѣтъ.... Слушайте же, если хотите рассуждать дѣломъ, то мы поладимъ и рѣшайтесь, потому что эта конница не заведаетъ.

Добродѣтель Мартина, какъ и добродѣтель большей части такого честнаго народа, была способна къ уступкамъ и потому онъ отвѣчалъ :

— Если бы дѣло шло не о монахиняхъ, то тутъ былъ бы и другой разговоръ.

Пока донъ-Микеле раздумывалъ, нужно ли открывать тутъ же Мартину кто была женщина, о похищеніи которой онъ толковалъ, ссора происшедшая за дверьми, между двумя солдатами и старухою прервала ихъ разговоръ.

— Чортъ тамъ, что ли тебя душитъ, проклятая горбунья? Тутъ есть тотъ, кому слѣдуетъ быть у комманданта; теперь ему не до того чтобы судить да разбирать тебя.

Такъ кричалъ одинъ изъ солдатовъ, стараясь воспретить входъ старухѣ небольшого роста, горбатой и съ глазами перломутроваго цвѣту, отороченными краснымъ. Она уже просунулась-было въ дверь, но солдатъ ухватилъ ее тамъ, гдѣ шея сходится съ туловищемъ и такъ потянулъ за косу, что ротъ съ той стороны покривился у нее на три пальца. Старуха царапнула державшую ее руку своими желѣзными когтями, такъ что солдатъ сейчасъ далъ ей свободу и она, упавши какъ спущенная пружина, на донъ-Микеле, за котораго уцѣпилась на-лету, грозилла кулакомъ, посылая свои угрозы назадъ солдату.

— На-ко, возьми, сынъ каноника, говорила она, оборотясь къ солдату, который стирая кровь съ царапины, смотрѣлъ на старуху, какъ лягавый песъ на кошку, когда она его задѣнетъ за рыло. На-ко, возьми, а если попробуешь другой разъ, то еще и хуже достанется!

— А ты, поганая колдунья, попробуй прийти, когда я буду на часахъ.... Сандрушко мой, ради Бога (и онъ произносилъ эти слова, отворачивая нижнюю губу, чтобъ подражать голосу старухи), пусти меня въ монастырь.... только на минуточку, сказать два слова той иностранкѣ, чтобы она мнѣ дала немного корпнн для Скапарете, который рашень и немного порошка для Пачюкко, у котораго лихорадка. Немного.... (тутъ онъ принялъ естественный свой голосъ) чтобъ тебѣ имъ подавиться, и тебѣ, да и тому, кто тебя посылаетъ! Вернись, только вернись, ты уже у меня попробуешь. Пусть велеть у меня вырвать языкъ.... какъ Валенца, награди его Господи, велѣлъ вырвать у плута твоего господина, если я не отправлю тебя съ проповѣдью, какой заслуживаешь, колдунья Ивановской-Ночи.

Старуха ни за чтѣ не захотѣла бы преступить одного изъ основныхъ законовъ женскаго устава, именно, чтобы никакъ не замолчать первую, но она спѣшила скорѣе сказать то, чтѣ было для нея важно, и потому повернулась задомъ къ Сандру, съ видомъ презрительной насмѣшки, какую легче можно себѣ представить, нежели описать.

— Если вы сами тутъ не распорядитесь, сказала она комментанту, то будетъ славный праздникъ. Тамъ на верху,... эту ночь былъ просто адъ. Народъ воротился за часъ до разсвѣту: они привели съ собою того мерзкаго крещенаго христіянина, чтѣ вы взяли вчера вечеромъ.... Пресвятая Дѣва! казалось какъ-будто уже три дни, какъ онъ умеръ.... Но недолго продолжался его страхъ. Пиетраччіо подстрѣлилъ его какъ молодаго козленка.

— Какъ? сказали Мартинъ и докъ-Микеле, оба въ одинъ голосъ: Убили правителя города? за чтѣ? какъ? гдѣ?

— Ну, чтѣ же мнѣ отвѣчать вамъ? Пресвятая Дѣва Богородица! Пиетраччіо хотѣлъ растолковать ему, что онъ долженъ заплатить незнаю сколько-то червонцевъ выкупу, а вы знаете, безъ языка, какъ заставляютъ понимать себя? Тотъ стоялъ съ неподвижными глазами, поледенѣвши; больше въ томъ мірѣ, чѣмъ въ здѣшнемъ. Тогда хозяинъ написалъ ему, чтѣ слѣдовало, на листѣ бумаги и хотѣлъ, чтобъ онъ прочелъ. Еще того хуже. Онъ казался статуей Святаго Рокно, чтѣ въ бегеѳюрской часовнѣ. Пиетраччіо не выдержалъ, далъ три, или четыре пощечины по рожѣ, да какихъ! Ему пейметса. Наконецъ его взорвало... а вы знаете, когда сго взорветъ.... Ножъ въ руку, да сюда

вотъ къ животу, и ниже да ниже, онъ распоролъ ему сплоснь до пояса; ну, ужъ какъ пойдетъ на ножп, нечего и говорить; надобно ужъ отдать ему честь: пристыдить и старыхъ людей.

Эти новости и способъ, какимъ онѣ были рассказаны, поразили, хотя по разнымъ причинамъ, обоихъ слушателей, такъ что они не нашии словъ для отвѣту.

Старуха между-тѣмъ продолжала: — Ну, однимъ словомъ, я кончу, да и пойду-себѣ: вѣдь я на ногахъ со вчерашняго дня. Мы было легли, чтобъ соснуть часочикъ, какъ-вдругъ Золотой Пѣтухъ бѣжить: вставайте, вставайте, скорѣе, городовая стража. Мы вскочили, ну, что тутъ толковать? Они уже были подъ Малагронтой и скакали на почтовыхъ; мы на своихъ вверхъ по горамъ. Теперь всѣ запершиись въ пещерѣ Фокольяно, ни одного хлѣба, ни глотка воды и на придачу будутъ челоувѣкъ двѣсти сбировъ и солдатъ. Дай-то Богъ, чтобы кому-нибудь изъ нашихъ не досталось на водку до праздника. Ну, поднимайтесь же, — работайте живо, ищите средства помочь.... Какъ найдуть, что правитель города убить.... Пресвятая Дѣва! Тѣ-то будетъ бѣда! И Гита, мать Піетраччіо велѣла сказать, чтобъ вы не забывали, что тутъ нечего думать; поэтому смотрите же, сейчасъ какъ-только можете, пошлите къ ней.

При концѣ этихъ словъ, она увидѣла на столѣ остатки ужина, быстро схватила ихъ и, не спрашивая позволенія, наполнила передникъ объѣдками хлѣба, кусками мяса и фруктами, налгла въ тыквенную баклагу, которую нашла на перевязи, остатки вина, выпила то, чего не могла влить, обтерла ротъ кулакомъ, вышла, давши толчокъ Сандру, чтобъ заставить его подняться и все это, не говоря ни слова,

Мартинъ запутывался во множествѣ дѣлъ, вдругъ скопившихся, и голова его не могла съ ними управиться. Одною рукою схватившись за бороду, а другою подпершись подъ бокъ, онъ ходилъ по комнатѣ, потряхивая головою и отдуваясь. Внезапное движеніе народа изъ Барлетты заставляло его вѣрить донъ-Микеліо, который предсказалъ ему все такъ отчетливо и онъ подумалъ, что, можетъ-быть, это точно, челоувѣкъ знатный и сильный.

Прежде всего онъ рѣшился уладить дѣло съ нимъ. И, оставивъ всякую гордость, просилъ его помощи по дѣлу объ убійствѣ правителя города, обѣщаясь со своей стороны помогать ему всѣми силами.

Едва только онъ вымолвилъ это, какъ послышался топотъ многихъ лошадей, входившихъ на мостъ и голосъ звонкій и сильный какъ труба, который прокричалъ нѣсколько разъ: Коммендантъ! Шварценбахъ! Тотъ сошелъ и увидѣлъ, что Фьерамоска и Фанфулла изъ Лоди ожидали его въ главѣ многихъ конныхъ.

Послѣдняго читатели уже видѣли, потому что онъ былъ въ числѣ бойцевъ съ италіанской стороны. Франфулла былъ человекъ отчаянный. За всякую бездѣльную придирку и еще чаще безъ причины, онъ пускалъ жизнь на всякую опасность. Нѣсколько не думая, онъ только и выжидалъ случая, какъ бы подраться. Онъ былъ гибокъ, какъ леопардъ, и хорошо сложенъ; казалось, будто бы природа, зная что въ немъ должна обитать душа дерзкая до безумія, приложила все стараніе устроить его такъ, чтобы онъ былъ способенъ выносить самыя опасныя попытки. Сынъ человека служившаго у Джироламо Ріаріо, онъ съ самаго дѣтства всегда былъ посреди оружія, и служилъ въ наймѣ во всѣхъ италіанскихъ государствахъ, потому что, то за ссоры, то за неповиновеніе, то по собственному непостоянству, вѣчно приходилось ему вступать въ договоръ съ новыми начальниками. Флорентинцы были послѣдними и онъ убѣжалъ отъ нихъ по слѣдующему происшествію.

Когда они стояли въ полѣ подъ стѣнами Пизы, сдѣланъ былъ штурмъ и Пиза была бы взята въ тотъ же день, если бы Пооло Вителли, капитанъ со стороны республики, не велѣлъ протрубить отбой и не удержалъ бы, даже оружіемъ, флорентинскихъ солдатъ. Поступокъ Вителли, названный во Флоренціи измѣною, былъ потомъ причиною его смерти. Фанфулла, вѣчно въ главѣ передовыхъ, взлѣзъ по лѣстницѣ на верхъ, чтобы схватиться за башенный зубецъ; махая мечомъ, онъ очистилъ себѣ дорогу, уже стоялъ на стѣнѣ и отчаянно наносилъ удары, и въ разсыпную и турбовые. Въ эту минуту затрубили сборъ и онъ остался одинъ. Онъ не могъ помириться съ мыслью, что должно удалиться; однако же слѣзъ съ шумомъ, мыча отъ бѣшенства посреди облака дротиковъ, камней, пуль, которыя впрочемъ не причиняли ему ни малѣйшаго вреда, здоровъ и невредимъ возвратился въ поле, бѣжа какъ съумасшедшій и ругая всѣхъ кто ни попалъ. Въ капитанскомъ шатрѣ были флорентинскіе комиссары на совѣтъ у Вителли; Фанфулла въ бѣшенствѣ вскочилъ въ средину между ними и называя ихъ предателями, началъ палкою, которая попала ему подъ руку, бить всѣхъ, несмотря ни кого онъ бьетъ

ни какъ, ни гдѣ; посыпался градъ палочныхъ ударовъ, кулаковъ, шпильковъ и потому ли, что онъ былъ ужасно слепъ; или потому что они того не ожидали, только онъ привелъ ихъ въ такое смятеніе, что они очутились на землѣ одинъ на другомъ, прежде чѣмъ могли распознать, кто былъ виновникомъ всей этой суматохи.

Послѣ такой выходки, не сказавши прощанъ, онъ вскопчалъ на лошадь, и былъ уже далеко отъ лагеря, когда эти военачальники, поднявшись на ноги, велѣли схватить его.

Оставивши такимъ образомъ Флорентинцевъ, онъ опредѣлился къ Просперу Коловиѣ и теперь находился въ Барлеттѣ вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ.

Извѣстіе, принесенное Боскерино, что правитель города взятъ вольницею, привело въ движеніе сержанта со всею городовою стражею Барлетты, которые всѣ отправились въ горы. Фіерамоска и Фанфулла съ нѣсколькими конными поѣхали за ними и, отправивъ впередъ стражу, остановились, чтобы посмотреть долину, гдѣ стояла церковь.

Сбiry захватили двухъ плѣнниковъ, и тѣ повели ихъ въ башню, гдѣ начальствовалъ Мартинъ Шварценбахъ.

Когда этотъ сошелъ подъ крыльцо, два плѣнные бездѣльника стояли посреди вонновъ, ожидая, скоро ли отопрутъ тюрьму. Одинъ былъ начальникъ шайки, Піетраччіо, молодой человѣкъ звѣрскаго вида, по членамъ и по взгляду совершенно дикій, съ растрепанными рыжеватыми волосами, которые падали ему на глаза, и съ голыми руками, еще запачканными кровью правителя города. Онъ былъ связанъ веревкою, которая врѣзалась ему въ тѣло. Піетраччіо смотрѣлъ изъ-подлобья съ смятеніемъ, какъ волкъ попавшійся въ сѣти. Другимъ плѣнникомъ была женщина высокаго роста, прекрасно сложенная; однако жъ труды, привычка къ преступленіямъ, отчаяніе, въ которое поставляло ее настоящее положеніе, состарѣли ее, такъ что она казалась гораздо старше, чѣмъ была дѣйствительно. Рана въ голову, полученная, пока она защищалась, не позволила ей встать и потому солдаты принесли ее на рукахъ.

Ее сложили съ плечъ на мостовую, и при этомъ потрясеніи возобновленная боль раны заставила ее открыть глаза; она сильно застонала, между тѣмъ какъ кровь, струясь изъ лба, текла по лицу ея и по груди. Отворили тюрьму, гдѣ прежде былъ

донъ-Микеле, и бросили туда ихъ обоихъ вмѣстѣ, оставивши Пиетраччіо крѣпко связаннымъ.

Раздѣлавшись съ ними, солдаты воротились ддятого, чтобъ набрать, если можно, еще другихъ плѣнныхъ. Фанулла взоселъ въ комнату комманданта, а Гекторъ воспользовался этимъ временемъ, чтобъ пойти въ странноприимный домъ.

Двѣ женщины, не ожидавшія его въ этотъ часъ, были поражены, когда его увидѣли, и послѣ первыхъ восклицаній, онѣ наконецъ узнали причину, приведшую его въ монастырь. Рассказывая погоню за разбойниками, онъ сказалъ имъ, что вмѣстѣ съ атаманомъ была схвачена женщина, которая заслонивъ собою входъ въ пещеру, гдѣ спрятались всѣ разбойники, ранила многихъ сбировъ, и билась до тѣхъ поръ, пока, получивъ ударъ въ голову, не упала на землю.

Джиневра, сжалившись надъ несчастіями плѣнниковъ, хотѣла идти помочь имъ. Она встала и взявъ что нужно изъ своего шкафа, просила Фіерамоску пойти къ комманданту за ключами темницы.

Фіерамоска тотчасъ же отправился и, по второй лѣстницѣ, взоселъ въ комнату Мартина. Приблизившись ко входу, онъ услышалъ сильный стукъ ногами, и не могъ понять причины его. Онъ толкнулъ дверь, которая была притворена и увидѣлъ, что Фанулла, посреди комнаты, взявъ въ обѣ руки огромный мечъ, который снялъ съ вѣшалки, игралъ имъ какъ-бы палочкою. Онъ фехтовалъ, вертелъ мечомъ какъ вѣтеръ вертитъ мельничнымъ крыломъ, дѣлалъ дробные удары, махалъ съ такою быстротою, что мечъ едва былъ видѣнъ въ воздухѣ, и если бы пришлось ему защищаться противъ цѣлаго войска, онъ не могъ бы дѣйствовать, ни съ большею быстротою, ни съ большимъ мужествомъ. Гекторъ, готовый войти, отступилъ назадъ, чтобъ не получить удара и смотрѣлъ смѣясь на этотъ безумный турниръ, который тотъ продолжалъ вовсе не замѣчая, что на него смотрятъ. Казалось, что удары, которые теперь упали по воздуху, на бѣду хозяина не были все время такъ невинными. Нечаянно ли, или съ злобнымъ намѣреніемъ, одинъ изъ нихъ окончилъ долгую службу боченка, лежавшаго подлѣ кровати, раздѣливъ его надвое какъ орѣхъ, и жидкость, въ немъ заключенная, потекла, во законамъ равновѣсія, въ самую нижнюю часть пола.

— Бѣдное вино! сказалъ наконецъ смѣясь Фіерамоска, и Фан-

фулла, обернувшись, уронилъ къ ногамъ своимъ огромный мечъ, и бросился навзничь на кровать, съ такимъ сильнымъ хохотомъ, что его можно было принять за съумасшедшаго.

— Чтò за дьявольщину ты тутъ надблалъ, бѣшеный? Посмотрите, пожалуйста! съ полчаса, какъ мы здѣсь, а онъ надблалъ больше убытку, чѣмъ треть Каталонцевъ въ цѣлую недѣлю.... А гдѣ же Мартинъ?

Тутъ наконецъ Фанфулла поуспокоился и сказалъ:

— Недавно былъ здѣсь и говорилъ, что огромнымъ мечомъ въ двѣ руки умѣютъ владѣть одни Швейцарцы и Нѣмцы; я ему отвѣчалъ, что онъ говоритъ правду, и просилъ его немного поучить меня; попробовалъ и какъ-то, печально, ударилъ по боченку; пусть меня повѣсятъ, если я это сдѣлалъ нарочно. Онъ началъ ругаться чортъ знаетъ какъ. Этакая скотинка!.... не хочетъ ничего простить! Вѣдь онъ зналъ же, что мы, бѣдные Итальянцы, не умѣемъ держать меча въ рукахъ! Какъ же не простить неумѣющему? Ну, однимъ словомъ, мы поговорили крупно и онъ отиравился, ругаясь и страшая. Чтò бы ты сдѣлалъ? Не заботясь нисколько, чтобъ помѣряться на мечахъ съ такимъ фехтовальнымъ учителемъ, каковъ онъ, я ему послалъ *рака* по-ломбардски и сказалъ ему: Если хотите сойти на дугъ, я васъ хвачу по вашей нѣмецкой тыкаѣ, чтобъ показать вамъ, что ударъ по боченку былъ данъ по ошибкѣ.

— Чтò же онъ тебѣ отвѣчалъ?

— Чтобы я вышелъ вонъ, что я все здѣсь перемочилъ.

И при этомъ Фанфулла вертѣлся на кровати, бросая въ воздухъ все чтò ни попадалось, и все это дѣлалось въ одну секунду. Дѣло остановилось именно на этомъ и капитанъ, не зная, чтò дѣлать съ такимъ дьяволомъ, съ другой стороны, огорченный до глубины души потерей своего вина, ругаясь по-нѣмецки взоселъ наверхъ во второй ярусъ, куда скрылся допъ-Микеле.

Услышавъ изъ этого своего укрѣпленія донесеніе Фанфуллы, онъ возвышалъ по временамъ голосъ, чтобъ сказать какую-нибудь брань, на которую тотъ отвѣчалъ тѣмъ же, въ видѣ вводной рѣчи, всё продолжая свой рассказъ.

Фіерамоска, который вовсе не любилъ такихъ шутокъ, не безъ труда помирилъ ихъ. Мартинъ сошелъ, Фанфулла ушелъ со смѣхомъ, а Гекторъ, который тоже едва удерживался отъ смѣху, при видѣ Нѣмца, разсматривающаго двѣ части своего боченка, гла-

зомъ скупца, который находить, что его сундукъ открыть и опустошенъ. Гекторъ изложилъ ему желаніе Джиневры войти въ тюрьму и просилъ, чтобъ ей отперли.

Между-тѣмъ коммандантъ поднялъ двѣ половинки боченка и платѣмъ, которое онъ обмачивалъ въ пролитое вино на подобіе губки и послѣ тщательно выжималъ въ сосуды, старался спасти остатки вина отъ погибели. Услышавъ желаніе Джиневры, онъ сказалъ бормоча подъ носъ:

— Вотъ тебѣ! разбойники находятъ людей, которые имъ помогаютъ, а бѣдный человѣкъ, который занимается своимъ дѣломъ и не дѣлаетъ зла ни даже хлѣбу, находятъ бѣшеныхъ, которые грабятъ его домъ!

— Любезнѣйшій мой, вы совершенно правы, но вы видите, что я тутъ ни въ чемъ не виноватъ.

— Да, посмотри-ко, если хочешь, тутъ будетъ мнѣ работы; вишь я просилъ ихъ, чтобы пришли позабавиться въ моемъ домѣ!...

Фіерамоска наставлялъ на своемъ.

— Ну, хорошо, хорошо, вернитесь чрезъ полчаса, тогда можете войти въ тюрьму.... Всѣмъ бы вамъ здѣсь переколѣть, ворчалъ онъ сквозь зубы; но Фіерамоска былъ уже на половникѣ лѣстницы и не могъ его слышать.

Арестованіе Піетраччіо в его матери могло имѣть важныя послѣдствія для Мартына и препятствовать исполненію плановъ донъ-Микеле. Поэтому они вмѣстѣ положили, что непременно надобно дать возможность разбойнику убѣжать, для того, чтобы его не отвели въ Барметту, гдѣ могло бы открыться поведеніе капитана. Но не легко было исполнить это такъ, чтобы не возложили вину на того, кто обязанъ былъ стеречь Піетраччіо.

Когда Фіерамоска пришелъ, чтобъ получить позволеніе на входъ въ тюрьму, коммандантъ, возмущенный ссорой съ Фанфулою, не могъ съ перваго разу обдумать, испортить это или удасть его дѣло? Однако жъ у него достало довольно ума, чтобъ воспользоваться временемъ и довѣря хитрости своего новаго друга, онъ взомелъ къ нему наверхъ, надѣясь, что тотъ вѣрно найдетъ средство вытащить его изъ этой путаницы. Донъ-Микеле, услышавъ просьбу Фіерамоски, сказалъ:

— Если бъ мы ему заплатили, онъ не могъ бы намъ служить лучше. Позвольте мнѣ распорядиться, коммандантъ, и вы увидите, умѣю ли я чисто обдѣлывать дѣла. Но не забудьте!

— Понимаю, не объ чемъ и говорить..... Однако жъ.... монахи.....

— Монахи, отвѣчалъ доузъ-Микело, снѣвъ: мы ихъ не тронемъ, будьте на этотъ счетъ совершенно спокойны. Дайте же мнѣ теперь ключи отъ тюрьмы и дожидайтесь меня здѣсь.

Онъ взялъ ключи, сошелъ въ самое нижнее жилье и, тихою отворивъ двери, началъ прислушиваться. Услышавъ, что мать съ сыномъ разговаривали, онъ остановился на первомъ приступкѣ, между-тѣмъ какъ въ эту яму спускались четверыми, или пятью. Отсюда, выткнувъ шею, онъ могъ видѣть и слышать этихъ несчастныхъ.

Женщина лежала сначала на землѣ, опершись головою о перекладину; но отъ сильнаго безпокойства у нея сдѣлалась ужасная лихорадка; стараясь распутаться, старуха упала лбомъ на мокрую землю и не имѣла уже силъ подняться. Сынъ, съ руками связанными на груди такъ, что онъ не могъ поворотить пальцовъ, пробовалъ-было помочь ей, но бесполезно. Наконецъ въ отчаяніи, онъ сталъ подлѣ на колѣни, и смотрѣлъ обезумѣвшими глазами то на мать, то на стѣны.

Женщина повременамъ пробовала поднять голову, но она была слишкомъ слаба, длятого чтобы сдѣлать это безъ посторонней помощи. Наконецъ при одномъ изъ услій ея, сыну удалось пособить ей колѣномъ и такимъ образомъ она приняла опять прежнее положеніе, но это движеніе причинило ей такую боль, что поднося руки къ головѣ, она съ протяжнымъ стонавіемъ сказала:

— Проклятый ножъ калабрскаго мужика!.... Но если бы дьяволъ пустилъ меня всего на двѣ минуты... Я хочу, чтобы ты когда-нибудь узналъ, кто ты....

Тутъ она начала произносить такія проклятія, что волосы стали бы дыбомъ на головѣ у всякаго, кромѣ Піетраччіо.

— И однако же, продолжала она: я тоже когда-то надѣялась на помилуваніе!.... Когда я шла вмѣстѣ съ другими монахишками!.... Будь прокляты тотъ часъ, когда я ступила на эту землю!.... но к чему все это? Я была отдана дьяволу прежде моего рожденія.... пробовала-было убѣжать отъ него..... и вотъ какъ я въ этомъ успѣла.

И снова поднявши глаза къ небу, она сказала съ выраженіемъ, котораго описать невозможно:—Доволенъ ли ты теперь? Потому

обратись къ сыну: Но если бы ты могъ отсюда выйти... если осталось въ тебѣ довольно мужества... кто причиною моей смерти и твоей пощобой, будетъ горѣть вмѣстѣ со мною, если только папы говорятъ правду. Ту ночь, въ Римѣ, когда я положила тебя подлѣ Кривавыхъ Воротъ (Tore Sanguinea), для того, чтобы ты убилъ того барина, а ты, дуракъ, закричалъ, прежде чѣмъ пырнулъ его, а тутъ тебя взяли и сдавали тѣмъ, чѣмъ ты теперь. Это былъ Чезаре Борджиа!... Когда онъ учился въ Низѣ (я тогда была въ монастырѣ), онъ влюбился въ меня, а я, глупая мерзавка! я, въ него. Знала ли, кто онъ?... Однажды ночью онъ пришелъ ко мнѣ... У меня была дочка семи лѣтъ... слыша гелось... она спала въ сосѣдней каморкѣ... она, видя, что онъ лѣзетъ въ окно, начала кричать... беда бы ему, если бы его открыли... онъ только-что былъ назначенъ панцелонскимъ епископомъ... онъ бросилъ ей подушку на голову... и самъ притиснулъ колѣномъ... Чудовище! я упала на землю... Помялась всѣмъ адомъ, клалась моею смертью, что я убью его... Кививъ головою въ знакъ, что ты клянешься... по-крайней-мѣрѣ это бы...

Убийца, ужасно вытаращивши глаза на мать, затрясъ головою и показалъ, что онъ готовъ исполнить все; она, снявши съ шеи цѣпь, что была у нее подъ рубашкою, прибавила:

— И когда ты ему проколешь сердце, скажи: посмотри на эту цѣпь... потрясенъ ее передъ глазами... Тебѣ возвращаетъ ее мать моя... Я еще не кончила... о! еще одну минуту! потому я уже не боюсь... Когда я очнулась, я уже лежала на скверной кровати и ты... Охъ! охъ! я не могу окончить... подлѣ бѣдной Ивеси... О! какъ она была хороша!... и теперь ты въ рай!... а я! зачѣмъ я должна лгати въ адъ!...

Эти послѣднія слова были сопровождаемы ревомъ, отъ котораго, казалось, дрожали своды башни. Она умерла.

Петраччіо не выразилъ сильнаго волненія; безумнымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на судорожныя движенія матери. Замѣтивъ, что она испустила послѣднее дыханіе, онъ залѣзъ въ самый отдаленный уголокъ, какъ это дѣлаетъ дикій звѣрь, запертый въ одной клеткѣ съ трупомъ животнаго своей породы; онъ ощущаетъ содроганіе и убиваетъ его.

Изъ всего этого разсказа, переданнаго прерывисто и въ родѣ бреда, онъ понялъ только небольшую часть. Всего живѣе осталась у него въ головѣ мысль, что онъ долженъ отмстить Чеза-

ре Борджіа, за многія оскорбленія, но особенно, по его понятіямъ, зато, что онъ звѣрствомъ его приведенъ въ то положеніе, въ какомъ находилась теперь.

Тотъ же самый рассказъ сдѣлалъ совершенно иное впечатлѣніе на слуховой органъ донъ-Микеле. Если бы кто-нибудь могъ его видѣть въ эту минуту, тотъ подумалъ бы, что всякое слово этой женщины уносило у него часть жизни, дотога онъ переимѣнился въ лицѣ. Когда женщина упала на полъ, онъ тоже едва удержался на ногахъ.

Онъ сошелъ едва держась на ногахъ и руки его дрожали, но онъ развязалъ веревки, связывавшія Піетраччіо. Съ минуту онъ пристально посмотрѣлъ на цѣпь, бывшую уже у того на шеѣ, потомъ сказалъ ему:

— Сейчасъ придутъ навѣстить тебя одинъ господинъ и съ нимъ госпожа. Они хотятъ освободить тебя, но такъ, чтобъ ты не зналъ, что это ихъ работа. Смотри, не дай промаху и минутамъ какъ они захотятъ посмотрѣть, можно ли еще помочь этой женщинѣ, ты скорѣе по лѣстницѣ бѣги и берегись, чтобъ тебя не поймали, не плошай: ты уже осужденъ на казнь.

Сказавши эти слова съ величайшею поспѣшностью, какъ-будто бы у него огонь былъ подъ ногами, донъ-Микеле съ ужасомъ взглянулъ на женщину, оставивъ свой ключалъ въ рукахъ Піетраччіо, и въ одно мгновеніе былъ уже въ комнатѣ коммента.

Читатель, можетъ быть, скажетъ:—Но однако жъ, кончатся ли же когда-нибудь всѣ эти бѣдствія, убійства, измѣны, тюрьмы, смерти, черти и еще хуже этого?

Если мы угадали его мысли, онъ, съ его позволенія, не угадалъ нашей, которая именно въ томъ состояла, чтобъ въ эту минуту ковчить ихъ, отправить всѣхъ и донъ-Микеле, и Піетраччіо и Мартына, которые, правду сказать, начали уже и намъ самымъ наскучать, и просить его перескочить въ середину барлеттской крѣпости, которая весьма измѣнилась съ-тѣхъ-поръ, какъ мы заходили туда во второй разъ съ донъ-Микеле.

Дворъ, переходы, все было по стѣнамъ обито шелковыми матеріями всѣхъ цвѣтовъ и украшено гирляндами изъ миртовъ и лавровъ, которые были развѣшены въ видѣ фестоновъ и цыфръ и всѣ знамена войскъ развѣвались съ балконовъ и оконъ. Толпа, состоявшая изъ праздныхъ зрителей и изъ людей, занятыхъ раз-

вѣшиваніемъ убранныхъ, двигалась, то стѣснялась, то расширялась по лѣстницамъ, по дворамъ, по переходамъ. Солдаты, работники, служители, мальчики, приходили и уходили съ ношами разныхъ инструментовъ, съ лѣстницами, мебелими разнаго роду, и всѣмъ, что нужно для приготовленія къ столу и для снабженія театра. Приносили разные припасы: плоды, вино, добычу съ охоты. Ходили, уходили, приходили, кричали, кликали, словомъ, безпорядокъ былъ неописанный.

Когда колоколъ на башнѣ пробилъ четырнадцать часовъ *, на верху наружной лѣстницы появился главный военачальникъ со всѣми своими баронами, и радость свою при мысли о свиданіи съ дочерью,—нарочный только-что пріѣхавшій съ извѣстіемъ о ея прибытіи, оставилъ ее за три мили отъ Барлетты,—онъ хотѣлъ высказать въ роскоши своей одежды, равно какъ и одежды его окружавшихъ.

Поверхъ платья изъ золотой парчи, на немъ была епанча изъ ярко фіолетоваго бархату, подбитая горностаями и такая же шапочка на головѣ. Прекрасный сапфиръ, обдѣланный въ застежку, прикрѣплялъ длинное перо чуть не съ пол-аршина, изъ жемчугу, нанизаннаго на стальныя проволоки; оно развѣвалось надъ его лбомъ такъ же легко, какъ-будто бы было настоящее строевое. Мечъ и кинжалъ съ ножами, обложенными фіолетовымъ бархатомъ, блистали дорогими камнями, и на груди на лѣвой сторонѣ у него былъ мечъ, вышитый золотомъ на красномъ полѣ: это былъ орденъ Сантъ-Яго.

Внизу послѣ лѣстницы, ему былъ приготовленъ бѣлый каталонскій мулъ, покрытый до земли шелковымъ покрываломъ фіолетоваго цвѣту съ золотою вышивкою. Когда онъ сѣлъ на мула, его провожатый сѣлъ на лошадь и всѣ вмѣстѣ двинулись на встрѣчу донѣ Эльвирѣ.

Просперо и Фабриціо Колонны, одѣтые въ шелковыя одежды розоваго цвѣту съ богатымъ серебрянымъ шитьемъ, скакали по бокамъ его на турецкихъ коняхъ, такихъ красивыхъ, какихъ давно уже не видывали въ Италіи. Эти два двоюродные брата, едва переступившіе полное совершеннолѣтіе, такъ величаво сѣдѣли на высокихъ бархатныхъ сѣдлахъ, и удерживали порывъ своихъ коней такъ ловко, что въ нихъ не мудрено было узнать главныхъ

* Около осьми часовъ утра.

воиновъ, какими они были на самомъ дѣлѣ и лучшихъ полководцевъ, какихъ насчитывали тогда въ ополченіи.

Въ толпѣ, за ними слѣдовавшей, по нахмуреннымъ бровямъ и сильному виду, можно было узнать Педро Наварро, изобрѣтателя подкоповъ, употребленныхъ съ такимъ успѣхомъ при взятіи замка Каstellо-дель-Аво; Діего Гарсія де-Парадесъ, Геркулесъ того времени, который не употреблялъ почти никогда никакой одежды, кромѣ желѣза, и даже не имѣя на готовѣ такой, въ какой онъ могъ бы явиться въ этотъ день, ограничился тѣмъ, что вооруженіе его было вычищено лучше обыкновеннаго, и что онъ взялъ самаго дикаго изъ всѣхъ боевыхъ коней своихъ. Это былъ огромный калабрскій жеребецъ, только еще нѣсколько недѣль взятый подъ верхъ, высокій, статный и черный какъ воронъ, безъ малѣйшей шерстинки другого цвѣту.

Одинъ только Парадесъ былъ въ состояніи осѣдлать такого дикаго животного, которое, привыкши жить въ дѣсахъ и находясь теперь среди такого множества народа, въ такомъ шумѣ, бѣсилось, хрипѣло и пѣнилось какъ разъяренный левъ.

Но смѣлость рыцаря, его тяжелое вооруженіе и помога со стороны длиннаго въ пол-локоть мундштука, окровавлявшаго ротъ коня, дѣлали его покорнымъ, и послѣ сотни сильныхъ скачковъ, онъ очень умно принялъ за лучшее, не считать себя сильнѣе Діего Гарсія, который, какъ-бы пригвожденный между лугами, смѣлся такимъ бесполезнымъ усиліемъ.

Цвѣтъ италіянскаго юношества вѣхалъ въ видѣ охранителей, вмѣстѣ съ испанскими баронами. Гекторъ Фіерамоска скакалъ на конѣ между двумя своими друзьями—Иниго Лопесъ де-Айала и Бранкалеоне; на немъ былъ атласный плащъ, шитый серебромъ, работа и подарокъ обитательницы монастыря Святой Орсолы. Объ немъ шла молва, что онъ лучше всѣхъ выѣзжалъ коней. Тотъ, что былъ подъ нимъ, жемчужнаго цвѣта, съ черною гривой, подаренный ему сеньоромъ Просперо, былъ объѣзженъ съ такимъ стараніемъ, что казалось понималъ всѣ желанія своего господина, безъ помощи уздечки и шпоръ.

Казалось, что Фіерамоска имѣлъ даръ вездѣ быть первымъ, во всемъ и между всѣми, гдѣ бы онъ ни находился.

Превосходно сложенный, онъ выказывалъ гибкую статность тѣла, какъ-бы прилепленнымъ къ нему платьемъ, которое, особенно на колѣнахъ и ребрахъ, не имѣло ни одной складки; оно было изъ бѣлаго атласу. Онъ былъ такъ хорошъ, такъ красиво

держался на лошади, что когда конница скакала по улицамъ, толпы смотрѣли только на одного его и имъ только однимъ любовались. Молодой человѣкъ не могъ не замѣтить своихъ побѣдъ, но онъ едва не краснѣлъ передъ самимъ собою за то, что былъ занятъ мыслью, которюю съ трудомъ прощаютъ другому полу.

Взаключеніе поѣзда ѣхали оруженосцы всѣхъ этихъ начальниковъ, и по обычаямъ того времени, каждый синьоръ старался имѣть у себя въ услуженіи людей разныхъ странъ, и чѣмъ они казались болѣе дикими, тѣмъ дороже ихъ оцѣнивали. Поэтому тутъ были турецкіе спаги съ чешуйчатыми латами, съ искривленными саблями и ятаганами; люди изъ королевства Гренады, вооруженные мавританскими палицами; татарскіе стрѣльцы, въ томъ числѣ двое стремянныхъ Проспера Колонны, одѣтые въ самые яркіе цвѣта, съ луками и серебряными колчанами. Были тутъ и Арабы, изъ Верхняго-Египта, вооруженные длинными дротиками и варварскія лица этого народа, составляя противоположность съ лицами европейскими, представляли картину неопредѣленную, но вмѣстѣ съ тѣмъ полную истины.

Движеніе Гонзалво было привѣтствовано залпомъ изъ всѣхъ орудій, которыми были снабжены башни и стѣны крѣпости и звономъ колоколовъ, раздававшимся на далекое разстояніе. Посреди такого грома слышался повременамъ звукъ трубъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ, производя нѣчто цѣлое, если не совсѣмъ полное согласія, то по-крайней-мѣрѣ такое, что ясно выражало веселость, одушевлявшую войско.

Въ эту минуту капитанъ получилъ извѣстіе, что герцогъ Немурскій съ своими баронами вступилъ уже въ Барлетту, почему онъ, остановившись, послалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ къ нимъ на встрѣчу и спустя потомъ нѣсколько минутъ, Французы появились съ противоположнаго конца площади.

Герцогъ, увидя, что Гонзалво сошелъ съ лошади и шелъ къ нему, тоже сошелъ съ своего коня, и послѣ того, какъ оба со всею учтивостью протянули другъ другу руки, Французъ сказалъ очень вѣжливо, что онъ почелъ бы величайшею съ своей стороны невѣжливостью, если бы, получивъ приглашеніе на праздникъ, пріѣхалъ помѣшать ему, какъ непремѣнно бы случилось, когда бы для него, отецъ хотя одною минутою опоздалъ обнять дочь свою. Зная, что шли ей на встрѣчу, онъ просилъ, не позволено ли будетъ и ему, поѣхать вмѣстѣ съ ними; онъ говорилъ, что хотя война дѣлала ихъ врагами, однако жъ испанскій

военачальникъ, вѣрно, не откажется считать его первымъ между множествомъ тѣхъ, которые восхваляли въ немъ мужество, умъ и прочія высокія его доблести. Гонзалво не могъ не быть учтивымъ въ отвѣтъ на такія слова. Оба военачальника снова сѣли на сѣдла, и пустились въ путь первые; свита послѣдовала за ними, перемѣшавшись между собою и обращаясь другъ съ другомъ со всею учтивостью, въ которой Французы во всѣ вѣка были всегда искуснѣе прочихъ.

Немного далѣе или отъ воротъ, весь поѣздъ остановился, увидя, что изъ-дали появляется отрядъ, охранявшій посылки доньи Эльвиры.

Она ѣхала въ сопровожденіи Викторіи Коловны, дочери Фабриція, которая потомъ сдѣлалась женою маркиза Пескары и прославилась твердостью своего характера, добродѣтелями и умомъ. Гонзалво сошелъ съ мула, бросился обнимать дочь, которая тоже вышла изъ носилокъ, сильно прижималъ ее къ груди своей, называя ее нѣсколько разъ: *Hua di mi alma, дочь души моей* и осыпая ее ласками, которыя составляли рѣзкую противоположность съ важностью такого человѣка, какъ онъ.

Гекторъ и Инниго были избраны имъ, чтобъ служить оруженосцами его дочери; поэтому они шли впереди и подвели къ ней дамскую лошадь. Молодой Италіанецъ склонилъ одно колѣно къ землѣ, и дѣвушка, слегка коснувшись другаго, кончикомъ своей ножки, сѣла на лошадь съ такою граціозностью, которой трудно было бы найти подобной. Блѣдный лобъ Фіерамоски окрасился легкою краскою, когда донья Эльвира стала благодарить его съ такою улыбкою и съ такимъ движеніемъ глазъ, которые показали, какъ было ей пріятно назначеніе такого прекраснаго молодого человѣка въ ея оруженосцы.

Она (можетъ-быть причиною тому была и излишняя нѣжность отца) не имѣла, по несчастію, той зрѣлости сужденія, какой можно было бы требовать отъ дѣвушки двадцати лѣтъ. Пылкое сердце и живое воображеніе не всегда были у нея умѣряемы здравымъ сужденіемъ, которое такъ трудно найти въ томъ и другомъ полѣ, в которое, однако жъ, послѣ добродѣтели, составляетъ самое драгоценное сокровище души.

Ея подруга, Викторія Коловна, присоединила къ этому дару остроту и живость ума. Хотя обихъ надобно было бы назвать равно прекрасными, однако жъ невозможно было бы найти двухъ красавицъ болѣе различныхъ между собою. Блестящіе глаза доньи

Эльвиры, ея чистая улыбка, можетъ быть происходящая иногда отъ внутренняго чувства, которое говорило ей, что она прекраснѣе всѣхъ, нравились съ перваго разу; между-тѣмъ какъ величественная и истинно римская осанка дочери Фабриція, ея прекрасное лицо подобное тому, какое древніе ваятели воображали себѣ для изображенія музъ, какой-то божественный лучъ оставившій свой отпечатокъ между бровями, вкрадывались совершенно иначе въ сердце, производя въ немъ и привязанность и восхищеніе, такъ что трудно было скрыть ихъ. Проницательный взглядъ, быть-можетъ, открылъ бы въ ней отблескъ гордости; но если она точно была горда, то умѣла побѣдить свою гордость такъ, что и ее превратила въ добродѣтель.

=

ИСТОРИЯ БѢДНЫХЪ РОДСТВЕННИКОВЪ.

=

РОМАНЪ ДК-БАЛЬЗАКА.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

КУЗИНА ЛИЗА.

=

Въ 1833 году, мадамъ Лиза Фишеръ, сидя поздно вечеромъ за свѣтлою работою, которой у нея на тотъ разъ случилось очень много, почувствовала крѣпкій запахъ угару и услышала стоны умирающаго. Она стала прислушиваться и различила, что стоны раздаются надъ ея головою, въ свѣтелкѣ, гдѣ недавно поселился какой-то молодой иностранецъ, эмигрантъ, очень бѣдный. Догодываясь, что тутъ чтѣ-нибудь не ладно, она поспѣшно взбѣжала на верхъ, безъ церемоній выломала тонкую, плохую дверь и нашла сосѣда въ самомъ ужасномъ положеніи. Онъ катался на спеснѣ соломенномъ тюфякѣ въ корчахъ смертнаго томленія. Подлѣ стояла дымящаяся жаровня.

Лиза потушила жаровню, дымъ вышелъ черезъ отворенную

дверь и изгнанникъ былъ спасенъ. Уложивъ его какъ больного и успокоивъ, она могла угадать причину самоубійства во всемъ, что ее окружало. Все убранство двухъ маленькихъ комнатъ свѣтелки состояло изъ плохаго грязнаго стола, простой кровати съ соломеннымъ тюфякомъ и двухъ плетеныхъ стульевъ.

На столѣ лежала открытая записка такого содержанія:

« Я, графъ Венцеславъ Стевбракъ, родился въ Лифляндіи.

« Да не обвиняютъ никого въ моей смерти. Причина моего самоубійства въ томъ, что сынъ храбраго генерала Карла-Двѣнадцатаго не хотѣлъ просить милости. Мое слабое сложеніе не позволило мнѣ вступить въ военную службу. Вчера я видѣлъ конецъ ста талерамъ, съ которыми пріѣхалъ изъ Дрездена въ Парижъ. Въ столовомъ ящикѣ я оставилъ двадцать-пять франковъ, которые долженъ заплатить за квартиру.

« У меня нѣтъ родственниковъ я до смерти моей ни кому нѣтъ дѣла. Изъ соотечественниковъ моихъ я здѣсь никого не встрѣчалъ и не знаю. Я никого не отыскивалъ.

« Я умираю съ христіянскими помыслами. Да помилуетъ Богъ послѣдняго изъ Стевбракъ!

« Венцеславъ. »

— Бѣдный молодой человѣкъ! сказала тронутая мамзель Флешеръ: во всемъ свѣтѣ нѣтъ никого, кто бы позаботился объ немъ!

Она сходила домой, принесла свою работу и расположилась гостить у изгнанника.

Можно себѣ представить изумленіе самоубійцы, когда онъ проснулся и увидѣлъ у своего изголовья женщину. Ему казалось, что это продолженіе сновидѣнія. Золотошвейка уже дала себѣ слово взять молодаго человѣка подъ свое покровительство. Она успѣла разсмотрѣть спящаго изгнанника и онъ ей понравился. Пріятная наружность сильнѣе развила чувство состраданія.

Когда молодой человѣкъ совершенно очнулся, Лиза ободрала его и припала къ нему, чтобы узнать каковыя образомъ помочь ему.

Разсказавъ свою исторію, Венцеславъ прибавилъ, что чувствуетъ призваніе къ искусству; что у него всегда была рѣшительная склонность къ скульптурѣ, но что его, нищаго, пугаетъ время, необходимое для ученія, а идти въ простыя работники къ другимъ скульпторамъ онъ не можетъ, нѣтъ силъ.

Лиза Финшерь отвѣчала, что въ Парижѣ, кромѣ скульптуры, найдется много другихъ средствъ къ пропитанію и что, кто захочетъ жить, тотъ не умретъ съ голоду; что люди съ характеромъ и съ терпѣніемъ никогда еще не погибали.

— Я бѣдная деревенская дѣвушка, продолжала она, а между тѣмъ и я успѣла создать себѣ независимое положеніе. Выслушайте меня. Если вы хотите прилежно работать..... я кое-что сберегла на черный день..... я вамъ буду давать въ займы, сколько вамъ нужно, чтобы жить..... но жить аккуратно, не бражничать, не шататься праздно. Въ Парижѣ можно обѣдать по двадцатипяти су въ день, а завтракомъ я сама подѣлюсь съ вами. Я буду содержать вашу квартиру и платить за ученіе, какое вамъ нужно. Вы дадите мнѣ росписки въ деньгахъ, которыя я на васъ истрочу, а потомъ, когда разбогатѣете, заплатите. Если же вы не станете работать, я прощусь съ вами и конецъ.

Несчастный изгнанникъ, переходя изъ удушающихъ страшныхъ объятій смерти къ восторгу новой надежды на жизнь, но зная, какъ благодарить свою неожиданную покровительницу.

— Благодарительница моя! говорилъ онъ: будьте мнѣ другомъ, я буду вашимъ невольникомъ, вашими работамъ!

— О! нѣтъ, возразила Лиза, смѣясь: невольникомъ не нужно. Пріять васъ я не хочу; я слишкомъ ревнива и сдѣлала бы васъ несчастнымъ. Но я буду вашимъ товарищемъ, если хотите.

— Ахъ, если бы вы знали, какъ пламенно я молилъ Бога, чтобы послалъ мнѣ хоть какое-нибудь существо, хоть тирана, который бы обратилъ на меня вниманіе въ этомъ безпріютномъ Парижѣ!..... Въ этой пустынѣ, гдѣ я бродилъ одинъ, совершенно одинъ! Будьте мнѣ гениемъ хранителемъ..... Я стану работать.... я сдѣлаюсь лучше чѣмъ былъ, хотя я не изъ негодяевъ.

— Вы все сдѣлаете, что я вамъ скажу?

— Все, все сдѣлаю!

— Ну, хорошо, вы будете мнѣ сыномъ, сказала она весело: вы мой. Я отняла васъ у могилы. Такъ.... начинается! Я пойду за провизіей, а вы покуда одѣвайтесь. Приходите ко мнѣ завтракать, когда я шетной постучу въ потолокъ.

На другой день мамзель Лиза Финшерь, въ магазинахъ, куда относима работа, развѣдала о ремеслѣ скульпторовъ, отыскала мастерскую Флорана и Шанора, гдѣ отливались и чеканились дорогія бронзы и великолѣпные серебряные приборы. Она привела туда Стеибрака въ качествѣ ученика скульптуры. Предложе-

не показалось страннымъ. У Флорана и Шелора исполнялись вещи по моделямъ знаменитѣйшихъ мастеровъ, но скульптурѣ не учили. Упрямая старая дѣва однако жъ поставила на-своемъ и помѣстила тамъ *своего сына* въ качествѣ рисовальщика орнаментовъ. Стенбракъ скоро самъ сталъ лѣпить орнаменты и изобрѣталъ новые. У него было призваніе.

Мѣсяцевъ черезъ пять онъ познакомился съ знаменитымъ скульпторомъ Ствдманомъ, котораго произведенія отливались у Флорана. Черезъ двадцать мѣсяцевъ ученикъ зналъ все, что зналъ мастеръ, но зато на тридцатый мѣсяцъ оказалось, что все накопленное золотошвейей въ продолженіи шестнадцати лѣтъ, совершенно истрчено. Двѣ тысячи пять сотъ франковъ превратились въ вексель, подписанный изгнанникомъ. Мамзель Лиза работала, какъ бывало въ молодые годы, чтобы выдержать расходъ на Стенбрака; но увидѣвъ, что средствъ ея не достаетъ безъ добачныхъ, струсила и побѣжала къ Ривѣ, который уже пятнадцать лѣтъ былъ совѣтникомъ и другомъ своей первой и самой искусной швей. Узнавъ объ ея приключеніи, мосьё и мадамъ Ривѣ порядочно намылили мамзель Лизѣ голову, назвали ее сумасшедшею, а всѣхъ изгнанниковъ дармоедами, которые безсовестно подрываютъ благосостояніе промышленности и торговли. Потому, по надлежашемъ обсужденіи дѣла, мосьё Ривѣ доказалъ мамзель Лизѣ, что она должна, какъ говорится въ коммерціи, обеспечить себя.

— А единственное обезпеченіе, какое этотъ молодецъ можетъ представить, состоитъ въ его свободѣ, заключилъ Ривѣ.

Ривѣ служилъ тогда совѣтникомъ въ коммерческомъ судѣ.

— Для иностранца это не бездѣлица, продолжалъ онъ потомъ: Французъ у насъ просидитъ въ тюрьмѣ пять лѣтъ, выйдетъ на свободу, не заплативъ своимъ кредиторамъ ни полушки, и долтъ остается у него только на совѣсти, которую это не очень обременяетъ. А иностранца никогда даромъ не выпускаютъ, хоть всю жизнь сиди. Дайте мнѣ вашъ вексель. Вы перепишете его на имя моего бухгалтера, тотъ протестуетъ, подаетъ во звышннннн на васъ обонхъ и, когда все дѣло будетъ въ порядкѣ, дастъ отъ себя другой вексель на ту же сумму. Такимъ образомъ ваши проценты пойдутъ своимъ чередомъ и у васъ въ рукахъ всегда будетъ заряженный пистолетъ на вашего выходца. Онъ у васъ будетъ связанъ по рукамъ и ногамъ и вы въ любой часъ можете отвести ему квартиру въ Клиши.

Такъ и ворѣшмамъ. Венцеславу намъомъ Анза объяснила, что это дѣлается для того, чтобы успокоить и обезопасить одного родственника, который соглашается давать имъ денегъ въ займы. Въ подробности безопасный артистъ не входилъ.

Достойный совѣтникъ коммерческаго суда былъ такъ доволенъ собой, какъ человекъ, которому удалось сдѣлать злое доброе дѣло.... Благотворительность нынче развивается въ такія разнообразныя формы, что это страшное выраженіе очень удачно соответствуетъ одной изъ нихъ.

Сарутинъ молодчика, который *ощипалъ* его швею, мосье Ривѣ пошелъ на развѣдки, не отыщутся ли средства заставить его платить прежде тюрьмы. Проще всего было отправиться къ сабрикантамъ, у которыхъ Венцеславъ работалъ.

Въ кабинетѣ у Шанора, Ривѣ засталъ Стидмана. Начавъ расспросы, замолотившій съ первыхъ словъ обнаружилъ некоторое пренебреженіе къ изгнаннику.

— О какомъ это Стенбракѣ вы спрашиваете? возразилъ Стидманъ: ужъ не о томъ ли молодомъ человекѣ, который учился у меня? Такъ знайте, милостивый государь, что это великій художникъ! Говорятъ, что я на чеканкѣ собаку съѣлъ, а онъ... могу вамъ засвидѣтельствовать.... черта проглотилъ.

— А! сказалъ коммерціи совѣтникъ, выгораживая глаза: такъ этотъ молодой человекъ можетъ деньги заработать?

— Безъ-сомнѣнія, отвѣчалъ старикъ Шаноръ: но только нужно, чтобы онъ работалъ. Онъ и теперь былъ бы не безъ денегъ, если бы остался у насъ. Но что вы станете дѣлать съ художникомъ! Зависимость — имъ чужа.

— Они только сознаютъ свое достоинство и великую свою пользу, возразилъ Стидманъ: я не осуждаю Венцеслава, что онъ хочетъ работать одинъ, старается составить себѣ имя и сдѣлать-ся великимъ человекомъ. Это его право!

— Вотъ! вскричалъ Ривѣ: вотъ онъ, претензіи ювешей, только-что сокочившии съ нискольной спанійки!... Лучше бы нажали себѣ сперва, чѣмъ жить, а потомъ уже вскали бы слезы.

— Собери гроши руку испортишь, отвѣчалъ Стидманъ. Намъ пусть лучше слава принесетъ состояніе.

— Правду сказать, оно иначе и нельзя, замѣтилъ Шаноръ: а если бы и можно было, такъ ноги, привали этихъ геопедъ!...

— Перегрызутъ перапку, возразилъ Стидманъ.

— У всѣхъ этихъ господъ, продолжалъ Шаноръ, взглянулъ на

Стидмана, столько же прихотей, сколько таланта. Могать страшно... такъ за окно и швыряють деньги. Это бы еще ничего. Да вотъ дѣла: не исполняютъ заказовъ! Мы принуждены отыскивать работниковъ, которые далеко ихъ не стоятъ, и которые однако жъ паживаются. И они же потомъ еще жалуются на худыя времена, тогда какъ имъ стоило бы немножко позаняться, накопили бы горы золота.

— Вы, почтеннѣйшій дядюшка Шаноръ, возразилъ Стидману, невозможно похожи на того книгопродавца, который говаривалъ: «Ахъ, если бы я могъ поддержать Монтескье, Вольтера и Руссо у себя на полатахъ, да запереть бы ихъ штаны въ коммодъ, какихъ бы они у меня написали книгъ! какъ бы я важился отъ изданій!...» Если бы художественныя произведенія можно было ковать какъ гвозди, всякій батракъ наковалъ бы... Полноте толковать-то, дядюшка Шаноръ. Дайте-ка мнѣ лучше тысячу франковъ!

Ривѣ воротился домой восхищенный за мамзель Лизу, которую долженъ былъ найти у себя, потому что она по четвергамъ у него обѣдала.

— Если вы сможете заставить вашего выходца работать, сказалъ онъ, вы счастливы: вы воротите вашъ капиталъ, и съ процентами, и съ издержками. У него есть талантъ, говорятъ; онъ можетъ добывать деньги. Только нужно отобрать у него штаны и сапоги и запереть въ коммодъ, чтобы онъ не ходилъ по воксаламъ, да по клубамъ. Безъ этихъ предосторожностейъ вашъ скульпторъ будетъ шататься; а если бы вы знали, что у художниковъ называется *шататься*!... просто ужасъ что такое. Я сейчасъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ молодецъ взялъ тысячу франковъ билетъ, котораго хватить, можетъ-быть, на два дня, а можетъ-быть и на одинъ.

Этотъ эпизодъ имѣлъ страшное вліяніе на домашнюю жизнь Венцеслава и Лизы. Благодѣтельница стала макать хлѣбъ изгнанника въ польвинный настой упрековъ, когда увидѣла, что ея деньги въ опасности. А она часто считала ихъ уже совершенно погибшими. Хорошая мать стала мачихой. Она грызла бѣднаго ребенка, колола, мучила, терзала, когда ей казалось, что онъ медленно работаетъ. Она безпрестанно ворчала на него, зачѣмъ онъ избралъ такое трудное ремесло. Она не могла повѣрить, чтобы куклы и игрушки изъ краснаго воску и клочки изчерченной, испачканной бумаги могли имѣть какую-нибудь цѣну. Потомъ ей иногда ста-

довилось жаль своего воспитанника. Она старалась загладить суровость ласкою и вѣжною внимательностью.

Бѣдный молодой человекъ, постолавъ подъ ярмомъ этой меры, наглотавшись грубостей отъ лотарингской мужички, снова приходилъ въ восторгъ отъ баловства и родительскихъ попечевій мамзель Лизы. Онъ, какъ женщина мужу, просалъ цѣлыя недѣли несноснаго обращенія за одинъ день благосклонности и вѣжливости.

Мамзель Лиза Фишеръ овладѣла этою душой безусловно. Властолюбіе, оставшеся въ сердцѣ старой дѣвки въ состояніи зерна, развилось немощно быстро. Она могла воистинѣ удовлетворить свою гордость и свою потребность дѣятельности: она нашла существо, которое могла считать своею собственностью, которымъ могла повелѣвать, котораго могла терзать, не опасаясь ни какого соперничества. И хорошая и дурная стороны ея характера равно находили случай къ упражненію. Если она иногда мучила несчастнаго изгнанника, такъ зато у нея проявлялись и любезности, которыя очаровывали какъ красота полевого цвѣтка. Лучшее ея наслажденіе было — видѣть, что Венцеславъ ни въ чемъ не нуждается; она жизнь свою отдала бы за Венцеслава. И онъ зналъ это.

Бѣдный молодой человекъ, какъ и всякая добрая душа, забывалъ злость и недостатки этой старой дѣвы и не помнилъ ничего кромѣ благодѣяній, особенно съ тѣхъ поръ какъ она рассказала ему повѣсть своей жизни, которая вполнѣ оправдывала ея дикость и суровость.

Однажды мамзель Лиза, взбѣшенная лѣтностью Венцеслава, сдѣлала ему сцену.

— Вы моя собственность! сказала она: если вы честный человекъ, вы должны стараться возвратить по возможности, чѣмъ обязаны мнѣ....

У Венцеслава кровь Стевбраковъ возмутилась. Онъ поблѣднѣлъ.

Въ первый разъ онъ сдѣлалъ возраженіе на упреки своей покровительницы. Онъ въ свою очередь сталъ укорять ее, зачѣмъ спасла его отъ смерти и осудила на жизнь каторжника, на жизнь хуже смерти, въ которой по-крайней-мѣрѣ можно отдохнуть. И онъ заговорилъ о побѣгѣ.

— Бѣжать! вскричала Лиза: бѣжать!... А! Ривѣ правду говоришь!

И она логически объяснила своему воспитаннику, какънѣ образомъ его въ двадцать-четыре часа можно засадить въ тюрьму на всю жизнь. Это былъ ударъ палицею. Стенбракъ впалъ въ иррациональную меланхолю, въ совершенную безчувственность.

На другую ночь Лиза услышала приготовленія къ самоубійству. Она пришла и подала Венцеславу вексель и квитанцію.

— Возьмите, дитя мое, и простите меня, сказала она со слезами на глазахъ. Будьте счастливы, оставьте меня. Я слишкомъ тревожу васъ. Но скажите мнѣ, что вы иногда будете вспоминать о бѣдной дѣвушкѣ, которая доставила вамъ возможность доставать хлѣбъ. Вѣдь я для вашей же пользы иногда была зла; что бы съ вами случилось, если бы я умерла?... Вотъ причина, почему я такъ нетерпѣливо желала видѣть, что вы можете дѣлать вещи, годныя въ продажу. Я не для себя требовала у васъ денегъ... право, не для себя! Меня пугала ваша лѣнь, которую вы называли думами, мечтами. Мнѣ хотѣлось, чтобы вы, вмѣсто того чтобы тратить золотое время на ваши «творенія» — какъ вы говорите, — приучались бы къ труду.

Это было сказано съ выраженіемъ, съ взглядомъ, со слезами, въ положеніи, которыя глубоко тронули художника. Онъ обнявъ свою благодѣтельницу, прижалъ къ груди и поцѣловалъ въ лобъ.

— Спрячьте эти бумаги, сказалъ онъ весело: зачѣмъ вы посадите меня въ тюрьму? Развѣ я не привязанъ здѣсь признательностью?

Впродолженія шести мѣсяцевъ послѣ этого эпизода своей домашней жизни, Венцеславъ сработалъ три вещи: печать, которую берегла Гортензія; группу, поставленную у продавца древностей и роскошные столовые часы, которые оставалось только дочистить.

На кругломъ цоколѣ, удивительно изящно обвитомъ орнаментами и фантастическими животными, двѣнадцать часовъ, по примѣру греческой мифологіи, были олицетворены въ видѣ двѣнадцати женщинъ съ причудливыми каждому часу атрибутами. Онъ мчался въ хороводной пляскѣ такъ рѣзко и быстро, что изъ трехъ амуровъ, взобравшихся на грудь цѣтвовъ и плодовъ, только одинъ, самый бойкій, успѣлъ захватиться за хлякину Часа Полуночи. Циферблатъ былъ вставленъ въ разинутую пасть какого-то чудовища.

Лиза стерегла Венцеслава съ вѣжностью матери, съ ревностью женщины и съ пронзительностью дракона. Не давая ему до-

негъ въ руки, она устроила такъ, что всякая прихоть, всякая шалость была для него рѣшительно невозможна. Она хотѣла, чтобы ея товарищъ жилъ такъ же скромно какъ она сама. Она не понимала варварства этого нелѣпаго желанія, потому что съ малыхъ лѣтъ привыкла къ всевозможнымъ лишениямъ. Она любила Стенбрака достаточно для того, чтобы не выйти за него замужъ, но любила слишкомъ много, для того чтобы уступить его другой женщинѣ. Ей трудно было оставаться только матерью, а между-тѣмъ всякую мысль о другой роли она сама называла сумасшествіемъ.

Эти противорѣчія, эта дикая ревность, это счастье обладать человѣкомъ, какъ своею собственностью, до крайности волновали сердце старой дѣвки. Будучи уже четыре года действительно влюблена, она ласкала безумную надежду продлить эту странную и безцѣльную жизнь до безконечности и не думала, что можетъ погубить, испортить все существованіе человѣка, котораго называла своимъ сыномъ.

Борьба истиннаго съ разсудкомъ сдѣлала Лизу несправедливою и безжалостною тиранкой. Она мстила Венцеславу, зате, что не могла предложить ему ни молодости, ни красоты, ни богатства. Потомъ, послѣ каждаго мщенія, сознавая въ душѣ свою несправедливость, доходила до безпредѣльной гнѣбности, до уничтоженія. Она, казалось, только тогда способна была изобрѣсть приличное жертвоприношеніе своему идолу, когда нанереди топоромъ докажетъ свою власть. Это была Шекспирова «Буря» на изнанку, — Калибанъ, господинъ Аріеля и Просперо.

У несчастнаго молодого человѣка, и безъ-того склоннаго къ гнѣву, къ задумчивости, какъ у льва, запертаго въ клетку зѣрища, въ глазахъ отражалась пустыня, въ которую покровительница превратила его душу. Насильственная работа, которой Лиза требовала отъ него, не удовлетворяла его сердце. Скука одѣлалась у него физическою болѣзною. Онъ умиралъ, а не могъ спросить, не умѣлъ достать денегъ на развлеченіе, часто необходимое.

Въ нѣвые дни, когда въ молодомъ человѣкѣ временно пробуждалась сила души, или когда сознаніе несчастія приводило его въ раздраженіе, онъ смотрѣлъ на Лизу, какъ томимый жаждою путникъ на пустынномъ берегу моря долженъ смотрѣть на едущую воду.

Лиза съ ужасомъ предвидѣла, что мглающая страсть отниметъ

у нея невольника. Иногда она досадовала на себя, что сама давала Венцеславу средство обойтись без нея.

Подоспели къ оперному театру, баронъ Гюло удивился, что не нашель ни свѣту, ни жандармовъ, ни экипажей. Онъ взглянулъ на афишу, на ней посерединѣ была наклеена полоска бѣлой бумаги съ роковою надписью: «Представленіе откладывается, но болѣзнь».

Гюло бросился къ Жозефѣ, которая, какъ и всѣ оперные артисты, жила въ окрестности театра, въ улицѣ Шошъ.

— Кого вамъ нужно, сударь? спросилъ дворникъ, къ великому изумленію барона.

— Развѣ ты не узнаешь меня?

— Какъ не узнать, сударь! Мнѣ приказано остановить вась.

Гюло вздрогнулъ.

— Что случилось? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Если вамъ угодно пройти въ квартиру мамзель Маря, вы найдете тамъ мамзель Элизу Бристю, мосеѣ Леона де-Лора, мосеѣ Лусто, мосеѣ Вернисе, мосеѣ Стидмана и нѣсколькихъ раздуженныхъ дамъ, которыя сегодня празднуютъ каникулы.

— А гдѣ же?...

— Мамзель Мира? Не знаю, право, сказать ли вамъ, сударь.

Баронъ сунулъ дворнику въ руку двѣ пяти-франковыя монеты.

— Ну, такъ и быть. Она, сударь, переѣхала въ улицу Виль-Эвекъ, въ домъ, который ей подарилъ, говорятъ, герцогъ д'Эрувиль, сказалъ дворникъ вполголоса.

Баронъ спросилъ номеръ, взялъ извозчичью карету и пріѣхалъ на указанное мѣсто. Газовый фонарь на подъѣздѣ уже свидѣтельствовадь о роскоши жильцовъ.

Баронъ, въ синемъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ бѣломъ галстухѣ, съ туго накрахмаленнымъ жабо и въ блестящихъ сапогахъ могъ быть принятъ за запоздаващаго гостя изъ приглашенныхъ. Его свободная поступь совершенно оправдывала это мнѣніе.

Новый лакей почтительно принялъ карточку, проводилъ ба-

рона въ гостиную и просилъ подождать, сказавъ, что барыня съ гостями скоро отобѣдаетъ.

Гостинная была убрана великолѣпно. Сверхъ всего, чѣмъ можно за деньги окружить себя всякій лавочникъ, тутъ были и вещи, доступныя только знатному барину,—какъ напримѣръ, тысяча на двѣсти картинъ знаменитѣйшихъ мастеровъ, въ рамкахъ, которыя стоили почти столько же.

— Ну, что, старина? Ты понимаешь теперь? сказала барону Жозефа.

Она на цыпочкахъ подкралась черезъ нѣмую дверь, по персидскому коврау и застала своего обожателя въ совершенномъ ослѣбѣннѣи.

Отъ слова «старина», сказаннаго со всею дерзостью комедiantки, привыкшей обращаться съ знатью за манжрата, у барона зазвенѣло въ ушахъ.

Жозефа, вся въ бѣломъ и желтомъ, была такъ одѣта, что средь всей окружавшей ее безумной роскоши могла еще блестяще какъ алмазъ въ оправѣ.

— Не правда ли, что это хорошо? продолжала она: герцогъ скупилъ анціи цѣлой компаніи и все тутъ положилъ. Вотъ молодецъ! Вотъ истинный баринъ! Сегодня, передъ обѣдомъ, нотаріусъ принесъ мнѣ контрактъ и квитанцію въ полученіи денегъ. А о твоихъ несчастіяхъ, старина, все наши друзья очень жалуютъ. Они все здѣсь, — д'Эгриньонъ, Растиньякъ, Максимъ, Ломоуръ, Вернелъ, Лажинскій, Нюскигенъ, Дюгидѣ и Антонія, Малага, Карабина и Шонцъ. Ты тоже приглашенъ, но съ условіемъ: ты сейчасъ же долженъ выпить бутылку венгерскаго и бутылку шампанскаго, чтобы поровняться со всеми. Мы здѣсь все слишкомъ заняты и потому спектакль отложенъ. Мой директоръ натянулся какъ барабанъ. Онъ уже *клянется*.

— Жозефа! вскричалъ баронъ.

— Объясненіе? Какъ это глупо! отвѣчала Жозефа съ улыбкой: разсуди, стоишь ли ты весь того, что стоятъ этотъ домъ съ убранствомъ? Можешь ли ты мнѣ дать такой листъ бумаги, въ какомъ герцогъ принесъ мнѣ фунтъ конфетовъ? Этотъ листъ — документъ на тридцать тысячъ доходу. Не правда ли, нилал идея — свернуть такой листикъ въ лавочную трубку?....

— Какая беззавѣстность! сказалъ баронъ, который въ эту минуту ярости продалъ бы брилліанты своей жены, чтобы на одинъ сутки занять мѣсто герцога д'Эрвилла.

— Но зачѣмъ ты не директоръ компаніи на ашійскѣ? Зачѣмъ ты не умѣешь превращать каменный уголь въ золото? Вѣрнѣе, ты, мой бѣдняжка, крапивоный комикъ, долженъ благодарить меня: я оставлю тебя въ такую минуту, когда ты въ состояніи съѣсть собою будущность твоей жены и приданое дочери и.... А! ты плачешь? Прости, имперія!

Она приняла трагическую позу и сказала:

— Тебя зовутъ Гюло? Отвѣтъ я тебя не знаю!....

Она ушла. Черезъ отворенную на минуту дверь изъ соседней комнаты брызнулъ потокъ яркаго свѣту, напуганный благоуханіемъ пируества и сопровождаемый оторванными залпомъ шумной оргіи.

Пьяница воротилась и сказала:

— Еще одно слово, баронъ. Всю ветошь въ улицѣ Шенъ уступила малюткѣ Элонзѣ Бристѣ. Если вамъ угодно выработать вашъ бумажный колпакъ, вашъ халатъ, ваши сапожныя крылья и фабрику для усовъ, можете получить. Я выговорила условіе, чтобы все это было возвращено вамъ въ цѣлости.

Эта насмѣшка дала барону Гюло омончательный толчокъ. Онъ вышелъ какъ Лотъ изъ Гоморры и восталдывался—какъ Лотова жена.

Онъ пришелъ домой, взбѣшенный, говоря съ самимъ собою, и всталъ свое семейство за спокойнымъ вистомъ, который у него начался.

Увидѣвъ мужа, бѣдная Аделина вообразила, что случилось величайшее несчастіе, передала карты Гортензій и увлекла своего Гектора въ ту самую гостиную, гдѣ, пять часовъ тому назадъ, Крвдль предказывалъ ей самыя постыдныя томшенія нищеты.

— Чтѣ съ тобой? спросила она въ страхѣ.

— О! прости мнѣ.... Но позволь рассказать, какъ водило со мной поступили.

Онъ вироделженіи десяти минутъ заливалъ свою ярость.

— На, послушай, другъ мой, отвѣчала съ герезиномъ бѣдная женщина: если ужъ тебѣ необходимо имѣть любовницъ, зачѣмъ же ты не пенщешь женщинъ въ такомъ классѣ, гдѣ ихъ находить Крвдль, гдѣ онѣ долгое время довольствуются малымъ. Ты бьмъ бы спокойнѣе и счастливѣе и мы все выиграли бы... Я понимаю потребность, но не понимаю тщеславія.

— О! какая ты добрая, какая ты дивная женщина! вскри-

нѣтъ Гюль, схвативъ жену за руку. Я старшій дуракъ! Я не стесняюся того, чтобы обладать такою женой!

— Я только Жоссеина моего Наполеона, отвѣчала она съ отъѣвкомъ грусти.

— Жоссеина не стоила тебе, возражалъ Генрихъ. Пойдемъ продолжать вѣсть. Пора нѣтъ серьезно взяться за ремесло отца семейства; пора выдать дочь замужъ и похоронить волокитство.

Эта добродушнѣ дотога тронуло бѣдную Аделлину, что она свамла:

— Твоя Жоссеа, вѣрно, негодная женщина, когда она могла предпочесть кого бы то ни было моему Генриху. Какъ можешь покинуть тебя кто-нибудь, кого ты любишь!...

Взглядъ, которымъ баронъ награждалъ «анатемизмъ своей жены», утверждалъ ее въ мнѣннн, что крѣпость и преданность самаа мнгуственнонныя оруднн женщины.

Она ошибалась. Благородныя чувства, будучи утрерозаваны до крайности, производятъ иногда тѣ же слѣдствнн, какъ и величайшнн пороки.

На другой день Гортензнн встала очень рано, надѣла шляпку и, выйдя въ садъ, велѣла повростнть туда же отца, какъ только встанетъ.

Печать Вендессава почевана у нея подъ подушкой.

Часу въ десятомъ въ половннн, баронъ Гюль объ-руку съ мнторнн пошелъ гулять вдоль набережной, черезъ Королевскнн Мостъ, на Карусельскую Площадъ. Гортензнн увидала его нѣе дальше.

— Куда же ты? спросила она наконецъ съ удивленннмъ: какъ же здѣсь гуляешь!

— Ничего, папа. Мы можемъ здѣсь пройти въ Музей, а ннн, сказала она, указывая на нѣсколько досчатыхъ лавокъ на углу улицы Дойжннн: тамъ тоже есть рѣдкости, древности, картины....

— Тамъ живетъ твоя кузина.

— Я знаю. Но нужно, чтобы она не видала насъ.

— Что же мы здѣсь станемъ дѣлать? спросилъ баронъ но обратнвъ вниманнн на отвѣтъ.

Она вдругъ вспомннла о мадамъ Марсезъ, отъ оконъ которой нннеднннн шелъ въ тридцати.

Гортензнн привела отца къ мадамъ антиварнннн и, внннннн

требъ что-то, вошла въ одинъ изъ нихъ, а ему предоставили свободу смотрѣть по окнамъ.

Баронъ отвернулся отъ выставки древностей и обратилъ все свое вниманіе на окна молодой женщины, которая накануне оставила свой образъ въ его сердцѣ, какъ-будто нарочно для того, чтобы исцѣлить рану, которую ему суждено было получить.

Гюль вспоминалъ и о совѣтѣ своей жены.

— Въ самомъ дѣлѣ лучше поискать счастья у мѣщанокъ, сказалъ онъ себѣ. Вотъ, хотя бы напрямѣръ у этой.... Очень маленькая.... Какъ-разъ заставитъ забыть о жадной Жозефъ.

Въ одномъ изъ оконъ своей новой *миленькой*, баронъ примѣтилъ мужа, который своеручно выколачивая свой сюртукъ, повидимому, чего-то поджидалъ и высматривалъ на площадъ.

Опасаясь обратить на себя вниманіе, влюбленный баронъ повернулся спиной къ улицѣ Дойеннѣ, однако жъ сталъ всё-таки въ три-четверти фаса, чтобы можно было отъ времени до времени взглянуть. При этомъ движеніи онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ мадамъ Марнефъ, которая шла отъ набережной дю-мей.

Валерія, встрѣтивъ изумленный взглядъ барона, точно ударъ ощутила и жеманно потупила глазки.

— Вотъ красавица, для которой можно надѣлать тьму глуностей! вскричалъ баронъ.

— Позвольте спросить, сказала она, оборотясь, какъ женщина, которая принимаетъ рѣшительную мѣру: вы, кажется, баронъ Гюль?

— Да, отвѣчалъ остолбенѣвшій баронъ.

— Ну, такъ, если ужъ случай привелъ нашимъ глазамъ два раза встрѣтиться и если мнѣ неслучливо удалось обратить на себя ваше вниманіе, я вамъ скажу, что вмѣсто тьмы глуностей вы можете сдѣлать одну справедливость.... Судьба моего мужа зависитъ отъ васъ.

— Какимъ образомъ? вѣжливо спросилъ баронъ.

— Мой мужъ служитъ у васъ, въ военномъ министерствѣ, въ отдѣленіи Лебрёна, сказала она съ улыбкой.

— Я готовъ, мадамъ.... мадамъ....

— Мадамъ Марнефъ.

— Прелестная мадамъ Марнефъ, я готовъ даже на несправедливость въ угоду вашимъ глазкамъ. У васъ въ дѣлѣ идетъ моя

кузина. На-дняхъ я буду у нея. Приходите туда, объясните мнѣ вашу просьбу.

— Извините мою смѣлость, баронъ, но вы поймете, отчего я отважилась заговорить съ вами такимъ образомъ.... Я не имѣю ни какой протекціи....

— О! о!...

— Извините, баронъ.... вы ошибаетесь, сказала Валерія, потушивъ глаза.

Барону показалось, что солнце скрылось.

— Я въ отчаяніи, но я честная женщина, продолжала она: полгода тому назадъ я лишилась единственнаго моего покровителя, маршала Монкорнѣ.

— А! вы, кажется, дочь маршала Монкорнѣ?

— Да, но онъ не признавалъ меня.

— Однако жъ оставилъ вамъ часть своего имѣнія.

— То-то, что ничего не оставилъ. Духовной не нашли.

— Ахъ! бѣдняжка! Маршала печально засталъ параличъ. Но не теряйте надежды. Дочь одного изъ Баардовъ имперіи имѣетъ право на вниманіе.

Мадамъ Марнѣѣ граціозно присѣла и ушла, столько же довольная своимъ успѣхомъ, сколько баронъ своимъ.

Проводивъ мадамъ Марнѣѣ алчными глазами до ея дому, Гюль вспомнилъ о своей дочери и пошелъ въ лавку.

Въ дверяхъ онъ чуть не наткнулся на молодого человѣка, блѣднаго, съ сѣрыми, но блестящими глазами, въ черномъ камлотовомъ пальтѣ, въ клѣтчатыхъ тиковыхъ брюкахъ, въ саноггахъ съ нечернеными голенищами. Онъ выскочилъ какъ сумасшедшій и побѣжалъ въ тотъ же домъ, гдѣ жила мадамъ Марнѣѣ.

Войдя въ лавку, Гортензія тотчасъ увидѣла, что не ошиблась. Хваленая группа стояла на видномъ мѣстѣ на столѣ, прямо противъ двери. Вещь эта была такова, что и безъ предварительнаго знакомства по разсказу, должна была поразить всякаго, кто понимаетъ изящное. Она носила на себѣ отпечатокъ характера, свойственнаго мастерскому произведенію молодого, свѣжаго, пылкаго воображенія, которое еще не разсчитываетъ; не извѣргаетъ своихъ силъ, а творитъ единственно по побужденію чувства, по потребности творить. Венцеславова группа была то же, что «Бракосочетаніе Мадонны» на ряду со всѣми прочими произведеніями Рафаэля.

Гортензія, соображая омы своей сохранный кассы, удержалась от явного восхищенія и, принявъ равнодушно-любопытный видъ, спросила :

— Что эта штука стоитъ ?

— Полторы тысячи франковъ, отвѣчалъ купецъ, бросивъ косякннй взглядъ на молодого человѣка, который сидѣлъ въ углу на табуретѣ.

Этотъ молодой человѣкъ обомлѣлъ, увидѣвъ мастерское произведеніе барона Гюло. По мгновенной легкой краскѣ на блѣдномъ лицѣ и по искрѣ, сверкнувшей въ сѣрыхъ глазахъ при ея вопросѣ, Гортензія узнала художника. Она сперва съ участіемъ посмотрѣла на опавшія щеки и глубокія впадины глазъ, потомъ съ удовольствіемъ на розовые, пріятно очерченныя губы, на нѣжный маленькій подбородокъ и шелковистые свѣтло-русые волосы иностранца.

— Если бы тысячу двѣсти, отвѣчала она, такъ я сказала бы: пришлите ко мнѣ....

— Это античная вещь, сударыня, замѣтилъ купецъ съ значительнымъ удареніемъ на словѣ, которымъ выражается высшее достоинство вещей у всѣхъ любителей стараго хлану.

— Извините, эта вещь сдѣлана въ нынѣшнемъ году, споконно отвѣчала Гортензія : я нарочно пришла попросить васъ, чтобы вы прислали къ намъ самого художника, если онъ оогласится взять эту цѣну. Мы можемъ достать ему довольно значительный заказъ.

— Положимъ, онъ согласится взять тысячу двѣсти. Но мнѣ, сударыня, тоже нужно что-нибудь за коммисію....

— Сколько же вамъ?...

— Ахъ, сударыня, возьмите! возьмите! я ужъ сдѣлаюсь съ номъ коммисіонеромъ, вскричалъ Венцеславъ въ себя.

Ослѣпленный удивительною красотою Гортензіи и ея любовью къ искусству, онъ прибавилъ :

— Это моя работа. Вотъ уже полторы недѣли, я по три раза въ день прихожу смотрѣть, не найдется ли покупатель. Вы первая обратили на нее вниманіе. Возьмите ее.

— Придите, сударь, черезъ часъ.... Вотъ адресъ моего отца, сказала Гортензія.

Потомъ, когда купецъ пошелъ въ другую комнату, чтобы вернуть грунту въ бунту, дѣвушка, къ великому изумленію художника, прибавила :

— Ради вашей будущности, мосьё Венцеславъ, не показывайте этой карточки, не говорите имени вашего покупателя мамзель Лизъ Фишеръ: это наша кузина.*

Слово «наша кузина» оглушило художника. Ему привидѣлся отверзтый рай. Онъ ровно столько же, если не больше, мечталъ о прекрасной кузинѣ, о которой рассказывала Анна, сколько Гергензия о любовникѣ своей кузины.

Можно себя представить, какимъ взглядомъ молодые люди поглядывали, будучи такимъ образомъ приготовлены. То было пламя, потому что добродѣтельные любовники не знаютъ лицемерія.

Венцеславъ выскочилъ. Въ дверяхъ явился баронъ Гюло.

— Ну, что ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ онъ.

— Я изтратила всю мою экономическую сумму.

— Тысячу двѣсти франковъ?

— Тысячу триста, отвѣчала Гертензия, взявъ отца подъ руку.

— Что же ты могла купить здѣсь на такую сумму?

— А какъ бы ты думалъ, мамъ? возразила счастливая дѣвушка яшла здѣсь жениха! Вѣдь это значитъ не дорого дать!

— Жениха? въ этой лавкѣ?

— Выслушай, добрый мамъ. Ты не запретишь мнѣ выйти за великаго художника?

— Нѣтъ. Великій художникъ значитъ—князь.... только безъ титула. Это — слава и богатство, два величайшія преимущества въ обществѣ.... послѣ добродѣтели, прибавилъ онъ немножко лепетринымъ тономъ.

— Разумѣется! отвѣчала Гертензия. А что ты думаешь о скульптурѣ?

— Это плохая часть, отвѣчалъ Гюло, вздернувъ голову: нужно кромѣ большого таланта имѣть большую протекцію. Правительство единственный потребитель. Это искусство не имѣетъ сбыту въиче, когда знать уже не существуетъ; когда нѣтъ уже ни большихъ имѣній, ни майоратствъ, ни княжескихъ дворцовъ. У насъ едва находится мѣсто для маленькихъ картинокъ и для статуэтокъ. Всѣ искусства занимаются мелочами.

— Но великій художникъ найдетъ потребителей.

— Можетъ-быть.

— Найдеть и покровительство.

— Тѣмъ лучше.

— Онъ изъ дворянъ.

— О!

— Графъ!

— И занимается скульптурой?

— У него нѣтъ состоянiя.

— И онъ рассчитываетъ на состоянiе мацель Гортензiа Гюло? насильственно спросилъ баронъ, устремивъ на дочь испытующий взглядъ.

— Этотъ графъ, художникъ, скульпторъ, сейчасъ видѣлъ вашу дочь въ первый разъ въ жизни, и то впродолженiи пяти минутъ, спокойно отвѣчала Гортензiа. Вчера, въ то время когда ты былъ въ палатѣ, мамâ упала въ обморокъ. Она сказала, что это отъ нервовъ, но это было отъ огорченiя, отъ неудачи сватовства, я знаю. Она говорила мнѣ, чтобы избавиться отъ нея....

— Она слишкомъ много любитъ тебя, чтобы употребить такое выраженiе....

— Не дипломатическое, снѣясь, подхватила Гортензiа. Нѣтъ, она не такъ сказала, но я сама знаю, что дѣвушка-невѣста, которая не выходитъ замужъ, тяжелый крестъ для честныхъ и небогатыхъ родителей. Маменька полагаетъ, что если бы нашлся человекъ дѣльный, съ талантомъ, который удовлетворится приданнымъ тысячъ на тридцать, мы всѣ были бы счастливы. Она уже приготовила меня къ скромности будущей моей участи, чтобы я не предавалась слишкомъ блестящимъ мечтамъ. Это значитъ, что сватовство намъ не удалось.

— Твоя мать добрая, благородная, рѣдкая женщина! отвѣчалъ отецъ, немножко пристыженный, однако жъ и обрадованный этимъ открытiемъ.

— Вчера она оказала мнѣ, что вы позволили ей продать брилльянты, чтобы выдать меня замужъ. А мнѣ бы хотѣлось такъ выйти замужъ, чтобы маменькины брилльянты остались дѣлы, и мнѣ кажется, что я нашла человека, который соответствуетъ данной программѣ.

— Здѣсь!... на Карусельской Площади... въ одно утро?

— О, папâ! исторiя не здѣсь начинается, отвѣчала Гортензiа съ коварной улыбкой.

— Въ самомъ дѣлѣ? Однако жъ ты расскажешь своему милому папâ, откуда она начинается?

— Разумѣется!

И Гортензія, подѣ условіемъ глубочайшей тайны, сдѣлала сокращенное обозрѣніе всѣхъ своихъ бесѣдъ съ кузницей-Лизой, потомъ, придя домой, показала отцу печать, какъ доказательство проникательности и тонкости своихъ соображеній. Отецъ въ душѣ подвигнулся ловкости дѣвушекъ, движимыхъ истиннымъ, и чрезвычайной простотѣ плана, который, подѣ вліяніемъ идеальной любви, въ одну ночь созрѣлъ въ невинномъ сердцѣ его дочери.

— Ты увидишь мастерское произведеніе, которое я купила. Его сейчасъ принесутъ и самъ Венцеславъ придетъ. Такой художникъ какъ онъ не можетъ не важить состоянія.... Ты своею протекціей доставишь ему большой заказъ, какую-нибудь статую, и квартиру въ Институтѣ....

— О-го! какъ ты жагаешь! вскричалъ отецъ. Да если вамъ дать волю, вы женитесь въ законный срокъ, въ одиннадцать дней!

— Такъ одиннадцать дней нужно ждать? смѣясь спросила Гортензія. Я въ пять минутъ полюбила Венцеслава такъ, какъ ты полюбилъ маменьку, когда увидѣлъ ее. Онъ любитъ меня такъ, какъ-будто бы мы два года были знакомы. Да! сказала она на движеніе, которое сдѣлалъ отецъ: я прочитала десять томовъ любви въ его глазахъ. А вы и маменька развѣ не примете его какъ моего жениха, когда вамъ будетъ доказано, что онъ члвкъ гениальный? Ваяніе—первое изъ искусствъ! вскричала она, прыгая и хлопая въ ладоши: погоди! я все тебѣ расскажу....

— Такъ еще не все? спросилъ отецъ съ улыбкою.

Эта чистая и болтливая невинность совершенно успокоила барона.

— Еще нужно высказать признаіе, которое важнѣе всѣхъ, отвѣчала Гортензія: я любила его, когда еще не знала, а теперь, когда увидѣла, просто съ ума схожу!

— Ты въ самомъ дѣлѣ, кажется, помѣшалась, замѣтилъ отецъ, восхищаясь простодушною страстью дѣвушки.

— Не наказывай меня за мою откровенность, продолжала она: ты не знаешь, какъ пріятно говорить сердцу отца: «Я люблю! я счастлива своей любовью!» Ты увидишь моего Венцеслава. Какой любь!.... Сколько думы у него на лицѣ!.... А въ сѣренъкихъ глазахъ свѣтится солнце гениальности!.... И какая отличная наружность!.... А что это такое, Лиляндія? Хорошая это страна?.... И кузницѣ-Лизѣ выйти за такого члвчка, когда она могла бы

быть ему матерью, да это просто убійство! Судя по тому какъ я ревную его къ ней, мнѣ кажется, что она не порадуется нашей свадьбѣ.

— Слушай, душенька, не скроемъ ничего отъ маменьки, замѣтилъ баронъ.

— Тогда надобно будетъ показать печать, а я общала не измѣнять кузинѣ. Она бонсея, что маменька станетъ смѣяться.

— Ты совѣстишься проболтаться о печати, а между-тѣмъ крадешь любовника у своей кузины.

— За печать я дала слово; но за того, кто ее дѣлалъ, ничего не общала.

Это приключеніе необыкновенно встаетъ подоспѣло къ тайному положенію семейства Гюлд. И потому баронъ, похваливъ дочь за откровенность, старался внушить ей, что отнынѣ она должна совершенно довѣряться благоразумію своихъ родителей.

— Ты понимаешь, душенька, сказалъ онъ, что не тебѣ приходится наводить справки, графъ ли твой художникъ, въ порядкѣ ли его бумаги и надежнаго ли онъ поведенія. Чтò касается до твоей кузины, она отказала пяти женихамъ, когда была двадцатью годами моложе. Она тебѣ не помѣха: за это я ручаюсь.

— Послушайте, папенька, если вы хотите видѣть меня замужемъ, не говорите кузинѣ-Лизѣ о моемъ женихѣ прежде чѣмъ будетъ подписанъ свадебный контрактъ. Я ужъ полгода разспрашиваю ее объ этомъ предметѣ и.... право, я не понимаю ея.... въ ней есть чтò-то странное!

— Чтò же? спросилъ отецъ съ любопытствомъ.

— Да глаза у нея ставовятся чтò-то не хороши, когда я слишкомъ далеко зайду насчетъ ея любезнаго.... хотя бы то и въ шутку. Наводите ваши справки, но позвольте мнѣ самой править моей ладьей. Моя увѣренность должна успокоить васъ.

— Хорошо. Да смотри же, не правь слишкомъ круто противъ вѣтру, сказалъ отецъ съ легкою насмѣшливою улыбкой.

Послѣ завтрака пришелъ купецъ съ группою и художникъ. Мгновенная краска на лицѣ дочери, смущеніе и огонь въ глазахъ сначала встревожили, потомъ возбудили вниманіе баронессы и скоро обнаружили всю тайну, плохо скрытую въ молодомъ сердцѣ.

Графъ Стенбракъ, одѣтый весь въ черное, показался барону человѣкомъ очень порядочнымъ.

— Вы можете сдѣлать бронзовую статую? спросилъ баронъ, осмотрѣвъ группу и передавъ женѣ, которая очень мало понимала скульптуру.

— Не правда ли, маменька, что это удивительная вещь? шептала Гортензія на-ухо матери.

— Статую?... Могу, баронъ. Я думаю, что статуя не будетъ стоить мнѣ столько труда, сколько стоили эти часы, прибавилъ онъ, указывая на свое послѣднее произведеніе, которое антикварій устанавливалъ на столѣ.

— Оставьте у меня и эту вещь, сказалъ баронъ пораженный красотой двѣнадцати дѣвъ, которыхъ старались поймать амуры: я покажу ее министру внутреннихъ дѣлъ и министру торговли.

— Кто этотъ молодой человѣкъ, что онъ такъ интересуется тебя? спросила баронесса свою дочь.

— Вотъ вамъ за комиссію, сказала Гортензія, подавая антикварію сто франковъ.

Тотъ раскланялся и ушелъ. Художникъ проводилъ его до дверей и что-то шепнулъ ему на-ухо.

— Позвольте узнать ваше имя, спросилъ баронъ, когда художникъ воротился.

— Графъ Венцеславъ Степбракъ.

— Вы имѣете ваши документы при себѣ?

— Имѣю, но они здѣсь во Франціи не подтверждены законнымъ порядкомъ.

— Вы можете взяться сдѣлать большую статую, въ ростъ?

— Могу.

— Я кое-кому покажу ваши произведенія и, если ими останутся довольны, вамъ дадутъ сдѣлать статую маршала Монкорне, которую хотятъ поставить на кладбищѣ Отца Лашеза. Военное министерство и старые офицеры императорской гвардіи даютъ на это значительную сумму, такъ, что мы имѣемъ право сами выбрать художника.

— О! это бы для меня было цѣлое состояніе! вскричалъ Степбракъ.

— Будьте спокойны, съ любезностью отвѣчалъ баронъ: если министрамъ понравятся эти часы и эта группа, ваша судьба обезпечена.

Гортензія пожала отцу руку изъ всѣхъ силъ:

— Принесите мнѣ ваши бумаги и не говорите о вашихъ надеждахъ никому, ни даже нашей старой кузинѣ-Лизѣ.

— Лизъ! вскричала мадамъ Гюль, начиная угадывать цѣль, однако жъ не понимая средствъ.

— Для образчика моего знанія натуры я сдѣлаю бюстъ баронессы... если позволите, сударыня, сказалъ Венцеславъ.

Красота мадамъ Гюль не могла не произвести впечатлѣнія на художника. Венцеславъ уже нѣсколько минутъ сравнивалъ дочь съ матерью.

— Я готовъ поручиться вамъ, что жизнь ваша будетъ хороша, сказалъ Гюль, совершенно очарованный пріятною и изящною наружностью графа Стенбрака: вы скоро узнаете, что въ Парижѣ никто не можетъ обладать талантомъ напрасно и что всякій настойчивый трудъ находитъ свою награду.

Гортензія, краснѣя, подала молодому человѣку хорошенькій алжирскій кошелекъ съ золотомъ. Художникъ еще не могъ забыть своего титула и покраснѣлъ еще больше дѣвухи.

— Это, вѣрно, первыя деньги, какія вы получаете за вашу работу? спросила баронесса.

— Да, сударыня, первыя за мои художественныя работы, но не за труды, потому что я уже занимался въ подешьщникъ.

— Ну, я надѣюсь, что деньги моей дочери принесутъ вамъ счастье, отвѣчала мадамъ Гюль.

— Берите смѣло, прибавилъ баронъ, видя, что Венцеславъ всё-еще держитъ кошелекъ на ладоши, не сжимая его. Какой-нибудь знатный баринъ навѣрное возвратитъ намъ эти деньги съ процентами, чтобы обладать этою прекрасною группой.

— О! я ее никому не уступлю, папѣ! вскричала Гортензія: ни даже королю!

— Я могу сдѣлать вамъ другую группу, лучше этой...

— То будетъ не эта! возразила она съ живостью и, какъ-будто устыдившись, что сказала слишкомъ много, ушла въ садъ.

— Такъ я, прійдя домой, уничтожу и форму и модель! сказалъ Стенбракъ.

— Принесите мнѣ ваши бумаги и вы скоро услышите обо мнѣ, если будете соответствовать всему, что я вижу въ васъ теперь.

Венцеславъ понялъ, что ему пора итти. Поклонившись мадамъ Гюль и Гортензіи, которая воротилась изъ саду нарочно за этимъ поклономъ, онъ пошелъ прогуливаться въ Тюильри и долго не смѣлъ воротиться домой, гдѣ его ожидала тиранка съ нещадными разспросами, которые могли вырвать у него тайну.

Влюбленный художникъ изобрѣталъ группы и статуи сотнями, и онъ готовъ былъ каждую изъ нихъ тотчасъ же рубить изъ мрамору. Онъ сознавалъ въ себѣ необъятную силу. Онъ какъ-будто просиѣтъся и переродился отъ взгляду Гортензiи, своего видимаго вдохновенiя.

— Послунай, Гортензiя, что все это значитъ? спросила баронесса.

— А вотъ что, милая маменька: ты видѣла жениха кузины-Лизы, который, я надѣюсь, теперь будетъ моимъ женихомъ. Но, зажмурься, притворись, будто ты ничего не знаешь.... Ахъ, Боже мой! я хотѣла скрыть отъ тебя и вотъ.... все разболтала....

— Ну, прощайте, моя милая, сказалъ баронъ: я можетъ-быть побываю у Козы и развѣдаю объ этомъ молодомъ человѣкѣ.

— Папа, будь остороженъ! вскричала Гортензiя.

— Ну, милая моя, сказала баронесса, когда Гортензiя кончила послѣднюю пѣсню своей дѣзмы: я вижу, что самое хитрое существо въ мiрѣ—простодушная дѣвушка!

Истинныя страсти имѣють свой истинникъ. Предложите латкомкѣ взять одинъ плодъ изъ груди, онъ никогда не ошибется, и, самъ того не зная, возьметъ самый лучший. Точно также дайте дѣвушкѣ выбрать себѣ жениха, она, если не будетъ ни чѣмъ ограничена, рѣдко ошибется. Природа непогрѣшима. Дѣло природы въ такомъ случаѣ называется—любить съ перваго взгляду. Въ любви первый взглядъ — не что иное какъ второе зрѣнiе.

Удовольствiе матери, хотя скрытое подъ достоинствомъ матери, равнялось удовольствiю дочери, потому что изъ трехъ Кривелевыхъ способовъ выдать дочь замужъ повидимому удавался лучший. Баронесса сочла это приключенiе за отвѣтъ Провидѣнiя на ея пламенную молитву.

Однако жъ каторжникъ мамзель Лизы Фишеръ долженъ же былъ наконецъ воротиться домой. Онъ придумалъ скрыть радость любовника подъ радостью художника, осласлнвленнаго первымъ успѣхомъ.

— Ура! моя группа продана герцогу д'Эрувилью и мнѣ еще дадутъ работы! вскричалъ онъ, бросивъ золото на столъ.

Кошелекъ, онъ, разумѣется, спряталъ на груди.

— Это очень прiятно, отвѣчала Лиза, потому что я уже изнемогаю отъ работы. Вы видите, мой другъ, какъ медленно даются деньги въ ремеслѣ, которое вы избрали. Вотъ еще пер-

ныя деньги, а вы уже вять дѣть ковыряете! Этой суммы едва достаточно на уплату того, чего вы мнѣ стоите послѣ векселя, въ который обратились мои накопленныя деньги. Но будьте спокойны, прибавила она: эти деньги всё будутъ израсходованы на васъ же. Тутъ у насъ обезпеченіе на годъ, а въ годъ вы теперь можете расплатиться и еще приберечь что-нибудь для себя, если все пойдетъ такъ, какъ теперь.

Видя, что хитрость удалась, Венцеславъ наказывалъ старой дѣвкѣ басень о герцога д'Эрувнѣ.

— Я хочу заказать для васъ новую черную пару, сказала Лиза, и бѣлья вамъ нужно купить тонкаго. Надобно, чтобы вы были хорошо одѣты, когда прійдется являться къ покровителямъ и покупателямъ. И квартиру тоже теперь нужно почище. Теперешняя темная, скверная!... Какъ вы веселы! прибавила она, глядя на Венцеслава: совсѣмъ не тотъ человекъ сталъ!...

— Да вѣдь, говорятъ, мой Сампсонъ — мастерское произведеніе!

— Тѣмъ лучше. Дѣлайте еще, отвѣчала сухая дѣвка, неспособная понимать ничего, кромѣ положительной выгоды, — ни радости торжества, ни прелести искусства. Не занимайтесь тѣмъ что уже продано, продолжала она: займитесь чѣмъ-нибудь, что можно продать. Вы на этого Сампсона истратили двѣсти франковъ, не считая труда и времени. Начинайте теперь что-нибудь новое. Я найду къ портному, когда отправлюсь къ мосью Кревелю. Подите теперь, дайте мнѣ одѣться.

На другое утро баронъ, сошедшій съ ума отъ мадамъ Марнефъ, пришелъ навѣстить кухню-Лизу, чего еще никогда съ нимъ не случалось. Мамзель Фишеръ остолбенѣла.

«Вѣрно, Гортензія позавидовала моему жениху!» подумала она.

— Это какими судьбами, кузень? спросила она вслухъ: ужъ, конечно, вы пожаловали не ради моихъ прекрасныхъ глазъ.

— Прекрасные, правда, отвѣчалъ Гюло: я лучше твоихъ глазъ не видывалъ.

— Зачѣмъ же вы пришли?... Мнѣ такъ совѣстно принять васъ въ такой канурѣ.

Первая изъ двухъ комнатъ квартиры служила мамзель Лизѣ-Фишеръ вмѣстѣ мастерскою, столовою и кухней, со всѣми принадлежностями и утварью. Все въ ней было очень бѣдно, но очень чисто. На всемъ отпечатокъ бережливости. Въ другую комнату никогда никто не входилъ.

«Вотъ, что значитъ добродѣтель!» подумалъ баронъ, окинувъ взоромъ убранство жилища бѣдной золотошвен.

— Вачѣмъ я пришелъ? отвѣчалъ онъ вслухъ. Ты дѣвушка слишкомъ хитрая, чтобы не догадаться современемъ, такъ ужъ лучше впередъ все открыть, прибавилъ онъ сткинувъ кисейную занавѣску и взглянувъ во дворъ: здѣсь въ домѣ живетъ хорошенькая женщина....

— Мадамъ Марисеъ! А! понимаю. А что жъ Жозефа?

— Увы! Жозефы не стало. Меня вытолкали за дверь какъ лакея.

— Такъ вы думаете?... спросила Лиза, глядя на барона съ достоинствомъ недоτροги, которая оскорбляется за четверть часа раньше времени.

— Такъ какъ мадамъ Марисеъ женщина очень порядочная и ты можешь видѣться съ нею ни сколько не компрометируя себя, то я желалъ бы, чтобы вы познакомились.... О! будь спокойна: она будетъ держать въ почетѣ кухню господина директора.

Тутъ послышались на лѣстницѣ шорохъ платья и шаги женской ножки въ тоненькихъ ботинкахъ, потомъ два удара въ дверь, и на порогѣ явилась мадамъ Марисеъ.

— Извините, мадамозель Фишеръ; что я такъ врываюсь къ вамъ. Я вчера хотѣла сдѣлать вамъ визитъ, но не застала васъ. Мы съ вами сосѣдки, и если бы я знала, что вы кухня барона Гюло, то давно уже попросила бы вашего заступничества. Теперь я увидѣла, какъ прошелъ господинъ директоръ, и осмѣлилась явиться, потому что завтра подають министру одну работу моего мужа о составѣ министерства.... вы знаете, баронъ....

И она, по видимому, трепетала отъ волненія. Но это происходило отъ бѣготни по лѣстницѣ.

— Вашъ, сударыня, не нужно принимать на себя роли просительницы, отвѣчалъ баронъ: мнѣ слѣдуетъ какъ милости просить позволенія видѣть васъ.

— Если панзель Фишеръ согласится, пожалуйста теперь.

— Ступайте, кузень. Я за вами послѣ приду, сказала Лиза очень дотождиво.

Мадимъ Марисеъ такъ разсчитывала на визитъ, что не только сама принарядилась, но и квартиру убрала прилично такому торжественному случаю. Поставила свѣжіе цѣты, взятыя въ долгъ. Марисеъ помогъ женѣ почистить мебель и придать лоскъ

великой мелочи посредствомъ вытирающа, вымывающа и обмывающа.

Валерія хотѣла устроить себѣ выгодную обстановку и поправиться господину директору столько, чтобы имѣть право быть жестокою, держать у него гостиница высоко надъ головою, какъ дѣлають съ маленькими дѣтьми. Она постигла барона Гюло. Дайте Парижанкѣ только случай и двадцать четыре часа времени, она перевернетъ любое министерство.

Баронъ Гюло, современникъ имперіи, привыкшій къ обычаямъ имперіи, рѣшительно не понималъ обычаевъ повѣйшей любви, съ ея новою совѣстью и новыми разговорами, изобрѣтенными съ 1830 года, и въ которой *блдная слабая женщина* подъ конецъ оказывается «жертвою своего любовника какъ сестра милосердія, омывающая раны, какъ ангелъ, покорно страдающій за грѣшника». Страсть становится мученичествомъ. Люди стремятся къ идеальному, къ безконечному. Съ одной и съ другой стороны хотять сдѣлаться лучшими черезъ любовь. И всѣ эти прекрасныя фразы служатъ только къ тому, чтобы было по-больше пылу въ союзѣ, по-больше восторгу въ паденіи. Это лицемеріе, характеръ нашего времени, испортило прежнюю любовную игру. Всякая пара — два ангела, а ведутъ себя хуже демоновъ, если могутъ.

Любовь не имѣла времени столько анализировать себя въ срокъ между двухъ походовъ и въ 1809 г. она шла быстро впередъ, по примѣру имперіи. Въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ, красавецъ Гюло, сдѣлавшись дамскимъ кавалеромъ, утѣшалъ нѣсколькихъ старинныхъ своихъ пріятельницъ, которыя тогда упали, какъ потухшія звѣзды, съ политическаго неба. А потомъ, состарѣвшись, онъ попалъ въ сѣти кулисныхъ царицъ.

Мадамъ Марнефъ черезъ мужа почерпнула всѣ необходимыя біографическія свѣдѣнія о баронѣ Гюло въ министерствѣ и сообразно съ тѣмъ расположила свои баттарен. Комедія повѣйшаго чувства, по ея расчету, должна была имѣть для господина директора всю прелесть новости, и надобно сказать, что старанія Валеріи увѣнчались самымъ блестящимъ успѣхомъ. Благодаря романтическимъ, романтическимъ и сентиментальнымъ маневрамъ своимъ, она, ничего еще не общавъ сама, выхлопотала мужу мѣсто помощника начальника отдѣленія и орденъ почетнаго легіона.

Эта маленькая война не обошлась безъ обѣдовъ въ Роме-де-Канкаль, поѣздокъ въ театръ и кое-какихъ подарковъ.

Квартира въ улицѣ Дойеннѣ не правилась и баронъ велико-

льно обмѣлировала другую, въ улицѣ Ванно, въ новомъ, чистомъ домѣ.

Мосѣ Марнеѣ получалъ двухъ-недѣльный отпускъ на родину, по домашнимъ обстоятельствамъ, и денежную награду. Онъ предположилъ совершить прогулку по Швейцаріи.

Въ попеченіяхъ о женѣ своего чиновника баронъ Гюль не за-былъ однако жъ и о женихѣ своей дочери.

Министръ торговли купилъ у Стенбрака его часы и заплатилъ большія деньги съ условіемъ, чтобы форма была уничтожена; графъ Растиньякъ заказалъ ему группу въ родѣ Сампсона и обѣщалъ отвести квартиру въ институтѣ, а министерство поручило исполнить статую маршала Монкорнѣ. То былъ успѣхъ и успѣхъ такой, какой можно имѣть только въ Парижѣ, то есть, огромный до величности; успѣхъ, который можетъ раздавить, у кого плечи не довольно крѣпки, — что не разъ и случалось. О графѣ Венцеславѣ Стенбракѣ толковали въ газетахъ и журналахъ, но онъ и маизель Фишеръ ничего не знали.

Всякій день, когда маизель Фишеръ уходила обѣдать, Венцеславъ отправлялся къ баронессѣ и проводилъ тамъ часъ или два, исключая тѣхъ дней, когда бывала сама кухня-Лиза.

Такъ продолжалось нѣсколько дней. Баронъ, удостовѣренный въ достоинствахъ и происхожденіи графа Стенбрака, баронесса, довольная его характеромъ и обращеніемъ, и Гортензія, счастливая и гордая любовью и славой своего жениха, уже не опасались говорить между собою объ этомъ союзѣ. Самъ же художникъ былъ на вершинѣ своего блаженства, какъ-вдругъ нескромность Валеріи Марнеѣ все дѣло испортила.

Лиза, которую Гюль хотѣлъ сблизить съ Марнеѣами, чтобы имѣть тамъ глазъ, уже обѣдала у Валеріи, которая, съ своей стороны, желая имѣть ухо въ домѣ Гюль, очень ласкала старую дѣвку. Нашедши еще одинъ домъ, гдѣ можно было обѣдать и будучи обворожена ласковымъ обращеніемъ, Лиза сильно привязалась къ новой пріятельницѣ. Изъ всѣхъ знакомыхъ и родныхъ никто не дѣлалъ для нея того, что дѣлала мадамъ Марнеѣ. И дѣйствительно, расточая кузинѣ директора всевозможныя угожденія, Валерія становилась въ-отношеніи къ ней въ такое же положеніе, въ какое сама Лиза была поставлена у баронессы, у Ривѣ, у Кривѣля и у всѣхъ, кто приглашалъ ее къ обѣду.

Ктому же Марнеѣы возбудили состраданіе Лизы, обнаруживъ передъ нею жалкое состояніе своего хозяйства и прикрасивъ его

разными интересными обстоятельствами, — обязанными и благодарными друзьями, болѣзнями, матерью, отъ которой скрыли нищету и которая такъ и умерла, воображая себя въ довольствѣ, благодаря сверхъ-человѣческимъ пожертвованіямъ, и прочая.

— Бѣдныя! говорила Лиза своему кузену Гидо: вы хорошо дѣлаете, что заботитесь объ нихъ. Они внолнѣ заслуживаютъ этого: они такъ терпѣливы, такъ добры!...

Баронъ, съ своей стороны, восхищаясь у мадамъ Морнеэ причіемъ, воспитаніемъ и манерами, которыхъ не находилъ ни у Женни-Кадінь, ни у Жозефы и ни у одной изъ ихъ пріятельницъ, въ одинъ мѣсяць запылалъ страстью старика, страстью безумца, которая казалась разсудительною.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ не видѣлъ здѣсь ни насмѣшекъ, ни оргій, ни вѣрной расточительности, ни презрѣнія общественныхъ условій, ни той безусловной независимости, которая у актрисъ и пѣвицъ составляла все его несчастіе. Онъ не видѣлъ также обыкновенной алчности тѣхъ женщинъ, которыя поглощаютъ чужія деньги безъ числа и мѣры, какъ песокъ пьетъ воду. Мадамъ Марнеэ всякій разъ предолго жемавилась, прежде чѣмъ, бывало, приметъ отъ него что-нибудь. Бѣдному барону стоило величайшихъ трудовъ, всѣхъ усилій изобрѣтательности и всѣхъ средствъ краснорѣчія, чтобы сбыть съ рукъ какую-нибудь бездѣлку, довольно дорогую, впрочемъ, — и онъ былъ въ восхищеніи, что нашелъ наконецъ истинную добродѣтель, нашелъ осуществленіе своей мечты.

Послѣ всего этого, не удивительно, что Валерія узнала отъ барона тайну Гортензій и Венцеслава. Ей чрезвычайно хотѣлось видѣть молодого графа-художника. Она умирала отъ любопытства. Можетъ-быть она хотѣла выпросить у скульптора какую-нибудь вещицу, покуда находилась съ нимъ подъ одною кровлей. Это любопытство такъ не понравилось барону, что мадамъ Марнеэ поклялась никогда не взглянуть на Стенбрака и за это на другой день изволила милостиво принять чайный сервизъ изъ севрскаго фарфору, а на третій, пригласивъ свою кузину — Лизу на кофе, завела рѣчь о ея другѣ.

— Что это вы до-сихъ-поръ не представите мнѣ вашего пріятеля? сказала она: знаете ли вы, что онъ въ короткое время прославился?

— Онъ прославился?

— Да вездѣ только и говорятъ, что объ немъ!

— Вотъ пустяки!...

— Опъ будетъ дѣлать статую моего отца и я могу быть ему очень полезною, потому что мадамъ де-Монкорнѣ не можетъ дать ему такого хорошаго портрета какъ я. У меня есть чудесный миниатюрный портретъ, работы Сена, подаренный маршаломъ моей бѣдной матери и написанный передъ ваграмскимъ сраженіемъ, въ 1809, словомъ, молодой и красавецъ Монкорнѣ.

— Опъ будетъ дѣлать статую, говорите вы? спросила Лиза.

— Статую въ девять футовъ, заказанную военнымъ министерствомъ. Но какъ же вы это ничего не знаете? Вы не знаете, что правительство даетъ графу Стенбраку квартиру и мастерскую въ казенномъ депо мраморовъ и вашъ выходецъ будетъ, можетъ-быть, директоромъ этого заведенія.

— Какимъ же образомъ вы знаете все это, когда я ничего не знаю? спросила наконецъ Лиза, оправившись отъ перваго остолебѣнія.

— Послушайте, милая кузина, отвѣчала мадамъ Марнефъ чарующимъ тономъ: вы способны къ дружбѣ преданной и готовой на всякое испытаніе? Хотите, мы будемъ другъ другу сестрами? Хотите поклясться мнѣ, что не будете имѣть отъ меня тайны, такъ же какъ и я не буду имѣть тайны отъ васъ, быть мнѣ въніюпомъ, какъ я буду вашимъ?... А пуще всего, хотите ли поклясться мнѣ, что не выдадите меня ни мужу ни барону Гюлдъ и никогда никому не скажете, что я открыла вамъ....

Мадамъ Марнефъ остановилась. Кузина-Лиза испугала ее.

Лицо старой дѣвки приняло ужасное выраженіе. Черные, пронзающіе глаза ея стали неподвижны, какъ у тигра. Зубы она стиснула, чтобы не стучали, и всѣ члены ея трепетали въ судорогахъ.

— Ну, что же вы остановились? спросила она глухимъ голосомъ: я буду для васъ всѣмъ тѣмъ была для него.... О! я готова была отдать ему кровь мою!...

— Такъ вы любите его?

— Какъ свое родное дитя!...

— Ну, коли вы только такъ любите его, то вы будете рады. Вѣдь вы желаете ему счастья?

Лиза быстро кивнула головой, какъ сумасшедшая.

— Опъ черезъ мѣсяцъ женится на вашей кузинѣ!...

— На Гортензін! вскричала старая дѣвка, вскочивъ и ударивъ себя по лѣву.

— Ахъ! такъ вы любите этого молодого человѣка? спросила мадамъ Морносъ.

— Валерія, мы съ вами друзья на жизнь и на смерть, сказала мамзель Фишеръ. Да, если у васъ есть привязанности, они будутъ дороги мнѣ. Если у васъ есть пороки, они будутъ для меня добродѣтелями, потому что мнѣ нужны ваши пороки!

— Такъ вы жили съ нимъ? вскричала Валерія.

— Нѣтъ, я хотѣла быть ему матерью....

— Ну, послѣ этого я ничего не понимаю! сказала Валерія: вѣдь вы не покинуты, не обмануты. Вы должны почитать себя счастливою, что онъ женится и что его судьба устроивается. Видите, какъ онъ пошелъ въ-гору. И въ домъ невесты ему, тоже, кажется, хорошо: онъ каждый день бываетъ тамъ, покуда вы обѣдаете.

— Аделина! сказала сама себѣ Лиза: Аделина! я тебѣ отплачу за это!

— Но, что же съ вами? спросила Валерія: вы такъ блѣдны! Такъ, вѣрно, дѣло не такъ просто.... вѣрно, есть что-нибудь?.... О! да какъ же я глупа!.... Вѣроятно, они знаютъ, что вамъ эта любовь не по сердцу, когда отъ васъ такъ бережно скрываютъ!.... Но если.... если онъ не любовникъ вашъ, такъ все это для меня темнѣе сердца моего мужа....

— О! вы не знаете! не вы знаете, что значить это предательское коварство! Это ударъ—убійственный!.... А я такъ много испытала, такъ много вынесла ударовъ!.... Вы не знаете, что я съ того дня, какъ помню себя, всегда была приносима въ жертву Аделинѣ!.... Меня колотили, ее ласкали; я ходила какъ чумичка, ее наряжали какъ барышню; я копала гряды въ огородѣ, чистила морковь и картофель, она шевелила пальцы только для своихъ нарядовъ.... Она вышла за барона и отправилась ко двору, я оставалась въ деревнѣ. Потомъ меня вызвали, но что изъ меня сдѣлали?.... Сдѣлали ремесленницу, работницу.... Предлагали и жениховъ.... чиновниковъ и капитановъ, которые походили на дворниковъ!.... Втеченіи двадцати-шести лѣтъ я пользовалась всѣми ихъ остатками и обѣдами, и вотъ теперь.... у бѣдняка есть единственная овца, а богачъ, у котораго огромныя стада, завидуетъ ему и отнимаетъ послѣднее.... отнимаетъ, даже не сказавъ ни слова!.... Аделина позавидовала моему счастью.... Аделина, Аделина! я отмщу тебѣ.... я увижу тебя въ грязи!.... Ты будешь ниже меня, ты будешь хуже меня.... Гортензія, которую

я такъ любила, Гортензія обманула меня!... Баронъ... Нѣтъ, это невозможно! Скажите, расскажите мнѣ все.

— Успокойтесь, милая...

— Валерія, ангелъ мой, я успокоюсь, отвѣчала Лиза садясь: только одно можетъ возратить мнѣ рассудокъ.... дайте мнѣ доказательство!

— Доказательство?... Но ваша кузина владѣть группою Сампсона, съ которой въ одномъ журналѣ сдѣлали литографію, а баронъ, ради своей дочери, старается вывести художника въ люди.

— Воды!.... воды! вскричала Лиза, взглянувъ на литографію, которую ей подала Валерія и на которой внизу было подписано: «Группа, принадлежащая мадамозель Гортензіи Гюло д'Эрви». Воды!.... Голова моя горитъ!.... я съ ума сойду!....

Мадамъ Марнефъ принесла воды въ умывальномъ тазу. Лиза сняла чепчикъ, распустила свои черные волосы и нѣсколько разъ окунула голову. Когда жаръ прошелъ, она отерлась, оправилась и опять овладѣла собой.

— Смотрите же, Валерія, сказала она: ни слова объ этомъ, ни слова! Вы видите, я совершенно спокойна. Все забыто. Я думаю совсѣмъ о другомъ!

«Она совсѣмъ помѣшалась! подумала мадамъ Марнефъ: она завтра же будетъ въ Шарантонъ!»

— Что же дѣлать? продолжала Лиза: вы видите, что приходится смолчать, преклонить голову и идти къ могилѣ. Что же больше дѣлать? Что могу я, одна, бѣдная, сдѣлать противъ цѣлой богатой семьи? Вѣдь это была бы исторія глинянаго горшка съ чугуннымъ котломъ.

— Да, вы правы, отвѣчала Валерія: надобно только смотрѣть, чтобы сколько можно по-больше сѣна захватить изъ общихъ жлеей. Вотъ жизнь въ Парижѣ.

— Я не долго буду хватать... я скоро умру. Если я лишусь этого мальчика, которому всегда хотѣла быть матерью, съ которымъ полагаю прожить всю жизнь....

У нея навернулись слезы и она остановилась. Чувствительность старой дѣвки привела Валерію въ трепетъ.

— Но я нашла васъ, сказала Лиза, взявъ Валерію за руки: это мнѣ утѣшеніе въ моемъ несчастіи. Мы будемъ любить другъ друга: поспориться намъ не за что: я вѣдь никогда не пойду отбивать у васъ что-нибудь. Меня, вѣдь, никто не полюбитъ. Въ, кто ко мнѣ сватался, искали только протекціи моего зятя...

Она вдруг остановилась и вонзила въ голубые глаза Валеріи черный взглядъ, который какъ острый кинжалъ прошилъ душу молодой женщины.

— Да къ чему говорить! вскричала она: вѣдь это всё пустяки.... не стоить!.... Вы очень справедливо сказали, что нужно только острить зубы, чтобы по-больше стѣнца захватить изъ общихъ яслей.

— Конечно, подтвердила мадамъ Марневъ: надобно пользоваться жизнью, сколько возможно и заставлять другихъ людей служить нашему удовольствію, гдѣ только есть случай. Меня воспитали, какъ балованное дитя, а отецъ мой женился изъ честолюбивыхъ видовъ и покинулъ меня. Бѣдная мать умерла съ горя, когда увидѣла, что я вышла замужъ за чиновника съ тысячею двумя стами франковъ жалованья,— за старого, холоднаго развратника и мелкаго честолюбца, который видѣлъ во мнѣ те же, что ваши женихи видѣли въ васъ,—дорогу къ мѣсту. И что же? Я наконецъ нашла, что этотъ гадкій человекъ лучший изъ мужей, какихъ я знаю. Если онъ мнѣ предпочитаетъ грязныхъ уличныхъ потаскушекъ, зато предоставляетъ мнѣ по-крайней-мѣрѣ полную свободу; если тратитъ все свое жалованье на себя, зато не спрашиваетъ, чѣмъ я живу....

Валерія въ свою очередь остановилась. Ее поразило вниманіе, съ какимъ Лиза слушала, и она сочла нужнымъ увѣриться въ ней прежде чѣмъ пойдетъ далѣе въ признаніяхъ.

— Вы видите, до какой степени я вѣрюсь вамъ, продолжала мадамъ Марневъ, которой Лиза молча сдѣлала знакъ головой.

Однимъ взглядомъ, однимъ движеніемъ человекъ часто клепнется гораздо торжественнѣе, чѣмъ передъ уголовнымъ судомъ.

— У меня есть все, что нужно для виду честности, продолжала мадамъ Марневъ, положивъ руку на руку Лизы, какъ-будто затѣмъ, чтобы принять клятву: я замужняя женщина и своя госпожа до такой степени, что если Марневу вздумается, уходя въ должность, воротиться, а дверь моя окажется запертою, онъ спокойно уйдетъ. Дитя свое онъ любитъ меньше чѣмъ я люблю мраморные болваны въ тюльрійскомъ саду. Если я не приду къ обѣду, онъ очень хорошо обѣдаетъ съ нянькою, и каждый вечеръ онъ уходитъ со двора и возвращается не раньше часу по полуночи. Къ-несчастью, я вотъ уже съ годъ не имѣю горничной. Это значитъ, я вдовѣю.... У меня была только одна страсть, одно счастье.... это былъ богатый Бразилецъ, но онъ уѣхалъ

преданать свое имѣніе въ Бразиліи, чтобы навсегда поселиться во Франціи. Что останется отъ его Валеріи, когда онъ воротится?... Но не я, онъ виновать! Зачѣмъ онъ такъ долго не ѣдетъ?... А можетъ-быть онъ претерпѣлъ крушеніе, какъ моя добродѣтель.... кто знаетъ!

— До свиданія, душечка, быстро сказала Лиза: мы уже не расстанемся. Я васъ люблю, я васъ уважаю, я ваша — вся! Мой зять докучалъ мнѣ, чтобы я переселилась въ улицу Ванно, въ одинъ день съ вами. Я не хотѣла, потому что угадывала причину этого новаго благодѣянія....

— То есть, вы стали бы наблюдать за мною.

— Больше чѣмъ объяснить великодушіе барона, который вызвался платить за мою квартиру. Теперь я принимаю его предложеніе. У васъ обѣихъ довольно ума, на то, чтобы скрыть что нужно и сказать, что полезно намъ самимъ. И такъ — скромность и дружба....

— Незарушимыя! весело вскричала мадамъ Марневъ. А баронъ уже распорядился въ улицѣ Ванно и не шадить издержекъ....

— Вѣрю, не знаю только, откуда онъ беретъ деньги, потому что Жозефа уже выпустила у него кровь до-бѣла. Впрочемъ, Гюло готовъ красть для женщины, которая возьметъ его сердце промежъ такихъ бѣленькихъ и вѣжныхъ пальцевъ, какъ ваши.

— Ну, такъ какъ у меня будетъ все новое, такъ не угодно ли вамъ, душечка, мамзель Фишеръ, взять для вашей квартиры этотъ коммодъ, этотъ шкафъ, это зеркало, этотъ коверъ, это....

У Лизы зрачки въ глазахъ расширились отъ радости: она не смѣла вѣрить, что получаетъ такой великодушный подарокъ.

— Вы въ одну минуту дѣлаете для меня больше, чѣмъ мои богатые родственники сдѣлали въ тридцать лѣтъ! вскричала она: они никогда и не спрашивали, есть ли у меня на чѣмъ ѣсть и лечь. Пришедши ко мнѣ въ первый разъ, баронъ только поморщился на мою нищету. Благодарю васъ, душечка. Я отелужу вамъ за это, увидите!

Валерія проводила свою кузину-Лизу въ стѣн и пріятельницы еще разъ поцѣловались.

— Какъ отъ нея пахнутъ муравьями! сказала молодая женщина, когда осталась одна: часто цѣловать мою любезную кузину я не намѣрена, хотя она можетъ составить и непременно составитъ мое счастье. Нужно только умѣть употребить ее....

Мамзель Лиза Фишеръ, какъ мы видѣли, въ одну минуту

справилась и овладѣла собой. Кто небрежно внимательно наблюдаетъ людей и общество, для того кованое, совершенство и быстрота соображенія у людей, до зрѣлости сохранившихся дѣятельности, конечно, всегда будетъ предметомъ удивленія. Поразительная дѣятельность, какъ и всѣ уродства, обладаетъ своими особыми специальными богатствами и способностями въ колоссальныхъ размѣрахъ. Жизненные силы, отпущаемыя природою каждому существу въ опредѣленномъ количествѣ, у нихъ не растрачиваются, а сосредоточиваются въ мозгу и въ мускулахъ. Когда такимъ людямъ потомъ понадобится дѣйствовать, душою ли, тѣломъ ли, — они находятъ у себя стальные мышцы, сатанинскую гибкость ума, если только былъ онъ прежде, и всю черную магію на чѣмъ не преклонимой воли. Если такимъ человекомъ овладѣетъ страсть, эта страсть становится ужасною.

Жизнь кузины-Лизы какъ и всѣхъ старыхъ дѣвокъ, превратилась вся въ ненависть и мщеніе. Только на первый разъ она употребила страшное средство, — по своему негнѣстству. Она представляла себя въ томъ видѣ, какъ дѣти обыкновенно воображаютъ. Она думала, что тюрьма и темница и заключеніе безъ вѣсти — всё одно и то же. Она воображала, что посадить человека въ тюрьму за долгъ, значитъ по своему благоумотрѣнію скрыть его отъ всѣхъ и навсегда.... Ривѣ сказалъ ей, что «иностранца можно посадить на всю жизнь: его никто не выкупитъ и не выпуститъ». Лиза надѣялась прервать всякое сообщеніе между свѣтомъ и Вендеславомъ. Она рассчитывала, что неработающаго художника скоро всё забудутъ и она одна будетъ посѣщать его.

Она добѣжала въ Ривѣ, чтобы посоветоваться насчетъ употребленія полицейскихъ шпіръ, которые, какъ извѣстно, уже были предварительно приготовлены, потомъ пошла къ Кривелю обѣдать.

Дорога, которую она выбрала, въ отношеніи къ объѣду, могла показаться нелогическою, потому что составляла огромный крюкъ, по крайней мѣрѣ въ полтора раза длиннѣе кратчайшаго пути, однако жъ она совершенно оправдывалась логическою страстью. Лиза рассчитала время и вышла на одной сторонѣ набережной, чтобы видѣть, какъ Вендеславъ пройдетъ по другой въ домъ баронессы Галѣ. Онъ долженъ какъ обязательный гость, какъ свой человекъ. Рассказъ Валеріи Видришъ подтвердился вселѣ очевидныхъ доказательствахъ и Лиза приближалась къ Кривелю въ такомъ состояніи раздраженія, въ какомъ совершаются убійства.

Камитанъ Кревель тоже былъ въ неблагопріятномъ расположеніи духа. Въ немъ даже возмужало нѣчто въ родѣ глѣзу при видѣ кузины Лизы.

— Ну, что? сказалъ онъ: вы выдаете мамзель Гортензію замужъ за молодого графчика, котораго воспитали для нея у себя за нечкней?

— А вамъ это досадно? отвѣчала Лиза, устремивъ на Кревели провинцательный взглядъ: я бы желала знать, какая нечкня способна препятствовать браку моей кузины? Вѣдь вы, говорить, разстругали дѣло съ сыномъ моею Леба.

— Вы добрая и скромная дѣвушка, отвѣчалъ Кревель. Но неужели вы воображаете, что я когда-нибудь прошу Гюло покиновенію Жозефы? Я отниму ему, непременно отниму: это моя востоянная мысль. Я въ-востояннн помѣшаться на этомъ.

— Ужъ не ддятого ли вы перестали посѣщать баронессу? насмѣшливо спросила Лиза.

— Можеть-быть. Она общалась со мною какъ съ лакеемъ, какъ съ собакой.... хуже! Но она расцвѣтается въ томъ.... она будетъ моею!... клянусь, будетъ!

— Бѣдный Гюло! это будетъ ужасно, если онъ увидитъ измѣну жель, посадъ того какъ былъ покинутъ любовницей.

— Жозефа! вскричалъ Кревель: Жозефа измѣнила ему, покинула его? Дряво, Жозефа! Жозефа, ты уже въ половинну отомстила за меня. Я пришло тебе двѣ жемчужины для серёгъ, моя бывшая душевка!

— Однако жъ мой кузенъ уже утѣшился! замѣтила Лиза.

— Можеть ли быть! Неужели онъ воротился къ женѣ? Отъ него и это становится. Притомъ, это было бы даже новостью для него. Тогда, конечно, прости, мое мженіе.... Но вы улыбаетесь, мамзель Лиза.... Вы знаете что-нибудь?

— Меня смѣшать ваши идеи, отвѣчала Лиза. Моя кузина, конечно, еще довольно хороша, ддятого чтобъ внушить страсть. Будь я мужчина, я непременно влюбилась бы въ нее.

— Дьяница всегда будетъ цить. Вы смѣтаетесь надо мной, мамзель Лиза! вскричала Кревель: баранъ, вѣроятно, нашель другое утѣшеніе.

Лиза утвердительно кивнула головой.

+ Этакій счастливецъ! Въ одель день замѣнилъ Жозефу! Но онъ всегда держивалъ, что въ молодости имѣлъ обыкновеніе держать въ запасѣ, на всякій случай, трехъ любовницъ, — одну,

которую навѣрняка покинуть, одну настоящую и одну, за которой ухаживалъ для будущаго времени. Но то было въ молодости, а теперь.... кого онъ могъ держать въ записѣ?... Какую-нибудь гризетку....

— Совсѣмъ нѣтъ.

— О!... Какъ же бы мнѣ хотѣлось поправить ему прическу!... Жозефу снова отдать было невозможно: женщины этого сорту не возвращаются къ прежней любви. Впрочемъ, говорить, вернуть — не любовь. Однако жъ я охотно бросилъ бы тысячу пятьдесятъ, чтобы отбить у красавца Гюль его любовницу и доказать ему, что и надъ капитанскимъ брюхомъ нельзя смѣяться безнаказанно.

— Я въ такомъ положеніи, что слышу все, однако жъ ничего не должна знать, сказала мамзель Фишеръ: вы можете разговаривать со мною безопасно: я никогда не выношу сору за порогъ.

— Я знаю, отвѣчалъ Кривель: вы перлъ изъ обветшалыхъ дѣвъ. Однако жъ.... случаются же и исключенія.... Чортъ возьми!... такъ и быть.... Послушайте, ваши родные вѣкъ не давали вамъ обезпеченныхъ доходовъ?

— У меня есть своя гордость, я не хочу быть на кому обязанною.

— Не получить что-нибудь за услугу, не значить быть обязаннымъ. Если вы поможете мнѣ достигнуть мщенія, я положу для васъ десять тысячъ франковъ въ банкъ на пожизненные доходы. Только скажите мнѣ, скажите, милая кузина-Лиза, кто смѣнилъ Жозефу. Десять тысячъ франковъ въ обезпеченіе пожизненныхъ доходовъ, это — пятьсотъ франковъ въ годъ. Скажите!

— Довѣріе моихъ близкихъ, мнѣ дороже пяти сотъ франковъ доходу, отвѣчала Лиза: притомъ, вы знаете, баронъ всегда былъ такъ добръ до меня. Онъ платитъ за мою квартиру. Это тоже непрерывный доходъ.

— Да! но надолго ли? Откуда у него деньги?

— Почему я знаю. Однако жъ онъ истратилъ тридцать тысячъ на квартиру, назначенную для этой дамы.

— Дама!... Такъ это не графиня? не актриса?

— Напротивъ, это очень порядочная женщина, замужняя.

— Неужели! Этакой счастливецъ, разбойникъ! вскричалъ Кривель, вытаращивъ глаза отъ магическаго слова «порядочная женщина».

— Да, продолжала старая дѣвка: и женщина съ талантами, музыкантка; двадцать-три года; хорошевыя личико; кожа ослѣпительной бѣлизны; зубы какъ у щенка; глаза какъ звѣзды; лобъ удивительный, ножки.... я никогда не видывала такихъ ножекъ.... съ вамъ персть.

— А уши?... уши?... спросилъ Кревель.

— Уши — только бы рисовать.

— И ручки маленькія?

— Я вамъ говорю, однимъ словомъ, игрушка-женщина. И какая кротость, какая скромность, какая невнимность, какая добрая душа.... ангелъ!... всё совершенства. Отецъ былъ маршалъ Франціи.

— Маршалъ Франціи! вскричалъ Кревель прискокнувъ: ахъ, чортъ возьми!... Ахъ, разбойникъ, шельма!... Извините, кузина.... я съ ума сойду! Я сто тысячъ франковъ дамъ, нажется....

— Да, какъ же! Вѣдь я вамъ говорю, что она честная, порядочная женщина. Барону не малаго стоило....

— Да вѣдь онъ безъ гроша, говорю я вамъ!

— Есть мужъ, котораго подвинули.

— Куда? спросилъ Кревель съ горькимъ смѣхомъ.

— На мѣсто помощника начальника отдѣленія.

— Но что же въ немъ-то самомъ, въ этомъ поношенномъ баронѣ? Мнѣ кажется, я еще стою его, прибавилъ онъ, ставъ въ живописную позицію: Элонза, въ такія минуты когда женщины не лгутъ, часто говаривала мнѣ, что я — удивительный!

— О! возразила кузина: женщины любятъ толстыхъ мужчинъ, потому что толстые почти всё добрыя. А васъ я всегда предпочла бы барону. Гюло уменъ, красавецъ, ловокъ, но вы!... вы солданы и, кому жъ, въ васъ есть что-то такое.... вы гораздо больше шалуны!

— Это неностыжимо, какъ всё женщины, даже набожныя, скромницы, любятъ шалуновъ! вскричалъ Кревель и схватилъ кузину-Лизу за талию.

Въ такомъ онъ былъ восхищеніи.

— Дѣло не въ томъ, кто лучше понравится, продолжала Лиза: вы понимаете, что женщина, пашедшая столько выгодъ, не измѣнитъ своему покровителю за ничто. Это будетъ стоить побольше сотни тысячъ франковъ. Года черезъ два мужъ этой дамы будетъ начальникомъ отдѣленія. Только нужда могла вовлечь этого ангела въ такую бездну....

Кривель бѣгалъ изъ угла въ уголъ какъ коммивояжёръ. Лиза до того бичевала его страсть, что она превратилась въ изступленіе.

— Гюль, конечно, дорожить этой жемчужиной! сказалъ онъ потомъ, оставоваясь.

— Судите сами! Онъ не попользовался и вотъ, тѣмъ! отвѣчала Лиза щелкнувъ загнутымъ краемъ ногтя, а между тѣмъ уже истратилъ тридцать тысячъ.

— О! какъ было бы весело, если бъ я поспѣлъ раньше его!

— Ахъ, Боже мой! да какая же я глупая, что я столько болтаю объ этомъ! сказала вдругъ Лиза съ видомъ раскаянія.

— Не безпокойтесь, кузина. Я заставлю вашу родню краснѣть. Я завтра же обезпечу вамъ шестьсотъ франковъ доходу. Но вы мнѣ скажете все, имя и домъ, гдѣ живетъ эта Дульцинея. Я рѣшился.... я рѣшился пожертвовать сотней, двумястами тысячъ франковъ.... Но.... вотъ мои дѣти.... тише, молчите.

Черезъ минуту вошла Целестина съ мужемъ. Съѣли обѣдать.

Въ семь часовъ Лиза уже ѣхала домой въ омнибусъ, такъ ей хотѣлось скорѣе видѣть Венцеслава, который уже двадцать дней обманывалъ ее и которому она везла полный ридикюль плодовъ и пирожковъ.

Она взбѣжала на мѣстницу такъ быстро, что у нея духъ захватило, и застала художника за работой. Онъ ованчивалъ украшенія ларчика, который намѣревался подарить Гортензій. Бортъ крышки состоялъ изъ перевитыхъ гортензій, въ которыхъ играли амуры.

— Вы съ нѣкоторыхъ поръ работаете ужъ слишкомъ много, мой другъ, сказала Лиза отеревъ ему вспотѣвшій лобъ и поцѣловавъ. Такая дѣятельность можетъ быть вредною въ августѣ мѣсяцѣ. Вы можете захворать.... Вотъ вамъ слявы и груши.... отъ москѣ Кривеля.... Не надѣждайтесь такъ.... Я заняла двѣ тысячи франковъ и, если только не случится несчастіе какое-нибудь, мы скоро отдадимъ ихъ, когда вы продадите часы.... Въѣдъ у васъ хотѣли купить ихъ.... Однако жъ я немножко опасуюсь моего заимодавца: онъ прислалъ мнѣ вотъ эту бумагу.

Она положила новѣстку о взысканіи подъ эскизъ маршала Монкорнѣ.

— Для кого это вы дѣлаете такія милыя вещи? спросила она, взявъ въ руки модель изъ краснаго воску, которую Венцеславъ положилъ на столъ, чтобы поѣсть плодовъ.

— Для одного бриллианщика.

— Для какого же?

— Не знаю. Это Сидимовъ просилъ меня выдать за него, потому что ему понравилась.

— А! да это Гортензій! сказала Лиза влупить голосомъ. Какъ это вы никогда не вздумаете одѣлать какому-нибудь вощику для меня? Развѣ такъ трудно придумать поросень, сумдукотъ, чѣмъ-нибудь, — на память? прибавила она, бросить ужасный взглядъ на художника, у котораго глаза, къ счастью, были погуплены: а еще говорите, что любите меня.

— Развѣ вы сомнѣваетесь, мамзель Лиза?

— О! какое нѣжное слово... мамзель Лиза!... Венцеславъ, вы были единственно моею мыслью съ-тѣхъ-поръ какъ я увидѣла васъ здѣсь, умирающаго. Когда я спасла васъ, вы совершенно отдались мнѣ. Я никогда не говорила вамъ объ этомъ обязательствѣ, но я сама себя дала слово.... Я сказала себя: «Этотъ молодой человекъ отдаля мнѣ: я должна одѣлать его счастливымъ». Я успѣла выполнить это намѣреніе.

— Какимъ образомъ? спросилъ обрадованный художникъ, ни мало не подозревая засады.

Лиза съ дивнымъ наслажденіемъ любовалась на Венцеслава, а онъ смотрѣлъ на нее съ сымовною нѣжностью, въ которой не-лживалась любовь къ Гортензій. И Лиза не догадалась. Увидѣвъ въ первый разъ въ жизни огонь страсти въ глазахъ мужчины, она вообразила, что сама зажгла этотъ огонь.

— Вотъ какъ, отвѣчала она: Кривель даетъ намъ сто тысячъ франковъ на основаніе торговаго дома, если вы хотите жениться на мнѣ.... У него иногда бываютъ странныя идеи, у этого тудакъ-Кривеля.... Какъ вы объ этомъ думаете?

Художникъ поблѣдѣлъ какъ мертвецъ и устремилъ на свою благодѣтельница мутные газза, черезъ которые выглядывала вся его мысль. Онъ обмеръ.

— Никто еще не говорилъ мнѣ такъ ясно, что я страшно безобразна! вскричала Лиза съ горькимъ смѣхомъ.

— Благодѣтельница моя никогда не будетъ казаться мнѣ безобразною, отвѣчалъ Венцеславъ: я питаю къ вамъ глубокую привязанность, но.... мнѣ нѣтъ тридцати лѣтъ, а вамъ....

— А мнѣ сорокъ три! Моей кузинѣ Гюль сорокъ семь, однако жъ она еще возбуждаетъ бѣшенныя отрасли. Зато она красавица!...

— Между нами пятнадцать лѣтъ разницы, мамзель Лиза! Какіе

мы будемъ мужъ и жена.... Для пользы каждаго изъ насъ, я думаю, нужно подумать объ этомъ. Моя признательность, конечно, будетъ равна вашимъ благодареніямъ. Впрочемъ, ваши деньги будутъ возвращены вамъ черезъ нѣсколько дней....

— Мои деньги! вскричала она: о! вы обращаетесь со мной какъ съ холодною ростовщицей!....

— Извините, отвѣчалъ Венцеславъ: но вы такъ часто говорите мнѣ о вашихъ деньгахъ.... Наконецъ.... Вы создали меня, такъ не уничтожайте же!....

— Вы хотите покинуть меня, я это вижу. Я только желала бы знать, кто вамъ далъ силу быть неблагодарнымъ, вамъ, человѣку.... бумажной куклѣ? У васъ не стало довѣрія ко мнѣ, къ вашему гению-хранителю?.... Ко мнѣ, которая такъ часто просиживала ночи за работою для васъ! Ко мнѣ, которая пожертвовала для васъ всѣмъ достаткомъ, какой скопила втеченіи всей жизни.... которая четыре года дѣлила съ вами насущный хлѣбъ бѣдной швеи.... которая поддерживала васъ всѣмъ, всѣмъ, — даже мужествомъ своимъ!

— Довольно! довольно, мамзель Лиза! вскричалъ Стембракъ, упавъ на колѣни и простирая къ ней руки: не прибавляйте ни слова больше! Черезъ три дня я отвѣчу вамъ, я вамъ скажу все!.... Теперь оставьте меня.... оставьте мое счастье.... Я люблю! я люблю!

— А!.... ну, будьте счастливы, мой другъ, сказала Лиза и поцѣловала молодаго человѣка въ лобъ съ изступленіемъ осужденнаго на смерть, который наслаждается послѣднимъ днемъ своей жизни.

— О! вы благороднѣйшее, вы лучшее изъ созданій.... вы равняетесь той, которую я люблю! сказалъ бѣдный художникъ.

— Я еще столько люблю васъ, что трепещу за вашу будущность, продолжала Лиза съ мрачнымъ видомъ: Иуда повѣсился!... Всѣ неблагодарные худо кончаютъ. Вы покидаете меня! Подумайте, что мы можемъ остаться вѣстѣ и не женясь. Я сама старая дѣвка, я знаю. Я сама не хочу иссушить вашей молодости, вашей поэзіи, — какъ вы называете. Но мы можемъ жить вѣстѣ, какъ жили до-сихъ-поръ. У меня есть способность къ торговлѣ: я могу накопить и составить вамъ состояніе лѣтъ въ десять. Я бережлива и расчетлива, тогда какъ молодая жена всегда будетъ расточительна. Вы все, что приобрѣтете, будете растрчивать; вы будете работать только для удовольствія и сча-

ствіи вашей жизни. Счастье ничего не создаетъ, кромѣ воспоминаній. Когда у меня въ головѣ мысль о васъ, руки мои не знаютъ усталости!.... Послушайте меня, Венцеславъ, оставайтесь со мною!.... Видъ я все понимаю.... Выслушайте.... вы можете имѣть любовницъ, хорошенькихъ женщинъ, подобныя мадамъ Марнеъ.... Она желаетъ видѣть васъ, она доставитъ вамъ все то счастье, котораго я не въ состояніи дать вамъ. Потому вы можете жениться, когда я составлю вамъ тысячу тридцать доходу....

— Вы ангелъ, мадамъ Лиза! Я никогда не забуду этой минуты! отвѣчалъ Венцеславъ, осушая слезы.

— Ну, вотъ такъ-то, теперь я васъ люблю! сказала Лиза глядя на него съ упоеніемъ.

Тщеславіе человѣческое такъ велико, что Лиза вообразила, что одержала побѣду: она сдѣлала такую огромную уступку, предложивъ своему воспитаннику мадамъ Марнеъ! Она испытывала сильнѣйшее чувствованіе всей жизни: радость впервые, казалось, наполнила ея душу совершенно. Чтобы имѣть еще одинъ такой часъ, она продала бы свою душу чорту.

— Я уже связанъ словомъ, отвѣчалъ Венцеславъ. Притомъ я люблю существо, съ которымъ для меня никто въ мірѣ не можетъ сравниться. Но вы всегда останетесь моей матерью.

Эти слова упали точно свѣжій обвалъ на пылающее жерло волкана. Лиза сѣла, мрачно посмотрѣла на молодость, на красоту художника и на глазахъ у нея навернулись слезы, которыя однако жъ тотчасъ высохли. Она походила на одну изъ тѣхъ угловатыхъ каменныхъ фигуръ, какія въ среднихъ вѣкахъ ставили на гробницахъ.

— Я не проклинаю тебя, сказала она быстро вставая: ты ребенокъ. Богъ съ тобой!

Она ушла и заперлась въ свой квартирѣ.

— Она любитъ меня! сказалъ себѣ Венцеславъ: бѣдняжка! какъ она была краснорѣчива!.... Она съ ума сошла.

На третій день послѣ этого, въ пятомъ часу утра, когда Венцеславъ еще спалъ глубокимъ сномъ, кто-то постучался въ дверь его сіятельства. Онъ проснулся и открылъ.

Вошли три незнакомца.

— Вы графъ Венцеславъ Степбракъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Я. Что вамъ угодно?

— Вы арестованахъ министромъ государя. Помогите съ мѣной въ тиринский замокъ Кашни.

Стенбракъ одѣлся, два часовика подъ руки сасла соо съ гбетлицы, поспѣшилъ въ стѣны и пошелъ. Вслѣдствіе ареста бѣдный молодой человекъ былъ по всей Европѣ посаженъ въ тюрьму и нигде-тѣмъ не успѣлъ сдѣлать ни одного распоряженія: такъ онъ былъ озадаченъ.

Въ десять часовъ его потребовали въ залу, куда приходили посетители заключенныхъ. Тамъ онъ нашелъ мамзель Лизу. Она заливалась слезами и дала ему денегъ, чѣмъ жить и добыть порядочное помѣщеніе, гдѣ бы можно было работать.

— Милый мой, сказала она: не говорите никому о вашемъ арестѣ, не пишите ни къ кому: это уничтожить всю вашу будущность. Это пятно нужно скрыть. Я скоро освобожу васъ: я достану требующую сумму.... будьте спокойны. Напишите мнѣ все, что вамъ нужно для вашей работы. Я сама буду работать. Я умру надъ работой, но освобожу васъ...

— О! я дважды буду обязанъ вамъ жизнью! вскричалъ Венцеславъ: вѣдь я потеряю больше чѣмъ жизнь, если меня сочтутъ негоднымъ!

Лиза ушла съ радостью въ сердцѣ. Она полагала, что можетъ держать художника подъ замкомъ, разстроитъ его свадьбу съ Гортензіей и сказать, что онъ женился на другой и уѣхалъ въ Россію.

Чтобы исполнить этотъ планъ, она къ тремъ часамъ пошла къ баронессѣ Гюло, хотя день былъ не ея. Ей хотѣлось насладиться пыткой Гортензии, когда женихъ не явится въ опредѣленную часъ.

— Ты пришла обѣдать? спросила баронесса, скрывъ свою досаду.

— Да.

— Ну, хорошо. Такъ я пойду сказать, чтобы не заставляли ждать, сказала Гортензія: вѣдь ты не любишь поздно обѣдать.

Гортензія украдкой кивнула матери, чтобы успокоить ее. Она располагала сказать лакею, чтобы онъ отозвалъ Стенбракъ, когда придетъ. Но лакея не было дома. Гортензія принуждена была поручить дѣло горничной, а горничная пошла къ себѣ наверхъ за своей работой, чтобы не даромъ сидѣть въ передней.

— А что жъ мой женихъ? спросила Лиза, когда Гортензія воротилась: что жъ вы давно не спрашиваете объ немъ?

— Ахъ, кстати, гдѣ онъ? спросила Гортензія: гдѣ онъ теперь знаменитъ. Ты должна быть довольна, кузина. Вездѣ только объ немъ и говорить.

— Да, говорить.... даже слишкомъ много. Графъ Степбракъ пережидаетъ мѣсто. Если бы дѣло шло о томъ только, чтобы привязать его къ себѣ и одержать верхъ надъ удовольствіями Наррижа, — я знаю свои силы. Но, говорить, Россія позавидовала намъ въ великомъ художникѣ и вызываетъ его къ себѣ....

— Пустяки! возразила баронесса.

— Можетъ ли быть! вскричала Гортензія, у которой сердце захватило точно судорогами.

— Да, ему писала особа, съ которою онъ связанъ самыми священными узамъ. Онъ вчера получилъ письмо и намѣренъ ѣхать. Конечно, глупо дѣлаетъ, что мѣняетъ Францію на Россію....

Гортензія взглянула на мать и голова ея опустилась на сторону. Баронесса только успѣла подхватить свою дочь. Она была въ обморокъ, блѣдная какъ кружевная оборка ея платья.

— Лиза! ты убила мою дочь! вскричала баронесса: ты рождена только для нашего несчастія!

— Я! Да я то чѣмъ тутъ виновата, Аделина? сказала Лиза, ставъ въ грозную позицію, на которую баронесса, въ тревогѣ, не обратила вниманія.

— Извини, Лиза.... Я не знаю.... позвони! отвѣчала баронесса, поддерживая Гортензію.

Въ эту минуту дверь отворилась и вошелъ Венцеславъ, котораго въ отсутствіе горничной, выпустила кухарка.

— Гортензія! вскричалъ художникъ, бросившись къ безчувственной.

И онъ поцѣловалъ свою невесту въ лобъ на глазахъ матери, которая ни сколько этимъ не огорчилась. Это противъ обмороку была самая лучшая изъ англійскихъ солей. Гортензія открыла глаза, увидѣла Венцеслава и краска воротилась въ лицо. Черезъ минуту она совсѣмъ оправилась.

— Такъ вотъ что вы скрывали отъ меня! сказала Лиза Венцеславу, какъ-будто теперь только находя загадку: такъ ты у меня похитила моего жениха? прибавила она, обращаясь къ Гортензіи и уводя ее въ садъ.

Гортензія простодушно рассказала кузинѣ-Лизѣ романъ своей любви и только пріобрѣтеніе группы и явленіе художника приписала случаямъ.

Стевбракъ вскорѣ пришелъ благодарить Лизу за скорое освобожденіе. Лиза по-езуитски отвѣчала, что заводявецъ давалъ ей только неопредѣленные обѣщанія и потому она надѣялась выручить арестанта не ранѣе какъ для черезъ два, но заводявецъ, вѣроятно, устыдился недостойнаго преслѣдованія и распорядился самъ.... Впрочемъ, Лиза казалась обрадованною и поздравляла Венцеслава съ счастьемъ.

— Не хорошій вы мальчикъ! сказала она ему въ присутствіи Гортензіи и баронессы: если бы вы третьяго дня признались мнѣ, что любите мою кузину Гортензію, вы избавили бы меня отъ многихъ слезъ. Я думала, что вы покидаете меня, вашего стараго друга, вашу наставницу, тогда какъ выходите напротивъ: вы будете моимъ кузеномъ, будете связаны со мною узами, правда, слабыми, однако жъ достаточными для чувства, которое я питаю къ вамъ.

И она поцѣловала Венцеслава въ лобъ. Гортензія бросилась къ кузинѣ на шею и залилась слезами.

— Я тебѣ обязана моимъ счастьемъ! сказала она: я никогда не забуду этого!

— Лиза, сказала баронесса, цѣлую кузину, съ радостью, что дѣло такъ хорошо обошлось: я и баронъ, мы у тебя въ долгу и хотимъ поплатиться. Пойдемъ въ садъ, потолкуемъ о дѣлахъ.

Такимъ образомъ вышло, что кузинѣ-Лизѣ пришлось играть роль добраго ангела въ семействѣ: всѣ ее обожали.

— Мы хотимъ, чтобы ты перестала работать, сказала баронесса. Положимъ, что ты зарабатываешь по сороку су въ день, исключая праздники. Это составитъ шесть-сотъ франковъ въ годъ. А сколько ты накопила?

— Четыре тысячи пятьсотъ франковъ.

— Бѣдвяжка! сказала баронесса.

Она подняла глаза къ пепу: такъ ее тронула мысль о трудахъ, лишенияхъ и заботахъ, которыя кузина должна была перенести для этой суммы, накопленной втеченіи тридцати лѣтъ. Лиза не поняла смыслу этого восклицанія: она увидѣла въ немъ насмѣшку и презрѣніе къ ея бѣдности и ненависть ея приобрѣла страшное количество яду въ ту самую минуту, когда Аделина откинула всякое недовѣріе къ тирану своего дѣтства.

— Мы прибавимъ къ этой суммѣ десять тысячъ пятьсотъ франковъ, продолжала Аделина, и положимъ всю сумму въ банкъ, такъ, что ты будешь имѣть шесть сотъ франковъ доходу.

Лиза, казалось, была на вершине счастья. Когда она воротилась, съ платкомъ на глазахъ, отирая слезы радости, Гортензія разсказала ей обо всѣхъ успѣхахъ всеобщаго любимца, Венцеслава.

Баронъ, возвратясь домой, нашелъ свое семейство въ полномъ комплектѣ, потому что Аделина уже официально привѣтствовала Венцеслава именемъ сына и увѣренная въ согласіи своего мужа, назначила день свадьбы черезъ двѣ недѣли.

Когда Гюль вошелъ въ комнату, жена и дочь бросились къ нему на встрѣчу. Одна цѣловала его, другая шептала на-ухо.

— Вы слишкомъ далеко зашли, отвѣчалъ баронъ серьезно: дѣло еще не рѣшено, состоится ли этотъ бракъ.

Венцеславъ поблѣднѣлъ.

«Вѣрно, баронъ узналъ, что я былъ въ тюрьмѣ!» подумалъ онъ.

— Пойдите, дѣти, сказалъ баронъ, уводя свою дочь и Венцеслава въ садъ.

Онъ сѣлъ съ ними въ бесѣдкѣ, на скамьйкѣ.

— Графъ, сказалъ онъ: любите ли вы мою дочь столько, сколько я любилъ ея мать?

— Больше, баронъ! отвѣчалъ художникъ.

— Мать ея была дочь земледѣльца и не имѣла ни полунки состоянія....

— Отдайте мнѣ Гортензію такъ, какъ она здѣсь сидитъ...

— Я вѣрю вамъ, отвѣчалъ баронъ съ улыбкой: Гортензія дочь барона Гюль д'Эрви, государственнаго совѣтника, директора департамента въ военномъ министерствѣ, кавалера большого креста Почетнаго Легіона, племянница графа Гюль, котораго слава безъ смертна и который скоро будетъ маршаломъ Франціи. И... у несть приданое.

— Это правда, возразилъ влюбленный художникъ: оно кажется, какъ-будто я честолюбивъ. Но пусть Гортензія будетъ крестьянкой, я всегда женюсь на ней....

— Вотъ это-то мнѣ и нужно знать, сказалъ баронъ. Пойди теперь, Гортензія, оставь насъ. Ты видишь, что онъ дѣйствительно любитъ тебя.

— Ахъ, папечка! я вѣдь знала, что вы только шутите! сказала счастливая дѣвушка.

— Любезный Стенбракъ, сказалъ баронъ съ обворожительною любезностью, когда они остались одни: я назначилъ моему сыну при

женитъсь его двѣсти тысячъ франковъ капиталу, изъ котораго онъ, бѣдняжка, не выдастъ ни сагитма и не увидитъ. Въ приданое моеи дочери назначается двѣсти тысячъ, въ полученіи которыхъ вы дадите расписку....

— Извольте, баронъ....

— Какъ вы торопитесь! Выслушайте меня. Отъ зятя нельзя требовать всего того, чего имѣешь право ожидать отъ сына. Мой сынъ зналъ все, что я могъ сдѣлать и что сдѣлаю для обезпеченія его будущности. Онъ будетъ министромъ и легко найдетъ свои двѣсти тысячъ франковъ. Что жъ касается до васъ, молодой человекъ.... это совсѣмъ другое дѣло! Вы получите шестьдесятъ тысячъ, въ видѣ зацдси пяти-процентнаго дохода, на имя вашей жены. Кромѣ-того дочь моя получитъ въ приданое вешамъ на двадцать тысячъ....

— Баронъ, вы осыпаете меня....

— Что касается до остальныхъ ста-двадцати тысячъ....

— Перестаньте, баронъ! Отдайте мнѣ только Гортензію....

— Да хотите вы меня выслушать или нѣтъ? Этакой ветеривдливый юрша! Что касается до ста-двадцати тысячъ франковъ, у меня ихъ нѣтъ, однако вы ихъ получите....

— Баронъ!...

— Вы ихъ получите отъ правительства въ видѣ заказовъ, которые я вамъ доставлю, въ этомъ даю вамъ честное слово. Вамъ отвѣдутъ мастерскую въ депю мраморовъ. Выставьте хорошую скульпую, мы сдѣлаемъ васъ членомъ Института. Нѣкоторыя высочія особы благоволятъ къ моему брату и ко мнѣ. Я надѣюсь доставить вамъ скульптурную работу въ Версали. Наконецъ, вы получите нѣкоторыя заказы для города Парижа, для палаты перовъ.... у васъ будетъ работы столько, что вы принуждены будете взять помощниковъ. Вотъ, какимъ образомъ я расплачусь съ вами. Обдумайте, хорошее ли это приданое, сообразите ваши силы.

— Я чувствую въ себѣ столько силы, что возьмусь сдѣлать жему мою счастливою одинъ, если все, что вы предлагаете, не удастся, отвѣчать художникъ.

— Вотъ, это я люблю! сказалъ баронъ: люблю молодость, которая ни въ чемъ не сомнѣвается! Я самъ, въ свое время, плую армию опрокпнулъ бы для любимой женщины. Давайте вашу руку, молодой человекъ.... вотъ вамъ мое согласіе. Въ будущее воскресенье подпишемъ контрактъ, въ предбудущую субботу свадьба. Это день именинъ жены моей.

— Ну, все идетъ хорошо! сказала баронесса, прислонившись къ стеклу въ окнѣ: твой женихъ и отецъ цѣлуются.

Вечеромъ, воротясь домой, Венцеславъ нашелъ разгадку своего освобожденія. Дворникъ подалъ ему большой запечатанный пакетъ, въ которомъ заключалось судебное дѣло о взысканіи, уничтоженный вексель, инвентаріа въ уплатѣ и слѣдующее писъмо:

« Любезный Венцеславъ,

« Я сегодня утромъ, въ десять часовъ, приходилъ за тобой, чтобы везти тебя къ герцогу, который желаетъ видѣть тебя. Тутъ я узналъ, что твои Англичане увезли тебя на свои острова, которыхъ столица зовется Клиши-Кестль. Я тотчасъ пошелъ къ Леону де-Лорѣ и со смѣхомъ рассказалъ ему, что ты не можешь переѣхать съ своей дачи, по недостатку четырехъ тысячъ франковъ, и что будущность твоя подвергается опасности, если ты не лвишься къ своему высокому покровителю. Бридъ, который самъ знавалъ бѣдность и который знаетъ твою исторію, къ-счастію также случился тутъ. Они вдвоемъ составили сумму, а я снесъ и заплатилъ Бедуину, который навесъ преступное оскорбленіе геніальности, засадивъ тебя въ мѣшокъ. Но мнѣ нужно было быть въ полдень въ Тюильри и потому я не могъ повидаться съ тобой. Друзьямъ моимъ я поручился за тебя, потому что, я знаю, ты благородный человекъ. Завтра ты, конечно, самъ повидаетесь съ ними. Они не захотятъ взять назадъ денегъ, а потребуютъ каждый по группѣ и ко-рошо сдѣлають. Вотъ, что думаетъ тотъ, который хотѣлъ бы называться твоимъ соперникомъ, но который только

« Твой товарищъ,

« Спидманъ ».

« Р. Б. Я сказалъ герцогу, что ты завтра воротился изъ деревни, и онъ сказалъ:—Ну, хорошо, завтра.»

Венцеславъ уснулъ въ багрянницѣ, которою облакаетъ человекъ Удача, эта хромая богиня, которая для геніальныхъ людей ходитъ еще медленнѣе, чѣмъ Правосудіе и Фортуна, потому что Юпитеру угодно, чтобы у нея не было повязки на глазахъ. Легко обманываясь выставками шарлатановъ, привлекаемая ихъ декорациями и трещотками, она трагитъ время и милости свои на ихъ фиглярство, вѣсто-того чтобы отыскать истинно достойныхъ, которые прачутся по угламъ.

Теперь не худо объяснить, какимъ образомъ баронъ Гюло сгруппировалъ цифры на приданое Гортензін и на огромныя по его состоянію издержки для мадамъ Марносъ.

Наканунѣ, утромъ, старикъ Петръ Фишеръ видѣлъ себя въ необходимости представить свой балансъ, если баронъ Гюло не возвратитъ ему занятыхъ тридцати тысячъ франковъ.

Съдой семидесяти-лѣтній бонапартистъ до такой степени былъ увѣренъ въ баронѣ Гюло, въ которомъ видѣлъ лучъ солнца Наполеона, что преспокойно расхаживалъ съ прислапнымъ изъ банка конторщикомъ взадъ и впередъ по прихожей своей осьмисотъ франковой квартиры, въ нижнемъ этажѣ, откуда управлялъ различными своими предпріятіями по части хлѣбныхъ поставокъ.

— Маргарита пошла получить деньги..... въ двухъ шагахъ отсюда, сказалъ старикъ.

Конторщикъ такъ хорошо зналъ честность стараго Альзасца, что хотѣлъ зайти въ другой разъ, но Фишеръ принудилъ его остаться, замѣтивъ, что осемь часовъ еще не пробило.

Передъ дверьми остановился кабріолетъ. Старикъ выскочилъ на улицу и съ божественною увѣренностью протянулъ къ барону Гюло руку.

Баронъ вручилъ ему тридцать тысячъ франковъ.

— Проѣзжайте далѣе, дома черезъ два. Послѣ скажу, зачѣмъ, сказалъ старикъ Фишеръ. — Вотъ, любезнѣйшій, сказалъ онъ потомъ, отсчитавъ молодому человѣку тридцать тысячныхъ билетовъ.

Когда конторщикъ ушелъ, Фишеръ воротилъ кабріолетъ, въ которомъ, черезъ два дома, дождался баронъ Гюло.

— Неужели вы хотите, чтобы въ банкѣ знали о нашихъ дѣлахъ? Довольно того, что на векселяхъ надписано такое имя, какъ ваше!....

— Пойдемте въ вашъ садикъ, дядя Фишеръ, сказалъ директоръ. Вы здоровы? прибавилъ онъ, садясь въ виноградную бѣсъдку.

— Здоровъ, хоть сейчасъ застраховываться, весело отвѣчалъ маленькій, сухой, жилистый, быстро-глазый старичокъ.

— Вы не терпите жары?

— Напротивъ.

— Что вы скажете объ Африкѣ?

— Прекрасная земля!.... Франгузы бывали тамъ съ маленькимъ каприломъ.

— Ну, такъ воть, въ чемъ дѣло. Чтобы спасти всѣхъ насъ, нужно отправиться въ Алжирію.

— А мой дѣла?

— Одинъ вашъ чиновникъ выходитъ въ отставку, но жить ему нечѣмъ. Онъ купитъ вашъ торговый домъ.

— Чтò жъ я стану дѣлать въ Алжиріи?

— Питать войну, поставлять хлѣбъ и фуражъ. Вотъ вашъ контрактъ о подрядѣ со мной, подписанный. На мѣстѣ вы найдете вашъ фуражъ семидесятью процентами ниже цѣны, въ какой мы его принимаемъ отъ васъ.

— Кто же мнѣ тамъ будетъ поставлять его?

— Экспедиціи, набѣги, Кабилы, Арабы. Въ Алжиріи хлѣба много. Когда онъ принадлежитъ Арабамъ, мы беремъ его подъ всякими предлогами, потомъ Арабы стараются отнять у насъ. Драки бываетъ много за хлѣбъ, но сколько его украли съ той и съ другой стороны, этого никто никогда не знаетъ навѣрное. Поле сраженія не рынокъ: гдѣ тутъ мѣрять и вѣсить. Арабскіе предводители, такъ же какъ и наши спаги, предпочитаютъ деньги и продаютъ благопріобрѣтенное за безцѣнокъ. Военное управленіе имѣетъ опредѣленную потребность. Оно законтрактовываетъ поставку по огромнымъ цѣнамъ, разсчитаннымъ на трудность подвоза. Алжирія въ этомъ отношеніи — мутная вода. Мы... то есть мы, директоры военнаго министерства.... еще не скоро добьемся толку, не скоро будемъ видѣть ясно, чтò и какъ тамъ дѣлается. Но, какъ у частныхъ людей, глаза у насъ хорошіе. Поэтому я посылаю васъ туда, наживать состояніе. Я сажаю васъ на это мѣсто, какъ Наполеонъ посадилъ одного бѣднаго маршала на королевство, гдѣ можно было втайнѣ покровительствовать контрабандѣ. Я разорепъ, любезный Фишеръ. Мнѣ въ годъ времени нужно добыть сто тысячъ.....

— Чтò жъ! почему же не взять ихъ у Кабилловъ? спокойно отвѣчалъ Альзасецъ: и въ имперіи такъ дѣлывали.

— Покупщикъ вашего торговаго дома завтра принесетъ вамъ десять тысячъ франковъ. Вѣдь этого вамъ достаточно, чтобы отправиться въ Африку?

Старикъ утвердительно кивнулъ головою.

— Чтò касается до капитала на предпріятіе, тамъ, — будьте спокойны, продолжалъ баронъ. Остатокъ платы за ваше заведеніе я здѣсь получу: мнѣ теперь нужны деньги.

— Все ваше, даже кровь моя, отвѣчалъ старикъ.

— О! не бойтесь ничего! вскричалъ баронъ, предполагая въ своемъ дядюшкѣ больше прозорливости, чѣмъ было въ самомъ дѣлѣ: подрядъ безгрѣшный. Честность ваша ни мало не пострадаетъ. Все зависитъ отъ начальства, а въ начальствѣ тамошнемъ я увѣренъ, потому что я его поставилъ. Это, дядя Фишеръ, тайна между нами на жизнь и смерть. Я знаю васъ и потому говорилъ съ вами безъ обиняковъ.

— Ёдемъ! сказалъ старикъ. А на долго ли?

— На два года. Вы на свою долю наживете сто тысячъ, съ которыми можете счастливо дожить вѣкъ въ Альзасѣ.

— Да будетъ по вашей волѣ. Моя честь — ваша, спокойно сказалъ старикъ.

— Вотъ такихъ людей люблю. Однако жъ вы прежде отъѣзду увидите счастье вашей внучатной племянницы: Гортензія выходитъ замужъ, за графа....

Спекуляція на Кабиловъ и деньги, которыя отставной чиновникъ давалъ за торговое заведеніе Фишера, не могли доставить необходимыхъ тотчасъ же шестидесяти тысячъ франковъ на приданое Гортензіи и сорока тысячъ, столько же необходимыхъ для мадамъ Марнеъ. Сверхъ всего этого, баронъ, какъ мы видѣли, принесъ тридцать тысячъ, которыя уже былъ долженъ Фишеру. Откуда же онъ ихъ взялъ?

За нѣсколько дней передъ тѣмъ, баронъ застраховалъ свою жизнь въ двухъ компаніяхъ на три года, на полтора ста тысячъ франковъ. Вооруженный страховыми полисами, онъ обратился къ барону Нюсигену, перу Франціи, въ каретѣ котораго возвращался изъ палаты, и сказалъ:

— Баронъ, мнѣ нужно семьдесятъ тысячъ франковъ. Одолжите мнѣ. Вы назначите какое-нибудь лицо, которому я предоставлю право получить эти деньги втеченіи трехъ лѣтъ изъ моего жалованья. Оно, какъ вы знаете, составляетъ двадцать пять тысячъ въ годъ.... Вы скажете, что я могу умереть?

Перъ Франціи утвердительно кивнулъ головою.

— Вотъ страховые полисы на полтора ста тысячъ и на три года впередъ заплаченные, продолжалъ Гюло, вынимая изъ кармана бумагу.

— А ежели вашъ отставка получить? со смѣхомъ возразилъ баронъ-милліонеръ.

Другой баронъ, анти-милліонеръ, смутился.

— Будьте спокойнѣе! Я вамъ замѣчалъ только такъ, чтобы по-

казывать, что мой услуга что-нибудь стоить. Вамъ очень имѣть нужда?

— Я выдаю дочь замужъ. А состояніе я прожилъ, какъ и всѣ порядочные люди проживаютъ на службѣ въ наше неблаго- дарное время, когда пятьсотъ почтенныхъ гражданъ, возсѣдаю- щихъ на скамьяхъ палаты, не умѣютъ наградить преданныхъ людей такъ, какъ награждалъ одинъ императоръ.

— Да! вашъ содержалъ Жозефа! Это все повнимайтъ! Между вами сказать, герцогъ д'Эрувилль вамъ сдѣлать большой услуга, когда взять прочь отъ ваше карманъ эта пиавка. Мой тоже знайтъ это нешастье и умѣютъ состраданье. Послушайтесь мой совѣтъ, сдѣ- лайте шабашъ, а то вашъ будетъ совѣтъ капуть!....

Сдѣлку совершили при посредствѣ одного мелкаго ростовщи- ка, по имени Вовинѣ, одного изъ тѣхъ спутниковъ, которые обращаются около большихъ банкирскихъ домовъ какъ маленькая рыбка, которая какъ-будто служить на посылкахъ у акулы. Онъ же доставилъ барону Гюло тридцать тысячъ франковъ на три мѣ- сяца, обѣщая четыре раза переписать вексель и не пускать въ оборотъ. Ему нужна была протекція директора въ министер- ствѣ.

Премиякъ Фишера заплатилъ сорокъ тысячъ за торговое за- веденіе и за обѣщаніе подряда въ одной изъ соединенныхъ провин- цій.

Вотъ страшный лабиринтъ, въ который страсти завели челове- ка, до тѣхъ поръ честнаго и одного изъ искуснѣйшихъ и дѣятель- нѣйшихъ чиновниковъ наполеоновскаго правительства: злоупотре- бленіи власти и лихоимство мало чѣмъ отличаются отъ явнаго разбоя и воровства.

Всю эту науку расточительства, всѣ эти усилія баронъ Гюло употребилъ, чтобы разыграть роль Юпитера у мѣщаники Данаи, чтобы явиться великимъ въ глазахъ мадамъ Марнефъ. Не многіе развертываютъ столько дѣятельности, столько ума и смѣлости для честнаго приобрѣтенія состоянія, сколько развернулъ онъ дитяго, чтобъ нырнуть головой въ омутъ. Онъ исполнялъ свои обязанности по службѣ, онъ торопилъ обойщиковъ, онъ смотрѣлъ за работами, онъ ѣздилъ по магазинамъ и заботился обо всѣхъ мелочахъ для хозяйства въ улицѣ Ванно. Присадежа весь Вале- ринъ Марнефъ, онъ еще присутствовалъ въ засѣданіяхъ палаты. Онъ дробился, рассыпался, но ни въ семействѣ ни въ министер-

ствѣ никто не замѣтилъ, чтобы онъ былъ занятъ болѣе обыкновеннаго.

Аделина, изумленная спасеніемъ дяди и явленіемъ приданаго въ свадебномъ контрактѣ дочери, нѣсколько тревожилась посреди своего счастья. Но наканунѣ свадьбы Гортензін, которая должна была состояться въ одинъ день съ водвореніемъ мадамъ Марнезъ на новомъ пепелищѣ, Гекторъ прекратилъ удивленіе своей жены слѣдующимъ министерскимъ сообщеніемъ:

— Аделина! завтра свадьба нашей дочери, стало-быть, всѣ наши безпокойства на этотъ счетъ кончены. Для насъ настала пора отказаться отъ свѣта. Года черезъ три я выйду въ отставку. К чему намъ теперь продолжать бесполезные расходы? Эта квартира стоить намъ шесть тысячъ; у насъ четверо людей; мы проживаемъ тридцать шесть тысячъ въ годъ. Если ты хочешь, чтобы я выполнилъ свои обязательства..... Я отдалъ свое жалованье за три года, чтобы получить сумму, которая потребовалась на свадьбу Гортензін и на выручку твоего дяди.....

Аделина поцѣловала мужа обѣ руки. Это признаніе избавило ее отъ страха.

— Но я и у тебя потребую маленькаго пожертвованія, продолжалъ баронъ, поцѣловавъ жену въ лобъ: мнѣ прискакали въ улицѣ Плюмэ очень хорошенькую квартиру, за полторы тысячи, гдѣ тебѣ достаточно будетъ одной горничной, а я удовольствуюсь однимъ слугой.

— И прекрасно, мой другъ!

— Будемъ содержать домъ по-проще и все-таки сохранимъ порядочный видъ. Ты будешь издерживать шесть тысячъ франковъ, а что на меня пойдетъ, то ужъ мое дѣло: оба будемъ экономить.

Аделина бросилась къ мужу на шею.

— Какое счастье, что я снова могу показать тебѣ, какъ я люблю тебя! вскричала она: какой ты неистощимый на средства!...

— Мы будемъ принимать родныхъ одинъ разъ въ недѣлю, а я, какъ ты знаешь, и безъ того рѣдко обѣдаю дома. Ты можешь два раза въ недѣлю обѣдать у Виктора, два раза у Гортензін. Съ Кривелемъ мы, кажется, скоро опять помиримся. Разъ въ недѣлю будемъ обѣдать у него. Эти пять обѣдовъ съ нашимъ шестымъ и наполняютъ недѣлю, если предположить еще одно постороннее приглашеніе.

— О! я навѣрное и изъ шести тысячъ сберегу тебѣ что-нибудь! сказала Аделина.

— Ты перлъ изъ женщинъ, отвѣчалъ онъ.

— Добрый, чудесный мой Гекторъ! ты выдалъ нашу милую Гортензію замужъ; я буду благословлять тебя до конца моей жизни!....

Такъ сократился домъ прекрасной баронессы Гюль.

Москѣ Кривель, натурально приглашенный къ подписанію контракта, велъ себя при этомъ случаѣ такъ, какъ-будто бы сцены, съ которой начался нашъ разговоръ, никогда не бывало и какъ-будто онъ не имѣлъ никакого зла на барона Гюль. Въ любезностяхъ москѣ Целестина Кривеля всегда немножко просвѣчивалъ бывший парюмеръ, но ротный командиръ національной гвардіи и кандидатъ на званіе мера одного изъ тринадцати округовъ Парижа уже достигалъ до величественнаго. Онъ говорилъ о томъ, какъ пойдетъ плясать на свадьбѣ.

— Баронесса, сказалъ онъ Аделинѣ, выбравъ время: благородные люди умѣютъ забывать прошлое. Не изгоняйте меня изъ вашего семейства и удостойте иногда украсить своимъ присутствіемъ мой домъ, когда у меня бываютъ наши дѣти. Будьте увѣрены, что я никогда слова не скажу о томъ, что таится въ глубинѣ моего сердца. Я тогда велъ себя какъ безумецъ.... я такъ много теряю, когда не вижу васъ...

— Всякая честная женщина глуха для рѣчей, на которыя вы намѣкаете, москѣ Кривель, отвѣчала Аделина. А вы, если сдержите свое слово, можете быть увѣрены, что мнѣ будетъ очень пріятно видѣть прекращеніе ссоры, тягостной для всякаго семейства...

— Ну, что, дутышь! сказалъ Гюль, силою уводя Кривеля въ садъ: ты вездѣ бѣгашъ отъ меня, даже въ моемъ домѣ! Неужели два старые любителя прекраснаго пола должны навсегда поссориться изъ-за какой-нибудь юбки? Полно! это не по-военному.

— Я не такой видный мужчина какъ вы, баронъ, и мои ограниченныя средства въ этомъ отношеніи не позволяютъ мнѣ вознаградить мои потери такъ легко, какъ вы вознаграждаете.

— Иронія? спросилъ баронъ.

— Она позволительна побѣжденному, у котораго не остается другаго оружія противъ побѣдителя.

Начатый въ этомъ тонѣ разговоръ кончился совершеннымъ примиреніемъ, однако жъ Кревель напередъ доказалъ, что имѣетъ право возмездія.

Мадамъ Марнефъ желала быть на свадьбѣ у Гортензіи Гюло. Чтобы она могла быть, баронъ принужденъ былъ пригласить всѣхъ чиновниковъ своего министерства, до столоначальниковъ включительно, и дать большой балъ. Притомъ баронесса, какъ добрая хозяйка, рассчитала, что балъ обойдется дешевле обѣда, а народу можно созвать больше. И такъ свадьба Гортензіи надѣлала много шума. Разослано двѣсти пригласительныхъ билетовъ. Тутъ были перы и депутаты, графы, герцоги и бароны, маршалы и директоры, военные и гражданскіе чиновники. Попятно, что самолюбію мадамъ Марнефъ было лестно явиться во всемъ своемъ блескѣ въ такомъ собраніи.

Наконецъ насталъ великій день, какъ для Гортензіи съ Венцеславомъ, такъ и для барона съ Валеріей: мадамъ Марнефъ опредѣлила праздновать повоселье въ улицѣ Ванно на другой день послѣ свадьбы Гортензіи и своей издалека приготовленной измѣны.

Въ одну изъ самыхъ шумныхъ минутъ свадебнаго бала, Кревель взялъ барона подъ руку и самымъ натуральнымъ тономъ шепнулъ:

— Какая хорошенькая женщина эта, въ розовомъ, которая такъ стрѣляетъ въ тебя глазами....

— Которая?....

— Да вотъ, жена чиновника, который по твоей милости такъ выслуживается.... мадамъ Марнефъ.

— Почему ты знаешь, что онъ выслуживается по моей милости?

— Послушай, Гюло, я постараюсь простить тебѣ твои прегрѣшенія противъ меня, если ты введешь меня въ ея домъ. Со мной можешь ѣздить къ Элонзѣ, если хочешь. Всѣ спрашиваютъ, кто это прелестное существо? Увѣрешь ли ты, что никто изъ твоихъ чиновниковъ не объяснитъ, какимъ образомъ ея мужъ повышенъ мѣстомъ и произведенъ въ кавалеры?.... Этакой счастливецъ, повѣса Гюло!.... Ну, что жъ? будемъ друзья? Общаешь, что ли?

— Будемъ, изволь. Я общаю тебѣ: черезъ мѣсяцъ ты будешь обѣдать съ этимъ ангеломъ.... У насъ уже дошло до ангеловъ. Тебѣ, какъ товарищу, я совѣтовалъ бы послѣдовать моему примѣру и бросить демоновъ ...

Кузина-Лиза, также переѣхавшая въ улицу Ванно, въ хорошенькую квартиру, въ третьемъ этажѣ, ушла съ багу въ десять часовъ, чтобы полюбоваться дома на свои билеты, по которымъ ей надобно было получить тысячу франковъ доходу съ трехъ капиталовъ, — съ своего собственнаго, съ капитала графини Стенбракъ и съ капитала дочери Кревеля, молодой мадамъ Гюль. Послѣ этого Кревель, конечно, могъ говорить съ барономъ о мадамъ Марнефъ.

Баронъ Гюль сдѣлалъ глупость, подаривъ Валеріи нарядъ слишкомъ великолѣпный для жены мелкаго чиновника. Другія женщины съ завистью смотрѣли на этотъ нарядъ и на красоту Валеріи. Подъ опахалами шептались, потому что бѣдность Марнефовъ была извѣстна въ цѣломъ министерствѣ. Ктому же, Гюль не умѣлъ скрыть своего восхищенія при видѣ успѣху Валеріи, которая только тому не нравилась, въ комъ возбуждала зависть.

Посадивъ жену, дочь и зятя въ карету, баронъ вышелъ средство тихонько ускользнуть и оставить гостей доплясывать, какъ знаютъ; а самъ сѣлъ въ карету съ Валеріей и уѣхалъ.

Но Валерія была печальна, почти задумчива.

— Мое счастье печалитъ васъ, Валерія? сказалъ Гюль, привлекая ее къ себѣ, въ каретѣ.

— Вы хотите, мой другъ, чтобы женщина не задумалась надъ первымъ своимъ проступкомъ, отвѣчала Марнефъ. Развѣ вы полагаете, что у меня нѣтъ души, нѣтъ убѣжденій, нѣтъ вѣры?... Вы сегодня слишкомъ нескромно радовались и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти выставили меня на показъ. Школьщикъ, право, хвасталъ бы по-меньше васъ. Зато, вы не видѣли, какъ всѣ дамы терзали меня и глазами и языками. Какая женщина не дорожитъ своимъ именемъ? Вы погубили меня. Ахъ, я, конечно, теперь принадлежу вамъ и у меня не остается другаго средства къ оправданію моего проступка, какъ быть вамъ вѣрною.... Чудовище! прибавила она со смѣхомъ, позволивъ поцѣловать себя: вы очень хорошо знали, что дѣлали....

Мадамъ Марнефъ до такой степени ослѣпила господина директора, что опъ съ полною увѣренностью приписывалъ себѣ первую побѣду надъ ея добродѣтелью. Господинъ директоръ былъ на седьмомъ небѣ отъ своего счастья.

Между-тѣмъ свадебные гости доплясали послѣдній котильонъ, доиграли послѣднія пульки и разъѣхались довольные собой и не спрашивая о хозяевахъ.

Такимъ образомъ, несмотря на злобѣщее разстройство состоянія барона Гюль, свадьба совершилась при соблюденіи всѣхъ условій, какихъ могло требовать самое взыскательное общество. Этой свадьбѣ досталась даже завидная для многихъ слава важнаго событія въ городѣ, потому что на другой день объ ней говорилъ въ газетахъ.

Года черезъ три послѣ свадьбы Гортензій, въ 1841, баронъ Гюль д'Эрвѣ почитался человѣкомъ остепенившимся, а между тѣмъ мадамъ Марнефъ стояла ему вдвое дороже Жозефы. Домъ Марнефовъ въ два года приобрѣлъ репутацію весьма пріятнаго и сохранилъ притомъ весь виѣшній видъ порядочнаго. Сама хозяйка гораздо ранѣе прослыла женщиною чрезвычайно любезною и остроумною. Въ добродѣтели ея почти никто не сомнѣвался. Чтобы оправдать перемѣну ея состоянія, распустили слухъ, будто она черезъ довѣренное лицо получила наследство отъ своего отца, маршала Монкорнѣ. Въ видахъ будущаго Валерія къ свѣтскому лицемѣрью присоединила ханжество. Она съ строгимъ постоянствомъ ходила въ церковь, собирала подаянія въ пользу бѣдныхъ, записалась въ члены женскаго благотворительнаго общества и помогала нищимъ своего квартала, — всё, разумѣется, насчетъ Гектора. Все у нея и вокругъ нея было прилично. Многіе были убѣждены въ совершенной чистотѣ отношеній ея къ барону и полагали, что господинъ директоръ питаетъ только платоническую страсть къ увлекательному уму, къ очаровательному обращенію и остроумной бесѣдѣ мадамъ Марнефъ.

Когда бывали гости, баронъ около полуночи уходилъ вмѣстѣ со всѣми и возвращался четверть часа спустя. Объ этомъ знали только дворникъ и его жена, которымъ директоръ избавилъ сына отъ рекрутства и которые за это готовы были для него и для мадамъ Марнефъ броситься въ огонь и воду.

Что могъ сказать свѣтъ, который не зналъ предшествовавшихъ приключеній мадамъ Марнефъ съ Бразильцемъ Монтесомъ де-Монтеханосомъ? Ничего. Свѣтъ, впрочемъ, всегда бываетъ исполненъ снисходительности къ хозяйкѣ дома, въ которомъ можно весело провести время. Сверхъ-того мадамъ Марнефъ кромѣ всѣхъ прочихъ своихъ достоинствъ обладала еще и тайнымъ могуществомъ: могла во многихъ случаяхъ покровительствовать.

Черезъ два мѣсяца по водвореніи своемъ въ улицѣ Вашибъ, мадамъ Морнеъ стала принимать Кревѣля, который тогда сдѣлался меромъ своего округа и не безъ сожалѣнія разстался съ мундиромъ капитана національной гвардіи. Въ такомъ почтенномъ званіи бывшій парфюмеръ считалъ уже неприличнымъ поддерживать связь съ мамзель Элизой Бризтү: записью на шесть тысячъ франковъ пожизненнаго дохода, на имя Валеріи Фортевъ, жены Марнеа, онъ купилъ право вознаграждать себя за похищеніе Жозефы, сколько хотѣлъ и сколько могъ.

Страсть Кревѣля къ Валеріи, возбужденная Лизой Фишеръ, поджигалась и поддерживалась другою страстью, давшинною, задушевною, завѣтною. Ему хотѣлось обладать «порядочною» женщиной, свѣтскою женщиной. Вотъ главная причина, почему онъ такъ настойчиво преслѣдовалъ баронессу Гюлдъ. Въ этомъ онъ признался кузинѣ-Лизѣ и говорилъ, что именно поэтому Аделина для него никогда не состарѣется. Лиза сообщила это признаніе Валеріи, а Валерія извлекла себѣ изъ него шесть тысячъ франковъ пожизненнаго дохода.

Кревѣль женился для денегъ, на дочери мельника изъ Бри, дѣвущкѣ довольно безобразной, очень пошлой и глупой, которая скоро умерла, не доставивъ супругу другихъ наслажденій, кромѣ родительскихъ. А Целестинъ Кревѣль съ начала своего коммерческаго поприща, связанный своимъ положеніемъ по званію и ограниченный въ денежныхъ средствахъ, всегда игралъ роль Тантаала. Находясь непрерывно въ сношеніяхъ, — какъ онъ выражался, съ свѣтскими женщинами, онъ провожалъ ихъ съ поклонами лавочнаго сидѣльца и только изъ-дали любовался на ихъ прелести, на ихъ способы пошенія нарядовъ, на всѣ тѣ мелочи, которыми нѣтъ мнени и которыя между-тѣмъ такъ рѣзко отличаютъ породу. Возвыситься до одной изъ этихъ «ей волшебнаго круга, было его желаніемъ самымъ пламеннымъ, его мечтою самою дорогою съ молодыхъ лѣтъ, а между-тѣмъ осуществить ее никогда не удавалось.

Мадамъ Марнеъ, въ глазахъ бывшаго парфюмера, соединяла въ себѣ все, что нужно для полноты идеала свѣтской женщины. Она была красавица, умна, образована, изящна, пользовалась неукоризненною репутациею и принимала у себя очень порядочное общество. Приобрѣсть ея благосклонность, для Кревѣля значило не только осуществить свою мечту, но и удовлетворить давно стражащее самолюбіе. Зато успѣхъ удивительно поощрилъ его и Кре-

весь свѣтъ возгордился своимъ очаровательнымъ особой. Онъ испыталъ дивныя наслажденія въ головѣ, а когда голова зацѣлена, сердце также загорается и счастье доходить до неизмѣримого. При этомъ мадамъ Марнеэ доставила Кривелю такое изысканное счастье, какого онъ прежде не считалъ и возможнымъ: ни Жюсса, ни Элоиза не любили его, тогда какъ мадамъ Марнеэ сочла полезнымъ въ совершенствѣ обмануть человѣка, въ которомъ видѣла неистощимую вырубку.

Наконецъ, мадамъ Марнеэ обладала многими особенностями вѣжливости, которыя дѣлали ее равно необходимою и Кривелю и Гюло. Въ присутствіи постороннихъ она очаровывала своею вежливостію, скромностію, мечтательностію, милымъ, безвреднымъ остроуміемъ и кроткою прелестью обращенія. Однакъ на одинъ она въ живости, рѣзвости, бойкости и изобрѣтательности превосходила прелестницъ по ремеслу. Этотъ контрастъ чрезвычайно нравится всѣмъ Кривелямъ: имъ льститъ, что они единственные зрители этой комедіи и что они одни ею наслаждаются. Они смѣются надъ дивнымъ лицемѣріемъ и приходятъ въ восторгъ отъ комедіантки.

Барономъ Гюло Валерія овладѣла до такой степени, что заставила его даже постарѣть. Предвидя близкое разрушеніе бывшаго красавца, она сочла нужнымъ ускорить это событіе.

— Для чего ты принуждаешь себя, мой почтенный папѣ? сказала она ему спустя полгода послѣ вступленія въ тайный бракъ: неужели еще ты хочешь нравиться кому-нибудь? Неужели ты хочешь измѣнить мнѣ? Мнѣ ты будешь гораздо милѣе, когда перестанешь прикрашиваться. Сдѣлай милость, уволь меня отъ твоихъ подлужныхъ прелестей. Неужели ты думаешь, что я въ тебѣ люблю твою ваксу на сапогахъ, твой каучуковый корсетъ, твою краску на усахъ и накладку на лысинѣ? Чѣмъ старше ты будешь казаться, тѣмъ менѣе меня будутъ страшить соперницы.

У кого вѣтъ самолюбія? Гюло былъ обманутъ безсовѣстною лестію. Онъ, такъ же какъ и Кривель, вѣрилъ въ любовь мадамъ Марнеэ. Онъ пересталъ красить усы и волосы и въ одно прекрасное утро явился къ Валеріи весь сѣдой.

— Ну, вотъ! сказала она: вотъ хорошо! Сѣдые волосы идутъ къ тебѣ гораздо лучше крашеныхъ. Они смягчаютъ выраженіе. Ты кажешься добрѣе... Ты гораздо лучше, ты очаровательнѣе!

Пустившись разъ на этой дорогѣ, баронъ снялъ свой лосиный шмель съ корсагома, сбросилъ всѣ подруги. Жизнь опусты-

онъ, баронъ началъ тучнѣть, дубъ превратился въ баянню. Красавецъ Гюло старѣлъ не по днямъ, а по часамъ. Въ воспоминанію о молодыхъ годахъ остались одни черныя брови, точно обломанные остатки лѣсныхъ украшеній на ветхой стѣнѣ когда-то великолѣпнаго замка.

Какимъ образомъ Валерія могла держать при себѣ въ одно время и Кривеля и Гюло, когда метательный ротный командиръ и шеръ носилъ только громкой побѣды надъ своимъ врагомъ-похитителемъ? Вопросъ этотъ разрѣшится впоследствии, а теперь мы можемъ только сказать, что Валерія и Лиза изобрѣли вдвоемъ удивительную машину, которой могущественныя колеса сверхъ другихъ результатовъ произвели и этотъ.

Марнеоъ, видя свою жену похорошѣвшею въ новой сюртѣ, гдѣ она царствовала, повидному снова влюбился въ нее и сходилъ съ ума. Ревность его, если иногда и оставляла досадную помѣху веселію, зато придавала чрезвычайно много цѣны мѣстамъ Валеріи. Однако жъ директору своему Марнеоъ оказывалъ довѣренность, доходившую до смѣшнаго раболѣнія. Настоящую ревность онъ питалъ только къ Кривелю.

Марнеоъ, подрѣзанный, подточенный нештотыми наслажденіями разврата, сталъ гадокъ какъ восковая, анатомическая кукла. Не эта ходячая болѣзнь была прикрыта тонкимъ сунномъ; эта вытѣрившаяся грудь одѣвалась въ тонкое бѣлье и атмосфера выхуоли скрывала запахъ тлѣнія. Все отвратительное безобразіе живаго порока было по-возможности закрашено, потому что Валерія поставила своего мужа въ согласіе съ его мѣстомъ.

Марнеоъ былъ демонъ господина мера, который никакъ не могъ сносить взгляда его бѣлыхъ глазъ, а тотъ примѣтилъ это странное дѣйствіе и наслаждался имъ не только въ сценахъ, въ которыхъ участвовала жена, но и за картами. Кривель считалъ обязанностью немножко поддаваться почтенному мужу, котораго обманывалъ.

Видя, какъ глубоко Валерія презирала гадкую мумію, которая называлась ея мужемъ, и какъ душевно она смѣялась надъ шутомъ Кривелемъ, который передъ презрѣннымъ игралъ роль мальчика, баронъ могъ покониться въ совершенной увѣренности насчетъ своей милой.

Кувина-Лиза въ домѣ Марнеоовъ занимала мѣсто родственницы, которая принимаетъ на себя обязанности компаньонки и ключницы. Она только не испытывала здѣсь того униженія, ка-

кому большею частью подвергаются несчастныя существа, поставленные въ такое шаткое положеніе. Дружба Валеріи къ ней не имѣла предѣловъ.

Въ кухнѣ-Лизѣ произошла совершенная революція: Валеріи привалась наряжать ее, затянула въ корсетъ, расчесывала черныя блестящія волосы, одѣвала въ платья, сшитыя модисткой, обувала въ тонкія ботинки, убирала лентами и наколками. Лиза стала щеголять охотно и сама полюбила яркіе желтые и красныя цвѣта, которые шли къ ея смуглому, сухому лицу, къ чернымъ глазамъ и волосамъ и посредствомъ которыхъ искусныя руки Валеріи умѣли заставить ее производить удивительный эффектъ какой-то дикой, цыганской поэзіи. Однимъ словомъ, кто не видалъ Лизы три года, тотъ не могъ узнать ее, такъ она преобразовалась.

— Начавъ жизнь какъ голодная коза, говорила она, я оканчиваю ее какъ львица.

И дѣйствительно, будучи обезпечена на весь остатокъ жизни, Лиза находилась всегда въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа и приносила съ собою веселость всюду, куда приходила обѣдать. Она еще продолжала работать для Ривѣ самыя трудныя вещи по своей части, только для того, какъ говорила, чтобы не терять напрасно времени. Но настоящая дѣятельность, дѣятельность чрезвычайная, занимала уже не руки Лизы Фишеръ: она работала головой. Она систематически разоряла барона Гюло и обогащала свою милую Валерію.

Баронъ Гюло обѣдалъ у Валеріи сначала четыре раза въ недѣлю, но потомъ нашелъ, что пріятнѣе обѣдать каждый день. Почти каждый день приглашали къ обѣду гостя или двоихъ, не считая частыхъ собраній по вечерамъ, и Лиза, управляя хозяйствомъ, умѣла заставить своего любезнаго кузена платитъ за все ровно вдвое, такъ, что Валерія, сверхъ непрерывнаго доходу отъ Кревель, ежемѣсячно относилась въ сохранную кассу точно такую же сумму, какая была истрачена на домашній бытъ. Это у нихъ было принято за правило. За туалетъ щедро платили двое, Кревель и баронъ. Тутъ также оставалась половина чистой прибыли. Словомъ, изъ всего этого и изъ одновременныхъ подарковъ, милая, скромная, очаровательная, добродѣтельная мадамъ Марнефъ въ три года уже успѣла составить себѣ около полутораэта тысячь экономіи. Лиза изъ своихъ тысячь двухъ сотъ франковъ не истрачивала ни одного сантимъ, потому что квартира ея стоя-

ла на особомъ счету у барона, а столъ и туалетъ на общемъ съ Валеріей. Лиза также имѣла свой экономическій капиталецъ, который пускала въ оборотъ черезъ Кревѣля.

Однако жъ любовь Гюлд и Кревѣля была тягостнымъ бременемъ для Валеріи. Въ тотъ день, съ котораго начинается продолженіе этой, до невѣроятности достовѣрной, достаточно любовной и страшно правдоучительной повѣсти, Валерія пришла наверхъ, къ Лизѣ, отвести утомленную душу въ откровенной бесѣдѣ о мелочныхъ горестяхъ жизни.

— Лиза! душа моя! два часа я сегодня утромъ провела съ Кревѣлемъ. Это ужасъ!... О! какъ бы я желала хоть одинъ разъ послать тебя на это мѣсто!

— Къ-несчастію, это невозможно, отвѣчала Лиза.

— Бываютъ минуты, когда мнѣ становится стыдно между этихъ двумя стариками. Я думаю: чтò, если бы мать видѣла меня!...

— Ты за Кревѣля чтò ли принимаешь меня?

— Нѣтъ... только скажи, Лиза, ты не презираешь меня?

— О! если бы я была недурна собой, сколько бы у меня было... приключеній!... Вотъ твое оправданіе.

— Но ты слушалась бы только своего сердца, сказала мадамъ Марнефъ со вздохомъ.

— Пустяки! возразила Лиза: Марнефъ мертвецъ, котораго забыли похоронить; баронъ таковъ же какъ и мужъ, а настоящій твой обожатель—Кревѣль. У тебя, какъ у всякой женщины, дѣло въ совершенномъ порядкѣ.

— Нѣтъ, душенька-Лиза, милая моя, не въ томъ дѣло! Ты не хочешь понять меня...

— Напротивъ! вѣдь «подразумѣваемый» также входитъ въ планъ моего мщенія. Чего жъ тебѣ еще?... Вѣдь я стараюсь.

— А я сохну отъ любви къ Венцеславу и мнѣ не удастся даже видѣть его! Гюлдъ приглашалъ его къ обѣду, не хочетъ! Онъ не знаетъ, что его здѣсь обожаютъ, чудовище!

— Успокойся, душенька, придетъ! сказала Лиза тономъ, какими няньки успокаиваютъ блаженныхъ дѣтей: придетъ! Я тебя ручаюсь.

— Но когда придетъ?

— Можетъ быть на этой недѣлѣ.

— Душенька! дай, я тебя поцѣлую!

Эти двѣ женщины составляли одно существо. Всѣ дѣйствія Валеріи, всѣ шалости, всѣ удовольствія, всѣ ссоры съ обожате-

Лиза рѣшалась по зрѣломъ предварительномъ обсужденіи въ дружескомъ комитетѣ. Лиза совѣтовала Валерію во всемъ и преслѣдовала ходъ своего мнѣнія съ удивительною логикой. Она чуть не боготворила Валерію, которая замыслила ей Венцеслава; она изъ нея сдѣлала себѣ свою дочь, своего друга, свою любовь въ сердечныхъ измѣнѣхъ, и въ болтовнѣ съ нею, она находила гораздо болѣе наслажденія чѣмъ съ Венцеславомъ: онъ могъ хотѣть отъ общихъ своихъ мыслей и потѣшаться надъ глупостью мужчинъ.

Кромѣ-того, въ своемъ предпріятіи и въ новой дружбѣ Лиза для своей дѣятельности нашла нищу гораздо обильнѣйшую чѣмъ въ прежней страсти къ молодому художнику. Наслажденія удовлетворенной ненависти гораздо живѣе, гораздо оживленнѣе и сильнѣе, нежели любовь волнуютъ человѣческое сердце. Въ рудныхъ жилахъ нашего чувства любовь—золото, а ненависть—железо.

Въ три года Лиза уже значительно подвинула подземную работу, которой посвятила свою жизнь. Лиза замышляла, мадамъ Марнефъ дѣйствовала; мадамъ Марнефъ служила топоромъ, Лиза была рукою, которая имъ управляла. И, невидимые, но ужасные удары съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разбивали семейство, которое Лизѣ со дня на день становилось ненавистнѣе, потому что ненависть, такъ же какъ и любовь, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе возрастаетъ, только ненависть постояннѣе и продолжительнѣе. Лиза въ новой сферѣ развернула всѣ свои способности. Она царствовала подобно езуитамъ, какъ тайная власть. Мужичка, золотомъ переродилась совершенно. Она задумала сдѣлаться маршальшею Гюло, графиней Форцгеймской.

По окончаніи дружеской бесѣды, изъ которой мы привели отрывокъ, Лиза собралась идти къ баронессѣ Гюло, обѣдать, по заведенному порядку, въ опредѣленный день.

— Ты воротилъсь къ чаю, Лиза? спросила Валерія.

— Надѣюсь....

— Какъ, надѣюсь! Ужъ не почевать ли ты думаешь у Адамы, чтобы пить ея слезы, покуда она спитъ?

— Не отказалась бы, если бъ можно было! отвѣчала младѣвка со смѣхомъ: Аделина теперь расцвѣтается за свое счастье. Я въ восхищеніи, я вспоминаю про молодость. Всякому свой чередъ. Она будетъ въ грязи, я буду маршальшею!..

Лиза отпростилась въ улицу Пломъ, куда ходила, какъ прежде ходять въ театръ, за отрадными ошущеніями.

Новая квартира баронессы Гюло хотя не могла сравниться съ прежнею, однако жъ еще соотвѣтствовала достоинству государственнаго совѣтника и директора департамента. Подъездъ и лѣстница были великолѣпны. Но съ перваго взгляду на всякое жилище тотчасъ видно, что въ немъ царствуетъ, — любовь или отчаяніе. И удовольствіе и горе имѣютъ каждое свою атмосферу. Жилище Адельны обдавало входящаго холодомъ пустоты и одиночества.

Въ наружности своей и въ одеждѣ Аделина сохраняла прежнее достоинство. Она даже ходила дома въ бархатномъ капотѣ и продолжала тщательно поддерживать свою красоту и величественную осанку. Это она, въ качествѣ жены директора и свояченицы маршала, считала своею обязанностью.

Для убранства новой квартиры мадамъ Гюло принуждена была выбрать лучшее, что оставалось отъ мнѣвшей роскоши въ Университетской улицѣ. Впрочемъ, бѣдная женщина любила этихъ нѣмыхъ свидѣтелей своего счастья: они для нея обладали почти утѣшительнымъ краснорѣчіемъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ Аделина видѣла цвѣты точно такъ же, какъ и на старомъ своемъ коврѣ различала узоры, уже непримѣтные для чужаго глаза.

Надъ рѣзнымъ рабочимъ столикомъ, въ просторной спальнѣ висѣлъ портретъ барона Гюло, въ мундирѣ старшаго комиссара императорской гвардіи. На столѣ и въ открытомъ ящикѣ лежали разныя работы. Но Аделина болѣею частію читала. Когда же кто-нибудь приходилъ, книга тотчасъ скрывалась въ ящикъ, потому что то было сочиненіе «О подражаніи Христу».

— Здравствуй, милая Мариша! сказала Лиза кухаркѣ, которая отворила ей дверь: ну, что, какова баронесса?

— Повидимому-то ничего, хороша, отвѣчала Мариша: но, если не броситъ новыхъ своихъ причудъ, она убьетъ себя. Право, вы бы уговорили ее! Сами посудите! Вчера, вапримѣръ, она приказала, чтобы я къ завтраку подавала ей стаканъ молока и маленькую булку, а къ обѣду—или есследку, или кусочекъ comodной говядины.... только! Она хочетъ издерживать на свой столъ не больше десяти су въ день! Ну, можно ли это? Если бы я сказала маршалу объ этомъ, я думаю, онъ на вѣкъ поссорился бы съ барономъ и лишилъ бы его наслѣдства. Вы такая умная и такая добрая, мамзель Фишеръ: вамъ бы легко устроить это безъ шума....

— Но отчего же ты не скажешь объ этомъ барону?

— Да какъ я ему скажу, если онъ, вотъ ужъ двадцать пять дней, дома не бывалъ! Впрочемъ, барыня строго запретила мнѣ просить денегъ у барона. А ужъ какъ она сама-то страдаетъ, бѣдняжка!... Каждый разъ, когда кто-нибудь позвонитъ, она подбѣгала къ окну. А теперь, вотъ уже пять дней, съ мѣста не сходитъ. Всѣ читаетъ! Когда же и отправляется къ графинѣ, такъ всякій разъ наказываетъ: «Марша, если баринъ прійдетъ, скажи ему, что я здѣсь, въ домѣ, и по-скорѣе пошли за мной дворника. Я ему хорошо заплачу за трудъ.»

— Бѣдная кузина! сказала Лиза: сердце разрывается, когда подумаю о ней. Но что станешь дѣлать? Я каждый день твержу о ней барону. Онъ всё отвѣчаетъ: «Ты права, Лиза, я дурно дѣлаю. Жена моя ангелъ, я—чудовище! И завтра я пойду къ ней.» И онъ остается у своей мадамъ Марнефъ! Эта женщина разоряетъ его, а онъ обожаетъ ее и живетъ и дышетъ только ею. Я, что могу, то дѣлаю. Если бы не я присматривала, онъ прожилъ бы тамъ вдвое больше, а какъ теперь у него почти уже ничего нѣтъ, такъ онъ, пожалуй, застрѣлся бы. Что тогда будетъ съ Аделиной? Вѣдь она умретъ отъ одной мысли объ этомъ. Я крайней мѣрѣ стараюсь свести какъ-нибудь концы съ концами, чтобы любезный мой кузенъ не совсѣмъ разорился....

— Вотъ это и баронесса говорить. Она очень хорошо знаетъ, сколько вамъ обязана. Она говоритъ, что долгое время не умѣла оцѣнить васъ....

— А!... Что же она еще говорила?

— Ничего. Она очень благодарна вамъ. Если вы хотите доставить ей удовольствіе, поговорите съ нею о баронѣ. Она завидуетъ вамъ, что вы каждый день видите его.

— Она одна?

— Нѣтъ, маршалъ недавно пріѣхалъ. Ему она всегда говорить, что баронъ каждый день бываетъ дома, только поздно приходитъ.

— Будетъ хорошій обѣдъ сегодня?

Кухарка замедлила отвѣтомъ и не могла вынести взгляду Лизы. Въ это время дверь изъ залы отворилась. Маршалъ Гюль такъ поспѣшно вышелъ, что не глядя поклонился Лизѣ и уронилъ какую-то бумажку. Лиза подняла и побѣжала вслѣдъ за нимъ на лѣстницу. Кричать глухому было бы бесполезно. Лиза не догнала его, можеть-быть, нарочно. Возвращаясь она торопливо прочитала записку:

« Любезный братецъ, мужъ далъ мнѣ денегъ на расходы на три мѣсяца, но Гортензін очень понадобились и я одолжила ей. « Всея моея суммы едва достало, чтобы выйти изъ затрудненія. « Не можете ли вы одолжить мнѣ нѣсколько сотъ франковъ? Я « не хочу просить денегъ у Гектора. Упрекъ отъ него слишкомъ « огорчилъ бы меня.»

— А! стало-быть, она въ порядочной крайности, когда ея гордость преклонилась! подумала Лиза.

Вошедши, она застала Аделину въ слезахъ и бросилась къ ней на шею.

— Аделина! милая моя, я все знаю! вскричала Лиза: маршалъ уронилъ эту бумажку; такъ онъ былъ встревоженъ; такъ торопился. Неужели твой Гекторъ оставилъ тебя безъ денегъ?

— Онъ дастъ мнѣ очень исправно, но Гортензін понадобились деньги и....

— И у тебя не стало на обѣдъ! Теперь я понимаю замѣнательство Марини, когда я спросила ее о сегодняшнемъ супѣ. Но ты дитя, Аделина! Чтò жъ ты мнѣ ничего не скажешь. Позволь предложить тебѣ все, чтò я сберегла....

— Благодарю тебя, добрая моя Лиза, отвѣчала баронесса отирая слезу: это маленькое затрудненіе — временное. На будущее время я уже распорядилась: я буду проживать не болѣе двухъ тысячъ четырехъ сотъ франковъ въ годъ, считая тутъ же и квартиру. Но, главное, Лиза.... ни слова Гектору. Здоровъ ли онъ?

— Чтò ему дѣлается! Онъ веселъ какъ воробей и думаетъ только о своей колдуньѣ, Валеріи....

Аделина посмотрѣла въ окно и Лиза ничего не могла прочесть въ выраженіи ея глазъ.

— Сказала ли ты ему, что мы сегодня всѣ вмѣстѣ обѣдаемъ здѣсь?

— Говорила, но мадамъ Марнеъ тоже сегодня дастъ большой обѣдъ. Какъ же ему уйти?... Послушай, Аделина, чтò я тебѣ скажу. Ты знаешь мой дикій нравъ и мои понятія относительно независимости. Твой мужъ, моя милая, разорится навѣрное. Я полагала, что могу быть полезною всѣмъ вамъ подлѣ этой женщины, но мадамъ Марнеъ безправственна до безпредѣльности: она въ-состояніи заставить твоего мужа покуситься на вещи, которыя опозорятъ всю фамилію.

Аделина сдѣлала движеніе, какъ-будто получила ударъ ножомъ въ сердце.

— Я увѣрена въ этомъ, милая Аделина, и сочла долгомъ предупредить тебя. Подумаешь о будущемъ. Маршалъ старъ, у него хорошее жалованье. Его вдова, если бы онъ былъ женою, получала бы пенсін тысячь шесть. На эту сумму я взялась бы содержать всѣхъ васъ.... Употрѣби свое вліяніе на старика. Пусть онъ жешится на мнѣ. Я желаю этого, разумеется, не для того чтобъ быть маршалшею: такія побрякушки занимаютъ меня столько же, сколько совѣсть мадамъ Валерію Марнефъ.... Но вы все имѣли бы вѣрный хлѣбъ. Я вижу, что у Гортензіи также недостаетъ его, когда ты отдаешь ей свой....

Маршалъ воротился. Старый солдатъ ходилъ такъ поспѣшно, что вспотѣлъ и утирался платкомъ.

— Я далъ Маршѣ двѣ тысячи франковъ, шепнулъ онъ Аделинѣ на ухо.

Аделина покраснѣла до корней волосъ и двѣ слезы ушли съ ея рѣсницъ. Она молча пожала руку старику, котораго лицо выражало радость счастливаго любовника.

— Я намѣренъ былъ сдѣлать вамъ подарокъ на эту сумму, продолжалъ маршалъ: вмѣсто-того чтобы возвратить, вы сами выберете себѣ что-нибудь и купите.

Онъ взялъ руку, которую ему подала Лиза, и поцѣловалъ. Такъ онъ былъ разсѣянъ отъ удовольствія.

— Это общается! сказала Аделина Лизѣ съ улыбкою.

Тутъ вошли молодой Гюло и его жена.

— Братъ сегодня обѣдаетъ съ нами? спросилъ маршалъ отрывисто.

Аделина взяла карандашъ и на маленькомъ четверугольномъ клочкѣ бумаги написала:

«Я жду его. Онъ общалъ сегодня обѣдать дома. Если онъ не прійдетъ, значить министръ задержалъ его. У него много «работы.»

Весь разговоръ съ маршаломъ вели такимъ образомъ.

— Я знаю, отвѣчалъ маршалъ: у нихъ теперь алжирскія дѣла....

Вошли Гортензія и Венцеславъ.

Баронесса, увидѣвъ себя окруженную своимъ семействомъ, снова обратила на маршала взглядъ, котораго значеніе одна Лиза поняла.

Обожаемый женою, художникъ въ счастіи значительно похоршелъ и даже пополнилъ. Его скороспѣлая слава, всѣ почести, всѣ обманчивыя похвалы, какія свѣтъ бросаетъ талантливымъ людямъ, какъ говорятъ «здравствуй» или какъ разсуждаютъ о погодѣ, давали ему то сознаніе своего достоинства, которое выражается въ тщеславіе, какъ-скоро талантъ потухаетъ. Получивъ орденъ почетнаго легіона, онъ въ собственныхъ глазахъ сталъ высокимъ великимъ человѣкомъ.

Гортензія послѣ трехъ лѣтъ супружества смотрѣла своему Венцеславу въ глаза, вѣжливая какъ раба и вопросительнымъ взглядомъ слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Она наблюдала за каждымъ его движеніемъ. Она стерегла его какъ скупецъ стережетъ свое сокровище. Въ ней отразился весь духъ ея матери. Красота ея немножко поблѣсла, впрочемъ поэтически: она подернулась легкою тѣнью тайной грусти. Однако жъ тайна эта, повидимому, скрывалась не глубоко и слабо задержанная жалоба легко могла вырваться.

Лиза и безъ жалобы давно угадала, что у молодыхъ людей, по великой ихъ страсти, доходы были слишкомъ малы.

Гортензія, цѣлуясь съ матерью, шопотомъ обмѣнилась нѣсколькими словами, которыхъ смыслъ Лиза угадала по движеніямъ головы.

— Аделина будетъ по-моему работать для хлѣба, подумала кузина, я хочу знать, что она будетъ дѣлать.... Пусть ея хорошенькіе пальчики тоже отвѣдаютъ, что значить необходимый трудъ.

Въ шесть часовъ семейство отправилось въ столовую. Приборъ Гектора былъ поставленъ.

Лиза, подобно пауку въ центрѣ своей сѣти, наблюдала за всѣми выраженіями лицъ. Она видѣла рожденіе Виктора и Гортензіи и ихъ лица для нея были чистыя стекла, сквозь которыя она читала все, что могло скрываться въ глубинѣ молодыхъ сердецъ.

По нѣсколькимъ взглядамъ, которые Викторъ украдкой бросилъ на мать, Лиза догадалась, что бѣда грозитъ и что Викторъ только не рѣшается сказать матери. Молодой и знаменитый адвокатъ скорбѣлъ въ душѣ. Глубокое уваженіе его къ матери отразилось въ грусти, съ какою онъ смотрѣлъ на нее. Гортензія очевидно была занята собственною заботой. Она втеченіи послѣднихъ двухъ недѣль впервые испытала безпокойство отъ не-

достатка денегъ. Кузина угадала, что мать ничего не давала дочери. Стало-быть разборчивая Аделина унижалась до живыхъ оправданій, къ какимъ нужда заставляетъ прибѣгать занимающихъ.

Задумчивость Гортензін и ея брата и глубокая грусть баронессы дѣлали обѣдъ довольно скучнымъ, особенно при глухотѣ главнаго гостя. Только трое оживляли сцену: Лиза, Валентина и Венцеславъ. Любовь Гортензін развила у художника природную его живость и развязность. Онъ былъ веселъ, любезенъ, увѣренъ въ себѣ и примѣтно было, что жена умѣла скрыть отъ него стѣсненія по хозяйству.

— Ты должна быть очень счастлива, сказала кузина-Лиза Гортензін, по выходѣ изъ-за стола: твоя мать избавила тебя отъ работы, отдавъ тебѣ свои деньги.

— Маменька? спросила Гортензія съ удивленіемъ: ахъ! бѣдная маменька! Я сама готова дѣлать деньги для нея!... Ты не знаешь, Лиза?... Я подозреваю, что маменька втайнѣ работаетъ за деньги!...

Они шли въ это время черезъ большую темную залу вслѣдъ за служанкой, которая несла лампу изъ столовой въ спальню. Викторъ тронулъ Лизу и Гортензію за руки. Обѣ поняли его желаніе и дали пройти маршалу, Целестинѣ и Венцеславу вслѣдъ за баронессой, а сами остались въ залѣ.

— Что случилось, Викторъ? спросила Лиза: я держу пари, что твой отецъ надѣлалъ какихъ-нибудь бѣдъ.

— Къ несчастію, да! отвѣчалъ Викторъ: ростовщикъ Вовниѣ ищетъ отъ него на шестьдесятъ тысячъ векселей и намѣренъ подать ко взысканію. Я въ палатѣ заговорилъ съ отцомъ объ этомъ неприятномъ дѣлѣ, но онъ не хотѣлъ понять меня; онъ уклонился. Надобно предупредить маменьку.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила Лиза: у нея и безъ того много горя. Это убьетъ ее, помилуй! Вы не знаете, до чего она дошла. Безъ дядюшки мы сегодня не обѣдали бы здѣсь.

— Ахъ, Боже мой, Викторъ, какіе же мы чудовища! сказала Гортензія брату: Лиза открываетъ намъ вещи, которыя мы сами должны бы были угадать.... Мой обѣдъ душитъ меня!...

Гортензія не кончила. Она зажала ротъ платкомъ, чтобы предупредить громкое рыданіе. Она плакала.

— Я сказалъ ростовщику, чтобы пришелъ ко мнѣ завтра, продолжалъ Викторъ: но не знаю, удовольствуется ли онъ обезнече-

нѣмъ, которое я ему представляю. Этимъ людямъ подай чистыя деньги: имъ нужно по-чаще обновлять обороты.

— Я продамъ мою ренту! сказала Лиза Гортензін.

— Много ли это? двѣнадцать тысячъ франковъ! возразилъ Викторъ: а намъ нужно шестьдесятъ тысячъ.

— Добрая кузина! сказала Гортензін, обнимая Лизу съ восторгомъ чистаго сердца.

— Нѣтъ, Лиза, берегите ваше состояніе, сказалъ Викторъ, пожавъ ей руку: я завтра увижу, что можно сдѣлать съ этимъ Жидомъ. Если жена моя согласится, я предупрежу, остановлю взысканіе, потому что видѣтъ нападеніе на доброе имя моего отца... о! это ужасно! Что скажетъ военный министръ? Батюшкино жалованье уже за три года передано въ другія руки. Его можно будетъ слова представить въ обезпеченіе меранѣ декабря, а Вовниѣ уже одиннадцать разъ переписалъ векселя.

— Если бь по-крайней-мѣрѣ эта мадамъ Мариссъ оставила его! сказала Гортензін съ горечью.

— Ахъ, сохрани Богъ! возразилъ Викторъ: батюшка пошелъ бы искать чего-нибудь новаго, а здѣсь самыя дорогія издержки уже сдѣланы.

Какая перемена въ этихъ дѣтяхъ, прежде такихъ почтительныхъ; въ дѣтяхъ, которыхъ мать такъ долго научала безусловно боготворить отца! Они уже рѣшали дѣло объ немъ!

— Безъ меня, сказала Лиза, вашъ отецъ былъ бы еще болѣе разоренъ.

— Войдемте, сказала Гортензін: маменька догадлива. Она тотчасъ догадается, о чемъ мы толкуемъ. Лиза правду говоритъ, что нужно пощадить ее. Скроемъ все, будемъ веселы!

— Викторъ, вы не знаете, до чего васъ можетъ довести вашъ отецъ съ своею страстью къ женщинамъ, продолжала Лиза: подумайте, что вы можете обезпечить своей матери содержаніе, если выдадите меня замужъ за маршала.... Поговорите съ нимъ всѣмъ объ этомъ нынѣшній вечеръ. Я нарочно уйду по-раньше.

Викторъ ушелъ въ спальню.

— Ну, а ты, моя бѣдняжка? шепнула Лиза Гортензін: какъ ты думаешь поступить?

— Прийди завтра къ намъ обѣдать, мы поговоримъ, отвѣчала Гортензін. Я не знаю, куда голову дѣвать. Тебѣ знакомы трудности жизни, ты мнѣ посоветуешь.

Тѣмъ временемъ, покуда все семейство Гюло твердо маршалу о женитьбѣ и покуда Лиза возвращалась въ улицу Ванно, случилось одно изъ тѣхъ происшествій, которыя у женщинъ, подобныхъ Валеріи Марнезъ, подстрекають всю мощь порока и побуждають развернуть всѣ средства нравственной испорченности, потому что, должно сознаться, даже самые порочные люди рѣдко дѣлають зло по собственному побужденію и внутренней потребности: они помощію порока только защищаются отъ слѣдствій своихъ проступковъ.

=

ИСТОРИЯ БѢДНЫХЪ РОДСТВЕННИКОВЪ.

=

РОМАНЪ ДЕ-БАЛЬЗАКА.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

КУЗИНА ЛИЗА.

=

У мадамъ Марнезъ были гости. Она только-что устроила партію виста, какъ лакей доложилъ:

— Баронъ Монтесъ де-Монтеханосъ!

Валерія получила ударъ въ сердце, однако жъ съ живостью бросилась къ двери и вскричала:

— Мой кузень!

И, подошедши къ Бразильцу, шепнула ему на-ухо:

— Скажись мнѣ родственникомъ, или — все кончено между нами!!

Бразилецъ вытаращилъ глаза.

— Такъ ты не потерпѣлъ крушенія, Генри! продолжала Валерія вслухъ, подводя его къ камину: мнѣ сказали, что ты погибъ, и я три года оплакивала тебя!....

— Здравствуйте, другъ мой! сказалъ Марнефъ, подавая Бразильцу руку.

Бразильскій миллионеръ, баронъ Генри Монтесъ де-Монтеханосъ, отъ экваторіальнаго климата одаренный сложеніемъ и цвѣтомъ, какія мы привыкли приписывать театральному Отелло, пугалъ своимъ мрачнымъ видомъ; но это было дѣйствіе чисто пластическое, потому что по нраву, особенно относительно женщинъ, онъ былъ смиреннѣе курицы. Презрительное выраженіе лица, крѣпость мускуловъ и всѣ силы его выказывались только передъ мужчинами, — такъ онъ льстилъ женщинамъ, — а женщинамъ это до такой степени нравится, что всякій мужчина, идущій объ руку со своею любезною, принимаетъ выраженіе и осанку чудо-богатыря.

Баронъ превосходно рисовался въ синемъ фракѣ съ массивными золотыми пуговицами, въ черныхъ брюкахъ, въ лакированныхъ сапогахъ, въ блѣдно-палевыхъ перчаткахъ и имѣлъ бразильскаго только огромный брилліантъ, тысячь во сто, который свѣтился какъ звѣзда на голубомъ атласномъ галстухѣ, обрамленномъ бѣлымъ жилетомъ. Лобъ, выпуклый какъ у сатира, — знакъ упрямства, — увѣчанъ былъ волосами черными какъ смоль и густыми какъ первобытный дѣвственный лѣсъ, а во лбу — глаза блестящіе, свѣтлые и красноватые какъ у американскаго тигра.

Онъ стоялъ прислонясь у камина, въ такой небрежно-живописной позиціи, которая обнаруживала привычки настоящаго Парижанина, и вполголоса разговаривалъ съ мадамъ Марнефъ, не обращая никакого вниманія на окружающихъ.

Это появленіе на сцену, эта позиція и фizioномія Бразильца возбудили два движенія любопытства со страхомъ, совершенно одинаковыя у Кревеля и у барона Гюлд. У обоихъ было одно предчувствіе и одно выраженіе, которое тѣмъ самымъ скорѣе поразило и другихъ, такъ, что нѣкоторые гости не могли удержаться отъ улыбки.

Кревель, въ которомъ ни капитанъ національной гвардіи ни парижскій меръ не могли совсѣмъ выгѣснить лавочника парфюмера, къ несчастію, оставался долѣе въ позиціи, такъ, что и баронъ Гюлд успѣлъ примѣтить измѣненіе и открыть тайну неосторожнаго соперника. Баронъ рѣшился объясниться съ Валеріей.

— Сегодня вечеромъ нужно покончить это дѣло, сказалъ самъ себѣ Кревель.

— У васъ есть черви, а вы сдѣлали реконсъ! вскричалъ Марнефъ.

— Виновать! отвѣчалъ Кревель, взявъ карту назадъ и продолжая разсуждать про себя: этотъ баронъ лишній. Пусть Валерія живетъ-себѣ съ моимъ барономъ: это мое мщеніе и я знаю, какъ отъ него избавиться, когда захочу. Но этотъ кузенъ—непрощенный гость. Я не хочу, чтобы меня водили за носъ. Я хочу знать, съ какой стороны онъ родственникъ!...

Въ этотъ вечеръ, по счастью, свойственному только хорошевинымъ женщинамъ, Валерія была одѣта восхитительно. Полная, атласно-бѣлая грудь ея, стройно оправленная въ черное шелковое платье, и столько же бѣлыя, маленькія, пухленькія ручки, въ широкихъ кружевныхъ рукавчикахъ производили необыкновенный эффектъ:

— Валерія, говорилъ Бразилецъ на-ухо красавицѣ: я воротился вѣрный. Дядя мой умеръ и я теперь вдвое богаче прежняго. Я намѣренъ жить и умереть въ Парижѣ.

— По-тише, Генри, ради Бога!

— Э! да что мнѣ! Я готовъ выбросить весь этотъ народъ за окно. Я хочу поговорить съ тобою нынче вечеромъ.... Я два дня отъискивалъ тебя. Я остаюсь послѣ всѣхъ.

Валерія улыбулась своему мнимому братцу и сказала:

— Подумайте, что вы сынъ моей матери, вышедшей замужъ въ Португалію, во время похода маршала Жюно....

— Мнѣ, Монтезу де-Монтеханосу, потомку завоевателей Бразиліи, мнѣ лгать!...

— По-тише, или мы навсегда простимся!

— Это отчего?

— У умирающаго являются иногда прихоти къ лакомствамъ: у Марнефа, пробудилась новая страсть ко мнѣ....

— У этого лакея.... Я ему заплачу деньгами....

— Какъ круто!...

— Но... откуда у тебя эта роскошь? спросилъ Бразилецъ, притянувъ убранство гостиниой.

Валерія разсмѣялась.

— Какой дурной тонъ, Генри! сказала она.

Въ эту минуту она ощутила два жгучіе, ревнивые взгляда, которые заставили ее взглянуть на двѣ души, томившіяся въ чистилищѣ.

Кревель съ своимъ партнеромъ Марнефомъ игралъ противъ барона Гюло и Коке, Марнефова начальника отдѣленія, котораго

уже предполагали переиъстять, для очистки вакансiи. Партiя была ровная по взаимной разсѣянности барона и мера, которые громоздили промахъ на промахъ. Влюбленные старики въ одну минуту раскрыли страсть, которую Валерiя умѣла заставить ихъ таить въ продолженiи пяти лѣтъ. Но и сама она не сумѣла потушить въ своихъ глазахъ свѣту радости, при видѣ челоуѣка, который впервые заставилъ трепетать ея сердце. Права такихъ счастливыхъ смертныхъ неотъемлемы.

Ревность, расшевеливъ лицо барона Гюль, сдѣлала его страшнѣе чѣмъ бывалъ покойникъ маршалъ Монкоридъ во время кавалерiйской атаки. Въ качествѣ красавца, баронъ никогда не знавалъ ревности, точно такъ же какъ Мюратъ не знавалъ робости. Онъ всегда бывалъ увѣренъ въ торжествѣ. Неудачу у Жозефы, — первую въ жизни, — онъ приписывалъ сребролюбiю: онъ говорилъ, что его побѣдилъ миллионъ, а не дряхлый выкидышь, какъ онъ называлъ герцога д'Эрувилла. Въ одну минуту сердце его переполнилось отравой этой безумной страсти. Онъ вертѣлся передъ вистомъ какъ на горячихъ угольяхъ и безпрестанно взглядывалъ и на Бразильца и Валерiю такими ужасными глазами, что возбудилъ во всѣхъ гостяхъ смѣшанное со страхомъ любопытство: они съ минуты на минуту ждали исторiи. Милый кузенъ смотрѣлъ на господина директора какъ на размаляваный китайскiй горшокъ.

Марнеоъ, которому не хотѣлось умереть помощникомъ, боялся барона Гюль столько же, сколько Кревель боялся Марнеоа. Такие живые мертвецы надѣются на жизнь, какъ каторжники надѣются на освобожденiе. Марнеоъ хотѣлъ быть начальникомъ отдѣленiя, во что бы то ни стало. Испуганный выраженiемъ Кревеля и директора, онъ всталъ, шепнулъ нѣсколько словъ жепѣ, и Валерiя, къ великому изумленiю всего собранiя, ушла съ мужемъ и съ Бразильцомъ въ свою спальню.

— Говорила ли вамъ мадамъ Марнеоъ когда-нибудь объ этомъ братцѣ? спросилъ Кревель у Гюль.

— Никогда! отвѣчалъ баронъ, и сѣлъ на диванъ съ таинвымъ выраженiемъ, изъ котораго всѣ гости заключили, что пора уходить.

Мосеѣ и мадамъ Коке, обiѣнявшись двумя словами, вышли, за ними последовалъ еще кто-то, потому еще и еще, такъ, что черезъ нѣсколько минутъ баронъ Гюль и Кревель одни остались въ гостиной. Гюль не принялъ даже Кревеля и тихою подергался къ Валерiиной двери, чтобы подслушать, но принужденъ

былъ отскочить, потому что дверь отворилась и на порогъ явился Марнефъ съ сіяющимъ лицомъ.

Онъ изумился, нашедши только двухъ гостей.

— А чай? спросилъ онъ.

— Гдѣ Валерія? спросилъ разъяренный баронъ.

— Моя жена? возразилъ Марнефъ: она ушла къ мацзель Лизѣ; скоро прійдетъ.

— А почему она предпочла намъ эту глупую козу?

— Мацзель Лиза воротилась отъ баронессы, вашей супруги, чѣмъ-то нездоровая. Кухарка пришла къ Валеріи просить чаю для нея и Валерія пошла посмотрѣть, что съ нею сдѣлалось.

— А кузень?

— Увхаль.

— Вы навѣрное знаете?

— Я самъ усадилъ его въ карету, отвѣчалъ Марнефъ съ гадкою улыбкой.

Марнефа баронъ Гюлдъ считалъ за нуль и потому безъ церемоніи отправился наверхъ, къ Лизѣ. Ему пришла въ голову одна изъ тѣхъ мыслей, какія посылаются только сердцемъ, запаленнымъ ревностью. Низость Марнефа была ему до того знакома, что онъ могъ предположить самое отвратительное сообщничество между супругами.

— Куда же они всѣ разошлись? спросилъ Марнефъ, когда остался наединѣ съ Кревдлемъ.

— Когда солнце садится, курятникъ слѣдуетъ его примѣру, отвѣчалъ Кревдль: мадамъ Марнефъ скрылась и ея обожатели разбредлись. Не угодно ли сыграть въ пикетъ? прибавилъ онъ, потому что хотѣлъ остаться.

Онъ тоже не вѣрилъ, что Бразилецъ вышелъ изъ дому.

Марнефу не ловко было отказаться отъ игры. Они сѣли.

Гюлдъ поспѣшно избѣжалъ наверхъ, къ своей кузинѣ, но нашелъ дверь на замкѣ. Обычные спросы сквозь дверь дали ловкимъ женщинамъ достаточно времени нато, чтобы расположить декоратію больной, которая отпивается чаемъ. Лиза страдала ужасно и Валерія такъ хлопотала около нея, что не обратила никакого вниманія на бурный приходъ барона. Болѣзнь такая ширма, которою женщины чаще всего отдѣлываются отъ объятія. Гюлдъ украдкой осмотрѣлъ всю комнату и не нашелъ никакого мѣста, способнаго укрыть Бразильца.

— Ты обременила желудокъ, Лиза; это дѣлаетъ честь объду моеи женѣ, сказалъ онъ, устремивъ взоръ на кузину, кото-

рая была здорова какъ-нельзя лучше и старалась охатъ сколько можно натуральнѣе.

— Видите, какое счастье, что наша милая Лиза живетъ въ мою домъ! замѣтила Валерія: безъ меня она, бѣдняжка, теперь могла бы умереть.

— Вы смотрите, какъ-будто сомнѣваетесь въ чемъ, сказала Лиза барону: это было бы недостойно....

— А! такъ вы знаете, зачѣмъ я пришелъ? отвѣчалъ баронъ и взглянулъ на дверь небольшой уборной, которая была заперта на ключъ.

— О чемъ вы говорите? спросила мадамъ Марнефъ съ неподражаемымъ простодушіемъ.

— Вѣдь я за васъ страдаю, любезный кузень, сказала Лиза съ раздражающимъ стономъ.

Баронъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и ждалъ объясненія.

— Вы знаете, люблю ли я васъ, продолжала Лиза: я здѣсь, и этого уже довольно. Я истощаю послѣднія силы моей жизни въ заботахъ о васъ и о милой нашей Валеріи. Хозяйство ея стѣитъ въ десять разъ дешевле, чѣмъ всякое другое, въ которомъ бы кто-нибудь захотѣлъ жить такъ хорошо, какъ она живетъ. Безъ меня все это стоило бы вамъ не двѣ, а три и даже четыре тысячи въ мѣсяцъ.

— Знаю, знаю, нетерпѣливо отвѣчалъ баронъ: вы покровительствуете намъ всевозможными способами.... не правда ли, душечка? прибавилъ онъ, взявъ мадамъ Марнефъ за шею.

— Чтѣ съ вами, баронъ, скажите, пожалуйста? спросила Валерія.

— Вы не сомнѣваетесь въ моей привязанности, продолжала Лиза: но я люблю также мою кузину Аделину. Я нынче всякій разъ застаю ее въ слезахъ. Она не видала васъ уже цѣлый мѣсяцъ. Это непростительно. Вы оставляете вашу жену безъ денегъ. Ваша дочь чуть не умерла, когда узнала, что мы только по милости вашего брата нашли обѣдъ сегодня. У васъ въ домъ не была куска хлѣба сегодня утромъ. Аделина приняла геройское намѣреніе кормиться сама. Она сказала мнѣ: «Я буду работать какъ ты!» Это слово такъ сдавило мнѣ грудь послѣ обѣда, что цинцевареніе у меня разстроилось. Я едва добралась до дому и чуть не умерла отъ судорогъ....

— Видите, Валерія, сказалъ баронъ, до чего меня доводитъ любовь къ вамъ.... до преступленій въ отношеніи къ семьѣ....

— О! какъ я хорошо сдѣлала, что осталась въ «дѣвушкахъ»! вскричала Лиза съ дикою радостью: вы добрый и прекрасный человѣкъ, Аделина ангелъ, а вотъ награда за ея преданность!...

— Ангелъ, да только старый! замѣтила вполголоса Валерія, бросивъ полу-нѣжный, полу-насиѣшавый взглядъ на своего Гектора, который осматривалъ ее какъ слѣдственный приставъ осматриваетъ схваченнаго мошенника.

— Бѣдная женщина! сказалъ онъ: вотъ уже девять мѣсяцевъ, что я не давалъ ей денегъ, а для васъ нахожу!... и чего они мнѣ стоютъ! Никто никогда не будетъ любить васъ такъ, какъ я люблю, а вы чѣмъ мнѣ платите!

— Право, вы, кажется, съ ума сошли, баронъ!...

— Я не знаю еще, каковы были отношенія ваши къ этому мнимому кузену, о которомъ вы до-сихъ-поръ не говорили мнѣ ни слова, продолжалъ баронъ, не обращая вниманія на восклицаніе Валеріи: но когда онъ вошелъ, я получилъ ударъ ножомъ въ сердце. Какъ я ни ослѣпленъ, однако жъ, еще не слѣпъ. Я читаю въ вашихъ и въ его глазахъ. Я уже знаю вашу тайну и раскрою ее совсѣмъ. Вы, Валерія, единственная женщина, познававшая меня съ ревностью, такъ не удивляйтесь же тому, что я вамъ говорю...

— А! вотъ вы какъ заговорили! вскричала Валерія: ну, продолжайте, продолжайте.

— Да, есть еще и другая тайна, которую я сейчасъ открываю, и это.... просто—низость....

— Еще, еще что?

— Кривель, эта глыба мяса и глупости, любитъ васъ и вы принимаете его любезности такъ благосклонно, что онъ считаетъ себя вправѣ публично выказывать свою страсть.

— Еще не принимаете ли кого? спросила мадамъ Марневъ.

— Можетъ-быть, есть и еще, почему я знаю! отвѣчалъ баронъ.

— Если мосье Кривель влюбленъ въ меня, такъ это значитъ только то, что онъ мужчина. А если бы я была снисходительна къ его страсти, такъ это значило бы только то, что я женщина, которой вы оставляете много желаній. Впрочемъ, если ужъ пошло на объясненія, такъ я вамъ скажу вотъ что: любите меня съ моими недостатками или оставьте меня. Это мое послѣднее слово. Прощайте, баронъ.

Она встала. Но Гюль схватилъ ее за руку и принудилъ сѣсть.

Старикъ не могъ уже замѣнить Валерію другою. Она сдѣлалась для него первою потребностью жизни и онъ лучше согласился бы остаться въ сомнѣніи, чѣмъ найти самое легкое доказательство ея невѣрности.

— Милая Валерія, сказалъ онъ, развѣ ты не видишь, что я страдаю? Вѣдь я желаю только, чтобы ты оправдалась.... Объясни мнѣ....

— Хорошо, ступайте внизъ. Вы видите, что ваша кузина нездорова и ваше присутствіе ей въ тягость.

Гюль вышелъ.

Когда задвижка снова щелкнула, Бразилецъ вышелъ изъ уборной, страшно смущенный. Видно было, что онъ все слышалъ.

— Ты уже не любишь меня, Генри! я это вижу! сказала мадамъ Марнефъ, закрывая лицо платкомъ и заливаясь слезами.

То былъ вопль истинной любви. Отчаяніе женщины такъ убѣдительно, что необходимо вынуждаетъ прощеніе, которое всегда найдетъ въ сердцѣ влюбленного мужчины, когда женщина молода, прекрасна и когда плечи у нея достаточно выдвигаются изъ корсажа.

— Но отчего же ты не покинешь все и всѣхъ для меня, если любишь меня? спросилъ Бразилецъ.

— Отчего? спросила она, поднявъ голову и устремивъ на него взглядъ, преисполненный любви: но вѣдь я замужняя женщина, мой милый. Мы живемъ въ Парижѣ, а не въ пустынѣ Америки. Милый мой, Генри, первая и единственная любовь моя, выслушай меня. Мой мужъ хочетъ сдѣлаться начальникомъ отдѣленія и получить орденъ Почетнаго Легіона. Могу ли я заставить его отказаться отъ честолюбія? Четыре года тому назадъ, ты знаешь, Марнефъ давалъ намъ съ тобой полную свободу. Теперь онъ по той же самой причинѣ навязываетъ мнѣ своего директора, Гюль. Я никакъ не могу избавиться отъ этого гадкаго господина, который пыхтитъ какъ моржъ, — у котораго щетки торчатъ изъ носу, — которому шестьдесятъ осемь лѣтъ, — который мнѣ ненавидѣнъ и которому я дамъ чистую отставку, лишь только мужъ получитъ желанное мѣсто....

— А сколько твоему мужу прибавить жалованья?

— Тысячу эю.

— Что жъ, столько и я дамъ ему пенсіи пожизненно. Покинемъ Парижъ, уѣдешь куда-нибудь.

— Куда же бы, напримѣръ? спросила Валерія: Парижъ—единственный городъ, гдѣ мы можемъ жить счастливо. Я слишкомъ дорожу твоею любовью и не хочу, чтобы она поблекла отъ скуки, гдѣ-нибудь въ пустынѣ. Ты знаешь, Генри, что ты единственный человѣкъ, котораго я любила въ жизни. Такъ напиши же себѣ это на твоемъ тигровомъ черепѣ.

Мужчину, котораго сдѣлала бараномъ, женщина какъ-вельзя легче убѣждаетъ, что онъ левъ и что характеръ у него желѣзный.

— Теперь выслушай меня хорошенько. Марнефу остается прожить лѣтъ пять, не больше. Онъ попорченъ до мозгу костей. Изъ двѣнадцати мѣсяцевъ въ годъ онъ семь проводитъ, глотая инъектуры и дескокты. Онъ весь держится только фланелью. Каждую минуту болѣзни, самая невинная у здороваго человѣка, можетъ для него сдѣлаться смертельною. Впродолженіи пяти лѣтъ я ни разу не позволила ему поцѣловать меня, потому что онъ—живая чума! Скоро я овдовѣю и тогда, и къ которой уже теперь сватается человѣкъ съ шестьюдесятью тысячами дохода, человѣкъ, которымъ я владѣю, какъ этимъ кускомъ сахара, я выйду замужъ за тебя, хотя бы ты былъ дряхлѣе Гюлдъ и болѣзненнѣе Марнефа и хотя бы ты былъ меня.... Я хочу принадлежать только тебѣ, хочу носить только твое имя. Я готова и теперь дать всѣ доказательства любви, какихъ потребуешь. Но, прибавила она, вѣдуя и лаская его руку: пощади немножко, не отдай на жертву злымъ языкамъ бѣдное созданіе, которое ты намѣренъ сдѣлать твоею женой.... Я буду твоею женой, Генри?

— Будешь, отвѣчалъ Бразилецъ, побѣжденный и увлеченный страстными взглядами и болтовней своей любезной.

И онъ сталъ на колѣно.

— Ты клянешься мнѣ, Генри? спросила Валерія, взявъ его за обѣ руки и уставивъ глаза въ глаза: ты клянешься мнѣ здѣсь, въ присутствіи Лизы, лучшей моей подруги, моей сестры.... ты клянешься жениться на мнѣ по окончаніи года моего вдовства.

— Клянусь!

— Этого мало. Клянись прахомъ и вѣчнымъ блаженствомъ твоей матери, клянись памятью твоего отца.

Валерія знала, что Бразилецъ сдержитъ эту клятву, хотя бы она упала въ самый грязный омутъ гражданскаго общества.

Монтеханось произнесъ клятву, почти касаясь губами росеѣнной груди Валеріи. Онъ былъ въ совершенномъ опьяненіи отъ восторгу.

— Ну, хорошо, сказала Валеріа: теперь будь спокоенъ. Уважай въ госпожѣ Маріеѣ будущую баронессу Монтеханось. Не трать для меня ни одного франка. Я тебѣ запрещаю. Остаешься здѣсь, въ первой комнатѣ.... на диванѣ можешь лечь.... Я сама приду сказать тебѣ, когда можно будетъ оставить постъ. Завтра утромъ мы виѣстѣ завтракаемъ и ты около втораго часу уйдешь, какъ-будто въ полдень сдѣлашь мнѣ визитъ. Не опасайся ничего: дворникъ и его жена преданы мнѣ какъ отецъ и мать. Я пойду визитъ разливать чай.

Она сдѣлала знакъ Лизѣ и та проводила ее на лѣстницу. Тамъ Валеріа шепнула своей подругѣ на-ухо:

— Этотъ дикарь явился годомъ раньше чѣмъ нужно. Я умру, если не отомщу Гортензіи за тебя!...

— Будь спокойна, миленькій мой демончикъ! отвѣчала Лиза, цѣлуя ее въ лобъ: любовь и мщеніе въ союзѣ не знаютъ неудачи. Гортензіа ждетъ меня завтра. Они въ ищетѣ. За тысячу франковъ Венцеславъ будетъ твой.

Гюло изъ квартиры кузины-Лизы спустился въ подвалъ, къ дворничихѣ.

— Мадамъ Оливіе!

Мадамъ Оливіе бросила свое занятіе по хозяйству и встала на вытяжку передъ грознымъ командиромъ.

— Вашъ сынъ, благодаря мнѣ, сдѣлался нотаріальнымъ писцомъ и оканчиваетъ свой курсъ. Когда ему придется пріобрѣтать контору, никто не поможетъ ему лучше меня, это вы тоже знаете.

— Какъ не знать, сударь. Зато и вы, господинъ директоръ, можете положиться на нашу преданность. Дня не проходитъ, чтобы я не молилась за благоденствіе вашей милости!

— По-меньше словъ, матушка, да по-больше доказательствъ, лучше будетъ.

— Чтѣ прикажете, баронъ?

— Сегодня пріѣхалъ новый человекъ.... въ собственномъ экипажѣ. Знаете вы его?

Мадамъ Оливіе очень хорошо узнала Монтеса. Онъ, въ улицѣ Дойеннѣ, каждый разъ совалъ ей въ руку по пяти-франковнику, когда выходилъ изъ дому по утрамъ. Если бы Гюло обратился къ самому дворнику, то можетъ-статься узналъ бы все. Но Оли-

видѣ спать. Въ высшихъ классахъ Парижанъ женщина стоитъ выше мужчины и почти всегда управляетъ имъ. Мадамъ Оливье давно уже опредѣлила свои мѣры на случай разлада своихъ покровителей: она видѣла въ мадамъ Марнефъ сильнѣйшую партію.

— Нѣтъ, я не знаю этого господина, отвѣчала она: я никогда не видывала его.

— Какъ! неужели кузенъ мадамъ Марнефъ никогда не посѣщалъ ее, покуда она жила въ улицѣ Доеннѣ?

— А! это ея кузенъ? вскричала мадамъ Оливье: можетъ-быть, онъ и бывалъ, но я не узнала его. Въ слѣдующій разъ я взгляну по-пристальнѣе....

— Онъ сегодня же выйдетъ, сказалъ Гюло, съ живостью прерывая дворничиху.

— Какъ выйдетъ? Онъ уже уѣхалъ. Кареты нѣтъ....

— Вы видѣли, какъ онъ уѣхалъ?

— Видѣла, вотъ, какъ васъ теперь вижу. Онъ крикнулъ лакею: «въ посольство!»

Дворничиха говорила съ такою увѣренностью, что баронъ вздохнулъ отъ удовольствія.

— Благодарю васъ, любезная мадамъ Оливье, сказалъ онъ, пожавъ ей руку: но это еще не все. Еще остается Кревель....

— Мосё Кревель? Чтѣ вы хотите сказать? Я не понимаю....

— Кревель любитъ мадамъ Марнефъ! сказалъ баронъ рѣшительно.

— Не можетъ быть, баронъ! не можетъ быть! вскричала мадамъ Оливье, всплеснувъ руками.

— Онъ любитъ ее! повторилъ баронъ съ гнѣвомъ. Какъ они это дѣлаютъ, я не знаю, но хочу знать. Развѣдайте. Если вы поставите меня на слѣдъ этой интриги, вашъ сынъ будетъ портіусомъ.

— Батюшка-баронъ, не портите вашей крови! сказала дворничиха съ почтительною нѣжностью: мадамъ Марнефъ любитъ васъ, и только васъ однихъ. Это знаетъ ея горничная и мы промежь себя не разъ говаривали, что вы счастливѣйшій человекъ на свѣтѣ, потому что вамъ лучше всѣхъ извѣстно, чего стѣнитъ неопѣненная мадамъ Марнефъ.... Ахъ, это совершенство!... Она встаетъ каждый день въ десять часовъ, завтракаетъ, одѣвается и такъ время проходитъ до двухъ часовъ. Тогда она идетъ въ Тюльри гулять, на виду у всѣхъ. Къ четыремъ часамъ, когда вы приходите, она уже дома.... О! она живетъ и ходитъ правильно какъ часы! У нея нѣтъ никакой тайны отъ горничной, а у горничной

нѣтъ тайны отъ нея. Если бы у мадамъ Марнеѣ было что-нибудь съ мосье Кревелемъ, я знала бы, увѣрю васъ, знала бы!

Баронъ воротился въ квартиру къ мадамъ Марнеѣ съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ единственный обладатель этого сокровища.

Кревель и Марнеѣ начинали второй пикетъ. Кревель проигрывалъ. Марнеѣ зналъ отчего, и пользовался случаемъ выиграть.

— Вы одинъ? спросилъ Гюль съ удивленіемъ: гдѣ же всѣ другіе?

— Вы же показали такую сердитую гримасу, что всѣ разбѣжались! отвѣчалъ Кревель.

— Нѣтъ, это виновать нашъ кузень. Наши гости вообразили, вѣроятно, что Валерія и Генри имѣютъ много о чемъ поговорить послѣ четырех-лѣтней разлуки, и потому разошлись. Кому же и Лиза не явилась разливать чай и все разстроилось.

— Такъ Лиза въ самомъ дѣлѣ больна? спросилъ Кревель и посмотрѣлъ на столовые часы.

По этой справкѣ, Гюль пробылъ въ отлучкѣ минутъ сорокъ, что выстѣ съ веселымъ лицомъ возвратившагося несказанно усиливало подозрѣніе, безпокойство и ярость почтеннаго мѣра. Ему чрезвычайно хотѣлось разразиться и онъ непремѣнно разразился бы, надѣлалъ бы шуму, чтобы отвести душу, если бы его не укрощали оловянные глаза Марнеѣ.

— Да, она больна, но, кажется, не очень опасно, отвѣчалъ Гюль.

Тутъ вошла мадамъ Марнеѣ. Съ перваго взгляду на Кревеля она поняла все, что происходило въ его душѣ, и тотчасъ же рѣшилась.

— Марнеѣ, сказала она, положивъ руку на плечо мужа, вамъ пора спать: уже одиннадцать часовъ. Вы знаете, что докторъ не велитъ вамъ долго сидѣть.

— Мы скоро кончимъ, возразилъ Кревель, который надѣялся, что дождется ухода барона Гюль.

— Сейчасъ кончимъ, прибавилъ Марнеѣ.

Валерія отошла отъ играющихъ и шепнула своему Гектору:

— Уйди, милый, прогуляйся по улицѣ Ванно. Ты можешь воротиться, когда увидишь, что Кревель уѣхалъ.

— Я лучше хотѣлъ бы обойти кругомъ въ твою комнату. Можно сказать двумъ, чтобы отворила.

— Она наверху, у Лизы.

— Такъ и я обожду у Лизы.

Положеніе Валеріи было опасное. Она предвидѣла объясненіе съ Кривелемъ и болгась посадить Гюлдъ въ своей спальнѣ, откуда онъ могъ все слышать, а у Лизы уже сидѣлъ Бразилецъ.

— Право, вы, мужчины, всё съумасшедшіе! сказала она: когда вамъ прійдетъ въ голову какая-нибудь фантазія, вы готовы сжечь домъ, чтобы отворить ворота. Лиза въ такомъ состояніи, что не можетъ принять васъ. Неужели вы бонетесь насморку? Прогуляйтесь немножко, или прощайте совѣтъ.

— Прощайте, господа! громко сказалъ Гюлдъ и вышелъ.

Вслѣдъ за нимъ Марнефъ также простился съ женою, которая пожала ему руку съ особеннымъ выраженіемъ, какъ-будто хотѣла сказать, избавь меня отъ Кривела, отъ другаго я сама избавлюсь.

— Спокойной ночи, мосѣ Кривель! сказалъ Марнефъ: надѣюсь, что вы не долго останетесь у моей жены. Надобно вамъ знать, что я ревнивъ. Это у меня поздно пришло, но тѣмъ сильнѣе.... Я приду посмотреть, скоро ли вы уйдете.

Марнефъ очень часто шутилъ съ Кривелемъ въ этомъ духѣ.

— Намъ нужно поговорить о дѣлѣ, но я не долго пробуду, отвѣчалъ Кривель.

— Говорите тише. Чего вы хотите? сказала Валерія, взглянувъ на Кривела надменно и презрительно.

Кривель располагалъ-было распространиться насчетъ своихъ одолженій, оказанныхъ невѣрной, но, получивъ такой взглядъ, оробѣлъ и пресмирѣлъ.

— Этотъ Бразилецъ....

— Ну?

— Этотъ кузень....

— Онъ мнѣ не кузень. Онъ мнѣ кузень только для свѣта и для Марнефа. Если онъ и любовникъ мой, такъ вамъ до этого что за дѣло? Въ моемъ понятіи человекъ, покупающій любовь за деньги, въ мщенія, ниже того кто покупаетъ любовь за любовь и для любви. Вы не влюблены въ меня. Вы видѣли во мнѣ только любовницу Гюлдъ и приобрѣли меня, какъ приобрѣтають пистолеть, которымъ убиваютъ врага. Я была въ нуждѣ и согласилась.

— Вы не выполнили условія, замѣтилъ Кривель, ставовясь вполне торгашомъ.

— А! вы хотите, чтобы барону Гюлдъ было доказано, что вы завладѣли его любовницей, въ отмщеніе за похищеніе Жозефи....

Ничто лучше этого не можетъ доказатьъ вашей низости. Вы говорите, что любите меня, а между-тѣмъ хотите опозорить! Не вы правы: я не стою Жозефы. Та по-крайней-мѣрѣ безстрашно переноситъ свое униженіе, тогда какъ я прикрываю его лицемѣріемъ. Правда и то, что Жозефа можетъ прикрыться своимъ талантомъ и состояніемъ, а у меня вся защита состоитъ въ томъ имени порядочной женщины. Въ глазахъ людей я всё-еще достойная и добродѣтельная мѣшачка. Но что со мной будетъ, когда вы поднимете тревогу? Хорошо бы еще, если бъ у меня было состояніе, но я имѣю всего тысячь пятнадцать доходу, не правда ли?

— Гораздо по-больше, отвѣчалъ Кривель: вѣдь я два мѣсяца тому назадъ удвоилъ вашу экономическую сумму въ банкѣ.

— Ну, такъ что жъ? Уваженіе люди начинаютъ внушать въ Парижѣ съ пятидесяти тысячь доходу. Можете ли вы заплатить мнѣ за положеніе, котораго я лишусь? Вы знаете, чего я хотѣла: я хотѣла доставить Марнефу мѣсто начальника отдѣленія. Онъ будетъ получать шесть тысячь жалованья. Онъ уже двадцать-семь лѣтъ служитъ. Черезъ три года я буду имѣть право на полторы тысячи пенсіону, когда онъ умретъ. Я осыпала васъ ласками, счастіемъ, блаженствомъ, а вы не хотите дать мнѣ и такого срока! И это называется любить!

— Если я и началъ съ торгу, отвѣчалъ Кривель, такъ зато скоро сдѣлался вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Вы ногами топчете мое сердце, вы меня давите, вы меня оглушаете, а я люблю васъ, какъ никогда никого не любилъ. Валерія, я люблю васъ столько же, сколько Целестину! Для васъ я готовъ на все.... Приходите въ улицу Дофинѣ вмѣсто двухъ разъ три раза въ недѣлю! Позвольте мнѣ прогнать Гюлдъ, не принимайте больше этого Бразильца, будьте совсѣмъ моею и вы не пожалѣете объ этомъ. Я дамъ вамъ записъ на осемь тысячь доходу, но только пожизненнаго. Капиталъ отдамъ, когда въ продолженіи пяти лѣтъ вы сохраните вѣрность....

— Всѣ торгъ! Мѣшаче никогда не научатся дарить!... О лавочникъ! о поманикъ! у тебя все на вѣсѣ, все подъ ярлыкомъ; Гекторъ рассказывалъ мнѣ, что герцогъ д'Эрувиль припесъ Жозефъ тридцать тысячь доходу въ картузѣ съ леденцами. Я, кажется, по-лучше Жозефы!... Вотъ, что называется быть любимой! прибавила она поправляя передъ зеркаломъ кружевные оборки на груди: Генри любитъ меня. Онъ убьетъ васъ какъ муху, — мнѣ стоитъ только глазомъ мигнуть! Гюлдъ любитъ меня. Онъ за меня

довелъ жену до нищеты.... А вы.... Ступайте, любезный другъ, Будьте добрымъ отцомъ семейства. Вы имѣете на ваши потѣхи триста тысячъ, кромѣ вашего состоянія, но вы помышляете только о томъ, какъ бы приконить еще...

— Для тебя, Валерія, потому что я предлагаю тебѣ половину моего состоянія, сказалъ Кривель, упавъ на колѣни.

— Вы еще здѣсь? вскричалъ гадкій Марнефъ, въ халатѣ: что вы дѣлаете?

— Ничего, мой другъ, отвѣчала Валерія: онъ проситъ прощенія въ оскорбительномъ предложеніи, которое мнѣ сдѣлалъ. Мосье Кривелю вздумалось купить меня!...

Кривелю хотѣлось провалиться подъ полъ, какъ это дѣлается въ театрѣ.

— Встаньте, любезный другъ, сказалъ Марнефъ: вы смѣшны. По лицу Валеріи я вижу, что для меня нѣтъ ни какой опасности.

— Ступай, спи спокойно, сказала мадамъ Марнефъ.

— Какая умная женщина! какая чудесная женщина! думалъ Кривель: она спасаетъ меня!...

Когда Марнефъ ушелъ, Кривель взялъ Валерію за обѣ руки, поцѣловалъ ихъ и оставилъ слѣды слезъ.

— Все перепису на твое имя! сказалъ онъ.

— Ну, вотъ это любовь! сказала она: въ такомъ случаѣ—любовь за любовь. Гюль прогуливается за воротами. Бѣдный старичишка намѣренъ воротиться сюда и ждетъ, чтобы я поставила свѣчу въ окнѣ моей спальни. Я позволяю вамъ сказать ему, что вы одни любимы. Онъ не повѣритъ. Ведите его въ улицу Дофиннѣ, докажите ему, поразите его, я вамъ позволяю, я вамъ приказываю. Этотъ моржъ надѣлалъ мнѣ до смерти. Продержите его у себя всю ночь, убивайте его по-немпогу, сжарьте его на маленькомъ огнѣ, отмстите ему за Жозефу. Гюль отъ этого умретъ, можетъ-быть, но мы спасемъ его бѣдную жену отъ ужаснаго разоренія. Мадамъ Гюль работаетъ для хлѣба!...

— Ахъ, бѣдная! право, это ужасно! вскричалъ Кривель, у котораго сердце отъ природы всегда было доброе.

— Если ты любишь меня, Целестинъ, шепнула Валерія Кривелю на ухо, котораго слегка коснулась губами, удержи его, или я погибла. У Марнефа родились подозрѣнія. Гюль имѣетъ ключъ отъ задняго крыльца и располагаетъ воротиться.

Кривель жалъ Валерію въ своихъ объятіяхъ и вышелъ въ обаяніи блаженства. Валерія гнѣвно проводила его на лѣстницу и, какъ-

будто магнитизированная, спустилась до первого этажа, потомъ и до самого низу.

— Валерія моя! воротись, не компрометируй себя въ глазахъ дворничковъ.... Ступай, жизнь моя, мое сокровище, воротись!...

— Мадамъ Оливье! кликнула тихонько Валерія, когда дверь затворилась за меромъ.

— Какъ, сударыня! вы здѣсь? вскричала дворничиха въ изумленіи.

— Хорошенько закройте дверь и никого больше не впускайте.

— Слушаю, сударыня.

Замкнувъ дверь и осмотрѣвъ задвижки, мадамъ Оливье разсказала, какъ господинъ директоръ хотѣлъ подкупить ее.

— Вы вели себя какъ ангелъ, моя милая Оливье. Мы завтра поговоримъ объ этомъ.

Валерія быстро взбѣжала въ третій этажъ, стукнула три раза въ дверь Лизинной квартиры и воротилась къ себѣ, гдѣ отдала горничной нужныя приказанія.

Кревель на углу Вавилонской улицы приѣхалъ барона Гюль, который, сгорбившись, медленно пробирался вдоль стѣны, и прямо подошелъ къ нему.

— Съ добрымъ утромъ, баронъ! сказалъ онъ: время за полночь. Какого чорта вы тутъ ищете? Неужели гуляете по этому прелестному мелкому дождю? Въ наши лѣта это не слишкомъ здорово. Хотите, я подамъ вамъ добрый совѣтъ? Пойдите по домамъ, потому что вы не увидите свѣчи на окнѣ.

При этомъ послѣднемъ словѣ баронъ почувствовалъ, что ему шестьдесятъ-девять лѣтъ и что плащъ его промокъ.

— Кто вамъ сказалъ? спросилъ онъ.

— Разумѣется, Валерія! наша Валерія. Мы съ вами поквитались, баронъ. Вы не можете обижаться: вы знаете, что я выговорилъ себѣ право искать возмездія. Вы употребили три мѣсяца, на то чтобы похитить у меня Жозефу. Я отбилъ у васъ Валерію въ..... Не станемъ говорить объ этомъ. Теперь я хочу обладать ею одинъ. Но мы тѣмъ не менѣе останемся друзьями.

— Кревель, не шутя! отвѣчалъ баронъ, задыхаясь отъ ярости, это — дѣло о жизни и смерти.

— О-го! какъ вы это принимаете! Баронъ, вспомните, что вы говорили мнѣ въ день свадьбы Гортензін: неужели намъ, старымъ воробьямъ, ссориться изъ-за какой-нибудь юбки? Это по-лапочничья, это мелочно! Мы регентство, мы Помпадуръ, мы мар-

шалъ Ришліе; однимъ словомъ, мы осьмнадцатый вѣкъ, это дѣло рѣшеное!

Кревель могъ бы продолжать свои историческія ссылки до безконечности; Гюль слушалъ его какъ человѣкъ, который только-что оглохъ. Притѣвивъ у часоваго фонаря мертвенно-блѣдное лицо своего врага, побѣдитель остановился. Такая рѣчь послѣ объявленія дворничихи и послѣ прощальнаго взгляда Валеріи была громовымъ ударомъ для барона.

— Боже мой! вѣдь въ Парижѣ такъ много женщинъ! вскричалъ онъ наконецъ.

— То же самое и я говорилъ себѣ, когда ты отбилъ у меня Жозефу, возразилъ меръ.

— Послушай, Кревель, это невозможно.... Докажи мнѣ.... Есть у тебя ключъ, такой же какъ у меня?

И баронъ, подошедши къ дому Валеріи, вложилъ ключъ въ замокъ, но дверь не отворялась. Онъ напрасно потрясалъ ее.

— Не шумите, баронъ, не хорошо ночью шумѣть, спокойно замѣтилъ Кревель: послушайте меня, у меня есть ключи по-лучше вашихъ....

— Докажи! докажи! кричалъ Гюль, выходя изъ себя отъ ярости и скорби.

— Докажу, пойдите со мной, отвѣчалъ Кревель.

И онъ повелъ его въ улицу Дофинё, въ собственный свой домъ, который три года тому назадъ купилъ, по удобству его входовъ и выходовъ и потому что онъ привыкалъ къ старому его дому, выходявшему на другую улицу. Тутъ у Кревеля былъ устроенъ небольшой, но изящно отдѣланный пріютъ, куда можно было проникнуть двумя путями: черезъ корридоръ, который, сообщаясь съ дворомъ, выходилъ на улицу, и черезъ мебельную лавку, которую Кревель отдавалъ въ наемъ преданному человѣку за безцѣнокъ. Тутъ Кревель могъ принимать, кого угодно, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія: никто, конечно, не обращалъ особеннаго вниманія на входящихъ и выходящихъ изъ мебельной лавки. Въ квартирѣ было соединено все, что могло соответствовать ея назначенію.

Когда Кревель, въ будоарѣ, засвѣтилъ канделябръ, Гюль осмотрѣлся вокругъ и изумился изящной роскоши, которая его окружала. Кревель не пощадилъ издержекъ на отдѣлку покоевъ, гдѣ принималъ свою герцогиню, какъ онъ обыкновенно называлъ Валерію.

— Здѣсь есть двѣ постели, сказалъ Кривель: мы можемъ оба переночевать, если угодно.

— Доказательства! доказательства! сказалъ Гюль.

Кривель взялъ свѣчу и повелъ своего друга въ спальню, гдѣ Гюль увидѣлъ на кушеткѣ утренній капоть, который Валерія раза два надѣвала въ улицѣ Ванно прежде чѣмъ отпраиваа къ улицу Дофинё. Кривель выдвинулъ туалетный ящикъ, пошарилъ, досталъ записку и подалъ барону.

— Вотъ, прочитайте, сказалъ онъ.

«Я напрасно ждала тебя, старая крыса! Такая женщина какъ-ся, никогда не дожидается бывшаго парфюмера. Ни завтракъ не-приготовленъ, ни сигаретъ нѣтъ. Ты заплатишься мнѣ за все это».

— Ея ли это рука?

— Боже мой! сказалъ Гюль, садясь въ изнеможеніи: я узнаю всё ея вещи. Вотъ ея чепчикъ, вотъ туфли.... Но скажи же, пожалуйста, съ которыхъ поръ....

Кривель вынулъ изъ ящика пукъ счетовъ.

— Вотъ документы, сказалъ онъ: въ декабрѣ 1838 я началъ платить швейамъ и модисткамъ, не считая того что самъ покупалъ уже въ октябрѣ.

Директоръ опустилъ голову.

— Но какимъ образомъ вы видите? спросилъ онъ; вѣдь мнѣ известно изъ часу въ часъ, что она дѣлаетъ!

— А прогулка въ Тюильри! отвѣчалъ Кривель, съ восхитеніемъ потирая руки.

— Такъ что же прогулка?

— Твоя Валерія, правда, является въ Тюильри, но только на минуту и тотчасъ же поворачиваетъ сюда. Неужели ты еще сомнѣваешься въ своихъ рогахъ?

Гюль уже не могъ сомнѣваться. Онъ погрузился въ мрачное молчаніе. Сильные удары и перевороты въ жизни умнаго человѣка всегда ведутъ къ философіи. Баронъ искалъ выхода, какъ человѣкъ, ночью заблудившійся въ лѣсу.

Это молчаніе и страшная переѣна въ лицѣ устрасили Кривеля, который не желалъ смерти своему сопернику.

— Я тебѣ сказалъ, что мы поквитались; но вѣдь еще можно поспорить, за кѣмъ останется.... Давай, поспоримъ, кто ловчѣе....

— К чему? спросилъ Гюль, говоря съ самимъ собою: изъ десяти женщинъ навѣрное семь вѣтреныхъ.

— Тебѣ не на что пожаловаться, любезный другъ, замѣтилъ

Кревель: у тебя жена одна изъ трехъ лучшихъ въ дѣлѣ, по твоему же разсчету.

— Да, я заслужилъ свое несчастіе, продолжалъ Гюль: я не умѣю обвинить моей жены, я причинялъ только страданія этому ангелу! Бѣдная моя Аделина! за тебя хорошо отомстили. Она страдаетъ, одна, молча; она достойна обожанія; она заслуживаетъ моей любви; она даже еще прекрасна и молода... А Валерія... можно ли найти женщину болѣе низкую, болѣе недостойную, непотребную!

— Любезный другъ, возразилъ Кревель: это мы глупы, что хотимъ, чтобы насъ любили, когда мы можемъ быть только сносными. Мадамъ Марнезъ во сто разъ смысленнѣе Жозефы.

— И во сто разъ корыстолюбивѣе! вскричалъ Гюль: она отдѣтъ мнѣ сто восемьдесятъ тысячъ франковъ.

— А мнѣ триста тысячъ, прибавилъ Кревель.

— Гдѣ же это? куда все это идетъ? спросилъ Гюль, всплеснувъ руками.

— Если бы сначала согласился, мы могли бы сложиться и тогда это стоило бы намъ по-дешевле.

— И прекрасно бы!... Но она всегда надула бы насъ. Ты забылъ о Бразильцѣ? Чтѣ ты объ немъ думаешь?

— Да, дружище, ты правъ: насъ обомхъ надувають.... какъ акціонеровъ. Всѣ такого роду женщины — компанейскія предпріятія.

— Такъ она сказала тебѣ о свѣтѣ, которую условилась поставить въ окнѣ?

— Мы оба проведены какъ дураки, товарищъ! вскричалъ Кревель: Валерія... Валерія продувная мерзавка! Она велѣла мнѣ продержатъ тебя здѣсь.... Теперь я понимаю, чтѣ это значить. У нея Бразилецъ.... О! я отрекаюсь отъ нея. Это такая женщина, что если ее держатъ за руки, она найдетъ средство обмануть ногами. Она негодайка! Она....

— Она ниже всякой продажной прелестницы, прибавилъ Гюль: Жозефа и Женни Кадинь имѣли право обманывать насъ: это ихъ ремесло....

— Да, а она! замѣтилъ Кревель: она, святоша, скромница, добродѣтельная, чтѣ дѣлаетъ! Послушай, Гюль, воротись къ своей женѣ, тѣмъ болѣе, что и дѣла твои плохи: поговариваютъ о какихъ-то векселяхъ, которыхъ ты надавалъ ростовщику Вовинѣ. Чтѣ касается до меня, я исцѣленъ отъ страсти къ женщинамъ, какъ слѣдуетъ. Чтѣ намъ, въ наши дѣта, до этихъ мошенницъ? Видь онѣ, надобно признаться, не могутъ не обманывать

нашь! У тебя, другъ, сѣдые волосы и вставные зубы; я похожъ на Силену. Пойду-ка я лучше наживать деньги. Деньги не обманываютъ!

— Женщина — существо непостижимое, сказалъ Гюль.

— Я тебѣ объясню это существо, возразилъ Кривель: мы съ тобой стары, а Бразилецъ молодъ и хорошъ собой.

— Да, это правда, мы старѣемся. Но какъ отказаться отъ удовольствія видѣть.... какъ, напримѣръ, раздвѣается такое существо, какъ распускаетъ волосы, какъ смотритъ съ улыбкою промежъ пальцевъ, когда дѣлаетъ свои папильотки, какъ гримасничаетъ и жметъ, пеняя на недостатокъ любви, когда видитъ, что намъ недосужно отъ хлопотъ и дѣлъ....

— Да, правда, въ жизни только и есть пріятнаго, что это! вскричалъ Кривель. Ахъ! когда этакая миленькая рожица улыбается тебѣ и скажетъ: ты не знаешь, какъ ты милъ!... такъ это просто бѣда, что съ тобой дѣлается! Съ ума можно сойти! Онѣ всегда такъ хорошо умѣютъ сказать, за что именно любить, — за мужественность, за почтенный видъ. Лгутъ, бестія, ужасно!

— Да, но ложь часто бываетъ дороже истины, сказалъ Гюль, припомнивъ нѣсколько пріятныхъ сценъ, вызванныхъ въ его воображеніи Кривелемъ, который передразнивалъ Валерію.

— Ктому же, обладаешь этими лгуньями! замѣтилъ Кривель.

— Валерія—чародѣйка! вскричалъ баронъ: она хоть кого преобразуетъ....

— О! да! это угорь, который увертывается промежъ пальцевъ, но угорь самый прелестный.... бѣлый и сладкій какъ сахаръ!... забавный какъ котёнокъ, а изобрѣтательность.... ахъ!...

— Ахъ, да! она удивительно остроумна! вскричалъ Гюль, уже совершенно забывъ о женѣ.

Соперники улеглись спать лучшими друзьями въ свѣтѣ и припоминая себѣ одно за другимъ всё совершенства Валеріи, звуки ея голосу, ея ласки, ея движенія, ея шалости, выходы остроумія, проблески сердца. У этой художницы въ любви дѣйствительно бывали минуты вдохновенія, какъ у пѣвцовъ, которые въ извѣстные дни поютъ извѣстные аріи лучше чѣмъ въ другіе.

Утромъ, въ девять часовъ, Гюль говорилъ о необходимости идти въ министерство; Кривелю нужно было ѣхать за городъ. Они вмѣстѣ вышли и Кривель, подавая барону руку, сказалъ:

— Мы не поссорились, неправда ли? вѣдь мы оба уже не думаемъ о мадамъ Марнетъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго Кривель пыхтя взырался на гѣстницу къ мадамъ Валеріи Марнефъ. Онъ нашель негодницу, обожаемую чародѣйку, въ прелестивѣйшемъ неглижѣ, за завтракомъ съ барономъ Монтесомъ де-Монтеханосомъ и мамзель Лизою Фишеръ. Несмотря на судороги сердца при видѣ соперника, Кривель попросилъ у хозяйки позволенія сказать ей два слова наединѣ. Валерія ушла съ нимъ въ гостиную.

— Валерія, ангель мой! сказалъ влюбленный меръ: Марнефу уже не долго жить. Будь мнѣ вѣрна, я женюсь на тебѣ, когда онъ умретъ. Подумай. Я избавилъ тебя отъ Гюло.... Разсуди, стоить ли этотъ Бразилецъ парижскаго мера, который имѣеть слишкомъ осемьдесятъ тысячъ ливровъ доходу.

— Подумаемъ, отвѣчала Валерія. Я въ два часа буду въ улицѣ Дофинѣ и мы поговоримъ. Но будьте умицей. Главное, не забудьте трансфертъ, который вчера обѣщали мнѣ.

Они воротились въ столовую. Кривель наслаждался надеждою нераздѣльно обладать своимъ сокровищемъ, но въ столовой онъ нашель Гюло, который тѣмъ временемъ пришелъ съ такимъ же намѣреніемъ.

Директоръ, такъ же какъ и меръ, попросилъ минутной аудіенціи. Мадамъ Марнефъ встала и вторично пошла въ гостиную, взглянувъ на Бразилца съ улыбкой, которая, казалось, говорила: Они съ ума сошли! они, вѣрно, не видять тебя!

— Валерія, милая моя! сказалъ баронъ Гюло: этотъ кузень.... этотъ американскій кузень....

— Довольно! довольно! перебила Валерія: Марнефъ никогда не былъ, не будетъ и не можетъ быть моимъ мужемъ. Первый и единственный человекъ, котораго я любила, неожиданно воротился. Это не моя вина. Но взгляните на него и взгляните на себя, потомъ спросите себя, можетъ ли тутъ женщина колебаться, особенно, когда она уже любить? Вѣдь я не на содержаніи живу, любезный другъ. Я не хочу больше, какъ Сусанна, стоять между двумя стариками. Если вы любите меня, вы можете быть нашимъ другомъ и Кривель также. Но далѣе—все кончено между нами. Мнѣ двадцать шесть лѣтъ. Я намѣрена отнынѣ быть дѣйствительно порядочною, добродѣтельною и достойною женщиной.... такою, какъ ваша жена.

— Такъ-то? спросилъ Гюло: такъ-то вы принимаете меня, когда я прихожу съ полными руками прощенія и отпущенія? хорошо же! Вашъ мужъ, сударыня, никогда не будетъ начальникомъ отдѣленія и не получитъ почетнаго легіона.

— Это мы увидимъ! сказала мадамъ Марнефъ, взглянувъ на Гюль особеннымъ образомъ.

— Не станемъ ссориться, продолжалъ Гюль въ отчаяннѣишмъ смущеннѣишмъ: я приду вечеромъ и мы помиримся.

— Хорошо. У Лизы.

— Ну, у Лизы, всё-равно! сказалъ влюбленный старикъ съ восхищеніемъ.

Гюль и Кривель вышли, не говоря другъ другу ни слова до самой улицы. Но на тротуарѣ они взглянули другъ на друга и горько разсѣялись.

— Мы оба старые дураки! сказалъ Кривель.

— Я спровадила обонхъ, сказала мадамъ Марнефъ Лизѣ, снова садясь за столъ. Я никогда не любила, не люблю и не буду любить никого кромѣ моего тигра! прибавила она, улыбаясь Монтесу. Лиза, ты не знаешь еще? Генри простилъ мнѣ униженія, до которыхъ меня довела нищета.

— Я виновата, сказалъ Бразилецъ: мнѣ бы слѣдовало прислать тебѣ сто тысячъ франковъ.

— Нѣтъ, мнѣ бы слѣдовало работать, чтобы прокормиться, возразила Валерія: но мои пальцы какъ-то не работаютъ.... не на то созданы.... спросилъ у Лизы.

Бразилецъ ушелъ счастливымъ изъ счастливецъ.

Валерія рассказала Лизѣ всѣ подробности происшествій вечера, ночи и утра.

— Довольна ли ты мной? спросила она окончивая, скажи же, чѣмъ мнѣ быть со временемъ, мадамъ Кривель или баронессою Монтесъ де-Мотеханось?

— Кривелю остается прожить лѣтъ десять, отвѣчала Лиза, а Монтесъ молодъ. Кривель оставитъ тебѣ тысячу тридцать дохода. Пусть Монтесъ подождетъ: съ него довольно будетъ счастья и такъ. А потомъ, лѣтъ тридцати-трехъ, ты можешь выйти за твоего Бразильца и съ собственными своими шестидесятью тысячами дохода будешь играть порядочную роль, особенно подъ покровительствомъ маршалши.

— Да, но Монтесъ Бразилецъ. Онъ никогда ни до чего не дойдетъ, замѣтила Валерія.

— Отчего же? Мы живемъ въ пору желѣзныхъ дорогъ. Теперь не мало иностранцевъ приходятъ въ Парижъ и садятся на важные мѣста.

— Ну, мы увидимъ, когда Марнефъ умретъ, сказала Валерія: ему уже недолго остается маяться.

— Прощай, душа моя. Я пойду къ Гортензiи, сказала Лиза.

— Ступай и приведи мнѣ моего художника! Въ три года мы ни одной пядени вражеской земли не завоевали. Вѣдь это стыдъ намъ обѣимъ! Венцеславъ и Генри, вотъ двѣ единственные мои страсти. Одна страсть — любовь, другая — прихоть, но всё-таки страсть.

— Какъ ты хороша сегодня! сказала Лиза, взявъ Валерiю за станъ и поцѣловавъ въ лобъ. Я наслаждаюсь твоими удовольствiями, твоими богатствомъ, твоею красотой.... Я только съ тѣхъ-поръ и жить начала, какъ мы сдѣлались сестрами.

— Постои, моя тигрица, сказала смѣясь Валерiя: твоя шаль кобо надѣта.... Ты до-сихъ-поръ не умѣешь носить шали, несмотря на всѣ мои уроки.... а еще хочешь быть маршальшей!....

Венцеславъ и Гортензiя жили въ нижнемъ этажѣ порядочнаго дома въ улицѣ Сень-Домпинкъ. Квартира ихъ въ свое время соответствовала медовому мѣсяцу, но теперь уже представляла нѣчто полу-отцвѣтшее. «Молодые» — разрушители: они не думая и не примѣчая, портятъ все вокругъ себя, точно такъ же какъ предаются излишеству въ любви. Находя все въ самихъ себѣ, они не заботятся о будущемъ, которымъ впоследствии занимается мать семейства.

Лиза застала свою кузину Гортензiю, оканчивающую нарядъ маленькаго Венцеслава, котораго нянька хотѣла нести въ садъ.

Кузины поцѣловались.

— Гдѣ Венцеславъ, въ мастерской? шопотомъ спросила Лиза.

— Нѣтъ, онъ съ Сидманомъ и Шаноромъ въ гостиной.

— Можемъ мы поговорить наединѣ?

— Пойдемъ въ мою комнату.

— Поговоримъ о твоихъ дѣлахъ, сказала Лиза, когда Гортензiя заперлась съ нею въ спальнѣ.... Но что съ тобой? ты такая бѣдная!

— Въ газетахъ напечатали еще двѣ статьи.... Моего бѣднаго Венцеслава совсѣмъ загрызли. Я читала и скрыла отъ него: онъ совсѣмъ упадетъ духомъ. Статуя маршала Монкорнѣ, говорятъ они, совсѣмъ плоха. Хвалятъ барельефы, да какъ хвалятъ! Съ предательскимъ коварствомъ выставляютъ на видъ дарованiе Венцеслава какъ орнаментиста, чтобы придать по-больше вѣсу своему мнѣнiю, будто серьезное искусство намъ не далось! Я умоляла Сидмана сказать мнѣ правду. Онъ довелъ меня до отчаянiя: онъ говоритъ, что совершенно соглашается со всеми художниками, съ критиками и съ публикой. «Если Венцеславъ, —

сказалъ: онъ мнѣ вотъ тутъ, въ саду, — въ будущемъ году не выставитъ какое-нибудь мастерское произведеніе, ему должно будетъ отказаться отъ статуй и держаться за мелкія вещи, за статузки, за орнаменты и за произведенія высшей чеканки! Ты не повѣришь, какъ это огорчило меня! Венцеславъ никогда не согласится. Онъ чувствуетъ себя.... у него такъ много прекрасныхъ идей....

— За хлѣбъ не идеями платятъ, а деньгами, замѣтила Лиза: я до-смерти заговаривалась, повторяя ему это впродолженіи четырехъ лѣтъ. Деньги же добываются такими вещами, которыя нравятся добрымъ людямъ столько, чтобы ихъ раскупали. Когда дѣло идетъ о томъ, чѣмъ жить, такъ лучше пусть у скульптора на верстацкѣ стоитъ модель шандала, пепельницы или коробки для часовъ, нежели группа или статуя, потому что тѣ вещи нужны всякому, тогда какъ любители и покупатели статуй — рѣдкіе и спѣсивые гости.

— Правда. Скажи ты ему это, Лиза: у меня духу не станетъ. Ктому же, если Венцеславъ опять примется за орнаменты, за мелкую скульптуру, ему придется отказаться отъ мѣста въ Институтѣ, отъ большихъ работъ, и мы лишимся трехъ сотъ тысячъ франковъ, которые обѣщаны намъ заказами въ Версалѣ, отъ города и отъ министерства. Вотъ что отнимаютъ у насъ эти гадкія статьи, подсказанныя завистью и соперничествомъ!

— Ты не этого ожидала, моя бѣдняжка! сказала Лиза, цѣлуя Гортензію въ лобъ: тебѣ хотѣлось, чтобы твой графъ былъ первой головой между скульпторами. Но это, видишь ты, поэзія.... Для такой мечты нужно имѣть пятьдесятъ тысячъ дохода, а вы имѣете всего двѣ тысячи четыреста, пока я жива. Когда умру, будете имѣть три тысячи.

У Гортензіи навернулись слезы. Старая дѣвка лизала эти слезы взглядами, какъ кошка лижетъ молоко.

Пусть художники прочтутъ исторію медоваго мѣсяца Венцеслава. Можетъ-быть это для нѣкоторыхъ будетъ не бесполезно.

Умственная работа, странствованіе въ высокихъ областяхъ мысли — одно изъ величайшихъ напряженій челоѣка. Въ искусствѣ, — подъ этимъ словомъ должно разумѣть всѣ созданія мысли, — въ искусствѣ всего болѣе заслуживаетъ славы мужество.... мужество, котораго толпа не примѣчаетъ и не подозреваетъ.... и которое, быть-можетъ, впервые мы объясняемъ.

Тѣснямый страшнымъ грузомъ нищеты, удерживаемый Лизою въ положеніи лошади, которой надѣваютъ заслонки на глаза, что-

бы не смотрѣла ни направо ни налѣво, стегасмый жесткою дѣвкой, этимъ образомъ Необходимости, этою второстепенною Судьбой,—Венцеславъ, поэтъ и мечтатель, шагнулъ отъ замысла къ исполненію, не измѣрля бездны, которая въ искусствѣ отдѣляетъ эти два полушарія.

Думать, мечтать, изобрѣтать прекрасныя произведенія—занятіе восхитительное. Это—то же, что курить обаятельный опиумъ. Созданіе является во всей красотѣ своей юности, въ рѣзвомъ весельѣ рожденія, въ самыхъ очаровательныхъ краскахъ перваго восторга, въ которомъ творецъ предвкушаетъ будущія наслажденія успѣхомъ. Таковы творчество и его радости.

Кто въ состояніи начертить свой планъ словами, тотъ уже почитается человѣкомъ необыкновеннымъ. Но произвестъ! но родить! но заботливо воспитать дитя; каждый вечеръ укладывать его спать, до-сыта напоеннаго молокомъ, каждое утро цѣловать его съ неистощимымъ сердцемъ матери; лизать его, грязнаго; одѣвать его сто разъ въ отборные кафтанчики, которые оно безпрестанно продураетъ; не скучать мелкою суетой его жизни и сдѣлать изъ него дѣльное, мастерское произведеніе, которое бы нравилось всѣмъ глазамъ, занимало всѣ умы, увлекало всѣ сердца,—вотъ исполненіе и его труды. Рука каждую минуту должна шевелиться, повинноваться головѣ. А въ головѣ только до тѣхъ поръ есть расположеніе къ производительности, пока въ сердцѣ есть любовь.

Эта привычка творчества, эта неутомимая любовь матери, въ которой и состоитъ материнство, такъ превосходно понятое Рафаэлемъ, это материнство мозга, такъ трудно приобретаемое, утрачивается съ удивительною легкостью. Вдохновеніе — случай генія. Оно улетаетъ съ пугливостью вороны. У него нѣтъ косы, за которую бы поэтъ могъ ухватиться. Его волосы — пламя. Оттого работа — утомительная борьба, которой страшатся и которую любятъ могучія души, хотя и тѣ часто разбиваются объ нее. Одинъ великій поэтъ нашего времени, говоря объ этомъ ужасающемъ трудѣ, сказалъ: — Я принимаюсь за него съ отчаяніемъ, а оставляю его съ скорбью.

Да знаютъ невѣжды! Когда художникъ не кидается въ свою работу, какъ Курцій въ пропасть, какъ солдатъ на батарею, не разсуждая; когда онъ въ этомъ кратерѣ не рубитъ, какъ рудокопъ, погребенный обваломъ; когда онъ разсматриваетъ трудности, вмѣсто-того чтобы побѣждать одну за одной, какъ влюбленный рыцарь, въ волшебной сказкѣ, поражающій чудовище за

чуждыми; — произведение остается незаконченнымъ, погибаетъ въ углу мастерской и художникъ присутствуетъ при самоубійствѣ своего таланта.

Вотъ основаніе, вотъ смыслъ одинаковой награды, одинаковаго триумфа, одинаковаго лабра, подносимаго великимъ поэтамъ и великимъ полководцамъ:

Мечтатель Венцеславъ истратилъ столько силъ на созданіе, на учёбе; на работу подъ руководствомъ своего деспота, Лясы, что любовь и счастье произвели реакцію. Истинный характеръ обнаружился. Лѣнь и безпечность Сармата воротились занять готовые борозды въ его душѣ; откуда изгнала ихъ розга учителя.

Художникъ въ продолженіи первыхъ мѣсяцевъ любилъ жену. Гортензія и Венцеславъ предались милымъ ребячествамъ дозволенной, счастливой и пламенной страсти. Гортензія первая разрешила Венцеслава отъ всякой работы и гордилась своимъ торжествомъ надъ соперницей-скульптурой. Ласки жены легко прогоняютъ Музу и побѣждаютъ дикую, грубую твердость работника. Прошло шесть-семь мѣсяцевъ, пальцы скульптора разучились держать рѣзецъ. Когда же стала чувствительна необходимость работать; когда князь Виссембургъ, президентъ комитета подписки, захотѣлъ видѣть статую; Венцеславъ произнесъ великое слово всѣхъ лѣнливцевъ, — завтра приймусь! — и убаюкалъ Гортензію обманчивыми словами и великолѣпными планами художника-курлы.

Гортензія удвоила любовь къ своему поэту: она уже предвидѣла дивную статую. Монкорнѣ имѣлъ быть вылитымъ идеаломъ храбрости; типомъ воинственности. Передъ этою статуей всѣмъ должны были сдѣлаться понятными побѣды императора. И какое исполненіе! Карандашъ послушно слѣдовалъ за словами... По части скульптурнаго искусства явился восхитительный маленькій Венцеславъ.

Когда нужно было идти въ мастерскую, взяться за глину и лѣпить модель, тогда, какъ нарочно, то пужно было присмотреть за работой въ мастерской Флорана и Шанора, гдѣ отчеканялась коробка для часовъ князя; то день случится пасмурный, темный; то какія-нибудь хлопоты по дѣламъ; то обѣдъ у родныхъ, и тому подобныя помѣхи, не считая нерасположенія духа и вѣжничанья съ обожаемой женой.

Чтобы получить модель, князь Виссембургъ долженъ былъ сердиться и сказать, что переменить рѣшеніе о заказѣ. Графиня Стенбракъ, безъ ума отъ мужа, проклинала военнаго министра.

Она пошла и сказала ему, что великія художественныя произведенія не такъ легко отливаются какъ пушки; сказала, что правительство, такъ же какъ Людовикъ-Четырнадцатый, какъ Францискъ-Первый и какъ Левъ-Десятый, должно подчиниться гению. Бѣдная Гортензія воображала, что держитъ въ своихъ объятіяхъ Фидія.

— Не торопись, говорила она мужу: вся наша будущность зависитъ отъ этой статуи. Возьми себѣ времени, сдѣлай мастерскую вещь.

Она приходила въ мастерскую. Влюбленный Стенбракъ изъ семи часовъ тратилъ пять съ женою, описывая ей свою статую, вмѣсто-того чтобы дѣлать. Такимъ образомъ онъ употребилъ осемнадцать мѣсяцевъ на модель. Гортензія, видѣвшая тяжкія усилія своего мужа, котораго здоровье страдало отъ лѣни, разслабляющей тѣло и духъ, нашла, что произведеніе удивительно. Баронъ и баронесса Гюль, ничего не смысля въ скульптурѣ, кричали о чудѣ, сами привезли военнаго министра и онъ остался доволенъ.

Увы! на выставкѣ 1840, всеобщія порицанія также дошли до крику, до насмѣшекъ. Стидманъ хотѣлъ вразумить друзей Венцеслава: его обвинили въ зависти. Газетныя статьи для Гортензіи были воплями недоброжелательства. Добрый Стидманъ заставилъ своихъ пріятелей напечатать нѣсколько статей въ опроверженіе критиковъ, статьи, въ которыхъ доказывалось, что есть большая разница между глиняною моделью и окопченною мраморною статуей. Глина—рукопись; мраморъ—книга, писалъ Клодъ-Виньонъ, секретарь князя Виссембурга. Въ окончательномъ исполненіи можно пересоздать, можно и перепортить произведеніе.

Въ два съ половиною года Венцеславъ произвелъ статую и мальчика. Мальчикъ былъ прелестный, статуя — прескверная.

Однако жъ эта статуя оплатила долги молодаго хозяйства. Стенбракъ сдѣлалъ привычку посѣщать общество, балы и спектакли. Онъ превосходно говорилъ объ искусствѣ и по своимъ критическимъ объясненіямъ слылъ великимъ художникомъ въ гостиныхъ. Въ Парижѣ есть много даровитыхъ людей, которые довольствуются такой славой и всю жизнь свою творятъ на словахъ. Подражая этимъ блестящимъ евнухамъ, Венцеславъ привыкъ чувствовать со дня на день больше и больше отвращенія отъ труда. Принимаясь за работу, онъ примѣчалъ всё затрудненія; слѣдовавшее за тѣмъ уныніе уничтожало волю и вдохновеніе, это обаяніе творчества, отлетало отъ больнаго любовника.

Скульптура, такъ же какъ и драматургія, виѣсть и самое легкое и самое трудное изъ искусствъ. Скопируйте образецъ и произведеніе готово. Но вдохнуть душу, создать типъ, изобразивъ мужчину или женщину, вотъ—Прометеевъ грѣхъ! Въ лѣтописяхъ скульптуры успѣхи отмѣчаются такъ же, какъ поэты—на счету въ человѣчествѣ. Микель-Анджело, Фидій, Пракситель, Канова, Мишель Коломбъ, Жанъ Гужонъ, Полкметъ, Пюже, Альбертъ Дюреръ—братья Мильтона, Виргилія, Данта, Шекспира, Тасса, Гомера и Молиѐра. Это дѣло такое великое, что одной статуи достаточно на то, чтобы обезсмертить человѣка, точно такъ же какъ «Фигаро», «Ловеласъ» и «Макошь-Леско» обезсмертили Бомаршѣ, Ричардсона и аббата Превд.

Люди поверхностные, которыхъ между художниками много, говорили, будто скульптура существовала только нагимъ тѣломъ и умерла съ древнею Греціей; говорили и говорятъ, будто новѣйшая одежда дѣлаетъ скульптуру невозможною. Во-первыхъ, древніе дѣлали превосходныя статуи, которыя были совершенно одѣты, какъ напримѣръ Полимнія, Юлія и тому подобныя, а мы еще не нашли и десятой доли ихъ произведеній. Во-вторыхъ, пусть истинные любители идуть во Флоренцію, смотрѣть на Микель-Анджелова «Мыслителя» и въ майнцскій соборъ — на Дюрерова Мадонну. Пусть пойдуть и увидятъ, что гевій можетъ напечатлѣть на одеждѣ.

Скульптура есть постоянное осуществленіе явленія, только одинъ разъ видѣннаго въ живописи, въ Рафаэлъ! Рѣшеніе этой страшной задачи находится только въ непрерывномъ, постоянномъ трудѣ, потому что матеріальныя трудности должны быть дотого побѣждаемы, рука должна быть дотого «набита», дотого послушна, чтобы художникъ могъ грудь съ грудью бороться съ нравственною природою, которую нужно просвѣтлять, овеществивъ ее. Если бы Паганини, у котораго струны скрипки высказывали всю душу, провелъ три дня безъ упражненія, онъ потерялъ бы, какъ говорилъ, «регистръ» своего инструмента. Такъ онъ называлъ союзъ скрипки, смычка, струнъ и пальцевъ своихъ. Если бъ этотъ союзъ расторгся, Паганини тотчасъ превратился бы въ самаго обыкновеннаго скрипача.

Постоянная работа есть законъ искусства, такъ же какъ и законъ жизни. Поэтому великіе художники и поэты не ждутъ заказовъ и покупателей: они творятъ сегодня, завтра, всегда. Отъ этого происходитъ привязанность къ труду, постоянное знакомство съ препятствіями, что поддерживаетъ союзъ художника съ му-

зою, съ творческой силой. Канова жилъ въ своей мастерской, какъ Вольтеръ жилъ въ своемъ кабинетѣ. Такъ же, вѣроятно, жили Фидій и Гомеръ.

Венцеславъ Стенбракъ находился на тернистомъ пути, который ведетъ великихъ людей на Альпы Славы, когда Лиза связала его въ свѣтелкѣ. Счастіе въ образѣ Гортензіи возвратило поэта къ лѣни, къ нормальному состоянію всѣхъ художниковъ, потому что лѣнь — тоже занятіе. Это — наслажденія наши въ сералѣ: они ласкаютъ идею, они упиваются у источникъ воображенія. Великихъ художниковъ, подобныхъ Стенбраку, по справедливости называютъ мечтателями. Эти потребители хашиша всѣ впадаютъ въ нищету, тогда какъ, будучи связаны неуловимыми обстоятельствами, они могли бы быть великими людьми. Впрочемъ, эти полу-художники очень милы. Свѣтъ любитъ ихъ и осыпаетъ похвалами. Они кажутся даже выше дѣйствительныхъ художниковъ, которыхъ называютъ себялюбивыми, дикими, непокорными законамъ свѣта.

Вотъ, почему.

Великіе люди принадлежатъ своимъ твореніямъ. Ихъ отреченіе отъ свѣта и преданность работѣ дѣлаетъ ихъ эгонистами въ глазахъ невѣждъ. Отъ нихъ требуютъ, чтобы они одѣвались такъ же, какъ одѣваются щеголи, чтобы они исполняли всю гимнастику, всѣ эволюціи, называемыя свѣтскими обязанностями. Эти люди, въ числѣ которыхъ мало знати и которые рѣдко съ знатью встрѣчаются, обыкновенно впадаютъ въ исключительность удивленія и становятся непонятными для массы, состоящей, какъ извѣстно, болѣею частію изъ дураковъ, завистниковъ, невѣждъ и людей поверхностныхъ.

Понимаете ли вы теперъ роль женщины подлѣ этихъ величественныхъ исключеній? Жена такого человѣка должна быть вѣстѣ и тѣмъ, чѣмъ въ продолженіи пяти лѣтъ была Лиза, и давать любовь, покорную, скромную, всегда готовую, всегда улыбающуюся. Гортензія, наученная страданіями материнства, тѣсняемая нуждой, слишкомъ поздно примѣтила ошибки, до которыхъ довела ее безпредѣльная любовь; но у дочери Аделины сердце разрывалось при одной мысли потревожить Венцеслава. Она слишкомъ много любила, для того чтобы сдѣлаться палачомъ своего милаго поэта, и она увидѣла приближеніе минуты, когда ее, сына и мужа одолѣетъ нищета.

— Чтѣ это, душечка? сказала старая дѣвка, глядя на слезы въ прекрасныхъ глазахъ графини Стенбракъ: не надобно отчаявать-

ся. На цѣлый стаканъ слезъ не купишь тарелки супу. Сколько вамъ нужно денегъ?

— Да тысячь пять или шесть.

— Ну, у меня всего-на-все будетъ тысячи три. А чтò теперь дѣлать Венцеславъ?

— Ему предлагаютъ предпринять, за шесть тысячъ франковъ, выстѣ съ Сидманомъ, изготовленіе десертнаго сервиза для герцога д'Эрувилля. Шаноръ въ такомъ случаѣ беретса заплатить четыре тысячи, которыя Венцеславъ долженъ Леону Лорѣ и Бридд.

— Какъ! вы получили деньги за монументъ маршала Монкорне и не заплатили этотъ долгъ?

— Нѣтъ. Мы три года проживали по двѣнадцати тысячъ, а у меня доходу сто лундоровъ. Монументъ маршала за покрытіемъ издержекъ, далъ всего шестнадцать тысячъ. Право, если Венцеславъ не пріймется за работу, я не знаю, чтò съ нами будетъ. Ахъ, если бь я могла выучиться дѣлать статуи! какъ бы я принялась мать главу!

Глаза Гортензін сверкали, голова и грудь поднялись высоко. Видно было, что за недостаткомъ твердости дѣло у нея не стало бы.

— Видишь, душечка, сказала Лиза, видишь, что умной дѣвушкѣ слѣдуетъ выходить замужъ за художника тогда только, когда у него состояніе нажито, а не тогда, какъ еще предстоитъ на жить.

Тутъ послышались шаги и голоса Сидмана и Венцеслава, которые проводили Шанора и пришли къ Гортензін.

Сидманъ жилъ въ кругу художниковъ, журналистовъ, знаменитыхъ актрисъ и модныхъ женщинъ. Это былъ очень изящный молодой человекъ. Мадамъ Марнеэ нещремѣнно хотѣла видѣть его у себя и Клодъ Виньдиъ, постоянный гость и втайнѣ вздыхавшій обожатель, ввелъ его во второй домъ барона Гюлдъ и компаніи. У Сидмана тогда только-что расторглась связь съ знаменитою мадамъ Шонцъ, которая вышла замужъ и уѣхала въ провинцію. Валерія и Лиза знали объ этомъ и сочли нужнымъ привлечь къ себѣ Венцеслава друга. У графини Стенбракъ Сидманъ бывалъ рѣдко. Лиза впервые встрѣтила его тамъ и наблюдая за обращеніемъ знаменитаго художника, примѣтила нѣсколько взглядовъ, которые онъ бросалъ на Гортензін и въ которыхъ она увидѣла возможность сдѣлать его утѣшителемъ, когда Венцеславъ измѣнитъ.

Стидманъ въ самомъ дѣлѣ разсуждалъ, что за графиню Стед-бракъ стоило бы приводиться, если бъ Венцеславъ былъ ему не товарищъ. Это желаніе, побужденное честностью, удаляло его отъ дому Гортензіи. Лиза приняла замѣчательство, въ какое обыкновенно впадаютъ мужчины въ присутствіи женщины, съ которою не позволяютъ себѣ кокетничать.

— Не правда ли, что этотъ молодой человекъ очень хорошъ собой? шепнула Лиза на-ухо Гортензіи.

— Ты находишь?... Я никогда хорошенько не замѣчала его. Черезъ нѣсколько минутъ Стидманъ ушелъ.

— Дѣло кончено, сказалъ Венцеславъ, проводивъ его и воротившись къ женѣ: работы будетъ мѣсяцевъ на шесть, но впродолженіи этого времени нужно и жить.

— У меня есть брилліанты! вскричала графиня Стедбракъ съ восхитительнымъ порывомъ любящей женщины.

У Венцеслава навернулись слезы.

— О, я буду работать! сказалъ онъ посадивъ жену къ себѣ на колѣни: а между дѣломъ займусь статуэтками, кабинетными вещицами....

— Послушайте, мои милые, сказала Лиза: вы знаете, что вы мои наследники. Я оставлю вамъ хорошенькій капиталецъ, особенно, если вы поможете мнѣ сдѣлаться маршальшей. Если это удастся намъ, я возьму васъ и Аделину къ себѣ въ домъ. Ахъ, какъ бы мы могли счастливо жить вмѣстѣ! А теперь покуда послушайтесь моей опытности. Не ходите занимать въ Mont-de-Piété: это гибель заемщиковъ. Я всегда видѣла, что у нуждающихся именно къ сроку уплаты процентовъ не случается денегъ и заложенные вещи пропадаютъ. Я могу добыть вамъ денегъ, но яти процентовъ, просто на вексель.

— О! это спасло бы насъ! сказала Гортензія.

— Пусть Венцеславъ вѣдетъ къ особѣ, которая одолжитъ деньги по моей просьбѣ. Это мадамъ Марнезъ. Она женщина тщеславная. Стоитъ похвалить ее немножко и она вамъ одолжитъ сколько угодно, самымъ любезнымъ образомъ.

Гортензія посмотрѣла на Венцеслава съ выраженіемъ осужденной, которая идетъ на ашафотъ.

— Клодъ-Виньонъ ввелъ туда Стидмана и Стидманъ говорить, что это домъ очень пріятный, сказалъ Венцеславъ.

Гортензія склонила голову.

— Милая Гортензія, научись же наконецъ жить! сказала Лиза: на людей должно всегда смотрѣть какъ на инструменты, ко-

торые берешь, употребляешь и оставляешь, смотря по надобности и пользы въ нихъ. Употребите мадамъ Марневъ, дѣти мои, сколько вамъ нужно, а потомъ можете оставить. Ты боишься, чтобы обожающій тебя Венцеславъ не пристрастился къ женщинѣ, которая шестью или семью годами старше тебя и полиняла какъ изношенный атласный башмакъ....

— Я лучше заложу мои брилліанты, сказала Гортензія: о, не ходи туда, Венцеславъ. Это адъ!...

— Гортензія права, сказалъ Венцеславъ и поцѣловалъ жену.

— Благодарю, мой другъ, отвѣчала молодая женщина въ восхищеніи: ты видишь, Лиза, какой ангелъ мой мужъ? Онъ не играетъ; мы вездѣ бываемъ вмѣстѣ и.... если бъ онъ могъ приняться за работу, я была бы совершенно счастлива. Зачѣмъ намъ ходить къ любовницѣ нашего отца, къ женщинѣ, которая разоряетъ его и убиваетъ огорченіемъ нашу добрую мать?

— Душа моя, разореніе твоего отца не здѣсь начинается. Его разорила сперва его актриса, а потомъ твоя свадьба!... Боже мой! мадамъ Марневъ еще такъ полезна ему, что.... Но мнѣ не слѣдуетъ говорить объ этомъ.

— Ты всѣхъ защищаешь, милая Лиза...

Крикъ ребенка вызвалъ Гортензію въ садъ. Лиза осталась одна съ Венцеславомъ.

— Жена ваша — ангелъ! сказала коварная дѣвка: любите ее, Венцеславъ, и никогда не огорчайте.

— Да, я такъ люблю ее, что скрываю отъ нея наше положеніе, отвѣчалъ художникъ: но съ вами, Лиза, я могу говорить. Если мы и брилліанты заложимъ, то это всё-таки мало поможетъ намъ.

— Ну, такъ займите у мадамъ Марневъ. Уговорите Гортензію или,—если ужъ нельзя иначе,—ступайте, не сказавши ей объ этомъ.

— Я такъ и думалъ, отвѣчалъ Венцеславъ. Я только потому давеча отказался, чтобы не огорчить ее.

— Но послушайте, Венцеславъ, я обоихъ васъ слишкомъ много люблю и не могу не предупредить объ опасности. Если вы пойдете туда, держите ваше сердце обѣими руками, потому что эта женщина — демонъ. Всякій, кто увидитъ, обожаетъ ее. Она такъ умѣетъ обольстить, такъ обворожить.... Она восхищаетъ какъ мастерское художественное произведеніе. Займите у нея денегъ, но не оставляйте сердца въ закладъ. Я никогда не утѣ-

шусь, если вы измѣните моей кузинѣ... Вотъ она. Ни слова объ этомъ. Я улажу ваше дѣло.

— Поцѣлуй Лизу, мой ангелъ! вскричалъ Венцеславъ: она избавляетъ насъ отъ заботы. Она одождаетъ намъ свои деньги.

И онъ сдѣлалъ знакъ, который Лиза поняла.

— Надѣюсь, что ты тогда будешь работать, мой дорогой, сказала Гортензія.

— Завтра же пріймусь, отвѣчалъ художникъ.

— Это то завтра и разоряетъ насъ, замѣтила Гортензія, смѣясь.

— Ахъ, душенька! ну, скажи сама, могъ ли я работать, когда у меня было столько хлопотъ?....

— Правда, правда, мой милый!

— Здѣсь! вскричалъ Стенбракъ, у меня есть идеи!.... О! я хочу изумить моихъ враговъ. Я сдѣлаю чудесный сервизъ... въ нѣмецкомъ вкусѣ шестнадцатаго вѣка.... въ фантастическомъ родѣ... У меня всѣ эскизы уже въ головѣ... Это будетъ и легко и богато и изящно!.... Я говорилъ Шанору. Онъ въ восхищеніи.... Мнѣ нужно только поощреніе.... Последняя статья о монументѣ совсѣмъ убила меня....

Впродолженіи дня Лизѣ случалось еще два сѣстаться наединѣ съ Венцеславомъ и они условились. Художникъ рѣшилъ, что на другой же день пойдетъ къ мадамъ Марнеѣ, или съ вѣдома или безъ вѣдома жены.

Валерія, въ тотъ же вечеръ извѣщенная о торжествѣ, послала барона Гюль пригласить Сидмана, Клода-Виньдона и Венцеслава къ обѣду. Это не нравилось барону, но онъ не смѣлъ ослушаться: мадамъ Марнеѣ имѣла надъ стариками власть, совершенно деспотическую.

На другой день она вооружилась, какъ слѣдуетъ, одѣлась какъ только Парижанки умѣютъ одѣваться, когда представляется нужный случай. Гортензія была рыжевата. Чтобы ни въ чемъ не походить на нее, Валерія вымыла себѣ голову косметическою водою, отъ которой шелковистые волосы ея получили бѣлокуропещельный цвѣтъ, похожій на легкую пудру, что придавало ея хорошенькой головкѣ немножко страннѣй, но удивительно эффектный видъ. Чтобы выставить бѣлизну шен, она надѣла довольно широкую черную бархатную ленту и, наконецъ, для цѣли, ей извѣстной, помѣстила прелестный бутончикъ розы на краю корсажа, на самой впадинѣ груди.... такъ, что хоть глаза потуши.

Зато всё обожатели пожирали ее глазами въ тотъ вечеръ и Монтесть однажды съ удивленіемъ спросилъ:

— Скажи, пожалуйста, что съ тобой сегодня? Отчего ты такъ удивительна?

Стидманъ, Клодъ-Виньонъ и графъ Стенбракъ явились почти вмѣстѣ, около шести часовъ.

Обыкновенная женщина тотчасъ выбѣжала бы навстрѣчу къ столь давно желанному и нѣсколько знаменитому гостю. Валерія заставила троицхъ гостей подождать съ полчаса. Она была увѣрена, что они, если не будутъ говорить, такъ будутъ думать объ ней.

Наконецъ она вышла, съ сіяющимъ лицомъ, но скромно, граціозно. За нею шла Лиза, вся въ черномъ и желтомъ, чтобы служить грунтомъ, выдвпгать, — какъ говорятъ живописцы.

— Здравствуйте, Клодъ, сказала она подавая знаменитому критику руку съ дружескою вольностью.

— А вотъ мой кузень, графъ Стенбракъ, сказала Лиза, представляя Венцеслава, котораго Валерія, казалось, не примѣчала.

— Я очень хорошо узнала графа, отвѣчала Валерія, граціозно кивнувъ художнику головой: я часто видывала васъ въ улицѣ Дойеннѣ и имѣла честь быть на вашей свадьбѣ.... Твоего бывшего воспитанника трудно забыть, видѣвши однажды, сказала она Лизѣ, и обратилась къ Стидману: Вы очень любезны, что приняли мое приглашеніе въ такой короткій срокъ, но на необходимость нѣтъ закона! Нѣтъ ничего холоднѣе и непріятнѣе обѣда, за которымъ гости не знаютъ другъ друга. Я знаю, что вы съ этими господами пріатели и вытребовала васъ для нихъ. Но я надѣюсь, что вы въ скоромъ времени придете для меня собственно, не правда ли?... Скажите: «да!»

И она нѣсколько времени прохаживалась съ Стидманомъ, какъ-будто занималась исключительно имъ.

Явились одинъ за другимъ Кревель, Гюло и одинъ депутатъ, по имени Бовизажъ.

Это лицо, родъ провинціального Кревеля, особа, родившаяся на свѣтъ для ечету, подавала свой голосъ въ палатѣ подъ знаменемъ Жиро и Виктора Гюло, которые въ многочисленной фалангѣ охранителей хотѣли образовать ядро прогрессистовъ. Жиро иногда бывалъ по вечерамъ у мадамъ Марнефъ. Она надѣялась видѣть у себя и Виктора Гюло, но адвокатъ-пуританинъ всё находилъ предлоги уклониться отъ настояцій отца и тещи: бывать

у женщины, изъ-за которой мать проливаетъ горькія слезы, казалось ему преступленіемъ.

Бовизажъ, бывшій чудотникъ изъ Арсиса, старался *принять парижскія манеры*. Онъ *полировался* у мадамъ Марнефъ по образцу Кревеля, которому подражалъ во всемъ, съ которымъ совѣтовался, у котораго бралъ адреса портнаго и сапожника и который, однимъ словомъ, былъ его идеаломъ важнаго человѣка.

Валерія, въ сопровожденіи Лизы, окруженная агни господами, показала Венцеславу женщиною тѣмъ болѣе необыкновенною, что Клодъ-Виньонъ, въ ожиданіи выхода, прославлялъ ее, какъ можетъ прославлять только влюбленный.

— Это — мадамъ де-Ментенонъ въ юбкѣ Ниноны де-Ланкю, говорилъ знаменитый критикъ: понравится ей можно въ одинъ вечеръ, когда будешь въ умномъ расположеніи, но заставить ее любить.... это — такое торжество, котораго достаточно для вознагражденія гордости мужчины и за которое можно отдать цѣлую жизнь.

Валерія, повидному, холодная и невнимательная къ бывшему своему сосѣду, навела аттаку на его самолюбіе. Венцеславъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ обожаемый женою какъ идолъ, не могъ равнодушно видѣть, что мадамъ Марнефъ какъ-будто даже не примѣчаетъ его присутствія. Онъ поставилъ свою честь на томъ, чтобы привлечь ея взоры.

Сравнивая новую знакомку съ своею женой, онъ отдавалъ преимущество Валеріи. Онъ увидѣлъ, что Гортензія — прекрасное тѣло, — какъ говорила Валерія Лизѣ, — но у мадамъ Марнефъ формы были удивительно одушевлены, пріятельны, возбуждательны. Преданность такое чувство, которое мужу всегда кажется должнымъ. Сознаніе великой цѣнности безусловной любви утрачивается точно такъ же, какъ должникъ съ продолженіемъ времени начинаетъ воображать, что занятое принадлежитъ ему. Безпредѣльная вѣрность становится нѣкоторымъ образомъ насущнымъ хлѣбомъ, а измѣна соблазняетъ какъ лакомство. Обращаясь небрежно, женщина, особенно немножко опасная, возбуждаетъ любопытство, точно такъ какъ пряности возбуждаютъ вкусъ. Ловко сыгранное Валеріею пренебреженіе было притомъ новостью для Венцеслава, привыкшаго втеченіи трехъ лѣтъ къ покорной предупредительности. Гортензія прекрасная жена, думалъ онъ, но Валерія должна быть восхитительною любовницею. Многіе мужчины ищутъ этихъ двухъ изданій одного и того же сочиненія, хотя виновата только чрезвычайная ограниченность, если мужъ

не умѣть сдѣлать жену своею любовницею. Существованіе различныхъ видовъ въ этомъ родѣ доказываетъ только холодность массы мужей. Постоянство — геній любви, признакъ великой силы, силы поэта. Нужно умѣть находить всѣхъ женщинъ въ своей прекрасной женѣ, какъ убогіе поэты семнадцатаго вѣка изъ своихъ Маною-Леско дѣлали и Ирндъ и Хлой.

— Ну, что? спросила Лиза у своего молодого кузена въ такую минуту, когда увидѣла его въ пылу: какъ вы находите Валерію?

— Слишкомъ очаровательною! отвѣчалъ художникъ.

— Вы не хотѣли послушаться меня! продолжала Лиза. Ахъ, мой милый Венцеславъ, если бы мы продолжали жить вмѣстѣ, вы были бы любовникомъ этой сирены; вы женились бы на ней, когда она овдовѣтъ, и получили бы сорокъ тысячъ дохода, которые она имѣетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!... Она такъ богата?

— Конечно. Но берегитесь теперь. Я предупредила васъ объ опасности. Не опантите на этой свѣчѣ. Пожалуйте руку, на столъ подано.

Душа Венцеслава была возмущена до дна.

За обѣдомъ Гюльдъ, довольный присутствіемъ своего зятя и въ надеждѣ на совершенное примиреніе съ Валеріей, которую полагалъ привязать къ себѣ обѣщаніемъ вывести Марнефа въ начальники отдѣленія, былъ чрезвычайно любезенъ. Сидманъ былъ очень веселъ и шутливъ. Стебракъ не хотѣлъ, чтобы товарищъ затымилъ его, развернулъ свое остроуміе, произвелъ эффектъ и остался доволенъ собой. Мадамъ Марнефъ нѣсколько разъ улыбнулась ему и показала, что понимаетъ его.

Хорошій обѣдъ и доброе вино dokonчили обаяніе Венцеслава. Послѣ стола онъ, съ согрѣтой головой, усѣлся на диванѣ, объятый счастіемъ вѣсело физическимъ и нравственнымъ, которое мадамъ Марнефъ возвела на вершину, когда подошла къ нему, легкая, благоухающая, обольстительная, способная смутить ангела. Она наклонилась къ художнику и чуть не коснулась губами его уха, чтобы сказать ему:

— Сегодня, вы видите, не удобно будетъ говорить о дѣлахъ.... Развѣ обождете, пока всѣ разойдутся. Мы съ Лизой устроимъ ваше дѣло такъ, что вы останетесь довольны....

— О! вы ангелъ, мадамъ Марнефъ! отвѣчалъ Венцеславъ также шопотомъ. Я сдѣлалъ ужасную глупость, что не послушался Лизы....

— Что же она вамъ совѣтовала?

— Она, въ улицѣ Доёппе, говорила мнѣ, что вы любите меня....

Мадамъ Марнеэъ посмотрѣла на Венцеслава, какъ-будто смутилась, и быстро встала.

Это движеніе добродѣтельной жепцины, подавляющей тайную страсть, было въ тысячу разъ краснорѣчивѣе самаго пламеннаго объясненія. Зато Венцеславъ такъ распался, что удвоилъ стараніе поправиться. Видное мѣсто придаетъ женщинамъ удивительную силу притяженія. Отсюда происходитъ страшное могущество актрисъ. Мадамъ Марнеэъ знала, что на нее смотрятъ. Она играла свою роль какъ привычная къ рукоплесканіямъ актриса и имѣла полный успѣхъ.

— Теперь безразсудства моего тестя уже не удивляютъ меня! сказалъ Венцеславъ Лизѣ.

— Если вы такъ станете говорить, я всю жизнь не прощу себѣ, что взялась добыть вамъ эти деньги взаймы, отвѣчала Лиза: неужели и вы таковы же какъ всѣ они, продолжала она, указывая на явныхъ и тайныхъ обожателей, которую окружали Валерію: подумайте, что вы были бы соперникомъ вашего тестя. Наконецъ, подумайте, какъ бы вы огорчили Гортензію.

— Правда! сказалъ Венцеславъ: Гортензія ангелъ.... я былъ бы чудовищемъ!...

— Ихъ и безъ того довольно въ семьѣ, замѣтила Лиза.

— Художникамъ вовсе не слѣдовало бы жениться, продолжалъ Степбракъ.

— Вѣдь я говорила вамъ! Ваши дѣти — группы, статуи, мастерскія произведенія.

— О чемъ это вы говорите? спросила Валерія, подходя къ нимъ: сестрица, разливай чай: пора.

Венцеславу, изъ тшеславія, хотѣлось уже казаться семейнымъ съ волшебницей, которая околдовывала все окружающее. Онъ схватилъ ее за руку и принудилъ сѣсть рядомъ съ нимъ, на диванѣ.

— Вы ужь черезъ-чуръ большой баринъ, графъ Степбракъ! сказала она, сопротивляясь нѣсколько.

Она сѣбѣя почти упала подлѣ него и ловко сѣумѣла привлечь взоръ къ извѣстному розовому бутончику.

— Ахъ! будь я большой баринъ, сказалъ Венцеславъ: не занимать бы я пришелъ сюда!

— Бѣдняжка! Я помню, какъ вы трудилась въ улицѣ Доёппе,

даже по почамъ. Вы немножко сглушили. Вы женились, какъ голубный бросается да хлѣбъ. Вы не знали Парижа! Теперь вы видите, до чего васъ довела опрометчивость. Но вы не хотѣли послушаться Лизы, которая вамъ *правду* говорила....

— Не говорите мнѣ ничего больше! Я съ ума сойду!

— Вы получите десять тысячъ франковъ, любезный Венцеславъ, по съ условіемъ, продолжала Валерія, поправляя прелестный локонъ.

— Съ какими?

— Я не возьму процентовъ....

— Сударыня!

— О! не обижайтесь. Вы вмѣсто процентовъ сдѣлаете мнѣ бронзовую группу. Вы начали исторію Сампсона.... Докончите ее. Сдѣлайте Далилу, обрѣзывающую волосы у этого еврейскаго Геркулеса. Надѣюсь, что вы понимаете этотъ сюжетъ, какъ слѣдуетъ великому художнику. Дѣло въ томъ, чтобы выразить могущество женщины. Сампсонъ тутъ ничего не значить. Это трупъ силы. Далила—страсть, которая сокрушаетъ все. Согласитесь, продолжала она, взглянуть на Клода-Виньѡна и Стидмана, которые въ эту минуту подошли, услышавъ, что рѣчь идетъ о скульптурѣ: согласитесь, что отвѣтъ Геркулеса, сидящаго у ногъ Омфалы, прекрасенъ?

— Ну, что, общаете? спросила Валерія взявъ Венцеслава за руку съ осторожностью влюбленной дѣвушки.

— Вы такъ счастливы, что мадамъ Марнефъ имѣетъ просьбу до васъ, вскричалъ Стидманъ.

— О чемъ это? спросилъ Клодъ-Виньѡнъ.

— О маленькой бронзовой группѣ. Мадамъ Марнефъ желаетъ, чтобы я сдѣлалъ Далилу, обрѣзывающую волосы у Сампсона.

— Это довольно трудно, потому что постель мѣшаетъ, замѣтилъ Клодъ-Виньѡнъ.

— Напротивъ, очень легко: постель ничему не мѣшаетъ, возразила Валерія.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, сообщите намъ вашу мысль, вскричалъ Стидманъ.

— Извольте, отвѣчала Валерія: вотъ какъ я понимаю этотъ предметъ. Сампсонъ проснулся безъ волосъ подобно многимъ нынѣшнимъ франтамъ, съ накладными хохлами. Герой лежитъ или сидитъ на постелѣ, которой обозначить только самый верхъ, а остальное скроется драпировкой или совсѣмъ отгърнется. Пусть

онъ, обстриженный, сидитъ сложа руки, какъ Марій на развалинахъ Каррагена; какъ Наполеонъ на островѣ Святой-Елены. Далила передъ нимъ на колѣняхъ; въ родѣ того, какъ Магдалина Кановы. Женщина всегда обожаетъ мужчину, котораго разорить. Мнѣ кажется, Жидовка боялась Самсона, покуда онъ былъ страшенъ, могущественъ, но она должна была любить Самсона, обращеннаго въ мальчишку: Далила жалѣетъ о своемъ проступкѣ. Она хотѣла бы возвратитъ любовнику волосы. Она не смѣетъ смотрѣть ему въ глаза и всё-таки взглядываетъ и улыбается, потому что примѣчаетъ уже свое прощеніе, въ слабости Самсона. Эта группа и свирѣпая Юдифъ вполнѣ объяснили бы женщину.

Валерія отошла и оставила двухъ художниковъ и критика въ восхищеніи.

— Удивительная женщина! говорилъ Сидманъ.

— О! подхватилъ Клодъ-Виньонъ, она женщина самая умная и самая привлекательная изъ всѣхъ, какихъ я знаю. Она и умница и красавица, а это такъ рѣдко встрѣчается вмѣстѣ.

— Вы хотите сдѣлать Далилу, любезный графъ? сказалъ Кревель, который на минуту оставилъ карты: если сдѣлаете портретъ мадамъ Марнефъ, я даю тысячу экю за экземпляръ такой группы.

— Нужно знать, согласится ли мадамъ Марнефъ стоять на натурѣ, замѣтилъ Стенбракъ: спросите ее... Я готовъ....

— Да, сказалъ Сидманъ: надъ такою чудною натурой есть чему поучиться. Я готовъ всю жизнь проработать надъ одной моделью.

Въ эту минуту Валерія сама принесла Стенбраку чашку чаю. Это было болѣе чѣмъ отличіе: это было угожденіе. Въ способѣ, какимъ женщина исполнитъ подобное дѣло, заключается цѣлая рѣчь. Женщины очень хорошо знаютъ это. Зато и любопытно наблюдать ихъ движенія, манеру, тонъ и взгляды во время исполненія этой, по видимому, очень простой учтивости.

Отъ холодно-вѣжливаго и очень принужденнаго вопроса: «Угодно вамъ чаю?... Прикажете чаю?» и до волшебной поэмы одадыки, идущей отъ чайнаго стола, съ чашкою въ рукахъ, къ папѣ своего сердца и подносящей ему это питье съ покорностью въ движеніи, съ ласкою въ голосѣ, съ угодливіостью во взорѣ, психологъ можетъ прочесть всѣ чувствованія женщины, отъ отвращенія и равнодушія, до объясненія Федры съ Ипполитомъ.

Валерія была болѣе чѣмъ женщиною : это была змѣя въ женскомъ образѣ. Она довершила свое сатанинское дѣло, подошедши къ Стенбраку съ чашкою чаю въ рукѣ.

— Чтобы видѣть, какъ вы подносите, я готовъ пить чай до безконечности, шепнулъ Венцеславъ, слегка коснувшись Валеріиныхъ пальцевъ, когда бралъ чашку.

— Чтѣ вы говорили о натурѣ? спросила Валерія, какъ-будто не обративъ вниманія на взрывъ, котораго такъ давно желала.

— Дядя Кревель покупаетъ у меня группу вашего сочиненія за тысячу экю.

— Тысячу экю, онъ, за группу?

— Да, если вы позволите глѣзнуть Далилу съ васъ.

— Надѣюсь, что этого не будетъ, отвѣчала Марнеъ : группа въ такомъ случаѣ обошлась бы дороже всего состоянія мосъё Кревеля, потому что Далила должна быть немножко легко одѣта.

Подобно тому, какъ Кревель становился обыкновенно въ извѣстную позицію, всякая женщина имѣетъ свое изученное побѣдительное положеніе, въ которомъ показываетъ себя. Въ гостиныхъ можно видѣть такихъ, которыя цѣлую жизнь проводятъ въ томъ, что смотрятъ на кружевную оборку своей шмизетки, или поправляютъ плечо, или разсматриваютъ карнизъ подъ потолкомъ. Мадамъ Марнеъ побѣждала не лицомъ. Она быстро повернулась, чтобы воротиться къ чайному столу. Это движеніе танцовщицы волнующей свое платье, движеніе, которымъ она покорила барона Гюлдъ, довершило и пораженіе Стенбрака.

— Ты отищена! сказала Валерія Лизъ : Гортензія заплачется и проклянетъ день, въ который отпала у тебя Венцеслава.

— Пока не сдѣлаюсь маршалшею, цѣль моя не достигнута, отвѣчала злодѣвка: но *они* всѣ начинаютъ желать этого. Сегодня утромъ я была у Виктора.... Я тебѣ еще не рассказывала.... Молодые Гюлдъ выкупили векселя барона у Вовниѣ. Они завтра подписываютъ заемное письмо въ семьдесятъ двѣ тысячи франковъ, подъ залогъ своего дома, на три года. Денегъ они не могли найти. Викторъ въ большомъ уныніи. Кревель въ-состояніи поспориться съ своими дѣтьми, такъ онъ сердится на этотъ поступокъ.

— У барона теперь, вѣрно, нѣтъ уже ни какихъ средствъ.

— Я не знаю ни какихъ. Но въ сентябрѣ онъ будетъ опять самъ получать свое жалованье.

— И онъ возобновилъ свой страховой полисъ, это я знаю. Ну,

теперь пора заставить его одѣлать Марнефа начальникомъ отдѣленія. Я его дорѣжу сегодня.

— Любезный кузенъ, уйдите, пожалуйста, сказала Лиза Венцеславу: вы смѣшны. Вы смотрите на Валерію такими глазами, что компрометируете ее передъ всѣми, а мужъ ея ревнивъ до безумія. Не подражайте вашему тестю, воротитесь домой. Я увѣрена, что Гортензія ждетъ васъ.

— Мадамъ Марнефъ велѣла мнѣ остаться послѣ всѣхъ, чтобы устроить наше дѣло, отвѣчалъ Венцеславъ.

— Нѣтъ, возразила Лиза: я сейчасъ отдамъ вамъ десять тысячъ франковъ, потому что съ вашей стороны было бы неблагоразумно оставаться долѣе: мужъ Валеріи уже давно поглядываетъ на васъ. Вы принесете вексель завтра утромъ, въ девять часовъ. Въ это время Китаецъ Марнефъ бываетъ въ должности и Валерія можетъ быть спокойна.... Вы просили ее стоять на натурѣ?... Зайдите прежде ко мнѣ. О! я знала, что вы волокита! прибавила Лиза, поймавъ взглядъ, которымъ Венцеславъ протиснулся съ Валеріей: мадамъ Марнефъ красавица. Берегитесь, не огорчите вашу Гортензію.

Ничто не раздражаетъ женатаго человѣка столько, сколько безпрестанныя напоминанія о женѣ при рожденіи новыхъ желаній, хотя бы только мимолетныхъ.

Венцеславъ воротился домой около часу по полуночи. Гортензія ждала его съ десяти часовъ вечера.

Съ половины десятаго до десяти часовъ вечера, она прислушивалась къ стуку всякаго экипажа на улицѣ и разсуждала, что никогда Венцеславъ, обѣдая безъ нея у Шанора и Флорана, не возвращался такъ поздно. Она шила, сидя подлѣ люльки своего сына, потому что уже начинала сберегать издержки на швею и сама чинила свое бѣлье.

Съ десяти часовъ до половины одиннадцатаго у нея зацало сомнѣніе. Она спросила себя:

— Дѣйствительно ли Венцеславъ пошелъ обѣдать къ Шанору и Флорану? Одѣваясь, онъ потребовалъ лучшей своей галстухъ и лучшую булавку. Онъ употребилъ на свой туалетъ столько же времени, сколько употребляетъ женщина, когда хочетъ превзойти себя..... Я безумная!.... Вѣдь онъ любитъ меня..... Да вотъ онъ!....

Но карета прокатилась мимо.

Съ одиннадцати часовъ до двѣнадцати, Гортензію тревожилъ неописанный страхъ при мысли о безлюдности квартала.

— Если Венцеслав пошелъ пѣшкомъ, съ нимъ могло случиться несчастіе, думала она: можно на тротуарѣ упасть и убится до смерти; можно на перекресткѣ попасть подъ экипажъ..... Художники такъ разбѣяны!... Мошенники могутъ напасть!... Вотъ первый разъ, что онъ оставляетъ меня одну впродолженіи шести съ половиною часовъ!... К чему терзать себя? Вѣдь онъ любитъ меня.

Мужчинамъ слѣдовало бы сохранять вѣрность въ любви уже ради однихъ чудесъ, которыя безпрестанно совершаются истинною любовью въ такъ-называемомъ духовномъ мірѣ. Любящая женщина въ-отношеніи къ любимому мужчине находится въ положеніи ясновидящей, которой магнетизёръ далъ незавидную способность видѣть его всюду, несмотря на разстоянія, но только такъ, что женщина не сознаетъ того, что видитъ ясновидящая. Страсть возводитъ неравныя силы женщины на такую степень восторженности, на которой предчувствія бываютъ равносильны видѣніямъ. Бываетъ, что женщина знаетъ объ измѣнѣ любимаго, но не хочетъ знать, сомнѣвается, — такъ она любитъ. Этотъ пароксизмъ любви заслуживаетъ своего храма. У благородныхъ душъ удивленіе и уваженіе къ этому феномену всегда будетъ оградою отъ невѣрности. Какъ не обожать прекрасное существо, котораго душа доходитъ до подобнаго состоянія?

Въ послѣдній часъ ожиданія страхъ Гортензін достигъ такой степени, что она, узнавъ Венцеслава по звонку, выбѣжала къ нему навстрѣчу и сжала его въ своихъ объятіяхъ.

— Наконецъ ты пришелъ! сказала она, найдя возможность произнести слово: въ другой разъ, мой другъ, я пойду съ тобою всюду, куда бы ты ни пошелъ. Я не хочу больше подвергаться такой пытке!... Я уже видѣла тебя, разбившаго голову о мостовую, убитаго мошенниками!... Нѣтъ, въ другой разъ, я знаю, я съума сойду..... А ты, небойсь, веселился безъ меня, негодный?

— Что жъ дѣлать, мой ангелъ? Тамъ были Бисью, который доставилъ намъ новую работу; Леонъ де-Лора, который насказалъ множество умныхъ вещей, и Клодъ-Виньдонъ, которому я обязанъ единственною утѣшительною статьею о монументѣ Монкорнѣ.

— Женщинъ не было?

— Одна почтенная мадамъ Флоранъ.

— Такъ вы обѣдали у нихъ, дома? А ты сказалъ, что будете обѣдать въ Ромѣ-де-Канкаль!

— Нѣтъ, у нихъ дома. Я ошибся.

— Ты не въ экипажѣ прѣхалъ?

— Нѣтъ.

— Такъ ты шелъ пѣшкомъ изъ улицы Турнель?

— Свидманъ и Бисью, продолжая разговаривать, проводили меня до улицы Маделёнъ.

— Стало-быть очень сухо на бульварѣ, на площади Конкордъ и на Бургонской, замѣтила Гортензія, рассматривая лакированные сапоги своего мужа: у тебя ноги совсѣмъ чисты.

Дождь шелъ незадолго передъ тѣмъ, но изъ улицы Ванно до Сенъ-Доминика Венцеславъ не могъ загрязнить сапоговъ.

— Вотъ пять тысячъ франковъ, которые Шандръ великодушно одолжилъ мнѣ, сказалъ Венцеславъ, чтобы прекратить полу-судебный допросъ.

Остальные пять тысячъ онъ отложилъ про себя, потому что у него было на столько долговъ, невзвѣстныхъ Гортензіи.

— Вотъ теперь ты можешь быть спокойна, милая, продолжалъ онъ, цѣлуя жену. Завтра же я пріймусь за работу. Завтра я въ половникъ девятаго отправлюсь въ мастерскую. Для этого я сейчасъ же лягу спать, чтобы по-раньше встать.... Ты позволишь, моя милочка?

Сомнѣніе, запавшее въ душу бѣдной Гортензіи, исчезло. Она была за тысячу лѣтъ отъ истины. Мадамъ Марнефъ! Гортензія и не думала объ ней. Она опасалась, чтобы Венцеславъ не попалъ въ подобное общество. Имена Бисью и Леона де-Лоръ, художниковъ, извѣстныхъ своего вѣтревостью, встревожили ее, однако жъ она скоро успокоилась.

На-утро, въ половникъ девятаго, Венцеславъ ушелъ.

— Ну, вотъ, онъ теперь принялся за работу, думала Гортензія, одѣвая своего ребенка: слава Богу, наконецъ мы поправимся!.. Если не будетъ славы Микель-Анджело, такъ поровниемся хоть съ Бенвенуто Челлини!

Утѣшая себя этими надеждами, она вѣрила въ будущее и говорила объ этомъ съ своимъ одиннадцатилѣтнимъ сыномъ, который слушалъ, смотрѣлъ и улыбался.

Около двѣнадцатаго часу служанка ввела Свидмана.

— А гдѣ же Венцеславъ? спросилъ художникъ.

— Онъ въ мастерской.

— Я пришелъ поговорить съ нимъ о нашихъ работахъ....

— Я сейчасъ пошлю за нимъ, если вамъ угодно, сказала Гортензія, приглашая садиться.

Она очень обрадовалась Стидману, потому что желала отъ него услышать о подробностяхъ вчерашняго вечера. Служанка отпра-вилась въ мастерскую за Стебраккомъ.

— Вы хорошо веселились вчера? спросила Гортензія: Венцеславъ воротился во второмъ часу.

— Я не нашелъ особеннаго веселья, отвѣчалъ Стидманъ, кото-рый наканунѣ намѣревался-было побѣдить Валерію. Въ обществѣ можно веселиться тогда только, когда имѣешь какой-нибудь ин-тересъ. Мадамъ Марнефъ удивительно остроумная женщина, но и страшная кокетка.

— А какъ Венцеславъ находитъ ее? спросила бѣдная жен-щина, стараясь казаться спокойною: онъ ничего не сказалъ мнѣ.

— Я вамъ скажу только то, отвѣчалъ Стидманъ, что это — женщина довольно опасная.

Гортензія побѣдила.

— Такъ вы обѣдали у мадамъ Марнефъ, а не у Шанора.... вчера... съ Венцеславомъ? спросила она.

Стидманъ догадался, что неумышленно надѣлалъ бѣды. Гра-финя Стебракъ не кончила своей фразы и упала въ обморокъ. Художникъ позвонилъ. Горничная прибѣжала. Нервическій при-падокъ обнаружился сильными судорогами.

Стидманъ вышелъ въ другую комнату. Въ эту минуту кухарка воротилась и, къ-несчастью, громко сказала, что графа нѣтъ въ мастерской и не бывалъ. Въ самомъ припадкѣ Гортензія услы-шала эти слова и судороги удвоились.

— Сходи скорѣе за баронессой! сказала горничная кухаркѣ: бѣги!

— Если бы я зналъ, гдѣ Венцеславъ, я съѣзжалъ бы за нимъ, сказалъ Стидманъ въ отчаяніи.

— Онъ у этой женщины!... вскричала бѣдная Гортензія: онъ совсѣмъ не такъ одѣлся, чтобы идти въ мастерскую.

Стидманъ побѣжалъ къ Валеріи.

Въ эту минуту мадамъ Марнефъ изображала модель Дамилы.

Стидманъ былъ слишкомъ тонокъ, чтобы спросить, дома ли мадамъ Марнефъ. Онъ быстро прошелъ мимо комнатки придвер-ника и взбѣжалъ во второй этажъ разсуждая такимъ образомъ:

— Если я спрошу, ея не будетъ дома. Если я осмѣлюсь о-графъ Стебракъ, мнѣ насмѣются въ глаза. Нѣтъ, пойдѣмъ на проломъ!

Онъ сильно позвонилъ. Горничная выбѣжала.

— Вызовите графа Стенбрака, скажите, что его жена умирает!

Горничная, догадливая не меньше Стидмана, посмотрѣла на него порядочно глупо.

— Что вы изволили сказать?... Я не знаю....

— Я вамъ говорю, что графъ Стенбракъ здѣсь и что его жена умираетъ. Это также дѣло, изъ-за котораго можно побезпокоить вашу барыню.

И Стидманъ ушелъ.

— О! онъ здѣсь! сказалъ самъ себѣ художникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пождавъ нѣсколько минутъ на улицѣ, Стидманъ увидѣлъ Венцеслава и сдѣлалъ ему знакъ, чтобы шелъ скорѣе.

Разсказавъ что случилось, Стидманъ попенялъ другу, зачѣмъ не предупредилъ его.

— Я погибъ! говорилъ Стенбракъ: но ты не виноватъ. Я совсѣмъ забылъ, что у насъ съ тобой было назначено свиданіе. Мадамъ Марнефъ совсѣмъ съ ума свела меня. Но.... право, мой другъ, она стѣбитъ того, чтобы пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ для нея.... Ахъ! это удивительная женщина.... Но я въ ужасномъ затрудненіи.... Боже мой! что мнѣ дѣлать? Посоветуй мнѣ, что сказать? какъ оправдаться?

— Что мнѣ посоветовать тебѣ? право, не знаю! но жена любитъ тебя, неправда ли?... Ну, стало стало-быть, она всему повѣритъ. Скажи ей, что ты теперь былъ у меня, между-тѣмъ какъ я пришелъ къ тебѣ. Такимъ образомъ ты спасешь по-крайней-мѣрѣ сегодняшний *сеансъ*. Прощай.

На углу улицы, Лиза нагнала Стенбрака. Она опасалась его простодушія и, чтобы выгородить себя, шепнула ему нѣсколько словъ. Венцеславъ такъ обрадовался доброму совѣту, что среди улицы поцѣловалъ старую кузину. Она подала ему доску для перехода черезъ проливъ супружеской жизни.

При видѣ матери, которая тотчасъ прибѣжала, Горничная пролила потоки слѣзъ и нервическій припадокъ счастливо измѣнился.

— Я покунута! мнѣ измѣнили, маменька! вскричала она: Венцеславъ далъ мнѣ честное слово, что не пойдетъ къ мадамъ Марнефъ, а между-тѣмъ вчера обѣдалъ у нея и воротился домой во второмъ часу по полуночи!... Наканулъ у насъ было объясненіе... почти ссора.... Я просила, убѣждала, умоляла его не птти, а онъ всё-таки пошелъ! онъ и теперь тамъ! Эта женщина на то пошла,

чтобы довести всѣхъ насъ до отчаянія. Вчера мой братъ и Целестина заложили свой домъ, чтобы выкупить на семьдесятъ двѣ тысячи франковъ векселей, подписанныхъ для этой негодяйки.... Да, папеньку готовились засадить въ тюрьму по этимъ векселямъ.... Этой ужасной женщиной мало моего отца и твоихъ слезъ: она овладѣла и Венцеславомъ.... Я пойду къ ней! я убью ее!

Мадамъ Гюло, пораженная въ сердце жалобой, которую Гортензія высказала, сама того не примѣчая, побѣдила свою скорбь однимъ изъ тѣхъ услій, къ какимъ способенъ только героизмъ матерей; взяла ее голову, прижала къ своей груди и осыпала поцѣлуями.

— Подожди Венцеслава, дитя мое, все объяснится. Дѣло, вѣрно, не такъ важно, какъ ты воображаешь. Я тоже покинута, мой другъ. Ты находишь, что я недурна; я добродѣтельна, а между-тѣмъ я покинута уже впродолженіи двадцати-трехъ лѣтъ....

— Ты, маменька!....

— Возьми примѣръ съ меня, дочь моя. Будь кротка и добра и совѣсть твоя останется спокойна и Богъ тебя не оставитъ. Если бы я предавалась такому гнѣву, какъ ты, что бы тогда было?.... Твой отецъ озлобился бы; быть-можетъ, разстался бы со мною совѣтъ: его не удержало бы опасеніе огорчить меня. Мы были бы разорены десятью годами раньше; мы представили бы зрѣлище мужа и жены, которые живутъ каждый на своей половинѣ, позоръ ужасный, унизительный.... гибель семейства! Ни ты ни твой братъ не могъ бы быть пристроены. Я пожертвовала собою и несла свой крестъ такъ мужественно, что безъ этой послѣдней связи твоего отца, свѣтъ, до-сихъ-поръ почиталъ бы меня счастливою. Моя великодушная ложь до-сихъ-поръ служила щитомъ Гектору: онъ до-сихъ-поръ пользуется уваженіемъ. Но только я вижу, эта страсть на старости увлекаетъ его слишкомъ далеко. Онъ своимъ сумасбродствомъ разорветъ завѣсу, которую я держала между нимъ и свѣтомъ, завѣсу, за которою я двадцать три года плакала одна, безъ матери, безъ друга, безъ всякаго утѣшенія, кромѣ религій....

Гортензія слушала, неподвижно глядя на мать. Эта дивная покорность въ великой скорби и спокойный голосъ жены, многими годами страданій испытанной, уняли раздраженіе первой раны у молодой женщины. Она снова заплакала и, пораженная величіемъ матери, упала на колѣни и цѣловала ея одежду, какъ цѣлуютъ ризы святыхъ.

— Встань, моя Гортензія! сказала баронесса: такое свидѣтель-

ство дочери уничтожаетъ много горькихъ воспоминаній! Поди къ моему сердцу: оно обременено только скорбью о тебѣ. Только несчастіе моей дочери, моей единственной отрады, могло сорвать могильную печать, которою я навсегда хотѣла замкнуть уста моп. Да, я хотѣла въ гробъ лечь съ моимъ горемъ, какъ со вторымъ саваномъ. Я высказала его только за тѣмъ, чтобы успокоить тебя. О! чего бы я не сдѣлала, чтобы избавить тебя отъ такой жизни, какова была моя! Но мы всё покупаемъ любовь ужасною цѣной: за десять лѣтъ счастья я страдала двадцать четыре года....

— Ты имѣла по-крайней-мѣрѣ десять лѣтъ, а я только три! сказала дочь въ порывѣ эгонизма.

— Погоди, душенька, твоя судьба вѣдь еще не рѣшена. Дождись Венцеслава....

— Маменька! онъ солгалъ! онъ обманулъ меня передъ колыбелью своего дитяти! Онъ сказалъ мнѣ «не пойду,» и всё-таки пошелъ!

— Мужчины, мой ангелъ, ради своего удовольствія дѣлаютъ величайшія низости, подлости и преступленія. Это, кажется, уже въ ихъ природѣ. Мы, женщины, осуждены на жертву. Я полагала, что моп терзанія кончились, а они только-что начинаются: я не ожидала вдвойнѣ страдать еще и въ лицѣ моей дочери. Но мужайся и молчи, моя Гортензія! Поклянись мнѣ, что ты никому кромѣ меня не скажешь о своихъ страданіяхъ и никому третьему ихъ не повѣришь. О! будь такъ же горда, какъ твоя мать!

Въ эту минуту Гортензія затрепетала, услышавъ шаги мужа.

— Стидманъ былъ здѣсь? а я ходилъ къ нему! сказалъ Венцеславъ входя.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричала Гортензія, съ дикою ироніей оскорбленной жепщины, которая употребляетъ слово вмѣсто кинжала.

— Да, я сейчасъ встрѣтилъ его.

— А вчера?

— Вчера.... Ну, да, я обманулъ тебя, душенька, и вотъ маменька пусть разсудитъ насъ.

Эта откровенность развязала сердце Гортензіи. Всѣ женщины, истинно благородныя, предпочитаютъ истину лжи. Онѣ не хотятъ видѣть униженія своего идола, онѣ хотятъ гордиться властителемъ, которому покоряются.

— Выслушайте меня, милая маменька, сказалъ Венцеславъ: я такъ люблю мою доброю и вѣрную Гортензію, что скрывалъ

отъ нея обширность нашей нищеты. Какъ же было иначе поступить? Она еще кормила. Вы знаете, какъ опасно такое состояніе женщины. Горе и заботы могли повредить ей. Ея красота, ея свѣжесть, — все было въ опасности. Она до-сихъ-поръ полагаетъ, что у насъ долгу пять тысячъ франковъ, но я долженъ еще пять. Третьяго дня мы были въ отчаяніи. Никто на свѣтѣ не дастъ денегъ въ долгъ художнику. Дарованіямъ нашимъ не довѣряютъ, а вѣтреность считаютъ способною на всякую чепуху. Я напрасно стучался во всѣ двери. Лиза великодушно предлагала намъ свои сбереженные деньги....

— Бѣдная дѣвушка! сказала Гортензія.

— Добрая дѣвушка! сказала баронесса.

— Но помогутъ ли намъ Лизицы три тысячи франковъ? Лиза сама посовѣтовала обратиться къ мадамъ Марнефъ, которая будучи такъ много обязана барону Гюлдъ, готова была дать намъ денегъ безъ процентовъ.... Гортензія хотѣла заложить свои брилліанты, это доставило бы намъ три-четыре тысячи, а намъ нужно десять. Эти десять тысячъ можно было получить на годъ, безъ процентовъ и безъ залогоу!.... Я рѣшился взять, не сказавъ женѣ. Мадамъ Марнефъ черезъ моего тестя пригласила меня обѣдать и черезъ Лизу дала замѣтить, что я получу деньги. Между отчаяніемъ Гортензіи и такимъ обѣдомъ, я, разумѣется, не долго колебался. Но какимъ образомъ Гортензія, которой двадцать два года, которая свѣжа, чиста и добродѣтельна, которая составляетъ все мое счастье, всю мою славу, и которую я не оставлялъ ни на часъ впродолженіи трехъ лѣтъ, — какимъ образомъ Гортензія могла вообразить, что я промѣняю ее на женщину отцвѣтшую, подкрашенную, затасканную....

— О! если бы твой отецъ сказалъ мнѣ это! вскричала баронесса.

Гортензія бросилась къ мужу на шею.

— Да, вотъ такъ и я поступила бы! продолжала Аделина. Венцеславъ, другъ мой, ваша жена чуть не умерла. Вы видите, какъ она любитъ васъ. Она находитъ все свое счастье въ мужѣ. Не заставьте ее страдать.... Не терзайте и меня. Мнѣ кажется, я довольно страдаю, чтобы имѣть право видѣть дѣтей моихъ счастливыми....

— Будьте спокойны, милая маменька, сказалъ Венцеславъ, не-сказанно обрадованный счастливымъ окончаніемъ объясненія. Черезъ два мѣсяца я возвращу занятые деньги.... Что жъ дѣлать! прибавилъ онъ, жожавъ плечами: бываютъ минуты, когда я

готовъ занять у самого дьявола. Впрочемъ, деньги происходятъ изъ нашего же дому. А пришедши объдать, могъ ли я получить деньги, если бы отвѣчалъ грубостями на услужливость?

— Ахъ, маменька, какое зло папенька дѣлаетъ намъ! сказала Гортензія.

Баронесса приложила палецъ къ губамъ и Гортензія раскалась, что позволила себѣ высказать жалобу на отца, первую въ своей жизни.

— Прощайте, дѣти, сказала баронесса: вотъ солнце опять выглянуло. Смотрите же, не ссорьтесь больше.

Проводивъ мать и воротившись въ свою комнату, Гортензія попросила мужа, чтобы онъ разсказалъ ей подробно, какъ проводилъ вечеръ. Она наблюдала лицо Венцеслава во время этого разсказа и безпрестанно разспрашивала, чтобы пополнить его пропуски.

— Будь откровененъ, Венцеславъ! говорила она: тамъ были Стидманъ, Клодъ-Виньонъ, Верниссѣ... и кто еще?... Тебѣ было очень весело?

— Мнѣ?... Я думалъ только о десяти тысячахъ, которые нужно было занять. Я думалъ о томъ, чтобы успокоить мою Гортензію.

Гортензія безпрестанно задумывалась; Венцеслава жестоко утомлялъ допросъ. Онъ воспользовался одною веселою минутой и спросилъ:

— А ты, мой ангелъ, что бы ты сдѣлала, если бъ твой художникъ оказался преступнымъ?

— Я взяла бы себѣ Стидмана, хотя и не люблю его! отвѣчала Гортензія.

— Гортензія! вскричалъ Стенбракъ съ театральнымъ жестомъ: ты не успѣла бы исполнить это: я убилъ бы тебя!

Гортензія бросилась къ мужу, сжала его въ объятіяхъ и чуть не задушила ласками.

— О! ты любишь меня, Венцеславъ! вскричала она: ты любишь меня! Теперь я ничего не боюсь. Но довольно знаться съ Марнефами. Не погружайся болѣе въ такіе омуты.

— Клянусь тебѣ, милая Гортензія, я пойду туда только съ тѣмъ, чтобы отдать мой вексель.

— Нѣтъ, мой ангелъ, это Лиза можетъ сдѣлать.... Видишь, ты всё-таки нашелъ поводъ идти туда!

Гортензія стала дуться, но такъ, какъ дуются женщины, которымъ хочется получить известное вознагражденіе за этотъ трудъ.

Венцеславъ, утомленный продолжительнымъ объясненіемъ, предостережилъ женѣ дуться, а самъ отправился въ мастерскую лѣпить группу «Самсонъ и Далила», которой эскизъ былъ у него въ марманѣ.

Гортензія осталась недовольна собою, подумала, что мужъ разсердился на нее, и пришла въ мастерскую въ ту минуту, когда у Венцеслава работа кипѣла въ самомъ жаркомъ пылу творческой мысли. При видѣ жены онъ вдругъ остылъ, кинулъ грязную тряпку на эскизъ, обнялъ Гортензію и сказалъ:

— Ну, что? Перестала сердиться, моя милая?

Гортензія видѣла начатую глиняную модель, примѣтила, какъ тряпка полетѣла на эскизъ и ничего не сказала. Но собираясь уйти, откинула тряпку, посмотрѣла на рисунокъ и спросила:

— Что это такое?

— Группа... мнѣ пришла мысль.

— Зачѣмъ же ты спряталъ отъ меня?

— Я хотѣлъ готовую показать.

— Женщина очень хорошенькая! замѣтила Гортензія.

И тысячи подозрѣній возникли и выросли въ душѣ молодой женщины, какъ въ Индіи съ часу на часъ возникаютъ и распускаются огромныя кудрявыя растенія.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ

1837 ГОДА.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

IV.

ДАЛЬНѢЙШІЙ ПОХОДЪ. — РАЗРАБОТКА ДОРОГИ. — СТЫЧКА СЪ НЕПРІЯТЕЛЕМЪ. —
 ПОЧЕЛГЪ. — РУССКІЙ СОЛДАТЪ. — РАВЕННЫЙ ЧЕРНОМОРЕЦЪ. — ПЕРЕСТРѢЛКА. —
 ХАРАКТЕРЪ СТРАНЫ. — ЗАНЯТІЕ МѢСТА НА ВУЛАНѢ.

Десятого іюля работы Новотроицкаго укрѣпленія были окончены, или почти кончены: оставалась только небольшая внутренняя отдѣлка, и построение казармъ. Какъ эта работа могла теперь производиться подъ прикрытіемъ валовъ укрѣпленія, то генералъ Вельяминовъ рѣшился идти дальше, для занятія другаго пункта на берегу моря, оставивъ здѣсь небольшой отрядъ, который расположился лагеремъ вокругъ крѣпости, обезопасивъ себя отъ нечаянныхъ нападений горцевъ, довольно высокой засѣкою.

Какъ ни прекрасно было мѣстоположеніе у Пшады, и какъ ни

часты были «уражировки» наши, занимавшія насъ порядочными стычками съ непріятелемъ, но все это наконецъ прискутило и мы радовались, что выступаемъ въ дальнѣйшій походъ, не обѣщавшій впрочемъ ничего новаго.

И такъ одиннадцатаго іюля утромъ мы снялись съ лагеря, отрядъ потянулся по ущелью, — и скоро вновь воздвигнутое нами укрѣпленіе, скрылось за горюю....

Походъ нашъ былъ чрезвычайно пріятенъ: что шагъ, то новая картина природы!..... Горы зеленѣли то разработанною панною, то густымъ лѣсомъ: иногда онѣ возвышались амфитеатрами, которые терялись въ дали, иногда спускались крутыми обрывами.

Виноградныя лозы вились повсюду, плодовые деревья красовались рощами; тутъ были и душистые персики, и ароматная айва, и сливы и яблоки, огромныя деревья грецкихъ орѣховъ, и все это въ величайшемъ изобиліи!.... Здѣсь природа щедра въ своихъ дарахъ, и могуча своею силой! Дубы, вязы, тополи и серебрястыя пальмы удивляли своей величиной!.... Къ этой картинѣ присоединялись прихотливо извивавшіяся рѣчки; быстро скользя между отлогихъ береговъ, онѣ часто какъ-будто отъ испугу прятались подъ густыми кустами зелени, и потомъ рѣзво выбѣгая плескались и шумѣли въ красной своей рамѣ!

Горныя рѣчки обильны рыбою, которою солдаты наши умѣли пользоваться въ свое время. Едва, бывало, дадутъ отдыхъ послѣ перехода, какъ является множество удочекъ, закинутыхъ въ рѣчку; и когда отрядъ снова тронется, то часто бывало встрѣтишь въ колоннѣ не одного рыболова съ доброю связкою прѣвкусной рыбы.

Между-тѣмъ зной усиливался, усталость начинала одолевать насъ и мы скучали, что не увидимъ непріятеля, однако же непрерывно ожидая засады его. Скоро ущелье стало суживаться, горы сдвигались, и на отдаленныхъ возвышеніяхъ появлялись горцы, то конными, то пѣшими толпами. Хотя мѣстность всё-еще была прекрасна, но для нашихъ военныхъ дѣйствій она становилась съ каждымъ шагомъ труднѣе и опаснѣе. Боковыя цѣпи стрѣлковъ должны были опять всходить на крутыя горы и, спустившись съ нихъ, продираться сквозъ густые лѣса по оврагамъ. Все это замедляло походъ нашъ, и мы подвигались очень тихо, приостанавливаясь изрѣдка, чтобы дать время соединиться разставшемуся отряду нашему; оттого-то во весь день мы прошли не болѣе тринадцати верстъ, и остановились для ночлега на весьма

тѣсной площадкѣ, сжатой горами и лѣсами, которые мы знали войскомъ, потому что непріятельскія пули стали снова насвистывать намъ подъ уши похоронные свои нагѣвы.

Ночную тишину тревожилъ нрѣдка ружейные выстрѣлы по горамъ, а темный воздухъ бороздился непрерывно свѣтлыми перелетными полосами; это были небольшія насѣкомыя, величиною въ полдюйма, въ видѣ маленькихъ черныхъ жучковъ съ крыльщиками, подъ которыми все туловище горѣло фосфорнымъ свѣтомъ, и такъ ярко, что положивъ такого жучка на книгу, можно было очень удобно читать ее въ совершенной темнотѣ. Часто случалось намъ видѣть деревья и кусты, усѣянные этими насѣкомыми, что въ темнотѣ представляло прекрасное зрѣлище; свѣтъ насѣкомыхъ не прекращался, когда до нихъ дотрогивались, какъ это бываетъ съ фосфоромъ. Умиралъ, жучки теряли свое свойство свѣтиться.

На другой день намъ предстояло перебраться черезъ высокую гору Суемчейуатъ, которая замыкала ущелье наше. Тутъ дороги вовсе не было; узкая тропинка, по которой и верхомъ едва можно было проѣхать, взвивалась на высокій хребтъ вдоль глубокаго оврага, грозно чернѣвшаго внизу. Надобно было разработать дорогу; для этого генералъ Вельяминновъ отрядилъ три баталіона пѣхоты, двѣ роты саперовъ и четыре орудія артиллеріи опять подъ командою храбраго артиллеріи полковника Б—ра. Онъ двинулся впередъ, но съ перваго шагу неврѣтатель окружилъ его отсюду, и мѣткимъ ружейнымъ огнемъ сталъ наносить ему сильный вредъ. По лѣсу и узкой тропинкѣ трудно было двигаться артиллеріи; но она была лучшимъ средствомъ для удержанія сильныхъ натисковъ непріятеля, который то стрѣлялъ залпомъ изъ множества ружей, то съ яростью бросался въ рукопашный бой; картечь была гибельна для него.

Каждый шагъ разрабатываемой дороги обошелся намъ не даромъ; но зато мы двпгались по землѣ, политой кровью непріятеля, претерпѣвшаго большой уронъ. Распоряженія полковника Б—ра были прекрасны, и скоро главный отрядъ двинулся по кое-какъ продѣланной дорогѣ. Трудно было взбираться на гору: шесть лошадей и пятьдесятъ человекъ казаковъ едва тащили наше легкое шести-фунтовое орудіе, и черезъ каждые десять шаговъ принуждены были отдыхать. Обрывы съ боковъ, пни на дорогѣ, крутые повороты, и большіе камни, затрудняли насъ столько же, какъ и самая крутизна горы.

Съ лѣвой стороны въ разстояніи ружейнаго выстрѣла, возвы-

чались крутая гора, которую следовало занять цѣною стрѣльбы; между-тѣмъ непріятель вездѣ уморно сопротивлялся, и по мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, отъ сильнѣе и сильнѣе налагалъ на аррьергардъ, бывшій подъ командою кабардинскаго полка подполковника 3—го. По распоряженію генерала Вельяминова, артиллерія заняла удобныя позиціи по площадкамъ горъ, и удачно обстрѣивала всѣ мѣста, гдѣ непріятель собирался, и ту сторону, куда входила лѣвая наша цѣпь. Тутъ завязалась сильная перестрѣлка въ лѣсу, на горѣ, надъ горою и въ ущельяхъ. Дымъ обнакомъ стоялъ между деревьями, и эхо пронзительно стояло въ ущельяхъ. Но это игоновіе было какъ-бы послѣднимъ умишемъ вражды, послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ ея, послѣ котораго все вдругъ затихло..... Затихло, но сколько душъ отлетѣло въ небо!... сколько тяжкихъ, страдальческихъ вздоховъ пронеслось мимо насъ!.... Глубоко отозвались эти вздохи въ сердцахъ, гдѣ на-время замирало состраданіе!

Отдохнувъ на вершинѣ хребта, мы отали спускаться въ долину, которая роскошно разстилалась подъ нами; хлѣба густо волновались на ней; рощи темной и свѣтлой зелени живописно рисовались въ разныхъ мѣстахъ. По вершинамъ горъ красовались высокіе кедры, воздухъ былъ упоительно душнѣе; но вокругъ не видно было живаго существа, не видно было человѣка, который могъ бы восхищаться этимъ и довершать собою прелесть всего. Великолѣпная природа, какъ заброшенная сирота, цвѣла и стѣнѣла здѣсь въ забытіи.

Между-тѣмъ перестрѣлка, возобновившаяся при спускѣ нашемъ съ горы, начала стихать, и когда мы сошли въ долину, то и со-вѣтъ затихла. Солнце скрылось, и горы разноцвѣтными шатрами волшебнао нарисовались на золотистомъ небѣ; скоро стемнѣло, зажглись костры и бивуакъ былъ занимательно разнообразенъ. Все оживилось. Тамъ кипѣли котлы съ кашей, и вокругъ толпились солдаты, съ улыбкою аппетита ожидая своей порціи; каждое движеніе пробной ложки кашевара, отъ котла къ устамъ его и обратно, сопровождалось десятками вопрошительныхъ и просительныхъ взглядовъ. У каждаго въ рукахъ нетерпѣливо вертѣлась деревянная ложка, и зубы острялись на черныхъ сухаряхъ, въ ожиданіи каши. Дальше, у другихъ костровъ, шумѣли разсказы весельчаковъ о дневныхъ подвигахъ, курились трубки и чистились ружья; мѣстами у огней кипѣли самовары, суетнялось деньщики, летали пробки и раздавалось чоканье стакановъ,—тутъ угощали другъ друга офицеры. Любопытство подстрекнуло меня

подойти въ одному изъ костровъ, вокругъ котораго собрались чеп-ловѣкъ десятокъ молодыхъ солдатъ, слушающихъ рассказы старика-товарища.

— Ну, потѣшились, братъ-Иванъ, говорилъ старикъ-усачъ, мол-лодому рекруту: потѣшились, смотри-ка какъ штыкъ мой разру-нянцися, словно красная дѣвушка подъ вѣнцомъ.

— Да и я, дядюшка, на-силу отчищу свой; а смотри-ка-сь въ стволъ-то, словно въ трубу набыло сажн.

— Да и было отчего, признаться, затопилъ мы бусурманской аулъ на-славу! Пускай, проклятые, тухать!

— Добро бы осталось кому, прибавилъ молодой рекрутъ.

— А что, братцы, жарко было? сказалъ я подойдя къ солда-тамъ.

— Не штъ, ваше благородіе теперь, небойсь, и бусурманъ узналъ русскую баньку.

— Ну, что, Мартыновъ, сколько перебилъ Черкесовъ? сказалъ я, обратясь къ заслуженному ветерану.

— А кто ихъ знаетъ, ваше благородіе, считать не считалъ, а сердечный-то попридушлся, прибавилъ онъ, указывая на штыкъ: да это не впервые, ваше благородіе; точилъ я его и въ Турецк-нѣ, а подъ Персіянномъ, да вотъ Господь привелъ послужить и здѣсь батюшкѣ-царю!

— Учи, братъ, учи молодежь мѣняться съ Черкесами пулами, и отнимать у нихъ шашки, да винтовки.

— Извольте, ваше благородіе, сказалъ рекрутъ, поднося ко мнѣ черкесское ружье: оно бьетъ хуже моего штыка: я отбилъ его, выдче у Черкеса.

— Да, ваше благородіе, этотъ парень хоть куда: не уступитъ, и вашему брату-старикку; хоть на губахъ-то молоко не обсохло, да зато на штыкъ его рѣдко высохнетъ бусурманская кровь.

— Тревога, братцы, тревога! кричалъ молодой солдатъ, под-бѣгая къ костру, гдѣ я стоялъ: каша ушла, каша ушла!

— Къ ложкамъ, ребята! вскрикнулъ усачъ, и вся толпа бро-силась къ костру, гдѣ варился ужинъ.

Кто не восхищался такою веселостью русскаго солдата? — Среди столькихъ трудовъ, столькихъ непрерывныхъ опасностей, онъ всегда одинаково бодръ и веселъ: усталость не долго мучитъ его.

Отсюда я пошелъ пересказать все слышанное мною товари-щамъ, собравшимся у другаго огня, въ ожиданіи чаю.

— Прекрасно, прекрасно! закричали офицеры, выслушавъ ма-

ня: пьемъ за здоровье русскаго солдата! И скоро послѣднія бутылки кахетинскаго вина были осушены.

— Молчаніе, господа, молчаніе, сказалъ С—въ, подавая шумной молодежи знакъ къ тишинѣ. Мы замѣтно вмѣемъ какое-то предубѣжденіе къ черноморскимъ казакамъ, но выслушайте случай, который, конечно, заставитъ васъ перемѣнить свое мнѣніе.

— Ну, ну, ораторствуй, милый С—въ: мы готовы слушать тебя.

— Вотъ что случилось, въ одинъ изъ нашихъ переходовъ: я находился въ аррьергардѣ, — я было уже поздно, когда отрядъ остановился ночевать; мы, аррьергардные, пришли на мѣсто еще позднеѣе, и едва расположились на бивуакѣ, какъ урядникъ одного изъ черноморскихъ пѣшихъ полковъ явился къ командиру нашему, сказать, что онъ недосчитался шести человекъ казаковъ, несшихъ одного раненаго, и просилъ послать за ними одну роту солдатъ, увѣряя, что казаки отстали гдѣ-нибудь недалеко. Просьба урядника была уважена, и я получилъ приказаніе отправиться съ своею ротою отыскивать пропавшихъ. Были уже сумерки, и потому я шелъ очень тихо и осторожно, засылая окликъ пзрѣдка или свистомъ, или негромкимъ крикомъ: «казакъ!» «казакъ!» Скоро мы спустились въ глубокое ущелье, и при наступившей темпотѣ съ трудомъ пробирался сквозь густой лѣсъ, часто падая въ овраги, и скатываясь съ крутизны горъ; но при всемъ томъ стараясь сохранять всевозможную тишину. Скоро мы услышали вблизи разговоръ. Опасаясь попасть въ засаду горцевъ, я приказалъ ротѣ остановиться, подвинулся самъ на нѣсколько шаговъ впередъ, и, вслушиваясь, распозналъ наконецъ слова болѣзненнаго голоса, который говорилъ своимъ малороссійскимъ нарѣчіемъ: «Оставьте меня, братцы; бросьте, да сами спасайтесь. Черкесы близко: заберутъ васъ всѣхъ, и вамъ не оборонить меня; я уже плохой слуга: бѣгите, братцы, бѣгите!»

— Нѣтъ, Ганусъ, отвѣчало нѣсколько голосовъ: ужъ умереть такъ вмѣстѣ умремъ, а не повинемъ тебя, бѣднягу. Видно, Божья воля такова. Братцы, нарвите-ка листьевъ подъ изголовье Гануса.

«Глубокій вздохъ больнаго былъ единственнымъ отвѣтомъ на великодушіе товарищей. Я же, удостовѣрясь что это были наши пропавшіе казаки, сталъ кричать имъ вполголоса: «Казакъ!» «казакъ!»

— «Ратуйте, когда Бога любите, радостно отозвались имъ казаки.

Скоро мы были возлѣ нихъ. Они сидѣли вокругъ раненаго, покрывъ его своими шинелями, и съ рѣшительною ждали судьбы своей. Радость ихъ при видѣ насъ выразилась слезами; они плакали, цѣлуя раненаго товарища, лежавшаго на носилкахъ, и долго не могли отвѣчать на мои вопросы: наконецъ одинъ, оправясь, сказалъ: — Виноваты, ваше благородіе: когда отрядъ спускался вонъ съ той горы, мы хотѣли пройти спокойнѣе и пошли не по дорогѣ, а напрямикъ съ горы, да попали въ оврагъ, и заблудились! Мы кричали, да гдѣ тутъ услышать! а Ганусъ тяжело раненъ; вотъ мы и остались здѣсь при немъ: не покинуть же было раненаго товарища.»

Разсказъ этотъ глубоко тронулъ меня, я не отвѣчалъ казакамъ ни слова, но забравъ всѣхъ ихъ съ собой, тотчасъ возвратился на бивуакъ нашъ.

— Ура! закричали всѣ слушатели С — ва: жаль только, что нечѣмъ выпить во славу Черноморцевъ.

Тутъ разговоръ смѣшался, пошли разсказы, хохотъ, и всѣ труды протекшаго дня были забыты, а о наступающемъ никто и не думалъ. Удовлетворивъ требованіе желудка, бывшаго цѣлый день въ испытаніи, всякій сбирался отдыхать. Мало-по-малу все утихло, огни загасли, и ночь торжествовала въ глубокой тишинѣ....

Еще роса обильно покрывала землю, и туманы носились облаками, скрывая горы. или совсѣмъ, или закрывая только вершины ихъ; а въ станѣ нашемъ уже все было на ногахъ, и войска подъ ружьемъ.

Между-тѣмъ впереди, по лѣвую сторону ущелья, на невысокой цѣпи горъ, покрытой лѣсомъ, сбিরались непріатели; толпа за толпой появлялись они на возвышеніяхъ, и скрывались въ лѣсу.

Это заставило насъ быть осторожными; силы непріателя казались значительными и видно было, что онъ собрался упорно защищать обширные аулы, расположенные у подошвы горы, на берегу небольшой рѣчки.

Авангардъ двинулся впередъ, имѣя въ цѣпи два легкихъ орудія артиллеріи; за нимъ вытасулся и весь отрядъ. Когда мы прошли версты полторы, ущелье такъ стѣснилось, что надобно было занять лѣвую гору, на которой, какъ мы видѣли прежде, собрался непріатель; безъ этой предосторожности съ нашей стороны онъ могъ бы сильно вредить намъ, прикрываясь лѣсомъ.

Непріатель не допускалъ стрѣлковъ взбираться на гору, поре-

жая ихъ двойнымъ огнемъ изъ лѣсу, съ покатою горы, и изъ аула у подошвы ея. Тогда двумъ легкимъ орудіямъ приказано было выдвинуться впередъ, чтобы обстрѣливать лѣсъ, а одинъ горный единорогъ былъ посланъ на подкрѣпленіе въ цѣнь. Тутъ завязалось упорное дѣло; въ то время, какъ стрѣлки собирались на гору, баталіонъ пѣхоты съ крикомъ ура! штурмовалъ аулъ, а артиллерія очищала лѣсъ и гору. Скоро густой дымъ отъ зажженного аула взвился выше горъ, на которыхъ уже отдыхали усталые побѣдители — русскіе штыки! Непріятель бросился назадъ, но тамъ былъ встрѣченъ зашедшими ему въ тылъ баталіономъ пѣхоты и двумя орудіями артиллеріи, и вынужденъ скрыться дальше въ горахъ.

Это дѣло задержало насъ до часу по полудни, и было послѣднимъ на переходѣ нашемъ отъ Пшады къ Вуланамъ, куда мы и прибыли въ тотъ же день, часовъ въ шесть вечера.

По этой дорогѣ намъ встрѣчалось множество обширныхъ ауловъ, хорошо, даже красиво выстроенныхъ; это уже были не простыя мазанки горцевъ, сосѣдей нашихъ у Кубани, но правильно, чсто выстроенныя бревенчатыя избы, гдѣ, впрочемъ, кромѣ скамѣекъ и кое-какой деревянной утвари мы ничего не нашли. Иногда только въ амбарахъ отыскивали пшеницу въ зернахъ, и кое-гдѣ лптовой табакъ. Всѣ покатою горъ, удобныя для хлѣбопашества, были засѣяны просомъ и другими хлѣбами. По долинамъ ущелья разнообразилась огороды, и обильно созрѣвали всякіе плоды и ягоды; между послѣдними въ-особенности замѣчательнъ такъ-называемый *кизиль*, крупная продолговатая краснаго цвѣту ягода, растущая на высокихъ кустарникахъ; прохладительный, кисловатый вкусъ ея очень пріятенъ.

Разумѣется, что всему этому доставалось отъ насъ не хуже чѣмъ ауламъ; каждое плодовое дерево было точно такъ же штурмовано, имѣя своею единственною и всегда тщетною обороною — незрѣлость! Каждый виноградникъ получалъ очень печальную награду послѣ нашихъ радостныхъ привѣтовъ.

Обиліе здѣшнихъ трудовъ показывало обиліе рукъ, то есть большое народонаселеніе. Въ богатыхъ аулахъ встрѣчались хорошо устроенныя кузницы, и одна изъ нихъ была особенно примѣчательна обширностью своею и тѣмъ, что находилась у подошвы горы, богатой желѣзною рудою. Тутъ устроены были горны, и стояло нѣсколько отличнѣйшихъ, чугунныхъ, большихъ точилъ, что заставляетъ предполагать въ здѣшнихъ горахъ знаніе какого-нибудь искусства; вѣроятно, они дѣлаютъ оружіе. Къ-составу

но, здѣсь намъ не удалось взять въ плѣнъ ни одного Черкеса, и потому не у кого было разспросить о нравахъ и промышленности здѣшнихъ племёнъ.

Помню, какъ подалъ языческихъ памятниковъ видѣлись иногда и деревянные кресты. Отрадно было видѣть въ странѣ варварства этотъ символъ вѣры православной, воздвигнутый рукою христіанина, и пощаженный рукою язычника, для почитаній котораго не многое священно, но священъ прахъ усопшаго, даже врага его — христіанина! Съ другой стороны, грустно было подумать, что этотъ простой, но величавый по мысли, памятникъ стоитъ надъ могилою какого-нибудь плѣнника, а можетъ-быть и бѣглеца; до-сихъ-поръ нога европейца едва-ли была здѣсь.

Мѣстность на Вуланѣ не очень красива; здѣсь природа какъ-то угрюмѣе чѣмъ въ сосѣднихъ мѣстахъ: ущелье, которое мы заняли, не широко, обнесено высокими крутыми горами, съ густымъ лѣсомъ дубовъ, вязовъ и кедровъ; посерединѣ долины небольшое возвышеніе командуетъ надъ ущельемъ; съ одного конца съ полверсты не доходитъ оно до берега моря, съ другаго тянется далеко въ глубь ущелья, и, понижаясь постепенно, наконецъ сливается съ долиною, замкнутою остроконечными высокими горами. Это возвышеніе было покрыто густымъ мелкимъ кустарникомъ, между которымъ видѣлся каменный памятникъ, съ деревяннымъ навѣсомъ; мы по-необходимости уничтожили его вмѣстѣ съ кустарникомъ и лѣсомъ на долинѣ, когда начали строить укрѣпленіе. По краямъ ущелья текутъ двѣ рѣчки; одна изъ нихъ, Вуланъ, довольно широка и глубока, названія другой не припомню, но она очень незначительна. У Вулана, такъ же какъ и у Пшады, почти вовсе нѣтъ бухты; море едва только вдается въ берегъ, но какъ тамъ, такъ и здѣсь, устья рѣкъ впадающихъ въ него глубоки, и удобны для приставанія купеческихъ судовъ.

V.

УКРѢПЛЕНІЕ НА ВУЛАНѢ. — БУРЯ. — ЗНОЙ. — КЛИМАТЪ.

Лагерь нашъ расположился въ долинѣ по обѣимъ сторонамъ возвышенія, на которомъ предполагалось выстроить укрѣпленіе; окружившія горы заняты были отдѣльными пѣстами, и когда густой лѣсъ ни цѣхъ и на долинѣ былъ срубленъ, двадцать-девятого іюня, при обычномъ торжествѣ, заложили укрѣпленіе Михайловское. Разбивку его дѣлалъ по-прежнему самъ генералъ Велье-

инцевъ. Это укрѣпленіе довольно обширно; стоя на возвышеніи, оно командуетъ надъ долиной, и хотя удалено нѣсколько отъ берега моря, но хорошо обстрѣливаетъ его огнемъ артиллеріи. Противъ каждаго изъ двухъ ущелій, пинадскаго и джубскаго, на которыя какъ-бы развѣтвляется ущелье, теперь занатое нами, укрѣпленіе имѣетъ бастіонъ, сильно вооруженный артиллерією. Здѣсь предполагалось помѣстити одинъ баталіонъ гарнизона. Изъ укрѣпленія къ рѣчкѣ при подшвѣ возвышенія проведенъ излучинами ходъ, прикрытый насыпями, обороняемыми артиллерією съ валовъ укрѣпленія, для того чтобы гарнизонъ могъ безопасно пользоваться водою.

Въ верствѣ съ небольшимъ отъ мѣста, гдѣ строилось укрѣпленіе и на продолженіи того же возвышенія, расположенъ былъ особеннымъ лагеремъ баталіонъ пѣхоты и два орудія артиллеріи; онъ составлялъ нашъ охранный передовой постъ, и обнесенный отовсюду высокою застѣкою, обезпечивалъ отъ нечаянныхъ нападений Горцевъ, тревожившихъ насъ и днемъ и ночью. Но и этотъ лагерь оборонялся еще орудіями съ боковыхъ горъ, занятыхъ нами. Чтобы отъучить Черкесовъ отъ ночныхъ нападений, высылали обыкновенно въ сумерки небольшіе караулы, которые скрытно занимали разныя мѣста впереди лагеря; и такимъ образомъ часто случалось, что Горцы, подкрадываясь къ намъ ночью, натыкались на эти «секреты», и были перестрѣлены и переколоты. Нѣсколько такихъ неудачъ значительно укротили дерзость ихъ, и лагерь нашъ былъ уже рѣже тревожимъ.

Здѣсь по-прежнему, во время построенія крѣпости, мы пускались на фуражировки для лошадей отряда. По-прежнему безпрерывныя стычки днемъ, и частыя перестрѣлки ночью, занимали все наше время.

Въ свободныя часы войско занималось ученіями, приготовляясь къ царскому смотру, котораго всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали.

Такимъ образомъ прошло время до перваго сентября, когда кончены были работы на укрѣпленіи. Во все это время, погода совершенно благопріятствовала намъ; она была постоянно хороша, за исключеніемъ нѣсколькихъ дождливыхъ дней, необходимыхъ впрочемъ для растительности. Одинъ только разъ жестокая буря нанесла намъ сильный вредъ.

Еще съ утра, въ тотъ день набѣгали облака, изрѣдка гремѣлъ громъ, и перепадалъ крупный дождь. Въ полдень небо задвинулось темными тучами съ какии-то мѣднымъ отливомъ; вѣтру

еще не было, но море уже всколыхалось, и какъ-будто какой-то глухой гулъ носился въ воздухѣ. Скоро однако вѣтеръ взвылъ; море вспѣнилось, застонало, ударилъ громъ, хлынулъ дождь, блеснула молнія, ударъ удвоился, повторился, разнесся по ущельямъ, и новые удары за ударами, нагоняя другъ друга, наполняли воздухъ трескомъ и молніями. Дождь усилился, и казалось, что вѣстѣ съ крупнымъ градомъ онъ спѣшилъ залить пожары молній. Лѣсъ гвуся и трещалъ; палатки, то летѣли въ воздухъ, то увлекались рѣками воды, стремившейся съ окружающихъ горъ. Весь лагерь былъ затопленъ, все пыло: и лошади, и палатки, и столы и балаганы! Люди кричали, суетились,—а вѣтеръ вылъ, море бушевало, грозно вздымая мутныя, черныя волны свои, открывая подъ ними еще чернѣйшія бездны, куда стремились одна за другою змѣистыя молніи. Это была ужасная буря, какой-здѣсь никто изъ старыхъ Кавказцевъ и не припомнить! Небольшія рѣчки, которыя за полчаса еще такъ кротко бѣжали между зеленыхъ кустовъ, разлились теперь сажень на пятнадцать, и шипѣли какъ разъяренныя змѣи! Лагерь казался Архипелагомъ, гдѣ на возвышеніяхъ, какъ на малыхъ островкахъ, видѣлись уцѣлѣвшія палатки, полу-разрушенные зеленые балаганы, и собравшіеся въ пестрыя толпы люди, лошади, верблюды и стада. Буря продолжалась четверть часа, и мгновенно затихла. Облака разошлись, какъ гости послѣ пиру; солнце радостно засіяло; но море еще долго шумѣло, долго колыхалось, хотя ни одинъ листокъ на деревѣ уже не шелхнулъ—такъ стало спокойно въ воздухѣ!

Буря между горъ, быстро настаютъ и быстро проходятъ. Скоро вода въ рѣкахъ начала спадать и лагерь приходилъ въ порядокъ. Но солнце уже великолѣпно закатилось, спокойно погружаясь въ шумныя волны Чернаго Моря, а ночь застигла насъ еще полу-сухими; еще не всѣ палатки стояли на мѣстахъ, и вообще слѣды бури рѣзко обозначались въ нашемъ лагерѣ.

Климатъ на Черномъ Морѣ роскошенъ; бываютъ жары, но во все время экспедиціи нашей, я помню только три или четыре дня нестерпимо знойныхъ. Тогда въ воздухѣ было такъ тихо, такъ спокойно, что все казалось какъ-бы мертвымъ: море, какъ-будто растопленный, застывшій океанъ золота, не шелхнувшіе блестяло на солнцѣ; палающее небо перловымъ куполомъ нависло надъ землею, гдѣ какъ-будто все окаменѣло! Никакой вѣтерокъ, никакая птичка не разсѣкала воздуху; и каждый листокъ дерева, преклоняясь къ землѣ, какъ-бы искалъ укрыться отъ зноя!... Но такихъ несносныхъ дней было немного; большую частію дневной

заря освѣждала вѣтромъ или съ горъ или съ моря; а закатъ солнца и мѣсячныя ночи были всегда омаровательны. Бывало, когда солнце скатится въ море свѣтлымъ шаромъ, день какъ-будто уснетъ спокойнымъ сномъ праведника, въ выси затеплится мизантропомъ заглядъ, и легкій свѣтъ ихъ спустится на землю слабымъ мерцающимъ, какъ тихое благословеніе небесъ. Величайшій мѣсяцъ, когда вслѣдуетъ онъ надъ широкимъ моремъ. Пространство между небомъ и землею наполняется тогда роскошнымъ его свѣтомъ, и море, серебрясь, тихо колеблется; какъ-будто старецъ, оно спокойно дышетъ на ложѣ своемъ, и легкія струи, какъ сѣдны, развиваются подъ вѣтромъ, а небо отражается въ глубинѣ его, какъ въ душѣ, величіемъ и покоемъ. Чтѣ-то таинственное совершается тогда въ природѣ! Она какъ-будто внемлетъ чьему-то голосу, какъ-будто мыслить, и безмолвствуетъ!... Зато какъ ужасна бываетъ темнота, когда нѣтъ мѣсяца на небѣ! пословица — *ни зем не видно*, выразить это лучше всякаго описанія. Здѣсь нѣтъ нашихъ прекрасныхъ сѣверныхъ ночей, когда заря, не утхая на горизонтѣ, оббѣгаетъ западъ, сѣверъ и востокъ, какъ-будто преслѣдуя ночь и не давая ей распахнуть темныя крылья свои надъ сѣверомъ. Въ девять часовъ вечера здѣсь всегда уже темно, и если на небѣ луна не полная, то свѣтъ ея чрезвычайно слабъ, а вся остальная часть тускло, но хорошо виднѣется въ полу-тѣни. Неспособно только кваканье тысячи лягушекъ, и разногласное жужжаніе безчисленнаго множества насѣкомыхъ; онѣ какъ-будто ждутъ заката солнца и съ сумерками начинаютъ свои нестерпимые концерты! Вообще здѣсь ихъ ужасно много, встрѣчаются даже и тарантулы; но въ-особенности много небольшихъ змѣй (тѣскодько длиннѣе аршина), и черепахъ; изъ послѣднихъ мы пробовали иногда варить супъ, но онъ былъ очень нехорошъ, благодаря или безвкусымъ черепахамъ; или безъискуснымъ поварамъ.

Изъ Вулака былъ также посланъ небольшой десантъ, съечь одно изъ турецкихъ судовъ, приставшее къ черкесскимъ берегамъ; экспедиція выполнена удачно и весь грузъ, изъ оружія и разнаго рухляда, потоплець.

До втораго сентября, однообразно текла день за днемъ. Фуражировки, а въ отплату за нихъ, нападенія Горцевъ на лагеры наши, не переставали. Съ каждымъ днемъ крѣпостныя вѣды развѣщались, и мы радостно видѣли приближеніе конца нашихъ трудовъ. Купанье въ морѣ, и полковая музыка по вечерамъ, составляли все наше развлеченіе, и когда наконецъ перваго сеп-

табля всё палатки были сняты, всё багажны разрушены, мы праздновали послѣдній вечеръ бивуаковъ на Вуландъ; ночь открытыя небомъ грохотъ пѣвицъ веселили души наши, орошенное востры по горамъ утѣшали глаза, и было уже поздно, когда все затихло, все уснуло въ ожиданіи застрашннго похода обратно въ Геленджикъ.

VI.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ПИНАУ. — СТЫЧКИ СЪ ВПРІЯТЕЛЕМЪ. — ПОЖАРЫ. — БИВУАКЪ. — КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ. — СМЕРТВОСПАЯ ГОРА. — ЛЕГЕНДА.

Заря едва-лишь заигмалась, мѣсяць только-что сталъ блѣднѣть, и звѣзды, какъ-бы въ испугѣ, снѣжили прятаться въ какой-то чудный полусвѣтъ, какъ громкіе барабаны разбудили насъ, и черезъ полчаса длинный строй солдатомъ тянулся уже по горамъ справа и слѣва, а ущелье покрылось колоннами войска и множествомъ вьюковъ. Версты три мы шли мерно, и почти ни одинъ выстрѣлъ горцовъ не тревожилъ насъ, но когда стали поворачивать направо по узкой, неудобной дорогѣ, обрывавшейся въ рѣчку, за которой въ переднемъ планѣ возвышались небольшие горки, покрытыя кустарниками, то здѣсь горцы ждали насъ въ засадѣ, и здѣсь началась продолжительная и сильная перестрѣлка, съ которою мы шли до самаго перевала Суемтеуатль. Номѣръ движенія отряда впередъ, вся сила непріятеля обращалась, какъ всегда, на арріергардъ, прикрывавшій наше отступленіе; тамъ находился баталіонъ храбраго кабардинскаго егерскаго полка. Изъ-за кустовъ Чериссы бросались на него въ шашки; ихъ встрѣчали штыки; изъ овраговъ сыпались на насъ сильныя залпы, но тѣ же штыки выгоняли оттуда горцовъ, а ядра и картечь провозжали ихъ дальше въ горы.

Лѣвая цѣпь шла спокойно; только изрѣдка раздавшійся выстрѣлъ замиралъ въ боковомъ пустомъ ущельѣ, и пуля, просившая между деревьями, обрывала зеленые листья дубовъ и серебристыхъ пальмъ, единственныхъ своихъ жертвъ; иногда же испуганный орелъ, шумнымъ взмахомъ крыла отвѣчалъ на визгъ пули. Все это не мѣшало однако же любоваться изрѣдка прелестью мѣстъ, по которымъ мы шли: они были уже знакомы намъ, но горы такъ расположены, что съ каждою переменною мѣстою, являюся въ новомъ видѣ.

Мы шли, а за нами возникали пожары; густой дымъ, взмывшій высоко столбомъ, распадался въ широкіе снопы, падавшіе

на теми великановъ горъ, тамъ нылаи зажженные нощи аулы. Страшно было взглянуть назадъ! Далеко чернѣлъ густой дымъ, обвивая и поглощая горы; пламя, прорѣзаясь сквозъ него, свергало огненными молніями, въ дыму мелькали ружейные и пушечные выстрѣлы, а въ ущельяхъ раздавался гулъ и трескъ.

Когда мы подошли къ перевалу Суемчейуатль, то вся перестрѣлка, всѣ атаки горцевъ обратились на лѣвую цѣпь стрѣлковъ. Тутъ мы стали взбираться по знакомой намъ узкой, крутой тропинкѣ на высокую гору. Черкесы встрѣтили насъ однимъ залпомъ изъ сотни ружей, и болѣе не оборонялись; они, кажется, рады были дать намъ спуститься скорѣе за гору.

Трудность подъема увеличилась носилками раненыхъ, и потому мы шли тихо, а арріергардъ между тѣмъ оборонялся отъ упорныхъ нападеній непріятеля. Съ горы видѣлась далекая равнина, гдѣ предполагался нашъ лагерь, а когда мы сошли внизъ на площадку и остановились на время, чтобы стянуть отрядъ, солнце уже спускалось за горы, набрасывая на нихъ пурпуревый и фиолетовый отблескъ, небо пышно золотилось. Скоро небольшая площадка покрылась ранеными, которыхъ несли на носилкахъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей. Тускло отражался въ мутныхъ взорахъ страдальцевъ блестящій закатъ солнца! И для сколькихъ изъ нихъ это солнце закатилось въ послѣдній разъ! За зарей его, увеселъ и послѣдній вздохъ жизни, увѣчанной побѣднымъ вѣнкомъ!

Черезъ полчаса отрядъ потянулся по широкому ущелью, съ боковъ котораго у подошвы горъ красовались въ густыхъ рощахъ обширные аулы; одна минута и эти аулы превратились въ огненные стѣны, а скоро и въ пепель! Зрѣлище было великолѣпно: багровое зарево пожара спорило съ золотымъ заревомъ заката солнца, и съ серебристымъ отсвѣтомъ запада, гдѣ уже всходило полный мѣсяцъ! Три свѣта, соединясь въ одинъ, невыразимый, набрасывали на предметы какой-то волшебный колоритъ, съ которымъ насъ еще не ознакомилъ ни одинъ живописецъ!

Скоро одинъ только голубоватый свѣтъ мѣсяца уныло указывалъ намъ путь! Зарево еще алѣло, но черкесскіе выстрѣлы уже смолкли, и мы остановились почевать при поворотѣ въ пшадское ущелье.

Бывуакъ при полномъ лунномъ свѣтѣ, это что-то необыкновенное. Чудесно было между высокихъ горъ это широкое поле, усѣянное людьми, палатками и кострами, надъ которыми висла

дѣнь, и переливался вѣщный свѣтъ луны! Не понятнѣ было чувство души, когда она прислушивалась къ этому неясному гдвору на землѣ, въ глубокомъ ущельѣ, и къ этому торжественному безмолвію въ глубинѣ высокаго неба. Внизу рисовалась вся наша бурная земная жизнь, а тамъ, въ выси—все тихое блаженство небесъ! Душа, удрученная земною скорбію, съ благоговѣніемъ возносилась туда, и просвѣтлѣвъ въ таинственномъ сіяніи неба, улаждалась святымъ его блаженствомъ....

Такова душа человѣка: въ ней въ одно и то же время соединяется весь міръ земной, и весь міръ небесный! Вознесишься высоко въ предѣлы того міра, она, какъ падшій ангелъ вдругъ ниспадаетъ въ превсподнюю! Тутъ ее терзаютъ всѣ мелочи земныя, всѣ людскія страсти; но вдругъ, могучая, она стряхиваетъ съ себя этотъ гнѣтъ земной, и чистая, и свѣтлая какъ вздохъ праведника, возносится къ блаженству Предвѣчнаго!....

На другой день, это было третьяго сентября, рано утромъ мы двинулись дальше. День былъ жаркій, солнце грѣло насъ сверху, а пожары съ боковъ. Черкесы нападали рѣдко, и этотъ переходъ былъ для насъ прогулкою по прекрасному саду, гдѣ плоды были пріятною прохладю отъ сильнаго дневнаго зною. Въ три часа пополудни мы были у нашей крѣпости, Пшады, гдѣ оставался небольшой отрядъ для окончательной отдѣлки крѣпости; теперь надобно было взять этотъ отрядъ съ собою, и чтобъ дать ему время собраться, мы остановились здѣсь на дневку.

Пятаго сентября предполагалось выступить въ дальнѣйшій походъ; но несчастный случай на морѣ, у береговъ Пшады, задержалъ насъ.

Еще наканунѣ пошелъ дождь и поднялся сильный вѣтеръ; къ вечеру мы уже совершенно промокли, и на бивуакѣ нашемъ огни едва-едва могли горѣть, слабо обогрѣвая насъ, вымокшихъ и продрогшихъ. Ночью съ четвертаго на пятое число, вѣтеръ усилался, поднялся ужасный ураганъ и море застонало! Близъ берега стоялъ купеческій корабль и пароходъ; послѣдній успѣлъ уйти въ море, но первому это не удалось и онъ держался на якоряхъ, которые безпрестанно срывало. Наконецъ всѣ канаты якорей были порваны, и тогда шкиперъ рѣшился попытаться уйти въ море, но едва одинъ парусъ былъ поднятъ, какъ сильный шквалъ рванулъ корабль и волны помчали его къ берегу. Гибель неизбежна, а помощи ждать неоткуда; была уже полночь и ужасная тьма только изрѣдка прорѣзывалась какимъ-нибудь

лучомъ мѣсяца, урядкой проскользавшимъ между черными тучъ. Дождь ливня лилъ, затуманя огни, кое-гдѣ испортившіеся въ караулахъ; на бивуахъ всѣ спали или дремали, промокши до костей.

Но вдругъ въ одно изъ тѣхъ мгновеній тишины, которыя иногда во время бури минутно настаютъ и минутно исчезаютъ, когда одинъ шумный порывъ вѣтру нагнавъ другой,—отразится, и замолкнетъ, какъ великанъ изумленный внезапною преградой, въ одно изъ такихъ мгновеній раздался шумный выстрѣлъ на морѣ и послышался звонъ колокола: все ветрененулось въ лагерь и черезъ минуту баталіонъ пѣхоты спасалъ уже утопающихъ. Корабль несло къ берегу съ невмѣрною быстротой: то вскидывало его на пѣнящіяся, валы то бросало въ глубь, и часто видѣлось одни только верхи мачтъ, и слышались вопли погибавшихъ. Сильный порывъ вѣтру сорвалъ кормчаго и сбросилъ въ море. Вдругъ вспѣннившаяся громада воды взвилась къ верху, поднявъ высоко на хребтѣ своемъ корабль—и со стономъ рухнула! Корабль выкинутый на мель, судорожно бился, подымаемый волнами, доставшими черезъ него! Отчаянные вопли: «спасите! спасите!» плачевно неслись съ корабля и несчастные простирали руки и къ небу и къ людямъ! Но небо задвинулось черными тучами, а люди были безсильны подать помощь: корабль былъ еще далеко отъ берега! Блеснувшій мгновенно мѣсяцъ, печально освѣтилъ эту ужасную картину и, какъ-бы испугавшись, скрылся снова въ облакахъ; вѣтеръ взвылъ еще сильнѣе, и новая волна обрушилась на корабль затопила несчастныхъ. Вопли ихъ стихли!... Но тутъ судно придвинуло волнами ближе къ берегу и помощь была уже возможна: успѣли прицѣпить канаты, и почти всѣ пассажиры были спасены.

То же случилось и съ другимъ кораблемъ, шедшимъ мимо, и занесеннымъ сюда бурей. Хорошо, что эти берега были уже заняты нами; въ противномъ случаѣ если бы корабль и спасенъ отъ гибели въ морѣ, то не спасенъ бы отъ хищныхъ рукъ Гарцевъ. Наутро разгрузили разбитыя суда и разобрали ихъ на дрова, что задержало насъ цѣлые сутки, такъ, что мы выступили изъ Пшады уже шестаго сентября утромъ.

Этотъ переходъ былъ несносенъ: дождь, не переставая ни на минуту, промочилъ насъ до костей; перестрѣлки почти не было, и мѣстоположенія скучно однообразились; на горы нарисовались дождевыя облака, а ущелія наполнялись мглой. Въ шесть часовъ вечера мы остановились ночевать, и зоря сѣдуюющего дня встрѣ-

тила насъ съ всею улыбкою, общавшею прекрасный день. Это было необходимо намъ, чтобы обсохнуть и легче перебраться черезъ высокій перевалъ Вуордовіе. Мы опять увидѣли здѣшнюю дикую природу, опять проходили между сдвинувшихся громадъ, и любовались чудною горою, которая носитъ названіе «Смертоносной Горы» и рисуется высоко на небѣ своею грозною, мохнатою вершиною. Есть преданіе объ ней; мнѣ его рассказывали, я записалъ его въ своемъ журналѣ, и когда-то на бивуакѣ читалъ своимъ товарищамъ. Вотъ оно:

«Въ томъ глубокомъ ущельи, у подошвы горы, гдѣ теперь такъ дико, такъ пусто, когда-то жилъ князь Гирей, когда-то красовался его обширный аулъ, славный гордостью своего владѣльца, многочисленностью и богатствомъ стадъ его, и отважностью узденей подвластныхъ князю.

«Когда-то многочисленныя толпы всадниковъ грозно выѣзжали оттуда на набѣги, слѣдуя за лихимъ княземъ. Богатая збруя на бойкихъ коняхъ, въ серебро оправленные кинжалы, острые шашки въ красивыхъ пожнахъ, и вѣрныя винтовки, лукъ и колчанъ за спиною, украшали всадниковъ Гирея и его самого, когда онъ, бывало, выѣзжалъ въ горы.

«Куда же такъ часто носился Гирей съ толпою узденей своихъ? На разбой, на хищничество, или на законную мечь, кровавую мечь, на которую обрекають себя дикіе Горцы, за обиду, нанесенную имъ? Да, въ груди Гирея пылала давнишняя злоба, давнишняя мечь, которую могла затушить одна лишь кровь заклятаго врага его, Казбича!

«Когда-то въ пылу споровъ, Казбичъ нанесъ ему ударъ кинжаломъ; ударъ былъ не смертеленъ, но смертельна злоба обуявшая Гирея! Клятва мститъ Казбичу и всему потомству его, на-вѣки связала Гирея. И вотъ давно уже онъ ищетъ всюду врага своего; набѣгаетъ на его аулы, опустошаетъ ихъ огнемъ и мечомъ; но живъ еще самъ Казбичъ,—жива и мечь Гирея!

«Прошло уже много лѣтъ. Прелестная Авга была женою Гирея, и трое дѣтей ихъ росли какъ отпрыски красивой пальмы, или гордаго кедра! но ни лепеть дѣтей, ни нѣжныя ласки жены не уладили нахмуреннаго чела. Правда, была пора, когда однажды онъ встрѣтилъ въ лѣсу блуждающую Авгу, когда онъ взялъ ее къ себѣ въ жены, была тогда пора, что мрачный взоръ князя прояснился и онъ, въ роскошной нѣгѣ, какъ-будто позабылъ кровавую клятву свою; но это было не надолго. Черезъ полгода, лихой конь опять носилъ Гирея во вражьи аулы Казби-

ча, и мечь его какъ-будто сильнѣе разгорѣлась вмѣстѣ съ любовью къ Августу.

«Пасмурно было небо надъ горами Кавказа; сильный вѣтеръ быстро гналъ облака отъ востока къ западу; то какъ стада лебедей неслись онѣ спокойно, то какъ волны моря громазились одно на другое, и едва двигались въ тяжелыхъ громадахъ. Изрѣдка только легкія облака зацѣплялись за вершины горъ, останавливались какъ-будто отдохнуть отъ далекаго пути; но ревнивый вихрь скоро срывалъ свою добычу, и уносилъ невѣдомо куда! Дождь часто моросилъ, деревья желтели, и вѣтеръ съ жаднымъ свистомъ пробѣгалъ по ущельямъ; наступила глубокая осень. Въ одинъ изъ этихъ пасмурныхъ дней, въ сумерки, тайкомъ пробирался по лѣсу Черкесь; онъ шелъ къ аулу Гирей. То исчезая въ чащахъ лѣсу, то скрываясь въ оврагахъ, онъ какъ будто опасался быть открытымъ кѣмъ-нибудь, и выжидалъ ночи въ защиту себя; когда же смерклося, горецъ быстрыми шагами пошелъ прямо къ саглѣ самого князя.

«Гирей встрѣтилъ его какъ стараго знакомаго; и было уже далеко за полночь, когда они разстались. Черкесь пустился въ обратный путь, а на зарѣ другаго дня Гирей уже несся съ ватагой удалцовъ своихъ, по узкимъ ущельямъ сдвинувшихся горъ. Никто не зналъ куда скачетъ князь, что хочетъ дѣлать онъ? Казалось, быстротой своей онъ хотѣлъ опередить облака, мчавшіяся по одному пути съ нимъ; и черезъ сутки Гирей остановился въ густомъ лѣсу, и спутники его узнали, что они близъ ауловъ Казбича. Готовился кровавый пиръ. Незваные гости радостно готовились привѣтствовать хозяевъ по-свѣдому. Гирей былъ мрачнѣе чѣмъ когда либо, грозно было чело его, суровъ взглядъ, лицо побагровѣло, и кровь кипѣла; казалось, все страсти расплылись въ немъ. Не долго ждали страшные гости; по лѣсу вдругъ раздался пронзительный гикъ, и вслѣдъ за нимъ выстрѣлъ; это былъ условный знакъ—и Гирей быстро понесся съ своей ватагой! За лѣсомъ, на полянѣ, было кладбище; тамъ въ этотъ день, Казбичъ хоронилъ одного изъ узденей своихъ, и на этой-то могилѣ рѣшилась и его судьба. Ему измѣнилъ одинъ изъ подвластныхъ его; то былъ Черкесь, пріѣзжавшій наканунѣ къ Гирею объявить ему, когда и гдѣ можно было напасть на Казбича въ-расплохъ.

«Трудно было бороться Казбичу; битва была не равная, но и Гирею не дешево досталась побѣда; половина спутниковъ его

пала на мѣстѣ, но изъ враговъ его никто не возвратился въ свой аулъ!

«Едва Гирей завидѣлъ Казбича, какъ молніей устремился на него; но удамой Казбичъ устоялъ противъ перваго удара. и напавъ въ свою очередь, сбиль врага съ коня; смертоносный кинжалъ его сверкалъ уже падъ головой Гирея, какъ - вдругъ рука измѣнника остановила смерть на взмахѣ; Гирей оправился, и яростно бросился на Казбича. Ужасна была битва двухъ противниковъ; но Казбичъ палъ, и нестово-радостный противникъ, съ дикимъ крикомъ вонзилъ кинжалъ въ широкую грудь его! Умирающій успѣлъ произнести лишь нѣсколько словъ; но эти слова каменнымъ желѣзомъ прожгли сердце Гирея.

«— Авга — дочь моя! проговорилъ Казбичъ, и кровь, хлынувшая горломъ, задушила его....

«Ужасенъ стоялъ побѣдитель надъ тѣломъ умирающаго врага! Окровавленный, судорожно сжатый кинжалъ, дрожалъ въ рукѣ Гирея; тяжело вздымалась грудь, и по временамъ дикіе, болѣзненные стоны вырывались изъ нее. — «Я убилъ тебя, заклятый Казбичъ, но слова твои прозвучали и меня смертельнымъ кинжаломъ!... Авга — дочь твоя! вопилъ Гирей: Авга?... О, горе мнѣ! Аллахъ! Аллахъ!...» Потомъ онъ съ новымъ бѣшенствомъ бросился на мертвое тѣло Казбича, коломъ, терзалъ его кинжаломъ, и дикій хохотъ Гирея страшно разносился по лѣсу! Еще мгновеніе, и бѣшенный Гирей уже мчался на возвратномъ пути въ домъ свой, далеко обогнавъ усталыхъ своихъ спутниковъ; голова Казбича билась у сѣдла его, и кровавый слѣдъ заматался пылью изъ-подъ копытъ коня. Съ разсвѣтомъ другаго дня, стройная Авга, съ милыми дѣтьми, радостно выбѣжала на встрѣчу мужу, и ужаснулась при страшномъ видѣ его!

«— Подарокъ тебѣ, сказалъ Гирей, бросивъ къ ногамъ ея голову Казбича.

«— Отецъ мой! вскрикнула несчастная Авга, и за-мертво упала на землю.

«— Отецъ твой? завопилъ Гирей: отецъ?... такъ это правда?... Да сбудется же клятва моя! Съ этими словами онъ бросился къ несчастной, и поразилъ ее кинжаломъ. Быстро вскинувъ на плечо трупъ жены, и схвативъ рыдавшихъ дѣтей своихъ, онъ повлекъ ихъ на гору, и тамъ свершилось послѣднее мщеніе Гирея надъ тѣми, въ чьихъ жилахъ текла еще кровь врага его. Но и самъ онъ не сходилъ уже съ той страшной горы: кинжалъ, со-

грѣвшійся въ крови жены и дѣтей, охладѣлъ въ трупѣ самого Гирея!....

«Съ тѣхъ-поръ эта гора называется «Смертоносною Горою». Говорятъ, что и нынѣ еще никто не всходитъ на ея ужасную вершину, поросшую густымъ, темнымъ лѣсомъ, подъ мрачнымъ сводомъ тяжелыхъ облаковъ, почти всегда висящихъ надъ нею»....

— Это преданіе страшно, но какъ-то невѣроятно, замѣтилъ одинъ изъ слушателей. Какимъ образомъ Авга очутилась дочерью Казбича, скиталась въ лѣсу, попалась въ руки Гирея, и отецъ, зная это, не выручилъ ее? Разруби этотъ Гордіевъ узелъ.

— Его и развязать легко: отвѣчалъ я. Вотъ видишь ли: говорятъ, что Авга давно любила Гирея, но онъ никогда не видалъ ее; что Казбичъ хотѣлъ выдать ее замужъ за какого-то князя, который ей не нравился; но воля отца была непреклонна, а дочь рѣшилась побѣгомъ избавиться отъ ненавистнаго брака. Нечаянно она попала въ руки Гирея и сдѣлалась его женою. Казбичъ черезъ годъ узналъ только о дочери своей; но она была уже матерью, была счастлива, и сердце отца, хотя и сжималось отъ скорби и злобы, но чего не простить отецъ своимъ дѣтямъ? Казбичъ увѣренъ былъ, что если Гирей узнаетъ кто жена его, то смерть ея неизбѣжна. При смерти же своей открылъ ему тайну только изъ мести, чтобы разрушить его счастье. Вотъ и вся сказка, друзья; теперь прощайте, заря недалеко, а съ нею и походъ.

Вскорѣ всѣ уже крѣпко спали, завернувшись въ бурки, въ эти чудныя, теплыя бурки, непроницаемыя ни для вѣтру, ни для дождя, ни для бессонницы, потому что эту владычицу мірской суеты, со временъ рыцарства, вычеркнули изъ военныхъ списковъ нынѣшнихъ временъ.

На-завтра мы радостно увидѣли Геленджикъ, и расположились лагеремъ вблизи отъ него.

VII.

ЛАГЕРЬ ПОДЪ ГЕЛЕНДЖИКОМЪ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ЗА КУБАНЬ.

Между-тѣмъ поднялся ужасный, холодный вѣтеръ съ горъ. Шестеро сутокъ сряду дулъ онъ съ немовѣрной силой: всѣ палатки въ лагерѣ были сорваны и мы жили подъ открытымъ не-

бѣмъ, при сильномъ холодѣ. Нельзя было разводять огня, чтобы варить пищу, нельзя было держаться на ногахъ и ходить безъ палки: вѣтеръ валилъ съ ногъ и при неосторожности могъ бы увлечь въ море, а оно такъ сильно, такъ грозно пѣнилось и волновалось! Даже въ самой крѣпости не было возможности топить печей: вѣтеръ не выпускалъ дыму изъ трубъ и тушилъ огонь. Такимъ образомъ мы всё постились и дрогли. Оставалось одно средство: разводять огонь у самой подошвы высокнхъ горъ передъ моремъ и, конечно, кто могъ, тотъ пользовался этимъ.

Двадцать-перваго сентября случилось непріятное происшествіе: вдругъ загорѣлся Геленджикъ, и несмотря на всё усиліе войскъ потушить пожаръ, вся сторона лежащая у моря, выгорѣла до тла.

Черезъ два дня мы выступили изъ Геленджика къ Кубани. Скучная заря встрѣтила насъ въ тотъ день; густой туманъ стоялъ надъ лагеремъ, надъ моремъ и горами. Хотя мы шли теперь на родину, домой, но какъ-то грустно было проститься съ здѣшнею красавицей-природой! И кто же изъ насъ не полюбилъ ее? въ какой душѣ она не пробуждала высокнхъ чувствъ, высокнхъ мыслей? Кто безъ восторгу встрѣчалъ ее, и безъ сожалѣнія расставался съ нею? Она всегда питаетъ душу, какъ вѣра питаетъ Христіанина! Она — храмъ міра, гдѣ славится Господь!

Пасмурно было при нашемъ пробужденіи, и только на одно мгновеніе раздвинулись туманы, солнце блеснуло надъ высокою горою, и золотой лучъ его скользнулъ въ безпредѣльность моря. Это была минутная улыбка красоты, снова скрывшейся подъ густыми завѣсами облаковъ, нависшихъ на темя горъ.

Было чудно тихо на морѣ; оно гладко сплѣло вблизи и угрюмо чернѣло вдали, отражая въ себѣ темное небо.

Тутъ далеко бѣлѣлъ одинокій парусъ, какъ отшельникъ въ пустынѣ, и вокругъ него все было мрачно, безжизненно, молчаливо.... Тихо, тихо колыбался онъ, какъ-будто маня къ себѣ, въ свой обманчиво-мирный пріютъ. А здѣсь, вблизи, поверхъ темной глади морской, рѣяли бѣлыя чайки; то высоко взвивались онѣ, то быстро спускались и коснувшись воды серебрянымъ крыломъ своимъ, отлетали далеко и только круги на водѣ красиво ширялись и исчезали. Надъ горами тихо плыли облака, по одному пути съ нами, и широкая радуга, спустившись съ нихъ, однимъ концомъ купалась въ раздольномъ морѣ.

Сколько чувствъ волновало душу, сколько мыслей толпилось въ головѣ! Казалось, въ этой картинѣ природы я читалъ всю жизнь, все бывшее и все грядущее....

Таково было прощаніе наше съ Чернымъ Моремъ. Мы еще разъ взглянули на него съ вершины горы Нако, куда пришли вечеромъ того же дня. О! тутъ оно было великолѣпно въ безпредѣльности своей, ослѣпительно въ блескѣ солнца, спускавшагося въ него золотымъ щитомъ, которымъ какъ-будто задвигался день!

«Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь воды голубымъ
И блещешь гордою красой!»

Послѣднюю ночь, спустившись за гору Нако, остановились мы на Зивуакѣ. Здѣсь природа также уже почувала врага своего — осень. Деревья желтели и воздухъ былъ уже не тотъ, и небо не такъ ясно; но здѣсь тѣмъ и кончится; суровыхъ зимъ тутъ нѣтъ, и осень почти то же лѣто, только безъ яркой зелени, да и та не совершенно исчезаетъ на поляхъ.

Во весь походъ отъ Геленджика до Кубани, непріятель вовсе не беспокоилъ насъ. Изрѣдка только Черкесы показывались за нами, занимая насъ удалствомъ своимъ; это были такъ-называемые джигиты, то есть, удалые ваѣздники; изрѣдка они пускали вслѣдъ намъ прощальные пули, мы отвѣчали имъ тѣмъ же, но, кажется, съ обѣихъ сторонъ это дѣлалось только изъ удалства.

Зато во всю дорогу гремѣли пѣсни и бубны, и все радовалось возвращенію домой.

Перемочевавъ двадцать-девятого сентября у Кубани, возлѣ Ольгинскаго укрѣпленія, тридцатаго, при барабанномъ боѣ и музыкѣ, войска перешли черезъ мостъ на Кубани и разошлись по квартирамъ, съ воспоминаніемъ подвиговъ своихъ на восточныхъ берегахъ Эвксинскаго Понта.

Н. Ш.

=

ЛАМАЙСКАЯ ВѢРА.

=

Сѣверная-Индія, Тибетъ, Китай, Монголія, Маньчжурія, наши Буряты и Калмыки исповѣдываютъ вѣру, которую у насъ называютъ обыкновенно ламайскою, или шыгэмунианскою. Первое названіе происходитъ отъ слова лама, которымъ означаемъ мы все духовенство этой вѣры; а второе принадлежитъ основателю или возстановителю вѣры, Шыгэмуни или Сакжамуни.

Вѣра эта происходитъ изъ Индіи, гдѣ она называется буддистскою и есть расколъ древняго ученія браминновъ, испорченнаго толкователями. Сакжамуни родился за 2214, а по другимъ, за пять столѣтій до Рождества Христова. Отецъ его былъ государь владѣнія Муниэ или Джангаръ, лежащаго при источникахъ рѣки Ганга. Сакжамуни до двадцати-девятн лѣтъ своей жизни утопалъ въ развратѣ; однихъ женъ имѣлъ онъ, по щедрымъ преданіямъ, до осьмидесяти-четырехъ тысячъ. Наконецъ все ему опротивѣло; но онъ не переставалъ думать, что есть еще наслажденія или невсмысленныя, о существованіи которыхъ шепталъ ему тайный голосъ. Разсматривая вообще природу человѣка, онъ постигъ, что тѣлесныя удовольствія, всё безъ исключенія, подвергаютъ людей скукѣ, болѣзнямъ, приближаютъ къ старости и смерти. Пораженный этимъ открытіемъ, онъ оставилъ дворецъ своего отца и удалился въ пустыню. Постоянно занимался чтеніемъ таинственныхъ книгъ и размышленіемъ, онъ постигъ наконецъ, что истинное удовольствіе и нескончаемое наслажденіе человѣка состоитъ въ исполненіи добродѣтелей, и что наслажденія, вкушаемыя духомъ, выше всѣхъ тѣлесныхъ удовольствій.

Сдѣлавъ это не новое открытіе, онъ рѣшился сообщить его людямъ, а потому перевелъ съ таинственнаго языка на употребительный священные книги, и началъ проповѣдывать людямъ со-

держашееся въ нихъ ученіе, подкрѣпляя слова прпмѣромъ собственной жпзни. Онъ говорилъ, что не вводитъ новой вѣры, но возстановляетъ древнюю, испорченную толкованіями человѣческими.

Сакжамуни скончался за 2134 г. до Рождества Христова, проживъ восемьдесятъ лѣтъ.

Нельзя думать, чтобъ ученіе Сакжамуни дошло до насъ въ томъ видѣ, какъ онъ преподавалъ его; безъ-сомнѣнія, оно искажено и перетолковано его послѣдователями, религіозными фанатиками. Основаніе этого ученія есть безсмертіе души, рай и адъ; но душа, по выходѣ изъ одного тѣла, переселяется въ другое; за добродѣтельную жизнь въ лучшее, за порочную въ худшее. Послѣ высокихъ истицъ о добродѣтели, вдругъ слѣдуетъ нелѣпное раздѣленіе міра между богами, которыхъ сила ничтожна предъ властію судьбы. Наконецъ, въ дополненіе несообразностей и самъ законодатель Шыгэмуни признается за бога, правителя настоящаго міра; и хотя онъ умеръ плотію, но душа его пребываетъ въ здѣшнемъ мірѣ въ тѣлѣ божка Банчавъ-Бокдо, обитающаго въ Сѣверной-Индіи въ области Мункэ, при источникахъ Ганга.

Хотя ламайская вѣра не допускаетъ единобожія, но оно само собою, какъ неизбежная истина, обнаруживается въ ихъ богословскихъ книгахъ: напримѣръ, весьма часто говорится тамъ о существѣ всепроникающемъ, всеозерцающемъ, несравненномъ, небѣ небесъ, Господѣ всяческихъ, всеспльномъ, всемогущемъ, владыкѣ міровъ и тому подобное; но толкователи говорятъ, что названія эти принадлежатъ Шыгэмуни, или другому, какому-нибудь, божку. Могущество, которое мы признаемъ въ одномъ высочайшемъ существѣ, они раздѣлили между божками, или отдѣльными правителями, которыхъ называютъ бурханъ (всепарь). Однимъ изъ нихъ дали въ управленіе стихіи, а другіиъ разные случаи изъ жизни человѣческой. Божковъ этихъ очень много; ихъ изображаютъ или на рисункахъ или статуями изъ металла и глины; одни изъ нихъ имѣютъ обыкновенную человѣческую форму, другіе уродливы и безобразны. Кажется, Ламаецъ почитаютъ бурхановъ своихъ не создателями, но только правителями чего-нибудь, и уваженіе воздаютъ имъ по мѣрѣ заслугъ. Если бурханъ, не взявъ ни молитвъ ни жертвоприношеній просителя, не исполнилъ его желаній, тогда поклонникъ беретъ плеть и вмѣщаетъ свои убытки ударами. Божокъ, завѣдывающій дождемъ, получаетъ отъ китайскаго Богдохана подарокъ, если лѣто было благопріятное; но если была засуха или проливные дожди, бур-

хавъ платится своею спиною. Землею и воздухомъ управляетъ Сакжамуни, водою осемь лаосскихъ царей, огонь и адомъ Эрликъ-хавъ.

Здѣсь предлагается исповѣданіе ламайскаго вѣры въ тѣхъ не-
вѣстіяхъ, какое имѣютъ о ней Буряты. Начнемъ съ сотворенія
міра.

Міръ произошелъ изъ хаоса. Отъ движенія вѣтровъ образова-
лось облаво, изъ котораго пошелъ дождь и составилъ море. На-
стала тишина и на водѣ начала образоваться, какъ пѣнка на молокѣ,
твердь; взаимное треніе этихъ кусочковъ произвело сперва теплоту,
а потомъ огонь. Изъ тверди образовалась высочайшая гора Сум-
беръ, а около нея четыре міра: сѣверный, южный, восточный и
западный. Нашъ міръ есть полуденный и называется Дзамбу-табъ.
У каждаго изъ этихъ міровъ есть по два малыхъ міра, какъ-бы
спутники; такимъ образомъ всѣхъ міровъ считается двѣнадцать.
На каждомъ изъ нихъ обитаютъ особаго роду существа. Четыре
великія моря прилегаютъ къ горѣ Сумберъ: восточное имѣетъ
цвѣтъ бѣлый, полуденное синій, западное красный, сѣверное жел-
тый. Окружность всѣхъ міровъ составляетъ 29,400,000 верстъ.
Гора Сумберъ состоитъ изъ четырехъ породъ: лцевая сторона
у нея серебряная, задняя изъ золота, лѣвая изъ краснаго камня,
а правая изъ синяго. Гора эта возвышается отъ воды на пять-
сотъ шестдесятъ верстъ и на столько же углубляется въ море;
она раздѣлена на четыре уступа, гдѣ обитаютъ духи разныхъ
качествъ соотвѣтственно возвышенію ихъ жилищъ; на вершинѣ
же горы стоитъ престолъ, на которомъ сидитъ Шыгэмуни, и со-
зерцаетъ всѣ дѣла обитателей міровъ, освѣщаемыхъ солнцемъ и
вѣрною подругою его, луною. На подводной части горы Сумберъ
расположены мѣста мучительныя, и чѣмъ глубже мѣсто, тѣмъ
ужаснѣе мученье.

Каждый изъ четырехъ міровъ имѣетъ особенную форму. Наша
Земля есть треугольникъ, сѣверный — міръ квадратный, восточ-
ный — круглый, а западный имѣетъ видъ полумѣсяца.

Какъ міры эти имѣли начало, то будутъ имѣть и конецъ; раз-
рушеніе ихъ произойдетъ отъ огня, который будетъ ниспадать
сѣмью солнцами, одно сильнѣе другаго. Но какъ сотвореніе мі-
ровъ происходило уже вѣсколько разъ, то и разрушеніе ихъ бу-
детъ же послѣднее. Міры будутъ создаваться и разрушаться
впродолженіи вѣчности; а обладающіе ими боги смѣняются по
очереди. Теперь управляетъ вселенной Шыгэмуни, а когда она
разрушится и вновь будетъ создана, тогда владѣть ею будетъ

богъ Майдари, существующій нынѣ въ тѣлѣ тибетскаго Далай-Ламы; но прежде разрушенія нынѣшняго міра, Шыгэмуни опять придетъ на землю для исправленія даннаго имъ закона, испорченнаго людьми.

О сотвореніи человѣка Ламайцы рассказываютъ такъ: за нѣсколько тысячъ вѣковъ до существованія рода человѣческаго, духи, обитавшіе на одномъ изъ небесъ, утратили чистоту свою и были переселены на Землю. Сначала они были столь могущественны, что могли производить подобныхъ себѣ, силою одной воли. Сперва жили они до осьмидесяти тысячъ лѣтъ, потомъ до сорока тысячъ, послѣ до двадцати тысячъ. Постепенно теряя чистоту, они спустились до степени нынѣшняго человѣчества.

Постепенное ихъ паденіе произошло отъ слѣдующихъ причинъ. Хотя они и лишились небеснаго обиталища, однако жъ были столь духовны, что пытались зенромъ, летали по воздуху и искушали отъ себя сіяніе, которое замѣняло свѣтъ солнца и луны. Этихъ свѣтилъ тогда не было. Переселеніе на Землю они считали наказаніемъ временнымъ и надѣялись получить прощеніе. Оно было имъ обѣщано, если не будутъ нарушать нѣкоторыхъ запрещеній.

Между-тѣмъ одинъ изъ духовъ нашелъ запрещенный плодъ, называемый земнымъ масломъ. Сперва съѣлъ его самъ, а потомъ склонилъ къ тому и прочихъ духовъ. За нарушеніе этой заповѣди, духи лишились зенрной пищи, способности летать и собственнаго свѣту. Тогда-то созданы были солнце, луна и звѣзды для освѣщенія вселенной, но воля могущественной судьбы. Отъ нарушенія этой заповѣди произошло омраченіе ума и невѣжество.

Спустя нѣсколько вѣковъ одинъ изъ духовъ нашелъ поганое растеніе ой, съѣлъ его и накормилъ прочихъ духовъ. Тогда произошло раздѣленіе половъ и съ-тѣмъ вмѣстѣ взаимное ихъ стремленіе другъ къ другу. Тогда они стали размножаться тѣломъ, а не силою воли, какъ было прежде.

Накопецъ по простествіи многихъ вѣковъ, одинъ изъ недостойныхъ духовъ нашелъ плодъ салу и ввелъ его въ употребленіе. Тогда лишились они пищи, которая до-сихъ-поръ была имъ посылаема съ неба, и стали питаться уже саломъ. Одинъ духъ забралъ салу въ запасъ для будущаго дня; тогда почела салу и произошелъ грѣхъ любостыжанія. Тогда-то принялись они воздѣлывать землю и питаться, въ нощь лица, пріобрѣтенною пищею. Кто не соблюдалъ умирности, у того лицо худѣло, у воздержныхъ красота увеличивалась, почему они стали искать другъ

друге, отъ чего произошли грѣхи — гордость и презрѣніе. Тогда началось споры о земляхъ, а потомъ и драки, отъ неравнаго уреша плодевъ произошла зависть, а отсюда смертоубійство и война.

Когда пороки возрасли до такой степени, что споры, похищенія и драки были повсюду, вдругъ явился между ними похвальный духъ, прекрасный и величественный, ума всеобъемлющаго, сердца кроткаго и украшеннаго всѣми добродѣтелями. Справедливыхъ онъ отличалъ своимъ уваженіемъ, криводушныхъ и буйныхъ наказывалъ презрѣніемъ и выговорами. Чтобъ прекратить споры о земляхъ, онъ раздѣлилъ ихъ по равной части на каждого и, обзавъ всѣхъ клятвою не нарушать его учрежденій. Духи, въ ознаменованіе общаго къ нему уваженія, обзавались добровольно повиноваться ему и всѣ единогласно признали его своимъ царемъ.

Этотъ первый царь назывался по-тибетски Мангабай-Курба-Джалбу, то есть, царь, избранный всѣми. Подданные же называли его царемъ Чауаварскимъ и великимъ обладателемъ вселенной. Онъ научилъ ихъ поклоняться богу Самагъ-Даба-Дари. Съ этого времени потомки духовъ стали называться человѣками.

Главный догматъ ламуніанской вѣры, — безсмертіе души, единжды оозданной и существующей до конца вѣка переселеніемъ. За добрыя дѣла душа водворяется или въ блаженныхъ небесахъ, или переселяется въ другое человѣческое тѣло высшаго достоинства, напримѣръ, царя, вельможи, богатаго человѣка. За худыя дѣла душа постунаетъ въ адъ, или переселяется въ животное и тамъ проживаетъ извѣстное время, пока не очистится отъ грѣховъ; тогда опять постунаетъ въ тѣло человѣческое. Мѣна въ аду тоже не вѣчна, но соразмѣрна преступленіямъ; очищенная душа снова постунаетъ въ тѣло человѣческое. Душа, переселившаяся въ другое тѣло, помнитъ прежнее свое существованіе, но дѣйствуетъ по мѣрѣ силъ новаго тѣла. Набожный Ламецъ, не токмо не убиваетъ животныхъ, но даже облегчаетъ ихъ труды. Онъ не рѣшится даже убить насѣкомаго, изъ боязни остановить предопредѣленіе судьбы. Духовенству не только запрещено убивать животныхъ, но и предписано смотрѣть за другими, чтобъ не употребляли мяса въ пищу. Однако жъ для употребляющихъ мясо, есть свое оправданіе. Мы ѣдимъ, говорятъ ламонки, только тѣло, душа же бессмертна и переходитъ въ другую плоть. Такъ наши раскольники, предаваясь разврату, говорятъ: тѣло тѣшится, душа же не участвуетъ въ грѣхѣ.

Самые боги Ламайцевъ существуютъ переселеніемъ, но для пребыванія ихъ на землѣ избраны тѣла знаменитыхъ людей. Такииъ образомъ въ китайскомъ Богдо-ханѣ постоянно пребываетъ душа бога Маньджу-Шяри, соотвѣтствующаго Марсу. Шыгмуни постоянно держится въ душѣ индѣйскаго владѣльца Банчакъ-Бакдо. Майдари обитаетъ и перерождается въ тѣлѣ тибетскаго Далай-Ламы.

Здѣсь невольно рождается вопросъ. Выше сказано, что Шыгмуни сидитъ на вершинѣ горы Сумберъ и созерцаетъ дѣла всѣхъ смертныхъ; какииъ же образомъ онъ существуетъ въ то же время въ тѣлѣ индѣйскаго владѣльца Банчакъ-Бакдо? Почему не было преставленія свѣта, когда принялъ онъ въ свою очередь владычество надъ міромъ, что бываетъ непремѣнно при очередной смѣнѣ боговъ? Надобно удивляться, какииъ образомъ увлеклись люди подобною нелѣпостю и вѣрятъ ей до-сихъ-поръ. Кажется, одно невѣжество людей причиною распространенія этой вѣры. Впрочемъ, просвѣщенные Греки и Римляне исповѣдывали религію не менѣе смѣшную, и гнали тѣхъ, которые осмѣливались обнаруживать ея нелѣпости. Тайна заключается въ религіозномъ воспитаніи и силѣ привычки.

Главнѣйшія правила ламайскаго вѣры заключаются въ десяти запрещеніяхъ или грѣхахъ и противоположныхъ имъ добродѣтеляхъ. Грѣхи и добродѣтели раздѣляются на тѣлесныя, устные и мысленныя. Грѣхи коренныя или черныя: а) тѣлесныя: душегубство или убійство, хищничество, прелюбодѣвіе; б) устные: лжесловіе, клевета, злословіе, бусловіе; в) мысленныя: злоба, зависть, мщеніе. Добродѣтели имъ противоположныя выражаются въ слѣдующихъ предписаніяхъ закона: спасай жизнь другихъ, подавай милостыню, храни воздержаніе, говори правду, ниотворствуй, не говори ни о комъ худо, ноступай по закону, благотвори, будь доволенъ, будь увѣренъ въ воздаяніи по дѣламъ.

Въ нечисленныхъ грѣхахъ заключаются пять неизбѣжныхъ средства и пять сочетавающихся. Первыми почитаются тѣ грѣхи, которые собственными молитвами и прошеніями могутъ быть отпущены. Для послѣднихъ же достаточно молитвъ другаго.

Грѣхи не неизбѣжные посредствомъ: убійство святаго, отца или матери, клевета на священника, окровавленіе святителя.

Сочетающіеся: разореніе храма, хула на милостиваго, на первосвященника, униженіе священника, похищеніе священникъ утварей.

Сверхъ-того предписывается особенно духовенству, шесть до-

бродѣтелей: подаваніе, терпѣніе, вѣсть и молитва, благоговѣніе къ священному писанію, отшельничество, любомудріе. Особенными правилами запрещается всѣмъ духовнымъ пить вино и курить табакъ.

Всѣ ламайскія книги, какъ богослужебныя, такъ и назидательныя, писаны на тангутскомъ языкѣ, а потому и богослуженіе совершается на этомъ языкѣ, котораго не понимаетъ большая часть ламъ. Въ прошедшемъ столѣтіи, по повелѣнію Богдо-хана, всѣ богослужебныя книги переведены на монгольскій языкъ; но служба по нимъ совершается только въ одномъ монастырѣ въ Пекинѣ. Такимъ образомъ народъ, не имѣя возможности получить настоящее понятіе о своей религіи, долженъ вѣрить рассказамъ своихъ ламъ, весьма часто нелѣпымъ и приспособленнымъ къ выгодамъ духовенства.

Первая священная книга у ламайцевъ есть «ганджуръ»; за ней слѣдуетъ «данджуръ». Тутъ заключаются догматы вѣры, мифологія и проповѣди Шыгэмуни. Первое сочиненіе состоитъ изъ семи томовъ, или изъ 36,656 листовъ, вѣсомъ до двадцати пудовъ. Наши забайкальскіе Буряты купили въ первый разъ «ганджуръ» за тридцать тысячъ рублей ассигнаціями. Въ Пекинѣ тибетскій «ганджуръ» стоитъ около пяти тысячъ рублей ассигнаціями.

Духовенство шыгэмунианское носитъ общее названіе лама, что значитъ питающая мать, или мать, кормящая грудью. Этотъ эпитетъ заключаетъ въ себѣ тотъ смыслъ, что каждый лама обязанъ образовать челоуѣка духовно, то есть, очистить сердце его отъ страстей и возвысить душу исполненіемъ добродѣтелей, а тѣмъ удостоить вѣчнаго блаженства.

Избравшіе духовное званіе проходятъ три степени. Первая называется банди (сохраненіе). Въ этотъ санъ возводятъ тѣхъ, которые могутъ читать при богослуженіи тибетскія книги. Вторая степень есть гацунъ (законникъ добродѣтели). Третья степень называется гелунъ (хранитель добродѣтели). Въ нее возводятъ уже тѣхъ, которые изучили высшія таинства вѣры.

Эти степени обязаны проходить всѣ духовные, не исключая и перерожденцовъ. Только имѣющіе третью степень могутъ называться собственно ламами; двѣ первыя носятъ общее названіе хаваракъ. Гелуны во время богослуженія имѣютъ особенныя сѣдалища, ширѣ, а потому и называются ширѣтуями. Выше гелуна хамба, а еще выше хутуху.

Хамба равняется властію какъ-бы нашему епискоду; онъ посвя-

щается хутухтѣю и самъ имѣеть власть посвящать въ три степени. Хутухтѣ есть уже существо неумирающее, но переселяющееся изъ одной плоти въ другую. Таковыхъ переселенцевъ очень много въ Монголіи и Тибетѣ; въ первой считается ихъ болѣе трехъ-сотъ. Но главныхъ только три. Первымъ почитается тибетскій Далай-Ламà, вторымъ Бань-цянъ-Рамбуци, третій называется Джебцунъ-Дамбули-Гыгѣнъ, и обитаетъ въ монастырѣ Ургѣ недалеко отъ нашихъ границъ, на дорогѣ изъ Кяхты въ Пекинъ. Въ этомъ перерожденцѣ постоянно обитаетъ душа божка Ари-балы. Общее названіе перерожденцевъ есть хубилганъ.

Тибетскій Далай-Ламà потому считается первымъ изъ хутухтѣ, что онъ владѣлецъ Тибета, что въ немъ обитаетъ душа божка Майдарп, повелителя будущаго міра, и наконецъ онъ живетъ въ томъ мѣстѣ, откуда изливается ученіе на всѣхъ людей, исповѣдующихъ буддизмъ. Всѣ перерожденцы пользуются величайшимъ уваженіемъ народа, но божеской почести имъ не воздаютъ; во время богослуженія они занимаютъ первыя мѣста и съ ламами читаютъ молитвы.

Наши Буряты такъ высоко чтутъ Далай-Ламу, что не только поклоняются его изображенію, но даже все происходящее отъ него почитаютъ священнымъ и хранятъ въ своихъ мѣдныхъ бурханахъ.

Когда одинъ изъ перерожденцевъ умретъ, престолъ его остается празднымъ до-тѣхъ-поръ пока не отыщутъ его души въ тѣлѣ какаго-нибудь младенца, родившагося около того времени, когда умеръ хутухтѣ. Китайское правительство есть невидимая сила, указующая младенца, принявшаго душу покойника. Выборъ падаетъ всегда на знаменитую фамилію, преданную правительству. Духовные и свѣтскіе избранные чины отправляются въ домъ младенца, представляютъ ему разныя вещи, любимыя покойникомъ. Ребенокъ узнаетъ ихъ. Иногда рассказываетъ о прежнихъ своихъ перерожденіяхъ, и это служитъ убѣжденіемъ, что душа покойника точно переселилась въ тѣло избраннаго младенца. Лѣтъ до семи дитя остается у родителей подъ надзоромъ представленнаго къ нему ламы. Потомъ духовные чины принимаютъ его съ установленными церемоніями, увозятъ въ монастырь и обучаютъ таинствамъ вѣры; а по-мѣрѣ успѣховъ возводятъ его въ духовныя степени. Тѣла умершихъ хутухтѣ бальзамируются и хранятся въ кумирняхъ.

Въ Пекинѣ обитаетъ постоянно хутухтѣ въ званіи наставника

и духовника Богдо-хана. Онъ помѣщается въ особенномъ дворцѣ, гдѣ устроена типографія для печатанія монгольскихъ и тибетскихъ духовныхъ книгъ. Богдо-ханъ оказываетъ хутухтѣ особенное уваженіе. Въ 1780 году по просьбѣ Богдо-хана Цянь-Луни, пріѣзжалъ въ Пекинъ перерожденецъ Банчинъ-Богдо. Императоръ при торжественной встрѣчѣ самъ подалъ ему кресла. Такой почести ни одинъ смертный не можетъ удостоиться.

Хутухтѣ, обитающей въ монастырѣ Ургѣ или Курени (триста верстъ отъ Кяхты), владѣть двадцатью тысячами Монголовъ. Имѣніе это составилось изъ пожертвованій разныхъ владѣльцевъ. Въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія сидѣлъ на урганскомъ престолѣ сынъ Тушету-хана. Второй по немъ былъ сынъ монгольскаго князя Дорхопъ-чинъ-Вана, братъ казненаго въ Пекинѣ Мергенъ-Вана, который во время замѣшательства, бывшаго съ 1750 по 1760 годъ, между Калмыками и побѣга калмыцкаго хана Амурсаны въ Россію, осужденъ за возмущеніе и намѣреніе бѣжать туда же. Съ того времени хутухтѣ рождаются уже не въ Монголіи, а въ одномъ Тибетѣ, и нынѣшній есть уже третій сряду изъ родившихся тамъ. Онъ найденъ въ Маломъ-Тибетѣ, въ фамиліи знаменитаго Пагбы-ламы, который при ханѣ Хубилаѣ-Хаганѣ ввелъ въ употребленіе монгольскія письмена: Въ 1820 году, нынѣшній хутухтѣ привезенъ въ Ургу, на шестомъ году отъ рожденія.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія одна изъ нашихъ миссій, проѣздомъ въ Пекинъ, удостоилась видѣть хутухтѣ. Онъ былъ годовъ осьми, сидѣлъ на низкомъ табуретѣ поджавши ноги, вмѣсто одежды обернутъ былъ желтою тибетскою байкою; не говорилъ ни слова и благословлялъ подходящихъ къ нему возложивъ на голову книги. Кругомъ его стояли ламы.

Въ 1831 году наши миссіонеры хотѣли-было посмотреть на хутухтѣ: они объявили кому слѣдуетъ, что желаютъ поклониться перерожденцу. Долго толковали о томъ ламы и объявили, что хутухтѣ никогда еще не благословлялъ Русскихъ, а потому не можетъ принять ихъ. Миссіонеры указали имъ на пріятель, бывшій въ прошедшемъ столѣтіи. Опять начались толки. Отказать прямо — не хотѣли оскорбить; допустить на поклоненіе — не смѣли по многимъ уважительнымъ причинамъ. Наконецъ ламы объявили наканунѣ отъѣзда уже нашихъ изъ Урги, что хутухтѣ, благословляя поклонниковъ нѣсколько дней сряду, утомился, а потому и принять Русскихъ не можетъ; но если угодно, то они могутъ видѣть наставника молодого хутухтѣ. Наши отказались.

У Бурятъ нѣтъ хутухтү; высшее духовное лицо у нихъ хамба-ламà-бандиде, равный властью нашему епископу. Послѣдній хамба думалъ-было сдѣлаться безсмертнымъ, и потому внушалъ своимъ поклонникамъ, что по смерти душа его переселится въ тѣло племянника. Эта мысль была не противна нашему правительству, желающему уничтожить религіозное вліяніе Монголіи и Тибета на Бурятъ. Но по смерти хамбы возникли споры. Племя Бурятъ Харинскихъ, самое многолюдное и богатое, но отдаленное отъ жилища хамбы на нѣсколько сотъ верстъ, объявило желаніе, чтобъ хамба жилъ между ними. Но Буряты Селенгинскіе или Сонголы, хотѣли, чтобъ хамба обиталъ въ прежнемъ жилищѣ между ними. Споры эти дорого стоили Бурятамъ, но, кажется, исполнено завѣщаніе послѣдняго хамбы и племянникъ его возсѣдаетъ на табуретѣ первосвященническомъ. Покойный хамба пользовался величайшимъ уваженіемъ всего бурятскаго народа. Они почитали его святымъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ человѣкъ приводилъ въ удивленіе не только язычниковъ, но даже и христіанъ: онъ былъ такъ толстъ, что не могъ уже ходить. Его возили изъ юрты, гдѣ онъ жилъ, въ кумирню на служеніе, на особо устроенной телѣжкѣ или, лучше сказать, къ сѣдалищу его поддѣланы были низенькія колеса. Двое ламъ тащили его въ кумирню, а потомъ, по окончаніи богослуженія, домой. За всѣмъ тѣмъ, онъ дожилъ до глубокой старости.

Кромѣ степеней по духовенству, есть особыя должности, въ которыя возводятъ по выборамъ, напримѣръ: дуганчи, сторожъ при кумирнѣ; такильчи, церковный староста; нерба, ключарь; гыкбуй, благочинный; да-ламà, начальникъ ламъ; чандзаба-ламà, великій казначей; дзасакъ-ламà, правитель; царджи-ламà, совершитель писанія; бандиде-ламà, глава таинства; намунъ-ханъ, князь овященнаго писанія.

Всѣ духовныя ведутъ безбрачную жизнь и живутъ въ монастыряхъ, изъ которыхъ безъ позволенія начальника не могутъ выходить. Многіе изъ нихъ путешествуютъ въ Китай, Тибетъ и Кашмиръ для поклоненія, испрошенія милостыни, продажи своихъ прикладовъ и покупки монастырскихъ потребностей. Въ этомъ случаѣ они обязуются строго выполнять всѣ правила ордена, такъ что если путешествующій ламà почуветъ въ юртѣ женатаго Монгола, въ отсутствіе хозяина, то лишается духовнаго званія. Можно сказать утвердительно, что ламы въ Монголіи строго исполняютъ обязанность, какъ въ разсужденіи своего поведенія, такъ и назиданія другикъ. Но у нашихъ Бурятъ нѣтъ монастырей.

Ламы живутъ между мѣрлами и не вправѣ похвалиться исполненіемъ своихъ обязанностей, и едва-ли не больше вредятъ народной нравственности, нежели поучаютъ добродѣтелямъ.

Кромѣ ламъ есть монахи Чабоганцы. Въ Тибетѣ онѣ живутъ въ особыхъ монастыряхъ, гдѣ отправляютъ богослуженіе, но въ Монголіи, при кочевой жизни, монастыри очень рѣдки, а у нашихъ Бурятъ и совсѣмъ ихъ нѣтъ. Однако жъ пожилыя жещины получаютъ отъ ламъ красную целепу (эркемжи), которую носятъ съ лѣваго плеча подъ правую руку. Онѣ не ѣдятъ лошадиного мяса. Нѣкоторые изъ овдовѣвшихъ старухъ въ Монголіи, поступая въ монахини, остаются при своихъ родныхъ, или опредѣляются въ услугу къ старымъ ламамъ.

Каждый Монголъ или Бурятъ, имѣющій даже двухъ сыновей, обрекаетъ одного изъ нихъ въ духовное званіе еще въ дѣтскихъ лѣтахъ. Тогда брѣютъ ему голову и учатъ грамотѣ сперва монгольской, а потомъ тибетской. У нашихъ Бурятъ такое усердіе вышло уже изъ предѣловъ: въ нѣкоторыхъ родахъ число духовныхъ превышаетъ число мірянъ. Лама не платитъ податей, не исправляетъ повинностей и живетъ приношеніями своихъ мірянъ. Хотя правительство и мѣшаетъ распространенію ламаизма и въ этомъ намѣреніи опредѣляло штатомъ число ламъ свободныхъ отъ податей и повинностей, но усердные въ суевѣріи Буряты платятъ подати и за ламъ сверхштатныхъ.

Обыкновенная одежда ламъ — длинный халатъ, подпоясанный кушакомъ; въ первыхъ двухъ степеняхъ халатъ красный, а въ послѣднихъ желтый.

При отправленіи богослуженія высшіе ламы надѣваютъ плащъ и особеннаго виду шапку. При этомъ случаѣ обвертываютъ животъ длиннымъ полотенцемъ малиноваго цвѣта, и концы берутъ въ руки. Поклоняясь идоламъ, складываютъ обѣ ладони вмѣстѣ, кладутъ на лобъ или на грудь и склопятся до земли; нѣкоторые стучатъ лбомъ въ полъ изъ усердія. Кончивъ молитву, обнюхиваютъ бурхановъ, вмѣсто цѣлованія, которое у нихъ не въ употребленіи.

Богослуженіе ламаицевъ происходитъ въ храмахъ «дацанъ». Русскіе называютъ ихъ кумирнями. Онѣ бываютъ каменные, деревянные и даже войлочные, особенной архитектуры. Божницей или алтаремъ на сѣверъ, потому что гора Сумберъ, гдѣ возстаетъ Шыгэмуни, лежитъ отъ пашей земли на сѣверъ. Главный входъ съ запада. Въ большихъ кумирняхъ бываютъ еще входы съ юга и востока; на верху кумирни дѣлается иногда родъ бѣл-

ведера, въ которомъ также помѣщены бурханы, на самомъ вер-ху, вмѣсто креста, ставится изображеніе солнца въ молодой лунѣ. Кумиря вновъ построенная освящается ламами по особому уставу.

Внутри кумирни, на сѣверной стѣнѣ, развѣшаны изображенія боговъ, рисованныя на китайской бумагѣ. На полу подъ картинами стоятъ жертвенникъ. Онъ походитъ на полкъ въ нашихъ баняхъ; на ступеняхъ этого полка стоятъ небольшіе мѣдные идо-лы, иногда вызолоченные; ихъ отливаютъ обыкновенно въ Ти-бетѣ или въ Китаѣ; предъ каждымъ идоломъ стоитъ деревянная или мѣдная чашечка съ молокомъ, рожью, виномъ и тому подоб-нымъ; это жертва. Вдоль кумирни лавки, на которыхъ си-дять во время богослуженія ламы, подложивъ ноги подъ себя, по восточному обыкновенію. Старшіе сидятъ подлѣ самаго жертвен-ника на особыхъ сѣдалищахъ; но если при богослуженіи бываетъ хамба или хутухтѹ, онъ сидитъ подлѣ южной стѣны, лицомъ къ бурханамъ.

Какъ-скоро ламы займутъ свои мѣста, имъ раздають книгу, назначенную для чтенія. Здѣсь нужно объяснить, что всѣ ламы читають одну книгу; если раздать каждому изъ нихъ по экзе-мпляру, то чтеніе будетъ продолжаться цѣлый день: для сокра-щенія труда придумано особое средство. Изъ книги, назначен-ной для чтенія, раздають по нѣскольку листовъ каждому ламѣ и потомъ начинается чтеніе. Тибетскія книги не переплетаются, но листы кладутся одинъ на другой, обертываются какою-ни-будь тканью, помѣщаются между двухъ досчечекъ и обвязыва-ются тесьмою *. Такой способъ чтенія долженъ бы произвестъ разладку, но на дѣлѣ того не бываетъ. Всѣ тибетскія богослу-жебныя книги писаны метрическими стихами; притомъ языкъ тибетскій очень благозвученъ, и чтеніе ламъ есть полу-пѣніе или декламація. Поэтому совокупное чтеніе ламъ не поражаетъ ушей разладицей, но слышна какая-то особое пѣ-ніе довольно пріятное, нерѣдко переходящее изъ одной мѣ-ры въ другую. Впродолженіи богослуженія, чтеніе прерывает-ся нѣсколько разъ по знаку старшаго ламы. Въ это время онъ читаетъ одинъ, или играетъ музыка. Въ послѣднемъ случаѣ му-зыкальное ухо европейца жестоко страдаетъ. Музыка ламайцевъ не походитъ на чтеніе: здѣсь каждый инструментъ деретъ свое,

* Вотъ почему въ развалинахъ Аблайкада найдено множество листовъ написанныхъ по-тагутски; тутъ же найдены и доски съ вырѣзными литер-рами: ими печатали книги, что дѣлается и теперь.

и повивается не искусству, а силѣ надувающего. Хорошо, что вся эта нескладница прикрывается сильными звуками бубна, или оглушительнымъ звономъ тазовъ и тарелокъ, въ которые бьютъ тактъ.

Музыка ламаицевъ состоитъ изъ флейтъ, инструментовъ, похожихъ на наши гобои, длинныхъ мѣдныхъ трубъ, помѣщенныхъ на подставкахъ, большихъ удитковыхъ раковинъ, бубновъ, колокольчиковъ, тазовъ и тарелокъ.

Главный лама управляетъ богослуженіемъ. Онъ держитъ въ рукахъ металлическую пещицу, называемую Очаръ и подобную двуконечной пали; она служитъ символомъ двойнаго естества творящей силы природы. При немъ лежитъ колокольчикъ (хонхѳ) и небольшой барабанъ съ двумя шариками, висящими на веревкѣ. Повертывая въ рукѣ барабанъ весьма скоро, онъ производитъ трель или дробь. Колокольчикомъ и барабаномъ онъ даетъ знать прочимъ ламамъ, когда начинать чтеніе и когда оканчивать.

Богослуженіе отправляется каждый мѣсяцъ въ пятнадцатый день по рожденіи луны; сверхъ-того бываетъ служба осьмаго и тридцатаго чиселъ. Крімъ-того отправляется богослуженіе по просьбѣ мірянъ: напримѣръ поминовеніе по усопшимъ, благодарственные молебны.

Достойно примѣчанія то, что при богослуженіи въ кумирѣ не бываетъ мірянъ, какъ у насъ въ церквахъ: одни ламы молятся тамъ за весь міръ. Какъ-будто духовенство предоставило только себѣ одному бесѣду съ небомъ; и хотя въ юртѣ каждаго Монгола или Бурята есть жертвеникъ съ бурханами, но домашнее богослуженіе состоитъ только въ поклоненіи и произношеніи таинственныхъ словъ: *Умъ-мані-падме-хунъ*.

Молитву эту называютъ сокращенно «мані». Ламаицы имѣютъ объ ней высокое мнѣніе, хотя большая часть изъ нихъ не понимаютъ ея смыслу. Писаніе говоритъ, что кто въ жизни своей прочтаетъ сто милліоновъ разъ мані, тотъ непремѣнно получитъ блаженство въ будущей жизни. Ламаицы читаютъ мані по четкамъ, въ которыхъ бываетъ или двадцать семь или сто осемь шариковъ. Эти числа имѣютъ свою таинственность. Во время счетной молитвы обыкновенно ходятъ, говорятъ, сидятъ, лежатъ, распоражаются домашними дѣлами и даже бранятся. Важность въ томъ лишь бы сосчитать извѣстное количество мані. Для избѣжанія скучнаго и утомительнаго труда, Ламаицы придумали облегченіе, при которомъ удобно можно заслужить вѣчное блаженство. Нѣсколько тысячъ мані, написанныхъ на бумагѣ, кла-

дутъ въ деревянную бочку, сквозь которую проходитъ ось, утвержденная въ рамахъ. На нижней половинѣ оси дѣлается колесо, а къ нему привязанъ свурокъ. Подергивая свурокъ, заставляютъ бочку вертѣться. Ламаецъ думаетъ, что повернувши бочку, онъ произведетъ таинственное манѣ столько разъ, сколько ихъ положено въ бочку. Трудъ облегчается еще больше, если къ бочкѣ придѣляются крылья вѣтряной мельницы.

Богатые ставятъ около юрты своей подобныя мельницы на высокихъ шестахъ и предоставляютъ вѣтру исполнять ихъ религиозную обязанность. Такимъ образомъ у Ламайцевъ богатый скорѣе получитъ вѣчное блаженство, нежели бѣдный. У нашихъ забайкальскихъ Бурятъ на рѣкѣ Овѣ, при большой каменной кумирнѣ, устроена огромная бочка (курдү), въ нее вложено сто миллионовъ манѣ, писанныхъ на тонкой китайской бумагѣ. Стоитъ только повернуть бочку одинъ разъ и вѣчное блаженство приобретено.

Молитва «умъ-манѣ-надме-хунъ» переводится нашими ориенталистами такъ: «Поклоняюсь премудрости, красотѣ и любви!» Ламаицы говорятъ, что это языкъ энеткенскій, съ него молитва переведена на тибетскій, потомъ на монгольскій, а съ послѣднего уже на русскій. Такимъ образомъ она, вѣроятно, много пострадала, переходя съ языка на языкъ. Какъ бы то ни было, желая однако жъ не примѣнить въ ней поклоненія таинственной тиротцѣ, столь чудесно проявляющейся въ понятіи всѣхъ народовъ.

Слова «умъ», или правльнѣе «оомъ» и «манѣ» встрѣчаются въ книгахъ браминовъ. Оомъ есть таинственное изображеніе божества. Первая буква въ этомъ словѣ означаетъ творца, вторая сохраниителя, а третья разрушителя. Манѣ значитъ мудрость. Падма, водяная роза, лотосъ. Хунъ, любовь, миръ и согласіе. Все это едва-ли не значить: призываю вѣру, надежду и любовь.

Кромѣ молитвы, предписывается созерцательное бдѣніе или углубленіе въ самого себя, постъ и набожныя путешествія для поклоненія разнымъ хутухтү. Само собою разумѣется, что при этомъ случаѣ бывають и приношенія, но святитель даритъ поклоннику хадакъ (кисейный продолговатый платокъ); платки эти шьются обыкновенно за кушакомъ. Два пріятели, встрѣтятся гдѣ-нибудь, дарятъ другъ друга хадаками, даже при письмахъ посылается хадакъ.

Русскіе по дорогѣ изъ Кяхты заѣзжаютъ изъ любопытства къ селенгинскому Хамбѣ-Ламѣ и получаютъ, кромѣ хадака, изобра-

женія бурхановъ на бумагѣ, обыкновенно китайской работы. Первосвященникъ не смотритъ на различіе вѣръ, но исполняетъ свою обязанность, не заботясь, будутъ ли чтить его подаркомъ. Можетъ-быть равнодушіе это происходитъ оттого, что сами ламаицы не высокаго мнѣнія о своихъ бурханахъ: любятъ и наказываютъ ихъ по мѣрѣ заслугъ. Достоинно замѣчанія, что между нашими Ламайцами нѣтъ фанатиковъ, нѣтъ горячихъ распространителей вѣры, кажется потому, что они о вѣрѣ своей не имѣютъ яснаго понятія. У нихъ нѣтъ общественнаго богослуженія и молитвъ, нѣтъ ученыхъ ламъ, которые бы удовлетворительно могли разрѣшать каждый вопросъ о вѣрѣ. Но главное, кажется, заключается въ томъ, что вѣра эта у насъ никогда не была гонима и унижаема: она распространилась и теперь тихо распространяется между Бурятами и обуратившимися Тунгусами. Не было примѣра, чтобы кто-нибудь изъ христіанъ, магометанъ или Жидовъ принялъ ламайскую вѣру: многобожіе и поклоненіе идоламъ отвращаетъ отъ нее всякаго имѣющаго понятія о высочайшемъ существѣ, и религія эта падетъ при первомъ просвѣщеніи народовъ, ее исповѣдующихъ.

Обращенный въ ламайскую вѣру получаетъ отъ ламы наставленія въ законѣ. Ему запрещается пить и ѣсть нечистое. Онъ долженъ подвизаться въ добродѣтеляхъ, углубляться въ созерцаніе самого себя; постыться каждый мѣсяцъ въ осьмой, четырнадцатый, пятнадцатый и тринадцатый день-муні; не подражать ламаицѣ, если они отступаютъ иногда отъ правилъ добродѣтели: ламы хотя и грѣшатъ, но сами замолятъ свои грѣхи. Взаключеніе надѣваютъ на обращеннаго четки и опоясываютъ его краснымъ кушакомъ.

Нельзя не признаться, что созерцательная жизнь, въ которую должны погружаться Ламаицы, укрощаетъ страсти и поселаетъ въ душѣ миръ и любовь, а при этомъ состояніи духа не можетъ быть фанатизма и ненависти къ другимъ исповѣданіямъ. Ламы иногда возстаютъ противъ шаманства, но дѣло кончается однимъ ропотомъ, и шаманы всегда будутъ имѣть мѣсто между людьми непросвѣщенными и легковѣрными.

Буряты, живущіе вдоль китайской границы, подданные Россіи, хотя и единоплеменцы и единовѣрцы Монголамъ, подданнымъ Китая, но эта одинаковость не порождаетъ въ нихъ общей мысли о политическомъ соединеніи. Монголъ и Буряты при встрѣчѣ гдѣ-нибудь въ уединеніи съ контрабандою, никогда не сольются духомъ, наиримѣръ при воспоминаніи о знаменитыхъ подвигахъ

предковъ своихъ. Наши Буряты всегда считаютъ себя выше Монголовъ и состояннѣе и просвѣщеннѣе: владѣя отличными, раздѣльными землями, богатыми табунами лошадей, коровъ, овецъ и верблюдовъ, они богаче Монголовъ, угнетенныхъ рабствомъ и безплодною землею. Поэтому единство происхожденія и религій Бурята съ Монголомъ никогда не будетъ опасно для Россіи, если бы и возсталъ другой Чингисъ-Ханъ. И если у Бурятъ заведется свой неумирающій первосвященникъ, то и оставшее вліяніе на нихъ Тибета и Монголіи кончится.

Времячисленіе у ламайцевъ лунное: въ простомъ году считается двѣнадцать, а въ высокосномъ тринадцать лунъ; мѣсяцы дѣлятъ на седмицы, а седмицы на ночи. Числа считаютъ отъ рожденія луны; годы двѣнадцати-лѣтними кругами; каждый годъ имѣетъ названіе какого-нибудь животнаго, вѣрнѣе: мышь, баранъ, лошадь и прочее. Годъ начинается съ рожденія луны, ближайшей къ весеннему равноденствію, что случается обыкновенно въ вечернѣ мѣсяцѣ. Первый мѣсяць года посвящается мѣленію и праздникамъ.

Для однообразнаго и правильнаго численія времени, въ Пекинѣ печатается ежегодно календарь на китайскомъ, маньчжурскомъ и монгольскомъ языкахъ. Тутъ помѣщаются: таблицы восхожденія и захожденія солнца на главнѣйшія мѣста государства, численіе дней счастливыхъ и несчастливыхъ, предсказанія о погодѣ и тому подобныя астрологическія бредни.

У Тангутовъ имена зодіакальныхъ знаковъ почти тѣ же что и у насъ, вѣрнѣе: овенъ, телець, любострастные, лагушка, левъ, дѣва, вѣсы, лужъ, полнѣ, урна и рыбы. Это доказываетъ, что Греки заимствовали свѣдѣнія о небѣ изъ Индіи, колыбели рода человѣческаго и познаній. Монголы, обитающіе круглый годъ подъ открытымъ небомъ, всегда почти всыма, дали каждому зодіакальному знаку свои имена. Овенъ называется у нихъ дракономъ, за нимъ слѣдуютъ: змѣй, лошадь, баранъ, обезьяна, курица, собака, свинья, мышь, телемонъ, тигръ и златъ. Эти названія придали они каждому году своего двѣнадцати-лѣтняго цикла.

Ламайская вѣра перешла къ намъ изъ Монголіи; тамъ существовала она съ незапамятныхъ временъ, въ чемъ удостовѣряютъ насъ китайскіе историки, но господствующею сдѣлалась не прежде ХІІІ столѣтія. Чингисъ-ханъ держался шаманства. Плато-Карининъ видѣлъ передъ юртою хана Гуюна, на высокомъ мѣстѣ, козю овцы съ головою и ногами. Это жертвоприношеніе назы-

вается кырыкъ и совершается донынѣ шаманомъ. Внукъ Чингисъ-хана Кудэнь, страдая водоюю болѣзнію, призвалъ изъ индѣйской области Муикэ ламу Саки-Гунгу Галаджанъ, знаменитаго медика. Ламѣ врачевалъ тѣло и душу хана и обратилъ его въ свою вѣру. Наконецъ ханъ Хубилай, по убѣжденію супруги своей Чамбү, принялъ шыгэмунианство торжественно и объявилъ эту религію господствующею. Наставникомъ его былъ вызванный изъ Тибета Пагба-ламѣ. Онъ составилъ монгольскую азбуку, которую Хубилай обнародовалъ по всему государству въ 1269 году. Впрочемъ о происхожденіи монгольской азбуки было много толковъ, даже нелѣпныхъ. Если согласиться съ повѣстіемъ, что Пагба ламѣ изобрѣлъ монгольскую азбуку, то она должна непремѣнно походить на тибетскую; но нынѣшнія буквы монгольскія рѣшительно ничѣмъ не походятъ на тибетскія, и пишутся не отъ лѣвой руки къ правой, но сверху внизъ, подобно письму китайскому. Не такъ ли это было? Пагба-ламѣ, вѣроятно, ввелъ въ употребленіе тангутскія литеры; но какъ у Монголовъ давно уже была своя азбука, то вновь введенная не устояла и умерла вмѣстѣ съ Хубилаемъ. Мысль эта подтверждается тѣмъ, что недавно въ вершинахъ рѣки Енисея найдена серебряная досочка, на которой изображено тибетскими литерами, но монгольскимъ языкомъ, повелѣніе хана Муикэ.

Мы имѣемъ грамоту Аргунъ-хана къ французскому королю Филиппу-Прекрасному, писанную въ 1280 году, слѣдовательно, девять лѣтъ спустя послѣ манифеста Хубилая и грамота эта писана вывѣшными монгольскими литерами.

Ламайская вѣра осталась господствующею въ восточныхъ предѣлахъ имперіи Чингисъ-хана; на западѣ она не могла распространиться, потому что тотчасъ была вытѣснена исламизмомъ. Повелѣтели Россіи, жившіе въ Сэраѣ среди народовъ турскаго племени, поклонниковъ Магомета, вскорѣ приняли вѣру и языкъ жезъ своихъ: Монголія сдѣлалась для нихъ другимъ государствомъ.

Къ Бурятамъ перешло ламайское ученіе изъ Монголіи въ началѣ прошедшаго столѣтія и теперь перебралось уже на вѣдѣшнюю сторону Байкала. Нѣтъ сомнѣнія, что скоро всѣ Буряты, живущіе теперь никакой религіи, примутъ шыгэмунианство. Оно благоприятствуетъ ихъ обыкновеніямъ и не стѣсняетъ ихъ въ домашней жизни. Распространенію этой вѣры способствуетъ и то, что каждый ламѣ есть и лекаръ, иногда очень счастливый. Русскіе, страдающіе продолжительными недугами, послѣ всѣхъ опытовъ, ѣдутъ обыкновенно къ ламамъ и весьма многіе получаютъ ис-

цѣленіе. Довольно одного примѣра: ламы вылечиваютъ сумасшествіе спялымъ испугомъ. Они вылечиваютъ и чахотку, но лекарства для этой болѣзни намъ неизвѣстны. Понятія ихъ о медицинѣ рѣшительно практическія, объ анатоміи ни одинъ лама не имѣетъ понятія. Но эта практика выдержала тысячелѣтнія испытанія, а потому и стоитъ чего-нибудь.

Вотъ поверхностный очеркъ ламаиства или шигэмунианства, извлеченный изъ разныхъ источниковъ. Надобно однако жъ признаться, что свѣдѣнія наши объ этой вѣрѣ весьма неполны. При первомъ взглядѣ мы замѣчаемъ въ Азіи три вѣры: брахманскую, ламайскую и фо; онѣ похожи одна на другую какъ родныя, но у каждой своя фizioномія, свой характеръ и привычки. Шигэмуни говоритъ, что онъ возстановилъ только древнюю упавшую религію, слѣдовательно въ Индіи за двѣ тысячи лѣтъ до Рождества Христова, существовала какая-то религія.

Наши ориенталисты читаютъ книги китайскія, монгольскія, тибетскія, но свѣдѣніями своими не дѣлятся съ нами. Одинъ только почтеннѣйшій отецъ Іакинновъ раскрылъ намъ тайны востока; до него мы не имѣли понятія о средней Азіи. Къ сожалѣнію, онъ переводитъ только съ китайскаго языка, да и много ли успѣетъ одинъ человекъ въ работѣ столь обширной. Труды почтеннѣйшаго отца Іакиннова достойно оцѣнены въ ученой Европѣ. Д'Оссонъ, написавшій исторію Монголовъ, рѣшительно держался отца Іакиннова, и даже переимѣнилъ свое первое изданіе послѣ появленія книгъ нашего знаменитаго ориенталиста. Но у насъ многіе ученые и не знаютъ о тѣхъ богатыхъ матеріалахъ, которыми мы владемъ, и если хотятъ писать о востокѣ, то обращаются къ западнымъ ориенталистамъ и заимствуютъ изъ ихъ твореній искаженные собственныя имена хановъ, городовъ, рѣкъ, озеръ, урочищъ и тому подобнаго. Напримѣръ у насъ преименна Чингисъ-хана досихъ-поръ называютъ Октай, вмѣсто Огадэй или Угэтай; Батый, вмѣсто Бату. Такихъ именъ не было и нѣтъ у Монголовъ. Загляните въ «Исторію четырехъ хановъ» отца Іакиннова: тамъ имена эти переведены по-русски. Этого мало, у насъ дониндѣ не вышла изъ употребленія Татарія Большая и Малая — страны несуществующія! При нынѣшнемъ просвѣщеніи стыдно заблуждаться до такой степени....

И. ПУШКОВЪ.

МЕКСИКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ОТНОШЕНІЙ ЕЯ КЪ СЪВЕРНОЙ-АМЕРИКЪ И КЪ ЕВРОПЪ,

до 1846 года.

=

СТАТЬЯ ФЕЛИСА КЛАВЪ.

=

Изъ важныхъ вопросовъ, возникающихъ нынче въ Новомъ Свѣтѣ, можно предвидѣть, что европейская политика всё болѣе и болѣе должна будетъ вмѣшиваться въ борьбы и волненія въ американскихъ обществахъ. На сѣверѣ британское правительство споритъ съ Соединенными-Штатами объ Орегонѣ; въ центрѣ оно овладѣваетъ Никарагвой; на югѣ перевороты на Ла-Платѣ требуютъ посредничества двухъ большихъ державъ, призванныхъ защищать права человѣчества и свои собственные интересы. Это—новое поле, съ которымъ любопытно и нужно познакомиться короче. Англія и Соединенные-Штаты уже давно состязаются на немъ. Франція также старается приобрѣсть влияние и опредѣлить свои отношенія къ молодымъ республикамъ, которыхъ судьбы отнынѣ, кажется, должны тѣсно связываться съ судьбами Старога Свѣта.

Политическія и торговыя сношенія Европы съ Мексикою до 1821, то есть, до эпохи независимости, были почти совершенно

ничтожны. Испанія заирала свою колонію отъ иностранцевъ съ ревнивою осторожностію: жестоко строгіе законы возбраняли въездъ всякому не испанскому подданному. Чтобы проникнуть туда, нужно было особенное дозволеніе, которое достать стоило величайшаго труда. Даже къ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе негостепріимный законъ этотъ оставался непреклоннымъ. Лишь-только несчастные вступать, бывало, на мексиканскую землю, ихъ хватаютъ и ведутъ въ темницу, какъ пиратовъ. Всѣ путешественники, посѣщавшіе Мексику съ 1821, помнятъ плачевные рассказы стариковъ, нѣкогда брошенныхъ прихотью океана на эти берега и томившихся въ неволѣ, которая кончилась только съ объявленіемъ независимости Мексики. Европа не вела никакой непосредственной торговли съ этою землей. Только одинъ разъ англійскіе купцы выхлопотали у правительства Полуострова дозволеніе отправить изъ Ямайки въ Веракрусъ одинъ грузъ своихъ мануфактурныхъ товаровъ и, употребивъ во зло букву контракта, нагрузили вмѣсто корабля старый понтонъ, на который поставили большіе латинскіе паруса. На это путешествіе, на которое обыкновенному кораблю требуется нѣсколько дней, они употребили три мѣсяца. Рассказываютъ, что многіе богатые Мексиканцы издалека пріѣзжали тогда въ Веракрусъ, чтобы посмотреть на Англичанъ. Однимъ словомъ, Мексиканцы, подобно Китайцамъ, казалось, были отрѣзаны отъ остальнаго человѣчества.

Съ объявленія независимости начинаются сношенія Мексики съ иноземными народами. Изъ трехъ большихъ державъ, которыхъ подданные стали заводить тогда поселенія въ этомъ краѣ, двѣ въ-особенности старались распространиться насчетъ новой республики. Поставленные въ обстоятельства самыя выгодныя для своихъ притязаній, — Англія черезъ свой флотъ и колоніи Южнаго Океана, Соединенные-Штаты черезъ близкое сосѣдство, — эти двѣ націи всегда умѣли искусно пользоваться униженіемъ и ошибками Мексики и дѣлили между собою то, что она теряла. Однако жъ, по странной несообразности, Мексика, казалось, всегда видѣла въ Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ только покровителей и союзниковъ и безразсудно оскорбляла единственную націю, которая еще могла съ выгодою для себя защищать національность Мексики. Эту странность можетъ объяснить только внимательное изученіе политики, которой въ-отношеніи къ Мексикѣ слѣдовали три державы въ продолженіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Начнемъ съ Соединенныхъ-Штатовъ, которые по

близкому сосѣдству имѣли на Мексику самое непосредственное вліяніе.

До освобожденія Мексики изъ-подъ испанскаго владычества, одна американская колонія получила отъ мадритскаго правительства дозволеніе поселиться на берегахъ залива, между устьями Арказаса и Рио-Браво-дель-Норте, въ Техасѣ. Эта колонія признавала верховную власть Испаніи, состояла въ непосредственномъ подчиненіи вице-короля Мексики, имѣла своего губернатора, свои законы, свой испанскій гарнизонъ и, безъ свободы исповѣданія, предоставленной исключительно ей одной, ничѣмъ бы не отличалась отъ прочихъ мексиканскихъ владѣній. Между-тѣмъ узы крови, дружбы и общаго происхожденія привязывали тexasскую колонію къ землѣ, откуда она пришла, и Вашингтонскій Кабинетъ въ честолюбивой предусмотрительности никогда не переставалъ наблюдать за нею съ отеческимъ попеченіемъ. Соединенные-Штаты такимъ образомъ начинали свои будущія предпріятія и сдѣлали первый шагъ за предѣлы Союза.

Техасскимъ колонистамъ пришлось бороться съ многочисленными трудностями. Злокачественныя испаренія болотистой почвы производили въ рождавшейся колоніи страшныя опустошенія. Но потомъ, когда переселенцы освоились съ климатомъ, самыя препятствія превратились для нихъ въ источники богатства и плодородіе почвы вознаградило потери, причиненныя сперва ея нездоровостью. Однако жъ нерасположеніе Американцевъ къ испанской власти, а можетъ-быть также и опасенія, внушенныя климатомъ, мѣшали успѣхамъ колоніи въ первый періодъ ея существованія. Со времени же объявленія независимости и въ-особенности съ-тѣхъ поръ какъ федеральная система дала каждой провинціи возможность управляться по-своему, переселеніе въ Техасъ усилилось и правительство Соединенныхъ-Штатовъ покровительствовало этому движенію всею своею властью. Въ 1834 году, непрочное поселеніе сдѣлалось цвѣтущею странкою. Берега украсились многочисленными жилищами и Гальвистонъ уже представлялъ видъ оживленнаго города.

Революціи, волновавшія Мексику до 1834, не громко отзывались въ Техасѣ. Религія, происхожденіе и обычаи ставили тройную преграду между техасскими колонистами и другими жителями республики. Колонія могла процвѣтать не ощущая потрясеній, которыя непрерывно волновали новое, непривычное къ независимости общество. Однако жъ революція 1834 года, ниспровергнувшая федерализмъ для учрежденія въ Мексикѣ центральнаго пра-

вительства, которому подчинялись всё провинции, съѣлаа слишкомъ прямое покушеніе на права Техасцевъ: они не могли не воспротивиться. Если бы они приняли новую форму правленія, которую далъ краю Санта-Анья, имъ пришлось бы проститься съ своимъ порядкомъ и благосостояніемъ. Нерѣшительность неискускаго конгресса, мятежи партій и деспотизмъ генераловъ, тяготѣя надъ Техасомъ такъ же какъ и надъ прочими провинціями, необходимо задержали бы успѣхи колоніи, остановили бы возрастаніе ея населенія и богатства. Техасцы объявили, что желаютъ быть независимыми.

Слѣдствія этого объявленія извѣстны. Между-тѣмъ какъ Мексика издалека начинала приготовленія къ покоренію отложившейся провинціи, Вашингтонскій Кабинетъ успѣшилъ признать текасскую республику. Во всѣхъ штатахъ Союза открыли подписки для доставленія новой республикѣ первыхъ финансовыхъ потребностей. Изъ Новаго Орлеана въ текасскую гавань навезли оружія и снарядовъ. Американскіе офицеры и солдаты толпами спѣшили на защиту земли, которая уже считалась составною частью Сѣверныхъ-Штатовъ. Вскорѣ Техасцы, несмотря на свою малочисленность, могли уже выступить въ походъ противъ значительныхъ силъ, присланныхъ изъ Мексики. Они устояли на многихъ пунктахъ и даже взяли въ плѣнъ главнокомандующаго непріятельской арміи. Это былъ результатъ рѣшительный. Санта-Анья, который за нѣсколько дней назадъ приказалъ изрубить четыреста человекъ Техасцевъ, обезоруженныхъ послѣ капитуляціи, не могъ безъ ужаса видѣть себя посреди родственниковъ своихъ жертвъ. Чтобы выкупить жизнь, онъ обѣщалъ приказать мексиканскимъ войскамъ отступить. Можно было полагать, что это повелѣніе плѣнника будетъ въ войнѣ оставлено безъ вниманія, однако жъ, вышло напротивъ: генералъ Фелисола, исправлявшій должность Санта-Анья, успѣшилъ удалиться за Рио-Браво. Плѣнный полководецъ не только подписалъ миръ съ Техасомъ, но еще торжественно обѣщалъ употребить свое вліяніе, чтобы Мексика признала новую республику. Съ этимъ условіемъ Санта-Анью освободили и сѣверо-американскій корабль принялъ его. Мало этихъ условій: въ Вашингтонѣ, говорятъ, генералъ формально обязался передъ министромъ Союза, не сопротивляться присоединенію Техаса къ Сѣвернымъ-Штатамъ.

Успокоенные насчетъ Техаса, Соединенные-Штаты обратились къ другимъ мексиканскимъ провинціямъ, по сосѣдству сво-

ихъ обширныхъ владѣній. Сообщенія уже были начаты сухимъ путемъ между Андепандансомъ и Чигуагуа. Караваны изъ Андепанданса тянулись черезъ обширныя пустыни Арканзаса, черезъ Новую-Мексикку и на четвертый мѣсяцъ достигли своего назначенія. Съ этими караванами въ сѣверную Мексикку пришло множество американскихъ колонистовъ. Города Санта-Фѣ, Пассо-дель-Норте и Чигуагуа увидѣли у себя приливъ гражданъ Союза. Можно было предвидѣть минуту, когда пришельцы уравни-вѣсятъ мексиканское населеніе и когда сѣверныя провинціи Мексикки испытаютъ участь Техаса. Срокъ этотъ уже казался даже слишкомъ отдаленнымъ для нетерпѣвнн Сѣверо-Американцевъ. Удача въ Техасѣ разлакомила ихъ. Не имѣя никакого предлога къ разрыву съ Мексиккой, Вашингтонскій Кабинетъ долженъ былъ предоставить самимъ гражданамъ Союза принять среднюю мѣру. Техасъ хотя на дѣлѣ уже былъ въ мирѣ съ Мексиккой, однако жъ, по праву, еще могъ враждовать: война уже была прекращена, но мира еще не подписывали и мексиканское правительство постоянно обнаруживало намѣреніе принудить Техасцевъ снова вступить въ общій составъ республики. Стало-быть Техасцы имѣли право на свой счетъ предпринять экспедицію на Санта-Фѣ и Чигуагуа. Къ нимъ и обратились Американцы.

Съ давнихъ поръ уже поселившіеся въ Санта-Фѣ и Чигуагуа сѣверо-американскіе купцы занимались пропагандою въ пользу Союза, прикрытаго личиною Техаса. Между Мексиканцами, непостоянными и легкомысленными отъ природы и постоянно оскорбляемыми деспотизмомъ правителей, не трудно было набрать приверженцевъ. Семьяна неудовольствія развилась, именитѣйшіе жители питали желаніе присоединиться къ Техасу и были готовы по первому сигналу провозгласить свою независимость. Увѣдомленные объ этомъ расположеніи граждане, Союза собрались въ Гальвестонѣ и отправились въ Санта-Фѣ, таща за собою возы съ товарами, которые, въ случаѣ неудачи, могли придать имъ видъ купцовъ, странствующихъ для отысканія новыхъ торговыхъ путей. Такимъ образомъ они, въ сентябрѣ 1841, прибыли въ окрестности столицы Новой-Мексикки. Масса отряда спряталась въ оврагѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, а развѣдчики пошли удостовѣряться въ согласіи жителей. Они было склонили уже на свою сторону почти все населеніе города Санта-Фѣ и назначили день для возстанія, но одинъ измѣнникъ обо всемъ увѣдомилъ губернатора провинціи, генерала Армихо. Гу-

бернаторъ далъ своимъ Техасцамъ волю дѣйствовать и не тревожилъ ихъ. Но когда они вышли изъ города, чтобы воротиться къ своимъ товарищамъ, губернаторъ приказалъ своимъ людямъ идти слѣдомъ, узнавъ, гдѣ скрываются Американцы, ночью окружилъ ихъ въ десять разъ большею силой и забралъ всѣхъ. Тѣмъ и кончилась первая попытка Сѣверо-Американцевъ овладѣть сѣвѣрною Мексикою.

Другая экспедиція, въ 1843, была столько же безуспѣшна. Но Американцы не унывали. Вліяніе Соединенныхъ-Штатовъ съ каждымъ днемъ дѣлало быстрые успѣхи въ провинціяхъ Новой-Мексикки и Чугуагуа. Непостоянство мексиканскаго правительства, грозное положеніе дикихъ племенъ и приливъ сѣвероамериканскихъ гражданъ, прибывающихъ съ караванами изъ андепананса, — все благопріятствовало этому успѣху. Депутаты и сенаторы этихъ двухъ провинцій не скрывали ни своихъ надеждъ вскорѣ видѣть присоединеніе къ Техасу, ни усилій, которыя употребляли, чтобъ достигнуть этой цѣли.

Почти въ то же самое время Юкатанъ, также обрабатываемый политикою Соединенныхъ-Штатовъ, попытался свергнуть съ себя ярмо центральнаго правительства Мексикки. Американцы и къ этой провинціи пришли на помощь, также подъ именемъ Техасцевъ. Изъ Новаго-Орлеана и Гальвистона отправились корабли, нагруженные оружіемъ, снарядами и солдатами. Множество пиратовъ подъ техасскимъ флагомъ пустились въ заливъ охотиться за мексиканскими судами. И тутъ американское вліяніе взяло верхъ. Послѣ двухъ-лѣтней войны, Юкатанъ подписалъ съ Мексикою миръ, который навсегда отдѣлилъ его отъ семейства народовъ Новой-Испаніи и приготовилъ новое присоединеніе. Въ этомъ договорѣ Юкатанцы соглашались сохранить мексиканскій флагъ, но съ условіемъ — управляться самимъ и произвольно облагать пошлиною мексиканскіе товары, — право, котораго Мексиканцы не приобрѣли въ отношеніи къ нимъ. Въ случаѣ войны правительство республики не могло требовать у нихъ ни денегъ, ни арміи, а само обязывалось выставлять имъ корпусъ войска, въ случаѣ, если ихъ независимости будетъ угрожать кака-нибудь другая держава. Юкатанцамъ положено продолжать посылать депутатовъ на конгрессъ въ Мексику, но принимать законы только тѣ, которые окажутся сообразными съ ихъ потребностями.

Въ первые же мѣсяцы 1845, мексиканское правительство нарушило этотъ договоръ, обложивъ юкатанскій сахаръ непомер-

дою пошлнной, подь преддогомъ, что онъ привезетъ съ острова Кубы. Мексика такимъ образомъ сама подала первый поводъ къ разрыву, подготовленному Соединенными-Штатами.

Вѣрные своей политикѣ и вспомошествоваемые обстоятельствами, Соединенные-Штаты успѣли такимъ образомъ безъ войны завоевать Техасъ и приготовить къ тому же Юкатанъ, Чигуагуа и Новую-Мексикку. Но жажда ихъ и этимъ еще не утолилась: они не теряли изъ виду и береговъ Южнаго Океана.

Тамъ, между Калифорніей съ покинутыми въ 1843 русскими поселеніями, то есть отъ 42° до 54° сѣверной широты простирается земля, извѣстная подъ именемъ Орегова, земля, на которую Англія и Соединенные-Штаты объявляютъ одинаковыя притязанія. Она прилегаетъ къ границамъ Мексикки и расширяется по мѣрѣ протяженія во внутренность материка. На востокъ границы ея еще не опредѣлены. Старинные мореплаватели, приписывая этой землѣ почти баспословную плодородность, вѣроятно, смѣшивали ее съ Калифорніей, границъ которой въ-точности не знали. Впрочемъ, полоса прилегающая къ Тихому Океану, на видъ очень плодородна и покрыта прекрасными лѣсами. А внутренность, какъ и всѣ возвышенныя мѣста въ Америкѣ, суха, камениста, бѣдна растеніями, и только во время дождей мѣстами покрывается высокою густою травой. Бизоны (дикіе волы) огромными стадами періодически приходятъ туда на зимовье. Рѣка, которую одни называютъ Колумбія, другіе Орегонъ или Орегонъ, впадаетъ въ Тихій Океанъ около сорока-шести градусо въ сѣверной широты. По протяженію судоходнаго русла эта рѣка — первая въ Америкѣ.

Съ давнихъ поръ уже лондонская и вашингтонская дипломатіи занимались раздѣломъ этихъ необработанныхъ и пустынныхъ земель. По всему надобно было полагать, что раздѣлъ удастся безъ большихъ затрудненій, какъ-вдругъ тегасскій вопросъ измѣнилъ положеніе дѣла. Соединенные-Штаты, увлеченные тегасскими событіями на путь нашествій и завоеваній, увидѣли себя въ будущемъ обладателями всей Мексикки. Чувствуя, что Орегонъ для нихъ — ключъ къ Калифорніи, они стали проволакнвать договоры и оспаривать у Англіи права, которыя сначала признавали. Англія, съ своей стороны, для подкрѣпленія своихъ притязаній на Орегонъ и для того чтобы остановить распространеніе Союза на западъ, старалась выторговать у мексиканскаго правительства Калифорнію. Такимъ образомъ овладѣніе этою провинціей сдѣлалось вопросомъ о первенствѣ

между двумя соперничающими державами и много отравляло ихъ споръ объ Орегонѣ. Ни которая не хотѣла отказаться отъ своихъ притязаній и ни та ни другая не соглашалась ни на малѣйшую уступку. Наконецъ Соединенные-Штаты формально объявили намѣреніе все удержать за собою, потому что были уже увѣрены, что овладѣютъ Калифорніей.

Въ 1840 разнесся слухъ, будто Англія поставитъ свой флагъ въ этой провинціи, вслѣдствіе условія съ Мексикой объ уступкѣ. У береговъ тотчасъ же явилась американская эскадра. Капитанамъ было приказано овладѣть Калифорніей, при первой вѣсти объ открытой непріязни Мексики къ ихъ правительству, которое между тѣмъ старалось ускорить разрывъ, торопя присоединеніемъ Техаса, требуя необычайныхъ вознагражденій за давнишнее оскорбленіе правъ нѣкоторыхъ своихъ гражданъ и, наконецъ, объявляя, что всякое непріязненное дѣйствіе противъ Техаса будетъ сочтено прямымъ оскорбленіемъ Союза. Въ 1842 одинъ американскій фрегатъ вошелъ въ калифорнійскую гавань во время мира, овладѣлъ ею на томъ только основаніи, что до него дошелъ слухъ, будто между Мексикой и Вашингтономъ послѣдовалъ разрывъ. Эта попытка осталась безъ послѣдствій, потому что война не была объявлена; но Калифорнійцы съ радостью привѣтствовали американскій флагъ и Союзъ увидѣлъ, что снискалъ расположеніе этого края. Множество Американцевъ тотчасъ покинули поселенія на устьѣ Колумбіи и устремились въ Калифорнію усилить свою партію.

Одинъ поступокъ мексиканскаго правительства также послужилъ нѣкоторымъ образомъ въ пользу видамъ Союза. До этого времени Калифорнійцы сами охраняли себя, а въ августѣ 1842 мексиканскому правительству пришла несчастная мысль послать въ Калифорнію гарнизонъ. Извѣстно, что въ Мексикѣ нѣтъ бѣды хуже близкаго сосѣдства какого-нибудь отряда солдатъ: гдѣ они, тамъ и безпорядокъ, и кража, и убійство. Со времени прибытія генерала Мичильторрены и его отряда, калифорнскіе поселенцы стали выходить со двора уже не иначе, какъ вооруженные и всегда были готовы перерѣзать мексиканскихъ солдатъ по первому сигналу. Чего нѣсколько лѣтъ втайнѣ желали только нѣкоторые недовольные, того теперь громко стали просить общій единодушный голосъ всей Калифорніи. Всѣ стали призывать вашингтонское правительство, какъ единственное спасеніе.

То же самое происходило въ провинціяхъ Сонорѣ и Синалоѣ

гдѣ съ 1841 продолжалась борьба кровавая, дикая, такая, какой мало найдется примѣровъ въ исторіи самыхъ варварскихъ народовъ. Два враждующія семейства, Гандара и Урреа, оспаривали одно у другаго первенство. Политика Соединенныхъ Штатовъ выѣшалась и въ этотъ споръ, чтобы кончить его наше-ствиемъ.

Такимъ образомъ Соединенные-Штаты уже двадцать лѣтъ приготавливаютъ завоеваніе сѣвера Мексики. Приготовленіе это совершалось медленно, безъ усилій; пути пролагались изъ-далека, непримѣтно, такъ, что наконецъ недоставало только повода къ довершенію завоеванія. Они нашли поводъ въ присоединеніи Тѣхаса и война вспыхнула.

Что дѣлала Англія, между-тѣмъ какъ Соединенные-Штаты приготавливали себѣ завоеванія Мексики и Южной-Америки? Когда, въ 1821, совершилась революція, которая отторгла Мексику отъ Испаніи, чтобы сдѣлать изъ нея независимую націю, Англія поспѣшила признать новую республику. Англія всегда спѣшитъ пользоваться случаемъ пріобрѣсть вліяніе на другой народъ, вліяніе, изъ котораго рано или поздно сдумѣетъ извлечь выгоду для своей промышленности, для своей торговли, или для своего политическаго могущества. Она предложила новому правительству средства сдѣлать заемъ для удовлетворенія первыхъ потребностей государственнаго обзаведенія. Подразумѣваемымъ обезпеченіемъ за эту ссуду служила Калифорнія, которою Англія рассчитывала современемъ овладѣть. И предложенная помощь была только спекуляція на вѣроятныя замѣшательства, въ которыя должна была ввергнуть финансы Мексики неопытность ея государственныхъ людей и которыя неразлучны со всякимъ основаніемъ новаго государства. Мексиканскій долгъ отъ накопленія неуплаченныхъ процентовъ не замедлилъ возрасти до огромной суммы 50,000,000 піастровъ (250,000,000 франковъ).

Легко понять, какія выгоды Англія могла извлечь изъ своей услужливости. Имѣя право на признательность республики, она могла требовать значительныхъ уступокъ. Новое мексиканское правительство, не будучи въ-состояніи платить даже процентовъ своего долга, было поставлено между двумя крайностями, — или все уступать, чтобы остаться въ мирѣ съ Англіею, или потерять кредитъ и лучшія свои провинціи. Естественно, что она принуждена была отказаться отъ права напомнить своей могущественной покровительницѣ объ истеченіи срока найму области Балисъ, гдѣ англійская компанія еще при испанскомъ владыче-

ствѣ основала временное поселеніе для порубки красиваго и столярнаго дерева. Такимъ образомъ, черезъ этотъ заливъ, Великобританія прочно утвердилась на мексиканской землѣ. Калифорнія со своимъ лѣсами, плодородными полями, превосходнымъ виноградомъ, шерстью и пенькой, придавала огромный вѣсъ Орегону и, будучи приобрѣтена, давала британскому правительству возможность побѣдительно отстоять противъ Соединенныхъ-Штатовъ свои притязанія на эту спорную землю.

Черезъ свою контору въ Балисѣ, у устья судоходной рѣки и у входа въ Гондурасскій Заливъ, на берегу, гдѣ въ извѣстныхъ времена года сѣверные вѣтры свирѣпствуютъ съ необычайною силою, Англія владѣла единственною восточною гаванью полуострова Юкатана, гаванью великолѣпною, въ которой, на пространствѣ пяти миль, подъ защитою множества цвѣтущихъ острововъ, безопасно могли бы стоять флоты всего свѣта. Отсюда, передвигаясь при малѣйшемъ поводѣ на сѣверъ и на югъ, она могла вблизи наблюдать за Соединенными-Штатами, овладѣть Юкатаномъ, чтобы господствовать на заливѣ, или спуститься къ берегамъ Москитосскимъ, къ Гондурасу и Никарагуѣ, перерѣзать Америку на-двое, прорѣзать Панамериканскій Перешеекъ, протянуть одну руку къ Европѣ, другую къ Азіи и изъ Темзы и Ганга сдѣлать одну англійскую рѣку. Это былъ обширный и великій планъ. Но чтобы привести его въ исполненіе, нужно было умѣть дожидаться и не возбуждать вниманія Европы несвоевременными разсужденіями. Предоставивъ будущности трудъ осуществленія этихъ смѣлыхъ предположеній, британское правительство старалось извлечь изъ своего положенія, относительно къ Мексикѣ, выгоды самыя ближайшія и менѣе проблематическія. Они предвидѣли, что торговля края, избавившаяся отъ испанскаго ярма, пойдетъ искать пищи прямо въ истинныхъ промышленныхъ источникахъ Европы. Поэтому оно постаралось поставить въ зависимость отъ себя вмѣстѣ и потребителей и производителей, и послала во всѣ гавани залива и Тихаго Океана корабли съ порученіемъ собирать капиталы, посылаемые мексиканскими негоціантами къ европейскимъ поставщикамъ товаровъ. Такимъ образомъ Англія овладѣла куртажомъ во всѣхъ коммерческихъ операціяхъ Мексики, вошла въ долю во всѣхъ спекуляціяхъ Европы и Америки, и хотя денежныя выгоды извлекала небольшія, однако жъ зато упрочивала свое вліяніе. Купцы обоихъ полушарій, которымъ она ручалась за безопасность транспортовъ, привыкли считать это посредничество не-

обходимымъ и Великобританія нашла возможность безъ большихъ расходовъ содержать цѣлый флотъ у береговъ Америки.

Въ вознагражденіе за эти мнимыя услуги торговль и правительству республики, англійское правительство приобрѣло для своихъ подданныхъ, совершенно противно мексиканской конституціи, право владѣть въ Мексикѣ рудниками. Въ Лондонѣ составилось множество компаній для разработки мексиканскихъ рудниковъ. Сперва Гуанагуато, потомъ Реаль-дель-Монте, Болањось, Гуадалузь-и-Кальво и многіе другіе рудники достались въ руки Англичанамъ. За этими уступками послѣдовали другія: англійскіе капиталисты вскорѣ приобрѣли право чеканить монету. Мексиканское правительство, опасаясь возбудить неудовольствіе Англіи, не задумывалось ни надъ какимъ пожертвованіемъ: оно для Англіи обирало даже своихъ подданныхъ. Въ числѣ монетныхъ дворовъ, уступленныхъ Англичанамъ, многіе составляли частную собственность и не могли быть отданы безъ оскорбленія правъ мексиканскихъ гражданъ.

Такъ, съ одной стороны, Англія содержала Мексику въ совершенной зависимости, безпрестанно напоминая ей, что она не платитъ процентовъ своего долга; съ другой, Мексика, опасаясь лишиться Калифорніи и страшась огромныхъ удовольствованій, которыя пришлось бы выплатить англійскимъ подданнымъ, въ случаѣ высылки ихъ по поводу войны, всячески избѣгала ссоры съ Великобританіею и старалась не подавать никакого повода къ неудовольствію. Правда, много Англичанъ убито въ мексиканскихъ междоусобныхъ войнахъ, но это были люди, схваченные съ оружіемъ въ рукахъ, пораженные въ рядахъ мятежниковъ, и смерть ихъ не могла быть поставлена въ вину правительству. Если другіе Англичане погибали въ своихъ домахъ или на большихъ дорогахъ, то это были частныя преступленія, которыя строго наказывались мѣстными властями. Убѣжденная и съ этой стороны, что Мексика цѣнитъ ея дружбу, Великобританія болѣе и болѣе утверждалась въ своемъ намѣреніи занять Калифорнію. Многіе англійскіе мореплаватели изслѣдовали этотъ край, сдѣлали тщательныя съемки его береговъ и карты, хранившіеся въ Вальпарайсовскомъ консульствѣ, подъ величайшею тайною давались командирамъ судовъ, которые приходили на эти воды, и то съ условіемъ возвратить по минованіи надобности. Все было приготовлено къ скорому вступленію во владѣніе.

Въ началѣ 1840 года наконецъ серьезно зашла рѣчь о договорѣ съ правительствомъ республики касательно этой уступки. Занятіе

Калифорніи сдѣлалось въ Лондонѣ предметомъ ежедневныхъ разговоровъ и англійскіе владѣльцы мексиканскихъ облигацій уже готовились основать тамъ свои заведенія и конторы. Многочисленная англійская эскадра крейсировала на водахъ Кубы. Офицеры только и ждали, что ихъ пошлютъ въ Вальпараисо или Калифорнію. Однако жъ Англія ошиблась въ своихъ расчетахъ: она слишкомъ полагалась на смиреніе мексиканскаго правительства. Кажется, она напрасно пыталась склонить къ этой уступкѣ тогдашняго президента, Бустамента. Надлежало обратиться въ другую сторону. Человѣкъ, въ которомъ Англія нашла орудіе своей воли, жилъ тогда какъ частный гражданинъ въ Манга-де-Клаво. То былъ Санта-Анья, который, вышедши изъ техасскаго плѣна и украшенный мнимою побѣдой надъ Французами при Веракрусъ, выжидалъ только случая снова стать въ главѣ мексиканскаго правительства. Говорятъ, будто уже въ 1840 году англійскіе агенты дѣлали ему предложенія касательно уступки Калифорніи и будто онъ обѣщавъ все, что угодно, лишь бы ему помогли снова добраться до президентскихъ кресель. Но какъ бы то ни было, утвердительно можно сказать, что англійскіе negociанты принимали дѣятельное участіе въ революціи 1841 года, которая низложила Бустамента, и во всѣхъ движеніяхъ, которыя затѣмъ слѣдовали. Морфи, Испанецъ по мѣстороженію, но Англичанинъ по происхожденію и по сердцу, былъ рычагомъ этой революціи. Онъ ѣздилъ изъ Мексики въ Манга-де-Клаво, изъ Манга-де-Клаво въ Гуадалахару, подстрекалъ Санта-Анью, возбуждалъ Паредеса и сочинялъ или поправлялъ всѣ планы инсургенціи.

Сдѣлавшись диктаторомъ, Санта-Анья не задумался явиться защитникомъ интересовъ Англіи. Сношенія его съ великобританскимъ министромъ носили на себѣ особенный отпечатокъ дружества и короткости. Подъ его управленіемъ англійскіе подданные въ Мексикѣ приобрѣли новыя льготы и привилегіи. Можно было ожидать съ часу на часъ, что Калифорнію выдадутъ. Миссіонеры францисканскаго ордена, исключительно управлявшіе духовными дѣлами этой провинціи, жили насчетъ доходовъ съ большихъ имѣній, пожертвованныхъ имъ набожными прихожанами. Занести руку на эти имѣнія, значило созваться въ намѣреніи или привести калифорнійское духовенство въ жертву или уступитъ всю провинцію иностранной державѣ. Санта-Анья, во все продолженіе времени съ 1841 по 1844 годъ не переставалъ постепенно продавать въ свою пользу все, что могъ оторвать

отъ имуществъ миссіонеровъ. Вся Мексика видѣла въ этомъ поведеніи несомнѣнное намѣреніе уступить провинцію Англичанамъ. Всѣ тревожились, всѣ утверждали, что насчетъ уступки Калифорніи между Санта-Аньей и британскимъ правительствомъ уже существуетъ тайный договоръ.

Посреди этого ропота, Санта-Анья, тщательно избѣгавшій до того времени всякаго повода къ разладу съ Англіей, вдругъ вздумалъ переменить тактику. Потому ли, что хотѣлъ сбить общественное мнѣніе съ толку, проказавъ, что сохраняетъ свою свободу въ отношеніи къ Англіи, или потому, что хотѣлъ доказать англійскому правительству, что имѣетъ право рассчитывать на ея терпѣніе, только Санта-Анья позволилъ себѣ оскорбить свою покровительницу. Въ сентябрѣ 1843 года, во время праздника даннаго въ національныхъ палатахъ, въ Мехико, по случаю годовщины независимости, бальная зала была украшена знаменами, отбитыми у Техасцевъ. Между этими знаменами англійскій повѣренный въ дѣлахъ съ немалымъ удивленіемъ примѣтилъ цвѣта своего отечества, пожаловался диктатору на такое непристойное украшеніе и потребовалъ немедленной выдачи англійскихъ знаменъ. Санта-Анья рѣшительно отказалъ. Завязалось преніе, вслѣдствіе котораго президентъ поручилъ своему посланнику въ Лондонъ требовать, чтобы англійскій повѣренный былъ отозванъ. Поводъ къ войнѣ, конечно, былъ уже достаточный и Сентъ-Джемскій Кабинетъ не всегда ждетъ столько благовидныхъ причинъ для начатія непріязненныхъ дѣйствій. Но Англія желала побаречь Санта-Анью, черезъ котораго могла получить всѣ желанныя выгоды, не подвергая интересы своихъ подданныхъ опасностямъ войны. Ктому же, англійскій повѣренный былъ просто секретарь, временно исполнявшій должность посланника. Великобританія, не опасаясь униженія, могла исполнить требованіе мексиканскаго президента и отозвала повѣреннаго, который мѣсяца черезъ четыре и безъ того долженъ былъ ѣхать домой. Но зато Англія потребовала выдачи своихъ знаменъ въ торжественномъ засѣданіи конгресса и тѣмъ первая размолвка кончилась.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ, Европа съ прискорбіемъ и изумленіемъ узнала о рѣзнѣ въ Таваско: тридцать семь Европейцевъ различныхъ націй казнены безъ суда. Одинъ только сохранилъ жизнь, потому что былъ Англичанинъ. Англійскій посланникъ тотчасъ же оффиціально поблагодарилъ президента и отдалъ справедливость его правосудію. Но едва газеты перепечатали эту благодарственную ноту, англійскій консулъ въ Таваско написалъ

посольству въ Мехико, что въ числѣ извѣстныхъ тридцати семи жертвъ всё-таки погибъ одинъ его соотечественникъ. Новая нота. Посланникъ потребовалъ объясненія у мексиканскаго правительства. Санта-Анья отвѣчалъ, что разсматривалъ списки наземныхъ въ Таваско и не находить ни одного англійскаго имени. Дѣло объяснили ошибкою въ правописаніи: отъ перестановки одной буквы Нѣмецъ превратился въ Англичанина. Посланникъ съ готовностью принялъ это объясненіе и объявилъ, что оно совершенно удовлетворительно.

Долготерпѣвіе Англій въ обихъ этихъ случаяхъ доказываетъ, что договоры касательно Калифорніи уже приходили къ концу. Лондонскій кабинетъ, испуганный демонстраціей Соединенныхъ Штатовъ насчетъ этой провинціи и опасаясь, чтобы они не предупредили его на этой важной позиціи, если начнется война между Сѣверною-Америкой и Мексикой по поводу Техаса, торопился окончаніемъ такъ давно уже начатаго съ Мексикою дѣла. Но въ минуту, когда ничто уже, казалось, не мѣшаетъ этому окончанію, неожиданное происшествіе опять отсрочило его. Возмущеніе Паредеса, въ 1844 году, изложило Санта-Анью и съ нимъ надежды британскаго правительства. Въ то же время открылся секретъ террѣнія: при отобраніи бумагъ бывшаго диктатора члены конгресса нашли копию съ условія, которое предполагали заключить Санта-Анья и одинъ англійскій негоціантъ въ Мексикѣ и которымъ этотъ негоціантъ обязывался дать мексиканскому правительству въ видѣ займа пятнадцать милліоновъ піастровъ подъ обезпеченіе Калифорніею. Поручительницею была Англія, которой надлежало тогда же вступить во владѣніе заложеною провинціей. Въ условіи недоставало только подписей. Узнали также, что эту послѣднюю формальность предполагалось исполнить въ тотъ день, когда Санта-Анья коронуется.

Паденіе Санта-Аньи отняло у Англій надежду мирнымъ образомъ завладѣть Калифорніею и въ то же время сдѣлало сомнительнымъ положеніе ея въ спорѣ за Орегонъ. Такой результатъ казался тѣмъ досаднѣе, что уже много было принесено жертвъ для достиженія цѣли, которая снова ускользала. Англія обратила свое покровительство Сандвичевымъ Островамъ въ дѣйствительное владѣніе, не только для того, чтобы уравновѣсить французское вліяніе на Южномъ Океанѣ, сколько для того, чтобы приготовить себѣ провіантское складочное мѣсто для экспедиціи на западные берега Америки. По намѣреніямъ, какія уже начинали обнаруживать Соединенные-Штаты, Англія должна была ожидать, что не

поселится въ Орегонѣ иначе какъ силою, а этого крайняго средства ни ея промышленность, ни ея торговля никогда не одобряютъ. Будучи же, напротивъ, владѣтельницею Калифорніи, куда можетъ прійти моремъ и гдѣ почерпнула бы огромныя средства для своихъ операций, она подвинулась бы впередъ по пустынямъ, пограничнымъ Орегону, привела бы население и войско и утвердилась бы фактически. Потому она, по примѣру Соединенныхъ-Штатовъ, могла бы продолжать доказывать свои права, хотя бы и пришлось наконецъ проиграть процессъ, — когда уже будетъ поздно исполнять приговоръ дипломатическаго суда. Это владѣніе дало бы ей возможность положить предѣлъ нашествіямъ Соединенныхъ-Штатовъ на Мексику. Въ этомъ и состоитъ главная, истинная цѣль всѣхъ ея усилій. Будучи принуждены основать поселенія на своихъ юго-западныхъ границахъ, которымъ угрожаетъ Англія, Соединенные-Штаты по-крайней-мѣрѣ на время отказались бы отъ своихъ видовъ на Испанскую Америку. Вашингтонская республика была бы принуждена принять границы и судьбы южныхъ республикъ могли бы зависѣть столько же отъ Англіи, сколько отъ Америки.

Таковы были планы, разстроенные паденіемъ Санта-Анни, и дѣло могло казаться совершенно проиграннымъ. Притязанія Англіи на Калифорнію не только лишились своей силы, но сверхъ-того Соединенные-Штаты, вслѣдствіе войны съ Мексикой, могли овладѣть большею частію этой страны. Американскія газеты отъ Бостона до Новаго-Орлеана уже трубили побѣду и провозглашали, что скоро Панамскій Перешеекъ и Мысъ Горизъ будутъ единственными границами вашингтонской республики. Это, конечно, были только похвальбы нѣсколькихъ демократовъ, обаянныхъ успѣхомъ въ Техасѣ. Но кто знаетъ Сѣверо-Американцевъ и испанскіе народы Новаго Свѣта, для того въ этомъ не было ничего невозможнаго. Англія поняла, что не должно медлить постановкою плотины такому потоку. Возникъ споръ между правительствомъ Никарагва и великобританскимъ консуломъ по поводу суда черезъ посредниковъ, приговору котораго одинъ англійскій подданный поклялся подчиниться и противъ котораго, по произнесеніи приговора, сталъ протестовать. Известно, что Никарагва въ этомъ случаѣ обратилась къ Франціи и за интервенцію вызывалась принять ея покровительство. Известно также, что Франція отказала. Послѣ блокады, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ, когда всякое соглашеніе между Англіей и Никарагвой казалось невозможнымъ, экспедиція, отправившаяся изъ Ба-

лиса, сдѣлала высадку на перешеекъ и овладѣла москитоскими берегами, Гондурасомъ и Никарагвой.

Изъ этого бѣлаго очерка отношеній Англiи и Соединенныхъ-Штатовъ къ Мексикѣ можно убѣдиться, что обѣ державы преслѣдуютъ въ Америкѣ одну и ту же цѣль, каждая путями, свойственными духу своего правительства. Монархическая Англiя дѣйствуетъ непосредственно дипломатически на правителей. Республиканскiе Соединенные-Штаты обращаются къ гражданамъ черезъ гражданъ. Одна изъ этихъ политикъ, молчаливая, осторожная, терпѣливая, есть дипломатiя, и только; другая — пропаганда, пропаганда необдуманная, безразсудная, нетерпѣливая, но сильная своимъ нетерпѣнiемъ, необдуманностью и самымъ безразсудствомъ. Когда эти двѣ политики встрѣтятся какъ соперницы у народа, стоящаго на твердыхъ основанiяхъ и искусно управляемаго, побѣда можетъ казаться сомнительною: духъ порядка и субординаци, сопротивляясь пропагандѣ, даетъ выгоду дипломатiи. Но когда имъ придется поспорить за народъ, не имѣющiй политическаго существованiя, ни основательныхъ постановленiй, ни крѣпкой связи, ни глубокихъ убѣжденiй, тогда не нужно и спрашивать, которая сторона возьметъ верхъ. Анархiя даетъ массамъ право разсуждать, а массы не входятъ въ тайны кабинетовъ. Вотъ отчего Калифорнiя скорѣе будетъ принадлежать Соединеннымъ-Штатамъ чѣмъ Англiи, и вотъ отчего американская пропаганда пересилитъ въ Новомъ-Свѣтѣ англiйскую дипломатiю.

Если англiйская политика такъ долго испытывала неудачу въ Мексикѣ и если даже она должна еще испытать ее въ борьбѣ съ Соединенными-Штатами, то по-крайней-мѣрѣ потерпѣть пораженiе не безъ славы и не безъ нѣкоторыхъ выгодъ. О Францiи этого нельзя сказать. Между-тѣмъ какъ Великобританiя и Соединенные-Штаты состязались въ ловкости и дѣятельности въ отношенiяхъ своихъ къ Мексикѣ, Францiя играла передъ этою республикой роль совершенно пассивную. Находясь, въ эпоху объявленiя независимости Мексики, въ тѣсномъ союзѣ съ Испанiею, Францiя не могла отступить отъ своихъ правилъ и, подобно Англiи, покровительствовать Мексикѣ своими деньгами. Будучи державою по преимуществу континентальною, она не имѣла въ виду создавать колонiи за морями и, напротивъ, терла или уступала всѣ значительныя поселенiя, какiя оставались у нея въ Америкѣ. Все, что она считала нужнымъ сдѣлать въ видахъ своей торговли и промышленности, состояло въ признанiи республики: другихъ выгодъ она не ждала отъ за-атлантической революци.

Она заключила съ Мексикой простой торговый трактатъ , которыми мексиканское правительство обязывалось предоставлять французскимъ гражданамъ всѣ тѣ права, какими будутъ тамъ пользоваться подданные державы самой благопріятствуемой: условіе неопредѣленное, которое находится во всѣхъ трактатахъ и отъ котораго легко уклониться черезъ другія соглашенія съ компаніями или съ частными лицами, какъ то достаточно доказываютъ уступки, сдѣланныя мексиканскимъ правительствомъ англійскимъ капиталистамъ. Франція не сдѣлала никакой попытки привлечь къ себѣ часть драгоцѣнныхъ металловъ, ежегодно добываемыхъ въ Мексикѣ, и не потребовала никакого формальнаго обезпеченія для своихъ купцовъ, земледѣльцевъ или рудокоповъ. Она даже не подумала подать этимъ народамъ высокое понятіе о своемъ могуществѣ и не показывала имъ своихъ эскадръ. Ктому же, республиканская форма, принятая вольными американскими штатами, свискала благорасположеніе французской либеральной оппозиціи и газеты ежедневно провозглашали хвалу юнымъ республикамъ и ихъ будущности, такъ, что правительство подверглось бы не малому нарѣканію, если бѣ приняло противъ нихъ мѣры предосторожности или помѣшало бы ихъ развитію.

Мексика оставалась въ совершенной независимости отъ Франціи и обращалась съ нею непринужденно. Французы тамъ сначала были приняты довольно хорошо. Но мало-по-малу ненависть къ иностранцамъ, естественная у народовъ, столько времени отлученныхъ отъ прочаго міра, измѣлилась противъ нихъ тѣмъ съ большею силой, что была по-необходимости сдерживаема въ отношеніи къ Англичанамъ. Мексиканцы вымѣщали на Французахъ все свое негодованіе за господство Англичанъ. Они очень хорошо понимали, что опасно было бы придратъя къ подданнымъ державы, которой Мексика, такъ-сказать, обязана была своимъ политическимъ существованіемъ, которая могла однимъ словомъ погубить ее и силу которой всякій тѣмъ легче могъ оцѣнить, что флоты ея ежедневно крейсировали у береговъ обоихъ морей. Англійскіе подданные не только избавлялись отъ притѣсненій мелкихъ мѣстныхъ властей, самыхъ опасныхъ для иностранца: они и народу внушали почтеніе своимъ богатствомъ. Это были большею частью агенты важнѣйшихъ лондонскихъ торговыхъ домовъ или члены различныхъ рудопрмышленныхъ компаній, люди, которые имѣли въ своемъ распоряженіи значительные капиталы и на которыхъ нельзя было напасть безнаказанно. Положеніе

Французскихъ подданныхъ было совсѣмъ иное: будучи почти все мелкими торговцами, дѣйствуя только собственными средствами и пользуясь очень ограниченнымъ кредитомъ, они не могли ни занимать такого мѣста въ обществѣ, ни имѣть такого вліянія, какъ негодяи и владѣльцы рудниковъ, пришедшіе изъ Англіи. Свойство ихъ торговли также подвергало ихъ большому опасностямъ. Между-тѣмъ какъ Англичане проживали въ гаваняхъ, гдѣ принимали богатые грузы, которые оптомъ раздавали внутреннимъ торговымъ домамъ, французскіе купцы принуждены были сами ѣздить по городамъ и селамъ и сбывать свой товаръ по мелочи. А какъ населеніе центра далеко не такое просвѣщенное, какъ населеніе береговъ, то предразсудки, суевѣріе и фанатизмъ у нихъ сильнѣе и, слѣдовательно, ненависть къ иностранцамъ глубже и беспощаднѣе. Французы, не имѣя силъ, которыми окружаютъ людей капиталы, и лишеныя покровительства своей державы, не могли противопоставить этимъ опаснымъ страстямъ ничего кромѣ своего права, а одно право въ Мексикѣ — жалкая защита.

Покуда край пользовался еще нѣкоторымъ благосостояніемъ, на Французовъ только косо смотрѣли. Но когда, черезъ промахи правительства, деньги во всѣхъ концахъ стали уплывать, не вознаграждаясь произведеніями рудниковъ, Мексиканцы сами вздумали приняться за торговлю. Они стали покупать въ гаваняхъ, чтобы продавать во внутреннихъ провинціяхъ, и тутъ встрѣтились съ Французами уже какъ съ дѣйствительными соперниками. Тутъ начались и преслѣдованія: иностранцевъ обвиняли, что они истощаютъ республику, увозя ея деньги, и разоряютъ гражданъ, овладѣвая различною торговлей. А какъ за англійскихъ негодяевъ нельзя было взяться, то вся ярость черни пала на Французовъ.

Сигналь мщенія былъ данъ въ Мексикѣ въ 1829 году, по повелу экспедиціи, отправленной Испанією противъ бывшей ея колоніи. Столичная чернь, возмущенная зачищниками, бросилась на Паріанъ (базаръ въ Мексикѣ), гдѣ многіе испанскіе и французскіе купцы имѣли свои магазины; сожгла и разграбила все, что попало подъ руку. Съ той поры въ Мексикѣ, въ Азакатекаскѣ, въ Френильо, не разъ уже видѣли французскихъ купцовъ, плашмя лежащихъ съ ружьями въ рукахъ на террасахъ своихъ домовъ, между-тѣмъ какъ на улицѣ чернь бунтовала и старалась выломить двери лавокъ, истребить имущество «проклятыхъ Французовъ», *malditos Franceses!* Чернь болѣе и болѣе входила во

вкусъ этихъ преслѣдованій, потому что они благопріятствовали ея склонности къ грабежу. Низшія мѣстныя власти, съ своей стороны, въ угоду народному мнѣнію находили удобнымъ тѣснить преслѣдуемыхъ и не было деревенскаго старосты, который бы не желалъ имѣть чести потрепать Француза. У Французовъ безъ суда и права закрывали лавки, къ нимъ силою врываются въ дома, ихъ самихъ тащили въ тюрьму подъ самыми ничтожными предлогами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже покушались на ихъ жизнь. А правительство оставалось равнодушнымъ ко всемъ этимъ беспорядкамъ и своимъ молчаніемъ придавало имъ почти видъ справедливости.

Пятилѣтнія требованія и представленія господина Дефодди, не только не обратили правительство республики на путь умѣренности и справедливости, но еще до такой степени раздражили народъ, что посланникъ лично подвергся нападеніямъ. Насчетъ господина Дефодди, изустно и печатно стали распространять самыя черныя клеветы; напали на его честь, проникли въ священное убѣжище его домашней жизни и оскорбляли его даже въ лицѣ его семейства. Мексиканское правительство, казалось, думало, что Франція терпѣла такъ долго, что уже не можетъ не потерпѣть еще, или что оно дѣйствовать вовсе не въ состояніи, когда столько времени не начинало дѣйствовать.

Наконецъ войну объявили, но жалкія слѣдствія ея извѣстны. Въ глазахъ Мексиканцевъ Франція была не права тѣмъ, что предприняла экспедицію, которой не умѣла кончить въ свою пользу. Они торжествовали надъ ея побѣдой, увѣряя, что Французы побѣждены, когда послѣ побѣды приняли условія, на которыя не соглашались до сраженія. Это неконченное, недовершенное предпріятіе только усилило народную вражду. Воротившись въ Мексику съ миромъ, Французы увидѣли, что ничего не выгадали. Посланника смѣнили, но чувствованія Мексиканцевъ остались тѣ же или даже еще болѣе ожесточились,—за войну. Однако жъ, докуда Бустаменте оставался правителемъ, правосудіе и законность поддерживались: онъ очень хорошо зналъ силы Франціи, чтобы не понимать до какой степени его соотечественники ошибались, почитая ее немощною. Притомъ онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы употреблять во зло настроеніе общественнаго мнѣнія и составлять себѣ популарность насчетъ безоружныхъ и незлобныхъ купцовъ.

Вступленіе Санта-Анни въ президентство ознаменовалось удвоені-

емъ гоненія на Французовъ. Къ этому Санта-Анью побуждала личная месть: онъ не могъ забыть, что на веракрусскомъ могъ французское ядро оторвало ему ногу. Съ той поры онъ принялъ девизъ: *Moler Franceses* (преслѣдовать Французовъ), которому оставался вѣренъ какъ-нельзя болѣе. Впродолженіи трехъ лѣтъ своего президентства, онъ всячески старался унижить французскаго посланника, вредить Французамъ и тревожить ихъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Въ 1843, Санта-Анья, въ пользу несуществующей промышленности, вдругъ запретилъ ввозъ суровскихъ и мелочныхъ желѣзныхъ товаровъ. Этою мѣрою изгонялись всѣ произведенія парижской фабрикаціи. Черезъ нѣсколько дней другимъ повелѣніемъ запретили иностранцамъ заниматься различною торговлей. Это уже относилось прямо къ Французамъ, единственнымъ иностранцамъ, занимавшимся такою торговлей. Чтò оставалось дѣлать представителю Франціи? Онъ вошелъ съ представленіями, которыя однако жъ имѣли еще менѣе вѣсу, чѣмъ представленія Дессоди. Если потомъ Французы и могли снова открыть свои лавки и разложить товары, то это дѣлалось, благодаря снисходительности или невниманію мексиканскаго правительства, а вовсе не въ силу права, законно приобрѣтеннаго и громко объявленнаго. Законъ существуетъ и прихоть президента, градоначальника или алькада каждую минуту можетъ привести его въ исполненіе.

Втеченіи 1843, конгрессъ издалъ еще повелѣніе; которое осуждало на смерть всякаго иностранца, взятаго съ оружіемъ въ рукахъ на землѣ республики. Повелѣніе было направлено собственно противъ Техасцевъ, но несчастные Французы сдѣлались первыми его жертвами. Одинъ мексиканскій генералъ, Сенманатъ, начальствовавшій надъ провинціей Таваско, былъ изгнанъ подъ предлогомъ заговора противъ централизма. Онъ укрылся въ Новомъ-Орлеанѣ и тамъ сталъ набирать колонистовъ и ремесленниковъ, для переселенія, какъ говорилъ, на земли, которыми будто бы владѣлъ въ провинціи Таваско. Но въ самомъ дѣлѣ онъ надѣялся произвести революцію посредствомъ многочисленныхъ связей, которыми напередъ запасся. Человѣкъ пятьдесятъ, — въ томъ числѣ около тридцати Французовъ, — польстились на обѣщанія генерала и заключили съ нимъ условія. Бѣольшая часть ихъ до послѣдней минуты не знали истиннаго своего назначенія. До какой степени остальные знали о планахъ Сенманата, этого нельзя опредѣлить съ точностью, потому что и тѣ и другіе казнены были безъ суда.

Приверженцы увѣрили изгнаннаго генерала, что ему стоить

только показаться съ нѣкоторою силой на берегахъ залива и вся провинція Таваско возстанетъ за него. Мексиканское правительство, знавшее обо всѣхъ дѣйствіяхъ Сенманата черезъ своихъ шпионовъ и черезъ своего консула въ Новомъ-Орлеанѣ, напередъ приняло мѣры къ потушенію мятежа. Весь флотъ республики крейсировалъ у береговъ Таваско и значительныя сухопутныя силы были разставлены по всей землѣ гораздо прежде, чѣмъ Сенманатъ вышелъ въ море. Санта-Анья, пославъ генерала Амудію въ Таваско, приказалъ для потушенія мятежа употребить всѣ средства, какія генералъ самъ найдетъ приличными, и вручилъ ему подписанное повелѣніе предать смерти Сенманата и его товарищей. Наконецъ заговорщикъ явился на водахъ Таваско. Одинъ мексиканскій бригъ тотчасъ же примѣтилъ его и далъ по немъ залпъ въ ту самую минуту, когда онъ готовился стать на якорь въ устьѣ рѣки Санъ-Хуанъ-Батиста. Тутъ Сенманатъ выходитъ на палубу въ своемъ генеральскомъ мундирѣ, открываетъ свои планы тѣмъ изъ товарищей, которые еще не знали ихъ; объявляетъ, что отступать поздно; что во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о ихъ жизни и что лучше лишиться ея, стараясь побѣдить, чѣмъ позволить себя зарѣзать безъ отмщенія. Онъ говоритъ о подкрѣпленіи, которое ждетъ его на берегу; о надеждахъ, которыя подають ему приверженцы. Кто не уступаетъ этому убѣжденію, того грозитъ изрубить руками своихъ вѣрныхъ; кто склонился, того утѣщаетъ похвалами и обѣщаніями. Между-тѣмъ позиція была такова, что удержаться нельзя. Мексиканскій бригъ не переставалъ стрѣлять по кунеческому судну, на которомъ пришли Сенманатъ и его товарищи. Надобно было выбираться на берегъ. Одни достигли его вплавь, другіе на лодкахъ. По всему берегу были разставлены войска республики, которыя миновать было очень трудно и одному человѣку, не только толпѣ. Видя наконецъ бесплодность своихъ усилій, Сенманатъ понялъ, что должно отказаться отъ предпріятія и искать спасенія въ бѣгствѣ. Онъ предложилъ товарищамъ разѣяться. Всѣ врознь побѣжали по краю, съ которымъ мало или совсѣмъ не были знакомы, и почти всѣхъ перекватали солдаты. Другіе сами явились къ командирамъ отрядовъ, чтобы положить оружіе и изъявить покорность. Самого Сенманата также вскорѣ схватили. Когда почти всѣ были собраны, принялись казнить. Ради судебной формы, мятежниковъ подвергли короткому допросу и тотчасъ вели на лобное мѣсто. Нѣкоторые сознавались въ винѣ, другіе протестовали до послѣдней минуты; но напрасно увѣрили мексикан-

ское правосудіе, что ничего не знали о имѣреніяхъ Семнаната, который ишпималъ ихъ пахать землю въ своихъ имѣніяхъ: всѣ остались виноваты, всѣхъ казнили. Въ томъ числѣ были мальчиши лѣтъ семнадцать и девятнадцать.

Что долженъ былъ дѣлать французскій посланникъ? Онъ протестовалъ съ достоинствомъ и настойчивостью. Санта-Анья отвѣчалъ ему въ выраженіяхъ грубыхъ, оскорбительныхъ; совѣтовалъ подражать поведенію англійскаго посланника и грозился жаловаться королю Французовъ. Баронъ де-Сипрѣ возразилъ, что представитель Франціи въ поведеніи своемъ руководствуется только честью и пользами своего отечества; что аппеляцію къ королю принимаетъ съ радостью, а между-тѣмъ всё-таки считаетъ долгомъ спросить, судебнымъ ли порядкомъ казнены французскіе подданные въ Таваско, или нѣтъ. Въместо прамаго отвѣта на этотъ вопросъ, министры Санта-Аньи, въ оправданіе свое, указывали на наказанія, какими всѣ законодательства въ мірѣ подвергаютъ пиратовъ; ссылались на уголовное уложеніе Франціи и на примѣръ Алжира, столько разъ бомбардированнаго и, наконецъ, взятаго-безъ всякаго суда и слѣдствія. Мексиканскія газеты напечатали всѣ эти пренія, ежедневно истощались въ оскорбительныхъ для французскаго посланника комментаріяхъ и баронъ де-Сипрѣ подвергся тѣмъ же клеветамъ, какъ и его предшественникъ, Дефоди, даже хуже, потому что послѣ дѣла при Веракрусѣ, которое хвастливые Мексиканцы называли своимъ «торжествомъ», ненависть ихъ еще усилилась: они воображали даже, что могутъ презирать Французовъ.

Такимъ образомъ были затруднены отношенія Франціи къ Мексикѣ, когда революція 1844 низложила Санта-Аню и призвала къ власти людей, извѣстныхъ своею умѣренностью. Баронъ де-Сипрѣ воспользовался случаемъ окончить ссоры, первый поздравилъ новаго президента, Гверреру, и въ торжественной аудіенціи изъявилъ желаніе возстановить дружественныя отношенія, расторгшіяся при прежнемъ правительствѣ. Генераль-президентъ отъ имени Мексики отвѣчалъ въ томъ же смыслѣ, но слова его никого не ввели въ заблужденіе. Гверрера, при всей своей умѣренности, былъ Мексиканецъ, а въ совѣтѣ его было много такихъ, которые уже привыкли ненавидѣть Французовъ. Баронъ де-Сипрѣ, несмотря на всѣ свои старанія, не успѣлъ выхлопотать для своихъ соотечественниковъ вознагражденія за оскорбленія, нанесенныя имъ правительствомъ и гражданами Мексики.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, новое оскорбленіе, нанесенное секретарю французскаго посольства, рѣшительно сдѣлало всякое примиреніе невозможнымъ. Кто постигалъ Мексику со времени веракрусской войны, тотъ могъ предвидѣть это слѣдствіе. Задолго до происшествія, которое повело къ окончательному разрыву, дружественныя отношенія Франціи къ Мексикѣ уже не существовали. Возстановить ихъ невозможно, не только мирнымъ образомъ, но даже и посредствомъ побѣды оружіемъ, потому что некому отвѣчать за исполненіе договоровъ. Правительства въ Мексикѣ мѣняются чаще нежели года и сегодняшнее никогда не признаетъ обязательствъ вчерашняго. Чтобы какая-нибудь европейская держава могла договариваться и установить отношенія съ Мексикою на прочныхъ основаніяхъ, нужно напередъ въ самой Мексикѣ создать прочную, основательную, дѣйствительную власть, которая бы пользовалась приличнымъ уваженіемъ у себя дома и приобрѣла бы довѣріе за границей. Создать такую власть можно двумя способами, — или дать Мексикѣ короля изъ иностранцевъ или изъ партій, оспаривающихъ одна у другой первенство, выбрать ту, которая представляетъ болѣе ручательства за будущность края, дать ей перевѣсъ, поддержать ее, подкрѣпить и направить.

Три партіи волнуютъ Мексику, стараясь достигнуть президентства или удержаться на немъ: это — абсолютисты или централисты, умѣренные и федералисты.

Партія абсолютистовъ, къ которой принадлежитъ Санта-Анъя, состоитъ болѣею частію изъ духовенства, которое прежде всего требуетъ сохраненія своихъ привилегій; изъ генераловъ, которые находятъ управленіе одною провинціей слишкомъ ограниченнымъ для своего честолюбія и все болѣе или менѣе желаютъ сѣсть на президентскія кресла; потомъ изъ ажіотеровъ, банкировъ и всякаго роду спекулянтовъ, которые главнѣйшія свои операціи производятъ посредствомъ подрядовъ государственныхъ займовъ и тому подобнаго, и которые находятъ болѣе удобнымъ наживаться у одного центральнаго правительства чѣмъ у многихъ провинціальныхъ. Спекулянты и банкиры составляютъ главную силу партій, потому что обладаютъ самою могучею пружиной, деньгами. Эта партія до-сихъ-поръ пользовалась въ Мексикѣ наибольшимъ вліяніемъ и президенты ея держатся долѣе всѣхъ. Санта-Анъя правилъ десять лѣтъ сряду. Ея идея — центральное правленіе и одинъ президентъ, который иногда мечтаетъ о коро-

нѣ, какъ то было съ Санта-Анъей или Сантаной, какъ его обыкновенно называютъ.

Партія федералистовъ или либеральная стремится къ тому, чтобы поставить дѣла въ то состояніе, въ какомъ они были до 1834. Ей хочется, чтобы всякая провинція имѣла своихъ особыхъ представителей, своего президента или губернатора, съ конгрессомъ или президентомъ въ Мексикѣ. Эта система, конечно, самая свойственная краю. Преимущество ея состоитъ въ томъ, что власти дѣйствительно могутъ обнять тѣ границы, въ которыя она ихъ ставитъ, тогда какъ централизмъ, совокупляя разнородные элементы и противоположные интересы, можетъ издавать только законы общіе для всего края и, слѣдовательно, вредные для однихъ провинцій и очень посредственно полезныя для другихъ. Сверхъ-того, власть центрального правительства, чтобы достигнуть предѣловъ государства, должна пройти широкія пустыни и теряетъ свою силу въ прямой пропорціи къ разстояніямъ, такъ, что то, что называютъ централизмомъ, сосредоточенностью, есть, напротивъ, не что иное какъ разредоточеніе и ослабленіе. Партія федералистовъ самая многочисленная, но только не самая богатая: иначе она давно была бы на первомъ мѣстѣ, и можетъ-быть даже безсмѣнно. Къ ней принадлежатъ многіе именитые граждане и самые краснорѣчивые члены конгресса.

Умѣренная партія ищетъ невозможной середины между федераціей и централизмомъ. Ей хочется сохранить общее управленіе и всё-таки имѣть провинціальныя юнты, которыя, разумѣется, будутъ если не совсѣмъ, такъ почти уничтожать дѣйствіе центральной власти. Это сочетаніе несогласныхъ элементовъ составляетъ мечту нѣсколькихъ стариковъ, которые не хотятъ ни развращенія и циничнаго движенія абсолютизма, ни слишкомъ отважнаго стремленія федераціи и замѣшательства, какія влечетъ за собою участіе всѣхъ гражданъ въ правленіи. Правительство умѣренныхъ есть анархія слабости. Они слишкомъ честны, чтобы понимать безнравственность Мексиканцевъ и пользоваться ею по примѣру Санта-Анъи и чистыхъ централистовъ. Они могли бы спасти Мексику, если бы мужество и знаніе стояло у нихъ вровень съ добродѣтелью. Это болѣею частію старики, воспитанные подъ оруломъ Испанцевъ: имъ все кажется, что позади стоятъ Фердинандъ-Седьмой и инквизиція.

Пограничныя провинція, — Гуанагуато, Дзакатекасъ, Сонора, Синалоа, Новая-Мексика, Чигуагуа и Тампико — рѣшительно федеративныя, а внутреннія, — Агуаскаліентесъ, Санъ-Луисъ-Потоси,

Лагость,—исповѣдуютъ абсолютисмъ. Умѣренная партія не имѣетъ такого вѣсу, чтобы придавать характеръ цѣлымъ областямъ.

Но какой бы партіи ни пришлось возстановлять порядокъ въ Мексикѣ, нужно, чтобы ею управляла сила, непричастная страстямъ края; нужно, чтобы эта партія была ограждена отъ собственныхъ своихъ слабостей и крайностей, защищена отъ самой себя: иначе она сама себя сокрушитъ своимъ безсиліемъ и недостаткомъ національнаго характера. Федералисты не скрываютъ отъ себя этой истины и всѣ вообще партіи убѣждены, что исцѣленіе недуга народнаго не можетъ произойти отъ нихъ однихъ. Они волнуются и поворачиваются во всѣ стороны, чтобы высмотрѣть, откуда прійдетъ порядокъ и благоустройство. Сѣверныя провинціи ждутъ этого отъ Соединенныхъ Штатовъ; западныя и южныя—отъ отложенія, которое бы поставило ихъ въ положеніе, въ къ какомъ уже находятся Гватемала и мелкія республики центральной Америки, то есть въ положеніе, которое еще хуже настоящаго. Ни одна не ждетъ спасенія отъ собственныхъ силъ націй. Мексиканцы вовсе не заблуждаются насчетъ своего характера и состоянія правовъ: они себя слишкомъ хорошо знаютъ, чтобы на себя понадѣяться. Они сами говорятъ: «не ищите у насъ ни патріотизма, ни честности: мы повинемся только необходимости и налкѣ». Возможенъ ли патріотизмъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни порядку, ни нравственности, ни правительства, ни семейства, ничего такого, что составляетъ отечество? Возможенъ ли патріотизмъ у народа, который безпрерывно мечтаетъ о раздробленіи своей земли и который ежедневно громко призываетъ иноземное яро, какъ то дѣлаютъ сѣверныя провинціи и Юкатанъ? Державѣ, которая захочетъ имѣть нравственное вліяніе на эту республику, мексиканскій патріотизмъ не составитъ ни какого препятствія. Каждой партіи хочется достигнуть господства и которой оно будетъ обѣщано, та и готова служить, кому угодно.

Упроченіе порядка и благосостоянія Мексики могло бы принести значительную пользу не только тому государству, которое исполнять это, но и всей Европѣ. Мексика занимаетъ въ Сѣверной-Америкѣ поверхность, равную всей Европѣ, за исключеніемъ Россіи. Приблизительное число ея народонаселенія осемь милліоновъ душъ. Если сравнимъ торговлю Европы съ этимъ краемъ съ торговлею ея съ Сѣверной-Америкой, найдемъ далеко неравные результаты. Ежегодную цѣнность иностранныхъ товаровъ, вво-

зимыхъ въ Мексику, полагають въ осемнадцать милліоновъ піас-
тровъ (девятисто тысячъ франковъ). Если торговля въ Мексикѣ
вообще еще не развита, то это оттого, что большую часть наро-
донаселенія составляютъ почти варвары: даже высшіе классы въ
Мексикѣ не знаютъ ни роскоши, ни удобствъ. Но дайте Мексикѣ
значительное приумноженіе жителей изъ Европейцевъ, у Мекси-
канцевъ тотчасъ же явится множество новыхъ потребностей;
работа и производительность увеличатся, торговля оживеть и
приметь болѣе обширные размѣры.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

О КОЖЕВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ РОССИИ.

=

Кожевенное дѣло принадлежитъ почти повсемѣстно къ первобытнымъ отраслямъ промышленности, потому что его произведенія составляютъ необходимую потребность для всѣхъ народовъ, вышедшихъ изъ дикаго состоянія, а матеріалъ, изъ котораго выработываются кожи, можетъ быть приобретаемъ вездѣ, гдѣ существуетъ скотоводство. Во многихъ странахъ кожевенное дѣло ограничивается удовлетвореніемъ только внутренняго потребленія; но въ нѣкоторыхъ, напримѣръ въ Великобританіи, Франціи, рейнской Пруссіи, Бельгіи и другихъ, оно достигло такого развитія и совершенства, что выдѣланные кожи и кожевенныя издѣлія вывозятся оттуда за границу на значительную сумму. Въ этихъ государствахъ, по обширности кожевеннаго производства, количество кожъ, получаемыхъ съ убиваемаго тамъ скота, недо-

статочно для потребностей заводовъ и невыдѣланныхъ кожи привозятся туда изъ отдаленнѣйшихъ странъ. Въ Россіи также это производство весьма значительно и доставляетъ выдѣланныхъ кожъ для заграничнаго отпуска слишкомъ на миллионъ рублей серебромъ въ годъ; однако при своемъ обширномъ скотоводствѣ, она почти вовсе не нуждается въ привозѣ невыдѣланныхъ кожъ и сама отпускаетъ ихъ въ иностранныя земли ежегодно на сумму до полутора милліона рублей серебромъ.

До начала нынѣшняго столѣтія, Россія не принимала участія въ торговлѣ невыдѣланными кожами, оттого что отпускъ ихъ за границу былъ воспрещенъ со временъ Петра-Великаго, въ видахъ поощренія внутреннихъ заводовъ.

По приобрѣтеніи портовъ на Черномъ Морѣ, правительство хотя и дозволило въ 1796 году вывозить оттуда невыдѣланныя кожи, однако жъ въ тарифѣ двѣнадцатаго октября 1797 года распространило запрещеніе ихъ отпуска и на эти порты. Впослѣдствіи, указомъ отъ четвертаго марта 1800 года, допущено изъятіе только для курляндскихъ портовъ, либавскаго и виндавскаго, по изобилію скотоводства и по немнѣннѣю кожевенныхъ заводовъ въ тамошнемъ краѣ, равно какъ для пресѣченія тайнаго вывоза невыдѣланныхъ кожъ за границу. Впрочемъ, отпускъ изъ этихъ портовъ былъ дозволенъ съ высокою пошлиною: съ бычачьихъ и коровьихъ кожъ по одному рублю двадцати копѣекъ и съ конскихъ по шестидесяти копѣекъ серебромъ за каждую. Разрѣшеніе вывоза невыдѣланныхъ кожъ изъ черноморскихъ портовъ послѣдовало въ 1801 году и распространено въ 1803 году на азовскіе порты, съ пошлиною по двадцати-пяти копѣекъ серебромъ со штуки. Наконецъ, съ 1811 года дозволено вывозить невыдѣланныя кожи безъ ограниченія, съ пошлиною по одному рублю двадцати копѣекъ съ бычачьихъ и коровьихъ и по шестидесяти копѣекъ серебромъ съ конскихъ, со штуки. Въ тарифѣ 1816 года онѣ были обложены пошлиною въ двѣнадцать процентовъ съ цѣны; въ тарифѣ 1819 года отпускъ ихъ былъ разрѣшенъ безъ пошлины; но тарифомъ 1822 года постановлено взимать при отпускѣ въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ по одному рублю двадцати копѣекъ, а въ прочихъ по одному рублю пятидесяти копѣекъ серебромъ съ пуда. Сбытъ невыдѣланныхъ кожъ за границу не могъ возрасти при такихъ пошлинахъ и не прежде, какъ по значительной сбавкѣ ихъ, сталъ примѣтно усиливаться. Въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ пошлина уменьшена съ 1825 года до осьмидесяти копѣекъ, а съ 1826 года до сорока копѣекъ съ пуда, въ прочихъ

же таможенныхъ, при отпускѣ моремъ и сухимъ путемъ, положено съ тѣхъ-поръ взимать по осьмидесяти копѣекъ, за исключеніемъ ливанскаго порта, гдѣ вывозъ дозволенъ съ пошлиною въ шестьдесятъ копѣекъ серебромъ съ пуда. Въ 1833 году уменьшены отпускныя пошлины съ соленыхъ кожъ: въ южныхъ портахъ до двадцати-пяти копѣекъ, въ ливанскомъ до сорока-пяти копѣекъ, а въ прочихъ портовыхъ и сухопутныхъ таможенныхъ до шестидесяти копѣекъ серебромъ съ пуда. Пошлины съ невыдѣланныхъ кожъ, назначенныя въ 1826 и 1833 годахъ, остаются въ силѣ и по нынѣшнему тарифу безъ всякой перемѣны*.

Въ двадцатилѣтіе, съ 1824 по 1843 годъ, отпущено невыдѣланныхъ кожъ изъ Россіи въ Европу:

Въ 1824 году	65,428 пуд.	Въ 1834 году	712,467 пуд.
— 1825 —	142,841 —	— 1835 —	366,341 —
— 1826 —	147,580 —	— 1836 —	233,079 —
— 1827 —	160,608 —	— 1837 —	80,344 —
— 1828 —	225,262 —	— 1838 —	123,114 —
<hr/>		<hr/>	
Средняя сумма	148,344 —	Средняя сумма	200,719 пуд. **

Въ 1829 году	235,227 пуд.	Въ 1839 году	161,640 пуд.
— 1830 —	304,404 —	— 1840 —	237,677 —
— 1831 —	264,899 —	— 1841 —	196,190 —
— 1832 —	253,433 —	— 1842 —	226,110 —
— 1833 —	346,805 —	— 1843 —	220,420 —
<hr/>		<hr/>	
Средняя сумма	280,953 —	Средняя сумма	208,407 —

Изъ этого обзорѣнія видно, что по уменьшеніи отпускныхъ пошлинъ съ невыдѣланныхъ кожъ, вывозъ ихъ увеличился въ 1829—1833 годахъ, сравнительно съ 1824—1828 годами, на осемь-

* Отпускъ невыдѣланныхъ кожъ чрезъ ревельскій портъ былъ дозволенъ по 1836 годъ, съ уменьшенною пошлиною наравнѣ съ вилнаскою въ ливанскомъ; по минованіи срока этой льготы, установлена въ ревельскомъ портѣ общая пошлина.

** Эта сумма исчислена за четырехъ-лѣтній періодъ, съ исключеніемъ 1834 года, потому что вывозъ тогда увеличился случайно, вслѣдствіе большаго падежа на скотъ въ южной Россіи.

десять девять процентов; но въ послѣдній періодъ былъ менѣе, около тридцати-пяти процентовъ и составлялъ въ оба послѣднія пятилѣтія почти одинаковое количество.

Такой упадокъ отпуска невыдѣланныхъ кожъ можно объяснить возвышеніемъ ихъ цѣны внутри государства, при чемъ усилилось на граничныхъ рынкахъ соперничество сырыхъ кожъ, привозимыхъ изъ Америки, Остъ-Индіи и другихъ мѣстъ.

Въ какой мѣрѣ возвысилась цѣна этого товару въ нашей отпускной торговлѣ, можно судить по общей суммѣ его отпуска, основанной на объявленныхъ цѣнахъ.

Отпущено невыдѣланныхъ кожъ :

	Количество.	Цѣнность.	Круглыхъ числовъ за пудъ.
Въ 1824—1828 г.	148,344 пуд.	762,396 р. с.	5 р. 14 к. с.
— 1829—1833 —	280,958 —	1,388,997 —	4 — 94 —
— 1834—1838 —	200,709 —	1,052,344 —	5 — 24 —
— 1839—1843 —	208,407 —	1,418,070 —	6 — 80 —

Цѣнность невыдѣланныхъ кожъ, въ общемъ счетѣ, безъ различія ихъ сортовъ, постепенно возвышалась при отпускѣ ихъ за границу, такъ что въ послѣдній періодъ, съ 1839 по 1843 годъ она была уже на тридцать семь процентовъ выше, нежели въ 1829—1833 годахъ и почти въ такой же пропорціи уменьшилось количество ихъ отпуска.

Главный вывозъ невыдѣланныхъ кожъ бываетъ чрезъ Санкт-петербургъ, куда они доставляются изъ губерній московской, тульской, калужской, курской, воронежской, и другихъ. Въ Ригу привозятся кожи изъ бѣлорусскихъ губерній, равно какъ изъ ливонской, курляндской и виленской; изъ двухъ послѣднихъ этотъ товаръ идетъ также къ либавскому порту. Чрезъ сухопутную границу отправляютъ кожи, скупаемыя въ сосѣдственномъ краѣ, въ губерніяхъ виленской, гродненской, волинской, кievской, подольской и въ Бессарабской Области. Къ одесскому порту онѣ свозятся изъ ближайшихъ мѣстъ вышеупомянутыхъ губерній, равно какъ изъ херсонской и частію изъ екатеринославской, гдѣ также покупаютъ ихъ для отправки къ азовскимъ портамъ. Изъ Крыма отпускаются кожи черезъ Евпаторію, Феодосію, Керчь и Бердянскъ. Въ Ростовъ-на-Дону онѣ доставляются изъ Земли Черноморскаго Войска и Кавказской Области, для вывоза за границу.

Невыдѣланныхъ кожъ отпущено :

	Въ 1829—1833 годахъ.	Въ 1835—1838 годахъ.	Въ 1839—1843 годахъ.	
Изъ Санктпетербурга.....	126,620	89,788	111,201	пудъ.
— другихъ сѣверныхъ портовъ.....	60,933	28,975	14,309	—
— Одессы.....	37,047	41,523	16,625	—
— другихъ южныхъ пор- товъ.....	24,883	21,527	31,055	—
Черезъ сухопутную границу	31,475	18,906	35,127	—
Итого.....	280,958	200,719	208,407	—
Черезъ азиатскую границу 4,542 п. 23,429 шт. 994 п. 28,907 шт. 9,744 п. 48,841 шт.				
Всего вообще	285,500 пуд.	201,713 пуд.	218,151 пуд.	
	23,429 шт.	28,907 шт.	48,841 шт.	

Примѣчанія.

1) Болѣе половины всего отпуска невыдѣланныхъ кожъ направляется черезъ санктпетербургскій портъ; вывозъ ихъ уменьшился здѣсь не столько, какъ въ другихъ сѣверныхъ портахъ: Ригѣ, Либавѣ и Ревелѣ.

2) Отпускъ невыдѣланныхъ кожъ изъ Одессы возрасталъ въ первые два періода; но въ послѣднее пятилѣтіе значительно уменьшился и хотя въ то же время изъ другихъ южныхъ портовъ отпущено болѣе, однако въ сложности, сбытъ этого товару изъ портовъ Южной Россіи представляетъ уменьшеніе на тридцать два процента.

3) Вывозъ черезъ сухопутную границу, уменьшавшійся во второй періодъ, противъ перваго, такъ усилился въ послѣднее пятилѣтіе, что нѣсколько превзошелъ отпускъ перваго періода.

4) Невыдѣланныя кожи отпускаются по азиатской торговлѣ нашей болѣею частью изъ закавказскаго края въ сосѣдственныя мѣста Азиатской - Турціи и Персіи. Эта отрасль вывоза значительно увеличилась въ новѣйшее время.

Изъ Россіи вывозятся за границу болѣею частью коровья и бычачья кожи русскія, черкасскія и ливонскія; также конскія и телчьи, а бараньи и козловыя отпускаются, сравнительно, въ маломъ количествѣ. Въ «Видахъ Торговли» нѣтъ свѣдѣній объ от-

пускъ невыдѣланныхъ кожъ каждаго роду особо, и потому можемъ сообщить здѣсь только отчетъ о количествѣ разныхъ кожъ, вывезенныхъ изъ Санктпетербурга, составленный по вѣдомостямъ, напечатаннымъ въ Коммерческой газетѣ.

Отпущено кожъ:

	Бычачьихъ.	Коровьихъ.	Телячьихъ.	Конскихъ.
Въ 1835	6,812	73,670	21,777	32,883 пуд.
— 1836	2,046	75,716	20,713	14,405 —
— 1837	1,353	28,501	1,316	6,381 —
— 1838	1,015	54,580	789	17,207 —
— 1839	372	62,101	9,633	19,990 —
Средняя сумма	2,319	58,913	10,845	18,173 —
Въ 1840	1,129	104,848	2,751	35,174 —
— 1841	2,167	83,194	1,448	9,443 —
— 1842	2,344	103,792	1,341	11,393 —
— 1843	1,603	100,440	448	7,448 —
— 1844	589	66,659	283	3,561 —
Средняя сумма	1,566	91,786	1,384	13,404 пуд.

Въ санктпетербургскомъ отпускѣ, какъ видно изъ этой таблицы, главную часть составляютъ коровьи кожи, которыхъ вывозъ въ последнее пятилѣтiе увеличился, противъ предъидущаго, на пятьдесятъ пять процентовъ. Бычачьихъ кожъ вывозилось прежде, въ нѣвые годы, гораздо болѣе, около тридцати до сорока тысячъ пудовъ *. Отпускъ телячьихъ кожъ также былъ въ предъидущее десятилѣтiе значительное нынѣшняго и доходилъ отъ двадцати до тридцати тысячъ пудовъ **. Вывозъ конскихъ кожъ уменьшился въ послѣднiй періодъ сравнительно съ предъидущимъ, на тридцать пять процентовъ.

Изъ Санктпетербурга отпускаются бычачьи кожи черкасскія, коровьи: черкасскія, казанскія, русскія. Бычачьи кожи бываютъ въ-сомъ отъ двадцати-шести до сорока-двухъ фунтовъ и тѣмъ болѣе ихъ въсь, тѣмъ дороже онѣ цѣнятся. Напротивъ того, коровьи кожи черкасскія и казанскія (отъ двадцати-четырехъ до пятнад-

* Въ 1830 и 1831 годахъ.

** Въ 1833 по 1836 годахъ.

цати фунтовъ) и русскія (вѣсомъ въ сложности двѣнадцати, одиннадцати, десяти и девяти фунтовъ) цѣнятся выше, тѣмъ легче ихъ вѣсъ. Телячьи кожи или опойки въ четыре, три, два съ половиною, два и полтора фунта продаются дешевле, тѣмъ менѣе вѣсятъ. Конскія казанскія и русскія кожи бывають вѣсомъ отъ пятнадцати до двадцати фунтовъ. Кожи, вывозимыя изъ южныхъ портовъ, обыкновенно вѣсятъ: бычачьи отъ двадцати-семи до тридцати фунтовъ, коровьи отъ осмнадцати до двадцати-двухъ фунтовъ и телячьи отъ полутора до двѣнадцати фунтовъ. Соленыя сырыя кожи цѣнятся дешевле сухихъ, потому что соль увеличиваетъ ихъ вѣсъ. Кожи, покупаемыя послѣ убоя скота, въ осеннюю пору, по-штучно, солать для предохраненія ихъ отъ порчи и какъ тогда онѣ бывають еще сыры, то при покупкѣ ихъ на вѣсъ, обыкновенно условливаются объ отдачѣ товару весною, чтобы кожи успѣли высохнуть на солнцѣ и потомъ ихъ взвѣшиваютъ.

Главный убой скота въ Россіи начинается съ половины сентября и оканчивается въ половинѣ ноября, потому что погода удобна для соленія мяса и уже нельзя болѣе держать скотъ на подножномъ кормѣ. Въ это короткое время, убивають не менѣе трехъ четвертей всего количества скота, идущаго на убой втеченіи цѣлаго года. Промышленники, скупающіе скотъ для убоя на соленіе мяса и топку сала, большими партіями, не обращаютъ надлежащаго вниманія на тщательное снятіе кожъ: обыкновенно для того употребляются ножи, которые портятъ кожу, дѣлая въ ней подрѣзы и даже дыры. Работники, нанимаемые для свѣжеванія, получая плату со штуки, стараются выработать въ день сколько можно болѣе, и нимало не заботятся о томъ, что, при поспѣшной работѣ, сниманіе кожи ножомъ подвергаетъ товаръ важной порчѣ, отъ которой онъ много теряетъ въ цѣнѣ. Въ сырой кожѣ можно видѣть только сквозныя прорѣзы или дыры; но подрѣзы, даже глубокія, случающіяся во множествѣ, весьма трудно рассмотреть; онѣ обнаруживаются уже на выдѣланной кожѣ, на заводѣ, и хотя посредствомъ струговъ не такъ глубоки подрѣзы выскребаются, но на ихъ мѣстахъ остаются ямны, отъ чего кожи дѣлаются не такъ прочны въ употребленіи и теряють въ цѣнѣ отъ десяти до тридцати процентовъ. Мануфактурное начальство, еще въ 1829 году, приглашало промышленниковъ ввести лучшей способъ сниманія кожъ деревянными пестами, который, сколько извѣстно, отнюдь не затруднительнѣе, но несравненно выгоднѣе

для сбыта кожъ внутри государства и за границу *. Несмотря на повсемѣстное обнаруженіе этого способа, онъ введенъ въ употребленіе въ немногихъ мѣстахъ. Усматривая, что эти вынужденія не имѣли желаемого дѣйствія, мануфактурное начальство повторило ихъ въ 1840 году **. Однако кожевенные заводчики продолжаютъ жаловаться на небрежное приготовленіе кожъ, поступающихъ въ продажу съ боень. Изъ десяти штукъ рѣдко найдется одна безъ какихъ-либо пороковъ, напримѣръ прорѣзей, дыръ и тому подобнаго, происходящихъ отъ неискуснаго слятія кожъ. При гуртовой покупкѣ ихъ большими количествами на заводы, невозможно, во всей подробности, удостовѣриться въ качествахъ и видѣ товара, и нѣкоторые добросовѣстные заводчики утверждаютъ, что въ партіи изъ двухъ тысячъ кожъ иногда найдется не болѣе двухъ сотъ годныхъ на хорошую работу, остальные же опять сбываются по самымъ низкимъ цѣнамъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ пороковъ, бываютъ въ сырыхъ кожахъ еще другіе недостатки: напримѣръ, кожи обыкновенно замараны грязью и кровью и почти никогда не очищены совершенно отъ мясныхъ и жирныхъ частицъ. Какъ-скоро такая кожа полежитъ нѣскольکو дней на одномъ мѣстѣ, въ ней образуется гнилое броженіе, которое повреждаетъ ея крѣпость ***.

За границею жалуются, что русскія невыдѣланныя кожи вообще величиною менѣе и не такъ плотны всравненіи съ привозимыми изъ Америки, гдѣ скотъ крупнѣе и пользуется лучшимъ кормомъ; упрекаютъ также за дурное приготовленіе кожъ, въ которыхъ оказываются дыры, подрѣзы, мясныя частицы и тому подобное, равно какъ за худую сортировку, потому что крупныя бываютъ смѣшаны съ мелкими, между хорошими попадаютъ испорченныя небрежнымъ свѣжеваніемъ, либо поврежденныя червоточиною или гнилью. Напротивъ-того, въ Америкѣ, кожи снимаются со скота гораздо лучше, безъ дыръ, очищаются отъ мясныхъ, жирныхъ частицъ, и привозятся оттуда въ Европу въ хорошемъ видѣ, притомъ шерсть на нихъ бываетъ очень коротка и потому кожевники, при выдѣлкѣ ихъ, теряютъ въ вѣсѣ менѣе, чѣмъ на русскихъ кожахъ. По всемъ этимъ преимуществамъ, американскія кожи вообще покупаются охотнѣе и цѣнятся выше русскихъ †.

* Смотри Журналъ Мануфактуръ 1829 года № 1.

** Смотри № 4 Коммерческой Газеты 1840 года.

*** Смотри Журналъ Мануфактуръ, 1844 года, № 7, стр. 93 — 95.

† Смотри Mémoire sur le commerce des peaux de la Nouvelle Russie, par J. Hagemeister, 1835, стр. 140 — 141.

Къ отыраженію недостатковъ, замѣчаемыхъ въ русскихъ невыдѣланныхъ кожахъ, надежнѣйшимъ средствомъ было бы устройство общественныхъ боенъ, по образцу заграничныхъ, въ главнѣйшихъ мѣстахъ для боя скота, какъ-то: въ Санктпетербургѣ, Коломнѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ, Кременчугѣ и другихъ. На такихъ заведеніяхъ можно бы, между прочимъ, легко ввести лучшіе способы приготовленія кожъ на продажу для внутреннихъ кожевенныхъ заводовъ, и для заграничнаго отпуска, и, сверхъ-того, употребить на разныя потребности остатки животныхъ веществъ, какъ-то: кровь, жлы и другія, пропадающіе болѣею частію безъ пользы.

Съ распространеніемъ въ Россіи улучшеннаго приготовленія невыдѣланныхъ кожъ, вывозъ ихъ за границу, вѣроятно, усилится, несмотря на возрастающее соперничество американскихъ кожъ. Напротивъ-того, оно будетъ болѣе и болѣе противодействовать развитію этой отрасли нашей отпускной торговли, если сами промышленники не озаботятся поддержать ее улучшеніемъ качества своего товару.

Нынѣшній отпускъ русскихъ невыдѣланныхъ кожъ еще не соответствуетъ способамъ, которыми обладаетъ Россія для снабженія иностранныхъ государствъ этимъ матеріаломъ, по изобилію въ ней скотоводства и по большому убою скота для топки сала.

Вывозъ невыдѣланныхъ кожъ всякаго роду изъ Россіи простирается до двухъ сотъ тысячъ пудовъ въ годъ и едва составляетъ двадцатую долю количества ихъ, ежегодно привозимаго въ главныя мануфактурныя государства Европы. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, годичный привозъ туда невыдѣланныхъ кожъ доходитъ почти до четырехъ милліоновъ пудовъ, а именно:

Въ Великобританіи	1,600,000	пудовъ.
— Франціи	1,200,000	—
— Германскомъ Таможенномъ Союзѣ.	500,000	—
— Австріи.	350,000	—
— Бельгіи	100,000	—

Итого . . . 3,750,000 пудовъ.

• Подробное описаніе парижскихъ боенъ напечатано въ № 10 Журнала Мануфактуръ 1842 года.

Разсмотримъ теперь, какъ великъ отпускъ русскихъ невыдѣланныхъ кожъ въ разныя иностранныя земли и до какой пропорціи простирается привозъ этого товару изъ другихъ странъ въ вышеупомянутыя государства.

Невыдѣланныхъ кожъ отпущено изъ Россіи:

	Въ 1829—33 г.	1835—38 г.	1839—43 г.	
Въ Швецію и Норвегію	8,548	3,642	5,098	шуд.
— Пруссію	21,377	5,467	15,187	—
— Ганзейскіе города	24,743	5,003	5,155	—
— Нидерланды	2,027	1,284	260	—
— Великобританію	119,453	94,883	91,336	—
— Францію	16,599	3,568	6,939	—
— Италію	4,318	2,433	4,928	—
— Турцію	40,142	44,488	32,963	—
— Австрію	30,520	31,559	25,777	—
— Зундъ	„	1,947	20,012	— *
— прочія мѣста	13,286	6,445	762	—
Итого	280,953	200,719 **	208,407	—

Самый значительный вывозъ бываетъ въ Великобританію: онъ составляетъ до сорока процентовъ всего отпуска. Въ немаловажномъ количествѣ отправляются невыдѣланныя кожи въ Турцію, Австрію и Пруссію. Сбытъ ихъ въ другія мѣста незначителенъ и въ новѣйшее время болѣею частію уменьшился.

Во всѣхъ иностранныхъ земляхъ взимаются съ невыдѣланныхъ кожъ весьма малыя привозныя пошлины.

Въ Великобританіи, иностранныя сырыя кожи платятъ двѣ съ половиною копѣйки, сухія пять копѣекъ серебромъ, съ пуда, а съ кожъ, изъ британскихъ владѣній, пошлина вполовину менѣе.

Во Франціи, пошлина съ крупныхъ сухихъ кожъ составляетъ: при ввозѣ подъ французскимъ флагомъ изъ Европы сорокъ-двѣ копѣйки, изъ другихъ частей свѣта вполовину менѣе, а подъ иностраннымъ флагомъ шестьдесятъ двѣ копѣйки серебромъ съ

* Въ этомъ періодѣ исключенъ 1834 года по причинамъ, которыя объяснены выше.

** Грузы, отправляемые въ Зундъ, получаютъ настоящее назначеніе въ Гельсенбръ.

шуда; сырыя кожи платятъ не свыше четырехъ съ половиною копѣекъ серебромъ съ пуда.

Въ Бельгiи взимается съ сырыхъ кожъ двѣ съ четвертью, а съ сухихъ три съ четвертью копѣекъ серебромъ съ пуда.

Въ Голландiи, всякія невыдѣланныя кожи обложены пошленною въ полтора процента съ цѣны.

Въ Австрiйской имперiи, крупныя кожи платятъ семь съ половиною, а мелкія пятнадцать копѣекъ серебромъ съ пуда.

По тариѣ Германскаго Таможеннаго Союза, невыдѣланныя кожи освобождены отъ привозной пошлнны.

Великобританiя, сравненiи съ другими мануфактурными государствами, получаетъ, какъ мы видѣли выше, самое большое количество невыдѣланныхъ кожъ: привозъ ихъ въ одну Великобританiю почти равняется совокупному привозу въ другія государства. По десятилѣтней сложности съ 1831 по 1840 годъ, привезено:

Кожи невыдѣланныхъ:	Среднее количество.		
Крупныхъ	335,275	центнеровъ	1,047,709 пудовъ.
Коровьихъ и телячьихъ	47,684	—	149,012 —
Козловыхъ	—	—	444,960 штукъ.
Козьихъ	—	—	222,314 —
Ягнячьихъ	—	—	224,290 —
Оленьихъ	—	—	216,103 —
Тюленьихъ	—	—	370,284 —

Изъ Россiи привозятся только крупныя, равно какъ телячьи и коровьи кожи; въ снабженiи кожами прочихъ родовъ она почти вовсе не участвуетъ: козловыя доставляются изъ Африки, Остъ-Индiи, Германiи, Францiи и другихъ. Козьи и ягнячьи изъ Италiи, Турцiи, Германiи и другихъ. Оленьи и тюленьи изъ Сѣверной-Америки. Слѣдующіе выводы показываютъ, въ какой мѣрѣ и какія страны наиболѣе соперничаютъ съ Россiею по привозу невыдѣланныхъ кожъ въ Великобританiю.

Среднія количества.

Привозено :	Крупныхъ.		Коровьихъ и телячьихъ.	
	Въ 1831—1835 г.	Въ 1836—1840 г.	Въ 1831—1835 г.	Въ 1836—1840 г.
Изъ Россіи	17,777	8,879	цент.	34,921
— Германіи . .	20,017	15,144	—	11,629
— Австріи	21,154	16,067	—	—
— Остъ-Индіи . . .	24,744	47,032	—	763
— Америки	187,787	238,701	—	—
— прочихъ мѣстъ . .	37,000	53,237	—	7,060
Итого . . .	308,488	380,060	цент.	54,373
				40,998
				цент.

Изъ этой таблицы видно :

1) Что привозъ крупныхъ кожъ въ періодъ съ 1836 по 1840 годъ увеличился противъ 1831 по 1835 годъ на двадцать три процента, но главное приращеніе относится къ привозу изъ Америки, Остъ-Индіи и другихъ мѣстъ, тогда какъ въ то же время привозъ изъ Россіи уменьшился на сто процентовъ. Въ первый періодъ русскія кожи составляли пять процентовъ, а въ послѣдній два процента всего привоза.

2) Что Великобританія, получающая изъ Россіи преимущественно коровьи (легкія) и телячьи кожи, въ новѣйшее время стала менѣе нуждаться въ ихъ привозѣ : съ 1836 по 1840 годъ, сравнительно съ 1831—1835 годами, онъ уменьшился вообще на тридцать два процента. Количество этихъ кожъ, привезенное изъ Россіи, составляло въ первый періодъ шестьдесятъ четыре процента, а въ послѣдній пятьдесятъ процентовъ всего привоза. Такое уменьшеніе сбыта русскихъ невыдѣланныхъ кожъ въ Великобританію, имѣетъ невыгодное вліяніе на торговлю ими тѣмъ болѣе, что до-сихъ-поръ главный отпускъ ихъ направляется въ это государство.

Въ слѣдующіе четыре года привезено невыдѣланныхъ кожъ въ Великобританію :

Въ 1841 году	456,222	центнеровъ.
— 1842 —	537,563	—
— 1843 —	537,467	—
— 1844 —	631,765	—

Средняя сумма . 540,750 центнеровъ.
или 1,689,856 пудовъ.

О количествѣ привоза изъ Россіи не имѣемъ свѣдѣній за эти годы, по англійскимъ отчетамъ; но изъ «Видовъ Торговли» оказывается, что средній отпускъ невыдѣланныхъ кожъ изъ Россіи въ Великобританію простирался до 77,870 пудовъ, слѣдовательно, составлялъ только четыре процента всего привоза въ это государство.

Франція, употребляющая большое количество иностранныхъ невыдѣланныхъ кожъ, снабжается ими изъ разныхъ мѣстъ; но изъ Россіи привозятся ихъ въ это государство гораздо меньше, чѣмъ въ Великобританію. Втеченіи трехъ лѣтъ, Франція получила невыдѣланныхъ кожъ:

	Въ 1840 г.	Въ 1841 г.	Въ 1842 г.	
Крупныхъ	11,039,729	15,518,475	20,148,131	килогр.
Козьихъ	415,281	563,643	633,223	—
Бараньихъ и яг- начьихъ	560,563	701,761	1,492,493	—
Прочихъ мелкихъ	1,982,534	1,889,496	2,500,980	—
Итого.	14,998,107	19,673,375	24,774,827	—
или	937,481	1,229,585	1,548,426	пудовъ.

Кожъ бараньи, ягначьи и козьи доставляются изъ Германіи, Швейцаріи, Италіи и Африки, а изъ Россіи почти вовсе не привозятся; она снабжаетъ Францію только крупными и телачьими кожами, но привозъ ихъ весьма маловаженъ, вравненіи съ количествомъ, поступающимъ изъ другихъ странъ. Невыдѣланныхъ кожъ привезено изъ Россіи:

	Крупныхъ.	Мелкихъ.	
Въ 1840	31,572	23,818	килогр.
— 1841	39,402	32,265	—
— 1842	166,405	35,006	—
Средняя сумма:	79,126	30,363	килогр.
или	4,945	1,897	пудовъ.

Весь привозъ изъ Россіи простирался въ эти три года, среднимъ числомъ, только до 6,942 пудовъ, тогда какъ средній привозъ невыдѣланныхъ кожъ вообще составлялъ 1,238,464 пудовъ.

Франція получаетъ крупныя кожи, болѣею частію изъ Аме-

рики, а мелкія изъ Германіи, Нидерландовъ, Швейцаріи, Италіи и другихъ. Привозъ изъ Россіи никогда не былъ значительнъ, но еще болѣе уменьшился съ приращеніемъ сбыта американскихъ кожъ, какъ видно изъ слѣдующаго сравненія:

Крупныхъ кожъ привезено:

	Изъ Россіи.	Изъ Америки.
Въ 1825 году	15,650 пудовъ	161,143 пудовъ.
— 1830 —	50,629 —	283,153 —
— 1840 —	1,914 —	435,903 —

Германія снабжается иностранными невыдѣланными кожами, наиболѣе чрезъ Гамбургъ, частію чрезъ Амстердамъ. Средній привозъ ихъ въ Пруссію и другія владѣнія Германскаго Таможеннаго Союза составлялъ съ 1837 по 1841 годъ 176,147 центнеровъ или 528,441 пудовъ; отпущено 23,465 центнеровъ; за вычетомъ этого количества поступило на внутреннее потребленіе 152,682 центнеровъ или 458,000 пудовъ. Невыдѣланныя кожи вывозятся изъ Россіи въ Пруссію, частію для тамошнихъ кожевенныхъ заводовъ, частію для отпуски за море чрезъ прусскіе порты: средній вывозъ этого товара изъ Россіи въ Пруссію составлялъ въ 1839 году по 1843 годъ только по 15,000 пудовъ. Въ то же время отпущено русскихъ невыдѣланныхъ кожъ въ Ганзейскіе города, среднимъ числомъ, 5,000 пудовъ, тогда какъ одинъ Гамбургъ получаетъ около 150,000 пудовъ американскихъ и остъ-индскихъ кожъ, которыя чрезъ этотъ портъ сбываются внутрь Германіи на кожевенные заводы. Такимъ образомъ и въ нѣмецкихъ земляхъ сбытъ русскихъ невыдѣланныхъ кожъ весьма незначителенъ, такъ что пропорція ихъ едва составляетъ одну двадцатую долю привоза въ Германскій Таможенный Союзъ.

Въ австрійской имперіи, привозъ невыдѣланныхъ кожъ возрастаетъ; въ 1831—1840 годахъ, онъ простирался до 36,646 центнеровъ крупныхъ и 36,299 центнеровъ мелкихъ кожъ, всего 72,945 центнеровъ или 255,300 пудовъ, а въ 1843 году привезено крупныхъ 53,172 центнеровъ и мелкихъ 46,893 центнеровъ, всего 100,065 центнеровъ или до 350,000 пудовъ. Невыдѣланныя кожи доставляются болѣею частію изъ Турціи, сѣверной Африки и Америки, а вывозъ ихъ въ австрійскую имперію изъ Россіи составляетъ только десятую долю этого количества.

Обозрѣвая важнѣйшія мѣста заграничнаго сбыта невыдѣлан-

ныхъ кожъ, мы видимъ, что въ торговлѣ ими Россія не принимаетъ значительнаго участія, и почти вездѣ встрѣчается, по привозу ихъ, соперничество Америки, Остъ-Индіи и Африки, которое вѣроятно будетъ возрастать по мѣрѣ распространенія европейской торговли съ этими странами. Всѣ мануфактурныя государства стремятся къ умноженію тамъ сбыта своихъ издѣлій и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваютъ вывозъ оттуда сырыхъ продуктовъ, между которыми невыдѣланныя кожи, особенно въ южной Африкѣ, составляютъ главнѣйшую вѣтвь тамошней отпускной торговли. При такихъ обстоятельствахъ, для поддержанія вывоза нашихъ невыдѣланныхъ кожъ, который еще простирается слишкомъ на миллионъ рублей серебромъ въ годъ, необходимымъ условіемъ можно считать: во-первыхъ, чтобы онѣ не уступали иностраннымъ въ добротѣ, и во-вторыхъ, чтобы, не превосходя ихъ цѣною. Въ-отношеніи качества кожъ, какъ для заграничнаго ихъ сбыта, такъ и для пользы внутренняго кожевеннаго производства, остается желать въ-особенности, чтобы у насъ распространился улучшенный способъ сниманія кожъ со скота, о чемъ уже было говорено выше. Что же касается до цѣнности, то облегченіе расходовъ, падающихъ на этотъ товаръ, при отпускѣ его за границу послужило бы, въ нѣкоторой мѣрѣ, къ удешевленію цѣны, и это нужно тѣмъ болѣе, что сырыя кожи не могутъ обходиться у насъ такъ дешево какъ въ Южной-Америкѣ, гдѣ онѣ добываются отъ дикаго скота, который пасется на даровыхъ природныхъ пастбищахъ. Напротивъ того, въ Россіи съ умноженіемъ народонаселенія и съ развитіемъ внутренней промышленности, сырыя кожи должны становиться дороже, какъ отъ возвышенія цѣнъ на скотъ, такъ и отъ приращенія расхода кожевенныхъ товаровъ внутри государства.

Судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ внѣшней торговли не выдѣланными кожами, можно скорѣе ожидать дальнѣйшаго упадка, нежели возвышенія ихъ отпуска; но не вознаградится ли упадокъ его приращеніемъ вывоза изъ Россіи выдѣланныхъ кожъ? Этотъ вопросъ разрѣшается изслѣдованіемъ, къ которому теперь обратимся, чтобы показать степень развитія нашей кожевенной фабрикаціи и положеніе заграничнаго сбыта ея произведеній.

Выдѣлка кожъ, съ давнихъ временъ, составляетъ значительную отрасль народной промышленности въ Россіи, особенно въ губерніяхъ, ближайшихъ къ ея древней столицѣ. Нѣкоторыя мѣста первенствуютъ преимущественно въ какихъ-либо отдѣль-

ныхъ родахъ кожевеннаго дѣла, наприимръ: Арзамасъ, Муромъ, Осташковъ и другіе, по выдѣлкѣ красной; Болховъ, по производству черной; Угличъ же по выработкѣ бѣлой юфти и шпотовья; Казань, Торжокъ, Москва славятся сафьянами. Изъ всѣхъ родовъ кожъ, выдѣлываемыхъ въ Россіи, особеннаго вниманія заслуживаетъ юфть, какъ издѣліе коренное русское, которому иностранцы давно уже тщетно стараются подражать. Несмотря на успѣхи кожевеннаго производства за границею, юфть всё-еще вывозится изъ Россіи въ Европу, тогда какъ другія кожи отпускаются въ гораздо меньшемъ количествѣ.

Годичное производство красной юфти составляетъ около 130,000 пудовъ *, а бѣлой и черной вообще выдѣлывается менѣе, нежели красной. Последняя преимущественно поступаетъ въ заграничный отпускъ, потому что иностранцы предпочитаютъ ее другимъ сортамъ, по большей ея прочности вравненіи съ бѣлою и черною, которыя выдѣлываются не такъ надежно. Красная юфть не портится даже въ самыхъ сырыхъ мѣстахъ, какъ это бываетъ съ другими сортами кожъ; она вовсе не промокаетъ и потому годна на всякую обувь. Это свойство происходитъ отъ веществъ, употребляемыхъ при выдѣлкѣ красной юфти: по вынутіи кожи изъ дубильныхъ ямъ, намазываютъ ее березовымъ дегтемъ, предохраняющимъ ее волонна отъ вреднаго дѣйствія наружныхъ вліяній; натертая дегтемъ кожа погружается въ квасцовый растворъ, который есть также отлично сохраняющее средство и, наконецъ, окраска кожи сандаловымъ краснымъ растворомъ служитъ къ сжиманію ея сиважинъ, для того, чтобы она менѣе вбирала въ себя сырость. При выдѣлкѣ бѣлой и черной юфти, намазываютъ кожу рыбьимъ, либо тюленьимъ жиромъ, который, однако, не можетъ замѣнить березоваго дегтя, потому что придаетъ кожѣ только большую гибкость. Для бѣлой юфти употребляется также смѣсь изъ березоваго дегтя и ворваннаго сала. За границу идетъ болѣею частью сальная юфть, а дегтярной отпускается очень мало, потому что не многіе умѣютъ давать ей хорошую бѣлизну. Сальная кожа выходитъ бѣла, довольно мягка и нѣжна, зато не только отъ воды и сырости скоро теряетъ свою крѣпость, но даже отъ сухаго воздуха сгораетъ, что никогда не можетъ случиться съ

* Въ томъ числѣ до 40,000 пудовъ въ Арзамасѣ, до 20,000 пудовъ въ Муромѣ, до 15,000 пудовъ въ Осташковѣ, до 15,000 пудовъ въ Кунгурѣ, до 10,000 пудовъ въ Сызранн, до 6000 пудовъ въ Касимовѣ, до 5000 пудовъ въ Ярославлѣ, до 15,000 пудовъ въ Торжкѣ, Великихъ-Лукахъ и прочее.

дугтарною. кожею. Черную юфть также иногда намазывают водраннымъ саломъ, чтобы сдѣлать ее мягче, не заботясь о прочности. Она красится отваромъ сняго сандала, къ которому для густоты краски, иногда прибавляютъ черный купоросъ, чѣмъ портятъ доброту товару, потому что такая юфть, черезъ нѣсколько времени грубѣетъ и ломается. Въ Россіи употребляютъ для обуви, бѣльшую частью, бѣлыя и черныя кожи, хотя онѣ уступаютъ въ прочности красной юфти, которая собственно по этому качеству ея требуются иностранцами.

Въ торговлѣ раздѣляютъ юфть на четыре главные сорта: чистая, рѣзваль, домашняя и рыночная; сверхъ-того по вѣсу сортируютъ на легкую и тяжелую, и вертятъ въ тюки по шести кожъ въ каждомъ, а мелкій сортъ, называемый маллѣ, бываетъ по десяти кожъ въ тюкѣ. Чистая и рѣзваль есть первый и второй сорты хорошей юфти, въ домашнюю полагаются кожи забракованныя по какимъ-либо неважнымъ недостаткамъ или порокамъ и принимаемыя иностранными покупателями обыкновенно со скидкою десяти рублей ассигнаціями на пудъ съ цѣны протавъ чистой и рѣзвали, рыночная юфть, откидываемая за бѣдшіе пороки, вовсе не допускается въ заграничный отпускъ.

Юфть, отправляемая за море черезъ санктпетербургскій портъ, подвергается здѣсь сортировкѣ и браку посредствомъ присяжныхъ браковщиковъ. По правиламъ бракованія юфти установленнымъ, она раздѣляется на слѣдующіе сорта.

Красная юфть чистая перваго сорту должна быть безъ всякаго пороковъ, то есть, ровной краски, какъ въ середнѣй, такъ и на поляхъ, съ лицевой стороны чистая, а съ бахтермы хорошо и гладко выстроганная, безъ подрѣзовъ и дыръ и на щекахъ безъ сыри. Во второй сортъ кладутся такія же кожи, только полдніе тоньше. Къ третьему сорту допускается юфть съ небольшими желтыми пятнами въ краскѣ, съ двумя или тремя не глубокими подрѣзами или на поляхъ дырками, которыя можно удобно срѣзать, чтобы кожа не оставалась безъ боковъ и тѣмъ не теряла бы своего виду.

Маллѣ чистое всѣхъ добротъ бракуется въ одинъ сортъ.

Рѣзваль, дѣлится на два сорта: первая должна быть одинаково чистой стружки противъ чистой юфти, но въ этотъ сортъ допускаются кожи съ немногими на поляхъ дырами, которыя можно вырѣзать, съ малыми и рѣдкими на лицѣ лопьями или перчинками, при ровной краскѣ, съ небольшими желтыми пятнами,

не болѣе какъ съ двумя свищами и съ малыми пятнами подмоч-ки въ вороткѣ или на полахъ, которыя удобно вычистить или вырѣзать и съ нѣсколькими подрѣзами; но если всѣ эти пороки или разные изъ нихъ случатся вмѣстѣ, то кожа въ первую развалъ не принимается. Во второй сортъ кладутъ кожи безъ шерсти или съ подсадкою, съ одною дырою въ серединѣ или съ двумя и тремя малыми дырами недалеко отъ краевъ, съ многими цапьями, лопинами или першинами и съ малымъ числомъ подрѣзей, съ тремя или четырьмя свищами на пространствѣ не болѣе четырехъ вершковъ въ окружности, и съ большою прѣлпною или подмочкою около краевъ, которыя можно вырѣзать или вычистить. Вообще, если на какой-либо кожѣ случатся изъ этихъ пороковъ два или три вмѣстѣ, то она не принимается во вторую развалъ.

Всѣ кожи, которыя по своимъ порокамъ не входятъ въ чистую и развалъ, откидываются въ домашнюю юфть.

Кожи съ многими свищами и дырами, не продубленыя съ лицевой стороны, весьма сопрѣвшія, а съ бактермы глубоко изрѣзанныя, такъ что къ употребленію мало годны, бракуются въ рыночную юфть, которую запрещено отправлять въ иностранныя земли.

Бѣлая и черная юфть бракуется подобно красной, на три главные сорта, съ примѣсью къ тѣмъ же правиламъ.

Выдѣлка кожъ хорошей доброты требуетъ большаго искусства, тщательности и осторожности при очисткѣ, мятіи, дубленіи, крашеніи и отдѣлкѣ ихъ, чтобы въ кожѣ не оставалось сыри, либо золы и жирныхъ частицъ, чтобы она была плотна, крѣпка, мягка, ровно и чисто выстрогана, прочна цвѣтомъ и съ хорошимъ глянцемъ. Встрѣчаются въ кожахъ пороки, которые нельзя приписать дурной выдѣлкѣ, напримѣръ: подрѣзы, дыры отъ снятия кожи со скота ножомъ, свищи (дыры), образующіяся въ кожѣ живаго скота отъ червяковъ, которые зараждаются при худомъ кормѣ, мохъ на лицевой сторонѣ кожи отъ прѣли при складываніи сырыхъ кожъ въ кучу и тому подобное. По этой причинѣ, въ правилахъ для юфтянаго брака оговорено въ особенности сортировать кожи по числу подрѣзей, дыръ и свищей и помѣщать въ послѣдній разрядъ такую юфть, на которой окажутся многіе изъ этихъ пороковъ.

Правила, установленныя для санктпетербургскаго брака, распространены съ 1845 года и на юфть, идущую изъ Москвы въ иностранныя земли черезъ сухопутную границу. Предъявленіе

юфты на бракъ при московской биржѣ не вывнено купечеству въ непремѣнную обязанность, а предоставлено на волю. Эта мѣра принята по ходатайству торгующихъ юфтью купцевъ, которые признали нужнымъ учрежденіе брака, для поддержанія дѣвѣрія къ этому товару, отправляемому изъ Москвы, въ большомъ количествѣ, въ Австрію и въ Италію.

Заграничный отпускъ юфты, въ послѣднее двадцатилѣтіе, представлялся слѣдующимъ образомъ:

Отпущено: Въ 1821—24 г. 1829—33 г. 1834—38 г. 1839—43 г.

I. По европейской торговлѣ:

Черезъ С. Петербургъ.	26,615 п.	25,859 п.	23,084 п.	25,595 п.
— Радзивилловъ.....	35,940 п.	47,359 п.	32,138 п.	33,612 п.
— Таганрогъ.....	1,607 п.	1,482 п.	4,862 п.	1,854 п.
— прочія мѣста...	5,086 п.	1,478 п.	1,551 п.	427 п.
Итого.....	69,248	76,178	61,635	61,473 п.

II. По азиатской торговлѣ:

Черезъ оренбургскую и сибирскую линію.....	17,171 п.	16,519 п.	31,256 п.	37,799 п.
	53,519 ш.	115,511 ш.	103,624 ш.	90,683 ш.
— Кяхту.....	72,729 —	77,914 —	68,092 —	60,827 —
— Астрахань.....	31,237 —	29,679 —	7,843 —	5,458 —
— прочія мѣста.	18 —	1,963 —	37 —	—
	—	—	27 пуд.	—
Итого....	17,171 п.	16,519 п.	331,283 п.	37,799 п.
	157,993 ш.	225,067 ш.	17,9596 ш.	156,908 ш.

Примѣчанія.

1) Отпускъ юфты по европейской торговлѣ въ послѣдніе два періода уменьшился, противъ двухъ предъидущихъ періодовъ, въ сложности на семнадцать процентовъ.

2) Количество юфты, вывозимой черезъ санктпетербургскій портъ, составляетъ среднимъ числомъ, около двухъ тысячъ пудовъ въ годъ, и отпускъ во всѣ эти періоды оставался почти въ одинаковомъ положеніи; но если сравнить его съ прежнимъ, то оказывается значительный упадокъ. Изъ Санктпетербурга отпущено юфты:

Въ 1739—1782 г.	137,986 пуд.	Въ 1798—1802 г.	91,320 пуд.
— 1783—1787 —	114,660 —	— 1803—1807 —	55,781 —
— 1788—1792 —	102,800 —	— 1812—1816 —	26,376 —
— 1783—1797 —	100,960 —	— 1817—1821 —	26,068 —

1) Санктпетербургскій отпускъ юфти былъ довольно значителенъ въ прошломъ столѣтїи; но уже въ послѣдніе годы его сталъ постоянно упадать и, около тридцати лѣтъ тому, уменьшился до количества, равнаго нынѣшнему отпуску.

2) Вывозъ юфти по сухопутной границѣ, черезъ Радзивилловъ, составляющій почти половину всего отпуска по европейской торговлѣ, былъ почти одинаковъ въ послѣдніе два періода; но въ сложности противъ предъидущаго десятилѣтія уменьшился на двадцать шесть процентѣвъ.

3) Сбытъ юфти черезъ Тагарогъ и другіе порты незначителенъ и въ новѣйшее время почти постоянно упадалъ.

4) По азиатской торговлѣ самый значительный отпускъ юфти бываетъ черезъ оренбургскую и сибирскую линїи; въ послѣднее десятилѣтіе онъ былъ вдвое болѣе, нежели въ предъидущее. Напротивъ того, сбытъ юфти не увеличился въ Кяхтѣ и вывозъ чрезъ Астрахань представлялъ почти постоянный упадокъ.

Для заграничнаго отпуска, юфть продается наиболѣе въ Москвѣ, куда свозится съ заводовъ, находящихся въ Муромѣ, Арзамасѣ и другіхъ, и частью отправляется къ сухопутной границѣ на Радзивилловъ, откуда идетъ чрезъ Броды въ Австрію и въ Италию, частью вывозится въ разныя иностранныя земли изъ санктпетербургскаго порта. Съ оставшковскихъ заводовъ отправляютъ юфть за границу также чрезъ Радзивилловъ и Санктпетербургъ. Сверхъ-того для отпуска чрезъ этотъ портъ доставляется юфть изъ Великихъ-Луки, Торонца, Вологды, Торжка, и Романова съ тамошнихъ заводовъ. Кунгурская юфть идетъ за границу частью также чрезъ Санктпетербургъ и Тагарогъ, а болѣе чрезъ оренбургскую линію, въ Среднюю Азію, куда также отправляется юфть чрезъ сибирскую линію съ заводовъ, находящихся въ тобольской и томской губерніяхъ. На Кяхтѣ производится Китайцамъ болѣею частью тюменская и томская юфть;

Тюменская юфть замѣчательна по древнему, до снѣга порѣ, употребительному, способу крашенія кожи: сперва шиваютъ ее, какъ мехокъ, швомъ внутрь, и малѣе туда горячей краски, катаютъ носомъ, мнутъ пять;

везь Астрахань отпускаютъ въ Персію и Хиву съезъ разныхъ заводовъ, покупаемую на нижегородской ярмаркѣ.

Весь вывозъ юфти, по европейской и азіатской торговлѣ совокупно, составлялъ слѣдующія количества въ послѣдніа двадцать лѣтъ:

	Пудовъ.	Штукъ.		Пудовъ.	Штукъ.
Въ 1824 г.	73,313	или 154,635	Въ 1834 г.	131,242	или 206,426
— 1825 —	76,577	— 136,049	— 1835 —	69,824	— 180,552
— 1826 —	64,898	— 148,673	— 1836 —	105,566	— 150,127
— 1827 —	111,886	— 145,982	— 1837 —	91,122	— 146,265
— 1828 —	105,427	— 204,625	— 1838 —	67,830	— 214,610
Сред. сумма	86,420	— 157,993	Сред. сумма	93,117	— 179,596

	Пудовъ.	Штукъ.		Пудовъ.	Штукъ.
Въ 1829 г.	107,520	или 206,461	Въ 1839 г.	102,503	или 205,243
— 1830 —	69,312	— 224,920	— 1840 —	125,029	— 175,754
— 1831 —	89,809	— 261,240	— 1841 —	146,738	— 148,183
— 1832 —	89,643	— 213,925	— 1842 —	58,004	— 141,582
— 1833 —	116,216	— 288,788	— 1843 —	65,116	— 113,778
Сред. сумма	92,702	— 225,067	Сред. сумма	99,478	— 156,908

Изъ этого сравненія видно, что средній отпускъ юфти вообще увеличился; но приращеніе оказывается собственно по ея сбыту въ Азію: въ первое десятилѣтіе отпущено по азіатской торговлѣ девятнадцать процентовъ, а по европейской восемьдесятъ одинъ процентъ, напротивъ того, въ послѣднее десятилѣтіе, количество юфти, вывезенной въ Европу, составляло шестьдесятъ четыре процента, а въ Азію вывезено тридцать шесть процентовъ всего отпуска.

Расходъ юфти въ разныхъ странахъ Европы значительно уменьшился втеченіи послѣднихъ сорока лѣтъ. Съ усовершенствованіемъ кожевеннаго дѣла во многихъ иностранныхъ земляхъ, русскую юфть замѣнили для разныхъ потребностей тамошними ко-

потомъ расшиваютъ в, высушивъ, отдѣлываютъ. Такое крашеніе гораздо затруднительнѣе вытѣшлаго; однако Китайцы, привыкнувъ къ тюменской юфти, предпочитаютъ ее другой, крашеной новѣйшимъ способомъ, потому что полагаютъ, что тюменская отъ зажиги лицевой ея стороны, становится болѣе непромокаемою.

шкили, и самое употребленіе ея на нѣкоторые предметы прекратилось".

Въ какой мѣрѣ упалъ заграничный сбытъ юфти въ новѣйшее время, можно судить по сравненію ея отпуска въ разные періоды прошлаго и нынѣшняго столѣтія. Отпущено среднихъ чиселомъ въ годъ:

Въ 1767—1769 г.	155,125 пудовъ.		
— 1793—1795	— 138,719	—	
— 1800—1803	— 130,910	—	86,314 штукъ.
— 1803—1813	— 84,877	—	69,224 —
— 1813—1823	— 83,975	—	109,425 —
— 1824—1829	— 86,420	—	157,993 —
— 1829—1834	— 92,702	—	225,067 —
— 1834—1838	— 93,117	—	179,598 —
— 1839—1843	— 99,478	—	156,908 —

Здѣсь должно замѣтить, что количества вывезенной юфти въ 1767 до 1769 года и 1793 до 1795 года относятся только къ отпуску ея въ Европу; въ слѣдующіе же періоды присоединенъ вывозъ въ Азію, который, какъ мы видѣли выше, значительно увеличился въ новѣйшее время, но не можетъ пополнить уменьшенія въ отпускѣ этого товару по нашей европейской торговлѣ. Если отдѣлить количество юфти, отпущенной въ Азію въ послѣднія двадцать лѣтъ, то упадокъ вывоза въ Европу будетъ еще разительнѣе, въ сравненіи съ количествомъ, до котораго доходилъ отпускъ туда юфти въ прошломъ столѣтіи.

Отпущено въ Европу.

	Количество.	Ценность.	Цена за пуд.
Въ 1767—1769 г.	155,125 пуд.	Неизвѣстно.	
— 1793—1795	— 138,719	— 2,602,218 руб. сер.	18 руб. 70 коп. сер.
— 1824—1828	— 69,248	— 729,577	— 14 — — —
— 1829—1833	— 76,178	— 651,093	— 10 — 48 — —
— 1834—1838	— 61,837	— 734,601	— 11 — 88 — —
— 1839—1843	— 61,478	— 791,773	— 12 — 85 — —

Въ послѣдніе два періода отпущено юфти слишкомъ на сто

Напримѣръ, въ прошломъ столѣтіи требовалось много юфти въ Италію для обивки мебели; впоследствии стали употреблять на то, въ зашитъ юфти, разныя тканія матеріи.

процентовъ менѣе чѣмъ въ оба первые, и цѣнность ея значительно понизилась отъ уменьшенія заграничнаго сбыта. При усилившемся кожевенномъ производствѣ въ иностранныхъ земляхъ и по возвышеніи тамъ привозныхъ пошлинъ съ выдѣланныхъ кожъ, отпускъ русской юфти уже не могъ увеличиться, хотя цѣна ея упала около пятидесяти процентовъ.

Несправедливо полагаютъ, будто отпускъ юфти началъ уменьшаться, съ тѣхъ поръ какъ разрѣшенъ вывозъ сырыхъ кожъ изъ Россіи, который со временъ Петра Великаго до 1803 года оставался запрещеннымъ для выгодъ кожевенныхъ заводовъ. Требованіе на юфть за границу стало упадать еще въ исходѣ прошлаго столѣтія, и по возстановленіи общаго мира въ Европѣ, послѣ войнъ, разстроившихъ торговлю въ 1803 до 1814 года, заграничный сбытъ этого товару еще болѣе сократился частью отъ уменьшенія войскъ, частью отъ развтія кожевеннаго производства въ разныхъ иностранныхъ земляхъ, а вовсе не въ слѣдствіе разрѣшенія вывоза сырыхъ кожъ изъ Россіи. Приписать этой иѣрѣ упадокъ отпуска юфти можно бы въ такомъ случаѣ, когда иностранцы стали бы выдѣлывать кожи только съ тѣхъ поръ, какъ получили возможность вывозить сырой матеріалъ изъ Россіи, не имѣвъ до того времени другихъ источниковъ къ пріобрѣтенію этого товару. Напротивъ-того, извѣстно, что кожи, подобныя русской юфти, донинѣ нигдѣ не выдѣлываются, и что Англія, Франція, Бельгія и Германія, гдѣ наиболѣе усовершенствована выдѣлка кожъ разнаго роду, снабжаются сырыми кожами преимущественно изъ Америки, Африки, Остъ-Индіи, Леванта, а не изъ Россіи. Если бы у насъ вывозъ ихъ былъ, по-прежнему запрещенъ, то это не принудило бы иностранцевъ покупать нашу юфть, когда они въ состояніи замѣнять ее, во многихъ случаяхъ, кожами собственной выдѣлки и легко могли бы удовлетворить своимъ потребностямъ въ этомъ матеріалѣ, усиливъ вывозъ сырыхъ кожъ изъ Америки и другихъ странъ. Тогда Россія лишилась бы тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтаетъ ея скотоводство отъ сбыта за границу сырыхъ кожъ и потеря для внутренней промышленности отъ монополіи кожевенныхъ заводовъ, въ покупкѣ этого матеріала, не вознаградилась бы приращеніемъ отпуска юфти и другихъ выдѣланныхъ кожъ въ иностранныя земли, гдѣ кожевенное дѣло значительно распространилось и усовершенствовалось въ повѣйшее время.

До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы поддерживается требованіе преимущественно на красную юфть, отъ того

что всѣ старанія иностранныхъ заводчиковъ, для выдѣлки подобнаго товара, оставались безуспѣшными, по недостатку за границею березоваго дегтю, употребляемаго у насъ въ ютяномъ производствѣ, чтобы придать кожѣ этого роду непрокаемость, которою она отличается. Для обезпеченія въ пользу нашихъ заводовъ исключительной выдѣлки красной юти, отпускъ дегтю изъ Россіи за границу остается запрещеннымъ. Если бы иностранцы не нуждались въ этомъ матеріалѣ, то вывозъ нашей юти въ Европу уменьшился бы еще болѣе и скорѣе. Бѣлая и черная ють мало требуется въ европейскія государства, потому что тамъ легче замѣнить ее кожами собственной выдѣлки и притомъ эти сорта уступаютъ красной юти въ добротѣ и прочности. Какъ ничтоженъ сбытъ черной и бѣлой юти, въ сравненіи съ красною, можно видѣть изъ слѣдующаго обзоренія отпуща юти чрезъ санктпетербургскій портъ :

		Ю • т • и .		
Отпущено:		Красной.	Бѣлой.	Черной.
Въ 1840	году	29,965	572	20 пудовъ.
— 1841	—	38,982	1,323	27 — —
— 1842	—	15,842	753	6 — —
— 1843	—	16,595	778	57 — —
— 1844	—	11,171	470	— — —
Средняя сумма		19,386	1,179	22 — —

Красная ють, легкихъ сортовъ, отъ шести до четырехъ съ половиною кожъ на пудъ, идетъ наиболѣе въ Австрію и Германію, и отчасти во Францію, а тяжелые сорта, отъ четырехъ до двухъ съ половиною кожъ на пудъ, отправляются преимущественно въ Италію, частію моремъ изъ Санктпетербурга въ Ливорно, частію сухимъ путемъ чрезъ Радзвильовъ и Броды на Триестъ. Тяжелую ють употребляютъ въ Италіи на крестьянскіе башмаки, въ родѣ русскихъ котовъ; тамъ обыкновенно шьютъ ихъ краснымъ цвѣтомъ внутрь башмака, а бахтерму или наружную сторону смазываютъ свинымъ саломъ, чтобы сдѣлать ее еще болѣе непромокаемою. Въ Австріи легкая ють употребляется крестьянами и низшаго сословія городскими жителями на сапоги, которые они носятъ краснаго цвѣта и уважаютъ нашу ють за ея непромокаемость и прочность. Мелкія кожи отпуща

ляются въ Пруссію, Саксонію, Австрію и въ небольшихъ партіяхъ въ Англію и Соединенные-Штаты; онѣ употребляются на книжные перенлеты, для оклейки футляровъ, шкатумокъ и тому подобное.

Въ «Видахъ Торговли» нѣтъ свѣдѣній о количествѣ вывоза юфти каждаго сорта и потому ограничиваемся слѣдующими выводами объ отпускѣ этого товару въ разныя государства.

Средній отпускъ юфти по европейской торговлѣ:

	Въ 1829—33 г.	Въ 1834—38 г.	Въ 1839—43 г.	
Въ Пруссію	8,238	3,498	5,733	пудовъ.
— Ганзейскіе города . .	1,039	1,163	2,291	— —
— Австрію	48,077	32,353	33,999	— —
— Италію	7,560	14,604	11,536	— —
— Турцію и Грецію . .	1,472	6,102	2,066	— —
— прочія мѣста	9,792	4,115	5,853	— —
Итого:	76,178	61,835	61,478	— —

Болѣе половины всего отпуска юфти вывозится въ Австрійскую имперію и часть идетъ этимъ путѣмъ черезъ Триестъ въ Италію. Однако въ новѣйшее время усилился отпускъ прямо въ Италію, куда юфть доставляется моремъ изъ Санктпетербурга. Что касается до сбыта въ другія страны, то вообще онъ не значителенъ и не представляетъ приращенія.

Несмотря на упадокъ вывоза юфти, отпускъ ея въ Европу всё-еще гораздо значительнѣе, нежели другихъ русскихъ выдѣланныхъ юфтъ, которыхъ сбытъ тамъ еще болѣе уменьшился, отъ успѣховъ кожевеннаго производства во многихъ странахъ.

Кромѣ юфти, отпушено выдѣланныхъ кожъ изъ Россіи по европейской ея торговлѣ:

Въ 1793 — 1795 годахъ	на	263,200	рублей	серебромъ.
— 1829 — 1833	— —	93,182	— —	— —
— 1834 — 1838	— —	142,070	— —	— —
— 1839 — 1843	— —	67,989	— —	— —

Разныя выдѣланныя кожи отпускаются въ Австрійскую имперію, Турцію, Италію и другія государства. Въ послѣдніе три періода, средній вывозъ ихъ составлялъ слѣдующія суммы:

Въ 1829—33 г. Въ 1834—39 г. Въ 1839—43 г.

Въ Пруссію	на 23,595	4,641	6,600	руб. сер.
— Ганзейскіе города . . .	— 2,766	3,656	2,055	— —
— Австрію	— 12,677	42,834	10,734	— —
— Турцію	— 39,792	64,189	25,975	— —
— Италію	— 11,832	24,133	2,019	— —
— прочія мѣста	— 2,520	2,617	20,606	— —
<hr/>				
Итого: на	93,182	142,070	67,989	— —

Черезъ Санктпетербургъ . .	на 26,372	12,826	13,818	руб. сер.
— Раздвинловъ	— 5,091	7,402	4,704	— —
— Одессу	— 38,347	83,885	22,427	— —
— прочія мѣста	— 23,372	37,957	27,040	— —
<hr/>				
Всего	на 93,182	142,070	67,989	— —

Примѣчаніа.

1) Втеченіи этихъ пятнадцати лѣтъ самый большой отпускъ разныхъ выдѣланныхъ кожъ былъ въ 1834—1838 годахъ, при усилившемся требованіи ихъ въ Турцію, Австрійскую имперію и Италію. Успѣшному сбыту этого товара благопріятствовали тогда сходныя цѣны его; но съ возвышеніемъ цѣнъ на сырыя кожи, въ новѣйшее время, отпускъ выдѣланныхъ кожъ значительно уменьшился, особенно въ вышеупомянутыя государства. Въ Пруссію выдѣланныя кожи отпускаются изъ Россіи также въ меньшемъ, противъ прежняго, количествѣ. Незначительный вывозъ ихъ въ Ганзейскіе города остается почти въ одинаковомъ положеніи. Сбытъ въ другія страны Европы всегда былъ маловаженъ. По случаю сбавки пошлины съ выдѣланныхъ кожъ въ Англію, въ 1842 году, вывезено ихъ туда въ этотъ годъ на двадцать пять тысячъ четыреста тридцать три рубля, въ 1843 году на тридцать четыре тысячи триста сорокъ семь рублей серебромъ, но въ 1844 году не было отпуска.

2) Вывозъ выдѣланныхъ кожъ сократился наиболѣе по одесскому порту, отъ уменьшенія ихъ сбыта въ Турцію, Италію и Австрійскую имперію (черезъ Триестъ). Въ новѣйшее время также значительно упалъ вывозъ этого товару при санктпетербургскомъ портѣ; съ 1837 до 1842 года, почти вовсе не было отпуска; въ 1842 и 1843 годахъ выдѣланныя кожи вывозились отсюда въ одну Англію, и повидному только для опыта, потому

что въ 1844 году отправокъ уже не было болѣе. Изъ Санктпетербурга отпущено кожъ:

	Крупныхъ.	Мелкихъ.	Подожвенныхъ.
Въ 1830 году.	285 штукъ.	688 штукъ.	2,978 пудовъ
— 1831 —	150 —	278 —	3,346 —
— 1432 —	5 —	1,122 —	3,366 —
— 1833 —	128 —	1,320 —	911 —
— 1834 —	44 —	3,261 —	878 —
— 1835 —	502 —	8,638 —	603 —
— 1836 —	— —	6,869 —	2,900 —
— 1842 —	4,663 —	10 —	136 —
— 1843 —	6,317 —	1,832 —	— —
— 1844 —	— —	26 —	6 —

Эти цифры достаточно показываютъ, какъ непостоянно и мало-важно заграничное требованіе на русскія выдѣланныя кожи; оно чрезвычайно уменьшилось съ усовершенствованіемъ кожевеннаго дѣла въ разныхъ европейскихъ государствахъ: въ 1793—1795 году изъ Россіи вывезено однѣхъ подошвенныхъ кожъ 25,560 пудовъ на 251,000 рублей серебромъ, а въ последнее пятилѣтіе (1839—1843 годъ) весь отпускъ выдѣланныхъ кожъ (кромѣ юфти) въ Европу простирался только на 68,000 рублей серебромъ.

Во внѣшней торговлѣ ими соперничаютъ съ Россіею: Франція, Великобританія и Германія. Кромѣ выдѣланныхъ кожъ, вывозятся изъ этихъ странъ разные кожевенныя издѣлія. Самый значительный отпускъ ихъ бываетъ изъ Франціи. Въ новѣйшее время онъ составлялъ отъ 150 до 160,000 пудовъ, на шесть миллионновъ рублей серебромъ, кромѣ кожаныхъ перчатокъ, которыхъ вывозится оттуда ежегодно на два съ половиной миллиона рублей. Великобританія занимаетъ, послѣ Франціи, первое мѣсто по отпуску выдѣланныхъ кожъ и кожевенныхъ издѣлій; въ послѣдніе годы онъ простирался на два и два съ половиной миллиона рублей серебромъ. Изъ Пруссіи и другихъ владѣній Германскаго Таможеннаго Союза вывозится до пятидесяти тысячъ пудовъ выдѣланныхъ кожъ и на шестьсотъ тысячъ рублей серебромъ разныхъ кожевенныхъ издѣлій.

Возрастающій привозъ въ Россію кожевенныхъ товаровъ служитъ доказательствомъ, что фабрикація ихъ еще не удовлетворя-

отъ внутреннихъ потребностей и потому не удивительно, что эти издѣлія не могутъ состязаться съ иностранными въ Европѣ и Америкѣ. Кожевенныхъ товаровъ привезено въ Россію по европейской торговлѣ въ 1824 — 1828 году, среднею суммою на 67,600 рублей серебромъ, а въ 1839 — 1843 году на 131,283 рубля серебромъ, слѣдовательно, привозъ увеличился вдвое, несмотря на высокія пошлины и запрещенія. По тарифу 1822 года, привозъ выдѣланныхъ кожъ и кожевенныхъ издѣлій (кромя женскихъ лайковыхъ перчатокъ) былъ запрещенъ, и по нынѣшнему тарифу (1841 года) кожаныя перчатки дозволены къ привозу съ высокою пошлиною въ семь рублей пятьдесятъ копѣекъ, и десять рублей серебромъ съ фунта, а всякія выдѣланныя кожи обложены пошлиною по одному рублю серебромъ съ фунта. Привозъ разныхъ кожъ въ послѣдніе годы значительно увеличился: въ 1843 году ихъ привезено на 65,948 рублей, а въ 1844 году на 121,760 рублей серебромъ.

Почти во всѣхъ европейскихъ тарифахъ выдѣланныя кожи обложены болѣе или менѣе высокими пошлинами, поощряющими внутреннюю фабрикацію, а умѣренная пошлина съ этого товара установлена только въ тѣхъ странахъ, гдѣ собственное кожевенное производство уже достигло обширнаго развитія.

Въ Великобританіи до 1842 года взималось съ ютки по одному рублю шестидесяти шести копѣекъ серебромъ съ кожъ, а съ другихъ кожъ, смотря по роду выдѣлки ихъ, отъ шести до осемнадцати рублей серебромъ съ пуда; въ 1842 году пошлины измѣнены. Съ ютки положено взимать по четыре рубля серебромъ съ пуда, а съ другихъ выдѣланныхъ ютокъ отъ двухъ до шести рублей серебромъ съ пуда.

Во Франціи всякія выдѣланныя ютки обложены пошлиною около трехъ рублей сорока копѣекъ серебромъ съ пуда.

Въ Бельгіи взимается съ нихъ по одному рублю двадцати-пяти копѣекъ серебромъ съ пуда.

Въ Голландіи, пошлина составляетъ около одного рубля тридцати-двухъ копѣекъ серебромъ съ пуда.

Въ Австрійской имперіи съ ютки берутъ одинъ рубль девяносто копѣекъ серебромъ съ пуда, а съ прочихъ выдѣланныхъ кожъ пошлина составляетъ отъ трехъ рублей сорока осьми копѣекъ до семи рублей шестидесяти копѣекъ серебромъ съ пуда.

По тарифу Германскаго Таможеннаго Союза, всякія выдѣланныя кожи обложены пошлиною въ одинъ рубль осемьдесятъ копѣекъ серебромъ съ пуда.

Въ Швеціи, съ подонивешныхъ кожъ взимается около пяти рублей серебромъ съ пуда, а съ прочихъ выдѣланныхъ кожъ пошлина вдвое болѣе.

Въ Давиіи, за юфть и подошвенныя кожи платятъ таможенной пошлины около одного рубля семидесяти-трехъ копѣекъ серебромъ съ пуда.

Въ неаполтанскомъ королевствѣ, всякія дубленыя кожи обложены пошлиною въ три рубля шестьдесятъ копѣекъ серебромъ съ пуда.

Въ Сардиніи, взимается съ юфти около шести рублей двадцати пяти копѣекъ серебромъ съ пуда, а пошлина съ другихъ выдѣланныхъ кожъ доходятъ до девяти рублей сорока копѣекъ серебромъ съ пуда.

Въ Португаліи юфть обложена пошлиною въ девять рублей осемьдесятъ копѣекъ серебромъ съ пуда; съ прочихъ выдѣланныхъ кожъ взимается пошлина вдвое и второе болѣе.

Въ Испаніи привозъ выдѣланныхъ кожъ запрещенъ.

Разсматривая иностранныя тарифы, мы видимъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кожевенное производство едва только удовлетворяетъ внутренней потребности, привозъ иностранныхъ кожъ съется высокими пошлинами; тарифъ довольно облегчителенъ только тамъ, гдѣ эта фабрикація не нуждается болѣе въ охранительной системѣ и, слѣдовательно, привозъ выдѣланныхъ кожъ въ тѣмъ государствѣ не можетъ быть великъ.

По этимъ причинамъ нельзя ожидать приращенія сбыта нашихъ выдѣланныхъ кожъ въ европейской торговлѣ; при настоящемъ положеніи нашего кожевеннаго производства, тѣмъ болѣе, что даже вывозъ юфти, въ которой Россія до сихъ поръ не встрѣчала соперничества, уже значительно уменьшился. Если бы съ упадкомъ этой статьи нашего отпуска, возвысилась у насъ выдѣлка кожъ другихъ сортовъ, то усилившіяся вывозъ ихъ за границу могъ бы вознаграждать за уменьшеніе требованія на юфть. Напротивъ-того, отпускъ нашихъ выдѣланныхъ кожъ въ Европу вообще упадаетъ и сбытъ ихъ поддерживается только въ Азіи.

По нашей азіатской торговлѣ отпущено:

Среднія суммы.

Въ 1824—28 г. Въ 1829—33 г. Въ 1834—38 г. Въ 1839—43 г.

Юфти.				
Въ Китай на	380,475	360,006	256,335	212,209 р. с.
— Среднюю				
Азію на.	259,055	300,871	310,077	329,019 — —
Итого...	639,530	660,877	566,412	541,228 — —
Прочихъ выдѣланныхъ кожъ.				
Въ Китай на.	624,982	546,621	426,052	293,864 — —
— Сред. Азію				
на.	91,171	28,867	34,363	33,546 — —
Итого...	716,153	575,488	460,415	327,410 — —
Всег. вообще.	1,355,683.	1,236,365	1,026,827	868,638 — —

Въ азіятской торговлѣ, Китай служитъ главнымъ истокомъ для нашихъ выдѣланныхъ кожъ; кромѣ юфти, туда сбываются наиболѣе казанскія козловыя кожи. Юфть идетъ также въ Среднюю-Азію на значительную сумму, но другихъ кожъ отправляютъ туда мало. Отпускъ этихъ товаровъ, особенно въ Китай (черезъ Кяхту), представляетъ немаловажный упадокъ, судя по среднимъ суммамъ, означеннымъ въ таблицѣ, помѣщенной выше; но если взять въ соображеніе, что объявленные цѣны на кожи въ кяхтинской торговлѣ значительно понизились въ новѣйшее время, то можно заключать, что количество отпуска этого товару въ Китай не уменьшилось въ большой пропорціи. Напримѣръ, среднія цѣны на юфть составляли: въ 1824 до 1828 года пять рублей двадцать три копейки, въ 1829 до 1833 года четыре рубля шестьдесятъ двѣ копейки, въ 1834 до 1838 года три рубля семьдесятъ шесть копѣекъ, въ 1839 до 1843 года три рубля сорокъ восемь копѣекъ за штуку. Отсюда видно, что цѣна упала около пятидесяти процентовъ, тогда какъ разность въ количествѣ промышленной юфти въ 1824 до 1828 года и 1839 до 1843 года была не свыше шестнадцати процентовъ. Подобнаго сравненія не можемъ сдѣлать въ отношеніи другихъ выдѣланныхъ кожъ, потому что въ «Видахъ Торговли» означается только цѣнность ихъ отпуска, по объявленнымъ цѣнамъ, которыя не могутъ служить

точнымъ мѣриломъ пристрастия или упадка этой статьи нашей торговли.

Весь вывозъ юфти и другихъ выдѣланныхъ кожъ въ Азію простирался въ первое десятилѣтіе (съ 1824 по 1833 годъ) на 2,592,048 рублей, а въ послѣднее 1834 по 1843 года на 1,895,465 рублей серебромъ или на тридцать шесть процентовъ менѣе. Итъя въ виду вышеприведенный примѣръ пониженія объявленныхъ цѣнъ на юфть, можно допустить, что отъ этой же причины оказывается уменьшеніе цѣнности отпуска другихъ кожъ, и что количество ихъ вообще не уменьшилось, по крайней-мѣрѣ въ той пропорціи, какая оказывается по объявленнымъ цѣнамъ.

Кромѣ выдѣланныхъ кожъ вывозятся изъ Россіи, по европейской и азіатской ея торговлѣ разныя кожевенныя издѣлія на незначительную сумму.

Отпущено:

	Въ Европу.	Въ Азію.
Въ 1824—1828 году на	6,434 руб. сер.	1,399 руб. сер.
— 1829—1833 — —	19,033 — —	4,274 — —
— 1834—1838 — —	30,641 — —	3,652 — —
— 1839—1843 — —	11,944 — —	5,926 — —

Совокупная цѣнность отпуска выдѣланныхъ кожъ и кожевенныхъ издѣлій составляла въ послѣднее пятилѣтіе 1,746,270 рублей серебромъ (въ томъ числѣ отпущено въ Европу на 871,706 рублей и въ Азію на 874,564 рублей серебромъ). Эта сумма вдвое менѣе той, до которой доходилъ отпускъ нашихъ выдѣланныхъ кожъ въ исходѣ прошедшаго столѣтія: въ 1793 до 1795 года отпущено ихъ на 2,865,000 рублей. Въ то время, вывозъ сырыхъ кожъ былъ запрещенъ; но съ уменьшеніемъ требованія на юфть за границу, производство нашихъ кожевенныхъ заводовъ должно было сократиться и дальнѣйшее запрещеніе отпуска сырыхъ кожъ обратилось бы тогда въ ущербъ для внутренней промышленности. Правительство, разрѣшивъ вывозить ихъ за границу, доставило виѣшней торговлѣ новую отрасль, когда внутренняя потребность въ этомъ матеріалѣ уже стала уменьшаться отъ упадка требованія на юфть въ иностранныхъ земляхъ. Съ развитіемъ кожевеннаго производства въ разныхъ странахъ Европы, отпускъ туда сырыхъ кожъ изъ Россіи увеличился, а употребленіе тамъ нашей юфти значительно сократилось. Въ новѣйшее

время заграничный сбытъ нашихъ сырыхъ кожъ также сталъ упадать, при возрастающемъ ввозѣ этого товару въ Европу изъ другихъ частей свѣта. Такимъ образомъ, въ настоящемъ положеніи нашей вѣдшей торговли кожевенными товарами, едва ли можно ожидать значительнаго приращенія ихъ отпуска въ Европу и тѣмъ болѣе желательно, чтобы сбытъ нашихъ выдѣланныхъ кожъ поддерживался въ Азій. Потребленіе ихъ въ азіатскихъ земляхъ еще можетъ усилиться и въ нѣкоторой мѣрѣ вознаградить за упадокъ вывоза этого товару по нашей европейской торговлѣ; съ другой стороны, при успѣхахъ народнаго довольства, естественно увеличится внутренній расходъ кожевенныхъ товаровъ и тогда, съ умноженіемъ кожевеннаго производства, сократится избытокъ сырыхъ кожъ, удѣляемый нынѣ для заграничнаго отпуска.

Г. И—НЬ.

=

О ТОРГОВЛѢ ЛѢСНЫМЪ ТОВАРОМЪ.

=

Россія причисляется до-сихъ-поръ къ самымъ лѣсистымъ странамъ Европы, судя по пропорціи лѣсныхъ земель въ-отношеніи пространства всей Имперіи: подъ лѣсами считается около 180,000,000 десятинъ; двѣ трети принадлежатъ казѣ, а третья доля находится въ частномъ владѣніи. Но это исчисленіе можетъ дать понятіе только о количествѣ земель, предоставленныхъ естественному произращенію лѣсовъ; о настоящемъ же пространствѣ ихъ невозможно имѣть точныхъ свѣдѣній, потому что опустошительные въ лѣсахъ пожары и порубки, расчетки лѣсныхъ полосъ подъ пашни и вообще небреженіе о хозяйственномъ употребленіи лѣсовъ непрерывно измѣняютъ ихъ видъ, особенно въ населенныхъ краяхъ. Сѣверная полоса Россіи, изобилующая лѣсами, уже примѣтно истощена въ мѣстахъ, удобныхъ для сбыта и слава лѣсныхъ товаровъ; обширные лѣса сохранились еще тамъ, гдѣ нельзя сдѣлать изъ нихъ ни какого употребленія, напримѣръ: въ малолюдныхъ уѣздахъ архангельской, вологодской и олонѣцкой губерній; лѣса въ этихъ трехъ губерніяхъ занимаютъ половину всего лѣснаго пространства Россіи, а число жителей составляетъ сороковую часть всего народонаселенія въ государствѣ. Эта полоса заключаетъ въ себѣ богатѣйшій запасъ казенныхъ лѣсовъ. На юго-востокъ отъ нея простирается горнозаводская страна, прилежащая къ Уральскому Хребту, гдѣ нѣтъ недостатка въ лѣсахъ; но уже болѣе или менѣе ощутительна потребность въ сбереженіи ихъ для поддержанія дѣйствій тамошнихъ заводовъ. Напротивъ-того, въ средней полосѣ Россіи лѣса уже значительно оскудѣли: умноженіе селеній и городовъ, распространеніе земледѣлія, фабрикъ и заводовъ и развитіе промышленности вообще, способствовали постепенному истощенію тамошнихъ лѣсовъ; въ самыхъ населенныхъ губерніяхъ богатѣйшіе лѣса истреблены до основанія. Въ лучшемъ положеніи сохранились тамъ казенные лѣса, сбереженіе которыхъ составляетъ предметъ особенной

Т. LXXXI. — Отд. IV.

заботливости правительства. Въ бѣлорусскихъ и литовскихъ губерніяхъ лѣса чрезвычайно истощены, особенно въ мѣстахъ, ближайшихъ къ сплавнымъ рѣкамъ: удобства сбыта лѣсныхъ товаровъ за границу съ давняго времени распространили и поддерживаютъ лѣсной торгъ въ этомъ краѣ, нѣкогда покрытомъ обширными лѣсами; но опустошительная рубка ихъ на продажу угрожаетъ совершеннымъ истощеніемъ этого источника богатства въ помѣщичьихъ земляхъ, которымъ болѣею частью принадлежатъ тамошніе лѣса. Въ южной Россіи распространены безлѣсныя степи дикими народами, кочевавшими тамъ съ одного мѣста на другое, и истреблявшими лѣса своими многочисленными стадами. По берегамъ Чернаго Моря, кромѣ нѣкоторыхъ частей Крыма, и въ мѣстахъ, лежащихъ по Днѣстру, вовсе нѣтъ лѣсу. Весь обширный край, между Днѣстромъ и Дономъ, заключающій въ себѣ губерніи: херсонскую, полтавскую, харьковскую, екатеринославскую, воронежскую и Землю Донскаго Войска, терпитъ недостатокъ въ лѣсѣ. Въ астраханской и саратовской губерніяхъ и въ кавказской области значительное пространство занимаютъ безлѣсныя равнины. Такимъ образомъ, большая часть Россіи уже нуждается въ лѣсномъ хозяйствѣ и во многихъ ея краяхъ даже необходимо разведеніе лѣсовъ, которыхъ недостатокъ вредитъ тамъ земледѣлію, скотоводству и населенію.

Столь чрезвычайное различіе въ распредѣленіи лѣснаго богатства на огромномъ протяженіи Россіи показываетъ, что она не можетъ быть безусловно почитаема самою лѣсястою страной Европы: это названіе можно присвоить только нѣкоторымъ частямъ сѣверной полосы, гдѣ еще находятся дремучіе лѣса на большихъ пространствахъ.

Постепенное оскудѣніе лѣсовъ давно уже возбудило живѣйшую заботливость правительства о сбереженіи ихъ: это свидѣтельствуетъ множество постановленій, изданныхъ по лѣсной части со временъ Петра Великаго. Возраставшій сбытъ лѣсу за границу былъ поводомъ, что еще въ половинѣ прошлаго столѣтія правительство признало нужнымъ ограничить продажу лѣсу изъ казенныхъ дачъ, для заморскаго отпуска, а въ 1798 году совершенно запрещенъ отпускъ казеннаго лѣсу за границу. Въпослѣдствіи допущено изыатіе только для лѣсообильнѣйшихъ губерній архангельской, вологодской и олонекской, въ которыхъ разрѣшено заготовлять лѣсъ для заморскаго отпуска. Почти все количество лѣснаго товара, вывозимаго чрезъ Архангельскъ и Санктпетербургъ, получается изъ этихъ трехъ губерній. Весь остальной отпускъ со-

стоитъ изъ лѣсу, покупаемаго въ частныхъ дачахъ и то въ однихъ только западныхъ губерніяхъ, гдѣ лѣсной товаръ, при недостаточномъ развитіи другихъ промысловъ, еще служить немаловажнымъ источникомъ помѣщичьихъ доходовъ, хотя отъ небреженія о лѣсномъ хозяйствѣ, лѣса чрезвычайно истощены опустошительною рубкою ихъ для сплава къ портамъ. Лѣсъ изъ другихъ губерній не поступаетъ въ продажу къ отпуску, потому что владѣльческіе лѣса повсюду болѣе или менѣе оскудѣли; во многихъ краяхъ уже ощутителенъ большой недостатокъ въ лѣсѣ, и сбытъ лѣсныхъ матеріаловъ на внутреннія потребности годъ-отъ-году увеличивается. Если бы сѣверныя и западныя губерніи имѣли возможность удобно снабжать лѣсомъ всѣ нуждающіеся въ немъ края средней и южной полосы, то, при обширномъ внутреннемъ сбытѣ лѣсныхъ товаровъ, заграничный отпускъ ихъ сдѣлался бы ничтожнымъ. Но какъ на огромномъ пространствѣ Россіи, доставка лѣсу въ эти края, болѣею частію невозможна по отдаленности лѣсообильныхъ мѣстъ, либо по недостатку удобнаго сообщенія съ ними, то лѣсной товаръ, изъ сѣверныхъ и западныхъ губерній, направляется главнѣйше къ портамъ для продажи за границу.

Сѣверная полоса, богатѣйшая лѣсами, принимаетъ незначительное участіе въ заграничномъ отпускѣ лѣснаго товару, потому что въ этомъ краѣ почти всѣ лѣса принадлежатъ казнѣ и заготовка въ нихъ лѣсныхъ матеріаловъ для продажи за границу ограничена количествомъ деревь, которое дозволяется вырубать ежегодно въ тамошнихъ казенныхъ дачахъ. Содержателямъ оброчныхъ лѣсопильныхъ заводовъ олонецкой губерніи разрѣшается отпускать за границу изъ Санктпетербурга и Кронштадта доски, выпиливаемые на этихъ заводахъ изъ казеннаго лѣсу. Казенные лѣсопильные заводы въ онежскомъ уѣздѣ архангельской губерніи, отдаваемые въ арендное содержаніе, производятъ также распиловку бревенъ въ доски и батеисы для заморскаго отпуска; потребный на то лѣсъ заимствуется изъ казенныхъ дачъ архангельской и олонецкой губерній. Сверхъ-того, дозволяется ежегодно отпускать изъ казенныхъ лѣсовъ архангельской и вологодской губерній определенное количество деревь частнымъ людямъ для распиловки въ доски и отпуска чрезъ Архангельскъ за границу; пропорція дозволяемой на этотъ конецъ продажи лѣсу назначена: для архангельской губерніи до 25,000 деревь, а для вологодской до 50,000 деревь, длиною не свыше двадцати двухъ футовъ. Весь вывозъ лѣснаго товару изъ арха-

гельскаго и онежекаго портовъ простирался по цѣнѣ среднему суммою: въ 1824 до 1833 года на 235,000 рублей, а въ 1834 до 1843 года до 245,000 рублей серебромъ. Гораздо значительнѣе отпускъ лѣснаго товару чрезъ Санктпетербургъ изъ Кронштадта, куда доставляются доски съ лѣсопильныхъ заводовъ олонечкой губерніи и по Ладожскому Озеру изъ Финляндіи. Отпускъ лѣснаго товару этимъ путемъ составлялъ по цѣнѣ въ 1824 до 1833 года 733,000 рублей, а въ 1834 до 1843 года 687,000 рублей серебромъ въ годъ. Вообще сбытъ лѣсу за границу изъ сѣверной полосы, судя по цѣнности его отпуска въ эти два десятилѣтія, оставался почти въ одномъ положеніи.

Владѣльческіе лѣса, доставляющіе лѣсной товаръ къ заморскому отпуску, находятся все въ западной полосѣ: удобства водной коммуникаціи съ портами благопріятствуютъ въ этомъ краѣ сбыту лѣса за границу; по Днѣпру, Западной Двинѣ, Нѣману и протокамъ ихъ сплаваются лѣсные плоты въ разныя мѣста; но большею частію направляются къ Ригѣ, Мемелю, Данцигу и Херсону. Лѣсъ въ бревнахъ, брусьяхъ, мачтахъ и прочихъ видахъ доставляется въ Ригу изъ губерній моголевской, минской, волынской, кievской и черниговской, по притокамъ Днѣпра и по этой рѣкѣ въ Березину, потомъ березинскимъ каналомъ до рѣки Уллы, впадающей въ Западную-Двину, а изъ Уллы, отъ мѣстечка Чашниковъ плоты идутъ внизъ по Двинѣ къ рижскому порту; по этой рѣкѣ приходитъ сюда лѣсной товаръ также изъ витебской губерніи, равно какъ изъ смоленской, съ рѣкъ Межи и Обши. Внизъ по Днѣпру и съ притоковъ его Сожи, Припети и другихъ идетъ лѣсъ изъ губерній: моголевской, кievской и минской къ Херсону и отсюда на каботажныхъ судахъ въ Одессу; небольшое количество лѣса вывозится отсюда за границу. По рѣкамъ, впадающимъ въ Нѣманъ и Вислу, сплавляется лѣсной товаръ изъ губерній: виленской, гродненской, минской и волынской, для отпуска за море чрезъ Мемель и Данцигъ. Сверхъ того, лѣсъ сбывается за границу чрезъ Нарву изъ ближайшихъ къ этому порту уѣздовъ санктпетербургской и псковской губерній, также чрезъ Либаву и Виндаву изъ Курляндіи.

Заграничный отпускъ лѣсныхъ товаровъ изъ всехъ западныхъ губерній составлялъ по цѣнѣ: въ 1824—33 годахъ 1,450,000 рублей, а въ 1833—43 годъ 1,730,000 рублей серебромъ въ годъ; слѣдовательно увеличился, въ новѣйшее время, почти на двадцать процентовъ. Не имѣя свѣдѣній о количествѣ и цѣнѣ всехъ лѣсныхъ товаровъ, вывезенныхъ втеченіи послѣднихъ двадцати

лѣтъ, не можемъ удостовѣриться по какой причинѣ увеличилась сумма въ отпуску; произошло ли ея приращеніе дѣйствительно отъ усилившейся продажи лѣсу за границу или было естественнымъ слѣдствіемъ возвышенія цѣны на лѣсной товаръ отъ постепеннаго оскудѣнія тамошнихъ лѣсовъ, особенно лучшихъ разборовъ, наиболѣе требуемыхъ въ иностранныя земли. Принимая въ соображеніе разстройство бѣлорусскихъ и литовскихъ лѣсовъ, нельзя ожидать, чтобы отпускъ лѣсныхъ товаровъ изъ западной Россіи постоянно возрасталъ: доказательствомъ тому служить незначительная разность между суммами отпуска въ эти два десятилѣтія, и хотя въ послѣдній періодъ оказывается нѣкоторое приращеніе, однако едва ли можно приписать его умноженію количества отпущенныхъ лѣсныхъ товаровъ изъ края, въ которомъ цѣны на лѣсъ должны скорѣе возвышаться, нежели упадать.

Вывозъ лѣснаго товару, усилившейся въ психодѣ прошедшаго столѣтія до суммы въ полтора милліона рублей *, съ-тѣхъ-поръ отъ стеченія разныхъ обстоятельствъ, находился въ упадкѣ болѣе двадцати-пяти лѣтъ. Вскорѣ послѣ запрещенія въ 1798 году отпуска лѣсу изъ казенныхъ дачъ для продажи за границу, пошлина съ вывозимыхъ лѣсныхъ товаровъ была возвышена вдвое, указомъ отъ перваго марта 1800 года. Эти мѣры нѣсколько ограничили отпускъ, такъ что средняя сумма его съ 1800 по 1805 годъ составляла не свыше 1,250,000 рублей серебромъ; потомъ война съ Французами въ предѣлахъ Пруссіи, разрывъ съ Англіею въ 1802 году и, наконецъ, война 1812 года привели лѣсной торговѣ въ совершенное разстройство. По восстановленіи общаго мира, отпускъ лѣсныхъ товаровъ за границу опять началъ увеличиваться: съ 1814 по 1819 годъ, средняя сумма его простиралась до 1,320,000 рублей серебромъ. Въ 1818 году былъ установленъ въ пользу водяныхъ сообщеній на десять лѣтъ особый сборъ съ лѣсовъ, сплавляемыхъ по рѣкамъ и каналамъ, отчего увеличилась цѣнность этого товару при отпускѣ за границу: съ 1819 по 1823 годъ, включительно средній вывозъ лѣсу простирался на 2,014,000 рублей серебромъ. Въ 1823 отмененъ внутренній надбавочный сборъ съ лѣсовъ и въ то же время издана роспись пошлинъ съ лѣснаго товару, которою во многихъ статьяхъ уменьшены пошлины, несоразмѣрныя съ цѣною лѣсу и опредѣлены для взпанія ихъ, соотвѣтственныя торговымъ обычаямъ, мѣры длины и толщины раз-

* Въ 1793—95 годахъ средній отпускъ его простирался до 1,539,000.

ныхъ лѣсныхъ товаровъ. Съ тѣхъ-поръ вновь усилился отпускъ ихъ: съ 1824 по 1833 годъ онъ составлялъ по цѣнѣ слишкомъ 2,400,000 рублей, а съ 1834 по 1843 годъ до 2,663,000 рублей серебромъ. Однако приращеніе его оказывается маловажнымъ, судя по возрастающему расходу лѣсу въ тѣхъ странахъ Европы, которыя снабжаются этимъ матеріаломъ изъ-за границы.

Столь слабое развитіе этой отрасли нашей внѣшней торговли можно приписать: во-первыхъ, ограниченному отпуску лѣснаго товару изъ сѣверной полосы, гдѣ лѣса находятся въ изобиліи, но требуютъ сбереженія для надобностей флота; во-вторыхъ, оскудѣнію лѣсовъ въ разныхъ краяхъ государства, отъ распространія земледѣлія и фабрикъ и вообще отъ умноженія расхода лѣсу на внутреннія потребности я, наконецъ, въ-третьихъ, соперничеству другихъ государствъ въ заграничномъ сбытѣ лѣснаго товару, которое успѣло значительно усилиться, съ начала нынѣшняго столѣтія, потому что обстоятельства, препятствовавшія у насъ, втеченіи двадцати-пяти лѣтъ, возвышенію отпуска лѣсу, побудили иностранцевъ обратиться къ другимъ источникамъ для приобрѣтенія лѣсныхъ матеріаловъ: Сѣверная-Америка, Швеція и Норвегія стали сбывать ихъ въ большомъ количествѣ въ Великобританію и Францію, сплавъ лѣсу по Рейну въ Голландію увеличился и адриатическіе порты приняли участіе въ лѣсной торговлѣ.

Въ иностранныхъ земляхъ, отпускающихъ лѣсной товаръ за границу, сбытъ его не стѣсненъ таможенными пошлинами: въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатахъ и въ Германскомъ Таможенномъ Союзѣ, лѣсъ отпускается безъ пошлины; въ Австрійской Имперіи онъ обложенъ ничтожнымъ сборомъ; въ Норвегіи же платятся отъ тридцати-семи съ половиною до семидесяти-пяти копѣекъ серебромъ съ лафта. Въ Швеціи доски и батеки освобождены отъ пошлины, съ бревенъ взимается около трехъ съ половиною копѣекъ серебромъ со штуки, съ тесаного не четырехграннаго лѣсу по десяти процентовъ съ цѣны, съ мачтъ, бугшпритовъ и шпировъ, толщиною въ сорокъ дюймовъ и болѣе—по одному рублю двѣнадцати копѣекъ, отъ двадцати до сорока дюймовъ по двадцати по двѣ копѣйки и менѣе двадцати дюймовъ по четырнадцать копѣекъ серебромъ съ каждаго дерева.

Въ Россіи лѣсные товары обложены отпускною пошлиною, различною, смотря по величинѣ ихъ въ длину и въ толщину, напримѣръ:

Бревна и брусья:	Толщиною.	Длиною.	Пошлина серебромъ.
Сосновые, шпировыя			
и другія	съ каждаго отъ 10 до 16 палмъ отъ 60 до 75 футовъ отъ		р. 30 к. до 1 р. 50 к.
Мачтовые	17—30	80—100	2—25
Бугшприты.....	17—30	70—90	1—34
—	17—30	40—79	50—12—50
Прочіе.....	со ста 8—16 дюймовъ	14—70	78—24—30
Бревна и брусья сло-			
выя	14—26	16—57	64—22—80

Доски:

Сосновые, еловые и			
другія, кромѣ дубо-			
выхъ и липовыхъ..	съ 5 дюж. 1—3	меньше 10—52	3—2—30
Дубовыя и вязовыя...	2	30	4—42
Липовыя.....	3—5	10—12	82½—1—10

Брусья дубовые, съ 5 дюжинъ:

	Толщиною.	Длиною.	Ширною.	Пошлина серебромъ.
Вагенмосы.....	до 11 дюйм.	до 14 футовъ	до 13 дюйм.	2 р. 81½ к.
Фасгольць.....	— 10 —	— 80 —	— 11 —	» — 49½ —
Клангольць.....	— 8 —	— 60 —	— 9 —	» — 27 —
Франшгольць				
двойной.....	— 7 —	— 50 —	— 8 —	» — 18 —
одинакой.....	— 6 —	— 38 —	— 7 —	» — 10½ —

Лады или кле-
пки дубовые:

Пищные.....	— 1¾ —	— 60 —	— 5 —	» — 9 —
Оксофтные.....	— ¾ —	— 38 —	— 5 —	» — 6½ —

Дны платать
пошлину въ
половину.

Лады бочечные —	½ —	— 30 —	— 5 —	» — 4½ —
Дны —	— » —	— » —	— » —	» — 3 —

Пошлины съ сосновыхъ и еловыхъ бревенъ, брусевъ и досокъ показаны здѣсь, для краткости, однѣ только высшія и низшія. При отпускѣ за границу, эти товары подвергаются измѣренію, которое служитъ для опредѣленія пошлины: она возвышается въ различной пропорціи съ крупнаго лѣсу при опредѣленной длинѣ его на каждый палець толщины; на примѣръ: дерево длиною въ восемьдесятъ футовъ и толщиною семнадцать палець, платитъ два рубля, а если оно толще на одинъ палець, при такой же длинѣ, то пошлина составляетъ два рубля семьдесятъ пять копѣекъ; съ бревенъ и брусевъ увеличивается пошлина въ различной пропорціи, на каждые пять футовъ ихъ длины, при опредѣленной толщинѣ: съ сотни сосновыхъ бревенъ или брусевъ, толщиною до осьми дюймовъ и длиною отъ пятнадцати до двадцати футовъ, платится одинъ рубль сорокъ четыре копѣйки, а если длина на пять футовъ болѣе, при такой же толщинѣ, то взимается два рубля пятьдесятъ двѣ копѣйки; подобнымъ обра-

зомъ опредѣлена пошлина и съ досокъ: на каждыя шесть футовъ бѣльшей длины ихъ, при опредѣленной толщинѣ, пошлина возвышается въ различной пропорціи: доски въ одинъ дюймъ толщиною и отъ десяти до семнадцати футовъ длиною платятъ одинадцать копѣекъ, а если длина ихъ на шесть футовъ болѣе, при такой же толщинѣ, то пошлина составляетъ семнадцать копѣекъ съ пяти дюймовъ.

Въ Финляндіи взимаются отпускныя пошлины съ бревенъ и досокъ по особому тарифу, также сообразно ихъ длинѣ и толщинѣ, а именно:

	Пошлина.
Съ бревенъ сосновыхъ и еловыхъ, толщиною отъ 8 до 12 квад. дюймовъ, длиною отъ 12 до 22 локтей и болѣе, за каждое	отъ 4 до 27 к. сер.
Съ досокъ: толщиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 дюймовъ, длиною 8 до 16 локтей и болѣе, съ дюжины	— 9 — 28 —
— толщиною отъ 2 до 3 дюймовъ, при такой же длинѣ.	— 12 — 27 —
— толщиною свыше 3 дюймовъ и длиною до 16 локтей	— » 34 —
— бѣльшей длины, при такой же толщинѣ.	— » 47 —

Система отпускныхъ пошлинъ, установленныхъ на лѣсные товары всякаго рода въ Россіи и Финляндіи не имѣетъ ни какого сходства съ существующими по этой части постановленіями въ тарифахъ другихъ государствъ, гдѣ, какъ мы видѣли выше, сбытъ лѣсу не затрудненъ таможенными пошлинами. Одно это обстоятельство уже доставляетъ вышеупомянутымъ иностраннымъ землямъ немаловажную выгоду во внѣшней торговлѣ лѣсными товарами.

Прежде нежели приступимъ къ изслѣдованію, въ какой мѣрѣ Россія встрѣчаетъ ихъ соперничество по заграничному сбыту, разсмотримъ состояніе отпуска лѣсу въ послѣднее двадцатилѣтіе.

Отпущено:

Въ 1824—28 г. 1829—33 г. 1834—38 г. 1839—43 г.

Среднія суммы.

Черезъ Архангельскъ и Онегу на	225,823	244,947	348,577	142,272 р. с.
— Санктпетер- бургъ —	807,814	658,676	701,935	672,452 —
— Рягу —	736,530	538,866	887,833	788,039 —
— другіе балтійскіе порты на	126,122	192,669	176,728	260,343 —
— западную гра- ницу —	737,271	529,198	616,222	590,787 —
— прочія мѣста —	28,282	10,989	69,844	70,586 —
<hr/>				
Всего . .	2,661,842	2,175,345	2,801,139	2,524,479 —

Въ томъ числѣ:

Въ Великобританію . . .	1,282,992	1,698,883	1,174,437	—
— Пруссію	529,667	617,210	595,406	—
— Нидерланды	124,164	222,617	397,618	—
— Францію	34,590	103,684	195,355	—
— южную Европу . .	5,479	24,607	14,142	—
— прочія мѣста	198,453	134,138	152,521	—
<hr/>				
Всего . . .	2,175,345	2,801,139	2,524,479	—

Примѣчаніе. Въ этихъ суммахъ не заключается отпускъ лѣснаго товару изъ финляндскихъ портовъ, равно какъ изъ царства Польскаго, откуда сплавляютъ лѣсъ къ прусскимъ портамъ Данцигу и Штетину.

Если разложить цѣнность отпуска въ оба десятилѣтія по главнымъ пунктамъ, черезъ которые лѣсной товаръ вывозится изъ Россіи, то получимъ слѣдующіе выводы:

1) Средній отпускъ изъ Архангельска и Онеги простирался въ первое десятилѣтіе на 235,385 рублей, а въ послѣднее на 245,424 рублей, то есть, только на 4% болѣе.

2) Черезъ Санктпетербургъ отпущено въ 1824—33 годахъ на 733,245 рублей а въ 1834—43 годахъ на 687,193 рублей; здѣсь отпускъ уменьшился на двадцать процентовъ.

3) Напротивъ-того, вывозъ чрезъ Ригу, въ тоже время увеличился на тридцать одинъ процентъ: въ первое десятилѣтїе онъ простирался на 637,698 рублей, а въ послѣднее на 837,936 рублей.

4) Изъ другихъ балтійскихъ портовъ участвуютъ въ отпускѣ лѣснаго товару: Нарва, Либава и Виindaва; чрезъ всѣ эти порты, въ сложности, отпускалось въ 1824—33 годахъ на 318,791 рублей, а въ 1834—43 годахъ на 437,071 рублей серебромъ въ годъ; слѣдовательно, вывозъ увеличился на тридцать семь процентовъ.

5) Отпускъ чрезъ западную границу оставался въ оба десятилѣтїя почти въ одинаковомъ положенїи: въ 1824—33 годахъ средняя сумма его простиралась на 633,234 рублей, а въ 1834—43 годахъ на 603,454 рублей, то есть, около пяти процентовъ менѣе.

6) Во всѣ періоды, вывозъ черезъ другіе пункты, какъ-то: черезъ Херсонъ, Одессу и прочіе былъ незначителенъ, и только въ новѣйшее время прїмѣтно увеличился.

Главнымъ истокомъ для нашего лѣснаго товару служить Великобританія: вывозъ въ это государство составлялъ въ 1829—33 годахъ пятьдесятъ осемь процентовъ, въ 1834—38 годахъ шестьдесятъ процентовъ, а въ 1839—43 годахъ сорокъ шесть процентовъ всего отпуска. Въ первые два періода, пропорція отпуска въ другія страны была, въ сложности, почти одинакова; но въ послѣдній періодъ увеличилась. Значительнѣйшее приращеніе окazyвается по вывозу во Францію и въ Нидерланды, между-тѣмъ какъ сбытъ въ другія государства представляетъ упадокъ. Что касается вывоза въ Пруссію, то большая часть отправляемаго туда лѣснаго товару, идетъ черезъ Мемель и Данцигъ въ Великобританію, Францію, Нидерланды и другія мѣста.

Въ «Видахъ торговли», по которымъ составлена табель объ отпускѣ лѣснаго товару, въ 1824—1844 годахъ показывается только на какую сумму отпущено, безъ означенія количествъ этого товару по сортамъ, какъ то: бревенъ, досокъ, клепокъ и прочихъ. По этой причинѣ, не имѣя возможности составить подробный обзоръ всего вывоза разныхъ лѣсныхъ товаровъ, ограничимся свѣдѣніями объ отпускѣ черезъ главные пункты.

Бревна и брусья отправляются большою частью по Нѣману чрезъ Юрбургъ и Мемель, для отпуска за море изъ этого пор-

та, также вывозятся изъ Риги, Нарвы, и малыми партиями изъ Санктпетербурга, Архангельска и другихъ мѣстъ. Главную часть отпуска составляютъ сосновый лѣсъ; еловыхъ бревенъ и брусьевъ требуется гораздо менѣе. Дубовый лѣсъ въ бревнахъ и брусьяхъ, для заморскаго отпуска, добывается только изъ курляндскихъ лѣсовъ и въ незначительномъ количествѣ вывозится изъ Либавы и Вишдавы. Бревенъ и брусьевъ вообще отпущено:

	По р. Нѣману.	Изъ Риги.	Изъ Нарвы.	
Въ 1840 году	308,893	73,838	38,176	штукъ.
— 1841 —	266,669	70,929	45,023	—
— 1842 —	209,293	84,337	60,057	—
— 1843 —	204,938	67,582	66,719	—
— 1844 —	292,387	90,381	38,450	—
— 1845 —	339,786	112,043	47,385	—
Средній отпускъ	270,327	83,185	49,301	—

Доски сосновыя и частью еловыя составляютъ главную статью лѣснаго торгу при портахъ: санктпетербургскомъ, рижскомъ, нарвскомъ, архангельскомъ и онежскомъ, дубовыя доски отправляются въ небольшомъ количествѣ изъ Либавы и по Нѣману въ Мемель. Отпущено досокъ всякаго размѣру:

	Изъ Санктпетербурга и Кронштадта.	Изъ Риги.	Изъ Архангельска.	Изъ Онеги.	Изъ Нарвы.
Въ 1840	779,029	222,091	136,654	86,745	155,540 шт.
— 1841	992,545	356,438	110,475	55,282	166,651 —
— 1842	722,494	358,163	159,488	241,199	204,980 —
— 1843	1,128,338	340,580	261,270	294,953	166,819 —
— 1844	1,058,557	465,635	401,603	245,550	120,144 —
— 1845	1,005,334	552,850	347,208	253,229	35,270 —
Средній отпускъ	944,385	382,626	236,116	196,459	141,580 —

Количество досокъ, вывозимыхъ ежегодно изъ Россіи, можно считать около двухъ милліоновъ штукъ; но такой отпускъ оказывается весьма маловажнымъ, если взять въ соображеніе, что изъ одного санктпетербургскаго порта вывозилось среднимъ числомъ въ 1787—92 годахъ до 2,635,000 штукъ, а въ 1793—98 годахъ

до 2,973,000 штукъ, и почти все это количество отправлялось въ Великобританію, которая, какъ увидимъ ниже, снабжается вывѣ досками болѣею частію изъ сѣверо-американскихъ своихъ колоній. Въ концѣ прошлаго столѣтія, вывозъ досокъ изъ Санктпетербурга составлялъ, въ нѣкоторые годы, свыше трехъ милліоновъ штукъ, напримѣръ:

Отпущено.	Въ Великобританію.	Въ прочія мѣста.
Въ 1793 году	3,661,824 штукъ.	63,434 штукъ.
— 1796 —	3,797,829 —	35,590 —
— 1798 —	3,145,468 —	93,224 —

Хотя вывозъ досокъ изъ Архангельска, Риги и другихъ, былъ въ то время незначителенъ *, однако тогдашній отпускъ изъ одного санктпетербургскаго порта превышалъ количество, вывозимое нынѣ изъ всей Россіи.

Корабельный лѣсъ отпускается постоянно и въ наибольшемъ количествѣ изъ Риги, а другіе порты почти вовсе не участвуютъ въ этой отрасли лѣснаго торгу, и только шкипера отходящихъ кораблей запасаются мачтами, шхирами, бугшпиритами, въ Кронштадтѣ, Нарвѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Рига, съ давняго времени, снабжаетъ иностранныя земли мачтовымъ лѣсомъ, который, при отпускѣ за границу, подвергается здѣсь указному браку.

Изъ рижскаго порта отпущено:

	Мачтъ.	Ботснаттъ.	Шпировъ.	Бугшпиртовъ.	Буртпловъ.
Въ 1840 году	129	3,678	1,884	140	119 штукъ.
— 1841 —	201	1,511	1,384	272	142 —
— 1842 —	144	1,454	1,058	303	156 —
— 1843 —	56	2,216	1,207	97	99 —
— 1844 —	333	1,691	1,030	421	14с —
— 1845 —	167	1,552	1,250	265	103 —
<hr/>					
Средній отпускъ.	171	2,017	1,302	249	127 —

Всѣхъ этихъ сортовъ корабельнаго лѣсу отпущено въ 1840 —

* Самый болѣе большой отпускъ ихъ изъ Архангельска съ 1795 по 1804 годъ составлялъ до 149,000 штукъ, въ 1797 году, а въ другіе годы едва доходилъ до половины этого количества. Вывозъ досокъ изъ Риги былъ въ то время самый ничтожный, около 1 — 2000 штукъ.

1845 годахъ среднимъ числомъ, 3,866 штукъ. Съ постепенною вырубкою большештрныхъ деревь въ лѣсахъ, изъ которыхъ корабельный лѣсъ доставляется въ Ригу, отпускъ его чрезъ этотъ портъ весьма уменьшился: въ 1795—1798 годахъ вывезено отсюда мачтъ, шпирювъ и бугшпирювъ, среднимъ числомъ 5,327 штукъ; слѣдовательно противъ 1840 — 1845 г. почти на тридцать осемь процентовъ болѣе.

Ванчосы или вагенмосы (дубовые бруея) вывозятся изъ Россіи только чрезъ Ригу и по рѣкѣ Нѣману для отпуска чрезъ Мемель.

Отпущено :

	Изъ Риги.	По рѣкѣ Нѣману.
Въ 1840 году	6,787 штукъ	2,179 штукъ.
— 1841 —	3,026 —	1,367 —
— 1842 —	2,950 —	260 —
— 1843 —	4,563 —	2,850 —
— 1844 —	9,487 —	2,262 —
— 1845 —	7,082 —	5,139 —
Средній отпускъ	5,649 —	2,343 —

Вывозъ этой статьи изъ Риги значительно уменьшился противъ прежняго: въ 1795 — 1798 годахъ отпущено ванчосовъ 17,235 штукъ, а въ 1800—1803 годахъ 17,610 штукъ.

Клепки идутъ за море болѣею частію по рѣкѣ Нѣману чрезъ Мемель и частію изъ Риги; онѣ не вывозятся изъ другихъ портовъ, кромѣ Херсона, откуда прямо и чрезъ Одессу отпускается въ некоторое количество этого товару.

Клепокъ отпущено :

	Изъ Риги.	По рѣкѣ Нѣману.
Въ 1840 году	199,690 штукъ	1,143,240 штукъ.
— 1841 —	198,460 —	970,320 —
— 1842 —	373,681 —	166,620 —
— 1843 —	106,790 —	1,722,600 —
— 1844 —	421,550 —	1,457,280 —
— 1845 —	273,401 —	984,240 —
Средній отпускъ	262,262 —	1,074,050 —

Жерди отпускаются наиболѣе изъ Кронштадта, Архангельска, Нарвы, Риги и по рѣкѣ Нѣману изъ Мемеля.

Отпущено :

	Изъ Кронштадта.	Архангельска.	Нарвы.	Риги.	По р. Нѣману.	
Въ 1840 г.	31,237	21,750	36,194	49,142	1,582	шт.
— 1841 —	25,823	12,050	43,484	41,349	8,785	—
— 1842 —	23,628	10,600	51,128	34,839	17,400	—
— 1843 —	22,125	14,250	56,452	42,891	2,639	—
— 1844 —	24,142	16,816	31,840	36,884	12,766	—
— 1845 —	24,521	21,750	30,639	29,354	21,826	—
<hr/>						
Сред. отпускъ	25,079	16,202	41,623	39,076	10,833	—

Плашки вывозятся почти исключительно изъ санктпетербургскаго порта; отпускъ ихъ здѣсь составлялъ слѣдующія количества :

Въ 1840 г.	60,343	штукъ.	Въ 1843 г.	41,146	штукъ.
— 1841 —	64,757	—	— 1844 —	38,550	—
— 1842 —	36,985	—	— 1845 —	56,340	—

Ганшпуги вывозятся въ наибольшемъ количествѣ изъ Архангельска : съ 1840 по 1845 годъ , средний отпускъ ихъ изъ этого порта простирался въ годъ до шестнадцати тысячъ штукъ.

Основываясь на этихъ данныхъ о вывозѣ лѣснаго товару чрезъ главные пункты, можно положить , что годичный отпускъ изъ Россіи , кромѣ Финляндіи и Царства Польскаго, составляетъ примѣрно слѣдующія количества :

Бревень и брусевъ около	400,000	штукъ.
Досокъ	2,000,000	—
Матъ, шпировъ, бугши- ровъ и буртиловъ	4,000	—
Ванчосовъ	8,000	—
Клепокъ	1,300,000	—
Жердей	130,000	—
Плашекъ	50,000	—
Ганшпуговъ	16,000	—

Цѣнность всего отпуска лѣсныхъ товаровъ изъ Россіи простирается на два съ половиною милліона рублей серебромъ.

Лѣснаго товару изъ Финляндіи вывозится ежегодно на сумму не менѣе 800 до 900,000 рублей серебромъ; изъ тамошнихъ портовъ отправляются, на финляндскихъ судахъ, главнѣйше доски (отъ двухъ до трехъ милліоновъ штукъ въ годъ) и въ небольшомъ количествѣ бревна, брусья и другія. Подробныхъ свѣдѣній объ отпускѣ финляндскихъ лѣсныхъ товаровъ до сихъ поръ не было издано.

Изъ Царства Польскаго сплавляютъ лѣсные товары по рѣкѣ Вислѣ къ Данцигу и часть ихъ идетъ къ Штеттну, по искусственному сообщенію этой рѣки съ рѣкою Одеромъ. Средній отпускъ ихъ въ 1841—1844 годъ составлялъ по цѣнѣ до 750,000 рублей серебромъ.

Отпущено :

Въ 1841 году на	598,039	руб. сер.
— 1842 — —	660,953	— —
— 1843 — —	894,574	— —
— 1844 — —	846,452	— —

Польской лѣсъ, отправляемый въ Пруссію, поступаетъ въ за морскій отпускъ чрезъ Данцигъ и Штеттнъ. Незначительное количество лѣсу сбывается изъ Царства Польскаго въ Краковъ, равно какъ въ сосѣдственныя мѣста Россіи и австрійской Галиціи.

Вся цѣнность лѣснаго товару вывозимаго изъ Россіи, Финляндіи и Царства Польскаго, простирается круглою суммою на четыре милліона рублей серебромъ, въ томъ числѣ изъ портовъ, находящихся въ роесійскихъ владѣніяхъ вывозится лѣсу на 2,800,000 рублей, а цѣнность русскаго и польскаго лѣсу, отправляемаго къ прусскимъ портамъ, для отпуска за море, составляетъ, по цѣнамъ, объявленнымъ при сплавлѣ, около 1,200,000 рублей серебромъ.

Лѣсъ, доставляемый въ Пруссію изъ Россіи и Царства Польскаго, возвышается въ цѣнѣ отъ пошлинъ и другихъ расходовъ, такъ, что по продажнымъ цѣнамъ въ прусскихъ портахъ, привозъ лѣснаго товару оцѣнивается около трехъ милліоновъ рублей

серебромъ. Расходъ русскаго и польскаго лѣсу на внутреннее потребление въ Пруссіи простирается на сумму около милліона рублей серебромъ, а вывозъ лѣсныхъ товаровъ изъ тамошнихъ портовъ доходятъ до трехъ съ половиною милліоновъ рублей серебромъ, въ томъ числѣ, цѣнность русскаго и польскаго лѣсу составляетъ по меньшей мѣрѣ около двухъ милліоновъ.

Отпускъ лѣсныхъ товаровъ сосредоточивается здѣсь въ Мемель, Данцигъ и Штетинъ. По рѣкѣ Нѣману и ея притокамъ сплавляется лѣсъ въ Мемель изъ губерній волинской, минской и гродненской; оттуда доставляютъ лѣсъ въ Данцигъ по Западному Бугу, впадающему въ Вислу, которая, протекая изъ австрійской Галиціи, чрезъ Царство Польское, служитъ также для сплава лѣснаго товара, изъ тамошнихъ лѣсовъ, къ Данцигу. Штетинъ снабжается лѣсомъ болѣею частью изъ Царства Польскаго по рѣкамъ, впадающимъ въ Вислу и по искусственному ея сообщенію съ рѣкою Одеромъ. Штетинское купечество умѣло направить сюда часть лѣснаго торгу, хотя доставка лѣсу къ этому порту гораздо далѣе и дороже, нежели къ Мемелю и Данцигу. Успѣшному развитію этой отрасли торговли способствовало то, что штетинскіе купцы обыкновенно дѣлаютъ закупки лѣсу по сходящимъ цѣнамъ, на мѣстѣ, безъ посредства коммиссіонеровъ, и обдѣливая лѣсной товаръ, сообразно требованіямъ иностранцевъ, выручаютъ за него высшую цѣну, тогда какъ мемельскіе и данцигскіе купцы получаютъ лѣсъ болѣею частью чрезъ поставщиковъ Евреевъ и не такъ тщательно приготавливаютъ и бракуютъ его, какъ въ Штетинѣ.

Изъ прусскихъ портовъ вывозятся слѣдующіе лѣсные товары:

Бревна сосновыя отпускаются наиболѣе чрезъ Мемель и Данцигъ, а дубовыя чрезъ Штетинъ.

Отпущено:

Бревень.

	Сосновыѣхъ.		Дубовыѣхъ.	
	Въ 1844—1845 г.		Въ 1844—1845 г.	
Изъ Мемеля.	102,600	111,230 шт.	6,600	11,604 шт.
— Данцига.	111,135	136,521 —	1,903	1,743 —
— Штетина.	24,566	40,862 —	35,023	47,170 —
Итого	238,301	288,613 —	43,526	60,507 —

Т. VXXXI. — Отд. IV.

4

Весь лѣсной товаръ, отпускаемый чрезъ Мемель, доставляется сюда по рѣкѣ Нѣману изъ русскихъ владѣнй. Пригнано бревенъ и деревъ:

Сосновыхъ. Дубовыхъ.

(Средннй числомъ.)

Въ 1830 — 1834 г.	124,020	17,460 шт.
— 1835 — 1839 —	193,260	36,780 —
— 1840 — 1844 —	162,180	37,140 —

Чрезъ Данцигъ, какъ выше сказано, отпускается лѣсной товаръ, получаемый по рѣкѣ Вислѣ изъ Царства Польскаго, Россіи и Австрійской Галиціи. Въ 1840—1842 г., бревенъ и деревъ доставлено по Вислѣ къ Данцигу, средннмъ числомъ: сосновыхъ 143,319 шт., и дубовыхъ 5,206 шт., всего 148,523 штуки.

Въ 1843 г., пригонъ лѣснаго товару значительно увеличился, потому что большое количество лѣсу, задержаннаго мелководіемъ въ предъидущіе годы, прибыло къ Данцигу по Вислѣ, а именно:

Бревенъ и деревъ.

Изъ Царства Польскаго.	149,429 шт.
— Западныхъ губерній Россіи.	66,028 —
— Австрійской Галиціи.	35,700 —
Итого	<u>251,157 —</u>

Штетинъ получаетъ лѣсной товаръ также изъ Царства Польскаго, по водяному сообщенію рѣки Вислы съ рѣкою Одеромъ, впадающею при этомъ портѣ въ Балтійское Море; сюда доставляется также нѣкоторое количество лѣсу изъ прусскихъ владѣнй.

Среднй отпускъ изъ Штетина въ 1841—1845 году составлялъ 27,988 шт. сосноваго, и 46,098 шт. дубоваго лѣсу, всего 74,086 штукъ. Должно замѣтить, что доставка дубоваго лѣсу изъ Царства Польскаго примѣтно уменьшается, отъ вырубки тамошнихъ лѣсовъ, и штетинская торговля этимъ товаромъ годъ-отъ-году упадаетъ: въ 1841 году отпущено 68,152 штукъ; въ 1842 году 50,189; въ 1843 г. 29,957; въ 1844 г. 35,027; въ 1845 г. 47,170 штукъ. Напротивъ того, вывозъ сосноваго лѣсу еще поддерживается въ количествѣ отъ 20 до 26 тысячъ штукъ; въ 1845 г. отпускъ увеличился до 40,000 штукъ.

Изъ Данцига отпущено въ 1841—1845 г., среднимъ числомъ: бревенъ сосновыхъ 86,819 шт. и дубовыхъ 2,349 шт., всего 89,168 штукъ. Отпускъ дубоваго лѣсу изъ этого порта въ прежніе годы также былъ не очень великъ, а наиболѣе вывозится отсюда сосновый лѣсъ. Средній вывозъ сосновыхъ бревенъ изъ Данцига составлялъ въ 1829—1841 г. 49,946 шт., а въ 1841—1845 г. 86,819 шт., слѣдовательно, на семьдесятъ четыре процента болѣе.

Напротивъ-того, отпускъ бревенъ изъ Мемеля, въ послѣдніе годы уменьшился, и не общается приращенія, потому что лѣса въ ближайшихъ къ сплаву мѣстахъ, откуда этотъ товаръ идетъ по рѣкѣ Нѣману, уже значительно уменьшились и отъ того доставка лѣснаго товару становится отдаленнѣе и дороже. Въ пятилѣтіе съ 1840 по 1844 годъ, среднее количество сосновыхъ и дубовыхъ бревенъ и деревъ, пригнанныхъ къ Мемелю, составляло до 199,320 штукъ, противъ предъидущаго пятилѣтія на пятнадцать процентовъ менѣе.

Изъ Мемеля отпускаются также дубовые брусья, называемые вагеншосами, которые доставляются сюда изъ Россіи по рѣкѣ Нѣману: средній привозъ ихъ этимъ путемъ составлялъ въ 1835—1839 году 2,171 штуку, въ 1840—1844 году 1,582 штуки и въ такой же пропорціи уменьшился вывозъ ихъ изъ Мемеля.

Часть лѣсу, сплаваемого изъ Россіи и Царства Польскаго къ прусскимъ портамъ, поступаетъ здѣсь на лѣсопильные заводы и отсюда вывозится за море въ видѣ досокъ, батенсовъ, дленсовъ и планокъ. Самый значительный отпускъ пиленнаго лѣсу бываетъ изъ Мемеля.

Отпущено:

	Въ 1844 году.	Въ 1845 году.
Изъ Мемеля	969,200 шт.	898,170 шт.
— Данцига	329,249 —	359,987 —
— Штетина	117,489 —	127,884 —
Итого	1,315,938	1,386,041 —

Пиленный лѣсъ почти вовсе не доставляется къ этимъ портамъ по рѣкамъ Вислѣ и Нѣману.

Отпускъ досокъ, планокъ и т. п., съ тамошнихъ лѣсопильныхъ заводовъ составляетъ въ годъ слишкомъ 1,300,000 штукъ и все это количество выпиливается изъ лѣсу, сплаваемого къ прусскимъ портамъ по рѣчному сообщенію ихъ съ внутренними губерніями Россіи и Царства Польскаго.

Клепки, для отпуска за море чрезъ прусскіе порты, доставляются по рѣкамъ Нѣману и Вислѣ. Главный вывозъ ихъ бываетъ изъ Мемеля.

Отпущено:

	Въ 1844 году.	Въ 1845 году.
Изъ Мемеля	2,394,180 шт.	1,919,400 шт.
— Штетина	462,660 —	923,040 —
— Данцига	709,080 —	379,260 —
Итого	3,665,920 —	3,221,700 —

По рѣкѣ Нѣману доставлено клепокъ въ Мемель, среднимъ числомъ: въ 1830—1834 году 826,710 шт., въ 1835—39 году 1,152,840 шт., въ 1840—1844 году 1,269,660 штукъ. Судя по такому постоянному приращенію доставки этого товару къ мемельскому порту, можно заключить, что требованіе на клепки, для заморскаго отпуска, здѣсь увеличивается. Между-тѣмъ вывозъ ихъ чрезъ Штетинъ, гдѣ онѣ обходятся дороже, сталъ упадать въ послѣдніе годы: въ 1841 году вывезено отсюда клепокъ 1,178,880 штукъ, въ 1842 году 965,820, въ 1843 году 813,660 штукъ.

Брусъ для желѣзныхъ дорогъ (слиперсы) отпускались, въ послѣдніе годы, изъ Данцига и Мемеля, въ Англію и другія мѣста; ихъ готовятъ изъ сосноваго лѣсу, доставляемаго къ этимъ портамъ по рѣкамъ Вислѣ и Нѣману.

Отпущено:

	Въ 1844 году.	Въ 1845 году.
Изъ Данцига	45,567 шт.	327,823 шт.
— Мемеля	23,800 —	41,216 —
— Штетина	— — —	2,1891 —
Итого	69,367 —	371,228 —

Матты, бугшприты и шпиры вывозятся въ небольшомъ количествѣ.

Отпущено:

Въ 1844 г. Въ 1845 году.

Изъ Мемеля	230 шт.	1,755 шт.
— Данцига	246 —	376 —
— Шметина	21 —	3 —
Итого	497 —	2,134 шт.

Въ-отношеніи лѣсной торговли прусскихъ портовъ, должно замѣтить, что она поддерживается единственно сплавомъ русскаго и польскаго лѣсу по рѣкамъ Нѣману и Вислѣ, и что удобство водянаго сообщенія съ лѣсообильными странами, прилежащими къ этимъ рѣкамъ, доставляетъ прусскимъ портамъ перевѣсъ надъ Россіею почти во всѣхъ статьяхъ лѣснаго торгу. Притомъ, кромѣ выгодъ, извлекаемыхъ тамошними торговцами, корабле-хозяевами и другими промышленниками, отъ заграничнаго сбыта лѣсныхъ товаровъ, Пруссія выигрываетъ много тѣмъ, что въ ея пользу остается также заработная плата отъ обдѣлки лѣсу, доставляемаго изъ Россіи и Царства Польскаго, въ видѣ бревенъ и деревъ, изъ которыхъ приготавлиются въ прусскихъ портахъ доски, планки, брусья, лады и проч.

Россія, съ одной стороны, лишаясь большихъ выгодъ въ лѣсной торговлѣ, при сбытѣ лѣсу чрезъ прусскіе порты, съ другой — встрѣчаетъ сильное соперничество Швеціи и Норвегіи, откуда вывозится большое количество строеваго лѣсу. Заграничный сбытъ его изъ тамошнихъ портовъ весьма облегчается и много выигрываетъ тѣмъ, что перевозка лѣсныхъ товаровъ производится исключительно на шведскихъ и норвежскихъ корабляхъ, съ которыми иностранные флаги не могутъ соперничать въ дешевизнѣ фрахта; притомъ, по многочисленности собственнаго купческаго флота, въ тамошнихъ портахъ не случается недостатка въ судахъ, удобныхъ для погрузки лѣснаго товару.

Швеція и Норвегія принадлежатъ еще къ лѣсообильнѣйшимъ странамъ сѣверной Европы, несмотря на недостатокъ лѣснаго хозяйства и большое истребленіе тамошнихъ лѣсовъ. Они занимаютъ около девяти-десятихъ всего Скандинавскаго Полуострова и состоятъ, преимущественно, изъ ели, сосны и березы; дубъ и букъ встрѣчаются гораздо рѣже; въ западной Норвегіи господ-

ствуется сосна, а ель попадаетъ рѣдко; напротивъ-того, въ восточныхъ ея краяхъ, также какъ въ Швеціи, объ эти породы находятся въ изобиліи. Норвежскій сосновый лѣсъ, по своей добротѣ, предпочитается шведскому.

Вывозъ лѣсныхъ товаровъ изъ Швеціи и Норвегіи значительно усилился съ начала нынѣшняго столѣтія, чему отчасти было причиною запрещеніе отпуска лѣсу изъ Россіи въ исходѣ 1798 года, которое естественно должно было заставить иностранцевъ воспользоваться другими источниками для приобрѣтенія этого матеріала.

Въ 1797 году вывезено лѣсу изъ Норвегіи 22,341 ластъ, а въ 1799 году 86,574 ластовъ. Отпускъ норвежскаго лѣсу въ Великобританію, доходившій въ 1797 года только до 2,673 ластовъ, увеличился въ 1799 года до 72,222, въ 1805 году до 147,761 ластовъ, но потомъ сталъ упадать, съ-тѣхъ-поръ какъ Великобританія возвысила пошлины съ европейскаго лѣснаго товару для поощренія привоза лѣсу изъ собственныхъ сѣверо-американскихъ колоній. Впрочемъ, уменьшеніе сбыта норвежскаго лѣсу въ Великобританію отчасти вознаградилось приращеніемъ его отпуска въ другія страны, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	Въ Великобри- танію.	Во Фран- цію.	Нидерланды.	Германію.	Данію.
Въ 1805 г.	147,671 лас.	5,511 лас.			
— 1815 —	99,000	12,500	34,800 лас.	3,000 лас.	19,500 лас.
— 1819 —	69,400	26,400	53,300	4,600	15,400 —
— 1824 —	79,000	37,000	50,000	3,600	16,700 —
— 1829 —	47,700	49,000	48,700	7,100	24,600 —
— 1834 —	51,300	60,300	55,600	8,200	29,900 —
— 1838 —	64,100	72,000	68,500	8,500	27,800 —
— 1842 —	50,100	80,100	70,000	15,400	40,800 —

Вывозъ въ Великобританію уменьшился съ 1815 года почти на половину; но съ того времени сбытъ норвежскаго лѣсу увеличился во Францію на пятьсотъ сорокъ восемь процентовъ, въ Нидерланды на сто процентовъ, въ Германію слишкомъ на триста процентовъ, въ Данію на сто девять процентовъ.

Норвегія отпускаетъ за море бревна круглыя и четырехгранныя, сосновыя деревья величиною до двѣнадцати футовъ, и доски, которыхъ мѣра рѣдко превышаетъ восемь или девять дюймовъ

въ ширину, потому что естественныя преграды, встрѣчаемыя на тамошнихъ рѣкахъ, не позволяютъ сплавать лѣсъ большого размѣру. О количествѣ бревенъ, досокъ и прочаго, вывозимыхъ изъ Норвегіи, нѣтъ свѣдѣній въ таможенныхъ отчетахъ: лѣсные товары всякаго рода показываются «ластами», безъ означенія сколько вывезено каждаго товару порознь.

Весь отпускъ норвежскаго лѣсу составлялъ слѣдующія количества:

Въ 1805 году	250,600	ластовъ.	Въ 1836 году	232,819	ластовъ.
— 1815 —	172,000	—	— 1837 —	228,442	—
— 1819 —	170,800	—	— 1838 —	241,569	—
— 1824 —	186,700	—	— 1839 —	272,207	—
— 1829 —	177,700	—	— 1840 —	266,599	—
— 1834 —	205,600	—	— 1841 —	266,744	—
— 1835 —	225,772	—	— 1842 —	256,900	—

Въ послѣднее пятилѣтіе, средній отпускъ простирался до 260,800 ластовъ и почти равнялся съ вывозомъ лѣсу въ 1805 году, когда Великобританія служила главнымъ для него источникомъ. Снабжая это государство лѣснымъ товаромъ, Норвегія получала исключительно оттуда мануфактурныя издѣлія всякаго рода; сношенія ея съ Германією, Францією и Нидерландами были весьма маловажны. Съ уменьшеніемъ отпуска норвежскаго лѣсу въ Великобританію, ограничился сбытъ тамошнихъ издѣлій въ Норвегію; ея торговля съ Гамбургомъ и другими портами Германіи распространилась и увеличился привозъ нѣмецкихъ издѣлій. Между-тѣмъ постепенное приращеніе сбыта норвежскаго лѣсу во Франціи и другихъ странахъ, возвысило отпускъ его, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, такъ что нынѣ Великобританія уже занимаетъ третье мѣсто въ этой отрасли норвежской торговли.

Изъ Швеціи вывозятся въ иностранныя земли: бревна, маты, доски, клепки, обручи, весла и другіе. Отпущено разнаго лѣснаго товару:

Въ 1815—1819	среднимъ числомъ	161,000	ластовъ.
— 1820—1824	—	—	171,000 —
— 1825—1829	—	—	191,000 —
— 1830—1834	—	—	193,000 —

Въ	1835	среднимъ	числомъ	208,000	ластовъ.
—	1836	—	—	226,000	—
—	1837	—	—	232,000	—
—	1838	—	—	242,000	—
—	1839	—	—	272,000	—
—	1840	—	—	226,000	—

Эти цифры показываютъ, что вывозъ шведскаго лѣснаго товара съ 1815 года постоянно увеличивался и что въ послѣднее пятнадцатіе средній отпускъ превышалъ на пятьдесятъ три процента количество лѣсу, которое за двадцать лѣтъ предъ симъ вывозилось изъ Швеціи. По таможеннымъ отчетамъ за 1840 и 1844 году отпущено разныхъ лѣсныхъ товаровъ, среднимъ числомъ:

	Бревенъ.	Досокъ.	Матъ и шпировъ.	Клепокъ.
Въ Великобританію.....	15,447 шт.	82,771 дюж.	3,668 шт.	
— Францію.....	22,736 —	105,853 —	2,383 —	
— Данію.....	102,197 —	158,622 —	276 —	1,745,872 шт.
— Любекъ.....	11,616 —	33,946 —	” —	147,857 —
— Бельгію.....	4,144 —	19,575 —	” —	
— Португалію...	1,816 —	9,548 —	366 —	
— Испанію.....	4,957 —	13,461 —	710 —	
— Италію.....	2,235 —	4,803 —	288 —	
— Алжірію.....	17,443 —	16,078 —	” —	
— Бразилію.....	” —	10,975 —	618 —	
Прочія мѣста.....	17,149 —	56,864 —	930 —	5,013,136* —
Всего	199,740 —	512,496 —	9,239 —	6,906,865 —

Швеція сбываетъ строевой лѣсъ наиболѣе въ Данію, Францію и Великобританію; онъ вывозится также въ южную Европу, Алжірію и Бразилію. Въ лѣсной торговлѣ съ Великобританіею, маты и шпиръ еще составляютъ значительную статью: около сорока процентовъ всего отпуска; напротивъ того, доски и бревна вывозятся туда въ меньшей пропорціи, а именно: среднее количество бревенъ, вывезенныхъ въ Великобританію въ

* Почти все это количество клепокъ отпущено въ Норвегію.

1840 по 1844 годы доходило только до семи процентов, а вывоз туда досокъ въ то же время составлялъ неболѣе пятнадцати процентовъ всего отпуса. Столь ограниченный сбытъ ихъ въ этомъ государствѣ, при обширномъ расходѣ тайъ лѣсныхъ матеріаловъ, объясняется разностью привозныхъ пошлинъ, взимаемыхъ по тамошнему тарифу, съ европейскаго и колоніальнаго лѣсу: послѣдній, будучи обложенъ низшею пошлиною, соперничаетъ съ лѣснымъ товаромъ, получаемымъ Великобританіею изъ сѣверной Европы, такъ что потребность въ привозъ его отсюда значительно уменьшилась.

Швеція и Норвегія, воспользовавшись приращеніемъ потребности въ этомъ товарѣ въ другихъ государствахъ, значительно распространили свою лѣсную торговлю, посредствомъ перевозки лѣсу на собственныхъ корабляхъ и отправки его за собственный счетъ для присканія выгодѣйшей продажи. Такимъ образомъ, шведскій и норвежскій лѣсъ сбывается не только въ Великобританіи, служившей ему прежде главнымъ истокомъ, но и въ разныхъ другихъ странахъ, въ Даніи, Германіи, Нидерландахъ, Франціи, южной Европѣ, Алжиріи и даже въ Бразиліи. При такомъ обширномъ сбытѣ лѣсныхъ товаровъ изъ Швеціи и Норвегіи, откуда они развозятся повсемѣстно, на собственныхъ корабляхъ, не удивительно, что въ новѣйшее время эта отрасль торговли значительно увеличилась и общаетъ дальнѣйшіе успѣхи. Швеція и Норвегія пользуются, въ этомъ отношеніи, важнымъ преимуществомъ предъ Россіею: до-сихъ-поръ главный сбытъ лѣснаго товара изъ нашихъ портовъ направлялся въ Великобританію, гдѣ соперничаетъ съ нимъ колоніальный лѣсъ; отъ умноженія привоза лѣсныхъ товаровъ изъ сѣверо-американскихъ ея колоній, при высокихъ пошлинахъ на европейской лѣсъ, доставка лѣсу изъ Россіи въ Великобританію значительно уменьшилась; но упадокъ этой отрасли нашей торговли не могъ вознаградиться приращеніемъ вывоза лѣсныхъ товаровъ въ другія страны, потому что тамъ усилилось соперничество Швеціи, Норвегіи, Пруссіи и даже Соединенныхъ-Штатовъ. Оно затрудняетъ развитие нашего лѣснаго торгу тѣмъ болѣе, что отпускъ лѣсу отъ нашихъ портовъ, по малочисленности нашего купеческаго флота, зависитъ отъ прихода иностранныхъ кораблей, годныхъ для нагрузки этого товара, и отъ платимыхъ имъ фрахтовъ; многіе иностранные корабли, при отходѣ изъ нашихъ портовъ, берутъ лѣсъ для доставки, либо вмѣсто баласта. Въ случаѣ большаго требованія на

лѣсъ, но всегда можно найти достаточное число кораблей, годныхъ несть грузы лѣсныхъ товаровъ, и притомъ, фрахты возвышаются иногда такъ, что отправка лѣсу сопряжена съ очевиднымъ убыткомъ. Эти затрудненія, со всѣми ихъ невыгодными послѣдствіями, не встрѣчаются въ тѣхъ иностранныхъ портахъ, гдѣ лѣсная торговля производится посредствомъ собственныхъ кораблей. Ближайшимъ для насъ примѣромъ можетъ служить отпускъ лѣсу изъ Финляндіи, откуда этотъ товаръ развозится на тамошнихъ судахъ, въ разныя страны западной Европы, въ порты Средиземнаго Моря и другія мѣста.

Разсматривая движеніе лѣснаго торгу въ сѣверо-восточной Европѣ, по заграничному сбыту лѣсу изъ портовъ Россіи, Швеціи Норвегіи и Пруссіи, откуда снабжаются этимъ товаромъ другія европейскія государства, нельзя не обратить вниманія на большой перевѣсъ, приобретенный Швеціею и Норвегіею въ отпускѣ лѣсу, и на ограниченное развитіе этой отрасли торговли въ Россіи, которая, по-необходимости, удѣляетъ значительную часть ея въ пользу прусскихъ портовъ. Слѣдующіе выводы ясно обнаруживаютъ степень участія вышеупомянутыхъ странъ во ви́шней лѣсной торговлѣ.

Главныхъ сортовъ лѣснаго товару вывозится въ иностранныя земли:

Изъ портовъ:	Бревенъ и брусевъ.	Досокъ.	Мачтъ. шпировъ и п.	Желпокъ.	
Россіи около. . .	140,000	2,000,000	4,000	300,000	шт.
Финляндіи. . . .	— —	3,000,000	—	— —	—
Швеціи.	200,000	6,000,000	9,000	2,000,000	—
Пруссіи. *	300,000	1,300,000	1,300	3,500,000	—
Норвегіи.	около	60,000	ластовъ строеваго лѣсу.		

Нѣкоторыя другія страны Европы такъ же принимаютъ участіе во ви́шней торговлѣ лѣснымъ товаромъ.

Отпускъ лѣсу изъ владѣній Германскаго Таможеннаго Союза, за исключеніемъ прусскихъ портовъ, въ 1836—1840 году, соста-

* Почти все количество лѣсу, отпускаемаго чрезъ прусскіе порты, доставляется туда изъ Россіи и Царства Польскаго, а собственно изъ Пруссіи вывозится незначительная часть.

влялъ около 39,000 ластовъ дубоваго, лясеваго, яльмоваго и тому подобнаго и 62,000 ласт. сосноваго, еловаго и буковаго лѣсу. По Рейну сплавляется въ Голландію значительное количество лѣснаго товару изъ сѣверной Баваріи, Виртемберга и Бадена; по Эльбѣ идетъ лѣсъ изъ Богеміи, Саксоніи и другихъ мѣстъ, въ Гамбургъ; къ Бремену доставляютъ его по рѣкѣ Везеру и ея притокамъ изъ Ганновера, Брауншвейга, Гессена и другихъ.

Вывозъ лѣснаго товару изъ австрійскихъ владѣній простирается ежегодно на два и два съ половиной милліона рублей серебромъ. Лѣсъ идетъ отсюда по рѣчному сообщенію въ Пруссію, Саксонію, южную Германію, Швейцарію, Италію, Турцію и Россію (по рѣкѣ Днѣстру), а моремъ отпускается чрѣзъ Триестъ, Венецію, Фиуме и другіе порты Адриатическаго Моря. Съ 1831 до 1840 года средній отпускъ лѣснаго товару изъ Австрійской Имперіи составлялъ по цѣнѣ 2,555,601 гульденовъ, (1,660,000 рублей серебромъ); съ 1840 по 1843 годъ, 3,662,684 гульдена (2,380,00 рублей серебромъ), а въ 1843 году, 4,271,334 гульдена (2,777,000 рублей серебромъ), и распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

Отпущено:

Черезъ или въ южную Германію.	на 156,846	гульденовъ.
— — — Саксонію.	— 686,083	— —
— — — Пруссію.	— 608,046	— —
— — — Краковъ.	— 105,900	— —
— — — Польшу.	— 59,892	— —
— — — Броды.	— 71,816	— —
— — — Россію.	— 99,596	— —
— — — Турцію.	— 61,905	— —
— — — Италію.	— 84,391	— —
— — — Швейцарію.	— 105,956	— —

Итого на. . 2,098,432 гульдена.

Моремъ, чрѣзъ Триестъ.	на 689,546	гульденовъ.
— — — Венецію.	— 511,982	— —
— — — Фиуме.	— 427,492	— —
— — — другіе порты.	— 541,884	— —

Итого на 2,098,432 гульдена.

Всего вообще на 4,271,334 гульдена.

Изъ адриатическихъ портовъ австрійской Имперіи отпускается лѣсной товаръ въ Грецію, Левантъ, сѣверную Африку и южную Францію, куда идетъ преимущественно бочарный лѣсъ: привозъ его во Францію изъ этихъ портовъ въ новѣйшее время увеличился и уже доходитъ до осьми милліоновъ штукъ.

Изъ Италіи также доставляется во Францію немаловажное количество бочарнаго лѣсу: въ 1840—1842 году привезено туда клепокъ около четырехъ милліоновъ штукъ.

Въ дунайскихъ странахъ находятся обширные лѣса, изъ которыхъ лѣсной товаръ можетъ быть сплавляемъ для отпуска за море; но до-сихъ-поръ эта торговля еще не значительна. Кромѣ строеваго и дровянаго лѣсу, доставляемаго по Дунаю въ Бессарабію, вывозятся изъ Молдавіи чрезъ Галацъ, мачты, клепки и доски, большею частію въ Турцію, но съ развитіемъ европейской торговли въ этомъ краѣ, отпускъ лѣсу по Дунаю, вѣроятно, увеличится.

Въ Малой Азіи, около береговъ Чернаго Моря, между Гераклею и устьемъ Кизиль-Ирмака, простираются большіе лѣса, изобилующіе превосходными дубовыми деревьями; отсюда доставляютъ ихъ въ Константинополь, для постройки военныхъ кораблей. Лѣсъ, растущій въ другихъ прибрежныхъ мѣстахъ Чернаго Моря употребляется для строенія купеческихъ судовъ. Вывозъ корабельнаго лѣсу въ иностранныя земли запрещенъ турецкимъ правительствомъ. Несмотря на изобиліе лѣсовъ въ этомъ краѣ, лѣсной товаръ едва-ли можетъ когда-либо сдѣлаться важною статью здѣшней торговли, потому что съ постоянною вырубкою лѣсу въ прибрежныхъ мѣстахъ, доставка его къ портамъ изъ дальнихъ лѣсистыхъ мѣстъ невозможна, по неимѣнію тамъ водной коммуникаціи.

Исчисливъ ближайшіе источники, откуда европейскія государства снабжаются лѣснымъ товаромъ, намъ остается еще упомянуть о вывозѣ лѣсу изъ Сѣверной-Америки, которая въ новѣйшее время приобрѣла столь важное значеніе въ лѣсной торговлѣ Европы. Сѣверо-Американскіе Соединенные-Штаты отпускаютъ разнаго лѣснаго товару (клепокъ, досокъ, бревенъ, мачтъ и прочаго), на два съ половиною милліона рублей серебромъ, во Францію, Великобританію, Португалію, Испанію и другія мѣста, а изъ англо-американскихъ колоній: Канады, Нью-Брунсвика и другихъ, вывозится лѣсной товаръ, почти исключительно въ Великобританію, на сумму до осьми милліоновъ рублей серебромъ. Значительному

приращенію отпуска лѣсу изъ этихъ колоній, какъ увидимъ ниже, способствовали высокія пошлины, которыми Великобританія обложила иностранный лѣсной товаръ, поощряя сбытъ колоніальнаго лѣсу вниманіемъ съ него весьма низкой пошлины. При возрастающей потребности въ этомъ матеріалѣ въ Великобританіи, привозъ его изъ сѣверо-американскихъ колоній чрезвычайно увеличился; но, несмотря на ихъ соперничество, это государство всё еще получаетъ значительное количество лѣсу изъ сѣверной Европы.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, Великобританія наиболѣе нуждается въ привозѣ лѣснаго товару, потому что собственные лѣса (занимающіе не болѣе двадцатой доли ея пространства) не могутъ удовлетворить внутреннему расходу этого матеріала, при обширномъ потребленіи его для построекъ и другихъ надобностей, равно какъ на судостроеніе. Однако Великобританія уже давно стала заботиться о томъ, чтобы сколько возможно болѣе ограничить свою зависимость отъ иностранныхъ земель по привозу столь необходимаго матеріала, и для того значительно возвысивъ привозную пошлину съ европейскаго лѣсу, обложила низкою пошлиною лѣсъ, доставляемый изъ собственныхъ колоній. Въ какой степени эта мѣра содѣйствовала умноженію привоза лѣсу сѣверо-американскихъ колоній и уменьшенію потребности въ привозѣ его изъ Европы, можно судить по количеству строеваго лѣсу, привезеннаго въ Великобританію съ 1788 по 1840 годъ.

Изъ сѣверо-американскихъ колоній.		Пошлины.	Изъ Европы.	Пошлины.	
		ни.		на.	
Въ 1788 году	5,680 ласт.*	Безъ пошлины.	203,482 ласт.	6 шил.	8 пен.
— 1791 —	2,536 —		209,072 —	— —	— —
— 1795 —	840 —		199,119 —	10 —	— —
— 1800 —	2,605 —		189,331 —	11 —	— —
— 1801 —	3,099 —		158,770 —	14 —	8 —
— 1802 —	5,143 —		252,672 —	16 —	2 —
— 1803 —	12,133 —		280,550 —	20 ш. и 22 ш.	6 пен.
— 1805 —	13,018 —		248,717 —	25 —	— —
— 1806 —	16,120 —		114,054 —	26 —	8 —
— 1809 —	90,829 —		54,260 —	27 —	4 —
— 1810 —	125,313 —		135,626 —	54 —	8 —

* Ластъ (load) равняется пятидесяти кубическимъ футамъ.

Изъ сѣверо-американскихъ колоній.		Пошли- на.	Изъ Европы.		Пошли- на.	
Въ 1814 году	50,790 ласт.	5 шил.	126,289 ласт.	64 шил.	11 пед.	
— 1819 —	322,920 —	— —	119,237 —	65 —	— —	
— 1821 —	317,563 —	10 —	99,202 —	55 —	— —	
— 1825 —	467,625 —	— —	286,871 —	— —	— —	
— 1830 —	355,472 —	— —	113,867 —	— —	— —	
— 1835 —	562,953 —	— —	131,481 —	— —	— —	
— 1840 —	646,953 —	— —	170,210 —	— —	— —	
— 1841 —	636,804 —	— —	125,366 —	— —	— —	
— 1842 —	483,141 —	— —	152,286 —	— —	— —	

Привозъ лѣсу изъ сѣверо-американскихъ колоній, поощряемый постепеннымъ возвышеніемъ пошлины съ европейскаго лѣсу, сталъ мало-по-малу увеличиваться уже сначала нынѣшняго столѣтія; но еще до 1819 года привозъ изъ Европы имѣлъ перевѣсъ, а съ-тѣхъ-поръ количество лѣсу, доставляемаго изъ сѣверо-американскихъ колоній, значительно превзошло привозъ изъ Европы. Усмысливъ внутренній сбытъ колоніальнаго лѣсу, Великобританское правительство еще въ 1821 году признало возможнымъ нѣсколько сбавить пошлину съ европейскаго лѣсу, тѣмъ болѣе, что по превосходному его качеству всравненіи съ колоніальнымъ, европейскій лѣсъ необходимъ при постройкахъ, въ которыхъ прочность составляетъ существенное условіе. Однако, разница въ пошлинѣ съ того и другаго лѣсу оставалась еще такъ велика, что привозъ изъ колоній не переставалъ возрастать. Въ 1842 году пошлины съ лѣснаго товару значительно сбавлены, съ сохраненіемъ, впрочемъ, выгодъ на сторонѣ колоніальнаго лѣсу, какъ видно изъ нижеслѣдующаго сравненія.

При новѣйшемъ тарифѣ въ 1842—1843 и въ 1843—1844 годахъ оплачено пошлиною * :

* Сроки для взиманія новыхъ пошлинъ были положены съ десятаго октября, однако по десятое октября слѣдующаго года, и потому здѣсь показано количество, оплаченное пошлиною съ десятаго октября 1842 по десятое октября 1843 года, въ первомъ столбцѣ, а во второмъ съ десятаго октября 1843 по десятое октября 1844 года.

Въ 1843—44 г.

Количество. Пошлина

отъ — до

Въ 1842—43 г.

Количество. Пошлина

отъ — до

Лѣсу теснаго, необдѣланнаго:

Изъ колоній 731,090 ласт. — 1 шл. съ ласт. 508,205 ласт. — 1 шл. съ ласт.
 — иностранныхъ мѣстъ 109,024 — 30 — — — 196,746 — 25 — — —

Досокъ, бatenсовъ, планокъ и
 прозача пленаго и колотаго
 лѣсу, кромя особо поимено-
 ваннаго:

Изъ колоній 405,419 — 2 — — — 378,479 — 2 — — —
 — иностранныхъ мѣстъ 175,209 — 38 — — — 352,492 — 32 — — —

Клепокъ всякаго размѣру:

Изъ колоній 50,089 — 2 — — — 40,719 — 2 — — —
 — иностранныхъ мѣстъ 13,779 — 28 — — — 23,161 — 28 — — —

Ганшуговъ:

Изъ колоній 314 сотень $\frac{1}{2}$ 1 со 120 шт. 143 сотень $\frac{1}{2}$ 1 со 120 шт.
 — иностранныхъ мѣстъ 396 — 20 40 — — — 241 — 20 40 — — —

Кшиць:

Изъ колоній 480 штукъ $\frac{1}{4}$ 1 — — — 360 штукъ $\frac{1}{4}$ 1 — — —
 — иностранныхъ мѣстъ 2,640 — 10 40 — — — 2,420 — 10 40 — — —

Въ 1842—43 г.

Въ 1843—44 г.

Количество. Пошлина

Количество. Пошлина

отъ—40

отъ—40

Жердей:

Изъ колоній 15,720 штукъ $\frac{1}{2}$ 2 со 120 шт. 28,200 штукъ $\frac{1}{2}$ 2 со 120 шт.

— иностранныхъ мѣстъ 198,720 — 20 80 — — 191,520 — 20 80 — —

Весель:

Изъ колоній 40,120 — — $3\frac{3}{4}$ — — 36,560 — — $3\frac{3}{4}$ — —

— иностранныхъ мѣстъ 13,680 — — 150 — — 8,400 — — 150 — —

Косиковъ:

Изъ колоній 4,775 — 1 2 съ тысячъ 10,690 — 1 2 съ тысячъ.

— иностранныхъ мѣстъ 1,718 — 40 80 — — 470 — 40 80 — —

Пашекъ:

Изъ колоній 6,386 саж. — 1 шил. съ саж. 4,564 саж. — 1 шил. съ саж.

— иностранныхъ мѣстъ 6,674 — — 2 — — 5,687 — — 2 — —

Обручей:

Изъ колоній 8,400 штукъ $\frac{1}{3}$ 1 съ тысячъ 4,408 штукъ $\frac{1}{3}$ 1 съ тысячъ.

— иностранныхъ мѣстъ 919,920 — 2 5 — — 995,947 — 2 5 — —

Разнаго дѣсу въ обдѣланныхъ вѣ-

дѣ, особю не поименованныхъ:

Изъ колоній на 184 ф. с. — $5\frac{1}{6}$ съ пѣны на 86 ф. с. — $5\frac{1}{6}$ съ пѣны.

— иностранныхъ мѣстъ 1,126 — — 10 — — 1,050 — — 10 — —

и 4,567 куб. ф. — 9 пѣн. съ к. ф. 4,503 куб. ф. — $7\frac{1}{3}$ п. съ к. ф.

Примѣчаніе. Сверхъ показанныхъ въ этой таблицѣ пошлинъ, взимается съ иностраннаго лѣсу надбавочныхъ пять процентовъ.

Несмотря на большую разность въ пошлинахъ съ иностраннаго и колоніальнаго лѣсу, привозъ лѣсныхъ товаровъ изъ Европы въ послѣдніе годы примѣтно увеличился, особенно тѣхъ, которые по прежнему тарифу были обложены высокою пошлиною; наприимѣръ косяки, весла, жерди и другіе. До введенія съ 1842 года уменьшенныхъ пошлинъ съ лѣсу, доставлялись изъ Европы главнѣйше бревна и брусья, доски, батенсы, вагеншосы, клепки, матчовыя деревья, и почти по всемъ этимъ статьямъ перевѣсъ оставался на сторонѣ привоза изъ сѣверо-американскихъ колоній.

Въ десятилѣтіе съ 1831 по 1840 годы средній привозъ главныхъ лѣсныхъ товаровъ въ Великобританію въ 1831—1835 и въ 1836—1840-годахъ составлялъ слѣдующія количества:

	Въ 1831—1835 г.	Въ 1836—1840 г.
Бревенъ и брусевъ	579,680	723,221 ласт.
Досокъ	6,979,440	9,460,920 шт.
Батенсовъ	1,507,680	2,179,560 —
Планокъ дубовыхъ	2,156	3,916 ласт.
Ванчосовъ	2,822	4,202 —
Клепокъ	9,481,160	10,451,160 шт.
Мачтъ * }	4,615	5,766 ласт.
}	12,977	17,113 шт.

Строевой лѣсъ въ бревнахъ и брусьяхъ привозится изъ сѣверо-американскихъ колоній и сѣверной Европы. Въ 1795—1801 годахъ средній привозъ составлялъ вообще сто пятьдесятъ четыре тысячи семьсотъ девяносто девять ластовъ, въ томъ числѣ европейскаго лѣсу сто сорокъ девять тысячъ двѣсти шесть, американскаго только пять тысячъ пятьсотъ девяносто три ластовъ. Съ тѣхъ-поръ расходъ американскаго лѣсу чрезвычайно увеличился отъ возвышенія пошлины на европейскій лѣсъ: бревенъ и брусевъ изъ сѣверо-американскихъ колоній привезено въ 1831—1835 годахъ четыре ста пятьдесятъ семь тысячъ сто восемьдесятъ восемь, а въ 1836—1840 годахъ пятьсотъ шестьдесятъ восемь тысячъ восемьсотъ семьдесятъ шесть ластовъ, что составляетъ около ось-

* Мачты, величиною свыше двѣнадцати дюймовъ въ діаметрѣ, показываются ластанн или лодами (load) въ пятьдесятъ кубическихъ футовъ, а менше этого размѣра считаются штуками.

мидесяти процентовъ всего привозу, между-тѣмъ какъ изъ сѣверной Европы привезено въ 1831—1835 годахъ только сто четырнадцать тысячъ пятьдесятъ одинъ, а въ 1836—1840 годахъ сто сорокъ четыре тысячи пятьсотъ тридцать два ластва, количество, едва подходящее къ среднему привозу въ 1795—1801 годахъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе привозъ бревенъ и брусевъ изъ сѣверной Европы распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

	Въ 1831—1835 г.	Въ 1836—1840 г.
Изъ Россіи и Финляндіи	6,168	10,565 ласт.
— Россіи и Царства Польскаго, чрезъ прусскіе порты .	83,053	103,031 —
Итого	89,221	113,596 —
— Швеціи и Норвегіи	24,830	30,936 —
Всего	114,051	144,532 ласт.

Отсюда видно, что въ привозѣ изъ сѣверной Европы пропорція лѣсу русскаго, финляндскаго и польскаго происхожденія, составляла въ оба періода семьдесятъ осемь процентовъ, и что девять-десятихъ получаютъ чрезъ прусскіе порты, а одна-десятая часть прямо изъ Россіи и Финляндіи; впрочемъ, привозъ прямымъ путемъ въ послѣдній періодъ (съ 1836—1840 годы) уже былъ на семьдесятъ процентовъ болѣе противъ предъидущаго пятилѣтія (1831—1835 годахъ). Въ то же время привозъ русскаго и польскаго лѣсу черезъ прусскіе порты, равно какъ шведскаго и норвежскаго лѣсу, увеличился на двадцать четыре процента.

Количество досокъ, получаемыхъ Великобританіею изъ сѣверной Европы, значительно увеличилось съ исхода прошлаго столѣтія, несмотря на высокую пошлину, которою онѣ обложены въ сравненіи съ досками изъ американскихъ колоній. Однако, въ новѣйшее время привозъ изъ сѣверной Европы представлялъ весьма малое приращеніе, между-тѣмъ какъ сбытъ досокъ изъ американскихъ колоній, постепенно возрастаая съ начала нынѣшняго столѣтія, превзошелъ привозъ изъ сѣверной Европы въ 1836—1840 годахъ на сорокъ процентовъ.

	Изъ сѣверной Европы.	Изъ американскихъ колоній.
Въ 1795—1801 г.	521,067	28,748 шт.
— 1831—1835 —	3,434,640	3,535,800 —
— 1836—1840 —	3,696,120	5,163,960 —

Великобританія снабжается изъ сѣверной Европы досками главнѣйше чрезъ русскіе порты; батенсы привозятся болѣе изъ Швеціи и Норвегій, а дубовыя планки почти исключительно изъ прусскихъ портовъ.

Привезено :

	Изъ Россіи и Финляндіи.	Изъ Швеціи и Норвегій:	Изъ Пруссіи.
Досокъ :			
Въ 1831—1835 г.	1,693,200	1,210,560	530,880 шт.
— 1836—1840 —	1,923,000	1,094,520	678,600 —
Батенсовъ :			
— 1831—1835 —	347,160	972,120	28,080 —
— 1836—1840 —	558,120	1,234,920	34,560 —
Планокъ дубовыхъ :			
— 1831—1835 —	19	2	2,035 ласт.
— 1836—1840 —	20	—	3,802 —

Въ оба періода, привозъ досокъ и батенсовъ распредѣлялся между Россією и Швецією почти въ одинакой пропорціи. Изъ Россіи и Финляндіи привезено ихъ въ 1831—1835 годахъ 2,040,360 штукъ, а въ 1836—1840 годахъ 2,481,120 штукъ, на двадцать процентовъ болѣе. Доски, батенсы и планки, доставляемыя изъ прусскихъ портовъ, приготавлиются тамъ болѣею частью изъ русскаго и польскаго лѣсу.

Клепки привозятся нынѣ наиболѣе изъ сѣверо-американскихъ колоній, частію же изъ прусскихъ портовъ, и прямо изъ Россіи; изъ Швеціи и Норвегій, почти вовсе не бывають въ привозѣ. Этого товару получено :

	Изъ Пруссіи.	Изъ колоній.
Въ 1831—1835 г.	1,592,760	7,703,760 шт.
— 1836—1840 —	1,683,720	8,245,440 —

Ванчосы доставляются почти исключительно прямо изъ Россіи и малою частію чрезъ прусскіе порты. Привозъ въ 1831—1835 г. составлялъ 2,822, а въ 1836—1840 г. 4,025 ластовъ.

Мачтовый лѣсъ привозился, въ прежнее время, въ значительномъ количествѣ изъ сѣверной Европы, но съ постепенною вырубкою болѣе крупныхъ деревъ въ тамошнихъ лѣсахъ, количе-

ство матчъ, оттуда получаемыхъ, весьма уменьшилось. Нынѣ доставляются изъ Сѣверной Европы болѣею частию матчы величиною менѣе двѣнадцати дюймовъ въ діаметрѣ, а свыше этого размѣра получаютъ изъ американскихъ колоній.

Привезено :

	Въ 1795—1801 г.		Въ 1831—1835 г.		Въ 1836—1840 г.	
	Ластовъ.	Штукъ.	Ластовъ.	Штукъ.	Ластовъ.	Штукъ.
Изъ Россіи пря- мо..... Черезъ Прус- сію.....	Неизвѣстно.		392	1,517	882	2,923
			230	361	137	380
	Итого.		622	1,878	1,019	3,303
— Швеціи и Норвегіи.....	Неизвѣстно.		12	6,955	21	7,957
Итого изъ Сѣ- верной Ев- ропы.....	12,675	17,845	634	8,833	1,040	11,260
— сѣверо-аме- риканскихъ колоній.....	1,601	504	3,426	4,104	3,807	5,803
— прочихъ мѣстъ.....			525	40	919	50
Всего вообще..	14,276	18,349	4,615	12,977	5,766	17,113

Изъ этого обзорѣнія видно, что въ 1795—1801 г., когда привозъ матчоваго лѣсу, по случаю морскихъ войнъ, былъ весьма великъ, Великобританія снабжалась имъ почти исключительно изъ сѣверной Европы; напротивъ того, въ послѣднее пятилѣтіе потребность въ матчовомъ лѣсѣ не была столь значительна и удовлетворялась болѣею частию сѣверо-американскими колоніями. Оттуда наиболѣе привозятся матчы величиною свыше двѣнадцати футовъ въ діаметрѣ. Матчы меньшаго размѣра до сихъ поръ еще получаютъ изъ Швеціи и Норвегіи въ болѣемъ количествѣ нежели изъ колоній. Привозъ матчоваго лѣсу изъ Россіи вообще увеличился въ послѣднее пятилѣтіе, несмотря на совершенство сѣверо-американскихъ колоній, равно какъ Швеціи и Норвегіи; но эта отрасль лѣснаго торгу едва-ли можетъ возвы-

сится въ нашихъ портахъ на прежнюю степень, потому что недостатокъ крупныхъ лѣсовъ въ ближайшихъ къ сплаву мѣстахъ становится у насъ болѣе и болѣе ощутительнымъ.

Великобританія, въ новѣйшее время стала получать корабельный лѣсъ съ западнаго берега Африки: отсюда привозится такъ называемое тековое дерево (родъ бука), которое однако уступаетъ въ прочности европейскому лѣсу*: мачты и строевой лѣсъ, въ небольшомъ количествѣ, доставляются также изъ Новой-Зеландіи и Австраліи.

Такимъ образомъ, Великобританія, втеченіи полвѣка, поощряя привозъ колоніальнаго лѣсу и открывая себѣ въ другихъ частяхъ Свѣта источники къ приобрѣтенію этого необходимаго матеріала, значительно ослабила свою зависимость отъ балтійскихъ странъ по привозу лѣсу. Въ этомъ отношеніи, торговая политика британскаго правительства увѣнчалась успѣхомъ, хотя не вполне достигшимъ ея цѣли: сѣверо-американскія колоніи, снабжая это государство огромнымъ количествомъ дешеваго лѣсу, не въ состояніи совершенно замѣнить своимъ товаромъ строевой лѣсъ превосходнаго качества, получаемый изъ сѣверной Европы. Однако, привозъ колоніальнаго лѣсу въ Великобританію увеличился до такой степени, что сбытъ его не можетъ потерпѣть отъ соперничества европейскаго лѣса: перевѣсъ Сѣверной Америки въ этой отрасли торговли поддерживается изобиліемъ, дешевизною и удобствомъ доставки тамошнихъ лѣсовъ, тогда какъ въ сѣверной Европѣ, лѣса истребляются болѣе и болѣе, при большомъ расходѣ лѣсныхъ матеріаловъ, и цѣнность ихъ должна постепенно возвышаться.

Совмѣстничество Америки съ сѣвровою Европою, достигшее столь обширнаго развитія въ лѣсной торговлѣ Великобританіи, еще не ощущительно въ торговлѣ другихъ европейскихъ государствъ; они снабжаются лѣснымъ товаромъ къ достаточному количествѣ, изъ лѣсообильнѣйшихъ странъ Европы, которыя прежде сбывали свой лѣсъ преимущественно въ Великобританію.

Нынѣ Франція занимаетъ первое послѣ нея мѣсто, по привозу лѣсныхъ товаровъ, и снабжается ими изъ разныхъ странъ. Строевой лѣсъ доставляется туда болѣею частію изъ Норвегіи, такъ

* Вѣроятно, по этой причинѣ, привозъ тековаго дерева не увеличиваетъ; среднее количество его составляло въ 1831—1835 г. 15,922 ласта, а въ 1836—1840 г. 14,275 ластовъ.

же изъ Россіи и Пруссіи, а бочарный изъ Германіи, прямо и чрезъ Бельгію, изъ адриатическихъ портовъ австрійской имперіи, изъ Италіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Вообще привозъ лѣснаго товару во Францію постоянно увеличивается, потому что собственные ея лѣса, подъ которыми считается только десятая часть ея пространства, не могутъ удовлетворять возрастающихъ потребностей въ этомъ матеріалѣ внутри государства.

Лѣснаго товару привезено во Францію въ 1830 г. на 18,400,000 франковъ, въ 1835 г. на 27,700,000 франковъ, а въ 1840—1842 г. средній привозъ простирался на тридцать шесть милліоновъ рублей серебромъ, то есть, почти вдвое болѣе всравненіи съ привозомъ 1830 года.

Россія, какъ видно изъ слѣдующей табели, принимаетъ весьма ограниченное участіе въ лѣсномъ торгѣ съ Франціею. Въ 1840, 1841 и 1842 годахъ, привезено туда разныхъ родовъ лѣсу:

Изъ Россіи. Другихъ странъ. Всего.

Среднимъ числомъ.

Бревень :

сосновыхъ и еловыхъ	10,093	338,898	348,991	стеревъ.
прочихъ	2,860,925	26,536,031	29,396,956	метровъ.
прочихъ	3,365	29,887	33,252	стеревъ.
	52,496	2,104,707	2,157,203	метровъ.

Досокъ :

сосновыхъ и еловыхъ	133,309	1,190,093	1,323,402	—
прочихъ	33	265,141	265,174	—
Матъ большихъ	517	559	1,076	штукъ.
малыхъ	1,462	1,584	3,046	—
Штуговъ	2,142	9,227	11,369	—
Жердей	—	363,776	363,779	—
Обручей	—	16,300,171	16,300,171	—
Клепокъ дубовыхъ	255,888	20,191,982	20,447,870	—
прочихъ	4,692	2,957,963	2,962,675	—

Всего вообще на 2,013,454 34,084,676 36,098,807 франковъ.

Изъ всѣхъ родовъ лѣснаго товару, привозимаго во Францію изъ русскихъ портовъ, матовый лѣсъ доставляется въ наибольшей пропорціи сравнительно съ привозомъ изъ другихъ странъ;

но въ снабженіи прочимъ лѣснымъ товаромъ онѣ имѣютъ значительный перевѣсъ надъ Россією. Слабое развитіе нашей лѣсной торговли съ Францією должно приписать сильному соперничеству Норвегін, откуда привозится много соснового и елового лѣсу, наиболѣе въ сѣверные порты этого государства; бревна и доски доставляются туда также изъ Швеціи и Пруссіи. Восточная часть Франціи снабжается лѣснымъ товаромъ чрезъ сухопутную границу, изъ Бельгін, Германіи, Швейцаріи и сардинскихъ владѣній. Въ южной Франціи сбывается преимущественно бочарный лѣсъ, привозимый изъ Соединенныхъ Штатовъ, Италіи, Фіуме и Штетина; клепки и обручи для бочекъ, которыхъ расходъ во Франціи для винодѣльной промышленности весьма значителенъ, доставляются туда изъ Россіи въ ничтожномъ количествѣ.

Средняя цѣнность лѣсныхъ товаровъ всякаго роду, привезенныхъ во Францію въ 1840, 1841 и 1842 годахъ, составляла слѣдующія суммы :

	Морскимъ путемъ	Чрезъ сухопутную границу.	
Изъ Россіи, со включеніемъ Финляндіи	на 2,013,454	—	франковъ.
— Швеціи	2,543,712	—	—
— Норвегін	10,988,690	—	—
— Пруссіи и другихъ владѣній Германскаго Таможеннаго Союза	2,253,789	2,936,821	—
— Бельгін	3,505	3,798,028	—
— Австрія (Фіуме)	2,732,076	—	—
— Сардинскаго королевства	525,857	1,168,399	—
— Швейцаріи	—	4,151,350	—
— Тосканы	424,453	—	—
— Папскаго владѣнія	387,975	—	—
— Неаполитанскаго королевства	961,805	—	—
— Соединенныхъ - Штатовъ	1,208,173	—	—
Всего	24,043,489	12,054,598	франковъ,
или	6,010,872	3,013,649	руб. сер.

Въ морскомъ привозѣ лѣсныхъ товаровъ, Россія участвовала только на осемь процентовъ, почти наравнѣ съ Швеціею, Пруссіею и Австріею, тогда какъ на часть Норвегіи приходится сорокъ пять процентовъ; остальная доля принадлежитъ италіискимъ владѣніямъ и Соединеннымъ-Штатамъ, откуда доставляется только бочарный лѣсъ.

Лѣсною товаръ платитъ во Франціи умѣренную пошлину, безъ различія привоза подѣ французскимъ или иностраннымъ флагомъ; но какъ иностранные корабли обложены во французскихъ портахъ высокими ластовыми и другими сборами для поощренія перевозки грузовъ подѣ французскимъ флагомъ, а лѣсною товаръ доставляется почти исключительно на иностранныхъ корабляхъ, то взимаемые съ нихъ сборы, естественно, возвышаютъ его цѣнность. Въ настоящее время только англійскіе, американскіе, голландскіе и мекленбургскіе корабли уравниены во Франціи съ національными по платежу корабельныхъ сборовъ, на основаніи особыхъ трактатовъ; корабли прочихъ флаговъ платятъ разныхъ сборовъ почти втрое болѣе. Такое различіе не обращается, впрочемъ, въ пользу французскаго флага, по перевозкѣ лѣснаго товара: большіе расходы на судостроеніе и содержаніе судоваго экипажа не позволяютъ французскимъ судовладельцамъ довольствоваться такими низкими фрахтами, какіе платятся иностраннымъ судамъ за лѣсною товаръ. По этой причинѣ французскія суда почти вовсе не занимаютъ перевозкою лѣсу: въ 1840, 1841 и 1842 годахъ, средній привозъ его подѣ французскимъ флагомъ простирался только на 1,163,740 франковъ, тогда какъ подѣ разными флагами прѣезезено на 22,879,749 франковъ. Для лѣснаго товара требуются большія суда особой конструкціи и при томъ по своей цѣнности онъ не можетъ выдерживать высокаго фрахта. Оттого перевозка лѣсу, съ давняго времени, обратилась въ исключительный промыселъ тѣхъ націй, у которыхъ постройка и содержаніе судовъ стоятъ дешевле и, слѣдовательно, онѣ могутъ перевозить лѣсъ за сходящею цѣною. Это обстоятельство объясняетъ почему норвежскія, шведскія, прусскія и другія суда, неуравненныя во Франціи съ національными по платежу корабельныхъ сборовъ, имѣютъ возможность доставлять туда лѣсною товаръ. По той же причинѣ, финляндскія суда участвуютъ въ доставкѣ лѣсу во Францію; но какъ на этихъ судахъ онъ вывозится туда собственно изъ Финляндіи, а число русскихъ купеческихъ судовъ весьма незначительно, то для отправки его изъ

другихъ портовъ Россіи должны быть, по-необходимости, употребляемы иностранные корабли: это стѣсняетъ отпускъ лѣсу, въ случаѣ недостатка кораблей, годныхъ для нагрузки лѣснаго товару; между тѣмъ какъ въ иностранныхъ портахъ не встрѣчаютъ такихъ затрудненій, потому что лѣсъ вывозится оттуда на собственныхъ корабляхъ, приспособленныхъ къ перевозкѣ его, и, по большому числу ихъ, плата за фрахтъ обходится, сравнительно, дешевле. Норвегія приобрѣла значительный перевѣсъ въ лѣсномъ торгѣ съ Франціею, не оттого, что изобилуетъ лѣсомъ болѣе нежели Россія, но собственно по дешевизнѣ перевозки его въ иностранные порты. Лѣсной товаръ отправляется изъ Норвегіи на тамошнихъ судахъ, составляющихъ многочисленный флотъ и при низкихъ фрахтахъ, которыми онѣ могутъ довольствоваться, иностранные флаги не въ состояніи соперничать съ ними въ этой отрасли торговли. Другія націи, которыхъ купеческое судоходство довольно значительно, также доставляютъ во Францію лѣсной товаръ изъ своихъ портовъ, преимущественно на собственныхъ корабляхъ; слѣдовательно, не столько высокіе корабельные сборы, взимаемые съ русскаго флага во французскихъ портахъ, сколько недостатокъ русскихъ кораблей, заставляющій отправлять туда нашъ лѣсной товаръ на иностранныхъ судахъ, можно считать главною причиною незначительнаго вывоза его изъ Архангельска, Риги и Санктпетербурга во Францію.

Россія, отпуская туда главнѣйше строевой и корабельный лѣсъ, принимаетъ слабое участіе въ торговлѣ клепами, которыя для другихъ странъ составляютъ важную статью торговли съ Франціею: ежегодный привозъ этого товару простирается на сумму около пяти и до осьми милліоновъ франковъ. Весьма естественно, что доставка клепокъ въ южную Францію изъ ближайшихъ къ ней портовъ Средиземнаго и Адриатическаго морей обходится дешевле, нежели изъ балтійскихъ портовъ. Штеттинскія и рижскія клепки еще находятъ нѣкоторый сбытъ почти только въ Бордо, куда, однако, этотъ товаръ привозится также изъ Соединенныхъ-Штатовъ; тамошніе корабли, будучи уравнины съ французскими по платежу корабельныхъ сборовъ, выигрываютъ на фрахтъ такъ, что клепки, привозимыя ими, могутъ соперничать въ цѣнѣ съ полученными изъ балтійскихъ портовъ. Средній привозъ клепокъ во Францію въ 1840, 1841 и 1842 годахъ простирался до 16,400,000 штукъ; въ томъ числѣ привезено:

	Клепокъ.	
	Дубовыхъ.	Прочихъ.
Изъ Россіи.....	255,890 шт.	4,692 шт.
— Швеціи и Норвегіи.....	158,088 —	20,305 —
— Пруссіи и другихъ владѣній Германскаго Таможен. Союза..	1,718,139 —	94,659 —
— Ганзейскихъ городовъ.....	364,125 —	— —
— Бельгіи.....	1,824,214 —	1,412,423 —
— Италіи.....	3,832,214 —	207,128 —
— Испаніи.....	— —	671,057 —
— адриатическихъ портовъ: Три- ста и Фиуме.....	8,079,964 —	548,340 —
— Соединенныхъ - Штатовъ.....	3,742,397 .	— —
— прочихъ мѣстъ.....	482,839 —	4,071 —
Всего....	20,447,870 —	2,962,675 —

Отсюда видно, что Франція получаетъ пятьдесятъ семь процентовъ потребнаго ей количества клепокъ изъ портовъ Средиземнаго и Адриатическаго морей, шестнадцать процентовъ изъ Соединенныхъ-Штатовъ, около двухъ процентовъ изъ сѣверной Европы и остальную часть изъ Германіи, Бельгіи и прочихъ. Въ этомъ привозѣ, Россія участвуетъ только на одинъ процентъ. Заимчивательно, что въ новѣйшее время, съ быстрымъ приращеніемъ сбыта клепокъ изъ адриатическихъ портовъ, уменьшился привозъ этого товару изъ сѣверной Европы: въ 1830 году привезено отсюда 2,117,059 штукъ, въ 1835 году 3,020,180 штукъ, а въ 1840 — 42 году среднимъ числомъ 2,241,773 штуки, между тѣмъ какъ въ эти годы привозъ изъ адриатическихъ портовъ значительно увеличился: въ 1825 году онъ доходилъ только до 414,000 штукъ, въ 1830 году уже составлялъ 2,262,213, въ 1835 году 6,185,475, а въ 1840 — 42 слишкомъ осемь миллионъ штукъ.

При такомъ сильномъ соимѣстничествѣ, вывозъ клепокъ изъ Россіи во Францію остается маловажнымъ, хотя и увеличился въ послѣдніе годы: 1825 году привезено изъ русскихъ портовъ только 2,400, въ 1830 году 141,718, въ 1835 году 205,183, а въ 1840 — 42 годъ 260,582 штукъ. Эта отрасль нашей торговли, вѣроятно, могла бы усилиться, если бы сбытъ клепокъ во Францію направлялся въ большемъ размѣрѣ черезъ Херсонъ, который служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для лѣсныхъ товаровъ, сплавляемыхъ по Днѣпру. **Обстоятель-**

ства благоприятствуютъ развитію лѣснаго торгу на югѣ. Съ постепеннымъ уменьшеніемъ лѣсовъ въ Литвѣ и Бѣлоруссін, снабжающихъ рижскій портъ лѣсными товаромъ, болѣею частью изъ мѣстъ, ближайшихъ къ Днѣпру и его притокамъ, лѣсопромышленники стали удалаться отъ сѣвера далѣе и далѣе, такъ что нынѣ лѣсной товаръ уже доставляется въ Ригу изъ губерній черниговской и кievской. Эта доставка сопряжена съ большими затрудненіями, потому что нужно гнать лѣсъ по Днѣпру противъ теченія и перевозить сухимъ путемъ на Двину для сплава къ Ригѣ. Напротивъ-того, въ Херсонѣ доставляютъ лѣсной товаръ плотами, либо на баркахъ внизъ по Днѣпру. Лѣсъ изъ тѣхъ же мѣстъ, откуда доставляется онъ въ Ригу, стѣитъ въ Херсонѣ около двадцати и тридцати процентовъ дешевле; онъ приходитъ сюда въ шесть мѣсяцевъ, тогда какъ для доставки въ Ригу потребно двадцать мѣсяцевъ. Уменьшеніе расходовъ на перевозку лѣса до мѣста нагрузки въ корабли, равно какъ и за фрахтъ во Францію и Испанію, представляетъ херсонскому порту важное преимущество предъ Ригю, въ снабженіи южной Европы лѣснымъ товаромъ, особенно клепками, которыхъ потребленіе тамъ весьма значительно. Русскія клепки, по превосходной добротѣ ихъ дерева, могутъ выдерживать соперничество съ иностранными, и при доставкѣ черезъ Херсонъ превзойдутъ ихъ въ дешевизнѣ. Франція снабжается нынѣ большимъ количествомъ клепокъ изъ адриатическихъ портовъ, между которыми Фіуме приобрѣлъ первенство въ этой торговлѣ; но едва-ли онъ будетъ въ состояніи удержать его за собою, если увеличится привозъ клепокъ во Францію изъ южной Россіи. Доставка этого товару въ Фіуме обходится дорого, по отдаленности лѣсовъ, изъ которыхъ получаютъ клепки, и по трудности привоза ихъ, частью водою, частью сухимъ путемъ. Херсонскія клепки, подвергаясь меньшимъ расходамъ на доставку, естественно, могутъ продаваться гораздо дешевле фіумскихъ.

По замѣчаніямъ опытныхъ торговцевъ клепками, для выгоднѣйшаго сбыта этого товару въ южной Франціи, нужно сообразоваться въ приготовленіи клепокъ съ величиною употребительнѣйшихъ тамъ бочекъ, именно борделезовъ (оксофовъ), содержащихъ два гектолитра или тридцать вельтъ; другія употребляютъ мѣѣе. Вообще выгоднѣе дѣлать большія нежели малыя клепки, но во всякомъ случаѣ должно избѣгать крайностей, потому что слишкомъ большія причинили бы только излишніе расходы и явную потерю, уменьшеніемъ количества клепокъ, которыя можно по-

лучше изъ дерева, а слишкомъ малыя не имѣли бы надлежащей цѣны. Клепки не должны быть менѣе тридцати четырехъ дюймовъ въ длину, четырехъ съ половиною дюймовъ въ ширину и пяти линий въ толщину. Большими считаются тѣ, изъ которыхъ можно сдѣлать двѣ, четыре и болѣе борделезскихъ клепокъ; онѣ бываютъ всегда дороже обыкновенныхъ, потому что бочарный мастеръ можетъ расколоть ихъ по произволу для бочекъ потребной величины. Впрочемъ, выдѣлка клепокъ всегда зависитъ отъ величины дерева и искусство состоитъ въ томъ, чтобы получить ихъ какъ-можно болѣе, придерживаясь слѣдующихъ размѣровъ:

Длина.		Ширина.		Толщина.	
64 до 66	дюймовъ.	5	до 6 дюймовъ.	34 до 36	линій.
54 — 56	—	5	— 6 —	20 — 24	—
54 — 56	—	5	— 6 —	12 — 15	—
44 — 46	—	5	— 6 —	10 — 12	—
34 — 36	—	4½	— 6 —	34 — 36	—
34 — 36	—	4½	— 6 —	20 — 24	—
34 — 36	—	4½	— 6 —	9 — 10	—

Клепки этихъ размѣровъ требуются въ Марсель и Лангдэкъ.

Напротивъ-того, русскія клепки обыкновенно бываютъ величиною:

Въ длину.		Въ ширину.		Въ толщину.	
отъ 72 до 76	дюймовъ.	отъ 5 до 6	дюймовъ.	отъ 30 до 36	линій.
— 84 — 86	—	— 6 — 7	—	— 36 — 40	—
— 96 — 94	—	— 7 — 8	—	— 40 — 40	—

Если сравнить эти размѣры съ употребительными въ южной Франціи, то не трудно удостовѣриться въ неудобствахъ, происходящихъ отъ излишней величины русскихъ клепокъ: бочарные мастера, приводя ихъ въ надлежащую мѣру, должны уменьшать длину, ширину и толщину клепки; такимъ образомъ излишекъ дерева, не принося пользы покупателю, служитъ только къ возвышенію провозныхъ расходовъ.

Обращая вниманіе нашихъ лѣсоторговцевъ на эти замѣчанія, повторяемъ, что для умноженія сбыта бочарнаго лѣса изъ Россіи въ Южную Францію, необходимо направить отпускъ его въ Марсель, чрезъ Херсонъ, потому что клепки могутъ быть удобно доставляемы сюда изъ тѣхъ же мѣстъ, которыя нынѣ снабжаютъ

этимъ товаромъ Ригу и Мемель, для отправки во Францію и другія мѣста.

Въ настоящее время лѣсная торговля наша съ Франціею еще такъ незначительна, что до-сихъ-поръ лѣсныхъ товаровъ изъ Россіи вывозится туда менѣе нежели въ Нидерланды, хотя расходъ этого матеріала во Франціи гораздо обширнѣе: въ 1839 и 1843 годахъ средняя цѣнность лѣснаго товару, отпущеннаго изъ Россіи во Францію, составляла около двухъ сотъ тысячъ рублей серебромъ, а вывозъ въ Нидерланды простирался почти на четыре ста тысячъ рублей серебромъ.

Въ эпоху цвѣтущаго состоянія голландской торговли, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, Голландцы производили обширный торгъ строевымъ, корабельнымъ и подѣлочнымъ лѣсомъ; большое количество лѣсныхъ товаровъ свозилось въ тамошніе порты, какъ на мѣстное потребленіе, такъ и для отпуска въ иностранныя земли. Съ перемѣною торговыхъ обстоятельствъ, эта отрасль голландской торговли утратила свое прежнее значеніе; особенно уменьшился расходъ корабельнаго лѣсу на голландскихъ верфяхъ. Но какъ эта страна, при недостаткѣ собственныхъ лѣсовъ *, всегда нуждалась и будетъ нуждаться въ привозѣ лѣсныхъ матеріаловъ изъ-за границы, то сбытъ ихъ на внутреннее потребленіе, еще довольно значителенъ. Голландія снабжается лѣсомъ по Рейну изъ Германіи, а моремъ изъ Россіи, Пруссіи, Норвегіи и Швеціи. Привозъ строеваго и корабельнаго лѣсу составляетъ около ста шестидесяти до ста осмидесяти тысячъ тоннъ; брусьевъ, досокъ и прочаго лѣса привозится ежегодно на сумму около полутора милліона рублей серебромъ. Германія доставляетъ бревенъ до четырехъ сотъ пятидесяти тысячъ штукъ, досокъ около пятисотъ тысячъ штукъ, и большое количество клепокъ; изъ Швеціи и Норвегіи получается строеваго лѣсу до шестидесяти тысячъ ластовъ; привозъ его изъ Россіи (со включеніемъ Финляндіи) доходитъ ежегодно около осьми тысячъ ластовъ **.

Бельгія хотя имѣетъ не маловажные лѣса въ юго-восточныхъ своихъ провинціяхъ, однако нуждается въ привозѣ лѣснаго товару и ежегодно получаетъ его изъ Швеціи, Норвегіи, Пруссіи и Рос-

* Онѣ занимаютъ только 0,06 часть ея пространства.

** Средній привозъ строеваго лѣсу изъ Россіи въ Амстердакъ и Роттердакъ составлялъ въ 1837 до 1840 года 8,000 ластовъ, а въ 1841 до 1844 года 7,974 ластовъ.

сн, на сумму до трехъ миллионѣвъ франковъ (около семисотъ пятидесяти тысячъ рублей серебромъ) *.

Данія, страна бѣдная лѣсомъ подобно Голландіи, снабжается лѣснымъ товаромъ болѣею частію изъ сосѣдственныхъ портовъ Норвегіи.

Любекъ и другіе нѣмецкіе порты получаютъ лѣсной товаръ изъ Швеціи, Норвегіи и частію изъ Финляндіи. Изъ тѣхъ же мѣстъ привозится строевой лѣсъ въ порты южной Европы; клепки изъ Соединенныхъ-Штатовъ доставляются въ Испанію и Португалію.

Въ новѣйшее время открылся немаловажный сбытъ лѣсному товару изъ сѣверной Европы въ Алжирію, по случаю усилившагося тамъ требованія на лѣсъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ по завоеваніи этого края Французами, ежегодно расходится большое количество матеріаловъ для казенныхъ и частныхъ построекъ, въ этой новой европейской колоніи.

Потребность въ лѣсныхъ матеріалахъ весьма значительна въ Египтѣ, странѣ безлѣсной, которая всегда будетъ нуждаться въ привозѣ ихъ изъ иностранныхъ земель. Сюда доставляется большое количество соснового и елового лѣсу для построекъ, почти исключительно изъ адриатическихъ портовъ австрійской имперіи, на тамошнихъ купеческихъ судахъ.

Разсмотрѣвъ главные истоки для заморскаго сбыта лѣснаго товара, находимъ, что повсюду Русскіе встрѣчаютъ соперничество другихъ странъ, опередившихъ ихъ въ лѣсной торговлѣ, соперничество, дельно выгодное тѣмъ болѣе, что при непредпринимчивости и недостаткѣ собственныхъ купеческихъ судовъ, мы должны выжидать полученія заграничныхъ приказовъ на отправку лѣснаго товара и прихода за нимъ иностранныхъ кораблей; между-тѣмъ какъ иностранцы, доставляя его на собственныхъ судахъ во всѣ порты, куда онъ требуется, имѣютъ возможность успѣшнѣе и выгоднѣе сбывать свой товаръ на разныхъ рынкахъ.

При значительномъ упадкѣ отпуска нашихъ лѣсныхъ товаровъ въ Великобританію, по причинамъ, подробно изложеннымъ выше, это государство все-еще остается главнымъ мѣстомъ сбыта для лѣсу, вывозимаго изъ нашихъ портовъ, гдѣ нагружаются англійскіе и немногіе русскіе корабли, употребляемые въ лѣсной торговлѣ. Строевой лѣсъ, получаемый Великобританіею изъ Россіи и

* Въ Антверпенъ привезено лѣснаго товара изъ Россіи, среднимъ числомъ: въ 1837—1840 годахъ 5,822 ластва, а въ 1841—1844 году 6,500 ластовъ.

ея владѣній—Финляндіи и Царства Польскаго, занимаетъ, по количеству привоза, первое мѣсто послѣ колоніальнаго; но непосредственное участіе нашихъ портовъ въ этой торговлѣ ограничивается почти исключительно отпускомъ досокъ, а строевой, необдѣланный, лѣсъ въ бревнахъ и брусьяхъ, вывозится большою частию чрезъ прусскіе порты. Въ прежнее время, при высокихъ пошлинахъ, какія взимались въ Великобританіи съ обдѣланнаго лѣсу нельзя было помышлять объ отпускѣ его въ разнообразнѣйшихъ видахъ; но послѣ сбавки пошлинъ съ европейскаго лѣсу въ 1843 году и по случаю предстоящаго дальнѣйшаго пониженія ихъ въ 1847 и 1848 годахъ, кажется, пора намъ обратить вниманіе на сбытъ въ Великобританію обдѣланнаго лѣсу: по любилію матеріала и дешевизнѣ работы, онъ долженъ обходиться у насъ дешевле, нежели напримѣръ въ прусскихъ портахъ, снабжающихъ это государство лѣсными товарами разнаго рода, приготовляемыми изъ русскаго и польскаго лѣсу. Для доставленія русской лѣсной торговлѣ способовъ воспользоваться выгодами отъ уменьшенія англійскихъ пошлинъ съ лѣснаго товара, правительство дозволило усилить вырубку лѣсу въ архангельской и вологодской губерніяхъ, изъ дачъ, признанныхъ неудобными для заготовокъ морскаго вѣдомства: съ 1846—1847 годъ на пять лѣтъ разрѣшено, сверхъ опредѣленной для тѣхъ губерній пропорціи вырубкѣ лѣсу, продавать для распилки въ доски къ заморскому отпуску чрезъ Архангельскъ, до 25,000 сосновыхъ бревенъ въ архангельской и до 30,000 такихъ же бревенъ въ вологодской губерніяхъ, съ тѣмъ, чтобы деревья были заготовлены въ дачахъ, свободныхъ отъ назначенія въ пользу флота и притомъ далѣе десяти верстъ отъ сплавныхъ рѣкъ.

Съ недавняго времени въ Великобританіи и другихъ странахъ Европы увеличилось требованіе на «слиперы» или брусья для желѣзныхъ дорогъ: большое количество этого товару отправлено въ послѣдніе годы изъ прусскихъ портовъ, гдѣ обдѣлываются такіе брусья изъ сосноваго лѣсу, пригоняемаго туда по рѣкѣ Нѣману и Вислѣ; первыя отправкѣ слиперсовъ изъ Риги были только въ 1845 году, и конечно другіе наши порты могли бы также принять участіе въ этой новой отрасли лѣснаго торгу. Правительство не оставило обратить вниманіе на возрастающую въ иностранныхъ земляхъ потребность въ лѣсномъ матеріалѣ для постройки желѣзныхъ дорогъ: съ этою цѣлью дозволено ежегодно продавать къ заграничному отпуску чрезъ Архангельскъ короткихъ сосновыхъ бревенъ (длиною семь и девять футовъ

толщиною десять и двѣнадцать дюймовъ) на перекладныя для желѣзныхъ дорогъ, изъ казенныхъ участковъ, на этотъ случай предоставленныя морскимъ начальствомъ, до десяти тысячъ штукъ въ архангельской и до 58,000 штукъ въ вологодской губерніяхъ; сверхъ-того, разрѣшено отпустить въ періодъ 1846 — 1847 годы, изъ вершинъ отъ вырубленнаго лѣса въ архангельской губерніи до 65,000 штукъ, и въ вологодской до 80,000 штукъ такихъ же короткихъ бревенъ.

Подобнымъ образомъ между лѣсными товарами нашлись бы, можетъ-быть, и другія статьи для отпуску изъ Россіи, если бы наши лѣсопромышленники обратили вниманіе на сбытъ лѣсу за границу въ разнообразѣйшихъ видахъ.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что, несмотря на затрудненія, противодѣйствующія успѣшному развитію нашего лѣснаго торгу, сопряженныя съ зависимостью нашей внѣшней торговли отъ иностранцевъ, при маловажности нашего купеческаго судоходства, вывозъ лѣсныхъ товаровъ изъ Россіи, конечно, будетъ поддерживаться возрастающимъ требованіемъ на лѣсъ въ западной и южной Европѣ; но для обезпеченія, на будущее время, способовъ къ поддержанію этой торговли въ нашихъ портахъ, необходимо приложить заблаговременное попеченіе о расчетливомъ пользованіи лѣсами въ тѣхъ краяхъ государства, гдѣ постоянно заготавливается лѣсъ для заграничнаго отпуску. Ощутительное уменьшеніе тамошнихъ лѣсовъ и частію совершенное истребленіе ихъ въ ближайшихъ къ сплаву мѣстахъ уже возвысило цѣны на этотъ товаръ и расходы на доставку его къ портамъ. Если опустошительная вырубка лѣсовъ будетъ тамъ продолжаться, то развитіе этой отрасли торговли со временемъ еще болѣе затруднится отъ возвышенія стоимости лѣснаго товару. Безъ правильнаго хозяйства, безъ расчетливой рубки лѣсу, торговля имъ, принося случайныя выгоды владѣльцамъ и торговцамъ, обращается не въ пользу, а во вредъ государства: она истощаетъ, въ такомъ случаѣ, этотъ важный источникъ богатства и промышленности въ странахъ, пользующихся удобнымъ сбытомъ лѣсу, и ущербъ, отъ того происходящій, не можетъ быть вознагражденъ сохраненіемъ обильнѣйшихъ лѣсовъ въ другихъ мѣстахъ, если вовсе нельзя или можно только съ большими затрудненіями и расходами, доставлять оттуда лѣсъ на продажу для внутренняго потребленія или для отпуску за границу.

V.

К Р И Т И К А.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ *И. Крылова. Три тома.*
Сп.-бургъ, 1847.

Кто не знаетъ басенъ Крылова? Кто не училъ ихъ наизусть? Кому не случалось иногда примѣнять на дѣлѣ мѣткія наръченія русскаго мудреца? Кто не пользовался его уроками, начиная отъ ребенка, который учился по этимъ баснямъ читать, до старика, который прибѣгалъ къ нимъ за совѣтомъ или за утѣщеніемъ?

И вотъ мы дождались наконецъ полного собранія всѣхъ сочиненій Крылова въ прекрасномъ изданіи, достойномъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Въ этомъ собраніи вы найдете всю литературную дѣятельность Крылова, начиная отъ первыхъ попытокъ молодого человѣка, который еще смутно устремляется на новое широкое поприще до этихъ неподражаемыхъ басенъ, написанныхъ съ яснымъ сознаніемъ таланта и призванія. Въ этой пестрой панорамѣ вы слѣдите, шагъ за шагомъ, за развитіемъ этого гениальнаго дарованія, которому суждено было собственными силами проложить себѣ блистательную дорогу.

Передъ вами молодой человѣкъ безъ образованія, съ темнымъ желаніемъ славы и дѣятельности, которой противорѣчить неодолима природная лѣнь. Тайное, непонятное, внутреннее призваніе сводитъ его съ литераторами. Безъ всякаго приготовленія, безъ нужныхъ свѣдѣній, онъ берется за перо и начинаетъ писать. Первые попытки его посвящены театру; первое произведеніе его была трагедія. Въ этомъ случайномъ выборѣ со стороны Крылова нельзя предполагать яснаго сознанія собственнаго драматическаго таланта; а между-тѣмъ этотъ талантъ, созрѣвшій среди самыхъ разнообразныхъ попытокъ, навсегда сохранилъ то же драматическое направленіе, и въ лучшихъ басняхъ Крылова отражается тотъ же драматическій характеръ.

Крыловъ сорока лѣтъ началъ писать свои басни, но до этого времени литературная дѣятельность его обнаруживалась попытками всякаго рода. Онъ писалъ трагедіи и комедіи, оперныя либретто и критическіе разборы театральнахъ пиесъ, оды и эпиграммы; онъ былъ журналистомъ и типографшикомъ и дарованіе его долго металось во всѣ стороны, пока наконецъ нашло свою настоящую дорогу.

Біографія Крылова, приложенная къ новому изданію его сочиненій и написанная П. А. Плетневымъ, прекрасно изображаетъ этого истинно русскаго человѣка, со всеми его достоинствами и слабостями. Авторъ біографіи не ограничился сухимъ разборомъ его сочиненій; онъ изображаетъ и самого человѣка, его характеръ, страсти и слабости — и вы видите въ полной, вѣрной картинѣ отчетливый портретъ Крылова; васъ поражаютъ на каждомъ шагѣ эти знакомыя черты, въ которыхъ вездѣ столько ума и столько добродушія. Вся біографія перемѣшана занимательными анекдотами, которые еще болѣе объясняютъ характеръ человѣка, еще вѣрнѣе представляютъ его привычки, образъ жизни и самыя странности.

Вотъ что говоритъ почтенный авторъ біографіи о родителяхъ Крылова и о первой его молодости.

«Отецъ Крылова былъ бѣдный армейскій офицеръ, по обязанностямъ службы часто перемѣнявшій мѣсто своего жительства. Когда родился нашъ баснописецъ, отецъ его жилъ въ Москвѣ.

Скоро однако же, по случаю безпокойствъ, возникшихъ отъ Пугачева (1777), онъ принужденъ былъ отправиться въ Оренбургъ. Любопытны нѣкоторыя о немъ извѣстія, переданныя потомству Пушкинымъ въ *Исторіи Пугачевского бунта*. «Къ-счастью, въ крѣпости (Яицкой), говоритъ онъ, находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія». Далѣе, описывая неудачу Пугачева на приступѣ подъ ту же крѣпость, Пушкинъ прибавляетъ: «Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симопова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехъ-лѣтній ребенокъ, впослѣдствіи славный Крыловъ». Надобно поэтому думать, что Андрей Прохоровичъ Крыловъ (отецъ баснописца) принадлежалъ въ свое время къ числу людей замѣчательныхъ. Затрудненіе, въ какомъ тогда чувствовали себя многіе даже изъ начальствовавшихъ тамъ лицъ, не отняло у него ни присутствія духа, ни распорядительности, ни самаго усилія. Нельзя не предполагать, что природный умъ его украшенъ былъ по возможности и нѣкоторыми знаніями. Все, что Крыловъ помнилъ и самъ рассказывалъ о матери своей, несомнѣнно говоритъ въ пользу ея мужа. Женщина, дорого цѣнившая хорошее воспитаніе сына своего и собственными соображеніями находившая средства къ его образованію, конечно, приготовлена была къ тому замужествомъ съ человѣкомъ не грубымъ, не пустымъ, но дѣльнымъ и чему-нибудь учившимся. По смерти Андрея Прохоровича, Крыловъ получилъ въ наслѣдство цѣлый сундукъ книгъ, собранныхъ отцомъ. У человѣка, который принужденъ всегда жить по-походному, это большая рѣдкость.

Капитанъ Крыловъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій противъ мятежника и сообщниковъ его, перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ коллежскаго ассессора и получилъ въ Твери мѣсто предѣдателя губернскаго магистрата. Здѣсь оставался онъ до смерти своей, послѣдовавшей въ 1780 году. Заботы о первоначальномъ обученіи сына, преимущественно занимали его жену. Марья Алексѣевна, мать поэта, придумывала разные способы, чтобы заохотить ребенка учиться чтенію. Когда онъ порядочно prospивалъ весь урокъ, мать каждый разъ, въ награду, давала ему по нѣскольку копѣекъ. Привычка прятать накопляемые деньги, могла у ребенка обратиться современемъ въ корыстолюбіе. Благоразуміе матери умѣло предупредить и это послѣдствіе. Она

указала сыну, какъ можно пользоваться деньгами, удовлетворяя въ некоторымъ потребностямъ жизни. И онъ охотно на собственный счетъ покупалъ разныя вещи, необходимыя для его непритворливаго наряда. Такимъ образомъ ребенокъ, благодаря умной распорядительности матери, и учился хорошо подѣть былъ прилично на одинъ и тѣ же деньги. Но Марья Алексѣевна не въ состояніи была сама обучать его французскому языку, чего не могла не желать, такъ какъ и въ тогдашнее время онъ составлялъ уже одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ въ воспитаніи русскихъ дѣтей. Въ домѣ тверскаго губернатора находился Французъ-учитель, которому позволено было къ его урокамъ допускать и постороннихъ мальчиковъ. Къ нему началъ ходить и Крыловъ нашъ. Только успѣхи его съ иностраннымъ учителемъ не такъ были счастливы какъ съ матерью, которая и здѣсь рѣшилась употребить съ пользою первоначальное свое средство. Она заставляла его читать по-французски при себѣ, давая обыкновенную награду за терпѣніе и прилежаніе. Сперва онъ только наружно исполнялъ ея желаніе, выговаривая слова и не заботясь о томъ, что ничего не понимаетъ. На послѣдокъ доброе сердце его взяло верхъ надъ легкомысліемъ: онъ принялся за лексиконъ, старался узнать смыслъ прочитываемаго и скоро началъ понимать книги. Никогда однако же Крыловъ не позаботился о томъ, чтобы вполнѣ овладѣть языкомъ французскимъ. Впослѣдствіи времени, правда, онъ хорошо понималъ писателей, даже могъ и самъ писать по-французски, но у него не доставало привычки говорить свободно».

Послѣ смерти отца, одиннадцати-лѣтній Крыловъ съ жадностью перечиталъ всѣ его книги; изъ нихъ дѣтское воображеніе его почерпнуло первыя впечатлѣнія свои; въ головѣ его составлялись цѣлыя трагедіи съ греческими и римскими героями. На пятнадцатомъ году онъ написалъ свою оперу «Кофейница». Это первое сочиненіе Крылова никогда не было напечатано; впоследствии Гвидичъ выпросилъ у него эту дѣтскую рукопись, которая по смерти переводчика Иліады какъ драгоценность поступила въ бібліотеку полтавской гимназіи.

Мать Крылова записала его подканцеляристомъ въ казанскій уѣздный судъ; отсюда черезъ годъ мальчика переписали канцеляристомъ въ тверской магистратъ. Но Крыловъ

недолго оставался въ этомъ положеніи; онъ сперва тайкомъ ухажъ въ Петербургъ, а потомъ, получивъ увольненіе, совсмъ переселился туда. Первыя впечатлѣнія, которыя сильно подѣйствовали на Крылова въ Петербургъ, были театры. Въ то время сочиненія Княжнина обращали на себя общее вниманіе. Крыловъ представился знаменитому творцу *Дидомы*, который, въ свою очередь, познакомилъ его съ актеромъ Дмитревскимъ. Несмотря на различіе лѣтъ и званій, они скоро сблизились и подружились. Крыловъ прочиталъ Дмитревскому свою первую трагедію «Клеопатру»; актеръ промзнесъ надъ ней самый строгій приговоръ и она съ общаго согласія была предана уничтоженію. Вторая попытка Крылова въ этомъ родѣ, трагедія «Филомела», была напечатана въ сборникѣ, издававшемся при академіи наукъ подъ названіемъ «Россійскаго Театра».

Но дѣятельность Крылова не ограничилась этими попытками; она искала другихъ предметовъ и увлекалась каждою новою мыслью. Въ это время «Живонисецъ» Новикова пользовался необыкновеннымъ успѣхомъ; онъ былъ четыре раза перепечатанъ и Крыловъ не устоялъ противъ этого искушенія; онъ соединился съ капитаномъ Рахмановымъ, вмѣстѣ съ нимъ завелъ типографію и началъ издавать журналъ, подъ названіемъ «Почта Духовъ». Въ ней помѣстилъ Крыловъ сатирическую переписку между гномами и волшебниками, подъ именами «Зора», «Буристана», «Вѣстодава» и «Маликульмульку». Въ этой перепискѣ много ума, наблюденія и смѣлости, которыя трудно предполагать въ молодомъ человѣкѣ почти безъ всякаго образованія. Даже языкъ этихъ писемъ во многихъ отношеніяхъ далеко опередилъ прозу современниковъ Крылова.

«Почта Духовъ» продолжалась одинъ только годъ. Ее замѣнилъ другой журналъ, который выходилъ въ 1792 году подъ названіемъ «Зрителя». Содержаніе этого журнала было уже разнообразнѣе перваго; тутъ между прочимъ помѣщены восточная повѣсть Крылова «Каибъ» и разныя мелкія стихотворенія, въ которыхъ поэтъ подражалъ знаменитымъ образцамъ своего времени. Въ 1793 году Крыловъ соединился съ

драматическимъ писателемъ Клушинымъ я началъ издавать вмѣстѣ съ нимъ новый журналъ, который назывался «Санктпетербургскій Меркурій». Тутъ между прочимъ помѣщены двѣ ѣдкія сатирическія статьи Крылова, подъ названіемъ «Похвальная рѣчь наукъ убивать время, говоренная въ Новый Годъ» и «Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей». Кроме этихъ замѣчательныхъ статей, онъ печаталъ въ «Санктпетербургскомъ Меркуріи» критическіе разборы театральныхъ пьесъ и множество мелкихъ стихотвореній, въ которыхъ обыкновенно прославлялась какая-то Аняута, со всѣмъ увлеченіемъ молодой и нѣжной любви. Вотъ одно изъ этихъ стихотвореній.

Изъ всѣхъ наукъ тогда одна
 Казалась только мнѣ важна —
 Наука, коя вѣчно въ модѣ
 И честь приносить всей природѣ;
 Которую въ пятнадцать лѣтъ
 Едва ль не всякій узнаеть,
 Съ пріятностью лѣтъ тридцать учить;
 Которою никто не скучить,
 Доколѣ самъ не скученъ онъ;
 Гдѣ мнѣ, хотя тяжелъ законъ;
 Въ которой сердцу нужны силы,
 Хоть будь умокъ силенъ слегка;
 Гдѣ трудность всякая сладка;
 Въ которой даже слезы милы,
 Тѣ слезы съ смѣхомъ по-поламъ,
 Пролиты красотой стыдливой,
 Когда, осмѣлясь стать счастливой,
 Она даетъ блаженство намъ;
 Наука нужная, пріятна,
 Безъ коей трудно вѣкъ пробыть;
 Наука всѣмъ равно понятна:
 Умѣть любить и милымъ быть.
 Вотъ чѣмъ тогда я занимался,
 Когда съ Аняутой повстрѣчался,
 Изъ сердца мудрецовъ прогнавъ,
 Въ немъ мѣсто ей одной лишь давъ —
 И отъ ученья отказался».

«Санктпетербургскій Меркурій» продолжался, какъ и прочіе журналы Крылова, только одинъ годъ. Клушницъ уѣхалъ за границу, а Крыловъ навсегда отказался отъ званія журналиста.

Съ 1795 до 1801 года литературная дѣятельность Крылова какъ-будто остановилась. Въ это время онъ ничего не писалъ, ничего не печаталъ. Дружескія сношенія съ артистами, развлеченія свѣта и новая, несчастная страсть требовали жертвъ и времени. Крыловъ началъ играть въ карты. «Онъ отыскивалъ всѣ сборища, въ которыхъ предавались игрѣ. Онъ готовъ былъ съѣздить въ другой городъ, ежели узнавалъ, что тамъ найдутся товарищи по игрѣ. Известно, что «слухъ объ этой страсти его впоследствии времени дошелъ до Императора Александра Павловича. Государь тогда произнесъ многозначительныя слова: «Мнѣ не жаль денегъ, которыя проигрываетъ Крыловъ; а жаль будетъ, если онъ проиграетъ талантъ свой».

Но это совершенное бездѣйствіе скоро наскучило Крылову. Императрица Марія Феодоровна поручила его рижскому военному губернатору князю Сергію Феодоровичу Голицыну. Въ Ригѣ Крыловъ написалъ свою знаменитую карикатуру, известную только въ рукописи подъ названіемъ трагедіи «Трумфъ». Спустя годъ князь Голицынъ испросилъ себѣ увольненіе отъ должности и вмѣстѣ съ Крыловымъ отправился въ деревню. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ почтенный біографъ нашего баснописца.

«Безъ родства, ничѣмъ не связанный, мало заботясь о будущемъ, можетъ-быть и любопытствуя взглянуть на деревенскую жизнь вельможъ, поэтъ охотно принялъ его предложеніе. Тамъ оставался Крыловъ три года. Его положеніе, несмотря на дружеское къ нему отношеніе князя, нельзя было назвать совсѣмъ пріятнымъ. Въ многолюдномъ домѣ знатнаго человѣка нѣвакь не избѣгнешь мелкихъ досадъ, случайныхъ столкновеній съ такими людьми, которые не умѣя вполнѣ оцѣнить достоинство писателя, смотрять на него какъ на бесполезнаго пахлѣбника. Впрочемъ, Крыловъ нашелъ способъ отвратить отъ себя всякой упрекъ въ тунеядствѣ. Время, оставшееся празднымъ послѣ деревенскихъ забавъ, собраній и гастрономическихъ запатій, онъ употреблялъ

въ пользу дѣтей князя, обучая ихъ тому, въ томъ чувствовали себя свѣдущими. Такимъ образомъ поэтъ нашъ вкусилъ сладость и званія домашняго учителя. Съ маленькими князьями воспитывался тамъ и чужой мальчикъ, сынъ одного русскаго дворянина, по происхожденію носившаго финляндскую фамилію. Крылову тогда и въ голову не приходило, что этотъ ребенокъ нѣкогда удивлять будетъ лучшее наше общество своимъ остроуміемъ, своею правотою своимъ, ипохондріемъ, и приготовить для потомства любопытнѣйшія записки, въ которыхъ читатели найдутъ нѣсколько желчныхъ страницъ и о деревенскомъ саратовскомъ учителѣ. Изъ нихъ видно, что въ деревнѣ Крыловъ дѣйствительно не былъ какъ у себя. Онъ описанъ человѣкомъ уклончивымъ, тихимъ и замѣтно угождавшимъ прихотливому вкусу хозяина, что подтверждаетъ мысль объ его затруднительномъ положеніи и доказываетъ глбкій, пронизательный умъ его, рано постигнувшій истину, изложенную имъ послѣ въ баснѣ «Трудолюбивый Медвѣдь». Такъ прошли для Крылова первые годы того славнаго въ Исторіи Россіи двадцати-пятилѣтія, на скринялахъ котораго сіяетъ и его имя. Въ 1806 году онъ отправился, черезъ Москву, къ старымъ пріятелямъ своимъ и къ старымъ занятіямъ въ Санктпетербургѣ, дружески распростившись съ княземъ Голицынымъ, который и самъ на слѣдующій же годъ долженъ былъ покинуть деревню, избранный въ главнокомандующіе третьей области земскаго войска.

Въ это время въ Москвѣ сосредоточивалась вся дѣятельность русской литературы; вся Россія съ уваженіемъ произносила имена Дмитріева, Карамзина и Жуковскаго. Крыловъ скоро сблизился съ Дмитріевымъ; подражая его примѣру онъ перевелъ двѣ басни изъ Лафонтена: «Дубъ и трость» и «Разборчивую невѣсту». Дмитріевъ остался очень доволенъ этимъ переводомъ и напечаталъ его въ первой книжкѣ «Московского Зрителя». Возвратясь въ Петербургъ, Крыловъ снова занялся театромъ; онъ напечаталъ въ 1807 году «Модную лавку» и «Урокъ дочкамъ»; въ этихъ двухъ комедіяхъ видно сильное комическое дарованіе Крылова и онъ долго пользовался справедливымъ успѣхомъ.

Наконецъ наступилъ 1808 годъ, который ознаменовался въ русской литературѣ первымъ изданіемъ басенъ Крылова. Ихъ было тогда всего двадцать три. Но и эта маленькая кни-

жна обратила на себя общее вниманіе и съ перваго разу утвердила славу Крылова.

Съ этихъ поръ онъ повялъ свое призваніе и не мѣнялъ ему больше. Каждая новая басня его прочитывалась на всѣхъ концахъ Россіи съ тѣмъ жаднымъ вниманіемъ, которое ясно доказывало глубокое сочувствіе цѣлаго народа. И могло ли быть иначе? во всѣхъ этихъ басняхъ говорить русскій умъ и дышать русская жизнь; все, чтò небо волнуешь и трогаетъ, всѣ наши задушевные мысли, вся удаля русскаго челоуѣка и всѣ его промахи перешли въ эти неподражаемыя басни. Въ нихъ весь нашъ умъ, вся наша мудрость, выраженная мѣткимъ, русскимъ словомъ, Крыловъ подслушалъ свои басни у народа и потому онѣ перешли въ народныя пословицы, передаются изъ устъ въ уста и часто въ сомнительныхъ случаяхъ провозносятся для окончательнаго рѣшенія дѣла, какъ неоспоримыя истины, недопускающія противорѣчій. Всѣхъ басенъ Крылова теперь сто девяносто семь; изъ нихъ, по собственному его показанію, только тридцать заимствовано у другихъ поэтовъ; остальные сто шестьдесятъ семь принадлежатъ ему по содержанію и по разсказу.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ перваго изданія этихъ басенъ, а именно въ 1812 году, Крыловъ поступилъ на службу въ Императорскую Публичную Библиотеку. Директоромъ ея назначили Оленина, товарищами Крылова были Гнѣдичъ, Востокъ, Лобановъ, а впослѣдствіи и Дельвигъ. Здѣсь прожилъ Крыловъ до 1841 года, не перемѣняя ни службы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры.

«День учрежденія Библиотеки долгое время празднованъ былъ публичнымъ собраніемъ и чтеніемъ разныхъ новыхъ произведеній русскихъ литераторовъ. Въ первый годъ Крыловъ прочиталъ здѣсь для публики свою басню «Водолазы». Имя и талантъ его становились уже народными. Сосредоточивъ дѣятельность свою на обработываніи одного роду поэзіи, онъ явственнѣе отдѣлился отъ прочихъ писателей и утвердилъ за собою общее, выгодное для себя мѣстѣе. Въ первый годъ службы его въ Библиотекѣ, Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ производить ему, сверхъ жалованья по должности, тысячу пятьсотъ рублей ассигнаціями пенсіи изъ кабинета Его Императорскаго Величества.

Спустя осемь лѣтъ, эта монаршая милость была удвоена. Неприхотливому, одинокому человѣку теперь не о чемъ было заботиться. Онъ и погрузился въ свою поэтическую лѣнь.

Одна и та же желѣстница, мимо Крылова, веда на верхъ въ квартиру Гнѣдича. Удобство сообщенія, холостая жизнь обоихъ, любовь къ литературѣ и равныя отношенія къ гостепріимному дому Олениныхъ тѣсно связали поэтовъ, хотя во многомъ великая была разница въ ихъ личности. Умомъ своимъ, всегда сосредоточеннымъ и дальновиднымъ, сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпечнымъ и скрытнымъ, жизнью недѣятельною и неопрятною, приемами простыми и чуждыми свѣтскости, Крыловъ представлялъ совершенную противоположность Гнѣдичу, который до многого додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ, любилъ во всемъ порядокъ и щеголеватость, старался выказать знатока общественныхъ приличій и часто поддавался влеченію самолюбія. Это, впрочемъ, не мѣшало каждому изъ нихъ сознать въ другомъ истинное его достоинство. Они вѣрили вкусу одинъ другаго и взаимно совѣтовались въ сомнительныхъ случаяхъ. Гнѣдичъ выше всего ставилъ здравый смыслъ и несомнѣнный талантъ Крылова, который цѣнилъ благородное предпріятіе своего товарища, его добросовѣстность въ исполненіи важнаго дѣла и самую начитанность, приобретенную имъ въ продолженіи долгодѣтняго труда. Несходство духовное отражалось и на ихъ чтеніи стиховъ. У Гнѣдича экзаметры его текли изъ устъ медленно, глухо, равнодушно и принимали въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ выраженіе заученное. Но вообще эта метода, созданная Гнѣдичемъ, не была ни смѣшна, ни противосестественна. Она обличала въ немъ страстнаго художника, который возвелъ свое искусство на высокую степень обработанности. Крыловъ же басни свои какъ бы не читалъ, а пересказывалъ со всею граціею простодушія и безыскусственности. Въ голосъ его слышались всѣ перелпы самыхъ предметовъ, такъ-что чтеніе его можно было принять за продолженіе самаго разговора, которымъ онъ занималъ до тѣхъ поръ свое общество.»

Съ того времени жизнь Крылова проходила тихо и спокойно, вполне соответствуя его природной лѣни и совершенной безпечности; вмѣстѣ съ годами охлаждалась и прежняя страсть его къ театрамъ; вечера свои онъ проводилъ у Оленина, Карамзина и Жуковского. Всѣ любили и уважали это-

го умнаго, простодушнаго челоуѣка; всѣ искали его общества. Слава его возрастала съ каждымъ годомъ, почти съ каждой новой басней. Имя его скоро сдѣлалось извѣстнымъ и за границей; басни его переводились на иностранныя языки. Въ это время жилъ въ Парижѣ графъ Григорій Орловъ; у него собирались всѣ французскія знаменитости. По желанію графини Орловой они раздѣлили между собою лучшія басни Крылова и перевели ихъ на французскій языкъ.

«Изданіе было самое роскошное и украшено прекрасными гравюрами. Всѣхъ басенъ переведено было восемьдесятъ девять. Надобно признаться, что это не только не переводъ, но часто и не подражаніе, а новыя басни, для которыхъ Крыловъ приготовилъ темы: по-крайней-мѣрѣ большая часть ихъ заставляетъ такъ думать. Напримѣръ, герцогъ Бассано, въ баснѣ «Червонецъ», выстро тридцати осьми стиховъ Крылова, помѣстилъ въ шестьдесятъ девять стиховъ рассказъ о крестьяннѣ и о какомъ-то прохожемъ. Амори Дюваль, въ баснѣ «Троезенецъ», болѣе двадцати стиховъ сочинилъ, чтобы перевести два первые стиха подлинника. Русская простота имъ повидному непонятна. Тѣмъ не менѣе торжество таланта Крылова было полное.

Вотъ нѣсколько занимательныхъ подробностей о привычкахъ и домашней жизни Крылова, такъ мило рассказанныхъ въ прекрасной біографіи П. А. Плетнева.

«Служаніе въ Императорской Публичной Библиотекѣ обыкновенно дежурятъ поочереды, оставаясь въ ней цѣлыя сутки. Крыловъ никогда не добивался, чтобы получить льготу въ этой обязанности, хотя легко могъ дойти до того, и конечно былъ въ правѣ не только по своему таланту, но и по лѣтамъ своимъ. Обязанность дежурства тяготила каждаго бібліотекаря въ лѣтніе жары, когда ни читателей, ни важныхъ дѣлъ не было. Гнѣдичъ видимо становился тогда нетерпѣливымъ и приходилъ въ дурное расположеніе духа. Чтобы освѣжиться отъ духоты комнатъ, онъ выходилъ на просторный дворъ и прохаживался въ тѣни. Если изъ знакомыхъ приходилъ кто къ нему и спрашивалъ, не дежурный ли онъ, Гнѣдичъ не отвѣчалъ словами, а только пальцемъ показывалъ на аппенской свой крестъ на шеѣ, заставляя тѣмъ понять утвердительный свой отвѣтъ. Но Крыловъ былъ терпѣливѣе. Онъ преспокойно усаживался съ ногами на диванѣ и убивалъ время за чтеніемъ глупѣйшихъ романовъ. Нельзя од-

нако же сказать, чтобы онъ не озабочивался иногда и хлопотами по обязанностямъ службы. Для удобнѣйшаго размѣщенія по безостановочной выдачѣ брошюръ, которыхъ въ русскомъ отдѣленіи въ новѣйшее время оказалось гораздо болѣе, нежели книга, Крыловъ придумалъ «утяры въ формѣ толстыхъ книгъ, и разложилъ въ нихъ по авторамъ летучія издѣлія книжной промышленности. Особенно началъ хлопотать онъ по своей должности, когда опредѣлялся къ нему въ помощники баронъ Дельвицъ, столь же безпечный чиновникъ, сколько былъ онъ и безпечнымъ поэтомъ. Крыловъ скоро догадался, что прошли для него счастливые годы, какими онъ былъ обязанъ смѣлности и трудолюбію Сопикова. Это однако жъ не довело до ссоры двухъ поэтовъ, равно дѣловыхъ, но равно и уважавшихъ другъ въ другѣ истинное дарованіе. По-возможности они кое-какъ вели вмѣстѣ общее бреша.

«Домашняя жизнь Крылова еще болѣе выказывала въ немъ особенностей. Онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и съ другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, которыя всѣ выходили окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая вѣѣво отъ нея оставалась безъ употребленія, а послѣдняя, угольная къ Невскому Проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопробываніемъ хозяина. Здѣсь за перегородкой стояла кровать его, а въ свѣтлой половникѣ онъ сидѣлъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола; даже трудно было отъезжать бумаги съ чернильницей и перомъ. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ затрудненія можно было согласиться опрѣтно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары съ мундштуконъ, предохраняя глаза отъ жару и дыму. При разговорѣ, сигара молчаутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, приходя, иногда съ вѣсенкой, изъ кухни черезъ залу, приносила безъ подсвѣчника восковую тоненькую свѣчку, накапывала воску на столъ и ставила огонь передъ непряхотливымъ господиномъ своимъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая разныхъ зеренъ по обѣимъ сторонамъ оконницъ, привадилъ къ себѣ голубей съ Гостиннаго Двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи на нихъ стоявшія, и все, что ни попалось на глаза въ комнатахъ, носили на себѣ слѣды пре-

быванія этихъ ежедневныхъ гостей басвописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постелѣ часу въ десятомъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ его по Академіи, привезъ ему съ вечера въ подарокъ богато переплетенный экземпляръ перевода Фенелонава Телемака. Это было еще въ 1812 году. Бдучи по утру къ должности, любопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился ли ему переводъ, которымъ поэтъ нашъ и хотѣлъ-было, ложась спать, позаняться, но такъ держалъ неосторожно передъ спомъ въ рукахъ книгу, что она куда-то сползла съ кровати подъ столѣикъ. Переводчикъ, заглянувъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ, куда попала золотообрѣзная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ объ его посѣщеніи. Такъ, за сигарой, съ романомъ, иногда въ разговорахъ съ пріятелями, Крыловъ проводилъ время до того часу, въ которомъ надобно было отпрапляться обѣдать въ англійскій клубъ. Продремавъ тамъ довольно времени послѣ обѣда, иногда заѣзжалъ къ Оленину, а иногда возвращался прямо домой.

Къ постороннимъ посѣтителемъ, съ которыми не былъ связанъ искренне, литераторы ли были то, или другаго роду люди, Крыловъ вообще оказывалъ большую вѣжливость. Никогда не любилъ онъ входить въ споръ, хотя бы кто говорилъ ему совершенно противное убѣжденіямъ его. Онъ зналъ, что люди переимѣняютъ свои мнѣнія только послѣ собственныхъ опытовъ. Давно сдѣлавшись равнодушнымъ къ литературѣ, Крыловъ машинально соглашался со всякимъ, что бы кто ни говорилъ. Это многихъ ободряло продолжать самыя негѣпныя начинанія. Между-тѣмъ провѣщательность и чувство изящнаго у Крылова всегда ощутительны были въ высшей степени. Когда принесли ему показать въ первый разъ Ламартина *Meditations poétiques*, онъ долго ихъ дѣствовалъ, перечитывалъ, въ нѣкихъ мѣстахъ останавливался — и наконецъ провизнесъ сквозь зубы: «Да, стихи довольно густы.» При появленіи въ свѣтъ Пушкина *Руслана и Людмилы* почти всѣ изъ литераторовъ старой школы вооружились противъ поэмы. Критикамъ въ журналахъ конца не было. Одна изъ нихъ вывела Крылова изъ его равнодушія. Онъ на другой же день послалъ къ какому-то журналисту слѣдующую эпиграмму:

«Напрасно говорятъ, что критика легка:

Я критику читалъ Руслана и Людмилы —

Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка.»

Крыловъ былъ по природѣ лѣнивъ и безпеченъ; въ квартирѣ его не было никакого порядку; пыль густымъ слоемъ ложилась на мебель и картины. Одна изъ этихъ картинъ висѣла надъ диваномъ, гдѣ обыкновенно сидѣвалъ хозяинъ. Сперва она держалась на двухъ гвоздикахъ; потомъ одинъ оборвался и повисла бокомъ. Друзья стали предостерегать Крылова, что картина можетъ упасть къ нему на голову. Крыловъ очень хладнокровно отвѣчалъ: «Ежели дѣйствительно ей придется упасть, то рама, по косвенному положенію своему, должна въ паденіи описать кривую линію и, следовательно, она минуетъ мою голову».

Несмотря на природную лѣнь, Крыловъ былъ очень настойчивъ. Разъ у Оленина онъ заспорилъ съ Гнѣдичемъ о трудности изученія древнихъ языковъ. Гнѣдичъ утверждалъ, что въ извѣстные годы это почти невозможно. Крыловъ доказывалъ противное и предлагалъ пари. Дѣло приняли за шутку, о которой потомъ и позабыли. Но черезъ два года, у Оленина же, Крыловъ попросилъ Гнѣдича, сдѣлать ему экзаменъ изъ греческаго языка. Принесли Иліаду и Крыловъ началъ переводить безостановочно самыя трудныя мѣста. По окончаніи экзамена онъ охладѣлъ къ греческимъ классикамъ и больше до нихъ не дотрогивался.

«Менѣе всего благоразуменъ былъ Крыловъ въ употребленіи пищи. За нѣсколько лѣтъ до послѣдней болѣзни своей испытаніи принадлежало паралича, правда, онъ въ остальные годы строго наблюдалъ, чтобы не ѣсть много разныхъ кушаньевъ, но и при двухъ-трехъ блюдахъ умеренность не была его добродѣтелью. Известно, что Императрица Марія Ѳеодоровна всегда покровительствовала Крылову и оказала ему всѣ знаки благоволенія. Онъ лѣто проводилъ чаще въ городѣ, нежели на дачѣ, выѣзжая только гостить недѣлю на двѣ въ Пріютино къ Оленинымъ. Государыня нерѣдко изволила приглашать его въ Павловскъ. Крыловъ, являясь къ Ея Величеству, никогда не забывалъ любимаго Императрицею стариннаго обыкновенія, чтобы мужчины пудрились. Часто, принимая поэта, Государыня встрѣчала его слѣдующемъ

шуткою:—«Вы, можетъ-быть прѣѣхали и не совсѣмъ для меня; но это (показывая на его пудреную голову) я ужъ беру прямо «на свой счетъ». Въ Павловскѣ написалъ онъ свою басню *Василекъ*, оставивъ ее, какъ свидѣтельство глубочайшаго чувства признательности къ вѣнцесной Благотворительницѣ, въ одномъ изъ альбомовъ, которые въ *Розовомъ павильонѣ* разложены были для удовольствія посѣтителей. Однажды, за обѣденнымъ столомъ у Императрицы, другой поэтъ, Капнистъ, шепнулъ Крылову:—«Ты ѣшь за десятерыхъ: откажись хоть отъ одного блюда. Развѣ ты не замѣчаешь, что Государыня поминутно на тебя взглядываетъ, желая попотчевать?»—Ну, а если не попотчуетъ? отвѣчалъ онъ, продолжая угощать себя.

Особенно весело было Крылову, когда на званомъ обѣдѣ, или ужинѣ, готовили для него русскія кушанья. Это обыкновенно и дѣлали всѣ изъ его друзей и близкихъ знакомыхъ. За нѣсколько лѣтъ до того, какъ Крыловъ покинулъ службу въ Библиотекѣ, на вечера по пятницамъ литераторы собирались у А. А. Перовскаго. Хозяинъ каждый разъ приказывалъ подавать гостямъ ужинъ. Сидели немногіе: въ числѣ ихъ всегда бывалъ Крыловъ. Разъ, во время толковъ о привычкѣ къ ужину, одни говорили, что никогда не ужинають, другіе, что давно перестали, третьи, что намѣрены перестать; Крыловъ же, накладывая на свою тарелку кушанье, примолвилъ тутъ: а я, какъ мнѣ кажется, потерю привычку ужинать въ тотъ день, въ который перестану обѣдать. Последніе изъ многочисленныхъ литературныхъ обѣдовъ бывали у В. И. Карлсена. Въ его домѣ Крыловъ видѣлъ особенное, непритворное къ себѣ радушіе хозяина и хозяйки. Хотя нѣрѣдка, являлся наконецъ онъ на обѣды къ графинѣ Е. П. Ростопчиной, а на ужины къ князю В. Ѳ. Одоевскому. Впрочемъ, не было человѣка менѣе спѣсиваго на зовъ, какъ нашъ поэтъ. Переживъ столько поколѣній литераторовъ и оставшись въ искренней дружбѣ только съ малымъ числомъ первоклассныхъ писателей, онъ почиталъ себя въ-отношеніи къ другимъ какою-то общюю, законною добычею».

Въ 1841 году Крыловъ оставилъ службу и переселился на Васильевскій Островъ въ домъ купца Блинова, въ первую линію, гдѣ онъ прожилъ до самой смерти, тихо и спокойно, почти никуда не выезжая. Многіе изъ прежнихъ друзей его давно уже умерли; Оленина и Гвѣдича не стало. Крыловъ доживалъ послѣдніе дни свои почти одинокъ, среди новаго

поколѣнія; слава давно уже окружила его своимъ сіяніемъ; общая любовь и уваженіе встрѣчали его вездѣ, гдѣ онъ только показывался. Но годы мало-по-малу одолевали бодраго старца; силы начали ему измѣнять, онъ какъ-будто отяжелѣлъ.

« Въ отшельнической жизни своей, Крыловъ нашелъ забаву, обучая дѣтей грамотѣ и прослушивая ихъ уроки музыки. Онъ усыновилъ семейство крестницы своей, которое и помѣстилъ на квартирѣ съ собою. Ему весело было, когда около него играли дѣти, съ которыми дома обѣдалъ онъ и чай пилъ. Дѣвочка, по имени Наденька, особенно утѣшала его. Ея понятливость и способности къ музыкѣ часто выхвалялъ онъ какъ что-то необыкновенное. Въ сношеніяхъ своихъ съ обществомъ, когда явно требовало того приличіе, онъ по-прежнему оставался человѣкомъ совѣстливо-внимательнымъ. 8 февраля 1844 года санктпетербургскій университетъ праздновалъ торжественнымъ актомъ первое свое двадцатипятилѣтіе. Крыловъ съ 1829 года былъ почетнымъ членомъ университета. Отъ ректора онъ получилъ приглашеніе на приготовлявшійся ученый праздникъ, который долженъ былъ происходить во вторникъ. Наканунъ этого дня, въ комнату ректора Крыловъ является въ мундирѣ. — Чтѣ это значитъ, Иванъ Андреевичъ? — «Ахъ, какъ я усталъ, отвѣчаетъ онъ. Дайте отдохнуть. Высоко всходить къ вамъ.» Усывшись и отдохнувъ, онъ разсказалъ ректору, что, по разсѣянности своей, непростительно ошибся, читая приглашеніе, и пріѣхалъ на актъ вмѣсто вторника въ понедѣльникъ. Тогда же и другая бѣда случилась съ нимъ. Выходя изъ экипажа у подъѣзда, онъ поскользнулся на тротуарѣ и уналъ. — «По-крайней-мѣрѣ, будьте свидѣтелемъ, прибавилъ онъ, что я цѣню дорого вниманіе ко мнѣ университета. Завтра ужъ я могу и не пріѣхать.» Ректоръ не могъ не упрививать его о томъ же, такъ-какъ холодъ доходилъ тогда до 20 градусовъ. Въ этомъ же мѣсяцѣ онъ снова явился въ университетской залѣ, примеченный всегдашней любовью къ музыкѣ и славою Вiarдо-Гарсиа. Она пріѣхала пѣть въ одномъ изъ университетскихъ концертовъ, ежегодно устраиваемыхъ студентами въ пользу тѣхъ изъ своихъ товарищей, которымъ нужно денежное вспомошествованіе для окончанія ученія. Крыловъ изъ концерта зашелъ на вечеръ къ ректору, чтобы потолковать о знаменитой пѣвицѣ и вообще о музыкѣ. Онъ нашелъ тамъ знатока и страстнаго любителя музыки князя Г. П.

Валковского, бывшего тогда почитателем здѣшняго учебнаго округа. Кажется, это было послѣднее свиданіе Крылова съ островецкимъ его сосѣдомъ, которому онъ двадцать пять лѣтъ оказывалъ неизмѣнное дружелюбіе».

Крыловъ пользовался во всю жизнь свою завиднымъ здоровьемъ; неуязвимость въ пищу и сидячая жизнь долго не могли ослабить его физическихъ силъ. Когда же наконецъ онъ начали измѣнять ему, онъ сталъ приготовляться къ смерти съ удивительнымъ спокойствіемъ. Равнодушіе и безпечность его сдѣлались еще замѣтнѣе въ эти послѣдніе годы. Случилось, что въ домъ, смежной съ его квартирой, открылся пожаръ. Люди Крылова бросились спасать разныя вещи; но онъ даже не взглянулъ на пожаръ, приказалъ готовить себѣ чай, выпилъ его и закурилъ сигару. Удовлетворивъ такимъ образомъ свои ежедневныя потребности, онъ началъ какъ-будто нѣ-хотя, одѣваться, вышелъ на улицу, посмотрѣлъ на горѣвшій домъ и какъ знатокъ дѣла сказалъ только: «Не для чего перебираться». Послѣ этого онъ очень спокойно возвратился въ свою комнату и улегся спать.

«Предсмертная болѣзнь Крылова произошла отъ несваренія пища въ желудкѣ. Разъ, вечеромъ, по всегдашнему обыкновенію своему, для ужина приказалъ онъ приготовить себѣ протертыхъ рибчиковъ въ видѣ каши, и обильно ее масломъ. Это тяжелое кушанье въ прежнее время не оказалось бы для него преднымъ; но на 77 году жизни его вышло противное. Помощь врачей не спасла поэта. Онъ и въ эти минуты сохранялъ, сколько могъ, спокойствіе и даже нѣкоторую веселость. Разговаривая, о чемъ бы то ни было, онъ всегда пояснялъ свои мысли апологами, для которыхъ въ памяти своей, или даже въ предметахъ, имъ тутъ же видимыхъ, мгновенно находилъ матеріалы. Такъ и про случившееся теперь съ нимъ послѣднее несчастіе онъ разсказалъ Я. И. Ростовцову слѣдующую басню. «Мужикъ собрался отвезти на продажу возъ сушеной рыбы. Лошаденка у него была измученная и слабая. Несмотря на то, онъ навалилъ поклажи столько, сколько можно было увязать. Глядѣвшіе на все это сосѣди смѣялись надъ нимъ и предсказывали, что быть бѣдѣ съ его лошадыю. А мужикъ имъ въ отвѣтъ всё одно: да вѣдь рыба-то сушеная. Но дорогою убѣдился онъ, что непомерная тяжесть

должна свалить лошаденку, хоть и сушеною рыбой надесядишь ее. Вотъ и со мною вышло то же. Не обременять желудка рыбчки, подумалъ я: вѣдь они протертые. А лишекъ-то всё не хорошо, какъ его ни возьми».

Когда опасность усилилась, Крыловъ пожелалъ исполнить христіанскій долгъ. Съ тихимъ умилениемъ встрѣтилъ онъ глазами отца своего духовника и съ сердечною благодарностью принялъ утѣшеніе святой вѣры. Передъ самою кончиною, онъ попросилъ перенести себя въ кресла, но, почувствовавъ тоску, сказалъ: «Тяжело мнѣ» — и снова пожелалъ лечь на постелю. Тамъ скоро произнесъ онъ слабымъ, прерывающимся голосомъ: «Господи! прости мнѣ прегрѣшенія мои». Послѣдовавшій за тѣмъ глубокій вздохъ былъ послѣднимъ въ его жизни. Онъ скончался утромъ въ три четверти осьмага часа 9 ноября 1844 года (который былъ високосный), семидесяти-шести лѣтъ, девяти мѣсяцевъ и семи дней отъ-роду.

У Крылова не осталось родственниковъ, кромѣ усыновленнаго имъ семейства крестницы его, Савельевой. Душеприказчикомъ, по духовному его завѣщанію, назначенъ Я. И. Ростовцовъ. Министръ народнаго просвѣщенія предложилъ Академіи Наукъ и Университету принять участіе въ печальномъ сопровожденіи покойнаго въ церковь Исаакіевского Собора и при погребеніи его на кладбище Александро-невской Лавры. Крыловъ въ Академіи былъ дѣйствительнымъ членомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, а въ университетѣ, какъ выше означено, почетнымъ. Государь Императоръ, въ изъявленіе Высочайшаго вниманія Своего къ литературнымъ заслугамъ Крылова, повелѣтъ соизволилъ численную на погребеніе сумму девять тысячъ рублей ассигнаціями отпустить изъ государственнаго казначейства. Церковь Святаго Исаакія Далматскаго едва могла вмѣщать собравшихся туда на послѣднее прощаніе съ народнымъ баснописцемъ. Викарій санктпетербургскій, преосвященный Іустинъ совершалъ литію, а надгробное слово произнесъ протоіерей Исаакіевского Собора А. И. Маловъ. Первые сановники государства несли гробъ изъ церкви. На траурныхъ принадлежностяхъ, вмѣсто герба, находилось изображеніе медали, выбитой въ память пятидесятилѣтняго юбилея Крылова. Студенты санктпетербургскаго университета поддерживали бадахинъ и несли ордена покойнаго. Народъ столпившійся при погребальномъ шествіи, занялъ весь Невскій Проспектъ. Въ Александро-невской Лаврѣ, послѣ божественной ли-

тургин, обрядъ оти́вания совершалъ высокопресвященнѣйшій Антоній, митрополитъ новгородскій, санктпетербургскій, эстляндскій и финляндскій съ Аванасіемъ, епископомъ винницкимъ и викаріемъ Іустиномъ. Голову Крылова украшалъ лавровый вѣнокъ, которымъ онъ былъ увѣчанъ въ день юбилея. Передъ закрытіемъ гроба, министръ народнаго просвѣщенія положилъ туда медаль, поднесенную поэту въ воспоминаніе Втораго Февраля 1838 года. Крыловъ погребенъ на такъ-называемомъ новомъ кладбищѣ подлѣ Гибдича, откуда видна и Карамзинна гробница съ умиленной надписью: «блаженнѣи чистѣи сердцемъ».

На другой день по кончнѣ Крылова болѣе тысячи особъ въ Санктпетербургѣ получилъ по экземпляру басенъ его, которыя, начавъ печатать въ 1843 году и кончивъ изданіе подъ собственнымъ надзоромъ, онъ не успѣлъ еще пустить въ свѣтъ. Всѣ эти книги разосланы были въ траурной оберткѣ съ слѣдующими словами, припечатанными на первомъ заглавномъ листкѣ: «Привошеніе. На память объ Иванѣ Андреевичѣ. По ꙗго желанію. Санктпетербургъ, 1844. Девятаго поября, три четверти осьмага утромъ». Драгоценный этотъ подарокъ дѣйствительно предназначаемъ былъ самимъ Крыловымъ въ изъявленіе благодарности лицамъ, участвовавшимъ въ составленіи юбилейнаго для него торжества. Онъ не успѣлъ удовлетворить желанія сердца своего. Ревнуя къ чести его и доброй о немъ памяти, вѣрный каждой его мысли, душеприказчикъ прекрасно исполнилъ его намѣреніе.»

На смерть Крылова съ грустнымъ участіемъ отозвалась вся Россія. Маститый старецъ, который вполнѣ совершилъ уже свое земное назначеніе, котораго литературная дѣятельность прекратилась, умеръ подъ бременемъ лѣтъ. Но вся Россія сожалѣла объ этой потерѣ, какъ-будто ей еще нуженъ былъ этотъ человекъ, котораго она такъ долго слушала и будетъ слушать съ любовью и довѣріемъ. Особенно въ Петербургѣ какъ-будто недоставало Крылова. Здѣсь его всѣ знали, любили; онъ сдѣлался собственностью города, на него смотрѣли съ уваженіемъ и при встрѣчѣ показывали другъ другу съ гордою любовью. Не было человека въ Петербургѣ, который бы не останавливался съ глубокимъ уваженіемъ передъ этимъ могучимъ старцемъ, съ свѣтымъ

взглядомъ, съ богатырскими дородствомъ и съ львиной головой, густо обросшей съдыми волосами.

Съ Высочайшаго разрѣшенія Государя Императора; послѣ смерти его открыта была подписка на сооруженіе памятника Крылову. Вся Россія приняла участіе въ этой подпискѣ. Богачи и бѣдняки равно приносили свои посильные вклады—и этотъ памятникъ, воздвигнутый народною любовью на одной изъ петербургскихъ площадей, останется священнымъ монументомъ для поздняго потомства, до-тѣхъ-пѣрь, пока на русскомъ языкѣ умъ и правда найдутъ отголосокъ и встрѣтятъ сочувствіе въ сердцахъ далекихъ поколѣній.

=

самоводы въ домашнемъ и общественномъ быту. Владимира Иславина. Сп.-бургъ, 1847.

На далекомъ сѣверѣ, въ восточной части архангельской губерніи, живетъ бѣдное, несчастное племя Самоводовъ, о которыхъ мы, кромѣ имени, почти ничего не знаемъ. Въ послѣдніе годы нѣсколько путешественниковъ заходили въ этотъ печальный край и навѣстили забытый, оставленный народъ, который долгое время проживалъ мирно и безопасно на этомъ скудномъ участкѣ земли. Профессоръ гельсингфорскаго университета изучалъ между ними финскія нарѣчія; венгерскій ученый господинъ Регули, въ продолженіи двухъ лѣтъ, путешествовалъ для той же цели по этимъ мѣстамъ. Они обогатили науку новыми свѣдѣніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не замѣтить несчастнаго положенія народа, который на бѣдномъ языкѣ своемъ часто приносилъ имъ жалобы на притѣсненія другаго сильнѣйшаго племени. Наконецъ министерство государственныхъ имуществъ, которое давно уже обратило вниманіе на этотъ край, поручило господину Иславину посѣтить бѣдное племя Самоводовъ и сдѣлать предположеніе объ устройствѣ его на будущее время.

Путешествіе господина Иславина обогатило русскую литературу новой прекрасной книгой, важной по содержанию,
Т. LXXXI. — Отд. V.

любопытной и занимательной по изложению. Авторъ съ теплымъ участіемъ полюбилъ эту горсть людей, брошенныхъ на бѣдный и далекій уголокъ земли, осужденныхъ на всевозможныя нужды и лишенія. Его простыя, но вѣрныя, замѣчанія обогатили науку новыми свѣдѣніями объ этомъ племени и, безъ-сомнѣнія, возбуждаютъ участіе къ судьбѣ парода, вполне достойнаго жалости и состраданія по своему несчастному положенію.

Главная полоса, занимаемая Самоѣдами, заключается между рѣкою Мезеью и Уральскимъ Хребтомъ, между границами вологодской губерніи и Сѣвернымъ Океаномъ. Все это протяженіе извѣстно подъ общимъ названіемъ «мезенской тундры», которое по кочевью Самоѣдовъ подраздѣляется на канинскую, тиманскую и больше-земельскую тундры. Все это мѣсто представляетъ одну безиредельную степь, пересѣкаемую каменными горами и плоскими земляными возвышенностями. Съ южныхъ предѣловъ по направленію къ сѣверу оно покрыто непроходимыми лѣсами, которые состоятъ изъ ели, сосны, лиственницы и кедра; но дальше къ сѣверу зѣтъ лѣсъ рѣдѣетъ; сначала исчезаетъ сосна, потомъ лиственница и остается одна мелкая, уродливая ель.

Тутъ открывается необозримое пространство тундры; кое-гдѣ виднѣется едва примѣтный ивнякъ; бѣлый мохъ покрываетъ возвышенности; иногда кочковатое пространство пересѣкается болотомъ, по которому растутъ осона и мелкія травы; по низменнымъ мѣстамъ виднѣется водяной или красный мохъ. Вѣтеръ свободно гуляетъ по этой огромной равнинѣ, крутя и вздымая снѣгъ; осень мѣсяцевъ продолжается зима; солнца не видно и только повременамъ яркое сѣверное сіяніе огненными столпами освѣщаетъ небо и наводитъ ужасъ на сѣверныхъ жителей. Зато лѣтомъ, втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, солнце не сходитъ съ неба, рѣкы разливаются потоками; изъ-подъ снѣжной коры открывается бѣлый и красный мохъ, поросшіи мѣстами осокою и тонкими болотными травами.

По этому печальному и незavidному пространству мирно

кочевали. Самоёды; при въѣзѣ владѣтелей не поселились Русскіе и Зыряне, которые почти исключительно образомъ заняли лучшія мѣста тундры и вытѣсняють до нѣмного и коренныхъ и давнихъ обитателей.

Авторъ въ подробности разсматриваетъ права Самоёдовъ на эту тундру, начиная съ самаго Нестора. Въ бумагахъ, уцѣлѣвшихъ въ архивѣ архангельскаго губернскаго правленія, сохранилась между прочимъ грамота, пожалованная царемъ и великимъ княземъ Иоанномъ-Четвертымъ Васильевичемъ въ 1645 году; эта грамота была имъ выдана въ защиту отъ Нечоранъ (Пустозеровъ) и Пермьяковъ (Зырянъ), которые начали отбивать у Самоёдовъ звѣриныя и рыбныя промыслы въ тундрѣ.

Русскіе при царѣ Алексѣ Михайловичѣ а при Петрѣ Великомъ стали селиться по берегамъ Нечоры и впоследствии образовали обширныя села, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *челямской волости*. Зыряне въ шестнадцатомъ столѣтіи начали селиться по рѣкѣ Ижимѣ и положили основаніе нынѣшней ижемской волости. Долгое время они продолжали занятія, свойственныя осѣдлому народу, но когда они вступили въ сношенія съ кочующими Самоёдами, ихъ соблазнили выгоды звѣринаго промысла. Съ этихъ поръ начался несчастія Самоёдовъ; Русскіе и Зыряне стали оленей отбивать у нихъ лучшія мѣста для пастбы оленей, отнимали у нихъ рыбную и звѣриную ловлю; Самоёды беднѣя и мало-по-малу начали переходить работниками къ Ижемцамъ и Пустозерамъ, такъ что въ настоящее время въ рукахъ Самоёдовъ едва-ли осталась седьмая часть оленей, которые пасутся по всей мезенской тундрѣ; сами они большею частью смотрятъ за чужими стадами Зырянъ и Русскихъ или скитаются по ихъ селеніямъ на милостыню.

Вотъ печальная, но вѣрная картина домашняго быта этого несчастнаго народа.

«Народъ, самую природою обреченный скитаться по дикимъ пустынямъ сѣвера, по-необходимости долженъ былъ избрать себѣ и родъ жилища, соответствующій бродячей жизни и соединяю-

щій въ общѣ два главныхъ условія : предохранить отъ стужи и непогодъ и быть удобопереносимымъ. Олень, столь необходимый для жителя тундры, и въ этомъ случаѣ оказался ему полезнымъ: изъ шкуры его Самоѣдь сдѣлалъ себѣ жилище и назвалъ его *ил*, *мядико* или *мякана* (по-русски *чумъ*). Чумъ есть ничто иное, какъ конусообразный шатеръ, составленный изъ длинныхъ жердей—нижніе концы ихъ на нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи вбиваются въ землю и образуютъ кругловатое основаніе шатра, верхніе же крестообразно связываются вмѣстѣ; дѣломъ покрывша состоитъ изъ бересты, а зимою изъ нѣсколькихъ, вмѣстѣ съ сшитыхъ, оленьихъ шкуръ; одно одѣло обкладывается во-другъ шестовъ шерстью внизъ, другое же шерстью вверхъ: верхнее называется *шокъ* (по сам. *нп*), а нижнее *поднючье* (Сам. *люйка*); сверху чума оставляется отверстіе для дыму. Разбивъ такой чумъ въ полчаса времени или даже и мѣся, Самоѣдка (это занятіе всегда возложено на женщинъ) начинаетъ помышлять о удобствѣ своего дома: внутри и извнѣ она укладываетъ его землю и мхомъ, а зимою снѣгомъ, полъ для предохраненія отъ сырости и стужи устилаетъ коврами, сплетенными изъ прутьевъ березы и метляка, на ковры накладываетъ оленьи шкуры, а стѣны чума убираетъ иногда подушками; боковое отверстіе, или если можно назвать это дверью (по-сам. *не*), завѣшивается оленьей же шкурой, и всегда оставляется подъ вѣтромъ; мѣсто же противъ *не*, то есть, противоположное входу, называется *синикуй*: оно для нихъ мѣсто священное и служитъ хранилищемъ лучшихъ вещей и самыхъ лакомыхъ съѣстныхъ припасовъ; никакая Самоѣдка или, какъ называютъ ихъ Русскіе, — *инька*, не смѣетъ переступить черезъ синикуй: это значило бы опоганить святыню, и онъ такъ строго чтутъ этотъ обычай, что рѣдко случается, чтобы инька погрѣшила противъ него: оно было бы вѣрнымъ предзнаменованіемъ какой-нибудь бѣды, и конечно послѣ этого промыселъ былъ бы неудаченъ или же въ слѣдующую ночь волкъ зарѣзалъ бы нѣсколько оленей въ стадѣ; одно средство для предохраненія себя въ такомъ случаѣ отъ бѣды — бросить въ синикуй горящій уголекъ, потому что «огонь все очищаетъ». Вообще, по понятіямъ Самоѣдовъ, женщина почитается столь нечистою, что опоганиваетъ всякую вещь, черезъ которую переступитъ: веревка ли она, топоръ ли, оленья ли шкура и такъ далѣе, все дѣлается нечистымъ и непремѣнно должно быть окурено или вѣрескомъ или, что еще дѣйствительнѣе, оленьимъ саломъ. Женщина и у крещеныхъ Самоѣдовъ считается нечистою, но они мало-по-малу от-

стають отъ обычая окуривать опогашенныя вещи, въ самую же хотя и ставать образъ, но особенной святости этому мѣсту не приписываютъ, въ томъ предположеніи, что «когда есть образъ въ чумѣ, то всякое мѣсто свято».

Займемся еще устройствомъ самаго чума: въ немъ недостаетъ главной принадлежности самоѣдскаго жилища—неугасаемаго огня; онъ разводится на самой срединѣ чума подъ верхнимъ отверстіемъ, въ который выходитъ дымъ, на особо устраниваемомъ возвышеніи или же на желѣзномъ листѣ, который, нагрѣваясь, долѣе сохраняетъ въ чумѣ теплоту; самый естественный при этомъ вопросъ: какое топливо имѣютъ Самоѣды въ чистой тундрѣ? Ничего, кромѣ сыраго мелкаго ивняка, вѣреска или березняка, который болѣе глѣбеть, чѣмъ горитъ и не столько грѣбеть, какъ дымится. По обѣ стороны огня, въ направленіи отъ не къ сивнику, укладываются двѣ доски, а надъ огнемъ въ томъ же направленіи укрѣпляются на двухъ шестахъ (*ти*), идущихъ поперегъ чума, крюки (*па*), къ которымъ привѣшиваются котлы для варенія пищи. Вотъ образецъ всякаго чума и чумъ богатаго хозяина отъ чума бѣднаго отличается или только большимъ объемомъ или тѣмъ, что для крыши его и для устилки болѣе употребляется оленьихъ шкуръ, но въ сущности нѣтъ никакого различія: вездѣ единообразіе — войдите въ любой чумъ и повсюду найдете вы одну и ту же сцену: посрединѣ глѣбеть огонѣкъ, по чуму стелется дымъ, мужьяны, съ сложенными на-крестъ ногами, усѣвшись въ кружокъ, вперли въ огонь безсмысленный взглядъ; тутъ же грѣются собаки и грязные, и при самой сильной стужѣ, голые ребятишки, а нявка молча чинитъ малпцу или сучить нитки изъ оленьихъ жилъ. Жалко и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительно быть въ чумѣ — нестерпимый дымъ и въ высшей степени неопрятность, часто заставляють, съ непривычки, выходить изъ чума даже въ самую дождливую и холодную погоду, по-немногу начинаясь свыкаться съ этимъ образомъ жизни, къ неопрятности становившись равнодушиѣ и, наконецъ, когда послѣ нѣсколькихъ дней страствованія, не встрѣтивъ по тундрѣ ни жилаго мѣста, ни живаго существа, завидишь изъ-дали дымящійся чумъ или, въ ночное время, услышишь запахъ дыму или лай собакъ при оленьемъ стадѣ, то и грязный чумъ представится пріятнымъ и спокойнымъ убѣжищемъ. При всемъ несложномъ устройствѣ своемъ, чумъ приноситъ кочующимъ сѣвернымъ жителямъ большую пользу и весьма хорошо защищаетъ ихъ отъ частыхъ дождей въ весеннее и лѣтнее, и отъ сильныхъ мятелей

въ сѣверное и зимнее время, такъ что все предположенія, сдѣланныя насчетъ лучшаго устройства этихъ жилищъ, какъ напримеръ, введеніе употребленія въ нихъ оконъ или трубъ, никогда не будутъ имѣть примѣненія, тѣмъ болѣе, что Самоѣды, выросшіе въ суровомъ климатѣ, такъ сроднились съ стужей и ураганами, что лучше споситъ самый сильный морозъ, тѣмъ комнатную теплоту, и имъ случалось, почувъ иногда въ довольно холодныхъ избахъ, и не иначе, какъ въ оленьей шубѣ, видѣть, какъ вожатые менъ Самоѣды, одни за другими выходя изъ избы, оставались на дворѣ и проводили ночь—кто скорчившись на сачочкахъ, а кто просто развалившись на снѣгу. Только тѣ Самоѣды, которые находятся въ частыхъ сношеніяхъ съ Русскими и съ-молоду привыкли къ избамъ, не чувствуютъ той тяжести, которую ощущаютъ тундряные жители, и даже, по примѣру Русскихъ, ходятъ въ баню, на что коренной Самоѣдъ никогда бы не могъ рѣшиться; онъ даже рѣдко и моется, между-тѣмъ какъ крещеный Самоѣдъ, намочивъ въ водѣ или сунувъ въ снѣгъ мочалку, утритъ или передъ обѣдомъ иногда утираетъ себѣ руки и лицо, но и то рѣдко, чаще же всего по мѣсяцамъ оставляетъ на себѣ слою грязи и копоти. Вообще представить себѣ трудно опрятнаго Самоѣда или Самоѣдку, начиная съ того, что мужчины, вмѣсто рубахи, зимою и лѣтомъ носятъ на голомъ тѣлѣ *халицу*, родъ мѣшка съ рукавами, съ двумя отверстіями сверху и снизу, сдѣланную изъ оленьей шкуры шерстью къ тѣлу. Одежда эта не только удобна для Самоѣда тѣмъ, что по свойствомъ и покроемъ своимъ предохраняетъ его отъ губельнаго дѣйствія быстрыхъ измѣненій въ температурѣ сѣвернаго климата, но и тѣмъ, что дешева и прочна; но такъ какъ малица дѣлается мездрую вверхъ, которая, по пѣжности своей, легко повреждается и корчится отъ сырости, то многіе надѣваютъ на нее, въ лѣтнее время, еще рубашку изъ тикю или сермяги, а осенью и зимою, для тепла особый родъ одежды съ капюшономъ изъ оленьей же шкуры, но шерстью вверхъ: одежда эта называется *совикъ*. Многіе носятъ круглыя шапки (*сова* по-самоѣдски) изъ шкуръ молодыхъ оленей, но болѣею частію Самоѣды почти круглый годъ не покрываютъ головы и только въ большія стужи или мятели натягиваютъ капюшонъ на голову: не этому ли обыкновенію приписать то обстоятельство, что между ними очень рѣдко встрѣчаешь безволосыхъ стариковъ? Самоѣды каннической и тиманской тундръ, по близости къ Мезени и печорскимъ селеніямъ, будучи болѣе въ сношеніи съ Русскими, переняли отъ нихъ нѣкоторые обычаи и,

такъ сказать, болѣе обрусѣли, чѣмъ больше-земельскіе тундряныя Самоѣды: многіе изъ нихъ носятъ въ лѣтнее время рубахи русскаго покроя, болѣею частію суконныя и подпоясываютъ ихъ широкими кожанымъ поясами (по-сам. *ни*), украшенными мѣдными пуговицами и бляхами, что составляетъ особый родъ щегольства. Самоѣды, съ малолѣтства живущіе въ работникахъ у Русскихъ, носятъ простыя холстяныя рубахи даже подъ малицей, но это происходитъ отъ того только, что они живутъ уже осѣдло; кочующимъ же Самоѣдамъ невозможно держать у себя бѣлья: гдѣ его хранить, гдѣ сушить въ осеннее и зимнее время при безпрестанномъ перекочевываніи съ мѣста на мѣсто? Ктому же, отъ вѣчнаго дыму и нечистоты въ чумѣ, они принуждены бы были часто мѣнять бѣлье, но для этого они и слишкомъ безпечны, да болѣею частію и слишкомъ бѣдны и многіе рады-рады когда имѣютъ чѣмъ укрыться съ семействомъ своимъ отъ стужи. Замшевые штаны у мужчинъ и женщинъ (*пыое* или *пимъ*), длинныя чулки шерстью внизъ (*липы*), лѣтомъ и въ сырое время года большіе кожаные сапоги (*бахилы*), а въ зимнее—узорчатые *пимы* (*пиуве*), шерстью вверхъ и еще родъ мѣховыхъ котиковъ — *тоборы* или *тобовки*, составляютъ нижнюю одежду и обувь Самоѣда. Женская одежда и обувь не многимъ различается отъ мужской: рубахи у нихъ еще въ мѣньшемъ употребленіи, чѣмъ у мужчинъ,—онѣ ихъ вовсе не носятъ,—совика также не имѣютъ, но дѣлаютъ себѣ, вмѣсто рубахи, особенный родъ одежды шерстью внизъ, называемый *ланды*, а по-русски *ландица* или *панница*, украшаютъ эту одежду узоромъ изъ бѣлыхъ и темныхъ оленьихъ лапокъ (*камусы*), опушаютъ ее волчьимъ, лисьимъ и собачьимъ мѣхомъ, а богатые даже соболемъ и бобромъ (*панды*) и нашиваютъ на нихъ разноцвѣтныя суконныя лоскутки и маленькіе погремушки, которыми увѣшиваютъ также огромныя шапки и пимы—общій впрочемъ вкусъ всемъ полу-дикимъ сибирскимъ племенамъ. Одежду эту шьютъ однѣ Самоѣдки и въ этомъ онѣ мастерицы: простую оленью шкуру онѣ скоблятъ сначала особымъ инструментомъ, называемымъ *лзей*, потомъ мнутъ ее руками и наконецъ натираютъ мукой: вотъ въ чемъ состоитъ все приготовленіе оленьей шкуры или, какъ называютъ ее въ тамошнемъ краѣ, оленьей *постели*; ее кроятъ, и пятами, ссученными изъ оленьихъ жилъ, шьютъ прочную и красивую, въ своемъ родѣ, одежду. Волосы Самоѣдки заплетаютъ, по-русски, въ двѣ косы, въ которыхъ привѣшиваютъ красныя и желтыя суконныя лоскуточки и ленты яркихъ цвѣтовъ. въ ушахъ носятъ серьги.

а иныя на шеѣ бусы и разнаго роду ожерелья; ферроньеры также въ большомъ употребленіи и обыкновенно состоятъ изъ металлическихъ цѣпочекъ, у богатыхъ даже и серебряныхъ, опутываемыхъ въ нѣсколько рядовъ вокругъ головы. Русскіе и Зыряне, доставляющіе имъ этотъ товаръ, пользуются ихъ слабостью и, разумѣется, берутъ за все въ три-дорога, а Самоѣдки, даже и бѣдныя, не могутъ отказать себѣ въ удовольствіи увѣшаться красными и желтыми суковцами и звонкими побрякушками; но малодушіе, показываемое ими въ этомъ отношеніи извинительно, и вполнѣ замѣняется другими качествами, необходимыми въ хозяйствѣ: онѣ весьма заботливы и трудолюбивы и поэтому на нихъ лежитъ все домохозяйство: пока мужа и братья находятся на промыслахъ или же, возвратившись съ нихъ, безопасно отдыхаютъ въ чуму, женщины чистятъ посуду, пекутъ хлѣбъ и готовятъ пищу, а въ свободное время занимаются выдѣлкою оленьихъ шкуръ и шитьемъ разнаго роду одежды; но всей мелкой домашней работы не перечесть—довольно того сказать, что Самоѣдку рѣдко можно увидѣть безъ дѣла и главное ея желаніе, послѣ труднаго промысла, утолить голодь сожителя своего и угодить его вкусу, что впрочемъ довольно легко, — стоитъ только подать ему сыраго мяса и рыбы какъ-можно въ большемъ количествѣ, потому что трудно представить себѣ, сколько Самоѣды въ состояніи съѣсть всего этого.

Несмотря на это несчастное положеніе, Самоѣды довольствовались бы своей скромной долей, если бы Русскіе и Ижемцы не отнимали у нихъ всеми неправдами послѣдніе способы къ пропитанію. Нельзя себѣ представить всѣ притѣсненія, которымъ они подвергаются, всѣ обманы, которые позволяютъ себѣ съ этимъ несчастнымъ народомъ.

Самоѣды мало-по-малу лишились своего достоянія, своей давней собственности; большая часть нанимаются въ работники къ русскому или ижемскому хозяину, и онъ пользуется безъ всякой жалости трудами ловкаго и смышленнаго Самоѣда, который, по-необходимости, не имѣя никакой собственности, долженъ согласиться на самыя невыгодныя условія.

«Русскій или ижемскій олене-хозяинъ, кромѣ постоянныхъ своихъ работниковъ, всегда за самое ничтожное содежаніе можетъ

найти временную помощь въ нищихъ Самоѣдахъ. Многіе Ижемцы, рассчитывая на то, что зимою, когда возвратятся въ волость изъ тундры, найдутъ работниковъ и работницъ для шитья оленьей одежды на продажу, вовсе не нанимаютъ или менѣе нанимаютъ Самоѣдовъ для пастбы стадъ своихъ, а пасутъ ихъ сами, иные, кочуя по тундрѣ съ женами и дѣтьми, другіе же разставаясь съ ними до зимы. Они дѣлаютъ это еще и изъ предосторожности, чтобы не быть обманутымъ пастухами, какъ имѣютъ живой примѣръ въ сосѣдяхъ своихъ, крестьянахъ *Устьцылемской*, а частію и *Пустозерской* волости, которые, владѣя въ прежніе годы значительными стадами оленей, теперь имѣютъ ихъ весьма немного потому именно, что предоставляли оленей своихъ въ полное распоряженіе пастуховъ - Самоѣдовъ, которые переключивали ихъ и передавали соотечественникамъ своимъ, представляя хозяевамъ, что олени или пропали безъ вѣсти или погибли отъ волковъ; потому во всякомъ ижемскомъ стадѣ живетъ теперь или самъ хозяинъ или кто-нибудь изъ родственниковъ его. Многіе изъ нихъ, для надзора за стадами, для убоя скота, для складки товаровъ и для выгоднаго торгу съ Самоѣдами, самовольно завели даже въ нѣсколькихъ мѣстахъ тундры поселенія, состоящіа изъ двухъ, трехъ и болѣе избъ. Обыкновенно избы эти ставятся при лучшихъ озерахъ или рыбныхъ рѣкахъ, и въ нихъ Ижемецъ живетъ цѣлымъ семействомъ. Тогда окрестныя озера и рѣки онъ почитаетъ въ единственномъ своемъ владѣніи: стадо въ зимнее время пасется тутъ же не вдали; работники промышляютъ на него песцовъ и лисицъ, другіе — рыбу въ такомъ множествѣ, какое себѣ представить трудно, а осенью, во время убоя скота, бѣднѣйшіе изъ Самоѣдовъ подходятъ къ избамъ и, изъ-за крови или внутренности животнаго, помогаютъ хозяину бить оленей. Вскорѣ потомъ являются и тѣ Самоѣды, которые хотятъ сбыть какой-нибудь промыселъ и тогда, за пушной товаръ, Ижемецъ снабжаетъ ихъ хлѣбомъ, оленьимъ мясомъ, солью, порохомъ, табакомъ, виномъ и такъ далѣе, а если бь представилась нужда, то и разноцвѣтными сукнами, пожами, топорами, сулемою, сассапарильнымъ корнемъ (Ижемцы употребляютъ его отъ всѣхъ болѣзней), чаемъ, сахаромъ, кедровыми орѣхами и прочее; такъ какъ они весь этотъ товаръ держатъ для выгодной мѣны съ Самоѣдами. Обыкновенно все это сбывается имъ, по-крайней-мѣрѣ вдвое дороже противъ настоящей цѣны и дается въ долгъ до слѣдующей осени, а нерасчетливый Самоѣд этого-то и желаетъ,

вѣрять ему въ долги, чѣмъ выказывать иными способами, даже тогда, когда имѣеть ихъ лишній.

Вотъ интересные образчики мѣны Ижемцевъ съ Самоѣдами:

Напримѣръ за пол-пуда соли Ижемецъ беретъ съ Самоѣда оленью шкуру или бѣлаго песка, то есть, за вещь, стоящую тридцать пять копѣекъ серебромъ, отъ одного рубля до рубля пятнадцати копѣекъ серебромъ, или за одинъ пудъ муки, три песка, то есть, за восемьдесятъ пять копѣекъ серебромъ, три рубля серебромъ или за три пуда масла, по семи копѣекъ серебромъ фунтъ, беретъ четырнадцать песцовъ, то есть, за осемь рублей сорокъ копѣекъ серебромъ четырнадцать рублей серебромъ. Это все факты, которые доказываютъ, какъ выгодны Ижемпамъ сношенія съ Самоѣдами.»

Разсматривая домашній бытъ Самоѣдовъ, ихъ образъ жизни и различныя промыслы, которые всё болѣе и болѣе переходятъ въ чужія руки, авторъ приступаетъ къ описанію религіознаго и нравственнаго состоянія этого бѣднаго народа. Большая часть Самоѣдовъ приняли уже христіанскую религію. Во всѣхъ трехъ тундрахъ крещенныхъ Самоѣдовъ 4,043, некрещенныхъ 861 душа.

Некрещенные Самоѣды вѣрятъ въ Бога и называютъ его *Нумъ*, онъ никогда не оставляетъ небо и сообщается съ людьми посредствомъ духовъ — *тадебціевъ*; они избираютъ своихъ представителей между людьми; избранный счастливецъ называется *тадибеемъ* и онъ по вдохновенію тадебціевъ передаетъ людямъ волю и велѣнія Нума. Вотъ нѣсколько любопытныхъ подробностей объ этихъ тадибеяхъ.

«Самоѣды прибѣгаютъ обыкновенно къ тадибеямъ для излеченія отъ болѣзни, для предсказанія — успѣшенъ ли будетъ промыселъ, для указанія — кто похитилъ изъ стада оленей и такъ далѣе. Тогда тадибей, чтобы испытать сперва въ состояніи ли онъ излечить больного, начинаетъ дѣлать надъ самимъ собою разныя метазанія: садится подъ большой пдогъ, гдѣ ставитъ подлѣ себя котелъ съ теплою водою, по нѣскольку человекъ съ каждой стороны попеременно обвязываютъ ему веревкой то руку, то ногу, то голову и тянутъ съ обѣихъ сторонъ: тогда видно, какъ тадибей бьется водъ пдогомъ и слышно, какъ у него будто отрываются члены; если по окончаніи всего этого испы-

такия тадибей выйдеть шѣтъ и невредимъ, то значить, что не-
послѣ дѣйствуетъ высшая сила и что успѣхъ въ леченіи несомнен-
теленъ. Во время вдохновения онъ дѣлаетъ видъ, будто всакаетъ себя
шпонномъ или ножъ въ одинъ бокъ, а изъ другого вынимаетъ его
и даже присутствующимъ позволяетъ дѣлать то же надъ собою,
и если не покажется ни капли крови, а только останутся слѣды
на одеждѣ тадибея, то это предвѣщаетъ счастливый успѣхъ и
тогда или дарятъ ему олень или быкъ и выхотъ съѣдаютъ сы-
рую и теплую жертву, завивая ее иногда пѣвнымъ вивомъ; въ
случаѣ же худаго предсказанія ничего не дается тадибею. За-
помнимъ: никакой врачебной помощи, чаще всего обращаются
къ тадибеямъ въ болѣзняхъ и тогда плутъ-тадибей, чтобы не
уронить своей репутаціи, не даетъ отрицательнаго отвѣта, не
старается въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, означить причину
болѣзни и способъ и время излеченія ея; такъ напримѣръ въ го-
рячиѣ предсказываетъ больному излеченіе чрезъ семь или девять
дней, зная, что по окончаніи этого времени, бываетъ переломъ
въ болѣзни, а если предсказаніе не сбудется, то приписываетъ
это воли Божіей. Одинъ Самоѣдъ рассказывалъ мнѣ, что онъ, по-
чувствовавъ сильный ломъ во всемъ тѣлѣ, приблизилъ къ по-
мощи тадибея, и тотъ открылъ ему, что его испортилъ русскій
мужикъ, вогнавъ ему въ тѣло стрѣлы, но подъ предлогомъ, будто
въ чуму много народу, по имени его не назвалъ, но и послѣ на-
единъ умолчалъ о немъ; между-тѣмъ они выпили по чаркѣ, по
другой, и колотье въ тѣлѣ какъ рукой сняло. Наружныя болѣзни
или версты они или срѣзываютъ ножомъ или скусываютъ зу-
бами, а о внутреннихъ говорятъ, что это завелся червь въ жи-
вотѣ и чтобы найти мѣсто, гдѣ онъ сидитъ, водить по животу
божкомъ съ острымъ носикомъ, который на этотъ случай имѣ-
ютъ при себѣ и когда найдутъ большое мѣсто, то или вскрыва-
ютъ животъ, или просто прикладываютъ къ нему губами, дѣла-
ютъ будто бы призываютъ червя, всасывая его въ себя и вы-
нувъ изъ-рта показываютъ излеченному, который послѣ этой
операціи ложится навзничъ, и цѣлуя три раза воздухъ, каждый
разъ приговариваетъ: *Нумъ сьръъ*, то есть,—Божіе дѣло. Тадибеи
утверждаютъ однако жъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ Самоѣды стали
носить крестъ, духи менѣе стали имъ повиноваться.

Обрядъ, совершаемый тадибеемъ, называется *кудесомъ*, а самъ
тадибей по этому *кудесникомъ*. Кудесъ не иначе совершается
какъ съ помощію *пензера*—бубна изъ оленьей кожи; пензеръ не-
примѣнно долженъ быть сдѣланъ самимъ же тадибеемъ и при

этомъ онъ соблюдаетъ слѣдующія условія: убиваетъ здороваго оленьяго теленка — самца, самъ выработываетъ кожу такимъ образомъ, чтобы на ней не осталось жилъ, и потомъ сушить ее на огнѣ; при этомъ явля, какъ существо нечистое, не смѣетъ находиться. Еще есть у Самоѣдовъ повѣрiе, что если случится, что Русскій, при изготовленiи пепзера, броситъ въ огонь ладану, то бубенъ, который сушить на огнѣ тадибей, непременно лопнетъ. Настоящiй пепзеръ имѣютъ у себя только тѣ, у которыхъ въ семействѣ есть тадибей, другiе же для прiѣзжаго кудесника держать или простой мѣдный тазъ съ мѣдными привѣсками, а въ крайнемъ случаѣ довольствуются и ружейнымъ стволомъ и вообще всѣмъ, чтó издастъ металлическiй звукъ. Для совершенiя кудеса, тадибей одѣвается въ большой мѣшокъ изъ замши, увѣшанный побрякушками, бубенчиками и разноцвѣтными сунами, числомъ обыкновенно по семи на каждомъ мѣстѣ; на голову надѣваетъ шапку съ налчникомъ, клапается на всѣ стороны и сперва тихо, но потомъ мало-по-малу усиливая звукъ, приходитъ въ восторгъ и деревянной колотушкой, обтянутой оленьей шкурой, стучитъ въ пепзеръ изъ всей мочи, чтобы тѣмъ призвать къ себѣ духовъ — тодебцiевъ; и точно, они не медлятъ явиться: тадибей начинаетъ уже видѣть вдали бѣлыхъ духовъ, но не имѣя права непосредственно съ ними сообщаться, проситъ заступничества чрезъ зеленыхъ и черныхъ тадебцiевъ, зывая къ нимъ: «повелители солнца, мѣсяца и звѣздъ, явитесь и помогите мнѣ» и далѣе умоляетъ «бабушку землю отпустить больнаго отъ себя» а обращаясь къ свѣтлѣмъ небеснымъ, восклицаетъ: «солнце-мать, дѣдушка-мѣсяцъ, братцы-звѣзды, облака возьмите его къ себѣ и жальтесь надъ его недугомъ.» Вообще этнмъ и ограничивается кругъ дѣйствiя тадибеевъ, такъ какъ общихъ молитвъ и богослуженiя у Самоѣдовъ не существуетъ; — но до сего времени еще есть по тундрѣ мѣста, которыя состоятъ у нихъ въ особенномъ почетѣ.»

Хотите ли вы знать, какъ Самоѣды женятся и какъ они любятъ? Прежде всего я долженъ вамъ замѣтить, что у нихъ существуетъ многоженство. Кто богатъ, тотъ можетъ прiобрѣсти себѣ нѣсколько женъ, но эта покупка сопряжена съ большими издержками. Прекрасный полъ у этого бѣднаго народа цѣнится очень дорого и за мезенскую барышню платятъ по нѣскольку сотъ оленей в песцовъ.

« Отецъ женитъ дѣтей своихъ, не спрашивая напередъ ихъ на

то согласія, и случается такъ, что родители ссвѣтаютъ сына съ самаго его малолѣтства, иногда даже и на несовершеннолѣтней дѣвицѣ. Тогда отецъ, для переговоровъ съ родителями невѣсты посылаетъ къ нимъ родственника или знакомаго сватомъ, по-самоѣдски *эу*, который съ шомполомъ или варильнымъ крюкомъ въ рукѣ, отирается въ невѣстину чумъ, по пріѣздѣ туда объявляетъ отцу имя посланшаго его и кладетъ ему на колѣни лисицу красную или бурую, для опредѣленія этимъ состоянія жениха; самъ выходитъ изъ чума, а иногда и уѣзжаетъ тотчасъ же обратно къ хозяину своему. Если подарокъ понравится отцу, и онъ пожелаетъ отдать дочь свою замужь, то оставляетъ его у себя; если же нѣтъ, то немедленно отсылаетъ обратно. Въ первомъ случаѣ свать снова ѣдетъ въ чумъ будущаго тестя, на этотъ разъ беретъ только одну бирку и молча подаетъ ее тестю, который намѣчаетъ на ней столько рубешковъ, сколько желаетъ взять за дочь свою оленей, песцовъ и такъ далѣе, и отдаетъ ее свату; свать если уполномоченъ въ томъ отъ хозяина, срѣзываетъ съ бирки то число рубешковъ, которое ему кажется лишнимъ. Условившись наконецъ въ цѣнѣ, каждый изъ нихъ, на обомъ концахъ палочки, кладетъ клеймо свое, раснальываетъ бирку на-двое и тотъ и другой беретъ каждый по половинкѣ. Впродолженіи всей этой сдѣлки не говорится почти ни слова и только дѣйствуютъ посредствомъ знаковъ.

Цѣны самоѣдскимъ невѣстамъ бываютъ довольно значительныя, соображаясь съ красотой и молодостью невѣсты и съ богатствомъ жениха:

Богатые даютъ:

По 100 и по 200 оленей.
 Кромѣ-того — 100 — — 200 песцовъ.
 1 — — 2 чернобурыхъ или
 10 красныхъ лисицъ.
 3 сажени тонкаго алаго, синяго или желтаго
 сукна.
 1 мѣдный котелъ.

Средняго состоянія:

Отъ 25 до 50 оленей.
 25 — 50 песцовъ.

- Отъ 1 — Въ красивыхъ платьяхъ.
3 сажени сукна недорогой цѣны.
1 шивдый котель.

Бѣды:

- Отъ 10 до 20 оленей, или деньгами
7 — 15 рублей серебромъ.

Нѣсколько сукна, котель, но рухляди не дается.

У Самоѣдовъ есть и поэзія, почти каждый Самоѣдъ импровизируетъ въ пьяномъ видѣ разные пѣсни, которыя впрочемъ никогда не отдѣляются отъ предметовъ обыкновенной жизни: въ нихъ разсказывается сколько кто выпилъ вина, какъ Самоѣлъ съѣлъ семь сырыхъ омулей за одинъ разъ, какъ онъ увидѣлъ, вакушавшись такимъ образомъ, красавицу, отъ которой сердце пришлось ему къ горлу и онъ лишился ума. Есть у нихъ еще и героическіе разсказы; въ нихъ говорится о бичатыртѣ, «у котораго платье было желѣзное, а лыжи такія острыя, что пойдеть ли онъ льсомъ, льсъ чалится, встрѣтитъ ли гора и гору прорѣжетъ, лапчи у него, чтѣ Вайгачъ-Островъ, а ходилъ онъ такъ скоро, что бура чуть слѣдила по его пятамъ».

Взаключеніе этой статьи, я выпишу еще нѣсколько любопытныхъ подробностей о смерти и похоронахъ Самоѣдовъ.

«Если въ чумѣ умретъ кто-нибудь изъ Самоѣдовъ, то чумовое покрывало раздираютъ въ томъ мѣстѣ, противъ котораго лежитъ покойникъ, и переламываютъ шесты, на которыхъ оно держится, выносятъ въ это отверстіе покойника, одѣваютъ его въ ту одежду, которую онъ при жизни носилъ и завертываютъ въ оленью шкуру; даютъ знать ближнимъ родственникамъ, а между тѣмъ не хоронятъ покойника въ продолженіи однихъ или двухъ сутокъ; за тѣмъ кладутъ его на сани, запряженные любимыми его оленями и везутъ къ мѣсту погребенія, избирая по большей части тѣ мѣста, которыя заняты уже предками. Поэтому часто встрѣчаются по тундрѣ названія: *Халмеръ-надера* или *халмеръ-о* (лѣсъ или островъ покойниковъ и *Хейсидо-надера* (грѣшный лѣсъ),—это кладбища Самоѣдовъ. Здѣсь, если лѣсу достаточно,

то дѣлать такой большой брезентовый срубъ, чтобы въ покойникѣ утѣшилось запасное его платье, особенно онъ имѣетъ его, шапки и чулки, которыми самъ употребляетъ при жизни, и ставить срубъ этому поперекъ земли; тамъ же гнѣсу мѣло, то вырываютъ могилу. Изъ принадлежностей кладутъ чашора, ножъ, долото, сверло, ружье и прочія вещи, въ прошлыхъ годахъ употребленыя, харчей и сани, опрокинутыя вверхъ колесами, а изъ вещей ташму, ложку, иголки, наперстокъ, котель и прочіе хозяйственные снаряды; всё эти вещи должны быть поломаны въ знакъ того, что на томъ свѣтѣ употребляютъ ихъ въ другомъ видѣ, какъ здѣсь. Покойника кладутъ немного на бокъ, глазами на западъ, и тѣмъ какъ-бы хотѣтъ показать, «что жизнь человѣка исчезаетъ за могилой, какъ солнце за небосклономъ.» Надъ могилою, какъ при всѣхъ церемоніяхъ, жертвуютъ оленя, убивая его мучительною смертью, вонзая ему въ задній проходъ заостренный деревянный шестъ и если сразу удастся имъ положить оленя на мѣстѣ и животное не покажетъ никакого движенія, то это радостное предзнаменованіе означаетъ, что никто изъ среды ихъ не умретъ въ скоромъ времени. Оленя съѣдаютъ тутъ же на мѣстѣ, мягкія части, если не всё съѣдятъ, то увозятъ обратно съ собою, а оставляютъ только голову съ рогами. По окончаніи похороннаго обряда всё отходятъ отъ могилы задомъ напередъ, садятся въ сани и уѣзжаютъ обратно въ чумъ, въ который заходятъ не иначе, какъ черезъ огонь, окурившись оленьимъ жиромъ или бобровымъ волосомъ; окуриваютъ такимъ же образомъ и оленей, отвезшихъ покойника на могилу, и упряжь, при этомъ употребленную. Маленькихъ дѣтей вовсе не хоронятъ, но въ ящечкахъ или зыбкахъ вѣшаютъ по деревьямъ, для того, чтобы они, какъ существа чистыя, были ближе къ Нуму и не находились въ сопрیکосновеніи съ грѣшнымъ людомъ. О мертвыхъ Самоѣды рѣдко плачутъ и никакихъ поминковъ по нимъ не совершаютъ, напротивъ-того, такъ боятся покойниковъ, что не только не говорятъ объ нихъ, но, по окончаніи описаннаго обряда, тотчасъ же переносятъ чумъ на другое мѣсто, а вещей, положенныхъ къ покойнику, ни за что не тронуть, а то отъ него никуда не уѣдешь: онъ не только будетъ вездѣ перебѣгать дорогу, но даже посѣщать во снѣ, а, чего добраго, и на яву.

Что будетъ съ ними за могилой, о томъ Самоѣды мало помышляютъ, но должно же быть у нихъ какое-нибудь понятіе о будущей жизни, когда они кладутъ вещи къ покойнику въ томъ предположеніи, что онъ и тамъ будетъ пользоваться ими; но

богѣ подтверждаетъ это преданіе, существующее у нихъ о Самодѣ Уррѣ, который живой, съ санями и оленями, былъ взятъ на небо, гдѣ ему, по словамъ ихъ, жить «*ларате доредно*, то есть, весьма хорошо». Кромѣ-того они твердо увѣрены, что существуютъ и подземные жители *Парны*, къ которымъ они, можетъ-быть, по смерти переселятся и многіе видѣли даже, какъ изъ подземныхъ чѳновъ, выходилъ въ сонку дымъ.»

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

ФЕВРАЛЬ.

=

НОВЫЯ КНИГѢ.

СТРАШНЫЙ ГОСТЬ, литовская поэма, взятая изъ народныхъ повѣрій. Варшава, въ тип. Стромбскаго, 1844, въ-12., стр. 193.

Въ далекой сторонѣ — между Лехи и Чехи, какъ сказалъ бы добрый Несторъ — есть молодой русскій поэтъ, который, по юношеской стыдливости, еще скрываетъ свое имя, но уже сочиняетъ лучше нныхъ незнающихъ куда дѣваться съ своимъ многопечатнымъ именемъ. Онъ видитъ ясно, гдѣ — поэзія, онъ ищетъ ея бодро и находитъ удачно, онъ прислушивается къ отголоскамъ народныхъ преданій и отбѣчаетъ на нихъ стихомъ звучнымъ и прекраснымъ: вы слушаете его съ удовольствіемъ; покоренное вниманіе увлекается сильнымъ воображеніемъ поэта, быстрыми переходами, смѣлыми мыслями, почти не останавливаясь на тѣхъ стихахъ, которые мѣстами своей безцвѣтной прозой нарушаютъ пріятное впечатлѣніе. Словомъ сказать, «Страшный гость», литовское преданіе, совершенно удался молодому поэту. О радость! о восторгъ!... для поэта — для читателей — для книгопродавцевъ

— для всѣхъ — но особенно для поэта — который, отъ восторгу, отъ радости, не зная какъ быть и что дѣлать, вмѣстѣ съ этими прекрасными стихами отдалъ книгопродавцамъ и читателямъ — да онъ отдалъ бы имъ душу свою, если бъ могъ! — ну, отдалъ, вмѣстѣ, и всѣ тѣ стихи, которые состихотворилъ, когда еще стиховъ творить не умѣлъ и не понималъ что такое поэзія. — На, берите ужъ и это! говоритъ онъ: возьмите все, что у меня есть; возьмите и мои «Первые опыты». — Помилуйте, ваше высокопінтіе! к чему! съ насъ довольно «Страшнаго гостя». — Пожалуйста возьмите!... ну, сдѣлайте одолженіе!... Ну, пожалуйста, не церемоньтесь!... берите!... вѣдь для меня всё-равно! надо же будетъ бросить ихъ въ печь! — О, добрая душа! Нельзя не восторгаться ей этого наивнаго движенія, изъ благодарности за удовольствіе, доставленное «Страшнымъ гостемъ». Прочитавъ эту пѣсню, помѣщенную въ началѣ книжки, не читайте далѣе — не трогайте этихъ несчастныхъ «Первыхъ опытовъ». Въ поэміи — много поэзіи, много прекрасныхъ стиховъ. Судите сами.

ПУСТЫННИКЪ.

«Такъ! ежели дѣвицу
Возьмутъ и скажутъ: ты жена,
Все кончено! она сошла въ гробницу
И за-живо погребена!
Она должна подъ клятвой отступиться
Отъ матерн, отца и брата своего,
И даже отъ всего
И въ чуждый домъ переселиться.

СВЯЩЕННИКЪ.

Печаль мрачить твои слова;
Однако жъ та, о комъ тоскуешь ты, жива?

ПУСТЫННИКЪ (*иронически*).

Жива? — Создателю хвалу могу воздать я!
Жива, ты думаешь? не вѣришь мнѣ? — Но вотъ
Я клятву дать готовъ предъ образомъ Распятія,
Что умерла и вновь не оживетъ.

(Помолчавъ.)

Есть смерти разными на свѣтѣ:
Одна смерть общая; такъ сходитъ въ гробъ старикъ,
Такъ умираетъ мужъ, жена его и дѣти,
И много смертныхъ каждый мигъ;

Та дѣвушка, что мнѣ въ долину повстрѣчалась,
 Такою жъ смертію скончалась.

(Поэма.)

Тамъ, гдѣ бархатъ луговъ посланъ вдоль береговъ,
 Есть курганъ на срединѣ долины;
 И терновникомъ онъ, какъ вѣнкомъ окруженъ
 И обложенъ кустами малины.

Ахъ! больно видѣть, какъ страдая,
 Отходить престель въ цвѣтѣ дней,
 Взоръ угасающій кидая
 На свѣтъ, еще столь милый ей!
 Взгляни — вотъ на одрѣ недуга,
 Блѣдна, какъ утро въ облакахъ:
 Тутъ грустный духовникъ въ слезахъ,
 Еще печальнѣе прислуга,
 Еще стократъ печальнѣй мать,
 А всѣхъ печальнѣе любовникъ....
 Ужъ взоры стали померзать;
 Уста, улыбку потерявъ,
 Страданьемъ сжатая сникнотъ;
 Головку тихо приподнявъ,
 Еще на насъ она взглянула,
 Лицо покрыла синева
 И снова тихо голова
 Въ подушкѣ смертной утонула.
 Оледѣли руки, грудь
 Все рѣже, тише всё дышала,
 Потому хотѣла лишьдохнуть.
 И нѣтъ.... затихла.... перестала....
 О! какъ порой изъ этихъ глазъ
 Струился жизни яркій пламень!
 А тутъ.... послушай-ка: алмазъ
 Какъ жаръ горитъ; но это камень;
 Такъ и у ней тогда въ очахъ
 Свѣтъ былъ, но безъ души небесной:
 Они свѣтились, но какъ прахъ
 Гнилаго дерева въ-потьмахъ,
 Такъ блещутъ въ зелени древесной
 Остатки влаги дождевой,
 Когда ихъ выблеть вѣтеръ злой!

.....

.....
 Оледенѣли руки, грудь
 Всѣ рѣше, тихо всѣ дышала
 Еще хотѣла разъдохнуть,
 И нѣтъ...., зашлхд.... перестала!!..

одно тѣхъ дѣтей.

Ахъ! умерла? — какъ жаль, нельзя сказать!
 Я плакала, слушала. Какая жъ та дѣвица?
 Тебѣ знакомая, или сестрица? —

Не плачь: ее мы станемъ поминать
 И каждый день о ней молиться.

пустынникъ.

Ахъ! это, дѣти, смерть одна,
 А есть ужаснѣе другая:
 Не разомъ губить насъ она,
 Но длится, тихо умерщвляя
 Страдальца въ мукахъ вѣновьяхъ;
 Она сражаетъ вдругъ двоихъ.

И вотъ и мнѣ и ей такая смерть предстала:
 Всѣ радости мои убила навсегда,

А ей не нанесла вреда —

Она живеть-собѣ и ходитъ, какъ бывало,
 Плачетъ можетъ-быть порой;
 Въ ней чувство ржавѣетъ, она окаменѣетъ
 И станетъ холодной скалой.

Такая смерть надъ нами тяготѣетъ,
 Но мучитъ и мертвитъ меня лишь одного,

А ей — ей ничего. —

Здоровье жизнь ея лелѣетъ!

Такую смертью умерла она....

Кто? — Не скажу.... О! эта смерть страшна!...

Ужасенъ, дѣти, трусъ съ такими вотъ глазами!
(Выскашиваетъ глаза, длани отблываютъ.)

Однако жъ умерла! — Когда облить слезами,
 Ложу руки я, сиречь горя не могу,
 Народъ сбѣгается, вытаскиваетъ шею,

Кричитъ мнѣ, что я лгу;

Кругомъ, надъ головой моею

Звучатъ насмѣшничкодъ слова:

«Взгляни, глупецъ, она жива!»

Священникъ! не внимай съ холодностью безвѣрца

Тому, что говорить и повторять свѣтъ,

А вѣрь лишь голосу растерзаннаго сердца:

«Марія нѣтъ! Марія нѣтъ!»

(По некоторымъ размышленіямъ.)

Есть смерть еще въ житейскомъ морѣ,

(О ней Писаніе гласитъ),

И горе, человѣку, горе,

Кого смерть вѣчная сразитъ!

Свершится можетъ-быть та смерть и надо мною,

Зане мой грѣхъ великъ передъ Творцомъ!

священникъ.

Твой грѣхъ, предъ міромъ и тобою,

Страшнѣй грѣховъ предъ Божествомъ;

Не для своихъ лишь слезъ, несчастья и страданья —

Для радости другихъ изъ враху ты возникъ:

Не забывай подъ гнетомъ испытанья,

Какъ малъ, ничтоженъ ты, какъ Божій міръ великъ!

Мысль важная забыть все мелкое принудитъ;

Мужъ Божій доброе для дальнихъ дѣтъ творить,

Безумецъ лишь себя заранѣе жертвить,

И спать, пока Господь трубой его разбудитъ.»

Вы видите, что «Страшный гость» — прекрасное начало. Хотя кому, можно такъ начинать — забывъ свои *Первые опыты*. Что касается до «Первыхъ опытовъ» нашего начинающаго поэта, то это уже — дѣло рѣшеное: вы читать ихъ не станете, но моей чувствительнѣйшей просьбѣ: я хлопочу за молодого человѣка, котораго интересный талантъ хотѣлось бы мнѣ представить вамъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. А впрочемъ — если угодно — изъ любопытства прочитайте эти «Первые опыты»: вѣдь всё-равно — надо же будетъ бросить ихъ въ печь! — и притомъ же, читай мы ихъ или не читай, желай ему добра или нѣтъ, онъ всё-таки когда-нибудь напишетъ презлые стихи на всѣхъ насъ, на васъ и на меня; его дѣло — пѣническое; мы для этихъ господъ — *толпа, безумцы*, какъ-скоро не кланяемся въ поясъ каждому стиху ихъ опытному или неопытному — не опытному еще хуже! — После такого преступленія, берегитесь, ужъ не проходите подъ ихъ окнами: какъ-разъ —

« Опрокинуть чашу мщенья,

Безумцы гордые, на васъ! »

Сообразивъ обстоятельно все дѣло, извольте читать —

« Какъ ты мила, какъ ты прелестна,

Какъ восхитительна, небесна!

Младая грудь полна огня —
Но грудь-волнашь — не для меня!

Какъ ты воздушна, какъ игрива,
Какъ весела, какъ говорлива!
Ты величава, ты стройна —
Но пальма-стань — не для меня!

Какъ ты божественно-счастлива,
Какъ недоступно-горделива!
Ты обольстительна, страстна —
Но буря-страсть — не для меня!

Какъ ты волшебна въ размышленьи,
Какъ вдохновительна въ моленьи!
Ты такъ высоко создана —
Но создана — не для меня!»

Стихи плохи, а всё-таки кланяться въ поясъ надо. Такова наша судьба!

« Не тужи же, мать
Безутѣшная,
И прости ты мою
Душу грѣшную!
Не вкушала я здѣсь
Чистой радости,
Умираю теперь
Въ цвѣтѣ младости,
Отъ рожденья всегда
Я любила тебя;
Не клянн жь, что сама
Я убила себя.
Скоро кончу мои
Всѣ страданія.
Близокъ тягостный часъ
Разставанія.
Не рыдай же по мнѣ,
Мать печальная:
Недостойна слезы
Я прощальныя.
Не молись обо мнѣ,
Безгалавная:
Я наследую адъ,
Окаянная;
На челѣ воть печать

Отверженія:
Недостойна унѣ я
Сомагънія».

Окаянные стихи, нечего сказать. По намъ ли, людямъ отъ природы говорящимъ прозою —

«..... Снѣтъ
Свое сужденіе имѣть!»

Даже когда встрѣтимся лицомъ къ лицу съ «Прологомъ» къ «Оперѣ Умидна», гдѣ саламандры поютъ хоромъ и гдѣ—«дядя Струй» говоритъ, просто, такія вещи, что овѣ у васъ слышатся въ ухахъ еще черезъ недѣлю по прочтеніи:

Кругомъ неистовой толпой,
Духи подземные, пляшите,
Одну лишь къ хижинѣ трону
Ему вы только проложите.

И бурное море потомъ вы взбурлите,
И грозную бурю кругомъ поднимите,
И хижину моремъ тотчасъ окружите,
Отъ твердой далеко земли отдѣлите

Летите, летите,

Враждебныя силы!

И море взбурлите;

Бездонной могилой

Герою грозите!

Грозите, грозите!

Летите, летите,

Безплотныя силы!

«Первые опыты» автора «Страшнаго гостя» оканчиваются переводомъ отрывка польской драматической фантазіи «Демонъ и Женщина». Сказать по чистой совѣсти, фантазія эта принадлежитъ къ числу тѣхъ фантазій, которымъ есть и другое названіе.

кзунтъ. *Характеристическая картина изъ первой четверти осмнадцатаго столѣтія. Соч. К. Шпиндлера. Переводъ съ нѣмецкаго. СП.-бургъ, 1847, въ тип. Крайя, въ 12., три части, стр. 138, 144, 132.*

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, о романахъ Шпиндлера Нѣмцы говорили съ великимъ почтеніемъ. Въ то счастливое время, Нѣмки, расслакавшіяся надъ страницами Клаурена, съ большимъ наслажденіемъ приходили въ ужасъ отъ страшныхъ выдумокъ Шпинд-

лера. Но все на свѣтѣ проходить. Клаврета позабыли. Самые чувствительныя Нѣмки холодно отказываются теперь о сантиментальныхъ страданіяхъ его Клотильды. О Шнидлерѣ говорятъ безъ всякаго ужаса, или — еще хуже — совѣтъ и не говорятъ! Неблагодарныя! А между тѣмъ у Шнидлера много дарованій; въ его романахъ завязка всегда занимательна, характеры очерчены сильно и онъ особенно заботится объ аккуратномъ изученіи эпохи, въ которой происходитъ дѣло. Нѣмецкая натура! Изъ бесчисленныхъ романовъ Шнидлера извѣстнѣе всѣхъ прочіхъ «Буря» и «Езультъ»; они выдержали нѣсколько изданій, и вотъ «Езультъ» выдана теперь и въ русскомъ переводѣ. Никогда еще Шнидлеръ не внушалъ читателю такого ужаса, какъ въ этомъ переводѣ. И Шнидлеръ и переводъ — просто — ужасъ!

Со времени «Вѣчнаго Жида» езуиты стали особенно интересны. Шнидлеръ выставилъ въ лицѣ доктора Лейпольда человека, который, какъ слѣпое орудіе своего ордена, свято исполняетъ свои печальныя обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидитъ и малѣйшую несправедливость, сочувствуетъ каждому страданію. Обстоятельства подчинили его волѣ богатаго купца Мюссингера, гордаго сенатора вольнаго имперскаго города. Разныя несчастія разстроили дѣла Мюссингера. Въ это время, подъ именемъ главнаго его кредитора, является къ нему старый американскій купецъ Биршеръ. Сынъ этого Биршера — долженъ былъ въ скоромъ времени жениться на дочери Мюссингера — Юстинѣ. Отецъ жениха, зная затруднительное положеніе сенатора, скупилъ его векселя и явился къ нему сначала подъ именемъ неумолимаго кредитора, требуя уплаты. Мюссингеръ показываетъ ему пустую кассу, но не желая пережить своего безчестія, вынимаетъ пистолетъ, чтобы лишить себя жизни. Старый Биршеръ, воображая, что этотъ пистолетъ приготовленъ для него, восклицаетъ и умираетъ отъ апоплексическаго удара. Мюссингеръ съ ужасомъ открываетъ его бумаги, находитъ въ нихъ свои уплаченные векселя и узнаетъ свою страшную ошибку. Мюссингеръ видитъ всѣ послѣдствія своего несчастнаго поступка; по городу распространяются дурныя слухи, которыхъ онъ не въ состояніи опровергнуть; прїѣздъ молодого Биршера еще болѣе увеличиваетъ его затруднительное положеніе и сенаторъ съ отчаяніемъ видается въ объятія езуита Лейпольда, который въ лицѣ богатаго купца приобретаетъ полезнаго члена для своего ордена. Воспитавши Лейпольда, молодой Англичанинъ Джеймсъ Уайтъ, находится въ домѣ Мюссингера, въ званіи англійскаго учителя Юстинѣ. Онъ

влюбляется въ нее, но безнадежно. Съ другой стороны, молодой Биршеръ, который явился для исполненія воли своего отца, отъ души полюбилъ свою новѣсту. Мюссингеръ съ радостью готовъ заглядѣть свое невольное преступленіе этой свадьбой; но езуиты, разсчитывая на богатство сенатора, противятся этому браку: Биршеръ узнаетъ о подозрительныхъ слухахъ, которые ходятъ по городу; онъ слышитъ, что Мюссингера обвиняютъ въ смерти его отца; въ первомъ порывѣ негодованія, онъ объявляетъ сенатору, что потребуетъ отъ него отчета передъ судомъ; но Биршера схватываютъ сообщники езуитовъ, передаютъ въ руки вербовщикамъ и отправляютъ въ Америку. Въ это же время въ городѣ открываютъ существованіе и тайныя дѣйствія езуитскаго ордена, узнаютъ, что и Мюссингеръ принадлежитъ къ числу его членовъ; Джемсъ спасаетъ сенатора, который уѣзжаетъ въ Америку, куда въ наказаніе за слабость при исполненіи своихъ обязанностей, орденъ отправляетъ и доктора Лейпольда. Джемсъ открываетъ убѣжище Юстины; несчастная дѣвушка давно уже подозрѣваетъ мнимое преступленіе своего отца и отношенія, которыя его связываютъ съ орденомъ езуитовъ; она ненавидитъ стараго Лейпольда, недовѣряетъ Джемсу, но, любя отца, отправляется вмѣстѣ съ нимъ по слѣдамъ бѣднаго изгнанника.

Такимъ образомъ всѣ главныя дѣйствующія лица соединяются наконецъ въ Америкѣ; дѣла объясняются; молодой Биршеръ открываетъ мнимое или неумышленное преступленіе сенатора; Юстина отдаетъ ему свою руку; Джемсъ въ отчаяніи опредѣляется въ англійскую службу и получаетъ чины за чинами; старый Лейпольдъ возвращается въ Европу, смиренно принимая наказаніе ордена за то, что въ груди его не переставало биться теплое человѣческое сердце.

Вотъ небольшая американская сцена, написанная прекрасно, переведенная ужасно!

« Между-тѣмъ ночь прошла и смѣнилась утромъ. Вмѣстѣ съ потухающими звѣздами, потухъ и пожаръ въ Свята-Доминикѣ. Будто стыдясь солнца, укрошенное пламя скрывалось подъ обрушенными и обуглившимися стѣнами, но черныя дымящіяся кучи свидѣтельствовали о его неистовствѣ, а трупы по улицамъ и площадямъ миссіи напоминали ужасную ночь. Конвой, стерегшіе плѣнниковъ, приказали имъ готовиться въ дорогу. На площади раздался свистокъ, и небольшой глухой барабанъ, подалъ знакъ къ отправленію. Плѣнники привязаны вѣжами къ

« муламъ , которыхъ всадники везли на поводу. Орда Абипонцевъ тронулась съ шумомъ , и съ торжествомъ побѣдителей.

« Всѣ воины , набравъ достаточно всякаго рода добычи , ѣхали верхами , ведя на поводу по нѣскольку занесенныхъ лошадей; лскіе отряды охраняли бока поѣзда , среди котораго тянулось безчисленные стада овецъ , и равнодушныхъ , но мычавшихъ отъ голода воловъ. Стая собакъ наблюдала за порядкомъ въ стадѣ; вой ихъ и лай , соединяясь съ шумомъ разговаривающихъ , смѣющихся и поющихъ дикарей , составлялъ какую-то странную разногласицу. Поѣздъ пошелъ по убитымъ лошадямъ и людямъ , будто по мягкой травѣ , мимо разваливъ домовъ , и направилъ путь свой на югъ , черезъ потоптанныя табачныя поля и коковыя разсадки. Страна , наканунѣ еще цвѣтшая благосостояніемъ и красотой , теперь представляла одно разрушеніе. Позади всходили столбы дыма съ разваливъ Санта-Доминики , и высокія пальмы прискорбно опускали широкіе листья надъ печальной картиной. На Паравѣ , сколько могъ охватить человѣческій глазъ , не видать было ни одного судна.

« Осторожные Абипонцы безрестанно привставали на лошадяхъ , и , не останавливаясь , окидывали своимъ сокольнимъ взглядомъ всю окрестность. Ничего не видать было на рѣкѣ , и потому вожди , ѣхавшіе далеко впереди всего поѣзда , повернули во внутрь земель. Нѣкоторое время еще дорога была удобна и шла сквозь лѣса и по тѣнистымъ , зеленымъ , болотистымъ равнинамъ. Но скоро мѣстность совсѣмъ измѣнилась. Вдругъ лѣса стали всё болѣе и болѣе рѣдѣть. Высокія деревья смѣнялись низкими кустами , кусты обратились въ мелкій кустарникъ и наконецъ осталась голая земля , на которой не показывалось даже и камня , а только тамъ и сямъ полосы песку. Только достигши этой голой степи , которая при полуденномъ зноѣ казалась невыносимою плѣнникамъ , ожили Абипонцы. Некованные лошади неслись стрѣлою. Всадники ловко бросали свои деревянные копья , и началась охота. Собаки бѣгали по всѣмъ сторонамъ , отыскивая кроликовъ. Абипонцы , на всемъ скаку , привставали на лошадяхъ , вытягивали луки , и стрѣляли , никогда почти не промахиваясь.

« Между тѣмъ передовые всадники замѣчаютъ длинную зеленую полосу , тянущуюся вдоль земли : будто отдаленное море , или рѣка , текущая на много , много миль. Они бросаютъ на воздухъ свои перья , и радостный крикъ ихъ , скоро переходящій къ заднимъ рядамъ , возбѣщаетъ близость давно желаннаго мѣста.

« Они погоняют лошадей, но обращая внимание на падающих;»
 « упавший остается изуродованного коня и бросается на другого.»
 « Все ближе и ближе зеленая полоса, видящаяся то выше, то
 « ниже.

« Саванна!» кричат Абинонцы въ восторгъ; «Саванна!» повто-
 « раютъ Кваранн въ удивленіи, ибо тутъ должна рѣшиться ихъ
 « участь.

« Наконецъ отрядъ достигаетъ окраины этого необъятнаго лу-
 « га, на которомъ невидать нигдѣ ни деревца, ни скалы, ни го-
 « стоприимнаго селенія; кое-гдѣ развѣ встрѣтятся легкій шалаши
 « дикаго, вочующаго охотника. Да на окраинѣ, будто стережеть
 « широкую степь, стоитъ огромный страусъ, и съ любопытствомъ
 « смотритъ на приближающійся отрядъ. Искусный стрѣлокъ ни-
 « дается къ нему. Страусъ хочетъ искать спасенія въ бѣгствѣ;
 « отворачивается, расправляетъ крылья, и съ помощью ихъ ду-
 « маетъ быстрѣе лошади понестись въ безграничную даль, но по-
 « адно онъ подумалъ объ опасности, стрѣла разбиваетъ ему колѣ-
 « но... онъ падаетъ, и дѣлается добычею побѣдителя, который
 « срываетъ съ него перья, украшаетъ ими сѣдло, и весело всту-
 « паетъ съ товарищами въ зеленую степь.

« Сколько жизни на этихъ равнинахъ, поросшихъ травю не-
 « вѣроятнаго роста. Быстрые олени, какъ тѣни мелькаютъ
 « вдали, и только рога показываютъ слѣдъ ихъ. Вправо тысяча
 « ржущихъ лошадей несутся сквозь густую траву. Влѣво, такіе
 « же табуны дикихъ быковъ прорѣзаютъ травяное море, и ло-
 « жатся въ немъ, чтобы укрыться отъ палящихъ лучей солнца.
 « И дикій Абинонецъ, несясь на лошади скрытой травю до са-
 « маго сѣдла, нагоняетъ дикаго козя, и укрощаетъ его простымъ
 « арканомъ; онъ нападаетъ на свирѣпаго быка, накидываетъ на
 « него арканъ, валитъ его на землю, убиваетъ однимъ ударомъ;
 « и не нужда, не голодъ побуждаетъ его на такое удалство, а
 « одна молодецкая отвага, увѣренная въ своей силѣ, и веселящая
 « ея опасностью.

« Бѣдные плѣнники, слѣдовавшіе въ тылу отряда, мало обра-
 « щали вниманія на эти опыты силы и мужества; но это было
 « любопытное зрѣлище для болѣе свободныхъ, Юстины и Инесы,
 « изъ которыхъ одна вовсе не была съ ними знакома, а другая
 « уже давно отъ нихъ отвыкла.

« Юстина, увлеченная новымъ для нея зрѣлищемъ, забывая
 « свои страданія и опасность, Инеса съ сильно-бьющимся серд-
 « цемъ смотрѣла на обычай роднаго племени, живо напоминая-

«ше ей давно прошедшее время, а съ воспоминаніемъ. Звонъ чуж-
«даго разрастался на нѣмъ труднымъ слова абиссонскаго нарѣ-
«чія и становилась легче ея языку. Абиссонскій новольникъ, неко-
«го лѣтъ работавшій и страдавшій въ Санта-Доминикѣ, узнавъ
«тань свою единоплеменицу, и выучилъ ее родному языку; и
«благодаря этому, давно уже умершему новольнику, Инеса могла
«объясниться съ своими земляками и быть полезною Юстинѣ,
«не говорившей даже и по-испански. Охотно бы она отъ време-
«ни до времени оставляла передніе ряды, чтобы взглянуть на
«дорогихъ нѣгрянковъ, на отца Люкса, которому она также зашло
«много жизни, на молодого человѣка, въ которомъ принимала так-
«же искреннее участіе, на незнакомаго монаха, котораго она
«уважала, какъ воспитателя молодого человѣка. Сама Юстина,
«несмотря на то, что память претерпѣннаго ею удала сердце
«ея отъ Миюциера и отъ Джеца, не могла подавить участія, и
«часто смотрѣла насадъ въ ту сторону, откуда выходили послед-
«ніе столбы дыма. Эта страшная ночь примирила ее съ врагами,
«и она считала ихъ уже почти друзьями. На ихъ только устахъ,
«среди сотенъ свирѣлыхъ дикарей, могла она слышать нечуждые
«слуху ея звуки роднаго языка, которые въ такомъ случаѣ воз-
«вышаютъ въ насъ нѣтъ самаго низкаго человѣка. Но не-
«возможно было отдѣлаться отъ предводителей отряда. Главный
«вождь, старый кацникъ пріятной наружности и съ провинцель-
«нымъ взглядомъ, ѣкалъ между двухъ дѣвушекъ и не выпускалъ
«ихъ изъ виду. Съ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣлъ онъ
«отъ времени до времени на Юстину, которой благородное, блѣд-
«ное лицо, очевидно внушало ему почтеніе, какъ и всѣмъ его
«подчиненнымъ. Но съ глубокою думою любовался онъ Инесою;
«нрѣдка говорилъ онъ нѣсколько словъ знаками Юстинѣ, но по-
«чти безпрестанно разговаривалъ съ Инесою.

«Бѣдная сирота, говорить онъ съ состраданіемъ: вотъ, тамъ
«видѣются вершины нашихъ кровель. Забудь прежнее горе.
«Ты найдешь множество матерей и сестръ, всѣ мы будемъ те-
«перь друзьями, такъ же какъ и твоей чужестранцѣ, ради любви
«твоей къ ней.

«— Но вы и другимъ не сдѣлаете никакого зла? настоятельно
«спросила Инеса. «Это рѣшить мой братъ, кацникъ, и мудрый
«Пилаготеригенать!» отвѣчалъ кацникъ, пожимая плечами: чѣмъ
«болѣе я смотрю на тебя, тѣмъ сильнѣе волненіе моего сердца.
«У меня никогда не бывало дочери; не то ты непременно была
«бы моею дочерью.

« Скоро показався вѣнче таборъ Абинонцевъ. Легкія тростни-
« кавыя вѣтра поднимались на воздухъ, на тонкихъ столбахъ.
« Среди безпорядочно разбросанныхъ шалашей возвышалось нѣ-
« сколько разодранныхъ шатровъ, вѣроятно отбитыхъ гдѣ-нибудь
« у Испанцевъ; вокругъ нихъ разбѣгались разноцвѣтныя вышпе-
« лы. Ровъ окружалъ весь таборъ, а по другую сторону ровъ на-
« сѣлъ табуны племена; и первое, что слышали наши путники,
« былъ звукъ колокольца мадрилы. Черезъ нѣсколько минутъ
« раздалось множество пронзительныхъ женскихъ голосовъ. Мно-
« жество лошадей встало изъ высокой травы, и на спинахъ ихъ
« сидѣли абинонскія дѣвушки и жены; первая везла заведенному
« подале отряду мѣшки хмѣля, вторыя своихъ грудныхъ младен-
« цевъ. Не было мѣры восторгу путниковъ; они распустили стаи
« собакъ, живущихъ за лагеремъ, и питающихся остатками убитыхъ
« быковъ и овецъ. Женщины, не уступавшія въ стройности муж-
« чинамъ, кроткой наружности и съ черными какъ смоль волоса-
« сами, скоро подвѣхали къ отряду. Въ свиданіи выказался весь
« пламенный юга. Веселая толпа смѣшалась съ отрядомъ воиновъ.
« Женщины отобрали у мужчинъ копья и луки, подали нѣтъщадъ,
« и востѣ перваго восторга свиданія, густою толпою окружили
« Иссю и Юстину. Ослепительная бѣлизна носатдѣей, съ чужо-
« страннымъ парадъ; смѣлость, съ которою она сидѣла на лошади,
« ея любезность въ обращеніи, несмотря на неложное плѣнницы;
« возбужденное всеобщее участіе. Женщины ошупывали ея рука и
« лицо; пропускали между пальцами ея шелковыя волосы; дѣла-
« лись ея бровями и рѣсницами (Абинонцы выщипывали брови
« и рѣсницы); удивлялись, почему у нея не вырѣзано на лбу крѣ-
« стца, и другихъ знаковъ на рукахъ и на ногахъ, какъ у Абино-
« нцевъ, осыпаны ея любезностями, которыя бѣдная Нѣмка, разу-
« мѣется, не понимала, и наконецъ повели ее, вмѣстѣ съ Иссеею,
« которую закидывали вопросамъ, въ ставку капитана, между-
« тѣмъ какъ воины расположились на своей кочевой роднѣ, да-
« вали женщинамъ подарки, снимали въюки, и гнали лошадей на
« лугъ. Капитана сидѣла у входа своей ставки, и на колѣняхъ ея
« поклонялся сынъ, рожденный за нѣсколько дней. Дѣвушки удари-
« ли вѣтвями въ стѣны ставки, говоря: «Да принесетъ счастья
« твоему сыну незнакомка, которую мы ведемъ къ нему!» Жена
« главнаго кацика, она самая, которая сидѣла на порогѣ, не мо-
« лодая уже, но здоровая женщина, встала, пошла на встрѣчу къ
« Юстинѣ, и произнесла довольно длинную рѣчь. Иисса отвѣчала
« на привѣтствіе. Тутъ всѣ окружающіе въ изумленіи ударили

• руками и вскричали: «Наши предки свидѣтели! ужъ не дочь ли
• ова нашей матери? Степной страусъ никогда не клалъ двухъ
• болѣе сложныхъ яицъ!» Капитана вскрикнула, и бросилась въ
• объятія Инессы. — «Ахъ, говорила она рыдая: ты ли это, моя
• бѣдная пропавшая, Мизинга? которую я, въ бѣгствѣ отъ лю-
• тыхъ дѣсныхъ всадниковъ, заснувъ, на лошади, выронила изъ
• рукъ? И дикіе звѣри не растерзали тебя? И Исавицы не погу-
• били тебя? Точно ли ты Мизинга, а не злая колдунья обма-
• нываешь бѣдную мать?»

• Инесса узнала голосъ матери. Она не могла, она не хотѣла
• сомнѣваться: Женщины въ восторгѣ ударили въ барабаны, а
• Капитана, съ радостнымъ восклицаніемъ: «Пойдемъ къ отцу»,
• потащила Инесу, а за нею и Юстину въ ставку. Капитанъ, по
• обычаю своего племени лежалъ на циновкѣ, окутанный въ
• одѣяла, и строгимъ постомъ праздновалъ роды жены. Защи-
• щенный отъ сквознаго вѣтра и отъ солнечнаго зноя, укутанный
• какъ большая женщина, между-тѣмъ какъ пріятель его сидѣлъ
• вокругъ его ложа и пировалъ, онъ въ этомъ скучномъ поло-
• женіи слушалъ сказку безобразной старухи, странно убранный
• верьями и вѣтвями, и сидѣвшей на землѣ подлѣ его циновки.
• Новѣстие о счастливой побѣдѣ, и о возвращеніи дочери едва мо-
• галъ побудить его оставить свое положеніе. Онъ протянулъ ру-
• ки плачущей Инесѣ, и поздоровался съ лею. Нѣсколько моло-
• дыхъ людей, бывшихъ въ походѣ, обняли ее, называя сестрою.
• Капитана была внѣ себя отъ восторга, и наконецъ всѣ въ одинъ
• голосъ стали славить судьбу, доставившую имъ такую радость,
• и благодѣтельныхъ людей, вскормившихъ Мизингу. Инесса вос-
• пользовалась этою минутою; и сказала: «Батюшка, матушка,
• братья! Эти благодѣтельные люди ваши плѣбники. Снимите съ
• нихъ оковы, и заплатите за меня долгъ благодарности.»

• «Они будутъ моими гостями, если позволитъ Плаготерито-
• нать»; отвѣчалъ кацникъ, взглянувъ на безобразную старуху.»

• **АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНЬШИКОВЪ.** *Историческій ро-
манъ для дѣтей.* Сочиненіе П. Фурманна. Сп.-бургъ, въ тип.
• Военно-учебныхъ заведеній, 1847, въ 12. три части, стр. 171 —
• 138—136.

Жизнь Меньшикова сама по себѣ—прекрасный романъ. Бѣд-
ный пирожникъ—другъ царя, правитель Россіи и несчастный
изгнанникъ въ одномъ лицѣ: какаѣ богатая, поучительная карти-
на! Самый простой рассказъ невольно приковываетъ вниманіе чи-

тателя, котораго на каждой страницѣ поражаютъ исполненія происшествія великой эпохи Петра. Сколько лицъ и характеровъ, которые занимаютъ яркое мѣсто въ русской исторіи, сколько драматическихъ сценъ и какая страшная, неожиданная развязка! Господинъ Фурманнъ, желавшій составить историческій романъ для дѣтей, безъ сомнѣнія, не могъ сдѣлать лучшаго выбора предмета. Авторъ держится той теоріи, что для дѣтскаго романа нѣтъ никакой надобности въ строгой исторической вѣрности — въ мѣстномъ колоритѣ: дѣйствующія лица его выражаются одинаково, безъ различія характеровъ и состояній; по книжка вездѣ одинаково мило написана и легко читается. Романъ этотъ — пріятный подарокъ для русскихъ дѣтей; онъ можетъ знакомить ихъ не только съ поучительной жизнью Меньшикова, но и съ исторіей Россіи въ эпоху Петра Великаго.

Вотъ небольшой отрывокъ, который можетъ родителямъ сказанныхъ дѣтей дать понятіе о характерѣ и тонѣ этого сочиненія:

«Изгнанники продолжали путешествіе.

«Пустыниѣ становились мѣста, по которымъ они проѣзжали, суровѣе и провинцательнѣе становился холодный сѣверный вѣтеръ.

«Молча, размышляя о постигшемъ ее несчастіи, сидѣла сенья князя, плотнѣе кутаясь въ шубы.

«Наступила ночь.

«Вдали слышалась хрипый вой голодныхъ волковъ. Книгиня и дѣти ея, желая избавиться отъ тягостныхъ впечатлѣній, давшихъ сердца ихъ, старались уснуть, но тщетно!....

«Ахъ, какъ медленно тянулось время до утра! Съ восходомъ солнца услышана вѣтеръ; съ силою срывалъ онъ послѣдніе пожелтѣлые листья съ деревь.

«Съ самаго выѣзда изъ столицы изгнанники почти ничего не ѣли. Какъ ни велика была горестъ ихъ, но природа взяла свое.

«Чувствуя голодь, они просили офицера, предводительствовавшего карауломъ, остановиться у постоялаго двора въ небольшой деревушкѣ.

«Князь долженъ былъ самъ отворить себѣ дверцы кареты и выйти безъ помощи лакеевъ. Какъ трудна ему показалась эта бездѣлица! Довольно неловко подаль онъ руку жепѣ и съ трудомъ высадилъ ее. Молодой князь скоро выскочилъ, но упалъ,

« потому что у него заснули, какъ говорятъ, ноги, отъ долгаго сидѣнья. Княжны также едва стояли на ногахъ.

« Что же касается до стараго слуги, на помощь котораго втайнѣ надѣялись какъ княгиня, такъ и дочери ея, то онъ исчезъ.

« Вѣроятно, думала княгиня: послѣднiя слова огорченнаго изгнанника-князя осморбили его, и онъ покинулъ насъ!...

« Семейство князя вступило въ обширную избу постоялаго двора. Несмотря на благодѣтельную теплоту, согревавшую члены несчастныхъ изгнанниковъ, они съ трудомъ оставались въ избѣ по причинѣ душнаго, дурнаго запаха.

« Вздыхая, заняли они мѣста на жесткихъ, деревянныхъ скамьяхъ и съ грустью смотрѣли другъ на друга. Только Мещниковъ сидѣлъ грустно потупивъ взоръ.

« Они съ радостью вышли бы чего-нибудь тепленькаго. Но чего? Бородатый хозяинъ постоялаго двора предложилъ имъ своихъ *штей*; однако жъ горшокъ, въ которомъ они варились, деревянные ложки и хозяйнѣ, были такъ неопрятны, самыя ши распространили въ воздухѣ такой неприятный запахъ, что изгнанники отказались съ отвращенiемъ.

« — У насъ долженъ быть съ собой чай, замѣтила княгиня: но какъ найти его? Слугамъ было поручено все укладывать.

« Молодой князь немедленно побѣжалъ къ каретѣ, и перерылъ все сундуки и карманы, нашель, наконецъ, то, чего искалъ. Но тутъ представилось новое затрудненiе. Кто приготовить чай и въ чемъ приготовить его? Хозяйнѣ постоялаго двора этого нельзя было поручить, потому что она сама говорила, что отродясь не пивала этого зелья.

« Княжны, наконецъ, сами рѣшились заняться этимъ дѣломъ, а молодой князь взялся помогать имъ. Но въ такомъ случаѣ одной доброй воли недостаточно, нужно и умѣнье, а княжны въ жизнь свою не занимались хозяйствомъ и не умѣли приготовить чаю.

« Боже мой! Какъ неловко бранись онѣ не за свое; какъ обжигали онѣ себѣ нѣжныя пальчики! Старшая пражгла себѣ углемъ платье, младшая заначкала все лицо сажей. Сначала онѣ дрожали отъ холоду, теперь горѣли отъ жару и стыда, что имъ не удается даже сдѣлать чаю.

« Но вотъ чай готовъ; надобно отвѣдать его. Боже мой! что это за вкусъ!... Онѣ насыпали чай въ холодную воду и онѣ

« вскипѣлъ вмѣстѣ съ нею; кромѣ-того онъ пахнулъ дымомъ и былъ подбращенъ упавшими въ него угольями.

« Княжны заплакали съ-горя и досады, но это не помогло бѣдѣ. Онѣ въ тысячу разъ охотнѣе станцовали бы какой-нибудь труднѣйшей придворный танецъ, вышивали бы въ пальцахъ труднѣйшій узоръ!....

« Говорятъ — это я слышалъ отъ достовѣрныхъ людей — что и нынче есть дѣвнцы, превосходно образованныя, говорящія на многихъ языкахъ, рисующія прекрасно, отлично играющія на фортепiano, но не умѣющія сварить яйца!.... Правда ли это, милыя читательницы?

« Хотя приготовленный чай былъ весьма дуренъ, но надобно же было выпить чего-нибудь тепленькаго, а потому княжны рѣшились свести его въ избу. Едва онѣ вошли туда, какъ Мария, несшая чай, споткнулась и уронила горшокъ на полъ. По счастью, она не обварила себя рукъ.

« Съ отчаяніемъ смотрѣли молодыя княжны на осколки горшка и разлившійся чай, какъ-вдругъ дверь открылась и въ избу вошелъ старикъ-слуга....

« На красномъ подносѣ несъ онъ большой серебряный чайникъ, изъ котораго *валилъ* душистый паръ, нѣсколько чашекъ и ломтей бѣлаго хлѣба; тутъ же были и варенныя яйца и большая кружка свѣжыхъ сливокъ.

« Какъ все это было чисто и опрятно. вравненіи съ крестьянской посудой! Какъ скоро прояснились опечаленныя лица дѣтей Меньшикова! Казалось, тяжелый камень свалился съ сердца ихъ.

« Да, вѣрный слуга — неоцѣненный кладъ! и обыкновенно мы познаемъ цѣну его въ такое время, когда лишаемся услугъ его.

« Въ то время, когда прочіе слуги возвращались въ Петербургъ, старикъ собралъ все необходимѣйшее, уложилъ въ особый сундукъ и привязалъ его къ запяткамъ. Когда изгнанники остановились у постоялаго двора, старикъ отвязалъ свой сундучокъ и отправился въ сосѣдную избу, гдѣ приготовилъ чай лучше неопытныхъ княженъ.

« — Какъ! вскричалъ Меньшиковъ, взглянувъ на вѣрнаго слугу: несмотря на мое приказаніе, ты всё-таки остался?

« — Простите великодушно, ваша свѣтлость, отвѣчалъ старикъ: но я уже имѣлъ честь докладывать, что ни зачѣмъ въ мірѣ не

« разстанусь съ вами.... Да и куда мнѣ идти, старикъ одиноко-
 « му? Вспомните, ваша свѣтлость, ту ночь, когда вы открыли
 « въ Москвѣ заговоръ противъ великаго государя нашего Петра
 « Алексѣевича; вспомните двухъ человѣкъ, просидѣвшихъ всю
 « ночь въ подвалѣ у полковника Соковнина, въ боязненномъ
 « ожиданіи рѣшенія ихъ участи; вспомните, съ какою призна-
 « тельностью одинъ изъ этихъ людей послѣдовалъ за вами, когда
 « ихъ освободили.... Этотъ человѣкъ — я, Симоновъ! И съ той
 « ночи я поклялся вѣчно служить вамъ, никогда не разлучаться
 « съ вами! Не-разъ выходилъ я вслѣдъ за вами на шведскіе фре-
 « гаты, подъ градомъ пуль и картечь: я былъ съ вами въ Тур-
 « ции, Швеціи, Польшѣ и Пруссіи; я былъ при васъ во время
 « побѣды подъ Калишемъ; я былъ съ вами на полѣ полтавскомъ;
 « зачѣмъ же вы хотите, чтобы я теперь разстался съ вами? О,
 « нѣтъ, ваша свѣтлость, будьте милостивы, не гоните меня!

« Старикъ упалъ на колѣни и, рыдая, цѣловалъ руки Мень-
 « шикова.

« Князь былъ глубоко тронуть.

« — Встань, сказалъ онъ ему: встань, Симоновъ, благодарю тебя
 « за привязанность.... Ничѣмъ не могу отплатить тебѣ за нее,
 « кромѣ своей дружбы, но Господь вознаградитъ тебя!

« Съ этими словами князь пожалъ руку вѣрному слугѣ. Одна
 « изъ княженъ подала ему чашку чаю.

« Добрый старикъ красивѣлъ отъ радости и смущенія.

« Нѣсколько минутъ спустя, изгнанники отправились опять въ
 « путь ».

*Альманахъ для дѣтей, составленный П. Фурманномъ. Съ кар-
 тинками. СПб.-бургъ, въ тип. Жернакова. 1847, въ 16., двѣ части,
 стр. 149 — 181.*

Господинъ Фурманъ вдругъ одушевился необыкновенною нѣж-
 ностью къ дѣтямъ. Послѣ дѣтскаго романа, вотъ дѣтскій альма-
 нахъ, составленный имъ же, для нихъ же. Въ первомъ отдѣленіи
 помѣщены повѣсти, болѣе или мейѣ занимательныя. Замѣчатель-
 нѣе всѣхъ историческій рассказъ самого господина Фурманна, «Уче-
 никъ тесемочнаго мастера», и повѣсть покойнаго П. А. Корса-
 кова, «Мохметъ-Бей, мамлюкъ тунисскій». Второе отдѣленіе
 состоитъ изъ драматическихъ сочиненій, изъ трудовъ А. С—ной
 и Э. Г—ра. Тутъ есть цѣлая драма, въ пяти дѣйствіяхъ, съ
 прологомъ, подъ заглавіемъ «Бѣдность, честность, счастье, или мар-
 сельская сирота», драма длинная, въ которой авторъ выводитъ

на сцену бѣднаго мальчика, украшеннаго тысячью одной добродѣтелью, и заставивъ долго бѣдствовать, долго совершать разные чудные подвиги, наконецъ, за таковое достохвальное поведеніе, лежащаго мальчика, въ примѣръ и назиданіе всѣмъ сущимъ и грядущимъ мальчикамъ, награждаетъ его богатымъ наслѣдствомъ. Мальчикъ-герой и тутъ является великимъ мальчикомъ: вѣрный себѣ и тысячь одной добродѣтели до послѣдней пшицы драмы, онъ раздѣляетъ эти богатства по-поламъ съ родственниками человѣка, который полюбилъ и усыновилъ его. Въ награду за это безкорыстіе говорятъ ему: «Вашъ поступокъ выше всѣхъ похвалъ, и только Всевышній можетъ наградить васъ достойнымъ образомъ. Примите нашу искреннюю благодарность. Вы будете достойнымъ представителемъ угасшаго роду. Сколько несчастныхъ будутъ благословлять васъ, сколько сиротъ назовутъ васъ отцомъ! Дѣти, юноши, старцы, будутъ молиться за васъ!... Вы, о! мальчикъ — благородный человѣкъ!

«Родственники съ призвательностью жмутъ руки Петру и ма-
ло по-малу уходятъ.»

Но не забывайте, что это не для васъ писано. Для дѣтей — это прелесть. Это воспламенитъ ихъ къ тысячь одной добродѣтели, въ томъ числѣ и къ самоскорѣйшему полученію богатыхъ наслѣдствъ. Смотри на альманахъ съ дѣтскаго *штанглункта* — альманахъ хорошъ; тѣмъ болѣе что Святая — на дворѣ.

СЫНЪ ГЫВАКА, МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ. *Поэты для дѣтей. Сочиненіе Н. Фурманна. СПб.-бургъ, 1847, въ тип. Жернакова, въ-16., стр. 124.*

Еще произведеніе господина Фурманна — его же, для нихъ же. Послѣ жизни Меньшикова авторъ взялъ жизнь Ломоносова и рассказалъ ее очень мило и занимательно. Тутъ незамѣтнымъ образомъ дѣти знакомятся съ русскою литературой того времени; полезныя свѣдѣнія соединяются съ занимательными происшествіями, которыми такъ богата остринная, разнообразная жизнь холмогорскаго рыбака. Твердость характера, непрерывная дѣятельность и многосторонніе труды необходимо оставляютъ глубокое впечатлѣніе въ сердцахъ молодыхъ читателей, которые такъ легко и такъ скоро еочувствуютъ всякой благородной борьбѣ, всякому безкорыстному подвигу.

1. ПУТЕШЕСТВІЕ СЪ ДѢТЬМИ ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ. *Переводъ съ французскаго. СПб.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1847, въ-12., двѣ части, стр. 162—215.*

2. АЛБВОМЪ КЪ ПУТЕШЕСТВІЮ СЪ ДѢТЬМИ ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ, *содержащій въ себѣ тридцать два вида Святыхъ мѣстъ съ ихъ окрестностями.* Сп.-бургъ, 1847.

Опять господинъ Фурманнъ и дѣти. Онъ! — навѣрное онъ! — хоть и не сказано кто: сочинивъ три книжки вдругъ, не трудно ужъ сочинить и пять; притомъ же онъ никому не обязался контрактомъ не сочинять сколько душѣ угодно, — какъ господинъ Александръ Дюма, — который прошедшею осенью заключилъ съ редакторами газетъ *Le Constitutionel*, *La Presse* и *Le Siècle* формальное условіе, что онъ, Дюма, отнынѣ впредь не имѣетъ права втеченіи одного года сочинять болѣе тридцати-шести романовъ, а буде сочинить лишнее, то за каждый сверхъ-условный томъ повиненъ онъ, Дюма, заплатить имъ, редакторамъ, по пяти тысячъ франковъ; каковое условіе хравить и соблюдать съ обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо, — и теперь вышелъ у нихъ процессъ: въ первые шесть мѣсяцевъ съ подписанія условія, господинъ Дюма, забывшись, съ-размаху сочинилъ девяносто-шесть томовъ романовъ; редакторы трехъ журналовъ потащили несчастнаго къ суду и взыскиваютъ съ него триста тысячъ франковъ, а какъ до конца года остается еще шесть мѣсяцевъ, въ которые онъ, Дюма, неизбежно сочинить еще девяносто-шесть томовъ, то, со включеніемъ тѣхъ ненаписанныхъ томовъ, всего семьсотъ восемьдесятъ тысячъ. Словомъ, господинъ Фурманнъ, смѣло отправляется съ дѣтьми путешествовать по Святой Землѣ, изъ чего вышла прекрасная книга, хоть и переводная. Свѣдѣнія почерпнуты изъ хорошихъ источниковъ. Живой и увлекательный рассказъ перешанъ выписками изъ Шатобриана, Мишю и другихъ умныхъ путешественниковъ. Живописная подробности о мѣстахъ, о племенахъ и народахъ, сѣняются непрерывно глубокимъ религиознымъ чувствомъ, благоговѣющимъ передъ Святыней.

Книга назначена для дѣтей, но она съ удовольствіемъ можетъ быть прочитана и взрослыми. Переводъ очень хорошъ.

«Общій видъ окрестностей Іерусалима можно изобразить въ
«нѣсколькихъ словахъ: горы безъ тѣни, долины безъ воды, зем-
«ля безъ зелени, самые утесы не внушаютъ ни ужаса, ни чув-
«ства величія; нѣсколько кучъ сѣраго камня сквозятъ изъ рых-
«лой истрекокавшей земли; подлѣ нихъ кое-гдѣ растутъ смоков-
«ницы, а газель или шакалъ крадутся по окраинѣ утеса; нѣ-
«сколько лозъ винограда вьются по сѣрому или красноватому
«цеплу почвы; мѣстами группа маслинъ бросаетъ небольшое пятно
«тѣни на кремнистыя отлогости холма, вдали кусть теревинца,

« или черная ператонія печально и одиноко отражаются на енице-
 « въ небесъ; сѣрыя башни и стѣны городскихъ укрѣпленій вы-
 « сятся на вершинѣ Сіона.... Небо чисто, свѣтло, ясно, и нико-
 « гда ни одно облачко не расцвѣчается на немъ утреннимъ или
 « вечернимъ пурпуромъ. Со стороны Аравіи, широкая пропасть,
 « инавергаея между черныхъ горъ, ведетъ взоры къ ослѣпитель-
 « нымъ волнамъ Мертваго Моря и фиолетовому горизонту, греб-
 « ню горъ моавитскихъ. Вѣтеръ не дунетъ, не заиграетъ въ зуб-
 « цахъ башенъ или между сухими вѣтвями маслинъ; вѣтъ ни од-
 « ной поющей птички, ни одного кузнечика въ обнаженныхъ бо-
 « роздахъ; совершенное, вѣчное молчаніе и въ городѣ, и на до-
 « рогахъ, и въ ношѣ. Таковъ Іерусалимъ».

Всѣ эти книги, отъ романа о Меньшиковѣ до «Путешествія по Святой Землѣ» изданы въ пользу Дѣтской Больницы.

Благородная цѣль изданія будетъ еще болѣе содѣйствовать къ заслуженному успѣху.

ЕВРЕЙСКІЯ РЕЛИГІОЗНЫЯ СЕКТЫ ВЪ РОССІИ. *Составлено*
 В. В. Григорьевымъ. *СП.-бургъ, въ тип. М. Внутреннихъ Дѣлъ,*
 1847, въ-8., стр. 219.

Нигдѣ и никогда религія не имѣла такого сильнаго и непосред-
 ственнаго вліянія на общественную и частную жизнь народа, какъ
 у Евреевъ. Это племя, разсѣянное и разбросанное по лицу земли,
 существуетъ и держится до-сихъ-поръ одною силою своихъ ре-
 лигіозныхъ вѣрованій и установленій. Онѣ отдѣлили его рѣзкими
 чертами отъ другихъ народовъ, оградилн его отъ всякаго внѣш-
 няго вліянія, опредѣлили его характеръ и не даютъ ему сливаться
 съ правомъ и обычаями страны, которая на-время упріютила у
 себя это бездомное племя.

Изученіе религіозныхъ сектъ еврейскаго народа въ-особенно-
 сти любопытно для насъ; бѣльшая половина этого народа живетъ
 въ Россіи, и развитіе его сектъ нигдѣ не является въ такой пол-
 нотѣ. Господинъ Григорьевъ ограничился сектами, существую-
 щими въ Россіи. Авторъ пользовался весьма хорошими руковод-
 ствами и трудъ его отличается ясностью и достаточною полно-
 тою. Послѣ изслѣдованія происхожденія первыхъ расколовъ меж-
 ду Евреями, онъ переходитъ прямо къ Каранмамъ, которые до-
 сихъ-поръ тщательно сохраняютъ букву Ветхаго Закона и не при-
 знають изустнаго преданія. Исторія Раввинистовъ или послѣдо-
 вателей Талмуда изложена очень подробно. Содержаніе и харак-
 теръ Талмуда авторъ разсматриваетъ съ безпристрастіемъ, такъ

же какъ духъ и направленіе нынѣшнихъ его послѣдователей. Далѣе объясняетъ оцѣ значеніе слова *каббала*, приводитъ мнѣніе каббалистовъ о древности и началѣ своего ученія съ результатами новѣйшихъ изслѣдованій; наконецъ говоритъ о каббалистикѣ у нынѣшнихъ Евреевъ.

Ученіе Шаббатая-Цеви, дѣйствія Іосифа Франка и Зогаристовъ, которые возставали противъ Талмуда, составляютъ предметъ особенной, весьма занимательной главы.

Въ концѣ этой замѣчательной книги разсматривается значеніе слова *Хассидъ*, жизнь Бешта, основаніе и распространеніе его секты и нынѣшнее ея устройство.

Мы еще воротимся къ этой книгѣ, труду даровитаго русскаго ориенталиста.

О климатѣ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Написалъ П. Преображенскій, исправляющій должность директора на учебно-практическомъ хуторѣ Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства. Москва, 1847, въ тип. Унив.-верситета, въ-8., 192.

Опредѣленіе климата, вліяніе теплоты и влажности на растенія въ сельскомъ хозяйствѣ, безъ-сомнѣнія, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, который разсматривается въ этой книгѣ во всей подробности. Выводы автора основаны на долговременныхъ практическихъ наблюденіяхъ, и подкрѣплены многочисленными фактами. Книга его очень хорошее руководство для изученія этого предмета; многіе вопросы изложены ясно и основательно; въ особенности замѣчательны статьи объ атмосферныхъ явленіяхъ, имѣющихъ вліяніе на климатъ и прозябаніе растеній и о раздѣленіи Россіи на различныя области относительно климата. Трудъ господина Преображенскаго заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія, для котораго вскорѣ найдется мѣсто въ другомъ отдѣленіи этого журнала.

НОВЫЕ ПРОШЮРЫ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ О БУНТАХЪ ХМЕЛЬНИЦКАГО и *войнѣ съ Татарами, Шведами и Уграми, съ 1647 года. Переводъ съ польскаго, Москва, 1847.* — Переводъ лѣтописи неизвѣстнаго автора, писанной вѣроятно во время князи Іереміи Вишневецкаго. Лѣтопись, какъ всѣ лѣтописи, сочинена подъ вліяніемъ народныхъ предубѣжденій, но историческая критика не въ правѣ пренебрегать свидѣтельства и мнѣній противной стороны. Сверхъ-того, въ разсказѣ заключаются многіе важные и неизвѣстные факты.

Переводъ этотъ, кажется, былъ уже напечатанъ въ одномъ учебномъ сборникѣ исторіи и древностей россійскихъ.

КОМЧАКА, ЦАРЕВНА ТАТАРСКАЯ. *Сочиненіе А. Ишчиной. Спб., 1847.*

Сочинительница этой книжечки давно уже, и всегда очень много, рассказываетъ дѣтямъ повѣсти, которыхъ содержанію болѣею частью заимствовано изъ исторіи. Она, какъ извѣстно, рассказала таинный образомъ даже всю исторію Россіи. Нынче деритъ она дѣтямъ небольшую повѣсть, въ которой главную роль играютъ татарская царица, сестра хана Узбека, вышедшая замужъ за московскаго князя Георгія Давыдовича и прішедшая мужу въ приданое великокняжескій престолъ.

ГРАН-ПАСЬЯНСЪ, или Собраніе всѣхъ видовъ этой игры. Съ таблицами. Составилъ А. А.—въ. Спб., 1847.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Два первые тома «*Описанія турецкой войны въ 1828 и 1829 годахъ*», изданные господиномъ Лукьяновичемъ, обратили на себя общее вниманіе русскихъ читателей. Авторъ этой прекрасной книги довершилъ свой трудъ изданіемъ двухъ послѣднихъ томовъ, о которыхъ, мы поговоримъ вскорѣ, какъ и о двухъ первыхъ, съ надлежащею подробностью.

— Другое, недавно вышедшее, важное твореніе, «*Взглядъ на современное положеніе уголовного судопроизводства*» принадлежитъ къ полезнымъ трудамъ одного изъ ученѣйшихъ нашихъ законовѣдцевъ, господина сенатора Дегаля. Содержаніе его будетъ здѣсь изложено.

— Въ Москвѣ изданы, дружескою рукою, «*Deux années d'ex-cursions d'une Parisienne devenue Moscovite*», извлеченія изъ писемъ одного умнаго и образованнаго человѣка, который — вѣчно ѣдетъ. Проснувшись поутру, — на дворѣ дождь и нельзя гулять по Тверскому Бульвару, — этотъ умный человѣкъ отправляется въ Перу. Послѣ обѣда, когда ему дѣлать нечего, онъ скачетъ въ Камчатку или въ Египетъ. Книга занимательна, и по оригинальности формъ, и по разнообразію содержанія.

— Господинъ Модестовъ издалъ на дняхъ переводъ «*Эстетики Гегеля*».

— «*Анатомія и фізіологія челоука и животныхъ*», книга для свѣтскихъ людей, съ атласомъ хорошихъ и любопытныхъ рисунковъ, издана М. Д. Ольхинымъ по рукописи, оставленной

покойнымъ И. В. Жемчужнымъ; даровитый и молодой человекъ этотъ былъ вѣкогда сотрудникомъ «Б. для Ч.»: при необыкновенныхъ природныхъ способностяхъ и основательномъ классическомъ образованіи, онъ съ необыкновенною легкостью переходилъ отъ одной науки къ другой и въ каждой вскорѣ приобреталъ примѣчательныя свѣдѣнія. Первоначальное образованіе его было почти исключительное филологическое. Но, оставивъ аудиторию, хорошій знатокъ латинской, греческой и еврейской словесностей и многихъ новѣйшихъ языковъ, онъ пристрастился къ естественнымъ наукамъ и, занимаясь ими, написалъ объ анатомическомъ и физиологическомъ устройствѣ чело­вѣка и животныхъ такую книгу, какой самъ напрасно искалъ онъ въ разныхъ литературахъ, чтобы, приступая къ изученію предмета и тотчасъ съ перваго взгляду, получить объ немъ ясное общее понятіе. Трудъ его удовлетворитъ всякаго, кто, подобно ему, желаетъ *все знать какъ-можно скорѣе* и одушевленъ благороднымъ любопытствомъ. Притомъ же предметъ, уже самъ по себѣ, чрезвычайно занимателенъ — едва-ли не занимательнѣе «Вѣчнаго Жидя».

=

МАРТЪ.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

МОСКВА. *Поэма въ лицахъ и дѣйстви, въ пяти частяхъ.* Н. В. Сушкова. Москва, 1847, въ тип. Университета, въ-8., стр. VI и 222.

По разнымъ ученымъ разысканіямъ оказывается, что пятого апрѣля нынѣшняго года Москвѣ будетъ ровно семьсотъ лѣтъ. Прожить столько времени на свѣтѣ и прожить такъ весело, такъ славно, какъ Москва,—право, не шутка. До такого юбилея немногіе доживаютъ, а кто доживетъ, тотъ имѣетъ полное право отпраздновать день своего рожденія самымъ торжественнымъ образомъ. Онъ можетъ созвать гостей со всѣхъ концовъ земли; онъ даже вправѣ ихъ угощать разными литературными блюдами, пѣснями, одами и цѣлыми поэмами. Кто дошелъ до такого почтеннаго возраста, тотъ можетъ себѣ позволить все на свѣтѣ. И Москва, наша добрая, веселая, славная, хлѣбосольная Москва, кажется, не пропуститъ этого случая безъ вниманія; она прихорашивается и наряжается, она торжественно идетъ на встрѣчу къ осьмому столѣтію.

Праздникъ приближается; между литературными поварами необыкновенная суматоха и одно поэтическое блюдо, въ видѣ хо-

лоднаго, уже разослано на пробу по всей Россіи. Это блюдо называется—Москва; оно приготовлено Н. В. Сушковымъ и состоитъ изъ пяти частей, которыя обнимаютъ все историческое существованіе Москвы отъ перваго ея основанія.

Авторъ положилъ въ основаніе первой части своей поэмы преданіе о пустынникѣ Букалѣ, который на берегахъ Москвы, передъ явленнымъ образомъ Спаса, предчувствуетъ въ пророческомъ видѣніи зарожденіе новаго, славнаго города.

«О! дивный сонъ!...—Глажу—кругомъ все то же:
 Все та же глушь, все тотъ же лѣсъ дремучій...
 Послушаю—все та же тишь.... Чуть рой
 Залетныхъ пчелъ жужжить надъ головой.
 Сомкну глаза—передо мной картина!
 Безгранная! кипучая! живая!
 Гдѣ древній боръ? гдѣ сонная вода?
 Гдѣ тишина безвыходной пустыни?
 Все движется! все дышетъ! все шумитъ!...
 Какъ въ лонѣ Праотца—въ душѣ моей
 Несмѣтные волнуются народы!...
 Зубчатый вѣлъ обходитъ пышный градъ,
 Хоромы высятся, кресты блестятъ,
 Лады браздятъ проснушіяся воды....
 Или въ душѣ моей бывое воскреслось?
 Привидѣлся ль мнѣ Кіевъ мой родной,
 Или Новгородъ, гдѣ я бывалъ когда-то?...
 Нѣтъ, вѣщій сонъ являлъ мнѣ градъ иной.
 Не колыбель я видѣлъ нашей Руси —
 Не Новгородъ Великій и свободный,
 И не купель крещенья на Руси —
 Не Кіевъ, нѣтъ! то новый, не бывалый,
 Градоущій градъ!... Здѣсь, здѣсь, въ пустынѣ этой,
 Мнѣ видѣлась и стѣны и врата,
 И Возій домъ и царскіе чертоги,
 И рать и клиръ, и думныхъ сонинъ бояръ
 И общины гражданъ и христіанъ,
 И ликъ владыкъ и пастырей духовныхъ,
 И рядъ князей великихъ и царей?»

Эта первая часть поэмы въ пестрой картинѣ олицетворяетъ древнюю Русь, съ ея повѣрьями и предрасудками, борьбу христіанства и язычества и пламенную любовь многочисленныхъ племенъ къ одному и тому же отечеству. Это пестрая, живая

картина, въ которой иногда недостаетъ мѣстнаго колорита и дѣйствующія лица говорятъ языкомъ, который не совсѣмъ соответствуетъ ихъ характеру и положенію въ свѣтъ. Въ одномъ мѣстѣ кудесникъ дерзкими рѣчами соблазняетъ народъ, который еще борется между старымъ суевѣріемъ и новымъ свѣтомъ религіи. Букалъ ополчается противъ искusstеля; одинъ изъ молодыхъ учениковъ христіанскаго отшельника выбиваетъ ему глазъ. Ослѣпленный кудесникъ обращается къ сатанѣ и говоритъ ему:

«Гдѣ же ты, князь тьмы лукавой?
Лести, козней, лжи отецъ!
Гдѣ жъ ты, дьяволъ? гдѣ ты, лжецъ!
Гибну я въ глуши дубравы.
Я—твой волхвъ! твой ярый жрецъ!
Гибну, гибну!... О! ты—лстецъ!»

Надобно согласиться, что это необыкновенная вѣжливость со стороны *яраго* жреца. Человѣку вышибли глазъ за то, что онъ находится по особеннымъ порученіямъ у князя тьмы лукавой, а онъ въ самомъ сильномъ порывѣ негодованія называетъ его за это — лстецомъ! Какая же тутъ лесть, когда дѣло до глазъ доходить.

Въ концѣ этой части поэмы является Елена Степановна Кучка, окруженная нянюшками, сѣнными дѣвушками и приживальщицами. Она грустна и задумчива, она влюблена въ князя Андрея Юрьевича; юродивый призываетъ къ ней дѣвушекъ.

ЮРОДИВЫЙ.

«Пошли, пошли къ боярышнѣ! Вамъ бы всё по ягоды, вамъ бы всё по грибы!... пошли! пошли! (*Влѣзъ на дерево.*)

По грибки! по ягодки! по яблочки! по орѣшки!... да по молодцамъ, да по суженымъ, да по ряженымъ!...

ПРИЖИВАЛЬЩИЦЫ.

Врешь, ты, юродивый!

сѣнныя дѣвушки (*бросая въ него орѣхами*).

На—вотъ! грызи—себѣ, да молчи.

ВЛАСЬЕВНА.

Да промолви же словечко.

Наша пташечка!

ПЕТРОВНА.

Аль сгруснулося сердечко.

Наша милочка?

ЕЛЕНА.

Охъ! ты, матушка моя добрая!
 Моя Власьева хлопотливая!
 Охъ! вы, нянюшки мои вѣрныя.
 Ты, Петровна ли страшливая!
 Ты ль, Стояна непосѣдная!
 Ты ль, Угада прозорливая!
 Вы ль, подруженьки мои присныя,
 Красны дѣвушки! приживальщицы!
 И не знаю-то и не вѣдаю,
 Что я молвию вамъ, что повѣдаю?
 Словно подъ сердце подкатилось,—
 Такъ всполошилось и забилося!
 Словно за душу что схватило вдругъ—
 Я замѣла вся и не вспомнилась!...

ВЛАСЬЕВА.

Дѣло явное: изурочили,
 Мое дитятко!

ПЕТРОВНА.

Охъ! недобрые
 Люди сглазили!

ПРИЖИВАЛЬЩИЦА.

Ужъ не вспрыснуть ли
 Съ уголька ужо, какъ придетъ домой
 Опочивъ держать?

СТОЯНА.

Что вы, глупыя,
 Неразумныя, тутъ городите?
 Да на то ль меня нашъ отецъ родной,
 Нашъ бояринъ, сударь-батюшка,
 Государь, Степанъ Ивановичъ,
 Да на то ль меня приставилъ къ ней?
 Аль боярышню изурочить дамъ?
 Аль не вѣдаю отвести дурной
 Глазъ урочливый отъ красавицы
 На черна кота, аль на пѣсий хвостъ?
 Нѣтъ! здорова всѣмъ ненаглядная.
 Развѣ сердце въ ней что почувало?
 Развѣ участь-рокъ душа взвидѣла?

ЮРОДИВЫЙ (поетъ).

Вылетай, голубка!

Изъ гнѣзда.

Сторожать голубку

Вороны....

Взвѣсья, свернула!

Выше ихъ —

Ждетъ голубку речеть:

Мимо! вверхъ!

Соколъ ждетъ голубку

На верху;

Выше! выше! мимо

Сокола!...

Ни соколъ, ни ястребъ

Не чета.

Ей чета голубиъ

Младъ орелъ (*слезъ съ дерева*).

ЕЛЕНА.

Спасибо тебѣ, Сеня,

За нѣсенку!

Спасибо тебѣ, добрый,

За добрую!»

Наконецъ выходитъ бояринъ Степанъ Ивановичъ Кучка; ему нравится это мѣсто; тутъ онъ выстроитъ боярскія хоромы и теремъ для дочери; по его слову собирается народъ на работу; деревья падаютъ подъ ударомъ топора; лѣсъ очищается, вдали отърывается рѣка—это первое zaloженiе Москвы.

Во второй части Москва уже существуетъ. Суздальскiй князь Георгiй Владимiровичъ Долгорукий убилъ боярина Степана Ивановича Кучку. Сынъ его, Андрей Юрьевичъ, женатъ на дочери убитаго боярина. Елена борется между любовью къ мужу и ненавистью къ его отцу; братъ ея, Иоакимъ Кучка, выжидаетъ удобнаго случая отмстить. Елена боится за жизнь Андрея; онъ собирается на охоту, а его поджидаютъ убiйцы. Вотъ сцена между Еленой и мужемъ:

К. АНДРЕЙ.

«Я чувствовалъ, Елена! сладость жизни!

Сопутница любовная моя!

Я чувствовалъ, что здѣсь воспоминанья

Тяжелыя живѣи заговорять...

Прости ему! забудь великодушно

Запальчивость Георгiя! повѣрь:

Онъ радъ собой пожертвовать теперь —

Когда бы могъ тѣмъ воскресить Стефана.

ЕЛЕНА.

Богъ видитъ, что давно ему простила;
 Но позабыть злой кары не могу.
 О! если бы тебя не такъ любила —
 Не потаюсь, мой милый! не солгу —
 Давно, давно бъ взяла меня могла.

К. АНДРЕЙ.

Онъ мой отецъ, Елена! я ль дерзну
 Его судить?

ЕЛЕНА.

Оставимъ разговоръ,
 Для обомхъ насъ трудный... лучше, радость,
 Скажу тебѣ...

К. АНДРЕЙ.

Я угадалъ?... не правда ль?...
 Господь еще нашъ бракъ благословилъ...
 Ты чувствуешь подъ сердцемъ жизнь!...

ЕЛЕНА.

Да, милый!

Не праздна я!... (Цѣлуются.) Послушай!... я хочу
 Просить тебя...

К. АНДРЕЙ.

О! все, чего желаешь...

ЕЛЕНА.

Молю тебя, не ѣзди на охоту!

К. АНДРЕЙ.

Пожалуй! Да чего жъ боишься ты?

ЕЛЕНА.

Я не пойму сама себя! а что-то
 Боязно мнѣ!... и дикій звѣрь и конь
 Испуганный... и люди... въ-торопяхъ...
 Нечаянно... безъ умыслу... однако жъ —
 Бывали случаи... Побудь со мной!
 Ты не соскучишься... Ты любишь пѣсни —
 Я стану пѣть, я все тебѣ спою,
 Что знаю. А сперва поговоримъ
 О дѣтяхъ: какъ-то Богъ взраститъ намъ сына?
 Кого еще намъ дастъ: сына жъ, или дочку?...
 А дѣвушки мои? какъ пляшутъ!... Что жъ?
 Ты остаешься?... Да?...

К. АНДРЕЙ.

Проконій! слышишь?

Вотъ, не велить намъ ъхать на охоту.

ПРОКОПІЙ.

Я радъ остаться на печи.

Весна весной; а всё жъ—таки морозецъ:

Въ лѣсахъ, въ поляхъ — не то, что тутъ въ саду.

ПЕТРОВНА.

И вы съ Козьмой — признаться — толковали,

Что время бы въ хоромы заглянуть.

К. АНДРЕЙ.

Ну, ты изъ Кіева — привыкъ къ теплу.

КОЗЬМА.

У насъ теперь черешни недалеко!

ПРОКОПІЙ.

А намъ и клюквы ждуть еще не скоро.

(Юродивый, открывает засаду, забывает около деревьевъ, съ лаемъ.)

ЕЛЕНА *(испугавшись)*.

Уйдемъ, Андрей!

К. АНДРЕЙ.

Что это онъ?

ПРОКОПІЙ.

Взглянуть —

Не доброе почуялъ сзади насъ!

КОЗЬМА.

Не даромъ онъ прикинулся собакой!

ПЕТРОВНА.

Ахти! никакъ онъ въ чащѣ видѣлъ звѣря!

(Проконій и Козьма ищутъ съ деревьями—заговариваютъ укываются. Елена повисла на шею князя Андрея и удерживаетъ его. Петровна озбыждала на крыльцо и манитъ ихъ къ себѣ.)

ПРЕЖИВАЛЬЩИЦЫ.

Пора домой!

СВѢТЛЫЯ ДѢВУШКИ.

По-печкамъ!

ПЕТРОВНА.

По-палатямъ!

К. АНДРЕЙ.

Вотъ вамъ и звѣрь!

КОЗЬМА.

Всѣ звѣрь пушной!

ПРОКОПІЙ.

Нѣтъ, князь!

Юродивый залагалъ не на нихъ!

ЕЛЕНА.

Да гдѣ жъ онъ самъ?

ПРОКОПІЙ.

Онъ побѣждалъ оленемъ

Въ тотъ садъ — перемахнулъ черезъ заборъ —
И былъ таковъ!

ЕЛЕНА.

Мнѣ холодно! скорѣе!

Домой! домой! *(Всѣ ушли.)*

Эта часть поэмы оканчивается картиной русскаго праздника на сѣздѣ князей у Георгія Владиміровича.

Третья часть обнимаетъ исторію Москвы до Петра Великаго. Это цѣлый рядъ отдѣльныхъ сценъ, въ которыхъ являются Іоаннъ Даниловичъ Калита, Дмитрій Донской, Василій Темный, Іоаннъ III, Іоаннъ Грозный и честолюбивая Софія. Постепенное развитіе Москвы, ея гражданскихъ и духовныхъ силъ составляетъ внутреннюю связь этихъ сценъ.

Вся четвертая часть состоитъ изъ одной только сцены; это балы въ московскомъ дворянскомъ собраніи; тутъ воспоминанія о Петрѣ сливаются съ живыми дѣйствіями Екатерины. Мѣстами высказывается вліяніе французскаго образованія. Сцена оканчивается печальнымъ пзвѣстіемъ о смерти Екатерины.

Пятая часть раздѣляется на два отдѣленія; дѣйствіе перваго отдѣленія происходитъ втораго сентября 1812 года. Тутъ авторъ воспользовался прокламаціями графа Ростопчина и старался выразить общее одушевленіе русскаго народа въ этой благородной борьбѣ за независимость Россіи. Дѣйствіе второй главы происходитъ двадцать-третьяго апрѣля 1814 года. Россія торжествуетъ; народъ толкуетъ о томъ, какъ наши поживаютъ въ Парижѣ и куда отправили Наполеона. Нѣсколько студентовъ разсуждаютъ о судьбахъ Россіи и авторъ очень удачно примѣнился къ юношескимъ понятіямъ и выраженіямъ; сейчасъ видно, что это молодые люди, которые еще не совсѣмъ освоились съ жизнью, но у которыхъ есть и доброе сердце и планетная любовь

но всему благородному и прекрасному. Одинъ изъ этихъ студентовъ, по приказанію графа Ростопчина, написалъ народную пѣсню; товарищи, не совсѣмъ безъ основанія, бранятъ его зато, что онъ взялся не за свое дѣло; поэтъ защищается; пѣсенники выходятъ впередъ и поютъ нижеслѣдующее произведеніе студенческой музы.

ЗАПѢВАЛО.

« Ой, вы, дѣтки каменной Москвы! скорѣй!
Собирайтесь — ближе — въ тѣсный кругъ — дружнѣй!
Добру вѣсточку повѣдаю я вамъ;
Добрый Царь ее прислалъ, родимый, къ намъ,
Чтобы славили удалыхъ мы солдатъ,
Какъ взошли они въ Парижъ—далекій градъ....
Грянемъ, въ голосъ, въ ладъ удара по рукамъ:
Слава Богу, Александру и полкамъ!

ПѢСЕННИКИ.

Слава! слава Богу русскому!
Слава! слава Царю-вонну!
Слава! слава вѣрнопопданнымъ!
О! ура! ура, ребятушки!
Исполать вамъ! вы со всѣхъ-то мѣсть,
Ближнихъ, дальнихъ, ополчались.
О, хвала и вамъ, отважные
Воеводы и начальники!

ЗАПѢВАЛО.

Други! слушайте, какъ Царь въ Парижъ входилъ:
Онъ святыя храмы Божьи не сквернилъ,
Онъ съ угодниковъ оклады не срывалъ,
Онъ палаты каменны не выжигалъ,
И въ покоѣ онъ оставилъ весь народъ —
И никто-то нашихъ Русскихъ не кланѣтъ.
Грянемъ! въ голосъ! въ ладъ удара по рукамъ:
Слава батюшкѣ-царю! хвала полкамъ!

ПѢСЕННИКИ.

Слава! слава милосердому!
Слава! слава Царю-ангелу!
Слава! слава вѣрнопопданнымъ.
Православнымъ, храбрымъ воннамъ!
О, хвала и вамъ, безстрашные
Полководцы и наѣзники!

Миръ и память вамъ, погибшіе
 Въ отчизну, за любезную!

ЗАПѢВАЛО.

И въ Парижѣ, какъ въ Москвѣ теперь у насъ!
 Веселятся, да пируютъ въ добрый часъ!
 Жены, дѣвы, стары, малы, весь народъ
 Мимо Русскихъ, не боясь себя идѣтъ;
 Принимаетъ, какъ друзей, въ домахъ своихъ,
 Угощаетъ, а не прячется отъ нихъ.
 Грянемъ! грянемъ! дружно! въ громки голоса:
 Слава! слава! укротились небеса!

ПѢСЕННИКИ.

Слава! слава Богу-Господу!
 Слава! слава Царю-ангелу!
 Слава! слава вѣрнопопдааннымъ,
 Православнымъ, храбрымъ ратникамъ!
 О, хвала и вамъ, разумные
 Воеводы и начальники!
 О, ура! ура, святая Русь!
 О, ура, Москва родимая!»

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Николая Семеновскаго, *СП.-бургъ, 1847.*
въ тип. Фишона, въ-12, стр. 148.

Господинъ Николай Семеновскій очень много путешествуетъ и еще лучше рассказываетъ своимъ читателямъ, о томъ, гдѣ и какъ онъ путешествовалъ. На первый разъ онъ выбралъ южный берегъ Крыма и не пускаясь въ ученые изслѣдованія, не утомляя цитатами, представилъ въ живописной картинѣ всю прелесть этого края. Это легкій одушевленный рассказъ, въ которомъ, какъ въ пестрой понорамѣ, передъ вами проходитъ Симферополь, Чатырдагъ, Алушта, Бахчисарай, Аю-дагъ, въ которомъ все ярко, пестро, разнообразно и живописно. Авторъ этой книги искусный пейзажистъ, который рисуетъ бѣглымъ карандашомъ живые и вѣрные очерки, перемѣшивая свои картины занимательными рассказами.

Послушайте, напримѣръ, что онъ говоритъ о бахчисарайскомъ фонтанѣ, гдѣ по словамъ поэта:

«Журчитъ во мраморѣ вода,
 И каплетъ хладными слезами,
 Неумолкая никогда».

«Посѣтитель, заранѣ исполнившійся поэтическимъ восторгомъ,
 «родившимся въ немъ по прочтеніи поэмы бессмертнаго Пум-

« Жена, приходитъ къ фонтану слезъ, читать въ каждой буквѣ
 « надпись, видѣть въ каждомъ рѣзномъ листочкѣ, слышать въ
 « шумѣ каждой слезной капли фонтана повтореніе очарователь-
 « наго вымысла поэта, но здѣсь все безмолвно, все нѣмо и ни
 « одинъ предметъ не подтвердитъ истины прелестной поэмы и
 « поэтическая жажда путешественника останется неудовлетворен-
 « ною; правда онъ увидитъ бѣлую мраморную доску фонтана съ
 « надписью: Слава всемогущему Аллаху! Бахчисарай торжествуетъ,
 « утопая въ сіяющей благодати лучезарнаго хана Керимъ-Гирей.
 « Жажда страны его утолена его всещедрою рукою, которая безъ
 « мѣры льетъ всюду благодать, благословенную самимъ Богомъ.
 « Этотъ источникъ чистѣйшей струи также дробится здѣсь ще-
 « ротами его. Никакая струя иного фонтана не сравнится съ этою
 « струею; а если есть подобный фонтанъ, то всё же не сравнится
 « съ этимъ. Дамаскъ и Багдадъ вмѣщаютъ несказанную роскошь
 « въ себѣ, но и тамъ очи смертныхъ не зрѣли такого фонтана.
 « Вдохновенный Шегі начерталъ эти строки. Томимый жаждою
 « захочетъ прочесть эту надпись, и смотря на нее сквозь чистую
 « струю воды, льющуюся изъ тонкой трубочки, онъ прочтетъ
 « буквы надписи, говорящей ему: утоли жажду этою чистою
 « струею единственнаго въ мірѣ фонтана, она оживотворитъ
 « тебя.

« Буквы послѣдняго стиха заключаютъ въ себѣ число года 1177,
 « по нашему лѣтосчисленію означаетъ 1762 годъ.

« Эта надпись даже стороною не говоритъ о томъ, чтобы фон-
 « тапъ слезъ былъ поставленъ въ память прелестной Маріи. Мра-
 « морная доска надписи окружена изящною рѣзбою, изображаю-
 « щеею цвѣты и плоды; вода льется изъ чашечки, медленно вы-
 « скакивая слезами; наверху фонтана видите среди украшенія
 « что-то подобное изображенію креста и цвѣтокъ, но едва-ли это
 « крестъ, или по-крайней-мѣрѣ едва-ли онъ вырѣзанъ здѣсь съ
 « цѣлюю его означенъ, а скорѣе случайность; на второй до-
 « скѣ большими буквами начертано имя *Дильяра*; это Марія Пуш-
 « кина. Догадку мою подтверждаетъ многое: часто среди пест-
 « рыхъ украшеній двери или оконъ является надпись, обитая
 « цвѣтами и эта надпись повторяетъ имя *Дильяра*. За ханскимъ
 « садомъ еще и доселѣ находятся развалины осьми-сторонняго
 « памятника, поставленнаго надъ пракомъ *Дильяры*. Еще и теперь
 « есть въ Бахчисарай старики, которые помнятъ, когда этотъ
 « поэтический памятникъ былъ въ цѣлости; они говорятъ, что
 « внутренность его, освѣщенная семью окнами, богато украшен-

«ныши рѣзьбою на ираморѣ, была обита драгоценною персидскою матеріею, полъ устланъ ковромъ, и что, вѣроятно, ханъ часто приходилъ сюда грустить и плакать надъ прахомъ своей любовницы. Куполь памятника былъ свинцовый, покрытый яркою голубою краскою и украшенный золотыми полосами; на самомъ верху горѣла двурога луна.

«Путешественникъ въ настоящіе годы, найдетъ на мѣстѣ памятника груды кирпичу, черепицы, увидитъ еще окно заложенное кирпичомъ и если бы захотѣлъ проникнуть во внутрь, то кроиъ мусору, гнѣздъ летучихъ мышей и ядовитыхъ пресмыкающихся ничего болѣе не нашелъ бы въ этой обители смерти.»

Въ Чуфуть-Калѣ, гдѣ по вершинѣ утеса, какъ гнѣзда, лѣнятся мелкія хижины Каранмовъ, этихъ строгихъ блюстителей закона Моисея, недопускающихъ дерзкаго нововведенія, авторъ посѣтилъ гробницу Невкеджанъ-ханымъ, дочери грознаго и воинственнаго Тохтамыша. Это посѣщеніе навело его на старинное преданіе, которое онъ очень мило рассказываетъ читателямъ.

Тохтамышъ не жаловалъ прекраснаго пола, онъ считалъ это слабостью, унизительною для порядочнаго человѣка. Но у него была дочь, прекрасная пенекеджанъ-ханымъ, которую онъ съ первой молодости приучилъ къ воинскимъ упражненіямъ. Успѣхи, которые она оказывала въ этомъ искусствѣ, ввухили наконецъ хану удивительную мысль, надѣтъ на нее чалму, посадить на коня и произвести ее, безъ отлагательства, въ мужнины. Но этого нельзя же было сдѣлать безъ содѣйствія мудрецовъ и духовныхъ лицъ, которые прежде всего должны были рѣшпть, можетъ ли быть у дочери хана душа, въ чемъ Магометъ рѣшительно отказываетъ прекрасному полу.

Мудрецы съхались и почтенному собранію предложили вопросъ, можетъ ли прелестная пенекеджанъ-ханымъ носить оружіе и командовать войсками.

«Одинъ изъ мудрецовъ, сидѣвшихъ по правую сторону оратора, по имени Абдуль-Адій, замѣтилъ придворному мудрецу, что пенекеджанъ-ханымъ, какъ женщина, не имѣетъ души.

Мамбедіе не нашелся что отвѣчать. Не болѣе какъ черезъ двѣ минуты послѣ этого, къ Абдуль-Адію подошелъ ханскій Арабъ, и сказалъ вслухъ, что ханъ предварительно желаетъ съ нимъ видѣться.

«Абдуль-Адій всталъ съ ковра, поправилъ бороду и послѣдо-

« валь за Арабомъ , который привелъ его въ комнату хана. Въ
« это время ханъ сѣлъ вдвоемъ съ Ненекеджанъ.

« — Повѣсить скотину! закричалъ Тохтамышъ, когда Абдуль-
« Адій переступилъ порогъ ханской комнаты. Арабъ толкнулъ
« назадъ мудреца , и черезъ нѣсколько минутъ онъ качался уже
« на висѣлицѣ , заблаговременно устроенной противъ огромныхъ
« оконъ залы совѣта.

« Спустя полчаса послѣ этого , растворили двери залы , и дали
« знать мудрецамъ , что идетъ ханъ. Вмигъ мудрецы преклонили
« головы къ землѣ , и безмолвно , съ внутреннимъ трепетомъ , ожи-
« дали появленія могущественнаго владыки.

« Тихо вошелъ ханъ въ залу , сѣлъ на драгоценную подушку ,
« окинулъ взоромъ собраніе и произнесъ:

« — Великъ Аллахъ и Магометъ его пророкъ! Мудрецы при-
« поднялись.... Ханъ посмотрѣлъ на Темиръ-Мурзу-Мамбедіе и
« Мамбедіе тотчасъ сказалъ рѣчь, въ которой выразилъ, что ханъ
« спрашиваетъ мнѣнія мудрецовъ: не противно ли съ законами
« пророка дозволить его дочери Ненекеджанъ-ханымъ командо-
« вать войсками.

« Ханъ выслушалъ мнѣніе каждаго по порядку , какъ услылись
« мудрецы. Первый Аневій-Казли-Оглу-Илькеджи-Османъ , ска-
« залъ:

« — Не противно закону пророка дозволить дочери могуществен-
« нѣйшаго хана управлять войсками, какъ храбрѣйшей изъ всѣхъ
« женщинъ , созданной для прииѣра намъ и жепамъ нашимъ; но
« законъ нашъ не дозволяетъ никакой женщинѣ обнажать лицо
« свое передъ благочестивыми послѣдователями пророка!...

« — Такъ что жъ! гнѣвно закричалъ ханъ, сѣлавъ престран-
« ную гримасу. Вѣроятно, ты хочешь ее посадить на коня съ за-
« вязанными глазами?

« Аневій-Казли Оглу-Илькеджи-Османъ сначала затрепеталъ, но
« будучи отъ природы хитеръ и увертливъ, сказалъ:

« — Могущественнѣйшій ханъ! не противно будетъ законамъ,
« если мы всё признаемъ, что храбрѣйшая Ненекеджанъ-ханымъ
« имѣетъ безсмертную душу; въ женское тѣло ея вмѣщена душа
« храбрѣйшая, какая только по законамъ Аллаха можетъ обитать
« въ тѣлахъ правовѣрныхъ сыновъ. Въ волѣ великаго пророка
« Магомета было вселить душу эту въ тѣло Ненекеджанъ-ха-
« нымъ, а въ томъ, что она имѣетъ душу, я ручаюсь своею го-
« ловой.

« — Согласны ли съ мнѣніемъ Авенія-Каали-Оглу-Илькеджи-Османа?»

« — Согласны! единогласно закричали мудрецы на вопросъ хана.

« — Могущественнѣйшій ханъ! продолжалъ Каали-Оглу-Илькеджи Османъ: существо имѣющее душу, по законамъ не можетъ обитать въ гаремѣ, а поэтому не должно носить и покрывала на лицѣ. Всѣ же не носящіе покрывала обязаны, по закону великаго пророка Магомета, носить чалму, а носящіе чалму, непременно обязаны носить оружіе, владѣть имъ, ѣздить на лошадяхъ, и смотря по способностямъ и достоинству, могутъ управлять войсками.

« — Ты глубочайшій, ученѣйшій мудрецъ, Каали-Оглу-Илькеджи-Османъ, я не забуду тебя и твоей мудрости; ясно доказалъ ты всѣмъ намъ то, въ чемъ я прежде сомнѣвался. Вѣроятно, всѣ мудрецы подтвердятъ слова твои.

« — Подтверждаемъ, подтверждаемъ, подтверждаемъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

« — Могущественнѣйшій ханъ! осмѣливаюсь испросить у тебя позволенія доказать мое мнѣніе.

« — Не мнѣніе, а святую истину — разрѣшаю.

« — Благоволи, могущественнѣйшій владыко, повелѣть предстать нынѣ же предъ свѣтлое лицо твое воинственной Ненекеджанъ-канымъ, да спадетъ впервые покрывало съ лица ея въ семъ благоговѣйномъ мѣстѣ, и да удостоится она изъ рукъ твоихъ получить честную чалму и острую саблю, въ знаменіе чистоты сердца и во славу великаго пророка, вмѣстившаго въ тѣло ея воинственную душу!...

« Авеній-Каали-Оглу-Илькеджи-Османъ произнесъ эти слова съ видимымъ замѣшательствомъ: онъ былъ еще молодъ и красивъ собою; всѣ знали, что въ числѣ его мудрѣйшихъ изреченій было одно особенно замѣчательное; онъ изрекъ:

« Блаженъ сынъ пророка, постигающій невѣдомыя прелести небесныхъ хурій, непрестанно упиваясь наслажденіемъ въ своихъ гаремахъ,....»

« Конечно, хану не было извѣстно это изрѣченіе мудреца, иначе не былъ бы Каали-Оглу въ этомъ собраніи. Изкоса посматривали то на него, то на хана прочіе мудрецы, и старались предугадать, чѣмъ кончится эта интересная сцена; почти всѣ полагали, что Каали черезъ нѣсколько минутъ будетъ вздернутъ на висѣлицу, но вышло иначе.

« Ханъ ударилъ въ ладоши. Два небольшіе Араба послѣшпо по-
« дошли къ нему.

« Баралеть! сказалъ ханъ, и ударилъ слегка одного изъ нихъ
« по плечу: прикажи доложить отъ моего имени Непокеджанъ-
« ханымъ, чтобы она немедленно явилась въ это собраніе, а
« ты, Султанъ, прикажи принести сюда чалму, саблю и богатую
« одежду.

« Султанъ и Баралеть быстро, какъ тѣни, исчезли изъ залы.

« — Аненій-Каали-Оглу-Илькеджи-Османъ, взойди на мѣсто мо-
« его придворнаго мудреца: твоя рука должна снять покрывало
« съ лица Непокеджанъ-Ханымъ; ты открылъ всѣмъ намъ ду-
« ховные глаза, пояснивъ святой законъ пророка, открой же ей
« глаза тѣлесные, причисли ее къ вѣрнымъ сынамъ пророка, ко-
« имъ онъ даровалъ храбрыя души!...

« Аненій-Каали-Оглу-Илькеджи-Османъ занялъ мѣсто придвор-
« наго муллы. Мудрецы посматривали другъ на друга.

Такимъ образомъ прекрасная Нене-Кеджанъ-Ханымъ причис-
лена была къ мужичинамъ, а умный мудрецъ Аненій-Каали-Оглу-
Илькеджи-Османъ, по волѣ довѣрчиваго хана, поступилъ къ до-
чери его въ званіе непремѣннаго ея совѣтника и наставника.
Проницательный читатель легко догадается, какіе совѣты мо-
жетъ давать молодой человѣкъ хорошенькой дѣвушкѣ, оставаясь
съ ней наединѣ, съ глазу на глазъ, во всякое время дня и ночи.
Однажды ханъ Тохтамышъ, передъ наступленіемъ битвы, захотѣлъ
послушать мудрыхъ бесѣдъ Аненія-Каали и увѣрить сердце
свое надеждою. Онъ осторожно отправился къ дочери, тихо от-
ворилъ двери, не желая шумнымъ движеніемъ нарушить назидательной
бесѣды — и что жъ? Передъ нимъ « Непокеджанъ-Ха-
« нымъ лежала на диванѣ, прелестныя руки ея обвилась вокругъ
« шеи мудреца Аненія-Каали-Оглу-Илькеджи-Османа и горячія
« уста ея прильнули къ его краснорѣчивымъ устами.»

Послѣ этого Тохтамышъ, не говоря худаго слова, разрубилъ
дочь свою по-поламъ, а мудреца, какъ измѣнника, приказалъ за-
вязать въ кожаный мѣшокъ и бросить съ высоты скалы въ без-
донныя пропасти моря.

На гробницѣ дочери ханъ приказалъ вырѣзать мудрую надпись
собственнаго сочиненія:

« Женщина всегда должна быть женщиной!»

музей современной иностранной литературы. Томъ первый.
Сп.-бургъ, 1847. въ тип. Фишера, въ 8, стр. 56, 77, 136.

Вотъ еще предпріятіе, котораго единственная, безкорыстная

цѣль — доставлять за самую дешевую цѣну огромное удовольствіе русскимъ читателямъ. Это новое собраніе переводныхъ повѣстей и романовъ, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ. А кто нынче не читаетъ иностранныхъ романовъ? Кто не переводитъ на Святой Руси? Журналы живутъ и питаются произведеніями Дюма, Сю, Занда и Суліе. Отдѣльныя изданія всѣхъ родовъ, разбѣровъ и форматв, пошли то же по этой удобной дорогѣ и, кажется, живутъ и процвѣтаютъ въ вожделѣнномъ здравіи, насчетъ чужаго ума и воображенія.

Музей современной иностранной литературы — очень красивое и опрятное изданіе; онъ собирается познакомить читателей только съ лучшими произведеніями иностранныхъ литературъ; поэтому онъ выбираетъ то, что по-лучше, а не то что по-новѣе; онъ хлопочетъ о литературномъ достоинствѣ своихъ романовъ и повѣстей, а не о времени ихъ выхода. Это очень похвально и дѣлаетъ честь направленію и вкусу издателей. Музей раздѣляется на отдѣленія; въ первомъ печатаются романы, во второмъ небольшія повѣсти и рассказы. Вотъ содержаніе первыхъ двухъ выпусковъ: «Домашній сверчокъ», романъ Диккенса; «Заговоръ въ Луврѣ», романъ Мерк; «Глазъ», Редигера; «Нѣтъ болѣе женщинъ», Гиню; «Хозе-Хуанъ», Габріэля Феррѣ; «Букетъ желтыхъ розъ», А. Карра; «Отъ добра добра не ищутъ», А. Карра; «Хлыстъ», Маріи Экаръ; «Сатисфакція», Альтароша; «Цѣна жизни», Скриба; и «Боа» Араго.

указатель мѣстности въ Кремль и Китай-городъ столичнаго города Москвы. Составилъ М. Рудольфъ. Выпускъ I. Кремль и Китай-городъ. Москва, 1846, въ тип. Семена, въ 16, стр. 196.

Вся Москва состоитъ изъ кривыхъ извилинъ, которыя называются улицами; кто еще недавно живетъ въ Москвѣ или кто только на-время прѣхалъ туда погостить, тотъ непременно долженъ возить съ собою подробный географическій атласъ и на каждомъ перекресткѣ наводитъ справки о томъ, гдѣ онъ въ эту минуту находится. Одинъ старожилы московскіе спокойно рассказываютъ по своему лабиринту, удивляясь, что другіе путаются тамъ, гдѣ они наизусть знаютъ всѣ безконечные переходы и закоулки первопрестольнаго города.

Теперь господннъ Рудольфъ распрямилъ всѣ эти извилины, раздѣлилъ Москву на квадраты и переложилъ ее на основательно и подробно составленный планъ, по которому съ нѣкоторою природной догадливостью не трудно отыскать улицы, церкви, дома,

магазины и лавки. Къ указателю приложень алфавитъ; по немъ-вы отыскиваете то, что вамъ нужно, домъ, лавку или магазинъ; подлѣ этого магазина вы увидите особенные нумера, которые вы переложите на планъ; все остальное очень легко; вы садитесь въ карету и говорите вашему кучеру: пошелъ въ Никольскую. И ежели вашъ кучеръ знаетъ, гдѣ эта Никольская, то вы не; премѣнно туда дойдете безъ всякаго особеннаго затрудненія.

МЕТОДА РОБЕРТСОНА, *практическіе уроки англійскаго языка. Составилъ для Русскихъ Яковъ Лангенъ. СПб.-бургъ, 1847 въ тип. Французской, въ-12., стр. 116.*

Теперь у насъ мода на методу Робертсона; всѣ хотять учиться по этой методѣ, о которой говорятъ и вкривь и вкосъ, не понимая въ чемъ дѣло. Господинъ Лангенъ догадался издать маленькую книжку, въ которой заключаются первые двадцать уроковъ знаменитой методы, примѣненной къ изученію англійскаго языка. Подвинется ли отъ этого изданія дѣло впередъ, выучимся ли мы дѣйствительно въ самое короткое время говорить по-англійски, понимать Шекспира и Байрона — это другой вопросъ, который не совсѣмъ можетъ-быть зависить — ни отъ Робертсона, ни отъ господина Лангена.

Въ этихъ двадцати урокахъ заключаются до тысячи двухъ сотъ самыхъ обыкновенныхъ фразъ, всѣ формы спряженій, вспомогательные глаголы, мѣстоименія, нарѣчія, предлоги, союзы и главные правила словосочиненія.

ПОЛНЫЙ НѢМЕЦКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ, *составленный по лучшимъ источникамъ В. Эртелемъ. Томъ первый. Выпускъ первый. СПб.-бургъ, 1846, въ тип. Департамента военныхъ поселеній въ-8., стр. 240.*

Это начало новаго полезнаго труда господина Эртеля, который уже извѣстенъ изданіемъ прекраснаго французско-русскаго словаря. Новая книга его составлена столько же основательно и добросовѣстно. Объясненіе словъ чрезвычайно удовлетворительно; всѣ трудности языка, всѣ характеристическія выраженія пояснены подробными примѣрами. Судя по началу, словарь господина Эртеля далеко оставитъ за собою всѣ нѣмецкіе лексиконы, которые мы до-сихъ-поръ имѣли. Въ первомъ выпускѣ помѣщены всѣ слова до Вѣ; остается только желать, чтобы издатель этого прекраснаго труда не замедлилъ его продолженіемъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЕРУСАЛИМЪ *Василія Григорьевича Барскаго. Москва, 1847, въ тип. Евреинова, въ-12., стр. 150.*

Путешествіе Василія Барскаго, который съ 1723 года, втече-
Т. LXXXI. — Отд. VI.

ниъ двадцати четырехъ лѣтъ странствовалъ по святымъ мѣстамъ, до-сихъ-поръ справедливо пользуется извѣстностью между читателями хорошихъ, назидательныхъ книгъ. Барскій былъ бѣдный купеческій сынъ изъ Кіева; для своего огромнаго путешествія онъ отказался отъ всѣхъ удобствъ покойной жизни; онъ шелъ болышею частью пѣшкомъ и безпрерывно боролся съ нищетою. Но никакія лишения не могли его отклонить отъ набожной цѣли, къ которой онъ стремился. Лучшее время его жизни прошло въ этомъ странствіи по Европѣ, Азій и Африкѣ. Когда наконецъ обстоятельства принудили его возвратиться въ Россію, онъ какъ-будто только успѣлъ вернуться для того, чтобы умереть на родной землѣ, чтобы отдохнуть послѣ долгаго странствія на последнемъ почлегѣ между родными и близкими могилами; онъ умеръ, спустя шесть недѣль послѣ своего пріѣзду. Путешествіе Барскаго — цѣлый подвигъ; книга его — простая перечень внутреннихъ впечатлѣній чистаго вѣрующаго сердца. Онъ рассказываетъ все что видѣлъ и чувствовалъ, не мудрствуя лукаво, не хватая нуждой и страданіями, которыя такъ часто выпадали на его горькую долю — и потому его путешествіе до-сихъ-поръ еще находитъ живой отголосокъ въ сердцахъ читателей, которые встрѣчаютъ въ этомъ простодушномъ разсказѣ печать неподдѣльной правды.

Изданіе московское — на сѣрой бумагѣ, съ плохими картинками.

ІОАННЪ-АМВРОСІЙ РОЗЕНШТРАУХЪ, лютеранскій пасторъ въ Харьковѣ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Ишимовой. Сп.-бургъ, 1847, въ тип. Императорской Академіи Наукъ, въ-12., стр. 10.

Біографія пастора Розенштрауха составлена по бумагамъ, которыя остались послѣ его смерти. Госпожа Ишимова перевела изъ нихъ самыя замѣчательныя мѣста и познакомила такимъ образомъ русскихъ читателей съ простымъ и прекраснымъ челоувѣкомъ, котораго вся жизнь посвящена была строгому и смирному исполненію самыхъ священныхъ и благородныхъ обязанностей.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ въ періодъ до-татарскій. Сочиненіе архимандрита Макарія. Сп.-бургъ, 1847, въ тип. Жернакова, въ-12., стр. 194.

Эта прекрасная книга ученаго автора была уже напечатана въ «Христіянскомъ Читеніи»; теперь она вышла отдѣльно и безсомнѣнія найдетъ и въ этомъ видѣ многочисленныхъ читателей. Почтенный авторъ представилъ въ этомъ сочиненіи полную кар-

тину Русской Церкви отъ перваго ея начала до татарскаго владычества. Высшій составъ Церкви, состояніе духовнаго просвѣщенія, богослуженіе и нравственное развитіе народа—вотъ главные вопросы, которые разсматриваются въ этой книгѣ съ глубокимъ знаніемъ дѣла. Въ концѣ помѣщено описаніе святыхъ обителей и смиренныхъ сподвижниковъ хрстіанскаго ученія, которые впродолженіи всего этого періода были яркими свѣтлами русской іерархіи.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СВОРНИКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ, изданъ В. Петровымъ и М. М. Сп.-бургъ, 1847, въ тип. Мин. Гос. Имуществъ, въ-12., стр. 282.

Издатели собрали въ этой книгѣ нѣсколько занимательныхъ и разнообразныхъ статей, принаровненныхъ къ понятіямъ дѣтей. Полезныя свѣдѣнія, переданныя болѣею частью въ формѣ занимательнаго разсказа, легче врѣзываются въ памяти и не пугаютъ молодаго воображенія дикими нелѣпостями волшебныхъ сказокъ, которыя, кажется, начинаютъ выходить изъ моды. Но странная была эта мода, которая старалась приучать дѣтское воображеніе съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ ложному, неестественному и превеличенному взгляду на людей и на природу, которая выставляла имъ дѣйствительный міръ и всё его явленія съ такой невозможной и запутанной точки зрѣнія, что бѣдныя дѣти иногда съ трудомъ приневоливали себя, видѣть тамъ обыкновенныхъ людей, гдѣ онѣ, благодаря вліянію своихъ фантастическихъ сказокъ, ожидали дѣховъ и фей, колдуновъ и волшебниковъ.

Въ «Петербургскомъ Сборникѣ» нѣтъ ничего подобнаго. Тамъ очень просто разсказывается то, что въ дѣйствительной жизни можетъ быть любопытно и занимательно, безъ всякаго колдовства. Лучшія статьи этого Сборника — Михайло Васильевичъ Ломоносовъ, Пчелы, Явленіе природы на островѣ Тиморѣ и Олегъ Вѣщій, драматическая сцена, очень хорошо разсказанная господиномъ А. Григорьевымъ.

ЧУДНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОШКИ-МУРЛЫШКИ, описанныя ею самой. Для дѣтей. Передѣланъ съ французскаго S***. Москва, 1847, въ-12., стр. 160.

Пустая французская сказка, передѣланная на русскіе нравы, отъ чего она нисколько не сдѣлалась лучше. Для большаго наслажденія дѣтей, къ сказкѣ приложено нѣсколько литографированныхъ картинокъ, которыя легко могутъ привести въ ужасъ всякаго не приготовленнаго читателя.

НОВЫЯ ПРОШЕРОКЪ.

НАРОДНАЯ ХИРУРГІЯ, составленная докторомъ Матіасомъ Майоромъ. Съ нѣмецкаго перевода доктора Карла Густава Линка. Москва, 1847. — У этой маленькой книжки такое огромное заглавіе, что его нѣтъ никакой возможности выписать вполне. По содержанію, она очень хорошее руководство при разныхъ поврежденіяхъ и ранахъ. Тутъ предлагаются простыя, домашнія средства, которыми предупреждаются дурныя послѣдствія въ случаѣ раны или перелома. Вся книжка, несмотря на свое длинное заглавіе, очень хорошо составлена и можетъ служить полезнымъ руководствомъ для перваго пособія при всѣхъ несчастныхъ случаяхъ этого рода.

ОБЩІЯ УСЛОВІЯ И СЧЕТНАЯ КНИЖКА между хозяевами фабричныхъ заведеній и рабочими людьми, поступающими на оныя по найму. Сп.-бургъ, 1847. — Правила, извлеченныя изъ Свода Законовъ и опредѣляющія взаимныя отношенія и обязанности хозяевъ фабричныхъ заведеній и рабочихъ людей, которые нанимаются къ нимъ на извѣстное время.

КРАТКАЯ ГЕОМЕТРІЯ для дѣтей. Соч. Ламе-Флёрі. Сп.-бургъ, 1847. — Всѣ сочиненія Ламе-Флёрі отличаются необыкновенной простотой и яснымъ изложеніемъ, вполне приравленнымъ къ понятію дѣтей. Въ геометріи его встрѣчаются тѣ же достоинства, та же постепенность при переходѣ отъ одного вопроса къ другому; всѣ правила изложены съ очевидною ясностью и книга эта самыми простыми способами приучаетъ дѣтей къ первымъ математическимъ соображеніямъ, которыя вначалѣ обыкновенно пріобрѣтаются съ такимъ трудомъ.

=

VII.

С М Ъ С Ъ.

ЧАРЛЗЪ ДИККИНСЪ. *Статья Ипполита Кастилья.* Самый обыкновенный и самый спокойный способ, какой только может употребить критика, для того чтобы познакомить публику съ иностраннымъ писателемъ, — сравненіе. Переходя отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, она будетъ имѣть ту неоцѣненную выгоду, что представитъ читателю непосредственно точное изображеніе избраннаго ею писателя. Къ-несчастію, этотъ способъ влечетъ за собою разныя неудобства; а именно слишкомъ быстрый и поверхностный анализъ сходныхъ чертъ, часто весьма незначительныхъ, даже вовсе непримѣнимыхъ. И потому въ литературной критикѣ, метода сравнительная должна употребляться съ величайшей осторожностью. Существуютъ писатели, и Чарльзъ Диккинсъ изъ числа, которыхъ произведенія, чтобъ быть оцѣненными здраво, должны оставаться въ своей средѣ. Эти великіе образы хотя бы блеснули въ своихъ рамкахъ; если вы извлечете ихъ оттуда — они потеряютъ свой блескъ.

Это несчастіе приключилось съ Чарльзомъ Диккинсомъ, знаменитымъ англійскимъ романистомъ. Его сравнивали то съ Бальзакомъ, то съ Евгениемъ Сю, то наконецъ съ Поль-де-Коккомъ! Диккинсъ ни на одного изъ нихъ, отдѣльно взятаго, не походитъ; и если бы даже ихъ всѣхъ сплавить во-едино, то и тогда бы нель-

зя было составить себѣ точной, опредѣленной идеи о талантѣ того, кому ихъ такъ часто уподобляли. Употребляя выраженіе хиниковъ, талантъ Диккинса есть талантъ—*suī generis*.

Диккинсъ прежде всего Англичанинъ. Французы могутъ пользоваться, какъ и Англичане, конституціоннымъ правленіемъ, у Французовъ могутъ быть парламенты и *bourg-rougis*, денди и скачки, львы и *soskneuz*, журналы и клубы; но отъ этого Французы не будутъ походить на своихъ сосѣдей болѣе, чѣмъ революція 1789 походить на революцію 1642, Кромвелль на Бонапарте. Идеи, нравы, обычаи, все сходно въ теоріи, и все различно на практикѣ. И романъ, который есть не что иное, какъ исторія нравовъ, обычаевъ, идей, необходимо долженъ отражать всѣ эти несходства, и различествовать въ каждой странѣ. Диккинсъ, Англичанинъ, говоримъ мы, и не только по выбору сюжетовъ своихъ; но и по свойствамъ ума своего, въ одно время сатирическаго и сентиментальнаго, шуточнаго и меланхолическаго. Онъ обладаетъ въ высшей степени этимъ соединеніемъ серьезнаго съ веселымъ, которое Англичане переводятъ словомъ уже старымъ: *гуморъ*. Мы попытаемся очертить эту личность, оригинальную и богатую контрастами. Изученіе ея любопытно и стоитъ труда. Какъ большая часть англійскихъ романистовъ, Чарльзъ Диккинсъ дебютировалъ въ разныхъ *Reviews*, подъ псевдонимомъ Боссъ. Очерки сѣверныхъ нравовъ, критики, путешествія, скоро обратили на него всеобщее вниманіе и заставили его продолжать начатое поприще. Первый изъ новыхъ писателей онъ рѣшился увеличить рамку и значеніе романа, и ввести въ него, въ драматической формѣ, важные вопросы, занимающіе нынче экономистовъ во всѣхъ странахъ. Подлѣ страстей, которыхъ развитіе исключительно наполняло прежніе романы, онъ изображалъ картину учреждений и общественныхъ бѣдствій. Человѣкъ въ его книгахъ не остался единственно отдѣльнымъ существомъ, онъ сдѣлался Англичаниномъ девятнадцатаго вѣка, вѣка машинъ, *vork-hous* и *изу-перизма*. Одинъ изъ первыхъ романовъ въ этомъ родѣ, изданный Диккинсомъ, называется «Оливѣръ Твистъ». Эта книга, лишенная всякой интриги, рассказываетъ единственно страданія ребенка-пайденыша, котораго исторія даетъ автору поводъ строго критиковать *vork-hous*. «Николай Никльби», слѣдующій за Оливѣромъ Твистомъ, гораздо болѣе извѣстенъ во Франціи, и сильно способствовалъ къ распространенію славы Диккинса между Французами. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ очеркъ этого романа; весьма не сложнаго.

Авторъ разсказываетъ въ прологѣ исторію двухъ дѣтей, которыхъ характеры рѣзко обозначились съ самаго пѣжнаго возраста. Одинъ щедръ, другой скупъ. Первый, женится на молодой дѣвушкѣ съ посредственнымъ состояніемъ, которая даетъ ему двухъ дѣтей: Катерину и Николая, героя исторіи. Второй дѣлается богатымъ лондонскимъ ростовщикомъ, и называется Ральфомъ. Въ первой главѣ Диккинсъ вводитъ насъ къ ростовщику Ральфу. Приказчикъ его, Ниманъ Ногсъ (бывшій джентльменъ, разорившійся займами), подаетъ ему письмо, извѣщающее его о смерти брата, и о прибытіи въ Лондонъ невѣстки его, съ двумя своими дѣтьми, Николаемъ и Катериною. Покойникъ оставилъ въ наслѣдство своему семейству только бѣдность и слезы. Вся надежда этихъ несчастныхъ на Ральфа. Но Ральфъ, чуждый всякаго великодушія, заботится только о томъ, какъ бы избавиться отъ своихъ нуждающихся родственниковъ. Онъ начинаетъ тѣмъ, что разлучаетъ мать съ дѣтьми. Онъ даетъ невѣсткѣ своей для житья, ветхій домишко въ предместьѣ, Катерину помѣщаетъ въ модный магазинъ; Николая отсылаетъ въ качествѣ воспитателя за шестьдесятъ милъ отъ Лондона, въ пансіонъ одного негодая, по имени Сквирса. Тутъ мы находимъ одну изъ картинъ романа, наиболѣе ярко и энергически очерченныхъ. Невозможно исчислить мученій, которыя Сквирсъ, жена его, сынъ и дочь заставляютъ претерпѣвать несчастныхъ дѣтей, отданныхъ на ихъ попеченія родителями, прельстившимися дешевой. Они нуждаются во всемъ, въ пищѣ, въ одеждѣ, въ воспитаніи. Жена Сквирса даетъ имъ аккуратно лекарство, отнимающее у нихъ аппетитъ; учитель бьетъ ихъ; сынъ и дочь слѣдуютъ его примѣру. Если эти бѣдные существа, рожденные, по большей части отъ преступленія и стыда — падутъ отъ такого страшнаго обращенія, тѣмъ лучше.... Родителямъ ихъ меньше заботы! Конечно, скупость и жестокость Сквирса и его отвратительной жены, могутъ казаться преувеличенными иностраннымъ читателямъ. Подобныя явленія невозможны въ странѣ, гдѣ правительство наблюдаетъ строго надъ публичными учебными заведеніями; но въ Англіи, гдѣ существуетъ совершенная свобода обученія, другое дѣло; тамъ не нужны ни экзаменъ, ни патенты на способность, ни даже аттестаты въ нравственности. Кто хочетъ открыть пансіонъ, можетъ это дѣлать свободно, какой бы невѣжа и негодяй онъ ни былъ; и были примѣры, что пьяные кучера покидали кнутъ и возжи для плѣтки воспитателя. Николай Никльби не можетъ безъ глубокаго негодованія смотрѣть на все,

что совершается въ этомъ вертепѣ; но боясь причинить безпокойство матери своей, онъ вооружается терпѣніемъ. Дочь Сквирса, между тѣмъ страстно влюбляется въ молодого человѣка. Но Никльби остается равнодушнѣе. Гнѣвъ дѣвицы Сквирсъ. Оскорбленная холодною Николая, она присоединяетъ свою ненависть къ преслѣдованіямъ своихъ родителей, и бѣдный Николай, не будучи въ состояніи терпѣть долѣе, сбѣчетъ школьнаго учителя, и возвращается въ Лондонъ пѣшкомъ и безъ денегъ. На дорогѣ встрѣчаетъ онъ мальчика лѣтъ семнадцати, по имени Смайкъ, бѣжавшаго изъ школы. Смайкъ—спрота; безчеловѣчное съ нимъ обхожденіе сдѣлало его идиотомъ: это вѣжная, поэтическая натура, но забитая, затупленная. Николай ему покровительствовалъ; онъ не хотѣлъ бросить на произволъ судьбы единственное, полюбившее его существо. Оба пускаются въ Лондонъ; наконецъ приходятъ и останавливаются у друга, Нимана Ногса, приказчика Ральфа. Ниманъ рассказываетъ Николаю все, что происходило въ его отсутствіе. Онъ рассказываетъ ему, какъ ростовщикъ Ральфъ рассчитывалъ на его сестру, Катерину, чтобъ заманить заемщиковъ на свою дочку. Выведенный изъ себя, Николай клеймитъ дядю за всѣ его мерзости, и находитъ сестрѣ своей мѣсто компаніонки въ джентльменскомъ семействѣ. Послѣ чего отправляется вмѣстѣ съ Смайкомъ въ провинцію и попадаетъ въ комедіанты. Новыя лица; новыя приключенія.

Николаю повезло, — но письмо Нимана Ногса призываетъ его въ Лондонъ. Сестра его подпала подъ преслѣдованія развратнаго барича, который заинтересовалъ Ральфа и втерся въ милость къ матери. Николай поколотилъ барича, спасъ отъ бѣды сестру и мать и затѣмъ съ новою надеждою пускается отыскивать счастья. Несмотря на преслѣдованія дяди — участь его проясняется. Счастливая встрѣча сводитъ его съ двумя превосходными стариками, купцами, которые опредѣляютъ его въ свою контору приказникомъ. Преслѣдованія Ральфа усугубляются; самыя низкія средства пущены въ ходъ; но счастье Николая и семейства его уже обезпечено; онъ женится на молодой дѣвушкѣ, которую любитъ и вступаетъ въ компанію торговаго дома. Катерина выходитъ замужъ за племянника благодѣтелей своего брата, и такимъ образомъ всѣ довольны и счастливы. Сквирсъ, которому не удалось вырвать Смайка изъ рукъ его покровителя, попадаетъ подъ судъ и ссылается на два года въ Ботани Бей. Ральфъ, оставшись одинъ съ своимъ золотомъ, которое не даетъ ему никакихъ наслажденій, заражается сплиномъ; къ полному несчастью своему, онъ

узнать, что Смайкъ его сынъ. Онъ идетъ на чердакъ и наклидываетъ себѣ петлю на шею — британское самоубійство. Последнія страницы романа посвящены счастью Николая и всей фамилиі, и романъ кончается смертью бѣднаго Смайка. Ничто не могло залечить глубокихъ язвъ его прежняго мученичества; онъ умираетъ медленно, гаснетъ какъ свѣча съ безнадежною любовью въ сердцѣ. Таинственная, тихая поэзія, облекающая этотъ вѣжливый, любящій характеръ, бросаетъ на все окончаніе романа какую-то неизъяснимо-трогательную прелесть, рѣзко отличающуюся отъ всего шутовскаго и ужаснаго, чѣмъ испестренъ съ начала до конца весь романъ.

Въ этихъ сочиненіяхъ Диккинса «Оливѣръ Твистъ», «Никльби», «Лавка древностей», господствуетъ основаніе серьезное, строгое, если не въ формѣ, которая отвѣчивается повсемѣстно самымъ добродушнымъ, нестоимно веселымъ юморомъ, то по крайней мѣрѣ въ содержаніи. Тутъ комизмъ — второстепенная вещь; онъ только облегчаетъ читателя. Сильныя ощущенія и глубокіе уроки скрываются подъ этимъ фантастическимъ *imbroglio*. Но ничего подобнаго нѣтъ въ «Пиквикскомъ Клубѣ». Тутъ съ начала до конца одинъ неумолкающій смѣхъ. «Пиквикскій Клубъ», названный самимъ Диккинсомъ романомъ комическимъ, вполне оправдываетъ это названіе. Онъ рассказываетъ самыя странныя происшествія, самыя удивительныя идеи, самыя неожиданныя заключенія, чудеснѣйшія удачи и неудачи четырехъ друзей, четырехъ истыхъ Британцевъ, пустившихся пресерьозно въ походъ, для сугубаго распространенія *современнаго просвѣщенія*. Это мирныя палладины, которые у насъ были бы самымъ эксцентрическимъ народомъ, но которыхъ типы встрѣчаются на каждомъ шагу во всѣхъ англійскихъ клубахъ, — мистеръ Траси, мистеръ Тоненанъ, жаркій, но самый несчастный поклонникъ лучшей половины человѣческаго рода, мистеръ Огюстъ Снодградъ, натура поэтическая и жидевская, мистеръ Натаніель Вивль, неутомимый охотникъ, не застрѣлившій впрочемъ ни одной птички, и, наконецъ, самъ Самуэль Пиквикъ, самъ ученый Пиквикъ, самъ глубокомысленный основатель знаменитаго Пиквикскаго Клуба.

Приключенія этой шутовской Одиссеи дотого разнообразны, дотого нестоимы, что трудно перечестъ ихъ всѣ по порядку. Четыре друга оставляютъ Лондонъ и начинаютъ свое путешествіе ссорой съ грубіяномъ-кучеромъ, дерутся, наконецъ достаютъ мѣста на имперіалъ роуестерскаго длинжауса. Затѣмъ слѣдуютъ

всѣ несчастія Клуба; романъ кончается переселеніемъ Пиквикка въ его хорошецкій дульвинскій домъ. Дуэль поэтического Снодградса, совершенно оконченный, отбланный эпизодъ. Рекомендуюмъ его всѣмъ, кто любитъ смѣяться. Смѣхъ неудержимъ; смѣхъ невольный — здѣсь настоящій, самый естественный комизмъ. Итонсвальскіе выборы двумя чертами обрисовываютъ нѣкоторымъ смѣшныя стороны британскихъ политическихъ нравовъ и обычаевъ. Выпишемъ одну сцену, какъ образчикъ манеры Диккенса.

« — Мы нарочно пріѣхали присутствовать на выборахъ, сказалъ добродѣтельный Пиквиккъ мистеру Перкеру, агенту одного изъ кандидатовъ.

« — А будутъ горячіе выборы.

« — Тѣмъ лучше, отвѣчалъ невинный Пиквиккъ: всякое мѣніе уважительно, если его внушаетъ ревность, чувство пользы и....

« — Мы уже захватили всѣ гостиницы, противникамъ осталась таверны.... славная политика.

« — А съ чьей стороны болѣе вѣроятностей?

« — Незвѣстно; по-крайней-мѣрѣ еще сомнительно. Всѣ, кто за Фисккина, уже приняли свои мѣры; у нихъ тридцать три избирателя сидятъ въ запасѣ, въ конюшняхъ Бллаго-Льва.

« — Избиратели въ конюшняхъ?

« — Безъ-сомнѣнія въ конюшняхъ. Ихъ затѣмъ заперли, чтобы мы не нѣбли на нихъ вліянія; да и что, впрочемъ, имъ говорить? Они всѣ до одного мертвецки пьяны съ самаго пріѣзду. Повѣранный Фисккина продувная петля: носомъ чувствуетъ въ чемъ сила.

« — Право, я такъ удивленъ....

« — Да и у насъ губа не дура. Мы пригласили къ чаю цѣлькъ сорокъ пять дамъ; видите сколько шансовъ.

« — Какъ же это?

« — Ну, да! Вѣдь у каждой дамы отецъ, ну, хоть мужъ, братъ; мы еще потратились на зеленые зонтики, и теперь все это за насъ.

« — Зеленые зонтики?

« — По послѣдней парижской модѣ. Сорокъ пять зонтиковъ, каждой дамѣ по зонтику, по семи шиллинговъ шести пенса штука, все это сумма-сь; но чтобы жать — нужно сѣять. Дамы безъ ума отъ зеленыхъ зонтиковъ; побудьте пять минутъ на улицѣ и вы увидите, что онѣ шныряютъ дюжинами съ своими зонтиками».

Тутъ приходитъ мистеръ Путтъ, редакторъ окружной газеты — восхищенный портретъ провинціального журналиста.

« — Наши выборы дѣлаютъ порядочный шумъ въ столицахъ, мистеръ.

« — Да, кажется, отвѣчалъ свисходительный Пиквикъ, неспособный сказать что-нибудь неприятное.

« — У меня есть убѣжденіе, мистеръ, что моя статья въ субботнемъ номерѣ сильно способствовала эффекту.... Журнализмъ — великое могущество, мистеръ.

« — Такъ и я думаю.

« — Я, — у меня, мистеръ, есть убѣжденіе, что я никогда не поражаюсь личностей; я употребляю всѣ мои слабыя средства къ развитію такихъ принциповъ.... принциповъ, мистеръ.... посредствомъ которыхъ.... ну, однимъ словомъ, принциповъ.... Надеюсь, вы меня понимаете?...

« — Конечно, конечно, это ясно, это....

« — А какъ думаютъ тамъ о моей политикѣ, насчетъ независимаго?

« — Тамъ.... но....

« — У меня, мистеръ, есть убѣжденіе, что она занимаетъ всевозвышенныя умы, и это я поддерживаю.

« — Это съ вашей стороны очень.... благородно».

Тронутый мистеръ Путтъ уводитъ четырехъ друзей къ себѣ и душитъ ихъ чтоніемъ своей газеты.

На-утро Пиквикъ смотритъ на процессію всѣхъ избирателей.

« — Какіе они свѣжіе, веселые, затѣтилъ онъ.

« — Свѣжіе, отвѣчаетъ слуга мистеръ Пиквика: я думаю, что такъ, когда я и двое изъ трактира отливали ихъ цѣлые полчаеа пожарною помпою.

« — Помпою?

« — Помпою, мистеръ. Они такъ напились, что всѣ свалились подъ столъ. Сегодня утромъ мы вытаскивали ихъ одного за другимъ и мочили подъ насосомъ, чтобъ они хоть на что-нибудь походили. Теперь они ничего.

« — А ты какъ сюда замѣшался?

« — Комитетъ, сударь, даетъ намъ по шиллингу съ головы.»

Сколько можно судить по отрывку, «Пиквикскій Клубъ», — настоящій комическій романъ, весь изъ истинныхъ наблюденій и замѣчаний. Встрѣчается множество сценъ совершенно равновѣсныхъ этой. Довольно упомянуть о процессѣ въ судѣ, гдѣ Диккинсъ нападаетъ на бессмыслицу англійскаго судопроизводства. Это процессъ цѣломудреннаго Пиквика, на котораго адвокаты Диксонъ

и Тегъ взводитъ обвиненіе въ обольщеніи одной беззащитной вдовы; это самый вѣрный образчикъ британской юстиціи.

Вѣра въ полную невинность свою, Пиквикъ отказывается заплатить пеню, на которую его присудили безвинно, и предпочитаетъ прогуляться въ долговую тюрьму. Тутъ Диккинсъ показываетъ всю бессмыслицу постановленія, дающаго хлѣбъ и одежду преступникамъ и заставляющаго гибнуть съ-голоду несостоятельныхъ должниковъ.

И такъ въ веселомъ шутовскомъ романѣ, Диккинсъ не упускаетъ изъ виду серьезнаго и вставляетъ его на своемъ мѣстѣ, натурально, безъ всякой натяжки.

Всѣ эти качества Диккинса, побудили нѣкихъ критиковъ искать сходства между нимъ и Евгениемъ Сю. Намъ кажется, что вовсе нѣтъ сходства. Диккинсъ всегда рассказываетъ и выставляетъ все такъ какъ есть, не пускаясь въ диссертацию. Конечно, онъ часто приглашаетъ читателя въ рабочіе дома, въ темницы; показываетъ ему всѣ пороки, всѣ болѣзни, которыми полны эти заразительныя заведенія, но нисколько не декламируя. Наконецъ, хотя онъ и ведетъ насъ, напримѣръ, въ какую-нибудь трущобу Сити, но ужъ ни зачѣмъ не рѣшится, подъ предлогомъ наставленія и морали, снять всѣ покровы съ гадкой картины. Онъ очень хорошо знаетъ, что сказать, что оставить на догадку самому читателю. Въ литературѣ какъ и въ живописи, встрѣчаются предметы, которымъ гораздо лучше оставаться въ полу-свѣтѣ, въ одномъ легкомъ контурѣ; ихъ лучше угадывать чѣмъ глядѣть на нихъ. Диккинсъ не любитъ неистоваго и ужаснаго. Онъ весь полонъ самой общительной веселости. Эта веселость, эта наивность слѣдуютъ за нимъ всюду, и въ смѣшномъ и въ серьезномъ. Гнѣвъ и негодованіе облекаются подъ перомъ его въ насмѣшку и шутку. Впрочемъ, онъ никого не щадитъ; онъ шутитъ надъ всѣми, и надъ злыми и надъ добрыми, и — чудо! его шутка никогда не оскорбительна и не видно малѣйшей ненависти. Онъ самъ граціозно сознается въ этомъ. «Есть писатели, говоритъ онъ, оканчивая «Пиквикскій Клубъ», которые, подобно нѣкимъ звѣркамъ, видятъ лучше во тьмѣ чѣмъ при свѣтѣ, и потому все чернятъ для эффекта. Но я, читатель, такой системѣ не слѣдую. Я пишу для того, чтобъ забавлять и, создавая, самъ забавляюсь. Ну какъ же не развеселить такой манерой писать?»

Слогъ Диккинса не имѣетъ той утомительной многословности, въ которой справедливо упрекаютъ его соотечественниковъ, и именно господина Бальвера. Слогъ этотъ полонъ смѣлости и энер-

гн; но интриги романовъ Диккинса кажутся намъ слабыми. Онъ старается только показать намъ какъ-можно болѣе лицъ, и съ этой стороны весьма успѣваетъ. Оригинальные силуэты размножаются на его страницахъ, съ обиліемъ, напоминающимъ иногда Лесажа и Фильдинга. У него нѣтъ того чистаго и возвышеннаго вкуса, которымъ обладаетъ Жоржъ Зандъ; его грубая наблюдательность не можетъ спорить съ тонкой психологіей Бальзака; но нельзя отрицать въ немъ жизни, движенія, веселости, чувствительности. Къ-несчастью, палитра его изобилуетъ самыми густыми красками; онъ ловко ихъ планируетъ; но не возьметъ на себя труда навести общій тонъ. Романы его часто имѣютъ сходство съ картинами его соотечественника, Гогарта. Оба, и писатель и живописецъ, щедро надѣлены качествами, дающими жизни произведенію; но вся эта жизнь во внѣшности и едва заставляетъ предчувствовать внутренній огонь. Вообще же, Диккинсъ самый пріятный собесѣдникъ, какого только можетъ избрать себѣ человѣкъ скучающій. Это мѣщанинъ наивный и злой, чувствительный и насмѣшливый, исполненный своенравія и оригинальности. Онъ особенно хорошъ дома у огня, когда сидя въ покойныхъ креслахъ и положивъ ноги на рѣшотку каминна, онъ рассказываетъ вамъ какую-нибудь милую, простую исторію въ родѣ его «Домашняго Сверчка» или «Ночи на Рождество».

Диккинсъ, несмотря на свою молодость, произвелъ уже много; и если теперь дѣятельность его нѣсколько умѣрится, то это потому, что онъ по примѣру болшей части англійскихъ писателей, обратилъ талантъ свой къ идеямъ практическимъ. Онъ посвящаетъ политикѣ время, которое прежде посвящалъ литературѣ. *Daily News*, журналъ, недавно основанный имъ и быстро распространяющійся, безъ сомнѣнія поведетъ его въ парламентъ, гдѣ уже застѣдаютъ Болъверъ и Дизраэли; потому что Англія, въ этомъ отношеніи, болѣе либеральная чѣмъ Франція, не думаетъ, чтобы романистъ былъ такъ же неспособенъ къ политической жизни какъ манчѣстерскій фабрикантъ или деревенскій сокней.

АРАВСКІЙ ПРАЗДНИКЪ. АИССАУ. *Статья Ноэля Парфѣ.* Мы выѣхали изъ Блуды черезъ два часа по закатѣ солнца, съ намѣреніемъ побывать на праздникѣ, который въ ту ночь давалъ на своей фермѣ, или гаушѣ, кандъ Ахметъ-Бешъ-Каддуръ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ и вѣрнѣйшихъ союзниковъ Франціи. Нашъ маленькій караванъ составляли шесть всадниковъ: капитанъ Бурбаки, правитель арабскихъ дѣлъ въ Блудѣ; его секретарь, молодой толмачъ втораго разряда; его чау, и что въ родѣ туземнаго

конюшаго; Альфредъ Жилье, поселенецъ изъ Бу-Фарика, Теодидъ Готье и я. Послѣ увидимъ, какъ необходимы мнѣ свидѣтели, для подтвержденія достовѣрности моего разсказа. Несмотря на то, что были утомлены продолжительною поѣздкой, которую мы совершили въ тотъ самый день по ущельямъ Шиффы, несмотря на то, что вечеръ былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ, какіе бываютъ въ августѣ, мы скакали со всею поспѣшностью, какую только дозволяла намъ всадническая неопытность большей части насъ грѣшныхъ. Все, что нашъ обязательный чичероне, капитанъ Бурбаки, разсказывалъ о пышности и рыцарскомъ характерѣ Бенъ-Каддура, обѣщало намъ обильную жатву для наблюдений. Мы уже видѣли утромъ, какъ этотъ глава Арабовъ проѣзжалъ черезъ Блиду со святой своихъ слугъ и музыкантовъ, при страшномъ громѣ вслѣдскихъ инструментовъ: поѣздъ этотъ могъ бы удовлетворить самаго взыскательнаго любителя живописнаго; такъ это начало праздника сильно подстрекнуло наше любопытство.

Гаушъ Бенъ-Каддура расположенъ на восточной оконечности Метиджи, въ области Геруаусовъ, то есть, въ осьми или десяти километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Блidy. Миновавъ Бени-Мереди, военное селеніе, извѣстное геройскою смертію сержанта Бладена, мы свернули съ большой дороги, и, не разбирая проложенныхъ тропинокъ, углубились въ обиталище четырехрукихъ лемуровъ, и возложили на своихъ коней заботу избѣгать всѣ рытвины, всѣ трещины этой изсохшей почвы. Скоро, нѣсколько огоньковъ, блестящихъ сквозь зеленыя массы густыхъ деревьевъ, и звуки музыки, болѣе шумной, нежели мелодической, возвестили намъ, что мы приближились къ фермѣ. При вѣздѣ въ смоковничный лѣсъ, которымъ она окружена, мы спѣшились, при помощи бенъ-каддуровыхъ слугъ, которыхъ конюшій капитана уже предупредилъ о нашемъ прибытіи. За нами и самъ канда шелъ принять насъ, сопровождаемый нѣкоторыми изъ своихъ гостей; впереди ихъ были негры съ факелами. Бенъ-Каддуръ—человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, виднаго росту, съ пламенными глазами; мужественное, гордое лицо его окаймлено черною бородою, которая смягчаетъ слегка-оливковый цвѣтъ этого лица. Костюмъ канда былъ простъ и вмѣстѣ богатъ: кашмировый тюрбанъ, полу-кафтанье зеленого сукна, съ серебряными галунами, шелковый поясъ амарантоваго цвѣту, затканный золотомъ, широкія бѣлыя шальвары и красныя сафьянныя сапоги. Кромѣ-того на немъ былъ накинутъ бурнусъ, тканый изъ шелку и козьяго пуху, а на шеѣ повязанъ шарфъ изъ такого же кашмиру, изъ какого была свернута чалма.

Люди, сопровождавшіе канда, съ-виду не уступали ему ни въ чемъ; ихъ блестящіе костюмы, ихъ воинственная осадка, ихъ мужественная наружность—глубоко уничижали въ насъ европейскую породу.

Обмѣнявшись привѣтствіемъ «саламъ алейкумъ», съ обычаемъ пантомимой, состоящей въ томъ, чтобы взаимно прикоснуться правой рукою и потомъ поднести ее къ своимъ губамъ, — Бейз-Каддуръ повелъ насъ на мѣсто праздника, которое давалось посерединѣ лѣсу. Мы усѣлись на широкомъ коврѣ, посланномъ между двумя смоковницами, стараясь согнуть ноги по восточной модѣ, и, между-тѣмъ какъ капитанъ восхвалялъ насъ передъ хозяиномъ, мы бросали взглядъ вокругъ себя. Тутъ было собрано двѣсти или даже триста Арабовъ; само собою разумѣется, между ними не было ни одной женщины. Всѣ они раздѣлены были на группы, по десяти или по двѣнадцати человекъ въ каждой, и сидѣли кружками на циновкахъ или на коврахъ. Восковая свѣча, въ тростниковомъ подсвѣчникѣ, горѣла въ центрѣ каждой группы, и всѣ эти счастливые смертные, которыхъ взоры соединились на одной точкѣ, казалось, заняты были единственно наблюдениемъ трепещущаго огонька, отъ котораго воскъ слегка трещалъ. Нѣмые, неподвижные, всѣ они были глубоко погружены въ это созерцаніе. Нѣкоторые только время-отъ-времени подымали глаза и слѣдили за дымомъ, который вылеталъ у нихъ изъ трубки и, кружась, исчезалъ въ воздухѣ.

Боясь показаться черезъ-чуръ пресыщеннымъ наслажденіями міра сего, я спрашивалъ себя, что за радость могъ бы ощущать кто-нибудь, кромѣ развѣ Гебра, въ созерцаніи маленькаго пламени свѣчи, или вьющихся облаковъ дыму; я изумлялся глубокой тишиной, которая царствовала въ этомъ почтенномъ сборищѣ тряхотъ особъ, пришедшихъ сюда подъ предлогомъ праздника; какъ-вдругъ неожиданно, какой-то крикливый, скрипучій шумъ разомъ прервалъ мои размышленія.

Передъ нами построилась дюжина музыкантовъ, которые задали намъ такую серенаду, что во Франціи навѣрное сочли бы ее за шариварі.

Существо этого дикаго оркестра составляли два или три грубыхъ инструментовъ, какова тростниковая флейта, въ которую дуютъ, какъ въ скважину ключа; потомъ ребекъ, родъ первобытнаго контрабаса, и, наконецъ, тамбуринъ или тарабукъ, устроенный изъ кожи, натянутой на глиняномъ обручѣ. Трудно было, съ-разу, различить ритмъ этой симфоніи. Однако жъ мнѣ пока-

залось, что я уже гдѣ-то слышалъ сочиненіе, исполненное нашими виртуозами: и въ самомъ дѣлѣ, это была музыка алмейской пляски, мотивы которой Фелиціанъ Давидъ такъ удачно вставилъ въ свою ораторію «Пустыня»; но, для того чтобы распознать эти знакомые звуки, необходимо было понатужить волю; ихъ даже и вовсе бы невозможно было узнать, если бѣ музыканты не повторяли ихъ десять, двадцать разъ, и до безконечности, такъ какъ единственно этотъ пассажъ и составлялъ всю программу концерта. Особы, любящія этотъ мотивъ, позавидовали бы нашей судьбѣ и чтобъ не подать невыгоднаго понятія о французской вѣжливости, мы сочли пужнымъ казаться вполнѣ удовольствованными.

Между-тѣмъ какъ непоколебимый оркестръ продолжалъ свой содомъ, нѣсколько слугъ канда появились съ большими фаянсовыми и глиняными муравлеными блюдами и церемонно поставили ихъ передъ нами. Это были различныя закуски, поданныя намъ изъ особенной внимательности хозяина; завтракъ въ туземномъ вкусѣ: кускусу, молоко, мансовыя лепешки, ломтики поджаренной баранины и арбузы. Такъ какъ мы уже позаботились отобѣдать въ Блидѣ, то и не были нисколько расположены почтить закуску своимъ вниманіемъ; но капитанъ, вмѣстѣ съ нашимъ другомъ Жилье, вникнувшіе въ духъ обычаевъ Арабовъ, увѣрили насъ, что мы оскорбили бы хозяина, если бѣ воздержались отъ произведеній его кухни, и такъ мы постарались обжарить обжорливость, соразмѣрную желанію нашему понравиться хозяину. Намъ казалось, что поговорка, изобрѣтенная для утѣшенія пресыщенныхъ желудковъ встрѣтитъ на этотъ разъ блистательное опроверженіе, тогда какъ она оправдалась самымъ побѣднымъ образомъ: аппетитъ у насъ обнаруживался по-мѣрѣ-того какъ мы кушали, и мы отдали должную честь каждому блюду. Кускусу—это родъ тѣстныхъ зеренъ изъ мансовой муки, которыя варятся въ водѣ или бульонѣ, съ приправой какихъ-нибудь пряностей; это родъ похлебки, которая сначала кажется безвкусною, но къ которой легко можно приаровать свой вкусъ. Утонченныя люди прибавляютъ туда части рыбы, вареные яйца и разнаго сорту зелень; признаюсь, что касается до меня, то я предпочитаю эту похлебку во всей ея простотѣ; при подмѣси постороннихъ снадобьевъ, она слишкомъ напоминаетъ *la bouille-abaisse*, отвратительное марсельское рагу. Арабы, какъ и всѣ первобытныя народы, мастера жарить; жаренныя ими мяса истинно-отмѣны:

кушая ихъ жаркое, облизываешь пальцы, тѣмъ болѣе, что роскошь употребленія вилочъ еще не проникла въ жилища Арабовъ; каждый беретъ себѣ рукою кусокъ, который понравится, и каждый терзаетъ его зубами. Не знаю ничего освѣжительнѣе арбузовъ: это неподобный плодъ, вкусный, тающій во рту, точно замороженный лимонадъ; его болѣе пьешь, чѣмъ ѣшь. Туземцы, въ жаркіе дни употребляютъ арбузы въ огромномъ количествѣ. Ломоть арбуза подаютъ поспѣтителю или жаждущему путешественнику, какъ у насъ подаютъ мороженое или шербеть.

При концѣ закуски принесли намъ кофе и трубки, потому что эти двѣ вещи неразлучны, и мы не мало были удивлены, замѣтя, что всѣ три сотни гостей Бенъ-Каддура ожидали этой минуты, чтобы начать свое ночное разговѣнье. По знаку хозяина, негры раздѣлили всѣмъ группамъ кушанья, которыя намъ, какъ чужеземцамъ, поданы были первымъ, предпочтительно передъ всѣми. Все это дѣлалось безъ шума; порядокъ не нарушался ни на минуту; тишина была такова, что мы, сидя посреди арміи гостей, могли, не имѣя нужды возвышать голосъ, продолжать бесѣду, заведенную съ хозяиномъ, при посредствѣ капитана Бурбаки. Разумѣется, между этимъ мирнымъ собраніемъ и нашими шумными пирами разнища была огромная. Варвары давали при этомъ случаѣ, намъ, цивилизованнымъ, урокъ въ благопристойности, въ приличіи. Ужинъ продолжался около часу, и было уже за-полночь, когда кандѣ всталъ и пригласилъ насъ во внутренность фермы, гдѣ анссауа должны были, для заключенія праздника, дать представленіе своихъ религіозныхъ церемоній.

Еще наканунѣ того дня, въ Блидѣ, намъ удалось быть свидѣтелями одной изъ этихъ церемоній, истинно невѣроятныхъ, и мы не могли удержаться отъ восклицаній, при мысли, что передъ нашими глазами возобновятся вчерашнія чудеса: мы все-еще не совсѣмъ были увѣрены, что видѣли ихъ не во снѣ.

Анссауа напоминаютъ тѣхъ одержимыхъ судорогами людей, которые надѣлали столько шума во Франціи въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія, и еще быть можетъ превосходятъ ихъ тою яввою физическою безчувственностью, которою эти Арабы отличаются въ своихъ страшныхъ опытахъ.

Если это не фанатики, которымъ энтузіазмъ вѣры придаетъ силу сверхъ-естественную, то, навѣрное, жонглеры неслыханной ловкости, потому что они обманывали насъ, насъ, которые по несчастію не слишкомъ довѣрчивы, и они точно также обма-

зывали всѣхъ, кто ихъ видѣлъ, хотя никто не рѣшился въ томъ признаться.

Вотъ чтò разсказываютъ касательно происхожденія этой секты фанатиковъ.

Около 750 года гиджры, жилъ въ провинціи Оранъ знаменитый марабутъ, то есть, магометанскій священникъ, по имени Могаммедъ Бенъ-Ансса. При глубокой своей набожности, при увлекательности своихъ рѣчей, этотъ человекъ прослылъ за вдохновеннаго; все это доставило ему довольно значительное число учениковъ, и съ ними-то, для распространенія своихъ пророчествъ, онъ ходилъ проповѣдывать по землѣ Тель и по Сааръ. Однажды, слишкомъ удалившись отъ дорогъ, по которымъ слѣдуютъ караваны, и гдѣ находится обыкновенно кододези, онъ заблудился посреди пустыни Ангада.... Запасъ провизіи у этой небольшой толпы скоро истощился, и проповѣдникъ и его ученики, всё болѣе и болѣе утопая въ песчаномъ морѣ, уже готовились умереть отъ усталости и голоду, какъ-вдругъ Бенъ-Ансса, внезапно вдохновенный, поднялъ къ небу руки, испрашивая у Бога помощи:

— Аллахъ! вскричалъ онъ: Ты одинъ можешь спасти насъ! Сжался надъ твоими служителями! Устрой такъ, чтобы все, къ чему ни прикоснется уста наши — превратилось бы въ добрую пищу!

При этихъ словахъ, какъ свидѣтельствуешь легенда, спутники марабута, не сомнѣваясь въ томъ, что Аллахъ исполнитъ молитву, бросились на скорпионовъ, на камешки, на змѣй, и ѣли ихъ, не чувствуя ни малѣйшаго вреда.

Такимъ образомъ произошли анссауа или послѣдователи Анссы, весьма многочисленные въ Африкѣ, и особенно въ Алжирѣ. Ихъ собранія имѣютъ цѣлю увѣковѣчить чудо, происшедшее по ходатайству знаменитаго марабута; они, такъ-сказать, наследовали привиллегію, дарованную вѣкогда ихъ патрону: до чѣго бы они ни прикоснулись, чтò бы ни ѣли — ничто имъ не вредитъ; кромѣ-того, они утверждаютъ, что могутъ своими молитвами призывать милосердіе небесное на голову недужныхъ стариковъ и новорожденныхъ дѣтей. Не вдаваясь въ изслѣдованія — до какой степени эти притязанія основательны, разскажу по-просту, чтò я самъ видѣлъ.

Бенъ-Каддуръ, сопровождаемый всѣми своими гостями, ввелъ насъ во дворъ фермы: это былъ высокій параллелограммъ, образованный четырьмя корпусами зданія; въ стѣнахъ, выбѣленныхъ

известью, кое-гдѣ видѣлись узкія окна; дверей было еще меньше и тѣ почти такія же узкія. При входѣ, мы сначала замѣтили на крышахъ, устроенныхъ террасами, цѣлый легионъ какихъ-то темныхъ и неподвижныхъ призраковъ. Это были женщины, окутавшіяся, по обычаю, въ длинныя бѣлыя покрывала, изъ-подъ которыхъ видѣлись только глаза: рѣсницы ихъ были отбѣлены бистромъ, то есть сажей, а брови соединены полоской хена. Въ глубинѣ двора, подъ навѣсомъ алыхъ и зеленыхъ знаменъ, сидѣлъ мокадамъ или глава анссауовъ. Ниже, дюжина музыкантовъ, (между которыми мы узнали тѣхъ, которые давали намъ серенаду) сидѣли на пяткахъ, расположенные полукругомъ. Рядъ свѣтъ, составлявшій, такъ-сказать, тетиву лука, отдѣлялъ этотъ оркестръ отъ партера, то есть, отъ толпы послѣдователей Анессы, состоявшей изъ Арабовъ всякаго возраста и всякаго цвѣту.

Такъ какъ церемонія бываетъ обыкновенно продолжительна, то Бенъ-Каддуръ, изъ внимательной предупредительности, хотѣлъ избавить насъ отъ тяжести сидѣть нѣсколько часовъ налачомъ и приказалъ принести тю-яки, на которыхъ мы и расположились; намъ было удобно и курить и наблюдать.

Когда всѣ приглашенные заняли свои мѣста, мокадамъ торжественнымъ голосомъ возопилъ мусульманскую молитву: *Алліаллахъ иль Аллахъ; Могаммедъ рауль Аллахъ!* (Нѣтъ Бога, кромѣ Бога; Могаммедъ пророкъ Божій.) Формула была повторена осемь или десять разъ всѣми сектаторами вѣстѣ. Потомъ каждый изъ нихъ, возвышая свой голосъ въ свою очередь, читалъ короткую молитву, послѣдовательно повторяемую хоромъ, объ исцѣленіи какого-нибудь родственника, друга, или вообще о испосланіи небомъ какой-нибудь частной милости. Послѣ этого, всѣ умолкли. Всеобщее молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ: казалось, всѣ углублялись въ самихъ себя. Слышалось только легкое трещаніе крупинокъ ладона, который негры горстями бросали на широкую жаровню, откуда струился бѣловатый дымокъ, и подымался столпомъ въ разрѣженномъ, недвижимомъ воздухѣ.

Вдругъ, по сигналу, данному оркестромъ, грянула общая пѣснь, сначала довольно отчетливая и съ достаточнымъ соблюденіемъ такта. Мы не понимали словъ, но Бенъ-Каддуръ уведомилъ насъ, что это были стихи изъ корана. И при незнаніи арабскаго языка, невозможно было не затвердить ихъ, потому что каждая строфа была повторяема до пресыщенія, такъ что эти нескончаемыя репетиціи недурно напоминали то, чтд на школьномъ нарѣчій называется зубрить или долбить. Съ минуты на минуту такъ пѣсни

ускорялся, голоса становились крикливѣе, и она скоро превратилась въ сущій вой. Музыканты, на тотъ конецъ, чтобы не отстать отъ такту, колотили съ-размаху въ свои бубны, кромѣ того посреди этого урагана криковъ и разладныя звуковъ, женщины, стоявшія на террасахъ, выпускали, черезъ равные промежутки времени, какіе-то гортанные, визгливые звуки ю-ю, которые похожи были на скрежетъ вѣтру посреди бури.

Это неестовое чарованіе, придуманное для того, чтобы возбудить энтузіазмъ въ сектаторахъ, чтобы увлечь ихъ, если можно такъ выразиться, — продолжалось не менѣе часу. И этого, разумѣется, было достаточно. Мы сами, простые зрители, уже чувствовали какъ страшно наши нервы были раздражены этой беспощадной музыкой и этимъ завываніемъ дикихъ звѣрей, кулаки наши сжимались, мы бы охотно что-нибудь разорвали или разбили. Скромность насъ удержала.

Послѣдователи Анссы, увлекаясь ритмомъ адской симфоніи, котораго наши оглушенныя уши уже давно не могли уловить, послѣдователи Анссы, выражали постепенное crescendo скачками и покачиваніями тѣла, которые всё болѣе и болѣе ускорялись.

Мы видѣли, какъ головы ихъ колебались, точно зыбучія волны. Наконецъ, возведенные на послѣднюю степень восторженности, они всё приподнялись съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ и принялись плясать (если только это можно назвать пляскою), подражая голосомъ хриплому, странному крику верблюда. Страшно было глядѣть и слушать! Не трогаясь съ мѣста, они исполняли, кто головой, кто всею верхнею частью тѣла, такія неутомимыя круженія, что малѣйшаго изъ этихъ движеній достаточно было бы для поврежденія всего нашего мозгу. Они откинули назадъ капюшоны своихъ бурнусовъ; сняли свои алые шерстяные колпаки, и длинный чубъ волосъ (*кетая*), остающійся обыкновенно у мусульманъ на маковкѣ, отъ быстроты вращательнаго движенія, крутился въ воздухѣ и, подобно плети, хлесталъ ихъ по лицу и по плечамъ.

Все это было только прелюдіей тѣхъ ужасовъ, которые происходили потѣмъ. Мы приблизились къ мѣсту дѣйствія, чтобы не пропустить ничего безъ вниманія въ этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ.

Черезъ минуту, два негра приподняли огромную жаровню, гдѣ еще курились ароматы, и высыпали груды раскаленныхъ углей подъ ноги послѣдователямъ Анссы. Они испустили вопли радости, и обнаженными ногами, на горящихъ угольяхъ, продолжа-

ли свой *цикръ*, танецъ сопровождаемый пѣніемъ, о которомъ мы уже пытались дать маленькое понятіе. Мы чувствовали запахъ горѣлаго мяса, мы слышали какъ-будто лопалась на огнѣ кожа, и между-тѣмъ, кто бы этому повѣрилъ,—мы прикасались къ ногамъ пятерыхъ или шестерыхъ изъ этихъ фанатиковъ,—кожа у нихъ на ногахъ была совершенно свѣжа и нимало не повреждена! Нѣкоторые, недовольные прыганіемъ по раскаленнымъ угольямъ, набирали ихъ въ пригоршни и тушили сжимая руками; другіе наполняли угольями свой ротъ и съ силою вдыхали въ себя воздухъ, чтобъ раздуть огонь или испускали дыханіе изъ себя, разсыпая вокругъ тысячи искръ.

Когда отъ всѣхъ этихъ угольевъ остался только пепелъ, явился одинъ изъ слугъ Бенъ-Каддура, потрясая желѣзной садовой лопатой, раскаленной въ огнѣ. Анссауа обратились массой, чтобы схватить лопату, борьба завязалась между ними, борьба невѣроятная, неслыханная! При полу-мракѣ, господствовавшемъ на дворѣ и придававшемъ предметамъ какой-то фантастическій видъ, можно было подумать, что это борьба демоновъ! Всѣ уста пѣнились, дрожали, какъ-будто въ ожиданіи высочайшаго сладострастія; всѣ глаза, устремленные на этотъ кусокъ желѣза, раскаленного до-бѣла, любовались имъ съ какою-то свирѣпою похотью. Кусокъ хлѣба не возбудилъ бы такого бѣшеннаго изступленія между голодными пассажирами на плотѣ, сколоченномъ изъ осколковъ потерпѣвшаго крушенія фрегата «Медузы», кусокъ хлѣба не оспаривали бы тамъ съ бѣльшимъ остервенѣніемъ.

Наконецъ, силою или ловкостью, одинъ изъ бойцовъ закладѣлъ желѣзомъ. Онъ бросился въ уголъ, чтобъ избавиться отъ завистливыхъ и вполнѣ предаться эгоистическому наслажденію. Потомъ ухвативъ обѣими руками рукоятъ лопаты, онъ поднесъ къ губамъ желѣзо, накаленное до-бѣла и припаялся преспокойно лизать его, съ тѣмъ покойнымъ и довольнымъ видомъ, съ какимъ кошка лижетъ свою лапу. Языкъ ѣжился, прикасаясь къ горячей пластинѣ и оставлялъ на ней влажный черноватый слѣдъ, который тотчасъ же пачезалъ. Но этотъ человекъ такъ забавлялся, и казалось, находилъ такое наслажденіе въ этой забавѣ, что по-истинѣ ему можно было позавидовать. Достаточно полизавъ лопату, онъ взялъ ее, всё-еще красную, въ зубы, стиснулъ изо всей силы и, безъ помощи рукъ, держалъ ее съ полминуты въ горизонтальномъ положеніи.

Между-тѣмъ, для успокоенія нетерпѣливости прочихъ послѣ-

дователей Анссы, которые въ ожиданіи своей очереди, уже работали челюстями, брошена была охапка кактусовыхъ листьевъ, усаженныхъ острыми шипами, длиною въ дюймъ и твердыми какъ сталь. Арабы не ѣли эти листья, а просто пожирали, и молочный сокъ растенія, пѣвившійся у нихъ на губахъ, во время кривляній *цикра*, придавалъ бѣснующимся видъ пастоящихъ эпилептиковъ. Я видѣлъ одного изъ нихъ, который былъ сластолюбивѣ своихъ товарищей и, отвергая листья кактуса, какъ закуску слишкомъ безвкусную, зажигъ цѣлый пучокъ тонкихъ восковыхъ свѣчекъ, держалъ ихъ нѣсколько минутъ въ рукѣ, между-тѣмъ какъ на нее свѣсилась пылающіе свѣтильники и капалъ воскъ, потомъ сталъ водить ими по обнаженнымъ рукамъ, по груди, по лицу и, наконецъ, разомъ проглотилъ все горящія огарки. Послѣ этого онъ схватилъ кусокъ стекла, осколокъ карфина, валявшійся на дворѣ, и какъ-будто кусокъ леденца, разжевалъ, истеръ стекло зубами.

Ротъ этого человѣка долженъ былъ облиться кровью, но когда онъ передо мною открылъ свой ротъ, то я не замѣтилъ въ немъ ни царапины! Да не подумаютъ, что я сочиняю или преувеличиваю; еще разъ замѣчу, я просто рассказываю то, что видѣлъ, ссылаясь на свидѣтелей, которыхъ я уже поименовалъ. Пусть же толкуеть, кто можетъ, эти непостижимые факты и другіе, еще болѣе неслыханные, о которыхъ мнѣ остается рассказать здѣсь; повторяю, все это происходило передъ моими глазами и я не имѣю права отвергать эти факты. Только одно меня удивляетъ, что ни одинъ изъ многочисленныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Алжиръ, до-сихъ-поръ не сказалъ ни слова объ этой сектѣ Анссы, между-тѣмъ какъ обряды ея отправляются публично и довольно часто. Не знаю, чтобы гдѣ-нибудь упоминалось о ней, кромѣ «Африканскаго альманаха», на 1845 годъ.

Отъ времени до времени кто-нибудь изъ бѣснующихся, изнуренный усталостью, падаетъ навзничъ, испуская ужасныя стenanія; тотчасъ прибѣгаетъ пегръ, которому поручена эта обязанность, оттираетъ, откачиваетъ умирающаго и несчастный, приведенный въ чувства, снова начинаетъ свою неистовую пляску.

Каждый изъ послѣдователей Анссы въ свою очередь пользовался счастьемъ ползать вкусную лопату, которую тотчасъ же клали въ огонь, лишь-только она казалась недостаточно красною. Когда послѣдній гость схватилъ лопату, и когда на забаву ос-

тальных не оставалось уже ни одного кактусоваго листа, принесли что-то живое, копышущееся въ капюшонѣ бурнуса; когда гости это замѣтили, то запрыгали отъ радости. Подстрекаемые визгомъ женщинъ, какъ стая голчихъ свистками, Арабы съ бѣшенными криками кинулись на эту новую добычу. Борьба, возбужденная появленіемъ раскаленной лопаты была игрой сравненія съ ужасной сумятицей, которую теперь намъ пришлось увидѣть. Они дрались, кусались, терзали другъ друга до такой степени, что двухъ или трехъ бойцовъ вынесли за-мертво. Никто объ этомъ не беспокоился; это казалось весьма обыкновеннымъ, а между-тѣмъ случалось, что въ этой страшной борьбѣ несчастные падали — и уже не вставали.

Одинъ изъ предстоящихъ разсказывалъ намъ по этому случаю, что Гуссейнъ, послѣдній алжирскій дей, припавъ управленіе, запретилъ отправленіе обрядовъ послѣдователей Аиссы. Между-тѣмъ, такъ какъ мѣра эта возбудила сильный ропотъ въ народѣ, Гуссейнъ обѣщалъ уничтожить ее, если только приверженцы Аиссы не выйдутъ съ честію изъ того испытанія, какое онъ самъ, Гуссейнъ, возложилъ на нихъ. Секта отправила къ нему трехъ повѣренныхъ, избранныхъ, разумѣется, изъ числа самыхъ пзувѣренныхъ ея членовъ. Дей велѣлъ подать этимъ фанатикамъ ужасную похлебку, приготовленную изъ ядовитыхъ растеній, сваренныхъ въ какой-то жидкости, въ родѣ нупороспой кислоты. Фанатики выпили эту адскую микстуру, не только не обнаруживая страданій, но еще съ особенною жадностью, и дрались между собою за каждую ложку; когда же жидкость была выхлебана, то одинъ изъ нихъ бросился на своихъ товарищей съ кипжаломъ и закололъ обонхъ, для того чтобъ съѣсть одному всю гущу!

Этотъ поступокъ можетъ дать понятіе о томъ бѣшенствѣ, съ какимъ толпа бросилась, передъ нашими глазами, на новую подачку. Разрываемый съ двадцати сторонъ, таинственный капюшонъ открылся: онъ былъ наполненъ разными гадами и ядовитыми пресмыкающимися. Каждый изъ побѣдителей погружалъ свою руку въ мѣшокъ и схватывалъ свою долю отвратительной добычи.... Мы смотрѣли на это, ledenъ отъ ужасу; намъ казалось, что все это сонъ, если бъ мы уже прежде не присутствовали на одномъ изъ подобныхъ адскихъ праздниковъ. Тутъ, одинъ изъ фанатиковъ давалъ свою голую руку ужалить огромному скорпиону, котораго клалъ потомъ себѣ въ ротъ! Тамъ, другой изъ этихъ демоновъ, для возбужденія ярости въ пресмыкающемся, обжигалъ ему лапы на свѣчкѣ; рапсый скорпионъ изворачивался

и вонзалъ жало въ руку мучителя. Далѣе, три или четыре сектатора схватили ужей и истязали ихъ всѣми способами: повязывали ихъ около своей шеи, около рукъ, ногъ, хлестали ими себя по груди, по бедрамъ или откусывали у нихъ хвостъ;—или даже въ свой собственный языкъ давали впиться змѣиному жалу, и плясали съ висящей такимъ образомъ гадниной! Подумають, можетъ-быть, что эти ужй и скорпионы приготовлены заранѣе и сдѣланы безвредными, вѣтъ: они сохраняютъ всю свою силу и весь свой ядъ. Недовѣрчивые могутъ впрочемъ сами приносить гадинъ и предлагать ихъ фанатикамъ, которые безнаказанно забавляются ими, какъ и всякими другими. Особенно одно обстоятельство не допускаетъ сомнѣнiя насчетъ того, что эти люди выходятъ невредимы изъ всѣхъ ужасныхъ испытанiй, которымъ они себя добровольно подвергаютъ: большую часть гостей, собравшихся у Бенъ-Каддура, мы уже видѣли наканунѣ, въ Блидѣ, гдѣ они точно такъ же выносили прикосновенiе огня и укушенiе пресмыкающихся.

Опьяненные пѣнiемъ и необузданной пляской, возбужденные въ высшей степени бѣшенымъ циркомъ, эти люди впадаютъ въ какую-то безчувственность и, какъ-будто, въ состоянiе неуязвимости.

Достойные послѣдователи Анссы раскусывали скорпионовъ, рывали ужей; но не всё-еще было кончено. Бенъ-Каддуръ, какъ подобаеть роскошному господину, приготовилъ сюрпризъ гостямъ своимъ. Онъ приказалъ привести на дворъ отпѣннаго чернорогаго барана, быть-можетъ лучшаго въ стадѣ. Безполезно упоминать о томъ, что при видѣ его вся эта свирѣпая толпа завывала отъ удовольствiя. Съ бѣднаго животного содрали шкуру, разорвали его на куски, и черезъ четверть часа отъ барана оставались только кости, да рога. Канибалы пожрали даже шкуру.

Этихъ ужасовъ было съ насъ достаточно: мы не имѣли мужества дожидаться окончательнаго цирка, которымъ обыкновенно завершаются эти праздники, и послѣ котораго всё послѣдователи Анссы, взнуренные, падаютъ безъ движенiя. Испытанiя огнемъ, стекломъ, гадинами, насъ только ужаснул; но зрѣлище барана, съѣденнаго за-живо, глубоко возмутило наше сердце. И такъ мы успѣли отблагодарить Бенъ-Каддура, и уѣхали. Съ этой ночи, воспоминанiе о послѣдователяхъ Анссы не разъ дарило меня кошмарами.

УВАРЪ ВЪ ТЮРЬМЪ НЕОПЛАТНЫХЪ ДОЛЖНИКОВЪ. *Статья Мер.ля.* Когда я прѣхалъ въ Парижъ, оргнъ временъ директорн

были уже позабыты; Бонапартъ, котораго частная жизнь была честна и благопристойна, поочистилъ хлѣвы Барраса и предалъ презрѣнію, посмѣявію всѣхъ этихъ героннъ Люксанбура, которыя тамъ парадировали нравы, склонности и костюмъ греческихъ прелестницъ; *высшій bon ton* (это было употребительное выраженіе) состоялъ въ ближайшемъ подражаніи костюму или, еще лучше, наготѣ жриць Паоса и Амазонты. Въ Парижѣ нашлась цѣлая толпа Лансъ и Аспазій, которыя усердно выказывали свои прелести сквозь прозрачѣйшіе газы, не только на пирахъ Барраса, не только въ галереяхъ медицинскаго дворца, но даже, съ тѣмъ же самымъ цинизмомъ, и въ аллеяхъ Тюльрийскаго Саду и Булонскаго Лѣсу. Многія изъ этихъ корифеекъ Люксанбура превратились впоследствии въ весьма знатныхъ дамъ и даже супругъ, отмѣнно скромныхъ и совершенно цѣломудренныхъ. Умолчу ихъ имена, потому что не намѣренъ писать скандальзной хроники; назову только одну изъ знаменитѣйшихъ: это — Ида де-Сенъ-Эльмъ, впоследствии болѣе извѣстная подъ названіемъ *Современницы*. Эту можно назвать, безъ опасенія оком-прометировать ее.

Въ ту эпоху, одинъ человѣкъ господствовалъ въ парижскомъ обществѣ, столько же пріятностью своей паружности, изящнымъ обращеніемъ, великодушіемъ, сколько своею роскошью, расточительностью. огромнымъ богатствомъ; этотъ человѣкъ пользовался неограниченнымъ кредитомъ, славился своими блестящими пирами, а особливо мпожествомъ восхитительныхъ похощеній; съ времени главновачаѣствующаго надъ финансами, Фуке, ничего не выдывали подобнаго; человѣкъ о которомъ говоримъ, былъ — Жюліенъ Увваръ, банкиръ и главный провіантмейстеръ сухопутныхъ и морскихъ силъ Республики. Это былъ финансовый геній той эпохи; онъ уже вѣрчалъ всѣми финансами Европы и даже Америки. Выступивъ на поприще изъ лавочки мелочнаго торговца въ Нантъ, Увваръ, на осьмнадцатомъ году, при началѣ революціи, приобрѣлъ, ловкими и смѣлыми оборотами, колоссальное богатство; и въ нѣсколько лѣтъ увеличилъ его во сто разъ, другими оборотами, которые своею смѣлостью и важностью результатовъ испугали бы даже Ротшильда.

Увваръ былъ обладателемъ несмѣтнаго имущества; у него были помѣстья Прѣйли, Арзей, семь тысячъ десятинъ лѣсу, помѣстья Шато-Нѣфъ, Сенъ-Бри, Сенъ-Грасіенъ, Вильяндри, Марли, Люсидъ, Лажонтѣръ, осемьдесятъ фермъ близъ Кёльва, съ которыхъ доходъ простирался свыше шестисотъ тысячъ франковъ; шесть

домовъ , одинъ отель въ улицѣ Шоссе д'Антвѣнъ , другой на Вандомской Площади , наконецъ великолепный отель Телюссонъ , безподобная земля Ревсѣ , принадлежавшіе сперва Орлеанскому дому , гдѣ Уваръ любилъ давать свои блистательные пиры .

Не стану слѣдить за Уваромъ въ его жизни , исполненной приключеній и случайностей ; я хочу рассказать только одинъ изъ любопытнѣйшихъ анекдотовъ этой жизни .

Бонапартъ съ юныхъ лѣтъ ненавидѣлъ Увара , по причинамъ , которыхъ никто хорошенько не знаетъ . Къ этому присоединилось еще непреодолимое отвращеніе , какое онъ имѣлъ вообще къ поставщикамъ , которые никогда не могли ни добиться его милостей , ни истребить въ его умѣ воспоминаніе о томъ , какъ эти спекулянты грабили италійскую армію ; Бонапартъ былъ самъ свидѣтелемъ и часто жертвой этого хищничества .

Еще одна причина къ неудовольствію присоединилась къ прочимъ . Извѣстно , что Мальмезонъ долгое время былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Бонапарта ; туда онъ по воскресеньямъ прѣзжалъ отдохнуть отъ тягостныхъ и скучныхъ государственныхъ дѣлъ ; тамъ онъ наслаждался дружескою бесѣдой и всѣми семейными радостями ; но шумъ пировъ и псовой охоты , которыми Уваръ занимался въ своемъ лажоншерскомъ помѣстьѣ , мѣшалъ спокойствію Перваго Консула : онъ гнѣвался на то , что какой-нибудь поставщикъ живетъ-себѣ , какъ принцъ , въ замкѣ , который отдѣлялся отъ Мальмезона только ровомъ парка . Уваръ , которому не безызвѣстно было неудовольствіе могущественнаго сосѣда , благоразумно рѣшился продать Лажоншѣръ . Все это не обезоружило вражду Бонапарта , который не могъ простить Увару финансовыхъ его сдѣлокъ съ испанскимъ королемъ и съ министромъ его , княземъ Мира .

— Мосѣ Уваръ , сказалъ ему однажды Бонапартъ съ досадою , при переговорахъ въ Сен - Клу : вы низвели королевское достоинство до уровня коммерціи .

— Государь , отвѣчалъ ему банкиръ : торговля душа государствъ : она не нуждается ни въ комъ , но правительство часто нуждается въ ней .

Императоръ слишкомъ глубоко чувствовалъ свое достоинство , чтобы могъ забыть такую наглую истину . На другой же день онъ отдалъ декретъ , въ которомъ , безъ всякихъ конечныхъ расчетовъ объявлялось , что Уваръ и его товарищи — Дебрѣ и Волербергъ должны въ казну кругленькую сумму осемьдесятъ семь

милліоновъ, которые слѣдовало уплатить въ государственное казначейство въ кратчайшій срокъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда императоръ былъ въ Шёнбруннѣ, и, вѣроятно, отъ бездѣля, въ ожиданіи Ваграмской битвы, ему, вздумалось объявить Уврара порукою за испанскаго короля Карла-Четвертаго, на сумму въ десять милліоновъ піастровъ, а покуда онъ не расплатится съ казною, Наполеонъ отдалъ строжайшее приказаніе засадить Уврара въ тюрьму неплатныхъ должниковъ, въ Sainte-Pélagie. Это самовольное преслѣдованіе произвело въ Парижѣ самое плачевное впечатлѣніе. Увраръ смотрѣлъ на это съ веселой стороны, и устроился такъ хорошо, что спустя нѣсколько дней, въ темницѣ его можно было найти все, къ чему привыкъ свѣтскій человѣкъ и милліонеръ.

Случай или, лучше, счастливая звѣзда Уврара послала въ нему тюремщикомъ человѣка умнаго, учтиваго, съ правомъ кроткимъ, тогда какъ это мѣсто обыкновенно назначается заслуженному помощнику тюремщика. На этотъ разъ тюремщикъ былъ человѣкъ изъ порядочнаго общества; онъ прозывался Тетаромъ. Господинъ Пакіе, пользовавшійся тогда общимъ довѣріемъ и вскорѣ потомъ сдѣлавшійся префектомъ полиціи, заботился о Тетарѣ съ отеческою нѣжностью, доставилъ ему мѣсто, удвоилъ въ пользу новичка жалованье, и даже титулъ тюремщика, не довольно звучный, измѣнилъ въ названіе *директора*. Тетаръ такъ же мало могъ быть тюремщикомъ, какъ схватить луну зубами; Тетаръ скоро постигъ Уврара, и, какъ человѣкъ умѣющій жить, предложилъ ему въ полное распоряженіе свою квартиру. Эта директорская квартира находилась на первомъ дворѣ и отдѣлялась отъ тюрьмы другимъ дворомъ, довольно обширнымъ. Квартирка, правда, была скромная, но Увраръ, отличавшійся во всѣхъ дѣлахъ изящнымъ вкусомъ и щедростію, въ нѣсколько дней превратилъ это жилище въ восхитительный *Palazzino*. Мѣста было довольно, смышленый архитекторъ Селеріе, другъ узника, отдѣлалъ приемную и будоаръ со всевозможными удобствами, потомъ столовую, гдѣ удобно могли обѣдать пятнадцать человѣкъ гостей; эта комната, посредствомъ удачно устроенныхъ перегородокъ, въ нѣсколько минутъ превращалась въ изящный салонъ, а въ случаѣ надобности, и въ концертную или бальную залу. Все это было убрано со вкусомъ художника и съ пышностью милліонера. Въ нѣсколько дней Жакобъ и Ливьерѣ разставили тамъ самую отборную мебель; бронза, канделябры, дорогіе часы Томира и Равріо украшали всѣ углы,

всѣ каминны. Буляръ выказалъ все свое умѣнье въ дѣлѣ драпировки комнатъ шелковыми обоями; Эраръ прислалъ одно изъ отличѣйшихъ своихъ піано. Заштатная канцелярія превращена была въ буфетную, и старые списки колодниковъ, плѣсневѣвшіе болѣе двадцати лѣтъ на еловыхъ полкахъ, были брошены на чердакъ; на мѣстѣ ихъ появились изящныя буфеты, великолѣпныя поставцы для посуды, обремененныя прекраснымъ хрусталемъ, неподобнѣйшимъ севрскимъ фарфоромъ, богатѣйшими серебряными и вызолоченными сервизами, которые вышли изъ мастерскихъ Одю и Биеннѣ. Кухни устроены были въ подвалахъ; управлялъ ими Бовилье. Часть подваловъ была обращена въ кладовыя и погребы, который былъ ввѣренъ Увраромъ его другу, Туртү, первому лакомкѣ и тончайшему знатоку въ винахъ во всей Франціи. Можно себѣ представить, что лапоть и шапато-марго и кло-де-вужо имѣли въ томъ погребѣ самыхъ образцовыхъ и старыхъ представителей.... Кто внезапно былъ бы перенесенъ въ *театрицу* Уврара, когда тамъ давался большой обѣдъ или великолѣпный вечеръ, тотъ подумалъ бы, что находится въ одномъ изъ павильоновъ Марліи или Трианона.

По довольно странному случаю, попалъ я, съ нѣсколькими изъ моихъ пріятелей, въ число собесѣдниковъ Уврара.

Въ труппѣ театра *Variétés* находился въ то время одинъ молодой, беззаботный весельчакъ, по имени Обертенъ, сынъ придворнаго торговца перьями, который былъ одною изъ жертвъ революціи, при чемъ семейство это въ-конецъ разорилось. Обертенъ учился весьма порядочно, онъ былъ малый неглупый и, вообще, достойный лучшей участи чѣмъ участь посредственнаго актера.

Его, бѣдняка, арестовали и записали въ обыватели улицы Ключа, какъ тогда пошло, за какой-то ростовщичій должокъ въ сотню экю. Мы сложились, составили эту сумму, и пошли, Бразіе, Дезожіе и я, пошли возвѣститъ бѣдняку благополучное его освобожденіе. Отправляясь въ тюрьму, мы, на всякій случай, положили въ свой фіакаръ лесажевскій пирогъ и пару бутылокъ вина. Торопливо взбѣжали мы въ третій этажъ, гдѣ помѣщался нашъ пріятель и еще съ площадки лѣстницы кричали ему:

— Радуйся, Обертенъ, послѣ завтра утромъ ты свободенъ, а куда мы пришли пообѣдать съ тобой и рюмкой вина поздравить тебя съ выходомъ изъ тюрьмы.

Мы застали его занятымъ окончапіемъ своего туалета; онъ принялъ насъ съ радостью и признательностью; обвиняя его, мы

повторили пріятную новость; но какъ же мы были удивлены, когда онъ съ замѣшательствомъ отвѣчалъ намъ:

— Друзья мои, не сердитесь, мнѣ никакъ нельзя принять ни одного ни другаго изъ вашихъ предложеній; чтѣ касается до объѣда съ вами.... я уже приглашенъ на большой пиръ и потомъ на концертъ: буффы пѣть будутъ, вечеръ будетъ блистательный.

Мы думали, что онъ ряхнулся. Большой пиръ въ Sainte-Pélagie! большой концертъ въ тюрьмѣ! мы тутъ ровно ничего не понимали; онъ разрѣшилъ намъ эту загадку, рассказавъ о недавнемъ арестованіи Уврара и обо всѣхъ чудесахъ, какія онъ втеченіи пятнадцати дней надѣлалъ въ тюрьмѣ и превратилъ ее въ дворецъ Алладина.

— Друзья мои, прибавилъ Обертэнъ, я пользуюсь полною благосклонностью Уврара; по прибытіи его сюда, я написалъ къ нему нѣсколько стиховъ, которые ему очень понравились; онъ пригласилъ меня къ объѣду; и вотъ съ этой поры я объѣдаю у него ежедневно; я тамъ почти что метръ-д'отель; Увваръ называетъ меня своимъ архитриклиніемъ, то есть, распорядителемъ пиршествъ. Сегодня онъ даетъ большой объѣдъ и блестящій вечеръ; съѣдется вся финансовая знать, говорятъ, будутъ даже одинъ или два министра никогито. Каммердинеръ сказалъ мнѣ утромъ, по секрету, что Барбѣ-Марбоа, министръ государственной казны, долженъ быть въ числѣ гостей, чтобы потолковать съ хозяиномъ о займѣ въ пятьдесятъ милліоновъ.

Все чтѣ говорилъ намъ Обертэнъ, казалось намъ бредомъ узника; но, узнавъ хорошенько подробности дѣла, мы принуждены были всему повѣрить.

Удивленіе наше возрасло еще болѣе, когда Обертэнъ прибавилъ:

— Чтѣ касается до свободы, которую вы мнѣ предлагаете, и ее принять мнѣ невозможно; во всякомъ случаѣ, тѣмъ не менѣе я благодарю васъ, дорогіе друзья мои; но, согласитесь сами, надо быть съумасшедшимъ, чтобы покинуть завидное положеніе, какимъ я здѣсь пользуюсь, и добровольно опять надѣть на себя тяжелый хомутъ нищеты, по-прежнему глупо представлять на сценѣ довольство, которымъ я здѣсь наслаждаюсь на дѣлѣ. Одно только прошу я, чтобъ Богу угодно было продлить въ тюрьмѣ счастливые дни моего благополучія.

Мы оставили Обертэна, изумленные его философіей и такъ-какъ объѣдъ нашъ съ нимъ не удался, то и отправились объѣдать въ «Огонь вѣчный», трактиръ на госпитальномъ бульварѣ; объѣдъ

нашъ былъ очень веселъ, настоящій обѣдъ водевильстовъ, за которымъ мы импровизировали разные куплеты...

Съ дюжиною этихъ куплетовъ послали мы, черезъ коммиссіонера, къ Обертѣну: куплеты доставлены во-время, такъ что Обертѣну удалось проѣхать вхъ за десертомъ; и оиѣ, повидимому, заслужили большой успѣхъ, потому что на-завтра же мы получили отъ Уврара приглашеніе пожаловать къ нему откушать, на *виллу* его въ улицѣ Ключа.

школьникъ у тальмы. Я кончилъ курсъ ученія около второго года консульства. Чтò бы ни говорили о тѣхъ пріятныхъ минутахъ, которыми можно наслаждаться въ школахъ — право, выпускъ—прекрасная вещь. Какъ все блеститъ надеждами въ будущности выпускнаго студента! Трудно выносить первыя впечатлѣнія. Покажѣть все для него счастье и наслажденіе; покажѣть оиѣ не вѣрять въ разочарованіе, и принимаетъ за чистую правду тотъ міръ, на который смотреть сквозь призму самыхъ радужныхъ заблужденій. Въ этомъ возрастѣ уже сильно думается; но мысль такъ неустойчива, такъ прелестна! и это происходитъ отъ нѣкотораго роду неувѣренности въ себѣ, робости, означающей впрочемъ всегда порядочно воспитаннаго молодого человѣка. Эта неувѣренность въ себѣ не подавляетъ внутренней энергій, но сосредоточиваетъ ее глубже внутри, и только въ страстныхъ минуты изливается она вся въ неупержимомъ, сильномъ взрывѣ. Въ этомъ возрастѣ почти всегда и невольно выбираешь себѣ образцомъ кого-нибудь изъ тѣхъ людей, которые уже давно подвизаются на аренѣ жизни, и отсюда начало нашего перваго направленія, нашихъ вкусовъ и господствующихъ наклонностей.

Чтò касается до меня, то я въ эту эпоху не зналъ ничего выше искусства прочесть чтò-нибудь вслухъ хорошенько и находилъ цензьяспную прелесть въ хорошей, правильной декламациі.

Только-что я почувствовалъ себя на свободѣ, немедленно и съ жадностью сталъ изыскивать и посѣщать разныя литературныя собранія. Тутъ я слышалъ нѣсколько разъ Виже, недурнаго поэта, не много напыщеннаго въ глазахъ строгихъ классиковъ, но извѣстнаго за превосходнаго чтеца. Оиѣ читалъ дѣйствительно съ необыкновенною граціею и особенно одно свое стихотвореніе «*Mes visites*». Но и отдаленнаго сравненія не могло быть между нимъ и аббатомъ Деллемъ! Я былъ представленъ однимъ изъ друзей моихъ типографщику Мишò и у него-то я имѣлъ счастье слушать Делля, который сначала прочелъ «*les Vous et les Tu*».

Вольтѣра, собственно ддятого только, чтобы войти въ настоящую пассію чтенія, и потомъ уже цѣлую пѣснь своей новой поэмы «de l'Imagination», печатавшейся тогда у Мишю. Невозможно выразить, что это было такое! Просто ли онъ говорилъ, или декламировалъ? Казалось—и въ мое время можно было такъ выражаться—что самъ богъ поэзіи вдохновлялъ его, что самъ Аполлонъ влагалъ ему въ уста въ одно и то же время и прелестный стихъ, который, кажется, вылился прямо импровизаціей, безъ труда и эту сладость, которою онъ облакалъ его въ чтеніи. Въ эти минуты аббатъ Делиль былъ самъ Орфей; недоставало только лиры, но что за дѣло до лиры, среди этой высшей духовности наслажденія, отъ которой духъ занимался и вдохновлялся умъ. Это одно изъ тѣхъ воспоминаній, которыя никогда не изглаживаются и даже молодѣютъ съ теченіемъ времени. Тальма въ минуты своего вдохновенія производилъ рѣшительно то же самое впечатлѣніе, несмотря на то, что имѣлъ органъ богаче, звучнѣе, а аббатъ Делиль, не пользуясь этими преимуществами царя французской сцены, имѣлъ какую-то особенную, непріятную сухость въ голосѣ.

Царь сцены! Однако же Тальма не властвоваѣ еще тогда безъ раздѣла, какъ послѣ. Поклонниками его были во-первыхъ, вся молодѣжь, только-что вышедшая изъ школы, и большинство литераторовъ; но старички, посѣтители французскаго театра, видѣвшіе Лекена, тѣ самые, которые послѣ потери Лекена ни въ чемъ не могли найти утѣшенія, развѣ только въ эксцентрической декламациі Деларива; молодежь высшего общества и почти всѣ женщины, кромѣ развѣ одной мадамъ Сталь, предпочитали Лафона, конечно, актера не безъ дарованія, долго соперничавшаго съ Тальмой—ровно до той минуты, когда послѣ представленія «Никомеда», Люсь де-Лансиваль, бросившись въ восторгъ на шею Тальмѣ, закричалъ:

— Другъ мой, ты утопилъ Лафона въ Тразименскомъ Озерѣ.

Люсь де-Лансиваль намѣкалъ такимъ образомъ на энергически произнесенные Тальмой два стиха трагикомедіи, вырвавшіе аплодисманъ у партера:

Et si Flaminius en est la capitaine

Nous pourrons lui trouver un lac de Trasimène.

Восторгъ Люсь де-Лансиваля былъ не преувеличенъ. Тальма, тихимъ, разстановочнымъ голосомъ, съ невѣроятною явностію про-

тянулъ весь первый стихъ и половину второго, до слова *las*, которое вырвалось ударомъ молніи и грому. Несчастный актеръ, справлявшійся съ ролей Фламниа, былъ оглушенъ, потерялъ, сконфуженъ въ-конецъ.

Соперничали тогда не одни Тальма и Лафонтъ; въ одномъ французскомъ театрѣ было три соперничества: госпожи Жоржъ и Дюшенуа, спорили о первенствѣ въ роляхъ королевъ, и весь партеръ былъ раздѣленъ ими на двѣ враждебныя партіи. Та же самая вражда существовала относительно актрисъ Вальми и Бургоэнъ.

Вы уже предчувствуете — я былъ отчаянный обожатель Тальмы; онъ меня съ ума сводилъ отъ восторгу. Я не стыжусь въ этомъ признаться, и завидую эпохѣ первыхъ моихъ ощущений. Тогда, бывало, я пропускалъ обѣдъ, чтобъ явиться по-раньше въ кассу за билетомъ. Какое же это странное дѣло время! Я до сихъ-поръ еще и съ мѣста не двинулся, чтобы взглянуть на мадамъ Рашель.

Въ одинъ прекрасный вечеръ я вышелъ изъ театра, гдѣ давали «Андромаху», до того влюбленный въ Тальму, — я еще слабо выразился, — что не могъ спать цѣлую ночь. Съ Расиномъ въ рукахъ, я всю ночь декламировалъ роль Ореста и къ-утру весьма исправно охрипъ. Но это еще все ничего. На другой день, не имѣя силъ удержаться, желая во что бы то ни стало быть знакомымъ съ Тальмой, котораго воображеніе мое представляло себѣ въ какой-то блестящей ореолѣ, я ни съ того ни съ сего, будь что будетъ, послалъ ему объясненіе... въ моемъ удивленіи къ его таланту. Отвѣтъ не замедлилъ. На слѣдующій день я получилъ письмо отъ Тальмы, въ которомъ онъ приглашалъ меня къ себѣ когда я хочу, и упоминалъ, что застать его можно всегда отъ трехъ до четырехъ часовъ пополудни.

Вы, вѣрно, знаете какого роду записочки обыкновенно приводятъ въ восторгъ молодыхъ людей моего тогдашняго возраста! Смѣю увѣрять васъ, что ни одна изъ этихъ записочекъ, хоть бы самая розовенькая, не могла бы меня восхитить такъ какъ записка Тальмы. Я перечиталъ ее двадцать разъ; я гордился ею и въ припадкѣ самолюбія показалъ ее, по-крайней-мѣрѣ, десятерымъ изъ моихъ прежнихъ товарищей. Мы всѣ любили литературу, театръ, поэзію; записка Тальмы какъ-то возвысила меня въ ихъ глазахъ. «Счастливецъ, говорили они, ты познакомишься съ Тальмой». Мы тутъ же всѣ положили собраться на завтракъ, гдѣ я подробно долженъ былъ рассказать весь мой первый визитъ, который я положилъ сдѣлать сейчасъ же.

Ровно въ три часа я позвонилъ у антресоль большого дома господина Влжье, на Вольтеровой-Набережной. Небольшая квартира Тальмы выходила на набережную. Сообразно съ модой того времени, она была отдѣлана вся въ греческомъ вкусѣ. Сердце мое билось; я началъ думать о моей выходкѣ: полно прилична ли она? Представьте же мое изумленіе: вмѣсто Ореста встрѣчаетъ меня, самымъ простымъ и безцеремоннымъ образомъ, самый добрый чловѣкъ въ мірѣ, хотя впрочемъ въ улыбкѣ его замѣтно что-то тонкое, и даже какъ-будто насмѣшливое. Съ первыхъ словъ, которыми я его привѣтствовалъ, онъ, добрый душа, заключилъ, что я, вслѣдствіе самой неудержимой страсти, хочу поступить на сцену; досадно мнѣ, что я никакъ не могу припомнить теперь, всѣхъ превосходныхъ совѣтовъ и увѣщаній его, чтобы заставить меня отступить отъ актерства. Когда же я его разувѣрилъ, объявивъ, что единственнымъ желаніемъ моимъ было узнать его и лично засвидѣтельствовать ему уваженіе, и что одно это вынудило меня на выходку, можетъ-быть необдуманную, то прекрасное лицо его засіяло самою наввною радостью, вполнѣ разогнавшею всю мою мѣшковатость. Чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на него, тѣмъ менѣе узнавалъ въ немъ актера, героя театральныхъ подмостковъ; и даже потомъ, впоследствии, я никакъ не могъ согласить этого лица, съ тѣмъ, которое, являясь на сценѣ, и преобразалось сообразно выполняемой роли. Тальма, чловѣкъ, оставался за кулисами; на сценѣ оживотворялось совершенно другое лицо, лицо героя трагедіи.

Я былъ у него съ полчаса, какъ кто-то вошелъ; изъ вѣжливости я взялся за шляпу, но, къ моему величайшему удовольствію, онъ удержалъ меня. Вошедшій былъ чловѣкъ весьма странный. Это былъ знаменитый Флорансъ, вѣчный режиссёръ французскаго театра, котораго Жофруа упрекалъ въ свое время за излишнее искусство составлять аѣнши. Что бы сказалъ великій критикъ теперь, присмотрѣвшись къ нашему времени? Флорансъ былъ взволнованъ, черныя брови его были нахмурены, и вся фигура его была точно въ такомъ же безпорядкѣ, какъ и парикъ его. Дѣйствительно, была бѣда. Къ вечеру объявили «Заиру»; Лафонтъ былъ въ полной апогеѣ славы, надѣялся на полный сборъ; но Дамась захворалъ и некому было играть «Нерестана». Спектакль могъ состояться только въ томъ случаѣ, когда Тальма согласится играть «Нерестана», за котораго онъ брался только въ своихъ первыхъ дебютахъ. Гибъвъ Тальмы и полный отказъ.

Могу васъ увѣрить, что вся эта сцена, продолжавшаяся очень долго, меня весьма позабавила. Наконецъ послѣ тысячи возраженій, краснорѣчивый Флорансъ побѣдилъ, и вышелъ, сія торжествомъ, объявить всѣмъ въ театрѣ, что спектакля не нужно откладывать.

— Я надѣюсь, что вы будете въ театрѣ, сказалъ мнѣ Тальма, когда я наконецъ взялся за шляпу.... Какая тоска! заставить меня играть Нерестана!.... Да я и роли не помню.... Впрочемъ, всё равно, прибавилъ онъ послѣ минутнаго размышленія: я имъ покажу, каковъ долженъ быть Нерестанъ.... Христіанши и братъ — вотъ и все.

Меня всегда удвигалъ этотъ краткій, но сильный анализъ роли Нерестана. Тальма попросилъ меня написать ему мое имя.

— Я объявлю ваше имя въ театрѣ служителю, сказалъ онъ. Приходите въ шесть часовъ, спросите меня; вы зайдете въ мою ложу и потомъ я вамъ достану мѣсто.... Я буду играть для васъ, и вы мнѣ скажете потомъ, хорошо ли...

«Я буду играть для васъ!...» Какъ легко мнѣ было, когда я шелъ обратно по набережной къ Пале-Роялю!.... Мнѣ и въ умъ не приходило, чтобъ Тальма могъ надо мною смѣяться, чего, впрочемъ, вовсе и не было. Сколько разъ случалось ему играть такимъ образомъ, для одного зрителя, особенно когда хотѣлось ему попробовать что-нибудь новое, ввести какой-нибудь новый эффектъ; и съ какимъ вниманіемъ прислушивался онъ потомъ къ замѣчаніямъ, которыя ему дѣлали! Что же касается до меня, съ этого дня я почелъ законнымъ именоваться записнымъ обожателемъ Тальмы. Можете судить, поспѣлъ ли я въ назначенный часъ въ его ложу. Мнѣ никогда не случалось быть за кулисами и я едва не пропалъ въ лабиринтѣ корридоровъ. Наконецъ я добрался до Тальмы. Онъ былъ въ рукахъ костюмера, и стоялъ въ очкахъ съ самымъ не геронческимъ видомъ; съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ разсматривалъ онъ свой рыцарскій костюмъ, не пропустивъ послѣдней складочки.

Тальма позвалъ Можелà — это имя осталось въ моей памяти. Въ двухъ или трехъ дверяхъ Можелà объявилъ имя Тальмы, и вотъ я сижу на первой скамьѣ балкона, со всею важною осмнадцати-лѣтняго критика.

Въ балконѣ французскаго театра на первой скамейкѣ! Я былъ счастливъ, я воображалъ себя уже очень важной особой. Зала скоро наполнилась; не оставалось ни одного мѣста пустаго. Не-

чего мнѣ разсказывать игру Тальмы. Вѣрный своему утрепленому анализу Черестановой роли, онъ придалъ ей какое-то неизъяснимо-трогательное братское, христіанское значеніе, и доказалъ, что можно блистать и во вторыхъ роляхъ и тѣмъ нисколько не повредить своимъ первымъ. Публика поняла новую манеру Тальмы,—исполненіе роли покойно, безъ криковъ, и съ жаромъ аплодировала ему. Я наслаждался его триумфомъ точно такъ же, какъ будто бы мнѣ дали награду въ коллегіумѣ, и если ужъ все сказать, такъ какъ Тальма собственно игралъ для меня, то я чувствовалъ, что могу нѣкоторымъ образомъ раздѣлять и славу его.

Въ то время я вовсе не пренебрегалъ заключительной пьесой. Скажемъ мимоходомъ, что трагедію давали всегда вмѣстѣ съ комедіей, которая слѣдовала за нею. Тогда еще не ввелось въ обычай начинать съ десерта, какъ теперь дѣлается. Но въ тотъ вечеръ, по окончаніи *Зауры*, я бросилъ все и побѣжалъ въ ложу Тальмы. Онъ уже переодѣлся, и я, видя такую скорую метаморфозу, подумалъ, что видѣлъ все представленіе во снѣ. Въ ложѣ его были артисты, литераторы, посланники, между которыми находился и блестящій графъ де-Кобенцель, такой чпстенькой, свѣтленькой, гладецкой, и съ самымъ форменнымъ дипломатическимъ лицомъ. Я въ первый разъ видѣлъ такой сановный народъ, вокругъ актера, и былъ внѣ себя отъ удивленія. Но потомъ посмотрѣлся вдоволь и пересталъ удивляться. Мнѣ всегда странно было, почему ни одинъ писатель, которому напримѣръ недостаетъ названія для новаго разбросаннаго сочиненія, похожаго на всякую смѣсь, не называлъ его: *ложса Тальмы*. Кто изъ современныхъ знаменитостей хоть разъ не побывалъ въ этой ложѣ? Само-собой разумѣется, что Первый Консулъ туда не ходилъ, но сколько разъ генералъ Бонапарте, гонимый конвентомъ, приходилъ, какъ и я, выхлопотать себѣ мѣстечко въ театрѣ черезъ покровительство Тальмы. Всѣ наперерывъ выхваляли Тальму за новую манеру, съ которою исполнилъ онъ роль Черестана. Одинъ я стоялъ молча, не въ-состояніи пошевелить языкомъ. Тальма обратился ко мнѣ.

— Ну, а вы.... да какъ-бишь васъ.... Ну, какъ вамъ показалось?

Это «какъ-бишь васъ», дотога меня озадачило, что я не зналъ какъ мнѣ отвѣчать. Мнѣ и въ умъ не пришло тогда, что Тальмѣ, несмотря на его огромную память, нужо безконечное время, чтобъ запомнить одни имена его друзей и поклонниковъ,

и несчастное: «какъ-бншь насъ», всегда вертѣлось у него на языкѣ, когда онъ кого-нибудь не видалъ долгое время. Не знаю видалъ ли и замѣтилъ ли Тальма мое замѣшательство, но онъ тотчасъ перевелъ рѣчь на роль Орозмана, исполненную Лафонтъ. Мнѣ памятно, что онъ долго и не безъ досады говорилъ на эту тему.

— Этотъ Орозманъ.... Конечно, я исполню когда-нибудь эту роль, но я еще не понимаю ее. Лафонтъ.... Лафонтъ.... Да, конечно, есть что-то, но это далеко не то!... Ну, да и что мнѣ дѣлать съ этимъ партеромъ? Знаете ли что они тамъ говорятъ? Тальма худо сыгралъ Орозмана, ему не удалось сказать какъ слѣдуетъ: Ты плачешь, Запра. Вотъ Лафонтъ, такъ сыгралъ, какъ онъ славно сказалъ: Ты плачешь, Запра.... Ну вотъ они, вашъ партеръ. Они обо всемъ судятъ по одному слову; всѣ ожидаютъ актера именно на этомъ словѣ.... а я, ну, я просто конфужусь. Когда подходитъ эта чертовская строчка, я самъ не свой, я смущенъ, я весь занятъ этимъ словомъ, и говорю не такъ, наизуворотъ. Не я виноватъ; виновата публика, которая сама сажаетъ насъ въ западню.... Это какъ ваши журналисты! Они всё толкуютъ о первыхъ представленіяхъ. Да какъ они могутъ знать попалъ ли я въ настоящій характеръ роли.... Да я и самъ этого не знаю.... Только въ четвертое, въ пятое представленіе я начинаю постигать мою роль... До-тѣхъ-поръ я учусь, я пробую какъ это выйdetъ передъ публикою; мнѣ нужно нѣсколько представлений для этого. Лексень тринадцать лѣтъ работаетъ надъ Перономъ въ Британникъ, покаместъ отдѣлалъ совѣтъ свою роль, и я постигаю это.... Еще: что за иллюзія съ этой безголовой обстановкой, съ этими статистами! Вотъ напримѣръ, въ этой трагедіи, въ Британникъ, когда Перонъ выходитъ изъ-за шпирю, на которомъ онъ отравилъ своего брата — и онъ и всѣ придворные должны быть увѣнчаны цвѣтами; ну, увѣнчаете вы эту сволочь! да она ходить не умѣетъ. Потомъ говорить, что я кричу!... Да, какъ же не кричать? Развѣ они понимаютъ что-нибудь въ цѣломъ. Нѣтъ, всякій старается себя выказать, и изъ своей второй, третьей роли сдѣлать первую роль, — какъ же тогда? Ну, напримѣръ, Британникъ слишкомъ сильно кричитъ въ сценѣ съ Перономъ; во что бы то ни стало, Перонъ долженъ кричать еще громче; иначе пропадетъ весь эффектъ.

Я всѣми силами старался поддержать мое знакомство съ Тальмой, и мы сошлись довольно близко. Случилось, что обстоятельства, перемѣщенія, путешествія, развлечения разлучали насъ надолго. Но мы съ удовольствіемъ сходились опять, хотя неизбежное — какъ

бишь васъ, было всегда первымъ словомъ его; послѣ долгой разлуки.

Изъ болзни повторить многое уже давно извѣстнае публикѣ, я умолчу о связяхъ Тальмы съ Первымъ Консуломъ, связяхъ, не прерванныхъ важностью самаго императорскаго сана. Во время ихъ перваго, самаго близкаго знакомства, Тальма крестилъ вмѣстѣ съ госпожей Бонапарте, и когда госпожа Бонапарте вздумала переѣхать въ ту квартиру въ улицѣ Шанторенъ, которую до тѣхъ поръ занималъ Тальма, то оба хозяйства были перемѣщены одними и тѣми же носильщиками. Извѣстно, что вслѣдствіе одного представленія «Эсепри», возобновленной на сценѣ Тальмой, Первый Консулъ обратилъ вниманіе на судьбу Евреевъ во Франціи. Слѣдовательно Тальмѣ и трагедіи Расина одолжены они своими правами гражданства. Извѣстны то же совѣты Наполеона Тальмѣ насчетъ исполненія роли Цезаря въ трагедіи «Смерть Помпея». «Цезарь, говорилъ Наполеонъ, долженъ говорить натурально, не возвышая голоса, вотъ такъ, какъ я теперь говорю съ вами... Впрочемъ, вы можете немного по-шекспировать, прибавилъ онъ, когда Цезарь говорить, что онъ обезчеститъ себя, если приметъ корову; онъ говорить это для старыхъ республиканцевъ, но думаетъ совсѣмъ иначе. Это какъ я, когда декламировалъ о равенствѣ съ моими старыми пріятелями Якобинцами...»

Тальма съ удовольствіемъ рассказывалъ всѣ эти анекдоты, но только въ небольшомъ пріятельскомъ кругу; вообще онъ очень осторожно говорилъ о Наполеонѣ. Впрочемъ между нимъ и Бонапарте былъ одинъ важный секретъ и Тальма не только никому его не рассказывалъ, но даже согласился съ тѣми, которые уже знали этотъ секретъ только по смерти Наполеона.

Дѣло въ томъ, что извѣстныя двѣ тысячи лундоровъ, составляющія всю казну италіанской арміи, когда Наполеонъ надъ ней принялъ начальство, принадлежали Тальмѣ; онъ собралъ ихъ у друзей своихъ. Очень хорошо извѣстно, какъ охотно офицеры и даже генералы принимали награжденія въ два или четыре червонца, — такъ трудно было отыскать звонкую монету въ республикѣ. Тому кто зналъ Наполеона, кто зналъ его неохоту быть кому-нибудь одолженнымъ, страннымъ покажется, что онъ и не вспоминалъ потомъ объ этомъ долгѣ, но такъ дѣйствительно было; само собою разумѣется, что кредиторы не захотѣли приставать къ своему должнику, и онъ забылъ объ этихъ деньгахъ.

Нѣсколько лѣтъ я не видалъ Тальму. Семейныя обстоятель-

ства его нѣсколько измѣнились, но онъ самъ нисколько. Это было въ 1814 году. Онъ только-что прїѣхалъ изъ Швейцаріи, гдѣ прогостилъ нѣсколько дней въ замкѣ Іосифа Бонапарте, кажется на Леманскомъ Озерѣ.

— Представьте себѣ, сказалъ мнѣ Тальма: этотъ чудакъ объявилъ мнѣ, что онъ никогда не переставалъ быть республиканцемъ. «Я не переставалъ быть имъ, сказалъ онъ, ни даже когда королевствовалъ».

Тальма, нужно признаться, былъ сущій дитя во многихъ вещахъ, и имѣлъ много мелочнаго въ характерѣ. Эти недостатки выросли въ немъ вмѣстѣ съ годами, да впрочемъ именно года и были ихъ причиною. Онъ, напримѣръ, не хотѣлъ играть стариковъ, «слишкомъ выдающихся ролей», какъ говорилъ онъ, и Казимиръ Делавинъ употребилъ чрезвычайныя усилія, чтобъ склонить его сыграть одну рольъ въ «Школѣ стариковъ». Нѣкоторое время прежде этого я видѣлъ Тальму въ страшномъ трагическомъ гнѣвѣ и вдругъ послѣ того, въ тотъ же самый день хохотавшаго какъ ребенокъ. Я выходилъ изъ Одеона, послѣ втораго представленія «Сицилійскихъ вечерець», и встрѣтилъ его подъ перистилемъ, гдѣ онъ дожидался своей кареты. Онъ меня пригласилъ ѣхать съ нимъ. Трудно передать все бѣшенство, которымъ угостилъ онъ меня дордою. Онъ сердился на свой театръ.— Дуракъ, бездѣльникъ! Не принять эту пьесу! Экая эта роль Прочиды!... Помните заговоръ... какъ онъ собираетъ кругомъ себя заговорщиковъ...

Это было бѣшенство Ореста, слова только были другія. Когда мы вѣхали на набережную и поравнялись съ отелемъ министра полиціи, я опустилъ стекло и сказалъ самымъ хладнокровнымъ тономъ Тальмѣ:

— Берегитесь, подумаютъ, что мы заговорщики.

Разговоръ немедленно принялъ другое направленіе и мы подѣхали къ французскому театру.

Я не знаю, какая шалость мелькнула въ моей головѣ; я оборотился къ кассиру, и сказалъ, указывая на Тальму:

— Пропустите этого господина; онъ имѣетъ право входить даромъ.

Тальма вспрыгнулъ отъ удивленія, и когда уже мы сидѣли въ оркестрѣ, онъ всё-еще хохоталъ какъ ребенокъ.

Какъ видите, я не придерживаюсь рѣшительно никакой методики въ моемъ разсказѣ, и не слѣдую хронологическому порядку. Таль-

ма еще задолго до своей «Школы Стариковъ», желалъ играть въ высокой комедіи, но императоръ никакъ не соглашался на то. Съ величайшимъ трудомъ выхлопоталъ себѣ Тальма, позволеніе играть роль Шекспира, въ «Влюбленномъ Шекспирѣ», Александра Дювала; точно также роль Плавта, въ «Латинской Комедіи» Лемерсисѣ. Любители-современники могутъ вспомнить съ какимъ бѣднымъ выраженіемъ Тальма произнесъ этотъ стихъ, который я не смѣю назвать современнымъ въ той сценѣ, гдѣ Плавтъ, заставъ врасплохъ Римлянина съ краденными вещами, говорить ему:

Romain!... Vous étiez donc de ces Carthaginois!

Тальма самымъ глубокимъ образомъ изучилъ роль Альцеста въ «Мизантропѣ», и съ наслаженіемъ приготовился играть эту роль въ свой прощальный дебютъ.

Я имѣлъ невыразимое счастье слышать, какъ онъ читалъ, не одну роль Альцеста, но и все великое созданіе Мольера; и нельзя представить себѣ какъ онъ хорошо отгѣнялъ характеры каждаго лица. Это не удивить тѣхъ, которые слышали какъ онъ читалъ женскія роли, и между прочимъ роль Федры; когда онъ любилъ автора и желалъ успѣха его пьесѣ, любопытно было видѣть Тальму на ренетиціяхъ; онъ былъ душою всего; онъ суфлировалъ каждому интонацію голоса; это былъ животворный разумъ, оупемявшаго актеровъ. Успѣхи Тальмы, какъ теща, не ограничивались драматическими произведеніями. Самую замѣчательную сторону въ характерѣ его дикціи, и которую онъ всего болѣе цѣнилъ самъ, состояла въ какой-то увѣренности, и въ какомъ-то непостижимомъ величіи, гармоническомъ и притомъ возвышавшемъ его надъ декламацией. Онъ показалъ на театрѣ два примѣра такой дикціи. Въ сценѣ, гдѣ Ассуръ утѣшаетъ Эсвиръ, и еще болѣе въ удивительной сценѣ Іоада съ Эліациномъ. Но, однако жъ, въ жизни Тальмы былъ еще лучшій триумфъ, которымъ онъ болѣе гордился. Тальма былъ друженъ въ молодости съ аббатомъ, находившимся при заведеніи слѣпыхъ. Однажды онъ пришелъ къ нему, передъ тѣмъ какъ аббатъ собирался читать рѣчь.

— Любезный другъ, сказалъ ему Тальма, эти бѣдные дѣти ничего не видятъ; они никогда не узнаютъ кого они слышали; и потому не будетъ неприлично, если я прочту имъ рѣчь. Мнѣ хочется видѣть, какое впечатлѣніе я сдѣлаю на нихъ.

Аббатъ согласился и Тальма началъ читать. Никогда еще

никакое чтеніе не производило такого дѣйствія. Сперва слѣдцы внимательно слушали этотъ голосъ, очаровывавшій ихъ; но скоро тронутые, пораженные дивными звуками, передававшими имъ превосходную рѣчь, они залились слезами. И долго, долго спрашивали потомъ слѣдцы у аббата, услышать ли они когда-нибудь опять оратора, который такъ хорошо говорилъ.

Когда я слушалъ «Мизантропа» изъ устъ Тальмы, насъ было только двое, въ его прекрасномъ домикѣ, въ Брюнуа. Это было нѣсколько времени спустя послѣ второй реставраціи. Сожалѣи о Наполеонѣ, чего нельзя было Тальмѣ вмѣнить въ преступленіе, онъ отзывался о Бурбонахъ въ лучшихъ выраженіяхъ, и, казалось, былъ весьма доволенъ приѣмомъ, сдѣланнымъ ему Людовикомъ-Осмынадцатымъ. Онъ разсказалъ намъ тогда анекдотъ, который, кажется, ускользнулъ отъ собирателей современныхъ фактовъ. Я оставляю говорить самого Тальму.

— Вообразите себѣ, другъ мой, сказалъ онъ мнѣ, что я долженъ былъ по желанію короля играть на придворномъ спектаклѣ роль Гамлета. Наканунѣ онъ призвалъ меня въ Тюильри. Когда я вошелъ въ кабинетъ короля, онъ перечитывалъ трагедію Дюссеса.

— Мосье Тальма, сказалъ онъ мнѣ, я призвалъ васъ, чтобы посовѣтоваться съ вами насчетъ одного стиха, который, кажется, должно измѣнить. Посмотрите.... и судите сами. Завтра я принимаю герцога Веллингтона; здѣсь будетъ много Англичанъ, и учтивость запрещаетъ мнѣ заставлять ихъ слушать слѣдующій стихъ, находящійся въ вашей роли:

On sait que l'Angleterre en ocimes est féconde,

Я согласился, продолжалъ Тальма, что это было нѣсколько рѣзко; и мы рѣшились сдѣлать измѣненіе уже придуманное королевемъ. Клянусь вамъ, что я сдѣлалъ это не нарочно; но во время представленія, память моя такъ смутилась, что я забылъ проклятый стихъ, замѣнявшій Дюссесовскій; и съ необыкновенной энергіей, которую мнѣ придали нетерпѣніе и досада, я произнесъ запрещенный. На другое утро король меня снова призвалъ. Я ожидалъ выговора довольно серьезнаго.... и что же? Совсѣмъ нѣтъ! Я тотчасъ же увидѣлъ по фэзиономъ его величества, что онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Я извинился, разсказавъ дѣло такъ, какъ оно было. Отгадайте же, что мнѣ отвѣчалъ король? — Бодяшаго зла нѣтъ, господинъ Тальма; я не очень сердитъ за это!

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *La Reine Margot, Королева Марго*, пятнадцать картинъ, господь *Александра Дюма* и *Макэ*.

Этими пятнадцатью картинами отирытъ новый театръ, который устроенъ знаменитымъ авторомъ Монте Кристо и который сперва положено было назвать «Театромъ Монпансье», а теперь назвали «Историческимъ», Théâtre Historique. Въ этихъ картинахъ поставленъ весь романъ, цѣлкомъ, почти безъ передѣлки и съ неважными опущеніями. Открытія новаго театра давно ожидали съ нетерпѣніемъ и публикѣ стеклось великое множество. На первое представленіе попали только избранные судьбою счастливицы, тѣ, которые въ состояніи были заплатить за мѣсто втрое и вчетверо противъ объявленной цѣны. Недовольныхъ, то есть, не появившихъ, осталось въ девять разъ больше противъ довольныхъ. Всему этому такъ слѣдовало быть, потому что и самый спектакль былъ колоссальный: онъ начался въ семь часовъ вечера и кончился въ три часа утра, то есть, продолжался восемь часовъ къ-ряду! Рассказывать содержаніе этихъ пятнадцати картинъ или этого романа, значило бы повторять вамъ то, что вы уже давно знаете и читали, потому что вы читаете все, что писалъ, пишеть и будетъ писать Александръ Дюма.

2. *Le Vieux de la Montagne*, трагедія въ пяти актахъ, въ стихахъ, господинъ *Латура*.

Часть литературно-драматическаго грѣха этого также падаетъ на душу Александра Дюма. Онъ былъ хотя посредственною, однако жъ все-таки причиною рожденія этой нижепосредственной трагедіи, въ которой нѣтъ ни сюжета, ни занимательности, ни характеровъ, ни положенія, ни даже слогу и стиха, тогда какъ пріятный длогъ и ловкій стихъ у Французовъ уже не рѣдкость и на конфектныхъ билетикахъ. Дюма, въ романѣ Монте-Кристо, рассказывая о кашиншѣ, вспомнилъ преданіе о «Старомъ Горцѣ», или «Старцѣ Горы», и его шайкѣ фанатиковъ-убійцъ. Господинъ Латуръ, которому очень хотѣлось сочинить трагедію и который, очевидно, полагаетъ, что въ трагедіи, для отличія отъ водевиля, главное нужно убійство, обрадовался «Старому Горцу» какъ кладу. Онъ вообразилъ, что нѣтъ ничего легче, какъ сострянать трагедію изъ такого богатаго кровью матеріала, и состряналъ, прости ему, Господи! Его «Старый Горецъ» могъ бы называться *Валымъ Горцомъ* и *Дряблымъ Горцемъ* и *Пошлымъ Горцомъ*, такъ онъ соответствуетъ понятію, какое всякій можетъ себѣ

составить о человѣкѣ, который, съ какою бы то ни было цѣлью, пользуясь людскими страстями, умѣлъ собрать толпу приверженцевъ и покорять своей волѣ безусловно, на жизнь и на смерть; о человѣкѣ, котораго мановеніемъ другіе люди исполняли слѣпо и безответно, какъ законъ, какъ приговоръ судьбы. У «Старога Горца», фабрики господина Латура, есть дочь, влюбленная въ плѣннаго храмоваго рыцаря, котораго Старый три раза принимается убить и три раза щадить ради дочери, и, который наконецъ, умираетъ отъ раны въ сраженіи за Старога, противъ какихъ-то буптовщиковъ, вооруженныхъ обойденнымъ женихомъ вышесказанной дочки. Во всей этой исторіи «Старый Горецъ» ведетъ себя какъ старая баба.

3. En Province, *Въ Провинціи*, комедія въ трехъ актахъ господина *Serré*.

Эту вещь нельзя назвать грѣхомъ. Это довольно вѣрная и забавная картина жизни мелкихъ провинціальныхъ городовъ во Франціи, картина, написанная ловко, изящно, остроумно и занимательно, хотя сюжетъ очень простъ. Молодой человѣкъ прѣзжаетъ въ провинцію, женится. Невѣста готова, но родня, кумушни и сосѣдки считают долгомъ навести справки о поведеніи и о прочемъ и надъ бѣднымъ женихомъ раздражается цѣлая туча сплетней, отъ которыхъ не безъ труда избавляетъ его товарницъ, братъ невесты, доказавъ, во-первыхъ, что сплетнямъ не должно вѣрить, и во-вторыхъ, что былъ молодцу не укоръ.

Музыкальныя новости. Нечего сказать — надо отдать справедливость мужскому полу въ томъ, что это — ужаснѣйшій полъ изъ всѣхъ половъ въ мірѣ — завистливый — кровожадный — безчеловѣчный. О, мужчины, мужчины! чего они не выдумали противъ очаровательнѣйшаго, восхитительнѣйшаго, удивительнѣйшаго изъ мужчинъ! Какъ они его гонятъ! какъ безчеловѣчно преслѣдуютъ! Недавно прогнали-было его въ Индію — увѣрили, будто онъ сдѣлался продавцомъ фортепіанъ и, съ грузомъ этихъ инструментовъ отправился въ Калькутту. Потомъ умертвили его — съ торжествомъ разглашали повсюду объ его смерти. Наконецъ — не зная ужъ чѣмъ уронить его — взвели на него клевету ужаснѣе всякой смерти: стали увѣрять, что онъ женился — давали ему пять или шесть милліоновъ приданого, чтобъ только онъ женился — сами сочинили для него все подробности брака. Какъ носкъ этого въ чемъ-нибудь вѣрить мужчинамъ! Мать должна усерднѣе чѣмъ когда-либо внушать дочери страхъ коварства этого ужаснаго пола. Мы имѣемъ самыхъ положительныхъ свидѣтель-

ства о томъ, что прославленная женитьба Листа — сущая клевета! Ничего подобнаго не бывало, и Листъ—слава Богу—ни чуть не женатъ. Теперь мужчинамъ остается одна только — уже послѣдняя, скаредная клевета — сказать, что Листъ носить парикъ. И — увидите — они скоро скажутъ и это. Проѣхавъ черезъ Венгрію и Трансильванію, гдѣ въ городахъ и на дорогѣ воздвигали ему триумфальныя арки, Листъ, въ январѣ мѣсяцѣ, былъ въ Кіевѣ и, съ началомъ Великаго-Поста, собрался уѣхать въ Одессу, откуда намѣренъ онъ отправиться въ Константинополь. Онъ далъ тамъ три концерта: мы видѣли афишки еъ золотой рамкою, сочиненныя для него кіевскими изящными художествами.

— Знаменитый композиторъ Гекторъ Берліозъ, котораго Паганини призналъ вторымъ Бетговеюмъ и о котораго новѣйшихъ торжествахъ въ Германіи и въ Вѣнѣ знаютъ всѣ читатели этихъ статей, находится въ Петербургѣ. Въ понедѣльникъ, третьяго марта, симфоніи его будутъ въ первый разъ разыгрываемы въ залѣ Дворянскаго Собранія огромнымъ оркестромъ, состоящимъ почти изъ трехъ-сотъ артистовъ, подъ дирекціей самаго композитора.

— Славный скрипачъ Эрнстъ, такъ долго здѣсь ожидаемый, наконецъ явился и далъ уже два концерта. Ни одинъ изъ нынѣшнихъ великихъ скрипачей не можетъ сравниться еъ нимъ въ глубокомъ и трогательномъ чувствіи игры; никто не поетъ на скрипкѣ такъ очаровательно, какъ онъ. Эрнстъ — гевій скрипичнаго пѣнія. Его «Элегія» разорвала всѣ сердца. Его «Венеціанскій карнавалъ» изумилъ всѣхъ бойкостью и одушевленіемъ своего вѣіа. Торжество господина Эрнста было полно и совершенно.

— Господинъ Блазъ съ своимъ неподражаемымъ кларнетомъ и супругой своей, госпожей Блазъ-Мерти, вторично посѣтятъ Петербургъ; они давали на прошедшей недѣлѣ концертъ въ университетской залѣ. Концертъ былъ блестящій.

— Въ этой же залѣ, завтра, перваго числа, даетъ концертъ извѣстный парижскій піанистъ, господинъ Пюлогѣ.

— Февраля 12-го былъ концертъ Вьё-Тана, въ Большомъ Театрѣ. Въ этомъ концертѣ, знаменитый нашъ скрипачъ прощался на некоторое время съ здѣшнею публикою, и употребилъ всѣ усилія, чтобъ оставить въ умахъ самое благоприятное впечатлѣніе, въ чемъ онъ успѣлъ вполне. Игра его отличается высокою художественною отдѣлкою, силою и бойкостью смычка, высокимъ, героическимъ стилемъ; этими качествами онъ обладаетъ въ та-

шой степени, что ни одинъ изъ живущихъ въ настоящее время скрипачей не преизойдетъ его въ этомъ отношеніи, и развѣ только очень немногіе сравнятся съ нимъ. Къ-сожалѣнію, всё-еще въ свѣтѣ мелодіи недостаетъ у него той проникающей до сердца душевной теплоты, которую истинно гениальный художникъ часто производитъ гораздо сильнѣе и болѣе продолжительное впечатлѣніе, нежели блестящимъ продолженіемъ самыхъ удивительныхъ трудностей.

Вторая часть этого концерта открылась Мейерберовою увертюрою къ драмѣ «Струэнзе». Мы горькимъ истерическимъ позволениемъ съ этимъ, столь прославленнымъ въ Берлинѣ, произведеніемъ. Но, къ-сожалѣнію, исполненіе оное послѣ одной только пробы, было такъ дурно, что мы могли только догадываться изъ общихъ очертаній, что это — величественное, поэтическое твореніе; всѣ отбѣски и подробности нечаяли въ безсвѣтномъ исполненіи: рѣшительно невозможно было составить себѣ яснаго понятія, необходимаго для отчетливаго обсужденія.

Потомъ Филармоническое Общество давало концертъ въ залѣ Дворянскаго Собранія, въ которомъ была исполнена ораторія Гайдна: «Сотвореніе Мира». Но несмотря на мастерское управленіе господина Альбрехта, и на нѣкоторыя весьма удачно исполненныя части (въ томъ числѣ обѣ басовыя крия, прекрасно свѣтыя господиномъ Ферзингомъ), исполненіе вообще было несовсѣмъ удовлетворительно. Хоры сравненія съ оркестромъ были слишкомъ слабы; дискантовъ и альтовъ почти вовсе не было слышно, хотя оркестръ игралъ отнюдь не слишкомъ громко. Открытая колоннада залы, окружающая со всѣхъ сторонъ оркестръ, очень вредитъ эффекту музыки, исполняемой такими множествомъ лицъ. Слѣдовало бы, въ такихъ случаяхъ, прошептати молоннѣ вокругъ оркестра забивать досками; тогда музыка производила бы гораздо болѣе сильный эффектъ.

— Господинъ Мауреръ далъ свой концертъ въ нынѣшнемъ году въ Михайловскомъ Театрѣ. Заслуженный нашъ артистъ явился снова въ этомъ концертѣ талантливымъ композиторомъ, искуснымъ дирижеромъ и отличнымъ скрипачомъ. Его сыновья, Всеволодъ и Александръ Мауреры, отличные солисты, играли соло на своихъ инструментахъ. Концертанто на три скрипки и виолончель, исполненное господиномъ Вьетаномъ и тремя Маурерами было весьма замѣательно, какъ свѣжестію и одушевленіемъ самаго сочиненія, такъ и превосходнымъ его исполненіемъ. Госпожа Сажидлова сыгала известную арію изъ Роберта, и сыгала ее очень

хорошо, если принять въ соображеніе, что эта артистка привыкла собственно къ водевильному пѣнію. Господинъ Ферригъ всегда готовый оказать услугу своему собрату-артисту, сдѣлалъ иъшецкую пѣсню, и приобрѣлъ общую, громкую благодарность. Господинъ Ричарди пѣлъ столько разъ слышанную арію «Fragoso», изъ Лучія. Эдгардо въ черномъ фракѣ, быломъ жилетѣ и лайковыхъ перчаткахъ, поющій свое горе на могилкахъ своихъ предковъ, съ нотами въ рукахъ, кажется намъ чѣмъ-то крайне прованчскимъ, а хриплый голосъ господина Ричарди еще усиливилъ это неблагопріятное впечатлѣніе. Не вѣдало бы законъ запретить пѣть въ концертахъ оперныя аріи, особенно же аріи такъ тѣсно связанныя съ драматическимъ цѣлымъ, какъ эта сцена изъ Лучія. Много найдется другихъ, прекрасныхъ произведеній, писанныхъ для концертовъ; зачѣмъ же приниматься всегда за однихъ и тѣхъ же старыхъ коньковъ? Зачѣмъ всегда вѣселять: «слушайте, увидите, что я пою эту арію лучше Руфьини или Вьардо».

— Достопочтеннѣйшій изъ всѣхъ инструментовъ, контрабасъ, также напелъ себѣ въ нынѣшнемъ году представителя между посѣтителями нашъ концертистами. Господинъ Августъ Мюллеръ, изъ Дармштадта, дававшій свой концертъ вчера, играетъ на этомъ трудномъ, неуклюжемъ инструментѣ, съ необыкновеннымъ искусствомъ. Пѣтъ, кажется, трудностей, свойственныхъ прочимъ струннымъ инструментамъ, которыхъ бы этотъ артистъ, получившій отъ природы высокій ростъ, сильное сложеніе и истинно богатырскія руки, какъ-будто она предназначала его въ спрителю контрабаса, не выполнялъ на своемъ инструментѣ. Мы слышали пассажи не только въ одну, но даже въ двѣ ноты, правда, что двойныя ноты по большей части ограничиваются терцами, но этотъ интервалъ, на такомъ огромномъ инструментѣ, требуетъ по-крайней-мѣрѣ такого же растягиванія руки, какъ секста на виолончели, или октава на скрипкѣ. Искусство господина Мюллера въ управленіи смычкомъ, въ самомъ дѣлѣ удивительно; когда подумаешь, какъ сильно должно нажимать смычокъ, чтобы извлечь звуки изъ такихъ толстыхъ струнъ, и какъ тяжело даже держать этотъ тяжелый смычокъ, то нельзя не удивляться его арпеджіямъ, а еще болѣе его стаккато. Встрѣчались также въ его игрѣ пиддикато и флажолеты; послѣдніе очень пріятны, и гораздо звучнѣе, чѣмъ на какомъ-либо другомъ струнномъ инструментѣ.

Но если мы и признаемъ господина Мюллера за великаго вирту-

ога, тѣмъ не менѣе однако жъ, мастерская игра его была для насъ новымъ доказательствомъ негодности контрабаса къ выполненію соло. Тонъ его хриплъ, и, слѣдовательно, непріятель, медленность сотрясеній струнъ допускаетъ только рѣдкое употребленіе быстрыхъ пассажей, и то самыхъ короткихъ, что необходимо должно порождать однообразіе; наконецъ характеръ контрабаса, самое его гармоническое отношеніе къ другимъ инструментамъ, дѣлаетъ его удобнымъ для того, чтобы служить твердою опорой всего музыкальнаго строевія, но не допускаетъ въ немъ самостоятельности, необходимой для выполненія соло. Если скрипка и виолончель, представители молодости, могутъ пѣть любовь, и совершать быстрыя и пламенные движенія, то шутивья, то страстныя, -- контрабасъ старецъ, которому медленное обращеніе крови и несвободныя движенія назначаютъ совершенно другую сферу, болѣе торжественную.

Самымъ любопытнымъ нумеромъ въ концертѣ Мюллера была басовая арія съ контрабасомъ, Моцарта, которую прекрасно пропѣлъ господинъ Ферзингъ; аккомпанировалъ господинъ Мюллеръ. Въ этомъ сочиненіи предстоятъ контрабасу такія трудности, что онѣ превосходятъ все что мы слышали до тѣхъ поръ, въ собственныхъ сочиненіяхъ Мюллера. Слѣдовательно, уже при Моцартѣ, то есть, шестьдесятъ лѣтъ назадъ, были контрабасисты, умѣвшіе выполнять и арпеджиа, и двойныя ноты, и стаккато, словомъ, все то, чему мы въ настоящее время такъ удивимся въ господинѣ Мюллерѣ! Впрочемъ, мы думаемъ, что во всякое время бывали и будутъ впредь хорошіе контрабасисты, которые для своего образованія, разумѣется, должны изучать самыя трудныя пьесы; но что путешествующіе, концертныя, виртуозы всегда были и будутъ весьма рѣдки, потому что этотъ инструментъ созданъ не для концертовъ.

Какъ господинъ Мюллеръ намѣренъ ѣхать черезъ Москву и Одессу въ Константинополь, то многіе изъ нашихъ читателей будутъ, вѣроятно, имѣть случай послушать его, и мы советуемъ имъ не упускать этого случая.

— Знаменитый виолончелистъ Сервѣ игралъ въ Парижѣ въ нѣсколькихъ концертахъ. Въ концертѣ консерваторіи, въ которомъ онъ игралъ свой концертъ h-moll, часть публики, которой не понравились слишкомъ неумѣренныя его тѣлодвиженія, освистала его. Но при послѣдующихъ его появленіяхъ, въ другихъ концертахъ, публика всевозможными средствами старалась изгладить изъ его памяти это незаслуженное оскорбленіе.

— Новая опера Россини, «Робертъ Брюсъ», qui ne vaut pas le diable, какъ говорятъ Парижане, имѣла тамъ самый посредственный успѣхъ. Самый значительный сборъ, доставленный ею, не превышалъ семи тысячъ франковъ. Однако же ее собираются поставить въ нынѣшній сезонъ въ Лондонѣ.

— Фелицианъ Давидъ собирается въ непродолжительномъ времени разыграть новое свое сочиненіе: «Христофоръ Колумбъ»; оно будетъ дано въ первый разъ въ пользу общества музыкантовъ (l'association des artistes musiciens).

— Известный парижскій пианистъ Альканъ, написалъ комическую оперу въ одномъ дѣйствіи, которая скоро будетъ поставлена на театрѣ.

— Господа Аларъ, Галлѣ и Франшомъ устроили въ малой залѣ консерваторіи рядъ концертовъ, въ которыхъ будетъ выполняться классическая камерная музыка. Эти концерты составятъ полезное дополненіе къ концертамъ большаго оркестра консерваторіи.

— Делеръ пріѣхалъ въ Парижъ, а Дюпрѣ отправился въ Германію, гдѣ онъ будетъ пѣть на значительнѣйшихъ театрахъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

— Въ Парижѣ производитъ фуроръ двѣнадцатилѣтній пианистъ, Альфредъ Желль (Jaell), изъ Вѣны. Берліозъ говоритъ о немъ въ фельетонѣ Journal des Débats, что этотъ мальчикъ играетъ такъ, какъ стагъ бы онъ играть самъ, если бы впродолженіи сорока лѣтъ упражнялся по тринадцати часовъ каждый день.

— Третій оперный театръ, строящійся въ Парижѣ, будетъ называться «Театромъ художествъ», Théâtre des arts.

— Италіанская опера на лондонскомъ королевскомъ театрѣ въ нынѣшній сезонъ будетъ самая блистательная. Труппа состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: примадонны: Женви-Линдъ, дель-Карменъ-Монтенегро, (испанская пѣвица, которая явится въ Лондонѣ въ первый разъ), Кастелланъ, Санкіолн; вторыя пѣвицы: Ладжіани, Солари, Бьетти, и Дарія Нашио; пѣвцы: Лаблашь-отецъ, Лаблашь-сынъ, Штаудигль, знаменитѣйшій нѣмецкій бассистъ, Фраскини, Гардони, который недавно довольно скандалѣзнымъ образомъ нарушилъ свой контрактъ съ парижскою Большою Оперою, Колетти, Суперки, Борелла, и Корелли. Въ балетѣ будутъ: госпожи Карлотта Гривзи, Люсилъ Гранъ, Черито, можетъ быть и Тальони; господа Поль Тальони, Севъ-Леонъ, и другіе. Мейерберъ будетъ самъ дирижировать при представленіи его произведеній

«Силезскій лагерь» и «Струэнзе». Если къ этому присбоднить еще обѣщанную новую оперу Мендельсона «Бурю», на текстъ, переданный изъ Шекспира Скрибомъ, новую оперу Верди, «I Masnadieri», два новые балета, одинъ Гейнриха Гейне, другою Поля Тальони, то, надо сознаться, что невозможно составить болѣе блестящей программы, и что можно бояться за состояющуюся съ королевскимъ театромъ оперу Драматическаго театра, для которой ангажирована большая часть пѣвцовъ, участвовавшихъ въ истекшій сезонъ въ петербургской оперѣ.

— Госпожа Вiардъ играла на берлинскомъ королевскомъ театрѣ, въ «Гугенотахъ» и въ «Жидовѣхъ», съ необыкновеннымъ успѣхомъ.

— Тальбергъ пожинаетъ лавры въ Бельгiи и Голландiи, гдѣ его слышать въ первый разъ. Въ одномъ изъ его концертовъ, король нидерландскiй пожаловалъ ему знаки ордена Дубоваго Вѣнца, и онъ продолжалъ концертъ, украсенный этими знаками, при громкихъ рукоплесканiяхъ публики.

— Двадцатаго января Шпоръ праздновалъ своей двадцати-пяти-лѣтнiй юбилей въ званiи кассельскаго придворнаго капельмейстера. Въ театрѣ было по этому случаю торжество, въ которомъ исполнены отдѣльныя сцены изъ разныхъ его оперъ, «Земляры и Азора», «Горнаго Духа», «Нессонды», «Нiетро Абаи», «Алхимикъ», «Фауста» и «Крестопосецъ». Соправитель назначилъ его генералъ-музыкъ-директоромъ, въ четвертомъ классѣ табели о рангахъ, съ удержанiемъ настоящаго званiя придворнаго капельмейстера. Кассельское городское сословіе даровало Шпору право гражданства, а прусскiй король пожаловалъ ему орденъ Краснаго Ора, третьей степени.

— Навѣтъ петербургскiй пианистъ, Карлъ Майеръ продолжаетъ производить фуроръ въ Германiи. Недавно давалъ онъ въ Лейпцигѣ концертъ, въ которомъ дирижировалъ самъ Мендельзонъ; такой чести не удостоивался еще ни одинъ пианистъ. Сочиненiя Майера также пользуются всеобщимъ одобренiемъ.

— Полагая, что нашимъ молодымъ пианистамъ и пианисткамъ еще достаточно будетъ на нѣкоторое время тѣхъ пиесъ, на которыя мы указали въ прошлой своей статьѣ, мы не предложимъ имъ на этотъ разъ ничего новаго, а прямо обратимся къ искуснымъ музыкантамъ, для которыхъ мы имѣемъ въ виду нѣсколько въ высшей степени любопытныхъ произведенiй. Новыя пиесы, о которыхъ мы намѣрены говорить, находятся всѣ въ музыкальномъ магазинѣ господина Бершарда.

Henry Litolff, молодой англійскій пианистъ, известный уже нашимъ читателямъ самымъ выгоднымъ образомъ, издалъ четыре тетради новыхъ сочиненій, которыя мы рассмотримъ по-рознь.

Le Rêve d'un capif, op. 41. Эта пьеса, на пятнадцати страницахъ, представляетъ полную, выразительную музыкальную картину, которой главная идея выдѣется ясно и удобопонятно. Въ мрачной темницѣ узника, слышится ему звонъ колоколовъ, долетаетъ до него благочестивое пѣніе крестнаго хода, и несчастный, которому на суждено преклониться съ толпой передъ алтаремъ Всевышняго, погружается въ грустную думу. Тутъ является ему образъ милой, навѣвающій на него утѣшеніе и надежду; ему кажется, что для него звонятъ колокола, для него поетъ хоръ и играетъ органъ, что все это торжество празднуетъ его союзъ съ возлюбленной. Въ упоеніи блаженства онъ хочетъ схватить руку невѣсты и вести ее къ вѣчному налою... но въ то же мгновеніе звукъ оковъ вырываетъ его изъ сладкихъ грезъ; онъ въ ужасѣ вскакиваетъ съ ложа,—дивныя созданія его мечты разсыпались, его по-прежнему окружаетъ грозная тишина, темницы и только издали долетаетъ до него отрывками пѣніе крестнаго хода. Болѣзненный стохъ вырывается изъ груди его, и онъ падаетъ въ изнеможеніи на жесткое ложе. Это серьезная, но прекрасная, и не слишкомъ трудная пьеса, которую можно смѣло рекомендовать всѣмъ любителямъ не пустыхъ блесковъ, а музыки съ содержаніемъ.

Его же Souvenir d'Hartzboung, méditation musicale, op. 43, три тетрадки, самой изящной наружности, содержація въ себѣ рядъ музыкальныхъ пѣсень различнаго объема и формы, которыми дано названіе прекраснѣйшихъ мѣстъ живописнаго Гардгебирга. Слѣдовательно, это музыкальное путешествіе. Мы уже имѣемъ одно музыкальное путешествіе, дивный «Зимній путь» (Winterreise) Шуберта, но оно не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ «Путешествіемъ по Гарцу» Литольфа. У Шуберта несчастный любовникъ совершаетъ трудный путь свой пѣшкомъ по снѣжнымъ равнинамъ и замерзшимъ рѣкамъ, останавливается для отдыха на кладбищахъ, стонетъ и плачетъ, терзаемый одною неотвратимовою мыслью, мыслью объ утраченной любви. Совсѣмъ не таково путешествіе Литольфа! Онъ оставляетъ покойный Брауншвайгъ, гдѣ лѣтомъ отдыхалъ отъ своихъ артистическихъ торжествъ и занимался сочиненіемъ новой оперы, и весело катится по желѣзной дорогѣ къ волшебному Гарцу, который изъ

сией дали быстро подвигается къ нему и, наконецъ, окружаетъ его со всѣхъ сторонъ. Кажется, въ этомъ путешествіи сопровождалъ его даровитый, остроумный сочинитель пѣсень Геронимъ Труязъ, которому онъ посвящаетъ эти воспоминавія. Такое путешествіе необходимо должно быть весело и пріятно! Послѣдуюмъ и мы за странствующими художниками! Могучая сила пара скоро приводитъ путниковъ къ послѣдней станціи, Финенбургу, лежащему на вершинѣ горы. Тутъ дымящееся чудовище, влекшее до тѣхъ-поръ поѣздъ, отпрягается, и поѣздъ, одинъ безъ машины, спускается съ непостижимою быстротою по крутой горѣ, до гарцбургскаго постоялаго двора, цѣля поѣздки. Полдень; солнце такъ и палитъ; путники рады, что могутъ наконецъ вырваться изъ душливой атмосферы вагоновъ. Они немедленно начинаютъ муловъ и взбираются на окруженный густыми лѣсами Гарцбургъ. На этомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда несчастныя человѣческія жертвы испускали послѣдній стонъ на жертвенникѣ языческаго бога Кродра, созерцаніе дивной природы, окружающей его на неизмѣримое пространство и свѣжій, южный воздухъ вдохновляютъ его къ возвышенной, могучей пѣснѣ; она изливается въ видѣ этюда, который авторъ назвалъ Гарцбургомъ. Прекрасная мелодія вплетена въ дрожащую фигуру, подобную шелесту вѣтерка въ вершинахъ деревьевъ; чрезъ это она пріобрѣтаетъ болѣе протяженіе звуковъ, чѣмъ сколько можно бы безъ этого требовать отъ фортепіано.

Изъ Гарцбурга наши путники отправляются въ старый ниперскій городъ Госларъ, гдѣ, какъ можно заключать изъ вѣстокъ окружающихъ заглавный лѣсъ, они спускались въ глубину раунельсбергскихъ рудниковъ. Жаль, что композиторъ не издумалъ представить намъ въ музыкальной картинѣ тѣхъ романтическихъ явленій, которыя представились ему тамъ; тусклый свѣтъ фонарей, искристый блескъ стѣнъ, глухіе удары рудокопныхъ заступовъ, страшное грохотаніе подземныхъ водъ, а среди всего, можетъ быть, злой и шутливый горный духъ, — все это могло бы доставить сюжетъ для прекраснаго сочиненія. Однако жъ мы снова встрѣчаемся съ композиторомъ только между омываемыми дикимъ пѣнящимся Океромъ, утесами Окерталя. Въ этой мрачной каменной пустынѣ вспоминаетъ онъ о милой, и поетъ подъ шумъ журчащаго ручья, разбишающагося тысячу мелкихъ каскадовъ, вѣжную, одушевленную пѣснь любви, которую мы, вѣроятно, часто и съ удовольствіемъ будемъ повторять за нимъ.

Уже вечерѣеть, а путники наши бодро продолжаютъ путь: они хотятъ ночевать на вершинѣ Брокена. Въ разсѣлинахъ и въ темномъ кустарникѣ Эльфенштейна, вдохновенное воображеніе художника водить пестрые хороводы легкихъ эльфовъ, веселящихся при серебристомъ свѣтѣ выходящей изъ-за горъ луны. Этюдъ Эльфенштейнъ не такъ легокъ, какъ предшествовавшія пьесы, но онъ весьма оригиналенъ и занимателенъ, хроматическіе пассажи секстами весьма полезное украшеніе, такъ, что его можно разучивать съ удовольствіемъ.

Между-тѣмъ путники продолжаютъ восходить на Брокенъ, и достигаютъ наконецъ пастушескаго шалаша, *Molkenläuschen*, находящагося на высокой горѣ, съ которой открывается имъ необъятное пространство. Звуки свирѣлей сгоняютъ домой безчисленные стада и бубенчики ихъ будятъ горное эхо. Пастораль Молькенгаузъ доказываетъ глубокое сочувствіе композитора къ поэтическому, идиллическому характеру этой сцены; не мѣшало бы ему только нѣсколько ранѣе вырваться изъ этого созерцавія, потому что пьеса вышла немного длинновата.

Послѣ труднаго пути, наши художники достигаютъ наконецъ вершины Брокена и находятъ ночлегъ въ Брокенгаузѣ. Но сонъ не еходитъ на зовъ молодаго композитора, невѣдомая сила тянетъ его подъ открытое небо, и, несмотря на увѣщанія добраго хозяина, онъ взбирается на Чортову Капеллу (*Teufelskanzel*), мѣсто плясокъ вѣдьмъ, съ ея исполнскою Лоханью (*Waschbecken*), и на многіе другіе нечистые утесы, отъ которыхъ каждый честный человекъ долженъ бы бѣжать въ ужасѣ, особенно въ свѣтлую лунную ночь. Въ такую-то ночь стекаются со всѣхъ концовъ на Блоксбергъ вѣдьмы, кто на метлѣ, кто на кочергѣ, и отправляютъ свой дьявольскій шабашъ. Многіе невѣрующіе утверждаютъ, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, общія собранія вѣдьмъ на Блоксбергѣ давнымъ-давно прекратились, и что достопочтенныя вѣдьмы правятъ уже свой шабашъ у себя по домамъ, не въ Ивановскую Почъ, а каждый разъ какъ почтеннѣйшій супругъ за дверь, и не съ метлами и кочергами, а съ добрыми пріятелями; но все это ни на чѣмъ не основанная, гнусная клевета, что несомнѣнно явствуетъ изъ Литольдова «Шабаша вѣдьмъ на Брокенѣ». Тутъ мы видимъ, какъ вѣдьмы длиною веревяною таятятся по воздуху съ дикимъ крикомъ и хохотомъ, почтительно поклоняются своему владыкѣ и повелителю и, наконецъ, бѣснуются въ буйныхъ, пьяныхъ хороводахъ. Эта пьеса, названная *Carprice de concert*, прекрасное, гениальное про-

изведеніе, но за всё можетъ взятъ только искусный виртуозъ; другой не будетъ въ состояніи выполнить ея тамъ, какъ требуетъ идея композитора.

Прекрасныя читательницы, не забудьте при первомъ случаѣ выискать себѣ «Souvenirs d'Hartzbourg» Литольфа: эти занимательныя сочиненія доставятъ вамъ много удовольствія.

Но, увлекшись новымъ своимъ знакомцемъ, Литольфомъ, забудемъ и стараго, давно любезнаго нашего знакома Листа. Онъ сдѣлалъ намъ новый, богатый подарокъ. Когда дѣло идетъ о такомъ давнишнемъ, короткомъ пріятелѣ, нѣтъ уже надобности въ долгихъ поясненіяхъ, и потому мы въ короткихъ словахъ покажемъ только, что онъ надалъ новаго.

3. Sonetti di Petrarca, composti per il cembalo. Явились только первая тетрадь этого сочиненія, на сонетъ:

Pace non trovo, e non ho da far guerra.

Выразительная, прекрасно декламированная мелодія послѣ короткаго и мрачнаго, но одушевленнаго введенія, играетъ сначала одною рукою, а потомъ повторяется и развивается съ богатыми и граціозными украшениями, въ сопровожденіи волнующихся тріолей. Это прекрасное твореніе, полное чувства и огня, въ томъ романтическомъ, фантастическомъ духѣ, который чаруетъ насъ въ Листѣ, но безъ недоступныхъ трудностей, часто отпугивающихъ насъ отъ его произведеній.

Съ давнихъ уже лѣтъ Листъ особенно любитъ сочиненія Франца Шуберта. Своими переложеніями лучшихъ пѣсенъ этого гениальнаго композитора онъ не мало содѣйствовалъ къ спасенію ихъ изъ забвенія, начинавшаго уже распространяться на нихъ, какъ скоро покинула ихъ непостоянная богиня моды. Нынче Листъ даритъ насъ тремя тетрадями Müllerlieder и тремя тетрадями маршей Шуберта. Первые, то есть, Müllerlieder, какъ сказано на оберткѣ: «Переложены въ болѣе легкомъ стилѣ». Но имѣетъ ли Листъ понятіе о томъ, что легко? Разумѣется, нѣтъ! Въ противномъ случаѣ онъ долженъ бы знать трудное, а сколько лѣтъ, какъ для него не существуетъ уже трудностей; а между-тѣмъ онъ передумалъ столько другаго, что ему простиительно не умѣть въ точности различать, что легко и что трудно. Впрочемъ онъ и не обѣщаетъ легкаго переложенія, онъ говоритъ только о «болѣе легкомъ» и дѣйствительно, эти чудныя пѣсни далеко не такъ трудны, какъ многія другія сочиненія Листа, напримѣръ, какъ Шубертовы марши. Марши пол-

ныя огни, и передѣланы съ свойственными Листу богатствомъ фантазіи.

Tarentelle (di bravura), d'après la tarentelle de la Muette de Portici, одна изъ тѣхъ вѣсехъ, которыя производили наибольшій эффектъ въ послѣднихъ концертахъ Листа.

Если только разбирать такія сочиненія, то поневолѣ подумаешь сначала, что ихъ невозможно исполнить; а между-тѣмъ мы слышали, и даже перѣдко, что ихъ исполняютъ въ высокой степени совершенства. Но когда обвиняетъ насъ это море звуковъ, когда обхватятъ насъ разомъ эти мелодіи съ ихъ бассажи, эти гармоніи и быстрые пассажи съ ихъ разнообразными эффектами, тогда мы должны сознаться, что не постигаемъ, какъ возможно десятью пальцами, которыя природа прицѣпила намъ къ рукамъ, выдѣлывать такія чудеса, и намъ покажется, что искусство дошло до послѣднихъ своихъ границъ, за которыми уже не можетъ сдѣлать ни одного шагу.

Но такъ ли дѣйствительно? Неужели совершенствованіе искусства будетъ мгновенно остановлено, или даже оно будетъ принуждено отстунить назадъ?... Разумѣется, нѣтъ! Взглянемъ только на послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, и мы увидимъ, что искусство исполненія (мы говоримъ только о фортепианной игрѣ), уже третій разъ достигаетъ такого совершенства, что никто не хочетъ вѣрить возможности дальнѣйшаго совершенствованія. Въ первый разъ случилось это во время Моцарта. Германія и Франція дивились его игрѣ, какъ образцу высшаго, никому недосягаемаго совершенства: въ Италіи добраго, благочестиваго Моцарта считали пресерьозно волшебникомъ, и принудили его одолжиться съ пальца перстень, въ которомъ, по мнѣнію публики, скрывалась сверхъестественная сила. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы фортепианная игра могла двинуться далѣе; но въ то же время явленіе Моцарта побудило большую часть публики обратить большее вниманіе на этотъ инструментъ, не пользовавшійся до-тѣхъ-поръ почти ни малѣйшимъ уваженіемъ. Клементи и Крамеръ издали свои классическіе этюды, бывшіе первымъ шагомъ къ разумной методѣ; а такъ какъ фортепиано стали заводить почти въ каждомъ домѣ, то нашлись искусные мастера, которые стали стараться объ усовершенствованіи и развитіи этого инструмента; до-тѣхъ-поръ онъ былъ крайне простъ и ограничивался весьма немногими эффектами. Лѣтъ черезъ десять или пятнадцать уже находимъ мы, вмѣсто прежнихъ маленькихъ фортепианъ, въ пять,

никого въ нѣтъ отъ 'послѣднихъ оцѣвъ, на которыхъ творилъ свои чудеса Моцартъ, превосходные флигеля знаменитыхъ вѣнскихъ мастеровъ Штрейхера и Штейна, которыхъ важнѣйшія преимуществва состояли въ болѣе обширности, въ болѣе яркости игры, и въ-особенности въ нововъ устройствѣ декоратовъ и педалей. Между-тѣмъ учителя и подражатели Моцарта разивали правильныя, систематическія образы то, что въ ихъ образцѣ, столь богатымъ внутреннимъ содержаніемъ, было только внешнимъ, случайнымъ украшеніемъ, бравурныя пассажи, и довели ихъ до всевозможнаго совершенства; у Гуммеля, Риса, Мошелеса, опять видимъ имъ искусство музыкальнаго исполненія на такой высокой степени, что никто не вѣритъ возможности дальнѣйшаго совершенствованія. У этихъ композиторовъ, состояющаго эпохическаго періода фортепьянной игры, еще видно истинно художественное направленіе Моцарта, однако же и у нихъ дано существенное, яркое значеніе виртуозу. Ихъ мелодія, всегда граціозная и пѣвучая, какъ у образца ихъ, Моцарта, резко отдѣлена отъ пассажей, заключающихся въ непрерывныхъ рудадихъ, и оканчивающихся всегда болѣе или менѣе продолжительными триллерами. Но для хорошаго выполненія сочиненій Гуммеля и Риса, недостаточно было хорошей, механической обработки пальцевъ (артистовъ, выѣзжавшихъ на близости палатъ Монахи называли въ насмѣлку фортепьянными гусарами); для того требовались другія существенныя условія: правильное постиженіе музыкальной мысли, образованный вкусъ, слухомъ, для того требовался стиль.

Фортепьяно сдѣлалось любимымъ инструментомъ публики, необходимымъ украшеніемъ и дворца и хижины. И если собственныя виртуозы въ то время не были такъ многотысячны, какъ въ настоящее время, когда ни хотъ улицы мосты, то была зато многочисленная публика, слушающая съ восхищеніемъ сонаты Моцарта, Гайдна, Клемента и Бетговена. (Нынче такая публика стала такъ рѣдка, что хотъ искать ее съ сонаремъ, подобно Агосту, едва отыщутся немногіе остатки.) Но болѣея часть толпы употребляла фортепьяно на то, чтобы припоминать любимыя оперныя мелодіи; эта страсть скоро повела къ совершенной портѣ вкуса. Концомъ классическаго періода фортепьянной игры можно назвать то время, когда начали аранжировать цѣлыя оперы на одно фортепьяно, съ опущеніемъ голосовъ. За этимъ тотчасъ послѣдовало время варіанцій и понури; герои этой эпохи, — Герцъ и Черня; трудящъ ихъ въ этомъ родѣ нѣтъ числа. Къ каждой,

сколько-нибудь понравившейся мелодіи стали прилетать такой пострѣй хлостъ, который съ жадностью пожирался публикою, не хотѣвшею уже и знать ни Моцарта, ни Бетговена. Это было время страшнаго безвкусія; потому что большая часть этихъ вариаций состояла изъ дуэтыхъ, трескучихъ пассажей, сколоченныхъ безъ всякаго плана, безъ всякой идеи.

Но и въ этомъ ужасномъ бѣдствіи явился нашему искусству спаситель. Геніальный Полякъ, Шопень, своими двумя тетрадами этюдовъ проложилъ себѣ новый путь, котораго отличительная черта состоитъ въ совершенно новой обстановкѣ мелодіи. Мелодія повидимому почти совсѣмъ исчезла и является вдругъ самымъ неожиданнымъ образомъ среди самыхъ запутанныхъ пассажей далеко расквашившихся аккордовъ. Такимъ образомъ исполнителю предстоитъ двойной трудъ: во-первыхъ, сыграть плавно и изящно трудные, запутанные пассажи, а во-вторыхъ, выставить на видъ скрытую въ немъ мелодію, сильными ударами, и чистымъ, почти безпрестаннымъ употребленіемъ педали. Съ Шопена начинается вышній періодъ фортеціанной игры, и можно почти сказать, что съ нимъ и оканчивается; потому что голова этого новаго Юпитера родила новую Минерву въ такомъ полномъ вооруженіи, что намъ кажется рѣшительно невозможнымъ, еще что-нибудь къ нему прибавить. Естественно, что немедленно нашлась толпа подражателей Шопену, въ рукахъ которыхъ однако же оказалась одна голая форма; души его музыки, собственнаго его генія пережить они не могли. Скоро у этихъ такъ называемыхъ новѣйшихъ композиторовъ не стало самаго существеннаго изобрѣтенія, мелодіи; а какъ эти господа не могли никакимъ образомъ обойтись безъ нея, то они и стали безъ зазрѣнія совѣсти заимствовать то, чего у нихъ не доставало, у другихъ, богаче надѣленныхъ композиторовъ. Мы такъ богаты нынче такими композиціями (правильнѣе было бы называть ихъ компиляціями), сколоченными изъ чужаго добра, что давно уже привыкли считать ихъ особою художественною формою, наравнѣ съ фугою или сонатою. Главнѣйшіе представители этого новаго періода, безспорно, Листъ и Тальбергъ. Своими огромнымъ талантомъ, какъ исполнители, они всѣхъ болѣе содѣйствовали къ всеобщему, громкому признанію новѣйшей игры, и сдѣлали ее предметомъ всеобщаго подражанія. Когда слушаешь этихъ виртуозовъ, то дѣйствительно кажется несомнѣннымъ, что нельзя уже извлечь изъ фортеціано (по крайней-мѣрѣ при настоящемъ состояніи инструмента) ничего, болѣе полнаго и сильнаго, и можно съ

самоудовольствіемъ повторять за Гетевымъ басомъ: *сими, до чего довели мы дѣло*. Несмотря на то, фортепіанная музыка необходимо должна сдѣлать еще одинъ шагъ, и не трудно уже предугадывать, въ какую сторону будетъ направленъ этотъ шагъ. Художничество, надо сознаться, далѣе идти не можетъ; но отъ художничества до настоящей, истинной музыки, какъ отъ земли до неба; если бы съ девяти-десятихъ нашихъ новыхъ сочиненій стряхнуть побрякушки художничества, то отъ нихъ останется (то есть, если что-нибудь останется) одинъ голый, жалкій остовъ, не выходящій ни тѣни сходства съ дочерью неба, музыкою, и мы принуждены будемъ сознаться, что, за исключеніемъ исполнительнаго таланта, мы ни на волосъ не подвинулись, противъ времени столько презираемыхъ нынѣ варіацій Герца и Черни. Слѣдовательно, безъ особеннаго пророческаго дара можно смѣло предвѣщать, что при первомъ удобномъ случаѣ внутреннее музыкальное содержаніе снова получитъ большее значеніе, и что можетъ-быть скоро снова схватятся за нить художественнаго развитія, такъ спокойно и вѣрно развивавшагося отъ Моцарта до Гуммеля, и тутъ вдругъ пересѣченную; и что она, послѣ этого короткаго междуцарствія, пойдетъ, прежнимъ чередомъ, развиваясь еще сильнѣе и богаче, съ помощію приобрѣтенныхъ въ этотъ промежутокъ новыхъ средствъ. Изъ многихъ признаковъ, изъ которыхъ мы для примѣру приведемъ только возрастающую нелюбовь публики къ концертамъ виртуозовъ, можно заключить, что время созрѣло къ новому стремленію, и что для немедленнаго совершенія этого плана, нужно только появленіе гения-предводителя. Да не сдѣлалъ ли уже огромнаго шага Мендельсонъ-Бартольди, предложивъ многія приобрѣтенія новой школы къ болѣе высокому и глубокому направленію? Стоять намъ только твердо слѣдовать по его стопамъ (что вовсе не легко, потому что для того потребно глубокое изученіе контрапункта, отъ котораго наши новые композиторы, сочиняющіе болѣе пальцами, нежели головою и сердцемъ, давно уже отвернулись съ презрѣніемъ), если хотимъ вырваться изъ окружающей насъ пустыни, и идти въ обыкновенную землю. Будемъ надѣяться, что это время близко, и что намъ не будетъ опредѣлено, какъ Моисею, взглянуть только издали на новый Ханаанъ, но не вступать въ него и не вкушать его радостей.

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммиссіонера Императорской Библіотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

HISTOIRES, MÉMOIRES ET BIOGRAPHIE.

- ANNUAIRE de l'état militaire de France pour l'année 1846. Paris 1846. 1 vol. in-12. 1 r. 70 c.
- ARNOULD. Eléments généraux de l'histoire comparée, de la philosophie, de la littérature et des événements publics, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris 1841. 1 vol. in-4. 8 r.
- AUDIN. Histoire de la vie, des écrits et des doctrines de Martin Luther. 5me édition. Paris 1845. 3 vol. in-8. avec atlas. 6 r. 25 c.
- BEAUMONT-VASSY. Histoire des Etats-Européens depuis le congrès de Vienne. *Grande-Bretagne*. Paris 1845. 2 vol. in-8. 4 r. 30 c.
- BLAZE. Écrivains et poètes de l'Allemagne. Paris 1846. 1 vol. in-12 1 r.
- BOUILLET. Dictionnaire universel d'histoire et de géographie; contenant: *l'histoire proprement dite, la Biographie universelle, la Mythologie et la Géographie ancienne et moderne*. Paris 1845 1 vol. in-8. 6 r.
- Le même ouvrage cartonné. 7 r.
- BUCHON. Histoires des conquêtes et de l'établissement des Français dans les Etats de l'ancienne Grèce sous les Ville Hardonin, à la suite de la 4me croisade. Paris 1846. Tome 1er in-8. 2 r. 30 c.
- CHAVANNES de la-GIRAUDIÈRE. Les Chinois pendant une période de 4458 années, Histoire, Gouvernement, Sciences et Arts. Tours 1845. 1 vol. in-8. 1 r.
- DA COSTA CABRAL, comte de Thomar. Notes historiques sur sa carrière politique et son ministère. Extraites d'un ouvrage publié à Lisbonne, par Bavoux. Paris 1846. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.
- DUMAS. Louis XIV et son siècle. Paris 1845 et 1846. 2 vol. grand in-8. illustrés par les premiers artistes de Paris, et reliés en demi maroquin avec tranches dorées. 13 r.
- Le même ouvrage. Bruxelles. 5 vol. in-18. 3 r.
- DUMESNIL. Epreuves sociales de la France; depuis Louis XIV jusqu'à nos jours. Paris 1845. 1 vol. in-8. 1 r. 70 c.
- DURUY. Histoire sainte d'après la Bible. Paris 1846. 1 vol. in-12. cartonné. 75 c.

- FORGANE.** Esquisses historiques et géographiques sur les principaux peuples anciens et modernes. Paris 1846. 1 vol. in-12. 75 c.
- FOUQUIER et DESPREZ.** Annuaire historique universel, ou histoire politique pour 1844. Paris 1845. 1 vol. in-8. 4 r. 30 c.
- GARDEN.** Tableau historique de la diplomatie ou exposé des faits accomplis de la politique générale depuis l'origine de l'équilibre européen jusqu'à nos jours. Paris 1846. une feuille cartonnée. 2 r.
- GENDERBIEN.** Etudes sur les moeurs judiciaires du XVIIe siècle. Bruxelles 1846. 1 vol. in-18. 60 c.
- GENOUDE.** Oeuvres, publiées par Delaforest. Paris 1844. 2 vol. in-8. 5 r. 15 c.
- GIRALDO.** Histoire curieuse et pittoresque des sorciers, depuis l'antiquité jusqu'à nos jours. Paris 1846. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.
- GUI FATIN.** Lettres. nouvelle édition, précédées de notices et de remarques, par Reveillé-Parise. Paris 1846. T. 1 et 2. in-8. avec portrait et fac-simile. Chaque volume à 2 r.
- GUIZOT.** Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire Romain. Nouvelle édition. Paris 1846. 4 vol. in-12. 4 r.
- HENRICHS.** Annuaire universel diplomatique, consulaire et commercial pour 1847. 1 vol. in-4. 1re année. Paris 1846. 1 vol. in-4. 1 r. 15 c.
- HISTOIRE** abrégée de la confédération Suisse jusqu'à l'époque de la Réformation. 2e édition. Genève 1846. 1 vol. in-12. 1 r.
- HISTOIRE** pittoresque de la myrine. Tableau des mers, des rivages, des ports, des combats et aventures maritimes etc. Paris 1845. 1 vol. grand in-8. avec gravures. 2 r. 85 c.
- KELLER.** Abrégé pittoresque et mnémorique de l'histoire universelle, donnant siècle par siècle, la chronologie, la géographie, les monuments, les médailles, les portraits des grands hommes, les costumes et les chefs-d'oeuvre de peinture et de sculpture. Paris 1834. 1 vol. in-folio oblong cartonné. 7 r.
- LAFERRIÈRE.** Histoire du droit civil de Rome et du droit Français. Paris 1846. T. 1 et 2. in-8. Chaque vol. à 2 r. 30 c.
- LECOMPTE.** Marie Louise à Parme. Paris 1845. 2 vol. in-8. 4 r. 30 c.
- LEPEVRE.** Histoire des cabinets de l'Europe, pendant le Consulat et l'Empire, écrite avec les documents réunis aux archives des Affaires Etrangères 1800 — 1815. Bruxelles 1846. T. 1. à 3. in-18. 1 r. 80 c.
- LEGRIS.** Rome, ses novateurs, ses conservateurs et de la monarchie d'Octave Auguste. Paris 1846. 2 vol. in-8. 4 r. 55 c.
- LENORMANT.** Des associations religieuses dans le Catholicisme, de leur esprit, de leur histoire et de leur avenir. Paris 1845. 1 vol. in-8. 1 r.

- WACHTAVEL.** Oeuvres politiques recueillies et précédées d'un essai sur l'esprit révolutionnaire, par Christian. Paris 1842. 1 vol. in-12. 1 r.
- MAINTENON. (Mc).** Mémoires, recueillis par les dames de Salat-Cyr. Paris 1846. 1 vol in-12. 1 r.
- MAUROX.** Du commerce des peuples de l'Afrique septentrionale dans l'antiquité, le moyen-âge et les temps modernes comparé au commerce des Arabes de nos jours. Paris 1845. 1 vol. grand in-8. 1 r. 15 c.
- MIGNON.** La France, ses institutions, ses assemblées politiques, son état social et moral, et le développement de ses libertés publiques. Paris 1846. Tome 1er in-8. 2 r. 30 c.
- MORONI.** Histoire des chapelles papales; ouvrage traduit de l'italien, par Manavit. Paris 1846. 1 vol. in-8. avec une planche. 1 r. 70 c.
- MARION.** Mémoire sur le lieutenant général d'artillerie baron de Sénarmont. Paris 1846. 1 vol. in-8. avec portrait. 1 r. 50 c.
- MUNK.** Description géographique, historique et archéologique de la Palestine. Paris 1845. 1 vol in-8. 1 r. 70 c.
- NETTEMENT.** Henri de France ou histoire des Bourbons de la Branche aînée, pendant 15 ans d'exil. 1830—1845. 2 vol. in-8. 3 r. 45 c.
- NIEBUHR.** Histoire romaine, traduite d'allemand par Golbery. Bruxelles 1842. 4 vol. in-8. 8 r.
- PAPENCORDI.** Rienzi et Rome à son époque. Oouvrage traduit de l'allemand par Boré. Paris 1845. 1 vol. in-8. 1 r.
- POÈTES Normands,** portraits gravés d'après les originaux les plus authentiques, par Devrils, avec notices biographiques par Tissof, Janin et autres, publiés par Baralli. Paris 1846. 1 vol. grand in-8. 2 r. 30 c.
- PORTAL (Baron).** Mémoires contenant ses plans d'organisation de la puissance navale de la France. Paris 1846. 1 vol. in-8. 2 r.
- PRIOR-ARMAND.** Histoire de Saint-Remi, précédée d'une introduction et suivie d'un aperçu historique sur la ville et l'église de Reims. Paris 1846. 1 vol. in-8. avec un atlas in folio oblong composé de 11 planches coloriées. 34 r. 30 c.
- RACZYNSKI.** Les arts en Portugal, lettres adressées à la Société artistique et scientifique de Berlin, et accompagnées de documents. Paris 1846. 1 vol. in-8. 2 r. 55 c.
- RANCÉ (dc).** Ses lettres recueillies et publiées par Gonot. Paris 1846. 1 vol. in-8. 2 r. 15 c.
- RATISSONNE.** Histoire de Saint-Bernard. 2e édit. Paris 1843. 2 vol. in-8. 3 r. 45 c.
- SAINTE-BEUVE.** Port-Royal. Paris 1840 et 1842. Tomes 1 et 2 in-8. Chaque volume à 2 r. 15 c.
- SENON.** Histoire de l'Ecole d'Alexandrie. Paris 1845. 2 vol. in-8. 4 r. 55 c.

- TRIBIAGE.** Histoire pittoresque et anecdotique des anciens châteaux, demeures féodales, avec les traditions qui s'y rattachent. Paris 1846. 1 vol. grand in-8. avec figures 1 r. 45 c.
- TOUSSENET.** Précis chronologique de l'histoire de France, avec portraits des Rois de France, gravés sur acier par le procédé Colas. Paris 1846. 1 vol. in-4. cartonné. 2 r.
- Le même ouvrage relié. 3 r.
- VATOUT.** Souvenirs historiques des résidences Royales de France. *Château d'Amboise.* Paris 1845 1 vol. in-8. 4 r. 70 c.
- VIVIEN.** Etudes administratives. Paris 1845. 1 vol. in-8. 2 r.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро.)

Пьесы для скрипки.

- ALARD.** Concerto pour le violon avec orchestre, op. 15. (8 r.). Le même concerto avec piano. (4 r. 58 c.).
- Fantaisie sur l'opéra *Marja Padilla* de Donizetti, pour le violon avec piano, op. 17. (2 r. 15 c.).
- BERIOT.** Cinquième grand concerto, pour le violon avec orchestre, op. 55. (5 r. 15 c.). Le même concerto avec piano, op. 55. (2 r. 85 c.).
- BOCKMUEHL et EICHBERG.** Grand duo pour violon et violoncelle sur les chants nationaux de la Russie et de Württemberg, op. 53. (1 r. 43 c.).
- DANCLA.** Deux duos concertans pour deux violon, op. 19 et 20. (2 r. 29 c.).
- Collection de duos pour deux violons: liv. 1. Trois duos très faciles, op. 23. (1 r. 72 c.). Liv. 2. Trois duos faciles, op. 24. (2 r. 29 c.). Liv. 3. Trois duos faciles, op. 15. (2 r. 29 c.). Liv. 4. Trois duos faciles et concertans, op. 25. (2 r. 85 c.).
- Collection de duos pour deux violons. Deuxième série: Liv. 1. Trois duos très faciles, op. 32. (1 r. 72 c.). Liv. 2. Trois duos faciles, op. 33. (1 r. 72 c.). Liv. 3. Trois duos faciles, op. 34. (1 r. 72 c.). Liv. 4. Trois duos faciles, op. 35. (1 r. 72 c.).
- FEIRGERL.** Vingt-quatre études ou caprices pour le violon dans les vingt-

quatre tons de la gamme, accompagnés d'un second violon. (3 r. 43 c.).

HALEVY. Ouverture de l'opéra: les Mousquetaires de la Reine, arr. pour deux violons, par H. Panofka. (1 r. 43 c.).

—— Les Mousquetaires de la Reine, opéra comique, arr. pour deux violons, par H. Panofka. En 2 suites, (chaque 1 r. 72 c.).

—— Les Mousquetaires de la Reine, opéra comique, pour violon seul. (1 r. 72 c.).

JANSA. Der junge Opernfreund, ausgewählte Melodien für die Violine mit Begleitung des Piano, op. 60. № 21. Il Templario. № 22. Alessandro Stradella. № 23. Die Zigeunerin. № 24. Euryanthe. № 25. Ernani (chaque 85 c.).

—— Trois rondeaux en maniere facile, pour violon avec piano sur des motifs de l'opéra: Jessonda de Sphor, op. 71. Liv. 1—3 (chaque 1 r. 15 c.).

—— Six duos pour violon et alto, op. 70, liv. 1—6, (chaque 1 r. 43 c.).

KALLIWODA. Cinquième concertino avec orchestre, op. 133. (6 r. 29 c.). Le même avec piano. (2 r. 58 c.).

—— Six pièces de salon, pour violon avec piano, op. 148, liv. 1. 2. (chaque 1 r. 85 c.).

KAYSER. Duos faciles et agréables sur des thèmes jolis, des opéras favoris, pour deux violons. Liv. 10. (1 r.).

—— Terpsichorens Lieblings-Klänge. Sammlung der beliebtesten und neuesten Tänze. Liv. 1—6, (chaque 58 c.).

LAURIOT. L'écho de l'opéra, Morceaux choisis et concertants d'une exécution facile et agréable pour violon et piano. № 1. Donizetti. Don Pasquale. (85 c.). № 2. Halevy. Les Mousquetaires de la Reine. (85 c.). № 3. Balfé. Le puits d'amour. (85 c.).

LEUTHNER. Introduction et thème varié, pour le violon avec piano. (1 r. 72 c.).

MAYSEDER. Septième quatuor pour deux violons, alto et violoncelle, op. 62. (2 r. 85 c.).

MAZAS. Six duos brillans pour deux violons, op. 84. En 3 livraisons, (chaque 1 r. 72 c.).

OPÉRAS ITALIENS de Bellini, Donizetti, etc. Choix d'airs et de romances pour le violon seul. Liv. 1. Lucrezia Borgia. (1 r. 15 c.). Liv. 2. Lucia di Lammermoor. (1 r. 15 c.). Liv. 3. Sonnambula. (1 r.). Liv. 4. Norma. (1 r.).

POLKAS nationales pour deux violons. (1 r. 43 c.), pour le violon seul. (1 r.).

T. LXXXI. — Отд. VII.

- FRUME.** Fantaisie et variations sur un thème d'Herold, pour le violon avec orchestre, op. 9. (4 r. 29 c.) La même fantaisie avec piano, op. 9. (2 r.).
- STRAUSS.** Walzer für drei Violinen und Bass, op. 185. Soffen-Tänze, op. 186. (1 r. 15 c.). Moldau-Klänge, op. 189. (1 r. 15 c.). Die Vortänzer. Walzer. (1 r. 15 c.). Walzer für Violine und Piano, op. 185, 186, 189. (chaque 85 c.).
- Walzer für eine Violine, op. 185, 186, 189. (chaque 43 c.).
- VIEUXTEMPS.** Souvenir de la Russie Fantaisie avec orchestre, op. 21. (4 r. 29 c.). La même fantaisie avec piano, op. 21. (1 r. 72 c.).
- Morceau de salon avec piano, op. 22. M 1. (1 r. 79 c.).
-

Пьесы для фортепиано.

- HENSELT.** Quatre romances sans paroles. (1 r.).
- CHOPIN.** Barcarolle, op. 60. (1 r. 15 c.). Polonaise-Fantaisie, op. 61. (1 r. 58 c.). Deux nocturnes, op. 62. (1 r. 30 c.).
- DAMCKE.** Gage damitié, op. 29. (50 c.).
- DOEHLER.** Le postillon. Roudou brillant sur une mélodie de S. A. M. le prince de Hohenzollern-Hechingen, op. 63. (1 r.).
- La suppliante. Ballade, op. 65. (75 c.).
- GORIA.** Надежда. Mazurka originale. (50 c.).
- LISZT.** Marches de F. Schubert, transcrites. Liv. 1. (1 r. 43 c.). Liv. 2. (2 r.). Liv. 3. (2 r.).
- Müller-Lieder von F. Schubert, übertragen. Heft 1 — 3 (à 1 r. 15 c.).
- Tarantelle di bravoura d'après la tarantelle de la muette de Portici. (1 r. 72 c.).
- L'idée fixe. Andante amoroso de Berlioz. (58 c.).
- LVOFF.** Ouverture de l'opéra Ondine transcrite par Damcke. (1 r. 15 c.).
- MAYER.** Trois grandes études, op. 91. M 1, 2, 3, (chaque 1 r. 15 c.).
- Douze études mélodiques, op. 93, liv. 1, 2, (2 r. 30 c.).
- Première grande valse brillante, op. 94. (1 r. 15 c.).
- PFEIFFER.** Nocturne. (50 c.). La combe. Nocturne (40 c.).
- ROSELLEN.** Les Mousquetaires de la Reine. Fantaisie, op. 86. (1 r. 72 c.).
- SCHUMANN.** Concerto pour le piano avec orchestre, op. 54. (8 r. 58 c.).
- Le même concerto pour le piano seul, op. 54. (3 r. 43 c.).
- THALBERG.** Décameron. M 4. Fantaisie sur l'opéra Norma de Bellini, op. 57. (1 r. 15 c.).
- Les capricieuses. Valses, op. 64. (1 r.).

VOSS. La part du diable. Fantaisie brillante. (1 r. 43 c.).

— Les Huguenots. Fantaisie brillante. (1 r. 29 c.).

BERNARD. Collection d'airs favoris de l'opéra Italien à St.-Petersbourg.

№ 24. Verdi. Air de Tenor de l'opéra: I Lombardi. (39 c.).

№ 25. Donizetti. Air de l'opéra: la Fille du Régiment. (60 c.).

BEYER. Roudeau sur des motifs de l'opéra: la Fille du Régiment (60 c.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодой этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены).

Въ томъ же магазинѣ вышла третья тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Mayer. Caprice en forme d'étude. — Thalberg. Berceuse. — Dobrzinski. Resignation, morceau de salon. — Burgmüller. Rêdowa-Polka. — Rosellen. Divertissement espagnol. — Burgmüller. Fantaisie sur l'opéra: Ernani. — Романусъ, пѣсня, слова Кольцова. — Jonpret. Mélodie. — Музыкально-литературное прибавленіе. Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ).

МОДЫ.

Новаго мало, почти ничего нѣтъ; фасоны платьевъ всё тѣ же; уборы дѣлаются по ббльшей части впереди; корсажи постоянно совсѣмъ закрыты; рукава длинныя и гладкіе, пныя дѣлаются съ jockeys и маленькими отворотами, пныя вплоть застегнутые на пугови, обшиваются кружевомъ, спущеннымъ на кисть руки; матерія видны больше темныхъ цвѣтовъ; по двулчьевыя и гласѣ; прекрасны соединенія: сянго съ зеленымъ, темно-коричневаго съ синимъ, темно-сѣраго съ блѣдно-розовымъ и черно-зеленоватаго съ краснымъ отливомъ. Аграмантныя украшенія къ уваженію; но очень вѣжныя, тонкой работы; пугови употребляютъ маленькія, также и блестящія: стеклянныя или металлическія выбираютъ мелкія и тогда пришиваютъ ихъ близко одну отъ другой. Для визитовъ и утреннихъ концертовъ, бархатныя мантіи

считаются лучшими; много видно мантий изъ темно-малиноваго бархату, убранныхъ чернымъ кружевомъ: Вотъ описаніе двухъ очень милыхъ нарядовъ для такихъ же случаевъ: платье гласэ зеленое съ темно-лиловымъ отливомъ, убранное темно-зеленымъ бархатомъ, пять полосъ, каждая въ два съ половиной вершка ширины, нашиты кругомъ юбки на такомъ же одна отъ другой разстояніи; мантилія того же бархату, сзади покрой большаго круга пелерина, скругленный впереди, отъ вырѣза вѣрота; изъ-подъ переднихъ полъ выходятъ два конца, въ родѣ шарфа; пелеринъ кругомъ обшитъ чернымъ кружевомъ, а передніе концы только внизу. Этотъ фасонъ красенъ своей оригинальностью и, кажется, очень удобенъ. Шляпки сѣраго атласу; блѣдныя розы подколоты внизу полей. Платье гласэ сѣро-песочнаго цвѣту, съ темно-коричневыми клѣтками, безъ уборки; капотыкъ изъ темно-малиноваго бархату, спинка гладкая, переднія полы цѣльныя, сверху въ видѣ гладкаго корсажа, застегнуты маленькими того же цвѣту пуговками до талии; отъ послѣдней, нижней пуговики все кругомъ обшито широкимъ чернымъ кружевомъ; рукава свободныя и не совсѣмъ длинныя, съ маленькими бархатными отворотами большой кружевной пелеринъ, покрывающій кругомъ талию и рукава, составляетъ окончательное и полное украшеніе этого прелестнаго наряда; шляпка сѣрая, пуховая, убранная маленькими, того же цвѣту, марабутами, ленты темно-малиноваго бархату, съ чернымъ бортикомъ, подколоты внизу полей. О осеннихъ шляпкахъ еще никто и не думаетъ!

=

1. логическій выводъ. Кому случалось испытать на самомъ себѣ, что часто:

«Услужливый дуракъ опаснѣе врага». Мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, не-разъ напоминали этотъ стихъ Крылова: услужливые глупцы, непрошенные покровители, а пуще всего безграмотные защитники моего мнѣнія, которое въ ихъ устахъ почти всегда становилось смѣшнымъ и даже нелѣпымъ. Вотъ одинъ изъ этихъ случаевъ.

Однажды — помнится, мѣсяца два тому назадъ, собралось ко-мнѣ вечеромъ человекъ десять хорошихъ пріятелей; въ числѣ ихъ былъ Захаръ Никитичъ Пеньковъ, орловскій помѣщикъ; старикъ добрый, весьма простой, не очень грамотный и большой патриотъ, но, къ-сожалѣнію, въ самомъ невыгодномъ смыслѣ этого слова, то есть, совершенный гражданскій старовѣръ, для котораго все новое ненавистно, потому что оно ново, и все старое мило, потому только, что оно старо. Разговоръ зашелъ у насъ объ этихъ иностранцахъ, которые пріѣзжаютъ въ Россію воспитывать дворянскихъ дѣтей.

— Знаете ли, сказалъ одинъ изъ моихъ гостей — что у Никитскихъ-Воротъ былъ некогда трактиръ, извѣстный подъ названіемъ города *Керехсберга*—вѣроятно Кенигсберга. Этотъ трактиръ служилъ притономъ для всѣхъ иностранныхъ учителей, гувернёровъ и дядекъ, которыхъ не успѣли еще разобрать по рукамъ наши добрые степные помѣщики. Тому лѣтъ двадцать назадъ, мнѣ вздумалось однажды взглянуть изъ любопытства на

Т. LXXXI. — Отд. VII.

этихъ ежедневныхъ носѣтителей трактира *Жересберга*. Боже мой! Чтѣ за рожи!... На одного, порядочной наружности человека, конечно съ полдюжины такихъ безобразныхъ лоскутниковъ, что истинно страшно было на нихъ и взглянуть. Вообще Нѣмцы оказались мнѣ сноснѣе, можетъ-быть потому, что они сидѣли спокойно за своимъ пол-пивомъ и молча курили трубки. Но Французы!... О, я никогда не забуду, какъ вѣрвалась при мнѣ въ трактирную залу цѣлая ватага этихъ наставниковъ русскаго юношества, pour prendre un petit verre — то есть, для того, чтобъ хлебнуть водки. Вся эта честная компанія усѣлась за однимъ столомъ, пошла громкая болтовня, розсказы. Одинъ общипаный Французъ, съ обрюзглымъ отъ пьянства лицомъ, началъ разсказывать, что его подговариваютъ ѣхать учителемъ французскаго языка, исторiи и географiи къ богатому помѣщику, живущему dans le Gouvernement de Sibirie, сирѣчь въ сибирской губерши. Другой Французъ съ растрепанной головой и краснымъ носомъ принялся хвастаться своими побѣдами надъ прекраснымъ поломъ и объявилъ товарищамъ, что онъ нашелъ для себя теплое мѣстечко у одной русскаго барыни — une gâze gâjouie encore trѣs-fraiche — которая принимаетъ его къ себѣ въ домъ, soit-disant pour ses enfans. Разумѣется, я не могъ долго пробыть въ этомъ кабакѣ и ушелъ, признаюсь — съ большою грустью въ душѣ. Боже мой! думалъ я: вотъ кому довѣряютъ воспитывать своихъ дѣтей наши дворяне; эти безграмотные развратные выходцы, быть-можетъ выгнанные изъ своей родины, будутъ наставниками русскаго юношества и будутъ непремѣнно! Вы знаете, что не такъ давно наши провинціальныя помѣщики прѣзжали сами въ Москву или присылали досужаго человека, чтобъ запастись на цѣлый годъ разной провизiею и, смотря по надобности, прискать по-дешевле иностраннаго «мосѣ» или какую-нибудь заморскую «мадаму», которые могли бы выучить всѣмъ наукамъ и образовать на европейскiй манеръ ихъ милыхъ дѣточекъ. Тѣ-то житье было тогда всѣмъ нѣмецкимъ геррамъ Врацманамъ и французскимъ мосѣ Тришѣ.

— Да нынче ужъ не то — прервалъ другой изъ моихъ гостей. Теперь, чтобъ имѣть право называться учителемъ, надобно прежде побывать въ университетѣ и выдержать экзаменъ, а вѣдь это не бездѣлица; тутъ ужъ не помогутъ ни наглость, ни болтовня, ни хвастовство и тотъ кто былъ у себя дома кучеромъ или цырюльникомъ, можетъ и здѣсь также сѣсть на козлы или стричь волосы, но ужъ вѣрно учителемъ не будетъ.

— Конечно, сказалъ я. Это большое улучшение; но я желалъ бы дожить до того времени, когда всё эти иностранные гувернёры, учителя и дядьки, замѣнятся Русскими.

— Ну, этого вы не скоро дождетесь, подхватила другой изъ моихъ гостей. Французскіе гувернёры, которые приучаютъ насъ съ ребячества къ чистому парижскому выговору, до тѣхъ-поръ не могутъ быть замѣнены Русскими, пока мы не рѣшимся говорить по-французски, какъ говорятъ этимъ языкомъ Нѣмцы, Англичане, Итальянцы и вообще всё народы Европы, которые вовсе не хлопочутъ о томъ, чтобъ ихъ принимали за природныхъ Французовъ. Впрочемъ я не знаю, для чего вы желаете, чтобъ у насъ не было иностранныхъ учителей; развѣ не всё-равно, кто учить ребенка, Нѣмецъ ли, Французъ ли, Англичанинъ ли, или Швейцарецъ, лишь бы только онъ хорошо училъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ я. Если этотъ учитель преподаётъ науку въ какомъ-нибудь публичномъ заведеніи, съ кафедрой,—но я говорю объ учителяхъ, которые живутъ по домамъ, которымъ вырастаетъ воспитаніе ребенка. Тутъ ужъ дѣло идетъ не объ одной наукѣ. Ну, скажите сами: какой иностранецъ станетъ заботиться о томъ, чтобъ его воспитанникъ любилъ свое отечество и не руководствовался во всахъ образомъ мыслей и понятіями иностранцевъ, потому что будущія его обязанности, какъ русскаго дворянина, во многомъ несходны съ обязанностями какого-нибудь англійскаго лорда, нѣмецкаго барона или французскаго гражданина. Какой иностранецъ будетъ говорить своему воспитаннику, что безусловная любовь ко всему иноземному такъ же неблагоприятна, и едва-ли не вреднѣе этой исключительной безответной любви ко всему отечественному. Можете ли вы требовать отъ иностранца, даже самаго добросовѣтнаго, чтобъ онъ не предпочиталъ законы и обычаи своей земли обычаямъ и законамъ нашей родины, и чтобъ во вѣдствіе этого предпочтенія, онъ не старался поселать въ своемъ воспитанникѣ преувеличенное понятіе о Западѣ и рабское уваженіе ко всему иноземному. Я знаю это по-себѣ; и у меня былъ также учитель изъ Французъ, человекъ впрочемъ весьма порядочный. Когда онъ бывалъ мною доволенъ, то всегда, поглаживая меня по головѣ, говорилъ: «bravo, mon sieur Bogdan! bravo! vous mériteriez d'être français, mon cher!» Мы видимъ на каждомъ шагу горькіе плоды этого ошибочнаго воспитанія. Привыкая съ ребячества къ мысли, что у насъ всё дурно, а за границей все прекрасно, мы стараемся во всемъ подражать Западу. Кто говоритъ: хорошему подражать все-

гда должно. Да только вотъ бѣда, что дурному подражать гораздо легче, чѣмъ хорошему, а дурнаго-то найдется много и на Западѣ.

Нѣкоторые изъ монахъ гостей стали со мною спорить, другіе приняли мою сторону, и послѣднихъ было гораздо болѣе, какъ вдругъ, на мое горе, орловскій помѣщикъ Захаръ Никитичъ Пеньковъ, который до того всё молчалъ, рѣшился заговорить.

— Позвольте! молвилъ онъ, позвольте! Я вамъ доложу, истинно, какъ передъ Богомъ доложу! Богданъ Ильичъ изволить говорить совершенную правду, знаемъ мы это французское воспитаніе!... Бѣдовое дѣло, сударь, истинно бѣдовое — чума, сударь!... Вотъ я вамъ доложу: у меня есть сосѣдъ по имѣнію, вдовецъ Иванъ Алексѣевичъ Холиской, человекъ богатый и съ вѣсомъ; всего дѣтей у него было одинъ сынокъ, да одна дочка. Вотъ, сударь, занялся онъ очевъ ихъ воспитаніемъ; нахваталъ всякихъ учителей и мадамовъ; пошли ихъ учить съ утра до вечера разнымъ наукамъ, языкамъ, всякой мудрости, а пуще всего по-французскому. Ну, вѣрите-ль Богу, сударь: дѣло сосѣдское, пріѣдешь иногда въ гости, не знаешь, съ кѣмъ словечко вымолвить! Не токмо господа, да и люди-то всё Французами смотрять. Денегъ онъ потратилъ бездну, убилъ половину имѣнія, а все пошло прахомъ! Сынъ подросъ и вступилъ въ военную службу; дочка также выросла и пошла замужъ, хорошо!... Да извольте-ко посмотрѣть: конецъ-то какой былъ?... Сына, сударь, убили на Кавказѣ Черкесы, а дочь умерла первыми родами—вотъ тебѣ и французское воспитаніе!

Разумѣется, это неожиданное заключеніе сгубило все мое краснорѣчіе; гости мои расхохотались; никто не сталъ меня слушать. Да я готовъ былъ и самъ отказаться отъ моего имѣнія, ддя того только, чтобъ не имѣть своимъ защитникомъ Захара Никитича Пенькова.

Э. московскія гостиницы. Конечно, во всей Россіи, не исключая и роскошнаго Петербурга, нѣтъ такихъ удобныхъ и превосходныхъ гостиницъ, какія съ нѣкотораго времени завелись у васъ въ Москвѣ. Я не смѣю повторять то, что говорятъ о нихъ всё иностранные путешественники, потому что иногда и правда покажется невяроятнѣе всякой лжи; но скажу только, что въ этомъ отношеніи Москва можетъ смѣло состязаться съ какимъ угодно европейскимъ городомъ. Давно ли, кажется, *Лондонъ*, извѣстная гостиница въ Охотномъ-Ряду, казалась намъ почти великолѣпною, а что она равненіи съ гостиницею *Шевальдышева*, которая въ свою

очередь отстала такъ далеко отъ Дрездена, и что, наконецъ, этотъ аристократическій, щеголеватый Дрезденъ, сравненіи съ роскошнымъ, изящнымъ, исполненнымъ всѣхъ возможныхъ удобствъ, *възглаголюемъ* домоу господина Варгина? Не видавъ внутренняго устройства этого дома, нельзя никакъ представить себѣ, до какой степени совершенства доведено это истинно европейское заведеніе. Конечно, въ немъ не всѣ отдѣленія убраны съ одинаковымъ богатствомъ; но нѣтъ ни одного, въ которомъ бы вы не забыли, что живете въ наемныхъ комнатахъ, которыя отдаются по-суточно. Вездѣ необыкновенная чистота, удобство, прекраснѣйшая мебель, паркеты, бронзы, ковры—и, сверхъ-того, все то, о чемъ встарину и рѣчи не было—то есть, спокойныя постели, чистое бѣлье, столовая посуда—однимъ словомъ, всѣ домашнія необходимости, удобства и даже прихоти. Вы любите цвѣты, памекните только объ этомъ—и ваша комната превратится въ оранжерею. Вы музыкантъ—скажите одно слово и прекрасный рояль явится къ вашимъ услугамъ. Миѣ скажутъ, можетъ-быть, что все это стоить довольно дорого—да развѣ можно гдѣ-нибудь жить барининомъ и не тратить денегъ? А если у васъ ихъ немного, такъ и это не бѣда—въ Москвѣ около шестидесяти гостиницъ и подворьевъ. Выборъ зависитъ совершенно отъ васъ. Вы можете платить по-суточно за вашу квартиру, начиная отъ полтины, до пятнадцати рублей серебромъ. Разумѣется, въ первомъ случаѣ отведутъ для васъ комнатку не очень красивую, и лѣстница, по которой вамъ придется ходить, будетъ, можетъ-статься, и крута и грязвенька—да это ужъ ваше дѣло. Вотъ худо, если вы ни за какія деньги не найдете для себя удобнаго помѣщенія—или не отыщете квартиры сообразной съ вашими способами—а это, говорятъ, нерѣдко случается не только у насъ на Святой-Руси, но даже и за границей—гдѣ по всѣмъ городамъ и дорогамъ ѣзды по-больше нашего.

В. АНДРЕЙ ЕВСТАФЬЕВИЧЪ ДЫМКОВЪ. Кажется, въ первомъ выходѣ моихъ записокъ я говорилъ уже, что многие изъ петербургскихъ старожиловъ имѣютъ весьма ошибочное понятіе о Москвѣ и вообще о всей Россіи. Эти господа полагаютъ, что все наше просвѣщеніе сосредоточилось въ одномъ Петербургѣ, что Москва, хотя называется столицей, однако жъ въ существѣ своемъ не что иное какъ огромный губернский городъ, и точно такъ же, какъ всѣ губернскіе города, отстала цѣлымъ вѣкомъ отъ Петербурга. Конечно, съ нѣкотораго времени, это ложное понятіе начинаетъ по-немногу истребляться и почти всѣ

истинно просвѣщенныя, петербургскіе жители, говорить съ большимъ уваженіемъ, а нѣмь даже и съ любовью о первопрестольномъ градѣ Царей русскихъ, объ этой православной Москвѣ, которую вся Россія или, по-крайней-мѣрѣ, вся древняя Россія называетъ своею матерью. Но несмотря на это, найдутся еще люди, совершенно убѣжденные въ справедливости прежняго мнѣнія. Я имѣлъ случай увѣриться въ этомъ по собственному моему опыту. Въ концѣ нынѣшняго лѣта получилъ я письмо отъ одного изъ монаховъ петербургскихъ пріятелей — это письмо принесъ мнѣ не почталіонъ, а трактирный слуга, вмѣстѣ съ карточкою, на которой было напечатано: «Статскій совѣтникъ Андрей Евстафьевичъ Дыбковъ». Вотъ письмо моего пріятеля:

«Любезный другъ, Богданъ Ильичъ! Я посылаю къ тебѣ это « письмо съ Андреемъ Евстафьевичемъ Дыбковымъ, чиновникомъ « одного изъ здѣшнихъ министерскихъ департаментовъ. Ему « досталось наслѣдство не помню въ какой-то изъ нашихъ степныхъ губерній и онъ въ первый разъ отъ-роду оставилъ « Петербургъ, въ которомъ родился, выросъ, началъ служить и « дослужился до чина статскаго совѣтника. Вѣроятно, онъ про- « будетъ у васъ дня два или три; пожалуйста, мой другъ, позна- « комься съ нимъ и угости его Москвою — ты этого дѣла ма- « стеръ. Я искренно уважаю Андрея Евстафьевича, онъ человѣкъ « прекрасный, честный, благородный и доказалъ мнѣ на самомъ « дѣлѣ свое истинно рѣдкое безкорыстіе. Но я долженъ тебя « предупредить, что у него есть кой-какіе предрасудки и лож- « ныя понятія, которыя могутъ тебѣ показаться смѣшными. Во- « первыхъ, онъ убѣжденъ въ душѣ своей, что уроженецъ и по- « стоянный житель Петербурга есть существо какого-то особен- « наго рода, на которое всѣ провинціалы должны смотрѣть съ « невольнымъ чувствомъ уваженія. Во вторыхъ, — не проговаривайся « мой другъ — Андрей Евстафьевичъ, не слишкомъ высокаго мнѣ- « нія о вашей Москвѣ и вѣроятно не переимѣнитъ этого мнѣнія, « когда увидитъ, что она вовсе не походитъ на Петербургъ. Я « боюсь также, чтобъ онъ не показался тебѣ смѣшнымъ. Нѣтъ, « мой другъ — увѣряю тебя, онъ вовсе не гордъ.... Это только « какое-то невольное чувство собственнаго своего достоинства — « или, лучше сказать, слѣдствіе преувеличеннаго понятія, которое « онъ имѣетъ о званіи чиновника одного изъ министерскихъ де- « партаментовъ; не смѣйся, мой другъ — это чувство весьма « естественное; представь себѣ человѣка, который очень часто « сносится съ важными особами и пишетъ предписанія, а иногда

« и замѣчанія начальникамъ губерній—можетъ ли этотъ человекъ
 « не имѣть весьма высокаго понятія о своемъ бюрократическомъ
 « назначеніи?... Ты скажешь, можетъ-быть, что не онъ подписы-
 « ваетъ эти отношенія, предписанія и замѣчанія — правда, мой
 « другъ... Но знаешь ли ты, что Вольтеровъ переписчикъ говари-
 « валъ иногда и вовсе не шутя: « Да, конечно! Мы-таки поряд-
 « комъ потрудились надъ «Завроу»; но если бъ вы знали какого
 « труда намъ стоилъ «Магометъ!» Ну, разсуди самъ, если это
 « могъ сказать простой переписчикъ, то чего не можетъ подумать
 « о себѣ тотъ, кто не переписываетъ, а сочиняетъ всѣ эти дѣ-
 « ловыя бумаги. Конечно, Андрей Евстафьевичъ понимаетъ, что
 « въ Петербургѣ онъ исчезаетъ въ этой толпѣ равныхъ съ нимъ
 « званіемъ чиновниковъ — но зато онъ не сомнѣвается, что въ
 « каждомъ провинціальномъ городѣ онъ долженъ казаться всѣмъ
 « мѣстнымъ властямъ, лицомъ не только замѣчательнымъ и важ-
 « нымъ, но даже государственнымъ — однимъ словомъ, я увѣ-
 « рень, Андрей Евстафьевичъ не припалъ бы за насмѣшку,
 « если бъ въ какой-нибудь губерніи, исправникъ встрѣтилъ его
 « на границѣ своего уѣзда, а городничій подалъ рапортъ о бла-
 « госостояніи города ».

Не желая выводить изъ этого пріятнаго заблужденія господи-
 на Дыбкова, я не помѣнялся съ нимъ карточками, а поѣхалъ къ
 нему самъ. Андрей Евстафьевичъ показался мнѣ дѣйствительно
 человекъ очень добрымъ; онъ принялъ меня весьма ласково.
 Поздравивъ его съ пріѣздомъ въ Москву, я спросилъ его, былъ
 ли онъ въ Кремлѣ?

— Какъ же! отвѣчалъ Дыбковъ. Я видѣлъ вашъ большой ко-
 локоль, толстую пушку, соборы, Ивана-Великаго — все видѣлъ.
 Конечно, для художника тутъ не много пищи; но для любителя
 русской старины должно быть очень любопытно.... Древность,
 большая древность!....

— А по Москвѣ вы покатались?

— Да!.... Я вчера цѣлый день ѣздивъ. Скажите мнѣ, что это
 за странная мысль была основать Москву на такомъ невыгод-
 номъ мѣстѣ? Вѣдь она была нѣкогда первымъ городомъ въ Рос-
 сии, неужели нельзя было выбрать для нее по-лучше мѣстопомо-
 женіе?

— Да развѣ здѣшнее мѣстопоположеніе....

— Помилуйте!.... Для большаго города необходимо ровное,
 гладкое мѣсто — посмотрите нашъ Петербургъ.... А это что та-

кое?... Горы, да буераки!... То спускаешься внизъ, то поднимаешься вверхъ....

— Зато на каждомъ шагу какіе виды, прервалъ я.

— Да чтѣ хорошаго въ этихъ видахъ? Ни какой симетріи, ни какого единообразія, такая пестрота, все какъ-то разбросано. Церквей очень много, да всѣ онѣ такой безобразной старинной архитектуры!... Узенькія улицы.... Нѣтъ, воля ваша!... Я ожидалъ увидѣть чтѣ-нибудь по-лучше этого!... Конечно, мы, петербургскіе жители, избалованы—насъ трудно чѣмъ-нибудь удивить—да я вовсе и не думалъ удивляться, а полагалъ, что увижу хоть чтѣ-нибудь похожее на столицу.... Ну, двѣ, три широкія, прямыя улицы, съ трехъ-этажными домами подъ одну кровлю, судходную рѣку съ гранитной набережной....

— Да! сказалъ я: намъ этимъ похвастаться не можно; наша Москва-рѣка....

— Не прогнѣвайтесь, прервалъ Дыбковъ: мы не промѣнили бы на нее нашу Черную-рѣчку или Карповку—по нихъ всѣ-таки въ лодкахъ ѣздятъ; а черезъ вашу Москву-рѣку, говорятъ, куры въ бродъ ходятъ.... Да скажите, пожалуйста—какую же вы пьете воду?

— Можно пить и москворѣцкую, она весьма недурна; а сверхъ-того у насъ во многихъ мѣстахъ есть фонтаны съ отличной водою.

— А!... видѣтъ, видѣлъ!... То есть, не фонтаны, а источники; вотъ какъ у насъ по царско-сельской дорогѣ.... Фонтаны, дѣло другое—и если бѣ вы побывали у насъ въ Петергофѣ.... Да чтѣ объ этомъ.... Скажите-ка мнѣ лучше, почтеннѣйшій Богданъ Ильичъ, могу ли я здѣсь кое-чѣмъ позапасться?

— А чтѣ вамъ надобно?

— Мнѣ нужно купить французскаго табаку, да нѣсколько бутылокъ вина—я ужъ не требую, чтобъ это было отлично хорошо....

— А почему же вамъ этого не требовать?

— Самъ виноватъ, Богданъ Ильичъ!... Забылъ всѣмъ нужнымъ запасться въ Петербургѣ.

— Не безпокойтесь!... Вы найдете здѣсь и цѣльное вино и хорошій французскій табакъ....

Дыбковъ улыбнулся.

— Хорошій! повторилъ онъ: извините, Богданъ Ильичъ! Если бѣ дѣло шло о калачахъ—такъ въ этомъ и спору нѣтъ—Москва всегда ими славилась; но всѣ предметы роскоши и все то, чтѣ идетъ

изъ чужихъ краевъ... Впрочемъ, у меня большихъ претензій нѣтъ, я всѣмъ буду доволенъ. Кто ѣдетъ за двѣ тысячи верстъ отъ Петербурга, въ самую глубь Россіи — тотъ долженъ всего ожидать. Чтò жь дѣлать, Богданъ Ильичъ!... Придется мѣсяца два потерпѣть — да зато я познакомясь съ нашими провинціалами; а признаюсь,—я давно желаю на нихъ посмотрѣть. Жаль только, что не увижу ихъ, такъ-сказать, на распашку, не застану върасплохъ. Миѣ очень бы хотѣлось взглянуть на ихъ будничныи простой бытъ — а какъ это сдѣлаешь?... Во всякомъ городѣ узнаютъ сейчасъ, что я занимаю такой видный постъ въ Петербургѣ; пойдутъ церемонные визиты, официальные приглашенія, званые обѣды... Ну, чтò тутъ увидишь и чтò узнаешь?... Вотъ, Богданъ Ильичъ, приключилъ Дыбковъ съ такимъ дѣтскимъ простодушіемъ, что миѣ стало жаль его: вотъ сударь, случаи, въ которыхъ инкогнито, должно быть очень пріятно!

Несмотря на мою страсть угощать всѣхъ пріѣзжихъ Москвою, я не предложилъ моихъ услугъ Андрею Евстафьевичу, который отзывался такъ холодно о нашемъ Кремлѣ и не постигалъ, что главная прелесть Москвы состоитъ именно въ томъ, что она вовсе не походитъ на великолѣпный Петербургъ, на щеголеватый Берлинъ, на Парижъ, на Вѣну и вообще на всѣ города Европы. Она прекрасна не заимствованной, а собственной своей красотой. Мы приглядѣлись къ нашей Москвѣ — а послушайте чтò говорятъ о пей иностранные путешественники. Недавно я спросилъ одного изъ нихъ, какъ ему показался нашъ первопрестольный городъ.

— Ваша Москва, отвѣчалъ онъ: вовсе не походитъ на то, чтò мы привыкли называть правильнымъ, великолѣпнымъ, изящнымъ, а между-тѣмъ я не могу ею налюбоваться. Все чтò я досихъ-поръ видѣлъ, такъ огромно, чудно, пестро, такъ противорѣчить нашимъ западнымъ понятіямъ и въ то же время такъ прекрасно, что я рѣшительно очнуться не могу. Однимъ словомъ, ваша Москва не городъ, а Тысяча и Одна Ночь — или, лучше сказать, очаровательный, волшебный сонъ, въ которомъ все для меня ново.

Я распрощался съ господиномъ Дыбковымъ, пожелалъ ему счастливаго пути и отправился домой. Спустя мѣсяца полтора послѣ этого, явился ко миѣ поутру господинъ Дыбковъ. Онъ сказалъ миѣ, что возвращаясь въ Петербургъ, хотѣлъ узнать не имѣю ли я какихъ-нибудь препорученій къ моему пріятелю. Я поблагодарилъ его и спросилъ, какъ онъ провелъ свое время въ губерніи, понравился ли ему образъ жизни нашихъ провинціа-

ловъ—повеселился ли онъ?... При этомъ послѣднемъ вопросѣ господинъ Дыбковъ покраснѣлъ.

— Повеселился, повторилъ онъ: Гдѣ-съ?... Въ этой труднѣбѣ? Въ этихъ губерскихъ городахъ, въ которыхъ не видѣютъ ни какого уваженія ни къ званію, ни къ лицамъ?... Пошлите!.... Да можно ли веселиться тамъ, гдѣ живутъ какіе-то мужики, варвары, которые засѣли въ своихъ конопляникахъ, да никого и знать не хотятъ!.... Представьте себѣ, продолжалъ господинъ Дыбковъ съ возрастающимъ жаромъ: петербургскій житель — человѣкъ занимающій такой видный постъ—долженъ былъ... Вы не повѣрите!.... Да, сударь! долженъ былъ во всѣхъ губерскихъ городахъ обѣдать гдѣ?... Въ трактирахъ, сударь! Въ трактирахъ!.... Да еще въ какихъ!.... Харчевни мерзкія!.... А туда жъ: рестораціи... нумера!.... Хлѣва, сударь!.... хлѣва!....

— Это странно! сказалъ я: у насъ въ провинціяхъ вообще очень гостепріимны и если пріѣзжій желаетъ со всѣми познакомиться, ему стѣдуетъ только сдѣлать нѣсколько визитовъ—или привести съ собой хоть одно рекомендательное письмо....

— Рекомендательное письмо? повторилъ съ живостью Андрей Евстафьевичъ. Мое рекомендательное письмо, сударь — подорожная!.... Такой чиповникъ, какъ я, въ какомъ-нибудь провинціальномъ городишкѣ... Да это, сударь, эпоха... Нѣтъ!.... Признаюсь, я не ожидалъ такого разврата въ нашихъ провинціяхъ.... Все, сударь, потеряно — все!.... Покойный мой батюшка служилъ въ канцеляріи генералъ-прокурора — бывало, поѣдетъ не по службѣ, а по собственнымъ дѣламъ въ какой-нибудь губерскій городъ... Господи, Боже мой!.... Все встрепенется!.... Исправникъ, засѣдатель въ мундирахъ.... Обывательскихъ лошадей беря, безденежно, сколько хочешь!.... Чтѣ лошади!.... По дорогамъ лагуны горятъ!.... А теперь!... Скверный духъ, батюшка, скверный!.... Представьте себѣ: вздумалось мнѣ проѣздомъ остановиться отдохнуть въ одномъ уѣздномъ городѣ. Привезли меня въ гостиницу — гадость такая, что не приведи Господи!.... Хуже всякой конюшни. Вотъ я посылаю сказать городничему, что такой-то проѣзжій петербургскій чиновникъ желаетъ переночевать въ городѣ; но такъ какъ городская гостиница не представляетъ къ сему ни какихъ удобствъ, то онъ покорнѣйше проситъ господина городничаго, приказать отвести ему квартиру въ какомъ-нибудь обывательскомъ домѣ. Вотъ жду: явится ко мнѣ самъ городничій — вѣроятно предложить свой дошъ.... И чтѣ жъ, сударь? Человѣкъ мой

возвращается съ отвѣтомъ: «Снажи, дескать, твоему барину, что квартиры отводять только для прокодающихъ войскъ, а если, дескать, его высококордію не нравится наша гостинница, такъ онъ можетъ самъ нанять квартиру у любого обывателя.» Разумѣется, послѣ такого дерзкаго отвѣта я не могъ остаться ни минуты въ этомъ сиверномъ городишкѣ. Добрался я наконецъ до перваго губернскаго города — живу въ немъ сутки, двое.... Повѣрите ли?.... Никому до меня и дѣла нѣтъ!.... Пріѣзжаю въ другой губернской городъ—останавливаюсь въ гостинницѣ... Порядочная!... Довольно чисто, не пахнетъ ни кислой капустой, ни рыбой.... Входитъ трактирщикъ:— Позвольте узнать чинъ, имя и фамилію? «—Статскій совѣтникъ, братецъ, Андрей Евстаѣевичъ Дыбковъ, чиновникъ, служащій въ такомъ-то министерствѣ.» Трактирщикъ въ поляхъ, поклонъ и вонъ! Гляжу въ окно; бѣжитъ онъ сломя голову по улицѣ.... повстрѣчался съ человѣкомъ въ треугольной шляпѣ.... по всему видно квартальный.... пошептались—квартальный сѣлъ на извозчика и поскакалъ. — А-га! подумалъ я: проснулся! Этакъ черезъ полчаса входитъ мой Алексѣй и докладываетъ, что ему на почтовомъ дворѣ сказали, будто бы всѣ лошади въ разгонѣ и только развѣ къ ночи вернутся назадъ — я было-поспорилъ съ смотрителемъ, примолвилъ Алексѣй. Да онъ божится, что лошадей нѣтъ—а ямщики говорятъ не то — да и самъ-то онъ, проклятый, ухмыляется.— Ухмыляется, подумалъ я: вотъ что!.... Понимаю!.... Ему не приказано давать мнѣ лошадей.... Это деликатная манера позадержать меня въ городѣ.... Понимаю!.... — Не прикажете ли, спросилъ Алексѣй, сказать трактирщику, что вы изволите здѣсь кушать?—Нѣтъ, братецъ, погоди! Мнѣ кажется, я буду обѣдать не здѣсь... Ступай-себѣ, поѣшь; да вынь изъ чемодана шкатулку, мундирный фракъ и прочее. Вотъ, сударь, я выбрался, одѣлся, сижу-себѣ часъ, сижу два, сижу три... что такое? И скучно и ѣсть хочется — а гонца ко мнѣ отъ губернатора нѣтъ, какъ нѣтъ!.... Видно готовится—не хочетъ принять меня по-будничному.... Проходитъ еще часъ, другой.... Слышу бьетъ семь часовъ—да этакъ поздно и у насъ въ Петербургѣ не обѣдаютъ... Я кликнулъ трактирщика.— «Что, братъ, губернаторъ въ городѣ?»—Въ городѣ, сударь. Сейчасъ изволилъ проѣхать.— «Проѣхать? Куда?»—Да я думаю ни куда, ваше высококордіе; онъ всегда изволилъ кататься послѣ обѣда.— «Вотъ тебѣ разъ!.... Что это все значить?.... Послушай, любезный, сказалъ я хозяину: мнѣ показалось, что ты говорилъ на улицѣ съ какимъ-то квартальнымъ?» — Говорилъ, сударь.— «И этотъ квартальный

оѣлъ на извозчика и поскакалъ.» — Точно такъ-съ!.... Это квартальный надзиратель, мой куманёкъ. Я думалъ, что вы будете здѣсь кушать, такъ просилъ его взять въ погребкѣ бутылочку хорошаго сотернова. Обыкновенное-то у меня есть — да не отличное: здѣшніе посѣтители имъ не брезгаютъ, а ваше высокородіе дѣло другое — вы человекъ петербургскій!.... «Прошу покормить-а дѣлать-то нечего! Принимаюсь за трактирный обѣдъ.» — Да ничего дискать нѣтъ. — «Какъ такъ?» — Вашъ человекъ сказалъ, что вы кушать не будете, такъ для васъ ничего не готовлено. — «Поздравляю: безъ обѣда!... Признаюсь, Богданъ Ильичъ! Въ жизнь мою, я не сердился такъ на самого себя, какъ въ этотъ разъ; дуракъ этакой!.... Ужъ я видѣлъ, какой народъ эти провинціалы — чего тутъ ожидать? Да развѣ есть чтò-нибудь для нихъ святое?.... Чтò имъ такое петербургскій савонникъ? Они сами господи!.... Вы скажете, что губернаторъ не зналъ о моемъ пріѣздѣ въ городъ.... Да какъ ему, сударь, не знать объ этомъ?.... Ужъ коли ему не донесли о пріѣздѣ такого чиновника, какъ я — такъ о чемъ же ему и доносить?.... Нѣтъ, Богданъ Ильичъ — худо — очень худо!.... Все потеряно, батюшка, все!....

Какъ я ни желалъ примирить моего гостя съ нашими провинціалами, но онъ остался непоколебимъ — и, прощаясь со мною, повторилъ еще разъ, что въ нашихъ губерніяхъ и дворянство и мѣстное начальство, и вообще всё сословія потеряли всякое уваженіе къ заслуженнымъ лицамъ, совершенно развратились и что это пагубное вольнодумство дошло до высочайшей своей степени; однимъ словомъ, добрый и простодушный Андрей Евстафьевичъ — вовсе не думая повторилъ въ прозѣ, то, чтò сказалъ нѣкогда въ стихахъ Буало:

Qui méprise Cotin, n'estime point son roi,
Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.

4. МОСКВА-РѢКА. Я люблю прогуливаться по берегу Москвы-рѣки, когда она весною понимаетъ пологіе берега Замоскворѣчья, реветъ и крутится подъ сводами Каменнаго-Моста и, не течетъ, а мчится быстрымъ потокомъ, огибая крутые берега кремлевскаго холма. Но недолго живетъ ваша Москва-рѣка этой чуждой, замствованной жизнью; какъ величавая красавица, пораженная внезапнымъ недугомъ, она начинаетъ чахнуть, худѣть и въ нѣскольکو дней прекращается изъ судоходной рѣки, въ мелководную ничтожную рѣку, которую во многихъ мѣстахъ, а особливо у Крымскаго-Брода, вовсе не грѣшно назвать рѣчкою. Тамъ, гдѣ

прежде едва доставали дно длинными баграми, кузаются или, лучше сказать, играют по колыно въ водѣ пятигѣтніе работники, а гдѣ проходили огромныя суда съ тяжелымъ грузомъ, тамъ на широкихъ отмеляхъ расхаживаютъ галки и вороны.

Въ концѣ прошедшаго іюля мѣсяца, мнѣ пришлось ѣхать черезъ Крымскій-Бродъ. Вы помните, я думаю, любезныя читатели, что въ іюлѣ стояли постоянныя жары; слѣдовательно, я долженъ былъ полагать, что у Крымскаго-Броду, Москва-рѣка почти пересохла и что черезъ нее не только переѣзжаютъ, но даже переходятъ въ бродъ. Представьте же мое удивленіе, когда подъѣхавъ къ мосту, я увидѣлъ передъ собой, вмѣсто тощей рѣчонки, которая, за мѣсяць до того, походила на какую-то проточную лужу, широкую, многоводную рѣку—ни одной песчаной косы, ни одной отмели—ну, точно какъ весною.

— Чтò это, батюшка, съ рѣкою-то сдѣлалось? сказалъ мой Петръ, пріостановивъ лошадей: изволите видѣть?

— Вижу, братецъ.

— Вотъ диковника-то!.... Добро бы дождливое лѣто — а то сушь и жарынь такая, что старики не запомнятъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Отъ чего такая прибыль воды?

— Вотъ то-то и есть, сударь! Чѣмъ бы Москва-то рѣкѣ еще обмелѣть, а смотрите какъ она разгулялась: ни дать ни взять, какъ въ полоую воду.

— Постой-ка, братецъ! перерываю я: чтò это тамъ?... Воиъ на-лѣво-то!

— Гдѣ, сударь?

— Къ Каменному-Мосту, противъ Берсеньевки.

— Ахъ батюшки!.... Да вѣдь это плотина, сударь!.... Видитъ Богъ, плотина!....

— И мнѣ кажется.... Да, точно такъ! Ступай на Берсеньевку.

Черезъ нѣсколько минутъ я остановился въ десяти шагахъ отъ плотины и вышелъ изъ коляски. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ начинается отводный каналъ—то есть, противъ Берсеньевки и Бабьяго-Города, высокая плотина перерѣзываетъ во всю ширину Москву-рѣку; одна часть скопившейся воды выливается двадцатью-двумя каскадами, сквозь отверстія, сдѣланныя въ плотинѣ, другая наполняетъ отводный каналъ, который изъ грязнаго рва превратился также въ глубокую и судоходную рѣку. На берегу рѣки встрѣтилъ я знакомаго мнѣ офицера путей сообщенія, который разсказалъ слѣдующія подробности о сооруженіи и устройствѣ этой плотины.

Въ 1833 году Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ улучшить судоходство по Москвѣ-рѣкѣ и устроить для складки и выгрузки товаровъ пристань обширнѣе и удобнѣе прежней. Для этого составленъ былъ проектъ обхода Москвѣ-рѣки особеннымъ каналомъ. Въ 1835 году всѣ работы по сему предмету приведены къ окончанію и судоходство по каналу тогда же было открыто. Но въ октябрѣ мѣсяцѣ плотина, не выдержавъ напора воды, лопнула и обводный каналъ остался снова безъ воды и утребленія.

Съ того времени на возобновленіе плотины составлялись различные проекты и, наконецъ, въ 1843 году утвержденъ проектъ по системѣ совершенно новой. Нынѣ по этому проекту подъ главнымъ надзоромъ начальника четвертаго округа, генералъ-маіора Трофимовича, устроена окончательно подполковникомъ Бобрщевымъ-Пушкинымъ разборчатая плотина, названная бабье-городскою и судоходство по московскому обводному каналу снова открыто. Плотина будетъ устанавливаться каждую весну, по спаду воды и разбирается осенью по закрытіи судоходства; она запирается вертикальными брусками и останавливая теченіе рѣки, наполняетъ водою каналъ до шести футовой глубины, вполне достаточной для судоходства, пропуская за тѣмъ всю излишнюю воду въ нижнюю часть рѣки. Прежде приходившія въ Москву суда, круглымъ числомъ до четырехъ тысячъ, терпѣли большія затрудненія отъ недостатка мѣста для выгрузки товаровъ; теперь они найдутъ въ обводномъ каналѣ на пространствѣ трехъ верстѣ съ половиною, удобную и обширную пристань, въ которой могутъ разгружаться вдругъ до пяти сотъ судовъ — а сверхъ-того, будутъ имѣть возможность приставать къ берегамъ рѣки выше вновь устроенной плотины, то есть, отъ Крымскаго-Брода до самыхъ Воробьевыхъ Горъ.

Не говоря уже о величайшей пользѣ, которую принесетъ московскому судоходству эта превосходно устроенная плотина, нельзя не порадоваться, когда посмотрѣшь, до какой степени это роскошное изобиліе воды украсило всю набережную часть Замоскворѣчья, между Крымскимъ-Бродомъ и Каменнымъ-Мостомъ. Теперь вся часть набережной отводнаго канала, называемая Бабьимъ-Городомъ, и вообще всѣ его берега совершенно измѣнились. Прежде обывательскіе дома тянулись вдоль грязнаго канала, на днѣ котораго во все лѣто не пересыхала зловонная глина и покрытая зеленою стоячая вода. Теперь эти же самые дома перенесены какъ-будто бы волшебствомъ на красивые бе-

рега, наполненного чистой водою проточнаго рукава Москвы рѣки. Теперь обыватели не должны ходить далеко за водою: она у нихъ подъ руками—словомъ, всё удобства, которыми они пользовались втеченіи нѣсколькихъ только дней въ году, то есть, во время весенняго разлива — упрочены для нихъ почти на цѣлый годъ.

Б. вавій-городокъ. Я упоминалъ въ предыдущемъ разсказѣ объ одномъ замоскворѣцкомъ урочищѣ, которое называется Бабинь-Городкомъ; если вы хотите знать, любезные читатели, почему это урочище получило такое странное названіе, такъ я могу сообщить вамъ объ этомъ не историческое изъясненіе — вы не найдете его въ лѣтописяхъ—но изустное, народное преданіе, которое, вѣроятно, имѣетъ однако жъ какое-нибудь основаніе. Вотъ что слышалъ я отъ одного, почти столѣтняго, мѣщанина. Несмотря на свою глубокую старость, онъ сохранилъ всю свѣжесть памяти и очень любитъ бесѣдовать о московской старинѣ.

— Ты хочешь знать, батюшка, сказалъ онъ мнѣ однажды: почему замоскворѣцкое урочище, позади Берсеневки, презывается Бабинь-Городомъ — пожалуй! я разскажу тебѣ, что слышалъ отъ моего дѣдушки. Вотъ изволишь видѣть: давнымъ-давно, а при какомъ благовѣрномъ великомъ князѣ — того не зналъ доподлинно и мой дѣдушка—дошелъ слухъ до Москвы, что идетъ на нее войною татарскій ханъ съ несметнымъ войскомъ. На ту пору почти всю московскую рать угнали въ походъ противъ Литвы, такъ нѣкому было выйти въ поле чистое, встрѣтить незваныхъ гостей по русскому обычаю, не съ хлѣбомъ и солью, а съ чугуннымъ свистуномъ, кистенемъ и булатной саблею. Вотъ православный государь великій князь призадумался — и бояре его головушки новѣсили. Вѣстимо дѣло: пришлось затвориться въ Кремль, да отсиживаться, только вотъ бѣда: велика матушка-Москва: всю ее въ Кремль не упрчешь — что дѣлать? Думали, думали, да и выдумали: сидѣть въ Кремль однимъ мужьямъ, а женъ и малыхъ дѣтей услать куда ни есть по-дальше. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Всѣ московскія барыни разѣхались по дальнимъ отчинамъ; по-маленьку уплелись и жены купеческія съ своими пожитками—кто въ Ростовъ, кто въ Новгородъ — у купцовъ вездѣ пріятеля; а посадскимъ бабамъ куда бѣжать? Хорошо пѣшкомъ на богомолье ходить: кошель за плечи, да и съ Богомъ! А тутъ не то: на себя всего добра не унесешь, а коли дома оставишь, такъ и поминай какъ звали! Вотъ посадскія бабы собрались, помолились Богу, выбрали мѣстечко за Москвой-рѣ-

кой, обвели его тыномъ, окопались, снесли туда всё свои пожитки, запаслись ѣдою, всякимъ оружіемъ и какъ басурманы пришли, такъ онѣ заперлись въ своемъ городкѣ, да ну-ка отсидиваться! Татары пытались-было вломиться къ нимъ силою — да нѣтъ!.... Посадскія бабы такой дали имъ отпоръ, что они свѣту Божьяго не взвидѣли!.... Не вѣдаю, батюшка, долго ли, коротко ли держали ихъ въ осадѣ супостаты — только московскія горожанки, не хуже мужьевъ своихъ отспидлись въ городкѣ отъ этого татарскаго погрому — и вотъ почему урочище за Берсеневкой, слыветъ и повинѣ еще Бабьимъ-Городомъ. Такъ ли это все было, или нѣтъ, Господь вѣдаетъ. Мы люди недавніе, молодые — а наши дѣды и прадѣды такъ рассказывали. Видно, батюшка, встарину, примолвилъ рассказчикъ, и жены-то русскихъ молодцовъ были по-удалѣе нынѣшнихъ: наши бы не отспидлись.

С. ДВА СЛОВА О НАШЕЙ ДРЕВНЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ ОДЕЖДѢ. Трудно опредѣлить яснымъ и положительнымъ образомъ, что такое этотъ временный обычай или, лучше сказать, минутная прихоть, которую мы называемъ *модю*, и которая, почти всегда появляясь въ Парижѣ, какъ заразительная болѣзнь, разливадается по всей Европѣ. Какъ отгадать причину слѣпой и рабской поворности, съ которой мы повинуемся прихотливымъ законамъ этой моды, всегда непостоянной и очень часто совершенно бессмысленной. Почему я, живя въ Москвѣ, гдѣ нѣрѣдко бываетъ холодно въ маѣ мѣсяцѣ, долженъ одѣваться точно такъ же, какъ одѣваются люди, которые и въ апрѣлѣ задыхаются отъ жару? Почему мое платье должно непремѣнно походить на платье какого-нибудь Француза, даже и тогда, когда бы онъ вздумалъ одѣться уродомъ? Если всё дѣйствія челоуѣка, одареннаго разумомъ, должны менѣе или болѣе основываться на здоровомъ смыслѣ — такъ почему же этотъ благоразумный челоуѣкъ, на ряду съ легкомысленной толпой, которая увлекается всякой новостью, надѣваетъ на себя или уродливый, или короткій сюртучокъ въ обтяжку, или безобразный пальто — мѣшокъ, который волочится по землѣ — и все это не потому, чтобъ ему было спокойно въ этомъ узенькомъ сюртукѣ, или чтобъ онъ находилъ красивымъ этотъ шутовской балахонъ — пальто, но потому только, что такъ начали одѣваться въ Парижѣ? Конечно, трудно отгадать почему все это дѣлается, но еще труднѣе изъяснить — почему это олицетворенное непостоянство, эта мода продолжаетъ съ такимъ постоянствомъ наряжать насъ въ уродливое платье,

второе мы называемъ фракомъ. Грибоедовъ, упомянувъ мимоходомъ о нашемъ современномъ платьѣ, говоритъ, что мы всё одѣты по какому-то шутовскому образцу:

«Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудка вопреки, на перекоръ стихіямъ.»

И подлинно: нашъ сюртукъ, разумѣется, если онъ сшитъ не слишкомъ по модному, походитъ еще на человѣческое платье; но въ немъ-то именно мы и не можемъ показаться нигдѣ вечеромъ. А что такое фракъ?... Тотъ же самый сюртукъ, съ тою только разницею, что у него вырѣзанъ весь передъ. Ну, можетъ ли быть что-нибудь смѣшнѣе и безобразнѣе этого? Попробуйте въ воображеніи вашемъ пародить кого-нибудь изъ древнихъ, напримеръ хоть Сократа, въ какой вамъ угодно фракъ — а это вы можете себѣ легко представить: нынче и съ фракомъ носятъ бороду; попробуйте это сдѣлать и скажите мнѣ по чистой совѣсти, на кого будетъ походитъ тогда бѣдный философъ — на мудреца, или на шута? Впрочемъ, красота и величавость одежды дѣло еще второстепенное; въ суровыхъ климатахъ ея главное назначеніе состоитъ въ томъ, чтобъ укрывать насъ отъ холоду и непогоды. Кажется, и въ этомъ отношеніи наша современная одежда не выполняетъ своего назначенія. Мы въ двадцать градусовъ морозу, носимъ узенькіе фраки, которые не застегиваются на груди, и шляпы, которыя не закрываютъ ушей. На это есть шубы и теплыя фуражки, скажутъ мнѣ. Да, конечно! Но въ какую гостиную я могу появиться съ фуражкою въ рукѣ — и не во сто ли разъ лучше, надѣвать распашную шубу сверхъ платья, которое уже само-по-себѣ защищаетъ меня отъ холоду?

Я никогда не бывалъ безусловнымъ почитателемъ нашихъ древнихъ обычаевъ и, признаюсь, вовсе не жалѣю, что родился въ девятнадцатомъ, а не въ семнадцатомъ столѣтіи; но признаюсь также, отъ всей души желаю, чтобъ мы нарядились снова, въ наши спокойные, величавые и красивые шубы, кафтаны, френзы, терлики, одюрядки и щеголеватые зипуны, и чтобъ вмѣсто этого неуклюжаго лукошка, которое мы называемъ шляпою, и которое зимой не грѣетъ, а лѣтомъ не защищаетъ отъ солнца, начали носить по прежнему, мѣховыя шапки мурмолки и пуховыя шляпы съ широкими полями.

— Такъ поэтому и русскія женщины должны надѣть сарафаны, кофты и тѣлогрѣи? — «О, нѣтъ! женщины совсѣмъ не то: для нихъ туалетъ дѣло очень важное, это одно изъ самыхъ суще-
Т. LXXXI. — Отд. VII.

ствѣнныхъ наслажденій въ ихъ жизни; онѣ могутъ и должны наряжаться, какъ имъ угодно. Пускай разнообразятъ онѣ до безконечности свой нарядъ, подражаютъ чужимъ модамъ, выдумываютъ свои собственные и если даже онѣ примутся снова носить огромныя фижмы, пудренные шиньоны и трехъ-этажныя головныя уборы, то мы можемъ пожалѣть, что они себя такъ уродуютъ, а должны смотрѣть [нисходятельно на это ребячество. Пусть ихъ себѣ тѣшутся, если это ихъ забавляетъ, но намъ, мужчинамъ, пора бы перестать состязаться съ женщинами на этомъ тоалетномъ поприщѣ и подражать вмѣстѣ съ ними всѣмъ дурачествамъ вѣтряныхъ Французовъ.

Многіе полагаютъ, что наша современная одежда, которая не кажется намъ безобразною потому только, что мы приглядѣлись къ ея безобразію, служить для насъ какою-то вывѣскою европейскаго просвѣщенія и образованности, да неужели и то и другое зависитъ отъ покроя моего платья? Если самый модный парижскій фракъ не сдѣлаетъ безграмотнаго дурака ни на волосъ умнѣе, такъ почему же спокойное, красивое и сообразное съ климатомъ русское платье превратитъ меня изъ человѣка образованнаго, въ запоздалаго невѣжду и записнаго врага просвѣщенія? Давно ли всѣмъ западнымъ народамъ Европы, а въ томъ числѣ и намъ образованнымъ Русскимъ, отпущенная борода казалась явнымъ признакомъ варварства и невѣжества. Вдругъ Французамъ вздумалось не брить свои бороды, и хотя эта мода не сдѣлалась общею, однако жъ, никому не пришло въ голову заключить изъ этого, что просвѣщенные Парижане хотятъ возвратиться къ прежнимъ нравамъ, то есть, сдѣлаться опять полу-дикими Франками, отъ которыхъ они происходятъ, или по-крайней-мѣрѣ Французами временъ Генриха-Четвертаго. Почему же, по мнѣнію нѣкоторыхъ, мы, Русскіе, потеряемъ все право называться европейцами, если станемъ одѣваться, какъ одѣвались наши предки? Чтѣ если бъ русское полу-кафтанье, на которое очень походятъ мундиры нынѣшней алжирской арміи, сдѣлалось моднымъ парижскимъ платьемъ?... Желалъ бы я знать, рѣшился ли бы тогда эти проповѣдники цивилизаціи, основанной на покроѣ платья, позволять намъ перенять у Французовъ то, чтѣ они у насъ перенили?

Вѣроятно, многіе изъ моихъ читателей не имѣютъ яснаго понятія о томъ, какъ одѣвались встарину наши русскіе бояре и вообще всѣ люди высшаго состоянія. Мы какъ-то привыкли подъ словами: кафтанъ, зинунъ, кожухъ — разумѣть грубое серіязное

платье и нагольный тулунъ нашихъ крестьянъ—это совершенно ошибочное понятіе. Встарину кафтаны русскихъ бояръ вовсе не походили на наши кучерскіе и даже купеческіе, а великолѣпныя шубы и фезы съ золотыми петлицами, на овчьиные тулуны и сѣрые зипуны нашихъ крестьянъ. Конечно, встарину и русскіе баричи носили платья, которыя назывались *зипунами*, но эти зипуны были такъ прекрасны, что трудно придумать что-нибудь красивѣе и граціознѣе этого мужскаго наряда. Если вы не вѣрите моимъ словамъ, такъ потрудитесь заглянуть въ собраніе литографированныхъ рисунковъ съ объяснительнымъ текстомъ господина Висковатаго. Это превосходное и совершенно новое въ своемъ родѣ изданіе, вышло въ свѣтъ подъ названіемъ: «Рисунки одежды и вооруженія російскихъ войскъ».

Не такъ еще давно одинъ изъ русскихъ журналистовъ нападалъ съ необычайнымъ ожесточеніемъ на нашу древнюю одежду. Это бы еще не бѣда; мнѣ не нравится парижскій фракъ, вамъ русской кафтанъ, это дѣло вкуса, такъ тутъ и спорить нечего. Но вотъ что дурно: этотъ неумолимый гонитель русскихъ кафтановъ, желая убѣдить читателей въ справедливости своего мнѣнія, спрашиваетъ ихъ, что лучше и красивѣе: сѣрый сермяжный зипунъ или фракъ, сшитый изъ тонкаго сукна, безобразныя бахилы, подбитыя гвоздями или красивыя лакированныя сапоги? Да, развѣ можно сравнивать крестьянскій нарядъ, какого бы то ни было народа, съ платьемъ людей высшаго состоянія?... Если бы этотъ журналистъ спросилъ, какъ и слѣдовало спросить: что лучше: сѣрый зипунъ и подбитыя гвоздями сапоги русскаго мужика, или толстая холстинная блуза и неуклюжіе деревянные башмаки французскаго крестьянина; суконный фракъ и лакированныя полу-сапожки парижскаго щеголя или шелковый кафтанъ и сафьянныя сапоги стариннаго русскаго барина; тогда бы этотъ журналистъ поступилъ добросовѣстно; но вѣроятно не достигъ бы своей цѣли, то есть, не увѣрилъ бы читателей, что онъ совершенно правъ. Конечно, есть люди, которые станутъ оправдывать эту недобросовѣстность: они скажутъ, что этого требуетъ избранное журналомъ *направленіе*, что всякій журналъ, имѣющій свою собственную *физиономію*, свой отличительный *характеръ* долженъ непремѣнно поддерживать принятый имъ образъ мыслей, не только одними дозволенными, но всѣми *возможными* способами; словомъ, чтобы склонить читателей на свою сторону, онъ можетъ и долженъ кривить душою, лгать, обманывать и даже клеветать. «Ужъ это, де-скасть, принято всѣми просвѣщенными

народами: Французы называютъ это *цветомъ*, а мы *направленіемъ* или духомъ журнала. Загляните въ извѣстный своимъ остроуміемъ парижскій журналъ *La Mode*; онъ весь составляетъ изъ обидныхъ пасмѣшекъ, несправедливыхъ обвиненій, превратныхъ толковъ и постоянной клеветы на существующее во Франціи правительство, а между-тѣмъ все находятъ это весьма естественнымъ. Чтò жъ дѣлать, таковъ духъ времени, и только люди устарѣлые и неподвижные, могутъ возставать противъ этого современнаго направленія, принятаго всемъ Западомъ. Всѣмъ Западомъ!... Да развѣ это что-нибудь доказываетъ? Это подтверждаетъ только мое мнѣніе, что мы не должны ни въ чемъ подражать безусловно Западу. И зачѣмъ ссылаться на Западъ? Спросите у собственной вашей совѣсти, можетъ ли она оправдать недобросовѣтность, криводушіе, ложь, злобу и клевету, оттого что на Западѣ, все эти основныя стихіи современной журналистики названы направленіемъ, духомъ и цветомъ журнала. Нѣтъ! пусть величаютъ меня старовѣромъ, врагомъ всякой современности, запоздалымъ, отсталымъ—чѣмъ угодно, а я не перестану называть зло зломъ, хотя бы оно сто разъ пришло къ намъ съ Запада. И эта современность, о которой такъ много нынче толкуютъ, не заставитъ меня уважать ни развратныхъ стиховъ, какъ бы хорошо они не были написаны, ни рассказовъ, въ которыхъ проецируются буйныя страсти, ни безсмысленнаго пустословія, облеченнаго въ ученые фразы, ни этихъ европейскихъ условій, на основаніи которыхъ журналистъ можетъ поступать недобросовѣстно, тогда какъ безпристрастіе и добросовѣтность составляютъ необходимое условіе всякаго журнала. Конечно, эта весьма старая и пошлая истина; но несмотря на это, ее признаютъ даже и самые недобросовѣстные журналисты. Толкуя безпрестанно о современности, о направленіи своего журнала, они не забываютъ, однако жъ, говорить о своемъ безпристрастіи, разумѣется, точно такъ же, какъ говорятъ о благородной и честной игрѣ своей все картежные шулера, играющіе на вѣрное.

— Авось, де-скать, попадется новичокъ, повѣрять — а мы его и надуемъ!

М. Загоскинъ.

АВАНГАРДЪ ХРИСТОФОРА КОЛУМБА. *Статья Мишеля Шевалье.* Кому принадлежитъ честь открытія Америки? Нѣтъ семилѣтняго ребенка, который бы не отвѣтилъ: — Генуэзцу Христофору Колумбу. Впродолженіи нѣкотораго времени эту славу многіе оспори-

вали у генуэзскаго морехода, не говоря уже о Флорентійцѣ Америко Веспуччи, который, кажется, самъ никогда не думалъ приписывать себѣ этой заслуги, этого подвига, хотя его и наградили, назвавъ новый материкъ его именемъ. Кастильскій дворъ выѣлъ споры съ послѣднимъ великаго человѣка, молчавшіеся: впрочемъ въ пользу славы адмирала и состоянія его близкихъ. Впродолженіи этихъ споровъ общественное министерство сдѣлало на законныя требованія Колумба двадцать четыре возраженія, изъ которыхъ двумя утверждаюсь, будто бы Мартинъ Алонсо Пинсонъ, командиръ «Питты» въ первомъ путешествіи и потому ожесточенный врагъ адмирала, сообщилъ ему то, что онъ узналъ въ папской библіотекѣ, въ Римѣ, касательно *существованія земель на западѣ*. Открытіе приписывали также венеціанскимъ мореплавателямъ братьямъ Дзеки, которые въ походѣ четырнадцатаго или въ началѣ пятнадцатаго вѣка, воротясь домой, говорили, что были въ страхахъ, никому неизвѣстныхъ. Нынче по атому дѣлу отдаю каждому свое. Колумбъ ничего не зналъ о Дзеки и ничего не заимствовалъ у Пинсона, что бы могло имѣть вѣсъ въ его умѣ. Между тѣмъ разборъ историческихъ памятникомъ не оставляетъ сомнѣнія насчетъ самаго факта: въ Америку были совершены путешествія до Колумба. Первые изъ Европейцевъ къ новому материку приставали Скандинавы. До двѣнадцатаго вѣка они одни питали страсть къ романтическимъ приключеніямъ и расширяя развѣры морскихъ грабежей, придавая имъ важность большихъ экспедицій въ отдаленныя края, возводили разбойничье ремесло на стеновъ благородныхъ подвиговъ. Скандинавы, или Норманны, послѣдовательно заняли Исландію и Нейстрію, завоевали Великобританію, ограбили святилища Італіи, отняли у Византійцевъ Апулію и начертили свои руническія письмена на бокахъ одного изъ львовъ, которыхъ Морозини увезъ изъ аѳинскаго Пирея, чтобы украсить венеціанскій арсеналь. Этотъ же народъ первый плавалъ къ новому материку и имѣлъ тамъ свои поселенія.

Не должно однако жъ воображать, что это открытіе было для нихъ сопряжено съ чрезвычайными трудностями. Отважные мореходы эти имѣли уже нѣчто въ родѣ опредѣленныхъ станцій, которыя подводили ихъ довольно близко къ новому материку. Отъ носа Трале, въ Ирландіи, до мыса Карлова, въ Лабрадорѣ— всего 1625 морскихъ миль. Это разстояніе, подобно: тому, какое привыкли переплывать древніе по Средиземному Морю. Но принявъ въ расчетъ пристани на архипелагѣ Ферейскомъ на Шет-

ландіи и Исландіи и сообразивъ, что Гренландія уже принадлежитъ къ Америкѣ, найдеть разстояніе еще незначительнѣе. Отъ Исландіи до оконечности Гренландіи не болѣе тысячи трехъ сотъ километровъ (около тысячи трехъ сотъ верстъ). Это — маленькое путешествіе въ родѣ того какъ отъ Парижа до Кадиса. А отъ Гренландіи до береговъ Лабрадора, принадлежащаго къ Канадѣ, остается всего около 750 километровъ (или верстъ), это одинъ изъ такихъ переходовъ, о которыхъ и не рассказываютъ. Когда Скандинавы уже поселились въ Исландіи, то не мудро, если какой-нибудь заблудившійся мореходъ или заброшенный бурю рыбакъ могъ пристать къ берегамъ Гренландіи, а оттуда поцалъ и на Лабрадоръ. Это дѣйствительно и случилось въ концѣ десятаго вѣка. Совершенно достоверныя саги или лѣтописи скандинавскія, сохраненныя въ Исландіи, утверждаютъ это самымъ положительнымъ образомъ.

Исландія, открытая и населенная сперва Ирландцами, завоевана во второй половинѣ девятаго вѣка Норманнами. Отсюда Норманны скоро достигли Гренландіи. Весною 986 года, Эрикъ-Красный, изгнанный изъ Исландіи, отправился на эту землю и поселился въ Братталандъ, въ Эрикс-фюрдъ. Одинъ изъ его товарищей, Геріульфъ, имѣлъ сына по имени Бьёрнъ, который тогда находился въ отлучкѣ, въ Норвегіи, и, по возвращеніи въ Исландію, захотѣлъ на зиму посѣтить отца. Онъ отправился съ сѣвернымъ вѣтромъ, никогда прежде того не плававши по этимъ водамъ. После нѣкотораго времени онъ увидѣлъ землю, которая ни сколько не соответствовала сообщеннымъ ему описаніямъ безлѣсной Гренландіи. Это была земля, покрытая лѣсомъ и поднятая холмами, потомъ низменная и также лѣсистая, далѣе гористая, съ вершинами покрытыми снѣгомъ и ледниками. Онъ не приставалъ къ берегу, потому что берегъ не привлекалъ его, и, поворотивъ судно, пошелъ по юго-западному вѣтру, который и привелъ его въ Гренландію. То былъ Новый Свѣтъ. Бьёрнъ видѣлъ его со стороны устья Святаго-Лаврентія и по невѣдству пренебрегъ своимъ открытіемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, будучи при дворѣ ярла норвежскаго, онъ рассказывалъ о своемъ приключеніи и ярлъ пенялъ ему, зачѣмъ не обратилъ вниманія на такую неизвѣстную землю. Пріѣхавъ потомъ снова въ Гренландію, онъ повторилъ свои розыски. Лейфъ, сынъ Эрика-Краснаго, купилъ у него судно и отправился съ тридцатью-пятью человекѣми, въ числѣ которыхъ находился одинъ Германецъ, по имени Тюкеръ. Это случилось въ 1000 году. Сперва примѣтили послѣднюю зе-

нию, которую видѣлъ Бьёрнъ, и назвали ее Helluland, Каменистая-Земля. Это, вѣроятно, островъ Новая-Земля. Отоследи въ открытое море и слѣдуя на югъ, экспедиція попала на другую землю, плоскую и очень лѣсистую, которую назвала Markland, Лѣсистая-Земля: это Новая-Шотландія. Далѣе на югъ, черезъ два дня, мореплаватели увидѣли еще землю, гдѣ вышли на берегъ и построили жилища на одномъ мѣстѣ, которое и получило названіе Leifsbudir, Лейфовъ домъ. Самую страну назвали Vinland, Вишная-Земля, потому что нашли тамъ во множествѣ дотогѣ неизвѣстное имъ растеніе, виноградную лозу, которой свойства, къ великому ихъ удовольствію, растолковалъ имъ Тюрнеръ. Къ несчастію, это былъ родъ лозы, которая растеть очень великолѣпно, но не даетъ вина и плодъ даже не годится въ пищу. Они находились на землѣ Новой-Англіи, у губы Наррагансетъ, у предѣловъ Массачусета и Родъ-Айленда. Въ этомъ краѣ есть островъ, который по обилію своего диваго винограду получилъ до-сихъ-поръ сохранившееся названіе Марениа Винограднииа, Martha's Vineyard.

За эту экспедиціей послѣдовали другія. Самая замѣчательная совершена въ 1007 году. Богатый и сильный человекъ, Торфинъ Карлсеновъ, въ сопровожденіи Снорре, Бьёрна Гримольсона и Торгала Гамласона, отправились изъ Гренландіи съ ста-шестьюдесятью человекѣми. На этотъ разъ встрѣтили Эскимосовъ, которые съ-тѣхъ-поръ оттѣснены далѣе на сѣверъ. Сражались на берегахъ губы Наррагансетъ. Тревожимые присутствіемъ неприятелей, пришельцы искали мѣста, гдѣ бы спокойно можно было заняться земледѣліемъ, и пришли къ острову Martha's Vineyard. Изъ предводителей экспедиціи одинъ погибъ, другіе воротились въ Гренландію. Однако жъ небольшое поселеніе утвердилось на Вишландѣ. Другіе искатели приключеній поверхностно обозрѣли дальнѣйшіе южные берега: Конектикутъ, Нью-Йоркъ, Нью-Джерсей, Делаваръ и Мериландъ. Одинъ гренландскій епископъ, Эрикъ, прибылъ, въ 1266 году, навѣстить разсѣянныхъ по Новому-Свѣту дуковныхъ чадъ своихъ. Вѣроятно даже, что онъ поселился тамъ. Позже, въ 1266 году, гренландскія экспедиціи ходили на полярныя земли подъ покровительствомъ гардарскихъ епископовъ. Слѣдъ ихъ показываетъ руиническій камень, найденный, въ 1824 году на островѣ Kingiktorsoak, подъ семьдесятъ-третьимъ градусомъ сѣверной широты. То былъ край необитаемый и переселенцы воротились въ области менѣе обиженыя природой.

Можно предположить, что и другіе Европейцы проникали въ Америку, потому что саги упоминаютъ о землѣ Huitrammland

Земля бѣлыхъ людей, или Великая-Ирландія, гдѣ поселилось нѣсколько Ирландцевъ. Также трудно не догадаться, что Славяны посѣщали въ Америкѣ прекрасныя до климату страны. Одна сага рассказываетъ очень прѣстныя приключенія Гудлейфа Гудлаугсона, который, отправляясь изъ Исландіи въ Ирландію, обился съ пути и былъ заброшенъ вѣтрами на берегъ въ родѣ Каролины или даже Флориды, гдѣ нашелъ Бьёрна Асбрандссона, изгнаннаго изъ Исландіи за связь съ Туридой изъ Фродо, сестрою Сворре Годѣ, яра гельгафельскаго. Туземцы приняли-было Гудлейфа очень дурно, но, къ счастію его, пришелъ съдѣй старикъ, окруженный всѣми знаками власти, который и принялъ иноземцевъ подъ свое покровительство. Когда Гудлейфъ сказалъ ему, что идетъ изъ Исландіи, изъ области Боргаеюрда, старикъ сталъ разспрашивать обо всѣхъ извѣстныхъ людяхъ того края и въ особенности о Сворре-Годѣ, о сестрѣ его Туридѣ и сынѣ ея Клартанѣ. Освободивъ гостей, онъ присоветовалъ имъ скорѣе отправиться, чтобы туземцы не пожалѣли, что понадеялись на нихъ. Выписываемъ ковецъ этого приключенія изъ прекраснаго перевода господина Мармидъ съ записокъ Раана, секретаря общества сѣверныхъ антиваріевъ.

« — Но, сказалъ Гудлейфъ, если судьба приведетъ насъ воротиться домой, какъ мы тогда назовемъ нашего избавителя, которому обязаны свободой?

« — Вотъ ужъ объ этомъ я ничего не могу вамъ сказать, отвѣчалъ старикъ, потому что я не хочу, чтобы мои родственники и друзья совершили путешествіе, которое вамъ пришлось бы совершить безъ моей помощи. Я теперь уже такъ старъ, что каждый часъ могу ожидать смерти. Даже если Богъ и продлитъ мои дни, то здѣсь такъ много людей, гораздо по-сильнѣе меня, которые не любятъ иноземцевъ. Но эти люди еще далеко живутъ отъ того мѣста, гдѣ вы прістали.

«Послѣ этого онъ велѣлъ починить ихъ судно и самъ оставался при нихъ, покуда не дождался благопріятнаго вѣтру. На прощанье онъ снялъ съ руки золотое кольцо и отдалъ Гудлейфу вмѣстѣ съ добрымъ мечомъ, сказавъ:

« — Если судьба приведетъ тебѣ быть въ Исландіи, отдай этотъ мечъ Клартану, мызнику въ Фродо, а это кольцо матери его, Туридѣ.

« — А что жъ я стану отвѣчать, продолжалъ Гудлейфъ, когда меня спросятъ, кто прислалъ эти драгоценныя вещи?

« — Скажи, отвѣчалъ онъ, что тотъ, кто прислалъ это,

былъ болѣе продать Туридѣ чѣмъ ея брату, зрлу гельгарельскому. Если же кто-нибудь догадается, кому принадлежали эти вещи, то прошу сказать, что я никому не совѣтую отыскивать меня, потому что это предпріятіе опасное: надо бытъ столько же счастливымъ какъ былъ ты, когда присталъ къ нашему берегу. Нужно знать, что это земля очень обширная, что гаваней здѣсь мало, и что съ иноземцами обходятся какъ съ врагами.

«Сказавъ это, старикъ распрощался съ Гудлейфомъ и тотъ отправился въ путь. Онъ прибылъ въ Ирландію поздно осенью и провелъ зиму въ Дублинѣ. На слѣдующее лѣто онъ ѣздилъ въ Исландію, гдѣ передалъ порученные ему подарки, и никто не сомнѣвался, что человекъ, о которомъ онъ говорилъ, былъ дѣйствительно Бьörnъ Асбрандсонъ.»

Сѣверные антиваріи объявляютъ за Скандинавовъ даже прітязаніе на честь открытія Бразиліи, которая, выдаваясь далеко въ Атлантическій Океанъ, въ самомъ дѣлѣ легче доступна нежели земли лежащія въ глубинѣ Мексиканскаго-Залива. Говорятъ, что близъ Бахіи найдены развалины, которыя подтверждаютъ это мнѣніе. Весьма натурально, что въ претензіяхъ нынѣшнихъ Скандинавовъ въ пользу своихъ предковъ есть преувеличенія. Патриотизмъ сыновъ, возстающихъ за славу своихъ предковъ, легко воспламеняется и сообщается еще быстрее чѣмъ духъ завоевателей, желающихъ расширить предѣлы своей земли. Въ этомъ благородномъ отыскиваніи правъ отъносскихъ, необходимо дѣлаются натяжки при истолкованіи текстовъ, которыхъ смыслъ часто бываетъ очень гибокъ по неточности. Но что касается до Сѣверной-Америки, Лабрадора, Новой-Шотландіи, Массачусета и близлежащихъ странъ, въ томъ нельзя сомнѣваться.

Господиный Гумбольдтъ, въ своей «Исторіи географіи новаго материка», открытіе этого материка Скандинавами вовсе не подвергаетъ разбору: такъ онъ считаетъ этотъ фактъ доказаннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы исландскія саги и не существовали, то все заставляетъ полагать, что Европейцы проникали въ Америку гораздо ранѣе Колумба. Воспоминанія объ этомъ, облеченныя въ религиозныя мнѣя, были находимы у значительнѣйшихъ народовъ Америки. Мексиканцы имѣли храмъ, посвященный ихъ царю и богу Кустальковальту, который былъ не изъ красно-кожихъ и не съ рѣдкою бородой, каковы люди американской расы, а бѣлый и съ густою бородой. Этотъ царь, давъ людямъ вкусить сладости золотого вѣка, отправился въ таинственную землю Тлапаллапъ, лежащую за морями, на востокъ (что соответствуетъ Евро-

нѣ), и обѣщали вернутся или прислать вмѣсто себя людей, такихъ же бѣлыхъ и бородастыхъ, каковъ самъ. Это, конечно, было воспоминаніе о какихъ-нибудь Европейцахъ, занесенныхъ въ Мексикку или въ сосѣднія страны экваторіальными теченіемъ или вѣтрами, а можетъ-быть и слѣдствіе темныхъ слуховъ о прибытіи Скандинавовъ въ какую-нибудь далье отъ Мексики лежащую землю.

Возраженія на притязанія Скандинавовъ кажутся однако жъ довольно сильными. Какъ можно, говорятъ имъ, чтобы такое важное событіе осталось незамѣченнымъ? Какимъ образомъ на сѣверѣ не поднялась туча возраженій при полученіи вѣсти о Колумбовомъ открытіи? Отчего въ Винландѣ не найдено никакого достовѣрнаго слѣда присутствія Скандинавовъ; ни одного зданія; ни животныхъ, которыхъ переселенцы необходимо должны были привезти съ собою; ни зерноваго хлѣба, который они, конечно, сѣяли? Почему сношенія этихъ колоній съ родною землей могли прекратиться и какъ сами они исчезли? Эти возраженія, по-видимому страшныя, опровергаются довольно легко, когда прийдемъ въ соображеніе то время, историческія событія и физическое, политическое и нравственное состояніе колонизировавшихъ и колонизированныхъ земель.

Геллуландъ, Мариландъ и Винландъ (Лабрадоръ, Новая Шотландія и Массачусетъ) не были ничего, что бы могло поразить воображеніе народовъ и возбудить любопытство въ христіанствѣ. Тамъ не находили ни сокровищъ, ни городовъ, ни даже плодородной почвы. Тамъ ни государства почитать, ни помѣстья пріобрѣсти, ни добычи захватить не предетояло и ни что не могло привлечь охотниковъ. Нѣсколько жалкихъ эскимосскихъ племенъ владѣли тамъ плачевное свое существованіе. Тамъ, безъ сомнѣній, находились хорошія мѣста и земли годныя подъ посѣвъ, но этого было довольно и въ Европѣ, гдѣ половина прекраснѣйшихъ земель умеренной полосы еще оставалась въ новѣ. Вниманіе европейскихъ народовъ, тогда еще очень грубыхъ, было обращено на востокъ, куда стремились крестоносцы. Этими открытіями могли заниматься въ Норвегіи, но оттуда вѣсти не легко доходили въ Италію, Францію и Англію. Поселенія Скандинавовъ въ Винландѣ могли быть только очень небольшія. Величина колоній измѣряется по могуществу колонизирующаго народа. Какими же средствами могли располагать Исландія и Греландія? Это были земли бѣдныя по преимуществу, въ такое время, когда вся Европа была бѣдна. Имѣя около себя хорошія

лѣсь, колонисты должны были строить деревянные жилища, которые не оставляютъ по себѣ прочныхъ слѣдовъ, да и самыя строения, конечно, были только хижины.

Ссылаются на найденные въ Нью-Портѣ, на берегу губы Наррагансетъ, остатки круговаднаго каменнаго зданія, которое можетъ быть отнесено къ тому времени и которое удивительно похоже на вишнія баптистерія, какія тогда примыкались къ церквамъ. Я, признаться, однако жъ, порядочно сомнѣваюсь въ подлинности этой баптистерій, потому что доказывать что-нибудь могли бы только развѣ остатки самой церкви, а не это круглое основаніе башни, которая могла быть и мельницей, построенной англійскими колонистами,— тѣмъ болѣе, что отъ нихъ и имя носить. Если эта баптистерія сохранилась, такъ отчего исчезла церковь? И такъ можно допустить, что въ старинномъ Вияландѣ нѣтъ остатковъ зданій скандинавскаго происхожденія, но должно замѣтить также, что этимъ отсутствіемъ еще ничего не доказывается. Точно также въ этихъ странахъ, гдѣ зима горюда суровѣе чѣмъ во Франціи, скотина на зиму должна укрываться въ хлѣвахъ. Когда же люди уѣхали или пали убитые, коровы и овцы также должны были погибнуть и не могли раскормиться, какъ скотина брошенная Испанцами на пашвы, подъ благодатное небо Буэносъ-Айреса или на теплыя подошвы Кордильеровъ. Что касается до ржи, пшеницы и овса, то какъ имъ было сохраниться тамъ, гдѣ жили одни Эскимосы, племя глубое и лѣнивое, въ которомъ не бывало Триштолема?

Эти поселенія, слабыя зародыши, вѣроятно, развились бы, если бы Гренландія и Исландія процвѣтали. Къ-несчастью, эти земли скоро пришли въ плачевный упадокъ отъ различныхъ причинъ. Продержавшись до половины четырнадцатаго столѣтія, поселенія на Гренландіи постепенно были разорены разрушительными монополіями торговли, набѣгомъ Эскимосовъ, чумою, которая опустошала сѣверъ съ 1347 по 1351 годъ, и нападениемъ непріятельскаго флота, который пришелъ, неизвѣстно откуда. Скоро Гренландія была покинута. Исландія также постепенно упала, чему есть видныя доказательства. Все заставляетъ заключить, что поселенія на Вияландѣ погибли во время бѣдствій Гренландіи. Такъ какъ они никогда ничѣмъ не славились, то и были уже совершенно забыты, когда открытія Колумба, сдѣланныя подъ знаменемъ націи самой могущественной въ то время въ Европѣ, наполнили міръ удивленіемъ и радостью.

Вотъ примѣчательное обстоятельство. Колумбъ изъ Португаліи

совершалъ дальнія путешествія ; одно между прочимъ въ сѣверныхъ моря, и посетилъ Исландію. Когда же, спустя около вѣка послѣ его смерти, отыскали рассказъ объ одной изъ скандинавскихъ экспедицій, то стали утверждать, что онъ собралъ на этомъ островѣ нѣкоторые свѣдѣнія о Винландѣ и такимъ образомъ задумалъ свое путешествіе. Это на сѣверѣ утверждаютъ и до-сикъ-перу. Но Гумбольдтъ говоритъ, что Колумбъ путешествовалъ въ сѣверныхъ моря не раньше 1775 или 1777, а въ 1774, въ перенесѣ съ Тоскавелли, знаменитый Генуэзецъ уже обрабатывалъ свой планъ, основанный на предположеніи шаровидности Земли. На этомъ основаніи онъ заключилъ, что можетъ достигнуть земли *приностей* (Индіи) и Cathay или имперіи Великаго Хана (Китая) идя отъ востока на западъ и на оборотъ, отъ запада на востокъ. А такъ какъ другъ его, Тоскавелли, и самъ онъ, по счастливому заблужденію, предпологалъ путь отъ востока на западъ кратчайшимъ, то на мысли объ немъ и остановился и направилъ въ эту сторону моравли, данныя ему государями Испаніи, въ 1492 году Таиницъ образомъ онъ прибылъ къ американскимъ Антиламъ, на которыхъ такъ мало разсчитывалъ, что привялъ ихъ за острова индійскаго моря.

Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ, чтобы водвигнуть намятку славу Скандинавовъ среднихъ вѣновъ и передать потомству заслуги этихъ доблестныхъ мужей, предприняло изданіе собранія подавленныхъ документовъ. Сличивъ всѣ достовѣрнѣйшія рукописи, оно изготавляетъ датскія и латинскія переводы, сопровождаемые археологическими и географическими изысканіями. Къ этому она предлагаетъ виды древнихъ памятниковъ съ надписями, найденныхъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, въ Массачусетъ и въ Родъ-Эйландѣ, и географическія изысканія для опредѣленія положенія и именъ нынѣшнихъ мѣстъ, о которыхъ упоминается въ сагахъ о Винландѣ, Маркландѣ и Геллуландѣ, и наконецъ точныя снимки почерковъ старинныхъ рукописей и картъ. Такимъ образомъ документы этого торжественнаго процесса будутъ доставлены ученымъ всего свѣта.

Мы полагаемъ, что не на многое отважимся, когда скажемъ, что дѣло это уже рѣшено и приговоръ произнесенъ. Скандинавы первые вступили на землю Сѣверной-Америки. Этой заслуги нельзя отнять у нихъ. Но Колумбъ первый *открылъ* ее, первый внесъ въ нее образованность, первый вручилъ Европѣ это богатое владѣніе съ его сокровищами драгоценныхъ металловъ, съ его роскошною растительностью, съ его неподобными рѣчками,

очаровательными и величественными мѣстоположеніями и плодородными почвами. Скандинавы, одушевленные отвагой, испытанною въ приключеніяхъ, явились въ Америку какъ заблудившіяся дѣти европейскаго общества, которое еще не признавало себя. Они заблудились тамъ совсѣмъ и были покинуты, а наши поколѣнія теперь собираютъ ихъ дѣла и подвиги съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ хоронятъ павшихъ на полѣ чести. Имъ данъ уваженіа, должная храбрымъ, которые сражались и гибли во вражѣ, не надѣясь, что друзья оплатятъ и сыновья отмстятъ за нихъ! Дочныя скандинавскіе мореходы, какъ тѣни героевъ древней ихъ мифологіи, печально бродили по вражескимъ берегамъ, не добывая себѣ отъ благочестивыхъ освященной могилы. Открыть имъ Елксейскія Поля исторіи, написать ихъ имена въ Пантеонѣ! Но Колумбу одному подобаетъ данъ признательности народовъ, какъ благодѣтелю, который расширилъ для человѣчества предѣлы свѣта.

Сицилійскія вечера. Шарль Ромей, авторъ новой Исторіи Испаніи, описываетъ слѣдующимъ образомъ истребленіе Французовъ въ Сициліи, извѣстное подъ названіемъ «Сицилійскихъ вечерець»:

Карлъ - Анжуйскій, братъ Людовика-Святого и дядя Филиппа-Прекраснаго, овладѣвшій, по наущенію и съ помощію папы, Неаполемъ и Сициліею, предположилъ себѣ непремѣнно завоевать весь востокъ для себя и для своего зятя Филиппа, сына Бодуэна. Ему хотѣлось дать дѣйствительное основаніе своимъ пустымъ титуламъ короля ерусалимскаго, князя акейскаго и морейскаго. Весною 1282 года онъ располагалъ выступить въ походъ. Это самое и погубило его. Во время послѣднихъ приготовленій къ греческой войнѣ, въ Сициліи до чрезвычайности усилились грабежи и насилие и, слѣдственно, въ той же мѣрѣ возрасло неудовольствіе въ народѣ. Бароны принуждены были воставлять не только обыкновенную свою феодалную повинность солдатами и амундичей, но еще и кораблями. Кто медлил, у того отбирали имущество. Дворянъ и вассаловъ, обязанныхъ и необязанныхъ къ военной службѣ, всѣхъ тащили подъ знамена. Отовсюду раздавались крики отчаянія. Рекрутамъ изъ простаго класса выдавали впередъ всего за три мѣсяца скуднаго жалованья, изъ чего ни въ какомъ случаѣ было оставить столько, сколько было необходимо для прокормленія своихъ семействъ въ Сициліи. Никто однако жъ еще не думалъ сопротивляться: такъ всѣ страшились Карла. «О! бѣжнмъ! кричали со всѣхъ сторонъ: бѣжнмъ изъ нашихъ ограбленныхъ домовъ; укроемся въ лѣсахъ и пещерахъ. Невоз-

можно, чтобы жизнь тамъ была тягостнѣе. Или, лучше, уйдемъ съ Сициліи, уйдемъ съ этой земли скорби, нищеты и позору! Народъ израильскій подъ игомъ фараоновъ не могъ томиться хуже насъ. Но и тотъ ощутилъ и переломилъ свои оковы. А намъ еще рассказываютъ о славѣ нашихъ предковъ! Увы! мы жалкіе выродки, истощенные распрями; мы самый отверженный народъ въ христіанствѣ!»

Такимъ образомъ Сицилійцы отводили душу въ проклятіяхъ и жалобахъ, однако жъ еще переносили свое бѣдствіе. Военныя приготовленія короля аррагонскаго и каталонскаго не были еще окончены и ничто въ Сициліи не подавало надежды на скорое избавленіе.

Въ это время Джованни Прочида и мессиръ Аккардо явились въ Сицилію, чтобы возбудить и приготовить умы къ задуманному ими предпріятію. Прочида собралъ трехъ главныхъ заговорщиковъ, Алаймо де-Лентини, Пальміери Аббате, Гуальтиеро де-Калатаджироне и другихъ сообщниковъ и преисполнилъ ихъ новымъ негодованіемъ и новою надеждой. Онъ представилъ имъ опасности промедленія и благопріятность случая, покуда Карлъ занятъ въ Римѣ, а сынъ его въ Провансѣ; но никто не зналъ, какъ взяться за дѣло, чтобы подать знакъ къ возстанію. Ничѣмъ не рѣшили: такъ казалось труднымъ начало.

Островъ, какъ и нынче, раздѣлялся на три большія области, — Валь-ди-Демоне, на востокъ; Валь-ди-Ното, на югъ, и Валь-ди-Мадзара, на западъ и на сѣверѣ. Палермо былъ столицей послѣдней, самой бѣльшей области. Правителемъ отъ Карла были поставлены въ Палермо Валь-ди-Демоне, Эрбертъ Орлеанскій, а въ Валь-ди-Ното Тома де-Бусанти. Особенно тяжело было господство Сенъ-Ремі въ Палермо. Передъ Святой Недѣлей, когда на праздникъ стекается много народу, онъ считъ благоразумнымъ запретить Сицилійцамъ носить оружіе. Запретили даже дворянамъ, которые дотогъ всегда ходили при шагѣ и съ коротенькимъ коньемъ. Это малішество въ предосторожности сдѣлалось пагубнымъ для властителей и ускорило переворотъ.

Второй день Пасхи жители Палермо веселятся за-городомъ. Въ полу-миль на востокъ отъ города, на берегу небольшого потока Орето, стоятъ церковь Святаго Духа, построенная въ двѣнадцатомъ вѣкѣ норманскимъ королемъ Вильгельмомъ-Добрымъ и замѣчательная между-прочимъ тѣмъ, что день заложения былъ ознаменованъ солнечнымъ затмѣніемъ. По одну сторону церкви течетъ Орето, который тогда назывался Фіуме дель-Ампральо; но

другую до самаго города простирается широкая, наклонная равнина, которая нынче болѣею частію покрыта огороженными садами, но въ тринадцатомъ вѣкѣ служила вольнымъ гульбищемъ, съ-особенности впродолженіи трехъ дней, когда празднуется Воскресеніе Христово.

Во вторникъ, тридцать-перваго марта 1282 года, толпы народу, какъ обыкновенно въ этотъ праздникъ, шли по дорогѣ изъ Палермо къ церкви Святаго-Духа. Многочисленныя и разнообразныя группы разсѣялись по всей равнинѣ. Всякій праздновалъ по-своему и всюду слышалось шумное веселье. Но въ одинъ мигъ ирѣкше перемѣнилось. Близъ церкви появилась молодая женщина рѣдкой красоты, дочь именитаго палермскаго гражданина маэстро Анджею, которую мужъ и братья провожали къ вечернѣ. Она привлекла въ-особенности вниманіе нѣсколькихъ провансальскихъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Друэ, до того воспламенился, что подошелъ объяскивать ее, подъ тѣмъ предлогомъ, будто она скрываетъ при себѣ оружіе. Дочь маэстро Анжею упала въ обморокъ.

«Необходимое преступленіе! счастливая наглость! восклицаетъ старый Бартоломео де-Неокастро: черезъ нихъ Провидѣніе привело къ страшной рѣзнѣ, совершенной нашими руками надъ Французами».

Всѣ окружающіе возмутились отъ такой дерзости и бросились на Друэ. Одинъ молодой Сициліецъ ударилъ его сперва палкою, потомъ у него же вырвалъ шпагу и прокололъ насквозь. Друэ упалъ мертвый. Со всѣхъ сторонъ сбѣжался народъ, посыпались камни, произошла страшная сумятица при крикахъ «Смерть Французамъ!»

Между-тѣмъ колокола церкви Святаго-Духа продолжали звонить къ вечернѣ. Болѣе двухъ сотъ Французовъ пали подъ ударами Сициліицевъ при первомъ крикѣ мщенія. Потомъ толпы бросились въ Палермо. Французовъ окружили и захватили въ домахъ, убивали и овладѣвали оружіемъ. Всѣ находившіеся въ Палермо, кромѣ губернатора и его приближенныхъ, которые успѣли уйти въ Викари, были убиты въ кровавую ночь съ тридцать-перваго марта на первое апрѣля. Въ тотъ же день инсургенты, желая дать дѣлу правильный ходъ, учредили временное правленіе и выбрали въ начальники того самаго Анджею, о которомъ мы упоминали. Къ нему присоединили, въ чинствѣ совѣтниковъ, Арриго Барресел, Николаси д'Ортолева, Николо д'Эббемонія и пятерыхъ другихъ. Поднявъ знамя съ золотымъ орломъ въ красномъ

полѣ, старинный гербъ Сициліи, и къ этому, во славу церкви, прибавили ключи и тиару Святаго-Петра. Рѣзня между-тѣмъ продолжалась.

Мстители не щадили ни женщинъ ни дѣтей: все французское должно было погибнуть. Ярость ипсургентовъ, говорятъ, простиралась даже на женщинъ, которыя имѣли сношенія съ Французами: желѣзо въ самой утробѣ искало не рожденныхъ еще дѣтей отъ крови притѣснителей. Палермцы толпами ходили по городу и убивали Французовъ, гдѣ только найдуть. Потомъ они отправились во дворецъ губернатора, который сдался на извѣстныхъ условіяхъ. Этихъ условій не сдержали и убили его со всею его свитой. Пошли въ монастыри и убивали въ самыхъ церквахъ всѣхъ говорившихъ на французскомъ языкѣ. Примѣръ Палермо увлекъ весь островъ. Ярость мщенія вооружила всѣ руки. Перваго апрѣля возстали всѣ сосѣдніе города: Моррсале, Викари, Корлеоне и Термини. Второго и третьяго числа возстаніе сообщилось Кефалѣ, на сѣверномъ берегу; Трапани, Масальѣ, Мадзарѣ, на западномъ; перешло на южный, въ Шіакку, Калабеллоту, Джирдженти, Аликату, Терра-нуову и, четвертаго апрѣля, съ ужасающею силой разразилось въ Катанѣ, на восточномъ берегу. Рѣзня здѣсь была ужаснѣе чѣмъ гдѣ-либо. То же бѣснованіе въ убійствѣ явилось и во внутреннихъ частяхъ острова. Всюду избирались народные предводители и начальники, которымъ поручали преслѣдовать и добывать Французовъ. Нѣкто Аланнано поставленъ коммандантомъ Валь-ди-Ното; Санторо ди-Лентини коммандантомъ Валь-ди-Демоне, Джованно делла-Фореста-ди-Лентини коммандантомъ Піана-ди-Милладзо, Симоне-ди-Калатафими коммандантомъ Монте-деи-Ломбарди. Въ десять дней вся Сицилія, за исключеніемъ Мессины, была очищена отъ иностранцевъ. Только въ Мессинѣ губернаторъ Карла оставался въ силѣ съ хорошо вооруженнымъ пѣшимъ и коннымъ гарнизономъ и съ отрядомъ Калабрійцевъ, подъ командою Пьетро Руфо, графа Катандзара, вѣрнаго слуги Карла. Туда укрывались всѣ успѣвавшіе спастись отъ истребителей, которые сами пощадилъ только двоихъ Французовъ: то были Филиппъ де-Скаламбръ, отрасль бароновъ Серравалле, и Гильомъ де-Порселё. Последняго спасли единственно его личныя добродѣтели. Палермцы взяли его въ Калатафими, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, и не только пощадилъ жизнь, но со всѣмъ семействомъ отправили съ почетомъ въ Провансъ.

Въ этихъ неистовствахъ одинъ только городъ не принималъ

участія. Спирлинга, между Ниссией и Ганджи, пощадила свой французскій гарнизонъ, такъ, что онъ могъ выдержать осаду и спастся.

Между-тѣмъ глаза Палеричевъ съ безпокойствомъ обращались на Мессину, второй городъ на островѣ по числу своего населенія; первый по важности положенія въ тѣхъ обстоятельствахъ. Третьяго апрѣля члены палермской общины писали къ своимъ мессинскимъ соотчичамъ въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ, но тѣ отвѣчали таинственно и двусмысленно. Черезъ два дня потомъ мессинская община послала въ Таорминъ двѣсти человѣкъ арбалетчиковъ-самострѣльщиковъ, подъ командою Гуальтьери Киріоли, подъ предлогомъ предупрежденія и прекращенія грабежей, но въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы попытаться возмутить тамошнее народонаселеніе. Эрбертъ Орлеанскій, пребывавшій въ Мессинѣ, хотѣлъ остановить ихъ, но только нѣсколькими днями замедлилъ взрывъ, который оттого былъ не менѣе ужасенъ, чѣмъ въ Палермо. Двадцать-осьмага апрѣля рѣзня началась. Народъ избралъ въ предводители Бодуэна Муссоли и на-утро въ Мессинѣ не осталось ни одного Француза. Многіе, однако жъ, успѣли спастись въ Калабрию,—въ томъ числѣ губернаторъ Эрбертъ Орлеанскій и Пьетро Руссо.

Такова была знаменитая кровавая драма извѣстная подъ названіемъ «Сицилійскихъ Вечерней». Нельзя предполагать, чтобы это событіе было опредѣлено впередъ и назначено на извѣстный день. Оно было неизбѣжно и потому его предчувствовали. Никто, однако жъ, не могъ также предвидѣть, какъ именно совершится. Ни Прочида и ни иной кто не зналъ, что дѣло начнется на паперти маленькой церкви Святаго-Духа, за воротами Палермо, при вечернемъ благовѣстѣ. Онъ хотѣлъ возмущенія Сициліи противъ Карла-Анжуйскаго, онъ мечталъ объ немъ, онъ торопился его всѣми средствами, но и только. Чтѣ же касается до способа выполненія, то ни онъ и никто этого не предначертывалъ и не могъ приготовить. Мало этого: хотя всѣ приписываютъ ему страшныя сцены «Сицилійскихъ Вечерней», однако жъ объ немъ ни разу не упоминается во все продолженіе первыхъ событій, отличившихъ этотъ быстрый, громовый взрывъ Палермо, чтѣ доказываетъ, что Прочида не могъ ни прозвести его, ни управлять имъ, если бы даже онъ находился на островѣ, какъ говоритъ лѣтописецъ возстанія, чтѣ однако жъ сомнительно: все доказываетъ, что его во время этой страшной рѣзни не было въ Палермо.

Изъ сравненія всѣхъ разсказовъ того времени выходитъ слѣдующее: Прочида замыслилъ и поджегъ возмущеніе Сициліи противъ Карла-Анжуйскаго; онъ былъ главнымъ посредникомъ союза между императоромъ греческимъ и королемъ аррагонскимъ; онъ съ этою цѣлью совершилъ нѣсколько путешествій; онъ негдѣ прибыть и прибылъ безъ сомнѣнія въ Сицилію, гдѣ подождя основанія аррагонской партіи и вступилъ въ сношенія съ сицилійскими баронами отъ своего имени и отъ имени королевы Констанціи. Но не былъ. Если случилось возстаніе, такъ заговорщики совѣщались, приготовляли и располагали свой планъ, когда народъ сицилійскій произвелъ взрывъ, съ неудержимою быстротой своего стараго воллана. То, что случилось, говоритъ одинъ историкъ, такъ мало зависѣло отъ разсчитаннаго заговора, что Палермцы, послѣ истребленія Французовъ, не знали, кому отдаться. И такъ возстаніе Сициліи не было слѣдствіемъ заговора; это не было выполненіе сосредоточеннаго плана по данному сигналу, въ опредѣленное время: это былъ неожиданный и бурный взрывъ накопленной ненависти. Прочида, безъ сомнѣнія, предвидѣлъ этотъ взрывъ и ускорилъ его, поджигая умы, но не опредѣлялъ ни времени ни еспособа исполненія. Дѣло началось бы и безъ него. Но безъ него оно, быть-можетъ, кончилось бы неудачей, потому что инсургенты на минуту уныли и не знали, куда обратиться, когда Прочида указалъ имъ средства, которыя приготовилъ безъ ихъ вѣдома.

«Сицилійскія Вечерни» разразились такъ неожиданно, что изумили и ужаснули весь свѣтъ, особенно послѣ того, что было извѣстно о могуществѣ Карла. Сицилійская революція, по словамъ Вильяма, казалась дѣломъ чуднымъ и невозможнымъ, quasi cosa maravigliosa e impossibile. Вѣсть объ этомъ переворотѣ разнеслась быстро и громко отозвалась во всей Европѣ. Въ особенности же она поразила Францію. Парламентъ и дворъ вложили трауръ и въ память этого событія сдѣлана была медаль.

РУДОЛЬФЪ ТЭПФЕРЪ. *Статья Альберта Обера.* Тэпферъ не любилъ ни биографій ни портретовъ: все это ложно, говоритъ онъ, ложно какъ эпитафія. Биографы и живописцы изображаютъ человека по модели созданной ими самими; выбирая только нѣкоторыя черты изъ дѣйствительности, пропуская другія, сообразуясь съ направленіемъ своихъ мыслей, съ своими природными наклонностями. И вотому мы обязаны его памяти, такъ сказать, не прибѣгать къ подобнымъ способамъ изображенія, и не искать писателя внѣ его произведеній, артета внѣ его ри-

звукѣ, въ которыхъ, впрочемъ, онъ несъ; въ которыхъ онъ живетъ и дышетъ; сердце нѣжное и благородное, умъ веселый и пріятный, талантъ навѣщенный и въ то же время утонченный; и притомъ, что можетъ здѣсь биографъ? По какой канвѣ вышиваать ему? гдѣ приключенія? Это жизнь простая и чистая, исполненная тихихъ привязанностей, пріятныхъ заботъ; раздѣленная между обязанностями строгими и смиренными, и невинными удовольствиями; жизнь проведенная вполне посреди семейства, мирная, какъ прекрасныя мѣста, гдѣ она протекала, любезная какъ эта счастливая страна на берегу озера, у подошвы горы. Сыновъ замѣчательнаго живописца, артистъ самъ, отъ рожденія — и по праву наслѣдства, Тѣпферъ, полный надежды, пошелъ по дорогѣ лежавшей передъ нимъ, и Женева, отчизна его, считала бы, въ той же семьѣ, даровитымъ живописцемъ болѣе, если бы жестокая глазная болѣзнь не заставила его бросить кисти, въ то самое время, когда онъ пробовалъ ихъ. И такъ двери искусства были для него закрыты; двери искусства, для котораго онъ хотѣлъ жить. Къ счастью, онъ былъ въ томъ возрастѣ, когда душа находится въ самой себѣ утѣшеніе въ величайшихъ горестяхъ, потому что сокровищница надеждъ ея — еще вся полна. Въ замѣкъ живописи ему оставалось ученіе и жизнь, работа и *фланированіе*, превосходныя школы, которыя должны взаимно помогать другъ другу. «Человѣкъ, говоритъ онъ самъ, который не фланируетъ, есть автоматъ, подвигающійся отъ жизни къ смерти, какъ паровая машина отъ Ливерпуля къ Манчестеру. Лѣто проведенное въ этомъ состояніи фланированія, кажется мнѣ необходимымъ — въ рачительномъ воспитаніи. Очень вѣроятно даже, — что одного лѣта недостаточно, чтобы образовать великаго человѣка. Сократъ фланировалъ цѣлыя годы; Руссо до сорока лѣтъ, Лаоонтѣпъ всю жизнь. И что за пріятный способъ работать — этотъ способъ терять время!» Фланируя и работая такимъ образомъ, онъ безсомнѣнія чувствовалъ въ себѣ зародышъ того — чѣмъ онъ долженъ былъ сдѣлаться; но у него не было нетерпѣнія; его гений былъ скромный, безъ самолюбія въ настоящемъ, и довольствовался только надеждою. «Что сказать, пишетъ Тѣпферъ, объ этихъ безбородыхъ поэтахъ, которые пишутъ въ возрастѣ, когда, — если бы они были истинными поэтами, имъ недостаточно было всего существа своего, для того чтобы чувствовать, упиваться въ молчаніи этимъ благоуханіемъ, которое они только позже разольютъ въ стихахъ своихъ. Есть преждевременныя математикки — но поэтовъ нѣтъ преждевременныхъ. Они живутъ, чув-

« ствовать, не желая опередить свой часъ, увѣренный, что плоды созрѣютъ, и что лѣто исполнить обѣщаніе перваго времени года. Преданный занятіямъ обученія, живя съ своими учениками, которыми онъ какъ-бы увеличилъ только кружокъ своего семейства, каждый годъ, во время вакацій, онъ водилъ свою молодую ватагу—обозрѣвать горы и озера: отеческія прогулки, въ которыхъ самая усталость казалась удовольствіемъ, потому что ее ощущали вмѣстѣ; прелестныя странствованія, исполненныя разнообразныхъ приключеній, веселыхъ эпизодовъ. По возвращеніи, въ длинныя, зимніе вечера, учитель бралъ карандашъ или перо, чтобы воспроизвести впечатлѣнія лѣтняго путешествія. Онъ бросалъ на бумагу, забавныя, остроумныя образы, для того чтобы оживить досуги окружавшихъ его, чтобы удовлетворить своей артистической потребности. Жабо, Вьёбоа, Крепниъ, Крпнтогамъ — весь свѣтъ знаетъ ихъ теперь и развлеченія домашняго кружка сдѣлались развлеченіемъ публики. Въ то же время рисовальщикъ-юмористъ ощущалъ желаніе поговорить не много объ этомъ искусствѣ, которое онъ долженъ былъ оставить; но къ которому любовь онъ сохранилъ, и маленькіе отрывки о живописи, о рисункѣ — скромно помѣщались въ Женевскомъ Сборникѣ; знатокъ выказывался въ нихъ безъ хвастовства и вычурности; критикъ не заслонялъ собою умнаго человека, оригинальнаго писателя. Фантазія, чувствительность, веселость нрава, пробивались бойко на каждой страницѣ. Какимъ образомъ извѣстность постучалась въ эти скромныя двери? Какимъ образомъ успѣхъ явился къ тому, кто и не думалъ о немъ, для кого единственнымъ желаніемъ было нравиться своимъ близкимъ? Талантъ кажется имѣть свое благоуханіе — облачающее его, свой блескъ измѣняющій ему. Напрасно скрывается онъ: рано или поздно его отыщутъ въ самой глубинѣ его таинственнаго убѣжища или скромности. Однажды Гёте случайно нашелъ одинъ изъ альбомовъ Тёпфера: онъ забавлялся имъ отъ полноты сердца, и пожелалъ видѣть другіе. Въ другой разъ Ксавіе де-Местру попалось критическое и вмѣстѣ сентиментальное разсужденіе Тёпфера о тушовкѣ китайской тушью. Статья понравилась Местру, и онъ прислалъ автору изъ Неаполя доску китайской туши съ самымъ лестнымъ письмомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя этотъ же самый Ксавіе де-Местръ помѣстилъ въ парижскихъ журналахъ повѣсти Тёпфера, тогда же увѣнчавшіяся успѣхомъ. Авторъ «Путешествія вокругъ моей комнаты», имѣлъ

счастьі самъ отыскать своего наследника и заставить публично признать его.

Надобно читать эти милыя повѣсти (собранныя въ изданіи Шарпантіе, подъ общимъ названіемъ *Nouvelles Gènevoises*) «Библіотека моего дяди», «Наслѣдство», «Страхъ», и другія, разбирать ихъ невозможно, и чтобы хорошо оцѣнить ихъ, должно поближе взглянуть въ нихъ. Сходныя черты, найти можетъ быть не трудно, сейчасъ назовешь Тристама Шандіи и его подражателей. «Мысли, говорилъ Стернъ, мысли въ воздухѣ, круглыя и цѣпніе атомы летающіе среди пустоты; я иду поднявши носъ вверхъ и захватываю на пути идеи. Болѣе одной вошли такимъ образомъ въ мою голову, назначенную для чужаго мозга».... Тѣперь то же ловить идеи на лету, не заботясь о томъ, походитъ ли одна на другую, и не летѣла ли иная, скорѣе въ голову его соѣда тѣмъ въ его голову. Умъ его бѣжитъ по полямъ и кустамъ и рѣчь слѣдуетъ за умомъ въ его приключеніяхъ. «О чемъ я думалъ? о вещахъ всякаго рода, маленькнхъ, большнхъ, милыхъ или не говорящихъ моему сердцу. И если посреди моего путешествія я наткнуся на какую-нибудь идею, я слѣдую за ней куда бы она не повлекла меня, такъ что съ предѣловъ океана я часто возвращаюся вдругъ на соседнюю лужайку; или на рукавъ моего платья».—Словомъ, въ большей части его рассказовъ отступленія составляютъ самое основаніе сюжета, какъ и у Стерна. Все здѣсь — эпизоды, случайности, вставки, скобки; прибавьте къ этой отрывочности достаточный запасъ юмора, и еще больше фантазіи, да нѣкоторое количество сантиментальной философіи и вы получите сказку въ родѣ Юрика и Ксавіе де-Местра, счастливое подражаніе, приводящее въ рѣшительное отчаяніе всѣхъ подражателей. Но указавъ на эти главныя черты таланта писателя, пужно завять еще нѣкоторыя у Жанъ-Жака, у Бернардена де-Сенъ-Підрра, даже у новѣйшихъ, чтобы докончить характеристику. И всё-еще она не будетъ полна; потому что умъ истинно оригинальный истощаетъ всѣ сравненія и въ дѣйствительности всё таки походитъ только на себя. Всегда найдется сторона, которой онъ отдавится отъ того, съ кѣмъ онъ казался находится въ ближайшемъ соседствѣ; всегда есть между ними существенное различіе; это различіе есть его собственный талантъ; его вдохновеніе, особенное и личное.

Спеціальность таланта Тѣпера составляетъ — чувствительность тихая и истинная, вытекающая изъ души благородной, изъ чистыхъ привязанностей, изъ честнаго нрава. Это не пла-

мощь, ощущение сердца. Жана-Жака, страстная восторженности желанія, лихорадка нѣжности; это также не утонченная и нѣсповодо манерная сентиментальность. Местра, эта романтическая едосердѣя сердца, въ которую входитъ столько ума, такая живая выдумка. Нѣтъ, въ сочиненіяхъ Тѣлфера должно искать только чуждыхъ ощущений, только простыхъ движеній души, еще не умѣющей утончать свои радости и огорченія; — и не раздражающей своимъ собственною чувствительностью. Вы тотчасъ чувствуете счастливое вліаніе той среды, въ которой жилъ авторъ. Общество свободное и мирное, наслаждающееся всѣми дарами образованнаго міра, но сохранившее остатки древней невинности, удержавшее подъ закономъ (условій — какую-то чистоту первобытной жизни. Воздухъ такъ ясенъ и чистъ въ этихъ странахъ, зрѣніща природы такъ роскошны и такъ близки къ человѣческимъ взорамъ, удивленіе такъ величественно — и такъ близко къ толпѣ. Кажется, сердца подчиняются этому спокойному вліанію воды и горъ. Кажется, страсти укрощаются въ этомъ царственномъ спокойствіи: природы, мысли очищаются и возвышаются, нравы получаютъ тихую важность, вся жизнь умѣряется и сосредоточивается, въ виду этихъ красотъ, вѣчно предстоящихъ глазамъ и уму. Писателю стоило только заглянуть въ свое сердце, чтобы найти въ немъ свѣжую поэзію, строгую и чистую прелесть своей отчизны. Онъ сдѣлался, между своими, счастливымъ выразителемъ общихъ мыслей, чувствъ, въ нѣкоторомъ родѣ, публичныхъ, и такимъ образомъ безсознательно далъ своимъ произведеніямъ неоцѣнимую и столь завидную прелесть оригинальности. Въ талантѣ Тѣлфера Женева и Швейцарія должны узнавать себя. Онъ истинный сынъ этого общества, въ которомъ природа наиболѣе сохранила свою власть и свои права. Отсюда, это рѣдкое соединеніе изящности и образованности ума съ наивною простотою сердца; отсюда эта литература утонченная и въ то же время искренняя, зрѣлая мыслью и юная сердцемъ. Въ ней находимъ всѣ процедуры искусства, самыя тонкія, служащія къ тому, чтобы скрыть искусство; но вдохновеніе, напротивъ, кажется совершенно первобытнымъ. Нѣтъ напрасныхъ изысканій, трудолюбивыхъ усилій, ни какого вкуса къ нечаяностямъ, ни какой склонности къ крайностямъ. Художникъ черпаетъ въ источникахъ самыхъ извѣстныхъ, самыхъ простыхъ, и изъ обыкновеннаго, которое мы бы отвергли здѣсь, создаетъ оригинальное произведеніе; — искусно оканчиваетъ зданіе, которому, казалось, недоставало краеугольнаго камня. Такова чудесная власть

простоты и чистосердечія; искусство изысканное, натянутое скоро истощается; простота никогда не утомится, никогда не состарится.

«In tenui labor», былъ эпиграфъ избранный Шарлемъ Нодіе къ его сочиненіямъ; этотъ эпиграфъ шелъ бы также и къ сочиненіямъ Тёпфера. Писатель вспоминалъ свое первое призваніе; онъ рисовалъ прежде и для рисованія долженъ былъ изучать природу во всёхъ мельчайшихъ, почти незамѣтныхъ ея подробностяхъ. Его терпѣливая наблюдательность устремлялась на безконечное малое и дѣлала всё эти мелкія и прелестныя открытія, которыя сдѣлалъ однажды Берварденъ де-Сенъ-Піеръ подъ листомъ земляники. Когда онъ оставилъ кисть для пера, любопытство его осталось то же, взглядъ ума былъ такъ же провицателенъ какъ и взглядъ его глазъ; онъ такъ же близко изучалъ сердце человѣческое, какъ и природу; онъ былъ живописцемъ правовъ, какъ его знаменитые сограждане Калламъ и Дидей, были живописцами пейзажа: для этихъ достаточно было одного куста—чтобы написать цѣлую картину. Для Тёпфера нужны были два или три движенія сердца, чтобы основать на нихъ цѣлую повѣсть, цѣлую исторію. Анализировать и описывать—были два наслажденія пера его, и чѣмъ анализъ былъ тоньше, чѣмъ описаніе мелочавѣ, тѣмъ больше, казалось, они доставляли ему удовольствія. Помните ли вы, напримѣръ, эту милую страницу, философическую и описательную, о майскомъ жукѣ? Школьникъ, запертый съ своей темой, отворяетъ окошко; въ него влетаетъ майскій жукъ, и садится прямо на перо трудолюбиваго ребенка. «Жукъ мой запутался въ опушкѣ моего пера, и я далъ ему прийти въ себя, пока дописывалъ строчку.» Но скоро тема была забыта; нужно было хорошенько раземотрѣть насѣкомое; какъ оно движется, какая его наружность. Потомъ философія примѣшивается къ наблюденію: жукъ—это другъ человѣка, въ-особенности другъ дѣтей; человѣкъ образовалъ жука, далъ ему способности, которыхъ онъ прежде не имѣлъ; научилъ его стоять на караулѣ съ соломенкой вмѣсто аллебарды; и возить бумажныя кареты, словомъ, отъ размышленія къ размышленію мы доходимъ до этого умнаго заключенія, котораго не предвидѣлъ Бюффонъ; «жукъ есть благороднѣйшая побѣда человѣка.» Невыразимая прелесть подробностей, нить тонкихъ замѣчаній и наблюденій, вмѣстѣ взятые, составляютъ самый милый, миниатюрный эскизъ. Назовите Тёпфера, если хотите—великимъ писателемъ маленькихъ вещей; это, право, гораздо лучше чѣмъ

быть, подобно многимъ изъ высокодарныхъ современниковъ нашихъ, маленькими писателями великихъ вещей. Что придаетъ еще болѣе цѣны сочиненіямъ женеваго писателя, это чувствительность его, истинная и чистая, которую мы уже хвалили, это благородство сердца, дышущее во всѣхъ его разсказахъ, это, наконецъ, искренняя, наивная, добрая веселость, которою они проникнуты. Мало найдется книгъ, въ которыхъ бы нравственное вдохновеніе было такъ живо; уваженіе къ долгу проповѣдывалось бы съ болѣею твердостью; голосъ справедливости и честности имѣлъ бы столько искренности и естественности, которыя могутъ принадлежать только душѣ прекрасной, направленной единственно къ добру. Видно, что эти начала не заимствованы имъ извнѣ, но что его собственный характеръ отражается въ его сочиненіяхъ. И потому мораль, даже близкая къ суровости, получаетъ подъ его перомъ особенную прелесть и не оскорбляетъ нашей слабости. Какъ бы ни были строги его правила, они всё еще кротки и милостивы, потому что выходятъ изъ сердца.

Притомъ, какъ мы уже сказали, эта мораль, господствующая въ разсказѣ, счастливо умѣряется тихой, любезной, невпниной веселостью. Веселость Тѣпфера, не есть только юморъ Стерна или Местра, это природная веселость ума, какое-то удовлетвореніе сердца, порожденное жизнью счастливой и чистой, чувствомъ исполненныхъ обязанностей и любовью къ нимъ.

Это веселость безъ хохоту, безъ комическихъ образовъ, безъ остротъ. Она скорѣй улыбается чѣмъ смѣется; она болѣе производитъ въ умѣ читателя чувство довольства и пріятности, чѣмъ веселитъ его; — она скорѣе правится чѣмъ забавляетъ. Народы и литературы могутъ быть оцѣнены по роду ихъ веселости, и всѣ эпохи французскаго ума, напримѣръ, не выражаются ли въ послѣдовательности комическихъ писателей Франціи: Раблѣ, Молиѣра, Бомаршѣ? Веселость Тѣпфера не похожа ни на какую веселость прошедшихъ и нынѣшнихъ писателей. Она оригинальна какъ его умъ и талантъ и, кажется намъ также отражаетъ общество, посреди котораго онъ жилъ, нравы, которые были его нравами, мѣста, гдѣ протекло его существованіе. У нашихъ комиковъ пѣтъ этой невпнности; шуточные перья — всё не безъ злости. Въ глубинѣ всякой веселости таится зерно сатиры или скептицизма. Тѣпферъ, напротивъ, веселъ и не перестаетъ быть добрымъ. Когда онъ насмѣхается даже, онъ старается, чтобы его насмѣшка не оскорбляла. Всего чаще картины его бываютъ веселы безъ насмѣшекъ. Въ особенностяхъ вы не найдете у него серьезныхъ вещей, принесенныхъ

въ жертву желанію смѣнить; благородныхъ началъ, семейныхъ, обращенныхъ въ шутку. Если онъ иногда придаетъ странности добродѣтели (увы! всегда ли она лишена ихъ?), то онъ имѣетъ искусство сдѣлать эти странности любезными и почти достойными уваженія, показывая, какъ хорошо они мирятся съ счастливыми качествами, спасающими и искупающими ихъ.

Только однажды, въ первой части разсказа, впрочемъ прелестнаго — «Наслѣдство моего дяди», веселость Тѣпфера является не въ своемъ настоящемъ видѣ. Это скорѣе веселость, принадлежащая тому роду ума, французскаго или англійскаго, который нынче такъ избить и который называется, кажется, байроновскимъ. Странные капризы мозга усталаго для того, чтобы мыслить, разочарованіе пресыщеннаго сердца, высокоумная пропія Лары, Фантазіо и другихъ непонятыхъ и сомнѣвающихся. Тѣпферъ, обращаясь къ этому роду, теряетъ свою оригинальность. Послушайте, что говоритъ его двадцати-четырехъ-лѣтній скептикъ: «Ничто не кажется мнѣ такъ длинно, какъ дин. Новости, — я такъ много читалъ ихъ, что ничто не кажется мнѣ менѣе новымъ. Я не знаю скуки, физическаго или нравственнаго оцѣпеченія, которое бы могло противостоять зуду.... когда заговоритъ моя совѣсть, я вижу ее въ черномъ платьѣ съ важнымъ видомъ, съ очками на носу. Она, кажется мнѣ, болтаетъ по привычкѣ, исполняетъ свое ремесло, зарабатываетъ свою плату».... Вотъ вамъ образецъ шутокъ этого юноши, который хвастается, что онъ исполнилъ все въ тѣ лѣта, когда другіе только-что начинаютъ отвѣдывать. И зато повѣсть была бы крайне скучна, если бы авторъ, — не возвратился къ своему роду. Неожиданное ощущеніе, привязанность еще неиспытанная, вдругъ измѣняютъ скептика въ человѣка совершенно вѣрующаго; наполняютъ эту странную пустоту его существованія, и навсегда изгоняютъ съ устъ его насмѣшку сомнѣнія. Что же касается до слогу Тѣпфера, то, чтобы оцѣнить его, намъ пришлось бы повторить все сказанное о талантѣ женеваго повѣствователя. Всѣмъ извѣстно: слогъ — это человѣкъ. Каждый пишетъ какъ онъ мыслитъ и чувствуетъ. Слогъ есть зеркало, въ которомъ отражаются мысль и сердце. Потому-то отличительныя качества слога Тѣпфера состоятъ въ простотѣ и ясности; обороты его наивны какъ идеи, фраза плодovitа какъ чувство, выраженіе то важно, то весело, живописно или строго, смотря по идеѣ, диктовавшей его. Конечно, иногда можно бы отыскать въ этомъ слогѣ нѣкоторый излишекъ (я не скажу изысканность) добродушія, фамильярности. Этотъ послѣдній недостатокъ происхо-

дуть впрочемъ отъ самыхъ достоинствъ слога Тёпфера — не обыкновенной легкости, свободности, живости. Однако жъ не должно обманываться этою вѣдностью: подъ нею скрывается языкъ болѣе учёный, нежели вы думаете. Тёпферъ, прежде чѣмъ началъ писать, изучалъ старыхъ авторовъ, проникнулся ихъ языкомъ и первый опытъ его, помѣщенный въ «Женевскомъ Обзрѣннѣ», былъ подражаніе языку Монтая и Амид — возже онъ потерялъ этотъ вкусъ къ старому языку, вкусъ, который имѣлъ также и Поль Луи Курриё; но въ его слогѣ остались нѣкоторые слѣды этой наклонности. Изрѣдка пробиваются у него то слово, то оборотъ прежнихъ временъ, обновленные съ болѣею или мѣншею удачею; и вы иногда скажете, что онъ обдумалъ свою фразу на старинномъ французскомъ языкѣ, прежде чѣмъ написавъ или, лучше, переложилъ на новѣйшій. Отсюда это необыкновенное благоуханіе простоты и чистоты. Но не должно, однако же, преувеличивать себѣ это влияніе стараго языка на слогъ Тёпфера и, по нашему мнѣнію, это большая ошибка, принимать, какъ это дѣлали, неправильности этого слогу за намѣренныя обветшалости слогу.

Эти немногія пятна на слогѣ Тёпфера явно происходятъ отъ провинціального нарѣчія. Почти всё эти ошибки ни что иное какъ странности и неправильности принадлежащія слогу, который называли слогомъ *des réfugiés*, слогу французскихъ протестантовъ, искавшихъ убѣжища въ Швейцаріи и Голландіи, послѣ отмѣненія пантскаго эдикта, и которыхъ языкъ подвергся вскорѣ влиянію иностранныаго элемента.

Таковы рѣдкія качества этого писателя, этой благородной личности. Талантъ Тёпфера достигъ наибольшей зрѣлости, когда смерть поразила его. Скорбь отечества почтила его память, и Франція, которая научилась уважать въ немъ челоуѣка столько же, какъ и писателя, присоединилась къ этимъ единодушнымъ сожалѣніямъ. Книги, подаренныя имъ публикѣ, общались въ будущемъ еще длинную путь прелестныхъ разсказовъ, остроумныхъ очерковъ; но преждевременная смерть разрушила ожиданіа, которыя онъ, конечно, оправдалъ бы. Помните ли вы романъ его «Роза и Гертруда»? Въ немъ онъ уже совершенно покинулъ юмористическую форму, придававшую его оригинальности ложное сходство съ произведеніями другихъ юмористовъ. Можно сказать, что талантъ его болѣе выигрывалъ чѣмъ терялъ, принимая новую форму. Опытъ этой формы онъ уже съ успѣхомъ сдѣлалъ въ предшествовавшемъ романѣ своемъ «Le Presbytère». Качества его бли-

станца здѣсь ядро, вдохновенно болѣе выдержано; слогъ болѣе сжатъ. Напомнимъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ эту простую и трогательную исторію Розы и Гертруды, совершеннѣйшее произведеніе автора: да будетъ это послѣднею почестью, возданною нами его памяти. Въ одной изъ самыхъ пустынныхъ улицъ Женевы, въ бурю, старый пасторъ, который несетъ утѣшеніе угнетавшему, встрѣчаетъ двухъ молоденькихъ дѣвушекъ-иностранокъ, дружески идущихъ подъ руку и помогающихъ одна другой, съ безмечной всевозлостью, защитить своей нарядъ отъ сильнаго вѣтру. Онѣ заблудились. Добрый пасторъ на вопросъ ихъ, указавъ имъ дорогу къ ихъ дому и, пройдя съ ними нѣсколько шаговъ, оставилъ ихъ. На слѣдующее воскресенье, онѣ увидѣли обѣихъ подружекъ въ церкви, слушающихъ его проповѣдь, которую онѣ сочувствилъ, думая именно о нихъ. Тема была: суетность радости; потому что дѣвочки показались достойному служителю Бога слишкомъ рѣзвыми. Спустя нѣсколько недѣль — новая встрѣча пастора съ обѣими дѣвушками. На этотъ разъ старикъ былъ изумленъ выраженіемъ скромности на ихъ лицахъ, чистотою дышавшею во всѣхъ чертахъ ихъ, неизмѣнной дружбой, соединявшей ихъ, казалось такъ тѣсно. Съ этого дня пасторъ сдѣлался ихъ другомъ, ихъ покровителемъ: бѣдныя дѣти очень нуждались въ этой опортѣ; онѣ были одиѣ въ чужомъ городѣ; жили въ трактирѣ, открытомъ для каждаго пришлеца, и имѣли весьма ограниченныя средства. Одинъ молодой человекъ — сама паглость — день и ночь преслѣдуетъ ихъ, даже на самой квартирѣ ихъ, своимъ безчестнымъ волокитствомъ. Добрый пасторъ извлекаетъ ихъ изъ трактира, гдѣ начинали уже косо смотрѣть на нихъ, по причинѣ ихъ бѣдности и одиночества. Онѣ вводятъ ихъ въ честное семейство, посреди котораго онѣ находятъ убѣжище за весьма умеренную плату. Но, однако же, онѣ должны объяснить свое странное положеніе, притомъ же онѣ полны довѣрія къ своему покровителю и могутъ открыть ему свое сердце. Роза любила молодого человека изъ богатой и благородной фамилии и была соединена съ нимъ тайнымъ бракомъ. Но этотъ союзъ былъ еще не признанъ. Роза должна была оставить отцовскій домъ, бѣжать изъ роднаго городу, сопровождаемая той, которую она всегда любила какъ сестру, и которая не хотѣла отпустить свою подружку одну въ изгнаніе. И такъ они въ Женевѣ ожидали мужа Розы, который долженъ пріѣхать къ нимъ. Но, увы! объ немъ нѣтъ вѣстей! Роза томится въ слезахъ. Печаль ея каждый день растетъ и утѣшенія старика пастора не могутъ успокоить тревожащую

данія. Другія огорченія присоединяются къ ея скорби. Подозрѣнія и клевета окружаютъ молодыхъ подругъ. Даже хозяйка ихъ, люди добрые, но способные вѣрить злымъ толкамъ, начинаютъ въ нихъ сомнѣваться. Къ довершенію всего, молодой человѣкъ не перестаетъ докучать имъ своими посѣщеніями, своими любезностями и угрозами, когда находитъ дверь молодыхъ дѣвушекъ запертою.

Къ счастью, приходитъ письмо, давножданное, письмо отъ мужа Розы. Всѣ затрудненія устранины; Роза можетъ возвратиться въ свою отчизну; бракъ ея признанъ. Одинъ баронъ, податель этого письма, долженъ проводить ихъ и возвратитъ въ объятія родныхъ. Подруги вѣе себя отъ радости и надеждъ. Онѣ ѣдутъ сейчасъ же. Но добрый, старый пасторъ однако же усомнился нѣсколько. Онъ садится въ карету, желая проводить путешественницъ до предѣловъ кантона. Тогда сомнѣнія его подтверждаются, потому что онъ видитъ упорство, съ которымъ баронъ желаетъ по-скорѣе отъ него отдѣлаться. Приѣзжаютъ на станцію. Пасторъ выходитъ изъ кареты и желаетъ вывести дѣвушекъ; отчаянное сопротивленіе барона, который намѣренъ силою похитить Розу и Гертруду; но который самъ вскорѣ долженъ обратиться въ постыдное бѣгство.

Какія страшныя козни! Роза считаетъ себя замужемъ; но она обмапывается. Лакей, пересодѣтый священникомъ, благословилъ бракъ ея. Человѣкъ, которому она предалась, уже наскучивъ обладать ею, послалъ ее въ Женеву, нарочно на жертву своихъ развратныхъ друзей; и это письмо, написанное имъ, должно было погубить ее: ее везли въ Базель, гдѣ она осталась бы безъ покровителя и защиты. Къ счастью, печальная Роза ничего не знаетъ объ этихъ отвратительныхъ козняхъ. Сидя съ Гертрудою въ домѣ пастора, она все ждетъ того, который и не думаетъ явиться... Она чувствуетъ, что подъ сердцемъ ея бьется дитя, что она мать и теперь она хочетъ непременно ѣхать къ отцу этого ребенка. Но пасторъ написалъ къ семейству Розы и получилъ самый жестокий отвѣтъ. Это письмо къ-несчастью попадаетъ въ руки бѣдной дѣвушки. Смертельный ударъ поражаетъ ее, уже ослабѣвшую отъ страданій. Ее уносятъ безъ чувствъ на постель, и скоро она умираетъ, орошенная слезами вѣрной Гертруды. Страшная горестъ распространяется въ домѣ пастора. Гертруда не хочетъ покидать мѣсть, гдѣ она столько плакала, гдѣ она могла ея единственной подруги. Сынъ пастора, добрый молодой человѣкъ, готовящійся, какъ и отецъ его, на служеніе Церкви, лю-

бить оспротивную дѣвушку любовью спокойной и набожной. Она будетъ его женой и, обнявъ свое семейство, желающее благословить союзъ ея, возвратиться въ Женеву, чтобы не покидать ее болѣе.

Вотъ вся исторія, рассказанная самимъ пасторомъ, замѣшаннымъ въ нее; рассказанная наивно съ патриархальной прелестью. Необыкновенная простота рассказа не исключаетъ искусства; но его не замѣчаешь. Все здѣсь такъ естественно, чистосердечно, что и не думаешь объ искусствѣ, съ какимъ авторъ постепенно увеличивалъ трогательность рассказа до послѣднихъ минутъ Розы, и потомъ поддержалъ эту трогательность до послѣдней страницы. Нѣкоторыя сцены удивительно граціозны; другія полны истиннаго драматизма. Картина послѣднихъ минутъ Розы, можетъ сравниться съ произведеніями великихъ мастеровъ въ этомъ искусствѣ: трогать сердце — возвышая его, извлекая изъ глазъ слезы, смягчая ихъ. Вся эта исторія наконецъ дышетъ свѣжимъ благоуханіемъ невинности, проникающимъ вамъ въ глубину души. Она подернута легкимъ оттѣнкомъ меланхоліи, въ которой читатель думаетъ видѣть печаль самого автора, чувствующаго также себя умирающимъ; умирающимъ въ глазахъ любимаго семейства, въ полной силѣ своихъ лѣтъ и таланта; въ минуту, когда онъ начиналъ пользоваться знаменитостью, столь справедливо заслуженною....

винченца. *Рассказъ Гектора Берлиоза.* Одинъ изъ моихъ друзей, Ж*, даровитый живописецъ, внушилъ глубокую страсть молодой албанской крестьянкѣ, по имени Винченцѣ, приходившей иногда въ Римъ, предлагать въ модель свою дѣвственную головку, нашимъ искуснымъ художникамъ. Наивная прелесть этой дочери горъ, выраженіе скромности разлитое по всемъ чертамъ ея, сдѣлали ее предметомъ какого-то обожанія между художниками, которое впрочемъ совершенно оправдывалось ея приличнымъ, осторожнымъ поведеніемъ. Но съ того дня какъ Ж*...., казалось, сталъ находить удовольствіе въ свиданіи съ ней, Винченца не покидала болѣе Рима; Альбано съ его живописными окрестностями, съ его яснымъ озеромъ, были замѣнены маленькой, темной и грязной комнаткой, нанятой въ Транстевере у жены ремесленника, за дѣтми котораго она ходила. Въ предлогахъ не было у ней недостатка, если ей хотѣлось прійти въ мастерскую своего *bello Francese*; однажды я нашелъ ее тамъ. Ж*.... важно сидѣлъ передъ своимъ мольбертомъ, съ кистью и палитрой въ рукахъ. Винченца, помѣстившись у ногъ его, какъ собака у ногъ господина, подстерегала каждый взоръ его, ловила каждое его слово; иногда

другъ быстро всталъ и встопычалъ передъ художникомъ; оторвалъ ему въ глаза съ усоеіііемъ, бросался ему на шею; въ тремини, судорожнымъ ходомъ, нисколько не заботясь о томъ, чтобы скрыть отъ меня свою страсть. Нѣсколько дней счастье молодой Албани было безоблачно; но ревность скоро положила ему предѣль.

Художнику шумная развѣла сомнѣнія въ вѣрности Винченцы. Съ этого дня онъ заперъ для нее свою дверь, и рѣшительно не хотѣлъ принимать ее. Винченца этотъ разрывъ нанесъ смертельный ударъ. Она впала въ страшное отчаяніе. Она иногда дѣлала для себя ждава Ж... на гулявѣ Пинціо, гдѣ надѣялась его встрѣтить; отвергала всякое утѣшеніе, и становилась все печальнѣе въ словахъ своихъ, все грубѣе въ манерахъ. Я напрасно пытался возвратитъ ей спокойствіе. Когда я встрѣчалъ ее, съ неподвижнымъ взоромъ, съ лицомъ орошеннымъ слезами, и только могъ отворотитъ глаза и удалиться со вздохомъ. Однажды я встрѣтилъ ее, идущую съ необыкновенной живостью къ берегу Тибра, на возвышенный откосъ его, называемый прогулкою Юссена.

— Чтѣ это? Куда вы такъ спѣшите, Винченца?

Нѣтъ отвѣта.

— Вы не хотите отвѣчать мнѣ.

Опять ничего.

— Вы не пойдете дальше; я предвижу какое-нибудь безуміе...

— Пустите меня.... Не оставяайте.

— Но вѣдѣтъ вы пришли сюда, одни?

— Развѣ вы не знаете, что онъ не хочетъ видѣть меня, что онъ не любитъ меня больше, что онъ думаетъ, будто я его обманываю? Могу ли я жить послѣ этого! Я хочу утониться.

Послѣ этихъ словъ она начала испускать вопли отчаянія. Она каталась по землѣ, рвала на себѣ волосы, пролила кровью своихъ страданій. Потомъ, когда она нѣсколько утомилась, и спросилъ ее, хочетъ ли она общаать мнѣ, оставаться спокойною до сѣдующаго утра, и общаать ей попытаться въ послѣдній разъ уговоритъ Ж....

— Послушайте, моя бѣдная Винченца, я увижу его нынче вечеромъ, я скажу ему все чтѣ только можетъ внушить мнѣ сожалѣніе къ вашей несчастной страсти. Завтра утромъ зайдите ко мнѣ, я сообщу вамъ послѣдствія моей попытки, и посоветую, что вы должны будете сдѣлать, чтобы склонить его окончатель-

мо. Если же я не успею, и если для васъ дѣйствительно ничего лучшаго не останется.... Тибръ не увидитъ отъ васъ.

— О! вы добры, сударь! я сдѣлаю все, что вы говорите.

Вечеромъ въ самый дѣль я отвелъ Ж^{ку} восторону, разсказавъ ему все, что происходило вонутру, и умолялъ его назначить бѣдливикъ свиданіе, которое одно могло спасти ее.

— Собери новыя и строгія свидѣнія, сказалъ я кончая: и я даю на отсѣченіе правую руку, что ты ошибешься. Притомъ, если всё мои доводы—безсильны, то увѣряю тебя, что ея отчаяніе прекрасно, и что это одна изъ самыхъ драматическихъ вещей, какую только можно видѣть. Возьми ее какъ предметъ искусства.

— Ну, любезный Меркурій, ты отставиваешь хорошо, и я сдается. Черезъ два часа я увижусь съ человекомъ, который можетъ дать мнѣ новыя полененія въ этомъ странномъ дѣль. Если я ошибался, пусть она приходитъ. Я оставляю ключъ въ двери. Если напротивъ, ключа не будетъ, значить я совершенно увѣрился въ справедливости моихъ подозрѣній. Тогда я попрошу тебя ни слова болѣе объ этомъ. Поговоримъ теперь о другомъ. Какъ ты находишь мою новую мастерскую?

— Несравненно лучше прежней; но видъ отсюда не такъ хорошъ. На твоёмъ мѣстѣ я остался бы въ прежней жилищѣ, уже давнѣе, чтобы видѣть Святаго Петра и гробницу Амріана.

— О! ты опять съ своими туманными идеями.... Дай-ка мнѣ зажечь сигару. Теперь прощай; я иду на свиданіе. Скажи своей protegée, мое послѣднее рѣшеніе. Я любопытенъ знать, что изъ насъ двоихъ обманутъ. На другой день Винченца пришла ко мнѣ равнѣшелько. Я еще спалъ. Она не смѣла тотчасъ прервать мой сонъ. Наконецъ ея нетерпѣніе одержало верхъ; она схватила гитару и сдѣлала три амурда, разбудившіе меня. Повернувшись на своей кровати, я увидѣлъ ее у моего пеголовья, умирающею отъ волненія. Боже! какъ она была хороша!!! Надежда сіяла на ея прелестномъ лицѣ. Несмотря на мѣдный цвѣтъ ея кожи, я замѣтилъ, что она покраснѣла отъ страсти; всё члены ея трепетали.

— Ну, Винченца! кажется, что онъ приметъ васъ. Если ключъ у двери, значить онъ васъ прощаетъ и....

Бѣдая дѣвочка прервала меня радостнымъ крикомъ; бросилась въ восторгѣ цѣловать мои руки, орошала ихъ слезами, рыдала, стонала и, наконецъ, выбѣжала изъ комнаты, улыбувшись мнѣ, въ знакъ благодарности, такъ божественно, что эта улыбка

озарила меня какъ небесный лучъ. Несколько часовъ сна, когда я одѣвался, вошелъ Ж***.

— Ты правъ, сказалъ онъ мнѣ, важнымъ голосомъ: но затѣмъ она не пришла, я ждалъ ее.

— Какъ не пришла? Она вышла отъ меня утромъ, почти обезумѣвъ отъ надежды, которую я пробудилъ въ ней. Она въ пять минутъ должна прійти къ тебѣ.

— Я не видалъ ее... и однако жъ ключъ былъ тутъ.

— Горе! горе! я забылъ сказать ей, что ты перомѣнилъ ястерскую. Она зашла въ четвертой этажъ, не зная, что ты въ первомъ.

— Бѣжимъ.

Мы бросились въ верхній этажъ; дверь мастерской была заперта. Въ дверь была съ силой воткнута серебряная града, которую Винченца носила всегда въ волосахъ. Ж*** узналъ съ ужасомъ, это былъ его подарокъ. Мы бѣжимъ въ Транстеверъ; къ ней, къ Тибру, на прогулку Пуссена; спрашиваетъ всѣхъ прохожихъ; никто не видалъ ее. Наконецъ мы слышимъ голоса; громкій споръ; мы идемъ на мѣсто сцены... Два волопаса дрались за бѣлое fazzoletto Винченцы, которое несчастная Албанка сорвала съ головы — и кинула на берегу, прежде чѣмъ бросилась въ воду....

P. S. Спѣшу теперь сказать читателю, чтобы разсѣять слишкомъ сильное, слишкомъ тягостное, слишкомъ раздражающее впечатлѣнiе, которое мой разсказъ, безъ всякаго сомнѣнiя, произвелъ на его воображенiе и сердце, что въ этой исторiи дѣйствительна только одна любовь Винченцы, къ моему другу Жиберу и равнодушiе его къ ней. Винченца часто плакала подъ липами Пичiо, часто просила меня помирить ее съ любовникомъ, которому она наскучила и который не былъ ревнивъ; но она вовсе не утопилась, она умерла въ Альбапо, просто отъ болѣзни, два года послѣ моего отъѣзда. Чтò же касается до Жибера, лѣнливаго креола, заботящагося обо мнѣ, столько же сколько и о Винченцѣ, онъ всё-еще въ Римѣ, гдѣ одну треть своей жизни дремлетъ, другую спитъ, а третью ничего не дѣлаетъ.

ПАРИЖАНКА. *Разсказъ Александра Вейля.* Парижанка хитра, тонка, даже немножка зла; но хитрость ея не мѣшаетъ ей быть наивною; а злость колетъ такъ же какъ шипы розы, отъ которыхъ боль, тутъ же смягчается благоуханiемъ цвѣтка.

Но ежели Парижанка захочетъ направить свою хитрость къ какой-нибудь рѣшительной дѣлн, то самая искусная дипломатiя

не будетъ въ состояніи съ ней бороться. Она опередитъ ее всегда, какъ плещущаяся рыбка опередитъ самаго сильнаго и искуснаго плователя.

Мадамъ С*** изъ Руана, семнадцать лѣтъ, прѣехала въ Парижъ, чтобы выйти замужъ и имѣть успѣхъ. Она никогда не рѣшилась стѣснить своей свободы бракомъ; если бы не признала, что въ нашемъ обществѣ женщина одинокая, походить на цѣтокъ безъ опоры и безъ владѣтеля, цѣтокъ, который можетъ сорвать всякой, и, поносясь его нѣсколько минутъ въ петлячкѣ, бросить. Единственное средство *сойти*, для женщины умпой и рѣшительной — это замужество. Мадамъ С*** вышла замужъ. Любила ли она или вѣтъ, этого никогда не зналъ никто, за исключеніемъ ея мужа. Дѣло въ томъ, что мадамъ С***, у которой парадоксальный умъ и много знаній свѣта, смотритъ на любовь какъ на вещь, годную только для романовъ и театральныхъ пьесъ. Но въ частной жизни — она рѣшительно не имѣетъ никакой цѣны. Когда любовь приходитъ до брака, говоритъ мадамъ С***, Гименей, дѣлается цѣнью обмановъ, разувѣреній. Она допускаетъ любовь послѣ брака, и тоже въ избыткѣ, который смѣшонъ.

У мадамъ С*** есть дочь семнадцати лѣтъ. Бланка тиха, граціозна, тонка, словомъ Парижанка. Мать заботилась о ея воспитаніи. Она не можетъ ни чѣмъ упрекнуть себя въ этомъ отношеніи. Бланка наизусть знаетъ своего Ломонда. Благодаря своимъ географическимъ книгамъ, она знаетъ, что Сена течетъ въ Парижъ и что Рейвъ впадаетъ гдѣ-то въ море. Кромѣ-того, она поетъ какъ прима-донна, и играетъ на фортепьяно довольно легко и граціозно. Чтобы быть справедливымъ, я прибавлю, что Бланка прочла не одинъ романъ, — тайкомъ отъ маменьки.

У мадамъ С*** *idée fixe*, что ея дочь никогда не сдѣлаетъ въ любви порядочнаго выбора. Если вѣрить ея словамъ, то Богъ создалъ матушекъ единственно для того, чтобы избирать дочерямъ мужей. Правда... она выбрала себя мужа сама... не тогда были другія времена! Нынче въ обществѣ все обманъ и ложь! А въ самомъ -то дѣлѣ въ обществѣ не произошло ни какихъ переменъ со времени сватъбы мадамъ С***, кромѣ той развѣ, что тогда ей было семнадцать лѣтъ; а теперь сорокъ пять!

Какъ бы то ни было, Бланка обожаетъ свою мать; она образецъ дочернаго послушанія; а потому она твердо рѣшилась на этотъ счетъ. Она знаетъ, что она не будетъ имѣть мужемъ того кого, изъ

береть сердце и что ей отбить только сказать «Мамонька, я люблю этого деловѣна» чтобы никогда не выйти за него. Бланка, что весьма натурально, любить молодого человѣка, лѣтъ двадцати-четырека, который приходитъ видѣться съ ея братьями. Евгений скромнѣе, тихъ и любезенъ. Онъ рѣшникъ медалей, получаетъ въ мѣсяцъ до двухъ сотъ франковъ и изрядно играетъ на фортепьяно. Впрочемъ, что пользы исчислять качества Евгения, Бланка любитъ его, и если судить по страстнымъ и глубокимъ взглядамъ, которые онъ устремляетъ на молодую дѣвушку, то ей платитъ взаимностью. Эта любовь, эта игра глазъ дается уже нѣсколько мѣсяцевъ; однако жъ мадамъ С*** не разъ говорила:—«О! моя дочь не будетъ любить двухъ дней безъ того, чтобы я не замѣтила!» На что Бланка отвѣчаетъ съ лстивой улыбкой:—Ты права, мамонька, и потому—я никогда не скажу тебѣ о любви моей, если ты такъ хорошо отгадываешь! Молодой человѣкъ въ свою очередь застѣнчивъ, какъ пажъ, который не смѣетъ смѣть. Онъ любитъ; но не имѣлъ духу признаться Бланкѣ, которая въ его присутствіи притворяется совершенно равнодушною, чтобы обмануть матушку. Она знала впрочемъ, что ей стоило только занкнуться о любви своей къ Евгению, чтобы ему дали отставку наѣвѣк и во всей формѣ. Что дѣлать? Бланка умираетъ отъ любви... и притомъ—какъ истинная дочь своей мамоньки, она смекнула, что Евгений былъ бы для нее прекрасной партіей. Онъ думалъ объ этомъ и день и ночь.

Вдругъ Бланка познакомилась на одномъ вечерѣ съ однимъ блестящимъ молодымъ человѣкомъ, сводившимъ съ ума всѣ салоны квартала. Альфонсъ былъ въ самомъ дѣлѣ красавецъ. Онъ имѣлъ ростъ Антиноя; одѣвался по послѣдней картинкѣ, хорошо болталъ, танцевалъ еще лучше и хотя, казалось, смѣялся надъ всѣмъ, но всегда имѣлъ сказать своей дамѣ что-нибудь любезное. Сверхъ-того онъ такъ имѣлъ романы, что слушающаго его можно было умереть со смѣху. Вотъ и всё что нужно, для того чтобы свернуть голову семнадцати-лѣтней парижанкѣ. Бланка, смотря на Альфонса, краснѣла. Онъ принималъ это за любовь къ нему. Онъ гордился ею и самодовольно поглядывалъ на себя въ зеркало. Евгений стоялъ въ нѣсколькохъ шагахъ отъ Бланки, въ задумчивости. Бланка уѣхала съ бала съ твердой рѣшимостью въ сердцѣ.

Она спросила мать свою, дать большой вечеръ, и пригласить Альфонса—по причинѣ его комическихъ романсовъ.

Тотъ вступилъ къ нимъ въ домъ съ внутреннимъ тер-

жестокъ, потому что у Бланки, кромя хорошецкаго дичка, было порядочное приданое. Евгений дѣлался всё грустнѣе и грустнѣе, потому что Бланка, казалось, только и занималась Альфонсомъ; она танцовала тодько съ нимъ, слушала его съ зѣмьнымъ удовольствіемъ; свѣтъ былъ пораженъ поведеніемъ Бланки. На другое утро послѣ бала ее торжественно позвали въ комнату матери. Она не преминула осыпать Бланку упреками за ея поведеніе прошедшаго дня.

— Да! воскликнула дѣвушка, съ нетерпѣливымъ жестомъ; я люблю Альфонса и никогда не выйду за другаго!

— Несчастливая! въ свою очередь воскликнула мать. О! я не сомнѣвалась. Я всегда говорила, что молодая дѣвушка не умѣетъ сдѣлать хорошаго выбора, сама. Но Альфонсъ—это кутила, негодный разочарованный. Никто не знаетъ откуда онъ, чѣмъ онъ живеть. Это авантюристъ. Онъ съѣстъ приданое и посадитъ тебя на съ зѣмь.

— Что за дѣло, я люблю его, только его.

— Неблагодарная, прочь съ глазъ моихъ. Я никогда не дамъ своего согласія на этотъ бракъ.

— Я никогда не отдамъ руки моей, никому кромя Альфонса.

— Но, дочь безчувственная, воскликнула возмущенная мать: я въ тысячу разъ больше люблю Евгения, который бѣденъ, но сынъ честнаго семейства. Его мать намъ кузина. Онъ получаетъ двѣсти франковъ въ мѣсяцъ. У него есть будущность, перспектива; и онъ только-что проситъ руки твоей.

Бланка, въ одно мгновеніе, три раза измѣнилась въ лицѣ.

— Мнѣ всё-равно, отвѣчала она, заплакавъ, чтобы скрыть въ слезахъ свою улыбку: я не люблю его, я люблю только Альфонса.

Наконецъ Бланка получила пощечину, эту цѣна гачю добрыхъ матушекъ.

— Ты выйдешь за Евгения, или я убью тебя!

Бѣдная дѣвушка хотѣла бы процѣловать руку, ударившую ее; но боясь измѣнить себѣ, она вышла, и всё плача и улыбаясь.

Она сдѣлалась печальна, разстроена. Мать, которая иѣжно любила дочь свою, боялась, чтобы она не сдѣлала чего-нибудь отчаяннаго, послала за Евгениемъ и представила его Бланкѣ, какъ жениха. Бланка осталась холодною въ присутствіи Евгения, который, впрочемъ, никогда не бывалъ съ ней наединѣ. Она до конца сыграла роль жертвы. Наконецъ свадьбу объявили. Бланка пожертвовала собою любви къ своей матери.

За нѣсколько дней до свадьбы, Бланка вошла къ маминѣ С..., поцѣловала ее съ жаромъ, и плача отъ радости, говорила ей о своемъ счастьи.

— Я тебѣ сказала, воскликнула съ гордостью мать: молодыя дѣвушки никогда не умѣютъ сдѣлать хорошаго выбора. Нужна мать, чтобы присматривать дочери своей мужа! Ты увидишь, современемъ, что ты совершенно забудешь Альфонса, и полюбишь своего мужа.

— Но, маменька, отвѣчала Бланка, смѣясь какъ сумасшедшая: я обманывала тебя: я никогда никого не любила, кромѣ Евгенія, и буду любить его вѣчно! И тутъ она откровенно призналась въ своей хитрости. Мать была поражена. Оскорбленное тщеславіе нѣсколько отравляло радость, которую причиняло ей счастье дочери. Но наконецъ она признала себя побѣжденною, и сдѣлалась вѣрнымъ историкомъ своего пораженія.

— Чтò вы хотите, говорила она мнѣ: я изъ Руана, а дочь моя Парижанка!

РАЗВОДЪ НАДЪ ОБЛАКАМИ. *Разсказъ господина Мері.* Ученому міру извѣстенъ Бельзони, знаменитый путешественникъ, который открылъ вторую пирамиду и издалъ сочиненіе объ Египтѣ и о теченіи Нила, отъ Такаса до моря, забывъ однако жъ полуостровъ Мерое, гдѣ, по словамъ Геродота, была колыбель гниносоенствова и гдѣ, къ чести всего края, сохранился въ-живыхъ дорогій жрецамъ Изиды священный земляной жукъ.

Не пугайтесь важности моего вступленія. Скука — дочь важности. Она не можетъ покуситься на матерубійство, которое, если бы совершилось, могло бы сдѣлать даже ученую книгу очень занимательною. Чего скука по дѣтской привязанности не смѣетъ сдѣлать, на то мы пойдемъ сегодня... если только удастся.

До поступленія въ достопочтенное сословіе ученыхъ, Бельзони былъ канатнымъ плясуномъ. Когда Мегеметъ-Али, обремененный заботами о наслѣдствѣ фараоновъ и лишенный добраго совѣта, опускалъ отягченную тоскливыми думами голову на свою сѣдую бороду, приближенные обыкновенно призывали снѣтора Бельзони, не ученаго, и просили поплясать на канатѣ, который прикрѣплялся къ двумъ пальцамъ. Это упражненіе въ Египтѣ очень затруднительно: крученая пенька обливадается потомъ плясуна и становится скользкою. Бельзони нѣсколько разъ свалился и подалъ въ отставку. Мистеръ Гоггсъ, членъ лондонскаго королевскаго филантропическаго общества, посоветовалъ ему сдѣлаться ученымъ и онъ послушался. Въ Египтѣ довольно трудно усво-

нивъ себѣ науку, съ-тѣхъ-поръ какъ великій Омаръ оказалъ чело-
вѣчеству безсмертную услугу сожженіемъ александрійской библю-
отеки. Между-тѣмъ сньюору Бельзони удалось составить себѣ по-
рядочную репутацію въ ученѣмъ мірѣ. Онъ выкурнулъ множество
трубокъ табаку передъ наднисью Помпеовой колоны и объяс-
нилъ мистеръ Гоггсу нѣсколько іероглифовъ, какъ мы съ вами
объясняемъ святочные загадки и ребусы. Иллюстраціи.

Однажды мистеръ Гоггъ прочиталъ въ одномъ англійскомъ
журналѣ переводъ фэльтона *Journal des Débats*, въ которомъ
знаменитый композиторъ и остроумный писатель Гекторъ Бер-
лиозъ указалъ новый способъ проходить песчаныя пустыни, не
подвергаясь обыкновеннымъ неудобствамъ этого путешествія.
Дѣло состояло въ томъ, чтобы сѣсть на аэростатъ и тянуться
по бичевѣ съ дромадеромъ и его феллахомъ. Остроумный Бер-
лиозъ, можетъ-быть, только пошутилъ, но мистеръ Гоггъ при-
нялъ замысловатую выдумку вовсе не въ шутку и сообщилъ ее
сньюору Бельзони. Ученый Италіянецъ, сохранившій воспомина-
ніе о горизонтальной веревкѣ, обрадовался случаю сдѣлать опытъ
надъ вертикальною и выпросилъ у мистеръ Гоггса тысячу фун-
товъ стерлинговъ за честь и позволеніе сопровождать его въ
воздушномъ путешествіи.

Мистеръ Гоггъ отвѣчалъ:

— Я Англичанинъ, слѣдовательно тысяча фунтовъ стерли-
говъ мнѣ ни по чемъ. Вотъ вексель на имя Пастрѣ, въ Алексан-
дріи. Издержки на наше путешествіе будутъ такъ значительны,
что этой суммы въ массѣ и не примѣтишь. Нужно только, чтобы
египетскій паша выдалъ намъ фирманъ и выслалъ Арабовъ къ
Луннымъ Горамъ, къ предполагаемымъ источникамъ Нила, чтобы
построили шалаши и приготовили запасъ цинку и всякой прови-
зій. Я заплачу за цинкъ, за провизію и за Арабовъ. Нужно по-
строить колоссальный аэростатъ. Нужно нанять дромадера и
феллаха.

На это сньюоръ Бельзони замѣтилъ:

— Мистеръ Гоггъ, ваши умныя рѣчи придаютъ мнѣ смѣлость
попросить у васъ еще одну тысячу фунтовъ стерлинговъ, чтобы
быть болѣе достойнымъ чести сопровождать васъ. Подобный
случай можетъ представиться только одинъ разъ въ жизни и я
хочу имъ воспользоваться. У меня, въ Венеціи, есть жена, кото-
рую я очень люблю, и трое дѣтей, которые безпреставно про-
сятъ ѣсть.

Синьоръ Бельзони прослезился и тронутый министръ Гоггсъ далъ еще тысячу фунтовъ стерлинговъ.

— Всякое путешествіе должно имѣть какую нибудь серьезную цѣль, сказалъ потомъ министръ Гоггсъ. Наше путешествіе тоже должно быть предпринято съ серьезною цѣлью. Я не хочу прогуливаться по воздуху для одной потѣхи страусамъ, крокодиламъ и ибисамъ. Европа смотритъ на насъ, — по своему обыкновенію. Мы кончимъ трудное дѣло, начатое Мушто-Наркомъ, Притчи, Брюсомъ, Россиньоломъ и другими; мы отыщемъ источникъ Нила, если только у Нила есть источники. Мы отыщемъ ихъ непременно и побѣдимъ притонъ неприятностей, испытанныхъ нашими предшественниками отъ зною, насѣкомыхъ, пыли, песю и горбовъ дромадера. Со времени царствованія Георга Третьяго, англійское казначейство изстратило семьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ для отысканія колыбели Нила. На эту сумму можно было бы пойти весь Лондопъ живомъ и портеровъ до скончанія Англіи, если только Англія можетъ скончатся, — чему я впрочемъ не вѣрю. Теперь мы совершимъ экспедицію на шой счетъ, а потомъ, когда откроемъ источники Нила, казначейство возвратитъ мнѣ деньги.

— Въ такомъ случаѣ я у васъ попрошу еще одну тысячу фунтовъ стерлинговъ, сказалъ Бельзони: вѣдь я буду единственнымъ ученымъ членомъ этой экспедиціи.

— Согласенъ, отвѣчалъ щедрый министръ Гоггсъ.

На сооруженіе аэростата потребовалось три мѣсяца. Бельзони воспользовался этимъ временемъ, обшарилъ нѣсколько новыхъ подземельевъ второй пирамиды и открылъ два клада дѣвственныхъ мумій, изъ тѣхъ самыхъ, которыя лондонскій аптекаръ Уайтъ, — въ улицѣ Кингъ-Уильямъ, — выписываетъ нарочно для составленія своего испытаннаго средства противъ горловыхъ болѣзней.

Когда все поспѣло, Бельзони, министръ Гоггсъ и интригасъ Гоггсъ поплыли вверхъ по Нилу до червыхъ утесовъ Фила. Министръ Гоггсъ предварительно бралъ уроки воздухоплаванія у одного ученика Гарнерена, который въ Каирѣ сдѣлался мусульманинномъ и, по нерасположенію къ супружеству, женился на цѣломъ сералѣ. Бельзони, какъ человекъ ловкій по превосходству, шибгомъ усвоилъ себѣ всѣ сваровки новаго ремесла. Между Навомъ и Ассуаномъ сдѣлали генеральную ренетицію, которая удалась какъ-нельзя лучше. Оказалось, что можно пуститься въ азоровыя пространства и дышать въ Египтъ такимъ же свѣжимъ

воздухѣ; какъ на вершинѣ Монъ-Блана. Путешествовать такимъ образомъ значить шагать по хребтамъ горъ, не касаясь ни подземнами, говорилъ ученый Итальянецъ.

Скоро передъ путешественниками развернулась безпредѣльная безводная пустыня. Мистриссъ Гоггсъ, прекрасная Александрина, лѣтъ тридцати, грозилась мужу броситься промежь двухъ спящихъ въ камышѣ крокодиловъ, если ея не примутъ въ члены ученой экспедиціи для отысканія источниковъ Нила. Мистеръ Гоггсъ опасаясь больше поставщиковъ на сераль чѣмъ крокодилѣвъ и посадилъ подругу своей жизни въ лодку аэростата. Пристегнули дромадеру промежь двухъ горбовъ подпругу изъ сыромятнаго ремня, прицѣпили къ нему большой желѣзный крюкъ съ длинной бичевою и такимъ образомъ запрягли сухопутно-воздушный экипажъ. Въ кучера опредѣлили Араба. Аэростатъ величественно поплылъ по воздушнымъ пространствамъ.

Путешественники затрепетали отъ радости, когда поднялись за предѣлы знойной атмосферы. Съ надоблачной выси обширная равнина казалась имъ ослѣпительно бѣлою, какъ-будто покрытою снѣгомъ, что еще больше придавало свѣжести окружающему воздуху. Мистриссъ Гоггсъ надѣла шаль, а начальникъ экспедиціи и ученый членъ принялись играть въ экартѣ. Аэростатъ, увлекаемый рысью дромадера, мчался быстрѣе вѣтру, уходилъ по двѣнадцати узловъ въ часъ. Въ полдень мистеръ Гоггсъ оставилъ карты, чтобы исправить географическую ошибку Брюса, который на своихъ картахъ позабылъ посвятить черную точку полуострову Мерое. Изъ лодки аэростата, въ лѣвой сторонѣ, подъ знойнымъ поясомъ, можно было видѣть сорокъ пирамидъ, которыя Геродотъ Правдивый насчиталъ по своимъ десяти пальцамъ.

Къ ночи воздушный шаръ опустился въ костлявую долину между двухъ горбовъ дромадера. Путешественники достигли оазиса Белькъ-Альзира, который служитъ какъ-бы растительною прихожею глубокой долины, гдѣ Камбизова армія задохлась отъ хаменна по возвращенія изъ походу на египетскихъ сѣнниковъ.

На зарѣ другаго дня аэростатъ снова пустился въ путь. Всѣ нужныя приготовленія ко второму полету уже были сдѣланы тридцатью Арабами, которые предупредили ученую экспедицію на оазисѣ. Во время отправления съ этой стаціи, термометръ Фаренгейта показывалъ уже + 33 градуса, а когда бичева вся смоталась, ртуть упала до + 4°. Видъ страны сталъ ужасенъ. Къ сѣверу тянулись облаженные горы, какъ-будто вывихну-

дние острова для хребта Моната, и печально замедляя измустыню. Абиссинія межъ четырехъ горизонтовъ раскрывалась во всемъ своемъ мертвенномъ ужасѣ: небольшие оазисы на огрехныхъ разстояніяхъ появлялись, словно удивленные черныя точки на большомъ бѣломъ листѣ. Струсы выходили на ласточки.

Неожиданный порывъ верхового вѣтру вырвалъ у мистера Гоггса его пять картъ въ такую минуту, когда онъ торжественно объявлялъ игру, съ королемъ. Ученая экспедиція лишилась единственнаго своего развлечения. Бельзони по временамъ наклонялся за бортъ лодочки, чтобы поймать за хвостъ встрѣчнаго орла.

Когда огромный вентъ-ассоувскій обелскъ, какъ игла на солнечныхъ часахъ, показывалъ полдень, мистеръ Гоггсъ въ намѣреніи соснуть пріютился на большомъ пучкѣ бичевы и его супруга послѣдовала этому примѣру. Бельзони, покинутый товарищами, отъ нечего дѣлать принялся влюбляться въ мистриссъ Гоггсъ и сочинялъ италянскій сонетъ, который и написалъ карандашомъ, съ намѣреніемъ поднести въ благоприятную минуту, кому слѣдуетъ. Италянцу нельзя же не сочинять сонетовъ.

Мистриссъ Гоггсъ проснулась немножко равьше своего супруга и Бельзони съ пріятною улыбкой поднесъ ей свое любовное объявленіе. Сонетъ начинался такъ: *Nel ciclo tua bellezza....*

Мистриссъ Гоггсъ прочтала и извинилась, что не понимаетъ. Отважный ученый схватилъ и крѣпко сжалъ руку молодой путешественницы. Это показалось ей дерзостью. Она вскрикнула и мистеръ Гоггсъ вскочилъ.

Мистеръ Гоггсъ былъ мужъ очень ревнивый и недовѣрчивый. Онъ тотчасъ примѣтилъ смущеніе на лицѣ Бельзони и гнѣвъ и стыдъ на смуглыхъ щекахъ жены своей. Дѣло тутъ же объяснилось: вѣтеръ забылъ унести сонетъ. Улика осталась на колѣняхъ у молодой женщины. Мистеръ Гоггсъ схватилъ ее, принялся читать переводить на англійскій языкъ и съ каждымъ стихомъ бросалъ свирѣпыя взгляды на безсовѣтнаго воздушнаго обольстителя. Бельзони потупилъ глаза. Оскорбленный супругъ сбился стрѣляться въ двадцати шагахъ. Супруга простираала руки къ землѣ, какъ-будто умоляя спасти ея честь и жизнь мужа. Минута была торжественная, безмолвіе ужасающее, высота величавая. Только два-три орла, парившіе около аэростата, были свидѣтелями этой сцены.

Вдругъ сильный толчокъ, сообщенный шару неожиданно дерзую веревкой, отвлекъ вниманіе путешественниковъ отъ соб-

свернулся, страдая. Она догадалась, что жить угрожаетъ что-то ужасное. Мистеръ Гоггсъ спряталъ софетъ въ бумажницѣ и раздвинувъ телескопъ во всю длину, чтобы обозрѣть положеніе дѣла на землѣ. Посмотрѣлъ и обмеръ отъ ужаса. Арабъ-погонщикъ вѣсело. Дромадеръ мчался со всѣхъ ногъ, а за нимъ поспѣли два льва, самецъ и самка, отличившей породы.

— Мы погибли! вскричалъ мистеръ Гоггсъ.

Онъ передалъ телескопъ женѣ. Мистриссъ Гоггсъ посмотрѣла и тоже поблѣдѣла. Бельзони былъ весь поглощенъ своею любовью. Страсть его развилась немовѣрно быстро, такъ быстро, какъ можетъ развиться только на аэростатѣ. Онъ, вѣстѣ съ Петраркою, сочинилъ еще софетъ,—о счастьи умереть вѣстѣ съ любезною и быть погребеннымъ съ нею въ одной могилѣ, въ желудкѣ льва,—*Nella stessa tomba colla mia Luiga.*

Львы настигли дромадера и вдругъ воздушный шаръ остановился въ небѣ, какъ солнце по приказу Исуса-Навина. Волненіе супруговъ Гоггсъ достигло высшей степени. Они безпрестанно передавали другъ другу телескопъ и съ каждымъ разомъ всё болѣе ужасались. Впрочемъ и было отъ чего ужаснуться. Львы напали на упряжъ аэростата съ такою жадностью, какъ-будто постились съ тѣхъ-поръ какъ пировали надъ остатками Камбизовой арміи. Они въ одинъ мигъ расшатали несчастнаго дромадера. Самка оторвала одну четверть и побѣжала, вѣроятно, угощать свое юное семейство, а самецъ преспокойно разлегся въ видѣ сонника передъ остальными тремя четвертями, какъ неаполитанскій ладзароне передъ блюдомъ макароновъ, и продолжалъ улаживать себя лично.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ мистеръ Гоггсъ обнимая жену, что съ нами будетъ?

Эта наглость супружескаго счастья раздражила Бельзони. Ему страхъ-хотѣлось выбросить вѣжную парочку за бортъ лодки, въ львиный ровъ.

— Что съ нами будетъ, продолжалъ мистеръ Гоггсъ, если шаръ нашъ будетъ такимъ образомъ стоять здѣсь какъ корабль на якорѣ? У насъ окажется недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, мы можемъ умереть съ-голоду! А если снимемся, Богъ знаетъ, куда вѣтеръ унесетъ насъ. Четыре страны свѣта для насъ — четыре пропасти, четыре подводныя скалы, четыре Уголиновы башни. Надежды — нигдѣ.... И источники Нила опять останутся неоткрытыми! О, сосѣдъ нашъ челоѣколюбивый! небо, помоги дамъ!

Мистеръ Гоггсъ нахлобучилъ себя тузу на голову и попросилъ четверть часа на размышленіе. Бельзони вынулъ часы и кивнулъ въ знакъ согласія.

Черезъ четверть часа мистеръ Гоггсъ сказалъ:

— Знаете ли вы, сивьоръ Бельзони, что это ужасная вещь, чего вы отъ меня требуете?

— Только-то вы придумали въ четверть часа, мистеръ Гоггсъ? возразилъ Бельзони снова взявшись за ножъ: я повторяю вамъ, милостивый государь, что я люблю вашу жену, люблю любовью на двѣ тысячи тоазовъ выше уровня; люблю, какъ любить надъ облаками. Это страсть неукротимая, такъ ужъ лучше не поперечьте ей. Впрочемъ, вы уже не имѣете и правъ на вашу жену.

— О! это ужъ слишкомъ!... Я не имѣю правъ на мою жену! Кто же отнял у меня эти права?

— Наше новое положеніе, мистеръ Гоггсъ. Ваши узы расторгнуты. То, что вы сказали на землѣ, не имѣетъ силы надъ облаками. Подумайте еще четверть часа и рѣшайтесь. Ваша жизнь виситъ на ниточкѣ.

— Сивьоръ Бельзони, будьте справедливы.....

— Я люблю вашу жену, мистеръ Гоггсъ!

— И я тоже люблю ее.... я самъ влюбленъ въ мою жену....

— Дерзновенный! вскричалъ Бельзони: обдумывайте ваши выраженія или страшитесь моего гнѣва. Какъ вы смѣете говорить мнѣ о вашей любви?

— Но, мнѣ кажется, я имѣю право! отвѣчалъ мистеръ Гоггсъ съ достоинствомъ: вѣдь я законный мужъ моей жены.

— Несчастный! вскричалъ Бельзони вскочивъ безъ всякой осторожности, такъ, что чуть не опрокинулъ лодку: несчастный! вы не хотите развестись! Такъ я самъ разведу васъ лезвеемъ этого ножа. Я перерѣжу эту веревку и мы унесемъ въ безпредѣльность. Мы поднимемъ на такую высоту, съ которой не спустимся и въ пять лѣтъ. Но передъ отправленіемъ въ путешествіе я выброшу васъ забортъ и мы съ вашей женой останемся въ этомъ воздушномъ замкѣ, вольные какъ вѣтеръ и счастливые какъ только можно быть счастливыми въ воздушномъ замкѣ. Мы будемъ ѣсть орловъ, пить росу небесную и наслаждаться надъ землею съ высоты нашей лодки; наплюемъ въ бороды египетскимъ кадіямъ и лондонскимъ констеблямъ; оснуемъ новый міръ, какъ Адамъ и Ева, и будемъ воспитывать нашихъ дѣтей въ идеяхъ, возвышенныхъ сообразно высоты нашего цар-

ства. Потомъ, современемъ, спустимся на какой-нибудь гостеприимной землѣ, напримеръ въ центрѣ Африки, на берегу освѣтленнаго рощами озера. Наше юное семейство, рожденное на небѣ, принесетъ съ собою добродѣтели, которыхъ недостаетъ на землѣ, и городъ, который вы построите, будетъ дѣвственъ и чистъ отъ всѣхъ заразъ и золъ, какія ваши европейскіе жители городовъ передаютъ изъ роду въ родъ. Вотъ мой планъ! Сообразите всю его глубину и, если вы не послѣдній изъ людей, вы должны вполне одобрить его; вы должны сами низвергнуться на землю, чтобы не мѣшать мнѣ моимъ благороднымъ намѣреніямъ; вы должны бѣгствомъ спастись отъ зрѣлища нашего счастья.

— Снисьоръ Бельзони, сказалъ мистеръ Гоггсъ, тронутый краснорѣчіемъ ученаго оратора: вы требуете отъ меня вещей, которыя превосходятъ силы человѣческія..... Позвольте напоинить вамъ правила чести..... Есть басня, которая говоритъ: «Жили два пѣтуха.....»

— Къ чорту ваши басни, мистеръ Гоггсъ! вскричалъ Бельзони: у васъ, у Англичанъ, всѣ басни только и толкуютъ, что о пѣтухахъ. Мы съ вами не пѣтухи и мистриссъ Гоггсъ не..... Сдѣлайте одолженіе, не забывайте почтенія къ дамамъ, или.... вы имѣете дѣло со мною!

— И прекрасно! отвѣчалъ мистеръ Гоггсъ, у котораго природная кротость уже истощилась: нужно же, чтобы это кончилось чѣмъ-нибудь. Пусть оружіе рѣшитъ. Выбирайте вашихъ секундантовъ, часъ и мѣсто.

При этихъ словахъ мистриссъ Гоггсъ пронзительно вскрикнула и бросилась разнимать противниковъ, какъ-будто бы они уже рѣзались.

— Что вы дѣлаете, безумные! вскричала она: у васъ всего семь футовъ полу подъ ногами, а вы хотите сражаться! Что же станется со мной въ этой неизвѣстной облачной странѣ, когда вы оба падете на полъ битвы? Голодъ, конечно, можетъ заставить меня противъ воли питаться вашими тѣлами. Но когда эта небольшая провизія истощится, что я стану дѣлать? въ какой трактиръ, на какой рынокъ прикажете мнѣ итти здѣсь, среди облаковъ? Ради неба, нашего сосѣда, умиосердитесь надъ бѣдною женщиной, которая черезъ вашу безумную храбрость можетъ сразу лишиться и мужа и любовника!

Тутъ она сѣла къ мужу на колѣни и самымъ пѣжнымъ, самымъ сладкимъ голосомъ спросила:

— Скажи мнѣ, Гоггсъ, ты любишь меня?

— Люблю ли я тебя! вскричалъ мистеръ Гоггсъ съ двумя руками, которыя прохаживало облако въ тотъ же мигъ: видишь.

— Такъ ли ты меня любишь, какъ въ медовый мѣсяцъ, который мы съ тобой провели въ гостиницѣ «Звѣзды и Подвѣздъ», въ Ричмондѣ, на этомъ островѣ Кириды въ Миддлсексскомъ графствѣ?

— О! нуужели ты можешь сомнѣваться, обожаемая жена моя? Я люблю тебя точно такъ же какъ въ тотъ день, когда собрался идти съ тобой къ алтарю.

— Ну, такъ докажи мнѣ твою любовь.

— Говори, я все исполню.

— Гоггсъ, мы въ плачевномъ положеніи.....

— Это я вижу.

— Но ты недостаточно видишь, мой обожаемый Гоггсъ: ты не видишь, что намъ тронимъ тѣсно здѣсь, на этой маленькой лодочкѣ. Одинъ изъ насъ долженъ пожертвовать собою для счастья и спокойствія остальныхъ и я избираю тебя.

— Мери! вскричалъ мистеръ Гоггсъ съ явнымъ желаніемъ отступить на два шага.

Но мѣста не было.

— Тебя, продолжала жена: сньюръ Бельзони не уступитъ. Страсть слишкомъ далеко пустила корни въ его сердце. Онъ не откажется отъ своего намѣренія.

— Ахъ, Боже мой! какія странныя вещи вы мнѣ говорите, сударыня!

— Успокойся, Гоггсъ, будь по-хладнокровнѣе. Ты видишь, что я спокойна, а я—слабая женщина, одинокая между двумя соперниками и между двумя безднами. Сньюръ Бельзони долженъ намъ свой планъ и я нахожу, что это планъ удивительный, прекрасный, гораздо прекраснѣе и разсудительнѣе плана открытія метеочниковъ Напа, который, конечно, не имѣетъ историческаго вида. Планъ сньюра Бельзони—возрожденіе сдѣла. Планъ съ нимъ, конечно, предопредѣлено основать образцовую колонію въ самой иностранной изъ иностранныхъ земель. Протлнаться такому дивному плану значитъ ставить святотатственную преграду будущимъ судьбамъ челоѵчества. Вспомни, Гоггсъ, что ты членъ лондонскаго филантропическаго клуба и что ты обязанъ пожертвовать собою для насъ двоихъ въ частности и для челоѵчества вообще.

— Да! отвѣчалъ мистеръ Гоггсъ: я членъ филантропическаго клуба, но я мизантропъ, какъ и всѣ лондонскіе филантропы.

Вашъ, государь, это очень хорошо известно. Вы знаете, что наше милосердное заведеніе имѣетъ цѣлью облегченіе беднѣйшихъ несчастныхъ дѣлкахъ, обитающихъ на мысѣ Горнъ и на Ванъ-Дименовой Землѣ, и что мы ежечасно говоримъ на эту рѣчь объ этихъ канибалахъ. Но этого и довольно. Больше никто насъ насъ не обязывалъ дѣлать для человѣчества. Что касается до меня лично, такъ, помини, чертъ его возьми! Вотъ мое мнѣніе.

— Тѣмъ хуже для васъ, мистеръ Гоггсъ, сухо возразила монахъ въ ответъ. Это я всегда видѣла и на землѣ. Вы надъ облаками не исправились.

— Но, поминуйте! вскричалъ мистеръ Гоггсъ въ отчаяніи: вѣдь вы предлагаете мнѣ рѣшительно невозможныя вещи!

— Невозможныя для трусовъ, мистеръ.

— Ну, станьте вы на мое мѣсто, мистриссъ!

— Я, мистеръ, останусь, гдѣ стою.

— Не угодно ли вамъ самимъ прогуляться вертикально сверху внизъ съ высота Монтъ-Блана!

— Почему же не прогуляться, когда это нужно для блага человѣчества.

— Ну, такъ попробуйте!

— Да вы, кажется, смѣетесь надъ мною, милостивый государь! вскричалъ Бельмонн: такъ-то вы помните уроки французской вѣжливости, преподаанные вамъ въ Бирмингемской Грамматической Школѣ?... Боже мой! гдѣ мы? въ какомъ мѣрѣ живемъ мы? Мужчина, Англичанинъ, дворянинъ, осмѣливается предложить женщинѣ прогуляться сверху внизъ по Монтъ-Блану, какъ слѣзливой глыбѣ! Да вы свѣрѣнее чудовища, милостивый государь!

— Прекрасно! сказалъ мистеръ Гоггсъ съ ужасомъ, который прикрывалъ спокойствіемъ лица.

— Такъ вы отправитесь? спросила мистриссъ Гоггса, указывая пальчикомъ на бездонную пропасть.

— Какъ ей хочется спихнуть меня! подумалъ мистеръ Гоггсъ, и прибавилъ: мистриссъ, если вы не оставите преслѣдовать меня этими покушеніемъ на убійство съ низверженіемъ, я потребую васъ въ судъ.

— Потребуйте, мистеръ Гоггсъ, потребуйте!

— Вы знаете, мистриссъ, какъ я ненавижу семейныя споры.

— Если бы вы дѣйствительно ненавидѣли ихъ, то давно уже сплывали бы за бортъ этой лодки и мы теперь были бы покойны.

— То есть, я лопаль бы просекофисъ, перташъ, тамъ, въ пустынь, засыпанный пескомъ!

— Что жъ за бѣда! Зато ваше благородное самоотверженіе послужило бы къ общему благу; къ благу всего народонаселенія этого азростата.

— Но я бѣда тоже составлю часть этого народонаселенія!

— Вы принадлежите къ меньшей партіи и должны уступить большинству.

— Положимъ, что я третій классъ. Это самый многочисленный.

— О! сдѣлайте милость, избавьте насъ отъ этихъ статистическихъ расчетовъ, мистеръ Гоггсъ! замѣтилъ Бельзонни: благородный Курцій не тратилъ такого множества праздныхъ словъ, когда бросался въ пропасть, чтобы спасти римскій народъ.

— Ба! что такое Курцій? Курцій — басня!

— Не дерзайте поносить героевъ! Постыдитесь вашей трусости, мистеръ Гоггсъ!

— Да! посмотрѣлъ бы я на этого Курція на моемъ мѣстѣ!

— На вашемъ мѣстѣ онъ скакнулъ бы по первому вызову и лошадь его тоже скакнула бы.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Если бы не анархія господствовала въ этой маленькой воздушной колоніи, въ этомъ тріо безъ гармоній, несчастный народъ могъ бы насладиться зрѣлищемъ истинно прекраснымъ: дневной свѣтъ, постепенно и быстро ослабѣвая, представлялъ въ облачныхъ парахъ безконечный рядъ миражей. Глазъ спокойнаго зрителя могъ бы наблюдать за послѣдовательнымъ фантастическимъ рожденіемъ длинной улицы, составленной изъ тысячъ колоссальныхъ городовъ, улицы, въ которой Нилъ образовалъ канавку отъ Элеантыны до провинціи розъ, до прелестной и благоухающей Арсики, которую наши новѣйшіе варвары—географы, такъ плоско называютъ *Файюнь*! Геродотъ видѣлъ эту дивную улицу, древній Египтъ. Нынче она изрублена въ куски по берегу своей вѣчно-юной рѣки. Но волшебный миражъ отъ времени до времени возобновляетъ ее силою призмъ, неизвѣстныхъ физикамъ. И когда это диво совершается, можно подуматъ, что присутствуешь при полномъ воскресеніи древней имперіи фараоновъ; тысячи катаномбъ нильскихъ городовъ какъ-будто выпускаютъ полчища мушій, многочисленнѣе пестинковъ Суза и Оэвра. Такъ и видишь безконечныя процессіи Ианда и Озириса, выходящія изъ Сѣнниковыхъ Воротъ, изъ-подъ колоннадъ

Лукоорскаго Храма; сабдиши глазами за ждальми волнами народу, подь арками стовратныхъ Ошиъ; участвуешь при жертвоприношеніяхъ Анубиса, въ золотомъ и лазоревомъ святилицѣ Гормесова Храма. Но чудеснѣе всѣхъ этихъ пышныхъ картикъ древности, вызванныхъ разложеніемъ солнечныхъ лучей, картина, которую представляетъ лабиринтъ озера Мѣрса. Можно даже видѣть на горизонтѣ двѣ шестисотъ футоваыя пирамиды, увѣчанныя двумя бронзовыми вызолоченными статуями, которыя правдивый Геродотъ видѣлъ, какъ я вижу васъ, и которыя, по Страбону, поглощены глубокими водами озера.

Всѣ эти чудеса остались непримѣченныя нашими путешественниками, изъ которыхъ двое были — ученые.

Мистеръ Гоггъ походилъ на аэролитъ. Онъ окаменѣлъ. Ему казалось, что онъ слетѣлъ съ луны и остановился на под-пути.

— Мистриссъ Гоггъ смотритъ на вещи съ высшей точки зрѣнія, сказалъ Бельзони съ спокойнымъ достоинствомъ, и я вполне одобряю ея мнѣніе. Мудрая рѣчь ея придаде моей страсти новую силу. Я чувствую теперь, что отвысѣлъ ничто уже не можетъ разлучить двухъ сердець нашихъ: мы на небѣ пишемъ нашу договоръ любви.

— Право, сказалъ мистеръ Гоггъ глухимъ голосомъ: я никогда не бывалъ въ такомъ изумленіи, въ такомъ замѣшательствѣ! Я падаю съ облаковъ....

— Падайте! падайте! подхватила мистриссъ Гоггъ: послѣдуйте этому благому вдохновенію и очистите намъ поле. Мы общаемъ вамъ приходитъ каждый день плакать надъ вашею могилкой, если вы найдете себѣ могилку, при покровительствѣ Мегемета-Али.

— Вотъ окказія! проворчалъ мистеръ Гоггъ.

— Ступайте же! сказала жена убѣждающимъ тономъ: ступайте, любезный Гоггъ. Вѣдь труденъ только первый шагъ: потомъ вы сами увидите, какъ легко будетъ продолжать.... Вы еще медлите, супругъ неблагоразумный? Вы хотите, чтобы я поразила васъ послѣднимъ побѣдительнымъ доводомъ?.... Хорошо, Гоггъ, вотъ онъ, этотъ доводъ: ты, безсовѣстный отецъ, въ воздушныхъ пространствахъ забылъ, что ты въ Каирѣ, въ гостиницѣ Куломба, оставилъ двоихъ дѣтей?

— О! вѣтъ, я не забылъ! отвѣчалъ глубоко тронутый мистеръ Гоггъ.

— Чтò станется съ этими дѣтьми! вскричала жена.

— Когда я умру?....

Т. LXXXI. — Отд. VII.

— Нѣтъ, когда ты будешь столько малодушенъ, что оставишь-ся въ живыхъ. О, несчастный! твои бѣдныя дѣти осиротѣютъ и опредѣлятся барабанщиками въ армию паша. Сильоръ Бельзони, поклянитесь принять ихъ подъ ваше покровительство.

— Клянусь! отвѣчалъ Бельзони.

— Ну, и послѣ этого примѣру преданности, который подаетъ тебѣ сильоръ Бельзони, ты всё-еще колеблешься? продолжала мистриссъ Гоггсъ. Развѣ ты не знаешь, сколько есть въ исторіи отцовъ, которые пожертвовали собою для своихъ дѣтей?.... Брутъ, Икаръ, Уголино!.... Прибавь еще одно имя къ этому списку чадолюбивыхъ отцовъ, и подумай, что изъ глубины этихъ пространствъ сорокъ вѣковъ възираютъ на тебя! Ну, любезный Гоггсъ! одно великодушное движеніе и — конецъ!

— Это она называетъ великодушнымъ движеніемъ! проворчалъ огорченный мужъ: великодушное движеніе! свались съ-высоты двухъ тысячъ тоазовъ!.... О! если бъ я могъ, какъ Уголино, пожертвовать собою для моихъ дѣтей и скушать ихъ за завтракомъ, чтобы сохранить имъ родителя и избавить ихъ отъ бѣдствій сиротства!....

Говоря это онъ взялъ рукою одну ногу и перекинулъ за бортъ лодочки.

Мистриссъ Гоггсъ захлопала въ ладоши и вскричала:

— Наконецъ онъ рѣшается! Бѣдныя мои дѣти могутъ жить и мы тоже!

Бельзони остановилъ другую ногу въ ту самую минуту, когда она поднялась, чтобы послѣдовать за первою.

— Довольно! сказалъ онъ: я доволенъ вами, мистеръ Гоггсъ: если вы готовы сдѣлать столько, такъ ужъ, конечно, будете согласны на менѣе важную уступку. Я удовольствуюсь разводомъ. Угодно вамъ подписать?

— Но зачѣмъ же? возразила мистриссъ Гоггсъ: зачѣмъ лишать мистеръ Гоггса свободы въ выборѣ самопожертвованія? Можно развестись различными способами. Если мой обожаемый супругъ предпочитаетъ воздушный полетъ, такъ это упрощаетъ всѣ дальнѣйшія затрудненія и лучше всего обезпечиваетъ будущность нашей африканской колоніи и счастье нашихъ дѣтей.

— Справедливо, отвѣчалъ Бельзони. Притомъ, о вкусахъ спорить не должно. Мистеръ Гоггсъ воленъ выбирать.

— Я лучше подпишу! сказалъ мистеръ Гоггсъ не подумавши.

— Обдумайте хорошенько, сказала жена: вы, можетъ быть,

современемъ раскаетесь на землѣ, что упустили этотъ воздушный случай обезпечить будущность вашего семейства и приобрести себѣ ничѣмъ не отуманенное спокойствіе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ мистеръ Гоггсъ, сколько я ни думаю, всё нахожу, что лучше подвергнуться этому раскаянію.

— Берегитесь, супругъ мой, берегитесь! Когда будете, тамъ, внизу, свидѣтелемъ нашего счастья, вы неразъ скажете себѣ: О! зачѣмъ я не тамъ, наверху, на краю лодочки, съ одною ногой за бортомъ, откуда такъ прекрасно могъ пожертвовать собою для счастья моихъ дѣтей!

— Ну, пусть! я рѣшаюсь.... на это восклицаніе! Я лучше подпишу....

— Безразсудный! вскричала мистриссъ Гоггсъ и, обратясь къ спутнику, прибавила: скажите, вы, мосьё Бельзони, — вы, человѣкъ умный, — что бы вы сдѣлали на мѣстѣ моего мужа.

— О! я тотчасъ бросился бы.

— Это потому, что вы любите меня; но онъ.... онъ, этотъ неблагодарный!.... онъ никогда не любилъ меня!

— Это не бѣда, возразилъ Бельзони: мы можемъ удовольствоваться простымъ разводомъ. Въ счастьи не должно быть взыскательнымъ....

Новое обстоятельство, порожденное самымъ положеніемъ вещей, отвлекло путешественниковъ отъ вопроса о разводѣ. Сѣстные припасы истощились. Голодъ уже съ прошедшаго дня вопіялъ во внутренностяхъ воздухоплателей объ обѣденномъ времени. Увы! говоритъ поэтъ: голодъ дурной совѣтникъ! *Mal esuada fames!* Бельзони, одаренный аппетитомъ каватнаго плясуна, началъ терять терпѣніе и произносить глупія угрозы, которыя отзывались людоедствомъ.

— Мистеръ Гоггсъ, сказалъ онъ: вопросъ о разводѣ становится второстепеннымъ: прежде всего нужно пообѣдать. Наше пребываніе здѣсь можетъ продлиться, неизвѣстно сколько, а по содѣству нѣтъ ни гостинницы, ни рынка. Я здѣсь всѣхъ сильнѣе, стало-быть, вы всѣхъ слабѣе. Если наше положеніе останется въ такомъ видѣ еще одинъ день, я, въ видахъ самосохраненія, принужденъ буду сдѣлаться антропофагомъ. Вашей супругѣ тоже нужно жить и законъ предписываетъ вамъ кормить ее. Завтра, если намъ непоможетъ какое-нибудь чудо, я буду поставленъ въ печальную необходимость пожертвовать однимъ пассажиромъ, чтобы накормить двухъ остальныхъ. Вы видите, мистеръ Гоггсъ, что для васъ разлука съ женою во всякомъ случаѣ неизбежна.

Мистеръ Гоггсъ склонилъ голову, какъ плѣнный джаръ на островѣ Робинсона.

Тутъ разговоръ былъ прерванъ рыканіемъ льва, шедшаго внизу по землѣ. Телескопъ направленъ на остатки дромадера.

«Tarde venientibus ossa! Поздно прійдешь, оглодки найдешь!»

Такъ, казалось, разсуждалъ царь звѣрей надъ развалинами скелета. Оставался однако жъ еще кусочекъ довольно вкусный, — подпруга пзъ сыромятнаго ремня, къ которой былъ пристегнуть желѣзный крюкъ. Лафонтенъ называлъ волковъ «обжорани». Чтò жъ бы онъ сказалъ о львахъ, если бъ видѣлъ этого? Какъ шестипыный обжора, этотъ левъ прельстился запахомъ крови и проглотилъ сыромятную подпругу и съ крючкомъ. Воздушный шаръ сильно закачался. Попавшійся какъ на удочку, царь звѣрей дѣлалъ отчаянные прыжки, которые свидѣтельствовали, что страданія его свыше львиныхъ силъ. Шаръ, долго остававшійся въ неподвижномъ положеніи, судорожно трепеталъ и метался со стороны на сторону, вслѣдъ за движеніями своего полу-задушеннаго вожатаго.

— Подпишите эту бумагу, тогда я васъ спасу, сказалъ Бельзони мистеру Гоггеу.

— Подписывайте, подписывайте! вскричала мистриссъ Гоггсъ: вы видите, что дѣло пеззбѣжное.

Мистеръ Гоггсъ вздохнулъ и подписалъ.

Бельзони взялъ веревку и сильно дернулъ. Левъ зарычалъ въ смертномъ томленіи и рвался изъ послѣднихъ силъ. Въ пустынѣ раздался страшный стонъ; чудовище всюю тяжестью трупа упало на песокъ и шаръ снова дрогнулъ такъ, что пассажиры едва усидѣли.

— Теперь помогите мнѣ оба, сказалъ Бельзони: возьмитесь всѣми шестью руками за веревку, да, главное дѣло, дружно!

Надежда на избавленіе удвоила силы путешественниковъ. Бельзони, сильный какъ балаганный атлетъ и привычный къ обращенію съ канатомъ, заиіялъ двухъ тягловыхъ лошадей. При каждомъ усиліи шести соединенныхъ рукъ, левъ величественно поднимался въ воздушныхъ пространствахъ. Подвывая егò до уровня лодочки, Бельзони отрѣзалъ всѣ четыре лапы и нѣсколько кусковъ сочнаго филе, а остальное предоставилъ коршунамъ пустыни.

— Вѣтеръ дуетъ къ Элефантинѣ, сказалъ онъ потомъ: мы покушаемъ нашей рыбки, а почевать будемъ въ шалашахъ Асуана.

Аэроплатъ, освободившись изъ неволи, съ быстротою стрѣлы прорѣзалъ воздухъ, между-тѣмъ какъ пассажиры занимались приготовленіемъ себѣ обѣда. Бельзони, какъ сильнѣйшій, и тутъ присвоилъ себѣ львиную долю, однако жъ былъ столько вѣжливъ, что подносилъ лучшіе кусочки владычицѣ своего сердца.

Аэроплатъ опустился, какъ предвидѣлъ Бельзони, на оазисъ Сіены или Асуана, незадолго до заката солнца. То была страна обитаемая.

— Мистеръ Гоггсъ! сказалъ Бельзони, подавая ему руку: я раздираю эту бумагу, подписанную тамъ, надъ облаками, и возвращаю вамъ вашу жену.

Мистриссъ Гоггсъ слегка вздрогнула. Она обидѣлась.

— Я пошутилъ, извините меня, продолжалъ Бельзони: мнѣ стало скучно въ безпредѣльномъ пространствѣ и я придумалъ это средство, чтобы убить безконечное время. Послѣ экарте мы играли въ разводъ. Вы, мистеръ Гоггсъ, имѣете получить обратно вашу жену въ видѣ консоляціи.

На другой день они поплыли по Нилу и проспали всю дорогу до джизейскихъ пирамидъ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Рама, Пальма*, драма въ пяти актахъ, господъ *Octave Fenillet'a* и *Paul Vocage'a*.

Въ деревенской гостиницѣ близъ Ниобрука, поздно вечеромъ, хозяйка разсказываетъ странную исторію, которая случилась въ тѣхъ мѣстахъ. Она только-что начала разсказъ, какъ прибылъ молодой путешественникъ, которому двое другіе, еще не прибывшіе, назначили здѣсь свиданіе. Путешественникъ ждетъ; хозяйка продолжаетъ разсказывать: — Тому семь лѣтъ изодня въ день или, лучше сказать, изъ ночи въ ночь, потому что дѣло случилось въ ночь на Страстную Субботу; громъ гремѣлъ какъ въ эту минуту, молнія разсѣкала небо, а ночь была страшно темна... (Если нашъ разсказъ тоже будетъ теменъ, такъ просимъ винить множество громовыхъ ударовъ, которыми сопровождается эта исторія.) При свѣтѣ молнія можно было однако жъ видѣть, какъ пришли три путешественника... (Примѣтное движеніе путешественника, который съ первыхъ словъ хозяйки сталъ внимательно вслушиваться.) Эти люди пришли съ злодѣйскимъ умысломъ. Вскорѣ прибылъ еще четвертый путешественникъ (новое, еще болѣе замѣтное движеніе путешественника). Едва онъ появился, первые трое бросились на него съ оружіемъ и оставили на мѣстѣ за-мѣртво (последняя и странная тревога молодого путешественника). Хозяйка кончила разсказъ, молодой путешественникъ

трешеть. Это очень просто: онъ принадлежитъ къ тому преступному трио, которое по прибытіи двоиъ ожидаемыхъ, снова собирается въ этой гостинницѣ. Эти люди ему довольно близки. Одинъ, по имени Крстіанъ, его отецъ или, лучше сказать, мужъ его матери.... Этого не слѣдуетъ смѣшивать.... Другой, Францъ, его братъ. Но самый молодой путешественникъ—честный злодѣй. Онъ по неволѣ сдѣлался злодѣемъ, принявъ участіе въ убійствѣ, которое совершено въ ночь на Страстную Субботу, и такимъ образомъ душою и тѣломъ принадлежитъ злодѣямъ, которые его принудили. Пальма, — его зовутъ Пальма, — знаменитый художникъ и всѣ деньги, какія онъ, извлекаетъ изъ своего таланта переходятъ въ руки ненасытнаго Крстіана. Въ этотъ разъ Пальма также отдаетъ имъ всѣ свои деньги, потому удаляется и клянется никогда уже не имѣть ничего общаго съ злодѣями. Между-тѣмъ жадность Крстіана тутъ дѣло постороннее: онъ съ давнихъ поръ ищетъ мщенія, страшнаго мщенія, которое и привело его снова въ эту гостинницу. Онъ ожидаетъ здѣсь прибытія еще двоихъ путешественниковъ.... Итого — пять. Не смѣшайте, пожалуйста... Новые путешественники прибываютъ, то есть, четвертый и пятый. Они переодѣтые, то есть, не въ свои платья. Это маркизъ Гоастелла и его сынъ. Ихъ подозрѣваютъ въ государственной измѣнѣ и преслѣдуютъ. Крстіанъ знаетъ это и является избавителемъ, назвавшись домопривителемъ ихъ друга, барона Аригейма, у котораго они ищутъ пріюта. Крстіанъ беретъ проводить ихъ и они слѣпо довѣряются ему.

Второй актъ вводитъ насъ въ мастерскую знаменитаго художника. Онъ оканчиваетъ портретъ прекрасной Крстіины.... Крстіины, а не Крстіана. Не смѣшайте, ради Бога.... Это дочь барона Аригейма. Пальма любитъ ее страстно, но скромно, тайно. Мать его хотя и слѣпа, однако жъ примѣчаетъ, что онъ печаленъ и молчаливъ. Она угадала причину, всё-таки разспрашиваетъ. Пальма ссылается на нужду въ деньгахъ: Крстіанъ отбираетъ у него, что онъ ни зарабатываетъ. Мать желаетъ, чтобы онъ покинулъ Крстіана, но это невозможно: его приковываетъ слишкомъ крѣпкая цѣпь. Между-тѣмъ Крстіина, по несбрукскому обычаю, приходитъ на сеансъ къ живописцу одна и, также по несбрукскому обычаю, признается ему въ любви, которую долготѣ скрывала въ глубинѣ своего дѣвичьяго сердца. Потомъ приходитъ отецъ Крстіины, баронъ Аригеймъ. Онъ любитъ на мастерское произведеніе и говоритъ, что оно будетъ драгоценнѣйшею вещью въ приданомъ его дочери. Стало-быть Крстіина

выходить замужъ? Разумѣется, потому что маркизъ Гоастелла прибылъ въ замокъ и женить сына на дочери барона. Стало-быть, Кристина кокетка: она не раздѣляетъ любви Пальмы? Пальма вворвалъ портретъ въ клочки.

Въ замкѣ Аригеймъ дѣлаются приготовленія къ свадьбѣ. Разо-славы пригласительные билеты. Не забыть и Пальма. Онъ является и видѣть... О небо!... Крестіана и Франца подъ видомъ маркизовъ Гоастелла! Пальма все готовъ обпаружить, рѣшаясь даже погубить себя, но пня его матери, произнесенное Крестіаномъ, зажимаетъ ему ротъ. Между-тѣмъ на дворѣ замка подымаются шумъ: это вооруженные крестьяне ищутъ убійцу, который, говорятъ, укрылся у барона. Подозрѣніе ихъ пало на Пальму. Одинъ напалъ на двоихъ и убилъ. Это довольно вѣроятно. Баронъ тотчасъ вѣритъ, тѣмъ болѣе, что Пальма не возражаетъ; онъ только произноситъ мелодраматическое слово «я невиненъ!». По убѣдительной просьбѣ мнимаго маркиза Гоастеллы и по заступничеству Кристины, баронъ соглашается позволить убійцѣ бѣжать.

Мы возвращаемся съ Пальмою въ его домъ, откуда онъ собирается бѣжать на край свѣта. Но шумъ снова раздается подъ окнами. Вооруженные крестьяне не намѣрены упустить своей жертвы. Какъ снастись? Пальма хочетъ выскочить въ окошко, но падаетъ назадъ въ комнату, пораженный камнемъ въ голову. Отчаяніе слѣпой матери, которая ощупываетъ кровь, остановленное біеніе сердца, холодныя руки и прочее. Черезъ нѣсколько времени она однако жъ открываетъ, что сердце еще бьется, стало-быть сынъ ея еще живъ. Не слѣдовало, впрочемъ, и беспокоиться: нельзя же ему умереть въ четвертомъ актѣ.

Въ пятомъ актѣ, на кладбищѣ, — свѣжая могила. На могилу вриводитъ плакать Кристина, потому что тутъ схороненъ Пальма, который однако жъ отвѣчаетъ Крестіанѣ, какъ живой. Онъ только прикинулся мертвецомъ, чтобы избѣжать преслѣдованій. Но свиданіе скоро разстроивается постепеннымъ прибытіемъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, волею рока и авторовъ приведенныхъ въ одно мѣсто для разрѣшенія таинственной загадки, которую нужно же когда-нибудь разрѣшить, чтобы кончить эту исторію новыхъ Атридовъ. Роковое слово уже слишкомъ долго скрывалось отъ терпѣливыхъ зрителей, слушателей и читателей. Вотъ оно: баронъ Аригеймъ, нѣкогда, въ молодости обольстилъ жену Крестіана, отчего и вышло, что Пальма не сынъ своему отцу. За это и мститъ Крестіанъ барону Аригейму, котораго убивалъ въ

ночь на Страстную Субботу, но не добилъ, такъ какъ маркизомъ Коастелла, которые действительно нуждаются въ его помощи. Види, что ему не удалось женить сына на дочери барона... Сказку отчего-то отсрочили.... Крепиться, въ ярости-стрѣляетъ въ барона, но попадаетъ въ Пальму. Пальма умираетъ, прощая своей матери преступокъ, отъ котораго страдаетъ и гибель. Такая исторія и кончается, занавѣсъ опускается.

2. *Notre fille est princesse*, *Наша дочь княгиня*, комедія въ пяти актахъ, сочиненная Леопольдомъ Гюманомъ.

Рождъ—негодяище, владѣлецъ многихъ фабрикъ и миллионеръ. Онъ двадцать лѣтъ тому назадъ пришелъ въ Парижъ изъ Оверни въ обороченномъ кафтанѣ и деревенскихъ башмакахъ, набитыхъ соломою, о которыхъ безпрестанно рассказываетъ, чтобы придать болѣе вѣсу пыльному своему богатству. Это тоже своего рода тщеславіе. Чтобы еще болѣе возвеличить блескъ своего изороченнаго кафтана и набитыхъ соломою деревенскихъ башмаковъ, овернский нуликъ намѣренъ выдать свою дочь замужъ за нѣкотораго князя Шарльмона, который только и вѣдѣетъ, что княжескіе титуловъ. Князь Шарльмонъ можетъ жениться въ Семѣ Жерменскомъ Предмѣстьи, на двѣнадцатилѣтней благородной савини и съ особенными стами тысячъ приданого, но другъ и повѣренный его, Брувилья, очень основательно замечаетъ ему, что эти стами тысячъ отъ него заплатитъ только свой долгъ; а кто платитъ долги, тотъ разорвется. У манзель Рождъ, напротивъ, приданого полтора миллиона и податливый отецъ. Князь Шарльмонъ, наперекоръ обещанію не брать руки манзель Рождъ, которая любитъ своего кузена Октавія, является къ подписанію брачнаго контракта. Манзель Рождъ, приковленная отцомъ и матерью, идетъ къ алтарю и говоритъ желаніе: «Я обидѣна вами только покорностью, а отъ васъ требую только уваженія». Князь Шарльмонъ, благодаря дельцамъ испеньи Рождъ, пативаетъ жить очень весело съ манзель Алисонъ, молодой пивидей, у которой нѣтъ голосу, но есть очень хорошенькое личико. Октавій, кузень Изабеллы, сперва хотѣлъ было убить князя; но потомъ, упрощенный и усюкоенный Мишелемъ, братомъ и товарищемъ фабриканта Рождъ, отправляется наблюдать за дѣйствіями Брувилья, которому князь вѣрилъ миллионъ изъ приданого жены на какую-то спекуляцію. Октавій намѣренъ спасти этотъ миллионъ отъ вѣрной гибели для той, которую все-еще любитъ. Князь, поднятый на время золотыми волнами приданого Изабеллы, скоро снова садится на мель. Прибли-

жестокъ снѣтка въ Берен и ему, какъ самому бѣдному изъ дворянъ-меньш-ридоровъ, нужно достать двадцать тысячъ на покупку лошадей, которыхъ нѣтъ въ краѣ; ему всё прилы, какъ увѣрить продающій ее барышникъ. Тестъ начинаютъ находить затишью слѣшкомъ дорогимъ и притворяется крѣпкимъ на ухо.

— Помилуйте, какъ же вы не хотите дать денегъ! говорить князь: вѣдь мнѣ нужно для вашего же звука приготовить что съѣдутъ! Вѣдь онъ будетъ носить мое имя и мой титулъ! Неужели прикажете ему съ первыхъ дней жизни терпѣть недостатокъ?... Это, разумѣется, ложь. Изабелла, овдовѣвъ, всё-еще могла бы надѣть бѣлый вѣнокъ дѣвушки-невесты. Но мосьё и мадамъ Роже роптутъ и толстѣютъ отъ наслажденія при мысли о вѣнцѣ съ княжескимъ титуломъ и гербомъ. Дѣвушка Роже, въ порывѣ восхищенія, подшнываетъ цѣлую кучу банкнотныхъ векселей, которые князь спѣшитъ наполнить и пустить въ оборотъ. Векселя эти градомъ сыплются въ каску, на голову Мишелю, который въ ужасѣ бросается къ Изабеллѣ и проситъ вырвать изъ рукъ шума разорительные бланки. Князь у Алены. Изабелла бѣжитъ туда и повелительно требуетъ отозвекать бланковъ. Князь въ бѣшенствѣ, какъ истинный герой конюхихъ скачекъ, заноситъ на жену хлѣстъ. Является Октавій и вызываетъ князя на дуэль. Дуэль однако жъ не состоялась, потому что князь съ лошадию печально снакнулъ въ болото и угонуль. Октавій снаезъ погибавшій въ рукахъ Брунвилля миллювъ, спасъ и напѣнку Роже отъ разоренья и можетъ спокойно жениться на Изабеллѣ, тѣмъ спокойнѣе, что у нея могутъ быть дѣти княжеской породы, которыя послѣ добраго урока уже не прельщаютъ сузругомъ Роже.

Леонъ Гомацъ обладаетъ тонкою наблюдательностью и умѣетъ ловко схватывать сѣньшныя черты современнаго общества. Комедія его имѣла полный и заслуженный успѣхъ.

3. *Le Fantôme, Природные*, комедія-водевиль въ одномъ актѣ, комедія Баяра и Соважя.

Цезарь Романдъ по дѣламъ прѣхалъ въ старинный замокъ. богатый вѣкоторымъ старикомъ, его сыномъ и племянницей. Молодые люди женятся. Цезарь, окончивъ дѣла, намѣренъ отправиться. Хозяйская племянница удерживаетъ его съ удивительною настойчивостью. Цезарь остается. Ночью къ нему является бѣлое привидѣнне. Это привидѣнне удивительно похоже на дѣвушку, которую Цезарь выгналъ изъ Рейна. Но спасая погибавшую, Цезарь самъ лишился чувствъ прежде нежели вышелъ на берегъ и потому не могъ узнать, кого спасъ. Онъ не знаетъ даже оста-

лась ли она въ-живыхъ. Привидѣніе тоже соотвѣствуетъ ему остаться въ замкѣ до другаго дня. Цезарь хочетъ схватить привидѣніе, но привидѣнія, извѣстное дѣло, въ руки не даются. Цезарь, какъ человѣкъ храбрый, ужасно труситъ, однако жъ остается и ируетъ на свадьбѣ. Когда церемонія бракосочетанія кончилась, среди гостей вдругъ является то самое привидѣніе, которое тревожило Цезаря ночью. Всѣ поражены. Это вторая племянница хозяйина, которую считали мертвою. Она жива. Она скрывалась, потому что дядя собственно ее намѣренъ былъ выдать за своего сына. Теперь, когда кузенъ ея уже женатъ, она можетъ явиться и выйти замужъ за своего спасителя, Цезаря.

Вещь эта вышла въ Парижѣ блестящій успѣхъ, быть-можетъ потому, что забавную полу-комическую роль Цезаря, на театрѣ Водевилля, играетъ знаменитый комикъ Арналь.

Музыкальныя новости. Концертный сезонъ кончился! Мы благополучно вынесли это тяжелое время, когда по два концерта въ день, иной разъ и болѣе, утромъ и вечеромъ, немилосердно требовали нашего времени и вниманія; когда школьники назывались виртуозами, люди безъ голоса и методы выдавали себя за пѣвцовъ; когда бѣднымъ отдамъ семействъ и бѣднымъ безсемейнымъ западала въ душу горящая золотомъ, но подчасъ измѣнническая, мысль также давать концерты; словомъ, время, когда каждый изъ насъ дрожалъ, какъ скоро пріятель запускалъ руку въ карманъ, и только тогда успокоивался, когда видѣлъ, что рука выходитъ изъ кармана съ носовымъ платкомъ, а не съ концертнымъ билетомъ.

Давно уже не бывало у насъ такого богатства на концерты, какъ нынѣшій годъ; почти со всѣхъ концовъ Европы нахлынули къ намъ артисты, великіе и малые, молодые и старые, мужчины и женщины; всѣхъ ихъ пришло въ Петербургъ, минимумъ Голконду артистовъ. Мы пожали въ нынѣшнихъ концертахъ плоды золота, такъ щедро побѣяннаго нами во времена Гумиола, Зейтагъ, Беригарда Ромберга, Тальберга, Рубини и Листа. Но на этотъ разъ артисты, за исключеніемъ очень немногихъ, ошиблись въ расчетѣ; всѣ жалуются на неурожай. Повторимъ еще разъ: Россія давно уже не обѣтованная земля артистовъ; намъ также надоѣли концерты, какъ Германіи и Франціи, и только артисты, соединяющіе съ европейскимъ именемъ истинное великое дарованіе, могутъ надѣяться дать у насъ удачный концертъ, иной разъ и два.

Главную причину этого отвращенія публики къ концертамъ,

должно искать во множествѣ артистовъ, поселившихся у насъ въ послѣдніе десять лѣтъ. Почти каждый изъ нихъ даетъ по концерту Великимъ Постомъ (по большей части частный, безъ публичныхъ объявленій и, слѣдовательно, съ гораздо меньшими поддержками), и раздаетъ билеты подъ рукою черезъ пріятелей и знакомыхъ. Такъ какъ у каждаго здѣшняго артиста есть свой кругъ домовъ, въ которыхъ онъ или даетъ уроки, или бываетъ просто какъ знакомый, и которые при этомъ случаѣ рады отблагодарить его услугою, то, разумѣется, большая часть этихъ концертовъ вполне соотвѣтствуютъ желанной цѣли. Но число ихъ такъ велико, и они такъ обхватываютъ въ свои извилины почти всю публику, что она ограничивается ими, и въ восторгѣ, что заплатила свою дань этимъ неотвязчивымъ концертамъ, и думать не хочетъ о другихъ.

Изъ пріѣзжихъ артистовъ въ нынѣшній сезонъ, удостоились всеобщаго вниманія и имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ матеріальный успѣхъ только два — Эрнстъ и Берлиозъ, оба давно уже прославленные Парижемъ и половиною Европы.

Эрнстъ до-сихъ-поръ далъ три концерта въ Большомъ Театрѣ. Въ первые два театръ былъ немного пустъ; но концертности произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что вскорѣ всѣ сочли за обязанность послушать его; и въ третій его концертъ весь театръ былъ половъ до послѣдняго мѣста.

Первый концертъ онъ началъ своею фантазією на маршъ изъ *Отелло*, которую по нашему мнѣнію слѣдовало бы скорѣе назвать «*Отелло и Дездемона*», потому что если въ маршѣ и въ слѣдующихъ за нимъ варіаціяхъ, въ которыхъ музыкантъ кажется играетъ трудностями, мы видимъ смѣлую и прихотливую фантазію страстнаго Мавра, то въ слѣдующей затѣмъ алегрической каватинѣ третьяго дѣйствія, является намъ Дездемона, погружающаяся въ тяжкую тоску, вспоминая слова возлюбленнаго. Къ свойствамъ истинно художественнаго выполненія принадлежатъ и то, что мы не можемъ его сравнивать ни съ чѣмъ прежде слышаннымъ, и что когда музыкантъ, какъ слѣдуетъ истинному художнику, совершенствомъ технической отдѣлки и олушевленіемъ игры равно удовлетворяетъ умъ и сердце, игра его кажется намъ самымъ высшимъ явленіемъ, какое намъ когда-либо представлялось. Такое точно впечатлѣніе произвела на насъ первая пьеса Эрнста; намъ показалось, что мы никогда не слышали такихъ высокихъ, выразительныхъ звуковъ, такого удивительнаго преодоленія самыхъ невѣроятныхъ трудностей.

Варіаціи Майседера, заключающія первую часть концерта, Эрствъ переделалъ, нѣкъ того требовала его цѣль. То есть, онъ облекъ это сочиненіе, еликимъ ребячески-легкое для его искусства, въ неструю ткань самыхъ разнообразныхъ, самыхъ прихотливыхъ трудностей; игралъ простенькія мелодіи в пассажи Майседера въ октавахъ и въ децимахъ и заключилъ прелестную пьесу мастерскимъ кадансомъ; особенное впечатлѣніе произвелъ на публику конецъ этого каданса, въ которомъ басомъ, казалось, выговаривалъ нѣжную мольбу, между-тѣмъ какъ по прочимъ струнамъ колыхалось тихія, быстрая арпеджіа.

Во второй части концерта слышали мы двѣ замечательныя пьесы Эрста, его «Элегія» и «Венеціанскій карнавалъ». Элегія, *adagio malinconico ad appassionato*, с-моль, написанное въ самомъ строгомъ стилѣ — прекрасная пѣсня, вырвавшаяся въ полнотный часъ изъ страстно-влюбленной души. Кажется, нѣтъ инструмента, на который бы еще не было переложено это сочиненіе; на одно «фуртевиано» можно наститать аранжировокъ пять или шесть, на флейту, на виолончель, на валторну и прочіе, и во всѣхъ этихъ аранжировкахъ заслуживало оно любовь публики. Но надо слышать его на скрипкѣ, на дивномъ Эрстовомъ Страдваріи, поющемъ подъ смычкомъ козынка голосомъ ангела: тогда оно проникнетъ до глубины сердца и оставитъ въ немъ впечатлѣніе, которое не скоро изгладится. Очарованная публика усномощалась тогда только, когда художникъ повторилъ пьесу. Повторилъ! нѣтъ, даю было не повтореніе, а смерти продолженіе, дополненіе уже слышаннаго! Игра артиста, самая пьеса явилась съ новой стороцы, въ новомъ свѣтѣ, и по окончаніи актуальности публики былъ еще сильнѣе прониимаго.

Наконецъ, въ заключеніе концерта, явился «Венеціанскій карнавалъ». Мысль представить въ простенькой италянскій пѣсенкѣ, съ самымъ позатѣйливнымъ аккомпаниментомъ, и въ длинномъ рядѣ прихотливыхъ, смѣшныхъ варіацій, неструю толпу и живыя группы италянскаго карнавала, принадлежитъ Паганини, но его пьеса никогда не была напечатана и, кажется, ее можно считать утраченною навсегда. Эрствъ осуществилъ ту же мысль по-евдему. За вступленіемъ, прелестнымъ, граціознымъ анданте, слѣдуетъ италянскія пѣсня, «O cara mia mamma», а потомъ въ рядѣ нестрыхъ, смѣшныхъ варіацій проходитъ разнообразная толпа маскарада. Слушатель переносится то въ гольдшувскую сказку, то на площадь Святаго-Марка въ Венецію; то слышитъ онъ нѣжный шопетъ Арлекина и влюбленной его

Коломбинны; то смѣшную перебранку Пьерро и Панталоне; то окружаетъ его густой темный лѣсъ, и птицы щебечутъ въ листьяхъ; то снова обхватываетъ его дикая толпа и надъ ушами его перекрещаются провзительные крики маріонетокъ! Едва ли какое сочищеніе можетъ съ большимъ правомъ назваться музыкальною картиною! Нельзя выразить впечатлѣнія, произведеннаго имъ на публику; со всѣхъ сторонъ раздались неумолкаемые *bis* и Эрнстъ, несмотря на усталость, подарилъ слушателей продолженіемъ, рядомъ новыхъ варіацій, въ которыхъ самымъ неожиданнымъ образомъ является Моцартовъ «Фигаро».

Во второмъ концертѣ Эрнстъ исполнилъ осмой концертъ Шпора, въ видѣ драматической аріи. Немногіе виртуозы въ нынѣшнее время рѣшаются являться передъ публикою съ такими длинными пьесами, требующими непрерывнаго вниманія. Большая часть замѣняетъ старыя, классическіе концерты своими пыстыми фантазіями и варіаціями, изъ которыхъ можно пропускать половину, не боясь потерять связи, по той весьма простой причинѣ, что ея никогда не бывало. Какъ артисты ошибаются въ своемъ мнѣніи о публикѣ; доказываеся громкимъ, всеобщимъ одобреніемъ, послѣдовавшимъ за твореніемъ знаменитаго нѣмецкаго скрипача, которое Эрнстъ сыгралъ съ надлежащимъ густымъ тономъ и съ выраженіемъ. За этою данью классической музыкѣ, послѣдовала пьеса, удовлетворяющая самымъ эксцентрическимъ требованіямъ новѣйшей романтики: *Варіаціи на венгерскія народныя мелодіи*, самаго концертиста. Тутъ онъ явился въ покрытомъ яркими блесками невѣроятныхъ трудностей и удивительныхъ эффектовъ платьѣ современнаго художничества. Въ самомъ дѣлѣ, трудности, которыя онъ тутъ преодолевалъ, рѣшительно непостижимы. Двойныя шкалы, въ которыхъ одинъ голосъ поетъ флажолетомъ, а другой натуральнымъ тономъ скрипки; огромныя арпеджи, растянувшіяся на всѣ четыре струны и среди ихъ просвѣчиваетъ мелодія флажолетомъ, какъ путеводная звѣзда среди черныхъ тучъ... и все это на малюнькой, ничтожной скрипкѣ съ ея четырьмя струнами. По чести, мы радуемся, что Эрнстъ родился въ девятнадцатомъ столѣтіи, а не вѣкомъ рацѣ, потому что его тогда безъ дальнѣйшихъ разспросовъ судили бы какъ колдуна. Хотѣли же побить камнемъ того бѣднаго оксфордскаго часовщика, — мы никакъ не припомнимъ его имени, — который осмѣлился доходить на квинтѣ до первой позиціи и брать такимъ образомъ высшія ноты, чѣмъ считалось до тѣхъ поръ возможнымъ. Куда же упрятали бы бѣднаго Эрнста?... Ес-

ли онъ насъ почти заглушилъ этою непостижимою пьесою, то въ слѣдующей—*Variacіахъ на тему изъ Пирата*, очаровалъ онъ насъ своимъ чуднымъ пѣвіемъ, въ которомъ едва-ли кто изъ выпѣвшихъ скрипачей отважится съ нимъ поспорить. Не надо, впрочемъ, воображать, что въ этой пьесѣ не было трудностей; напротивъ, но общее впечатлѣніе, произведенное ею, было какое-то невыразимое блаженство; въ ней столько мелодій, столько истинной красоты, что когда она кончилась, намъ стало жаль. Концертъ, разумѣется, опять заключился Венеціанскимъ карнаваломъ, который произвелъ такое же сильное впечатлѣніе, какъ и въ первый разъ. По громкому требованію публики, Эрнстъ сыгралъ опять новыя варіаціи. Кажется, ихъ у него безконечный запасъ.

Наконецъ въ третьемъ концертѣ Эрнстъ сыгралъ первую часть собственнаго большаго концерта, *fis-moll*, написаннаго въ стилѣ симфоніи; это прекрасное сочиненіе смѣло можно назвать лучшимъ его произведеніемъ. И здѣсь встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ трудности, которыя почти переходятъ за предѣлы возможнаго и производятъ въ слушателя какое-то боязное безпокойство; но онѣ соединяются съ такою благородною и одушевленною мелодіей, что это не вредитъ прекрасному впечатлѣнію, оставляемому цѣлою пьесою. Въ томъ же концертѣ слышали мы замысловатую шутку «Папагено-рондо», превосходно исполненный анданте Бетговена, фантазію на «Отелло» и «Венеціанскій карнавалъ». Последняя пьеса, разумѣется, повторена; но неугомонная публика требовала еще элегій, которая и заключила концертъ среди неистовыхъ рукоплесканій.

Мы уже нѣсколько лѣтъ тому, имѣли случай слышать Эрнста, и уже тогда были очарованы его игрою. Но какіе онъ еще сдѣлалъ съ-тѣхъ-поръ успѣхи! Тогда можно было кой-гдѣ въ его пассажахъ подмѣчать не совсѣмъ чистыя, не совсѣмъ удачныя ноты; между-тѣмъ какъ теперь, въ недоступныхъ почти трудностяхъ, которыя онъ преодолеваетъ, видишь только, что онѣ трудны, чувствуешь мгновенное безпокойство, но никогда и въ голову не придетъ мысль о неудачѣ. Но главное достоинство Эрнста то, что онъ въ свою музыку изливаетъ всю свою душу, и на удивительное свое механическое искусство смотритъ какъ на подножіе, на которое ставитъ прекраснѣйшіе, истинно художественные образы.

Эрнстъ отложилъ свою поѣздку въ Москву до будущей зимы.

Онъ намѣренъ въ январѣ мѣсяцѣ быть въ Кіевѣ, а въ Москву прѣѣхать къ началу Поста.

Берліозъ далъ два концерта въ залѣ благороднаго собранія; въ первомъ, публика была чрезвычайно многочисленна; во второмъ уже было гораздо менѣе народа. Имя Берліоза такъ часто повторяется, и съ такими разнообразными эпитетами, что вся эта публика соединяла съ нимъ самыя противорѣчивыя понятія; одни думали найти въ немъ величайшаго композитора, какой когда-либо существовалъ, а другіе — просто шарлатана; третьи наконецъ, не постигающіе, что путешествующій художникъ можетъ быть чѣмъ инымъ, кромѣ виртуоза, съ любопытствомъ спрашивали, на какомъ инструментѣ онъ играетъ!

Первый концертъ Берліоза оставилъ въ насъ впечатлѣніе, которое довольно трудно объяснить. Мы видѣли, что въ его музыкѣ есть стремленіе къ какой-то высокой, необыкновенной цѣли; мы не могли отказать въ своемъ уваженіи этому безусловно обладанію всѣми средствами гармоніи, этому странному, но тѣмъ не менѣе удачному употребленію всѣхъ оркестровыхъ эффектовъ.... но мы не могли предаваться свободному, неограниченному наслаженію; мы чувствовали, что на многое можно бы возразить, не зная еще въ точности, что именно.

Сколько разъ уже, особенно во Франціи, утверждали, что Берліозъ начинается съ той точки, на которой остановился Бетговевъ. Если это значитъ, что онъ въ основаніе своихъ сочиненій полагаетъ направленіе послѣднихъ сочиненій Бетговена, и старается развивать далѣе это направленіе, то мы рѣшительно несогласны съ этимъ мнѣніемъ. Сочиненія Бетговена, даже послѣднія, порожденія большого уха и большой души, иногда кажутся запутанными, но они всегда обработаны тематически, то есть, интересъ ихъ происходитъ главнымъ образомъ изъ мотивовъ, а гармоническая и контрапунктная обработка служитъ только къ обстановкѣ и большому оттъненію ихъ. Берліозъ, напротивъ, никогда не дѣйствуетъ собственно мотивами. Мелодія у него скудна; его сочиненія рождаются не изъ глубокаго чувства, а изъ размысленія, изъ обширнаго ума и необыкновенно живаго и подвижнаго воображенія. Но фантазія опасная спутница, какъ скоро не сдерживаетъ ея опредѣленное чувство, лежащее въ основаніи сочиненія. Стремленіе ко всему новому, небывалому, увлекаетъ иногда Берліоза за границы истинно прекраснаго. Каждое искусство имѣетъ свои опредѣленные границы; живопись не поетъ, а музыка не пишетъ. Поэзія можетъ предста-

влять намъ внѣшніе предметы, музыка же, какъ высшій органъ ощущенія, властна только тамъ, гдѣ языкъ торжествуетъ свое могущество, — въ сферѣ чувства. Какъ-скоро внѣсто-того, чтобы выражать состояніе души, она пускается описывать внѣшніе предметы, она выходитъ изъ настоящей своей сферы, въ смѣшную, гдѣ она почти всегда стоитъ гораздо ниже живописи и поэзіи. Въ эту сферу зрѣдко увлекаетъ Берліоза желаніе быть новымъ и оригинальнымъ. Онъ безарестанно пишетъ музыкальныя картины, иногда и истинно музыкальныя, напримеръ *Rêveries et Passions*, въ *Episode de la vie d'un artiste*, или *Mélancolie* въ *Romeo и Юлія*; но гораздо чаще изображаетъ онъ такіе предметы, которые вовсе выходятъ изъ сферы музыки, напримеръ: воздушная повѣдка въ *Фаустѣ*, балъ у *Калулета* въ *Romeo и Юлія*, сцена въ лѣсу, и даже кань въ *Episode de la vie d'un artiste*. Музыка должна быть понимаема чувствомъ, а не требовать другаго поясненія. А пьесы, подобныя приведенныя, должно понимать уметь; только тогда онѣ производятъ требуемое впечатлѣніе, когда слушателю повѣстна программа; слѣдовательно, какъ направленія нельзя назвать истинно-музыкальными.

Всего счастливѣе Берліозъ тамъ, гдѣ возможна музыкальная аналогія. Музыка едва-ли можетъ опровергать зельеобъ и волшебницъ, но веселая, легкая пьеса легко можетъ представить пляску духовъ или затѣйливый сонъ. Сердце *Фея Мабъ* въ *«Romeo и Юлія»* самое замѣчательное сочиненіе, представленное намъ Берліозомъ. Музыкальное описаніе является тутъ на высшей ступени совершенства. Съ удивительнымъ знаніемъ инструментовъ пользуется онъ ихъ матеріальнымъ колоритомъ, вводитъ самыя новыя, негдѣшныя комбинаціи, не вѣдая лѣтней красоты музыки. Это, безспорно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій, когда-либо явившихся, и одно могло бы покрыть имя Берліоза неуимдаемою славой. Подобное, столь же очаровательное и остроумное сочиненіе, находится въ концѣ второй части *Фауста*. Въ басу тянется одна нота, а между-тѣмъ окрипки играютъ прелестный плясовой мотивъ, который сопровождается то аккордами арфъ, то легкими, воздушными пассажами высокихъ духовыхъ инструментовъ. Хоръ, предшествующій этому номеру, доказываетъ, что Берліозъ былъ бы въ-состояніи написать большое произведеніе въ строгомъ классическомъ стилѣ.

Въ-особенности хорошо удаются Берліозу марши; здѣсь его массы оркестра входятъ у мѣста, и даже его замашка прерывать и путать ритмъ сильными ударами на слабыхъ стопахъ так-

та, часто сообщает оригинальность и значеніе довольно ничтожнымъ мотивамъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на слушателей венгерскій маршъ, заключающій первую часть Фауста; тема его извѣстна въ Венгріи подъ названіемъ «Рагоци».

Нельзя не пожалѣть о томъ, что намъ не удалось ни одного сочиненія Берліоза слышать вполнѣ, и что его концерты состояли изъ однихъ отрывковъ; это въ-особенности удивило насъ со стороны Берліоза, который еще такъ недавно, по случаю Россиніева «Роберта Брюса», возставалъ на пастычю и на сколачиваніе разнородныхъ отрывковъ. Должно полагать, что необходимость принудила его къ поступку, столь противному собственнымъ его мнѣніямъ.

Если мы не всегда безусловно одобряемъ направленіе избранное Берліозомъ въ композиціи, то должны признать въ немъ истинно удивительнаго дирижера. Оркестръ исполнялъ эту трудную музыку съ удивительною точностью, отчетливостью и огнемъ; и убѣдилъ насъ, что если онъ часто потчуетъ насъ неудачнымъ, слабымъ и безцвѣтнымъ исполненіемъ, то вполнѣ дирижеры. Берліозъ, сколько намъ извѣстно, первый композиторъ, развѣзжающій за тѣмъ, чтобы исполнять свои сочиненія. И хорошо дѣлаетъ, потому что не скоро отыщется дирижера, который бы умѣлъ достаточно изучить эти необыкновенныя, трудныя произведенія, и выполнить ихъ удовлетворительнымъ образомъ.

— Дѣвица Лиза Кристиани, виолончелистка, о которой довольно много толкуютъ за границу, дала два концерта въ Большомъ Театрѣ, и третій въ залѣ госпожи Мятлевой; посѣтителей во всѣхъ трехъ концертахъ было довольно мало. А между-тѣмъ дѣвица Кристиани въ высшей степени занимательное явленіе, и заслуживала лучшаго приѣма. Одна уже ея наружность очаровательна; когда она сидитъ — высокая, стройная, блѣдная, въ широкомъ черномъ платьѣ, и задумчиво смотритъ на свой инструментъ, который, кажется, жметъ къ ней, какъ нѣжное дитя, она кажется святою Цецилією, но такую, какая никогда не являлась фантазіи итальянскихъ живописцевъ. Она, правда, не замѣчательна какъ художница, не обладаетъ даже правильно обработанною методою, но въ ея игрѣ есть какая-то особенная нѣжность, возможная только въ игрѣ женщины, и производящая особенно очаровательное впечатлѣніе въ виолончели, такъ рѣдко бывающей въ женскихъ рукахъ. Поэтому всего лучше ей удастся мелодія, и она очень благоразумно почти ограничивается ею.

— Филармоническое общество дало 8 марта, въ залѣ Дворцоваго Собранія чрезвычайно любопытный концертъ. Въ немъ исполнена первая Симфонія Мендельсона-Бартольди, и прекрасное исполненіе заставило насъ снова пожалѣть о томъ, что здѣсь такъ рѣдко представляется случай слушать большія оркестровыя произведенія. Въ Германіи, даже въ самыхъ незначительныхъ городахъ, имѣющихъ одни плохіе оркестры, составленные изъ любителей, зимою даются постоянные концерты, въ которыхъ играютъ классическія симфоніи Гайдна, Моцарта и Бетгоvena. Почему бы не быть тому же и въ Петербургѣ, обладающемъ гораздо лучшими средствами?—Дѣвица Катерина Болговская играла на фортепіано концертъ своего учителя, Гензельта. Мы тутъ въ первый разъ имѣли случай слышать это сочиненіе, которое Клара Шуманнъ играла прошлую зиму въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ, гдѣ оно принято не совсѣмъ благопріятно. Лейпцигскіе критики, желая пустить пылъ въ глаза строгимъ и ученымъ разборомъ сочиненія, давно уже всѣми признаннаго художника, дали ужасный промахъ, за который еще придется имъ поплатиться, когда этотъ концертъ будетъ напечатанъ, потому что Гензельтъ никогда еще не являлся на такой высотѣ, какъ въ этомъ концертѣ, именно въ анданте; и мы предвидимъ, что безчисленное множество фортепіанистовъ бросятся учить его (что имъ впрочемъ будетъ не легко, потому что онъ чертовски труденъ) и пристыдятъ лейпцигскихъ умниковъ. Хотя дѣвица Болговская сыграла концертъ не какъ ученица, а съ силою, бойкостью и искусствомъ опытной виртуозки, однако же, видя Гензельта въ толпѣ слушателей, мы невольно подумали со вздохомъ: зачѣмъ не играетъ онъ самъ?—Большо видѣть среди насъ величайшаго изъ фортепіанистовъ, и видѣть въ немъ такое презрѣніе къ славі, что онъ не хочетъ даже самъ представить публикѣ свое послѣднее, и следовательно самое дорогое сердцу его чадо, а поручаетъ его чужимъ рукамъ! Публика, кажется, чувствовала это, и чтобы отместить, вызвала ученицу, а не композитора.

Эрнстъ также украсилъ этотъ вечеръ исполненіемъ своей «Элегіи», и участіемъ въ пьесѣ Маурера на три скрипки и виолончель; прочія партіи исполняли самъ авторъ съ своими двумя сыновьями. Такъ какъ концертъ имѣлъ благотворительную цѣль, то и Берліозъ не хотѣлъ отстать отъ другихъ, и дирижировалъ свое переложеніе на оркестръ прелестной Веберовой пьесы: «Auf-forderung zum Tanze».

— Господинъ Оворѣ, молодой французскій фортепіанистъ, далъ въ

залъ университета, одинъ концертъ, на которомъ присутителей было также немного. По-вашему, слова «фортепианнсть и художникъ имѣютъ совершенно различное значеніе. Фортепианнствомъ называемъ мы каждаго, кто умѣетъ преодолевать трудности фортепианной игры и можетъ чисто сыграть данную пьесу, на что нужна ловкость, а не истинное искусство. Много и такихъ фортепианнстовъ, которые сами склеиваютъ себѣ пьесы изъ оперныхъ и другихъ мелодій, и на этомъ основаніи называютъ себя композиторами. Но и они еще не художники. Художникомъ, въ нашемъ смыслѣ, можетъ назваться только тотъ фортепианнстъ, который употребляетъ приобрѣтенное имъ безусловное владычество надъ инструментомъ, на истинно-художественное проявленіе, то есть, на осуществленіе прекрасной идеи, удовлетворяющей умъ и сердце, слѣдовательно, идеи ощущенной и обдуманной артистомъ. Фортепианнстовъ очень много, и при нынѣшнемъ совершенствѣ преподаванія, не удивительно, что даже дѣти могутъ быть виртуозами. Но истинныхъ художниковъ между фортепианнстами чрезвычайно мало. Господишь Онопѣ прекрасно владѣетъ инструментомъ, и мы не поколебались бы поставить его въ ряду первыхъ фортепианнстовъ, если бы не замѣчали въ немъ недостатка энергіи, необходимой для произведенія высшихъ степеней эффекта. Выборъ пьесъ избличалъ рѣшительное направленіе его вкуса къ дикимъ выродкамъ новой школы. Почти всѣ пьесы, вправныя имъ въ концертѣ—сочиненія Алькана, молодого парижскаго композитора съ несомнѣннымъ талантомъ, но безъ всякаго чувства изящнаго. Концертино, которымъ господишь Онопѣ началъ свой концертъ, несмотря на неопредѣленность формъ и отсутствіе опредѣленной идеи, гораздо лучше, однако же, слѣдовавшихъ за нимъ двухъ этюдовъ. Послѣдній изъ нихъ, модъ названіемъ «вѣтеръ», мы даже не признаемъ музыкою, потому что онъ состоитъ изъ безпрерывнаго мотанья ряда хроматическихъ гаммъ, приведенныхъ безъ всякой причины, кромѣ очень неартистическаго желанія осыпать аплодисменты толпы. Въ заключеніе концерта, господишь Онопѣ сыгралъ собственную фантазію на темы изъ «Ломбардцевъ»; она состоитъ изъ соединенія нѣсколькихъ любимыхъ темъ изъ этой оперы (что вѣрнѣе было бы назвать попури), представляетъ исполнителю много случаевъ блеснуть своей бойкостью; но какъ сочиненіе—она ниже всякой посредственности.

— Другой фортепианнстъ, Оскаръ Пейферъ, изъ Вѣны, далъ два

концерта, на которыхъ посѣтителей было также очень мало, но на которыхъ онъ явился хорошимъ, талантливымъ артистомъ.

— Кларнетистъ Блазь, въ своихъ двухъ концертахъ явился превосходнымъ виртуозомъ, а жена его, урожденная Меерти, премною пѣвицею.

— Въ концертѣ виолончелиста Макса Борера, въ Большомъ Театрѣ, почти никого не было, хотя это художникъ, достойный иной участи.

Господа Блазь и Бореръ были уже въ Петербургѣ въ болѣе счастливое время, и остались довольны своею поѣздкою. Они надѣялись на такой же успѣхъ и въ нынѣшнемъ году, но увѣ! жестоко обманулись.

Частныхъ концертовъ было множество; мы уже въ прежнихъ статьяхъ упоминали о нѣкоторыхъ изъ нихъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о самыхъ замѣчательныхъ.

— Господинъ Вагнеръ, первый кларнетистъ нашей итальянской оперы, далъ весьма удачное музыкальное утро въ заглѣ госпожи Мятлевой. Мы ставимъ господина Вагнера, по красотѣ тона, какой издаетъ кларнетъ въ его рукахъ, однимъ изъ первыхъ современныхъ кларнетистовъ. Мы могли бы не менѣе хвалить его искусство, но это зависить отъ воли и труда, между тѣмъ какъ тонъ и выраженіе изобличаютъ дарованіе; а дарованіе единственный масштабъ, по которому должно судить артистовъ. Господинъ Вагнеръ игралъ нѣсколько трудныхъ пьесъ, но въѣнцомъ всего былъ простенькій анданте Моцарта, который онъ исполнилъ съ такимъ превосходствомъ, что затѣмнилъ имъ все остальное. Потомъ господинъ Фольвейлеръ сыгралъ съ господами Вагнеромъ и Кнехтомъ тріо своего сочиненія для фортепiano, кларнета и виолончели, на мотивы изъ «Ломбардцевъ» Верди. Господинъ Промберггеръ сыгралъ конецъ фортепiаннаго квартета господина Фольвейлера, прекрасное произведеніе, сбивающесся нѣсколько на Мендельсона, однако жъ, изобличающее въ сочинителѣ замѣчательный, оригинальный талантъ. Кромѣ-того слышали мы въ этомъ концертѣ адажіо и рондо концерта Веберова es-dur, аранжированные на два фортепiano господиномъ Промберггеромъ и исполненные имъ и господиномъ Бланкмейстеромъ. Наконецъ, господинъ Девитте сыгралъ на скрипкѣ трио Беріо, и господинъ Ферзингъ пропѣлъ нѣсколько нѣмецкихъ пѣсень.

Господинъ Промберггеръ также далъ одинъ концертъ въ заглѣ университета, передъ многочисленною публикою. Господинъ Промберггеръ очень хорошій фортепiанистъ; его чистая, отчетливая

игра показываетъ основательное образованіе, а выборъ есть избобичаетъ въ немъ тонкій вкусъ. Мы не слышали его одного, безъ акомпанимента какого-либо другаго инструмента, и потому не можемъ судить о степени его искусства. Мы бы совѣтовали ему, по-крайней-мѣрѣ въ своемъ концертѣ, преодолѣть свою скромность или застѣнчивость, и сыграть какую-нибудь блестящую и трудную пьесу новой школы. Въ этотъ вечеръ онъ сыгралъ сначала съ господами Вагнеромъ и Гроссомъ трио господина Фольвейлера на русскія пьесы; сочиненіе полное-прекрасно обработанныхъ мелодій, за которое авторъ былъ вызванъ; потомъ онъ сыгралъ съ Эрнстомъ большую С-мольную сонату Бетгове-на, и, наконецъ, съ своею ученицею, дѣвицею Бертою Мюллеръ, дуэтъ Пиккенса для двухъ фортепіанъ. Особенно интересенъ былъ этотъ концертъ явленіемъ дѣвицы Мюллеръ. Сначала она сыграла съ оркестромъ Concertstück Вебера, и съ такою четотою, бѣгlostью и бойкостью, что мы смѣло пророчимъ, что при хоро-рошо направленномъ трудѣ, ея таланту предстоитъ блестящая будущность. Разумѣется, въ ея лѣта нельзя требовать отъ нея пламенной страсти, отличающей первую часть Веберовой пьесы, и смѣлаго молодечества его рондо; но и одно техническое пре-одолѣніе этой трудной задачи, заслуживаетъ хвалы. Въ дуэтѣ Пиккенса, основанномъ на одномъ эффектѣ, ученица бодро сорев-новала учителю. Нельзя почти вообразить, что можетъ произве-сти сочетаніе двухъ фортепіанъ. Оба инструмента наперерывъ сыпали самыми затѣйливыми пассажами, пѣли пѣжныя мелодіи въ терцахъ и сонетахъ, першептывались тихими трелями, и на-конецъ грянули могучими аккордами; разумѣется, публика присоеди-нилась къ нему громъ рукоплесканій и вызововъ.

— Извѣстный дѣшній учитель пѣнія, господинъ Давидъ, также далъ, по ежегодному обычаю, концертъ, въ которомъ пѣли его ученицы. На этотъ разъ, огромное число нумеровъ, составля-вшихъ программу концерта, принудило его раздѣлить концертъ на два вечера. Господинъ Давидъ давно уже сдѣлался у насъ однимъ изъ лучшихъ учителей пѣнія, и ученицы его вполнѣ подтвердили эту славу. Въ нынѣшнемъ году мы опять слышали множество прекрасныхъ, свѣжихъ, болѣе или менѣе обработанныхъ голо-совъ. Лучшія ученицы господина Давида — госпожи Биллбина и Вердеревская; первая, къ-сожалѣнію, по болѣзни не могла уча-ствовать въ концертѣ; голосъ же госпожи Вердеревской столько утратилъ съ прошлаго года въ силѣ и звучности, что мы

его почти не узнали, зато она много приобрѣла въ отношеніи искусства и одушевленія.

— Виталью мѣрта исполнено въ Парижѣ новое сочиненіе знаменитаго Феликсена Давида, подъ названіемъ «Христосоръ Колумбъ или открытіе Новаго Свѣта», ода-симфонія въ четырехъ частяхъ; слова господь Меръ, Шоббъ и Сильвонъ Сентъ-Этіенна. Это третья попытка Давида на музыкальномъ поприщѣ, и ее ждали тѣмъ съ бѣдшимъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ, что, какъ извѣстно, вторая ея попытка, «Моисей на горѣ Синаѣ», была не совсѣмъ удачна, и не соответствовала надеждамъ, возбужденнымъ его «Пустынею». Новая симфонія принята превосходно, и возвратила ему во мѣstinъ нубики прежнее его славное мѣсто. Постараемся въ коротенькомъ обзорѣни показать содержаніе этого новаго произведенія.

Наступилъ день отъѣзда Колумба въ неизвѣстныя страны, куда его влечетъ вдохновеніе гонія; еще только свѣтаетъ, на берегу глубокая тишина; оркестръ издаетъ протяжные звуки, безконечные, какъ горизонтъ океана, а между-тѣмъ декламируютъ слѣдующіе двѣ строфы, заключающія въ себѣ изложеніе драмы:

Océan inconnu, ténébreuse Atlantique,
 Tu vas te dépouiller de ton mystère antique.
 Hardi navigateur, par la gloire excité,
 Colomb a deviné les fortunés rivages,
 Les fleuves, les déserts et les îles sauvages
 Que voile ton immensité,
 Océan! le héros va quitter l'Jbérie,
 Qui pour lui désormais est une autre patrie,
 Et, pour l'éprouvanter, tu t'insurges en vain;
 Il contemple déjà, dans les déserts de l'onde,
 Les nouveaux champs promis, le magnifique monde
 Qu'il vit dans un rêve divin.

Но мало-по-малу неподвижность оркестра, изображающая ночное спокойствіе моря, оживляется плескомъ прилива, колыханіе вѣтровъ самымъ живымъ образомъ представляетъ слушателю волны, разбивающіяся о берегъ.

Между-тѣмъ Колумбъ вспоминаетъ, что пробилъ его часъ; онъ будитъ спутниковъ, и все готовится къ отплытію. Арію славнаго порочливѣнннн можно упренуть въ недостатокъ героическаго характера, и замѣтить ей нѣмнѣе сходства съ Бернгарделлою; разкѣръ въ $\frac{3}{8}$, весьма удобный для колыханія оркестра, но довольно твердъ

и величественъ; подробности инструментовки едва ли могутъ выкупить недостатокъ, тѣмъ болѣе важный, что выступленіе на сцену главнаго дѣйствующаго лица должно бы производить сильное ощущеніе. Но эта ошибка скоро забывается, когда раздается превосходный хоръ матросовъ, написанный въ религіозномъ стилѣ, очень удачно припарованномъ къ обстоятельствамъ: въ немъ слышится вѣра въ могущество генія. Послѣ этого хора, торжество новой симфоніи было рѣшено: каждый нумеръ сопровождался громкими рукоплесканіями. За хоромъ моряковъ слѣдуютъ стеллы, прощанія, и между прочимъ дуэтъ двухъ любовниковъ, полный вѣжности и грусти, съ очаровательнымъ аккомпаниментомъ скрипокъ и гобоевъ.

Между тѣмъ раздается вѣтровая пушка; пора отправляться, все окончить, все суетятся, надъ кипящимъ тремоло скрипокъ и виолончелей раздаются могучіе звуки тромбоновъ; вѣтеръ стонетъ между скалами, свистокъ начальника управляетъ работою моряковъ, вѣняющееся море зоветъ корабль въ безпредѣльную даль! Этотъ дивный преемство привелъ слушателей въ восторгъ; онъ повторенъ и некрытъ немотыи рукоплесканіями.

Корабль отплылъ отъ берега, и несется по волнамъ, толпа провожаетъ его и поетъ молитву, къ которой горестъ сливается съ надеждою, корабль между тѣмъ терается на горизонтѣ, и только изрѣдко доходятъ отрывками до толпы послѣдніа прощанія отплывающихъ.

Во второй части слушатель переносится подъ тропики.

L'immensité des mers par la nuit est voilée,
Le vent dort, le silence entoure les vaisseaux;
Le ciel, sur le sommeil de la terre et des eaux,
Arrondit sa tente étoilée.

У Давида свои особые приемы для выраженія безпредѣльности, которые ему превреще удалось въ «Пустынѣ», но которые онъ съ тѣмъ-поръ слишкомъ расточаетъ. Приведенная строфа сопровождается тлущающею цѣтєю духовыхъ инструментовъ, пр которой изрѣдко только пробѣгаетъ легкое пиччикато виолончелей, будто едва замѣтный вѣтерокъ, подергивающій гладкую поверхность Атлантики. Намъ кажется, не вѣшало бы Давиду нѣсколько поупростаться отъ употребленія этихъ тлущихся нотъ, чтобы не ошумить ихъ. Впрочемъ, «ночь подъ тропиками», очаровательная картина; въ первой части было утреннее пробужденіе моря, здѣсь видается оно въ покойной ночи. Неопредѣленная мелодія, не-

решающая отъ гобоя и кларнета къ віолончели, задумчиво звуки скрипокъ подъ сурдинами, на которыя отвѣчаютъ тихіе звуки флейты, туманный полу-свѣтъ, обнимающій весь оркестръ,—новыя заимствованія сдѣланныя музыкою у живописи; тутъ надо не слушать, а смотрѣть. Одно не совсѣмъ пріятно поражаетъ слушателя, это въ одномъ мѣстѣ легкій рисунокъ флейты, сопровождающій пѣніе віолончели, который нѣсколько напоминаетъ мѣсто въ увертюрѣ Оберона, когда слышны смѣются и перекликаются въ гѣбу, въ фантастическихъ фразахъ кларнета. Правда, это сходство продолжается не болѣе двухъ, трехъ тактъ, но есть такія священныя фразы, которыя одиѣ составляютъ цѣлую поему.

Среди спокойствія ночи раздается пѣсня юнга, слеза терпящагося въ необъятности океана. Этотъ дѣтскій голосъ, съ такою наивностью и задумчивостью сливающійся съ красотой природы, производитъ самое трогательное впечатлѣніе; этотъ эпизодъ дѣлаетъ честь господину Давиду.

Будто пробужденные этою грустною пѣсней, духи океана оглашаютъ волны своими таинственными хорами. Этотъ номеръ можно, пожалуй, упренуть въ томъ, что онъ не довольно связывается съ цѣлостію дѣйствія, потому что боги Атлантики не доброжелательствуютъ дерзкому пришлецу, и не противятся ему, а поютъ изъ одного удовольствія пѣть; но ради оригинальности хора можно простить несвязность его съ цѣлымъ. Хоръ написанъ безъ словъ, на одиѣ вокализы, съ предлинными ферматами, которыя прерываютъ равныя арпеджіи альтовъ и віолончелей подъ сурдинами; эти гармоническія полосы, будто играющія въ волнахъ съ блѣдными лучами луны, производятъ самый оригинальный, самый волшебный эффектъ. Между-тѣмъ какъ сирены и тритоны забавляются въ родной стихіи, грустные голоса матросовъ сопровождаютъ затѣйливыя арабески, которыми лѣнивыя боги оглашаютъ воздухъ. Противоположность этихъ двухъ хоровъ, соединеніе вокализъ съ рѣзкимъ звукомъ гобоевъ, возвращеніе гибкаго волнующагося размѣра въ $\frac{3}{8}$, даютъ этому номеру невыразимую прелесть.

Баллада моряна и застольная пѣсня, какъ ни хороши, но кажутся слабыми и безцвѣтными послѣ превосходнаго хора; притѣмъ скрипичныя тріоли, сопровождающія застольную пѣсню, немного напоминаютъ аккомпаниментъ «хора деревней въ разсѣланіи» Бетгоvena. Къ счастью, это слабое мѣсто скоро заглаживается дивною бурей, которую безспорно должно причислить

ить самыя удачныя образцы описательной музыки; слушателю видать молнию, раздражающую тучу, видать какъ волны съ яростною бѣлотою бока кораблей, и разбиваются въ бѣлую пѣну, слышится ошестъ вѣтру въ восходящихъ хроматическихъ гаммахъ, разбиваемыхъ неожиданнымъ ударомъ мѣдныхъ тарелокъ, слышится вой его между снастями, и трескъ корабля подъ усліями урагана. И все это безъ длиннотъ и безъ пошлостей; видно, что писатель человѣкъ, владѣющій стихіями, и которому такъ же легко ихъ усмирить, какъ и развязать. Разумѣется, что за этою бурною послѣдовала въ залѣ не менѣе неистовая буря рукоплесканій.

Но Колумбу предстоитъ еще другая опасность, не менѣе грозная чѣмъ буря, отъ которой сохранило его Провидѣніе: штормъ ошѣляетъ бурю, кругомъ небо и вода; ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не нарушаетъ спокойствія, паруса лѣнливо падаютъ, висятъ на стеньгахъ, корабли стоятъ неподвижно среди водной пустыни. Сколько инструментовка передъ тѣмъ была порывиста и бурна, столько же она становится мрачною и мертвою; только альты и виолончели съ усліемъ издаютъ первыя три ноты хроматической волны, которая тотчасъ же, недоконченная, падаетъ и разбивается; это единственный признакъ угасающей жизни на поверхности мрачной гармоніи, саваномъ налегшей на весь оркестръ.

Въ оценѣ возмущенія матросовъ два прекрасные хора, первый выражаетъ отчаяніе матросовъ, второй ихъ раскаяніе и покорность. Арія Христовора Колумба довольно слаба.

Чрезвычайно удачно выраженъ переходъ отъ шторма къ движенію, возбѣщающему близость земли. Тяжелыя, тянущіяся ноты струнныхъ инструментовъ, кажется, сбрасываютъ съ себя свой мертвый покой; онѣ мало-по-малу оживляются, обращаются въ тремоло, и будятъ гармонію изъ ея мертваго сна; снова оркестръ дышитъ жизнью; флейты вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ, богатые, роскошныя рисунки скрипокъ открываютъ новыя мысли, корабль вырывается изъ оковывавшей его неподвижности, и веселыя волны несутъ его къ обѣтованной землѣ, которая скоро является радостнымъ взорамъ матросовъ во всей своей красотѣ и роскоши.

Четвертая часть, описаніе вновь открытаго Свѣта, лучшая изъ всѣхъ частей симфоніи; она открывается дивною картиною восхода солнца; такихъ музыкальныхъ картинъ описывать нельзя; надо слышать эту предестинную мелодію флейтъ и кларнетовъ, съ длинною трелью, такъ поэтически изображающею пробуждающіе звуки природы и щебетаніе птицъ; надо слѣдить за переходомъ этой

своей мелодіи къ валтернѣ, за перхиваніемъ ее полагать инструментальную, пока наконецъ скрипка хвастается за нее, и развѣсивъ ее въ подлону съ блестящѣ мысля невѣждо переносится подъ бѣлье теплое небо, въ новую, дѣятельную страну, гдѣ цвѣты зрѣе и воздухъ роскошнѣе.

За этою картиною природы въ полномъ цвѣтѣ юности, слѣдуетъ картина ея счастливыхъ жителей. Пляска дикарей, одинъ изъ превосходнѣйшихъ балетовъ выливавшихся изъ-подъ перо композитора: въ ней слышна очаровательная симф. канканеса, странности и остроумія. Хоръ, сопровождающій пляску, дышитъ тою сладострастною нѣгой, которую Колумбъ замѣтилъ у этихъ младенческихъ народовъ. Пѣвца молодой Индіанки на могилѣ своего ребенка, напоминаетъ восточный покрывъ и размѣръ, дающіе такую особенную прелесть *гимну мочк*, въ «Пустыни»; аккомпаниментъ этой мелодіи мѣняется съ каждою строфою, и представляетъ неисчерпаемое богатство рисунка; особенно замѣтательно сочетаніе вѣдончели съ арлійскими рожкомъ. Эта индѣйская мелодія была повторена, равно какъ большая часть номеровъ четвертой части.

Рсчитативъ Колумба, водворяющаго свою власть въ новооткрытой землѣ, и торжественный, благодарственный хоръ его сдвигнниковъ прекрасно заключаютъ симфонію. На этотъ разъ Колумбъ является настроеннымъ героемъ, потому что надо замѣтить, что почти во всю симфонію, роль Колумба не соответствуетъ ожиданиямъ; особенно же слаба она въ сценѣ возмущенія. Впрочемъ, несмотря на этотъ недостатокъ, и на два-три слабыя мѣста, симфонія вполне достойна творца «Пустыни», и оправдываетъ поданныя ей надежды. Исполненіе ея было превосходно, и оно увѣчалось огромнымъ, заслуженнымъ успѣхомъ.

— Альфредъ Желль. Мы уже говорили, что Наризъ трубитъ славу молодого фортепіаниста, Альфреда Желля; читателямъ, впрочемъ, пріятно будетъ узнать о немъ нѣсколько біографическихкихъ подробностей.

Альфредъ Желль (Alfred Jaell) родился пятого марта 1833 года, въ Триестѣ, гдѣ поселился его отецъ, пробывъ много лѣтъ въ Вѣнѣ въ званіи перваго скрипача и канцеляриста. Въ Триестѣ онъ основалъ школу музыка, подъ покровительствомъ правительства. Въ прѣздѣ черезъ этотъ городъ Одр-Буля, Желль слышалъ его, и приведенъ былъ въ такой восторгъ его игрою, что потребовалъ себѣ скрипки съ такою же нестязчивостью, какъ другой ребенокъ просилъ бы струны. Ему дали скрипку. Трехъ лѣтъ

онъ уже выдѣлывалъ самыя удивительныя, самыя трудныя штуки норвежскаго виртуоза. Вскорѣ за тѣмъ отощъ приехалъ за правильное его образованіе, и шести лѣтъ онъ уже превосходно игралъ концерты Роде, Беріо и Майседера.

Въ это время онъ опасно захворалъ и долго не могъ оправиться; врачи на строго запретили ему играть на скрипкѣ. Чтобы развлечь его, его сажали за фортепiano, и онъ по нѣскольку часовъ игралъ, никогда не учившись. Онъ скоро сдѣлалъ такіе успѣхи, что въ Клагенфуртѣ, куда его повезли для поправленія здоровья, онъ игралъ въ концертѣ отца пьесу Асмайера съ оркестромъ.

Въ 1843 году, десяти лѣтъ, онъ отправился въ Италію, и игралъ въ Венеціи на театрѣ Санъ-Бенедетто, въ антрактѣ. Успѣхъ его былъ самый невѣроятный; потомъ онъ далъ на томъ же театрѣ концертъ по-поламъ съ дирекціею, на которомъ игралъ фантазію Тальберга на мелитву Моисея, регату Листа и этюдъ Дёлера. Такой же блистательный успѣхъ увѣчалъ его въ Миланѣ, въ Вѣнѣ, гдѣ его очень ласкалъ Черни, и въ другихъ городахъ Германіи. Теперь онъ въ Парижѣ, гдѣ его, вѣроятно, ждетъ еще болѣе громкая слава.

— Первое представленіе Мейерберова «Силезскаго лагеря», въ Вѣнѣ, было осьмнадцатаго февраля. Опера въ теперешней передѣлкѣ называется «Велькою», по имени главной роли, которую играетъ Женни-Линдъ. Вся мѣста на это представленіе почти были вышнмиъ обществомъ еще за четыре мѣсяца. Мейерберъ самъ дирижировалъ. Когда онъ вошелъ, все зрители встрѣтили его единодушнымъ восклицаніемъ: «Виватъ, Мейерберъ!» и продолжительными рукоплесканіями; то же самое повторялось послѣ каждаго дѣйствія; но по окончаніи пьесы, его вызвали на сцену, и со всехъ сторонъ посыпались лавровыя вѣнцы и стѣки въ честь знаменитаго композитора.

— Женни Линдъ получила отъ многочисленныхъ почитателей ея таланта, въ Вѣнѣ, такое свидѣтельство ихъ уваженія, какого до сихъ поръ очень немногіе артисты удостоивались при жизни. Въ честь ея выбита медаль, съ ея портретомъ съ одной стороны, а съ другой съ изображеніемъ лебеда, покоющагося на лаврахъ, и съ звѣздою надъ головою, а вокругъ латинскою надписью: «Nescit ossosum», не знаетъ захождения. Двѣ такія золотыя медали поднесены Женни Линдъ утромъ, того дня, когда она въ первый разъ явилась въ «Силезскомъ лагерѣ».

— Въ Вѣнѣ, двадцать-второго февраля, праздновали день рож-

донія известнаго композитора Адальберта Гиронитцъ, учителя Мюцарта и вѣнскаго почетнаго придворнаго капельмейстера. На придворномъ театрѣ, къ которому Гиронитцъ былъ причисленъ въ продолженіи сорока лѣтъ, даны двѣ его оперы: «Окулисть» и «Аггесса Сораль», съ прологомъ, написаннымъ на этотъ случай. При представленіи присутствовала вся императорская фамилія. Гиронитцу восемьдесятъ-четыре года; но несмотря на старость, онъ еще здоровъ и крѣпокъ.

— Штутгартскій новый придворный театръ сильно пострадалъ отъ пожара. Двадцать-четвертаго февраля, въ четвертомъ дѣйствіи Лакперовой оперы «Лихтенштейнъ», когда театръ представлялъ лѣсъ и темную пещеру, пламя показалось изъ-подъ полу и скоро сообщилось деревьямъ и кулиссамъ; чрезъ нѣсколько мгновеній вся сцена была въ огнѣ. Большая часть зрителей кинулась къ выходамъ, гдѣ произошла ужасная давка, несмотря на всѣ усилія кронъ-принца, уговаривавшаго бѣгущихъ терпѣливо ждать своей очереди. Больше ста человекъ погибло въ этой суматохѣ.

— Подобное несчастіе случилось втораго марта, въ Карлсруэ. Часовъ около пяти, не задолго до начала представленія, какъ полагаютъ, по неосторожности ламповщика, загорѣлся занавѣсъ герцогской ложи. Пламя скоро обхватило всю залу, которая совершенно истреблена. При этомъ погибло множество людей: одинъ выскочилъ изъ третьяго этажа, другіе задохлись въ огнѣ.

— Знаменитая Лола Монтезъ по-прежнему мутитъ всю Баварію. Такъ какъ враги ея представители ultra католической партіи, и подозреваются въ езуитизмѣ, то остряки и рассказываютъ, что завязалась ссора между Лолою и Лойолою.

— Известный нѣмецкій композиторъ Кюкенъ, ставитъ въ Штутгартѣ новую свою оперу «Претендентъ», писанную въ Парижѣ.

— Недавно умеръ въ Штутгартѣ оди изъ известнѣйшихъ нѣмецкихъ лирическихъ и драматическихъ поэтовъ, Густавъ Швабъ, на пятьдесятъ-шестомъ году. Швабъ родился въ 1792 году и съ 1822 года занималъ въ штутгартской гимназій катедру греческой и латинской литературы. Кромѣ множества лирическихъ стихотвореній, онъ известенъ нѣсколькими драматическими опытами, переводомъ Ламартиновыхъ стихотвореній и поэмъ Бартеlemi и Мери: «Наполеонъ въ Египтѣ».

— Миланскіе журналы прославляютъ огромный успѣхъ Эмиліи Прюдана. Эльслеръ и Прюданъ, вотъ два имени, оглашающія Миланъ. Въ послѣднемъ своемъ концертѣ, въ театрѣ la Scala,

Прюданъ былъ вызванъ послѣ каждой пьесы, а по окончаніи концерта ему поднесли лавровый вѣнокъ.

— Одинъ италіанскій композиторъ, Перуджини, учился въ одномъ коллегіумѣ съ молодымъ Мастою Феретти, нынѣшнимъ папою. Счастіе не повезло бѣдному маэстро, такъ какъ его товарищу. Недавно Пій-Девятый получилъ письмо слѣдующаго содержания: «Святѣйшій отецъ, не знаю помните ли вы, что я имѣлъ честь сидѣть съ вами на одной лавкѣ, и что ваше святѣйшество частенько удостоивали меня честью играть съ вами скрипичные дуэты, которые не всегда бывали исполняемы безъ грѣха, по крайней-мѣрѣ съ моей стороны, за что ваше святѣйшество изволили такъ гнѣваться, что больно наказывали меня по пальцамъ. Осмѣливаюсь напомнить вамъ о себѣ, и просить ваше святѣйшество даровать свое покровительство человѣку, который никогда не забудетъ счастливыхъ минутъ, проведенныхъ имъ нѣкогда съ тѣмъ, кого апостольскія его добродѣтели вознесли на престолъ Святаго-Петра». Папа отвѣчалъ: «Я никогда не забывалъ вашего имени, дражайшій сынъ. Пріѣзжайте ко мнѣ въ Римъ. Мы опять будемъ разыгрывать дуэты, и если вы еще не исправились, то мы найдемъ еще средство васъ наказать».

— Тальбергъ и Делеръ въ Парижѣ; но ни тотъ ни другой, не хочетъ давать публичныхъ концертовъ. Вивіе также воротился изъ продолжительнаго путешествія, которое было у него обильною жатвою успѣховъ и славы.

— Парижъ съ нетерпѣніемъ ждетъ Женни Линдъ, которая должна посѣтить его проѣздомъ въ Лондонъ, гдѣ господа Бейнъ и Лумлей всё еще спорятъ о томъ, на чемъ театрѣ она должна явиться.

— Недавно умерла ветеранка французскаго театра, знаменитая госпожа Марсъ.

— Мы уже говорили, что Дюпрѣ собирался оставить парижскій театръ и ѣхать въ Германію. За день до отъѣзду, онъ игралъ «Роберта», и принять съ необыкновеннымъ восторгомъ. Но вступленіе его на нѣмецкую почву было не такъ успѣшно. Онъ началъ свое путешествіе съ Гамбурга, и дебютировалъ въ роли Эдгара въ Донцеттѣвой «Лучіи». Цѣны мѣстамъ были удвоены, и публика была въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Но успѣхъ не соответствовалъ ожиданіямъ; кажется, голосъ знаменитаго артиста заплатилъ тяжелую дань времени. Послѣ перваго дѣйствія, въ публикѣ царствовало грозное молчаніе. Въ секстеттѣ втораго дѣйствія прекрасное пѣніе Дюпрѣ награждено громкими рукоплеска-

нами; но въ третьемъ дѣйстви раздался шумъ, и никакъ, самоу такъ что онъ принужденъ былъ извиниться и не могъ доиграть роли. Публика очень сердится на дирекцію за то, что она за повинный голосъ требуетъ двойной платы.

— Софоклова «Антигона» съ хоромъ Мендельсона будетъ скоро поставлена въ Ашпахъ, гдѣ она писана и играна за девъ тысячъ лѣтъ.

— Каждый разъ, какъ мы хотимъ указать читателямъ новыя пьесы для начинающихъ, мы находимся въ чрезвычайномъ затрудненіи. Мы очень хорошо понимаемъ, какъ необходима для нихъ частая перемѣна пьесъ. Должно удовлетворять каждую ихъ потребность, стараться развивать каждую особенность ихъ таланта приращиваемыми къ тому пьесами, и въ-особенности постоянно поддерживать въ нихъ охоту къ музыкѣ. Какъ-скоро учитель замѣчаетъ, что ученикъ начинаетъ скучать гаммами и этюдами, онъ долженъ дать ему какую-нибудь занимательную пьеску, не упуская изъ виду при выборѣ ея, можно ли его безъ потери вовсе освободить на короткое время отъ исключительнаго упражненія въ этюдахъ. Если можно, то выбирайте хорошую молодческую пьесу, и старайтесь, чтобы она могла содѣйствовать образованію вкуса ученика и дать легкость и выразительность его игрѣ. Если же гаммы и упражненіе пальцевъ еще необходимы, то выбирайте такую пьесу, которая бы представляла тѣ же упражненія, въ видѣ варіацій, или въ другой менѣ сухой формѣ. Скуку, пронтекающую изъ исключительнаго игранія гаммъ и упражненій, мы всегда считали признакомъ, если не дарованія, то по-крайней мѣрѣ вкуса. Ученикъ, вовсе не имѣющій таланта, съ одинаковымъ стараніемъ и равнодушіемъ будетъ играть все что ему дадутъ; но какъ-скоро въ немъ есть талантъ, онъ составляетъ себѣ идеалъ, для котораго разумѣется будетъ искать формъ въ пьесахъ, которыя ему дадутъ играть. Дѣло учителя, въ этомъ случаѣ, дать его вкусу надлежащее направленіе. Вотъ что насъ и ставитъ въ недоумѣніе! Безпрестанно является множество легкихъ пьесъ; но онѣ рѣдко бываютъ приращиваны къ какой-нибудь систематической цѣли. Притомъ, нѣсколько композиторовъ завладѣли, кажется, монополією легкихъ сочиненій. Всегда видимъ мы однихъ и тѣхъ же Герца, Гюнтена и Бейера. А эти писатели, въ безграничной своей плодовитости, никогда не обращаютъ вниманія на потребности учениковъ, а пишутъ все одѣ и тѣ же фигуры, пригоняя ихъ къ новымъ темамъ. Написать хорошую легкую пьесу, дѣло трудное и требующее долго-

временной учительной опытности, то есть, глубокого знанія потребностей учениковъ. Большая же часть композиторовъ, занимающихся этимъ въ наше время, никогда не занималась преподаваніемъ.

Постараемся однако жъ облегчить читателямъ выборъ пьесъ, которыя мы имъ рекомендуемъ, показавъ для какой цѣли онѣ могутъ быть употреблены съ пользою.

Для учениковъ, которыхъ желаютъ на время освободить отъ упражненій, чтобы мелодическою пьесою подкрѣпить въ нихъ охоту къ музыкѣ, мы рекомендуемъ:

«Bagatelle sur des motifs de Guillaume Tell, par A. Lecapren-tier.»

Въ этой пьесѣ находится извѣстная тирольская пѣсня, потомъ кантабела изъ дуета перваго дѣйствія, и, наконецъ, fa-mol увертюры Россиниевой опоры; всѣ эти темы обработаны шло и со вкусомъ, и перемежаны съ небольшимъ числомъ легкихъ пассажей.

Для той же цѣли, но для болѣе успѣвшихъ учениковъ, мы советуемъ взять:

«Les progrès des jeunes élèves», par Beyer. op. 88, No 1 — 3. Первая тетрадь, «Notna», начинается первою частью большого дуета Нормы и Адальгизы; затѣмъ маршъ перваго дѣйствія съ двумя вариациями и финаломъ.—Во второй тетради, «Air tyrolien», вариация на давно извѣстную и много разъ варьированную швейцарскую пѣсню. Вариация довольно обыкновенная, но чрезвычайно удобна для пальцевъ, и потому могутъ быть съ пользою употреблены для упражненія ученика въ чтеніи нотъ.— Третья тетрадь, «I picciani», содержитъ въ себѣ мелодію басовой ари втораго дѣйствія, и извѣстную тому марша, аранжированную въ фор-тѣ рондо.

Гораздо лучше Бейеровыхъ сочиненій, по нашему мнѣнію, сочиненія Гюстена; потому что, если они и не выше ихъ по музыкальному содержанію, то составлены съ большимъ вкусомъ.

«La Sérénade, thème de Bellini», varié par Fr. Hünten, op. 146 соединяетъ съ приятными, прицюзными мелодіями, полезное упражненіе въ гаммахъ и пассажахъ. Три вариация на очень хорошею тему, написаны въ самыхъ различныхъ стиляхъ. Въ первой должно наблюдать различіе стаккато и легато; вторая очень хороше упражнение въ легкой, граціозной игрѣ; третья, при бѣглой игрѣ, доставитъ много удовольствія играющимъ плавными, бистлыми пассажами. Хорошею чашалъ отличается живостію, и представляетъ нѣсколько пассажей въ октавахъ.

Для болѣе успѣвшихъ учениковъ, которые уже тверды въ гаммахъ и упражненіяхъ, мы назовемъ:

«Variations sur le célèbre duo de l'opéra *Bélisario*, par Hünten, op. 148.

Эти вариации на очень хорошую, и притомъ мало еще употребленную тему, представляютъ въ маломъ видѣ бравурную пьесу, а потому весьма годны для вытверживанія.

Теперь обратимся къ сочиненіямъ, писаннымъ не съ педагогическою цѣлью, и которые, слѣдовательно, годятся для такихъ фортепیانнстовъ, которыхъ нельзя уже назвать учениками, но которые еще не виртуозы.

Trois Mazourkas de salon, par M. Bernard.

Мы не видали никакихъ большихъ сочиненій господина Бернара, но небольшія граціозныя пьески, какихъ онъ напечаталъ нѣсколько въ послѣднее время, такъ милы, и изобличаютъ такой свѣжій и умный талантъ, что мы усердно рекомендуемъ его пьесы. Нельзя написать мазурки, не напоминая Шопена; ритмическая форма ея такъ опредѣленна, и такъ мало допускаетъ измѣненій, что поневолѣ надо рѣшаться на опасность, тамъ и слѣтъ столкнуться съ гениальнымъ авторомъ столькихъ дивныхъ мазурокъ. Господинъ Бернаръ не побоялся этой опасности, и мы ему очень зато благодарны, потому что приобрѣли чрезъ то лишнюю хорошую пьеску. Всѣхъ удачнѣе вторая мазурка *f-mol*. Это прелестная мелодія, вполне вѣрная характеру мазурки.

Adieux mélodieux, par Alexandre Bernard.

Авторъ этой прелестной пьесы, братъ предыдущаго. Тема $\frac{3}{4}$ *fis-mol*, нѣсколько похожая на извѣстную русскую пѣсню, полна чувства, почти страсти. Она впрочемъ производила бы гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, если бы вмѣсто двухъ тактъ голаго акомпанимента, сбивающихъ ритмъ, ей предшествовало бы введеніе, и самая мелодія начиналась бы рѣшительнѣе. Второй части (*fis-dur*), предшествуютъ цѣлые три такта голаго акомпанимента, которые ослабляютъ ее. Впрочемъ эта вторая часть сама-по-себѣ очень хороша; мелодія ея пѣвуча и естественна. Въ заключеніе снова является первая часть, но по-короче, и одушевленнѣе. Пьеса вообще изобличаетъ замѣчательный, но нѣсколько странный талантъ.

Для среднихъ фортепیانнстовъ, не гоняющихся ни за сильными чувствами, ни за серьезною, важною музыкою, и которые довольствуются пріятными для ушей мелодіями, и блестящими эффектными пассажами, приведемъ слѣдующія пьесы:

Divertissement sur des airs favoris de l'opéra Gemma di Vergy par J. Schad, op. 34.

За коротенькою интродукціею новаго покроя, слѣдуетъ прекрасная, одушевленная каватина, щедро усыпанная октавными пассажами, впрочемъ не слишкомъ трудными. Далѣе идетъ короткое, блестящее вводное предложеніе, и послѣ нѣсколькихъ изящныхъ модуляцій, вводитъ во вторую тему, медленную и исполненную чувства. Короткая, драматическая фраза приводитъ наконецъ къ живой темѣ въ ритмѣ вальса, и пьеса кончается блестящими, хотя не слишкомъ трудными пассажами.

Le Bal, rondo brillant, par Osborne, op. 58.

Хорошенькій, живой, не слишкомъ трудный вальсъ, который можно разъ, другой, прослушать съ удовольствіемъ.

Le flâneur, impromptu en forme d'étude, par Charles Doss, op. 67.

Сочиненія Фосса вообще не имѣютъ для насъ ничего привлекательнаго. Его чувствительныя пьески — порожденія ложнаго, кокетливаго сентиментализма, а большія его, оживленныя пьесы, писаны такъ небрежно и такъ нехудожественно, что мы не постигаемъ, какъ такіа жалкія произведенія могутъ пользоваться извѣстностью у нѣкоторой части публики. Но такъ какъ они пользуются извѣстностью, то мы не имѣемъ права не знать ихъ и представляемъ приведенное сочиненіе тѣмъ изъ нашихъ читателей, которымъ понравились прежнія его пьесы и, прибавимъ, что это лучшее изъ новѣйшихъ его сочиненій. *Le flâneur* пошлая, впрочемъ довольно веселая мелодія, съ пошлымъ истасканнымъ аккомпаниментомъ, распределеннымъ на обѣ руки и идущимъ тѣмъ же порядкомъ съ начала до конца всей пьесы. Покрой мелодіи напоминаетъ Гензельта, но въ ней нѣтъ слѣда его поэтической пѣвучести. По нашему мнѣнію — это сочиненіе, какое можетъ написать каждый фортепианистъ, сколько-нибудь набившій руку, если только ему покажется, что его стоить написать. Но пошлость, безъ малѣйшаго стремленія къ разумности, имѣетъ своихъ почитателей; имъ предоставляемъ играть Фоссова *flâneur*.

Искусные виртуозы, можетъ-быть, не безъ удовольствія услышатъ *Grande fantaisie de concert sur Beatrice di Tenda*, par L. Lacombe, op. 20. Эта фантазія написана на извѣстный тальберговскій покрой и посвящена Тальбергу. Первая половина ничтожна; но вторая, съ анданте въ $\frac{12}{8}$, полна мелодіи и представляетъ играющему много удобныхъ случаевъ блеснуть искусствомъ.

Въ послѣднее время и въ концертахъ, и на частныхъ вечерахъ

мы много слышали увертюры и симфоній въ восемь рукъ, на двухъ фортепианохъ. Это доставляетъ много удовольствія слушающимъ, и притомъ очень полезно, какъ упражненіе, приучающее къ соразной игрѣ, съ другими инструментами. Мы обратимъ вниманіе читателей на нѣкоторыя изъ этихъ цѣсей.

Наилучшій эффектъ производилъ:

Симфонія *c-dur*, Моцарта.

Симфонія *g-moll*, его же.

Увертюра изъ Эгмонта, Бетгоvena.

Увертюра изъ Оберона, Вебера.

Всѣ онѣ арранжированы Шмидтомъ.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммисіонера Императорской Библиотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3.)

(Цѣны на серебрѣ.)

GÉOGRAPHIE, STATISTIQUE ET VOYAGES.

- ARNOUT. Excursions aériennes. Collection de vues dessinées d'après nature en ballon et lithographiées à plusieurs teintes. Paris. 1 vol. in-folio. 13 r. 85 c.
- CABETTE et WARNIER. Carte de l'Algérie divisée par tribus. Paris 1846. deux feuilles. 3 r. 50 c.
- COULIER. Atlas général des phares et fanaux à l'usage des navigateurs. Portugal. 1 cahier. in-4. 1 r. 70 c.
- Grèce et les îles ioniennes. 1 cahier. in-4. 2 r. 55 c.
- Mer des Indes. 1re livr. 1 cahier. in-4. 2 r. 55 c.
- DELSBUCK. Visite à la Crèche-modèle et rapport sur les Crèches de Paris. Paris 1846. 1 vol. in-12. avec planches 35 c.
- DELRIBU. Le Rhin, son cours, ses bords, légendes, mœurs, traditions, monuments, etc. Paris 1846. 1 vol. in-12. avec 40 dessins. 1 r.
- MÉDIX. l'Orégon, et les côtes pacifique du Nord. Paris 1846. 1 vol. in-8. avec cartes. 2 r.
- FLANDIN et COSTE. Voyage en Perse. Recueil d'architecture ancienne; bas reliefs, inscriptions cunéiformes et Pehlvis, plans topographiques et vues pittoresques. Paris 1844 à 1846. Livr. 1 à 21. grand in-folio. Chaque livraison à 5 r. 70 c.
- LACROIX. Annuaire de voyage et de la géographie pour l'année 1846. Paris 1846. 1 vol. in-18.

- LE PELLENIER DE SAINT-REMY.** Saint-Domingue. Etude et solution nouvelle de la question Haitienne. Paris 1846. 2 vol. in-8. 4 r. 55 c.
- POURCIN.** Question de l'Orégon. Paris 1846. 1 vol. in-8. 60 c.
- QUÉRYN.** Guide de voyageur en Algérie. Paris 1846. 1 vol. in-18. avec une carte. 1 r. 45 c.
- QUINET.** Mes vacances en Espagne. Paris 1846. 1 vol. in-fol. 1 r. 70 c.
- RICHARD.** Guide de voyageur en Italie. Itinéraire artistique, pittoresque, historique et commercial. 10e édition. Paris 1846. 1 vol. in-18. avec une carte. 2 r. 55 c.
- Manuel du voyageur en Suisse et en Tyrol. Nouvelle édition. Paris 1846. 1 vol. in-12. avec carte et vues. 2 r. 55 c.
- SALVO.** Trois mois à Montmercy. — Lettres d'une dame à la Princesse de *** à Palerme. Paris 1846. 1 vol. in-12. 1 r.
- SAY.** Etudes sur l'administration de la ville de Paris et du département de la Seine. Paris 1846. 1 vol. in-8. 2 r. 50 c.
- SCHWITZLER.** Statistique générale, méthodique et complète de la France comparée aux autres grandes Puissances de l'Europe. Paris 1846. 4 vol. in-8. 8 r. 55 c.

MÉLANGES LITTÉRAIRES ET PHILOSOPHIQUES.

- ALLETZ.** Harmonies de l'intelligence humaine. Paris 1846. 2 vol. in-8. 3 r. 45 c.
- ARMISTE.** Psychologie. Traité de l'âme, traduit en français, pour la première fois, par Barthélémy St.-Hilaire. Paris 1846. 3 vol. in-8. 2 r. 30 c.
- FAURIEL.** Histoire de la poésie provençale. Paris 1846. 3 volume in-8. 6 r. 85 c.
- GENIN.** Des variation du langage français depuis le XIIme siècle. Paris 1845. 1 vol. in-8. 2 r. 15 c.
- GERUZEZ.** Nouveaux essais d'histoire littéraire. Paris 1846. 1 vol. in-8. 2 r. 15 c.
- GRÈCE (la)** tragique chef-d'œuvre d'Eschyle, de Sophocle et d'Euripide, traduite en vers avec notices par Halevy. Paris 1846. 1 vol. in-8. 2 r. 15 c.
- KANT.** Critique du jugement, suivie des observations sur le sentiment du beau et du sublime, ouvrage traduit de l'allemand par Barni. Paris 1846. 2 vol. in-8. 3 r. 70 c.
- LAO-TSEU-TAO-TE-KING.** Le Livre de la loi et de la Vertu composé dans le VIe siècle avant l'Ère chrétienne. Par le philosophe Lao-Tseu, traduit en français, et publié avec le texte Chinois et un commentaire perpétuel. Paris 1842. 1 vol. grand in-8. 3 r. 60 c.
- WANDER.** La Glaive suédoise ou la lutte de nos ancêtres Scandinaves contre

- le Christianisme, ouvrage traduit du Suédois et annoté par Leou-
zou Le-Duc. Paris 1846. 1 vol. in-8. 1 r. 70 c.
- MAVAISON. Essai sur la métaphysique d'Aristote. Paris 1837. 2 vol. in-8.
5 r. 70 c.

POÉSIES. THÉÂTRE.

- BIBLIOTHÈQUE dramatique. — Pièces nouvelles. Paris 1844. Livraisons 1 à
7, pour 10 livr. 1 r. 70 c.
- BONAPARTE (Mme A.). Batildo. Reine des Francs. Poème en 12 chants.
Paris 1846. 1 vol. grand in-8. avec portrait. 2 r.
- CHEF-D'OEUVRE poétiques des dames françaises depuis le XIIIe siècle jus-
qu'au XIX. Paris 1841. 1 vol. in-12. 1 r.
- SURMONT. Oeuvres dramatiques. Paris 1846. 4 vol. in-8. 8 r. 55 c.
- MARCONNAIS. Les Larmes de Magdeleine : Poésies. Paris 1844. 1 vol.
in-8. 1 r.
- NUMERUS (les) d'or, par un croyant. Paris 1845. 1 vol. in-18. 60 c.
- ORTOLAN. Enfantsines-Moralités. Paris 1845. 1 vol. in-12. 1 r.
- PETIT-SENN. Bluettes et boutades. 2me édition. Paris 1846. 1 vol. in-12.
85 c.
- POÈTES (les) Russes, traduits en vers français par le Prince Mestchersky.
Paris 1846. 2 vol. in-8. 4 r.
- PROVERBES-CHARADES. Paris 1838. 1 vol. in-8. 1 r.
- SEBALAS (Mme). Enfantsines, poésies à ma fille. 3me édition. Paris 1846.
1 vol. in-12. 1 r. 15 c.
- TASSE (le). La Jérusalem délivrée, traduite en vers français avec le texte
Italien en regard, par Tanuay. Paris 1846. 2 vol. in-8. 4 r. 55 c.
- WIERS. Le Livre des Croyances. Paris 1845. 1 vol. in-12. 1 r.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ [Малой Мор-
ской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро.)

Пьесы для флейты.

- BRICCIALDI. Fantaisie pour la flûte avec piano sur l'opéra Dom Seba-
stien. op. 24. (1 r. 72 c.). Fantaisie sur une chanson populaire pour
la flûte avec piano. op. 25. (1 r. 43 c.). La Styrienne. Morceau de
concert avec piano. op. 29. (1 r. 15 c.). Nocturne, avec piano, op. 32.
(1 r. 43 c.). Duo concertant pour piano et flûte sur l'opéra: I duo

Fossati. op. 33. (2 r. 29 c.). Divertissement sur des motifs de Giovanna d'Arco, opéra de Verdi. op. 34. (2 r.).

DIABELLI. Productionen im häuslichen Freundschaftskreise für Flöte mit Piano: № 56. 57. Schubert, Mélodies, 2 Livraisons (chaque 1 r. 43 c.). № 58. Baille, Overture de l'opéra: Les quatre fils d'Haymon. ((1 r. 15 c.). № 59. 60. 61. 62. Quatre potpourris de l'opéra: Les quatre fils d'Haymon (chaque №. 1. r. 43 c.). № 63. 64. 65. 66. Quatre potpourris de l'opéra: la fille du regiment (chaque №. 1 r. 43 c.).

FORDE. Douze mélodies italiennes pour piano et deux flûtes, 12 тетради, каждая (50 к.).

FRISCH. Fantaisie et variations pour la flûte avec piano. op. 20. (1 r. 72 c.).

HALBY. Overture de l'opéra: Les mousquetaires de la Reine; arr. pour deux flûtes. (1 r.).

— Les mousquetaires de la Reine. Opéra comique, arr. pour deux flûtes; 3 тетради, каждая (1 p. 72 к.).

— Le même opéra arr. pour la flûte seule. 2 тетради, каждая (1 p.).

JANSA. Der junge Opernfreund. Mélodien für die Flöte mit Piano. № 21. Templario. (85 c.). № 22. Alessandro Stradella. (85 c.). № 23. Die Zigeunerin. (85 c.). № 24. Buryauche. (85 c.). № 25. Ernani. (85 c.).

POLKAS nationales pour deux flûtes. (1 r. 43 c.). pour la flûte seule. (1 r.).

REMUSAT. Album du jeune flûtiste. Six airs variés pour la flûte seule. (1 r. 15 c.).

STRAUSS. Walzer für die Flöte mit Piano. op. 184. 185. 186. (каждый 85 к.).

TULOU. Ilme grand solo pour la flûte avec accompagnement de Quintour. op. 93. (2 r. 29 c.).

— Ilme grand solo avec piano. op. 93. (2 r.).

WALCKIERS. Fantaisie sur «les mousquetaires de la Reine» opéra d'Halevy, pour la flûte avec piano. op. 84. (2 r. 29 c.).

DIABELLI. Der musikalische Gesellschafter in einsamen Stunden. Periodisches Werk für die Flöte. № 69. Lucia di Lammermoor. № 72. Mélodies de Schubert. № 75. Nabucodonosor. № 76. Don Pasquale. № 77. Maria di Rohan. № 78. Les quatre fils d'Haymon (каждый № 1 p. 15 к.).

Новые танцы для фортепиано.

LES FLEURS album de danses pour l'année 1847 pour le piano. № 1. Canal Tancrède's Schützen. Walzer. 20. Quintet. Fantasia.

- de Gopée, Contredances françaises. № 3. Strauss. Epionen—Tänze. Walzer. № 4. Wallenstein, Amoretten—Polka. № 5. Bernard. I Lombardi, contredance. № 6. Lédandre. Mazurka d'après l'opéra: La fille du régiment. № 7. Lumbge. Galop de champagne. № 8. Levitsky. Polka tremblante. № 9. Mazurka favorite de Varsovie. № 10. Levitsky. Polka-Mazurka. № 11. Camstel. Galop favori de Jeanu Bied. № 12. Lacarpentier. La Rédowa. — Это большое издание содержит въ себѣ выборъ лучшихъ и новѣйшихъ танцевъ. (3 р.).
- BERNARD.** Souvenir de Mme de Giulii Borsi. Grande valse d'après les opéras: I Lombardi et Maria di Rohan (съ портретомъ этой знаменитой пѣвицы на заглавномъ листѣ). (1 р.).
- GUNGL.** Gambrius-Polka. op. 56. (40 с.). Elfen-Quadrille. op. 57. (60 с.). Terpsichorens Schwingen. Walzer. op. 58. (85 с.). Reminiscenzen musicales. Potpourri. op. 61. (1 т. 72 с.). Frühlings-Feier. Galop. (50 с.). Maiblümchen. Galop. (30 с.).
- LABITZKY.** Seelen-Spiegel. Walzer. op. 126. (85 с.). Posthof-klänge. Drei Polkas. op. 127. (72 с.). Mazurka. op. 128. (43 с.). Esterhazy-Walzer. op. 129. (85 с.). Carlsbader Sprudel-Galop. op. 131. (58 с.).
- МЕССИНГЪ.** Москва-Чаринникъ. Любимая полька (40 к.).
- ОСИПОВЪ.** A la guerre. Quadrille militaire. (60 с.).
- STRAUSS.** Anna-Quadrille. (60 с.).
- Concert-Souvenir Quadrille. op. 187. (60 с.). Die Vorläufer. Walzer. op. 189. (85 с.). Zigeunerin-Quadrille. op. 191. (60 с.). Familien-Galop. op. 193. (85 с.). Die Unbedeutenden. Walzer. op. 195. (85 с.).

Новые романы.

- АЛЪБЪЕВЪ.** Лучъ надежды. (40 к.). Пѣсьи бѣдняка. (40 к.). Цѣлтокъ. (40 к.).
- БАХМЕТЕВЪ.** Моему идеалу. Романсъ. (50 к.).
- БЕРНАРДЪ.** «Ахъ ты доля, моя доля». Романсъ. (60 к.).
- ВАРЛАМОВЪ.** Жарко въ небѣ солнце гѣтнее. Пѣсня (70 к.). Черны очи, романсъ. (85 к.). Слезы умиленія. Романсъ. (50 к.).
- Пѣсня «Соловьямъ залетнымъ, юность пролетѣла», слова Кольцова. (50 к.). Съ тайною тоскою, романсъ. (50 к.).
- ГЕРТМАНЪ.** Выборъ. Романсъ. (50 к.).
- ГУРМЛЕВЪ.** Сердце игрушка. Пѣсня. (40 к.). Магуина голубушка. Пѣсня. (40 к.). Воспоминаніе. Романсъ. (40 к.). Выпивошья вѣжина. Ро-

чанск. (40 к.). Съ тоской и радостью я гляжу. Романск. (40 к.). Отрадливо, романск., слова Лермонтова. (50 к.).

ДЕРЖАВИТЬ. Имя умиль почвае разлуки. Романск. (40 к.).

ГОДАМУСЪ. Забылись все! Романск. (40 к.). Потушили меня: Песня. (40 к.).

ТОЛСТОЙ. Русланъ. Романск. (40 к.). Т... Жалоба. (40 к.).

(Выписывающіе почт. на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодой этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кромѣ бы они ни были издаваемы иначе).

Въ томъ же магазинѣ вышла четвертая тетрадь «Музыкалиста», которая содержитъ въ себѣ: *Ouvroir, Marche caractéristique.* — Неплюкъ, *Adance, mélodie.* — Heller, *Fenillet d'album.* — Littolff, *Moment de tristesse.* — Wolff, *Polonaise.* — Bernard, *Polka-mazurka.* — Duvernoу, *Souvenir d'Italie. Fantaisie.* — Beyer, *Trois petites rêveries.* — Голосевскій, Романск. — Masini, *Gabrielle et Marie. Mélodie.* Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50-коп. серебромъ).

=

МОДЫ.

Весеннія шляпки показались по-прежнему маленькія; сборчатая поля округлена у подбородка; убираютъ ихъ очень легко бантами лентъ одинакаго цвѣта съ матеріей шляпки; внутренняя часть полей подбита прозрачнымъ тюлемъ; нижніе банты перемѣшиваются также съ тюлемъ. Очень хороши шляпки: бѣлыя, убранныя бѣлыми перьями съ подколотыми внизу полей серизовыми бантами; фіолетоваго цвѣта гласе, убранная также фіолетовымъ перомъ съ черными крапинками, внизу подколоты, пестрой зелени бархатные виноградные листья; пепельнаго цвѣта гласе убранныя очень легко лентами того же цвѣту; внизу полей подколоты банты серизовыхъ бархатныхъ лентъ, перемѣшанныя съ бѣлымъ тюлемъ; сѣренькія гласе, убранныя той же матеріей съ тюлемъ или очень нѣжнымъ кружевомъ; къ этимъ шляпкамъ очень красивы внизу полей ленты пунцовая пу-де-соа съ атлас-

ныни. Вообще серизовые, красныя и малиновыя ленты въ большомъ употребленіи и можно предвидѣть, что онѣ будутъ предпочтены всѣмъ другимъ для отдѣлки соломенныхъ шляпъ. Фасоны мантилій видны двухъ родовъ: круглыя, украшенныя выстѣченными оборками той же матеріи и, маркизы съ прямыми длинными впереди концами, украшенныя кружевомъ; цвѣты: малиновый и яхонтовый чрезвычайно красивы для мантилій пуде-соа, атласныхъ и бархатныхъ.

Много видно шарфовъ; но преимущественно хороши по темному грунту съ яркими атласными полосами или клѣтками; черныя атласныя съ затканными бортами китайскаго узору очень яркихъ цвѣтовъ, превосходны и считаются рѣдкими. Платья убираютъ по ббльшей части впереди; но нѣтъ ничего новаго, ни особенно примѣчательнаго; все, или пуговицы металлическія, стеклянныя, или нѣсколько рядовъ узенькихъ бархатныхъ ленточекъ; иногда встрѣчаются превосходной работы въ родѣ кружева аграманты или кружева бѣлыя или черныя, смотря по цвѣту матеріи платья; нашивается это, то прямо вдоль средины передняго полотнища юбки, то въ два ряда; тогда уборки этого роду къ подолу расходясь отстоять одна отъ другой на четыре или пять вершковъ не болѣе; корсажи все закрытыя, шиппы дѣлаютъ не такъ длинныя и больше круглыя; кушаки съ пряжками еще не оставляютъ; оборки, бѣд, прямыя складки всё-еще въ употребленіи и постоянно нравятся.

=

20

